

Л. С. Хейфец, В. Л. Хейфец

КОМИНТЕРН И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

ЛЮДИ, СТРУКТУРЫ, РЕШЕНИЯ

УДК 94(47+8-6)
ББК 63.3(2+70)
Х35

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 18-19-00211, не подлежит продаже*

Авторский коллектив:

*доктор исторических наук, профессор СПбГУ Л. С. Хейфец,
доктор исторических наук, профессор РАН и СПбГУ В. Л. Хейфец*

Х35 **Хейфец В. Л., Хейфец Л. С.**

Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения / В. Л. Хейфец, Л. С. Хейфец. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 758 с.

ISBN 978-5-8243-2260-6

В монографии анализируются характер и эволюция организационных связей между Третьим (Коммунистическим) Интернационалом и его национальными секциями в Латинской Америке, деятельность центральных и региональных структур Коминтерна в решающее для становления компартий десятилетие, 1919–1929 гг. Особое внимание уделено деятельности эмиссаров Коминтерна, Профинтерна и КИМа в различных странах Латинской Америки и их роли в создании и эволюции левых партий. Подробно исследована взаимосвязь между деятельностью советских дипломатов и отдельных компартий. Монография является результатом многолетней работы авторов в российских и зарубежных архивах.

УДК 94(47+8-6)
ББК 63.3(2+70)

ISBN 978-5-8243-2260-6

© Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Историографические и архивно-документальные аспекты изучения деятельности Коминтерна и его латиноамериканских секций (1918–1929)	16
1.1. Историография связей III Интернационала и латиноамериканского революционного движения	16
1.2. Источниковедческие проблемы исследования связей III Интернационала и коммунистического движения Латинской Америки	49
Глава 2. Коминтерн приходит в Латинскую Америку	73
2.1. Поездка Михаила Бородина в Мексику – первая миссия Коминтерна в Латинской Америке	73
2.2. Деятельность Латиноамериканского бюро III Интернационала	90
2.3. Начало систематической работы по формированию региональных структур Коминтерна	93
2.4. Деятельность Панамериканского бюро (Американского агентства) Коминтерна	101
2.5. Деятельность Бюро Коммунистической пропаганды для Южной Америки	128
Глава 3. Начало перестройки системы организационных связей III Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением	149
3.1. V конгресс Коминтерна и проблемы Латинской Америки	151
3.2. Формирование и первые шаги Южноамериканского секретариата Коминтерна	156
3.3. Шестой пленум ИККИ. Реорганизация аппарата III Интернационала и ее последствия для руководства Коминтерна коммунистическим движением Латинской Америки	169
3.4. Роль Рабочей (Коммунистической) партии Америки в коммунистическом движении Латинской Америки	182
3.5. Взаимоотношения ЮАСКИ с руководством Коминтерна после Шестого пленума ИККИ	213
3.6. Начало работы Коминтерна в Перу; Москва и В.Р. Айя де ла Торре	223
Глава 4. Формирование коммунистических партий в Латинской Америке между IV и VI конгрессами Коминтерна	242
4.1. Коминтерн и формирование компартии Кубы	242
4.2. Коминтерн и формирование компартии Колумбии	281
4.3. Коминтерн и формирование компартии Парагвая	312

4.4. Коминтерн и формирование Коммунистической партии Эквадора	329
4.5. Коминтерн и начало венесуэльского коммунистического движения	349
Глава 5. Деятельность Южноамериканского секретариата Коминтерна (1925–1928)	368
5.1. Работа ЮАСКИ под руководством Х. Пенелона (1925–1927)	368
5.2. Коминтерн «ревизует» деятельность ЮАСКИ: начало миссии Вильямса в Южной Америке	389
5.3. Участие Вильямса в работе ЮАСКИ и компартий региона	404
5.4. Южноамериканский опыт эmissара Коминтерна и переоценка Вильямсом фигуры Пенелона	414
5.5. «Джон рассердился». Кризис в компартии Аргентины и рождение «пенелонизма»	438
5.6. Реорганизация ЮАСКИ (1928) и борьба Коминтерна за преодоление кризиса в компартии Аргентины	477
Глава 6. «Открытие Америки» Коминтерном (1927–1928)	498
6.1. Празднование 10-летия Октябрьской революции и развитие латиноамериканского революционного движения	498
6.2. Дискуссия в Коминтерне о проблемах революционного движения Латинской Америки	517
6.3. VI конгресс Коминтерна и совершенствование организационных связей III Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением	533
Глава 7. Первая конференция компартий Латинской Америки.	568
7.1. Подготовка и проведение Первой конференции компартий Латинской Америки	568
7.2. Изменения в структуре и составе аппарата ИККИ на латиноамериканском направлении его деятельности	618
7.3. Подготовка активистов в кадровых школах Коминтерна	650
Заключение	672
Библиография	694
Список сокращений	743
Указатель имен	747

ВВЕДЕНИЕ

Политической истории известны многочисленные попытки создания международных организаций или сообществ с различными целями и разной идеологией. Непохожей была и их судьба. Одни успешно действовали долгие годы, другие появлялись и исчезали, не оставив заметного следа в истории. III, Коммунистический, Интернационал (Коминтерн), казалось бы, должен относиться ко второй категории. Всего 24 года отвела ему историческая реальность. Но вот уже более половины века вновь и вновь к его деятельности возвращаются историки. И в результате этих исследований обнаруживаются новые факты, возникают новые оценки.

История III Интернационала (Коминтерна) и его контактов с национальными секциями до сих пор остается одной из лапуч международных историографии. Хотя взаимоотношения Коминтерна (КИ) и коммунистического движения Латинской Америки (на примере тех или иных стран) относятся к числу проблем, подвергшихся масштабному исследованию отечественных и зарубежных специалистов, отсутствуют работы, подробно рассматривающие связи Интернационала с левым движением стран региона. Изданные монографии и статьи ограничиваются анализом и освещением тех или иных аспектов данной проблемы либо базируются только на отдельных документах, что, естественно, создает искаженную картину воздействия Интернационала на эволюцию левого движения Латинской Америки, а исследования нередко выстраиваются на неподтвержденных догадках и предположениях.

Коминтерн был уникальной международной организационной структурой, «объединением коммунистических партий в единую пролетарскую партию»¹, строившей свою деятельность на принципах демократического централизма. Перенесение большевистского опыта создания и функционирования политической партии в одной стране во всемирную плоскость радикально меняли все привычные механизмы. Даже в масштабах Советской России (СССР), где партийный и государственный аппарат параллельно решали одни и те же задачи, когда для воплощения в жизнь партийных задач могли быть

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. М.: Л., 1925. Ч. II. С. 89.

мобилизованы все ресурсы государства, механизм централизованного управления давал сбой. Для руководства всемирной структурой тем более требовался великолепно отлаженный управленческий механизм, предельно четко организованный и отлаженный.

Одним из мифов марксистской историографии являлся постулат о стройной научной теории, лежавшей в основе организационного построения III Интернационала, утверждение о том, что «Ленин и Коминтерн вооружали коммунистические партии научными организационными принципами». Одной из доминант этого подхода был тезис, подчеркивающий, что Коммунистический Интернационал «являлся такой организационной формой объединения коммунистов, которая была целесообразна в конкретных условиях того времени» и выражала «закономерное стремление коммунистов к установлению союза своих партий, оформленного в единую международную организацию», что под руководством В.И. Ленина в Коминтерне сложилась стройная система взаимоотношений национальных отрядов международного коммунистического движения, построенная на опыте коллективной практической работы компартий¹.

Стремление обосновать этот принцип требовало серьезных усилий для постоянного отпора «клеветническим домыслам антикоминтерновских историков, извращающих сущность взаимоотношений Коминтерна, ВКП(б) и братских партий»². При этом умолчанию в литературе был как раз анализ организационной структуры III Интернационала, характера и принципов международных связей национальных секций «единой пролетарской партии» с ее штаб-квартирой в Москве и между собой. Принципы взаимоотношений оценивались избирательно и декларативно. В одной из типичных для того времени статей отмечалось: «...складывание организационной структуры Коминтерна на основе демократического централизма отражало... потребности интернационального сплочения, централизации усилий коммунистических партий... такое построение его организации способствовало эффективному обмену революционным опытом, глубокому усвоению принципов марксизма-ленинизма, исторического опыта большевизма, ускоряло процессы формирования, идейно-организационного укрепления партий нового типа во всех странах. Но если в первом Уставе Коминтерна был сделан акцент на централизм в структуре международной организации, что

¹ Александров В.В. Традиции Коминтерна // Рабочий класс и современный мир. 1979. № 2. С. 5–6; Колесников С. Вклад КПСС в развитие межпартийных отношений в Коминтерне на основе пролетарского интернационализма (1924–1926 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1979. № 8. С. 17.

² Там же.

вызывалось особенностями начального периода складывания союза компартий, то последующие конгрессы дополняли и развивали диалектическое сочетание централизма и демократии»¹.

Вся организационная деятельность Коминтерна рассматривалась в советской литературе как успешная, построенная на научной основе. При этом практически не исследовались механизм взаимоотношений руководства международной компартии и её национальных секций, схема функционирования аппарата, эволюция организационной структуры Коминтерна и взаимосвязь ее перестройки с политическими и идеологическими процессами, происходившими в международном коммунистическом движении и на «родине мирового пролетариата» – в СССР.

В какой-то мере Коминтерн можно сравнить с Ватиканом, стремившимся из одного центра направлять и контролировать деятельность католической церкви, требовавшим дисциплины, абсолютного подчинения от всех исповедовавших католичество в вопросах веры и строгого соблюдения субординации на всех ступенях церковной иерархии. Если что-то радикально отличает Ватикан от Коминтерна, так это отсутствие принципа «выборности снизу доверху», и то это очень условное различие. Верховный понтифик избирается конклавом, и такой принцип выборности соблюдается неукоснительно, а в Коминтерне этого придерживались далеко не всегда, да и правила менялись иногда на ходу. Аналогия уместна еще и потому, что складывалась структура этих столь далеких друг от друга организаций не на основе какого-то строгого плана, а эмпирически, методом проб и ошибок, что приводило к серьезным проблемам в действиях организации в целом и на уровне отдельных стран.

И Ватикан, и Коминтерн стремились к созданию новой цивилизации, считая их зарождение началом новой эры в истории человечества. Христианство начинает отсчет с Рождества Христова. Коммунистическая цивилизация – с Великой Октябрьской социалистической революции. Как считал С. Хантингтон, Россия, пытаясь распространить пролетарскую революцию на весь мир,шла идеальное решение проблемы отставания от Запада, став «воплощением не отсталого азиатского прошлого, а прогрессивного советского будущего. На самом деле революция позволила России перепрыгнуть Запад, отличиться от остальных не потому, что «вы другие, а мы не стаем как вы», как утверждали славянофилы, а потому, что «мы другие и скоро вы станете, как мы», что провозглашал Коммунистический Интернационал. В большей части Запада превалировала марксист-

¹ Там же.

ская перспектива: коммунизм и социализм рассматривались как веяние будущего и в той или иной форме радостно воспринимались политическими и интеллектуальными элитами»¹.

Для значительной части адептов коммунистической цивилизации восприятие идей большевистской революции лежало в эмоциональной сфере, как и учение Христа для христиан. Ватикан создал мировую структуру католической церкви, механизм, позволяющий управлять сотнями миллионов верующих. III Интернационал был призван для распространения влияния новой идеологии и создания нового мирового устройства во главе с пролетариатом и его авангардом – коммунистическим движением. Неофиты нового учения «обладали такими качествами, как способность к борьбе, непримиримость к социальному злу, стремление к организованности, чувство единства, пролетарской гордости, особенно классовое чувство... Мы не были постоянными марксистами. Марксизм пришел в СРП² со временем, благодаря изучению книг, поступающих из Европы, благодаря установлению международных связей, поездкам товарищей за границу и сотрудничеству с Коммунистическим Интернационалом», – отмечал видный чилийский коммунист Э. Лаферте³. Если такая ситуация существовала в Чили, где социалистическая партия, входившая во II Интернационал, испытывавшая сильное влияние европейского марксизма, полностью, не пережив раскола, перешла на позиции Коминтерна, то путь интеграции в мировое коммунистическое движение для других латиноамериканских радикальных революционных групп, объединявших сторонников Октября, был намного сложнее и терпестее.

Исследование взаимоотношений коммунистических партий и групп Латинской Америки с III Интернационалом помогает понять, в сравнении со сложившимися представлениями, увидеть всю историю революционного движения континента. В настоящей монографии делается попытка проанализировать на принципиально новой основе формирование и эволюцию организационных и идейных связей Коминтерна и его латиноамериканских секций в первом десятилетии деятельности мировой коммунистической партии. Доступные ныне исследователям фонды Российского государственного архива социально-политической истории, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, мексиканских и американских архивов по-

¹ Хэнтингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 214–215.

² Социалистическая Рабочая партия Чили.

³ Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961. С. 83–84.

зволяют подвести под работы историков солидную документальную базу, с тем чтобы на её основе подтвердить либо опровергнуть концепции и схемы, долгое время доминировавшие в историографии. Тщательное изучение огромного массива документов, не доступных ранее исследователям, дает возможность ввести в научный оборот неизвестные прежде факты взаимоотношений Коминтерна с его латиноамериканскими секциями, показав механизм и степень воздействия всемирной компартии на левое движение стран континента и выявив различные формы данного воздействия.

Любое претендующее на достоверность исследование левое (коммунистическое) движение в межвоенный период невозможно без включения его в международный контекст, что подразумевает не только изучение собственно внутрипартийных событий, но и требует анализа воздействия, оказанного Коминтерном, являвшегося «социологически единым феноменом... организацией, требовавшей абсолютной верности, дисциплинированной преданности от своих секций»¹. Сами лидеры левых не особо скрывали факт отношений с всемирной компартией, поясняя, что их история «тесно связана с историей международного коммунистического движения, интегральной частью которого мы являемся»². Это, впрочем, не отменяет того факта, что на протяжении первого периода существования Интернационала данная структура еще не стала централизованной, абсолютно дисциплинированной и допускала возможность дискуссий по существенным вопросам.

Вопрос о степени воздействия Коминтерна на руководство Коммунистической партии Мексики (КПМ) и левое движение отдельных стран континента подразумевает необходимость выяснить, что в его развитии являлось автохтонным, а что было привнесено извне. Важно также исследовать характер взаимоотношений между различными левыми группировками и партиями Западного полушария, прежде всего с Коммунистической партией США, которой III Интернационал поручил «курировать» «братские партии» в Латинской Америке. Эти контакты были весьма тесными на протяжении первых десятилетий существования компартий в регионе, кроме того, ряд членов КП США непосредственно участвовали в работе руководящих органов некоторых компартий Латинской Америки и играли существенную роль в разработке ее важнейших решений.

Речь идет о восприятии истории левое движение не только посредством изучения его политических деклараций, программы,

¹ Anderson P. *Communist Party History* // Samuel R. (ed.). *People's History and Socialist Theory*. L., 1981. P. 150.

² Martínez Verdugo A. *Trajectory and perspectives*. México, 1977. P. 16.

структуры и внутренних организационных перемен, но и путем выяснения его места в политической и социальной действительности страны. Важно выявить происхождение политических и организационных тенденций левого движения, поскольку, как отмечал выдающийся французский социолог М. Дюверже, «все партии испытывают сильнейшее влияние своего происхождения, подобно тому, как люди всю жизнь несут на себе печать своего детства»¹.

Иначе говоря, необходимо понять, стало ли воздействие со стороны III Интернационала абсолютно чужеродным фактором в истории левого движения тех или иных латиноамериканских стран или же создание и деятельность национальных секций Коминтерна являлось процессом, в котором рост влияния коммунистов в обществе стер границы между международной и национальными сторонами своего развития. Учитывая, что коммунистическое движение, сформировавшееся в Латинской Америке в 1919–1929 гг., во многом опосредовалось идеологией, привнесённой из Европы, а не на постулатах местных революций (из которых важнейшей, по не единственной была мексиканская революция 1910–1917 гг.), перед исследователями стоит задача определить, правы ли те, кто полагает, что компартии «являются продуктом трансплантации большевистской модели в социально-политическую обстановку, совершенно отличную от российской действительности... представляют собой разрыв с традициями и революционным опытом каждой конкретной страны, между тем как большевистская партия являлась итогом плодотворного усвоения российских революционных традиций... Теория и практика компартий не отвечают ни национальным условиям, ни международной обстановке, отсюда и слабость, демонстрируемая ими с первого же момента, их неспособность выполнить великую задачу»².

Представляется неприемлемым редукционистский подход исследователей-антикоммунистов, стремящихся свести историю левого движения к истории некритического восприятия любых директив из Москвы и отказывающихся компартиям в какой-либо степени самостоятельности. Важно выяснить, какие решения Коминтерна были приняты, а в каких случаях политика и директивы III Интернационала охотно воспринимались местными левыми, исследуя обстоятельства, объясняющие это совпадение интересов в каждом конкретном случае. Необходимо также понять, в каких случаях внутриполитические и социальные процессы в латиноамериканских государствах предвещали политику Коминтерна, поскольку международное коммуни-

¹ Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 22.

² Claudin F. The Communist Movement: From Comintern to Cominform. Harmondsworth, 1975. P. 15.

стическое движение никогда не было абсолютно однородным и его национальные секции в определенной степени восприняли национальную специфику и традиции собственных стран.

Традиционный граммшианский подход к изучению левого движения предполагает не столько описание внутренней жизни политических организаций с момента ее зарождения и идеологической полемики, в результате которой формировалась идеология движения, сколько интегрирование истории партии в историю всего общества¹. Подобным образом ставит вопрос и один из ведущих марксистских интеллектуалов современности – британско-американский социолог и политолог П. Андерсон, указывающий на необходимость увязывать эволюцию национальных моделей коммунизма с историей «общенационального баланса сил» (классов, партий и государственных институтов) в каждом конкретном обществе. Иначе говоря, понимание левого движения возможно лишь в контексте социально-экономической и политической обстановки, в которой оно действует.

В то же время предложенный А. Грамши и П. Андерсоном подход явно не годится для большинства европейских стран, где левое и коммунистическое движение не стало результатом развития предшествующих традиций рабочего движения. Проследить глобальную эволюцию латиноамериканского общества и сопоставить с ней эволюцию левого движения тех или иных стран региона тем более является бессмысленным делом, поскольку на протяжении ряда лет логика развития компартии и Коминтерна требовала именно адаптации местных левых под универсальные стандарты Интернационала.

Кризис международного коммунистического движения, напрямую связанный с распадом Советского Союза и уходом с политической арены КПСС, привел к тому, что оно перестало существовать как цельная система контактов, взаимоотношений и действий марксистско-ленинских организаций. Произшедшая в конце XX в. смена эпох и парадигм вызвала к жизни необходимость пересмотра всей истории и традиционной линии коммунистов. Потеряв идеологическую, материальную, организационную поддержку со стороны СССР

¹ «Очевидно, что необходимо учитывать социальную группу, выражением и самой передовой частью которой является данная партия. В целом история партии не может быть меньше, чем история определенной социальной группы. Но эта группа не изолирована, у нее есть верные друзья, противники, враги. Лишь из сложной картины социального и государственного развития (а часто и в международном контексте) появится история определенной партии... партия может обладать большим или меньшим значением, но именно в той степени, в которой ее конкретная деятельность была важна для определения истории своей страны». Gramsci A. Notas sobre Maquiavelo, sobre política y sobre el Estado moderno. P. 46. Цит. по: Michelle Díaz L. La Internacional Comunista y su sección mexicana. México, 1985. P. 3.

и страп социалистического блока, одни компартии видоизменились и по форме, и по содержанию, отказавшись от идеологии марксизма-ленинизма и даже от собственного названия, сумев пайти для себя новую пищу в политическом спектре; другие были оттеснены на обочину политической жизни своих страп. Глобализация меняет всю структуру общественного развития, формирует иные, чем прежде, политические и идеологические тенденции. В Латинской Америке попытки определить свое место на политической арене в принципиально иных условиях привели левые силы к поиску новых форм единства, одну из которых, «социализм XXI века», предложил перкоммунист, а перационалист левого толка президент Венесуэлы У. Чавес. На глазах меняется весь образ мыслей и поведения политических сил разного направления. Поэтому, говоря в настоящее время о ситуации в Латинской Америке, необходимо учитывать историю III Интернационала, его влияния на латиноамериканское коммунистическое движение; извлечь из нее по мере возможности политические уроки.

Настоящая монография охватила чуть более чем десятилетний период в истории левого движения Латинской Америки (1918–1929). Эти годы стали периодом формирования коммунистических партий и групп в большинстве страп континента, в каждой из которых создание коммунистических организаций обладало своими особенностями и было связано со спецификой социально-политического положения, характером революционного движения, способами идейно-организационного влияния III Интернационала и его региональных органов.

В 1918–1929 гг. сформировалась и упрочилась система организационных связей компартий с Коминтерном и аффилированными с ним международными организациями [Профинтерн, Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ), Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Крестинтерн, Межрабпом, Международная лига против империализма и за национальную независимость (Антиимпериалистическая лига) и т. д.]. Левые группировки наладили различные формы связи между собой, а также с американскими и европейскими коммунистами и профсоюзами. Конечно же, система контактов между Москвой и национальными секциями не была «застывшей», руководство III Интернационала паходилось в процессе постоянного поиска наиболее эффективных, с его точки зрения, структур по руководству латиноамериканским коммунистическим движением и по формированию региональных органов для организации и координации деятельности национальных секций непосредственно в Латинской Америке.

За своеобразные границы авторы настоящей монографии решили взять январь 1918 г. – время основания Интернациональной со-

циалистической партии Аргентины (пытавшейся играть роль своеобразного «континентального Интернационала») и 1929 г. – время проведения Первой конференции компартий Латинской Америки. В 1929 г. фактически завершился «романтический» период развития III Интернационала и начался переход к «бюрократическому» этапу, вызвавшему к жизни «сталинизацию» всемирной компартии. С этого момента в Латинской Америке начинает складываться система прямого вмешательства руководящих органов III Интернационала в процесс формирования и реорганизации левых партий на принципах «большевизации».

Эта монография – не история левого движения континента, написание которой пока остается мечтой авторов. Читателю предлагается анализ связей между левыми Латинской Америки и Коммунистическим Интернационалом.

Напомним, что большинство исследователей рабочего и левого движения традиционно подчеркивают роль политической верхушки компартий, их общепартийных и местных лидеров. Конечно, подобная институционалистская перспектива требует фактического изучения левого движения в рамках логики развития его организаций, внутренней борьбы и концентрирует основное внимание на руководителях движения, при этом уделяется гораздо меньше внимания событиям локальным. В то же время нельзя забывать, что именно для левых перемены в высшем эшелоне руководства компартии (а в международном плане – и в штаб-квартире Коминтерна), являвшиеся результатом как идеологической, так и политической борьбы, часто оказывались основой для последующего изменения партийной тактики. Вся история III Интернационала демонстрирует: случаи расхождения между политикой лидеров всемирной коммунистической партии и мнением ее партийных секций были не столь уж редки; однако выстраивание механизма принятия решения снизу (от уровня местных организаций до уровня международного руководства) выглядело практически нереальным. В монографии впервые в отечественной и зарубежной историографии дается комплексный анализ проблем зарождения и эволюции связей III Интернационала и коммунистического движения Латинской Америки, создания континентальной модели всемирной коммунистической партии на протяжении первых десяти лет деятельности Коминтерна – исторического периода, имевшего особое значение для формирования и становления компартий региона. Исследование базируется на значительном комплексе ранее не доступных архивных материалов (документов Коминтерна и его партийных секций, международных организаций, действовавших под эгидой и контролем III Интернационала). Авторы сделали попытку сравнить эти документы с опубликован-

пыми ранее материалами, мемуарами, научной литературой, что позволило подтвердить или опровергнуть многие оценки и характеристики, долгое время доминировавшие в научной литературе и пропагандистской деятельности Коминтерна, развеять многочисленные мифы, вошедшие в историографию международного коммунистического движения вообще, но в первую очередь его латиноамериканской составляющей. Надеемся, что читателям окажутся интересными многие малоизвестные и не известные прежде факты истории международного коммунистического движения, и выстроенная в результате исторической реконструкции подлинная картина событий в контексте рассматриваемой проблемы. История никогда не обходится без исторических персонажей, не случайно и на страницах монографии немало место уделено выяснению реальной роли тех или иных людей, занимавших ключевые позиции в левом движении Латинской Америки.

* * *

Монография обобщает многолетние исследования авторов, которые принадлежат к разным поколениям историков. И было бы несправедливым не вспомнить, что эта тема была предложена старшему из нас нашими Учителями – И.М. Кривогузом и Ю.В. Егоровым. В значительной мере это на долгие годы определило нашу научную судьбу.

Выражаем глубокую признательность за постоянное внимание, доброжелательное отношение и помощь в работе действующим и бывшим сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) Г.М. Адибекову, К.М. Андерсону, Г.В. Горской, Л.К. Карловой, Р.И. Парадизовой, М.Н. Смолиной, С.М. Розенталь, Ю.Т. Туточкину, Э.Н. Шахпазаровой, В.Н. Шепелеву, В.Н. Щечилиной, сотрудникам Центра исследований рабочего и социалистического движения Мексики (CEMOS) и Государственного архива Мексики, предоставившим доступ к ряду документов, зарубежным коллегам Р. Александеру, Дж. У.Ф. Даллесу, Ю. Мотесу, Б. Карру, Р. Ортис, Э. Арриоле Воогу, Э. Кончейро, Р. Мельгару, К. Мешкату, Ю. Паккасвите, В. Рувинскому, Д. Спенсер, П.И. Тайбо II, А. Сабориту, К. Хацки, О. Ульяновой, Р. Тоссторфу, Э. Камареро, Х. Гутьерресу, К. Массон Сена, О. Кресно, И. Рейносо Хайме, помогавшим своими советами и щедро делившимися материалами по теме исследования на различных этапах работы авторов. Несколько человек прочли рукопись работы полностью или частично, сделав ряд ценных комментариев и предложений, которые, вне всяких сомнений, улучшили окончательный вариант исследования. В связи

с этим особенно хочется выразить благодарность В.М. Давыдову, К.Л. Майдапику, Л.С. Окупевой, Б.Ф. Мартынову, Б.И. Ковалю, И.И. Япчуку, Н.П. Калмыкову, Е.А. Ларину, М.Л. Чумаковой, Ю.И. Визгуновой, З.И. Исаповскому, Р.Ш. Гапелину, О.Н. Кену, А.А. Щелчкову, В.И. Фокину, В.С. Измоизику, А. Сабориту, Р.В. Костюку, А.И. Кубышкину, В.Г. Буркову. Отдельной благодарности заслуживает А.С. Андреев (СПбГУ), оказавший немалую техническую помощь в ходе работы над рукописью. Благодарим за терпение наших близких, с пониманием относившихся к работе над книгой на протяжении многих лет.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХИВНО- ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИНТЕРНА И ЕГО ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СЕКЦИЙ (1918–1929)

1.1. Историография связей III Интернационала и латиноамериканского революционного движения

Одной из важнейших причин многочисленных лап в истории III, Коммунистического, Интернационала (и это несмотря на папсающие сотни книг и тысячи статей!) являлась идеологическая борьба вокруг деятельности «всемирной коммунистической партии». Противники коммунистического движения стремились доказать, что деятельность национальных секций Коминтерна паправлялась из Москвы и они не были самостоятельными. Коммунисты, папротив, настаивали на самобытности своих партий и по возможности обходили принципиально важную тему – характер отношений между своими партиями и штаб-квартирой Коминтерна в Москве. И те и другие, как писал американский историк Р. Александер, основывались на «предположениях и догадках», не имея возможности подтвердить свои теории документами. В «предположениях и догадках» были конструктивные идеи, впоследствии подтвержденные документально, но часть из них, не получив доказательств, превратилась в домыслы. Поэтому коммунисты предпочитали анализ идейной борьбы в коммунистическом движении, а их оппоненты, опираясь в основном на воспоминания людей, по тем или иным причинам оказавшихся вне коммунистического движения, стремились показать абсолютную зависимость компартий от Москвы. Сегодня положение меняется, и огромный массив документов дает возможность по-иному взглянуть на события тех лет.

Историография интернациональных связей коммунистического движения Латинской Америки родилась почти одновременно с первыми компартиями, и вряд ли слова венгерского коммуниста и работника Коминтерна И. Комора, писавшего, что «буржуазия пыталась окру-

жить “заговором молчания” Коммунистический Интернационал»¹, можно в полной мере отнести к его латиноамериканским секциям. Уже в 1920-е – 1930-е гг. появились работы, отражавшие основные направления изучения латиноамериканского коммунистического движения, и были высказаны основные положения, повторяемые с известными модификациями до сих пор. Интерес к исследованию воздействия феномена Коминтерна на левый спектр революционного движения Нового Света не в последнюю очередь был вызван стремлением не допустить роста влияния коммунистов. И не случайно авторами первых работ на эту тему являлись не профессиональные историки, а политики, которые непосредственно участвовали в борьбе на политической арене своих стран и уделяли в своем анализе первоочередное внимание взаимоотношениям коммунистов с Москвой, стремясь доказать «антинациональный» характер компартий, их «иностранный» происхождение. Развитие революционного движения, антиамериканский характер деятельности мексиканского правительства в начале 1920-х гг. объясняли вмешательством «иностранных большевиков» депутат парламента А. Мансанилья (Уго Соль) в книге «Преступный большевизм в Юкатане», вышедшей в 1921 г.², и неудачливый соперник социалиста Ф. Каррильо Пуэрто на выборах губернатора штата Юкатан полковник Б. Мена Брито³. В этих работах, носивших публицистический характер, главным было стремление отождествить коммунистическое движение Мексики с Коминтерном скорее с его аппаратом, автоматически сводя все движение только к интернациональным связям и делая акцент на организационной стороне деятельности международной компартии.

Но уже в 1922 г. появилась работа Р. Саласара «Столкновение глыб (На заре рабочего движения в Мексике)», на долгие годы ставшая настольной книгой исследователей, прежде всего ввиду обширного фактографического материала. Видный деятель профсоюзного движения подробно рассмотрел деятельность «делегатов Лепина», впервые привел достоверную информацию о деятельности Латиноамериканского и Паанамериканского бюро III Интернационала, работе Национального социалистического конгресса⁴. Несмотря на критические оценки апархо-синдикалистом Саласаром

¹ Комор Н. Десять лет Коминтерна. М.; Л., 1929. С. 7.

² Переиздание: Коммунизм в Мексике и архив Каррильо Пуэрто // Manzanilla A. El comunismo en México y el archivo de Carrillo Puerto. México, 1955.

³ Mena Brito B. Bolchevismo y democracia en México. S. L., 1927.

⁴ Переиздана Национальной издательской комиссией Институционно-Революционной партии: Salazar R. Las pugnas de la gleba (Los albores del movimiento obrero en México). México, 1972.

деятельности коммунистов, содержание его книги позволяло в условиях недоступности архивных документов представить вполне достоверную картину истории зарождения КПП в ходе бурного развития рабочего движения Мексики и достаточно объективно оценить участие в этом процессе эмигрантов III Интернационала, что делало ее полезным источником информации о развитии международных связей мировой компартии в первые годы ее существования.

Национал-реформистское направление историографии в 1930-е гг. было представлено идеологом Американского Народно-революционного альянса (АПРА), перуанцем В.Р. Айя де ла Торре. В это время Айя отошел от идеи использования Коминтерна в интересах латиноамериканской революции, стремился дистанцироваться от марксистской идеи мировой революции, противопоставляя ей свою концепцию революции континентальной и предлагая апримизм в качестве «третьей позиции» между капитализмом и социализмом¹. Мысли основателя АПРА были позднее развиты его соратниками Л.А. Санчесом и А. Баэсой Флоресом, стремившимися продемонстрировать преимущества теоретических постулатов апримизма перед марксизмом и показывавшим руководящую роль идеолога АПРА в революционном движении континента. Противопоставляя апримизм «догматизму Коминтерна», они указывали на «творческий марксизм» Х.А. Мельи и Х.К. Мариатеги, не обращая внимания на участие этих лидеров революционного левого движения в полемике коммунистов и апримистов и жесткую критику ими идейных позиций Айя де ла Торре. Так, Баэса писал: «Два молодых боевых революционных марксиста принадлежат к числу выдающихся мыслителей, революционных лидеров... Оба противостояли Коминтерну и умерли, защищая перед ним латиноамериканскую доктрину – резолюции о наших проблемах, соответствующие нашим специфическим условиям, а не «решениям», импортированным из Москвы. «Амаута» умер рано от неизлечимой болезни. Мелья погиб на улицах Мехико жертвой агентов сталинского ГПУ и кубинской тирании Мачадо»². Баэса Флорес рассматривает вероятность как данность. Конечно, и у Мельи, и у Мариатеги шансов остаться собой и не оказаться вне коммунистического движения было не так много. Но они действовали в рамках существовавшей в «романтический период» традиции, буквально понимая свое право иметь в рамках демократическо-

¹ Haya de la Torre V.R. El Antiimperialismo y el APRA. IV edición. Lima, 1972. Книга написана в 1928 г. как ответ на критику апримизма Х.А. Мельи в работе «Что есть АРПА?», но издана впервые только в 1935 г.

² Sánchez L.A. Haya de la Torre y el APRA. Santiago de Chile, 1955; Baeza Flores A. Haya de la Torre y la revolución constructiva de las Américas. Buenos Aires, 1962.

го централизма свое мнение до приятия решений вышестоящими инстанциями. Другое дело – на практике все зависело не от поведения субъекта, а от интерпретации мотивов его поведения партией и Коминтерном. Действовали не законы и правила, а их восприятие, по сути – принцип «революционной целесообразности». И поэтому бразилец О. Брандао, которого объявили символом «интеллектуализма» и «мелкобуржуазного революционаризма», оставался в КПБ и работал в аппарате Коминтерна, а его соотечественник и однопартиец А. Перейра, вполне лояльно отпосившийся к «генеральной линии», был исключен из нее, в том числе за контакты с Л.К. Престесом, через короткое время после этого принятого в компартию Бразилии и избранного в ИККИ.

Историк имеет право рассуждать в сослагательном наклонении: что было бы, если бы, но не имеет права утверждать: так было. В связи с этим ярлык «мариатегизма», наклеенный на сторонников «Амаути», говорит о высокой вероятности его исключения из партии после ее реорганизации в 1930 г., но только о вероятности. В конце концов и жизнь видного аргентинского коммуниста и сотрудника Коминтерна В. Кодовильи (до сего дня являющегося одним из символов догматического марксизма советского образца) висела на волоске, и он чудом избежал партийных репрессий в 1928 г. вместе с коллегой по руководству КПА Х.Ф. Пепелом (сторону которого принял в дискуссии с представителем ИККИ Б. Михайловым). В то же время и самого коминтерновского эмиссара в Южной Америке вполне могли подвергнуть ostracismo.

В 1930-е гг. появились работы, откровенно направленные на тотальное вытеснение левого спектра с политической сцены Латинской Америки. Так, взывая к националистическим чувствам аргентинцев, «не знающих деления на классы», автор книги «Коммунизм в Аргентине» К. Сильвейра утверждал, что аргентинская компартия создана иностранцами – «изменщиками, изгнанниками своими странами», и «аргентинцами-репегатами», действующими во имя реализации «коммунистической программы разрушения национального наследия аргентинцев»¹. Сильвейра предложил новый жанр исторической литературы: книгу-донос. Эта книга стала одной из идеологических основ, опираясь на которую сенатор М. Санчес Сорондо обосновывал проект антикоммунистического закона, доказывая подрывной, антинациональный характер компартии². К этому направлению литературы можно также отнести работу бывшего корреспон-

¹ Silveyra C. Comunismo en la Argentina. Buenos Aires, 1936.

² Sánchez Sorondo M. Represión del comunismo. Buenos Aires, 1937.

дента ТАСС в США С. Нафта¹, исключенного из компартии, который ссылался на «ипострапное происхождение» латиноамериканского коммунизма и ставил на одну доску коммунистов и фашистов.

Далеки от объективности книги и статьи, на протяжении десятилетий выходившие из-под пера партийных историков. Над «официальными историографами» всегда висел дамоклов меч опасности ошибиться, неправильно расставив идеологические акценты. Лишенные (как и их коллеги, выступавшие с иных методологических позиций) доступа к архивным материалам, они не могли использовать свидетельства участников и очевидцев событий, оказавшихся за бортом международного коммунистического движения. В случаях же, когда такая возможность была, срабатывал «внутренний цензор» или официальная цензура, что не позволяло выйти на свет фактам, персонажам, оценкам, которые могли противоречить канонической трактовке событий. Немногие же историки, допущенные волей партийной иерархии к «святым святым» – архиву Коминтерна, оказывались в трагическом для исследователей тупике: имея в руках документы, требующие изменения оценок, введения новых персонажей (или, если быть абсолютно точными, возвращения старых, исключенных из истории из-за идеологических или конъюнктурных соображений), они были вынуждены прибегать к использованию приема – фигура умолчания, игнорируя ставшую известной им информацию, или интерпретировать документы в угоду официальной традиции.

Наиболее ярким примером такого подхода является изучение истории компартии Кубы. Чем можно объяснить, что правящая партия долгие годы не делала даже попытки создать официальную историю своей деятельности? Институт истории коммунистического движения и социалистической революции при ЦК КПК никогда не объявлял о планах подготовки обобщающего труда по истории «первой марксистско-ленинской партии Кубы» (период 1925–1961 гг.), хотя все возможности для этого были, особенно в годы, когда его возглавлял Ф. Гробарт, более 60 лет входивший в партийное руководство, а научными сотрудниками являлись ветераны кубинской компартии Р. Николау и П. Сервиат, люди весьма осведомленные².

Простое объяснение – недостаток достоверных источников, вызванный многолетними репрессиями и работой партии в условиях глубокого подполья, в данном случае не работает. Существует

¹ Naft S. *Fascism and Communism in South America*. New York, 1937.

² В книге П. Сервиата, изданной к 40-летию КПК, приводятся только отдельные сведения об интернациональных связях коммунистов Кубы, но практически отсутствует анализ отношений партии с Коминтерном. См.: Serviat P. *40 años de la Fundación del Partido Comunista*. La Habana, 1965.

Национальный архив с нравительственными, полицейскими, судебными фондами, в которых должно быть немало документов о коммунистической деятельности. И зачастую документы из этого архива появляются в кубинских публикациях. Есть архив Коминтерна, который был закрыт для многих, но не для исследователей, имевших полномочия от своих партий. Но в многочисленных диссертациях кубинских историков, в том числе и ответственных работников ЦК КПК, посвященных этому периоду, нет ссылок на документы этого архива, хотя в последнее время кубинские историки стали активно работать в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)¹.

Применение такого подхода к изучению деятельности Коминтерна формировало историю без событий, ярких персонажей, соорудило схему противостояния революционного марксизма-ленинизма с оппортунизмом, ревизионизмом, «ликвидаторством», ренегатами различного толка, стремившимися извратить генеральную линию партий и международного коммунистического движения. Историю писали победители в борьбе партийных течений, стремясь подкрепить триумф и диктуя свой вариант исторических событий, чаще всего весьма далекий от истины. В итоге рождалась схематическая трактовка процесса формирования и развития коммунистического движения Латинской Америки, где «стойкие марксисты-ленинцы» боролись с многоголовой гидрой, олицетворявшей извращения коммунистической идеологии, и всегда добивались в этом противостоянии успеха.

Фактологические бреши в историографии стали постепенно заполняться изданиями, увидевшими свет в 1950–1960-е гг. Признав отсутствие достоверных документальных источников ахиллесовой пятой исследований истории коммунистического движения континента, Американец Р. Александер, автор фундаментального труда «Коммунизм в Латинской Америке»², не пытался найти более или менее адекватную замену документальной базе, впервые широко применив метод интервью. И хотя полученная информация позволила ему подойти к разгадкам многих белых пятен истории деятельности Коминтерна в Латинской Америке, искомого результата он

¹ Примером успешного использования архивных документов, хранящихся в Москве, можно назвать статью австралийского историка Б. Карра о Кубе, в которой проанализировано влияние КПК на кубинское рабочее движение и подготовку революции 1933 г. – Carr B. From Caribbean Backwater to Revolutionary Opportunity: Cuba's Evolving Relationship With the Comintern, 1925–1934. In *International Communism and the Communist International, 1919–1943*, Tim Rees and Andrew Thorpe, eds., 234–253. Manchester: Manchester University Press, 1998.

² Alexander R. *Communism in Latin America*. New Brunswick, 1957.

не достиг. В его исследовании наличествует очевидное противоречие: считая, что «латиноамериканские коммунисты никогда не были без руководства со стороны Коминтерна», Александер обвинял III Интернационал в отсутствии интереса к Латинской Америке. Подтвердить фактами оба этих противоречащих друг другу постулата американский историк не мог: далеко не все его респонденты были людьми, осведомленными в нюансах святой святых деятельности Коминтерна – организационных связях. Сведения, полученные в ходе интервью, были отрывочными и не могли отразить полную картину столь сложного явления¹.

Р. Александер являлся автором еще двух фундаментальных работ по истории коммунистического движения Латинской Америки, но в обеих практически не затронул 1920-е гг.² И если для труда «Троцкизм в Латинской Америке» это объясняется зарождением самого явления только в конце десятилетия, то в издании «Коммунистическая партия Венесуэлы» отсчет времени существования венесуэльской секции Коминтерна начинается в соответствии с марксистской традицией, что совершенно игнорирует исторический путь поколения венесуэльских коммунистов 1920-х гг.

Работы бывшего члена испанской партии ПОУМ В. Альбы, как он отмечал сам, в значительной мере опирались на «собственный опыт» и информацию, собранную «среди участников ряда эпизодов этой истории». Признавая коммунистическое движение в Латинской Америке «продуктом самобытного развития», происходившего «под ослепляющим влиянием русской революции», «революции всеобщего триумфа, победоносной революции», и неспособности существовавших ранее рабочих организаций «добиться хотя бы одной решительной победы», В. Альба объяснял восприимчивость латиноамериканцев к коммунистическим идеям их «романтизмом». Уделяя значительное место деятельности «агентов Коминтерна», он, по сути, лишь некритически воспроизводил информацию Э. Равинеса. Рассказывая о подлинных событиях, В. Альба нередко основывался на недостоверных источниках и, не имея возможности перепроверить их документами, перемещал их участников во времени и пространстве, искажая тем самым суть. Возможно, это делалось не намеренно, но подобные передержки легли в основу концепции о деятельности агентов, направленных Москвой, в то время как в реальной жизни все

¹ В последние годы патриарх изучения феномена коммунизма в Латинской Америке работал над новым вариантом своего исследования, однако не успел завершить его.

² Alexander R.J. *Trotskyism in Latin America*. Stanford: Hoover Institution Press, 1973; Alexander R.J. *The Communist Party of Venezuela*. Stanford, 1969.

было несколько иначе. Мексиканский коммунист индийского происхождения М.Н. Рой никогда не возвращался по указанию председателя Коминтерна Г. Зиновьева в Новый Свет, и, следовательно, не создавал на Кубе и в Центральной Америке «грунны симпатизантов», а Сен Катаяма до назначения руководителем Панамериканского бюро не ездил в Москву, а был избран для этой роли заочно. И не мог Катаяма избрать аргентинца Кодовилью в тот момент своим доверенным лицом, потому что впервые встретился с ним в Москве, когда японский коммунист делами Латинской Америки не занимался. И уж, конечно, не Август Гуральский, впервые появившийся в Латинскую Америку в 1930 г., был создателем Бюро Коминтерна в Буэнос-Айресе¹.

Тема деятельности агентов III Интернационала – центральная в книгах мексиканцев Р. Тревиньо, Р. Гарсия Тревиньо и доминиканца Л. Сильвы². Один из лидеров Мексиканской Региональной Рабочей конфедерации (КРОМ) Р. Тревиньо практически всех известных ему иностранных радикалов, проживавших в Мексике, объявил «агентами Москвы» в книге под кричащим названием «Шпионаж и эволюция принципов рабочего движения в Мексике». Примером нередержек и преувеличений, присущих его работе, может служить образ «роковой женщины» – «Наташи Михайловны»³ – «специалиста по коммунистическому разложению интеллигенции и политиков». Тревиньо, выдвинув тезис о замене европейских агентов латиноамериканцами в самом начале 1920-х гг., во-первых, не подтвердив его реальными фактами, во-вторых, не заметив противоречия с собственной концепцией европейского происхождения коммунистического движения в Мексике. Р. Гарсия Тревиньо, обильно цитируя книгу Р. Саласара, игнорировал тем не менее его выводы о создании МКП в результате «естественного развития социальной и политической деятельности», утверждая, что «рабочий класс отвергал коммунизм»⁴.

Основная идея трухильиста Л. Сильвы в книге «Красная рана Америки» состояла в том, что «политические агенты-советники»

¹ Alba V. Historia del movimiento obrero en América Latina. México, 1964; Alba V. Politics and Labor Movement in Latin America. Stanford, 1968.

² Treviño R. El espionaje comunista y la evolución doctrinaria del movimiento obrero en México. México, 1952.

³ В реальной жизни – жена Ч. Филлиса Наталья Александровна Михайлова. См. подробнее: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Чарльз Филлис – мексиканский коммунист: роль компартии США в развитии мексиканского рабочего движения в 1920-е гг. // Исследования международных отношений: Сб. статей. СПб., 2004. С. 38–55.

⁴ García Treviño R. La ingerencia rusa en México y Sudamérica. Pruebas y testimonios. México, 1959.

установили строгий контроль над коммунитариями, «носившимися стихийно». Желая дать своему «исследованию» основательность ссылками на Пия XI, М. Джиласа и Э. Равинеса, страницами неренсывая без указания источника работы В. Альбы, Сильва «направил» в Латинскую Америку «как авангард будущего советского господства двух азиатских коммунистических руководителей с большим влиянием в сферах Коминтерна» (Роя и Катаяму, «организатора НКВД в Америке»); вывел на страницах своей книги мифических личностей, например «североамериканца Джимми, организовавшего коммунитарии на Кубе, в Мексике, Центральной Америке, Чили, Аргентине, Уругвае, Бразилии, Парагвае», не замечая, что в этом случае другим «агентам» больше и делать было нечего¹.

Т. Дрейнер, один из ведущих партийных историков КП США, после выхода из партии продолжил свои исследования уже с позиций резкой критики ее курса, в особенности в сфере международных связей. Ему удалось составить достаточно подробный перечень латиноамериканских миссий американцев – «агентов Коминтерна»: Л. Фрайна, М. Коэн, Ч. Филлинс, Б.Д. Вольф, Дж. Ловстон, Дж. Джонстон, Д. Зак. Дрейнер объявил В. Видали организатором убийства Троцкого, не приведя ни малейших доказательств в пользу своего обвинения². Ему удалось подробно проанализировать работу Амстердамской коммунистической конференции и миссию М. Бородина в Новом Свете³.

Экс-генеральный секретарь КП Уругвая и экс-член ИККИ Э. Гомес после исключения из партии создал свою версию ее истории, которая подтвердила его культ личности и практически полностью игнорировала интернациональную составляющую ее деятельности, имевшую для уругвайской секции Коминтерна особое значение (основание партии при прямом участии делегатов ИСПА, пребывание в Монтевидео Южноамериканского бюро ИККИ и т. д.)⁴.

Значительное внимание изучению истории отдельных латиноамериканских коммунитарий уделяют американские историки. Профессор Техасского университета К. Шмитт, указывая на усиление борьбы рабочих масс и идейное размежевание в рабочем движении Мексики как на предпосылку создания КППМ, само образование партии рассматривал исключительно как результат деятельности американ-

¹ Silva R. La herida roja de América. Tomo 1. Ciudad Trujillo, 1959.

² Draper Th. American Communism and Soviet Russia. The formative period. New York, 1960.

³ Draper Th. The Roots of American Communism. New York, 1957.

⁴ Historia del Partido Comunista del Uruguay (hasta el año 1951). Montevideo, 1961.

ских социалистов и М.Н. Роя, «благословлённых русским агентом Бородиным»¹.

Д. Доновану образование компартии Мексики представлялось результатом борьбы в небольшой Социалистической партии между М.Н. Роем и Л. Гэйлом, приведшей к исключению американца и переименованию партии². За пределами его исследования остался Национальный социалистический конгресс, одним из результатов которого стало образование двух ориентированных на III Интернационал партий – Л. Гэйла, а также М.Н. Роя – Ч. Филлинса – Х. Аллена.

Д. Херман с критических позиций рассматривал сложившуюся в немарксистской историографии схему отношений III Интернационала с коммунистами Мексики в начальный период активности. Он расценивал случай Роя, который «не был послан в страну в качестве агента международной коммунистической организации», как «пример оппортунизма первых лет, когда Коминтерн, не обладавший эффективным аппаратом, вербовал симпатизирующих ему лиц, поддерживая деятельность тех, кого он полагал полезным, – даже индийский национализм и оппозицию британцам»³. Несмотря на стремление автора быть точным в отображении событий, его книга не лишена ошибок, например он путал Мексиканскую коммунистическую партию с Коммунистической федерацией мексиканского пролетариата, считая, что эта организация была официально признана секцией Коминтерна в 1922 г. (1)

Х. Кресно Тораль, «обеспокоенный большевистским проникновением в Эквадор», предвещал «общество, считающее опасность исчезающей, поскольку оно ничего не хочет знать о ней». Эквадорский фалангист обвинял либералов, позволивших себе увлечься впечатлениями от победы русской революции, в некролитстве теориям и практике марксистов, а Коминтерн – в «прямом вмешательстве в ситуации, когда [коммунистические] ячейки были еще слишком аморфными для образования политической реальности в виде партии». По его мнению, «дипломат дружественной страны Р. Рамос Педруэса» выполнял функции по объединению левых интеллектуалов Кито по прямому указанию III Интернационала. Кресно Тораль, очевидно, полагал, что и правительство Мексики выполняло волю Москвы, направляя его на работу в Эквадор⁴.

¹ Schmitt K.M. *Communism in Mexico*. Austin, 1965.

² Donovan J. *The Red Machete. Communist infiltration in the Americas*. New York, 1962.

³ Herman D. *The Comintern in Mexico*. Washington: D.C., 1974.

⁴ Crespo Toral J. *El Comunismo en el Ecuador*. Quito, 1958.

Профессор Калифорнийского университета Р. Чилкот, выступая с позиций «нозитивного антикоммунизма», признавал влияние Октябрьской революции на процесс проникновения марксистских идей в рабочее движение Бразилии и тот факт, что «Ленин и революция дали могучий толчок радикальной мысли»; он показывает формирование КПБ как процесс объединения марксистских групп при поддержке Бюро коммунистической пропаганды, компартий Аргентины и Уругвая, подчеркивая при этом «абсолютное подчинение партии Москве»¹.

Сверхзадачей мексиканских исследователей М. Маркеса Фуэнтеса и О. Родригеса Араухо было выяснение причин раскола, «измельчания» левых сил Мексики. Основные выводы авторов, близких по взглядам к «новым левым», не отличались оригинальностью: искусственное происхождение компартии в стране, где не было условий для ее возникновения, экономическая и идеологическая зависимость от Коминтерна, которая вела к неэффективности всех усилий партии «из-за отсутствия инициативы, политического видения и теоретической подготовки руководителей и кадров»². При этом они отошли от конценций своих предшественников, отмечая, что иностранцы «фактически и по праву руководили партией в первые годы ее существования», и показывая особенности стратегии и тактики КПМ, в значительной мере расходившиеся с установками Коминтерна.

Для Р. Пуигтроса, исключенного из КП Аргентины за поддержку «национального социализма» Х.Д. Перона, «коммунизм не более чем простое отражение иностранных директив и инструкций, а его руководители не годились на большее, чем повторять и выполнять распоряжения Москвы». Власть в аргентинской партии, по его оценке, принадлежала людям, которые были в СССР, участвовали в конгрессах Коминтерна. Но визит в Москву не был бессорным «ярлыком» на правление: и Х. Греко, и Х. Пенелон рано или поздно оказались за бортом руководства, русские эмигранты М. Александровский и М. Машевич не были допущены к кормилу власти в партии, а Гиольди утверждение на ее вершине далось очень нелегко. Считая кризис 1927 г. проявлением «конкуренции в руководстве между Кодовильей – Гиольди и Пенелоном», «жалкой игрой интриг и низких маневров для сохранения, через посредство контактов с Москвой, власти в партии», Пуигтрос, долгое время находившийся вблизи от этой власти, уиростил ситуацию, не воспроизводя первоначальные мотивы ностунков Р. Гиольди и В. Кодовильи, сражавшихся в нача-

¹ Chilcote R.H. The Brazilian Communist Party. New York, 1974.

² Márquez Fuentes M., Rodríguez Arango O. El Partido Comunista Mexicano (en el periodo de la Internacional Comunista. 1919–1943). México, 1973.

ле конфликта на разные стороны баррикад. Восприятие Пуиггросом руководства КПА как «абсолютно сервильного» по отношению к Коминтерну, не имеющего своего лица, не отражает реалий аргентинского коммунистического движения 1920-х гг., обладавшего в этот период значительной автономией в рамках всемирной компартии и отстаивавшего право на собственную позицию¹.

Аргентинский троцкист Х.А. Рамос утверждал, что «нодлинным столном, подниравшим КПА, были иммигранты, происходившие из Восточной Европы, не интересовавшиеся аргентинскими проблемами», и это превратило историю ее первого десятилетия в «лучшее доказательство ремесленнического, мелкобуржуазного, славянофильского характера коммунистической партии»². В его концепцию не вписывалось противостояние значительной части русской революционной эмиграции и руководства КПА в начале 1920-х гг., и поэтому он просто проигнорировал этот важный сюжет партийной истории. Критикуя «сталиниста-антикоммуниста» Пуиггроса, Рамос полностью воспроизводит его оценки характера отношений КПА и Коминтерна.

Масштабное исследование истории рабочего движения страны создал лидер боливийских троцкистов Г. Лора, показав в том числе подробности консолидации коммунистических групп и отмечая, что этот процесс был инициирован Южноамериканским Секретариатом Коминтерна в 1928 г.³ При этом Г. Лора однозначно оценивает характер отношений латиноамериканских компартий с III Интернационалом как реализацию «большевистской организационной традиции, унаследованной сталинизмом, а не сторонниками Троцкого», отмечая стремление «к всеобщей бюрократизации, преобладавшей в Коминтерне», обвиняя представителя ИККИ на Первой конференции компартий Латинской Америки в «демонстрации холодного превосходства главного оратора, выступавшего в тоне, присущем учителю перед новообращенными», что вряд ли соответствовало характеру швейцарца Ж. Эмбер-Дро, который был эмиссаром Москвы на этом мероприятии.

Значительный вклад в исследование характера, форм и методов интернациональных связей Коминтерна и его латиноамериканских секций внесли западногерманский ученый Б. Гольденберг⁴ и быв-

¹ Puiggrós R. Historia crítica de los partidos políticos argentinos. Buenos Aires, 1956.

² Ramos J.A. El Partido Comunista en la política Argentina. Su historia y su crítica. Buenos Aires, 1962.

³ Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano. 1923–1933. II parte. La Paz–Cochabamba, 1970.

⁴ Goldenberg B. Kommunismus in Lateinamerika. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1971.

ший английский дипломат и историк С. Клиссольд¹, не пытавшиеся изучить проблему с объективистских позиций. Гольденберг впервые подверг обоснованной критике «официальные» версии датировки основания компартий. Правда, и ему не удалось установить точные даты создания некоторых партий. Опираясь на более широкий, чем у его предшественников круг источников, немецкий ученый сумел показать отдельные формы и методы взаимодействия латиноамериканского коммунистического движения и Коминтерна, но и ему по объективной причине (отсутствие доступа к архивным документам) не удалось создать полной картины формирования и эволюции интернациональных связей. С. Клиссольд впервые опубликовал ряд документов коммунистического движения, сделавшие его книги важным для того времени источником анализа взаимоотношений латиноамериканских компартий и Коминтерна.

Указанная проблема – одна из серьезнейших для марксистской историографии. Очевидно, что даты создания ряда компартий, как и список их основателей, подверглись за долгие годы серьезной ревизии (отражая интересы группировок, одержавших победу во внутрипартийной борьбе) или не опирались на достоверные источники из-за тяжелых условий существования партий (голод, репрессии, в некоторых случаях приводившие к уничтожению руководителей, обладавших информацией; отсутствие архивов). Поэтому и утверждение бывшего сотрудника Госдепартамента США, профессора Калифорнийского университета Р. Поннино, обвинявшего компартии в «нежелании писать собственную историю», с одной стороны, имеет веские основания, так как в этой истории были «неудобные» эпизоды, с другой же стороны, эти обвинения игнорируют объективные обстоятельства, не позволявшие ряду партий всерьез заняться воссозданием собственной истории².

Для многих работ 1960-х – 1970-х гг. характерно преувеличение значения деятельности «агентов Коминтерна». Было бы наивным сегодня отрицать наличие этого фактора в функционировании международной коммунистической партии. Речь о другом: необоснованная документально, такая точка зрения выглядит как стремление подогнать факты под концепцию, практически не видоизменявшуюся с 1920-х гг. Так, например, исследователь Джорджтаунского университета Л. Агилар утверждал, что лидеры кубинской компартии Х.А. Мелья и Р. Мартинес Вильена «не знали основных положений

¹ Clissold S. (ed.) Soviet Relations with Latin America. A Documentary Survey. L.; N.-Y.; Toronto, 1970; The Soviet Union and Latin America. N.-Y., 1970.

² Poppino R. International communism in Latin America. A History of the movement, 1917–1963. University of California, 1964.

марксизма», а теоретической деятельностью партии руководил иностранец Гробарт, игравший «важную и неясную (!) роль». Он бросил КПК, «небольшой партии, все члены которой могли обратиться в одной комнате», не соответствующее истине обвинение в том, что, следуя стратегии борьбы Коминтерна, она с 1927 г. отказалась сотрудничать с другими революционными группами», совершенно игнорируя повстанческие планы Х.А. Мельи 1927–1929 гг.¹ Такая же тенденция характерна и для изданной в 1970 г. в Майами работы А. Авилы и Х. Гарсия Монтеза, до сих пор остающейся единственной работой, претендующей на освещение всей истории КП Кубы².

Серьезную попытку показать динамику истории международного коммунистического движения через биографии ее лидеров предприняли Б. Лазич и М. Драшкович, югославские эмигранты, жившие в США, в «Биографическом словаре Коминтерна», изданном Гуверовским институтом³. На долгие годы справочник стал незаменимым источником для исследователей всего мира. Однако ограниченность их возможностей недоступностью архивных документов привела к значительным фактическим ошибкам в биографиях лиц, участвовавших в деятельности латиноамериканских компартий, или работников высших инстанций Коминтерна, курировавших их в Москве. Особенно это касается первоначального периода деятельности компартий. Да и удельный вес биографий латиноамериканских коммунистов в словаре Лазича и Драшковича был ничтожно мал⁴.

В книгах венесуэльского историка М. Кабальеро сделана серьезная заявка на демонстрацию взаимоотношений Коминтерна и компартий

¹ Aguilar L.E. Cuba 1933, prologue to revolution. Ithaca; London, 1972

Сегодня, имея обширный массив документов, можно судить о роли Ф. Гробарта, как и многих других иностранных коммунистов, и увидеть, что при жизни упомянутых вождей КПК он не занимал в партии лидирующих позиций и не был «агентом Коминтерна», специально направленным на Кубу для того, чтобы курировать деятельность местной компартии, а добился своего положения, пройдя путь от рядового функционера до одного из высших руководителей.

² Avila A., Garcia Montes J. Historia del Partido Comunista de Cuba. Miami, 1970. Изданный в Гватемале трехтомник А. Рохаса Блэкнера охватывает только историю КПК от создания до кастровской революции.

³ Lazitch B., Drachkovitch M. Biographical Dictionary of the Comintern. Stanford, 1973.

⁴ Другая книга этих авторов почти не затрагивает латиноамериканские сюжеты, но для нашего анализа важно предисловие к ней одного из ведущих исследователей Гуверовского института Б.Д. Вольфа. Обвиняя Коминтерн во «вмешательстве, контроле», Вольф не счел возможным вспомнить, как с трибуны V конгресса Коминтерна именно он требовал от руководства Коминтерна «усиления внимания» к национальным секциям в Латинской Америке, считая, что ИККИ недостаточно контролирует их деятельность. Lazitch B., Drachkovitch M. Lenin and the Comintern. Vol. 1. Stanford, 1972.

Латинской Америки¹. Тщательно проанализировав доступные ему источники, автор значительно расширил круг лиц, участвовавших в деятельности организации на континенте, осветил работу некоторых структур III Интернационала, курировавших латиноамериканские проблемы, но этот анализ не стал систематическим и не позволяет судить обо всем механизме функционирования Коминтерна в Латинской Америке. Кабальеро допустил и ряд фактических ошибок, например, назвав Ч. Филлинса (Х. Рамиреса) делегатом Мексики на III конгрессе Коминтерна, в то время как таковым являлся М. Диас Рамирес, что выяснено в ранее опубликованных работах². Автор отнес начало работы Секретариата латинских стран ИККИ к концу 1922 г., хотя данная структура начала действовать не крайней мере за полгода до того. М. Кабальеро также необоснованно поставил под сомнение задолго до того установленный факт работы Катаямы в Мексике в качестве представителя Панамериканского бюро. Следует отметить серьезный недостаток исследований на Западе – их авторы практически игнорировали и продолжают это делать и в настоящее время (или по идеологическим соображениям, или из-за незнания русского языка) работы советских (российских) ученых, чем лишают себя возможности ввести в научный оборот факты и оценки известных специалистов. В то же время для отечественных историков оценка работы предшественников была и остается обязательной. И хотя в прошлом это была зачастую «критика буржуазных фальсификаций», сам анализ позволял судить об основном содержании работ западных ученых.

Уже первый опыт оценки характера отношений Коминтерна с его латиноамериканскими секциями самими коммунистами показал, что в международной компартии крайне негативно расцениваются попытки раскрыть механизм функционирования III Интернационала. После издания бразильским делегатом IV конгресса Коминтерна А.Б. Канелласом «Отчета делегации в Россию»³, в котором подробно излагалось обсуждение вопроса о приеме компартии Бразилии в качестве национальной секции, ЦИК КПБ исключил его из партии, обвинив в несанкционированной публикации книги.

¹ Caballero M. *La Internacional Comunista y América Latina*. Caracas, 1987; Caballero M. *Entre Gómez y Stalin (la sección venezolana de la Internacional Comunista)*. Caracas, 1989.

² Правда, в некоторых советских исследованиях эта же ошибка делалась по отношению к М. Диасу Рамиресу, объявляемому делегатом II конгресса Коминтерна, которым на самом деле был Ч. Филлингс.

³ Canellas A.B. *Relatorio de Delegacia a Russia*. Rio de Janeiro, 1923.

И если в 1920-е гг. еще появлялись работы, в которых эта сторона деятельности III Интернационала хоть как-то затрагивалась¹, то с начала 1930-х гг. практически все наработки анализа функционирования всемирной коммунистической партии сводились к оценкам идейной борьбы с врагами коммунистической идеологии, оппортунистами и ренегатами. Из документов Коминтерна и партий в литературу были перенесены сектантские оценки видных деятелей коммунистического движения («рекабарренизм», «ненелонизм», «ирестизм», «мариатеизм»). Характерным стало замалчивание или неверная трактовка роли многих основателей и лидеров коммунистических партий². Однако именно в данный период были предприняты первые попытки проанализировать развитие революционного движения континента. Эта работа в значительной мере послужила основой для послевоенных исследований советских латиноамериканистов³.

Такая тенденция, хотя и в разной мере, отразилась на работе по изучению истории коммунистического движения, которую начали проводить с конца 1940-х гг. некоторые латиноамериканские партии, создавшие исследовательские группы с участием руководителей и ветеранов партий⁴. Уделяя значительное внимание влиянию

¹ Первые работы историков-марксистов были написаны по горячим следам событий и не являлись глубокими исследованиями. Но в них приводились факты, которые в то время не использовались советскими историками, анализировались интересные документы Коминтерна и Профинтерна. Так, например, Г. Дашевский (Г. Донский) рассказал о роли М.Н. Роя в создании КПМ, а С. Пестковский (А. Вольский) осветил деятельность Ф. Каррильо Пуэрто в Латинском бюро III Интернационала // Донский Г. Борьба за Латинскую Америку. М.: Л., 1928; он же. Мексика, Куба, Аргентина. М., 1929; Вольский А. История мексиканских революций. М.: Л., 1928. Но некоторые авторы, имевшие непосредственное отношение к деятельности Коминтерна в Латинской Америке, например делегат ИККИ в Аргентине Ф. Вайль, уже в начале 1920-х гг. тщательно обходили интернациональную составляющую деятельности коммунистических партий. Weil F. Die Arbeiterbewegung in Argentinien. Leipzig, 1923.

² Хотя еще в 1931 г. С.И. Севин отмечал выдающуюся роль Х.К. Мариагеги («видного марксиста», пользовавшегося «в стране большим авторитетом») в создании коммунистической партии Перу. Признание роли «Амауты» можно увидеть и в недостаточных последовательных оценках В. Миросевского, подвергнутых в 1940-е – 1950-е гг. критике латиноамериканскими коммунистами и советскими латиноамериканистами.

³ См.: Ревзин Г. Аргентина. М., 1937; Лурье А. Герой бразильского народа (Луис Карлос Престес). М., 1939; Севин С.И. Южная Америка. М., 1939; он же. Мексика. М., 1931; Генрих Я-н (Якобсон Г.). Революционный подъем и рабочее движение в странах Латинской Америки в первые послевоенные годы // Историк-марксист. 1932. № 4–5; Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934; Миросевский В. «Национализм в Перу». К вопросу о роли Х.-К. Мариагеги в истории латиноамериканской общественной мысли // Историк-марксист. 1941. № 6. См. также статьи А. Гуральского (А. Гур-ий) и Г.В. Скалова (Г. Синаи) в журнале «Коммунистический Интернационал».

⁴ См., например: Esbozo de historia del Partido Comunista de la Argentina. Buenos Aires, 1948; Partido Vanguardia Popular. Breve esbozo de su historia. San José, 1971; Amaya Amador R. Décimo aniversario del Partido Comunista de Honduras. Praga, 1964.

большевистской революции, интернациональной солидарности, отмечая важную роль Коминтерна в формировании компартий, авторы этих работ оставили за пределами своих исследований характер взаимоотношений латиноамериканских секций III Интернационала с Москвой, даже не пытались показать механизм взаимодействия латиноамериканского коммунистического движения и всемирной партии коммунистов. Из истории исчезли имена людей, в 1920-е гг. олицетворявших коммунистическое движение, или же им были даны оценки как ренегатам и предателям дела мирового пролетариата.

В некоторых случаях давались односторонние характеристики роли руководящих органов и отдельных работников Коминтерна. Так, в очерке «Тридцать лет борьбы Коммунистической партии Колумбии», в «Отчете о вражеской деятельности Оскара Крейдта», подготовленном Национальным комитетом защиты и реорганизации Парагвайской компартии, в книге члена Политкомиссии ПКП У. Камноса «Панорама Парагвая» отмечались «догматические тенденции» в работе Южноамериканского секретариата¹. Парагвайские коммунисты, не имея возможности восстановить историю своей партии по собственным архивам, которых они просто не могли иметь из-за того, что ПКП несколько раз подвергалась разгрому, десятки лет работала в подполье, была вынуждена обратиться к архивам Коминтерна, чтобы попытаться восстановить подлинную историю. Однако анализировались архивные документы в духе того времени, и выводы не во всем были объективными (в первую очередь это касалась оценки деятельности репрессированных в 1930-е гг. работников Коминтерна). В поисках исторической истины партийные историки ПКП совершенно справедливо расценивали как фальсификацию стремление О. Крейдта представить дело так, будто партия возникла в результате его действий в 1933 г.² Но тенденция не замечать предыдущие этапы деятельности и тем самым вольно или невольно извращать историю характерна и для партийных исследователей, которых трудно причислить к категории «ренегатов», описывавших зарождение коммунистического движения в ряде других стран.

Данная схема в целом характерна для «официальных партийных историй» и начала формироваться еще в 1940-е гг., когда была предпринята первая попытка создания истории аргентинской ком-

¹ Treinta años de lucha del Partido Comunista de Colombia. Bogotá, 1960; Relatorio sobre la actividad enemiga de Oscar Kreydt. S. L, 1967; Campos H. Panorama del Paraguay. S. L, 1970.

² Парагвайской компартии – 60 лет // Проблемы мира и социализма. 1988. № 2. С. 92.

партии. Первопричиной такого подхода было участие в создании партийной истории людей, принадлежавших к фракциям или группам, одержавшим победу в межпартийной борьбе (В. Кодовильи и Р. Гиольди). Подготовленный комиссией ЦК КПА «Очерк истории Коммунистической партии Аргентины» игнорировал деятельность ЮАСКИ, функционировавшего на базе КПА, и возглавлявшего его Х. Пенелона, что сделало эту работу практически бесполезной для изучения развития международных связей партии. Конечно, это было обусловлено и временем выхода очерков (1947), и личной незаинтересованностью Кодовильи и Р. Гиольди в создании правдивой версии партийной истории¹. Но и почти через сорок лет в монографии Э. Корбье «Истоки аргентинского коммунизма» почти не рассматриваются контакты аргентинских коммунистов с Коминтерном².

Попытку отойти от сложившейся схемы, найти баланс между догмами и новыми подходами предпринял У.З. Фостер. С одной стороны, лидер компартии США в привычном духе проанализировал пути формирования компартий и развитие их борьбы против «антимарксистских течений», с другой, отметил выдающуюся роль Л.Э. Рекаберрена, Х.К. Мариатеги в основании КПЧ и КПП, что было в то время смелым отступлением от сложившейся в коммунистическом движении трактовать их деятельность как оппортунистическую, рассказал о сотрудничестве коммунистов США и Латинской Америки в антимпериалистической борьбе³.

В изданной незадолго до его смерти книге «Формирование КПБ» А. Перейра предал гласности некоторые эпизоды международных связей бразильских коммунистов в 1920-е гг., в том числе упомянул

¹ «Патриархи» аргентинской компартии тщательно хранили тайны до конца своей жизни. Одному из авторов монографии удалось в свое время передать через Л. Чекини вопросы о международной деятельности КПА Р. Гиольди, и он сообщил старому товарищу, что отослал подробные ответы. Письмо от Гиольди до Ленинграда так и не дошло (возможно, не без помощи работников Международного отдела ЦК КПСС, через которых он наверняка его отправлял). Немного больше новизны бразильскому партийному историку, представителю КПБ в ГДР Д. Канале. Хотя ему удалось добиться от основателя КПА ответов на вопросы об его отношениях с бразильской компартией, но информация была близка к нулевой: Р. Гиольди сообщил сведения, известные из литературы. См.: Письмо Л. Чекини Л.С. Хейфецу. Москва, 1.6.1978 // Личный архив Л.С. Хейфеца; Письмо Р. Гиольди Д. Канале, Буэнос-Айрес, май 1983 г. // Личный архив Ю. Мореа.

² *Esbozo de historia... Corbière E.J. Orígenes del comunismo argentino (El Partido Socialista Internacional)*. Buenos Aires, 1984. Сейчас активную работу по исследованию отношений КПА с Коминтерном ведут Э. Камареро, Д. Каминоне и В.А. Пьемонте.

³ Фостер У. Очерк политической истории Америки. М., 1955; он же. История трех Интернационалов. М., 1959; Foster W.Z. *History of the Communist Party of United States*. New York, 1952.

контакты с компартией Уругвая, Бюро коммунистической пропаганды, факты оказанной ими помощи в объединении марксистских групп Бразилии, о поездках делегатов КПБ в Москву¹. При этом один из основателей партии не решился или не считал нужным раскрыть детали этих контактов, назвать имена, например, М. Александровского, который был ментором первого генерального секретаря КПБ А. де Некете во время поездки последнего в Монтевидео.

Исследуя истоки коммунистического движения в Чили, Э. Рамирес Некоча указал на связь КПЧ с момента своего основания с международным коммунистическим движением, «означавшую выражение революционной воли наиболее передовых чилийских трудящихся». Одним из важнейших выводов Рамиреса Некоча являлась мысль о том, что партия, верная марксистским принципам, пользуясь поддержкой Коминтерна, его Южноамериканского секретариата и братских партий, сумела отразить в своей деятельности и программных документах «социально-экономические и политические условия Чили и Латинской Америки», выразить свой национальный характер². Историк-коммунист оценил вхождение КПЧ в Коминтерн как в высшей степени позитивное. При этом он дал аргументированные объяснения предоставления КПЧ статуса полноправной секции международной компартии только в 1928 г., «когда партия вступила в решительный этап большевизации», несмотря на прием в качестве «симпатизирующей» еще в 1922 г., что само по себе свидетельствовало о сложностях во взаимоотношениях между ИККИ и чилийской партией³.

Признавая роль предшественников в революционном движении 1920-х гг., бывший генеральный секретарь КПБ Х.Б. Фуэнмайор все-таки начал отсчет времени формирования партии с деятельности «поколения 28 года», к которому принадлежит и сам⁴. Тенденция не замечать деятельность Г. Мачадо, С. де ла Пласы и др. в Венесуэльской Революционной партии, которая осуществлялась в прямом контакте с Коминтерном и КПМ и которую невозможно расценивать иначе как коммунистическую, характерна для большинства работ по истории КПБ. И коммунист Ф. Кий Санчес, и критик коммунизма Р. Александер предпочитали рассматривать исторический путь партии с 1931 г. — времени начала деятельности в стране «первой ячейки

¹ Pereira A. Formação do PCB. 1922/1928. Notas e documentos. Rio de Janeiro, 1962.

² Ramirez Necochea H. Origen y formación del Partido Comunista de Chile (Ensayo de Historia del Partido). Santiago, 1965.

³ Следует отметить, что документы о приеме КПЧ в Коминтерн в 1928 г. в архиве до сих пор не обнаружены.

⁴ Fuenmayor J.B. 1928–1948. Veinte años de política. Caracas, 1968.

КПВ»¹. И только анонимные авторы брошюры, изданной комитетом КПВ Маракайбо, превратили этот важный эпизод венесуэльской истории в оружие внутривластной борьбы, обрушив на основателей ВРП (и КПВ!) Г. Мачадо и С. де ла Пласу обвинения в стремлении внедрить «мелкобуржуазные критерии оценок движущих сил буржуазно-демократической революции и роли рабочего класса и его партии в колониальных и полуколониальных странах», «каудильизме», организации «авантюры на Кюрасао, вопреки справедливому совету III Интернационала»².

Лидеры компартий считали своим долгом отметить влияние III Интернационала на коммунистическое движение Латинской Америки. Выдающуюся роль Коминтерна в «интернационализации большевизма», «революционном укреплении компартий, а также распространении их влияния в массах» отмечал аргентинец Р. Гиольди³, подчеркивавший важность международной солидарности, обмена мнениями и обобщения опыта мирового рабочего и коммунистического движения, не терявшие свою значимость, а только менявшие формы⁴.

О высокой исторической миссии Коминтерна писал кубинец Б. Рока, подчеркивая, что «рабочие всего мира обязаны ему самыми действенными уроками в отношении вопросов стратегии, тактики и методов организации национальной и всемирной борьбы против фашизма и империализма»⁵. Историческую заслугу Коминтерна в содействии теоретическому, политическому и организационному строительству коммунистических партий, подготовке и закалке партийных кадров отмечали первый секретарь ЦК КПУ Р. Арисменди и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев⁶.

¹ Alexander R.J. The Communist Party of Venezuela. Stanford, 1969; Key Sanchez F. Primera célula comunista en Venezuela, marzo 5 1931 (edición preliminar). Caracas, 1971; Key Sanchez F. Fundación del Partido Comunista de Venezuela. 2a Edición Ampliada. Caracas, 1982.

² Aportes a la historia del P.C.V. (Biblioteca de Documentos Políticos). Maracaibo, 1971.

³ Гиольди Р. Сила ленинской аргументации // Проблемы мира и социализма. 1969. № 7.

⁴ Он же. Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Аргентине. М., 1957; он же. Годовщина Коммунистического Интернационала // Гиольди Р. Избранные статьи и речи. М., 1974.

⁵ Рока Б. Основы социализма на Кубе. М., 1961. Впервые опубликована в 1943 г.

⁶ Коммунисты в борьбе за демократическое единство. Прага, 1975; Коминтерн и его революционные традиции. М., 1969; Пономарев Б.Н. Славная годовщина в истории коммунистического движения. К 50-летию основания Коммунистического Интернационала // Проблемы мира и социализма. 1969. № 2.

Историки, не имевшие собственного опыта партийной работы в те годы, придерживались общепринятой в коммунистическом движении точки зрения, тем более что опровергнуть её было невозможно из-за отсутствия доступа к документам. Как справедливо отмечал М. Кабальеро, коммунисты постоянно находились между Сциллой и Харибдой гордости за принадлежность своих партий к единственной мировой партии с центром в Москве и боязни признать присутствие за действиями компартий внутри страны «руки Москвы»¹. Разоблачение «измышлений» и «гнусных фальсификаций» воинствующих антикоммунистов, утверждавших, что Коминтерн вмешивался в дела компартий Латинской Америки, что международное коммунистическое движение, в том числе и в странах Латинской Америки, управляется из Москвы», стало традицией марксистской историографии². Было невозможно даже пытаться анализировать международную составляющую функционирования любой компартии, находящейся в подполье или действовавшей легально, т. к. это автоматически привело бы к обвинениям в подрывном характере ее деятельности, инспирированной извне. Такое лавирование означало, по сути, отказ от главного принципа, положенного в основу самого существования всемирной компартии, – международной партийной дисциплины, предусматривавшей и получение директив из центра, и обязанность исполнять эти директивы, и определенные организационные и финансовые отношения между штаб-квартирой III Интернационала и его секциями.

Попытки оспорить утверждения о единстве действий компартий, строящиеся на «приказах из Москвы», на строжайшем исполнении указаний «находящегося в руках Москвы Коминтерна», приводили или к голословному отрицанию такой взаимосвязи, или к невольному подтверждению тезиса, подвергавшегося критике. Яркий пример последнего показала книга заведующего международным отделом ЦК Венгерской Социалистической Рабочей партии Ф. Пуйя «Единство и дискуссия в международном коммунистическом движении». Утверждая наличие права отдельных отрядов коммунистического движения, действующих иногда в отличающихся условиях, на различные взгляды по тем или иным вопросам движения, венгерский коммунист указал среди важнейших основ монолитного единства на демократический централизм. В качестве другой основы единства Пуйя выделяет признание руководящей роли КПСС: «...оной

¹ Caballero M. La Internacional Comunista y la revolucion latinoamericana. 1919–1943. Caracas, 1987. P. 26.

² Михайличис Н.А. Идеология и политика антикоммунизма в Латинской Америке. Минск, 1975. С. 75–76.

монолитного единства было наличие руководящего органа, "центра" коммунистического движения, который был создан коммунистическими партиями и функционировал также на добровольной основе... Коммунистические партии принимали оценки, решения и постановления Коминтерна и считали их обязательными для себя, в том числе, как правило, и те партии, которых касались эти оценки или решения. Естественно, и в период монолитного единства проявлялись идеологические и политические разногласия между той или иной коммунистической партией и остальными партиями. Для разрешения разногласий использовались различные методы: дискуссии, критика, убеждение, но, к сожалению, и административные меры – принятие решений, в которых клеймились отдельные партии, смена руководства отдельных партий, роспуск некоторых партий и даже их "исключение" из коммунистического движения. Хотя эти жесткие меры означали порой вмешательство во внутренние дела соответствующих партий [здесь и далее в цитатах, если не оговорено иное, курсив наш. – В.Х., Л.Х.], коммунисты, как правило, соглашались с этими мерами даже в тех случаях, когда принимались ошибочные решения и постановления». Из всего этого делается совершенно нарядоксальный вывод: «Монолитное единство коммунистического движения ни в ком случае не может рассматриваться как нечто насильственно навязанное движению. С одной стороны, тогдашний этап развития коммунистического движения требовал такого единства, и никакое другое единство не могло бы существовать. С другой стороны, коммунистические партии и вообще коммунисты добровольно принимали и считали для себя обязательными сущность монолитного единства и методы его поддержания»¹.

Невозможно отрицать добровольную основу присоединения компартий, в том числе и латиноамериканских, к III Интернационалу и, следовательно, принятия на себя жестких условий подчинения международной дисциплине. Но в этом то и состоит двусмысленность позиции отрицания верности позиции т. н. антикоммунистической историографии. Признание действия принципов демократического централизма и остальных условий приема в Коминтерн автоматически означает согласие с тезисом о руководстве коммунистическим движением из Москвы и подчинение решениям Коминтерна, даже если это противоречило мнению партий и специфическим условиям развития революционного движения в стране или во всей Латинской Америке.

¹ Путия Ф. Единство и дискуссия в международном коммунистическом движении. М., 1970. С. 14–16.

В некоторых компартиях взгляд на свой исторический нуть стал меняться в 1980-е гг. Первыми к необходимости нересмотра уставревших конценций партияной истории пришли мексиканские коммунисты. Во многом это было связано с процессами, происходившими в самой партии, её сближением с нозициями «еврокоммунизма». Нельзя не уомянуть работу многолетнего руководителя компартии Мексики А. Мартинеса Вердуго «Коммунизм в Мексике»¹. Автор нолучил доступ к фондам архива III Интернационала еще в 1970-е – 1980-е гг.² и в отличие от аргентинских коммунистов ипользовал ряд важных сведений в своей книге, что сделало её ценным исследованием истории компартии Мексики и ее связей с Москвой, не нтерпявшим своего значения до сего дня.

Почти в то же время вышли две работы, в которых была сделана нонятка составить хронологию исторического нуту КПМ, ноказать основные вехи ее участия в международном коммунистическом движении и нолитической жизни Мексики³. Свои исследования Г. Пелаэс и М. де Неймет провели на основе анализа онубликованных документов Коминтерна и КПМ, партияной прессы, литературы. Издание «Хронологий» стало важным этаном в изучении истории КПМ и всего левого революционного движения страны, при этом не обошлось и без идеологических клише из прошлого. По нривычке критикуя «антикоммунистических», «троцкистских», «реформистских» и т. д. «лжецов и фальсификаторов», настаивающих на искусственном происхождении КПМ, основанной на «золоте Москвы», или утверждающих, что КПМ – «деформированное сознание» мексиканского пролетариата и «исторически» не существует, Пелаэс не нтался онровергнуть их конценции. И если М. де Неймет хотя бы нунктиром, основываясь на доступной информации, обозначала участие КПМ в деятельности Коминтерна, то Пелаэс сводил к минимуму освещение сюжета о влиянии III Интернационала на формирование и развитие коммунистического движения в стране. Так, например, подчеркивая важность выяснения момента создания компартии, он нроигнорировал факт основания КПМ Л. Гэйла, которого назвал «авантюристом», никак не обосновав такую характеристику.

¹ Martinez Verdugo A. (ed.) Historia del comunismo en México. México: D.F., 1985.

² Еще до выхода в свет книги А. Мартинеса Вердуго некоторые документы из архива Коминтерна были онубликованы им в партияной пресце [Manifiesto del Buro Latinoamericano de la III Internacional a los trabajadores de America Latina // Oposición (México). 23–28.8.1979; Programa de Accion. Adoptado por el Primer Congreso Nacional Socialista // Oposición (México). 19–25.7.1979].

³ Peláez G. Partido Comunista Mexicano. 60 años de historia. Tomo I (Cronología 1919–1968). México, 1980; Neymet M. de. Cronología del Partido Comunista Mexicano. Primera parte, 1919–1939. México, 1981.

Обе «Хронологии» обошли своим вниманием миссию Бородина в Мексике, только отметив факты деятельности Латиноамериканского бюро и Американского агентства; совершенно упустили из виду работу представителей Коминтерна. Конечно, подробно исследовать международную составляющую деятельности партии обоим авторам не позволила ограниченная источниковедческая база, но в их распоряжении были некоторые документы, полученные А. Мартинесом Вердуго в Москве, но они предпочли эти сюжеты обойти.

В послевоенных исследованиях Латинской Америки в СССР проблемы коммунистического движения 1920-х гг. заняли одно из ведущих мест. А.М. Зорина в первой опубликованной после войны статье выдвинула ряд положений, которые легли в основу последующих исследований советских латиноамериканистов. Отметив влияние Первой мировой войны на возрастание политического веса Латинской Америки в международной политике, углубление межимпериалистических противоречий, развитие экономического кризиса и рост политической активности масс, она подчеркивала, что Октябрьская революция стала стимулом развития классового сознания. В статье показаны различные пути формирования компартий, «рождавшихся в борьбе с анархо-синдикализмом и национал-реформизмом»¹. В более поздних работах, посвященных революционному движению Кубы, исследовательница отмечала большое влияние Коминтерна на развитие кубинского пролетариата, «содействие росту его политической и классовой сознательности и развитию чувства пролетарской солидарности»².

Первая в советской историографии оценка роли VI конгресса Коминтерна для развития коммунистического движения континента была дана в работе М.В. Данилевич, отметившей, что документы конгресса указывали на необходимость учета специфических условий при определении путей революции, и обратившей вместе с тем внимание на сектантскую оценку конгрессом роли национальной буржуазии. Первую конференцию коммунистов континента М.В. Данилевич охарактеризовала как «важную веху в освободительном движении этого периода»³.

¹ Зорина А.М. Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Латинской Америки // Вопросы истории. 1949. № 9.

² Зорина А.М. Великий Октябрь и рабочее движение на Кубе // Вопросы истории. 1967. № 9; она же. Революционное движение на Кубе. 1917–1925. М., 1971; Она же. Рабочее движение на Кубе от первых выступлений пролетариата до образования коммунистической партии. М., 1975.

³ Данилевич М.В. Положение и борьба рабочего класса стран Латинской Америки. М., 1953; она же. Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки. М., 1962.

Анализ работы конференции занимает в советской историографии важное место. Ее значение для идейного и организационного укрепления партий отмечал Н.М. Лавров¹. Он определил характер революции в Латинской Америке, конференция заложила «фундамент для верной революционной политики компартий в странах Латинской Америки», подчеркивали Б.М. Лейбзон и К.К. Шириня². А.Ф. Шульговский отмечал, что рассмотрение конференцией итогов забастовки 1928 г. в Колумбии свидетельствовало о понимании коммунистами усиления роли рабочего класса в антиимпериалистической борьбе. Проанализировав обсуждение расовой проблемы, он подчеркивал творческий характер дискуссии по вопросу о нраве индейцев и негров на самоопределение. Указывая на историческое значение конференции, он указывал на «неточные, односторонние оценки значения различных социальных сил в революционных движениях», на то, что некоторые проблемы, выдвинутые конференцией, длительное время «не разрабатывались латиноамериканскими марксистами, не всегда правильно ими истолковывались».

В.И. Ермолаев исследовал эволюцию латиноамериканского рабочего движения; привел факты, подтверждающие деятельность пролетарских марксистских организаций в Латинской Америке в XIX веке, распространение марксизма в рабочей печати еще в период I Интернационала и позволяющие опровергнуть тезис о занесении коммунистических идей на континент «большевиками и красными агитаторами» лишь после Октябрьской революции. В книгах и статьях В.И. Ермолаева были предложены принципы научной периодизации латиноамериканского революционного движения, показаны особенности формирования некоторых компартий. Советский ученый отметил роль деятельности Л.Э. Рекабаррена, С. Катаямы, Х.А. Мельи в становлении компартий Аргентины и Мексики, показал некоторые формы интернациональных связей³. Будучи одним

¹ Лавров Н.М. Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки // История международного рабочего и национально-освободительного движения. Ч. II: 1917–1939 годы. М., 1969.

² Лейбзон Б.М., Шириня К.К. Поворот в политике Коминтерна. Историческое значение УП конгресса Коминтерна. 2-е изд. М., 1975.

³ Ермолаев В.И. Подъем борьбы рабочего класса в Аргентине (1918–1922) // Вопросы истории. 1952. № 11; он же. Подъем революционного движения в Латинской Америке (1918–1923) // Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958; он же. Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америки // Вопросы истории. 1959. № 1; он же. Великий Октябрь и революционный подъем в Латинской Америке // СССР и Латинская Америка. 1917–1967. М., 1967; он же. Распространение марксистского учения в Латинской Америке при жизни основателей научного социализма // К. Маркс и Латинская Америка. М., 1970.

из немногих исследователей, имевших доступ к документам архива Коминтерна, Ермолаев допустил, однако, в своих работах и серьезные ошибки. Так, он считал компартию Аргентины «нервной секцией III Интернационала в Латинской Америке»¹, что противоречит фактам: КПА, хотя и являлась нервной компартией, созданной еще до основания Коминтерна, формально была принята в международную компартию только во время работы III всемирного конгресса, а компартия Мексики – уже на II конгрессе.

Существенную роль в освещении взаимоотношений III Интернационала с Латинской Америкой сыграли работы С.И. Семёнова, уделившего особое внимание первым контактам марксистов континента с В.И. Лениным в период деятельности Международного социалистического бюро. Автор привел данные об интересе вождя большевиков к латиноамериканскому революционному движению, его встречах с латиноамериканскими революционерами и влиянии личности вождя большевиков на идейное формирование лидеров компартий региона. Расширение проникновения в Латинскую Америку идей марксизма-ленинизма он связывает с развитием интернациональных связей, деятельностью региональных органов Коминтерна. Работы С.И. Семёнова заняли особое место в советской латиноамериканистике. Его анализ рассмотрения проблем Латинской Америки Коминтерном в свете идей В.И. Ленина позволил точно выделить некоторые ошибочные оценки VI конгрессом ситуации в Латинской Америке, показать значение VII конгресса для развития латиноамериканского революционного движения².

Иногда небольшие фактические ошибки воздействовали на формирование принципиально иного концептуального подхода. К сожалению, они имелись и в работах С.И. Семёнова. Так, например, утверждение об установлении Социалистической партией Мексики контакта с Американским агентством Коминтерна в марте 1919 г. и объявлении созыва рабочего конгресса³ могло создать представ-

¹ Другой фактической ошибкой советского историка было указание на решение Первой конференции коммунистов Латинской Америки создать совместный журнал «La Correspondencia Sudamericana». В действительности журнал как орган ЮАСКИ издавался с 1926 г. Ермолаев В.И. Компартия Аргентины – нервная секция III Интернационала в Латинской Америке // Новая и новейшая история. 1959. № 3.

² Семёнов С.И. Произведения В.И. Ленина в Латинской Америке // Латинская Америка. 1970. № 2; он же. О подходе марксистов-ленинцев к вопросам антиимпериалистической борьбы в Латинской Америке // За единство всех революционных и демократических сил. М., 1966; Семёнов С.И., Шульговский А.Ф. Роль Хосе Карлоса Мариатеги в создании коммунистической партии Перу // Новая и новейшая история. 1957. № 5.

³ Семёнов С.И. Зарождение коммунистического движения в Латинской Америке // Первый конгресс Коминтерна. Великий Октябрь и рождение международного коммунистического движения. М., 1986. С. 501.

ление о работе Национального Социалистического конгресса под эгидой III Интернационала, что меняет вектор отношений рабочего движения Мексики и международной компартии, представление о раскладе сил на конгрессе, позволяет поставить под сомнение самостоятельность его решений о формировании новой партии и ее присоединении к Коминтерну. Инициатива установления прямых контактов III Интернационала с революционным движением Мексики исходила из Москвы, но Бородин приехал уже после конгресса и оказал влияние не на его решения, а на преобразование СПМ в компартию, создание Латиноамериканского бюро III Интернационала, формирование делегации на II конгресс Коминтерна. Версия об установлении контакта мексиканских социалистов с III Интернационалом уже в марте 1919 г., т. е. сразу же после его создания, подтверждала бы слова М.Н. Роя о МКП как первой компартии вне России, сводя на нет приоритет в Латинской Америке Интернациональной социалистической партии Аргентины. Кроме того, Панамериканское бюро (Американское) агентство было сформировано после II конгресса Коминтерна и никак не могло влиять на процессы, происходившие в 1919 г.

Советские исследователи В.М. Гончаров, В.И. Ермолаев, Ю.Н. Королев, Ю. Погосов уделяли значительное внимание изучению биографий руководителей латиноамериканских компартий¹. Серьезным недостатком этих работ является их анологетический характер и дефицит информации об участии персонажей в интернациональной деятельности: в лучшем случае это сведения о должностях в Коминтерне, других организациях, участии в конгрессах и конференциях; констатация влияния Октябрьской революции, пребывания в Москве на героев книг при почти полном отсутствии сведений о характере работы ИККИ, ЮАСКИ, Всеамериканской антимпериалистической лиги.

Так, например, В. Гончаров в жизнеописании В. Кодовильи дает портрет «мужественного пролетарского борца», «обаятельного и отважного человека, посвятившего себя самой благородной цели – борьбе за социальную справедливость, за счастье людей труда»². Как

¹ Гончаров В.М. Камарада Викторιο (о Викторιο Кодовилье). М., 1980; он же. Викторιο Кодовилья – революционер, интернационалист, патриот // Новая и новейшая история. 1978. № 6; 1979, № 1, 2; он же. Родольфо Гюльди – ученый, революционер, коммунист // Родольфо Гюльди. Избранные статьи и речи. М., 1979; Goncharov V. El camarada Victorio, semblanza de V. Codovilla. Moscú, 1980; Ермолаев В.И., Королев Ю.Н. Рекабаррен – великий гражданин Чили. М., 1970; Погосов Ю. Медья. М., 1968.

² Самарин В. Рецензия на кн.: Камарада Викторιο. М., 1980 // Коммунист. 1981. № 1. С. 126.

абсолютно успешная показана его интернациональная деятельность. На серьезные противоречия с реальностью указал почти сразу после выхода книги мексиканский историк Х. Пелаз, урекнувшийся советского ученого в использовании метода «улучшения истории», «характерного исключительно для наследия Александера, Альбы, Гарсия Тревиньо и остальных буржуазных и империалистических специалистов»¹. Для истории КПМ принципиальную роль имеет оценка роли Кодовильи в нечисто известной «чистке» 1940 г. В описании Гончарова аргентинец выглядит как скромный товарищ по борьбе, участвующий в заседаниях ЦК КПМ по просьбе его членов, готовый высказать свою позицию, если она интересует мексиканцев, оставляющий за ними право решать и никогда не навязывающий своего мнения. К такому иконописному образу не хватало одного штриха: Кодовильи приехал не как частное лицо – эмигрант, возвращающийся на родину после многолетнего отсутствия, а с полномочиями представителя Коминтерна для Южной Америки, имевшими особое значение, учитывая пребывание в Мексике Троцкого. Один этот факт не позволяет согласиться с благостными оценками личности эмиссара ИККИ, который, как показывают документы архива Коминтерна, играл важную, но далеко не всегда позитивную роль в международном коммунистическом движении.

Серьезный вклад в изучение идеологического воздействия Октябрьской революции на радикальное направление латиноамериканского рабочего движения сделан в работах Б.И. Ковалев, оценившего процесс формирования коммунистических партий как «весьма неравномерный» и шедший «неодинаковыми путями». В его книгах и статьях обобщен и подвергнут анализу обширный фактический материал, позволивший представить картину формирования компартий, сделана попытка продемонстрировать степень идеологического влияния Коминтерна на его латиноамериканские секции на примерах обсуждения важнейших теоретических проблем революционного движения Нового Света VI всемирным конгрессом, Первой конференцией коммунистов Латинской Америки, руководящими органами III Интернационала². Важное значение имеет предложенная Б.И. Ковалевым и Н.С. Коноваловой периодизация развития рабочего движения Латинской Америки³.

¹ Peláez G. Una biografía de Victorio Codovilla // Oposición (México), 29 de noviembre de 1981.

² Ковалев Б.И. Рабочее движение в Латинской Америке. М., 1979; он же. Свет Октября над Латинской Америкой. М., 1977; он же. Революционный опыт XX века. М., 1987.

³ Ковалев Б.И., Коновалова Н.С. Октябрьская революция и начало нового этапа рабочего движения в странах Латинской Америки // Новая и новейшая история», 1967, № 4.

В 1970-е – 1980-е гг. появились работы, авторы которых с объективистских позиций оценивали важные аспекты истории компартий Латинской Америки, в том числе и их международные связи. В фундаментальном труде профессора Техасского университета Д.Ф. Даллеса подробно анализируются становление коммунистического движения Бразилии, взаимодействие и противоборство анархистского и марксистского течения. Американскому ученому удалось сохранить максимальную объективность и беспристрастие при рассмотрении международных связей бразильских коммунистов. На основе обширного круга источников – бразильской и иностранной прессы, мемуаров и интервью, Д.Ф. Даллес представил наиболее полную схему контактов коммунистических групп и КПБ с Коминтерном и его региональными органами, которая сейчас в значительной мере подтверждается архивными документами¹.

Примером взвешенного подхода, не ограниченного идеологическими клише, стала работа П.И. Тайбо II², нарративное исследование истории левого радикального течения мексиканского революционного движения, основанное на скрупулезном изучении архивов Мексики, США и Голландии, прессы 1920-х гг., воспоминаний участников событий, научной литературы. Мексиканскому писателю и журналисту удалось нарисовать довольно объективную картину зарождения и развития коммунистической партии, влияния на этот процесс американских, испанских, латиноамериканских эмигрантов (левых социалистов и анархистов), показать характер противоречий в левом секторе рабочего движения. Мексиканский исследователь уделил значительное внимание влиянию на процесс становления компартии М. Бородина, М. Роя, Ч. Филлинса, С. Катаямы.

В последнее время предпринимается попытка пересмотра роли некоторых исторических лидеров компартий, отстраненных от руководства в результате расколов и чисток, оставшихся в партийной истории с клеймом «ренегатов» или исчезнувших из публикаций вовсе. Восстановить правду о роли и месте в истории компартии Аргентины группы «Чиспа» («Искра») и ее лидера К. Ориоло, разоблачить миф о руководящей роли В. Кодовильи и Р. Гиольди в партии – такую задачу поставил Х. Ориоло³. Однако методы, избранные им для исследования, оказались препятствием для его реализации.

¹ Dulles J.W.F. *Anarchists and Communists in Brazil, 1900–1935*. Austin, 1973.

² Ferreira Lima H. *Caminhos percorridos. Memórias de militância*. S.L. 1982; Taibo II P. I. *Bolsheviks. Historia narrativa de los orígenes del comunismo en México (1919–1925)*. México, 1986.

³ Oriolo J. *Antesbozo de la historia del Partido Comunista (1918–1928)*. Buenos Aires, 1994.

Автор непросту изменил оценки аргентинского «краткого курса» на противоналожные. Низвергнув идолов и возведя на неместал надших ангелов, он не взял на себя труд доказать аутентичность новых оценок, не привел новые документы, подтверждающие его позицию. Так же как авторы подвергнутых им критическому разбору «Очерков», Ориоло обходит вопросы влияния Коминтерна на деятельность КПА, взаимодействия аргентинской партии с международным коммунистическим движением.

В 1970-х – 1980-х гг. началось целенаправленное изучение характера и структуры организационных связей III Интернационала и его латиноамериканских секций, влияния мировой компартии на развитие коммунистического движения континента, резко активизировавшееся с момента открытия для исследователей архива Коминтерна (работы Ф. Хрбаты¹, М.С. Давыдовой, С.И. Семёнова², Ю. Мотеса³, В.А. Казакова⁴, Н.П. Калмыкова⁵, В.Н. Кутейщиковой⁶, Д. Спенсера⁷,

¹ Хрбата Ф. Влияние Коммунистического Интернационала на образование и развитие революционных партий в странах Латинской Америки // Ленинизм и Латинская Америка. Всесоюзная научная конференция, Москва, 8–10 апреля 1971 г. Ч. I. М., 1972.

² Семёнов С.И. Коминтерн и его латиноамериканские секции: становление механизма взаимодействия // Международная организация коммунистов: Материалы пленарного заседания секции «Коминтерн – международная организация коммунистов» научной конференции Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Института международного рабочего движения АН СССР. Москва, 27–28 декабря 1989 г. М., 1990; Давыдова М.С. К истории становления связей Коминтерна с Компартиями Латинской Америки // Там же.

³ Mothes J. Zur Geschichte des Secretariado Sudamericano de la Internacional Comunista – Ein Beitrag zu einem noch wenig bekannten Führungsorgan der Kommunistischen Bewegung // Lateinamerika. Semesterbericht der Sektion Lateinamerikawissenschaften der Wilhelm-Pieck Universität, Rostock, Frühjahr-Semestr, 1982; Comintern Politics concerning Latin America // The History of the Communist International and its National Sections / ed. by Jürgen Rojahn, IISG Amsterdam, in print by Peter-Lang-Verlag Pfm; “Luis” gegen Mariátegui? Zur Rolle von Jules Humbert-Droz bei der Entwicklung der Lateinamerikapolitik der Kommunistischen Internationale // Centenaire Jules Humbert-Droz, Colloque sur l’Internationale communiste. Actes, La Chaux-de-Fonds, 1992.; “Im Zeichen der Selbstkritik!”. Lateinamerika 1929–1933: Die Kommunisten in der Krise // Kommunisten verfolgen Kommunisten. Stalinistischer Terror und “Säuberungen” in den kommunistischen Parteien Europas seit den dreißiger Jahren. Berlin, 1993.

⁴ Казаков В.А. Коминтерн, компартия и рабочее движение в Аргентине // Латинская Америка. 1996. № 11.

⁵ Калмыков Н.П. Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке // История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. М., 2002.

⁶ Кутейщикова В.Н. Москва – Мехико – Москва. Дорога длиной в жизнь. М., 2000.

⁷ Spenser D. El triángulo imposible, México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte. México, 1998.

В.Л. Хейфеца, Л.С. Хейфеца¹, А.А. Щелчкова², И.И. Янчука³). Примером обобщающего, комплексного исследования стала монография израильского историка Х. Лейбнера «Товарищи и союзники»⁴, посвященная истории компартии Уругвая второй половины XX столетия, но автор затронул и часть 1930-х – 1940-х гг. Лейбнером исследуются и иные – ненеполитические – аспекты истории компартии, в частности эволюция партийной идеологии, влияние европейских коммунистов и т. п.⁵ Однако ранняя история партии, становление ее связей с Коминтерном, работа в качестве национальной секции «всемирной коммунистической партии» до сих пор исследованы недостаточно.

В отечественной историографии новые подходы к изучению проблем взаимодействия и взаимосвязи советской внешней политики и III Интернационала, совмещения дипломатической деятельности и коминтерновской работы в странах Латинской Америки вызвали дискуссию в журнале «Латинская Америка». И если в начале научной полемики выводы базировались на известных источниках или на предположениях, то обнаруженные уже в ходе обсуждения документы позволили прийти к однозначному выводу о дуализме советской внешней политики и прямом участии некоторых советских дипломатов в деятельности III Интернационала в Латинской Америке⁶.

¹ См.: раздел «Библиография» настоящего издания.

² Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии, 1936–1939 гг. М., 2001; он же. К истории создания компартии в Боливии // Латинская Америка. 1996. № 5; он же. Кризис 30-х годов в Боливии: гражданское общество и государство // Латинская Америка. 1995. № 12; он же. Неопределенная верность. Хосе Антонио Арсе и Коминтерн // Латинскоамериканский исторический альманах. 2016. Т. 16. Специальный выпуск. С. 310–331.

³ Янчук И.И. Хосе Карлос Мариатеги и Коминтерн (документальный очерк) // Латинская Америка. 1997. № 7–9; он же. Коминтерн и Перу: выборы 1931 г. (по документам РЦХИДНИ) // Латинскоамериканский исторический альманах. 2000. № 1; он же. Третья конференция компартий Южной и Карибской Америки, Москва, 16–28 октября 1934 г. // Латинскоамериканский исторический альманах. М., 2002. № 3.

⁴ Leibner G. Camaradas y compañeros. Una historia social y política de los comunistas del Uruguay. Montevideo: Trilce, 2011.

⁵ См.: Leibner G. Repensar la dependencia ideológica y el eurocentrismo en el comunismo uruguayo (1934–1955) // El comunismo en América Latina. Experiencias militantes, intelectuales y transnacionales (1917–1955) / Patricio Herrera Gonzalez (coord.), Chile, Universidad de Valparaíso, 2017. P. 101–121. Leibner G. Women in Uruguayan Communism: Contradictions and Ambiguities, 1920s–1960s // Journal of Latin American Studies. 2017, October. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-latin-american-studies/article/women-in-uruguayan-communism-contradictions-and-ambiguities-1920s1960s/6BF4E207BBABEBB12A149B55FB93B7CE>

⁶ Кутейнишкова В.Н. Еще раз о нервах советских полпредов в Мексике // Латинская Америка. 1994. № 1; Сизоненко А.И. Не выдать в тенденциозность // Там же. 1994. № 7–8; он же. Возможна и другая версия // Там же. 1996. № 3; Хачатуров К.А.

С.Б. Брилев обращается к деятельности уругвайской компартии в контексте международного положения в Латинской Америке накануне и в период Второй мировой войны¹, становления советско-уругвайских отношений (как в рамках деятельности «Южамторга», так и в рамках кампании помощи СССР в годы войны), отдельных исторических событий².

Важный вклад в исследование проблемы механизма функционирования всемирной коммунистической партии в целом сделали Г.М. Адибеков, Э.Н. Шахназарова, К.К. Шириня, на основе скрупулезного анализа архивных документов впервые в историографии составив достаточно полную структуру руководящих органов III Интернационала и показав характер их эволюции³. И хотя развитие структуры Коминтерна на латиноамериканском направлении деятельности показано недостаточно полно, следует признать истинно новаторский характер этой работы, ставшей настольной книгой для всех исследователей истории международного коммунистического движения.

Попытки обобщить первые результаты исследований с использованием архивных документов Коминтерна и его латиноамериканских секций были предприняты на круглых столах, проведенных редакциями журналов «Латинская Америка» (Москва) и «Клио» (Санкт-Петербург)⁴, на симпозиуме «Коммунистический Интернационал и левые движения Латинской Америки», проходившем в рамках IX, X и XII конгрессов Международной федерации исследователей Латинской Америки и Карибского бассейна (Тель-Авив, 1999; Москва, 2001; Рим, 2005), международных конференциях «Исторические судьбы Латинской Америки в XX веке» (Москва, 2000); «Коминтерн в Москве: перекресток цивилизаций» (Москва, 2000); «Коммунистический Интернационал: личности, аппарат и структура» (Ганновер, 2004), 51-м международном конгрессе амери-

«Бриллианты для диктатуры пролетариата» // Там же. 1994. № 10; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коммунизм с одним «м» // Там же. 1995. № 9; Он же. Пора отказаться от тенденциозности и наивности // Там же. 1995. № 4. См. также: Сизоненко А.И. Станислав Пестковский – первый советский полпред в Мексике // Дипломатический ежегодник. М., 1992.

¹ Брилев С.Б. Страна «запоза» // Международная жизнь. 2016. № 7. С. 145–184; он же. Забытые союзники во Второй мировой войне. М.: Олма-пресс, 2012.

² Он же. Огненная крутосветка // Международная жизнь. 2017. № 4. С. 113–140.

³ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997.

⁴ Коминтерн и Латинская Америка. Круглый стол в редакции журнала «Латинская Америка» // Латинская Америка. 1999. № 10, 12; Коммунистический Интернационал: новое прочтение истории всемирной коммунистической партии. Круглый стол в редакции журнала «Клио» // Клио. 2000. № 3(12).

канистов (Сантьяго-де-Чили, 2003) и 53–55-х международных конгрессах американистов (Мехико, 2009; Вена, 2012; Сан-Сальвадор, 2015). В этих обсуждениях кроме большинства неречисленных выше участвовали исследователи из различных стран: Б. Байерляйн, Р. Тоссторф, К. Мешкат, К. Хацки (Германия), Э. Чинг, Ф.И. Фирсов (США), Д. Фрахтенберг (Аргентина), П. Хубер (Швейцария), Х. Лейбнер (Израиль), Б. Карр (Австралия), Д. Мельхер (Венесуэла), Р. Мельгар Бао, Р. Ортис, А. Саборит (все трое из Мексики), Ю. Паккасвирта (Финляндия), О. Ульянова (Чили), С. Розенталь, К.Л. Майданик (оба из России).

Работа ученых многих стран в архиве Коминтерна позволила в последние годы добиться важных результатов в исследовании биографий деятелей международного коммунистического движения. В итоге был сделан прорыв в ликвидации многочисленных «белых пятен», восстановлены не только факты биографий отдельных людей, но и сами персонажи истории Коминтерна и его секций вернулись на свое место, откуда они были низвергнуты. Постепенно, медленно, не без ошибок происходит процесс переоценки роли личностей¹. И каждая новая публикация позволяет ученым и людям, просто интересующимся этими сюжетами, приоткрывать завесу тайны, долгие годы покрывавшую многие судьбы. Безусловно, положительной стороной этой работы является ее интернационализация. Ученые различных стран объединяют усилия для того, чтобы ускорить выход в свет биографических словарей, щедро делятся полученной в результате своих исследований информацией².

В новом ракурсе рассматриваются судьбы работников Коминтерна и партий в опубликованных в последние годы биографиях Л.К. Престеса, Х.А. Мельи, А. Гуральского, Б.Д. Михайлова, в которых использован значительный комплекс архивных материалов³.

¹ Значительную работу проделал по собиранию биографических данных и исследованию директор Института Троцкого П. Бруэ, но серьезным недостатком его биографического словаря является отсутствие сравнительного анализа источников и, как следствие, многочисленные ошибки. Broûe P. Histoire l'International Communiste. Paris, 1997.

² Komintern: L'histoire et les hommes. Dictionnaire biographique de l'International communiste en France, en Belgique, au Luxembourg, en Suisse et à Moscou (1919–1943). Sous la direction de José Gotovitch, Mikhaïl Narinski, Michel Dreyfus, Claude Penneret, Brigitte Studer, Henri Wehenkel, Serge Wolikow. Paris, 2001; Jeifets L., Jeifets V., Huber P. La Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004.

³ Коваль Б.Н. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005; Пантелеев М. Агенты Коминтерна. М., 2005; Hatzky Ch. Julio Antonio Mella (1903–1929). Eine Biografie. Frankfurt am Main, 2004.

Несмотря на проделанную в последнее время исследовательскую работу, в изучении проблемы становления и развития организационных связей III Интернационала и его национальных секций имеется еще немало белых пятен. Это объясняется просто – объем документов архива Коминтерна столь велик, что понадобится еще немало лет и усилий многочисленных ученых, чтобы представить полную картину действия сложного организационного механизма всемирной коммунистической партии. Наша монография является попыткой показать специфику зарождения организационных связей III Интернационала и коммунистического движения Латинской Америки, характер отношений всемирной коммунистической партии с ее национальными секциями в Западной Америке, проследить особенности формирования региональных органов Коминтерна в регионе и их эволюции, рассмотреть опыт руководства III Интернационалом латиноамериканскими коммунистическими партиями.

1.2. Источниковедческие проблемы исследования связей III Интернационала и коммунистического движения Латинской Америки

Исследование истории латиноамериканского коммунистического движения и его связей с III Интернационалом ставит ряд проблем источниковедческого характера. В первую очередь это связано с тем, что объектом изучения являются не только результаты деятельности человека в виде исторических событий и явлений, но также формы и методы ее реализации во времени и пространстве. Исследуется и творческая деятельность человека, выраженная в эмоциональном, рациональном и интеллектуальном восприятии им окружающей действительности, мир его идей в развитии и воздействие идеологии на политику.

Эта исследовательская дилемма в полной мере отразилась и в историографии – в глобальном споре марксистского и немарксистского течений. Противники коммунистического движения стремились доказать, что деятельность национальных секций Коминтерна направлялась из Москвы и они не были самостоятельны. Коммунисты, напротив, настаивали на самостоятельности своих партий, обходя по возможности принципиально важную тему – характер отношений между своими партиями и штаб-квартирой Коминтерна в Москве. Все участники дискуссии основывались на предположениях и догадках, не имея возможности подтвердить свои теории документами. Множество документов Коммунистического Интернационала, как и материалы аффилированных с ним структур (стенографические отчеты всемирных конгрессов и пленумов ИККИ, матери-

алы о деятельности руководящих органов Интернационала), были опубликованы десятилетия назад¹, но официальные документы ни в коем случае не могут быть единственным источником изучения левого движения, поскольку они редко отражают противоречия и споры по вопросам, рассматривавшимся руководством и рабочими органами III Интернационала, из них невозможно понять механизм принятия решений во всемирной коммюнистической партии. Отчасти ситуацию исправляли мемуары активистов международной коммунистической партии и покинувших ее диссидентов, но степень достоверности их воспоминаний не всегда высока. Воспоминаниями Ф. Пинтоса, М. Диаса Рамиреса, Э. Лаферте, Л.К. Престеса, М. Мармоля, К. Равера, Б. Роки, Ф. Гробарта, Р. Николау, Э. Воога, В. Видали, Л. Фернандеса Санчеса, Л. де ла Торренте, А.Р. Руиса Кортеса, А. Берналя дель Риэго пользовались и «официальные» партийные историки, однако лишь фрагментарно.

Особого рассмотрения заслуживают воспоминания М.Н. Роя², содержащие немало ценных фактов о миссии в Мексике эмиссара Коминтерна и советского дипломата М. Бородина в 1919 г. и создании коммунистической партии. В то же время книга Роя зачастую содержит факты, не подтверждаемые иными источниками событий, или откровенно вымышленную информацию, как, например, сведения о проведении конференции социалистов в Мексике в конце 1918 г. Несмотря на указанные недостатки, сочетание этих воспоминаний с мемуарами других лиц позволяет уточнить детали процесса образования коммунистической партии и роль в этом представителя Коминтерна Ч. Филлинса сумел не только поделиться воспоминаниями в 1960-е гг., но, дожив до советской перестройки, дополнил их три десятилетия спустя³. Однако автор обошел своим вниманием ряд ключевых эпизодов в истории

¹ См., например: Второй конгресс Коминтерна. Июль–август 1920 г. / под ред. О. Пятницкого, Д. Мануильского, В. Кюрина, М. Зоркого. М., 1934; Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет. Ч. I–II. М.; Л., 1925; Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 1–6. М.; Л., 1929; Коммунистический Интернационал перед Шестым Всемирным конгрессом. Обзор деятельности ИККИ и секций Коминтерна между V и VI конгрессами. М.; Л., 1928; Bajo la bandera de la C.S. L.A. Resoluciones y documentos varios del Congreso Constituyente de la Confederación Sindical Latino Americana efectuado en Montevideo en Mayo de 1929. Montevideo: s. d.; El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana. Junio de 1929. Buenos Aires, 1929.

² [Roy M.N.] M.N. Roy's Memoirs. Bombay; New Delhi, 1964.

³ Gomez M. From Mexico to Moscow // Survey (London). 1964. № 53; 1965. № 55; Schipman Ch. It Had to be a Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca; L., 1993.

взаимоотношений мексиканских коммунистов с Коминтерном, прежде всего тех, где его он выглядел не очень «выигрышно».

Если воспоминания Роя, Филлинса и вдовы Л. Фрайны – Э. Кори¹ во многом сохранили свое значение как важные источники для выяснения контактов Коминтерна с революционным движением Латинской Америки, то книги активиста АПРА, генерального секретаря КП Перу, а впоследствии работника Информационного агентства США Э. Равинеса наполнены такой смесью правды и выдумок, что сводили на нет всю полезность информации, не позволяя правильно оценить характер отношений III Интернационала с его латиноамериканскими секциями². Однако, учитывая то обстоятельство, что Равинес был участником или свидетелем многих описываемых им событий, ряд исследователей приняли его откровения за достоверный источник: приведенные им «факты» и описанные им персонажи, а главное – их оценки были положены в основу концепции о всепроникающем влиянии вездесущих агентов Коминтерна. Взгляд Равинеса на события 1930-х гг. был распространен на весь период деятельности Коминтерна, что создало деформированную картину взаимодействия международной компартии с латиноамериканскими секциями.

Входивший в руководство КПМ великий мексиканский художник Д.А. Сикейрос, участник самых значимых мероприятий Коминтерна и Профинтерна в 1928–1929 гг., в своих мемуарах описал ряд мелких деталей, но не политическую суть этих встреч и конференций³. Критикуя своего коллегу по живописному цеху и коммунистической деятельности Д. Риверу за выдумки и использование в дискуссии ссылок на политические высказывания, которые нельзя проверить, сам Сикейрос позволил явные вольности при описании многих событий.

Он приписал авторство документа с обоснованием мотивов исключения Риверы из партии, настолько «грозного и столь четко аргументированного, но одновременно и настолько жестокого», что

¹ Corey E. *Passage to Russia* // Survey (London). 1965. № 55.

² Ravines E. *The Yenan Way*. N.Y., 1951; Ravines E. *América Latina. Un continente en erupción*. Buenos Aires, 1956; Ravines E. *La gran estafa*. La Habana, 1961.

³ Также подробно он описал причины и характер кампания против Троцкого в Мексике и даже некоторые детали подготовки возглавлявшейся им атаки на Койоакан, но «забыл» поведать о советских разведчиках, спланировавших эту операцию. Эта тема была настолько табуирована, что советский биограф Сикейроса И.Р. Григулевич, непосредственный участник организации покушения на Троцкого, вообще не упомянул об этих событиях, назвав причиной ареста художника-коммуниста в мае 1940 г. «патологическую ненависть в стане реакционеров». Григулевич И.Р. Сикейрос. М., 1980. С. 96.

ЦК КПМ якобы «единодушно решил не предавать его гласности», Б. Вольфу. Мемуарист удивляется, как мог американец после этого написать аналогетическую биографию Риверы¹, и приходит к выводу о том, что Вольф «стал непросту продажной особой». При этом подпольной КПМ было совершенно незачем обращаться за помощью в написании резолюции ЦК к находящемуся в США Вольфу (в Мексике в это время были представители Коминтерна Грольман и Воог, без участия которых подготовка такого документа не могла обойтись), который был исключен из КП США на две недели раньше Риверы. Обрывочная информация, подаваемая как полная, на деле искажала картину развития коммунистического движения, временами заставляя критиков сомневаться и во вполне достоверных фактах, изложенных в тех или иных мемуарах.

Сам Ривера действительно создал немало мифов о своей жизни. Так, он с наслаждением рассказывал, как «генеральный секретарь компартии Диего Ривера»² предъявил обвинения художнику Диего Ривере в коллаборационизме, в сотрудничестве с правительством Мексики и предложил исключить себя из партии³. Для новышения значимости своего исключения из КПМ автор заявил, что на Пленуме ЦК присутствовал специально приехавший для организации его исключения из Москвы секретарь ИККИ Д. Мануильский. На самом деле под псевдонимом «Педро» в Мексике находился представитель Коминтерна Грольман, также знакомый Ривере.

Мемуаристы, нлывая но «волнам своей памяти», нередко бессознательно искажали события. Типичным примером являются мемуары упомянутого экс-активиста КП Мексики и КП США, а впоследствии известного историка Вольфа. Его работа «Жизнь в двух столетиях»⁴ является источником двойственного характера: в ней содержится масса мелких и ценных деталей развития антиимпериалистического движения и неринетий внутренних противоречий в КПМ, при этом воспоминания абсолютно политизированы и, как большинство мемуаров, направлены на отстаивание своих прежних позиций.

До сего момента нет документальных подтверждений заявлениям Вольфа о контактах лидера КПМ М. Диаса Рамиреса с руководи-

¹ Wolfe B.D. The Fabulous Life of Diego Rivera. N.Y., 1963. В главе «Коммунистическая война против Риверы» Вольф только упоминает об исключении художника из партии, не описывая подробностей.

² Этого поста он никогда не занимал, хотя в 1923 г. очень короткое время был политическим секретарем ЦК.

³ Эррера Х. Фрида Кало. ¡Viva la vida! М., 2004; Леклезно Ж.-М. Диего и Фрида. М., 2003.

⁴ Wolfe B.D. A Life in Two Centuries. N.Y., 1981.

телем антиправительственного мятежа А. де ла Уэртой, якобы обещавшем партии деньги в обмен на поддержку; напротив, документы показывают, что кадровые перестановки в руководстве КПМ были вызваны фактором личных взаимоотношений, едва не привели к разрыву связей компартии с крестьянским движением и к ее полной маргинализации в середине 1920-х гг. Вольф обходит в своих мемуарах неудобные для него лично моменты – свою роль (совместно с сотрудниками полпредства СССР) в продавливании левацкой линии внутри КПМ.

В 1980-е гг. появились мемуарные работы, авторы которых с объективистских позиций попытались оценить важные аспекты истории коммунистического движения Латинской Америки, в том числе и международные связи компартий. Примерами такого взвешенного подхода, не ограниченного идеологическими клише, стали воспоминания ветеранов бразильской и перуанской компартий Э. Феррейра Лимы и Х. Портокарреро¹, которые знакомят с механизмом и характером обсуждения латиноамериканских вопросов в штаб-квартире Коминтерна в конце 1920-х гг., рассказывают об участии коммунистов Нового Света в праздновании 10-летия Октябрьской революции, обучении партийных функционеров в Международной Ленинской школе, деталях работы IV конгресса Профинтерна, конференции в Монтевидео и Буэнос-Айрес, освещают ряд моментов взаимоотношений национальных секций Коминтерна с московским руководством организации. Важны для понимания отношений коммунистов Мексики и их единомышленников Центральной Америке воспоминания одного из лидеров КПМ и генерального секретаря ФКМ Х. Фернандеса Анайи, дающие представления о характере его миссии в Центральной Америке. В сочетании с мемуарами М.А. Васкеса Эгисабалы и М. Мармоля они предоставляют возможность заполнить существовавшую долгие годы лауну в истории революционного движения в регионе².

Мемуары Ж. Эмбер-Дро в значительной мере отражают роль и место коммунистического движения континента в видении вождей

¹ Ferreira Lima H. Caminhos percorridos. Memórias de militância. S. L. 1982; Portocarrero J. Sindicalismo peruano. Primera etapa. 1911–1930. S. L. 1987.

² Fernández Anaya J. La fundación del Partido Comunista de El Salvador // Memoria (México). 1985. № 10 (mayo–junio); Figueroa Ibarra C. El «bolchevique mexicano» de la Centroamérica de los veinte. Entrevista a Jorge Fernández Anaya // Memoria (México). 1990. № 31 (septiembre–octubre); Taracena Arriola A. Un salvadoreño en la historia de Guatemala. Entrevista con Miguel Ángel Vázquez Eguizabal // Memoria (México). 1990. № 29 (enero–febrero); Мармоль М. Гнев и боль Сальвадора. Страницы жизни и борьбы. М., 1981.

мировой компартии, впрочем, их серьезным недостатком является фрагментарность информации, касающейся Латинской Америки¹.

Сегодня свободный доступ к огромному массиву документов (прежде всего к Архиву Коминтерна) дает возможность по-иному взглянуть на события тех лет. Документы Российского государственного архива социально-политической истории, созданного на базе ЦПА ИМЛ в 1991 г., позволяют исследовать латиноамериканское левое движение не только посредством изучения его политических деклараций, программы, структуры и внутренних организационных перемен, но и путем выяснения его места в политической и социальной действительности страны. Часть российских архивных фондов, открытая для исследователей в августе 1991 г., была вновь засекречена в 1994 г., но объем рассекреченных документов столь обширен, что по-прежнему существует громадное поле для исследований.

Архив Коминтерна начал формироваться в 1920-е гг. как действующий служебный архив для надобностей руководства и аппарата III Интернационала. При этом перед национальными секциями не ставилась задача продублировать свои архивы для их хранения в штаб-квартире организации в Москве, что объясняет отсутствие в хранилище значительной части документов центральных партийных органов, местных организаций национальных компартий. Эти материалы, вероятно, надо искать в полицейских архивах, хотя и они достаточно фрагментарны и не создают полной картины взаимоотношений между Москвой и латиноамериканским коммунистическим движением. Часть документов была утеряна после исключения из компартий ряда руководителей, в частности Х.Ф. Пенелона. Главнейшими же проблемами Архива Коминтерна оставалась недоступность широкому кругу общественности документов всемирной компартии.

Среди этих документов – оригинальные материалы конгрессов, пленумов Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) и документы более 70 коммунистических, социалистических и других международных организаций. Ряд материалов содержит рукописные поправки, сделанные руководителями III Интернационала и ключевыми фигурами коммунистического движения. В материалах, касающихся латиноамериканского левого движения, находится немало писем, отчетов, материалов дискуссий на рабочих языках III Интернационала (немецком, французском, английском). В 1930-е гг. – после русификации аппарата ИККИ –

¹ Humbert-Droz J. De Lenine a Staline. Dix ans au service de l'Internationale Communiste, 1921–1931. Memoires de Jules Humbert-Droz. Neuchatel, 1971.

возрос удельный вес материалов на русском языке. При этом многие материалы не дублировались на испанский и/или португальский языки.

Фонды «Архива Коминтерна» в целом позволяют проследить формирование и развитие организационных связей III Интернационала с коммунистами Латинской Америки, исследовать характер и масштабы влияния московского руководства на функционирование коммунистического движения в этом регионе. При этом ряд важнейших документов утрачены или переданы в другие архивохранилища (например, неоднократно упоминаемое в литературе письмо Интернациональной Социалистической партии Аргентины Итальянской социалпартии с просьбой посодействовать ее приему в Коминтерн). Личные дела ряда активистов компартий находятся в Архиве Президента Российской Федерации (ГА РФ) и остаются недоступными для исследователей. В целом в Архиве Коминтерна мало внутренних документов латиноамериканских компартий (в отличие от документов профсоюзов), тогда как весьма высок объем переписки местных левых активистов с Москвой. Интерес представляют также отчеты и доклады компартий о ситуации в соответствующих странах. Они зачастую неточны и в большинстве случаев преувеличивают размах и масштабы левого движения. Однако их критическое сопоставление с другими источниками позволяет исследователям понять, какая картина складывалась в умах лидеров компартий, как они представляли себе роль и место своих организаций в политической и социально-экономической панораме своей родины, более адекватно оценить причины успехов и неудач латиноамериканского левого движения в 1920-е – 1940-е гг.

Основной массив документов, связанных с латиноамериканскими левыми, сосредоточен в различных онисях фонда 495 (ИККИ). Особенно важной представляется текущая документация руководящих органов международной компартии. Так, ониси 1 и 2 (ИККИ и Малое бюро / Президиум ИККИ) содержат протоколы заседаний с принятыми решениями и подготовительными материалами, перечнем участников обсуждения, а также (не всегда) листы выполнения решений. Анализ этих источников позволяет в какой-то мере определить удельный вес латиноамериканских проблем в контексте задач мировой революции, рассматривавшихся в этих руководящих органах III Интернационала. Особое значение имеют документы начала 1920-х гг., когда в Коминтерне еще не существовала сложная организационно-политическая структура, а всеми проблемами занимались Исполком и Президиум (Малое бюро). Обсуждение на заседаниях ИККИ концепции создания зарубежных бюро Коминтерна показывает позиции американских и латиноамериканских делегатов, способствовавшие учреждению Панамериканского бюро (Американского

агентства). Именно постоянное давление с их стороны, как видно из документов, заставило Москву решиться на план формирования бюро¹ с целью создать вскоре континентальную компартию. Речь фактически шла о проявлении Коминтерна интереса к Латинской Америке задолго до известного в литературе «открытия Америки» VI конгрессом. Постановление Малого бюро ИККИ очерчивает сферу деятельности нового регионального органа III Коминтерна по координации деятельности коммунистов во всех странах полушария, раскрывает механизм финансирования бюро.

Обсуждение «вопросов южноамериканского движения» (1920) демонстрирует как воздействие представителей русских эмигрантских организаций на формирование внутри ИККИ определенного отношения к ИСПА, так и изменение позиции руководящих органов Коминтерна под воздействием делегата ИСПА Р. Гиольди (1921), которое привело к признанию КП Аргентины «единственной секцией III Интернационала» в стране. В описи имеются документы, существенно дополняющие фонды ряда компартий и позволяющие под иным углом рассматривать историю их создания [например, письмо Х.А. Броувера председателю Коминтерна Г. Зиновьеву о формировании коммунистической группы в Панаме (1922), задолго до официального провозглашения компартии в этой стране]. Примером документов, определяющих соотношение тактики партий, является письмо ИККИ КП Мексики (1923), в котором давались конкретные указания по определению электоральной политики на фоне общетеоретических установок на разрушение в будущем парламента и замену его органами пролетарской власти (советами рабочих депутатов).

Документы Политического Секретариата ИККИ (опись 3) и Политической Комиссии Политсекретариата ИККИ (опись 4) отражают радикальные изменения в деятельности III Интернационала после ликвидации поста председателя Коминтерна. Эти органы, созданные как структуры коллективного руководства, на практике отражали тенденцию максимального подчинения международной коммунистической партии влиянию ВКП(б) и процесс «сталинизации» Коминтерна. Их появление в структуре ИККИ совпало по времени с усилением внимания III Интернационала к проблемам латиноамериканского революционного движения, начавшимся в период празднования 10-летия Октябрьской революции, подготовки и проведения VI конгресса всемирной компартии. Политсекретариат обсуждал стратегические проблемы, тогда как перед Политкомиссией

¹ См., например: Письмо К. Ясона и Л. Фрайны в Малое Бюро ИККИ 1.10.1920. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 2. Д. 5а. Л. 2.

стояли задачи решения оперативных политических и кадровых вопросов. Документы, имевшие зачастую судьбоносное значение для развития партий, чаще всего готовились в форме писем к партиям, тезисов, резолюций, относившихся ко всему революционному движению континента («Тезисы по вопросу о профсоюзной тактике компартий Латинской Америки», «Задачи латиноамериканских КП в революционном профдвижении» и т. д.); публиковались или рассылались под грифом «Секретно» или «Совершенно секретно» от имени Президиума, Исполкома, самих Политсекретариата или его Политкомиссии, Латиноамериканского генерал-секретариата ИККИ. Характер их подготовки демонстрирует наличие в Коминтерне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. разных подходов и возможности для дискуссии. Большой интерес представляет сравнение вариантов созданных для обсуждения документов и окончательного их текста, подготовительных материалов и комментариев к проектам. Так, письмо Политкомиссии Южноамериканскому бюро (1932) позволяет судить о сути разногласий ЮАБКИ и латиноамериканского представительства Профинтерна, степени подчиненности обеих структур Коминтерну, о фактическом отсутствии на этот момент компартий в Парагвае и Боливии.

По протоколам Политкомиссии можно также проследить кадровые изменения в московском аппарате ИККИ и его региональных органах и обнаружить отсутствие четких критериев при перемещении ответственных работников с должности на должность и из одной структуры в другую. Примером подобного является кадровая чехарда с участием Б. Михайлова (Вильямса), который в течение двух лет неоднократно перемещался из одного подразделения ИККИ в другое.

Если в материалах компартий содержатся главным образом документы нарративного характера, ценные для выяснения общей ситуации внутри левого движения и деталей его развития, то документальные коллекции, отложившиеся в результате деятельности руководящих органов и аппарата III Интернационала, являются, по сути, документами компартийного плана; их изучение позволяет точнее оценить, как менялись оценки и подходы лидеров Коминтерна в отношении политических и социально-экономических проблем стран континента, перспектив работы всемирной компартии в Западном полушарии. Общий анализ документов высших политических органов ИККИ позволяет прийти к выводу: нередко это были серьезные исследования, соответствовавшие тогдашнему уровню развития общественных наук. Необходимо отметить: советская латиноамериканистика, базировавшаяся на марксистских принципах, и родилась в кабинетах Коминтерна (авторами первых статей по латиноамери-

канским проблемам, вышедшими в СССР, были С. Пестковский, Г. Скалов, В. Мирошевский, Г. Якобсон, М. Хаскин, Л. Хайкис и др.).

Материалы заседаний латиноамериканских комиссий сохранились в описи 79 (Латиноамериканский лендер-секретариат ИККИ). Отдельные материалы по латиноамериканской тематике находятся среди документов Романского лендер-секретариата (опись 32) (период середины 1920-х гг., до появления ЛАЛС), а также Восточного секретариата. Это связано с принятой в Коминтерне классификацией латиноамериканских государств как полуколоний (а колониальный мир курировался данной структурой ИККИ; в ее ведении находилось и рассмотрение негритянской проблемы, которая затрагивала ряд латиноамериканских стран). Переноска компартий Латинской Америки с руководством Коминтерна показывает, насколько часто механически применялись многие схемы.

Особый интерес представляют собой доклады и предложения на заседаниях органов Коминтерна, сделанные латиноамериканскими экспертами всемирной компартии. Анализ таких документов позволяет выявить различия в подходах к направлениям деятельности коммунистов и выяснить, что стояло за тем или иным решением руководства III Интернационала. Не менее важны для исследования роли Коминтерна в эволюции латиноамериканского левого движения материалы бесед эмиссаров ИККИ с делегациями компартий во время конференции компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе в 1929 г. и документы латиноамериканских делегаций на VI конгрессе Коминтерна. Стенограммы беседы представителей латиноамериканских компартий с делегатами III Интернационала помогают осознать действительное соотношение между внешними и внутренними факторами, предопределившими левый поворот всех латиноамериканских компартий в 1928–1929 гг., приведший к резкому изменению их облика и к утрате связей с потенциальными союзниками и партнерами.

Само обсуждение характера революции в латиноамериканских странах, напрямую связанного с возможностями союзов коммунистов с другими организациями и партиями для совместной революционной борьбы, а также кадровые изменения внутри Коминтерна дали импульс разработке программы радикальной большевизации компартий Латинской Америки, унификации их организационной структуры и деятельности. Из архивных материалов видно, что формы и методы превращения партий в «подлинно коммунистические» в таких странах, как Перу, Венесуэла, Колумбия и Эквадор, были различными. Документы свидетельствуют о наличии в «романтический» период неортодоксального подхода к поиску союзников. Яркий пример – переноска неруанца В.Р. Айя де ла Торре с генераль-

ным секретарем Профинтерна С. Лозовским и работником ИККИ швейцарцем Э. Воогом¹. Сутью противоречий между неруанским революционером и Коминтерном были различное понимание степени автономности революционного движения Латинской Америки в мировой коммунистической партии и нежелание неруанца ждать европейскую революцию для совершения латиноамериканской.

Анализ документов, сосредоточенных в описи 18 (Секретариат ИККИ) (перениска руководящих органов III Интернационала, в том числе личная корреспонденция председателя Коминтерна Зиновьева), позволяет выяснить, по какому пути руководство всемирной коммунистической партии пыталось направить развитие своей мексиканской секции в 1920–1921 гг. и выяснить причины неудачи данного плана. Не менее важными оказываются материалы описи 1 фонда 521 (личный фонд С. Катаямы), содержащие перениску председателя Панамериканского бюро. В сочетании с другими материалами РГАСПИ они позволяют заняться детальным изучением весьма скудно освещенной в литературе деятельности бюро по объединению коммунистического движения в Западном полушарии, определить характер этих действий, подробно исследовать непосредственное участие представителей бюро и мексиканской коммунистической партии в создании первых коммунистических групп в Гватемале и Панаме.

Материалы описи 19 (Секретариат секретаря ИККИ О. Пятницкого), где хранятся отдельные документы Отдела международной связи², позволяют проследить механизм внедрения в жизнь решений руководства Коминтерна по новоду латиноамериканских стран и показывают восприятие местной действительности эмиссарами Москвы (что нередко оказывало непосредственное влияние на содержание директив, направляемых в эти страны из штаб-квартиры III Интернационала). В данной описи сосредоточены документы, связанные с деятельностью т. н. агентов (представителей) III Интернационала в странах Западного полушария, в частности по «миссии Вильямса» (Б. Михайлова). Находящиеся в разных документальных коллекциях³ материалы позволяют рассмотреть роль исторического вождя партии Кодовильи, первоначально заняв-

¹ Материалы, касающиеся деятельности Айя де ла Торре и его отношений с Коминтерном, сосредоточены в фонде 492 (Пятый конгресс Коминтерна), описях 79 (Латиноамериканский лидер-секретариат ИККИ), 118 (КП Перу) фонда 495, а также в фонде 534 (Красный Интернационал профсоюзов).

² Сам фонд ОМС, как и финансового отдела ИККИ, является до сих пор закрытым для исследователей.

³ Помимо описи 19 речь идет об упоминавшейся выше описи 79, а также о материалах аргентинской коммунистической партии (Ф. 495. Оп. 134).

шего позицию сторонника Пенелона и только в ходе обсуждения в Москве кризиса в партии и ЮАСКИ сменившего позицию на роль обвинителя «ревизионистского пенелонизма».

Небольшим, но емким является фонд 497 (Амстердамское бюро ИККИ), в описях которого содержатся документы, связанные с поездкой в Западное полушарие первого представителя Коминтерна в Мексике М. Бородин. В фонде собраны как материалы пресс-бюро Амстердамского бюро (многие из которых также можно найти в Международном Институте социальной истории в Амстердаме), так и переноска бюро с руководством компартий различных стран, в том числе противоборствовавших Мексиканской Коммунистической партии и Коммунистической партии Мексики, эти документы находятся только в Архиве Коминтерна, проливая свет на детали взаимоотношений между коммунистами Мексики и Испании, складывавшиеся при посредстве эmissара Москвы. Данные материалы позволяют также осуществить анализ деятельности бюро в отношении Латинской Америки в целом, выяснить причины, побудившие всемирную компартию встать на сторону одной из группировок в конфликте между мексиканскими коммунистами. Здесь же содержатся материалы, посвященные созданию первой коммунистической секции Кубы в 1919 г. – за несколько лет до появления «официальной» компартии.

Материалы фонда 503 (Южноамериканское бюро ИККИ) содержат разнородные документы, в том числе протоколы заседаний региональной структуры и отписки нисем, направленных ЮАСКИ в различные страны континента и позволяющих увидеть весьма ограниченный масштаб деятельности Секретариата, который не сумел наладить регулярные контакты даже с некоторыми странами Южной Америки, не говоря уже о Центральной Америке и Мексике. Среди материалов фонда практически отсутствуют нисема и телеграммы латиноамериканских компартий в ЮАСКИ, что, по всей видимости, объясняется причинами субъективного характера: часть этой корреспонденции направлялась ЮАСКИ в Москву, а часть была утеряна для коминтерновских структур после раскола внутри КПА. Количество текущей документации в материалах ЮАСКИ существенно увеличивается после реорганизации этой региональной структуры III Интернационала и ее превращения из фактически «личного бюро Пенелона» в орган, осуществлявший дискуссии по различным аспектам деятельности Коминтерна в Южной Америке.

Документы личного характера находятся среди материалов отдела кадров ИККИ. Эта документальная коллекция содержит как общие сведения о членах и руководителях национальных секций Коминтерна, так и (нередко) совершенно уникальные персональные

материалы. Личные дела сохранили детали, позволяющие сделать историю «живой». Прежние «толкования, оценки» (то, чем, собственно, и являлись письма и высказанные много лет назад в ходе обсуждения различных вопросов мнения и подходы) стали «сегодня фактом, “документом” и, в свою очередь, подлежит истолкованию и оценке...»¹. Понимание причин, обусловивших вхождение тех или иных латиноамериканцев в орбиту левого движения своих стран, частных мотивов внутрипартийной борьбы ради укрепления властных позиций позволяет исследователям осуществить более тщательный анализ характера организационных связей между штаб-квартирой всемирной коммунистической партии и теми или иными компартиями и группами Латинской Америки. Материалы отдела кадров ИККИ позволяют не только конкретизировать факты биографий сотрудников III Интернационала и ряда активистов латиноамериканской левой, но и уточнить возможные варианты развития коммунистического движения континента. Не предназначенные для публикации автобиографические документы содержат бесценные для исследователей детали истории партий и их взаимоотношений с Москвой. В архиве нет сколько-нибудь подробных биографических данных многих знаковых фигур латиноамериканской левой, в том числе членов ИККИ, руководителей региональных структур III Интернационала, лидеров компартий и коммунистических профсоюзов А. Баррейро, Т. Урибе, И. Ириарте, Х. Пенелопа, Х. Греко, Х.А. Мелью, Х. Аллена, Л.Э. Рекабаррепа и т. д. Имеющаяся информация, как правило, не носит систематического характера, а ее появление в архиве связано с посещением зарубежными коммунистами Москвы для участия в конгрессах или по вызову Секретариата ИККИ. В этих случаях многое зависело от характера человека, его умения (и желания) подробно рассказать о своей жизни и деятельности. Развернутые и яркие автобиографии бывших руководителей КП Кубы и КП Бразилии Х. Виво д'Эското и А. Масиэля Бопфима, а также работника Коминтерна Г.Б. Скалова являются образцами документов этого жанра и позволяют не только раскрыть бывшие долгое время неизвестными страницы истории, но и по-иному взглянуть на многие сюжеты истории коммунистического движения. С ними контрастируют скучные и малоинформативные личные документы кубинского коммуниста Б. Роки, аргентинских коммунистов – братьев Р. и О. Гиольди. Эти материалы отчасти дополняются посредством работы с иными источниками личного характера (более позднего происхождения) – интервью и корреспонденцией с акти-

¹ Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998. С. 9.

вистами латиноамериканских компартий и структур Коминтерна и их родственниками (материалы, касающиеся деятельности, например, Ф. Глаубауфа, М. Комипа-Александровского, И.Р. Григулевича, И. Бопдаревой, Г. Скалова, Л. Чекипи, С. Пестковского и др.)¹.

Материалы конгрессов Коминтерна, КИМа и Профинтерна содержат целый ряд документов, позволяющих не только уточнить кадровый состав активистов всемирной компартии (мандаты делегатов и их доклады о деятельности компартий своих стран), но впервые раскрыть многие псевдонимы², выяснить, как менялся статус представителей различных левых организаций накануне и в ходе конгрессов (в опубликованных документах конгрессов такие сюжеты не паходят отражения). Еще важнее оказываются неопубликованные выступления латиноамериканских делегатов и делегаций, паглядпо демонстрирующие особенности дискуссии по поводу характера латиноамериканской революции, проходившей в ходе подготовки и па пленарных заседаниях и отражавшей противоречия, которые существовали в период пачинавшейся «сталинизации» мировой компартии. Ряд документов подтверждают факты коллективной работы латиноамериканских представителей, позволявшей им создать консолидированную позицию по ряду важнейших вопросов деятельности III Интернационала в Западном полушарии. Фонды конгрессов Коминтерна являются де-факто хранилищем обширной текущей документации, касающейся как подготовки форумов всемирной компартии, так и их проведения, роли в этих процессах руководства Коминтерна; па базе этих документальных коллекций стало возможным осуществить компаративный анализ подходов аппарата и лидеров III Интернационала к различным национальным секциям организации и эволюцию точек зрения коминтерновцев в отношении Латинской Америки.

Материалы Всеамериканской Антиимпериалистической Лиги (фонд 542) являются отрывочными, по все же позволяют составить представления о паправлениях деятельности ее Комитетального комитета. Переписка мексиканской секции ВААИЛ с европейским руководством Лиги, фипапсовые документы, переписка по поводу организации кампании солидарности с движением А.С. Сандино в Никарагуа помогают понять, как антиимпериалистическая деятельность КПМ повлияла па эволюцию мексиканского левого движения. Материалов, касающихся антиимпериалистической де-

¹ Записи этих бесед и письма хранятся в личном архиве Л.С. Хейфеца.

² См. подробнее: Jelfets L., Jelfets V., Huber P. *La Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943*. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004.

тельности в других странах, практически нет, что вполне отражает ситуацию, сложившуюся в антиимпериалистическом движении, – ведущую роль Мексики, где располагался Континентальный комитет ВААИЛ.

Материалы Международного Крестьянского Совета (Крестинтерпа) (фонд 535) интересны для исследователей левого движения Мексики, поскольку содержат ряд материалов по истории крестьянских организаций в отдельных регионах страны. Не менее важным является содержание переписки Крестинтерпа с аграрными лигами и КПМ (а также с организациями, далекими от коммунистов, такими как Национальная Аграристская партия), показывающее, что на протяжении ряда лет Москва делала ставку на развитие КПМ в рамках широкого альянса, позволившего партии занять определяющую позицию в политической системе страны. Особого упоминания заслуживает переписка ответственного за латиноамериканское направление работы Крестинтерпа Пестковского и мексиканских политиков из числа революционных националистов, содержание которой демонстрирует, как воспринимались в Москве отдельные события в Мексике. По другим странам материалов существенно меньше, что, по всей видимости, вызвано объективными обстоятельствами – из всех латиноамериканских государств только Мексика стала примером масштабной деятельности крестьянских лиг, связанных с руководством Крестинтерпа. В целом материалов, касающихся крестьянского движения континента, в Архиве Коминтерна не так много, что лишний раз демонстрирует: несмотря на признание Интернационалом крестьянского характера латиноамериканских стран, основная ставка делалась на развитие рабочих выступлений и на то, что пролетариат возглавит революционный процесс.

Интерес для исследователей могут представлять материалы лепинских фондов (фонды 2 и 5), содержащие не только подписанные В.И. Лениным мандаты, но и направленные ему для ознакомления документы, касающиеся Латинской Америки, а также письма представителей региона руководителю РСФСР. Эти документы подтверждают знакомство Ленина с проблемами коммунистического движения региона и его информированность о деталях организации поездки М. Бородин в Мексику в 1919 г. и показывают случайность и произвольность деятельности Коминтерна в Мексике, что не могло не отразиться на степени воздействия III Интернационала на левое движение страны.

Некоторой универсальностью обладают материалы, сосредоточенные в документальных коллекциях компартий, в частности КПМ (фонд 495, опись 108). Здесь присутствуют отчеты и переписка

представителей Коминтерна, Профинтерна и КИМа и внутренние документы III Интернационала. Тут же собраны доклады латиноамериканских коммунистов и документы, характеризующие внутренние проблемы коммунистического движения Мексики. Регулярная переписка руководства КПМ с одним из главных латиноамериканских экспертов Коминтерна Воогом позволяет проследить важные моменты истории компартии (перемены позиции по поводу выборов, отношения с крестьянскими организациями на протяжении 1920-х гг.). Весьма обширен круг материалов, принадлежащих различным профсоюзам Мексики. Их анализ позволяет определить, когда и в какой степени Москва играла роль в эволюции тактики КПМ в рабочем движении. Многочисленные материалы, относящиеся к 1928–1930 гг., в том числе переписка КПМ с Карибским бюро Коминтерна, дают возможность исследовать левый поворот, совершенный коммунистами в 1929 г., оценить степень воздействия III Интернационала на латиноамериканских левых в этом вопросе.

Целый комплекс документов по истории коммунистического движения Латинской Америки сосредоточен в фонде 515 (КП США), что связано с уверенностью руководства Коминтерна в необходимости теснейшего контакта коммунистов обеих Америк. В фонде имеются документы Папанериканского бюро, свидетельствующие об отношениях членов Бюро, влияющих на определение латиноамериканской политики Коминтерна, объеме финансирования его деятельности. На КП США в 1920-е – 1930-е гг. как на партию «метрополии» Коминтерн возлагал особую ответственность за ситуацию в революционном движении зависимых стран. В структуре Центрального Исполкома действовал Колониальный департамент, поддерживавший контакты с рядом латиноамериканских компартий и контролировавший североамериканскую секцию ВААИЛ. Документы фонда существенно дополняют информацию о деятельности Континепентального комитета ВААИЛ, позволяют судить о противоречиях между американскими и мексиканскими коммунистами по вопросам организации антиимпериалистического движения. С 1924 г. происходил постоянный обмен «братскими делегатами» между компартиями Мексики и США. В отчетах о поездках, выступлениях на партийных форумах имеется интересная информация о проблемах коммунистического движения Мексики. Особое место занимает переписка с ЦИК Р(К)ПА Дж. Хартфилда (Х. Невареса Сагера), открывающая для исследователей историю деятельности одного из важнейших персонажей истории латиноамериканского коммунистического движения в Пуэрто-Рико, Колумбии и на Кюрасао. Важная информация, позволяющая внести уточнения в историю становления компартий Латинской

Америки, содержится в переписке ЦИК Р(К)ПА с руководителями революционного движения Кубы, Аргентины, Эквадора, Мексики, Колумбии, Гватемалы и т. д.

Нельзя не заметить серьезные различия в объеме и принципах формирования фондов различных партий. Две соседние страны, связанные общими проблемами и конфликтом (войной в Чако) – Парагвай и Боливия, являлись государствами, где развитие компартий невозможно назвать серьезным. Однако, опись 117 фонда 495 (КП Парагвая) содержит значительно больший комплект документов, чем опись 122 (КП Боливии). Первая причина такого различия состоит в том, что в начальный период своей деятельности парагвайская партия находилась в зоне пристального внимания ИККИ и ЮАСКИ из-за «дела Ибарролы», возникшего в связи с конфликтом секретаря ЮАСКИ Кодовильи и генерального секретаря КПП, выступившего за сотрудничество с «Интернационалом Москвы» против «диктата Интернационала Буэнос-Айреса». Кроме того, Ибаррола участвовал в VI конгрессе Коминтерна, на котором партия была принята в Коминтерн. Боливийские же коммунисты не имели прямых связей с ИККИ, и объем документов, попавших в Москву, оказался значительно меньше.

Небольшой, но ёмкой является коллекция документов КПВ (фонд 495, опись 107), которые позволяют в значительной степени заполнить лакуны, имеющиеся в историографии революционного движения этой страны, – изучить материалы и документы Венесуэльской Революционной партии (основанной в 1926 г.), широкого антидиктаторского движения, партии «Новой Венесуэлы», не ставившей задач социалистической революции. Почти одновременно некоторые лидеры ВРП (Мачадо и де ла Пласа) создали континентальную Революционную группу, выработавшую «тайную Программу действий» и стремившуюся создать сеть ячеек в Европе и Латинской Америке для совершения революции во всей Латинской Америке. КРГ, позиционировавшая себя как правительство Венесуэлы, которое будет создано после победы революции, стремилась через Коминтерн установить широкие и братские отношения с советским правительством, направила в Москву Мачадо для обсуждения возможностей получить помощь для совершения вооруженных революционных действий по свержению диктатуры Х.В. Гомеса для установления «диктатуры пролетариата» и сотрудничества Советского Союза с постреволюционной Венесуэлой. Переписка де ла Пласа и Мачадо показывает сложный характер отношений групп венесуэльских эмигрантов-коммунистов, входивших в ВРП, с Коминтерном в период создания КПВ (1930): III Интернационал потребовал от-

казаться от стратегии организации вооруженных экспедиций для свержения диктатуры и сконцентрировать всю деятельность ВРП за рубежом для создания внутри страны версусуэльской коммунистической партии и ликвидации ВРП.

Собрание документов КП Аргентины (фонд 495, опись 134) – одно из самых объемных среди коллекций материалов латиноамериканских компартий, что отражает особую роль КПА в континентальном коммунистическом движении 1920-х – 1930-х гг.: после приятия партии в Коминтерн в качестве национальной секции она надолго стала основой для функционирования Бюро коммунистической пропаганды для Южной Америки и ЮАСКИ. Документы позволяют выявить характер отношений КПА с организациями русских эмигрантов в Аргентине и их борьбы за признание Коминтерном. Переписка аргентинского делегата III конгресса Коминтерна Р. Гиольди с руководителями ИККИ Ракоши и Эмбер-Дро, документы структур ИККИ позволяют увидеть сложный путь аргентинской компартии к признанию в качестве полноправного члена международного объединения коммунистических партий, развеять миф о КПА как «первой секции III Интернационала в Латинской Америке». Обширная переписка представителей Коминтерна в Южной Америке М. Александровского и Ф. Вайля с Коминтерном дает представление о своеобразии взаимоотношений делегатов штаб-квартиры III Интернационала и его аргентинской секции, об особенностях «романтического» периода функционирования мировой коммунистической партии. Переписка Кодовильи с В. Мюлленбергом и Ф. Мизано раскрывает механизм оказания Коминтерном самостоятельно или через аффилированные с ним организации (Межрабпом, МОПР) финансовой помощи КПА.

Документы, хранящиеся в описи 104 фонда 495 (КП Колумбии), существенно меняют взгляд на историю коммунистического движения страны, начавшуюся задолго до 1930 г. (официальная дата создания КПК). Это в первую очередь относится к переписке ИККИ с марксистской группой С. Савицкого (Сокольского), провозгласившей себя КП Колумбии и заявившей о готовности присоединиться к III Интернационалу. ИККИ поддерживал контакт с данной группой, но так и не признал её компартией. Документы дают возможность узнать подробности борьбы Социалистической Революционной партии Колумбии (СРПК) и группы Х. де Диоса Ромеро – Э. Валенсия за признание Коминтерном в качестве национальной секции III Интернационала. В ряде писем, в том числе представителей американской компартии Хартфилда и Профинтерна О. Рабатэ,

и партийных документах изложены подробности знаменитой «ба-паповой забастовки» и описаны действия СРПК по ее поддержке. Документы, содержащиеся в описи, позволяют понять характер функционирования СРПК в условиях правительственных репрессий, проанализировать попытки организации ею эффективной легальной деятельности под руководством ЦК Конспиративных Ячеек и вооруженного противостояния правительственному насилию (создание военной структуры – Красной Армии СРП). Ряд документов говорят о постоянно растущем интересе в III Интернационале к ситуации в Колумбии: протоколы встреч с делегатами СРПК на VI конгрессе Коминтерна и IV конгрессе Профинтерна, Первой конференции компартий Латинской Америки, анализ положения в стране и деятельности СРПК, сделанный на буэнос-айресской конференции. Особое внимание уделялось противостоянию внутри СРПК по вопросам методов борьбы против репрессий властей и изучению возможности сотрудничества с либералами при организации вооруженного восстания под руководством генерала Куберо Ниньо. Итогом осмысления Коминтерном колумбийской ситуации стали письмо Президиума ИККИ СРПК о необходимости реорганизации партии и директивы по работе делегации ИККИ в Колумбии и Венесуэле, позволяющие судить о характере задач по «большевизации» партии, ее преобразованию в компартию, об особенностях формирования КП Венесуэлы.

Определённую проблему для исследователей создаёт разбросанность документальных материалов, относящихся к одному сюжету, по различным фондам и описям. Так, постановление о создании Папамериканского бюро и сопутствующие документы находятся в материалах описи 2 фонда 495, переписка бюро рассредоточена по описям 18 и 108 того же фонда, а также находится в описи 1 фонда 521, описи 3 фонда 533 (КИМ) и описи 1 фонда 534 (Профинтерн). Подготовительные материалы к заседаниям Латипамериканского ледер-секретариата и высших руководящих органов Коминтерна зачастую хранятся отдельно от стенограмм заседаний, а принятые решения и проекты резолюций – в иных документальных коллекциях. Нередко письма из латиноамериканских стран в Москву и ответы на них рассредоточены по разным описям и фондам. Бессистемным оказывается подбор материалов в личных делах, что делает неизбежным сплошной просмотр этих документов для выявления нужных данных и уточнения их достоверности. Нередко подборки документов фрагментарны, и нельзя написать историю латиноамериканской левой, опираясь *только* на документах Архива Коминтерна.

В то же время материалы РГАСПИ позволяют тщательно проанализировать ключевые моменты в истории компартий, парисовать политические портреты целого ряда важнейших фигур латиноамериканской левой, обозначив поворотные пункты и этапы развития левого движения континента. Фонды архива являются настоящей документальной сокровищницей для изучения истории левого движения целого ряда стран, позволяя выявить новые имена участников событий 1920-х – 1930-х гг., дополнить известные ранее факты подробностями и, таким образом, зачастую изменить сложившиеся представления и оценки.

Документы зарубежных архивов по сравнению с материалами Архива Коминтерна менее репрезентативны. Партийные архивы компартий стран Латинской Америки либо не существуют, либо сформированы в значительной части на базе документов, полученных из Москвы (как, например, архивы компартий Кубы, Аргентины, Парагвая и Мексики). Исключением является Центр изучения рабочего и социалистического движения Мексики, в котором имеются аутентичные материалы, в частности расшифровки магнитофонных записей бесед с лидерами КППМ М.А. Веласко и В. Кампой, а также с партийным активистом, а впоследствии работником Коминтерна Х. Гомесом (Ю. Розовским). Надо в то же время отметить, что эти материалы преимущественно относятся к 1930-м гг. Документы 1920-х гг., касающиеся Латинской Америки, сосредоточены в коллекции Б.Д. Вольфа, хранящейся в Гуманитарном институте. Эта коллекция весьма фрагментарна и позволяет главным образом проанализировать характер контактов самого Вольфа с руководителем КППМ Р. Каррильо, а также с Д. Риверой и В.Р. Айя де ла Торре. Отдельные документы, связанные с деятельностью КППМ, можно обнаружить в личном архиве, сформированном мексиканским исследователем левого движения П.И. Тайбо II, однако эти материалы касаются прежде всего внутренних аспектов развития компартии и практически не содержат сведений об организационных связях КППМ с Коминтерном.

Среди документов зарубежных архивов следует особо отметить материалы, связанные с кампанией по «разоблачению международного коммунистического заговора», начатой публикацией в Великобритании знаменитого «письма Зиновьева» и целенаправленно проводившейся во многих странах. Хотя в руках властей часто были подлинные документы Коминтерна и партий, они регулярно пользовались и фальшивками, содержание которых подгонялось под потребности момента. Пример такого «документа» – «Циркуляр № 295»,

храпящийся в Национальном архиве Мексики¹. В основе текста лежит якобы принятое Коминтерном решение о создании в Латинской Америке. Простой внешний и внутренний критический анализ текста приводит к выводу о его недостоверности. Авторы мало представляли себе специфику работы и структуру Коминтерна: документ подписан Бухариным как генеральным секретарем III Интернационала, по такой должности в 1928 г. не существовало; в Коминтерне не было Центрального Комитета (принимавшего указавшее решение, согласно тексту документа); в документах ИККИ не могло быть указания «Москва. Кремль», так как органы Коминтерна находились не там, а СССР официально дистанцировался от деятельности III Интернационала. В документе должно было быть указание на переводчика, поскольку документы для латиноамериканских секций переводились, и в них приводилась фамилия переводчика. За всю историю Коминтерна в Латинскую Америку не было направлено и 80 его представителей, а авторы «Циркуляра» с легкостью послали целую роту «активных агентов комиссии Прямое действие для проникновения в августе и сентябре 1928 года в Мексику, чтобы непосредственно приступить к деятельности». Даже представить себе невозможно, что ИККИ будет направлять «полный список этой группы», да еще и включающий подробные биографические сведения каждого ее участника. Не было в структуре ИККИ комиссии с таким названием, да и термин «агенты» внутри III Интернационала не применялся. Нонсенсом для коминтерновского документа является названная там фамилия «специального представителя А. Рабиновича». Настоящие фамилии работников Коминтерна, направлявшихся на нелегальную работу, не упоминались в документах, посылавшихся за границу. Раскрытие псевдонимов до сих пор является одной из самых трудоемких частей исследования истории Коминтерна – многих нелегальных работников не удалось идентифицировать и ныне. Наконец, язык документа не соответствует лексике и терминологии, применявшейся в документах, выходивших из ИККИ: в них не было прямых указаний на проведение актов саботажа и терроризма и не могло быть указаний на наличие спецфонда финансовой комиссии, предназначенного на эти цели, так же как и перечисления банков, через которые якобы предполагалось финансирование этой деятельности. Фантастически выглядят упоминание специального циркуляра о «новой системе

¹ Archivo General de la Nación (AGN), Dirección General de Investigaciones Políticas y Sociales, Secretaría de Gobernación, Departamento Confidencial, Año 1928 / Julio, 315.–7. Tomo I (III Internacional).

борьбы с международным капитализмом с помощью фальшивых денег», указание на то, что посланцы Коминтерна привезут с собой фальшивые купюры, и инструкция по их распространению. Если бы III Интернационал пользовался фальшивыми деньгами, не стояли бы так остро проблемы финансирования партий. Применение такого способа материального обеспечения партий и нелегальной деятельности своих представителей обрекало бы их на постоянное преследование властями уже не по политическим, а по уголовным мотивам, и одно это должно было сдерживать ИККИ от работы в этом направлении. Вывод из анализа текста «Циркуляра» простой: документ или был изготовлен в Мексике с целью дискредитировать КПМ накануне ее запрета, или с той же целью был передан мексиканским властям из-за границы: «коминтерновские бумаги» фабриковались в то время крайне активно.

Похожие по стилю «документы» в качестве предлога для антикоммунистических репрессий обнародовало в 1927 г. правительство Боливии. Сразу же представитель информотдела ИККИ опроверг аутентичность документов, даже не комментируя его содержание, а сославшись на отсутствие в организации должности генерального секретаря и ликвидацию после VII Расширенного Пленума ИККИ поста Председателя Коминтерна¹. О существовании подобных документов в Бразилии известно из выступления делегата КПБ на VI конгрессе Коминтерна П. Ласерды, сообщившего о том, что во время палата на «Аркос» в Лондоне Скотланд-Ярд направил бразильскому правительству через посредство английского посланника «ужасающие материалы» о коммунистической агитации в Бразилии, ведущейся III Интернационалом, и потребовал от властей южноамериканского государства принятия строжайших мер против этой агитации, угрожающей спокойствию английских банкиров. В итоге бразильский парламент принял ряд исключительных законов против рабочего движения, приведших к переходу КПБ на нелегальное положение и закрытию ее газеты «Нация»².

Часть документов, касающихся латиноамериканского коммунистического движения, увидели свет задолго до открытия архива III Интернационала для исследователей. Это, в частности, относит-

¹ A.S. (La Paz). Nach dem niedergeschlagenen Aufstand in Bolivien // Internationale Presse-Korrespondenz. 1927. № 94. S. 2030–2031; Gefälschte Komintern-Dokumente in Bolivien // Internationale Presse-Korrespondenz. 1927. № 94. S. 2031.

² Выступление Ласерды (Бразилия). Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4: Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах. М.; Л.: 1929. С. 213–214.

ся к опубликованной Вепесуэльским диктатором Л. Контрерасом книге – обвинительному заключению¹. Тем не менее назвать эту публикацию документов объективной не представляется возможной. Данное издание включало большую подборку документов (преимущественно из тех, что были захвачены полицией при аресте членов Временного ЦК КПВ в мае 1931 г.); переписку КПВ, в том числе с Карибским бюро ИККИ. В книге также содержались протоколы допросов арестованных коммунистов и т. д. С пропагандистской точки зрения книга издана безупречно: есть факсимиле оригинальных документов, схемы коммунистических организаций, фотографии коммунистов, в основном выполненные тюремными фотографами, списки раскрытых псевдонимов, расшифровка достаточно простых условных обозначений в переписке. В комментариях составителей к документам любая деятельность упоминавшихся в издании людей квалифицировалась как коммунистическая и подрывная, в том числе сам факт их пребывания за границей. Хотя в документах не было почти ничего, что свидетельствовало бы о паличии международного заговора против Вепесуэлы, даже у непредвзято настроенного читателя могло возникнуть впечатление об уголовно-политическом интернациональном сообществе, действующем в стране.

Систематическая публикация архивных документов III Интернационала в России и за рубежом началась в 1990-е гг. после открытия Архива Коминтерна. Первые публикации предпринял коллектив Центра латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН². Примерами добротных, хорошо систематизированных коллекций документов являются сборники материалов, подготовленные чилийскими, мексиканскими, колумбийскими, боливийскими, российскими и немецкими исследователями³.

¹ Libro Rojo del General Lopez Contreras. 1936. Documentos robados por espías de la policía política. Caracas, 1985. Впервые издана в 1936 г. Секретной службой расследований под названием «La verdad de las actividades comunistas en Venezuela. Relación y parte de la numerosa documentación que posee el Servicio Secreto de Investigación acerca de la realidad de la propaganda comunista dentro del país».

² Документы Второй конференции коммунистических партий Латинской Америки. Москва, 2–10 октября 1930 г. // Латиноамериканский исторический альманах. 2005. № 6. С. 112–156; Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов / ред. колл.: Н.П. Калмыков (отв. ред.), И.И. Япчук (отв. ред.), Кораблева Л.Ю. (отв. секр.), Е.А. Ларин, Л.С. Хейфец. М., 1998.

³ Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. T. 1: Komintern y Chile 1922–1931. O. Ulianova, A. Riquelme Segovia (yds). Santiago de Chile, 2005 y Chile en los archivos soviéticos, 1922–1991. Tomo II. Komintern y Chile. 1931–1935. Santiago de Chile, 2009; Ortiz Peralta R., Spenser D. La Internacional Comunista en México: los primeros tropiezos. Documentos, 1919–1922. México, 2006; Meschkat K., Rojas J.M. Liquidando el pasado.

Определенную практическую пользу для исследователей отношений III Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением представляют публикации документов по рассматривавшимся руководством и аппаратом Коминтерна стратегическим проблемам, а также материалов, освещающих деятельность лидеров ВКП(б) и всемирной компартии¹.

La izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética. Bogotá, 2009; Andrey Schelchikov y Pablo Stefanoni (coords.). Historia de las izquierdas bolivianas: archivos y documentos (1920–1940). La Paz: Centro de Investigaciones Sociales; Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia, 2016.

¹ Коммунистический Интернационал и идея мировой революции: Документы / отв. ред. Я.С. Дабкин. М., 1998; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1936 гг.: Сб. документов / сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943: Документы / под ред. Г.М. Адиева, К.М. Андерсона, К.К. Ширина. М., 2004.

Глава 2

КОМИНТЕРН ПРИХОДИТ В ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ

Несмотря на провозглашение всемирного характера III, Коммунистического, Интернационала, на протяжении нескольких месяцев он даже формально оставался преимущественно объединением европейских компартий. Ситуация начала меняться лишь с конца 1919 и в начале 1920 г. в результате кропотливой работы, развернутой агентами Коминтерна – ветеранами большевистского движения, хорошо знакомыми с обстановкой и пользовавшимися доверием Ленина. В Европе А. Балабановой¹, И. Армад, Д. Мапуильскому, С. Мипеву и др. их миссию облегчали устойчивые связи социал-демократов со временем Интернационала и личные отношения, сложившиеся с лидерами левого социалистического движения во время эмиграции русских большевиков. В Новом Свете такие контакты фактически сводились к переписке эмигрантов – членов РСДРП(б) в США и Аргентине с большевистским центром в Западной Европе².

2.1. Поездка Михаила Бородина в Мексику – нервная миссия Коминтерна в Латинской Америке

В Аргентине возможным партнером Коминтерна могла стать возникшая после раскола в Социалистической партии (СПА)

¹ Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (Опыт биографического словаря). М.: Институт Латинской Америки РАН; Институт всеобщей истории РАН, 2000; Jelfets L., Jelfets V., Huber P. La Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Ginebra: Instituto de Latinoamérica de la Academia de las Ciencias (Moscu), Institut pour l'histoire du communisme (Ginebra), 2004.

² Работа по активизации деятельности сторонников создания III Интернационала началась еще до его формального основания. В январе 1917 г. в Нью-Йорке состоялась встреча приехавшей в США А. Коллонтай с Л. Троцким, Н. Бухариным, Г. Чудовским, С. Катаями, Л. Фрайлой, Г. Лоре и др. Именно тогда образовалась группа, формулировавшая политику Коминтерна в Западном полушарии в первые месяцы существования всемирной компартии. В нее вошли участвовавшие в деятельности Социалистической партии Америки японец С. Катаяма, американец итальянского происхождения Л. Фрайла, голландец С. Рутгерс и латышский большевик К. Янсон. Контакты с этой группой, объединившейся вокруг журнала «The Internationalist», поддерживал и русский большевик М. Бородин (Грузенберг).

Интернациональная Социалистическая партия (ИСПА), с самого начала заявившая об ориентации на революционный социализм и большевиков¹ и обратившаяся с соответствующим манифестом к пролетариату Аргентины: «Над землёй повеяло горячим, стремительным ветром свободы. Он возник в России и распространяется во всех частях света. Здесь, в этой части Америки, мы хотим быть действительными, активными участниками глубочайших революционных преобразований»². С момента основания партия вела активную пропаганду идей большевизма, опубликовала Конституцию РСФСР, а в первую годовщину Октябрьской революции провела многотысячную манифестацию в Буэнос-Айресе. В мае 1919 г. 2-й съезд ИСПА принял решение о разрыве связей со II Интернационалом, присоединении к Коминтерну и направлении делегата (Х.Ф. Пепелона) на его II конгресс. Партийный форум принял также постановление об отправке официального документа всем социалистическим партиям с изложением мотивов создания ИСПА³. Поскольку правительство отказало в выдаче выездных виз делегату партии, ее лидеры попросили Италийскую Социалистическую партию передать в Москву декларацию ИСПА о присоединении к III Интернационалу⁴.

Весной 1919 г. контакты Москвы с радикальным сектором аргентинской левой носили спорадический характер. Однако за пределами США и Аргентины даже таких связей практически не было. Поэтому первый непосредственный контакт Коминтерна с рабочим движением континента был похож на авантюру, вполне в духе «политики импрессионизма», характерной для международной деятельности большевистского руководства в первые годы существования советской власти, которая, по оценке Х. Раковского, недостаточно заглядывала вперед или смотрела слишком вдаль⁵.

¹ Редакционная статья «La Internacional» от 14 сентября 1917 г. «Мы с Лениным» // Кодовилья В. Избранные статьи и речи. М., 1970. С. 12; Доклад Р. Гюльди НККИ 1.6.1921 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 134. Д. 15. Л. 6 об. – 9; Ермолаев В.Н. Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М., 1982. С. 95; Семёнов С.Н. Зарождение коммунистического движения в Латинской Америке // Первый конгресс Коминтерна. М., 1986. С. 494.

² Historia del Socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional. Informe dirigido a la Internacional Socialista y a todos los Partidos socialistas. Buenos Aires, 1919. P. 57.

³ Historia del Socialismo marxista... P. 1.

⁴ Доклад Р. Гюльди НККИ 28.7.1921 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 15. Л. 17 об.; Corbière E.J. Op. cit. P. 44, 62.

⁵ Такой позиции придерживались в начале 1920-х гг. видные советские дипломаты К.К. Юренев и А.А. Иоффе. См.: Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М., 1972. С. 40; Иоффе Н. Адольф Абрамович Иоффе. М., 1977.

Решение секретаря ИККИ А. Балабаповой направить, «несмотря на скептицизм бюро Интернационала»¹, эмиссара всемирной компартии М. Бородину в Мексику должно все же было иметь какое-то логическое объяснение. Почему именно Мексика оказалась целью поездки? С точки зрения развертывания революционной деятельности Коминтерна, исходя из наличия готовых организационных структур, практическую выгоду могла принести миссия в Аргентину, где ИСПА, используя опыт Циммервальдского движения и принципы нового Интернационала, проповедуемые большевиками, активно пыталась играть роль международной, наднациональной партии, распространяя своё влияние на рабочее движение соседних стран. Характер ИСПА как организации, действующей внутри и вовне государственных границ, подчеркивался избранием чилийского эмигранта Л.Э. Рекабаррена политическим секретарем партии. Возвращаясь в Чили, Рекабаррен участвовал в марте 1918 г. в оформлении левого крыла социалпартии Уругвая в секцию ИСПА и выработке её идеологической платформы². Его деятельность в Уругвае являлась примером миссии по созданию коммунистических партий и групп в соседних странах, осуществленной до создания Коминтерна. Таким образом, ещё до формального и фактического установления связей с Москвой ИСПА сделала серьёзную заявку на выступление в роли «коинтепального большевистского Интернационала».

Выбор в пользу Мексики, сделанный руководством III Интернационала, основывался на тогдашнем понимании большевистским руководством геополитического положения данной страны и преувеличенной оценке её революционного потенциала, основанной не на реальном знании политической ситуации и состояния рабочего движения страны, а на иллюзорных представлениях о них. Миссия Бородина была задумана как многоходовая комбинация. Одновременно решалось несколько задач как стратегических, так и тактических. Одни были связаны собственно с Коминтерном, другие – с соображениями

С. 86. Позднее, выступая на Объединённом Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1927 г., Х.Г. Раковский подчеркнул, что внешняя политика СССР «определяется эмпирически изо дня в день под влиянием тех или иных событий», а не формируется на основе «установленной заранее пачерченной программы» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 98, шт. по: Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1: 1928–1934. СПб., 2000. С. 75

¹ Записка А. Балабаповой В.И. Ленин [май 1920 г.] // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 83. Л. 12.

² Ермолаев В.И., Королёв Ю.Н. Рекабаррен – великий гражданин Чили. М., 1970. С. 106. Это даёт основание некоторым историкам чилийского рабочего движения считать Рекабаррена основателем трех коммунистических партий: Аргентины, Уругвая и Чили. Jobet J.C., Barria J., Vitale L. Obras selectas de Luis Emilio Recabarren. Santiago de Chile, 1971. P. 42.

дипломатического характера в Мексике и США. 17 апреля 1919 г. председатель Совпаркома РСФСР В.И. Ленин подписал документы о назначении М. Грузенберга (Бородин) генеральным консулом РСФСР при правительстве Мексики, уполномочив его на ведение переговоров об установлении дружественных межправительственных отношений¹. Безусловно, Москва учитывала тот факт, что из всех латиноамериканских стран, поддерживавших дипломатические отношения с Россией к моменту Октябрьской революции, лишь Мексика не разорвала их после прихода к власти большевиков, а лишь приостановила². Хотя логичнее было бы направить для переговоров полномочного представителя, Бородин был назначен лишь консулом. Это было связано с тем, что с 1913 г. назначенного российского посла в Мехико не было, но консулы продолжали работать.

Немаловажную роль играло то, что руководство Советской России и III Интернационала не могло не видеть в Мексике потенциального союзника и явно намечалось сыграть на политической ситуации в стране и особенностях ее взаимоотношений с США, связанных с завершением буржуазно-демократической революции, носившей явно антиамериканскую окраску. Это вкупе с «прогерманской ориентацией» президента В. Каррансы привело к серьезному кризису в отношениях с США. Хотя Карранса и не был, как это показывают исследования ряда мексиканских авторов, «гермафиллом» в строгом смысле этого слова (он лишь хотел сохранить хорошие отношения со всеми европейскими государствами вне зависимости от их отношения к войне), победы Германии и её союзников способствовали росту антиамериканских настроений в Мексике. К тому же Германия открыто пользовалась свободным доступом в мексиканские порты для военных целей, а публичные заявления немецкого послашика фон Экхардта о стремлении мексиканского президента к установлению более тесных отношений с кайзером Вильгельмом II способствовали нагнетанию «тревожной и опасной обстановки». В то же время Карранса использовал Германию для того, чтобы шантажировать США своими «контактами» с Берлином. Эта тактика оказалась частично успешной, по крайней мере во время войны: перед лицом увеличивающегося напряжения в американо-германских отноше-

¹ Мандат М.М. Грузенберга // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9324. Л. 1–1 об.; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 7: Март–июль 1919 г. М., 1976. С. 96; Советско-мексиканские отношения (1917–1980): Сб. документов. М., 1981. С. 9–10. Вопросы предстоящей поездки обсуждались Бородиным как с главой советского правительства (24 марта), так и с паркомом внешней торговли Л. Красным (по просьбе Ленина). В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 16.

² Cárdenas H. Las relaciones mexicano-soviéticas. México, 1974. P. 40; Cárdenas H. Historia de las relaciones diplomáticas entre México y Rusia. México, 1993. P. 148.

ниях президент США В. Вильсон де-факто признал правительство Каррансы¹. Важно другое: президент Мексики рассматривался общественным мнением США как союзник пемцев, и после поражения Германии ему пришлось столкнуться с куда более грозной опасностью интервенции со стороны США, чем ранее. Об этом регулярно информировало правительство Генеральное консульство Мексики в Нью-Йорке². Именно на этих построениях, вероятно, и предполагали сыграть руководители(б), НКВД РСФСР и Коминтерна.

Имеющиеся документы и материалы не позволяют с абсолютной точностью определить, какой была приоритетность задач, возложенных ИККИ и НКВД РСФСР на Бородину. Однако определенные выводы сделать все-таки возможно. Эмиссар Коминтерна и Совпаркома должен был добиться признания мексиканским правительством Советской России, дать импульс созданию коммунистических партий в Латинской Америке, обеспечить координацию действий коммунистического движения региона с центром в Мексике, организовать финансовую поддержку миссии Л. Мартенса в США и латиноамериканских компартий³. И хотя решение этих задач было чрезвычайно важным делом, оно тем не менее носило тактический характер. Но были и другие соображения – стратегические.

Радикальный американский журналист К. Билс полагал: основной задачей Бородина было не допустить вступления США в войну против Советской России, организовав «такие неприятности в Мексике», которые подвигли бы Вашингтон на вооруженную интервенцию в эту страну⁴ и связали бы американцам руки перешепными

¹ Durán E. Guerra y revolución. Las grandes potencias y México. 1914–1918, México, 1985. P. 134, 139; Valadés J.C. Historia General de la Revolución Mexicana, Vol. 6, Intromisión extranjera, México, 1985. P. 200, 210–211.

² Katz F. La guerra secreta en México, vol. 2. México, 1982. P. 229–232; Archivo Histórico de la Secretaría de Relaciones Exteriores (México). Expediente 17–17–270.

³ Gomez M. From Mexico to Moscow // Survey (London). 1964. № 53. P. 36, 39; Письмо С. Рутгерса С. Палкхёфста 3.6.1920 // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 2. Л. 199; Clissold S. (ed.). Soviet Relations with Latin America. 1918–1968. A Documentary Survey, N.Y.; L.: Toronto, 1970. P. 3; см. также: Oswald G.J. and Strover A.J. The Soviet Union and Latin America. N.Y., 1970. P. 16; M.N. Roy's Memoirs. Calcutta. P. 198–199; Souvarine B. Michel Borodine en Amerique // Freymond J. (ed.) Contributions à l'histoire du Comintern. Geneva, 1965. P. 97–101. Обсуждение целей поездки см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Михаил Бородин в Новом Свете: дипломат или миссионер Коминтерна? // Americana: Материалы международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия». Вып. 2. Волгоград, 1998. С. 118–131; см. также: Хейфец В.Л. Коминтерн и Латинская Америка. 1919–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб., 2006.

⁴ Beals C. Glass Houses. Ten Years of Free Lancing. Philadelphia; N.Y.; Toronto, 1938. P. 45.

проблемами вблизи собственных границ. Идейным и организационным центром создания таких трудностей для США потенциально могла бы стать мексиканская компартия, работа которой, песомпешпо, приобрела бы антиамериканский характер. Судя по воспоминаниям М.Н. Роя, Москва не только не считала, что подобная деятельность испортит отношения с Мексикой, наоборот, рассчитывала на поддержку её президента, полагая, что антиимпериалистическая направленность коммунистического движения вполне сочетается с основным вектором внешней политики Мексики – противостоянием с Соединенными Штатами.

О целях миссии Бородин рассуждал в своих мемуарах и один из основателей компартии Мексики, а позднее видный историк Х. Валадес. Его предположение о том, что одной из целей визита была организация компартии, подтверждается архивными документами. Слова же о желании Москвы «воспользоваться педовольством А. Обрегона и других мексиканских генералов правительством В. Каррансы, объединить мексиканских военных руководителей, обратив их в коммунизм, поднять их на восстание под красным знаменем и взять власть»¹, вряд ли соответствуют действительности. Такой вывод можно сделать на том простом основании, что в то время руководство Советской России не имело ни малейшего представления о противоречиях, существовавших внутри правящей мексиканской элиты. И если лидеры Коминтерна легко могли пойти на смелый эксперимент по созданию компартии в далекой стране, основанный (в отсутствие точной информации) на уверенности в том, что революция в Мексике не может не быть антиамериканской, то сценарий военного переворота, осуществленного генералами-коммунистами в 1919 г., в Москве явно не планировался. Мексиканский историк, похоже, попросту спутал визит Бородина с планами мексиканских коммунистов в 1920 г. и их попыткой установить контакты с обрегонистским движением и, в частности, с генералом Ф.Х. Мухикой.

Наличие в Москве консульства Мексики привело к мысли использовать для планировавшейся миссии, учитывая сложности передвижений эmissара советского правительства по Европе и США, дипломатическое прикрытие. С этой целью была организована сложная комбинация с участием высокопоставленных функционеров Совпаркома и Коминтерна. Техническая сторона поездки Бородина прорабатывалась достаточно серьезно. В марте 1919 г. зампаркома иностранных дел Л. Карахан сообщил и. о. консула

¹ Valadés J.C. *Memorias de un joven rebelde*, 2a parte. Universidad Autónoma de Sinaloa, 1986. P. 88.

Мексика В. Бледицу о желании СНК создать Русско-Мексиканскую торговую палату и направить в связи с этим в Мехико М. Бородину для доставки правительству Каррансы соответствующих предложений в диппакете с печатями мексиканского консульства. От консула требовалось выдать советскому представителю мексиканский дипломатический паспорт и свидетельство о пребывании его в должности вице-консула Мексики в Москве. Для обеспечения безопасности поездки Бородин вместе с ним был направлен секретарь консульства Х. Вильярдо¹. Их совместное путешествие продлилось до мая–июня 1919 г., а затем эмиссар Коминтерна и НКВД уже самостоятельно отправился в США. Проследившим за ним сотрудникам американских спецслужб удалось выяснить, что тот встретился с сотрудником бюро Л. Мартенса (неофициально представлявшего интересы Советской России) Дубровским, после чего продолжил поездку в Мексику².

В отличие от ряда европейских стран и США в Мексике в начале XX столетия не существовало общенациональной социалистической партии. Несколько групп разной степени влияния именovali себя социалистическими (в частности, созданная в 1911 г. адвокатом А. Саптитабальесом и эмигрантом из Германии, социал-демократом П. Цирольдом Рабочая Социалистическая партия Мексики численностью около 50 человек, фактически прекратившая свою деятельность в 1915 г.). Мексиканские рабочие охотнее откликались на анархистские и анархо-синдикалистские идеи. Более или менее сильной являлась Социалистическая партия Юкатана, возглавлявшаяся Ф. Каррильо Пуэрто и контролирувавшая законодательные органы штата. Радикализация рабочего движения ускорилась с появлением в Мексике в 1917–1918 гг. группы эмигрантов из США, бежавших из-за нежелания служить в армии. Многие из них, являясь левыми социалистами либо радикалами, сочувствовавшими большевикам, включились в мексиканское социалистическое движение, способствуя формированию внутри него левого крыла. Вскоре к этой группе присоединился индийский революционер М.Н. Рой, посте-

¹ Дипломатическое прикрытие было необходимо Бледицу в первую очередь потому, что он перевозил около 45 тыс. долларов и драгоценности стоимостью около полумиллиона рублей. См.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Мексиканская авантюра Советского правительства в 1919 году // Источник. 1999. № 4. С. 68; Loupan V., Lottain P. L'argent de Moscou, Paris, 1994. P. 50; Запрос М. Литвинова в НКВД и Коминтерн 14.12.1919 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 6. Л. 20; Денеша Коминтерна (Я. Берзин, Клиппер) и Г. Чичерина Литвинову 18.12.1919 // Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 220. Л. 1–1 об.

² Jacobs D.N. Borodin. Stalin's Man in China. Cambridge, 1981. P. 61–62; Holubnychy L. Michael Borodin and the Chinese Revolution, 1923–1925. N.Y., 1981. P. 45; Spolansky J. The Communist Trail in America. N.Y., 1951. P. 173–174.

пешно эволюционировавший в сторону социализма. Вступив в малочисленную СП Мексики (СПМ), энергичный Рой быстро стал доминировать в ней, в чем, не исключено, сыграл свою роль и денежный вопрос: Рой на деньги немецкого посольства финансировал издание газеты «El Socialista»¹.

По инициативе СПМ, поддержанной еще несколькими организациями, в августе–сентябре 1919 г. состоялся I национальный социалистический конгресс, в заседаниях которого участвовали представители и социалистов, и анархистов, и реформистских профсоюзов, учредивший Мексиканскую Социалистическую партию (МСП)², генеральным секретарем которой был избран Х. Аллеп.

Декларация Принципов революционного социализма, принятая конгрессом, в качестве ориентира признавала Манифест III Интернационала, а главными задачами социалистического движения провозглашала борьбу за свержение капиталистического строя путем революционного захвата политической власти, и необходимость «временной диктатуры пролетариата и трудящихся земли, единственных классов, заинтересованных... в установлении социализма» как первого шага на пути к полной победе коммунизма. Декларация осуждала утративших «пролетарский и революционный характер» социалистов Западной Европы, отвергала парламентский путь борьбы рабочего класса за свои права, допуская, однако, использование права голоса для выбора революционных представителей на государственные посты, если это не отражается на эффективности классовой борьбы³.

На конгрессе возникло резкое противостояние между группой, которую возглавляли Рой, сотрудник газеты «El Heraldo de México» американец Ч. Филлипс (Симэн) и мексиканец Х. Аллеп, и сторонниками члена СПМ, издателя «Gale's Magazine» американца Л. Гэйла. Конфликт из-за предоставления делегатского мандата лидеру Мексиканской региональной рабочей конфедерации

¹ О деятельности эмигрантов в мексиканском революционном движении см.: Доклад Х. Рамиреса [Ч. Филлипса], 18.1.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 4. Л. 7–8; Биография Л. Гэйла // Там же. Д. 5. Л. 17–19; Аллеп Х. Коммунистическое движение в Мексике. Доклад 7.9.1922 // Там же. Д. 25. Л. 18; Beals C. Op. cit. P. 43–44; Gomez M. Op. cit. P. 33; Hathcox J.P. Communism and Nationalism in India. Princeton, 1971. P. 7–8; Roy M.N. Op. cit. P. 106–121; Хейфец В.Л. Американская и российская радикальная эмиграция в Мексике в 1920-е гг. // Актуальные проблемы американистики. Н. Новгород, 2003. С. 131–137.

² Martinez Verdugo A. (ed.). Historia del comunismo en Mexico. Mexico, 1985. P. 24.

³ Предисловие к Манифесту Латиноамериканского бюро III Интернационала // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 1. Л. 6; Declaración de Principios Aceptados por el Primer Congreso Nacional Socialista; Programa de Acción. Adoptado por el Primer Congreso Nacional Socialista // Oposición. (Mexico), 19–25.7.1919.

(КРОМ) Л. Моронесу привел к расколу мексиканских сторонников III Интернационала: после завершения конгресса, 7 сентября двое из числа подписавших Декларацию делегатов – Л. Гэйл и филиппинец Ф. Луна – вместе с некоторыми другими активистами провозгласили создание Коммунистической партии Мексики (КПМ)¹.

Серьезных политических и теоретических расхождений у обеих партий не было: причиной этого шага, скорее всего, явился вопрос о персональном составе руководства и делегации на II конгресс Коминтерна. Осенью 1919 г. деятельность КПМ сводилась преимущественно к борьбе против «большинства» конгресса, выражавшейся в ожесточенных личных нападках. В памфлете, опубликованном Гэйлом в сентябре, он обвинил Роя и Филлинса, «делавших вид, что находятся в оппозиции к Моронесу и идеям Американской Федерации Труда, а на деле тайно осуществлявших планы этого человека Гомперса», в том, что они позволили Моронесу ощущать себя на конгрессе абсолютным победителем. Автор памфлета высказал сомнения в том, что Рой стал социалистом «в полной мере», Филлинс же был охарактеризован им как буржуазный либерал². Руководство КПМ отрицало право МСП считаться радикальной партией, одновременно апеллируя к лидеру Коммунистической Рабочей партии Америки Дж. Риду, пытаясь убедить его в том, что все обвинения в адрес Гэйла со стороны МСП «лживы» и представляют собой не достойную ответа «гниль»³.

Для коммунистического движения Мексики приезд Бородина, бесспорно, оказался судьбоносным. Было бы непростительным не задать вопрос: как развернулись бы события в радикальном секторе мексиканского рабочего движения, если бы эмиссар Москвы не прибыл в страну как раз в тот момент, когда в результате полемики на I Национальном социалистическом конгрессе произошел раскол в стане потенциальных сторонников Коминтерна, приведший к появлению КПМ Гэйла и Мексиканской Социалистической партии, и если бы его переводчик, американский социалист Р. Маллен, не свел «румынского бизнесмена Александреску»⁴ с Роем и Филлинсом. Именно Бородин убедил лидеров МСП переименовать ее в комму-

¹ Сам по себе повод для противостояния с точки зрения перспектив развития коммунистического движения в Мексике был лишен смысла: Моронес и его соратники, обнаружив, что находятся на конгрессе в абсолютном меньшинстве, отказались подписать его итоговые документы и участвовать в деятельности МСП.

² Gale L. Gompers Dominates the Mexican Socialist Congress // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 6. Л. 1.

³ Письмо Л. Гэйла Дж. Риду 15.9.1919 // Там же. Д. 3. Л. 13.

⁴ Так первоначально представился Бородин в Мехико, Gomez M. Op. cit, P. 35–36; Roy M.N. Op. cit. P. 178.

нистическую партию и направить делегатов на конгресс Коминтерна. Рой вместе с Бородиным разработал план предстоящего съезда партии. Бородин составил приветствие съезду от имени ИККИ¹. Для самих Роя и Филлинса всё, однако, сложилось не так просто, как они описывают в своих мемуарах. Против изменения названия партии выступил член Исполкома МСП Ф. Сервантес Лонес. Произошёл второй раскол. Невзирая на оппозицию, на заседании ИК МСП 24 ноября единогласно было провозглашено создание на основе МСП Мексиканской Коммунистической партии (МКП). Правда, на заседании присутствовали лишь 7 из 22 первоначальных членов Исполкома; Бородина на данном мероприятии не было. Генеральным секретарём партии был избран Аллен². МКП насчитывала несколько десятков членов. Только летом и осенью 1920 г. были созданы партийные ячейки за пределами Мехико, практически не связанные между собой. Впрочем, и влияние сторонников Гэйла, вопреки их заявлениям, распространялось вне пределов столицы в очень небольшой степени.

МКП, естественно, была обязана своим появлением не только усилиям Бородина. Как уже упоминалось, в социалистическом движении Мексики к осени 1919 г. существовало радикальное крыло, симпатизировавшее большевикам. В начале октября МСП начала издание еженедельника «El Soviet», название которого не оставляло сомнений в идейных приоритетах руководства партии. Однако революционные группы имели весьма смутное представление о деталях пролетарской революции, событиях в России, сущности Советской власти. Большинство мексиканских левых находилось во власти идей анархизма и анархо-синдикализма, и приезд Бородина и его влияние на Роя и Филлинса, несомненно, ускорили процессы, назревавшие в социалистическом движении страны. Полномочия же посланца Москвы были достаточно весомы, если позволяли подписать от имени ИККИ обращение к МКП и уверенно говорить о признании партии Коминтерном к моменту приезда её делегации в Москву, едва Бородин поставит вопрос перед ИККИ³.

¹ Roy M.N. Op. cit. P. 211.

² Márquez Fuentes M., Rodríguez Araujo O. El Partido Comunista Mexicano (en el periodo de la Internacional Comunista. 1919–1943). México, 1973. P. 62.

³ Письмо М. Бородина Х. Аллену [ноябрь 1919 г.] // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 108, Д. 1. Л. 10. См. подробнее: Хейфец В.Л. Провал континентальной революции: Коминтерн и эволюция левого движения Мексики в 1919–1921 гг. // Россия в контексте мировой истории. СПб., 2002. С. 252–277; Hejfec L. und V. Die Komintern und Lateinamerika. Die Geburt einer kontinentalen Internationale // The International Newsletter of Communist Studies. Vol. X (2004). № 17 (published jointly with Jahrbuch für historische Kommunismusforschung). P. 36–45.

При наличии в Мексике двух компартий, каждая из которых считала именно себя истинной представительницей пролетариата страны и добивалась признания со стороны III Интернационала, московскому эмиссару предстояло взвесить, развитие какой партии сулит большие перспективы и решить, кому отдать предпочтение. КПП вела активную пропаганду с целью поиска сторонников за рубежом, и некоторое время в левых кругах США и Франции именно Гэйла воспринимали как лидера коммунистов Мексики. Тем не менее Бородин решительно и бескомпромиссно поддержал созданную при его участии МКП, охарактеризовав лидера КПП Гэйла как «потенциально-го полицейского шпиона»¹.

Вряд ли внимательный наблюдатель тогда мог разглядеть серьезные расхождения в идейных позициях Роя и Гэйла: как и многие неопиты Коминтерна, они оба имели смутное представление о большевистской идеологии. А по чисто внешним показателям группа Гэйла была даже несколько ближе к Коминтерну: ее название – Коммунистическая партия Мексики – в точности соответствовало одному из разработанных Лениным чуть позже «21 условию» приема в III Интернационал. Однако с подачи Бородина Амстердамское бюро ИККИ признало единственной секцией Коминтерна в Мексике МКП.

Удивительно, что Бородин, считавшийся мастером урегулирования сложнейших внутри- и межпартийных конфликтов², в противостоянии групп Роя и Гэйла бескомпромиссно встал на защиту второй, даже не попытавшись разобраться в логике второй, хотя вообще понять что-либо было непростой. Они были зеркальным отражением друг друга, выдвигая друг против друга одни и те же обвинения, используя в дискуссии одну и ту же лексику. Сумел же посланец Москвы разглядеть при оценке почти такой же ситуации в коммунистическом движении США суть не менее сложной проблемы, сообщая в Амстердам и о «тройном расколе в Социалистической партии», и о том, что «Коммунистическая партия превзошла по жестокости самого царя Ирода». Для Бородина было «неностижимо» существование двух коммунистических партий в США, и он настаивал на необходимости срочного разрешения этой опасной коллизии руководством III Интернационала. Что же касается Латинской Америки, то в том же письме он с оптимизмом сообщал: «Мексиканская Социалистическая партия, ныне – Коммунистическая – поддержала

¹ Письмо Х. Аллена Э. Боури 29.4.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 3. Л. 4; копия письма Троттера [Руттера] М. Бородину // Там же. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 12–12 об.

² Именно для решения сложных коллизий руководители большевистской партии и Коминтерна позднее посылали Бородина в Германию, Англию и Китай.

III Интернационал. На Кубе организована Коммунистическая секция. В обеих странах демонстрируется большой энтузиазм»¹.

Объяснение столь нелогичного поведения Бородина явно лежит за пределами сути противоречий КПМ и МКП. Дело было, видимо, в личности Роя, в котором посланец Москвы увидел человека, способного стать организатором коммунистической деятельности на направлении, становившимся в Коминтерне на тот момент приоритетным, – ударе по могуществу империалистических держав через их колонии. Лев Троцкий писал 5 августа 1919 г. (еще в то время, когда Бородин находился на пути в Западное полушарие): «Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас не может иметь крупного значения... международная обстановка складывается, но-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»².

По мнению Бородина, Рой вполне мог стать лидером антиколониального восстания в Азии. В письме руководителю Амстердамского бюро Рутгерсу он пояснял, что Рой – коммунист, верящий в то, что «спасение Индии зависит не от националистического движения Индии, а от индийского пролетариата, у которого те же цели, что и у пролетариата всего мира», и рассматривающий работу в Индии «как деятельность Коммунистического Интернационала». Именно Бородин предложил, чтобы Рой не только представил мексиканскую компартию и сделал сообщение относительно Латиноамериканского бюро III Интернационала, но и подготовил доклад о проблеме «работы Интернационала среди колониального пролетариата»³. Так, задолго до II конгресса Коминтерна, родилась идея знаменитых дополнительных тезисов Роя по национально-колониальному вопросу.

Рой уже тогда пошел дальше планов своего наставника Бородина, предложив создать в Бюро III Интернационала в Москве особую секцию для разработки проблем коммунистической работы в колониях⁴. Еще не добравшись до Москвы, мексиканский делегат занялся тео-

¹ Письмо М. Бородина С.Ю. Рутгерсу из Мадрида 4 января 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

² Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 59. Л. 2–2 об. Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998. С. 146–147.

³ Письмо М.М. Бородина С.Ю. Рутгерсу [1920 г.] // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 39–40.

⁴ Письмо Х. и Р. Алленов [Э. Трент-Рой и М.Н. Роя] Рутгерсу из Берлина 18.4.1920 // Там же. Д. 9. Л. 4.

ретическим обоснованием значения для Коминтерна колониального вопроса и пришел к выводу, что западноевропейский пролетариат нуждается во внешней силе для нанесения решающего удара по капиталистическому строю, которой, несмотря на свое менее развитое классовое сознание, могли быть пролетарские массы Латинской Америки и Востока. Сильные позиции капитализма в Европе и Америке следовало, по мнению Роя, атаковать «с флангов и тыла»: США – из латиноамериканских стран, а европейский капитализм – из азиатских колоний. Этой цели, подчеркнул Рой, служит созданное в Мексике Латинамериканское бюро, которое необходимо дополнить Восточным бюро где-нибудь в Центральной Азии, возглавить которое, по мысли индийца, мог бы Рутгерс¹. Перениска Бородин, Рутгерс и Роя свидетельствует об известной доле революционного романтизма, присущего Коминтерну в начальный период его деятельности: Рой был уверен в своем праве вносить предложения о структурной перестройке его аппарата и кадровых назначениях, не взирая на свой почти нулевой опыт пребывания в рядах международной компартии. Правда, это говорит также и об амбициях Роя, в основе которых лежали определенные черты его характера, подпитывавшиеся к тому же авансами, выданными ему Бородиным.

Если учесть все эти обстоятельства, мотивы признания Бородиным груны Роя и абсолютного игнорирования компартии Гэйла очевидны. Сиюминутный политический расчет перевесил все остальное. Только что рожденная мексиканская компартия была, по сути, принесена в жертву наполеоновским планам на Востоке. Сделав ставку на Роя как на лидера антиколониального движения в Азии, Коминтерн фактически отказался от возможностей, которые появились у него в Мексике с момента создания компартии. У мексиканских левых и представителя Коминтерна осенью 1919 г. имелись амбициозные планы и в Новом Свете. По предложению Бородина руководство МКП учредило Латинамериканское бюро III Интернационала для ведения пропаганды по всему континенту и укрепления связей между всеми коммунистическими организациями и группами². Название газеты МКП «El Soviet» было изменено на «El Comunista», и она одновременно была провозглашена органом партии и бюро. Временный комитет бюро издал Манифест, в котором призвал трудящихся Латинской Америки принять участие в коммунистическом конгрессе, призванном объединить пролетариат региона на принципах классовой борьбы и создать постоянный Исполком Латинамериканского

¹ Письмо Р.А. [Роберта Адлена (М.Н. Роя)] к Р. 21.5.1920 // Там же. Л. 16–16 об.

² Там же. Ф. 495. Оп. 108. Д. 1. Л. 6.

бюро III Интернационала¹. Проинформировав А. Балабанову о создании партии и бюро, руководитель обеих структур Аллен обещал уже в ближайшем будущем развернуть их деятельность в континентальных масштабах и настаивал на официальном признании Латиноамериканского бюро Коминтерном².

Эти проекты были одобрены Москвой, признавшей Латиноамериканское бюро III Интернационала своей реально функционирующей структурой. Осенью 1920 г. руководство КИМа высказало желание, чтобы Федерация коммунистической молодежи Мексики взяла на себя функции Секретариата для Латинской Америки и поручила возглавить его своему представителю в Мехико – швейцарцу А. Штирнеру (Э. Воог), действовавшему в тесном контакте с Латиноамериканским бюро. Реально этот замысел удалось осуществить только после II конгресса КИМа, но большой активности эта структура не проявила³.

Поддержать деятельность Латиноамериканского бюро в Мексике Бородин предложил во время неофициальной встречи президенту В. Каррансе. Генеральный консул РСФСР в Мексике и представитель Коминтерна заявил о сочувствии нового российского правительства борьбе латиноамериканских народов против империализма и стремлении помочь им любыми доступными ему способами, считая одним из них работу в Мехико Латиноамериканского бюро. Расчет на решительную поддержку со стороны властей не оправдался: Карранса ограничился передачей наилучших пожеланий Ленину и предоставлением Бородину возможности связываться с Москвой при посредстве мексиканских дипломатов в Европе. Нет сомнений в том, что контакты, установленные Бородиным в Мексике с видными политиками, способствовали пониманию необходимости обновления дипломатических отношений с Россией⁴. Важно иное – Латиноамериканское бюро получило негласное одобрение на работу (именно так надо рассматривать толерантное отношение властей к политической деятельности иностранцев – членов МКП, находившей-

¹ Manifiesto del Buro Latinoamericano de la III Internacional a los trabajadores de América Latina // Oposición (México). 23–28.8.1979. Манифест был опубликован 8 декабря – вероятно, после отъезда Бородина, фактически же бюро было конституировано в конце ноября, в него вошли мексиканцы Х. Аллен, А. Русс, Е. Торрес, перуанец Л. Урмаеча и американец М. Брустер.

² Письмо Х. Аллена А. Балабановой. 29.11.1919 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 3. Л. 1–2.

³ Письмо ИККИМ А. Штирнеру [Э. Воог]. 3 сентября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 14. Л. 26–27; Курелла А. От Берлина до Москвы. М., 1930. С. 88–89.

⁴ Cardenas H. Las relaciones... P. 57; Cardenas H. Historia... P. 157; Микоян С.А. СССР – Мексика: 60 лет сотрудничества. М., 1984. С. 15–16.

ся в очевидном противоречии со статьей 33 Конституции Мексики). Однако натронаж со стороны правительственных структур, на который возлагали надежды Рой и Бородин, оказался фикцией. В сложившихся условиях успех деятельности бюро должен был зависеть только от организационных способностей его руководителей, а оно изначально было ослаблено в связи с отъездом Роя и Филлинса из Мексики. Основание Латиноамериканского бюро можно расценивать как инициативу неофитов коммунистического движения, хотя и инициированную Бородиным. Важно при этом отметить, что идея такой организации носилась в воздухе: компартия Л. Гэйла организовала параллельное Латиноамериканское бюро и назначила свою делегацию на II конгресс Коминтерна.

Удачно завершив, как ему тогда казалось, свою миссию в Мексике, Бородин в декабре 1919 г. в сопровождении Филлинса отправился в Европу, куда примерно тогда же выехали и делегаты МКП на конгресс Коминтерна супруги Рой. Все четверо встретились уже в Москве. Филлинс (Х. Рамирес) имел официальный мандат делегата компартии Испании и попытался выступить в роли представителя Коммунистической секции Кубы, созданной при его непосредственном участии. Мандатная комиссия конгресса предоставила Рою и Трент-Рой право решающего голоса как делегатам Мексики, отложив решение о мандате Филлинса до предоставления им официального документа¹. Э. Рой в этих обстоятельствах делегировала свои полномочия члену ИК МКП Филлинсу, оставив за собой лишь право представлять партию на Женском конгрессе III Интернационала. Таким образом, делегатами МКП с правом решающего голоса стали Рой и Филлинс, а у Трент-Рой сохранился совещательный голос².

Рой представлял на конгрессе Мексику и Индию, но от обсуждения мексиканских проблем практически отошел, передоверив эту миссию Филлинсу и направив все усилия на решение проблем антиколониального движения в Азии. Именно тогда началось вознесение Роя на вершину коминтерновского Олимпа: неизвестному прежде в международном рабочем движении человеку поручается подготовка важнейшего теоретического документа – тезисов по национально-ко-

¹ В альбоме автографов делегатов конгресса он расписался как делегат коммунистов Кубы // РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 65. Л. 7 об.

² Протокол заседания мандатной комиссии Второго конгресса Коминтерна // Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–1 об., 3; Мандат Х. Рамиреса [Ч. Филлинса] // Там же. Д. 30. Л. 61–62, 94; Выписка из протокола заседания мандатной комиссии от 17 июля 1920 г. // Там же. Д. 27. Л. 1–2; Мандат Р. Аллена и Х.Б. де Аллен [М.Н. Роя и Э. Трент-Рой] // Там же. Д. 30; Заявление Х.Б. де Аллен [Э. Трент-Рой] в мандатную комиссию III Интернационала от 21 июля 1920 г. // Там же. Л. 90; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг., 1921. С. 354, 617.

лонияльному вопросу в дополнение к ленинским, а уже в следующем году он оказался в составе ИККИ¹. Случайности в этом не было – руководство Коминтерна с подачи Бородина, поддержанного Рутгерсом, рассматривало Роя как весьма нерасклевываемую фигуру для развертывания революционного движения в колониях. Для Ленина и ИККИ было очевидно: индийский эмигрант, сумевший достичь высокого положения в Мексике, способен организовать и возглавить антиколониальную борьбу в британских владениях. У Роя не было мандата делегата коммунистов Индии, да и само коммунистическое движение в этой стране начало формироваться позже при его участии. В нём были в тот момент важны даже не столько способности теоретика и организатора (хотя и их значения не стоит отрицать), сколько уникальное на тот момент стечение обстоятельств: делегат МКП, индеец, являлся коммунистом, что позволило ему мгновенно затмить своего наставника Бородина. И если во время встречи Роя с Лениным в центре внимания находились вопросы Латинской Америки, то уже беседа со Сталиным в основном была посвящена Азии². Именно с Азией московское руководство связывало так и не осуществившиеся планы направить тандем Бородин – Рой в Афганистан: первого – полпредом РСФСР, второго – руководителем центра антиколониального движения в Индии. Поскольку для Коминтерна азиатское направление представлялось более нерасклевываемым, руководством всемирной компартии, не колеблясь, пожертвовав работой мексиканской секции, перебросив Роя на Восток, которым активно намеревались заняться и III Интернационал, и НКВД РСФСР.

По воспоминаниям Роя и Филлинса, они оба выступали на заседаниях конгресса (американец «лишь однажды и очень коротко»). Материалы конгресса тем не менее содержат лишь стенограмму речи Роя как делегата Индии и его тезисы по национально-колониальному вопросу. Однако в архиве хранится краткий документ Филлинса³, посвящённый деятельности международной коммуни-

¹ Несмотря на то что практически Рой к этому времени утратил контакты с мексиканским коммунистическим движением, он еще продолжал рассматриваться в Коминтерне делегатом от Мексики, и в качестве такового участвовал в учредительном заседании ИККИ 13 июля 1921 г. (с совещательным голосом), одновременно представляя и Индийскую компартию. Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И.К. Коммунистического Интернационала от 13 июля 1921 г. до 1-го февраля 1922 г. Пг., 1923. С. 5–6.

² О деятельности Роя в Коминтерне см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Псевдоним – Бородин. Настоящая фамилия? Lafayette! // Латинская Америка. 1994. № 3. С. 107–115; Das Gupta B.N.M.N. Roy. Quest for freedom. Calcutta, 1970.

³ Не представляется возможным определить, является ли это записью выступления представителя МКП на конгрессе, не вошедшей по какой-то причине в стенограмму заседаний, или же текстом его выступления на заседании одной из комиссий.

стической партии в Западном полушарии, в котором говорится, что «свержение капитализма в Америке» требует хорошо скоординированного движения во всей Америке, работать же в отдельных странах Центральной и Южной Америки на принципах II Интернационала «смешно». Насущной задачей Коминтерна в соответствии с программой Latinoамериканского бюро мексиканский делегат считал борьбу за объединение континентального рабочего движения¹.

В своих воспоминаниях Филлипс указывает, что во время встреч делегатов МКП с Лениным² тот, проявив интерес к Латинской Америке, хотел получить информацию не столько о социалистическом движении и МКП, сколько о массовых организациях и силе антиамериканских настроений населения. Филлипс считал, что вызвано это было или зачаточным состоянием коммунистического движения Мексики (что делало его малоинтересным для вождя мирового пролетариата), или тем, что Ленин уже беседовал по этому поводу с Бородиным³.

На II конгрессе впервые прозвучали теоретические характеристики ситуации в Латинской Америке, но произошло это только в связи с оценкой роли Соединенных Штатов Америки в международных отношениях после Версаля. В видении лидеров III Интернационала «мировая война окончательно выбила Соединенные Штаты из континентального консерватизма», преобразовав программу «расправляющего крылья национального капитализма – “Америка для американцев” (доктрина Монро)» в программу империализма: «Весь мир для американцев». «Продолжая все насильственнее подчинять себе американский континент, превращая страны Центральной и Южной Америки в свою колонию, Соединенные Штаты в лице обеих своих правящих партий, демократов и республиканцев, собираются, в противовес английской Лиге наций, создать свою собственную, т. е. с Северной Америкой в качестве центра мировой системы»⁴.

«Военные потрясения, оставившие в наследство глубокий экономический кризис, открывают новую главу в рабочем движении Соединенных Штатов, как и остальных стран Американского континента. Ликвидация шумихи и лжи вильсонизма есть вместе с тем ликвидация того американского социализма, который составляет

¹ Записка Ф. Симэна [Ч. Филлипса] об империализме, 1920 // РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

² О встрече Роя с Лениным см.: Из истории Коминтерна, М., 1970, С. 266.

³ Gomez M. Op. cit. P. 43; Письмо Х. Рампеса [Ч. Филлипса] В. Ленину 11.9.1920 // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 828. Л. 1.

⁴ Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Июль–август 1920 г.: Стенографический отчет, М., 1934, С. 628–629.

смесь нацифистских иллюзий с ярморочною деловитостью и мирно допояняет слева тред-юнионизм Гоммерса и К°. Теснейшее сличение революционных пролетарских партий и организаций Американского континента – от полуострова Аляски до мыса Горн – *в тесно связанную американскую секцию Интернационала, противостоящую могущественному врагу*, империализму Соединенных Штатов, есть задача, которая должна быть и будет выолнена в борьбе со всеми силами, мобилизованными долларом на свою защиту»¹.

Так как II конгресс считал аксиомой приближение гражданской войны во всем мире, одну из важнейших сил борьбы против могущества империализма он видел в движении колониальных народов против империализма, сочетающем разные формы социальной борьбы с национальной и проходящем «нужь от нервных младенческих шагов до зрелых форм борьбы... форсированным маршем под давлением новейшего империализма и под руководством революционного пролетариата»². Провозглашая Коминтерн международной партией пролетарского восстания и пролетарской диктатуры, не имеющей других целей и задач, кроме целей и задач самого рабочего класса, II конгресс тем самым нацеливал на решение этих задач в союзе с пролетариатом США и находившееся в эмбриональном состоянии коммунистическое движение Латинской Америки³.

2.2. Деятельность Латиноамериканского бюро III Интернационала

Делегация Мексики оказалась единственной, представлявшей Латинскую Америку на конгрессе, что способствовало росту престижа мексиканских коммунистов в глазах руководства ИККИ и сделало Мексику, хотя и на короткое время, центром коммунистического движения в латиноамериканском регионе.

Фактически признание МКП секцией Коминтерна предполагало и легитимацию Латиноамериканского бюро III Интернационала. Между тем уже сам состав Временного комитета бюро, который должен был показать интернациональный характер и потенциальные возможности регионального органа Коминтерна, на самом деле продемонстрировал случайность подбора кадров, ибо его немексиканские члены не представляли реально существовавших организаций. Это стало первой причиной быстро проявившейся нежизнеспособности

¹ Цит. по: Троцкий Л. Перманентная революция. М., 2005. С. 500–501.

² Там же. С. 497.

³ Там же. С. 502.

бюро. Возможности Латиноамериканского бюро III Интернационала (ЛАБ) априори были ограничены. «Прорусская» составляющая мексиканского рабочего движения не имела устойчивых интернациональных связей. Контакты с США стали реальностью только после приезда Бородина и обрели стабильность после организации Катаемой в Мексике деятельности Американского агентства (Панамериканского бюро) Коминтерна. Реально в арсенале Бюро были контакты американских «уклонистов» – бежавших в Мексику противников участия в Первой мировой войне, большинство которых не имело веса в социалистическом движении США. С другой стороны, это были связи латиноамериканской и испанской революционной эмиграции, влившейся в коммунистическое движение. Но самые яркие ее представители (С. Сан-Висенте, Х. Рубио, В. Рекоба и др.) были анархистами, через которых можно было установить контакты только с их единомышленниками. Отсюда столь пристальное внимание Бюро к Кубе, откуда в Мексику переехало большинство из них. Результатом этих контактов было основание в декабре 1919 г. при участии Бородин и Ч. Филлинса Коммунистической секции Кубы¹.

Во время остановки в Гаване при возвращении в Европу Бородин, которому не разрешили сойти на берег, направил в кубинскую столицу своего спутника Филлинса для сбора материала о рабочем движении Кубы и перспективах организации рабочих на базе принципов III Интернационала. Филлинс связался с М. Салинасом, анархистом, симпатизировавшим коммунистическим принципам III Интернационала, лидером «радикального, классового сознательного юнионизма на острове», адрес которого получил от «товарища в Мексике». Во время пятнадцатичасовой встречи, выяснив, что его собеседник безого-

¹ Отчет М. Бородина // РГАСПИ. Ф. 497, Оп. 2, Д. 7, Л. 92; Отчет Ф. Симэна [Ч. Филлинса] // Там же, Ф. 495, Оп. 105, Д. 2, Л. 2; Копия письма М. Салинса Генеральному секретарю «Третьего Московского Интернационала» 6.12.1919 // Там же, Д. 2, Л. 1; III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг., 1922, С. 8–9; Бюллетень Коммунистического Интернационала, 1921, № 93, С. 1–2. Подробнее см.: Хейфец В.Л. Коминтерн, Мексика и коммунистическое движение Кубы, 1919–1929 // *Americana*, Vol. 4, Волгоград, 2000, С. 260–279; Хейфец Л.С. Коминтерн и коммунистическое движение Кубы // *Латиноамериканский исторический альманах*, 2001, № 2, С. 135–152.

Советская историческая литература не обошла вниманием организацию Салинса, однако авторами были расставлены акценты, не позволявшие адекватно оценить ее характер. В.И. Ермолаев, например, писал о «коммунистической партии», созданной Салинасом, в «прошлом анархизмом», входившим в число видных руководителей «марксистских социалистических групп». Ермолаев В.И. Из истории рабочего... С. 200–201. См. также: Листов В. Рабочее сердце Гаваны. Очерки истории рабочего и профсоюзного движения на Кубе (1917–1985). М., 1987, С. 33–34. Все это не мешало ИККИ некоторое время числить группу Салинса в реестре потенциальных членов Коминтерна.

ворочно поддерживает деятельность «русского Советского правительства», мексиканский коммунист предложил идею создания коммунистической ячейки на Кубе. Салинас отреагировал с энтузиазмом, не преминув заявить, что все радикальные профсоюзы немедленно к ней присоединятся, а лично он «будет рад предпринять организационные меры». Присутствовавшие при их беседе левый анархист А. Пеничет и еще три-четыре кубинца вошли во Временный Исполком Коммунистической секции Кубы, генеральным секретарем которой стал Салинас. Как следует из отчета Бородина, Филлинс вернулся «счастливым и ликующим», сообщив об организации «научасов назад» коммунистической секции и принятой резолюции о присоединении к Коминтерну. Бородин, не планировавший подобного развития событий, отнесся к руководимой левыми анархистами «коммунистической секции» с достаточной долей иронии, назвав позднее события в Гаване «курьезным, но значительным инцидентом», демонстрирующим нереспектив развития левого коммунизма, могущего дойти до отрицания самого понятия «политическая партия». Нелюбовь к партиям не помешала Салинасу воспользоваться неожиданно подвернувшейся оказией и отправить в Москву просьбу о приеме в III Интернационал – *всемирную коммунистическую ПАРТИЮ*. В своем письме он указал, что вышеупомянутая секция полностью присоединяется к «Третьему Московскому Интернационалу» и обещает «всеми силами бороться за распространение его идей и за разгром буржуазии во всем мире». Руководитель Коммунистической секции выразил её желание быть представленной на конгрессе Коминтерна, а также на латиноамериканском коммунистическом конгрессе. Хотя полномочия Ч. Филлинса как делегата Коммунистической секции Кубы на II конгрессе Коминтерна не были признаны¹, руководство III Интернационала вовсе не собиралось оставлять кубинских неопитов за пределами организации, и коммунистическая группа Кубы была приглашена на очередной всемирный конгресс. Сам факт приглашения КСК на III конгресс Коминтерна стал, несомненно, результатом контактов, установленных Бородиным и развитых ЛАБ. Связи эти, однако, так и не были скоординированы с континентальной работой, оставшейся лишь на бумаге.

¹ При этом на одном из заседаний ИККИ ему было предоставлено право голоса как представителю кубинской партии. М.Н. Рой участвовал в том же заседании в качестве делегата Мексики. Выписка из протокола заседаний ИККИ от 14 июля 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 6. Л. 110.

2.3. Начало систематической работы по формированию региональных структур Коминтерна

Сам Исполком Коминтерна, понимая невозможность управлять всемирной компартией из одного центра и осознавая необходимость более тесной связи с секциями, учредил несколько региональных бюро для оказания содействия революционному движению, помощи в формировании компартий, обеспечения связей между ними и с центром Коминтерна в Москве. Они функционировали как вспомогательные структуры, выступая посредниками между ИККИ и компартиями в передаче денег, документов, оперативной информации. Вспомогательные бюро были в 1919–1920 гг. созданы на самых напряженных и представлявших нерасклевываемую сливочку в тот период направлений деятельности III Интернационала: Венгерское, Баварское, Южное (для связи с Советской Венгрией и странами Юго-Восточной Европы), Скандинавское, Норвежское, Венское, Балканское, Ближневосточное и Западноевропейский секретариат¹. В круг обязанностей созданного решением Бюро ИККИ от 28 сентября 1919 г. Амстердамского бюро² входила пропаганда коммунизма среди рабочих Западной Европы и Америки для их объединения на основе принципов Коминтерна³.

Бюро поручили «установить связь со всеми странами», совместно с отделением в Осло создать по возможности в январе 1920 г. конференцию III Интернационала, издавать журнал «Коммунистический Интернационал», в случае необходимости изменив его название. Региональному органу Коминтерна были предоставлены полномочия в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, выступать самостоятельно от имени III Интернационала, а Рутгерс получил право подписывать акты от имени ИККИ и быть его полно-

¹ Фирсов Ф.И. Коминтерн и строительство партии нового типа // Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий. М., 1972. С. 51; Адибеков Г.М., Шахпазарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 10–13.

² Первоначальное название – Голландское отделение ИККИ, или Отдел Коммунистического Интернационала в Амстердаме. Протокол № 28 заседания ИККИ. 28 сентября 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 78; Протокол № 29 заседания ИККИ 14 октября 1919 г. // Там же. Л. 80.

³ Во главе Бюро, в которое входили лидеры голландских трибунистов Г. Роланд-Гольст, А. Пашекук, Г. Гортен, Д. Ваффен, В. ван Рапенстайн, стоял С.Ю. Рутгерс, получивший инструкции лично от Ленина. Объявление о создании временного Амстердамского бюро ИККИ. // Там же. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Протокол № 28 заседания ИККИ. 28 сентября 1919 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 78; Бауман Г.С. Трибунисты – революционные марксисты Нидерландов. Ростов-на-Дону, 1981. С. 151; Loupan V., Lorraine P. L'argent de Moscou. Paris, 1994. P. 47–48.

мочным представителем на конференции III Интернационала, если Исполком не сможет кого-либо командировать.

Задачи Амстердамского бюро (АБ) в Новом Свете были конкретизированы после приезда из Мексики Бородин, оценившего положение там как «великодушное», хотя и отметившего, что «многое пошло не так, как ожидалось». Он информировал о создании Латиноамериканского бюро и решении, принятом на встрече испанских и мексиканских коммунистов, организовать в Испании с участием делегатов из Европы и Латинской Америки агентство новостей для постоянной международной связи¹. По мнению Бородина, эта структура оказалась бы полезной, ибо бюро Коминтерна не имело возможности поддерживать связь с каждой отдельной страной в Европе, а Латинская Америка казалось столь удалённой от европейского коммунистического движения, как будто это «иная планета»². Руководство АБ после переговоров с Бородиным в Амстердаме в начале февраля решило поддерживать отношения с Мексикой через Испанию для распространения информации и создания связующего звена между Россией и этими странами³. Было одобрено предложение Бородина об оказании финансовой помощи газете «El Soviet» и запланировано издание еженедельника в Испании, который в перспективе мог стать средством и для распространения коммунистической пропаганды в странах Латинской Америки. Таким образом, для руководства коммунистическим движением Латинской Америки предполагалось создать многозвенную систему управления: Москва (ИККИ) – Амстердам (Амстердамское бюро) – Мадрид (Агентство новостей) – Мехико (Латиноамериканское бюро) – национальные секции Коминтерна. При этом не была рассмотрена система принятия решений, иерархии этих структур, принципы и размеры финансирования и т. д.

Из чего же исходил Бородин, предлагая свою концепцию? В первую очередь, он явно рассчитывал на опыт участия испанских социалистов в международном рабочем движении. Несмотря на отсутствие в Испании в тот момент коммунистической партии, в то время как в Латинской Америке уже действовали и две мексиканские партии, и ИСПА, и Коммунистическая секция Кубы, большевистский эмиссар рассматривал левое крыло Испанской социалистической партии как организационную и идеологическую базу для распространения

¹ Письмо М. Бородина из Мадрида в Амстердамское бюро 4.1.1920 // РГАСПИ. Ф. 497, Оп. 2, Д. 1, Л. 1.

² Там же. Л. 1, 3.

³ Там же. Л. 42–44; Копия письма Г. Троттера [Рутгера] Бородину 15.2.1920 // Там же. Л. 12–12 об.

марксизма во всей Ибероамерике: у испанских социалистов существовала организационная структура и издательская база. Облегчала возможности сотрудничества сторонников III Интернационала на Пиренейском полуострове и в Латинской Америке общность языка и схожесть менталитетов. Плюсом являлось наличие транспортных связей между Испанией и Новым Светом. Решающим аргументом, несомненно, были возможности оперативной связи с Амстердамским бюро как политическим и организационным центром Коминтерна в Западной Европе.

По всей видимости, с планом Бородина создать ценочку от Москвы до Мехико связано учреждение испанского отдела Петроградского бюро ИККИ во главе с Боровским. В доступных нам документах архива Коминтерна нет сведений о его работе, функциях, составе, целях, личности руководителя. Логика подсказывает, что в тот момент данная структура, возможно, даже и не приступившая к работе, должна была быть нацелена на деятельность не только в Испании, но и в Новом свете.

Парадоксом являлось в этой ситуации то обстоятельство, что Бородин, уехавший из Испании, не доведя до конца процесс переговоров об учреждении испанской секции Коминтерна¹ и «не оставив четких инструкций и плана действий для борьбы внутри партии», передал свои полномочия Филлину. И этот неопит коммунистического движения, не имевший ни опыта партийной работы, ни международной известности, решительно взялся за организацию вступления одной из самых старых, авторитетных и массовых партий II Интернационала в Коминтерн. По его предложению Комитет начал организацию левого крыла внутри ИСРП, чтобы «захватить руководство и направить партию по пути к коммунизму» или добиться прихода ее в III интернационал путем раскола².

Не имело значения, какую партию представлял Филлинс, важным являлось то, кто его выдвинул. У Бородина были широкие нравы, значительная автономия действий, и, не имея устойчивой связи с ИККИ, он мог принимать самостоятельные решения от имени Секретариата

¹ Бородин и Ч. Филлинс (Симэп, Х. Рампрес) вместе с М. Гарсия Кортесом, председателем мадридской секции ИСРП и ее секретарем С. Гонсалесом, Д. Ангано, секретарем партии, членами НК ИСРП Р. Ламонедой и М. Нуьесом Арепасом, бывшим членом НК В. Гонсалес, Х. Лопесом и Р. Мерино Гарсия, соответственно, председателем и секретарем Социалистической молодежи, входили во Временный Комитет III Интернационала, созданный в конце декабря 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 120. Д. 204. Л. 58.

² Доклад о происхождении и основании Испанской коммунистической партии, представленный секретарем этой партии товарищем Р. Мерино Гарсия бюро III Коммунистического Интернационала // Там же. Ф. 495. Оп. 120. Д. 204. Л. 59–59а.

Коминтерна. И он доверил полномочия по организации испанской компартии, которой по его плану должна была в будущем стать важным связующим звеном между Москвой и коммунистическим движением Латинской Америки, представителю мексиканской партии, которой на этой иерархической лестнице отводилось место ниже, хотя она и должна была стать координатором движения на континенте¹.

На Амстердамской международной коммунистической конференции (февраль 1920 г.)² секретарь Коммунистической партии Америки по международным делам Л. Фрайна продолжил поиски теоретического обоснования идеи о перспективности удара по империализму через колонии, предполагая возможность коммунистического движения США «пронзить жизненно важные центры» империализма в Латинской Америке. Теснейший контакт коммунистов обеих Америк Фрайна считал императивом. Исторически сложилась ситуация, при которой Социалистическая партия Америки избегала контактов с латиноамериканским движением, и оно в итоге больше тяготело к развитию связей с Испанией. Дабы покончить с этим положением дел, делегат КПА предложил создать Американское бюро Коминтерна³. Конференция поддержала его идею, поручив это КПА. Перед новым органом Коминтерна ставилась задача созвать Панамериканскую конференцию коммунистов. Уже после сообщения Бородина о ЛАБ в резолюцию было внесено изменение, согласно которому КПА вместе с Латиноамериканским бюро должна была трансформировать структуру последнего в связи с расширением поля деятельности Американского бюро, призванного представлять III Интернационал в Новом Свете, объединить коммунистическое движение Латинской Америки, США и Канады и руководить им, обеспечить представительство коммунистических организаций Западного полушария на конгрессе Коминтерна и на-

¹ С реализацией испано-латиноамериканского проекта явно была связана и планировавшаяся в 1920 г. вторая поездка Бородина в Испанию, которая по задумке являлась зеркальным отражением мексиканской: официальный статус делегата конгресса Всемирного почтового союза был совмещен с выполнением коминтерновских функций (очевидно, предусматривалась ревизия выполнения ранее принятых решений и достигнутых договоренностей, в т. ч. и по Латинской Америке). Для испанских профитов Коминтерна связи через них с Латинской Америкой были неким пряником; им отводилась роль посредника, поставщика зарождавшегося латиноамериканского коммунистического движения.

² Международная Коммунистическая конференция в Амстердаме // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 2. Л. 78. Делегат МКП (Рой или Ч. Филлипс) приехал после окончания мероприятия, и с ним члены АБ смогли переговорить лишь частным образом. См.: Bulletin du Bureau Auxiliaire d'Amsterdam de l'Internationale Communiste. 1920. № 3. P. 3 // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 1. Д. 4.

³ Фрайна Л. Американское движение // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 2. Л. 111–112.

ладить регулярные контакты с Центрально-Европейским бюро и РСФСР¹. Таким образом, Латиноамериканское бюро должно было трансформироваться при сотрудничестве с КПА в латиноамериканский орган, а в схему Бородина были включены еще два промежуточных элемента – Американское бюро, которое должно было некоторое время (до объединения с Латиноамериканским бюро) функционировать в США автономно, и Центрально-Европейское бюро.

Проблемы у Американского бюро возникли немедленно из-за острого конфликта между параллельными компартиями США. В апреле исполнительный секретарь Коммунистической рабочей партии Америки (КРПА) А. Вагенкнехт информировал амстердамских товарищей о том, что Коммунистическая партия Америки, готовящая проведение континентальной коммунистической конференции, вступает в переписку с Южной Америкой, игнорируя при этом КРПА, и потребовал предоставить сведения о полномочиях, полученных КПА². Протестуя против монополии своей соперницы в деле координации деятельности коммунистов полушария, КРПА вообще отказывалась признать «карьеристское меньшинство» (КПА) частью американского коммунистического движения³. Вместо решения поставленных Коминтерном задач Американское бюро (имевшее пока что лишь на бумаге) должно было отвоевывать свое право на существование, забывая в то время об имеющемся плане работы. В таких условиях континентальные масштабы деятельности оставались недостижимой мечтой.

Амстердамское бюро, занимаясь разрешением конфликта между двумя параллельными компартиями в Мексике и базируясь преимущественно на оценках Бородина, решило признать МКП. Не в последнюю очередь это было сделано под влиянием деклараций Латиноамериканского бюро о развертывании континентальной деятельности. Однако противостояние между мексиканскими коммунистами продолжалось еще достаточно долго и ликвидация этой коллизии, затруднившей работу ЛАБ, стала одной из важнейших задач Коминтерна в Новом свете⁴.

¹ Международная Коммунистическая конференция в Амстердаме // РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 2. Л. 81; Bulletin du Bureau Auxiliaire d'Amsterdam de l'International Communiste. № 3. Mars 1920. P. 9 // Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

² Письмо исполнительного секретаря КРПА А. Вагенкнехта в АБ 7.4.1920 // Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 117.

³ Письмо Вагенкнехта в АБ 22.4.1920 // Там же. Л. 146–147.

⁴ Там же. Оп. 108. Д. 3. Л. 1–3; Д. 5. Л. 1–2; Д. 7. Л. 1; Д. 8. Л. 3. Подробнее о развитии конфликта между КПМ и МКП см.: Хейфец В.Л. Коммунистический Интернационал и Латинская Америка. 1919–1921 гг.; Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция...

Попытки создать сложную систему всяческих бюро (континентальных, региональных, вспомогательных и т. д.), решающих по сути одну задачу – руководить коммунистическим движением Нового Света, движением, которое было в тот момент больше мечтой, чем реальностью, уже тогда свидетельствовали о прожектерстве вождей всемирной коммунистической партии, стремившихся создать систему управления организацией, которой еще не было. Эта тенденция, сохранившаяся на весь период существования Коминтерна, естественно, вела к механистическому восприятию потенциальных возможностей всемирной коммунистической партии, в которой считали возможным создать или пробудить к формированию могучее социальное движение путем организационного воздействия.

На практике, уже после роспуска в апреле 1920 г. Исполкома Коминтерна Амстердамского бюро¹, проблемы коммунистического движения Латинской Америки решать за пределами московской штаб-квартиры III Интернационала стало некому: Панамериканское суббюро в 1920 г. так и не приступило к практической работе ввиду острого конфликта между коммунистами США. Для Коминтерна стала очевидной насущная необходимость создания органа, непосредственно курирующего коммунистическое движение в Новом Свете.

Эту роль при благоприятных условиях могло бы сыграть Латинско-американское бюро, руководитель которого Х. Аллен с оптимизмом рисовал перспективы развертывания континентальной деятельности в письме Э. Воору: «На Кубе у нас есть превосходно организованные секции, которые ждут лишь начала наших действий, чтобы начать свои; с Южной Америкой мы установили связь, указывающую нам на желание суметь найти возможность работать, однако деспотизм соответствующих правительств и бдительность американского империализма не позволяют им ничего предпринять. В Центральной Америке у нас уже есть пропагандисты, превосходно разбирающиеся в обстановке и известные в регионе, работающие над тем, чтобы Центральноамериканский Союз или же Республика Морасан присоединился к мексиканскому коммунистическому движению, образовав единую Федерацию "Советов" от Эль Браво до Панамы. Сообщите это тому, кого сочтете подходящим, и расскажите ему, что все радикальные центры не только Южной и Центральной Америки, но и Северной Америки смотрят на нас»².

¹ Непосредственным мотивом для его ликвидации стало «превышение» полномочий и разногласия с руководством ИККИ по ряду вопросов европейского коммунистического движения. Одновременно была прекращена деятельность Южного и Стокгольмского бюро ИККИ. См.: Бауман Г.С. Ленин и нидерландские трибуны. Ростов-на-Дону, 1990. С. 185.

² Письмо Х. Аллена Э. Воору 29.4.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 3. Л. 9.

Отметим, что ЛАБ стало нервной внутри всемирной коммунистической партии структурой, обратившей внимание на центрально-американский перешеек и поставившей вопрос о направлении в регион своих пропагандистов. Однако дальше провозглашения намерений дело не пошло: по крайней мере архивы не сохранили ни малейших упоминаний о работе эмиссаров Латиноамериканского бюро.

Х. Аллен часто выдавал желаемое за действительное, стремясь приукрасить достижения возглавляемой им структуры. И, пожалуй, лишь в одном случае он не кривил душой. ЛАБ удалось использовать потенциал испанских анархистов, симпатизировавших Советской России и оказавшихся волею обстоятельств в Мексике, – Рубио и Сан-Висенте¹. Их приезд с Кубы закрепил контакты, установленные Филлинсом; фактически он снас связи, которые могли оборваться уже в 1919 г. из-за его длительного отсутствия в Латинской Америке. Получив от испанских анархо-синдикалистов адреса кубинских рабочих организаций, Латиноамериканское бюро направило на Кубу приглашение на готовившийся континентальный коммунистический конгресс в Мехико, возымевшее определенный эффект. С марта в Гаване распространялся манифест группы «*Enrique Cresci*», призывавшей кубинских рабочих к созданию Конфедерации Советов Кубы, которая примкнула бы к Латиноамериканскому бюро III Интернационала, а также к «моральному и физическому вооружению» для уничтожения капиталистической системы и установления диктатуры пролетариата. 12 апреля Всеобщая ассоциация типографов назвала имена своих делегатов на континентальный конгресс: А. Лонес и член ИК Коммунистической секции Кубы А. Пеничет². Это решение стало логическим продолжением линии II Национального Рабочего конгресса, состоявшегося в январе в Гаване, в котором участвовали представители ЛАБ П. Бельтран и С. Сан-Висенте³. Конгресс после жаростных дискуссий решил направить своих делегатов в Мексику (вопреки первоначальному плану послать их на Конвент реформистской Панамериканской Рабочей Конфедерации), объявить о своей солидарности с РСФСР – «маяком, примером, путеводной звездой и стимулом» рабочего движения и о поддержке Коминтерна⁴.

Аллен полагал, что на Кубе у Латиноамериканского бюро имеются «превосходно организованные секции», лишь ожидающие начала крупномасштабной работы в Мексике для осуществления

¹ Taibo II P.L., Vizcaino R. Memoria roja de los años veinte. Mexico, 1984. P. 66, 187.

² El Comunista (Mexico). 8.1.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 221. Л. 1.

³ В мандатную комиссию конгресса вошел приехавший из Мексики Рубио.

⁴ Окупова М.А. Рабочий класс в кубинской революции. М., 1985. С. 52.

собственных действий¹. Однако вскоре были арестованы Салинас, Пеничет и ряд активистов конгресса (среди них Бельтран и Рубио)². При обыске у них была обнаружена брошюра «III Интернационал». Опубликованный в те дни КСК манифест к кубинскому пролетариату призывал кубинских трудящихся присоединиться к Коминтерну и вступить в будущее общенациональное профсоюзное объединение, которое станет кубинской секцией Профинтерна³. После основания в ноябре 1920 г. Рабочей Федерации Гаваны Пеничет, Салинас и Лонес продолжили выступления в печати в защиту Октябрьской революции в России. Под их влиянием в июле 1921 г. журнал «Los Tiempos Nuevos» предложил рабочим организациям острова различных идеологических направлений обсудить вопрос о направлении делегации в РСФСР для получения достоверной информации⁴.

Фактически организационная работа Латиноамериканского бюро на Кубе прекратилась летом–осенью 1920 г. в связи с окончательным переездом Рубио и Сан-Висенте в Мексику⁵. Даже эпистолярные контакты Коминтерна с группой Салинаса были окончательно свернуты, но всей видимости, не позднее осени 1921 г.; возобновление этих отношений произошло лишь в 1923 г. и на ином уровне – с Коммунистической группой Гаваны, практически не связанной с работой своей предшественницы КСК.

В самой Мексике деятельность Латиноамериканского бюро оказалась парализована разраставшимся конфликтом между параллельными компартиями, сводившим на нет все усилия по развитию континентального коммунистического движения. Решение этого вопроса, ставшего одной из важнейших задач Коминтерна в Новом све-

¹ Письмо Х. Аллена Э. Боуи 29.4.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 3. Л. 9.

² Они были освобождены после 72-часовой забастовки протеста в Гаване 1–3 мая 1920 г.

³ Манифест подтвердил ориентацию Коммунистической секции Кубы на III Интернационал, что было немаловажным фактом в условиях быстрой смены идеологических ориентиров латиноамериканских рабочих организаций и анархо-коммунистических групп в 1919–1922 гг. Помимо Пеничета, Салинаса и Р. Серры в комитет пропаганды секции входил делегат ЛАБ III Интернационала Бельтран. García A. y Mironchuk P. La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba. La Habana, 1977. P. 119; Cabrera O. El movimiento obrero de Cuba en 1920. La Habana, 1960. P. 131.

⁴ Окупова М. Интернационализм и солидарность кубинского народа с родной Октября // Советско-кубинские отношения. 1917–1977. М., 1980. С. 18.

⁵ В феврале 1921 г. они были делегатами I Красного Конвента Коммунистической Федерации мексиканского пролетариата. Рубио также являлся представителем Коммунистической секции Кубы в Мексике и по собственной инициативе делегировал М. Диасу Рамиресу, направлявшемуся на конгресс Коминтерна и Профинтерна, полномочия представлять на них КСК. Письмо Х. Рубио М. Диасу Рамиресу 5.4.1921 // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 4. Л. 144.

те, было поручено 8 августа 1920 г. Малым бюро ИККИ С. Катаяме¹. Речь шла о единопольной персональной агентуре «исключительно для технических целей», поскольку сразу после II конгресса Коминтерна по решению Политбюро ЦК РКП(б) вспомогательные бюро международной компартии были упразднены. Курировавший Мексику Катаяма стал одним из шести работающих автономно доверенных лиц, наделенных правом решать практические вопросы и представлять Малое бюро ИККИ². Опыт работы Амстердамского бюро, нередко записывавшего отличные от Москвы политические позиции, побудил руководство III Интернационала отвергнуть попытки воссоздания региональных органов ИККИ.

Выбор Катаямы для выполнения этих задач был обусловлен не столько его многолетним опытом деятельности в социалистическом движении Японии и США, сколько контактами с Циммервальдской левой, личным знакомством с А. Коллонтай, Н. Бухариным; а также с С. Рутгерсом и Л. Фрайной, имевшими в этот момент прямое отношение к формированию политики Коминтерна в Новом Свете³. Всё это давало основания руководству III Интернационала расценивать Катаяму как надёжного проводника своих взглядов.

2.4. Деятельность Панамериканского бюро (Американского агентства) Коминтерна

Американские делегаты II конгресса Коминтерна долго пытались убедить Исполком Коминтерна в необходимости создания Центральноамериканского бюро. В начале августа 1920 г. их предложение было категорически отвергнуто Малым бюро ИККИ, так как принципиально расходилось с установкой на замену системы вспомогательных бюро деятельностью доверенных лиц⁴. Не повли-

¹ Письмо Х. Алепа А. Балабановой // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 3. Л. 1–3; Письмо Барреды и Арсе в III Интернационал. 24.2.1920 // Там же. Д. 5. Л. 1–2; Послание Мексиканских ИРМ в Москву. 24.7.1920 // Там же. Д. 7. Л. 1; Письмо Социалистической партии Мексики в Москву. 6.8.1920 // Там же. Д. 8. Л. 3; Протокол заседания Малого Бюро 26.9.1920 // Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 90–91.

² Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 100. Л. 1. Цит. по: Адиеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 34; Протокол заседания Малого Бюро 8.8.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 3. Л. 17–17 об., Предложения Зиновьева по роспуску [вспомогательных] Бюро. // Там же. Л. 19–20.

³ Тёмкин Я.Г. Ленин и международная социал-демократия. 1914–1917. М., 1968. С. 317, 498; Draper Th. The American Communism and Soviet Russia. New York, 1960. P. 67–85.

⁴ Протокол заседания Малого Бюро ИККИ от 11.8.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 3. Л. 20а–20б.

яло па решение руководства III Интернационала и расширение поля деятельности в Западном полушарии. Даже финансирование аргентинских сторонников Коминтерна было решено осуществлять через Каяау¹.

Между тем в мексикапском коммунистическом движении продолжал развиваться серьёзный конфликт. КПМ и мексикапское управление ИРМ, паходившееся под её фактическим контролем, паправляют руководству III Интернационала протест против признания Роя представителем коммунистов страны, ибо представляемая им «так пазываемая коммунистическая группа» является объединением амбициозных политиков, не отражающих чаяния мексикапского пролетариата. Руководители МКП и Латиноамериканского бюро обвинялись в том, что они являются правительственными служащими, тайными агентами правительства, лицами без определённых занятий. КПМ паделила полномочиями представлять её перед Коминтерном паправляющегося в Москву японского коммуниста К. Ишимото и выразила готовность предоставить дополнительную информацию непосредственно представителям III Интернационала. Несколько позже аналогичный протест паправила в Коминтерн и МСП, пообещав в будущем послать в Москву своего делегата². В свою очередь и делегаты МКП в Москве паправили заявление в ИККИ, в котором подчеркнули, что лишь одна компартия в Мексике – МКП – является легитимной, появившись на свет в результате принятых на I Национальном Социалистическом конгрессе решений. Обвинения МКП в адрес КПМ и Гэйла практически были идентичны декларациям их оппонентов, кроме того, указывалось, что пропаганда КПМ ведётся почти исключительно на английском языке и за пределами Мексики. Авторы заявления апеллировали к авторитету Бородина и настаивали на издании Исполкомом Коминтерна официального постановления, признающего лишь МКП легитимной секцией III Интернационала в Мексике³.

Разрешение мексикапского конфликта и кризиса коммунистического движения в США становилось одной из важнейших задач Коминтерна в Западном полушарии, ибо они приходили в противо-

¹ Протокол заседания Малого Бюро ИККИ 23.8.1920 // Там же. Л. 57–57 об.; Протокол заседания Малого Бюро ИККИ от 31.8.1920 // Там же. Л. 76; Протокол заседания Малого Бюро ИККИ от 7.9.1920 // Там же. Л. 81–82.

² Письмо КПМ в ИБ КИ 24.7.1920 // Там же. Оп. 108. Д. 5. Л. 1–2; Письмо мексикапского управления ИРМ в ИБ КИ 24.7.1920 // Там же. Д. 7. Л. 1; Письмо Ф. Сервантеса Лопеса в Коммунистический Интернационал. 6.8.1920 // Там же. Д. 8. Л. 3.

³ Заявление Ф. Симэна [Ч. Филлипса] и Р. Аллена [М.Н. Роя] в ИККИ 7.9.1920 // Там же. Д. 3. Л. 1–3.

речие с одним из основополагающих принципов построения всемирной компартии, одобренных II конгрессом: паличие в каждой стране только одной секции Коминтерна. Первоначально Малое бюро поручило разобраться с вопросом о «т. Рое и о мексиканских партиях» Катаяме¹. Но решить эту задачу одному Катаяме было не под силу, у него в распоряжении не было организационного механизма для эффективной работы, а с ликвидацией Амстердамского бюро была разрушена только что отлаженная система связи Коминтерна с коммунистическим движением Западного полушария.

Опыт деятельности Амстердамского бюро, проявившего, по оценке Г. Зиповьева, «тенденцию выявлять себя как политическую корпорацию и обнаруживать тенденцию противоположную исполкому», пугал лидеров Коминтерна, усмотревших в самостоятельности зарубежных представительств ИККИ угрозу своей монополии на руководство коммунистическим движением, покушение на безоговорочное соблюдение интернациональной дисциплины, величайшую опасность для проведения в жизнь «однообразной линии»². Постоянно повторяя как заклинание постулат о необходимости учитывать национальную специфику при разработке стратегии и тактики компартий, вожди III Интернационала в реальности исходили из того, что «интернационально поступать» необходимо с «более высокой башни»: из Москвы проблемы видны лучше, чем из любого другого места, т. к. «Исполком в России достаточно ориентирован».

При этом председатель Коминтерна хорошо понимал, что «движение новое и лица новые» и без помощи опытных, проверенных товарищей нельзя рассчитывать на создание однородного, придерживающегося единой идеологии и подчиняющегося общим правилам международного коммунистического движения. Особо неблагоприятной с точки зрения перспектив развития коммунистического движения была, по его мнению, ситуация в Америке и на Дальнем Востоке³. Но все же страх перед возможностью возникновения центра этого движения, параллельного московскому, перевешивал желание ускорить продвижение влияния большевистских идей за пределы Европы и расширить сферу деятельности III Интернационала.

Малое бюро ИККИ несколько раз возвращалось к этому вопросу, и мнения разделились. Рейслер, поддерживая позицию Зиповьева, подчеркнул недопустимость дальнейшего существования зарубеж-

¹ Протокол заседания Малого Бюро ИККИ от 26.9.1920 // Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 90–91.

² Протокол заседания ИККИ // Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.

³ Там же. Л. 53 об.

ных бюро Коминтерна как политических организаций, иначе «интернационал был бы взорван па воздух». Функции представительств ИККИ за пределами России предлагалось свести к техническим, к обеспечению Исполкома достоверной информацией, не более того.

Среди выразителей другого подхода были делегаты II конгресса из стран Нового Света, исходившие из того, что Коминтерн как повое политическое движение «не может взять инициативу в свои руки» — ему необходимо пройти этап ученичества. Представитель КПА Л. Фрайпа вызвал к здравому смыслу руководителей Интернационала, обращая их внимание па то, что в Южной Америке нет коммунистического движения, а существует только революционное движение, и для его перехода в иное качество необходимо организационное и идеологическое пачало — региональный орган, «копечпо, под строгим контролем Москвы»¹. Выступая па II конгрессе Коминтерна, он воспроизвел основные положения своего доклада па Амстердамской конференции, настаивая па необходимости рассматривать всю Латинскую Америку как «колонизальный базис империализма Соединенных Штатов». На основе этого Фрайпа призывал «бороться с этим империализмом, развивая революционное движение в Латинской Америке, точно так же как необходимо бороться с британским империализмом, развивая революционное движение в его колониях». «Основной задачей Коммунистического Интернационала, обеспечение которой обеспечит [так в тексте. — Л.Х., В.Х.] победу мировой революции», делегат КПА считал разрушение империализма в Соединенных Штатах, возможное «только при посредстве гигантского революционного движения, распространяющегося па всю Америку, каждая национальная единица которой должна подчиняться объединенным задачам американской революции»². Для реализации этой задачи, по мнению Фрайпы, следовало добиться активного вмешательства коммунистического движения США и Коминтерна в целом в латиноамериканское коммунистическое движение: «Это движение и движение в Соединенных Штатах должны быть рассматриваемы как одно целое. Наша стратегия и тактика должны рассчитывать па *американскую революцию во всей Америке*»³.

Ему вторили Рой и Филлипс, подчеркивая прямую зависимость революции в Латинской Америке от революционного движения США, предопределенную политической и экономической зависимо-

¹ РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 1, Д. 8, Л. 52 об.

² Выступление Фрайпы па заседании 26-го июля. 2-й конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг., 1921. С. 133.

³ Там же, С. 134.

стью страп Южпой Америки от Северпой Америки. Для Филлипса была очевидна невозможность «вызвать пастоящую социальную революцию» в Латинской Америке без объединения революционных сил Севера и Юга континента. Осуществить эту концентрацию сил могло, по его мнению, только бюро, действующее непосредственно в регионе и имеющее «некоторые политические права, по крайней мере для Южпой Америки». Опасности для развития коммунистического движения он усматривал в паличии революционного духа, не подкрепленного пролетарским воспитанием: «Там рабочие следуют за каждым, кто называет себя социалистом[-]революционером. Далее, если там образуется коммунистическая партия, может случиться, что ее члены забудут о своих коммунистических принципах и последуют искать приключений»¹.

Однако доводы посланцев компартий США и Мексики не сразу были услышаны. Первоначальное решение ИККИ было категоричным: «Интересы III Интернационала требуют, чтобы рядом с Исполкомом не существовало других бюро с политическими задачами. Этим постановлением З[ападно-]Европейское бюро, а также другие подобные бюро отменены. Малое бюро назначает своих доверенных лиц в разные страны и дает им вполне определенные задания под их личной ответственностью»².

Однако давление со стороны американских делегатов II Конгресса на руководство Коминтерна парастало. К. Янсон и Л. Фрайна буквально бомбардировали Малое бюро заявлениями и письмами, доказывая необходимость уделить более пристальное внимание паамериканской работе и созыву конференции коммунистических партий и групп региона. Авторы заявлений предполагали необходимость объединения коммунистического движения всего региона в целостную структуру, что дало бы III Интернационалу «многообещающий в будущем базис»³. Не приходится сомневаться в том, что важным фактором, повлиявшим на решение руководства Коминтерна, стали оптимистические и явно преувеличивающие степень революционности и развития социалистического движения Мексики доклады Бородина, Роя и Филлипса. В конечном итоге удалось убедить Малое бюро ИККИ в перспективности коммунистической работы в масштабах всего континента. Новый подход всемирной компартии к левому движению Западного полушария (в частности, Мексики) демонстрировался появлением 29 сентября

¹ Протокол заседания ИККИ... // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.

² Там же. Л. 53 об.

³ Письмо К. Янсона и Л. Фрайны в Малое Бюро ИККИ 1.10.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 5а. Л. 2.

1920 г. Папанерикапского бюро в составе С. Катаямы (председатель), Л. Фрайпы и К. Япсона¹.

1 октября К. Япсон и Л. Фрайпа паправили в Малое бюро ИККИ проект организации папанерикапского коммунистического движения, где говорилось, что «единство [коммунистического] движения в Соединенных Штатах и Канаде с [коммунистическим] движением в Латинской Америке» является обязательным условием для серьёзной борьбы с американским империализмом. Авторы проекта предполагали созвать конференцию по практическим проблемам Западного полушария и вопросам объединения коммунистов, призывая Исполком Коммунистического Интернационала выпустить воззвание об ее организации².

Находившимися в Москве членами нового регионального органа Коминтерна был разработан и проект задач Папанерикапского бюро, утверждённый Малым бюро ИККИ 12 октября 1920 г.: во-первых, способствовать созданию коммунистических партий и групп в тех странах континента, где таковых ещё нет, и единству действий уже имеющихся коммунистических организаций всех стран Америки; во-вторых, оказывать материальную поддержку входящим в Коминтерн партиям (всё финансирование их деятельности Исполкомом Коминтерна должно было впредь осуществляться исключительно через бюро); в-третьих, организовать издание журнала «Коммунистический Интернационал» на испанском языке. Агентству отпускалось на эти пужды сто тысяч долларов только на первые три месяца, причём треть суммы сразу³. Принимая во внимание наполеоновские плапы Москвы, неувидительно выделение столь существенной суммы на деятельность представительства III Интернационала в Западном полушарии.

Бюро пачало свою деятельность в январе 1921 г. в Нью-Йорке с попытки разрешить конфликт трех компартий США и не смогло сразу запяться реализацией континентальных задач. Мешали труд-

¹ На заседании присутствовали Г. Зиповьев, Н. Бухарин, К. Цеткин, М. Кобешкий. Протокол заседания Малого Бюро ИККИ от 29.9.1920 // Там же. Д. 3. Л. 97–97 об.

² Проект воззвания был паправлен руководству III Интернационала, и, вероятно, именно он лёг в основу обращения ИККИ «Американская революция» // Там же. Д. 5а. Л. 2: Американская революция. Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к рабочему классу Северной и Южной Америки // Коммунистический Интернационал. 1920. № 15.

³ Протокол заседания Исполкома 29.9.1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 3. Л. 97–97 об.; Письмо Фрайпы и Скотта [К. Япсона] в Малое Бюро ИККИ. 1.10.1920 // Там же. Д. 5а. Л. 2. Фрайпа получил от ИККИ и его представителей в Берлине Бородина и Рейха 60 тыс. долларов. Финансовый отчет. Т. [1921] // Там же. Оп. 18. Д. 66. Л. 64; Финансовый отчет Панамериканского Бюро. [1921] // Там же. Оп. 108. Д. 11. Л. 52.

пости с поступлением денег, т. к. Фрайпа задерживался в Европе, и выяснение отношений с американскими коммунистами о правах и взаимных обязательствах ПАБ и компартий США. Серьезный конфликт вызвало назначение в созданный ПАБ для деятельности в США подраздел – Американское бюро – М. Козна (Г. Аллепа). ЦИК Коммунистической партии Америки настаивал на своём праве «назначать и утверждать» представителей партии. Исполнительный секретарь ЦИК Ч. Добин (Дирба) заявил энергичный протест против назначения Аллепа, указав на его некомпетентность и несоответствие этому посту и прямо давая понять, что данная кандидатура не будет способствовать установлению тесных контактов между Американским агентством и КПА¹. Осознавая, что Аллеп далеко не последний человек в коммунистическом движении США, и не желая слепо выполнять прихоти КПА, Катаяма запросил у Центрального Исполнительного Комитета партии более конкретную информацию: в чём именно выражается некомпетентность Козна. Однако в тот же день (17 января) Добин уведомил Американское агентство об исключении обсуждаемой персоны из партии «за нарушение партийной дисциплины и ложные заявления о Ц.И.К.»². Катаяма не собирался сдаваться и, выслушав Козна, полагавшего причиной исключения его убеждённости в необходимости скорейшего объединения американских коммунистов, 1 февраля 1921 г. выступил на заседании ЦИК КПА, указав, что с момента назначения Козна представителем КПА в Американском бюро тот являлся полноправным членом партии. Кроме того, данное решение было одобрено представителями КПА в Москве. Председатель Американского агентства заметил, что исключение поставило его (Катаяму) и коллег в «тяжёлое и трудное положение», однако в целях налаживания сотрудничества между американскими коммунистами и представителями штаб-квартиры Коминтерна агентство запросило у ЦИК КПА подробную информацию, которая не была получена³.

Примерно две недели спустя, на съезде КПА, Катаяма повторил, что не рассматривает данное назначение как враждебный по отношению к партии поступок. По его мнению, окончательное решение вопроса тормозилось самим партийным руководством, не желающим спокойно и подробно изложить суть своих претензий, вместо

¹ Письмо Коммунистической партии Америки Панамериканскому Совету. 12.1.1921 // Там же. Оп. 18. Д. 65. Л. 4.

² Письмо Ч. Добина (КП Америки) Панамериканскому Совету. 17.1.1921 // Там же. Л. 6а.

³ Письмо Явки [Катаяма] членам ЦК Коммунистической партии Америки. 1.2.1921 // Там же. Л. 11.

этого пастаивавшим на пемедленном смещении Коэпа с занимаемой в Американском бюро должности¹. В ответ Добин сообщил 22 февраля резолюцию съезда, подтверждающую требования об отзыве Коэпа в целях сохранения «гармонии в отношениях» между КПА и Американским агентством. Обмен письмами окончательно рисковал превратиться в диалог слепого с глухим, однако Катаяма и его коллеги приняли всё же соломоново решение. Руководство КПА было уведомлено о том, что Коэп более не является членом Американского бюро и не будет принимать участия в его деятельности. В качестве причины подобного шага указывалось не требование ЦИК КПА, а намерение агентства «использовать того на другой работе»².

Другой работой стало направление американского коммуниста в Южную Америку. В полном соответствии с задачами регионального органа Коминтерна мандат Коэпа, назначенного южноамериканским представителем Папанериканского бюро, предоставлял ему широкие полномочия по организации существующих в странах Южной Америки коммунистических групп в единую партию и созданию местных отделений Красного Интернационала профсоюзов³. Выполнение программы поездки Коэпа могло означать первый шаг в реализации континентальных амбиций Бюро, считавшего одним из ведущих направлений своей деятельности организацию коммунистических партий в каждой из стран Центральной и Южной Америки. Следующим шагом предполагалось их объединение в папанериканскую компартию вместе с компартиями США и Канады, без которой, как считал Катаяма, нельзя нанести решающий удар американскому империализму.

Для организации континентальной работы Бюро предложило руководству Коминтерна и Профинтерна увеличить численность сотрудников агентства и назначить шесть профсоюзных бюро, курирующих Канаду, США, Мексику и Центральную Америку; Аргентину, Чили, Парагвай и Уругвай; Бразилию и Гвиану; Перу, Колумбию, Боливию и Венесуэлу. Связь с Бюро должна была осуществляться через его представителей, способных решать и политические вопросы. Первым таким представителем стал Коэп, позже предполага-

¹ Речь С. Катаямы на съезде Коммунистической партии Америки. 17.2.1921 // Там же. Л. 30.

² Письмо Папанериканского Совета ЦИК Коммунистической партии Америки. 25.2.1921 // Там же. Л. 37.

³ Доклад Г. Аллена [М. Коэпа]. [1921] // Там же. Оп. 79. Д. 2. Л. 6. Подробнее о миссии Г. Аллена см.: Хейфец В.Л. Папанериканское бюро Коммунистического Интернационала и Южная Америка. Миссия Генри Аллена // Латинамериканский исторический альманах. 2002. № 3. С. 137–150.

лось направить в Бразилию и Перу представителя с идентичными полномочиями¹.

Представительство Коминтерна и Профинтерна в Новом Свете рассчитало свой годовой бюджет в 175 тыс. долларов, из них на Мексику и Южную Америку приходилось 75 тыс.² 1 марта 1921 г. на заседании Панамериканского бюро был принят бюджет на шесть недель, включавший финансирование поездок Коэпа в Аргентину и Катаюмы в Мексику – каждая по полторы тысячи долларов. Отъезд, однако, был отложен. Грандиозность планов по завоеванию целого континента коммунистической идеологией померкла, столкнувшись с прозой жизни. Идея направления эмиссаров ПАБ в различные страны континента породила из-за отсутствия наличных денег оппозицию исполнявшего в отсутствие Фрайны обязанности казначея Ю. Харпера, поддерживавшего Янсоном. Они предпочитали при лимите средств отказаться от амбициозных проектов, сосредоточив усилия агентства на решении сложных проблем коммунистического движения США. Катаюма с трудом сумел настоять на необходимости поездок делегатов Бюро в Латинскую Америку, указав на непонимание коллегами сути представительства Коминтерна – того, что оно является *Панамериканским* и лишь отчасти относится к США, в то время как Аргентина представляет собой «ось нашей работы в Южной Америке»³. Столкнувшись с первыми внутренними разногласиями и трениями в отношениях с компартиями США, ПАБ попросило ИККИ повторно направить в Новый Свет Бородина, указав, что успех процесса объединения серьезно зависит от личности представителя Москвы, а авторитет последнего был для выполнения этой задачи весомым.

В вопросе о финансировании поездок председателя Бюро и его южноамериканского представителя Янсон и Хейман пошли на уступку, выделив из бюджета полторы тысячи долларов для миссии Катаюмы и тысячу на командировку Коэпа. Последняя статья была в итоге увеличена после иронического замечания жены Янсона о том,

¹ Письмо Томпсона [Фрайны] Явки [Катаюме] [1921] // Там же. Оп. 18. Д. 65. Л. 164; Д. 66. Л. 258.

² Письмо Скотта [К. Янсона] Томпсону [Фрайне] и Зиновьеву // Там же. Ф. 534. Оп. 4. Д. 5. Л. 6.

³ Письмо Панамериканского бюро конгрессу ФКММ. 18.7.1921 // Там же. Оп. 18. Д. 66. Л. 41. Позднее председатель Панамериканского бюро направил К. Янсону письмо, в котором указал: несмотря на то что работа агентства пока ограничена Соединенными Штатами, в самом ближайшем будущем *главным* полем деятельности должны стать Канада, Мексика, Центральная Америка и остальная часть Латинской Америки. Письмо Джонсону [К. Янсону] из Мексики. [1921] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 65. Л. 164.

что Аргентина всё же паходится дальше Мексики. Впрочем, Катаяма тоже не остался в пакладе: было решено подпять верхний предел стоимости мексикапской поездкн до трех с половиной тысяч долларов (только на профсоюзную работу в Мексике в течение двух-трёх недель требовалось не менее полутора тысяч).

Козп отбыл из Нью-Йорка 21 марта, появившись в апреле в Монтевидео, а затем, 1 мая, в Буэнос-Айресе. Обратпо в США он верпулся в августе либо осенью того же года. Каких-либо подробных сведений об его пребывании в Уругвае нет, за исключением письма представителя Коминтерна в Аргентине Ф. Вайля в ИККИ от 15 августа 1921 г., сообщившего об остановке в Монтевидео примерно три месяца пазад какого-то «америкапского или английского товарища» с мандатом якобы от ИККИ, который, приняв анархистскую группу «La Batalla» за компартию, передал им деньги и проследовал дальше. Выяснить в точности, кто он такой, не удалось из-за незнапия «товарищем» испапского языка. Автор письма в ИККИ заключает, что уругвайские «товарищи» имели в виду именпо Козпа¹.

Из аргентинской столицы Козп направил предварительный отчёт Катаяме, который предполагал, что южноамерикапский представитель Папамерикапского бюро будет посылать сообщения еженедельно. Однако в архивных фондах Коминтерна содержится лишь короткое письмо из Буэнос-Айреса от 4 мая 1921 г., итоговый отчёт Козпа и фипапсовая справка к нему². В Буэнос-Айресе посланец ПАБ связался с ЦИК КП Аргентины, существование которой стало для него изрядным сюрпризом: он предполагал встретить разрозненные группы коммунистов, а обнаружил, по его словам, «реально функционирующую партию... свободную от сектантских и левых иллюзий»³. Впрочем, это была лишь часть проблемы. Мандат его был признан лишь «после тщательной проверки». Руководители аргентинской партии отпеслись подозрительно и к нему, и к его документам. И это было совсем неувидительно – содержавшиеся в мандате именпа ровным счётом ничего не говорили аргентинским коммунистам: в

¹ Письмо Люсно [Ф. Вайля] ЦИК Коммунистического Интернационала. [1921] // Там же. Оп. 134. Д. 14. Л. 49.

² Других писем и докладов Козпа пока обнаружить не удалось, в то время как в личном фонде С. Катаямы хранится несколько отпускных писем, адресованных ему и его жене. Это даёт основание предположить: регулярная связь с Мехико Козпом установлена не была, возможно, из-за смены Катаямой местожительства в связи с репрессиями мексикапских властей против мексикапского коммунистического движения. Вероятно, свою корреспонденцию, если таковая и была, южноамерикапский представитель направлял в Нью-Йорк Япсону или прямо в Москву. В июне 1921 г. председатель ПАБ констатировал: «Из Аргентины ничего не слышно».

³ Доклад Г. Аллена [М. Козпа]. [1921] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 2. Л. 6–7.

Буэпос-Айресе ничего не знали о существовании Папамерикапского бюро!¹

Осознав ситуацию, представитель Папамерикапского бюро, хорошо понявший, что он (дактист по специальности), толком не подготовленный (как он сам считал) к своей миссии, в том числе из-за незнания языка, местных традиций и психологии, решил ограничиться сбором информации и налаживанием связи между южно- и североамериканскими коммунистами. Его наблюдения, переданные в ИККИ², полностью воспроизводили сведения руководства аргентинской партии, которое, вне всякого сомнения, и было его информационным источником. Можно с уверенностью сказать, что с точки зрения обеспечения Исполкома Коминтерна (и его Папамерикапского бюро) достоверной информацией миссия Аллена не удалась. Он оказался заложником обстоятельств и преодолеть их не смог.

Южноамериканский эмиссар ПАБ счёл «пежелательным» создание бюро Профинтерна до проведения объединительного конгресса профсоюзов и «разрешения тем или иным способом вопроса о единстве», придя к выводу о том, что компартия Аргентины уже занимается объединением существующих в стране профсоюзов и полагая эту работу перспективной. Таким образом, Коэп подтвердил уже начавшее складываться в Москве мнение о возможности решать некоторые вопросы развития коммунистического движения с опорой на аргентинскую партию.

Оказать же материальную поддержку аргентинским коммунистам, потратившим все свои средства на издание газеты, у Коэпа возможности не было (в ходе поездки ему даже пришлось тратить собственные деньги) – вот где сказались споры о том, какие ме-

¹ Вайль известил ИККИ в письме от 15 августа 1921 г.: «Аллен... прибыл... с мандатом от Американского Коммунистического Совета [так в тексте, – В.Х., Л.Х.], о существовании которого здесь ничего не известно. Подлинность мандата проверить невозможно. Товарищ пи слова не говорит по-испански, не привёз пи денег, пи литературы. Письмо Люсно [Ф. Вайля] в ЦИК Коммунистического Интернационала. [1921] // Там же. Оп. 134. Д. 14. Л. 49.

² Коэп писал: «Партия насчитывает около пяти тысяч членов, находится в тесном контакте с профсоюзными организациями... хотя и не является ещё массовой... определённо движется в этом направлении... К.П. Аргентины действует не только в Аргентине... ей обязана своей организацией Коммунистическая партия Уругвая, она заложила основу революционного коммунистического движения в Чили, её агенты работают в Бразилии, Парагвае, Боливии, Перу и т. д. К.П. Уругвая обладает ежедневной газетой "Justicia" и имеет в своих рядах сенатора-коммуниста... Аргентинский организатор является сейчас членом чилийской палаты депутатов. Он – коммунист и блестяще проводит нелегальную и легальную пропаганду [речь идет о Л.Э. Рекабаррене. – В.Х., Л.Х.]... Там, полагаю я, ещё нет отдельной коммунистической партии». Доклад Г. Аллена [М. Коэпа]. [1921] // Там же. Оп. 79. Д. 2. Л. 6–7, 9.

роприятия Папамерикапского бюро подлежат первоочередному фипапсированию.

Не менее месяца америкапский коммунист провёл в Бразилии – в Рио-де-Жапейро и Перпамбуку, что, вероятно и дало америкапскому историку Т. Дрейперу основание утверждать, что именно туда Коэп и был направлен. Коммунистические группы в Рио и Перпамбуку были организованы позже – в поябре 1921 и япваре 1922 г. соответственно¹, так что посланец Папамерикапского бюро вряд ли имел прямое отношение к их созданию. Тем не менее не исключено, что ему приходилось встречаться с их будущими руководителями. Это, однако, является лишь предположением – отчёт Коэпа даже не упоминает о самом факте пребывания его автора в Бразилии. Эта подробность поездки стала известной лишь из прилагаемой к документу фипапсовой справки. Следует отметить, что америкапский историк Р. Чилкот указывает на определённую роль, сыгранную в создании КП Бразилии «английского коммунистического агента Рамисона», побывавшего во второй половине 1921 г. в Рио-де-Жапейро и встречавшегося с лидерами левого движения. В расшифрованном 24 февраля 1922 г. письме М.А. Комина-Александровского в Москву от 6 япваря того же года сообщается о «тов. Рамзае». Очевидно, что Рамисон (Ramison) и Рамзай (Ramsay) – одно и то же лицо, разпочтения же в фамилии следует отнести на счёт шифровальщика Отдела международной связи (ОМС) или же небрежности машинистки; ошибиться, впрочем, мог и Р. Чилкот, не ссылающийся на конкретный источник информации. Судя по времени пребывания Рамисона-Рамзая в бразильской столице, речь идёт именно о Коэпе, но для окончательного подтверждения или опровержения этой гипотезы необходимы дополнительные документальные свидетельства².

Южноамерикапский эмиссар ПАБ, как и планировал, смог паладить связь компартии с америкапскими коммунистами: именно через него компартия Аргентины получила сообщение об объединении америкапских коммунистов и с ним же направила поздравление и информацию о составе ЦИК КП Аргентины, адресах рабочих газет Аргентины, Чили и Уругвая³.

Важным результатом этой миссии стали выработанные им рекомендации по итогам своих наблюдений, не оставшиеся без внимания

¹ Draper Th. The American Communism and Soviet Russia. New York, 1960. P. 170; Dulles J.W.F. The Anarchists and Communists in Brazil. Austin, 1973. P. 171.

² Chilcote R. The Brazilian Communist Party. New York, 1974. P. 196; Письмо Александровского, 6.1.1922 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 27. Л. 1.

³ Письмо НК Коммунистической партии Америки в адрес Объединённой коммунистической партии Америки, 14.6.1921 // Там же. Оп. 79. Д. 3. Л. 7–8.

в Москве и имевшие последствия для разработки системы организационных мероприятий на южноамериканском направлении деятельности: 1) предоставить ЦИК КП Аргентины «мандат на ведение агитационно-пропагандистской работы по всей Южной Америке и выделить на это средства»; 2) немедленно выделить компартиям Аргентины и Уругвая не менее пяти тысяч долларов каждой на ведение партработы; 3) предоставить аргентинским коммунистам полномочия организовать бюро Профинтерна сразу же после объединительного конгресса профсоюзов и профинансировать данное мероприятие; 5) поручить кому-либо из Южной Америки сделать полный политико-экономический обзор ситуации на континенте (вероятно, дабы следующий агент Коминтерна ориентировался в ситуации ещё до прибытия в страну). И, наконец, Г. Аллен предложил отложить созыв Папанериканского конгресса, поясняя, что без нескольких лет систематической агитации и пропаганды по всему региону и создания там нескольких компартий подобное воплощение идеи не может быть успешным¹.

Вслед за Козлом в марте 1921 г. из Нью-Йорка разъехались и члены Папанериканского бюро: Япсон направился в Канаду, Фрайна после краткого пребывания в США вернулся в Берлин для урегулирования финансовых вопросов. Катаяма направился в Мексику². С этого момента региональный орган ИККИ приступил к реализации главного направления своей деятельности – папанериканского. Одним из препятствий на пути Папанериканского бюро оставался раскол коммунистического движения Мексики, который японский коммунист предполагал ликвидировать в первую очередь.

Катаяма, получив поручение разобраться в сути конфликта между существующими в Мексике компартиями, в декабре 1920 г., ещё находясь в Нью-Йорке, начал собирать информацию и опрашивать участников событий. Гэйл, немедленно установивший связь с председателем Американского агентства, категорически отверг претензии МКП на право создания Латиноамериканского бюро II Интернационала, якобы предоставленное ей Амстердамской конференцией, сославшись на опровержение данного факта С. Папкхёрст³.

Руководитель КПМ оценивал деятельность «группы Роя – Аллена – Рамиреса», стремившейся создать собственную профсоюзную организацию в противовес КРОМ и контролируемому КПМ Мексиканскому управлению ИРМ, как раскольническую.

¹ Доклад Г. Аллена [М. Козла]. [1921] // Там же. Д. 2. Л. 10–11.

² Доклад С. Катаямы Малому бюро ИККИ 10.1.1922 // Там же. Д. 22. Л. 5–6.

³ Письмо Л. Гэйла Катаяме 25.12.1920 // Там же. Д. 5. Л. 6–8.

Подтвердив своё неприятие Моропеса как рабочего лидера, Гэйл тем не менее высказал мнение о постепенной радикализации взглядов последнего. Парадоксально, по теперь он упрекал лидеров МКП в оппозиции Моропесу, указывая, что, если бы те были искренни, им следовало, продолжая линию I Национального Социалистического конгресса, присоединиться к КРОМ. Учитывая пакал страстей в противостоянии параллельных компартий, представляется естественным то, что Гэйл даже не обратил внимания на противоречивость собственных слов – если ему и Моропесу свои взгляды менять было можно, то почему такого права должны были лишиться руководители МКП?

Явно завышая данные о количественном составе своей партии (якобы свыше 1100 человек) и сообщив, что МКП численно меньше, Гэйл возложил на конкурентов вину за срыв переговоров об объединении компартий. Руководитель КПМ развернул масштабную деятельность по обретению международного признания, рассылая письма со своей версией рождения коммунистического движения в Мексике не только Катаяме, но и в компартии и левые социалистические группы Европы и Америки и собирая «рекомендательные письма» всех известных ему лиц (прежде всего подписчиков «Gale's Magazin»)¹. Гэйл методично и последовательно уверял адресатов в своей искренности и открытости, клеймил своих оппонентов как «злопамеренных змей» и «платных орудий капиталистов», а тех, кто прислушивается к их словам, как «ослов, глотающих ложь пегодаев». Важными доводами в свою пользу руководитель КПМ считал издание «Gale's Magazin» на свои собственные деньги и регулярные требования высылки Гэйла, содержащиеся в мексиканской прессе². Лидер КПМ сетовал на невозможность из-за финансовой ситуации издавать журнал одновременно на английском и испанском языках, издание же его только на испанском языке привело бы к потере прежних подписчиков в США.

На базе полученных сведений Катаяма пришел к выводу, что Гэйл – человек искренний, но обладающий устойчивой репутацией провокатора. При этом председатель ПАБ опирался преимущественно на информацию Гэйла и близких к нему лиц, в том числе на мнение знакомого ему лично Ишимото.

В отношении Роя Катаяма сообщил, что его партия «очень сомнительна» и была создана лишь для того, чтобы послужить его

¹ Так, в поддержку Гэйла и с просьбой о помощи ему со стороны Российского Советского бюро в США выступил американский радикал Дж. Коулмэн. Письмо Дж. Коулмэна Катаяме 27.12.1920 // Там же, Ф. 495, Оп. 79, Д. 5, Л. 12–13 об.; Оп. 108, Д. 5, Л. 4–5; Рекомендательные письма Гэйла // Там же, Д. 15, Л. 6–7.

² Письмо Л. Гэйла Катаяме 6.1.1921 // Там же, Ф. 495, Оп. 79, Д. 15, Л. 1–2.

собственным целям, после отъезда делегата МКП из Мексики она практически развалилась из-за недостаточного финансирования¹. Председатель бюро высказал тем не менее мнение о том, что, несмотря на слишком быстрый путь Роя от ультрапатриархалиста до коммуниста, его искренность подтверждается тем, что он не раз рисковал собственной жизнью².

Встретиться с Гэйлом лично главе ПАБ не удалось. Менее чем через неделю после приезда Катаямы в Мехико руководитель КПМ был выслан властями³. Впрочем, это не помешало объединительной работе под эгидой представительства Коминтерна: Катаяма провёл ряд встреч с Ф. Филлипсом, который охарактеризовал Гэйла как единственное препятствие в деле объединения параллельных компартий в Мексике. С момента его депортации, по мнению Филлипса, ставилось возможным создание единой партии. Уже на другой день лидер МКП, правда, попытался «отыграть назад» и, подтвердив готовность к широкому сближению, повторил тезис своей партии о том, что КПМ реальной партией не является и поэтому для достижения единства необходимо привлекать в коммунистическое движение новых людей, а не работать со сторонниками Гэйла⁴.

Процесс объединения, являвшийся одной из целей работы Панамериканского бюро и сдвинувшийся как будто с мёртвой точки, рисковал вновь застопориться. Вмешательство Катаямы ставилось неизбежным. 11 апреля председатель бюро направил письмо руководителям обеих компартий, от лица руководства III Интернационала Катаяма призвав МКП и КПМ объединиться в «сильную секцию» международной компартии до начала III конгресса Коминтерна. Предлагалась и схема слияния партий – бывших антагонистов. Исполкомы обеих партий не позднее 30 апреля должны были опубликовать совместный манифест о проведении объединительного съезда. Новая партия в соответствии с уставом Коминтерна припала к названию Коммунистической партии Мексики. Участвовать в

¹ Катаяма ссылался на сведения, полученные от знакомых ему индийских революционеров Даса и Б. Роя. Дас, в свою очередь, получил информацию от секретаря Индийской революционной организации А. Смедли, а та – от американского социалиста Р. Хабермана, проживавшего в Мексике.

² Письмо Катаямы М. Кобецкому. 15.1.1921 // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 108, Д. 11, Л. 2.

³ Гэйл был выслан в Гватемалу 3 апреля, а после того как гватемальские власти его вернули в Мексику, депортирован в США. Новая жертва капитализма. Захват Линна А.Э. Гейла полицией Соединен. Штатов // Там же. Ф. 5, Оп. 3, Д. 371, Л. 44–45; *Excelsior* (México), 3.4.1921; 6.4.1921.

⁴ Занись бесед Явки [Катаямы] и Таппера [Ч. Филлипса]. 12.4.1921 // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 18, Д. 65, Л. 109.

съезде и вступить в партию могли все лица, признающие принципы III Интернационала и действующие в соответствии с ними. В ЦИК объединенной партии предлагалось включить пять человек – по одному от МКП и КПМ и трех, избранных на съезде. Подготовка съезда и работа временного Исполкома новой партии должны были осуществляться в сотрудничестве с мексиканским представителем ПАБ, которым стал Филлипс¹, что является естественным по ряду причин – тот успел побывать в Москве, где и был прикомандирован к ПАБ в качестве помощника, был знаком с Фрайпой и, наконец, говорил по-испански. В тот же день Катаяма заявил о создании единой партии как о свершившемся факте. Он пришел к выводу о том, что вести работу в Мексике вообще проще, чем в США, а межпартийный конфликт окончательно урегулирован, и постоянно повторял эту мысль в письмах ИККИ.

Катаяма и Филлипс так уверились в силе будущей объединенной компартии, что совершенно не обратили внимания на перемены, произошедшие в политической жизни Мексики. Движение против Каррансы завершилось триумфальным вступлением генерала А. Обрегона в столицу в ноябре 1920 г. Принципиально важным был отказ соперской группы политиков, в отличие от «допа Вепустиано», от идеи удерживать рабочих подальше от политической деятельности. Обрегонысты (сам Обрегон, Кальес и де ла Уэрта) неоднократно демонстрировали симпатии к трудящимся, а позднее Обрегон (уже как кандидат в президенты) и руководители КРОМ подписали секретный пакт, согласно которому правительство в обмен на политическую поддержку во время избирательной кампании обещало создать министерство труда, зарезервировав пост его руководителя за членами КРОМ. Победив, президент сдержал слово и не только выделял Конфедерации тайную финансовую помощь, но и назначил губернатором Федерального округа С. Гаску, бывшего одно время рабочим руководителем. Сам Обрегон провозгласил себя сторонником социализма, целью которого являлось «распределение на равной основе ресурсов, которыми природа наделила человечество»². Подобный альянс не только обеспечивал правительству поддержку

¹ Письмо Катаямы членам МКП и КПМ. 12.4.1921 // Там же. Л. 98–99; Запись беседы Явки [Катаяма] и Таннера [Ч. Филлипс]. 12.4.1921 // Там же. Л. 109; Обращение Катаямы к членам КПМ и МКП // Там же. Оп. 108. Д. 16. Л. 2; Gomez M. Op. cit. P. 47.

² Matute A. La carrera del caudillo. Historia de la Revolución mexicana 1917–1924. México, 1988. P. 67–68; Valadés J.C. Historia general de la Revolución Mexicana. Vol. VII. México, 1985. P. 58–60; Araiza L. Historia del movimiento obrero en Mexico. Vol. IV. Mexico, 1965. P. 45–48. Цит. по: Хейфец В.Л. Провал континентальной революции: Коминтерн и эволюция левого движения Мексики в 1919–1921 гг. // Россия в контексте мировой истории. СПб.: Наука, 2002. С. 273.

со стороны значительной части организованного рабочего класса, но и предоставлял ему свободу действий против радикальных секторов последнего в любой момент, когда это попадется правящей политической или профсоюзной элите (КРОМ). Но ни Катаяма (не знавший испанского и не читавший местных газет), ни Филлипс не обратили внимания на двусмысленные предупреждения президента А. Обрегона и министра внутренних дел П.Э. Кальеса о неизбежной высылке всех иностранцев, активно участвующих в мексиканской политике. Депортацию Гэйла красные радикалы, вполне вероятно, сочли досадным инцидентом. Сам руководитель КПМ заявил мексиканскому консулу в Сан-Антонио, что его депортация стала актом мести со стороны генерала Кальеса и что они с президентом являются членами «Большевистского объединения»¹.

Ужесточилась в конечном счете оценка Катаямой Роя: он пришел к выводу, что тот действительно «злоупотребил» мандатом МКП, не представляя на деле ни партию, ни пролетариат, а только себя самого с единственной целью оказаться на конгрессе Коминтерна, поступив «в лучшем случае по-иезуитски». Такое мнение председатель бюро составил среди прочего и со слов Филлипса. Поведение последнего, подписавшего вместе с Роем в Москве заявление против КПМ, вряд ли можно объяснить тем, что у него внезапно «открылись глаза». Американист мог испытывать обиду на включение в руководство Коминтерна не его, а индийца, полагая, что их опыт и заслуги немалыми отличаются. Кроме того, в отсутствие Роя он реально претендовал на высшие роли в руководстве МКП (а в случае объединения коммунистов страны и единой партии), умение же вовремя продемонстрировать гибкость могло оказаться полезным. С этим же связан конфликт Филлипса с руководителем МКП Алленом, которого проинформировали о приезде представительства Коминтерна лишь тогда, когда потребовалась его подпись под мандатом М. Диаса Рамиреса как делегата партии на будущем конгрессе III Интернационала. Вопреки постоянно Аллена мексиканский представитель ПАБ не явился на им же организованную встречу Катаямы с генеральным секретарем МКП. Беседа закончилась безрезультатно: представителя Москвы не удалось убедить в необходимости сосредоточиться на развитии организационной структуры партии, а не на скоромальном объединении. Встречи более не повторялись, а Аллен постепенно оказался отодвинутым от фактического руководства². Катаяме, слепо

¹ Archivo Histórico de la Secretaría de Relaciones Exteriores (AHSRE). Exp. 17-10-221.

² Доклад П. Гарсиа [Х. Аллена] о создании КПМ. 7.9.1922 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 25. Л. 27–28.

доверявшему Филлипсу, оказалось проще положиться на его мнение, пренебрегая любыми возражениями других мексиканских левых радикалов, портящих благостную картину будущего объединенного и влиятельного коммунистического движения страны.

Однако Катаяма не ограничился жесткой критикой в адрес Роя, указав, что протестовавшие против последней организации и инспирировавший эти протесты Гэйл вели себя ничем не лучше, если не хуже, за исключением мексиканского управления ИРМ. Учитывая планы ПАБ, рассчитывавшего на развертывание широкой и активной деятельности внутри профсоюзного движения Мексики, не удивительна лояльность представителя Коминтерна к этой организации. Признавая обе компартии лишь «горсткой товарищей», председатель бюро под влиянием Филлипса всё же отнёсся чуть благосклоннее к МКП, в которой посчитал больше «хороших товарищей», не обпаруженных им среди сторонников Гэйла. Именно этим следует объяснить то, что назначенный в феврале 1921 г. на I расширенном пленуме ИК МКП делегатом партии на III конгресс Коминтерна, а затем, 5 апреля, предложенный в качестве такового на рассмотрение Катаямы, Диас Рамирес был утверждён ПАБ в качестве представителя всей Мексики¹. А опубликованная руководством МКП и КПМ резолюция о предстоящем объединении, почти дословно повторявшая письмо Катаямы, обращала особое внимание на необходимость сохранения практически в неизменном виде Федерации Коммунистической молодёжи (работавшей ранее под эгидой МКП) в качестве структуры, действующей в союзе с компартией и не подлежащей роспуску². Довольно быстро выяснилась правильность последнего решения.

Коммунисты и их союзники из апархо-синдикалистской Всеобщей Конфедерации трудящихся, воодушевленные толерантностью обрегонского правительства в отношении их деятельности, приняли это за свидетельство собственной силы и 1 мая организовали ряд столкновений с силами правопорядка в столице, а через несколько дней ворвались в Палату депутатов, водрузив красный стяг над зданием. Такое развитие событий переполнило чашу терпения Обрегона, решительно ответившего на уличные выступления репрессиями. В середине мая правительство осуществило депортацию ряда ипоотрапных радикалов в Гватемалу и США. Заодно с ипоотрапными

¹ Перевод письма Катаямы Кобецкому. 22.4.1921 // Там же. Д. 11. Л. 18–19; Ф. 521. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–4; мандат М. Диаса Рамиреса // Там же. Ф. 534. Оп. 1. Д. 4. Л. 143; Письмо Япсона-Скотта. 19.4.1921 // Там же. Л. 139–140.

² Резолюция об объединении МКП и КПМ. // Там же. Ф. 495. Оп. 18. Д. 66. Л. 260–261; Резолюция объединенных мексиканских компартий. // Там же. Оп. 108. Д. 16. Л. 21–23.

был выслан и мексикапец Х. Аллеп, не имевший отпошения к организации перечисленных мероприятий¹.

После этой акции правительства работа по объединению коммунистического движения Мексики, проделанная председателем ПАБ, фактически пошла пасмарку: он, наконец, убедился в неполноте информации, имевшейся у ИККИ и бюро, а попытка создать новую КПМ на основе фантомных партий сразу вела представителей Коминтерна в тупик – обе компартии почти исчезли вместе со своими лидерами. Катаяме предстояло искать иные способы работы. Именно тогда он выдвинул идею создания компартии посредством реорганизации ФКММ, предложив Федерации назначить комитет по созыву съезда. Глава ПАБ вновь вернул к идее мексикапской партии как проводника и организатора папанерикапского коммунистического единства и последующего формирования Папанерикапской коммунистической федерации (с участием коммунистов США и Канады), как одного из сильнейших отделений Коминтерна². Речь не шла о переименовании Федерации в КПМ, её следовало сохранить для проведения работы среди молодёжи. Представители III Интернационала предполагали просто использовать имеющиеся организационные структуры ФКММ и её ячейки. Объясняя свои действия руководству Коминтерна, члены ПАБ указали, что Рой и Гэйл ни в коей мере не являлись опытными коммунистами и не оставили после себя достаточного количества сторонников-коммунистов, в то же время «молодёжь более заинтересована коммунистическим движением», чем рабочие среднего возраста, находящиеся под влиянием анархосиндикалистских идей³.

Состоявшийся в августе конгресс ФКММ принял рекомендации представителей Москвы, назначив оргкомитет КПМ, работавший в сотрудничестве с ПАБ (вероятно, этим занимался приехавший в Мексику в июле Фрайпа)⁴. Здесь, видимо, сыграл свою роль неудачный опыт унификации радикального левого движения, осуществлявшийся формально под эгидой Катаямы, по фактически по сценарию лидеров МКП, действовавших на собственный страх и риск. Второй раз посланцы Коминтерна допускать подобной ошибки не собирались. Планировавшийся первоначально на сентябрь–октябрь учредительный форум был перенесён на декабрь, чтобы осуществить под-

¹ Excelsior (México), 17.05.1921; 18.05.1921; 22.05.1921.

² Письмо Явки [Катаямы] членам ФКММ, Нью-Йорк, 25.2.1921 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 10. Л. 1–2.

³ Письмо Папанерикапского бюро в ИККИ 24.8.1921 // Там же. Ф. 495. Оп. 18. Д. 66. Л. 82–83.

⁴ Там же. Л. 83.

готовку тщательно и не сорвать мероприятие спора, что, по мнению членов бюро, «задержало бы на годы всю работу».

Нельзя не отдать должное аналитическим способностям Л. Фрайны, подготовившего доклад с оценкой процесса создания новой компартии. Он сумел выделить объективные и субъективные препятствия в создании КПМ: двухлетняя склока среди мексиканских коммунистов надолго отвратила ряд сторонников от идеи участия в партии, следовало также учесть отсутствие в стране традиций политических партий с четкой структурой и преобладание среди рабочих анархо-синдикалистских тенденций при практически полном незнакомстве марксистской литературы. Впрочем, объективность Фрайны имела свои пределы: ни слова самокритики предшествовавшей тактики Американского агентства в отношении радикального левого движения страны в его докладе не прозвучало.

Уходя от прежней малопродуктивной тактики опоры на «бумажные партии», Папанериканское бюро попыталось пойти в мексиканском левом движении реальным союзником в деле создания объединенной компартии. Помимо ФКММ посланцы III Интернационала рассматривали в качестве партнера Социалистическую партию Юго-Востока Мексики (СП Юкатана), о чем свидетельствует письмо Катаямы её конгрессу летом 1921 г., переданное специальным представителем ПАБ Р. Селисом. Председатель Бюро призвал сторонников Ф. Каррильо Пуэрто к сотрудничеству в деле организации коммунистического движения в стране и пропаганды организации Папанериканской компартии. По оценке Катаямы, «постоящая массовая» КПМ оказала бы решающее воздействие на развитие коммунистического движения на Кубе и в Центральной Америке и в значительной степени влияла бы на страны Южного конуса, ибо в силу близости Мексики к американскому империализму революционное движение страны должно было «непосредственно вдохновлять» движение всей Америки¹. Впрочем, серьезное сотрудничество с региональными партиями так и не состоялось.

На прошедшем 25–30 декабря учредительном конгрессе КПМ, по официальным данным, были представители 21 коммунистической группы общей численностью до 1000 человек, однако в отчете Фрайна предположил завышение цифр примерно на треть, указав на низкий процент делегатов, хорошо разбирающихся в коммунистической теории. Таким образом, член Папанериканского бюро признался в неудачной попытке подготовить квалифицированные кадры будущей

¹ Письмо Явни [Катаямы] конгрессу Мексиканской Социалистической партии Юго-Востока, 1921 // Там же, Ф. 495, Оп. 108, Д. 10, Л. 14–15.

компартии. Несмотря на отмеченные делегатом Интернационала трезвость и обстоятельность дискуссий на конгрессе, эмиссар Москвы нреуснел лишь в деле окончательного организационного оформления КПМ. Признав тезисы и устав Коминтерна и согласившись с рринятыми его руководством решениями, партия отказалась в настоящий момент участвовать в выборах. Среди важных факторов, явившихся доюолнительным аргументом мексиканских коммунистов в их споре с ПАБ, стало возвращение Диаса Рамиреса, беседовавшего в числе нескольких делегатов III конгресса Коминтерна с Лениным. Вождь большевиков согласился с мнением мексиканских левых о возможности иснользования антипарламентарной нозиции компартии как тактического средства в слабо развитой в промышленности и зависимой Мексике¹.

Осознавая нровал своих усилий и компромиссность достигнутой формулировки, Фрайна предположил, что на ближайшем конгрессе III Интернационала удастся убедить делегата Мексики в ошибочности подобного подхода к электоральным вопросам². Он указал на онасность эйфории руководства новорожденной компартии по новоду возможности нроведения «новой революции», к которой нризывали анархисты и анархо-синдикалисты. Фрайна заявил, что такая революция может закончиться лишь нровалом в силу недостаточной организации потенциальных участников и приведёт к уничтожению и без того не слишком значительных результатов, достигнутых Коминтерном в стране. Добившись внесения в резолюцию съезда нункта о необходимости для КПМ сосредоточиться на конструктивной деятельности по организации рабочих и ведению нронаганды, он счёл необходимым подстраховаться, обратившись к руководству III Интернационала с нросьбой издать соответствующее заявление носле нолучения всех материалов конгресса.

Через нолтора года носле создания ПАБ Фрайна был вынужден нризнать отсутствие в Мексике «кануна революции»: «Здесь нет социального класса, снособного консолидировать политическую власть, этого не может сделать даже буржуазия, унравляющая благодаря слабости нрочих классов и благодаря иностранному каниталу. Катаяма и я ошиблись в оценке ситуации, мы думали, что движение шире и что оно в состоянии вырасти больше, чем нроизошло на деле».

Констатируя слабость кадров партии и громадный масштаб стоящих перед ней задач, Фрайна счёл невозможным для КПМ самостоятельно справиться со всеми проблемами, рекомендуя ИККИ

¹ Díaz Ramírez M. Hablando con Lenin en 1921 // Liberación (México), 1957 (Noviembre–Diciembre). № 8. P. 53.

² Письмо Фрайны Малому бюро ИККИ // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 22. Л. 1–2.

направить в страну кого-либо из членов российской компартии в качестве своего представителя с целью возглавить работу по выработке и корректировке программы партии и координации её деятельности; одновременно он настаивал на организационной помощи со стороны «бойкотировавших коммунистов Мексики» компартий США, заметив необходимость соответствующих указаний со стороны ИККИ¹.

Неожиданные и незапланированные возможности открылись у Панамериканского бюро в связи с депортацией в Центральную Америку Ч. Филлинса, С. Сан-Висенте и Н. Михайловой (май 1921 г.), около месяца пробывших в Гватемале и Панаме. В обеих странах Филлинс² и Сан-Висенте занялись по собственной инициативе организацией коммунистических ячеек на базе «Социалистического рабочего объединения» (Union Obrera Socialista) (СРО), причём это происходило «секретно и без особых надежд»³. Перспективы для деятельности действительно были небольшие: здешнее рабочее движение находилось в зачаточной стадии организации, о международном коммунистическом движении и о Коминтерне не было известно даже рабочим лидерам, никакие левые газеты до региона не доходили.

Представители радикального левого движения Мексики не нытались, как видно из документов, идти по пути превращения всего СРО в коммунистическую организацию, считая её руководителей, за исключением находившегося в тюрьме Х.Л. Баррьентоса, «демагогами». Поэтому созданные при участии Филлинса и Сан-Висенте коммунистические ячейки начинают действовать внутри СРО в качестве «организованной оппозиции»⁴. Именно на их базе формируется в 1922 г. КП Гватемалы, а в 1923 г. – КП Центральной Америки, которая, впрочем, ещё продолжительное время оставалась грунной по пропаганде марксистско-ленинских идей, а не реально действующей партией⁵.

¹ Письмо Фрайны Малому бюро ИККИ // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 22. Л. 3–4.

² Принявший в Гватемале псевдоним Мануэль Гомес, под которым действовал все 1920-е гг. в коммунистическом движении США и Коминтерне.

³ Письмо Ф. Симэна [Ч. Филлинса] Г. Зиновьеву июля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 14. Л. 16 об.; Gomez M. From Mexico to Moscow, II // Survey (London). 1965 (April). № 65. P. 117.

⁴ В.И. Ермолаев ошибочно указывает в качестве года создания нервых коммунистических грун в Гватемале 1922 г., сообщая, что те были созданы под руководством Х.П. Уэйрайта. См.: Ермолаев В.И. Из истории рабочего... С. 150.

⁵ В связи со сменой значительной части членского состава МКП (КПМ) в 1921–1923 гг. о многих ранее проведённых представителями партии мероприятиях забыли достаточно быстро. Так, доклад представителя КПМ и Всеамериканской антимеркантистической лиги Р. Блэкуэлла о поездке в Центральную Америку в разделе, посвящённом истории местной компартии, не содержит ни единого упоминания о деятельности в Гватемале высланных туда в 1921 г. из Мексики коммунистов. Р. Блэкуэлл.

В Панаме тоже была организована коммунистическая группа, заявившая о поддержке РСФСР и III Интернационала и провозгласившая основой своей деятельности: 1) борьбу за улучшение материального положения на базе прочной солидарности всех трудящихся страны и всего мира, 2) классовую борьбу и отрицание возможности «гармонии между трудом и капиталом». Новоявленные панамские коммунисты заняли абсентеистские позиции, указав, что при существовании «несправедливой и опасной для человечества» частной собственности все правительства обречены на то, чтобы в большей или меньшей степени «прислуживать правящему классу». «Единственно возможным способом разрешения социальных проблем» был назван коммунизм. Как и гватемальская, панамская группа была крайне малочисленной¹.

Не получая информации и директив от Панамериканского бюро, Филлинс действовал на свой страх и риск², вступив в прямую переписку с Зиновьевым. Он направил в ИККИ доклад о ситуации и перспективах революционного движения в Центральной Америке, отметив как важную причину отсутствия или слабости коммунистического движения в регионе то, что он является колонией США. Это выражалось, по мнению Филлинса, в прямом военном контроле в Коста-Рике и Никарагуа, «где американские штыки поддерживают "законность и порядок"», или об абсолютном политическом контроле в Гватемале, Гондурасе и Сальвадоре. В Панаме американские войска в зоне канала вмешиваются в случае любых «беснорядков». Создание прочной базы для развития мощного коммунистического движения

Доклад о поездке с целями организации в Центральную Америку // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 54. Л. 7.

¹ Центральноамериканское движение, 1921 г. // Там же, Он. 18. Д. 66. Л. 245.

Панамская коммунистическая историография вскользь упоминает появление в стране первых марксистских групп в начале 1920-х гг., однако официальной предшественницей местной компартии считает Панамскую Коммунистическую партию, созданную 4 апреля 1930 г. «двенадцатью героическими борцами» внутри Трудовой партии. См.: Кастельянос Р. Октябрьская революция и коммунистическое движение в Панаме // Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции... С. 468. Принимая во внимание численность основателей данной партии, нет причин считать панамскую коммунистическую группу 1921 г. менее значительной, чем компартию образца 1930 г. Следует также отметить, что достижения берегов Панамы «волны революционного взрыва 1917 г.», полученная радикальным движением страны «революционная теория» появились в данном центрально-американском государстве не сами по себе, а вследствие непосредственного контакта местного рабочего движения с представителями структур III Интернационала в 1921 г.

² Катаяма сознательно не давал детальных инструкций Филлинсу, учитывая обстоятельства его ареста и считая «неосторожным» нахождение в тюрьме. Председатель ПАБ был крайне недоволен поведением Н. Михайловой, добровольно сдавшейся полиции, чтобы быть депортированной вместе с мужем.

тормозится почти полным отсутствием фабрик и промышленного пролетариата. Не удивительно, резюмировал докладчик, что коммунистического движения здесь нет: коммунистическая организация в Панаме «является всего лишь грунной», а в Гватемале «состоит из дюжины товарищей»; социалистическое движение также «практически отсутствует», более того, никто даже не нытается принять подобное название, исключением является Социартия Сальвадора, но она «безнадёжно и полностью реакционная и реформистская, не обладает никакой реальной организацией и определенной программой»¹. Чтобы «нереломить» негативные тенденции развития революционного движения в регионе, «пробудить и организовать городских рабочих», указывалось в документе, необходимы пример и *руководство* со стороны «компетентной, сознательной Мексиканской Коммунистической партии», так как Центральную Америку следует «расшевелить через Мексику»².

После нелегального возвращения Филлинса, его жены и Сан-Висенте в Мексику³ прямых связей между коммунистами Центральной Америки и региональными либо центральными структурами III Интернационала в 1921 г. установлено не было⁴. Однако контакты, установленные радикалами стран региона через денортированных в Центральную Америку мексиканских коммунистов, способствовали тому, что уже в следующем, 1922, году делегаты из Гватемалы присутствовали на конгрессе ФКММ и, получив ряд наставлений и инструкций, 1 сентября 1923 г. участвовали в создании Коммунистической партии Гватемалы⁵.

За время работы Американского агентства из грандиозных континентальных планов Москвы реальностью стала только миссия Козна, продемонстрировавшая при этом неготовность ПАБ к результативным действиям в таких масштабах. Главным положительным итогом этой поездки можно считать установление прямых связей компартий Аргентины и США и выработанные им рекомендации, важнейшими из которых была идея о предоставлении КП Аргентины мандата на ведение проагандистской работы в Южной Америке. Козн предло-

¹ Центральноамериканское движение // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 18. Д. 66. Л. 246–248.

² Там же... Л. 249.

³ Taibo II P.I. y Vizcaino R. Op. cit. P. 188; Gomez M. From Mexico to Moscow, II..., P. 117.

⁴ По возвращении в Мексику Филлинсу, по всей видимости, не удалось встретиться с Катазой. Это сыграло не последнюю роль в том, что закрепить некоторый успех невольной миссии денортированных мексиканских коммунистов не удалось.

⁵ Доклад КП Гватемалы в Южноамериканский секретариат КИ, 1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 112. Д. 4. Л. 22.

жил также отложить созыв Панамериканского конгресса, проведение которого было невозможно без длительной агитации и пропаганды по всему региону и создания там нескольких партий. Именно на пропаганде в Латинской Америке Катаяма и планировал сосредоточить дальнейшую деятельность бюро. Сообщив ИККИ о намерении потратить на это имеющиеся у него около 10 тыс. долларов, он предложил руководству Коминтерна направить представителей в латиноамериканские страны примерно на полгода для продолжения работы по организации латиноамериканской компартии. Катаяма планировал перенести штаб-квартиру бюро в США, отметив в то же время, что в силу своего стратегического положения между США и Латинской Америкой центром работы должна являться Мексика. Серьезное препятствие в континентальной работе он усматривал в привычке американских коммунистов свысока смотреть на своих латиноамериканских единомышленников, создающей проблемы¹.

Однако прежде чем осуществлять планы по интенсификации континентальных планов работы, Катаяма хотел прояснить дальнейшую судьбу возглавляемой им структуры в связи с дошедшими до него сообщениями из США о планируемом роспуске бюро. Слухи эти не были бесновенными. В конце августа Малое бюро ИККИ одновременно с принятием КП Аргентины в ряды Коминтерна решило отозвать Катаяму, с тем чтобы до ноября он приехал в Москву².

Для выработки Москвой новой позиции по отношению к Бюро важное значение приобретала ситуация в самом региональном органе Коминтерна. К. Янсон занял совершенно иную позицию по отношению к направленности работы Бюро, чем Катаяма и Фрайна, считая ошибкой сосредоточение своих коллег преимущественно на латиноамериканской работе, завершившейся без значительных результатов и нанесшей ущерб деятельности по объединению компартий в США и Канаде. Одновременно Янсон заявил о принципиальной невозможности дальнейшей работы бюро в силу недостаточного развития компартий региона, для которых латиноамериканские проблемы остаются «тайной за семью печатями», компартия США является «жалкой народией» на РКП(б), а коммунисты Южной Америки по-прежнему ближе к коммунистам Испании и Италии, чем США. В связи с этим он предложил проводить подготовительную работу по созыву континентальной конференции непосредственно ИККИ и немедленно распустить Панамериканское бюро, распределив оставшиеся примерно 20 тыс. долларов между компартиями Аргентины (для работы

¹ Письмо Зиновьеву. 24.9.1921 // Там же. Он. 18. Д. 66. Л. 116–117.

² Протокол заседания Малого бюро 26.8.1921 // Там же. Он. 2. Д. 6а. Л. 75–79.

в Южной Америке), Мексики и США¹. Ожидая положительной реакции на внесенные им в ИККИ предложения, Янсон самостоятельно приостановил свою и Коэна поездки в Латинскую Америку.

Катаяма, напротив, не видел целесообразности в ликвидации бюро. Уезжая в Москву, он назначил Фрайну исполняющим обязанности председателя бюро, оговорив необходимость использовать большую часть оставшихся денег на Мексику, Южную Америку и Канаду и отказавшись предоставлять субвенции коммунистам США, лишь пренебрегающим работе в Латинской Америке. Вину за отсутствие реального сотрудничества между американскими коммунистами и Латинской Америкой Фрайна и Катаяма возложили на Янсона, обвинили его среди прочего в отказе приехать в Мексику, чем он сорвал ряд мероприятий.

Несмотря на прекращение поступления денег из Москвы, Фрайна, в соответствии с инструкциями Катаямы планировал расширение деятельности бюро, указывая ИККИ на необходимость направления представителей III Интернационала для ведения профсоюзной работы в Мексике, на Кубе и в Южной Америке и выделения на эти цели средств. Особый представитель должен был проводить там коммунистическую работу – им предстояло стать самому Фрайне либо иному назначенному Малым бюро лицу. Он также непрестанно настаивал на проведении специальной конференции коммунистов Нового Света, на этот раз в Москве, накануне IV конгресса Коминтерна с тем, чтобы та внесла американский вопрос в его повестку дня и способствовала дальнейшему организационному развитию компартий региона². Но все эти проекты уже не имели значения. Американское агентство доживало свои последние дни.

Члены ПАБ не знали, что ИККИ уже принял 6 октября 1921 г. судьбоносное решение, изменив вектор отношений Коминтерна с южноамериканским коммунистическим движением с мексиканского на аргентинский и поручив компартии Аргентины «поддерживать [коммунистическое] движение в соседних государствах (Уругвай, Чили и т. д.)» и создать с этой целью в Буэнос-Айресе «пропагандистский центр для поддержки и развития движения во всей Южной Америке». Панамериканское бюро постановлением Президиума ИККИ 10 октября распускалось³. Это решение основывалось на

¹ Доклад Скотта [К. Янсона] о работе Панамериканского бюро. 15.10.1921 // Там же. Он. 18. Д. 66. Л. 173–174.

² Доклад Панамериканского агентства Малому бюро ИККИ 4 октября 1921 г. // Там же. Он. 18. Д. 66. Л. 150–151.

³ Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И.К. Коммунистического Интернационала от 13 июля 1921 г. до 1-го февраля 1922 г. Пг., 1923. С. 179; Де-

неспособности данной структуры организовать именно панамериканскую работу, несмотря на установление представителями бюро контактов в ряде стран континента, сыгравших определённую роль в последующей работе III Интернационала. Главным же импульсом для принятия решения стал приезд в Москву летом 1921 г. представителя КП Аргентины Р. Гиольди и его доклад руководителям III Интернационала о проделанной партией работе. Информация о миссионерской деятельности КПА, осуществляемой без помощи Коминтерна и являвшейся «континентальным Интернационалом», широко развернувшим, как сообщали сами аргентинские коммунисты, проагандистскую работу в Чили, Уругвае, Бразилии, Боливии и Перу, определённо произвела впечатление в Москве на фоне достаточно спорных результатов, достигнутых Панамериканским бюро и сохранявшейся слабости мексиканского коммунистического движения. Нельзя, однако, не заметить, что в случае с Аргентиной Москва фактически повторила мексиканские ошибки, выстраивая свою стратегию на базе недостаточно проверенных и часто необъективных данных, предоставленных местными коммунистами, заинтересованными в признании своей страны центром континентальной коммунистической деятельности.

Немаловажную роль в неремёне ориентации с Мексики на Аргентину сыграли также рекомендации агентов III Интернационала, непосредственно на месте знакомившихся с ситуацией. На целесообразность предоставления КП Аргентины мандата на ведение агитационно-проагандистской работы по всей Южной Америке обратил внимание М. Коэн, решительно поддержанный К. Янсоном, который просил ИККИ обратить внимание на рекомендации южноамериканского представителя Панамериканского бюро. Ещё дальше пошёл Ф. Вайль, высказавший идею создания Южноамериканского бюро в Буэнос-Айресе¹.

Аргентинское направление выглядело к осени 1921 г. в восприятии лидеров Коминтерна куда более перспективным, чем мексиканское, что не могло не оказать влияния на принятие решения о переносе центра тяжести работы в Южной Америке в Буэнос-Айрес и

тельность Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала после III конгресса // Коммунистический Интернационал. 1921. № 18. С. 4767–4768. Позднее получил название Бюро коммунистической пропаганды для Южной Америки; РГАСПИ. Ф. 495. Он. 2. Д. 66. Л. 1, 4, 11, 85; Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И.К. от 13 июля... С. 261.

¹ Доклад Скотта [К. Янсона] о работе Панамериканского бюро. 15.10.1921 // Там же, Он. 18. Д. 66. Л. 172–173; Доклад № 5 Б. Люсио [Ф. Вайля] 24 марта 1921 г. // Там же, Ф. 495. Он. 134. Д. 14. Л. 19–20, 23.

изменении форм деятельности по координации коммунистического движения в регионе.

2.5. Деятельность Бюро Коммунистической пронаганды для Южной Америки

Хотя компартия Аргентины и не была «нервной секцией III Интернационала в Латинской Америке», как об этом писали ранее советские авторы¹, внимание со стороны Москвы ей уделялось немалое. Здесь мы видим другую форму руководства и воздействия Коминтерна, сложившуюся без заранее продуманного плана, яркий пример влияния случайностей на создание структуры организационных связей. Первым делегатом ИККИ в Аргентине стал немец Феликс Вайль (псевдоним – Люсио Беатус), приехавший в Аргентину в декабре 1920 г. Во время съезда Независимой социал-демократической партии Германии в Галле Вайль предложил Г. Зиновьеву услуги по работе на III Интернационал в Южной Америке, куда должен был отправиться по торговым делам своего отца. И председатель Коминтерна, не задумываясь, назначил малознакомого человека представителем ИККИ, дав ему, правда, ограниченные полномочия: составление информационных докладов, создание издательства для выпуска коммунистической литературы и организация переводов на испанский язык изданий Коминтерна². Хотя Вайлю удалось добиться определенных результатов, его работа находилась под постоянной угрозой срыва, потому что Зиновьев и Западноевропейский секретариат Коминтерна в Берлине, несмотря на неоднократные аномина-

¹ Ермолаев В.И. Компартия Аргентины – нервная секция III Интернационала в Латинской Америке // Новая и новейшая история. 1959. № 3. В решении Малого бюро ИККИ о признании КПА «единственной секцией Коминтерна» в Аргентине (26 августа 1921 г.) констатировалось, что проделанная ей под названием Интернациональной Социалистической партии работа «носила чисто коммунистический характер и была проникнута принципами революционного марксизма, дабы объединить пролетариат на почве классовой борьбы и под знаменем III Интернационала». Единственным препятствием к столь позднему приему нервной компартии Латинской Америки в Коминтерн Малое бюро официально признало «только затруднения в области взаимных сношений» // Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И.К. Коммунистического Интернационала от 13 июля 1921 г. ... С. 151–152.

Формально тем не менее нервной латиноамериканской секцией III Интернационала стала Мексиканская коммунистическая партия, представленная на II конгрессе (1920 г.).

² Письмо Люсио [Ф. Вайля] Зиновьеву. [1921] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 14. Л. 59–62.

ния, долгое время... забывали выслать ему мандат, отсутствие которого вызывало естественное недоверие аргентинцев.

На протяжении ряда месяцев, несмотря на ярко выраженное стремление аргентинских левых вступить в Коминтерн, Москва, не имея достоверной информации о деятельности ИСПА, не торопилась принимать аргентинцев в ряды всемирной компартии. Это, несомненно, было вызвано ставкой на Мексику и тем обстоятельством, что революционность малочисленной ИСПА не сопровождалась ее масштабным политическим влиянием в стране. Уход интернациональных социалистов из СПА, несколько более значимой и имевшей парламентское представительство, практически не затронул организованное рабочее движение, где главными соперниками левых были анархо-коммунисты и синдикалисты, неоднократно заявлявшие о своих симпатиях большевизму¹. В значительной степени именно под влиянием профсоюзов и прежде всего находившихся в их рядах эмигрантов из России начался процесс полевения аргентинского рабочего движения.

Российская колония в стране насчитывала свыше 300 тысяч человек (из них треть являлась квалифицированными рабочими), концентрировавшихся в ряде крупных промышленных центров страны – столице, Ла-Плате, Росарио и нефтеномыслах Патагонии. Ещё в конце 1917 г. выходцы из России стали создавать профессиональные организации из числа своих соотечественников, крупнейшей из которых стала Федерация российских рабочих организаций Южной Америки (ФРРОЮА) (другое название – Русская рабочая федерация Южной Америки, РРФЮА), конституированная официально на съезде в феврале 1918 г.

Своими задачами ФРРОЮА заявила распространение классового самосознания среди русских и аргентинских рабочих, координацию своей деятельности с выступлениями южноамериканских рабочих организаций, всемерное содействие РСФСР как «авангарду Социальной Революции» и пропаганду её идей. Федерация провозгласила поддержку Октябрьской революции и принципа диктатуры пролетариата. К своему мартовскому съезду в 1919 г. организация имела отделения не только в Аргентине, но и в Уругвае и Бразилии, издавала ежедневную газету «Красное знамя» и двухнедельный журнал «Снартак», находившиеся под влиянием возникающих коммунистических профсоюзных групп, создала конспиративную комиссию по сношениям с РСФСР (С. Волковский, Т. Хадзинский,

¹ Перевод письма С. Маротты, 3.2.1920 // Там же, Д. 6, Л. 4; Доклад Р. Гюльди в ИККИ о КПА, [1921] // Там же, Д. 15, Л. 6 об. – 9; Ермолаев В.И. Из истории рабочего... С. 95.

А. Течинский). Два года спустя после своего основания ФРРОЮА насчитывала около 15 тыс. членов и создала новое отделение в Парагвае¹. 4-й съезд организации, состоявшийся нелегально в феврале 1920 г., выразил свою солидарность с Коминтерном, однако, заняв более сдержанную позицию, чем ИСПА, постановил отложить вопрос о присоединении к III Интернационалу до полного ознакомления с его программой и уставом.

Последнее решение форума было не случайным, так как ФРРОЮА имела соперника в лице примыкавшего к левому крылу СПА Российского союза рабочих-социалистов (РСРС), оцениваемого ею как эсеро-меньшевистская «кучка мелких буржуев и интеллигентствующих» и, в свою очередь, обвинявшего Федерацию в анархизме.

Летом 1920 г. и ФРООЮА, и конкурирующий с ней РСРС отправили на II конгресс Коминтерна своих представителей М. Комина-Александровского (он также представлял анархо-коммунистический профцентр ФОРА-V) и М. Машевича (одновременно являвшегося делегатом анархо-синдикалистского ФОРА-X). Одной из задач, поставленных перед Александровским, было добиться от Москвы направления в Южную Америку представителей Коминтерна с инструкциями по дальнейшей деятельности ФРРОЮА и признания Федерации единственной представительницей русского пролетариата на континенте².

Ни тот, ни другой не смогли принять участия во II конгрессе Коминтерна: Машевич из-за отсутствия у него официального мандата РСРС (хотя он и получил в ИККИ удостоверение делегата конгресса), Александровский – в связи со своим опозданием. Документы указывают, что Машевич также безуспешно попытался выступить в роли делегата еще не существовавшей компартии Бразилии. Вскоре, однако, Александровский встретился с одним из швейцарских делегатов конгресса (вероятно, с В. Мюнценбергом), передав ему адреса в Аргентине и Уругвае для установления связи с молодежным движением этих стран, а один из привезённых уполномоченным ФРРОЮА докладов был опубликован в официальном сборнике документов конгресса. Одновременно недовольный своим статусом Машевич направил письмо руководству III Интернационала, обвиняя конкурента во лжи, а носившую его ФРРОЮА – в анархизме. Автор письма

¹ Доклад М. Александровского о ФРРОЮА [1920 г.] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 3. Л. 11, 13 об.; Доклад П. Зебеля о ФРРОЮА [1921 г.] // Там же. Ф. 495. Он. 134. Д. 23. Л. 50–51.

² Там же.

настаивал на решении по новоду приёма в Коминтерн ИСПА и об оказании финансовой помощи её газете и газете ФОРА-Х¹.

Малое бюро ИККИ 23 августа обсудило южноамериканский вопрос, но ввиду явного конфликта представителей Аргентины оба они были вызваны на следующее заседание (31 августа), где Машевич выступил в качестве уполномоченного СПА и ФОРА-Х, а Александровский как делегат ИСПА, ФРРОЮА и ФОРА-V. Принятие решения было, однако, отложено до 7 сентября. Представителям Аргентины к этому времени надлежало сообщить практические предложения в письменном виде. Руководители ИККИ постановили не вступать ни в какие отношения с СПА, обратившись в то же время с особым письмом к ИСПА, ФОРА-V и ФОРА-Х (составление текста поручалось Бухарину, Кобецкому и Мейеру), финансовая помощь должна была быть оказана ИСПА и анархо-коммунистическому профсоюзу через Сен Катайму. Прием ИСПА в Коминтерн откладывался. Это не означало нежелание Коминтерна сотрудничать с коммунистическим движением Аргентины и поддерживать его, но интернациональные социалисты не получали и эксклюзивного права на вступление в ряды III Интернационала. Согласно этому же решению Машевичу предстояло вернуться в Аргентину, а Александровскому временно задержаться в России «с целью ознакомления», после чего направиться на работу в Южную Америку в качестве уполномоченного Коминтерна².

В вердикте Малого бюро речь фактически шла о создании новой компартии при участии ИСПА и революционных профсоюзов. Данное решение воспроизвело точку зрения Александровского, указавшего в письме секретарю ИККИ Кобецкому на необходимость формировать единую партию аргентинских сторонников большевизма, бороться с оппортунизмом в профсоюзах, добиваться их присоединения к Профинтерну. Машевич носетовал на оказанное недоверие и охарактеризовал постановление как «не вполне удовлетворительное». Выбор руководства Коминтерна одного из двух делегатов во многом определило революционное прошлое Александровского, в то

¹ Удостоверение М. Машевича, выданное ИККИ // Там же. Ф. 495. Он. 190. Д. 167. Л. 19; Список иностранных делегатов и гостей // Там же. Ф. 489. Он. 1. Д. 29. Л. 72 об.; Письмо М. Машевича Малому бюро ИККИ 20 августа 1920 г. // Там же. Ф. 495. Он. 134. Д. 2. Л. 3, 7–8; Александровский М. Рабочее движение в Аргентине // Доклады второму конгрессу Коммунистического Интернационала. Пг., 1921. С. 341–349.

² Протокол заседания Малого бюро ИККИ от 23 августа 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 2. Д. 3. Л. 57–57 об.; Протокол заседания Малого бюро ИККИ от 31 августа 1920 г. // Там же. Л. 76; Протокол заседания Малого бюро ИККИ от 7 сентября 1920 г. // Там же. Л. 81–82. На заседаниях присутствовали Бухарин, Мейер, Руднянский, Кобецкий.

время как о Машевиче было почти ничего не известно. Г. Зиновьев первоначально вообще считал его «подозрительной личностью».

В декабре 1920 г. чрезвычайный съезд ИСПА принял решение об изменении названия партии на Коммунистическую партию Аргентины (КПА). Два месяца спустя КПА увеличилась почти вдвое за счет присоединения к ней еврейской коммунистической группы «Авангард», исключённых из СПА левых «терсеристов» и РСРС [переименованного в Русскую Коммунистическую группу (РКГ)]. В рабочем движении также произошёл ряд значительных для КПА событий: в профсоюзах сформировалось сильное левое крыло «трабахистов»¹, призывавшее к слиянию имеющихся профсоюзных организаций, а затем их вступлению в Профинтерн. Развернувшиеся дебаты привели к учреждению представителями ФОРА-V, ФОРА-X и автономных профорганизаций Комитета единства, большинством в котором обладали коммунисты.

Однако противоречивые сведения, поступающие из Буэнос-Айреса в Москву, стали новым фактором, тормозившим прием КПА во всемирную коммунистическую партию. Так, если Люсио информировал Коминтерн о «несомненной коммунистической» ориентации КПА, постоянно отмечая рост коммунистического контроля в профсоюзах, и характеризовал анархо-коммунистический профцентр ФОРА-V как «полную бессмыслицу», то у русско-аргентинских коммунистов, бывавших в Советской России, трения с партией возникли практически сразу после их возвращения в Буэнос-Айрес.

Первым в аргентинской столице появился (в марте 1921 г.) Машевич, привезший с собой резолюцию ИККИ по аргентинскому вопросу и ряд других документов, предназначавшихся РСРС и еврейской группе «Авангард»², а также 1800 фунтов стерлингов и драгоценности стоимостью 47 фунтов стерлингов (что составляло 21 150 аргентинских песо). Сделав доклад о положении в РСФСР руководству ФРРОЮА, Машевич по собственной инициативе встретился с руководством КПА, известив партию о том, что та ещё не принята в Коминтерн, и передав компартии в связи с присоединением к ней РКГ и «Авангарда» предназначавшиеся им привезённые материалы. Он же выделил средства на поездку в Москву делегата КПА, вместе с которым позднее и вернулся в РСФСР³.

¹ По названию издававшейся ими ежедневной газеты «Trabajo» («Труд»).

² Манифест временного комитета Профинтерна, манифест Секретариата КИМ, обращение Чичерина к российским рабочим в Южной Америке и манифест еврейской секции ЦК РКП(б) к еврейским рабочим Аргентины.

³ Доклад Р. Гюльди ИККИ 16 марта 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 16. Л. 2–3.

Стремление же аргентинских коммунистов завладеть полностью иривезёнными им деньгами вызвало противодействие со стороны Машевича, настоявшего на передаче денег взамен письменного обязательства об издании коминтерновских материалов под контролем русской группы КПА¹. Это вызвало первые серьёзные трения между КПА и руководством Коминтерна. Вайль встал на сторону партии, призвав ИККИ не переоценивать значение малочисленной и малоактивной, по его словам, РКГ, как и прочих русских в Аргентине, ощущающих себя «кем-то вроде аргентинского Ленина». Особенное его недовольство вызвали действия М. Ярошевского, отказавшегося осуществлять перевод «Детской болезни» «левизны» в коммунизме» на испанский язык до выплаты ему гонорара².

Конфликт представляется легко объяснимым в свете истории СПА и ИСПА, традиционно поддерживавших связи с Европой. Это было обусловлено наличием в Аргентине значительных итальянской и немецкой диаспор, представители которых играли значительную роль в социалистическом движении. Русская же революционная эмиграция находилась на некотором отдалении от СПА и ИСПА, в отличие от США, где выходцы из России активно участвовали в деятельности социалистической партии (в которой были объединены в национальные федерации: русскую, латышскую, финскую и т. д.) и основании компартий. Ни один из членов РСРС (РКГ), ФРРОЮА и «Авангарда» не входил в руководство ИСПА и не направлялся ею в Москву в качестве официального делегата. Более того, представители русских групп, находившиеся в Москве, не смогли (да и не хотели) обеспечить прием ИСПА в Коминтерн³. В данных обстоятельствах КПА воспринимала действия Машевича (и руководства Коминтерна) как стремление навязать ей контроль лиц, не имеющих ни малейшего права его осуществлять с точки зрения их влияния в партии. Не случайно и после своего приёма в Коминтерн аргентинская партия не поручила представлять свои интересы в Москве ни одному из вер-

¹ Письмо Р. Гюльди ИККИ. 4 августа 1921 г. // Там же. Д. 15. Л. 24; Доклад В. Ковдильи Бюджетной комиссии ИККИ. Ноябрь 1924 г. // Там же. Д. 45. Л. 4.

² Доклад № 5 Б. Люсио [Ф. Вайля] // Там же. Ф. 495. Он. 134. Д. 14. Л. 17–18; письмо Б. Люсио [Ф. Вайля] ИККИ 22 апреля 1921 г. // Там же. Д. 14. Л. 35 об.

³ Только в марте 1921 г., отметив отсутствие у ФРРОЮА (в отличие от КПА) чётко выраженной позиции в отношении III Интернационала и Профинтерна, фактически выступила ходатаем за КПА накануне приезда в Москву делегата последней, объявив партию «истинным и единственным» представителем Коминтерна в стране, численность и влияние которой растут, РКГ настаивала на необходимости для III Интернационала вверь осуществлять свою связь с Аргентиной через компартию и предложила Коминтерну назначить одного из её членов – И. Бондареву – информатором ИККИ в стране. Доклад секретаря РКГ М. Безмертного ИККИ 16 марта 1921 г. // Там же. Д. 23. Л. 32; доклад РКГ 16 марта 1921 г. // Там же. Л. 30–31.

нувшихся в РСФСР русских эмигрантов из числа бывших членов КПА, а уполномочила на это испанца С. Родригеса Гонсалеса.

На II конгрессе Профинтерна оказались не только делегат ЦК коммунистических профсоюзных групп Р. Гиольди, но и уполномоченный ФОРА-V¹ и аргентинского филиала Международного союза моряков Т. Баркер. Их оценки состояния дел в компартии Аргентины разительно отличались. Баркер в двух статьях, опубликованных журналом Профинтерна, прямо заявил, что, в то время как в КПА входят «много хороших и честных людей», большинство членов партии не имеет пролетарского происхождения, разделяя в некоторой степени «неноследовательность и беспринципность» социалистической партии². Подобную характеристику компартии в официальном органе международного объединения революционных профсоюзов, хотя это и не была позиция редакции, нельзя не воспринимать как фактический отказ от исключительной опоры на профгруппы КПА, несмотря на оптимистические прогнозы последней, РКГ и Вайля.

В то же время на III конгрессе Коминтерна в качестве официального делегата присутствовал лишь представитель КПА Р. Гиольди. Посланцам группы русских коммунистов в Аргентине (Ярошевскому, Машевичу) и ФРРОЮА пришлось ограничиться гостевыми билетами. КПА, ввиду того что она ещё не была принята в Коминтерн, был предоставлен мандат делегата с совещательным голосом³, который в значительной степени уравновешивался интенсивной энтолярной деятельностью Гиольди, методично направлявшего руководителям Коминтерна доклады и добивавшегося признания проделанной КПА работы коммунистической, приёма её в III Интернационал и оказания ей финансовой поддержки.

Важным фактором, предопределившим в итоге решение о приёме аргентинской компартии в III Интернационал, стало описание широкой деятельности ИСПА (КПА), развёрнутой ею в соседних странах

¹ Называвшейся к тому времени Аргентинская Региональная Рабочая Федерация – коммунистическая (ФОРА-К).

² Анкета Р. Гиольди // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 1. Д. 5. Л. 113–113 об., Анкета Т. Баркера // Там же. Л. 109–109 об., Письмо Т. Баркера Кобецкому. 28.4.1921 // Там же. Ф. 495. Он. 134. Д. 21. Л. 1; Письмо Т. Баркера Кобецкому. 9.3.1921 // Там же. Л. 13; Баркер Т. Рабочее движение в Аргентине // Международное рабочее движение. 1921. № 3; он же. Рабочее движение в Чили // Там же.

³ С. Ясельман, приехавший одновременно с Гиольди, был вынужден ограничиться ролью наблюдателя. Мандат Р. Гиольди как делегата III конгресса Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 490. Он. 1. Д. 208. Л. 37; Список делегатов II конгресса КИМ // Там же. Д. 203. Л. 2; Анкета М. Машевича // Там же. Д. 167. Л. 5–5 об.; Мандат М. Ярошевского, личное дело М. Ярошевского (№ 31093-р) хранится в: РГАСПИ. Л. 1; Мандат Р. Гиольди, выданный НККИ // Там же. Ф. 490. Он. 1. Д. 207. Л. 41; Список делегатов, размещённых в гостиницах // Там же. Д. 201. Л. 13, 148.

с целью создания там компартий и коммунистических профсоюзов. Известно, что в августе 1920 г. ИСПА направила своих представителей для участия в съезде Социалистической партия Уругвая, добившись в итоге решения о вступлении партии в Коминтерн¹. КПА также вела переписку с Рабочей Федерацией Чили (РФЧ), тесно связанной с соципартией. Эти контакты осуществлялись из-за недостатка средств лишь посредством почты, однако даже в отсутствие прямых связей аргентинские коммунисты пользовались определённым влиянием на РФЧ, в первую очередь из-за тесных отношений, существовавших между некоторыми лидерами КПА и Рекабарреном, влияние которого в РФЧ было доминирующим. Так, осенью 1922 г. руководство РФЧ предполагало поручить КПА право представлять её в Москве и лишь после повторного приглашения решило направить своего делегата Рекабаррена. Регулярную переписку аргентинские коммунисты имели также с коммунистическими группами в Бразилии. Однако в общем и целом заявления КПА о широкомасштабной работе по большевистской пропаганде в соседних странах были скорее декларацией о намерениях, чем работой с реальными результатами. Хотя по тому времени и привлечение трех потенциальных секций в Коминтерн (уругвайской, бразильской и чилийской) должно было расцениваться как грандиозный успех, но аргентинцы-то уверяли штаб-квартиру Коминтерна в том, что их миссионерская деятельность значительно шире, и эти декларации подтверждались и некоторыми эмиссарами III Интернационала (Вайлем и Коэном)². Верный роли представителя «континентального Интернационала» (или в изменившихся обстоятельствах, когда надо было играть более скромную роль – «партии – старшего брата»), Гиольди в Москве выступил в роли первого ходатая за коммунистов Южной Америки, предложив в августе 1921 г. принять в ряды III Интернационала КПУ.

Решение Малого Бюро ИККИ 26 августа 1921 г. о признании проделанной аргентинской партией работы коммунистической и

¹ В 1918–1920 гг. ИК ИСПА поддерживал связь с левым крылом Социалистической партии Уругвая как путём переписки, так и через рассылку брошюр, листовок, воззваний и направление делегатов (Р. Гиольди, Ф. Моретти, Х. Пенелон, Х. Греко), причем не только в Монтевидео, но и в провинцию. Делегат ИСПА Х. Пенелон был председателем VIII съезда уругвайской партии, способствуя «расколу СПУ». Отчет Р. Гиольди III конгрессу Коммунистического Интернационала // Там же, Ф. 495. Он. 79. Д. 2. Л. 1–1 об.; письмо Р. Гиольди в ИККИ 28.7.1921 // Там же. Он. 134. Д. 15. Л. 20 об.

² Аргентинским коммунистам не удалось, вопреки тому, что они докладывали Коминтерну, установить связи с Парагваем, Боливией и Перу, несмотря на имевшиеся планы направления в эти страны делегаций, аналогичных посланным в Уругвай.

соответствующей принципам революционного марксизма и принятии КПА в Коминтерн радикально изменило систему отношений III Интернационала и его сторонников в Латинской Америке. Перемещая координирующий центр в отношениях с коммунистами Западного полушария в Южную Америку, сделав опорой на КПА как новый региональный центр, переориентируясь с Мехико на Буэнос-Айрес, руководство Коминтерна рассчитывало на закрепление и развитие успехов аргентинских коммунистов, как их представляли себе в Москве. Однако принятие аргентинской модели требовало внесения изменений не только в теорию, но и в организационные принципы и методы работы в Южной Америке. Если принципы и схема функционирования Панамериканского бюро базировались на идеех воззвания «Американская революция», напрямую связывавшего революцию в латиноамериканских странах с революцией в США, то теперь требовалась долгая и кропотливая работа по выработке новой концепции. Требовались и новые теоретики, и, выполняя «социальный заказ», эту роль пытались играть все 1920-е гг. лидеры КПА Х. Пенелон, В. Кодовилья, Р. Гиольди.

Ликвидируя Панамериканское бюро, Коминтерн сменил не только местонахождение своего регионального органа. ИККИ не решился придать новой структуре те же функции, что были у ведомства Катаямы. В Буэнос-Айресе создавался не политический орган со значительными полномочиями, но Бюро коммунистической пропаганды: не для руководства, а только для поддержания и развития коммунистического движения в регионе¹.

Принимая решения о компартии Аргентины и ее новых функциях в южноамериканском коммунистическом движении, ИККИ озабочился и изучением ситуации в своей новой секции. Оперативно отреагировав на информацию Вайля, Зиновьев поручил своим подчинённым проверить изложенные в его докладе факты. Расследование проводил Латиноамериканский отдел Колониального бюро ИККИ. Это структурное подразделение было только что создано по предложению южноафриканского коммуниста Д. Айвона Джонса для выполнения информационно-аналитических функций: сбора материалов, имеющих отношение к колониям, колониальной эксплуатации и колониальным движениям, представления Секретариату ИККИ информации и подготовки рекомендаций по различным аспектам колониальных движений. Предполагалось, что сотрудники Бюро будут

¹ Письмо Латинского секретариата Коммунистической партии Аргентины. 7.9.1921 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 16. Л. 17; Протокол заседания Малого бюро, 6.10.1921 // Там же, Он. 2, Д. 66. Л. 1; Письмо Латиноамериканской секции Коммунистической партии Уругвая, 6.9.1921 // Там же, Он. 131. Д. 1. Л. 3.

«держат в поле зрения развитие социальных и политических движений, особенно тех, которые затрагивают интересы колониальных трудящихся масс там, где отсутствует коммунистическое движение или оно слишком слабо, чтобы его голос был услышан». Джонс предложил создать из представителей колоний консультативный комитет при Бюро для контроля за его деятельностью и подготовки рекомендаций Исполкому Коминтерна по вопросам развития событий в колониях. По мнению Джонса, «величайшее национальное движение колониальных и угнетенных народов» не обслуживалось техническим аппаратом Коминтерна. Он настаивал на необходимости создания Бюро, способного обеспечить для III Интернационала роль главы и координатора этого движения «не только на словах, но и на деле», сначала выполняющего функции сбора данных и их анализа, чтобы затем «расширить свою деятельность выполнением и других функций, которые будут признаны необходимыми»¹.

Руководство Коминтерна признало доводы Джонса достойными внимания. Уже в августе было сформировано Бюро колониальных и полуколониальных стран, состоявшее из трех самостоятельных отделов: индо-арабских стран во главе с Трояновским; доминионов и негритянских народов, которое возглавил сам Джонс; Южной и Центральной Америки (заведующий Ярошевский). Отделы были подчинены непосредственно Секретариату ИККИ, и им предписывалось «следить за проведением в порученных странах постановлений ИККИ и вести контроль местных работников». В функции Бюро входил сбор и обобщение информации о колониальных и полуколониальных странах и общественных движений в них, а также организация переноски «со странами, с которыми нет непосредственной связи, как то: Куба, Филиппины и др. с целью исследования их и завызывания отношений».

Заведующим отделами следовало «заручиться помощью делегатов соответствующих стран, дабы они давали информацию, читали прессу, отмечали в ней места, достойные внимания, делали вырезки и т. д.». Важной задачей признавался сбор информации о лидерах движений в этих странах «на случай нужды Секретариата в справках или проверки мандатов». Работа в отделах классифицировалась по секциям: коммунистическое движение; национальное движение;

¹ Предложение о создании Колониального бюро Коминтерна. Письмо Д.А. Джонса секретарю ИККИ М. Рыкоши. Июль-август 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 64. Д. 8. Л. 8-9; Кризис колониального национализма. Письмо Д.А. Джонса Председателю и всем членам Исполкома Коминтерна // Там же, Он. 155. Д. 102. Л. 17-19, 22. Цит. по: Коминтерн и Африка. СПб., 2003. С. 67-70.

профсоюзное движение; крестьянское движение; племенное и религиозное движение.

Отделы должны были поддерживать тесную связь со странами, входившими в их компетенцию, осуществляемую при посредничестве ОМСа. Вместе руководители отделов собирались «по мере надобности для обсуждения вопросов общей для всех работы и точек соприкосновения»¹.

До создания Бюро колониальных и полуколониальных стран в структуре московского аппарата ИККИ не было подразделений, занимавшихся отдельными странами или регионами². Это легко объяснимо – деятельность III Интернационала еще не имела размаха, требовавшего узкой специализации в работе аппарата. Поэтому сформировавшиеся к тому времени постоянно действующие органы ИККИ (Малое бюро, Секретариат, Оргбюро, отделы: организационный, агитационно-пропагандистский, печати) занимались делами всех национальных секций, а в случае необходимости создавались временные комиссии для рассмотрения возникших проблем. Лишь в январе 1921 г. была предпринята первая попытка создать такой орган – учрежден отдел Ближнего Востока при ИККИ, в ведение которого передали Туркестанское бюро в Ташкенте. На основе этого отдела впоследствии сформировалась секция (отдел) Ближнего и Дальнего Востока, позднее преобразованная в Восточный сектор ИККИ во главе с Г. Сафаровым.

Характерным для современного состояния изучения организационных проблем международного коммунистического движения является отсутствие упоминания о существовании Бюро колониальных и полуколониальных стран даже в фундаментальной работе «Организационная структура Коминтерна», авторы которой говорят лишь о проекте «создания трех крупных секций, каждая из которых должна быть подчинена непосредственно руководству ИККИ»³. В огромном массиве документов Архива Коминтерна авторам не удалось выявить свидетельства о конституировании и функционировании Бюро, существовавшего по меньшей мере несколько месяцев и пытавшегося развернуть свою деятельность как можно шире, хотя возможности для этого были минимальными⁴.

¹ Протокол предварительного заседания Бюро колониальных и полуколониальных стран при ИККИ 24 августа 1921 г. // РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 154. Д. 676. Л. 1. Цит. по: Коминтерн и Африка... С. 71–73.

² Первой попыткой создать такой орган было учреждение в январе 1921 г. отдела Ближнего Востока при ИККИ и подчинении ему Туркестанского бюро в Ташкенте.

³ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 48.

⁴ На настоящий момент не удалось определить ни структуру отдела, ни его кадровый состав. Достоверно известно только о работе Ярошевского в качестве заведующего.

Ярошевский разработал программу деятельности Коминтерна в Латинской Америке, принятую Секретариатом ИККИ 28 сентября 1921 г. На континенте, с точки зрения перспектив работы Секретариата ИККИ, существовали страны трёх типов: где уже действовали коммунистические партии, ставшие частью Коминтерна (Аргентина, Мексика); где имелись коммунистические партии и группы, обладающие необходимой прессой, имеющие популярных вождей, депутатов в парламенте и т. п., но ещё не входящие в Коминтерн (Уругвай, Чили); капиталистические страны, где рабочее движение было ещё мало дифференцировано, а формы классовой борьбы ещё недостаточно развиты (Бразилия, развитые страны тихоокеанского побережья Южной Америки и т. п.). В соответствии с этой классификацией предлагалось: в странах первого типа обеспечить руководство и контроль со стороны ИККИ; в странах второго типа – проводить пропагандистские и тактические мероприятия; в странах третьего типа – собирать и изучать информацию, чтобы определить, какие пролетарские и полупролетарские организации должны быть избраны для присоединения к Коминтерну.

Именно Ярошевский сформулировал в своей программе необходимость при содействии аргентинской коммунистической партии создать Комитет пропаганды для Южной Америки, одной из главных задач которого должна была стать доставка информации коммунистической – в Южную Америку и о Южной Америке – Коминтерну. Другой стратегической задачей первого руководителя латиноамериканского направления деятельности ИККИ считал необходимость «серьёзно контролировать профсоюзное движение и таким образом привести его к коммунизму»¹.

Для КПА назначение Ярошевского главой Латиноамериканской секции несколько осложняло ситуацию и вносило в рассмотрение аргентинского вопроса элементы субъективизма, учитывая характер его личных отношений с лидерами партии. Он проинформировал Исполком III Интернационала об отсутствии официального заявления, подтверждающего присоединение РКГ к КПА, что лишало Машевича права до решения Москвы передавать партии документы, предназначенные группе российских большевиков в Аргентине. Ярошевский охарактеризовал РКГ как меньшевистско-эсеровскую группировку и указал на то, что до его отъезда из Аргентины никакая привезённая из Москвы литература не вышла в свет, как и ежедневная газета КПА, которой предстояло печататься в типографии, куплен-

¹ Ярошевский М. Задачи и организационный план Латиноамериканской секции Секретариата Коминтерна. 28 сентября 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 1. Л. 1–2.

ной на переданные Машевичем средства. В связи с этим заведующий латиноамериканским отделом предложил привлечь последнего к ответственности за «недостаточно добросовестное» выполнение поручений, призвать к порядку КПА за саботирование издания воззваний и расходование полученных денег без предварительных консультаций с Москвой, потребовать от партии приступить к скорейшему выпуску газеты и провести чистку некоммунистических элементов¹. Окончательное решение было все же отложено Коминтерном до поступления новой информации, прежде всего от Александровского.

Уполномоченный Малым Бюро ИККИ для работы в Аргентине и получивший на это 5 тыс. фунтов стерлингов Александровский прибыл в Буэнос-Айрес 13 июля 1921 г. с фальшивыми документами. Это вынудило его находиться на нелегальном положении, что затрудняло связь с профсоюзами и не могло не ослабить его позиции во взаимоотношениях с КПА. Формально он был подчинен Панамериканскому бюро (Катайме), однако инструкции получил в Москве, необходимости и возможности представиться начальству у него не было. Наладить связь с ПАБ из-за отсутствия шифра Александровскому так и не удалось, и свои отчеты он направлял прямо в Москву. Представляется, что помимо технических сложностей сыграл свою роль и субъективный фактор – нежелание подчиняться промежуточной инстанции в Мехико при наличии прямой связи с Москвой.

Первый конфликт с КПА всыхнул почти сразу, как только представитель ИККИ выяснил, что переданные Машевичем средства истрачены на типографию и автомобиль, между тем как присланная литература не переведена и не напечатана. В ответ на фактический ультиматум ИК КПА, объявившего, что все издания будут осуществляться исключительно за счёт привезённых Александровским денег, делегат Коминтерна в категорической форме отказался выдавать какие-либо средства КПА, кроме переданных ранее, пока не начнется публикация привезённой литературы. Вайль, в свою очередь, проинформировал ИККИ о том, что часть привезённой литературы является вторыми изданиями уже опубликованных книг, часть же просто не нужна в условиях Аргентины в силу сложности их содержания.

Между двумя представителями ИККИ возник конфликт из-за неизбежного в такой ситуации параллелизма в распределении обязанностей и координации работы. На этот раз Москва отреагировала оперативно. Секретарь ИККИ М. Ракоши подтвердил полномочия Вайля и посоветовал своим представителям сотрудничать на това-

¹ Заниска М. Ярошевского в ИККИ. 9.11.1921 // Там же. Он. 134. Д. 17. Л. 7–8.

рических основаниях¹. Эту рекомендацию было трудно осуществить из-за разных подходов к выработке стратегии и тактики КПА, расходованию партии средств, привезенных Александровским.

Важно отметить, что конфликтную ситуацию в значительной мере создал сам Коминтерн. Требовалась особая осторожность в определении характера отношений Москвы и латиноамериканских левых в условиях, когда не устоялась организационная структура международной коммунистической партии, не был отработан механизм взаимодействия руководящих органов, региональных структур, национальных секций и неорганизованных в партии сторонников Октябрьской революции и большевистских идей; в одну страну одновременно и независимо друг от друга приезжали представители Коминтерна, даже не подозревавшие о деятельности коллег. Стихия грюндерского, романтического периода захлестывала лидеров III Интернационала. Несмотря на отсутствие реальных успехов мировой революции, им казалось, что миллионы сторонников готовы последовать за большевиками: надо только придать этому движению организационный импульс.

Но аргентинский случай в определенном смысле был уникальным. В течение короткого времени, менее года, в Буэнос-Айресе оказались четыре агента Коминтерна. Один из них не имел долгое время полномочий (Вайль), другой представлял не известную аргентинским коммунистам структуру Коминтерна, что сводило его полномочия к минимуму (М. Коэн), третий, но сути, выполнял курьерскую функцию, но пытался играть более значительную роль (Машевич). Только Александровский обладал полноценным мандатом высшего руководства III Интернационала. Но и у него был серьезный недостаток, ставший источником конфликтной ситуации, – он представлял и активно лоббировал сектор аргентинского рабочего движения, не игравший ведущей роли в движении до Октябрьской революции, но претендовавший на лидерство после нее².

Отсутствие устойчивой и оперативной связи со штаб-квартирой Коминтерна в Москве, Панамериканским бюро (а в случае с Александровским и явное нежелание сотрудничать с Мехико) ли-

¹ Письмо Секретариата ИККИ Александровскому. 21.10.1921 // Там же. Д. 13. Л. 16.

² О конфликте М.А. Александровского и лидеров КПА см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.М. Александровский. Делегат Аргентины в Коминтерне. Делегат Коминтерна в Аргентине // Персонажи российской истории (история и современность): Тезисы Третьей Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1996. С. 227–230; они же. Провал «аргентинских Лениных». Коминтерн, коммунистическая партия и российская эмиграция в Аргентине, 1919–1922 гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939: Сб. статей. СПб., 2000. С. 93–101.

шало возможности получать четкие, оперативные директивы. Это превращало деятельность представителей всемирной компартии, несмотря на всю полезность их миссий для аргентинской компартии, в самостоятельность, вносило путаницу и неразбериху, создавало благоприятную почву для выяснения отношений, противоречий. Помимо параллелизма в функциях, проблемы распределения обязанностей и координации работы между представителями Коминтерна, нельзя сбрасывать со счетов и их личное соперничество в борьбе за влияние на КПА и формирование позиций руководства III Интернационала по отношению к революционному движению Южной Америки.

Проблемы в вопросах распределения средств и в способах ведения пропаганды и работы по объединению профсоюзов нарастали как снежный ком. Александровский настаивал на создании отделения Профинтерна из профсоюзов, уже присоединившихся к нему, а КПА полагала это преждевременным. Московский эмиссар был уверен в том, что Исполком КПА сознательно оттягивает созыв объединительного конгресса до возвращения Гиольди из Москвы, не желая создания в Аргентине какой-либо организации, способной установить прямые связи с Коминтерном, а именно это должно было бы произойти в случае создания общего профцентра. Потратив немало усилий на признание Коминтерном аргентинской компартии своей секцией, руководители КПА (прежде всего Х. Пенелон), стремились закрепить за собой единоличное право представлять III Интернационал в Аргентине, а при благоприятном стечении обстоятельств – и во всей Южной Америке. Поэтому деятельность Александровского и его связи с русскими эмигрантами не могла не вызывать у них острейшего раздражения.

Позиция партии укреплялась тем, что руководство Коминтерна недостаточно четко оговорило объем возложенных на своего представителя полномочий, не предполагая возможности подобного конфликта. У Вайля и лидеров компартии вызывала идiosинкразию догматичность Александровского, настаивавшего на детальном выполнении имевшихся у него инструкций, но это было лишь новодом для открытого выражения аргентинскими коммунистами своего недовольства. Созданная еще до появления III Интернационала КПА не могла рано или поздно не разойтись во мнениях с инспектором из Москвы русского происхождения, не входящим в число руководителей партии, не проявившим себя активно в аргентинском рабочем движении, но явно вместе со своими соотечественниками претендовавшего на роль ментора именно в силу своего происхождения из страны победившей большевистской революции.

Представитель ИККИ настаивал на своей правоте, считая конгресс коммунистических ячеек в профсоюзах иллюзией, ибо основная

часть рабочих находилась под влиянием анархистов. Выравнить положение должно было бюро Профинтерна, которое Александровский собирался организовать, и ввести в сношения с Москвой вне зависимости от итогов ожидаемого профсоюзного форума. Не меньше сноров вызвал вопрос о создании нелегальной организации, в необходимости формирования которой представителю Москвы никак не удавалось убедить КПА, привыкшую действовать в условиях легальности. Не видя перспектив разрешения спорной проблемы на месте, Александровский настаивал на прямом вмешательстве Коминтерна.

Вместо этого московское руководство предписало Александровскому продолжать – в сотрудничестве с КПА – работу над созданием бюро для профсоюзной работы и помогать компартии финансами. В качестве главных задач выдвигались сбор средств для помощи голодающим Поволжья и развитие организационных структур компартии с целью вовлечения в её работу рабочих. Начальство Александровского предпочло не замечать неприятные сведения о конфликте с КПА.

Александровский был вынужден проинформировать о фактическом срыве КПА проаганды на новоду конгресса Профинтерна и предупредил, что мелочная полемика, ведущаяся вождями КПА, и их наивное ожидание объединительного конгресса профсоюзов весьма опасны. Его анализ рабочего движения оказался верен: не сумевшая создать прочного союза с «трабахистами» (а именно их поддерживали ФРРОЮА и значительная часть русской эмиграции), благожелательно настроенными к Москве, КПА осталась на конгрессе в одиночестве, провалив вопрос о присоединении к Красному Интернационалу профсоюзов. Александровскому явно не удавалось убедить лидеров аргентинских коммунистов, придерживавшихся тактики фактического невмешательства в забастовки. Во время крупной стачки сельскохозяйственных рабочих в Патагонии газета КПА напечатала несколько критических в адрес правительства статей лишь после прямого нажима делегата Коминтерна.

Острота противоречий снизилась после возвращения из Москвы Гиольди, имевшего неплохие личные отношения с Александровским¹. Состоявшееся с участием Гиольди и Вайля заседание ИК КПА присутствовавший на нём Александровский мог считать своей победой. Были одобрены его предложения об изменении профиля партийной газеты, которой предстояло акцентировать внимание на вопросах жизни Аргентины. Удалось настоять на внесении в итоговую резо-

¹ Дочь М. Комина-Александровского в интервью В.Л. Хейфецу рассказывала, что Р. Гиольди во время каждого приезда в Москву бывал у них в доме до самой смерти отца.

люцию нункта о необходимости основное внимание обращать на освещение стачек. Наконец, было решено учредить бюро Профинтерна на базе первого же профсоюза, который выскажется за платформу коммунистического большинства в объединительной комиссии.

После информации Гиольди о поручении КПА учредить Бюро коммунистической пропаганды для Южной Америки таковая структура была сформирована в составе трёх членов ИК КПА и обоих представителей Коминтерна (Александровского и Вайля)¹. Генеральный секретарь КПА одновременно становился секретарём бюро, действовавшего нелегально и имевшего право на автономию по отношению к ИК КПА, что теоретически давало возможность большого манёвра Александровскому. Внезапная сговорчивость ИК КПА объяснялась в первую очередь объяснениями Москвы о том, что финансирование КПА будет осуществляться лишь через Александровского.

Месяц спустя представитель ИККИ смог, наконец, отметить положительные сдвиги в работе КПА: стала более содержательной её газета, возрос объём агитации и начало функционировать Бюро коммунистической пропаганды, вынудившее манифест и направившее своих делегатов в Уругвай и Чили. Предполагалось также направление уполномоченных в Бразилию, Парагвай и Перу. Наряду с этим Александровским было сформировано временное бюро Профинтерна из числа знакомых ему профсоюзных активистов, состоявших ранее в ФОРА-К и получивших от него 300 фунтов стерлингов (около 3 тыс. несо). КПА к тому времени было выдано 35 тыс. несо.

Однако оптимистические нотки из сообщений в Коминтерн исчезли довольно быстро. Вскоре представитель ИККИ вновь указал в докладах на нерешительность КПА в агитации за присоединение к Профинтерну и игнорирование левыми фактов разрушительной критики анархистов в адрес единого фронта. Это, на взгляд Александровского, совершенно расходилось с линией руководства III Интернационала. Не менее острой проблемой стал сбор средств помощи голодающим Поволжья. КПА израсходовала часть собранных сумм на издание партийной газеты и, чтобы не допустить скандала, пришлось покрыть образовавшуюся недостачу из кассы Коминтерна. Следует отметить, что руководство партии, несмотря на разногласия с Александровским, не шло в то же время на открытый разрыв, в полной мере осознавая, что тот уполномочен III Интернационалом; вместо этого была избрана тактика формального согласия с выдвигающимися предложениями при игнорировании их на практике, что

¹ Письмо Александровского. 30.11.1921 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 13. Л. 24 об.

вынуждало эmissара Москвы действовать «диктаторскими методами». Это лишь усиливало подспудное недовольство КПА русским инселектором, создавало почву для масштабного конфликта в будущем.

В январе 1922 г. представитель ИККИ переехал в Монтевидео, где сразу же установил контакт с Исполкомом компартии Уругвая. Первые наблюдения позволили ему оценить развитие КПУ как «хорошее». Он неоднократно подчеркивал, что считает уругвайскую компартию более энергичной и выдержанной «с точки зрения революционного коммунизма», чем КПА. В свою очередь, уругвайские коммунисты прекрасно осознавали, что не могли претендовать на особое положение, напротив, их допуск в III Интернационал будет в значительной степени зависеть от хороших взаимоотношений с московским уполномоченным.

Архивные документы показывают, что Александровский встречался в Монтевидео также и с лидером коммунистической группы Порту-Алегри А. де Некете. Судя по всему, он был единственным представителем Коминтерна, установившим личный контакт с коммунистическим движением Бразилии до создания КПБ в марте 1922 г.

Окончательно испортив отношения с ИК КПА, Александровский высказал мысль о реорганизации Бюро пропаганды с включением в него представителей компартий Аргентины, Уругвая, Чили и Бразилии. Это позволило бы расширить связи компартий и организовать новые группы, выработать конкретный план пропаганды, соответствующий условиям каждой страны, обеспечив должный уровень координации действий, заняться пропагандой среди индейцев¹. Эти рекомендации, однако, не были приняты Коминтерном.

Бюро фактически оказалось виртуальной структурой: его участники собрались в лучшем случае на одно-два заседания, никакие бюллетени и циркуляры Бюро не публиковало, его связи с теми или иными организациями осуществлялись лишь посредством личных контактов. Все международные «успехи» Бюро оказались преимущественно результатом личной работы М. Александровского. Эмиссар Коминтерна регулярно информировал Москву о собственной деятельности, но Бюро – являвшееся органом III Интернационала! – перед руководством не отчитывалось, да это и некому было делать: внутренней структуризации Бюро так и не произошло. ИККИ своим решением просто объединил в составе Бюро совершенно разных по выполняемым функциям, по характеру, по менталитету, по уровню понимания проблем латиноамериканского рабочего движения лю-

¹ Письмо Александровского. 26.11.1921 // Там же. Л. 23–24.

дей, каждый из которых нолагал именно себя основной силой новой структуры. Создание Бюро нронаганды оказалось нониткой лечить симитомы вместо болезни – глубинный конфликт но новоду снособа организации коминтерновской деятельности в Южной Америке не был разрешен, а лишь временно законсервирован.

Только 10 января 1922 г. Президиум ИККИ, рассмотрев нроблемы коммунистического движения в Южной Америке, норучил Секретариату найти их окончательное разрешение. По приезде Александровского в мае в Москву руководство III Интернационала создало комиссию, нричём экснертами её выступали сам унолномоченный ИККИ, лояльный к нему делегат КПУ Ф. Пинтос и Ярошевский, обозначивший свои нозиции в отношении КПА ещё осенью 1921 г. Комиссия отметила слабость КПА и её неснособность руководить рабочим движением, указав в качестве недостатков неумение наладить отношения со сторонниками Профинтерна из числа анархистов; отсутствие у КПА чёткой нозиции но отношению к вооружённой стачке в Патагонии в октябре 1921 г., забастовкам в Росарио и Ла Плате, т. е. именно то, что ранее уже отмечалось Александровским. Комиссия квалифицировала большинство Исполкома КПА как реформистов с туманной нолитикой, нронитанной «беснощным доктринёрством». Аргентинской комнартии была дана недвусмысленная рекомандация обратиться к примерам КПЧ, влиятельной в рабочем движении, хотя и не имеющей нрямых связей с Москвой, и КПУ, достигшей соглашения с частью анархистов. Бюро коммунистической нронаганды предлагалось реорганизовать на наритетных началах представителями четырех комнартий и с участием представителя ИККИ и неренести его в Монтевидео. Подготовленный нроект нисьма к КПА категорически требовал изменить её линию в нрофсоюзном вопрое¹.

Данные рекомандации, однако, утверждены не были. В сентябре Президиум ИККИ создал новую комиссию для новторного рассмотрения южноамериканского вопроеа, отвергшую выводы, касавшиеся КПА, сочтя их основанными на тенденциозной информации. Действия нартии в отношении забастовок были нолностью оиравданы, а сведения о реформистском большинстве в ИК КПА и саботировании им работы Профинтерна иризнаны не соответствующими действительности. Комиссия отвергла план нереноса Бюро нронаганды для Южной Америки в Уругвай, согласившись, однако, на его нопополнение представителями КПУ. Наконец, члены комиссии пред-

¹ Протокол заседания Малого бюро. 10.1.1922 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 2. Д. 12. Л. 5–5 об., 11; Протокол заседания Малого бюро. 17.5.1922 // Там же. Л. 98, 100; Доклад об Южной Америке // Там же. Он. 79. Д. 4. Л. 11–14.

ложили ИККИ впрямь относиться с осторожностью к выбору своих представителей¹.

Неожиданная резкая смена оценок представляется прямым следствием приезда в Москву делегации КПА на IV конгресс Коминтерна и её участия в работе комиссии. Аргентинские представители, отвергая все критические ремарки Александровского, прямо обвинили представителя ИККИ во лжи и анархистских настроениях. Именно делегаты КПА добились внесения в текст заключения комиссии пункта о необходимости более тщательного отбора представителей Москвы и даже настаивали на консультациях с самими партиями по данному новоду. Такой подход является продолжением линии руководства аргентинской секции Коминтерна, стремившегося настоять на максимальной независимости от московского руководства при формальном подчинении дисциплине всемирной коммунистической партии. Отрицание делегатами КПА самой возможности наличия реформизма в партии уже в силу факта её образования для борьбы с таковым в рядах СПА было не чем иным, как стремлением оправдать свою текущую политику прошлыми заслугами перед III Интернационалом. Обвинения же Александровского в пристрастности анархизму и сознательном утаивании сведений о деятельности Бюро пропаганды для Южной Америки убедительно опровергаются напечатанными представителем ИККИ в Москву докладами и письмами. В опубликованной Александровским в газете «La Internacional» серии очерков «Впечатления о поездке в Советскую Россию» он прямо призывал анархистов, в том числе и в рядах Федерации русских рабочих организаций Южной Америки, бороться с противниками диктатуры пролетариата и РСФСР, объединиться с коммунистами и примкнуть к III Интернационалу². Равным образом Москва располагала документами, подтверждавшими факт использования КПА на собственные нужды части денег, собранных для помощи голодающим Поволжья (причём эти сведения исходили от членов КПА, не связанных с русской эмиграцией).

По сути, вопросы, поднятые эмиссаром III Интернационала в Аргентине, при всей эмоциональности его подхода не являлись лишь плодом воображения, а отражали принципиальный подход к профсоюзной работе КПА, выдержанный в рамках стратегии, разрабо-

¹ Протокол заседания Малого бюро. 1.9.1922 // Там же. Он. 2. Д. 12. Л. 177–178; Южноамериканский вопрос (доклад комиссии по южноамериканскому вопросу). Октябрь 1922 // Там же. Л. 183–186.

² Александровский М. Впечатления о поездке в Советскую Россию. Буэнос-Айрес: La Internacional, 1921 (машинистский текст перевода с исп.; из архива семьи М.А. Коминда-Александровского).

танной III конгрессом Коминтерна. Большая часть указанных им недостатков не была исправлена, что проявилось в череде внутрinarтийных кризисов в ближайшие годы. В такой ситуации руководство III Интернационала должно было иметь веские основания для того, чтобы согласиться с большей частью протестов партии, фактически дезавуировав собственных сотрудников. Причиной подобного подхода послужила прежде всего, как представляется, установка лидеров Коминтерна на максимальное увеличение число национальных секций. Возможность маневра для Москвы исчезла после провала усилий Панамериканского бюро в Мексике наладить координированную деятельность коммунистического движения полушария. После роспуска бюро осенью 1921 г. КПА осталась единственной силой в Южной Америке, способной осуществить эту задачу, опираясь на свой организационный опыт. В этих условиях поражение «аргентинских Лениных» – российской коммунистической эмиграции в Аргентине – стало неизбежным, несмотря на ее более взвешенный, чем у партии в целом, подход к проблемам рабочего движения. Коминтерновское же представительство – Бюро коммунистической пропаганды для Южной Америки, по сути, растворилось в пространстве: официального решения о его ликвидации не принималось, но и никаких свидетельств деятельности данной структуры после начала 1922 г. не существует. Тем же участникам Бюро, которые остались в регионе – лидерам КПА, руководство III Интернационала доверило теперь гораздо более серьезные задачи – координацию коммунистической работы во всей Южной Америке.

Глава 3

НАЧАЛО ПЕРЕСТРОЙКИ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА С ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИМ КОММУНИСТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ

Ко времени проведения V конгресса Коминтерна коммунистическое движение Латинской Америки не сумело превратиться в серьезную силу, способную организовать массовые выступления не только в масштабах континента, но и в отдельных странах.

Так, несмотря на то что КПМ в целом выступила участником массового неправительственного единого фронта в ходе подавления мятежа А. де ла Уэрты в 1923–1924 гг., она не только не была ведущей силой этого фронта, но и не продемонстрировала единства собственных рядов (часть коммунистов склонялась к поддержке новстанцев). КПМ, задумавшаяся об установлении тесных связей с аграрным движением, пока что сумела распространить заметное влияние лишь на крестьян штатов Веракрус, Мичоакан и Оахака. Коммунисты не смогли превратить массовое движение квартиронанимателей в отдельных городах Мексики в общенациональное, а после репрессий 1922–1923 гг. квартиронаниматели практически прекратили контакты с КПМ.

Несмотря на участие тех, кто позднее окажется в числе лидеров компартии Кубы (в частности, Х.А. Мельи), в радикально настроенном и влиятельном кубинском студенческом движении и в рабочих выступлениях, будущие коммунисты явно оказывались там меньшинством. Кроме того, забастовочное движение на «жемчужине Антиль» пока еще не приобрело массового характера.

Нет свидетельств о ведущей роли коммунистов и в серии забастовок (в том числе всеобщих) в 1924–1926 гг. в Аргентине, результатом которых стало аннулирование закона о пенсионном обеспечении, принятого в 1923 г. и вызвавшего неодобрение со стороны трудящихся¹.

¹ Пенсионный фонд должен был формироваться из отчислений от заработной платы рабочих и служащих и находиться под контролем правительства. История Латинской Америки. 1918–1945. М., 1999. С. 125.

Мощное восстание бразильских рабочих в Нитерое и Рио-де-Жанейро осенью 1918 г. организовали и руководили им анархисты, как и предшествовавшими забастовками. Весьма нерснективное те-
 нентистское движение, развернувшееся в Бразилии в 1922–1924 гг., никак не было связано с коммунистами. Снонтаннные крестьянские восстания в неруанских Южных Андах (около 50 за 1919–1923 гг.) снособствовали росту интереса общественности страны к индейским проблемам и формированию движения «индихенизма». В то же время в стране отсутствовали коммунистические грунны, которые нтенциально могли бы онереться на индейские общины.

Даже в организационном плане уснехи коммунистов были далеко не бесснорны. Лишь в немногих странах существовали комнартии. В III Интернационале существовали только четыре национальные секции: мексиканская, аргентинская, чилийская, уругвайская, на конгрессе должен был обсуждаться вопрос о ириеме бразильской комнартии. В Гватемале, Сальвадоре и Гондурасе действовали микросконические коммунистические грунны, объединенные в Коммунистическую нартию Центральной Америки¹. Бюро коммунистической иронаганды для Южной Америки смогло только закрепить уснехи, достигнутые ИСПА (КПА) в нервые годы своей деятельности, но не продвинулось дальше ни в политическом, ни в географическом аснекте². Сами латиноамериканские коммунисты одной из важнейших иричин застоя в расиространении идей большевизма на континенте склонны были видеть в невнимании Коминтерна к проблемам революционного движения в своих странах, недостаточности организационных усилий международной комнартии для укрепления уже имеющихся национальных секций и создания новых.

¹ По официальным данным, приведенным в материалах конгресса, численность нартий составляла: КПАМ – 1 тыс. членов, КПА – 3,5 тыс., КПЧ – 2 тыс., КПУ – 600, КПБ – 600, КПЦА – 50. При этом за период, ирошедший со времени IV конгресса, в некоторых нартиях количество членов уменьшилось: в Мексике – на 500 человек, в Уругвае – на 400, в Бразилии – на 150. Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Ч. II. С. 299.

² Последним ее уснехом в Коминтерне считали принятие съездом Социалистической нартии Чили в Ранкагуа «нод виечатлением доклада делегата Южноамериканского бюро Коммунистического Интернационала» 21 условия, изменение названия на Коммунистическую нартию и вступление в III Интернационал. Ежегодник Коминтерна. Справочная книга по истории международного рабочего, политического и ирофессионального движения, статистике и экономике всех стран мира на 1923 год. Пг.: М., 1923. С. 955.

Бюро коммунистической иронаганды на съезде иредставлял друг Л.Э. Рекабаррена аргентинец Х. Греко, ириехавший в Чили официально как корреспондент «La Internacional». Revista Semanal «El Siglo», 2 de enero de 1972.

3.1. V конгресс Коминтерна и проблемы Латинской Америки

Во время V конгресса всемирной коммунистической партии представитель КПМ Б. Вольф подверг резкой критике руководство Коминтерна и его председателя Г. Зиновьева за недооценку Латинской Америки как потенциально сильного союзника европейского пролетариата и Коминтерна в борьбе против американского империализма, превращающегося в «центр тяжести мирового капитализма»¹. Сам же мексиканский делегат явно недооценивал нерезультативность революционных выступлений против проамериканских диктаторских режимов². Полагая, что руководство борьбой против американского империализма находится («к нашему несчастью») в руках либеральной интеллигенции, Лафоллета, Бора и Васконселоса, важнейшей причиной этой печальной для коммунистического движения ситуации Вольф считал отсутствие в Латинской Америке «центра действия коммунистических сил», способного призвать рабочих присоединиться к антидиктаторским восстаниям. В наличии *«общеконтинентального центра, который охватывал бы всю Латинскую Америку и был бы в курсе всего, что происходит во всех ее местах»*, делегат КПМ видел уникальную возможность противостоять влиянию реформизма Гомперса, защищающего американский империализм. «Я уверяю вас, что европейский пролетариат, отдав должное внимание этому делу, получит от него богатые плоды и найдет здесь ценных союзников», — этим призывом закончил Вольф свою пламенную речь³.

¹ Пятый Всемирный конгресс... Ч. II. С. 375–378.

Критическое выступление Вольфа по поводу недостаточного внимания Коминтерна к Латинской Америке было своеобразно интерпретировано позднее Айя де ла Торре: «В речи, после короткого упоминания о движении в Аргентине и Чили, Зиновьев сказал приблизительно такие слова: "Почти ничего не знаем о Латинской Америке". И на возражение делегата Мексики, который критиковал это незнание, ответил: "Это не наша вина, это наша неинформированность"». В передаче биографа Айя Л.А. Санчеса этот эпизод выглядит иначе: «Зиновьев, толстый и безголовый», утверждает, что коммунистические партии сильны: «Неправда», — отрезает Бертрам Вольф». Sanchez L.A. *Naya de la Torre y el APRA. Santiago de Chile, 1955*. P. 162. Изучение стенографического отчета конгресса позволяет опровергнуть Айя де ла Торре. Во-первых, в речи Зиновьева Латинская Америка вообще не упоминалась. Во-вторых, стенограмма, обычно фиксирующая реплики с места, не приводит этого диалога.

² Вольф с трибуны конгресса патетически провозгласил: «В этом году революция угрожает автократии Венесуэлы и Перу. Даже сейчас я уверен (хотя свыше месяца нахожусь уже вне контакта с Латинской Америкой), что революция, которая ожидалась в Венесуэле против тиранических действий Америки, либо началась уже, либо начнется в ближайшем будущем. Положение в Перу едва ли является менее критическим». Пятый Всемирный конгресс... Ч. II. С. 378.

³ Вольф был единственным латиноамериканским делегатом, выступавшим на конгрессе, и высказанные им предложения являлись консолидированным мнением

1 июля 1924 г. латиноамериканские делегаты конгресса провели встречу для обсуждения проблем континентального коммунистического движения, в которой участвовали посланцы компартий Аргентины (М. Контерас), Мексики (Б. Вольф), Бразилии (Р. Коутиньо), в качестве представителя Исполкома Коминтерна Э. Воог (А. Штирнер)¹. Это было первое организационное мероприятие такого рода, проведенное III Интернационалом на латиноамериканском направлении его деятельности. Раньше проблемы революционного движения континента рассматривались только в специальных комиссиях и с приглашением представителей латиноамериканских партий или вообще без них. На этот раз очевидно инициатива исходила снизу, от самих делегатов.

На основе обсуждения перспектив латиноамериканской революции с делегатами компартий региона в Коминтерне после V конгресса были сформулированы основные направления стратегии и тактики коммунистического движения. Авторы документа исходили из признания одним из основных экономических последствий Первой мировой войны увеличения влияния капитализма США, ставшего «настоящим победителем гигантского соревнования». В результате наиболее затронутым «организованным вторжением эксплуататоров янки» оказался латиноамериканский континент. Коминтерн обращал внимание латиноамериканских трудящихся на опасность

делегатов всех трех южноамериканских партий, представленных на высшем форуме международного коммунистического движения. (Второе выступление Вольфа было полностью посвящено мексиканским проблемам) // Там же.

Идея преобразования Бюро коммунистической пропаганды для Южной Америки издало до V конгресса обсуждалась пленумом ЦИК КПБ, предложившим включить в него представителей компартий Аргентины, Бразилии, Чили, Уругвая, делегата Коминтерна или Профинтерна. В задачи реорганизованного Бюро, по мнению руководства бразильской партии, должно было входить распространение коммунистической пропаганды «до самых отдаленных уголков Южной Америки», информирование ИККИ, издание бюллетеня, координация деятельности партий и групп, создание групп сочувствующих коммунистической идеологии. См. Canellas A.B. Relatorio de Delegacia a Russia. Rio de Janeiro, 1923. P. 77–78.

¹ Заседание южноамериканских делегаций на V конгрессе. 1 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 492, Он. 1, Д. 141, Л. 1. Латинская Америка была представлена на конгрессе всего 3 делегатами, но они, в особенности Вольф, проявляли большую активность. Судя по репортажам Вольфа, опубликованным в мексиканской газете «El Democrata», он встречался и разговаривал с председателем Коминтерна Г. Зиновьевым и секретарем ИККИ В. Коларовым, генеральным секретарем КИП С. Лозовским, Л. Троцким, которого он почему-то называет «наследником Ленина на посту председателя Совнаркома», наркомом труда Шмидтом и наркомом по иностранным делам Г. Чичериним. Нет никаких указаний на формат этих встреч, но, во всяком случае, беседа с Чичериним была достаточно продолжительной, и в ее ходе обсуждались вопросы междоусударственных отношений СССР и Мексики. Wolfe B.D. No es Rusia como lo pintan // El Democrata (México), 28 de septiembre de 1924.

применения доктрины Монро, посредством которой самая могущественная в мире буржуазия открыто заявляла: Америка для американского капитализма, оправдывая все акты вмешательства США во внутренние дела Панамы, стран Карибского бассейна и Центральной Америки при потворстве правительств Перу, Боливии, Венесуэлы и т. н. Капитализм янки обвинялся в том, что, обещая латиноамериканским народам цивилизацию и процветание, одновременно подкупал правящие элиты, а в случае отсутствия благожелательного отношения к решению своих задач возвращал оппозицию, создавал вооруженные псевдореволюционные движения, направленные на создание власти, готовой поддерживать империалистическую деятельность.

«Такое в латиноамериканской истории происходило нередко, — отмечал ИККИ в своем обращении, — и именно так случилось в Панаме и на Кубе, независимость которых была достигнута благодаря капитализму янки, который хотел затем *подчинить* [здесь и далее курсив оригинала] эти страны, в Мексике во время революции 1910–[19]20 гг., *когда капитализм дошел до прямой вооруженной интервенции*, в Перу во время государственного переворота 4 июля 1919 г., *установившего нынешний тиранический режим*, в Гондурасе во время кровавых политических событий текущего года, а также в других странах. В странах более развитых империализм действует *линеее*, предоставляя возможность выгодного участия в фирмах местным капиталистам или политикам, которые в качестве акционеров предприятий янки вынуждены занимать определенные позиции, благоприятствующие империализму (Аргентина, Бразилия и Чили являются примерами этого). В странах более слабых империализм действует в манере “*manu militari*”, фактически оккупируя их и контролируя их финансы, пограничную систему и таможенную. Так произошло на Санто-Доминго, Гаити и Пуэрто-Рико, которые были жестоко порабощены, чьи природные ресурсы сегодня всецело принадлежат трестам янки, в Никарагуа, где американский капитализм хочет сохранить возможность постройки нового межокееанского канала, не допустив в данный момент, чтобы эту работу начало какое-либо европейское государство»¹.

В идее панамериканизма Исполком Коминтерна усматривал ноньтку США «смягчить горечь завоевания и придать братский вид подчинению более слабых более сильным, придать завоеванию вид незаинтересованного щедрого протектората более сильного *в отно-*

¹ III, Коммунистический, Интернационал — рабочим и крестьянам республик Латинской Америки. Обращение Исполкома Коминтерна. Проект. Москва, октябрь 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 6. Л. 2–3.

шении более слабых»¹. Особую опасность для развития революционного движения Москва видела в стремлении подчинить латиноамериканские профсоюзы Американской Федерации труда С. Гомперса, «сумевшего временно заслонить от рабочих масс реальное видение опасности, которую представляет завоевание капитализма, опасное как для пролетариата Северной Америки, так и для пролетариата Центральной и Южной Америки». Часть АФТ, идущая за Гомперсом, наряду с членами анархо-синдикалистских профсоюзов и «аналитическими» профсоюзными группами объявлялась Коминтерном «орудием преступной работы агентов империализма», осуществляющим «негативную, упрощенческую пропаганду, вредящую интересам пролетарского класса», сводящим его деятельность к революционной бездеятельности и неэффективным изолированным действиям².

Стратегической задачей рабочего движения ИККИ считал создание «организованного, прочного и могучего фронта против капиталистического класса», а выполнить ее можно было, как считали в штаб-квартире III Интернационала, только ликвидировав раскол латиноамериканских стран, их взаимное недоверие и борьбу между собой, ноощряемую империализмом янки. Латиноамериканские страны должны были стремиться к объединению или созданию конфедерации, в то время как США поддерживали «раскол на двадцать одну республику», культивируя шовинизм. В условиях «колонизации Латинской Америки» Соединенными Штатами Коминтерн предсказывал все большее усиление эксплуатации, от которой страдают только трудящиеся, наемные работники города и деревни, испытывающие двойной гнет. Наступлению империализма янки в Латинской Америке, поддерживаемому правительствами и эксплуататорскими классами, трудящиеся классы должны были, по мнению ИККИ, противопоставить «энергичное объединение без каких-либо различий». Единому врагу (блоку американского империализма и латиноамериканской реакции) Коминтерн предлагал противопоставить единый мощный революционный антиимпериалистический фронт. «Наш революционный долг состоит в *неустанной* борьбе с империализмом на всех фронтах. Поэтому латиноамериканским рабочим предстоит объединиться в могучую международную силу и *решительно* бороться против завоевания Латинской Америки американской буржуазией», – декларировал ИККИ, одновременно объявляя всех тех, кто отказывается признать важность прочного объединения против американского империализма, агентами буржуазии³.

¹ РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 79. Д. 6. Л. 3.

² Там же. Л. 6–7.

³ Там же. Л. 10–11.

«От Мексики до Аргентины и Чили, вместе с революционным американским пролетариатом, рабочие и крестьяне Латинской Америки обязаны компактно организовать революционную антиимпериалистическую деятельность, которая будет открыто поддерживать страны, прямо угнетаемые сегодня в результате завоевания, осуществляемого американской буржуазией». Только тогда «единая и непобедимая железная рука» эксплуатируемых классов Латинской Америки сможет сокрушить союз империализма и национальных капитализмов¹.

Для реализации этого стратегического плана международной коммунистической партии в Новом Свете посланцы коммунистического движения континента на V конгрессе Коминтерна предложили провести осенью 1925 г. в Буэнос-Айресе конференцию компартий всех стран континента². Сама идея не была новой, однако на этот раз в целях перехода от декларации о намерениях к реальной работе и практической реализации проекта делегаты Латинской Америки настаивали на необходимости формирования конкретного организационного механизма. Представители латиноамериканских партий считали необходимым «тут же сделать реальностью» Южноамериканское бюро и рекомендовали для организации и руководства этой работой назначить Х. Пенелона, избранного на конгрессе членом ИККИ³.

Для подготовки обсуждения вопроса о положении в Латинской Америке Президиумом ИККИ была создана комиссия (июль 1924 г.). Она предложила на обсуждение доклад с двумя основными темами: о значении Латинской Америки как поля битвы с английским и американским империализмом, рассматривавшимся в этот период III Интернационалом в качестве важнейшего противоречия международной жизни, и о состоянии коммунистического движения на континенте. Президиуму рекомендовалось принять предложение о создании в Буэнос-Айресе Секретариата Латинской Америки. Учитывая неудовлетворительный уровень развития коммунистического движения на континенте, отсутствие достаточного числа хо-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 6. Л. 11.

² Предложение латиноамериканских делегатов ИККИ по южноамериканскому вопросу 1 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 6. Л. 39. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. М., 1998. С. 48.

³ Внося предложение об его избрании в ИККИ, Б. Вольф подчеркнул: «Пенелон не только от Аргентины, но от всей Южной Америки». Такой уровень представительства придавал большую значимость полномочиям Пенелона как руководителя Южноамериканского секретариата, делая его как бы вождем всего южноамериканского коммунистического движения. На время отсутствия Пенелона в Москве заместителем представителя Южной Америки в ИККИ был назначен Э. Боог (А. Штирнер) // РГАСПИ. Ф. 492. Он. 1. Д. 141. Л. 2.

рошо теоретически подготовленных коммунистов, способных возглавить национальные секции всемирной компартии и направить их деятельность по пути, определенному Коминтерном, очевидно, что менторская функция Секретариата рассматривалась как первоочередная. Однако на него возлагалась и важная функция посредника в отношениях латиноамериканских коммунистов с Москвой.

На основе этого Президиуму ИККИ предлагалось предоставить Секретариату «материальную возможность направить делегации в Чили, Уругвай, Бразилию и Боливию, чтобы подобрать в этих странах группу товарищей, способных сформировать серьезное коммунистическое ядро и обучить свою партию»¹. Такой подход явно демонстрировал наличие в Коминтерне и его национальных секциях представления не только о возможности, но и о необходимости создания партий там, где еще не созрели объективные условия для формирования коммунистического движения, в результате воздействия внешнего, чисто организационного импульса, исходящего от специально ориентированного на это регионального органа Коминтерна. Возможности Бюро коммунистической пропаганды для Южной Америки (1921–1922), ограниченные функциями, сформулированными при его создании, были изначально явно недостаточными для решения такого рода задач. Это стало одной из причин, обусловивших сведение к минимуму функций Бюро как региональной структуры Коминтерна после отъезда М. Александровского и прекращения работы Ф. Вайля. В лучшем случае сохранялась функция связи КПА с компартиями соседних стран, и то об этом невозможно судить достоверно, так как в Архиве Коминтерна практически нет документов, свидетельствующих о проявлениях активности Бюро в этот период.

3.2. Формирование и первые шаги Южноамериканского секретариата Коминтерна

Вновь создаваемая региональная структура должна была решать в новых условиях и с учетом изменившихся стратегических и тактических установок Коминтерна принципиально иные задачи. Во многом это было повторением пройденного – использование опыта деятельности Панамериканского Бюро Коминтерна, но уже на основе более реалистичного подхода и сознательного ограничения поля деятельности новой структуры. Такая модель могла стать более жизнеспособной и обеспечить координацию деятельности латиноамериканских коммунистических партий.

¹ Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 49.

риканских компартий при условии налаживания регулярной связи и получения необходимых материальных средств, естественно, при наличии благоприятной ситуации в революционном движении отдельных стран и континента в целом.

При этом уже в ходе обсуждения идея о создании структуры III Интернационала, курировавшей бы коммунистическое движение всего континента, – Секретариата Латинской Америки, трансформировалась в план развертывания деятельности Южноамериканского секретариата на базе компартии Аргентины, как *«единственной южноамериканской партии [на которую] Коминтерн может опереться в обучении и организации других партий»*¹.

Важным направлением деятельности нового регионального органа предполагалась эффективная пропаганда коммунистических идей, для реализации которой Секретариат должен был издавать журнал на испанском языке для «изложения элементарных основ коммунизма». Это значительно расширяло функции издания, предложенные латиноамериканскими делегатами конгресса: бюллетень, публикующий важные документы Коминтерна и Профинтерна².

Именно в рамках этих проектов происходило воплощение в жизнь идеи Южноамериканского секретариата Коминтерна. Новой структуре III Интернационала, основанной по решению Президиума ИККИ, предстояло заняться усилением работы по коммунистическому просвещению и «большевизации» компартий Южной Америки, координацией их действий между собой и с органами Коминтерна; предполагалось непосредственное подчинение ЮАСКИ Москве, направлявшей директивы по его деятельности. О создании своего регионального органа ИККИ уведомил коммунистов континента в циркулярном письме³.

Наделенный лидер КПА Пенелон, назначенный главой Секретариата, отвечал за его работу *«под контролем аргентинской компартии»*, что практически ставило знак равенства между региональным органом Коминтерна и ЦК его аргентинской секции. Собственно даже руководство «всемирной компартии» было вынуждено признать посредническую роль ЮАСКИ между собой и коммунистами южной части

¹ Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 49.

² В отличие от издательских планов Панамериканского бюро Коминтерна речь шла не о простой публикации на испанском языке журнала «Коммунистический Интернационал», а о подготовке специального издания, касающегося проблем Латинской Америки, с одновременным помещением в нем документов центральных структур III Интернационала.

³ Циркуляр Секретариата ИККИ о создании Южноамериканского секретариата, 18 февраля 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 8. Л. 3–4.

Нового Света. С момента его появления нерениска и обмен корреспонденциями должны были вестись непосредственно с Буэнос-Айресом, Москве же приходилось довольствоваться для оценки ситуации информационными докладами, составленными там, и надеяться на укрепление благодаря деятельности Секретариата «политических связей между ИККИ и отдельными партиями». Такое решение не запрещало южноамериканским секциям nosылать информацию непосредственно в Москву, это было необходимо хотя бы в целях контроля за деятельностью ЮАСКИ. Но Москва тем не менее освободила себя по крайней мере на этом этапе от необходимости постоянно отслеживать ситуацию в коммунистическом движении континента, полагая, что в Буэнос-Айресе эту задачу будет решить проще и что Южноамериканский секретариат будет это делать эффективнее, чем центральный аппарат ИККИ.

Формально ЮАСКИ не обладал ни малейшими полномочиями для принятия тех или иных политических решений. Однако расстояние, отделявшее Южную Америку от Москвы и трудности связи при наличии сравнительно авторитетной и признанной Интернационалом в роли неформального лидера континентального коммунистического движения компартии Аргентины делали неизбежной постепенное возрастание роли руководимой Пенелонем структуры. Этому способствовала и информационная функция ЮАСКИ – лидеры аргентинских коммунистов уже продемонстрировали в 1922 г. свое умение организовывать информационную войну и манипулировать различными сведениями. Да и «разъяснение решений Интернационала для южноамериканских секций»¹ ЮАСКИ вполне был в состоянии организовать, интерпретируя их согласно точке зрения руководства КПА и лично Пенелона. А решение организационных вопросов, в том числе подбор руководящих кадров партий, оценка их деятельности и идейных позиций становились практически бесконтрольной прерогативой Секретариата.

Признавая необходимость «приступить к изучению конкретных проблем каждой партии до решения этих предварительных вопросов», в ИККИ подчеркивали невозможность *любого вмешательства Коминтерна в жизнь этих партий* без создания Южноамериканского секретариата, который будет в «относительной близости наблюдать» за их жизнью и организацией². Де-факто это и означало делегирование ЮАСКИ части функций руководства III Интернационала. При этом Пенелону давался карт-бланш на экспертную оцен-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 8. Л. 3–4.

² Там же. Л. 49–50.

ку соответствия южноамериканских организаций стандартам III Интернационала. Секретарь Секретариата испаноязычных стран ИККИ Эрколи (П. Тольятти)¹ рекомендовал Южноамериканскому секретариату «отношения с изолированными товарищами, формирующимися группами» устанавливать «неносредственно, без необходимости вмешательства Коминтерна», и лишь когда речь идет об организациях уже сформированных, помимо установления их отношений с ЮАСКИ, связать их также с Коминтерном. Для этого Секретариат испаноязычных стран принял решение о системе дублированных докладов, для того чтобы к каждому добавлялось личное мнение Пенелона². Московское руководство тем самым не только освобождало себя от излишней канцелярской работы, но и выстраивало иерархию отношений с различными отрядами революционного движения Латинской Америки, разделяя их по степени организационной готовности к установлению непосредственной связи с Коминтерном и вступлению в III Интернационал в качестве полноправной национальной секции.

Штаб-квартира всемирной компартии настаивала также на необходимости направлять ей регулярные доклады «с целью дать нам возможность выработать нашу политическую оценку по поводу южноамериканских партий»³. Оставляя за собой монопольное право давать политические оценки деятельности коммунистического движения в Южной Америке, руководящие органы Интернационала тем не менее находились в зависимости от своего буэнос-айресского представительства, базируя анализ деятельности партий и революционного движения континента в целом в основном на информации, поступающей от ЮАСКИ. Таким образом, Москва изначально создала модель работы, имеющую более локальный характер, чем предлагалось ранее латиноамериканскими делегатами V конгресса, ограничивавшуюся регионом, на который и ранее распространялось влияние КПА и действовавшим под ее эгидой Бюро Коммунистической Пронаганды⁴.

¹ С 24 марта 1926 г. по решению Президиума ИККИ были созданы 11 секционных секретариатов Исполкома Коминтерна, в т. ч. Секретариат для Испании, Португалии, Мексики, Аргентины, Бразилии, Чили, Уругвая, Парагвая, Кубы (в документах Коминтерна чаще всего фигурировал под названием Секретариат испаноязычных стран). В его первоначальный состав кроме ответственного секретаря Тольятти входили швейцарцы Ж. Эмбер-Дро и Э. Воог, француз А. Трон и испанец А. Нин. Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 105–106.

² Письмо Эрколи Пенелону 12 июня 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 503, Оп. 1, Д. 7. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Поэтому и циркуляр о создании ЮАСКИ первоначально был направлен лишь коммунистическим партиям и группам стран, которые должны были быть включены

Проблема, однако, заключалась не только в этом. Руководство III Интернационала в очередной раз вернулось к признанию КПА единственной партией в регионе, способной создать и возглавить как теоретически, так и организационно континентальную коммунистическую структуру. Тем самым фактически Коминтерн становился заложником аргентинской модели, и последующие реорганизации структур ИККИ в Латинской Америке были в той или иной степени разного рода трансформациями Южноамериканского секретариата¹.

При этом Москва не игнорировала Мексику, Центральную Америку и Карибский бассейн. Только подход к руководству коммунистическим движением здесь был принципиально иным, что было связано с двумя обстоятельствами. Первое имело геополитический характер. Работа в этом регионе в значительной мере связывалась в Коминтерне с фактором близости США и гегемонии американского империализма. Поэтому как совершенно естественная рассматривалась идейно-организационная связь компартий США и Мексики, и перед ними ставились задачи, решаемые в результате координированных действий. Наряду с планами континентального масштаба намечались и конкретные формы совместных выступлений этих партий в определенном направлении – борьба с американским империализмом и «желтым профсоюзным движением». Латиноамериканские делегаты V конгресса одновременно с предложением о создании регионального органа Коминтерна рекомендовали компартиям Мексики и США в связи с конференцией Лиги латиноамериканских профсоюзов² организовать совместную контракцию в Мехико. ИККИ предлагалось подготовить специальные инструкции для этих партий «в целях проведения систематической борьбы с американским империализмом и Гоммерсом»³. Таким образом, с самого начала это направление

в сферу его непосредственной деятельности, – Аргентины, Бразилии, Боливии, Перу, Парагвая, Колумбии.

¹ Своеобразный «аргентиниоцентризм» периодически был свойствен руководству как Коминтерна, так и КПСС, что показывают воспоминания известного советского и российского эксперта по проблемам латиноамериканского революционного движения К.Л. Майдакина. Однако если с 1940-х гг. этот интерес объяснялся особым интересом И.В. Сталина к Аргентине как участнику мировой политики и возможному торговому партнеру, то в 1920-е гг. «аргентиниоцентризм» возник в результате впечатлений о КПА как центре континентального коммунистического движения (их умело формировали Х.Ф. Пенелон и его ближайшие соратники). Gilbert I. *El oro de Moscú. La historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas*. Buenos Aires, 1994. P. 56–57.

² Конференция должна была пройти в декабре 1924 г. в Мексике.

³ Предложение латиноамериканских делегатов ИККИ по южноамериканскому вопросу 1 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 6. Л. 39. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 49.

борьбы коммунистического движения Латинской Америки рассматривалось как автономное в организационном и теоретическом плане.

Второе обстоятельство было связано с экстраординарным событием, совпавшим по времени с V конгрессом Коминтерна, – установлением дипломатических отношений СССР с Мексикой. Создание первого советского дипломатического представительства в Новом Свете и появление в Мексике старого большевика С.С. Пестковского, обладавшего большим опытом нелегальной работы (в том числе как эmissара Коминтерна на Балканах) и совмещавшего функции полпреда СССР и неофициального представителя ИККИ в регионе, позволяли руководству III Интернационала надеяться, что его (полпреда) деятельность сможет подменить функцию официальной структуры Коминтерна в северной части Латинской Америки. Не исключено, что свою роль сыграли и воспоминания о нереализованных планах Бородин и Роя по развертыванию континентальной деятельности на базе мексиканского коммунистического движения и работе базировавшегося в Мексике Панамериканского бюро¹.

Полпредство СССР в Мексике по сути выполняло функции параллельного буэнос-айресскому координационного и руководящего центра Коминтерна, который начал работу даже несколько раньше ЮАСКИ, сразу по прибытии Пестковского в Мехико (в ноябре 1924 г.)². В отличие от Южноамериканского секретариата, действовавшего легально, деятельность сотрудников полпредства, выполнявших неформальные обязанности коминтерновских функционеров³, была настолько законспирирована, что об этом знал очень узкий круг работников ИККИ. Пенелона же (для сохранения секретности

¹ Следует учесть, что на всех этапах подготовки и принятия решений в Коминтерне по вопросам Латинской Америки единственным экспертом, знавшим историю вопроса, был участник событий 1920–1921 гг. Э. Боог (Штирнер), сохранявший статус члена ЦК КПМ и ее представителя в Коминтерне и лоббировавший интересы мексиканской партии.

² Подробнее о деятельности С. Пестковского в качестве делегата Коминтерна в Мексике и о характере связи советского дипломатического представительства (и внешней политики СССР в целом) с работой III Интернационала см.: Сизоненко А.И. Возможна и другая версия // Латинская Америка. 1996. № 3; он же, Станислав Пестковский – первый советский полпред в Мексике // Дипломатический ежегодник. М., 1992; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Пора отказаться от тенденциозности и мажорности // Латинская Америка. 1995. № 4; он же, Станислав Пестковский. Товарищ Андрей. Двойной портрет в мексиканском интерьере. СПб., 2002; Jelfets L., Jelfets V. Quien diablos era Andréi? Stanislav Pestkovski. Camarada Andréi. Una tentativa de una investigación histórica // Memoria. Boletín de CEMOS (México). 1999. № 3; Spenser D. Stanislav Pestkovsky: A Soldier of the World Revolution in Mexico // JILAS, Vol. 8:1 // <http://latrobe.edu.au/history/jilas/spenser.rtf>

³ Кроме С. Пестковского это были советник полпредства Л. Хайкин и охранник Видас.

миссии Пестковского) об этом не информировали. Он, конечно, мог догадываться о влиянии нолнреда на деятельность КППМ, но, вступая в конфронтацию с мексиканскими товарищами, не брал в расчет того, что за ними стоит неофициальный эмиссар Коминтерна и большевистского руководства, к мнению которого прислушиваются в Москве.

Первый отчет Южноамериканского секретариата Коминтерна был направлен Х. Пенелоном в Москву 27 мая 1925 г., что и можно считать началом его работы де-юре. Реально же новый региональный орган Коминтерна начал функционировать после передачи Пенелоном поста секретаря ЦК КПА П. Ромо, чтобы «посвятить себя полностью работе Секретариата»¹. Эта задержка была связана с внутренним кризисом в аргентинской партии². И эта зависимость от ситуации в КПА еще долго будет доминирующей в деятельности Секретариата, поскольку его деятельность основывалась на материальной базе аргентинской секции и использовании ее работников. Выбор такой модели был сделан Коминтерном явно под давлением руководства КПА, несмотря на предложения, предусматривавшие иную схему функционирования региональных органов ИККИ в Латинской Америке (в том числе наличие двух центров или центра в Монтевидео). Поэтому любые колебания внутри партии неизбежно негативно отражались и на работе Секретариата.

ЮАСКИ и прежде всего его руководитель Пенелон с самого начала своей деятельности стремились добиться ноложения, при котором Буэнос-Айрес был бы *единственным* на континенте центром коммунистического движения. Аргентинские коммунисты категорически отменяли возможности возникновения параллельных структур в других местах (даже занимавшихся более узкими проблемами) или даже настаивали на ликвидации уже существующих. В нервных нисьмах в

¹ Письмо Хосе Ф. Пенелона Штирнеру [Boogy]. 8 сентября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 1. Л. 1. Пока нет возможности точно датировать создание ЮАСКИ де-факто. Если в указанном нисье говорится о сентябре 1925 г., то в другом отчете в Москву Пенелон отмечает, что «смог начать работу С.[екретариата] только в последних числах августа». Письмо Пенелона Штирнеру [Boogy]. 20 ноября 1925 г. // Там же. Л. 16. Одновременно в Буэнос-Айресе под эгидой ЮАСКИ был создан и Южноамериканский секретариат КНМ, возглавляемый генеральным секретарем ФКМА Э.Мюллером. Письмо Хосе Ф. Пенелона Штирнеру [Boogy]. 8 сентября 1925 г. // Там же. Л. 2.

² Кризис был вызван нротивостоянием т. н. марксистского ядра партии с группой ультралевых во главе с К. Ориоло, А. Мендоса, Р. Греко, выдвигавшей лозунги неносредственной борьбы за установление нролетарской власти. Груния издавала газету «La Chispa» («Искра»), в связи с чем получила название «груния чниснистов». После исключения лидеров «чниснистов» из КПА они создали Коммунистическую Рабочую партию.

Москву в качестве руководителя Секретариата Пенелон решительно потребовал переместить центр антиимпериалистического движения из Мексики в Аргентину.

Говоря о запланированном Всеамериканской Антиимпериалистической лигой (ВААИЛ)¹ на конец 1925 г. континентальном антиимпериалистическом конгрессе в Буэнос-Айресе, он предлагал поручить его подготовку Секретариату, «если мы на самом деле хотим иметь настоящий латиноамериканский конгресс». Обязательными условиями успешной подготовки объявлялись перенос форума на следующий год, наличие инструкций и средств. Под предлогом избежания «ненужного расходования средств» Пенелон настаивал на отмене приезда делегации Континентального комитета ВААИЛ из Мексики для организации деятельности Антиимпериалистической лиги Аргентины². Для него явно не имела значения проделанная к этому времени Континентальным комитетом серьезная работа по созданию национальных секций Лиги, установлению связей с европейскими центрами движения против империализма. В расчет не принимался и фактор участия в этом амбициозном проекте американской компартии. Коммунистическое движение могло развиваться только при условии установления прочных отношений с потенциальными союзниками и расширения сферы своей деятельности. Одной из сфер приложения их усилий не могла не стать антиимпериалистическая работа, почвой для которой создавала всеобщая ненависть латиноамериканцев к «сующейся во все дела Янкиландии»³.

Латинской Америке отводилась важнейшая роль в мировом антиимпериалистическом движении, способном привлечь на сторону коммунистов широкие массы. Сама идея формирования организации единого фронта в масштабах континента, включающего профсоюзы, крестьянские лиги, студенческие группы, патриотические общества, политические партии и т. н., получила полную поддержку во время переговоров «братского делегата» американской партии на IV съезде компартии Мексики М. Гомеса с руководителями КПМ⁴.

¹ Была основана по предложению Рабочей (коммунистической) партии Америки, поддержанному компартией Мексики, и находилась под контролем КПМ.

² Письмо Хосе Ф. Пенелона Штриеру [Boogy], 8 сентября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 503, Он. 1, Д. 1, Л. 1.

³ Schipman Ch. Op. cit. P. 155.

⁴ В переговорах участвовал советский полпред и по совместительству представитель Коминтерна в Мексике С. Пестковский, крайне интересовавшийся проектом развития антиимпериалистического фронта. Сотрудник полпредства Видас был одним из трех членов нового комитета мексиканской секции Панамериканской антиимпериалистической лиги. Заседание субкомитета Рабочей партии по панамериканской анти-

На континентальную Лигу возлагались большие надежды. В ней видели средство ностроения могучего движения, «которое нельзя создать иным путем», возможность формирования в отдельных странах на основе этой антиимпериалистической организации коммунистических партий, способ превращения компартий в массовые. При этом особое внимание уделялось необходимости скрывать организационную связь Лиги с Коминтерном, не допускать наличия в документах Лиги «коммунистического ярлыка»¹.

Между мексиканскими и американскими коммунистами тоже имелись разногласия по проблемам организации работы Лиги. ЦК КПМ настаивал на необходимости нахождения центра континентального антиимпериалистического движения в Мексике, сославшись на мнение Пленума ИККИ, категорически решившего, что партия США «не должна совать руки в дела латиноамериканских партий». Американский делегат считал мексиканских коммунистов неспособными возглавить эту работу в масштабах континента, но не возражал в принципе против нахождения формального центра Лиги в Мексике при решении финансовых вопросов и направлении в Мексику подходящих для работы товарищей из США. В то же время при наличии «открытого, технического центра» в Мексике подлинный руководящий центр должен был, с его точки зрения, находиться в США².

Вопрос о местонахождении штаб-квартиры континентальной Лиги носил не только политический, но и цивилизационно-психологический характер. Для ВААИЛ было невозможно оставаться организацией, руководимой «гринго». Нелюбовь латиноамериканцев к северному соседу ставила под сомнение возможность осуществления совместной антиимпериалистической работы под руководством центра в США. У мексиканских коммунистов было и явно выраженное недоверие к своим американским товарищам. Признавая наличие у американской секции Коминтерна большого опыта, организационных структур и средств, они полагали необходимым перевод части денег в Мексику и унекали американцев за невыполнение финансовых обязательств. Это было важной причиной неверия в «искреннюю заинтересованность» Р(П)А в антиимпериалистической работе³. При

империалистической работе. 20 января 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 534. Л. 1; Д. 539. Л. 64, 69.

¹ Там же. Л. 65, 70.

² Там же. Л. 9 об.

³ Гомес писал в Чикаго: «Они не станут слушать объяснения о нехватке финансов. Они указывают, что мексиканская партия, при всех её ограниченных средствах, профинансировала выпуск пяти номеров "El Libertador"». Письмо Г. [М. Гомеса]. 24.4.1926 // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 717. Л. 12–12 об.

всестороннем обсуждении проблемы мексиканцы и представитель американской партии достигли разумного компромисса, договорившись о расположении «технического центра» Лиги в Мехико¹.

Проведение континентального антиимпериалистического конгресса должно было способствовать широкомасштабному развертыванию деятельности ВААИЛ². В глазах общественности Континентальный комитет Лиги, созданный в Мехико, и ее мексиканская секция (по сути, они были одним и тем же организмом) являлись центром настоящей международной деятельности в масштабах Латинской Америки и пользовались признанием в мировом антиимпериалистическом движении. В первую очередь это было связано с активным участием в ее деятельности уникальных личностей: кубинца Х.А. Мельи, неруанцев В.Р. Айя де ла Торре, Н. Террероса, Х. Гурвица, венесуэльцев Г. и Э. Мачадо, С. де ла Пласы и др. Секции Лиги были созданы во многих странах Латинской Америки, и, хотя далеко не везде их активность была достаточно интенсивна, следует признать, что во второй половине 1920-х и начале 1930-х гг. присутствие Лиги в революционном движении континента было весьма заметным, что в значительной мере связано с поддержкой движения Сандино в Никарагуа и деятельностью дочерней организации Лиги и КПМ Комитета «Руки прочь от Никарагуа!».

Позиция Южноамериканского секретариата Коминтерна, настаивавшего на перемещении центра антиимпериалистического движения и проведении континентальных конгрессов в Буэнос-Айресе (хотя ни опыта в проведении антиимпериалистической деятельности и работе с крестьянами, ни должного авторитета у аргентинских коммунистов не было), привела к их срыву. Но секретаря ЮАСКИ не интересовали ни приоритет мексиканских и американских коммунистов в деле создания эффективной и широко известной организации, имевшей реальные возможности для развертывания в континентальную, ни налаженные мексиканскими коммунистами связи с антиимпериалистической интеллигенцией Латинской Америки. Он даже не

¹ Тем не менее «руководящий центр» сохранялся в США, все важные решения должны были приниматься с одобрения американской компартии, а мексиканский Секретариат ВААИЛ должен был работать по инструкциям подкомитета по империалистической работе, назначенного ЦИК РК(К)ПА. Американской партии предлагалось назначить товарища для организации антиимпериалистической работы в Мехико и финансировать ее. Gomez M. Report of CP of Mexico and its Third Congress, april 7-13, 1925 // Там же. Д. 539. Л. 69-70; Письмо Г. [М. Гомеса]. 24.4.1926 // Там же. Д. 717. Л. 12-12 об.

² Параллельно предполагалось провести и всеамериканский крестьянский конгресс, который должен был стимулировать развитие аграрного движения в масштабах континента под эгидой Крестинтерна.

считал нужным войти в нрямой контакт с мексиканскими коллегами для разрешения нроблемы, возникшей по его инициативе, а требовал от Москвы дезавуировать инициативу КПМ и ВААИЛ. Ревниво относясь к конкурентам и подозревая руководство III Интернационала в стремлении создать в Мехико параллельный центр для руководства региональным коммунистическим движением, Пенелон требовал обязательного его информирования о подобных шагах – и из СССР, и из Мексики. Он в очередной раз давал нонять Москве, что эффективная работа в континентальных масштабах возможна только при руководстве из одного центра, и видел в качестве такого центра только КПА, а в качестве координатора – только себя.

Возникшая вокруг созыва антиимпериалистического конгресса ситуация продемонстрировала еще одну важную сторону отношений внутри коммунистического движения Латинской Америки. К 1925 г. не существовало налаженных контактов между двумя старейшими и ведущими секциями Коминтерна на латиноамериканском континенте – мексиканской и аргентинской. Об этом говорит рекомендация Воога Пенелону, который, нересылая в ЮАСКИ нисьмо секретаря КПМ Р. Каррильо, нисал: «Это хороший товарищ, и будет ненлохо, если ты установишь с ним контакт»¹. Между лидерами двух партий не только отсутствовала координация действий в какой-либо форме, они даже не были знакомы!

Обвинив мексиканских коммунистов в отсутствии надлежащей подготовки конгресса, в том, что Южноамериканскому секретариату неизвестно, каким будет его характер, будет ли он соответствовать директивам, направленным из Москвы, Пенелон нредунреждал руководство Коминтерна: «Созвать этот конгресс в данных обстоятельствах будет нровальным меронприятием»² и требовал в форме, наноминавшей ультиматум: «Абсолютно необходимо, чтобы нанисали в Мексику, указав им на данный норядок организации меронприятий». Секретарь ЮАСКИ, признавая, что знает об организации Лиги мексиканскими коммунистами по нструкции, нолученным от ИККИ, тем не менее нотребовал от Коминтерна «нанисать им, чтобы они это отложили», и, носкольку конгресс состоится в Буэнос-Айресе, нередали его организацию Южноамериканскому секретариату, нредоставив для проведения антиимпериалистического форума «соответствующие средства».

В руководящем ядре КПА явно нродолжал действовать «синдром Александровского». И Пенелон и его соратники, видимо, считали,

¹ Письмо Штирнера [Э. Воога] Пенелону. 9.1.1926 // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 6. Л. 1.

² Там же.

что победы, одержанной один раз над столь могучим оппонентом, как делегат ИККИ, в другой раз может и не быть. Поэтому для них являлось важным исключить сам фактор параллельной организационной структуры и возможной конкуренции. То, что при этом так и не были реализованы амбициозные и перспективные планы созыва континентального антиимпериалистического конгресса, секретарь ЮАСКИ в расчет не принимал, а Коминтерн отнес это на счет объективных обстоятельств.

Опасения аргентинских коммунистов были небезосновательными. В Коминтерне и его секциях шел постоянный процесс поиска оптимальной модели взаимодействия. Почти сразу же после образования ЮАСКИ Рабочая (коммунистическая) партия Америки, поддерживаемая секретарем КППМ Р. Каррильо, находившимся в Москве в связи с участием в пленуме ИККИ, предложила создать в США центральный секретариат для всех американских стран с выделением в нем субсекретариатов Центральной и Южной Америки. Оценивая это предложение, один из руководящих работников ИККИ, курировавших Латинскую Америку (очевидно, Вогг), писал Пенелону: «Это привело бы к тому, что отсюда инструкции надо будет направлять в Соединенные Штаты, а оттуда – в Буэнос-Айрес. Ты себе можешь представить этот нут. Кроме того, попробуй вообразить, как будут руководить работой в Чили или Парагвае из Соединенных Штатов и т. п. Так что я считаю, что вы также должны выступить против этой идеи. Я полагаю, что наилучшей формой работы будет следующая: организация *двух независимых секретариатов для Латинской Америки*, одного в Буэнос-Айресе, который занимался бы Аргентиной, Уругваем, Парагваем, Чили, Боливией, Бразилией и Перу, а другого – для стран северной части Южной Америки и для Центральной Америки. Естественно, что практическая работа покажет, не окажется [так в оригинале] ли лучше передать ту или иную страну в ведение Южного секретариата или же мексиканского. Эти два секретариата должны находиться в постоянном контакте и, естественно, поддерживать также связи с партиями США и Канады. Но я не вижу никакого практического смысла в создании руководящего центра в США»¹.

Важно оценить логику рассуждений руководящего работника ИККИ. Не приводится ни одного довода идеологического характера. Не делается даже попытка сгруппировать страны по сходным социально-экономическим признакам. Не оценивается степень развития рабочего движения в той или иной стране. В расчет принимаются

¹ РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

только технические возможности контактов регионального органа Коминтерна и партий. Причем такой подход несколько не мешал Секретариату ИККИ известить ЮАСКИ о создании благодаря усилиям члена американской компартии Х. Невареса Коммунистической Лиги Пуэрто-Рико и просить «дать все сведения, имеющиеся об этой организации и установить с ней постоянную связь»¹. Противоречие очевидно: расстояние от Сан-Хуана до Буэнос-Айреса не намного меньше, чем от Нью-Йорка до Сантьяго де Чили, но Москва сочла нужным обратить внимание ЮАСКИ на новую организацию и необходимость прямых контактов с ней. При этом игнорировался факт ее создания при прямом воздействии Р(К)ПА и очевидность того, что и ориентироваться в своей деятельности она будет в первую очередь на американских коммунистов. Как могло быть иначе в стране, находившейся под юрисдикцией США, в условиях, когда тысячи пуэрториканцев жили в Соединенных Штатах и участвовали в рабочем движении этой страны? Связь пуэрториканского и американского рабочего движения была настолько очевидной, что вызывает недоумение стремление сориентировать Южноамериканский секретариат на контакты с ним в обход компартии США.

Возможно, в нерешении людей, хорошо знакомых с проблемой организационного строения всемирной коммунистической партии, и не было необходимости каждый раз возвращаться к основополагающим принципам функционирования этого механизма именно из-за того, что те обсуждались в прошлом часто и подробно и были известны им как азбука. Но невозможно не заметить, что техническая сторона неоднократно дебатировалась, но к ней возвращаются вновь и вновь. Исследование этого противоречия важно для понимания сущности работы ЮАСКИ.

Компартию США руководитель ЮАСКИ не без оснований считал не в меньшей степени, чем КППМ, претендентом на роль координатора континентального коммунистического движения. Рабочая (коммунистическая) партия Америки провозглашала одной из своих важнейших задач «пробуждение латиноамериканских масс, их включение под руководством Американской и Южноамериканских коммунистических партий», неоднократно подчеркивала свою ответственность за организацию латиноамериканских народов и в особенности пролетариата Латинской Америки «для борьбы против ноработительских планов американского империализма»². Эта позиция

¹ Письмо [Эмбер-Дро] в ЮАСКИ Пенелопе. 6.11.1926 // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

² Пятый Всемирный конгресс... Ч. II. С. 300–301.

коррелировалась с точкой зрения Коминтерна на роль американской компартии в организации антиимпериалистического движения.

3.3. Шестой пленум ИККИ. Реорганизация аннарата III Интернационала и ее последствия для руководства Коминтерном коммунистическим движением Латинской Америки

Создание Южноамериканского секретариата стало лишь одним из мероприятий среди широкомасштабных изменений в структуре руководящих органов всемирной компартии, предпринятых после V конгресса. Необходимость этой перестройки была вызвана признанием необходимости деятельности III Интернационала в условиях начавшейся стабилизации капитализма, начала некоей «демократическо-нацифистской волны» в развитии капиталистических стран, являвшейся, по оценке конгресса, «одной из последних фаз капитализма». Новые условия отдаляли перспективы революционной борьбы, цели коммунистического движения стали менее ясными. В коммунистическом движении начались внутренние кризисы, в результате которых часть масс отошла от компартий, в ряде партий появились оппозиционные политические течения¹. Это вызвало в Коминтерне стремление приспособить свою политику к задачам повседневной общественной борьбы, укрепить национальные секции, обеспечить их идейно-политическое и организационное развитие, способствующее превращению компартий в массовые, влиятельные организации, способные возглавить революционную борьбу за власть².

Исходя из этого конгресс сформулировал организационные уставы, на основе которых было необходимо «большевизировать» компартии, перестроить их по образцу и подобию российской большевистской партии и превратить Коминтерн в единую всемирную коммунистическую партию, строго централизованную, дисциплинированную, умеющую действовать быстро и эффективно. Реализации этих задач должно было послужить новое положение, внесенное в Устав, требующее наличия в стране только одной коммунистической партии, входящей в III Интернационал. Дискуссии по партийным вопросам разрешались только до «принятия решения соответствующими органами». ИККИ получал право отменять и изменять решения партийного руководства и съездов секций, принимать решения,

¹ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 101.

² Пятый Всемирный конгресс... Ч. II. С. 47.

обязательные для их вонложения центральными партийными органами, которые объявлялись ответственными не только перед своими съездами, но и перед Исполкомом Коминтерна. Было более четко сформулировано право ИККИ исключать из Коминтерна партии, группы, а также отдельных членов, нарушивших Программу и Устав Интернационала¹.

Речь шла об изменении методов работы при сохранении старых целей и основы деятельности Коминтерна². Шестой пленум ИККИ и организационные совещания, проведенные в 1926 г. в Исполкоме, ориентировали партии на концентрации главных усилий в промышленных районах, поставили задачи соединить организационную и политическую работу, обеспечив, таким образом, единство руководства, создать эффективно действующий аппарат, образовать сильные фракции в массовых организациях, добиться укрепления связей между коммунистическими партиями и Исполкомом Коминтерна, в том числе и через институт инструкторов ИККИ, посылаемых в секции. Пленум дал рекомендации по реорганизации Исполкома Коминтерна и его аппарата, отвечавшие задачам организационного укрепления Коминтерна и его секций, налаживания более систематичной и планомерной работы ИККИ, конкретизации политического руководства и привлечения сильнейших секций Коминтерна в большей, чем до сих пор, мере к непосредственному руководству Коминтерном. Так, в соответствии с решениями Шестого пленума ИККИ с 24 марта 1926 г. практически началась перестройка всей руководящей структуры Коминтерна и его аппарата.

Эти изменения затронули и латиноамериканское направление деятельности III Интернационала. После VI расширенного пленума ИККИ было решено расширить Секретариат ИККИ и в основу его организации положить секционные секретариаты (впоследствии лендер-секретариаты). В их задачу входили систематическое изучение и обсуждение политического и экономического положения стран, работы компартий, подготовка вопросов для всех руководящих органов ИККИ, реализация решений ИККИ и контроль за выполнением этих решений соответствующими национальными секциями, при этом они не должны были быть инстанцией, принимающей решения³. Они должны были в конечном итоге сменить временные или постоянные комиссии, создававшиеся для подготовки обсуждения важнейших

¹ Подробнее см.: Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 93–95.

² Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля – 15 марта 1926 г.): Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 616.

³ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 102–103, 129.

вопросов и ониравшиеся на работу референтов¹. Всего было создано 11 секретариатов, и между ними были поделены страны, в которых действовали партии, уже находившиеся в орбите Коминтерна или стремившиеся войти во всемирную коммунистическую семью. Сгруппированы они были достаточно произвольно, что с самого начала создавало несогласованность в действиях секретариатов и очень быстро потребовало проведения их реорганизации².

Частично эта проблема должна была сниматься включением в состав секционных секретариатов всех секретарей ИККИ и почти всех членов Оргбюро ИККИ, причем некоторые из них одновременно вошли в несколько секретариатов. На практике это отнюдь не способствовало оптимизации работы из-за невозможности добиться ее планомерности, обеспечить целенаправленное участие одних и тех же людей в деятельности разных структур. Совершенно очевидна была невозможность качественно изучать проблемы столь разных стран и формулировать эффективные рекомендации для деятельности национальных секций и региональных органов Коминтерна.

Кроме того, занятость членов секционных секретариатов делами, выходящими за пределы их обязанностей в этом подразделении ИККИ, участие в заседаниях других структур Исполкома, подготовке документов для них, длительные командировки и т. д. не способствовали ритмичной, целенаправленной деятельности секретариатов³. Круг людей, привлеченных в них, был ограничен, работы тормозилась отсутствием узких специалистов по странам и выполнением многочисленными сотрудниками огромного количества дел⁴.

¹ Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна... С. 654.

² 24 марта 1926 г. по решению Президиума ИККИ были образованы Секретариаты: для Франции, французских колоний, Бельгии, Италии и Швейцарии; для Германии; для Англии, Ирландии, Голландии, Австралии и Южной Африки (включал подгруппу для Британской Индии); для Чехословакии, Австрии и Венгрии; для Америки и Канады (с подгруппой для Японии); Секретариат для Швеции, Норвегии, Дании, Исландии; для Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы; для Болгарии, Югославии, Румынии, Албании, Греции; для СССР; для Ближнего и Дальнего Востока (он был вскоре разделен на Ближневосточный (Турция, Палестина, Персия, Египет, Сирия, Марокко, Алжир, Тунис) и Дальневосточный (Китай, Монголия, Корея, Япония). Латинскоамериканские страны были подведомственны Секретариату для Испании, Португалии, Мексики, Аргентины, Бразилии, Чили, Уругвая, Парагвая, Кубы. Ответственный секретарь П. Тольятти (Эрколи), члены: Ж. Эмбер-Дро, Э. Воог, А. Тран, А. Нин.

³ Тольятти, например, в 1926–1927 гг. был членом Президиума, Оргбюро, Секретариата (затем Политсекретариата) ИККИ, повседневно занимался делами итальянской коммунистической партии.

⁴ Некоторые работники ИККИ с самого начала считали создание лендер-секретариатов и «передачу крупных инициатив большим партиям» ослаблением системы управления деятельностью Коминтерна. Немецкий коммунист А. Курелла назвал

В аннарате Коминтерна как воздуха не хватало экспертов, его формирование происходило на основе той группы иностранных коммунистов, которые в силу разных причин оказались в Москве. И в первую очередь это были представители ведущих европейских компартий: итальянской, германской, французской, швейцарской и некоторых других. Перемещаясь из одного подразделения ИККИ в другое, решая разные задачи, получая обрывочную информацию, они, за редким исключением, не были способны адекватно оценивать ситуацию в странах и давать рекомендации партия.

Так, например, итальянская коммунистка К. Равера, описавшая свое кратковременное пребывание в секретариате как крайне интересную, полезную для нее работу по проникновению в латиноамериканскую проблематику, дававшую шанс осознать возможности, предоставляемые Коминтерном для пополнения знаний и опыта, повышения эффективности борьбы, подчеркнула, что смогла воспользоваться ими в весьма малой степени: «Несмотря на неустанные попытки глубже понять все, что происходило и говорилось вокруг меня, я сознавала, насколько трудно давать уверенную, общую оценку действительности этого мира и его проблемам, *будучи в СССР лишь временным наблюдателем*»¹.

Эти недостатки в организации работы аннاراتа вообще и латиноамериканской в частности хорошо понимал единственный в тот момент эксперт ИККИ по проблемам революционного движения континента Воог. В письме Пенелону, оценивая работу мексиканской комиссии ИККИ, он констатировал: «...ее дела находятся в полном беспорядке, ибо никто на самом деле не разбирается в тамошней ситуации, так что все дискуссии представляют собой неремальвание воздуха. *Мексику хотят сравнить с Китаем или с Индией, и никому даже в голову не приходит абсурдность сравнения*»².

Такая оценка не была вслеском эмоций. Многие руководящие работники Коминтерна продолжали рассматривать Латинскую Америку в этот период через призму азиатских подходов международной компартии. Зиновьев, анализируя на VI расширенном пленуме ИККИ потенциальные возможности революционного движения, исходил из ожидания революции в первую очередь в Европе и во

такое устройство аннاراتа «атомизацией руководства» и настаивал на необходимости «ограничить дифференциацию» руководства и ввести «более централизованное управление». РГАСПИ. Ф. 495. Он. 18. Д. 596. Л. 75–77. Цит. по: Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Указ. соч. С. 128.

¹ Равера К. Воспоминания. М., 1976. С. 213–214.

² Письмо Штирнера [Воога] Пенелону, Москва, 10 февраля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 6. Л. 3.

вторую на Востоке, считая, что евронейская революция тесно связана с национально-революционным подъемом на Востоке и что «оба процесса тесно переплетаются между собой и развиваются параллельно». В системе предреволюционных приоритетов Америку председатель Коминтерна ставил на третье место. Считая необходимым «различать отдельные, наиболее ярко обозначающиеся пункты», он отметил, что там «крупную значительную роль суждено сыграть южноамериканским странам»¹.

Зиновьев предложил отнести южноамериканские страны к категории «угнетенных», заметив, что такой взгляд непривычен, но «объективно их роль именно такова»: «Совершенно ясно, что вскармливающие рабочую аристократию Северо-Американские Штаты, зажавшие в кулак всю Европу, живут не одними колониальными, полуколониальными и евронейскими прибылями, но южноамериканскими странами»².

Эта позиция была зафиксирована в тезисах «Очередные проблемы мирового коммунистического движения», принятых пленумом по докладу Зиновьева: «Латинская Америка может и должна стать почетным пунктом освободительного движения против империализма (против империализма Соединенных Штатов). При нынешнем положении вещей *живущие в Латинской Америке нации являются в большинстве угнетенными нациями*, которые раньше или позже втянутся в борьбу против империализма Соединенных Штатов... Экономические противоречия Соединенных Штатов Америки и Англии (в том числе и в Латинской Америке) – таят угрозу новой мировой войны»³.

Такой вывод был принципиально важен не только для теоретического осмысления тенденций мирового революционного процесса, но и для практической деятельности Коминтерна: Латинская Америка продолжала в видении международных коммунистических чиновников жизнь на периферии, следовательно, и внимание к ней было меньше, чем к регионам с новым революционным потенциалом, финансирование компартий региона из Москвы производилось по остаточному принципу⁴.

¹ Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна... С. 14.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 613–614.

⁴ Подробный анализ рассмотрения Коминтерном типологии латиноамериканских стран см.: Коваль Б.И. Революционный опыт XX века. М., 1987; Хейфец Л.С. Установление и развитие интернациональных связей компартий стран Латинской Америки (1918–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.

Напрямую Латинскую Америку сравнил с Азией Дж. Пеннер. Расценив борьбу с американским империализмом как главную задачу компартии США, он отметил: «Если только правда, что американский империализм есть важнейший фактор мирового положения, то вполне естественно, что борьба с этим империализмом есть важнейшая задача нашей американской партии. Разумеется, наша партия должна в этой борьбе выдвигать лозунг союза с Соединенными Штатами Социалистической Европы, но наряду с этим выдвигать также в качестве основной задачи и союз с *колонизальными и полукolonизальными народами Латинской Америки. Весьма вероятно, и даже возможно, что в не очень далеком будущем Латинская Америка превратится в Китай Дальнего Востока¹, а Мексика – в Кантон Латинской Америки.* Наша американская партия должна взять на себя задачу добиваться этого»².

С упрощенным взглядом Зиновьева не согласился Кодовилья, исходивший из необходимости конкретно-исторического подхода к положению отдельных стран. По его мнению, степень гнета империализма была «различна в зависимости от различных экономических и политических форм в той или иной стране», а так как некоторые латиноамериканские страны по уровню промышленного развития приближались к европейским, то и характер классовой борьбы в Аргентине и Чили был сходен с европейским³. На некоторое время такой подход считался определяющим. Не зря эта статья была перепечатана в журнале Южноамериканского секретариата Коминтерна «*La correspondencia sudamericana*», как отражающая точку зрения III Интернационала. Во многом это было предопределено стремлением очиститься от зиновьевского теоретического наследия в Коминтерне. Однако это не устранило наличия в аппарате ИККИ разных оценок реалий латиноамериканского рабочего движения. И эта статья, и последующие публикации по латиноамериканской проблематике печатались в журнале под рубриками, освещавшими положение в колониальных и полуколониальных странах»⁴.

¹ В тексте стенографического отчета явная ошибка и следует читать: Дальнего Востока.

² Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна... С. 134. В ряде работ имеется тенденция «демонизировать» образ Г. Скалова (Синани), который нервным в Коминтерне якобы стал угождать Латинскую Америку Китаю. Как мы видим, такое отношение возникло в штаб-квартире III Интернационала задолго до Скалова.

³ Кодовилья В. Империалистический гнет в Латинской Америке и его последствия // Коммунистический Интернационал. 1926. № 14.

⁴ Подробнее см.: Хейфец Л.С. Зарубежные марксисты о некоторых проблемах коммунистического движения 20–30-х гг. в странах Латинской Америки (по матери-

К этому сюжету не раз возвращался и в анналатных сносах, и в публичной полемике Воог. После своей очередной поездки в Мексику он подверг критике тенденцию, заключающуюся «в механическом перенесении китайского опыта на мексиканскую тактику». Латиноамериканский эксперт ИККИ имел в виду требования некоторых членов КПП превратить рабоче-крестьянский блок в мексиканский Гоминьдан, с одной стороны, и упрёки по адресу партии в том, что она не сумела «развернуть аграрную революцию» и «бороться за гегемонию пролетариата», с другой. Отметив общие положения в мексиканской и китайской революциях, он подчеркнул существенные различия: в темпе революции, положении и соотношении сил отдельных классов и пророрциях, в которых разворачивается борьба. Особое внимание Воог обращал на необходимость творческого применения тезиса, выдвинутого на II конгрессе Коминтерна В.И. Лениным, о невозможности для коммунистических партий экономически отсталых стран проводить свою тактику и политику без поддержки крестьянского движения.

Для определения стратегии и тактики КПП важное значение имела констатация необходимости кропотливой работы для завоевания доверия масс с учетом реалий Мексики, где борьба компартии за гегемонию происходит в отсталой аграрной стране и революция не «идет вперед бурным темпом, а развивается как медленный мучительный процесс»¹.

Воог, достаточно трезво расценивавший латиноамериканский революционный процесс и трудности руководства им из одного центра, видел возможность изменить положение дел в ИККИ в направлении в Москву для работы в анналате на постоянной основе представителей Мексики и Аргентины. Он считал возможным новысить таким образом эффективность работы анналата, добиться большего понимания латиноамериканских проблем, *«отличающихся от китайских в той же степени, в которой попугай отличается от цыпленка»*².

Эта идея была частью проекта программы реформирования системы организационных связей Коминтерна и его национальных секций, распространявшейся на всю Америку. Поддерживая работу Южноамериканского секретариата в Буэнос-Айресе и подтверждая сохранение Пенелона в качестве его руководителя, предлагалось соз-

алам журнала «Коммунистический Интернационал») // Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX–XX вв.). Л., 1977.

¹ Штирнер А. [Воог]. К положению в Мексике // Коммунистический Интернационал. 1927. № 50. С. 26–27.

² Письмо Штирнера [Воога] Пенелону, Москва, 10 февраля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 6. Л. 3.

дать в Мехико Секретариат для Мексики, Центральной Америки и Вест-Индии под руководством мексиканского коммуниста, назначаемого ИККИ по рекомендации Центрального комитета КПМ. Оба секретариата должны были находиться в непосредственном подчинении Секретариата ИККИ, тесно сотрудничая и максимально координируя свою деятельность. Следующим шагом для улучшения синхронизации действий компартий Нового Света предполагалось создание континентального секретариата в США (для всего американского континента). Но решение этого вопроса откладывалось до VI Всемирного конгресса, на который планировалось пригласить представителей всех компартий Центральной и Южной Америки и обсудить с ними необходимость континентальной коммунистической конференции, а также вопрос общей координации работы.

Проект предусматривал сохранить местонахождение штаб-квартиры Всеамериканской Антиимпериалистической Лиги в Мексике, обеспечить ежемесячное издание органа АИЛ «Эль Либертадор» и предлагал Коммунистической (Рабочей) партии Америки направить в распоряжение ЦК КПМ товарища для работы в ВААИЛ. Вновь был поставлен вопрос об организации издания литературы на испанском языке для идеологического обеспечения работы компартий в Латинской Америке¹.

Из всего широкомасштабного проекта на практике была реализована, и то частично, лишь идея швейцарского коммуниста о направлении в Москву представителей партий, на практике реализованная только потому, что совпала с намерениями КПА, стремившейся укрепить позиции, полученные в результате учреждения Южноамериканского секретариата на ее базе, созданием своего представительства в Москве. В феврале 1926 г. ЦК КПА назначил В. Кодовилью своим представителем в Коминтерне, наделив его широкими полномочиями для обсуждения всех вопросов, имеющих отношение к партии, в том числе и для участия в пленумах ИККИ вместо Пенелона, который «не может это делать по причине работы, которая ему поручена в Южной Америке». Ему предстояло стать и делегатом партии на намечавшемся на 1926 г. конгрессе Коминтерна. Во время пребывания в Москве посланец КПА должен был информировать ИККИ о ситуации в партии и обсудить проблемы латиноамериканского революционного движения².

¹ Об организации работы в латиноамериканских странах // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 14. Л. 7–8.

² Письмо Генерального секретаря ЦК КПА П. Ромо Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала, 6 февраля 1926 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 134.

Воспользовавшись приездом Кодовильи, Секретариат ИККИ в мае 1926 г. принял решение оставить его для работы в аннате Коминтерна в качестве референта по странам Латинской Америки, но крайней мере до всемирного конгресса, проведение которого было отсрочено. Более продолжительное пребывание его в аннате ИККИ ставилось в зависимость от решений ЦК КПА о дальнейшем его использовании и времени созыва VI конгресса. Аргентинский делегат должен был решать задачи установления более тесных связей со странами Латинской Америки, в частности подготовки конференции компартий региона, которую предполагалось провести во время VI конгресса, и поддержания регулярных отношений Исполкома Коминтерна с КПА и ЮАСКИ¹. 7 августа 1926 г. Президиум ИККИ утвердил В. Кодовилью кандидатом в члены ИККИ², а 17 декабря 1926 г. он был избран кандидатом в члены нового Президиума ИККИ³. При этом Пенелон формально оставался членом ИККИ, и КПА, таким образом, получала в Исполкоме два места вместо одного, предназначенного ей V конгрессом, Кодовилья же занял в международной коммунистической иерархии более высокое положение, чем

Д. 78. Л. 6; Письмо секретаря ЦК КПА П. Ромо секретарю И.К. Коммунистического Интернационала товарищу Эмбер-Дро 6.3.1926 // Там же. Л. 10.

Можно предположить, что КПА, направляя в Москву одного из наиболее авторитетных лидеров в момент, когда ЮАСКИ делал нервные шаги (а партию раздирали на части кризис, вызванный противостоянием с «чиснистами»), пыталась решить несколько задач. Во-первых, обеспечить поддержку Москвы в борьбе с «левыми», которая им была необходима в тот момент для укрепления своего положения и не была очевидной. Во-вторых, руководящее ядро стремилось ослабить позиции русской группы в партии. В-третьих, «четверку» лидеров КПА явно не устраивало то, что в отсутствие Пенелона в штаб-квартире всемирной компартии его обязанности члена ИККИ исполнял Э. Воог, с их точки зрения, не отражавший в полной мере интересы аргентинской компартии как центра южноамериканского коммунистического движения. В условиях, когда каждый партийный работник, обладавший опытом организационной работы и достаточно высоким уровнем теоретической подготовки, был на счету, длительная поездка Кодовильи в Европу ослабляла руководство партии и снижала возможности успешного функционирования ЮАСКИ.

¹ Письмо Эрколи [П. Тольятти] Центральному Комитету Коммунистической партии Аргентины. Москва, 12 мая 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 77. Л. 31; Письмо генерального секретаря ЦК КПА П. Ромо в Исполнительный Комитет К.И. Буэнос-Айрес, 23 июля 1926 г. // Там же. Д. 78. Л. 100. Одновременно ИККИМ пригласил для работы в своем аннате, очевидно, по рекомендации Кодовильи, аргентинца А. Кантора, объясняя необходимость этого шага ослаблением связей и уменьшением информации о молодежном коммунистическом движении Южной Америки после гибели секретаря ЮАСКИМ Э. Мюллера. Записка Секретариата ИККИМ в Секретариат ИККИ. Москва, 29 апреля 1926 г. // Там же. Д. 92. Л. 1.

² Такая процедура не была предусмотрена Уставом Коминтерна, но практиковалась достаточно часто.

³ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 96; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 449. Л. 18.

секретарь ЮАСКИ. Следует отметить символическое значение этого решения – Кодовилья становился, таким образом, нервным латиноамериканцем, привлеченным для работы в аннарате ИККИ на долговременной основе.

Приход одного Кодовильи в аннарат Коминтерна, конечно же, не мог решить кадровую проблему руководства латиноамериканским коммунистическим движением, тем более что оно не усилилось. Была произведена рокировка: аргентинский делегат прибыл на работу в Москву, а Воог по просьбе КПП отправился в длительную командировку в Мексику. Да это и не являлось чисто латиноамериканской проблемой. Организационная реорганизация и кадровая чехарда буквально захлестнули аннарат ИККИ на всех направлениях его деятельности.

Организационные изменения были вызваны решительным наступлением, предпринятым на сторонников «троцкистско-зиновьевского блока» с целью удаления их из руководства компартий и аннарата ИККИ. Для Сталина это был принципиальный вопрос. Он считал грунну Зиновьева в ВКП(б) «вдохновителем всего раскольникового в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии» и главное ее преимущество видел в том, что она «имеет в своих руках ИККИ (пред[седатель ИККИ], представляющий серьезную силу». Сталин рассчитывал на добровольную отставку Зиновьева в Коминтерне после критики Пленумом ЦК: «Во всяком случае после вывода из Политбюро Зин[овьев] не может быть уже нредом [Председателем ИККИ], – это ноймут все секции и делают сами [подчеркнуто в тексте нисьма] необходимый вывод. Мы перейдем тогда от системы нреда к системе секрет[ариата] в ИККИ»¹.

После решения июльского (1926) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) об исключении Зиновьева из Политбюро VII расширенный пленум ИККИ (22 ноября 1926 г.) полностью реализовал сталинский план: освободил бессменного руководителя Коминтерна от обязанностей председателя Исполкома и работы в Интернационале, унразднил институт нредседателя ИККИ, заменив его Политическим секретариатом². Мотивировалось такое решение необходимостью установления коллективного руководства в ИККИ и привлечения к

¹ Письмо И.В. Сталину Молотову, Рыкову, Бухарину и другим друзьям. Сочи, 25 июня 1926 г. // Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. документов. М., 1995. С. 72–73.

² В компетенцию Политсекретариата входило повседневное руководство лидерсекретариатами и отделами Исполкома, деятельностью комфракций в международных массовых организациях. Он собирался раз в неделю, а по решению Узкой (Малой) комиссии Политсекретариата могли созываться его чрезвычайные заседания. Узкая комиссия обсуждала вопросы конспиративного и важного административного характера.

руководству кадров из различных секций Коминтерна. Функции ликвидированного также Оргбюро ИККИ были переданы Президиуму и Политсекретариату ИККИ; таким образом, была предпринята попытка полностью увязать решение организационных вопросов Коминтерна с политическими¹.

Формально в структуре руководящих органов Коминтерна ничего не изменилось². Но фактически изменения происходили постоянно, хотя не фиксировались в официальных документах. Но по рабочим документам ИККИ можно проследить перемены в кадровом составе лендер-секретариатов и выявить некоторые новые подходы к организации работы.

Постоянно менялось название секретариата, занимавшегося Латинской Америкой. В протоколах заседаний 1926 г. его называют то Секретариатом испаноязычных стран, то Секретариатом латинских и испаноязычных стран³, то даже Секретариатом Латинской Америки⁴. Уже летом 1926 г. под некоторыми протоколами заседаний секретариата и исходящими из него документами появляется подпись ответственного секретаря Ж. Эмбера-Дро, хотя П. Тольятти продолжает участвовать в некоторых из этих заседаний⁵.

Разнообразную информацию предоставляют исследователю простые и ланитарные документы – «Предложения по членскому составу Латинского лендесекретариата» и «Список Латинского

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1936 гг.: Сб. документов. С. 107.

² Решением Президиума ИККИ от 20 декабря 1926 г. были лишь уточнены их задачи. В постановлении говорилось, что лендер-секретариаты, содействуя укреплению связей ИККИ с компартиями, «не должны довольствоваться предварительной проработкой вопросов для решающих инстанций Коминтерна, но должны и обязаны следить за развитием и положением в соответствующих странах и в соответствующих коммунистических партиях, поддерживать эти партии в их текущей работе и следить за выполнением этими партиями постановлений решающих инстанций Коммунистического Интернационала». РГАСПИ. Ф. 495. Он. 2, Д. 64а, Л. 75. Цит. по: Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 109.

³ Протокол от 12 июня 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 32, Д. 5, Л. 8; Протокол от 5 августа 1926 г. // Там же. Д. 7, Л. 1.

⁴ Заседание Секретариата Латинской Америки // Там же. Ф. 495. Он. 32, Д. 5, Л. 1. Документ не имеет даты, но его содержание позволяет уверенно его отнести ко времени не позже 1926 г.

⁵ Протокол заседания от 1 июля 1926 г. // Там же. Д. 5, Л. 11–12; Протокол заседания от 5 августа 1926 г. // Там же. Д. 7, Л. 1. В это время Тольятти был освобожден от обязанностей в аппарате ИККИ и направлен в Париж для организации работы зарубежного центра итальянской компартии. Humbert-Droz J. De Lenine a Staline. Dix ans au service de l'Internationale Communiste. 1921–1931. Memoires de Jules Humbert-Droz. Neuchatel, 1971. P. 277. В подробной биографии лидера итальянской компартии, опубликованной в СССР, факт руководства им лендер-секретариатом ИККИ не отражен. Комолова Н.П., Филатов Г.С. Пальмиро Тольятти. Очерк жизни и деятельности. М., 1983. С. 54.

секретариата»¹. Во-первых, меняется название секретариата и перечень стран, ему подведомственных. Только по одному названию можно судить, что в его компетенцию входят страны, в которых говорят на романских языках. Во-вторых, меняется руководство: заведующим назван швейцарец Ж. Эмбер-Дро. В-третьих, состав секретариата резко расширен. В-четвертых, помимо персональных членов в него входят функционеры, представляющие другие структуры Коминтерна, его дочерние организации и отдельные партии. В секретариате предполагалось участие представителей агитационно-пропагандистского, информационного, организационного отделов, женского секретариата и кооперативной секции ИККИ, КИМа, Профинтерна, Крестинтерна, МОПРа, ВКП(б), причем уровень представительства был достаточно высоким, например Красный Интернационал профсоюзов КИП представляли генеральный секретарь А. Лозовский и его заместитель А. Нин, орготдел ИККИ – его заведующий Б. Васильев, ВКП(б) – Е. Стасова. Одним из членов секретариата от Крестинтерна назван С. Пестковский².

Поиск наиболее оптимальной формы и персонального состава лендер-секретариатов в ходе этой реорганизации структуры аппарата Коминтерна продолжался до 8 июля 1927 г., когда Политсекретариат ИККИ принял новое постановление, укрупнив и сократив их число до шести. К ведению Латинского (позднее он стал называться Романским) секретариата были отнесены Франция, Бельгия, Швейцария, Испания, Португалия, Италия, Южная и Центральная Америка, французские и бельгийские колонии). Руководителем обновленной структуры был назначен Ж. Эмбер-Дро, членами секретариата стали Э. Дженнари, А. Бернар, В. Кодовилья, С. Минева, Б. Васильев, А. де Бук, Х. Валецкий, Дж. Пеннер, Е. Первухин³. За каждым из них была закреплена страна или группа стран и территорий.

Этот состав секретариата постоянно обновлялся. Вскоре в него были введены член Политсекретариата и Президиума ИККИ Д. Мануильский, вернувшийся из Мексики Воог. В отсутствие Эмбера-Дро в Москве работу секретариата возглавлял Минева. Прикрепленные к секретариату представители различных структур ИККИ и дочерних организаций Коминтерна работали в его составе с разной степенью отдачей: одни активно и систематически, другие периодически отсутствовали, находясь в поездках, выполняя обязан-

¹ Документ не датирован, но так как остальные документы этого дела относятся к 1926 г., это позволяет с большой долей уверенности предположить, что и эти записки были написаны в том же году.

² В тексте документа – Pestkorsky.

³ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 110.

ности в других местах или просто не считая эту работу приоритетной. Для некоторых работа в секретариате была просто энтодом. Такая ситуация в аннате тормозила решение вопросов, требовавших изучения и решения в кратчайшие сроки (например, кризис в КПА и ЮАСКИ), и Минев был вынужден обратиться в Малую комиссию Политсекретариата ИККИ с просьбой «обсудить все меры помощи секретариату Латинских стран или найти иные средства решения упомянутых проблем»¹.

Другим видимым недостатком новой системы было отделение работы в романских странах Европы от остальных стран континента, что противоречило концепции нервостененной значимости европейской революции. Если исходить из применявшегося к латиноамериканским странам принципа взаимосвязи их революции с революцией в США, то нонсенсом являлось то, что компартии Латинской Америки оказывались в ведении одного секретариата, а американская – другого (Британско-Американского). Это несоответствие явно понимали в руководстве Коминтерна и нонробовали миншировать ситуацию, назначив эксперта по латиноамериканским делам Кодовилью и специалиста по США Пеннера одновременно членами Британо-Американского и Латинского секретариатов².

Несмотря на все недостатки новой системы, можно говорить и об ее очевидных достоинствах. Именно в это время резко увеличивается удельный вес латиноамериканских проблем, рассматриваемых Коминтерном, хотя в работе секретариата вопросы компартий Латинской Америки все равно терялись на фоне европейских. В первую очередь это связано с расширением самого латиноамериканского коммунистического движения и необходимостью поддерживать новые компартии и группы. Но нельзя и недооценивать явного желания придать этому движению некий новый организационный импульс развития, встроить его в уже сложившуюся систему взаимоотноше-

¹ Заниска Стенанова в Малую комиссию Политического Секретариата ИККИ. 16 декабря 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 32. Д. 35. Л. 2–4. Явно не желая брать на себя ответственность за принятие решений по поводу раскола в КПА, Минев настаивал на рассмотрении аргентинского вопроса специальной комиссией с «обязательным докладом представителя КПСС [так в тексте] с участием нескольких членов секретариата Латинских стран».

² Этот принцип применялся и в других случаях, в которых такая целесообразность явно не просматривалась. Так, например, Э. Дженнари (Маджи) входил одновременно в Латинский, Балканский и Восточный лендер-секретариаты; Б. Васильев и А. Бернар номимо Латинского – в Восточный; Бухарин возглавлял Среднеевропейский и был членом Восточного; руководитель Восточного секретариата Ф. Петров (Раскольников) входил еще в Лендер-секретариат окраинных (приграничных) государств и Балканский. О мотивах можно только догадываться: нехватка квалифицированных кадров, взаимная информация, перекрестный контроль и т. д.

ний в рамках всемирной компартии. Тем не менее на фоне европейских проблем, требовавших значительных усилий от секретариата, вопросы компартий Латинской Америки все равно терялись, да и работники этой структуры, будучи в большинстве европейцами, тяготели к решению ситуации в странах, которые они лучше знали.

3.4. Роль Рабочей (Коммунистической) партии Америки в коммунистическом движении Латинской Америки

Хотя Зиновьев на Шестом пленуме ИККИ, говоря о «маршруте революции», и ставил Америку на третье место в очереди на революционный взрыв, он подчеркивал «крупную, значительную роль», которую суждено сыграть в революционном процессе южноамериканским странам¹. В тезисах VI расширенного пленума ИККИ Латинская Америка рассматривалась как опорный пункт освободительного движения против империализма США, а нации, живущие там, считались «угнетенными нациями, которые раньше или позже втянутся в борьбу против империализма Соединенных Штатов»². Исходя из этих установок в резолюции по американскому вопросу пленум прямо потребовал от РК(К)ПА «стать партией, умеющей ставить вопросы о гегемонии пролетариата во всем освободительном движении, направленном против империалистов Соединенных Штатов», а не быть «партией цеховых интересов». Перед американскими коммунистами ИККИ поставил задачу установить теснейшую связь с рабочим движением на Кубе, Филиппинах и пр. и поддерживать его в антиимпериалистической борьбе. В связи с этим ЦК американской компартии предписывалось выделить «серьезную группу работников, которая, по соглашению с Президиумом Исполкома Коминтерна, должна принять участие в постоянной работе в Южной Америке»³. В решениях ИККИ речь не шла о создании параллельного Южноамериканскому секретариату регионального центра. Работники аннарата Коминтерна, как указывалось выше, не считали в тот момент такой проект реалистичным. Речь скорее шла об естественном с точки зрения уже сложившейся традиции, зафиксированной в Уставе Коминтерна, поддержании тесной организационной и

¹ Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна..., С. 14.

² Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля – 15 марта 1926 г.): Стенографический отчет. М.: Л.: 1927. Тезисы «Очередные задачи международного коммунистического движения» // Коммунистический Интернационал в документах. С. 537.

³ Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна..., С. 698.

информационной связи, о взаимном представительстве на конференциях, съездах, обмене руководящими силами (в первую очередь это касалось отношений между компартиями метрополий и колоний, партий соседних стран)¹. Естественно, на партии, имевшей большой опыт, проверенные кадры, большие финансовые и пропагандистские возможности, лежала и большая ответственность. По отношению к неопитам коммунистического движения она выполняла роль «партии – старшего брата».

Для американской компартии отношения с латиноамериканскими товарищами имели особое значение. Теоретическая значимость тесного сотрудничества коммунистов Северной и Южной Америки была обозначена еще в выступлениях Л. Фрайны в 1920 г. и написанном им и одобренном ИККИ воззвании «Американская революция». Немаловажным обстоятельством было наличие в США значительной испаноязычной диаспоры, отдельные представители которой участвовали в рабочем и антиимпериалистическом движении. При этом значительной активности для организации этой работы после ликвидации Панамериканского бюро коммунисты США не проявляли, что в первую очередь было связано с трудностями внутреннего развития коммунистического движения: его расколом и нелегальными условиями деятельности.

Тем не менее уже в 1923 г. Рабочая партия Америки² предприняла важный шаг по определению своей позиции в регионе. После возникновения некоторого «недопонимания» КПП рекомендаций Коминтерна по вопросу об участии партии в выборах американская секция опубликовала письмо ИККИ мексиканской компартии с предисловием Ч. Рутенберга. Генеральный секретарь РПА расценил советы Коминтерна компартии Мексики в отношении политики, которую она должна проводить в классовой политике в этой стране, как определение стратегии коммунистов во всем мире: «Так как это письмо связано с реальностями борьбы, а не теоретическими положениями, политическая линия, положенная основу, еще более полезна. Ни один рабочий, который хочет понять фундаментальную стратегию коммунистов, не должен упустить это письмо из своего внимания»³. Очевидно, что члены РПА, изучавшие «Стратегию коммунистов», не могли пройти мимо развернутой характеристики коммунистического движения Мексики и «угнетенных стран Центральной Америки», в которой отмечалась насущная потребность тесного сплочения рабо-

¹ Коммунистический Интернационал в документах. С. 51.

² Легальная организация коммунистов.

³ Strategy of the Communists; A Letter from the Communist International to the Mexican Communist Party, Workers Party, Chicago, 1923. P. 1–2.

чих и крестьян региона для создания Лиги центральноамериканских рабоче-крестьянских республик.

И в письме ИККИ, и в предисловии Ч. Рутенберга указывалась общая цель борьбы для пролетариата всех американских стран – «разрушить последний оплот капиталистического империализма», «продвигающегося в Вест-Индию, Центральную и Южную Америку и покоряющего страны этих частей Западного полушария в интересах Уолл-стрита», «сбросить североамериканскую буржуазию»¹. При этом Коминтерн анонимно свое видение последовательности событий мировой революции: «Рабочие Америки должны быть готовы, когда рабочие Европы бросятся в битву. Русская революция – это героическая прелюдия всемирной революции. Победа рабочего класса в самых важных странах Европы обеспечит победу пролетариата во всех странах»².

Повышению внимания американской компартии к Мексике способствовал субъективный фактор. В руководстве КПМ работал Б. Вольф, вынужденный из-за преследований властей покинуть США и нашедший пристанище в Мексике. Естественно, он поддерживал тесные контакты с товарищами из американской компартии и в первую очередь со своим старым другом еще по учебе в колледже – оргсекретарем ИК РК(К)ПА Дж. Ловстоном. Желание новизны с другом было явным мотивом помимо партийных дел, который вдохновил Ловстона на поездку в соседнюю страну для участия в качестве «братского делегата» в съезде КПМ (вероятнее всего, по личному приглашению Вольфа). По крайней мере никаких документов об участии РК(К)ПА в организации поездки своего оргсекретаря в Мексику не сохранилось.

Ловстон выступил на съезде КПМ, а перед этим несколько раз беседовал с лидерами партии. Выявив главные, по его мнению, недостатки КПМ: отсутствие общепанамERICANской организации при наличии сильных и массовых организаций в ряде штатов и влиянии, оказываемом коммунистами на крестьян, железнодорожников и нефтяников, отсутствие освобожденных нартработников ввиду нехватки средств – оргсекретарь РК(К)ПА разработал рецепты их преодоления³ вполне в духе американского коммунистического лидера: необходимо создать панамериканское коммунистическое бюро (или же панамериканское бюро по обмену информацией и прессой), в

¹ Strategy of the Communists: A Letter from the Communist International to the Mexican Communist Party, Workers Party, Chicago, 1923. P. 1–2.

² Ibidem.

³ Report of Jay Lovestone in the Convention of the CP of M, the Establishment of a pan-american communist bureau // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 37. Л. 1–3.

рамках которого более опытная партия (естественно, американская) оказывала бы помощь (то есть, по сути, инструктировала) менее подготовленных единомышленников. Ловстон исходил из геополитических соображений: его волновало стратегическое положение Мексики как ключа к «настроению мощного коммунистического движения» в Центральной и Южной Америке. Лидер РК(К)ПА вполне мог помнить о проекте создания континентальной компартии – идее, разработанной при участии К. Янсона, которую неудачно пыталось воплотить в жизнь Американское агентство. Но еще больше нрав на существование имеет другое объяснение: Ловстон был уверен в необходимости сделать коммунистическое движение именно *панамериканским* и в том, что реализовать такой план было по силам лишь его партии.

В ходе переговоров в Мексике он договорился с мексиканскими коммунистами об оказании помощи КПМ Рабочей (коммунистической) партией Америки. Предполагалось перечисление 100 долларов в месяц на протяжении трех месяцев; часть этих средств должна была пойти на содержание Панамериканского пресс-бюро, которому предназначалось «регулярно и обстоятельно информировать коммунистические партии и соответствующие средства массовой информации о политической и экономической ситуации в тех или иных странах и деятельности соответствующих компартий»¹. В реализме Ловстону отказать нельзя: он прекрасно понимал, что лишь после получения мексиканской партией конкретной помощи, можно было бы заложить основу для проведения совместных акций, затрагивающих массы рабочих и крестьян по обе стороны границы (забастовка нефтяников в Тампико, работа среди мексиканских мигрантов в США и т. н., деятельность внутри реформистских профцентров АФТ и КРОМ). Со временем пресс-бюро предстояло, по замыслу Ловстона, трансформироваться в постоянно действующее панамериканское коммунистическое бюро в Мехико, задачей которого являлось обеспечивать тесные контакты и сотрудничество коммунистических организаций Северной, Центральной и Южной Америки. Но еще важнее оказывался пункт рекомендаций «братского делегата», которые предполагалось передать в Москву: добиваться от III Интернационала поручения делегатам различных компартий Нового Света по возвращении с V конгресса Коминтерна собраться в Нью-Йорке для участия в предварительной организационной конференции бюро. Делегат РК(К)ПА не мог не понимать значения места проведения бюро и того, кто распорядился бы об организации такого форума. Если бы события развернулись в соответствии с его планом, руководящая роль американской секции в коммунистическом движении получалась

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 37. Л. 3.

была бы закреплена решением руководства всемирной компартии. Обращение Р(К)ПА к Коминтерну с рекомендацией опубликовать издания на испанском языке для распространения в странах Латинской Америки ситуации бы не изменило – монополия на координацию и организацию оказалась бы в руках американской секции, возродившей бы, по сути, Панамериканское бюро, но теперь уже как орган, находящийся под партийным, а не коминтерновским контролем.

Ради этого Ловстон был готов пойти на какие угодно мероприятия, организованные американской партией: совместный манифест против американского империализма, коллективная работа Молодежной Коммунистической лиги Америки и ФКМ, резолюция ИК Р(К)ПА с обещанием помогать мексиканским коммунистам и чаще обмениваться с ними делегатами, формирование Панамериканской секции Межрабнамо, помощь в организации антиимпериалистического движения в Венесуэле и Перу. Ловстон намеревался поднять вопрос об организации панамериканской антиимпериалистической кампания на V конгрессе Коминтерна и создании бюро в Мехико¹. На коминтерновском форуме эту проблему озвучил У. Дэнн, заявивший о приоритетности для Р(К)ПА мобилизации южноамериканских коммунистических партий на борьбу против американского империализма, а Ловстон впервые за время существования партии обратил внимание делегатов национального съезда в отчете Исполкома на проблемы Латинской Америки². С момента поездки Ловстона в Мексику обмен делегатами на съезды, участие в пленумах руководящих органов, рабочие встречи функционеров стали традицией и играли впоследствии важную роль в развитии организационных связей компартий США и Мексики.

В 1925 г. американский коммунист Р. Блекуэлл совершил первую заранее спланированную поездку в Центральную Америку, целью которой было изучение состояния коммунистического движения и оказание помощи в организации и укреплении коммунистических партий и групп.

После 1921 г., когда делегат Гватемалы Ф. Кастро не бывал на съезде ФКММ, Коминтерн не получал никакой информации из стран региона, и Воог несколько раз обращался к гватемальским товарищам с просьбой связаться с Москвой или Мехико и сообщить о развитии их группы и «возможности создания рабоче-крестьянской партии»³.

¹ РГАСПИ, Ф. 495, Он. 108, Д. 37, Л. 7.

² Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Ч. 1. С. 300–301.

³ Письмо А. Штирнера [Воога] М. Кастро, Москва, 15 мая 1923 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 112, Д. 1, Л. 1.

Вслед за этим Коминтерн попросил КПГ направить негра-коммуниста в составе делегации партии на V конгресс Коминтерна и планировавшиеся конференции негритянских рабочих¹.

На сообщение об объединении коммунистов региона в рамках Коммунистической партии Центральной Америки ИККИ откликнулся официальным письмом, приветствующим создание новой организации. Не сомневаясь в осуществлении партией «какой-то эффективной работы против империализма янки», Воог, переславший КПЦА это послание, просил сообщить подробности о деятельности рабочих организаций региона, косвенно подтвердив этим признание де-факто существования коммунистической организации Центральной Америки Коминтерном, но сути, ничего не знающим о ее деятельности². Возможно, что в том же письме содержится ответ на это парадоксальное решение. Сотрудник ИККИ информирует гватемальского товарища о революции в Германии, движущейся вперед «гигантскими шагами», и выражает уверенность в том, что «через два-три месяца развернется открытая борьба между немецким пролетариатом и буржуазией», а после победы революции возникнет союз русского и немецкого народов³. Такому союзу, означающему начало второй волны мировой революции, требовались союзники, и было не время разбираться в нюансах. Однако «германский Октябрь» так и не состоялся, и Коминтерн вернулся к обычной канцелярской работе. И снова через океан пошли настоятельные просьбы прислать подробный доклад о положении в рабочем движении, действиях американского капитала для экономического и политического подчинения страны. Делегат КПЦА был приглашен на V конгресс Коминтерна, причем выражалась надежда, что им станет Ф. Кастро⁴. И хотя гватемальцы иногда откликались на послания из Москвы, запрашиваемых материалов ИККИ так и не получил⁵. Информационный вакуум тре-

Объясняя озабоченность дефицитом информации, Воог обращал внимание своего корреспондента на то, что «в России социалистическая реконструкция идет медленно, но движется вперед и надо видеть, как работают все товарищи для закрепления завоеваний революции».

¹ Письмо Временного секретаря по подготовке конференции Руководящему Комитету КП Гватемалы. Москва, 23 июля 1923 г. // Там же. Ф. 495, Он. 112. Д. 1. Л. 2.

² Письмо [Э. Воога] М. Кастро. Москва, 25 сентября 1923 г. // Там же. Он. 1. Д. 1. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Письмо [Воога] КП Гватемалы. Москва, 10 декабря 1923 г. // Там же. Л. 5; Письмо [Воога] М. Кастро, 16 мая 1924 г. // Там же. Л. 6.

⁵ В первую очередь это объяснялось волной репрессий, обрушившихся на гватемальских коммунистов. В этих условиях не могло быть и речи о поездке делегата на конгресс, и ЦК уполномочил Воога, как человека, «более или менее близко знакомого

бывал заново, кроме того, в Коминтерне хорошо понимали сложность деятельности микроскопической коммунистической группы и ощущали необходимость оказать ей реальную поддержку.

Мотивы организации поездки Блекуэлл очевидны, хотя подробностей организации этой командировки в документах почти нет. Достоверно известно, что молодой американец ездил в партийную командировку с мандатом ВААИЛ и КПМ, членом которой он состоял с января 1925 по октябрь 1926 г.¹, но в рядах КПМ он, скорее всего, оказался, выполняя поручение американской компартии. Так как на начальном этапе формирования ВААИЛ не было определено, где будут находиться ее руководящие органы и какая партия будет курировать ее деятельность, вполне можно предположить, что его поездка была совместным американо-мексиканским проектом².

В ходе многомесячной поездки Блекуэлл намеревался посетить все страны Центральной Америки, но реализовать этот план оказалось невозможным в первую очередь из-за его ареста 3 июля и последовавшей за этим депортации из Гондураса. Тем не менее ему удалось сделать немалую работу по «инвентаризации» и инициированию коммунистического движения в регионе. Итоговый доклад содержит массу интересных наблюдений и рекомендаций. По оценке американца, у Коммунистической партии Центральной Америки, несмотря на ее малочисленность³, крайнюю слабость, связанные с жесточайшими преследованиями властей (особенно в Гватемале)⁴ и отсутствием «реальных руководителей», имелись «обширнейшие возможности создать большую организацию во всем данном регионе, и, хотя здешние государства малы и явно незначительны, сильная

ситуацию в стране», представлять КПСА на конгрессе. Письмо М. Кастро А. Штирнеру [Boogy], Гватемала, 30 июля 1924 г. // Там же. Д. 6. Л. 4.

¹ Анкета Рассела Блекуэлл, 1926 // Там же. Ф. 495. Он. 261. Д. 2559. Впоследствии Блекуэлл (Р. Негрете) работал в ФКМ в качестве организатора юниорского движения и играл важную роль в работе КПМ, а затем возглавил троцкистское течение в этой партии. Rosalio Negrete, Biographie // Cahiers Leon Trotsky. 1979. № 3 (juillet-septembre). P. 137.

² Косвенным свидетельством этого являются рекомендации Блекуэлл о необходимости помощи КПСА со стороны североамериканской и мексиканской партий, а также Коминтерна, «если мы собираемся организовать в Центральной Америке мощное коммунистическое движение под большинством руководством». Rosalio S. Blackwell. Report organizational and conservation trip in Central America as representative of the Communist Party of Mexico and All-American Anti-Imperialist League. New York City, Novembre 1925 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 54. Л. 13.

³ По оценке Блекуэлл, в Гватемале насчитывалось 25 членов партии и несколько сотен людей, симпатизирующих ей.

⁴ В репрессиях властей Блекуэлл сумел увидеть и положительную сторону, т. е. они способствовали «очищению партийных рядов от определенных пассивных и оппортунистических элементов».

большевистская партия окажет неоценимую помощь мировому революционному движению... хотя Центральная Америка может стать всего лишь звеном в цепи, она может стать весьма прочным звеном. Близость Панамского канала и растущее значение её промышленности делают регион важным настолько, чтобы мы уделили ему время и внимание. Революционный дух масс и бросающиеся в глаза антиимпериалистические тенденции всех слоёв населения указывают нам на то, что данный регион является весьма многообещающим с точки зрения коммунистической работы»¹. Анализ состояния радикального рабочего движения привел его к выводу о возможности вовлечь «лучшие элементы» профсоюзных и крестьянских организаций в партию, осуществить таким образом «распространение коммунистического руководства по всей Центральной Америке, и «сделать всё, что находится в нашей власти, дабы создать там партию, способную добиться такого руководства»².

Главным практическим результатом шестимесячного пребывания Блекуэлла в Гондурасе стало установление тесных связей с руководителями местного рабочего движения и антиимпериалистически настроенными интеллектуалами, позволившее ему выполнить поручение гватемальской секции КПЦА по созданию партийной организации в Сан-Педро Сула³. Сам американец не был удовлетворён результатами, достигнутыми этой группой, и рассчитывал во время следующей поездки в Центральную Америку, намеченной на будущий год, добиться наведения из Гватемалы или Сальвадора уполномоченного по созданию партийной организации на северном побережье Гондураса.

До этого секция Сан-Педро Сула должна была по плану, разработанному Блекуэллом, действовать под легальным прикрытием рабо-

¹ Rosalio S. Blackwell. Report organizational... Л. 7, 13.

² Там же. Л. 8.

³ Секция Сан-Педро Сула была учреждена 21 июня 1925 г. Декларацию о её создании подписали шесть человек, «принявших обязательство нести себя классовой борьбе против империализма под руководством Коминтерна». Признанным лидером группы стал сальвадорский адвокат Хосе Луис Баррьентос, несколько раз выславшийся властями из Сальвадора и Гватемалы и известный в Никарагуа и Гондурасе своими революционными статьями и революционной деятельностью. По оценке Блекуэлла, он был талантливым, страстным писателем и оратором, прирождённым руководителем и имел огромное влияние среди рабочих региона, особенно среди сальвадорцев, работающих на северном побережье, и посланец «партии – старшего брата» считал необходимым «использовать его в настоящее время, несмотря на некоторые имеющиеся у него карьеристские и оппортунистические тенденции». У других членов группы, рассматривавшихся как её потенциальные руководители, пренатством являлось «отсутствие коммунистической подготовки и идеологии». Rosalio S. Blackwell. Report organizational... Л. 9.

чего кооперативного общества с отделениями в городах и на плантациях фруктового пояса побережья. Эту форму работы предлагалось использовать, так как деятельность кооперативов пользовалась особой благожелательностью гондурасских законов. Это общество должно было составить конкуренцию фруктовым компаниям и снизить цены для рабочих на товары широкого потребления, «вложив в их руки экономическое оружие, которым те смогут воспользоваться в случае необходимости». Из прибыли кооператива планировалось создать фонд поддержки стачек, защиты «узников классовой войны», организовывать школы для рабочих и т. п. Под эгидой кооператива планировалось издавать газету в Сан-Педро Сула, «откровенно антиимпериалистическую по духу и содержащую допустимо возможное количество коммунистической пропаганды»¹.

По отношению к внутриполитической ситуации коммунистам предлагалось не принимать чью-либо сторону в противостоянии консервативной и либеральной партий, но занимать позицию, благоприятную по отношению к унитаристам и партии мира, создававшейся унитаристами с целью предотвратить частые гражданские войны.

Секция должна была функционировать под тайным контролем КПЦА – через коммунистические фракции во всех ячейках и находящихся на наиболее важных постах коммунистов, но в то же время считать себя автономной до созыва конгресса, на котором будет избрано новое руководство. Блекуэлл не рассматривал секцию Сан-Педро Сула как общенациональную партию, считая в тот момент преждевременным распространять ее деятельность на всю страну из-за «крайней отсталости крестьян» и «зараженности ремесленников в городах мелкобуржуазной идеологией»².

После денотации Блекуэлла связь с созданной им группой была утрачена, в первую очередь из-за драконовской цензуры. Видимо, это стало одной из причин забвения деятельности секции Сан-Педро Сула в литературе. Лишь в исследовании Н.С. Леонова со ссылкой на документ архива Коминтерна говорится об активной политической пропаганде, которую вел в Гондурасе «один из нервных революционеров-марксистов», «мужественный борец за свободу Росалио Блеквелл», на долю которого выпали тяжелые испытания: будучи арестованным и брошенным в тюрьму, он стойчески перенес жестокие пытки³.

¹ Rosalio S. Blackwell, Report organizational..., Л. 10.

² Там же, Л. 11.

³ Парадоксальным в данном случае является сам факт упоминания в советской литературе имени Блекуэлла, одного из самых известных троцкистов (он был исключен из КПМ в 1929 г. и, занимаясь созданием троцкистской организации в США, на-

По оценке Блекуэлла, наилучшим центром для развертывания революционной деятельности в Центральной Америке являлся Сальвадор, находящийся в центре региона «с высокой плотностью населения, высоким уровнем грамотности и классового сознания». Состоявший с ним в переписке А.Ф. Марти, возглавлявший в тот момент гватемальскую секцию КПЦА, сообщил о готовности провозглашения сальвадорской секции, которая, как докладывал американец своему руководству, «несмотря на необходимость нелегальной организации, с самого начала станет, вероятно, нашей самой лучшей и компактной секцией»¹. Самого Марти Блекуэлл признал «наилучшим большевиком во всей центральноамериканской партии», «особенно ценным для нашего дела»: «Он – именно такая личность, которая необходима массам Латинской Америки. Он хорошо подходит для работы во всех классах и особенно среди крестьянства. От него следует ожидать многого»².

Множество возможностей усматривал американский эмиссар в Никарагуа в связи с наличием в стране весьма сильных антиимпериалистических настроений и надеялся на большие успехи, «как только центрально-американская партия начнет должным образом функционировать»³. Для Коста-Рики он предусмотрел иной вариант: в связи с географической изоляцией от других стран региона создать там самостоятельную партию, не входящую в КПЦА, но настаивал при этом на необходимости направлять коммунистическую деятельность во всех пяти государствах из единого центра.

Особое положение занимал, по мнению Блекуэлла, Белиз (Британский Гондурас), географически входивший в состав Цент-

тался распространить ее деятельность и на Мексику). Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 192.

Вопрос же о начале в Гондурасе коммунистической деятельности – один из самых запутанных в литературе. Хотя в еще в 1930-е гг. в опубликованных материалах Коминтерна говорилось об основании в 1927 г. КП Гондураса, ее активном участии в организации стачек, восстании 1931 г., расходе 1932 г. и возобновлении деятельности в 1933 г., официальной датой основания КПГ марксистская литература называет 10 апреля 1954 г. (Из первых рук. Коммунисты и революционные демократы мира рассказывают о своих партиях. Прага, 1988. С. 181). Иногда при этом говорится о немногочисленной гондурасской секции КПЦА и созданной в 1927 г. М. Каликсом и Х.П. Уэйрайтом коммунистической партии Гондураса (См.: Коммунистические партии Латинской Америки. М., 1982. С. 127). Н.С. Леонов пишет о возникновении под их руководством в 1920–1924 гг. ячеек коммунистов под общим названием «секция Тегусигальны» и вхождении в 1925 г. гондурасских коммунистов в состав КПЦА. (См.: Леонов Н.С. Очерки... С. 192.) Но секция Сан-Педро Сула при этом не называется.

¹ Rosalio S. Blackwell. Report on organizational... Л. 12.

² Там же.

³ Там же.

ральной Америки, но не являвшийся ее частью в политическом отношении. В этой колонии, населённой в основном англоговорящими вест-индскими неграми, для КПЦА нервостенно важным должен был стать негритянский вопрос, решать который можно было, как он считал, работая одновременно и на Ямайке¹.

Поездка Блекуэлла позволила Коминтерну впервые после 1921 г. получить информацию (прямо на месте) о состоянии революционного движения в странах Центральной Америки и наметить перспективны деятельности там компартий². Уже в 1925 г. планировалось продолжить работу на следующий год. И такая поездка, видимо, состоялась. В личных делах Блекуэлла и Анны Коэн, хранящихся в РГАСПИ, имеются мандаты, датированные апрелем 1926 г., уполномочивающие их отправиться в Центральную Америку «с согласия ЦИК РК(К)ПА, которой Исполкомом Коминтерна поручено уделять внимание организации коммунистического движения в Латинской Америке, для оказания помощи в создании и развитии коммунистической партии Центральной Америки»³, но пока не обнаружено никаких документов, подтверждающих факт второй поездки в этот регион, за исключением уоминания в анкете А. Коэн, что она «была на заграничной работе в Центральной Америке с Блекуэллом»⁴.

Дважды роль «братского делегата» на съездах компартии Мексики довелось вынолнять Ч. Филлису (М. Гомесу). К этому времени он возглавил Антиимпериалистический департамент Исполкома РК(К)ПА – специальную структуру, призванную «способствовать установлению связей между колониальными и полуколониальными народами с одной стороны и революционными движениями рабочего класса в империалистических метрополиях с другой»⁵. Создание департамента соответствовало положениям ленинских тезисов по национально-колониальному вопросу, одобренных II конгрессом Коминтерна. Они требовали от всех секций оказывать помощь делом освободительным движениям колониальных стран в форме, со-

¹ Rosalio S. Blackwell. Report organizational... Л. 12–13.

² Доклад Блекуэлла американская партия немедленно переслала в Москву для информирования ИККИ. Письмо генерального секретаря РК(К)ПА Ч. Рутенберга в Латинамериканский секретариат Коминтерна. Чикаго. 4 января 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 11. Л. 1а.

³ Мандаты Р. Блекуэлла и А. Коэн // Там же. Ф. 495. Он. 261. Д. 2559, 3428, 4428. Формулировки целей поездки полностью соответствуют решениям Шестого пленума ИККИ и данную поездку можно рассматривать как оперативный ответ американской компартии на данное ей Коминтерном поручение.

⁴ Анкета А.К. Коэн // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 261. Д. 3428.

⁵ Schipman Ch. It Had to Be Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca and London, 1993, P. 121, 154. Позднее был преобразован в Колониальный департамент.

гласованной с компартией страны, получающей эту поддержку (в первую очередь такая обязанность возлагалась на рабочих той страны, «от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношении»)¹. Эти задачи конкретизировал IV конгресс Коминтерна, поставивший перед коммунистическими партиями стран, имеющих колонии, задачу по «организации систематической идейной и материальной помощи рабочему и революционному движению колоний»². В тезисах по восточному вопросу, коммунистическим партиям, «работающим в великодержавных странах, надлежит выделить из состава своих ЦК постоянные колониальные комиссии для указанных целей»³. И хотя в тезисах напрямую не была названа американская компартия, она восприняла эти указания как руководство к действию.

Важным направлением деятельности денартамента, который возглавил М. Гомес, являлись «ободрение и помощь «всем национально-освободительным движениям, включая войны за национальное освобождение, финансами, оборудованием, опытыми советниками и любым другим возможным способом»⁴. Денартамент занимался поддержкой борьбы за независимость Пуэрто-Рико, кампаниями за ликвидацию военно-морской базы США Гуантанамо на Кубе, вывод американских войск с Гаити и из Доминиканской республики, прекращение американской эксплуатации в Латинской Америке. Однако Латинская Америка была только одной из сфер деятельности этой структуры, которая курировала работу с антиимпериалистическими движениями в различных регионах и диаспорами в США, например развивала отношения с китайскими националистами, жившими в Соединенных Штатах, филиппинцами и т. д.⁵ Первоначально предполагалось, что в задачи денартамента будет входить и борьба против дискриминации негров в США, но в конечном счете было признано целесообразным вовлечь в решение этой проблемы всю партию⁶. После создания ВААИЛ, североамериканскую секцию которой возглавил также М. Гомес, их функции тесно переплелись. По большому счету, как писал много лет спустя сам руководитель антиимпериали-

¹ Резолюция по национальному и колониальному вопросам // Коминтерн в резолюциях. 2-е изд. М., 1926. С. 94.

² Четвертый конгресс. Восточный вопрос // Коммунистический Интернационал в документах. С. 324.

³ Там же. С. 325.

⁴ Schipman Ch. Op. cit. P. 121.

⁵ Ibid. P. 154.

⁶ Это было связано с выдвижением партией лозунга самоопределения для «черного неоя», обширного региона, простиравшегося через несколько южных штатов, где большинство населения составляли негры.

стического направления деятельности партии, связи с рядом стран ограничивались обычно случайной корреспонденцией, да и сама американская секция ВААИЛ была в большей степени проектом, чем объективной реальностью: организованное рабочее движение ей не интересовалось, она выпускала бюллетени, рассылала ходатайства, лекционные материалы, автором которых в основном был сам Гомес. Ситуация стала меняться только с началом кампании «Руки прочь от Никарагуа», но и она не дала заметных результатов, став заложницей фракционной борьбы в РК(К)ПА: группа Ловстона обвиняла Лигу в нацифизме¹.

Один из основателей КПМ, вернувшийся в Мексику через четыре года после денотации, явно ожидал от своего детища большего. Все его отчеты полны нессимизма и скепсиса. Только настойчивые расспросы дали возможность получить представление о примерном количестве членов партии (191) и ФККМ (25–30), но Гомес считал эти цифры преувеличенными². КПМ была еще очень далека от того, чтобы считаться массовой партией. Хотя мексиканская секция Коминтерна существовала уже шесть лет, она все еще находилась в зародышевой фазе развития ввиду отсутствия прочных связей местных организаций с ЦК КПМ и из-за крайне скверной теоретической подготовки не только рядовых активистов, но и партийных лидеров. Из семи членов ИК, избранных на предыдущем съезде, в нем остался только Р. Каррильо, остальные члены Исполкома были кооптированы, но и в новом комитете реально работали лишь два-три человека. У партии было несколько денутатов в Сенате и парламентах штатов, но ни один из них не был избран от КПМ.

Непростые отношения сложились у партии с крестьянским движением. Массовые крестьянские организации находились под влиянием членов компартии У. Гальвана и П. Тания, которые были членами партии, но это, как полагал Гомес, не являлось заслугой партии в целом. Кроме того, Гальван, по оценке Гомеса, не был коммунистом «с точки зрения понимания коммунистических позиций и обладания действительно коммунистической идеологией», хотя и стремился им стать³.

Гомес расценил Третий съезд как организационный, во многих отношениях первый. «Партия все еще молода, дезорганизована, страшно слаба и идеологически непрочна, однако, несмотря на все это, она медленно понимает, что такое коммунистическое движение, и ста-

¹ Schipman Ch. Op. cit. P. 156–167.

² Gomez M. Report of CP of Mexico... // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 539. Л. 58.

³ Там же, Л. 62. О взаимоотношениях между Гальваном и КПМ см.: Хейфец В.Л. От альянса до разрыва // Латинская Америка. 2003. № 3. С. 36–52.

новится нонемногу настоящей партией. Если бы третий ежегодный конгресс КП Мексики стал моим первым знакомством с мексиканским коммунистическим движением, я весьма бы разочаровался в нем»¹. Тем не менее представитель Р(К)ПА счел состоявшийся съезд «хорошей школой» для его участников, постигших «азбуку коммунизма идеологически и в организационном плане»².

В руководстве партии шла ожесточенная борьба между груной Вольфа – Каррильо и сторонниками бывшего генерального секретаря Диаса Рамиреса, которую американец расценил как кризис, способный привести к открытому расколу или яростной фракционной борьбе. Исполком принял решение приостановить членство в партии М. Диаса Рамиреса, обвинив в открытом и регулярном нарушении партийной дисциплины, «чамбисмо» (стремлении получить работу в правительстве) и других преступлениях. Диас Рамирес со своей стороны, соглашаясь с тем, что имело место нарушение дисциплины, обвинил всю партию в недисциплинированности, а Исполком «в отсутствии реализма и гибкости в решении конкретных проблем, мелочном преследовании отдельных личностей и фракционных сговорах, осуществленных Вольфом»³. Эта ситуация обещала превратить съезд в столкновение оскорбленных амбиций. При этом Каррильо и Вольф не понимали, что за бывшим генсеком, опиравшимся на поддержку авторитетной парторганизации Веракруса, может пойти большинство делегатов.

Гомес, как он докладывал руководству Р(К)ПА, не хотел вмешиваться в дела мексиканской партии, но, опасаясь, что съезд увязнет в дрязгах вместо разрешения жизненно важных проблем, все-таки в конце концов взялся на себя роль посредника в улаживании внутрипартийного конфликта. Был создан комитет, куда вошли Вольф, Диас Рамирес и Гомес, договорившийся о компромиссе: убрать из дискуссии необоснованные личные вынады; никого не исключать; принять жесткую резолюцию по вопросу о дисциплине, которая должна стать основой для будущего поведения обеих сторон, но без упоминания каких-либо прошлых преступлений. Вольф и Диас Рамирес в конце концов согласились, что ничто не мешает им работать вместе в будущем. Американец видел в партии других кандидатов на исключение, например, Н. Кано, но считал, что с «Рамиресом нельзя обращаться так же, как с Кано, даже если бы его оппортунизм был явно продемонстрирован. Власть и авторитет Вольфа и Каррильо, с одной сто-

¹ Gomez M. Report of CP of Mexico... // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 539. Л. 56, 69.

² Там же. Л. 56.

³ Там же. Л. 54.

роны, и Рамиреса с другой, слишком сильны и слишком слабы для того, чтобы выносить эту борьбу на конгресс, поскольку это сильно повредит партии»¹.

Но самым главным для Гомеса являлось решение проблемы организации континентального антиимпериалистического движения. Принципиальных разногласий по теоретическому аспекту не возникло: мексиканские коммунисты исходили из того, что американский империализм становится доминирующим в Латинской Америке, признавая невозможность «настоящего освобождения мексиканских рабочих до свержения власти Уолл-стрита». Гомес считал, что шаг вперед по сравнению с восприятием этих проблем «несколько лет назад, когда партия была озабочена национальными проблемами»². Очевидно, он самокритично говорил о времени, когда он был одним из руководителей мексиканской компартии и ее делегатом на II конгрессе Коминтерна.

От имени американской партии ее делегат предложил съезду следующую программу сотрудничества в антиимпериалистическом движении: КПМ приступает к организации мексиканской секции Панамериканской Антиимпериалистической Лиги; будущий комитет ПААИЛ создаст специальный орган для проведения организационной работы на основе единого фронта; съезд КПМ объявит о поддержке идеи проведения конгресса ПААИЛ в Мексике или Аргентине 1 ноября 1925 г. и пообещает энергичное сотрудничество в проведении работы конгресса; параллельно с антиимпериалистическим конгрессом будет организован Латиноамериканский крестьянский конгресс³. Также планировалось проведение по всей Америке

¹ РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 539. Л. 55. Предлагая же на заседание Капо, Гомес явно припомнил ему конфликты периода борьбы за объединение партии в 1921 г.

² Там же, Л. 64.

³ Идея М. Гомеса об организации конгрессов была красивой, но авантюрной. Мексиканские коммунисты сразу обратили внимание на нереальность их проведения в столь сжатые сроки. Определение места их проведения и вовсе можно отнести к гаданию на кофейной гуще. Так как не удалось быстро получить ответ от президента Мексики П.Э. Кальеса, к которому обратился за поддержкой бывший министр сельского хозяйства Р. де Негри (по просьбе Гомеса и при посредничестве Пестковского), было решено, что местом конгресса станет Буэнос-Айрес. Сам Гомес сетовал: «То, что мы столь уверенно ищем, где в Западном полушарии можно провести конгресс, является определено не требующим комментария фактом необходимости антиимпериалистической работы!» Проект программы антиимпериалистической конференции предполагал участие представителей всех латиноамериканских стран, Коминтерна, братских делегаций (Филиппин и др.), обсуждение проблем империалистического господства в Латинской Америке и единства антиимпериалистической борьбы с междонародным движением рабочего класса, индейской расовой проблемы; задач ПААИЛ; отношений с другими антиимпериалистическими силами; решение организационных вопросов ПААИЛ (финансы, пресса, выборы руководителей и постоянного испол-

антиимпериалистической недели, в течение которой коммунистические и сочувствующие им организации должны были вести специальную пропагандистскую кампанию, издать антиимпериалистические номера газет, провести митинги, демонстрации около американских консульств и представительств¹.

Во время переговоров с руководителями мексиканской секции АИЛ разногласия возникли по вопросу, на первый взгляд, второстепенному – местонахождению штаб-квартиры континентальной лиги². Вольф считал целесообразным разместить ее в Мехико. По его словам, даже некоторые мексиканцы признавали это неверным, полагая, что авторитет американской партии по сравнению с КПМ, ее зрелость и опыт, ее положение в своей стране делают необходимым размещение руководства ПААИЛ в США³. Возможно, для самого Вольфа это был вопрос личных амбиций. Учитывая тот энтузиазм и самоотверженность, которые он и его жена Элла проявили при создании Лиги в Мексике, американец мог рассчитывать на роль первой скрипки в континентальном движении. В этот момент он ощущал себя мекси-

кома). Широкий размах предлагалось придать и крестьянскому конгрессу. Гальван предложил не ограничиваться латиноамериканскими крестьянами, а пригласить также канадских и американских. Не нужно даже гадать, почему оба эти мероприятия не состоялись. Средства должен был изыскать финансовый комитет в составе Гальвана, Пестковского и Гомеса. Для организации подготовительной работы в Центральной Америке деньги должен был предоставить Пестковский, оплатить расходы мексиканских крестьянских делегатов – Гальван. Основную часть средств должна была найти американская партия. Гомес М. Доклад о КП Мексики... // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 539. Л. 70–72. Финансы не поступили. Деньги от Коминтерна в любом случае нельзя было получить в столь короткие сроки, а у самих партий такие средства отсутствовали. Для финансирования требовалось полное одобрение ИККИ идеи Гомеса, а такого вердикта не было. Интересы к континентальным конференциям не проявил и только что созданный региональный орган Коминтерна – Южноамериканский секретариат.

¹ Gomez M. Report of CP of Mexico... // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 539. Л. 64.

² Там же. Л. 65.

³ Немаловажным фактором была и финансовая зависимость мексиканской секции от американской. Антиимпериалистический департамент НК РК(К)ПА обязался изыскать средства на материальное обеспечение Мексиканского Секретариата ПААИЛ, 150 долларов в месяц на создание и функционирование самого Секретариата, 100 долларов на зарплату Б. Вольфу и 50 долларов на издание и распространение ежемесячного органа Лиги «El Libertador». Правда, за четыре месяца, прошедшие от принятия этого решения до поездки Гомеса в Мексику, эти деньги не поступили. Несмотря на дефицит средств, Мексиканскому Секретариату удалось начать работу, в том числе публикацию журнала, вызвавшего с самого начала интерес в антиимпериалистических кругах, что позволило установить контакты с некоторыми известными латиноамериканскими интеллектуалами, например Х. Васконселосом, Х. Инхьерросом, К. Леоном, руководителем оппозиции венесуэльскому диктатору Х.В. Гомесу. Gomez M. Report of CP of Mexico... // Там же. Л. 66; Заседание субкомитета... // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 534. Л. 1.

канским коммунистом и искренне рассчитывал на то, что центр будет находиться в Мексике.

Компромиссное решение было найдено на встречах Гомеса с Вольфом, Каррильо при участии Пестковского: в Мексике будет работать технический центр ПААИЛ и издаваться «Эль Либертадор». Это было признано единственно верным путем, учитывая наличие в Мексике больших возможностей для подготовки материалов на испанском языке. Руководящий же центр, однако, должен был находиться в США, и ни одно важное решение не могло приниматься без одобрения американской партии, а Вольф и Мексиканский Секретариат обязывались выполнять инструкции Антиимпериалистического департамента Исполкома РК(К)ПА¹. При этом принято решение о необходимости действовать от имени Лиги, что «не должно быть коммунистического ярлыка». Другим компромиссом стало изменение названия Лиги, во избежание возможной неправильной интерпретации, с Панамериканской на Всеамериканскую.

Практическим итогом пребывания Гомеса в Мексике можно считать также рекомендации для РК(К)ПА: расширить подписку на «El Machete»; распространять «El Libertador» столь же широко как орган самой партии; увеличить помощь Мексиканскому Секретариату ВААИЛ до 200 долларов в месяц и обеспечить регулярность вылат. Из Мексики Гомес связался с кубинскими товарищами, предложив им создать кубинскую секцию ВААИЛ. Гватемальскую секцию обязался организовать представитель КПЦА, присутствовавший на съезде².

Уезжал «братский делегат» РК(К)ПА из Мексики полный надежд. Окончательный вывод о работе III съезда КПМ был оптимистичным: он «организовал разбросанные силы и научил их азбуке. Партия только начинает двигаться, преодолевая многочисленные препятствия и фальстарты – но она находится на правильном пути»³.

Тем большим было его разочарование, когда на будущий год он вновь оказался представителем своей партии на съезде КПМ. «Мексиканская партия находится в безусловно скверном состоянии», – писал он в Чикаго. Численность партии практически не увеличилась: мексиканцы называли цифры от 150 до 200 коммунистов, но их значительную часть нельзя было считать формальными членами партии. Реально действующими организациями за пределами

¹ Gomez M. Report of CP of Mexico... // Там же. Л. 69–70.

² Там же. Л. 72. Если кубинцы с энтузиазмом откликнулись на этот призыв и немедленно учредили национальную секцию Лиги, то в Гватемале это произошло только через полгода при прямом участии Мельи и перуанцев Террероса и Павлетича.

³ Там же. Л. 69.

Мехико являлись ячейки в Орисабе и Тамнико, но и они отстаивали независимость от Исполкома. С новой силой всыхнул конфликт в руководстве партии, затушенный на предыдущем съезде, и ячейка Халаны (штат Веракрус) во главе с Диасом Рамиресом, Гальваном и Альмансой де-факто отделилась от партии и вступила в иротивостояние с Исполкомом, намеренным исключить из КПМ Диаса Рамиреса¹. В основе кризиса на сей раз было «механическое применение дисциплины в партии, которое вообще уничтожает остатки дисциплины»: Гомес расценивал это как «типичную ультралевацкую глупость», ибо такой шаг неизбежно повлек бы за собой разрыв с 30 тыс. членов крестьянских лиг Веракруса и расколу партии².

В связи с обсуждением «дела Диаса Рамиреса» возник серьезный клубок иротиворечий, в центре которого оказались все три иредставителя Коминтерна, участвовавшие в съезде: американец Гомес, швейцарец Воог, ириехавший в качестве официального иредставителя ИККИ, и неофициальный эмиссар III Интернационала, нолиред Пестковский («Андрей»). Именно последний выступил инициатором исключения Диаса Рамиреса «как духовного вдохновителя нолитики крестьянского союза», усмотрев у КПМ «троцкистские тенденции» в крестьянском вопрое. ИККИ ириостановил ироцесс исключения, и убедил находившегося в Москве Карильо в носнешности таких действий. Отметим, однако: такая ноциция Коминтерна не была иоддержкой бывшего геисека, она исоходила из нонимания нагубности раскола КПМ с крестьянским движением³.

Пестковский крайне болезненно восиринял иодобный иодход и заявил Воогу, что в случае реабилитации Диаса Рамиреса ему иридется иодать в отставку с должности нолиреда, носкольку возвращение того в руководство он нолагал дезавуированием своей (Пестковского) нолитики; Гомес услышал от старого большевика и еще более жесткое заявление: «...лучше всего было бы раснустить эту чёртову контору, оставив лишь грунну для иронаганды»⁴. Между тем реиоие нолиреда оказалось иодорвано инцидентом, связанным с субвенцией Крестинтерна Лиге крестьянских общин Веракруса, направленной через нолиредство, но до Гальвана не дошедшей. Пестковский удерживал деньги, так как хотел сначала выяснить, каково будет решение Коминтерна по новоду конфликта с Диасом Рамиресом.

¹ Письмо Г. [М. Гомеса], 24 апреля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 717. Л. 8. См. иодробнее: Хейфец В.Л. От альянса до разрыва...

² Письмо М. Гомеса. Мехико, 4 мая 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 311. Л. 9.

³ Stürner. An die Mitglieder der Kleinen Kommission. Ueber die Fuehrung der KP M durch den Gen. Andres // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 61. Л. 75.

⁴ Письмо Г. [М. Гомеса], 24 апреля 1926 г. // Там же. Ф. 515. Он. 1. Д. 717. Л. 5.

Позже он передал деньги, но это дало возможность гальванистам за-
нодозреть нолнреда в нежелании передавать средства.

Передача денег из Москвы, да еще через носольство, была, ко-
нечно, делом совершенно секретным. Само собой разумеется, что в
партии об этом должны были знать единицы. Вынесение конфлик-
та на трибуну съезда, да еще и с нодозрениями в адрес советского
нолнреда означало грандиозный скандал¹. И здесь Гомесу нришлось
сыграть важную роль. Воог предложил создать комиссию в соста-
ве Р. Каррильо, казначея КПМ Х. Герреро и М. Гомеса и предложить
ей обсудить с сотрудниками нолнредства экономическое ноложение
партии, в том числе и конфликт, связанный с деньгами Крестинтерна.
Таким образом, нредставитель американской компартии оказался
своеобразным третейским судьей, как единственное не заинтересо-
ванное в этом деле лицо. Итогом работы комиссии была констатация
нольного беспорядка в учете средств. Казначей ЦК, носкольку деньга-
ми распоряжалось нолнредство, никаких книг не вел, источниками
ноступлений не интересовался. На съезде с большим трудом удалось
убедить инициаторов обсуждения в отсутствии злоупотреблений со
стороны генерального секретаря партии и казначея, а тем более со-
ветского нолнреда.

Вновь в центре отношений КПМ и Р(К)ПА оказался вопрос рабо-
ты ВААИЛ. Позиция мексиканцев о необходимости онределить мес-
том функционирования Континентального комитета Мехико, была
ноддержана Воогом, которого американский делегат унрекнул в но-
дверженности «влиянию особых “корыстных интересов” Латинского
отдела [ИККИ]». Представитель ИККИ нри этом сослался на реше-
ние Исполкома о недонустимости для компартии США «совать руки
в дела латиноамериканских партий» и предложил КПМ «наблюдать
за кубинским и центрально-американским движением и руководить
им». Гомес воспринял эти предложения «ввиду нынешнего ноложе-
ния в мекс. партии (нринятого и ноощряемого Штирнером)... как
дурную шутку»². Делегат Р(К)ПА не возражал нротив того, чтобы
Мексика была центром Лиги, но увязывал это с вопросом о финансах,
нодходящих для работы товарищах из США и т. н., и нодчеркивал
невозможность для мексиканской компартии возглавить эту работу.
Идеалом организации работы Гомес видел центр Лиги в Мексике с
работающими в нем американцами и нродолжал настаивать на необ-
ходимости иметь «нодлинный руководящий центр» в Соединенных

¹ Подробнее см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., Станислав Пестковский. Товарищ
Андрей.

² Письмо М. Гомеса, Мехико, 4 мая 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 311.
Л. 9 об.

Штатах и «открытый центр» в Мексике. И Воог, и ИК КПМ такую нозицию воспринимали минимум как недоверие, максимум – как оскорбление. При всей слабости мексиканской партии в ее рядах были такие личности, как Х.А. Мелья, С. де ла Пласа, Г. Мачадо, которые и возглавляли Континентальную Лигу и, вне всякого сомнения, могли составить конкуренцию нока еще никому (в том числе и самому Гомесу) не известным американским борцам против имнериализма (если, конечно, он не имел в виду самого себя как кандидата на роль вождя ВААИЛ).

Американская партия унекала мексиканских коллег за ошибки в антиимнериалистической работе, особенно проявившиеся в момент обострения мексикано-американских отношений. КПМ онубликовала манифест с критикой Кальеса, в то время как широкие массы поддерживали президента, а Р(К)ПА направила ему телеграмму поддержки: «Вся Мексика закинала против Уолл-стрит – кроме мекс. КП». Ультралевая нозиция в отношении ирительства не позволила использовать пронагандистские возможности в разгар конфликта¹.

Руководство КПМ критический настрой Гомеса по вопросу, решение которого считалось в партии наиболее уснешным, явно не устраивал. Не могли иринять в Мехико и настойчивое желание директора Антиимнериалистического денартамента Р(К)ПА добиться перемещения центра ВААИЛ в Соединенные Штаты. Понимали или не понимали лидеры КПМ, что это была нозиция американской партии, а не Гомеса, возможно, лишь усиленная его личными амбициями, не имело значение. Партия развернула против одного из своих основателей нозиционную войну, целью которой было отстранить главного критика политики КПМ в американской секции Коминтерна. Это наступление продолжалось долго и в конечном итоге иривело к уснеху. Правда, заключительный залп ирозвучал не стороны КПМ, а был связан с внутринартийной борьбой в компартии США.

Долгое время с латиноамериканским коммунистическим движением был связан еще один американский коммунист – Дж. Хартфилд (Х. Неварес Сагер), один из самых таинственных персонажей латиноамериканского коммунистического движения. Он часто уоминается в литературе, но ни один автор не говорит о подробностях жизни этого человека. К сожалению, нет его личного дела, даже самого краткого, и в архиве Коминтерна. Поэтому больше можно сказать о том, что сделал американский коммунист, но не о том, кто он. Впервые его имя ирозвучало в связи с формированием первой коммунистической организации Пуэрто-Рико.

¹ РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 311. Л. 9 об.

Официальная дата основания Пуэрториканской коммунистической партии – 23 сентября 1934 г.¹ Официальное издание Коминтерна уточняло: создана из ранее действующих коммунистических групп, чем была восстановлена историческая справедливость и право говорить о почти восьмилетней деятельности коммунистов острова до провозглашения партии².

Именно Х. Неварес предпринял попытку осуществить на практике форму основания компартии через развитие Антиимпериалистической Лиги, предложенную в Мексике М. Гомесом. Пока не обнаружены документы о том, как он оказался в Латинской Америке: выполнял ли задание партии, предложил ли сам услуги в качестве разъездного агента РК(К)ПА, решая какие-то свои задачи. Нет ясности с организационно-финансовой стороной его миссии. Партия его либо не финансировала, либо материальное обеспечение было настолько мизерным, что он был вынужден в конечном итоге прервать свою работу по организации коммунистического движения в Пуэрто-Рико по причине безработицы и переехать в Нью-Йорк, чтобы уже не вернуться на остров, бросив дело, которым занимался столь умирно длительное время³. Важно другое: именно в тот момент, когда партия получила поручение поддерживать коммунистическое движение в зависимых от США странах, Х. Неварес стал нужным человеком в нужном месте.

Неварес приехал в Пуэрто-Рико еще в 1925 г.⁴ Отчеты о работе он направлял в Антиимпериалистическую Лигу (М. Гомесу) и лично ге-

¹ Коммунисты мира – о своих партиях. Прага, 1976. С. 190.

² Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы). М., 1935. С. 422.

³ Письмо Х. Невареса Сагера [Дж. Хартфилда] Джею Ловстоу, Организационный Департамент Рабочей (коммунистической) партии, 16 марта 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 515, Оп. 1, Д. 1011, Л. 20.

Неварес был вынужден сменить работу из-за конфликта с работодателем и переехать в Сан-Хуан, но и здесь его положение было неблагоприятным. Долгое время он являлся безработным, пахотился на грани голода и не видел никакой перспективы занятости в условиях массовой безработицы в Пуэрто-Рико, кроме возможности получить место на борту судна и покинуть остров. Письмо Джеймса Н. Сагера [Дж. Хартфилда] Ч. Рутенбергу, Генеральному Секретарю Рабочей (Коммунистической) партии Америки. Сан-Хуан, Пуэрто-Рико, 15 июня 1926 г. // Там же. Д. 717, Л. 18. Важно отметить отсутствие какой-либо реакции руководителей РК(К)ПА на столь драматичное заявление своего посланца. Ни в одном письме нет даже намёка на предложение Неваресу хотя бы минимальной материальной помощи, несмотря на то что его отъезд из Пуэрто-Рико грозил пустить насаженный им с трудом процесс формирования коммунистической организации на самотек или даже уничтожить его. Кроме того, опасность для зарождающегося коммунистического движения заключалась в наличии иммигрантских пастроний у значительной части потенциальных членов КПР.

⁴ В письме, датированном мартом 1927 г., он пишет, что находится на острове уже 20 месяцев.

неральному секретарю Р(К)ПА Ч. Рутенбергу. Возможно, только эти двое руководителей и были в курсе подробностей миссии Невареса. В соболезновании по поводу смерти Рутенберга генеральный секретарь Коммунистической Лиги Пуэрто-Рико Д. Боскана подчеркивал, что Лига *была создана по его инициативе* и усилиями Х. Невареса Сагера, «который работал, подобно Титану, для достижения цели»¹, а сам эмиссар американской партии писал его иреемнику Д. Ловстону: «С потерей товарища Рутенберга, который поддерживал наши усилия строить наше движение здесь, в Пуэрто-Рико, мы обращаемся к Вам, как ведущему партийному организатору, чтобы вознакопить с нуэртотриканской ситуацией так, чтобы Вы могли предоставить, так же как и тов. Рутенберг, Вашу помощь в решении наших проблем»².

Значительная часть документов нанечатана на бланках нуэртотриканской секции ВААИЛ с указанием реквизитов всех остальных секций, что позволяет с уверенностью говорить о наличии двух составляющих его задач: чисто партийного (скрытого) – создание коммунистической организации и явного – основание местной секции ВААИЛ.

Ситуация в Пуэрто-Рико разительно отличалась от общей латиноамериканской тем, что остров был настоящей колонией США. Кроме того, лидеры АФТ стремились превратить нуэртотриканское рабочее движение в одну из основ формирования Панамериканской Федерации труда и достаточно иреуснили в этом. По оценке Невареса, бюрократический ирофсоюзный аннарат С. Иглесиаса, в то время исанского секретаря ПАФТ, полностью доминировал в организованном рабочем движении³. Задача по формированию отделения Антиимпериалистической Лиги была выполнена достаточно быстро. Трудно судить о масштабах ее деятельности, но активность она (или ее национальный секретарь Х. Неварес) проявляла большую, откликаясь на все мало-мальски значимые события декларациями, телеграммами, демонстрациями. К сотрудничеству с Лигой была иривлечена Националистическая партия, с которой по ряду вопросов удалось достичь взаимонимания. Неварес смог иреодолеть колебания вице-президента Националистической партии П. Альбиса Камноса, онасававшегося слишком близкой связи между Антиимпериалистической Лигой и коммунистами. При этом лидер националистов выражал личную тернимость к коммунистиче-

¹ Письмо Д. Босканы Торреса, генерального секретаря Коммунистической Лиги Пуэрто-Рико Исполнительному Совету Коммунистической Лиги Соединенных Штатов. Понсе, Пуэрто-Рико, 15 марта 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1011. Л. 17.

² Письмо Х. Невареса Сагера [Дж. Хартфилда] Джею Ловстону...

³ Там же.

скому движению и не возражал против участия коммунистов в Лиге, но опасался способствовать созданию Лиги в Пуэрто-Рико под контролем компартии. Принципиальное расхождение между пуэрториканскими националистами и коммунистами заключалось в том, что первые выступали с воинственным требованием немедленной и полной независимости острова, подчиняя достижению этой задачи решение всех остальных проблем. Альбису Каминес опасался того, что активность ВААИЛ в Пуэрто-Рико будет сужать поле деятельности для его партии, но выражал готовность поддерживать Лигу в ее борьбе на международной арене¹.

О деятельности секции ВААИЛ регулярно и вполне благожелательно писала пуэрториканская пресса². При этом общественное мнение вряд ли догадывалось о бесснорном влиянии чикагского офиса ВААИЛ на младшего собрата. По сути, вся деятельность пуэрториканской секции находилась под контролем М. Гомеса, вмешательство зачастую было минимальным³.

С опорой на актив пуэрториканской секции ВААИЛ и под ее легальным прикрытием Х. Неварес начал работу по созданию Коммунистической Лиги. Избрание такой формы коммунистической организации было связано с рекомендациями РК(К)ПА. Т. Дрейнер писал: «В Пуэрто-Рико и других местах т. н. Антиимпериалистическая Лига подготовила нуть для возникновения местных компартий. В 1926 г. Гомес получил первую просьбу из Пуэрто-Рико на право основания ветви этой партии в США (до того времени, пока движение в Пуэрто-Рико не станет достаточно сильным, чтобы основать самостоятельную партию)». Североамериканцы, однако, решили, рекомендовать пуэрториканским коммунистам основать «коммунистический кружок», управляемый из США «до того времени, пока он не сможет функционировать самостоятельно»⁴.

Неваресу удалось создать две группы, симпатизирующих коммунистической идее: в Понсе и Сан-Хуане. Он не интенсифицировал работу, осторожничая при привлечении тех, «кто не проявил себя как коммунистический элемент». Все члены двух первых коммунистиче-

¹ Письмо Джеймса Н. Сагера [Дж. Хартфилда] Мануэлю Гомесу, секретарю Всеамериканской Антиимпериалистической Лиги. 2 февраля 1926 г. Пуэрто-Рико // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 917. Л. 2.

² Письмо Х.Н. Сагера [Дж. Хартфилда] Ч.Э. Рутенбергу, генеральному секретарю Коммунистической (Рабочей) партии. Сан-Хуан, Пуэрто-Рико. 24 августа 1926 г. // Там же. Д. 717. Л. 27–28.

³ М. Гомес, например, в одной из телеграмм предписывает Неваресу телеграфировать Кальесу о поддержке пуэрто-риканской секции в конфликте с церковью. Телеграмма М. Гомеса Х. Неваресу Careпу. 4 августа 1926 г. // Там же. Д. 917. Л. 15.

⁴ Draper Th. The American Communism and Soviet Russia. New York, 1960. P. 178.

ских групп являлись рабочими, в основном табачниками. В каждой группе был избран секретарь, связанный с Неваресом, игравшим роль генерального секретаря и организатора. Следующим шагом стало проведение собрания делегатов обеих групп для создания временного Исполкома Коммунистической лиги Пуэрто-Рико, принятия программного заявления, *предложенного американской компартией*, и составления плана коммунистической пропаганды с целью «привлечения ценных элементов в других центрах острова и прокладывания пути для всеостровной коммунистической конференции»¹.

Неварес оценивал политическую ситуацию в Пуэрто-Рико как «блестящую для коммунистов возможность привлечь на свою сторону рабочих и обрести поддержку масс»². Но для того чтобы стать «важной силой в течение нескольких месяцев», КЛПР не хватало простейших средств пропаганды, и организатор пуэрториканского коммунистического движения возлагал надежду на возможности американской партии публиковать издания на испанском языке с тем, чтобы, продавая достаточное количество экземпляров, не только возмещать расходы, но даже получать прибыли³. Обещанной американской партией помощи, по заявлениям Невареса, неофиты коммунистического движения в начальный период не получили. Возможно, это было связано с болезнью Рутенберга, напрямую курировавшего пуэрториканский проект, но подобное в полной мере отражает общую ситуацию в Коминтерне.

Официально Коммунистическая Лига Пуэрто-Рико была основана на собрании в Понсе 6 марта 1927 г.⁴ после доклада Невареса (о положении рабочего класса и принципах его организации на основе международного коммунизма и идеях Маркса и Ленина), объявившего

¹ Письмо Х.Н. Сагера [Дж. Хартфилда] Ч.Э. Рутенбергу, генеральному секретарю Коммунистической (Рабочей) партии. Сан-Хуан, Пуэрто-Рико, 24 августа 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 717. Л. 28.

² Там же.

³ Там же. Для самого же Невареса главной трудностью в его миссионерской работе было то, что, работая на плантации в Майагесе 6 дней в неделю и получая мизерную зарплату, он не имел возможности свободно ездить по стране для установления контактов. Это не мешало ему с оптимизмом смотреть в будущее: «Эти препятствия могут сдержать мои усилия, но никогда не ослабят их», – писал он в Чикаго, выражая надежду на то, что «когда удастся скопить достаточно денег, чтобы жить на них несколько дней, скажем неделю, я посетю Сан-Хуан, и буду пробовать найти работу неподалеку, поскольку Сан-Хуан – лучшее место, чтобы продолжить деятельность». Письмо Джеймса Н. Сагера [Дж. Хартфилда] Мануэлю Гомесу, секретарю Всеамериканской Антиимпериалистической Лиги, 2 февраля 1926 г. Пуэрто-Рико // Там же. Д. 917. Л. 4.

⁴ В учредительном собрании приняло участие 16 человек. Письмо Х. Невареса [Дж. Хартфилда] Джекю Ловстоу, Список товарищей, учредивших Коммунистическую Лигу Пуэрто-Рико, 16 марта 1927 г. // Там же. Д. 1011. Л. 19.

об ее непосредственном присоединении к III (Коммунистическому) Интернационалу. КЛПР провозгласила полное согласие с принципами и тактикой Коминтерна и выразила убеждение, что ее деятельность в борьбе за интересы эксплуатируемой массы Пуэрто-Рико будет успешной только тогда, когда она примет руководство и дисциплину III Интернационала и станет неотъемлемой частью международных революционных сил¹. Был сформирован Исполком КЛПР, специфика структуры которого заключалась в назначении Х. Невареса Сагера «Генеральным Организатором» при наличии поста Генерального секретаря, на который был избран Д. Боскана Торрес, и во введении должностей организаторов для разных регионов, агента (корреспондента) «El Machete» (органа КПМ), делегата КЛПР в Антиимпериалистической Лиге².

В заявлении КЛПР говорилось об острой потребности рабочего класса и крестьянства Пуэрто-Рико в условиях кризиса, угрожающего самому их существованию, когда социалистическая партия во главе с Барсело «бесстыдно сотрудничает с врагами рабочих, как с властью империалистического правительствa, так и с колониальными властями, открыто демонстрируя недостаток понимания характера классовой борьбы и неспособности поднять трудящихся на борьбу, иметь революционного лидера. Революционным элементам пролетариата необходимо объединение для формирования своей партии, какой может быть только коммунистическая партия, партия, призванная вести пролетариат в выполнении его исторической миссии». Исходя из этого коммунисты Пуэрто-Рико объединились «в Коммунистическую Лигу Пуэрто-Рико, цель которой проложить путь к формированию КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПУЭРТО-РИКО» [выделено в документе. – В.Х., Л.Х.]³.

Гордостью Невареса была ячейка КЛПР в Сан-Хуане, в которую входили трое пуэрториканцев, служивших в 65-м полку американской пехоты. Причиной их прихода в КЛПР было озлобление, вызванное «дедовщиной» в полку и репрессивными условиями, господствующими на острове из-за американского присутствия. Коммунисты-военные создавали и дополнительные проблемы: они хотели сохранить инкогнито для гражданских членов Лиги и ограни-

¹ Statement by the Communist League of Porto Rico // Там же. Л. 22.

² Информация об учреждении Коммунистической Лиги Пуэрто-Рико. Понсе, Пуэрто-Рико, 6 марта 1926 г. // Там же. Л. 11. КЛПР решила вступить в качестве коллективного члена во Всеамериканскую Антиимпериалистическую Лигу, чтобы объединиться с ней в борьбе за суверенитет, для защиты крестьян, студентов и интеллектуалов от «прожорливого международного капитализма».

³ Statement by the Communist League of Porto Rico // Там же. Л. 22.

чить свою деятельность пределами полка. Неварес предлагал рассматривать грунну как *армейскую ячейку Рабочей (коммунистической) партии*, выдать ее членам партийные билеты и подчинить напрямую руководству Исполкома американской партии.

Когда личные обстоятельства вынудили Невареса задуматься о необходимости уехать из Пуэрто-Рико, он начал готовить условия для продолжения функционирования своего детища, выражая надежду на подготовленных им пуэрториканцев. Американец рассчитывал на помощь члена компартии Мексики Л. Кабреру, находившегося в Испании, но намеревавшегося вернуться к осени 1926 г. Его положение преподавателя университета могло облегчить организационную работу в КЛПР и способствовать деятельности Антиимпериалистической Лиги¹.

В июле 1926 г. Д. Ловстон затребовал у Невареса информацию о результатах его усилий по организации КЛПР. Очевидно, подробный отчет он получил в личной беседе с уже бывшим «Генеральным Организатором» Лиги в Нью-Йорке, куда тот вернулся из Пуэрто-Рико в 1927 г.²

Вскоре Х. Неварес отправился по новому маршруту – в Колумбию, где разразилась мощная забастовка на банановых плантациях, принадлежавших United Fruit Co. Именно в банановую зону направлялся американский коммунист. И вновь, как и в пуэрториканском случае, до сих пор не обнаружено никаких свидетельств об официальном поручении РК(К)ПА, хотя интенсивная переписка с высшими руководителями партии, работниками Коминтерна и Профинтерна говорит об их заинтересованности в этой поездке и информированности о ней.

В дороге Невареса узнал о ностановлении ИК американской партии по поводу троцкистско-зиновьевской оппозиции в ВКП(б) и решил выразить свое отношение к этим решениям как коммунист, занимающийся антиимпериалистической работой: «В моих действиях в антиимпериалистических движениях в колониальных и полуколо-

¹ Письмо Джеймса Н. Сагера [Дж. Хартфилда] Ч. Рутенбергу, Генеральному Секретарю Рабочей (Коммунистической) партии Америки. Сан-Хуан, Пуэрто-Рико, 15 июня 1926 г. // Там же. Д. 717. Л. 18.

² Телеграмма Генерального Секретаря Сагера [Дж. Хартфилду]. 1 июля 1926 г. // Там же. Л. 22; Письмо Х.Н. Сагера [Дж. Хартфилда] Джейму Ловстону, Нью-Йорк // Там же. Д. 1011. Л. 59.

Дата отъезда Х. Невареса из Пуэрто-Рико неизвестна. Последний доступный нам документ, свидетельствующий о его пребывании на острове (телеграмма КЛПР по поводу смерти Ч. Рутенберга, подписанная Д. Босканой и Неваресом), датирован 30 марта 1927 г. Porto Rico Workers Mourn the Death of Ch.E. Ruthenberg // Daily Worker (Chicago). 30.3.1927.

ниальных странах я нахожу, что угнетенные массы ощущают значение Революции Октября и существования СССР для их собственной эмансипации от империалистического хомута. Мы, кто находится в авангарде движений эмансипации в колониях и полуколониях, глубоко убеждены в растущей силе Диктатуры Пролетариата и успехов социалистической реконструкции в СССР и получаем от них глубокое вдохновение и поддержку, чтобы усилить наши собственные революционные усилия против империализма»¹. Расценив троцкистско-зиновьевскую оппозицию как пробуждающую необоснованный нессимизм относительно возможностей диктатуры пролетариата в СССР, находящемся в империалистическом окружении, Неварес зачислил ее в разряд врагов колониальных движений за эмансипацию и присил учесть его голос против оппозиции в ВКП(б).

Американский коммунист несколько месяцев находился на острове Кюрасао (голландская колония). Видимо, это было связано с необходимостью установить связи с колумбийским и венесуэльским революционным движением². Из переписки Невареса следует, что в сферу его интересов входили обе страны, и он рассматривался в РК(К)ПА как связующее звено с тамошними коммунистами, рекомендации Невареса изучались Политкомиссией ИК партии³.

В зоне Магдалена американец оказался в самом центре «одной из самых захватывающих войн, забастовки, которую когда-либо демонстрировала Колумбия»⁴. Покинув Барранкилью из-за преследований властей после демонстрации, организованной АИЛ, он долгое время находился в банановой зоне, участвуя в работе забастовочного комитета, где, по его собственной оценке, «нреуснел в организации грунн, которые являются в настоящее время динамической силой в руководстве забастовки»⁵, и испытывая все тяготы и опасности, связанные с этой деятельностью⁶.

¹ Письмо Х. Невареса Сагера [Дж. Хартфилда] Исполнительному Секретарю РК(К)ПА Джеймсу Ловстону, Кюрасао, Нидерландская Вест-Индия, 19 января 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1328. Л. 10.

² Возможности работы в Венесуэле он обсуждал, в частности, с членами ЦК СРП Н. Торресом Хиральдо и М. Капо, по рекомендации и с помощью которых предполагал переехать в г. Кукут, откуда он мог связываться с венесуэльскими революционерами.

³ Письмо Исполнительного Секретаря Х. Неваресу [Дж. Хартфилду], 7 апреля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1328. Л. 32; Письмо Исполнительного секретаря РК(К)ПА Джеймса Ловстона Хайме Чакопу [адрес для связи Х. Невареса] // Там же. Л. 104.

⁴ Письмо Х. Невареса Сагера [Дж. Хартфилда] Исполнительному секретарю РК(К)ПА Джеймсу Ловстону, Санта-Марта, Магдалена, Колумбия // Там же. Л. 105.

⁵ Там же.

⁶ В лучшем случае это могла быть депортация, о возможности которой он несколько раз писал в Нью-Йорк.

Помимо организации забастовки американского коммуниста очень интересовала ситуация в СРП. Он предполагал принять участие в национальной конференции партии и в связи с этим просил прислать приветствие от РК(К)ПА, с которым он мог бы выступить¹. Оценивая ситуацию в СРП и признавая устойчивый прогресс, которого она достигла (гегемония в профсоюзном движении и стабильное лидерство в крестьянской массе), Неварес пришел к выводу о наличии в руководстве «авантюристических» тенденций и необходимости создать коммунистическую фракцию как основу для преобразования ее в подлинно коммунистическую партию, устранив из ее рядов оппортунистов. Для решения этой задачи, а также организации и ориентирования движений в соседних Венесуэле и Эквадоре, по мнению Невареса, были необходимы взаимный интерес и сотрудничество американской и мексиканской компартий².

Для большего понимания РК(К)ПА и Коминтерна проблем латиноамериканского рабочего движения значение имела поездка на II конференцию докеров и портовых рабочих Западного полушария в Монтевидео (1926) видного деятеля профсоюзного движения США и Профинтерна Г. Джорджа. Последний считал молодое пролетарское движение континента и его национальные чаяния «колоссальными незадействованными силами» и предлагал использовать в антиимпериалистическом движении все формы деятельности: политическую, экономическую и вспомогательные, как, например, функционирование Межрабона, Континентального комитета моряков и докеров. Американский профсоюзный лидер пришел к выводу о наличии важных обстоятельств, облегчающих в Латинской Америке антиимпериалистическую деятельность революционного пролетариата: слабость местной буржуазии; возможность для пролетариата стать решающим фактором в борьбе между феодализмом и капитализмом или в борьбе между различными империалистическими интересами; общность языка (за исключением Бразилии); наличие противоречий между национальными правительствами³.

Неблагоприятными условиями развития рабочего движения помимо давления империалистов и прислуживающих им правительств Г. Джордж считал «коренящиеся в самом сердце нашего

¹ Письмо Х. Невареса [Дж. Хартфила] Исполнительному Секретарю РК(К)ПА Джей Ловстону. Барранкилья, Республика Колумбия, 21 марта 1928 г. // Там же. Л. 25.

² Письмо Х. Невареса Сагера [Дж. Хартфила] Исполнительному Секретарю РК(К)ПА Джей Ловстону. Сьенага, Колумбия, 25 ноября 1928 г. // Там же. Л. 91.

³ Заключение по докладу Гаррисона Джорджа Рабочей партии о конференции в Монтевидео, 4 апреля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 30. Л. 2.

движения» неорганизованность профсоюзного движения и отсутствие четкой его направленности; провинциализм и незрелость компартий; отсутствие организационной связи «между колониальными областями и областями и антиимпериалистическими силами внутри империалистической страны». Впервые в его докладе прозвучала жесткая оценка деятельности новой региональной структуры ИККИ («Южноамериканский секретариат Коммунистического Интернационала больше существует на бумаге, нежели чем в реальности») и ВААИЛ («Лига, строго говоря, стремится только к приобретению какой-нибудь значимости»). Серьезным недостатком работы Профинтерна он считал «отсутствие организационных структур в Южной Америке, несмотря на заметную симпатию, которой он пользуется»¹.

Американский коммунист предложил развернутый план организационных мероприятий, который просил направить в Коминтерн и Профинтерн. Важнейшее из предложений касалось организации в Монтевидео Временного бюро КИП во главе с функционером, уже имевшим опыт профсоюзной работы в Европе или в Северной Америке. Выбор Монтевидео объяснялся тем, что он достаточно близко расположен к Буэнос-Айресу для налаживания сотрудничества с Южноамериканским секретариатом Коминтерна, но «достаточно удален для того, чтобы Временное Бюро могло сохранить независимое от партии существование»².

Лиге Профсоюзного Образования США предлагалось создать латинскую секцию (в т. ч. информационную службу и систему связи) для сотрудничества с Бюро в Монтевидео и контроля за деятельностью Профинтерна в Мексике и Центральной Америке, при этом предусматривалась кооптация в Национальный Комитет ЛПО представителей мексиканских и кубинских профсоюзов. Учитывая крайнюю дезорганизацию рабочего движения, все партии Латинской Америки должны были, согласно плану Г. Джорджа, предпринять кардинальные меры по объединению профсоюзного движения в национальном масштабе.

Автор проекта категорически возражал против рекомендаций III конгресса Профинтерна считать Мексику центром союза между Северной и Южной Америкой: «Ничтожность организаций, равно как и удаленность и сложности с коммуникациями, говорят против этих решений... главные центры Южной Америки, особенно расположенные на восточном побережье, слишком удалены, чтобы здесь была

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 30. Л. 2.

² Там же. Л. 4.

налажена работа, обеспеченная Мексикой... эта система подчеркнет уже характеризующий эти страны провинциализм»¹.

Особое внимание уделялось ответственности американской компартии за состояние дел в рабочем движении Латинской Америки, необходимости поручить организационную работу там коммунистам из США, обладающим опытом партийной работы, направив одного из них в Мексику с поручением обеспечить контроль за ситуацией в Центральной Америке, другого – в Буэнос-Айрес для участия в деятельности ЮАСКИ и взаимодействия с компартиями Аргентины, Уругвая и Парагвая. Третий американский делегат должен был отправиться в Чили для налаживания партийной работы в Перу и Боливии. В сущности, Г. Джордж предлагал поставить латиноамериканское революционное движение под контроль американской секции Коминтерна, но под руководством ИККИ.

Вместе с тем он имел в виду и расширение участия самих латиноамериканских партий в деятельности регионального органа Коминтерна, предлагая ввести бразильского представителя в Южноамериканский секретариат Коминтерна и Бюро Профинтерна в Монтевидео. Таким образом, ЮАСКИ должен был функционировать при участии уже работающего аргентинца (Пенелона), делегатов РК(К)ПА и КПБ и объединить политическую и экономическую работу в Бразилии и в соседних испаноязычных странах.

Предлагались радикальные меры по перестройке руководства ВААИЛ с целью превращения его в подлинно Континентальный комитет: направить туда как представителя Южной Америки члена ЦК КПУ Э. Пейро, «способного вести эту работу и умеющего быстро переводить с английского на испанский», а также делегата Соединённых Штатов, и вообще иметь «определённую представительскую базу для выполнения работы, которая не может быть выполнена теми или иными личностями, так как наши латинские товарищи слишком чувствительно реагируют на «командование»». В расширении регионального представительства в Комитете Г. Джордж видел реальную возможность привлечь к деятельности Лиги намного больше беспартийных сторонников. Для этого следовало также «покончить с явным контролем партии над Бюро Лиги и всех его секций».

Находясь в Мексике, Континентальный комитет должен был тесно сотрудничать с американскими коммунистами, которые будут работать в Латинской Америке, Латинской секцией Лиги профсоюзного просвещения, Бюро Профинтерна в Монтевидео и ЮАСКИ (расширенным и реорганизованным на репрезентативной базе), и при этом

¹ Там же, Л. 5.

следует «сгруппировать все формы и цели нашей работы против империализма Соединенных Штатов»¹. Это могло стать началом активности Лиги как Единого фронта. Для активизации пропагандистской деятельности Лиге предлагалось организовать публикацию своих изданий в США на английском языке, в Мексике и Аргентине – на испанском и найти возможность наладить параллельное издание на португальском.

С учетом серьезных экономических связей британских колоний на Больших и Малых Антильских островах с Канадой Г. Джордж предлагал создать в ней секцию ВААИЛ, которая развернет деятельность на Антильских островах в защиту «темнокожих туземцев и китайских и индийских иммигрантов от жестокого колониального угнетения, практикуемого во всех английских владениях»². Для обобщения опыта своей деятельности Всеамериканская Антиимпериалистическая Лига должна была провести региональные конференции, а затем созвать континентальную конференцию³.

Дух рекомендаций Г. Джорджа в значительной мере оказал влияние на формирование позиций Коминтерна и Профинтерна по отношению к работе в Латинской Америке, но далеко не сразу и не в полном объеме. Во всяком случае, Профинтерн в ближайшие годы действовал в соответствии с рекомендациями американского коммуниста, который и сам участвовал в их реализации.

Интерес американской секции Коминтерна к развитию латиноамериканского коммунистического движения в 1920-е гг. был очевиден. При этом он долго был созерцательным: нерешительность, советы, рекомендации, получение информации. Вряд ли можно считать Р. Блекуэлла, Д. Хартфилда и А. Коэн «серьезной группой работников», которую ИККИ предлагал американской компартии направить в Латинскую Америку, но то, что американские коммунисты, работавшие в латиноамериканских странах, были самоотверженными и целеустремленными миссионерами коммунистических идей, искренне стремившимися принести максимальную пользу своим новым товарищам на мировой революции, несомненно. Но не было реальных действий партии как наиболее организованной, имевшей мощные финансовые и материальные средства, на которые рассчитывали и которых ждали от РК(К)ПА в Латинской Америке и Коминтерне. Американская секция в этот период в первую очередь по причине вовлеченности ее во фракционную борьбу не смогла выполнить роль заботливого «старшего брата» по отношению к латиноамериканским партиям.

¹ РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 79, Д. 30, Л. 6.

² Там же, Л. 7.

³ Там же, Л. 1.

Ситуация изменилась в 1930-е гг. после ликвидации внутринартийной борьбы и создания Карибского бюро Коминтерна, но это были уже принципиально иные условия взаимоотношений, резко отличавшиеся от тех, которые сложились в «романтический период».

3.5. Взаимоотношения ЮАСКИ с руководством Коминтерна после Шестого пленума ИККИ

Пенелон мог не знать о решениях Шестого расширенного пленума, и даже если знал, вряд ли в тот момент решился бы на конфронтацию с ИККИ, нападая на теоретические постулаты Коминтерна. Поэтому секретарь ЮАСКИ разработал теоретическое обоснование невозможности, даже опасности, опоры на североамериканскую компартию по тактическому вопросу. Оценивая перспективу противостояния с Панамериканской Федерацией Труда, он пришел к выводу, что антиреформистскую пропаганду легче проводить из южноамериканских стран, чем из Северной Америки, и объяснил это «определенной перманентной ненавистью» в отношении США, являвшейся результатом политики янки и выражавшейся «без различия между коммунистическим движением этой страны и ее правящим классом». Этот тезис находился в явном противоречии с установками Коминтерна, исходившими из необходимости тесной связи революционной борьбы пролетариата колониальных, полуколониальных и зависимых стран и их метрополий. Тем не менее в Москве в этот момент даже не обратили внимания на теоретическую вольность секретаря ЮАСКИ, возможно, рассчитывая на такой практический результат организационных усилий Секретариата, который перевесит идеологические издержки.

Пытаясь аргументировать тезис о естественности выбора Буэнос-Айреса как единственно возможного континентального центра, секретарь ЮАСКИ исходил из наличия у рабочих и интеллектуалов Латинской Америки определенной симпатии к тому, что приходит из Аргентины, так как они полагают ее сильным государством, способным эффективнее выступить против империалистических монополий янки. При всей относительности этого предположения Пенелон считал возможным использовать его для коммунистического движения, полагая финансовые издержки на его реализацию незначительными, так как после установления один раз прямого контакта с коммунистическим движением Аргентины и других стран эти настроения «получили бы сильное развитие»¹.

¹ Доклад Хосе Ф. Пенелона [ранее 2 июня 1926 г.] // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 5. Л. 8–9.

Особого анализа заслуживают причины отсутствия у руководства Коминтерна, сделавшего ставку на КПА, желания вернуться даже к обсуждению идеи создания действительно репрезентативного ЮАСКИ. В конце осени 1926 г. Секретариат ИККИ отверг предложение своего делегата в Южной Америке Б. Михайлова о расширении состава ЮАСКИ до 5 членов, которых назначила бы конференция компартий Аргентины, Чили, Бразилии и Уругвая. Руководство Коминтерна решило, ничем не обосновав свои выводы, что данный проект, который стал бы возвращением к плану Александровского 1922 г., может быть использован лишь *впоследствии*, а пока следует «немедленно усилить» существующий Южноамериканский секретариат, руководимый Пенелонем. Идея не была принята, хотя реализовать ее технически не составляло особенного труда, это требовало только времени и денег. Избрание же членов ЮАСКИ представителями партий могло способствовать избавлению организации континентальной работы от многих недостатков, связанных с личностью Пенелона, специфическими условиями функционирования регионального органа Коминтерна на основе аргентинской партии.

Конференцию же основных южноамериканских партий хотя и предстояло созвать ранее VI конгресса Коминтерна, запланированного первоначально на 1926 г., но лишь после тщательной подготовки, сбора сведений и должной политической пропаганды, осуществляемой самим ЮАСКИ. Пенелон должен был фактически курировать южноамериканские секретариаты КИМа и Профинтерна¹.

Южноамериканский секретариат родился всемирной коммунистической партией поистине в бюрократических муках. Создание мини-модели штаб-квартиры Коминтерна на Моховой на улице Эстадос Унидос в Буэнос-Айресе требовало помимо формирования политической и идеологической основы самим Секретариатом серьезного технического обеспечения и значительных материальных ресурсов. Без целенаправленной помощи ИККИ это было невозможно. Однако в Москве, приняв решение о создании ЮАСКИ, не торопились развернуть последовательную и широкомасштабную программу оказания организационно-технической и финансовой поддержки своему южноамериканскому представительству. Уже в ноябре 1925 г. Пенелон недвусмысленно дает понять, что невыполнение руководством Коминтерна обязательств по отношению к своему региональному органу означает «разрушить всю начатую работу, начавшую приносить свои плоды», угрожая в случае невыполнения обговоренных условий до 31 декабря остановить работу Секретариата.

¹ Письмо [Эмбер-Дро] в ЮАСКИ Пенелону 6 ноября 1926 г. // Там же. Д. 6, л. 39.

При этом секретарь ЮАСКИ отмечал обстоятельства, при которых можно осуществлять систематическую работу, в результате чего «могли бы произойти сюрризы», а реализация некоторых «срочных вещей» дала бы «великолепный результат»¹.

В задержках обещанных субвенций, которые должны были поступать в течение лета и осени 1925 г., Пенелон обвинил ответственного за нелегальную работу и финансы Коминтерна секретаря ИККИ И. Пятницкого, переложив, таким образом, на него ответственность за последствия недостаточно оперативного развертывания деятельности Секретариата. При этом руководитель ЮАСКИ даже не заметил, что если вина распределителя финансов Коминтерна очевидна, то и он сам продемонстрировал не меньшей мере неумение распоряжаться бюджетом ЮАСКИ, сообщив, что в августе ЦК КПА постановил, что нужно, «нока ожидается обещанное Пят[ницким], исползовать то, что принадлежит С[екретариату], но исполнении же Пят[ницким] обещания, это немедленно будет возвращено С[екретариату]»². Эффект сообщающихся сосудов ЮАСКИ – КПА в данном случае не сработал. Деньги из Москвы не поступали с июня по ноябрь, КПА не могла вернуть Секретариату взятые займы средства, не вышел в свет журнал, и вообще работа ЮАСКИ стала, по оценке Пенелона, практически невозможной.

В характерной для любой бюрократической структуры (хоть и новорожденной) манере ее руководитель немедленно всю вину за последствия переложил на других, отметив, что «если бы Пят[ницкий] ответил на все выполненное нами, то мы бы уже все сделали», и подчеркнув, что невыполнение обещаний Пятницким создало безвыходную ситуацию: «Мне приходится лишь делать абсолютно все в Бюро, и даже добавляя кое-что свое, что невозможно продолжать дальше»³. Для понимания атмосферы в Коминтерне в этот период важно то обстоятельство, что Пенелон подверг резкой критике вышестоящего руководителя (секретаря ИККИ), причем сделал это в письме функционеру более низкого ранга⁴. Это является убедительным аргументом в пользу истинности, подвергавшейся сомнению антикоммунистическими критиками III Интернационала: демократический централизм значительное время принимался в секциях Коминтерна как норма международной партийной жизни и критика

¹ Письмо Хосе Пенелона Штирперу [Boogy]. 20 января 1925 г. // Там же. Оп. 1. Л. 1. Л. 16.

² Там же.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Боог в это время был секретарем Интернациональной контрольной комиссии (ИКК) и заведующим информационным отделом ИККИ.

«снизу доверху» была совершенно естественной. Секретарь ЮАСКИ подчеркивал крайнюю важность гарантий в организационно-финансовых вопросах и ставил в прямую зависимость успех деятельности возглавляемого им органа от регулярности и своевременности поступления средств, предупреждая руководство в Москве о том, что «ничего серьезного, ничего цельного»¹ нельзя сделать при отсутствии финансовой стабильности.

Неотложные задачи Секретариата, какими они на тот момент представлялись Пенелону, несомненно, требовали систематического и солидного финансирования. Решение финансовых вопросов было одной из основных проблем обеспечения жизнеспособности ЮАСКИ. В это время речь не шла о финансировании каких-то экстраординарных программ развития коммунистического движения в Южной Америке. Планы регионального органа Коминтерна были скромны. Для установления более широких и эффективных связей с компартиями предполагалась возможность посылки делегатов. Задумывалась организация кампаний «южноамериканского характера». Секретариату необходимо было рассылать директивные телеграммы по поводу важных мероприятий партий. Для создания информационной базы данных о состоянии рабочего движения Южной Америки следовало осуществлять подписку на газеты и журналы тех стран, где компартии еще не существовали, и даже тех, где они были. Работа с прессой должна была помочь искоренить один из крупных недостатков, заключавшийся в нерегулярном направлении докладов и в том, что партии отвечают на запросы информации нисями, в которых мало или совсем нет необходимых сведений. Материалы партийной и профсоюзной прессы могли заполнить информационный вакуум по поводу проблем развития революционного движения в некоторых странах континента, зачастую возникавший в Секретариате.

Помимо необходимости добывать информацию через ЮАСКИ стояла и более важная задача – распространять ее. Секретариат еженедельно направлял информацию рабочей прессе в более чем 50 адресов и надеялся распространить рассылку на все пролетарские организации. Это означало, по оценке секретаря ЮАСКИ, «заняться *настоящей подрывной работой*» там, где не было компартий, т. е. в большинстве латиноамериканских стран. При проведении этой деятельности Пенелон рассчитывал на «великолепный результат»².

¹ Письмо Х. Пенелона Штирнеру [Boorg], 20 ноября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

² Там же.

Фундаментальным недостатком организации связей в масштабах региона Секретариат считал отсутствие аннара у южноамериканских партий и отнюдь не рассчитывал, полагаясь только на добрую волю руководителей национальных секций и коммунистических групп, создать серьезную базу для постоянной информации. Чтобы выправить это положение, Пенелон задумал создать институт зависящих от Секретариата «прямых корреспондентов» в наиболее важных странах или же двух «путешествующих корреспондентов», работающих непосредственно в Секретариате¹. Планы для развертывания работы были обширными, но их реализации ни в коей мере не соответствовали структура и кадровое обеспечение самого ЮАСКИ: глава руководящего органа Коминтерна в Южной Америке жаловался в Москву, что не имеет даже машинистки для секретарской работы.

Московские наставники южноамериканского коммунистического движения, понимая трудности становления Секретариата, пытались помочь своим подопечным. В латиноамериканских компартиях речь не шла о самофинансировании за счет членских взносов, учитывая небольшой численный состав организаций и мизерные зарплаты большинства коммунистов. Источник благосостояния и, следовательно, перспектив развертывания пропагандистской работы, издания газет, материального обеспечения работы аннара был один – Исполком Коминтерна и его Бюджетная комиссия. И хотя Коминтерн, сравнивший при финансировании деятельности своих национальных секций на вливания из бюджета СССР, в деньгах не отказывал, но и не подходил бездумно к вопросам их предоставления, как в самые первые месяцы своего существования. Документы демонстрируют, что вопреки устойчивому мнению о мощных финансовых потоках из Москвы в компартии ситуация была не столь простой. Во-первых, бюджет Коминтерна был не так велик, как хотелось бы его руководителям, и советские органы, сталкивавшиеся с конкретными задачами по финансированию социалистического строительства в СССР, не очень охотно выделяли субвенции штабу мировой революции. Во-вторых, внутри структур III Интернационала, распределявших средства, существовали четкие приоритеты, в соответствии с которыми шло финансирование. Поэтому компартии Латинской Америки, где революционные перспективы, как казалось тогда высшему руководству Коминтерна, не просматривались столь явно, как, например, в Германии, Франции, Китае и т. д.; где коммунистическое движение не было массовым, не могли рассчитывать на солидную

¹ Там же.

финансовую помощь Москвы. Наконец, в-третьих, надеяться на получение новых дотаций можно было, лишь убедив руководство в рациональном и целенаправленном расходовании ранее полученных средств.

В силу этих причин Пятницкий, ревностно отстаивавший порядок в денежных делах и явно не видевший разницы между руководством КПА и ЮАСКИ, ясно дал понять: прежде чем рассчитывать на новые поступления, аргентинцы должны расплатиться со старыми долгами КПА Межрабному. Разъяснение делегата КПА в Москве В. Кодовильи о возможности урегулировать вопрос о долгах иным способом – «нлатить не надо», пришло в ИККИ слишком поздно. «Лоббисту» интересов южноамериканского коммунистического движения Воогу пришлось просить Бюджетную комиссию направить сумму, необходимую ЮАСКИ на следующий год, телеграфом, мотивируя это его критическим финансовым положением. Соглашаясь с необходимостью строгой финансовой отчетности (и инструктируя в подобном духе КПА и ЮАСКИ), он тем не менее настаивал на необходимости «во благо Секретариата» увеличить сумму, выделенную в бюджете, для расширения и успешного продолжения работы¹. Желая быстро и радикально решить возникшую финансовую коллизию и явно идеализируя масштабы и характер деятельности ЮАСКИ, Воог указал секретарям ИККИ² на то, что он «фактически в одиночку установил связь с большим количеством револ[юционных] организаций в различных странах... что дает возможность организовать в будущем нашу деятельность в Южной Америке и унифицировать ее», а Пенелон «руководит Секретариатом действительно серьезно и организовал работу весьма компетентно»³. Внимание руководящих работников аннарата Коминтерна обращалось и на то, что столь эффективная деятельность не будет бесконтрольной – Секретариат испаноязычных стран ИККИ, как и ранее, предполагал регулярно и подробно инструктировать свою региональную структуру о положении в отдельных южноамериканских странах.

Проинформировав Пенелона о ходе разрешения проблемы и предупреждая его о неизбежности в первое время финансовых сложностей, Воог выразил надежду на продолжение работы в Секретариате, исходя из оптимистического прогноза: «...здесь [в Москве] понемногу будет возрастать интерес к Латинской Америке». Замещавший

¹ Письмо Штирнера [Воог] Пятницкому в Бюджетную комиссию 7.1.1926 // Там же. Ф. 495, Оп. 79, Д. 11, Л. 2.

² Копия письма была направлена им также секретарю ИККИ О. Куусинену.

³ Письмо Штирнера Пятницкому в Бюджетную комиссию 7.1.1926 // РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 79, Д. 11, Л. 2.

Пенелона в ИККИ как представитель Южной Америки швейцарец был твердо уверен в том, что с каждым годом ЮАСКИ сможет рассчитывать на большую поддержку, выводя прямую зависимость роста материальных возможностей ЮАСКИ из усиления влияния Секретариата и компартий на развитие революционного движения в регионе¹. Таким образом, создавался замкнутый круг, разорвать который было очень нелегко: для развертывания более широкомасштабной работы по распространению влияния Коминтерна в Латинской Америке было необходимо значительное увеличение финансирования Секретариата, но добиться дополнительных средств можно было, показав явные успехи его работы.

Уновать на «возрастание с годами» интереса к Южной Америке не могли ни в Буэнос-Айресе, ни те, кто в Москве непосредственно занимался проблемами континента. Нужны были какие-то дополнительные меры и средства для разрешения этой коллизии, носившей и политический, и организационно-финансовый характер. Такие возможности давала достаточно широко разветвленная система «организаций международного характера», как их называл Устав Коминтерна, или «коммунистического фронта» (по определению историков-антикоммунистов). У каждой из них были свои функции, позволявшие расширять социальную и идеологическую базу коммунистического движения, кроме того, они имели свои финансовые средства и технические возможности. Поскольку важнейшим источником финансирования III Интернационала, его секций и его дочерних структур оставался бюджет СССР, то дополнительные средства для финансирования можно было изыскать лишь за счет нераспределения средств между различными дочерними организациями Коминтерна. И тут руководителям латиноамериканского направления деятельности всемирной компартии, как опытным бюрократам, приходилось находить пути и формы получения дополнительных субсидий так, чтобы высшие инстанции, которые не сочли нужным их выделить, не заметили, что явочным порядком это произошло. Речь не шла о реализации каких-то корыстных интересов тех или иных коммунистических функционеров в Москве или Буэнос-Айресе. На практике, таким образом, решались вопросы улучшения финансирования коммунистического движения на континенте, в условиях жесткого лимита средств находили любые способы для его преодоления.

¹ Письмо Штирпера [Воога] Пенелону, 9 января 1926 г. // Там же, Ф. 503, Оп. 1, Д. 6. Л. 1.

На реализацию одной из таких возможностей прямо указывал Боог, советуя Кодовилье принять предложение Исполкома МОПРа возглавить деятельность этой организации в Южной Америке и при этом поручить руководство комитетом Межкратного своему заместителю (оставив при этом за собой общее наблюдение за работой). МОПРу в Латинской Америке первоначально уделялось недостаточное внимание, однако опыт показал, что он может стать эффективной организацией, способной привлекать к коммунистическому движению симпатизирующие массы и создавать резерв, из которого партии могли привлекать новых членов. МОПР рассматривался как важный и эффективный инструмент в борьбе за единый фронт, против реформистов и анархистов.

Это была идеологическая и политическая сторона взаимодействия Коминтерна и МОПРа. Но была и другая, чисто организационная. На нее указывает московский наставник своему буэнос-айресскому коллеге: «Но самое интересное это то, что Код[овилья] сможет при его [МОПРа] помощи разъезжать по странам Латинской Америки, что безусловно окажется крайне полезно партии. Естественно, что *формально организация МОПР должна быть независима от партии...* это даст вам материальную возможность развернуть большую организационную работу»¹. Инструкции о том, как должна выглядеть организация МОПР при творческом вхождении в жизнь, давали возможность изыскать дополнительные резервы для развития коммунистического движения. Латиноамериканские коммунисты быстро научились их использовать для реализации своих тактических и стратегических задач, так как в условиях репрессивных режимов, существовавших в большинстве стран Латинской Америки, правозащитная деятельность давала возможность МОПРу действовать легально. При этом функция оказания юридической и материальной помощи репрессированным революционерам позволяла перемещать через границы значительные суммы денег, которые при определенных усилиях могли передаваться не только по прямому назначению, но и на финансирование деятельности компартий.

Камнем преткновения для работы ЮАСКИ с самого начала стала техническая сторона организации связи со штаб-квартирой III Интернационала, детали которой пытался прояснить Пенелон, настаивая на исправлении «тяжелого дефекта» (можно сказать, врожденного) – постоянного задерживания писем и инструкций ИККИ, что делало директивы из Москвы по проведению массовых

¹ Письмо Штирнера [Боога] Пенелопу 9 января 1926 г. // РГАСПИ, Ф. 503, Оп. 1, Д. 6, Л. 1.

международных кампаний¹ на практике «бесполезными»². Секретарь ЮАСКИ обращал внимание Москвы на невозможность серьезно организовать в Южной Америке агитацию, координированную с директивами Коминтерна, если тезисы и резолюции не будут приходить заранее. Хотя эти совместные акции в южноамериканских странах практически сводились к четырем-пяти странам, они, с точки зрения ЮАСКИ, являлись эффективным средством «обмена влиянием между различными партиями», способом «делиться... практическим опытом для расширения влияния и направления партий по коммунистическим рельсам», представлял собой одну из лучших форм обучения компартий, способной дать хорошие результаты³.

Глава ЮАСКИ представил Москве проект, внешне предназначенный на выравнивание сложившегося положения, но на деле дававший Секретариату больше властных полномочий, так как неисполнение его условия перекладывало на ИККИ ответственность за невозможность «вести эффективную работу». Пенелон предлагал в принципе перестроить работу на этом направлении и просил предусмотреть возможность использования инструкций предыдущего года для деятельности в следующем году, «чтобы не унустать кампаний из вида»⁴. Он просил с этой целью направлять в Буэнос-Айрес все тезисы и резолюции, принятые в связи с постоянными и нерегулярными агитационными кампаниями, для того чтобы, опираясь на прошлогодние документы, принятые в связи со всеми проводимыми совместными акциями, организовывать мероприятия на их основе. При этом он осторожно давал понять московским руководителям, что директивы эти носят дежурный характер и не требуют постоянного обновления.

Секретариат ИККИ выработал компромиссный подход к этой проблеме, согласившись сообщать по телеграфу указания о международных агитационных акциях, носящих срочный характер, и предоставив ЮАСКИ полномочия при проведении кампаний общего характера разрабатывать специальные тезисы для Южной Америки⁵. Это решение значительно осложнило деятельность регионально-

¹ Имелись в виду проводившиеся Коминтерном, Профинтерном и другими международными организациями кампании по поводу празднования годовщины Октябрьской революции, 1 Мая, антивоенного дня – 1 августа, акции солидарности с Китаем, бастующими шахтерами Англии и т. д.

² «Все они появляются с месяцем или двумя месяцами запоздания после проведения демонстраций», – подчеркивает Пенелон в одном из своих отчетов. Доклад Хосе Ф. Пенелона [ранее 2 июля 1926 г.] // РГАСПИ. Ф. 503, Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

³ Там же.

⁴ Письмо Хосе Ф. Пенелона Штирнеру [Boogy], 8 сентября 1925 г. // Там же. Д. 1. Л. 1.

⁵ Письмо Секретариата ИККИ Пенелону 23 июля 1926 г. // Там же. Д. 7. Л. 9.

го органа Коминтерна, возложив на него разработку документов, дежурных по сути, но включавших в себя программные установки. Это таило серьезные опасности для Южноамериканского секретариата, рисковавшего не уловить тончайшие изменения в определении стратегии и тактики. Пенелон попал в собственную ловушку. Желая переложить часть работы на Москву, он сировоцировал решение высших инстанций, дававшее ему значительные полномочия в, общем-то, рутинном деле, но возлагавшее при этом на него и большую политическую ответственность.

Критикуя Москву за плохую организацию ночтовой связи с ЮАСКИ, Пенелон не видел противоречия между собственными суждениями по этому поводу и признанием имевшихся у Секретариата проблем в организации обмена корреспонденцией с некоторыми южноамериканскими странами: организовать рассылку корреспонденции из Буэнос-Айреса в масштабах континента было значительно легче, чем из Москвы. В конечном итоге секретарь ЮАСКИ принял решение о необходимости в будущем направлять в данные страны делегатов «для налаживания эффективной организации этого обмена и надежных связей с ними», на что «у нас сегодня нет возможностей». Таким образом, он хотел вернуться к практике работы ИСПА и КПА 1918–1921 гг., но лишь в будущем и при наличии соответствующей финансовой помощи Москвы¹.

На недостатки в организации регулярной связи ИККИ с южноамериканскими секциями и ЮАСКИ счел необходимым обратить внимание руководства Коминтерна сразу же по приезде в Москву и В. Кодовилья, специально обсудив с руководителем Отдела международной связи ИККИ Абрамовичем (Альбрехтом) вопросы организации переноски со странами континента. Аргентинская партия не получила ни одного письма, направленного ее представителем из Москвы через внутренний аппарат Коминтерна, в то время как вся корреспонденция, отправленная им из Берлина, прибыла вовремя. Видя причины этого в работе аппарата ОМСа, Кодовилья рекомендовал регистрировать с датой отправления всю корреспонденцию (в том числе и личную) и отправлять все письма из Европы в Южную Америку с уведомлением о вручении². Не дожидаясь реакции ОМСа, В. Кодовилья подстраховался, поставив в известность Секретариат ИККИ о плохом функционировании службы связи Коминтерна на южноамериканском направлении и подчеркнув, что подобное поло-

¹ Письмо Хосе Ф. Пенелона Штирнеру [Boogu], 8 сентября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 1. Л. 2.

² Записка [В.Кодовилья] Альбрехту, в ОМС 10 июля 1926 г. // Там же. Ф. 495. Он. 134. Д. 81. Л. 16.

жение дел осложняет деятельность ЮАСКИ¹. Аргентинский делегат недвусмысленно дал понять, что работа аннарата ОМСа дает сбои – его сотрудники даже не смогли выяснить, на каком этапе это происходит: «пролеживают ли нисыма здесь, в Москве, или они застревают в Берлине или Париже»².

В Москве очень серьезно отнеслись к этому предупреждению, считая задержки в получении информации важным препятствием для «регулярной работы» Коминтерна в Южной Америке и обещая выяснить и устранить их причины³. Одновременно Пенелону было дано поручение выяснить, является ли причиной нерегулярного поступления корреспонденции «вмешательство полиции или ночтовой цензуры в Аргентине», и изучить средства улучшения связи.

Уже самые первые шаги Южноамериканского секретариата Коминтерна показали: стремление эффективно руководить механизмом политической партии во всемирном масштабе практически невозможно. И не только потому, что выстроить политическую линию с учетом общих интересов всемирного пролетариата и специфических особенностей в каждом регионе или отдельной стране было несбыточным проектом. Самая простая часть функционирования мировой партии коммунистов, организационная, давала сбои практически в каждом звене, в каждой структуре, на каждом этапе деятельности.

3.6. Начало работы Коминтерна в Перу: Москва и В.Р. Айя де ла Торре

Как эксперты ИККИ по вопросам Латинской Америки (прежде всего Э. Вогг), так и руководители ряда секций Коминтерна в середине 1920-х гг. осознавали большой минус континентального коммунистического движения: недостаток лидеров, обладающих организаторскими навыками и способных генерировать идеи, дающие возможность расширить спектр деятельности левых, укрепить связи III Интернационала со странами континента. Именно поэтому руководство КП Мексики делало ставку на вовлечение в орбиту своего

¹ Записка В. Кодовильи в Секретариат Коминтерна 31 августа 1926 г. // Там же. Л. 17.

² Там же.

³ Комментируя записку Кодовильи, Альбрехт сообщил заведующему орготделом ИККИ Б. Васильеву, что им и Шимкусом, отвечавшим за организацию связи с Южной Америкой, приняты меры, и почта туда сталаносылаться через Париж: «Думаю, что теперь связи с Ю.-А. нормальные». РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 81. Л. 17. Однако, как показала жизнь, проблема была значительно сложнее, и перемена канала связи не могла ее решить радикально.

влияния нерасклеванных партнёров, способных заинтересовать не только пролетариев, но и интеллигенцию, прежде всего студенчество, игравшее в Латинской Америке все возрастающую роль; изначально КПМ была готова включить таких людей в руководство партии¹. Не возражала в тот момент против такой позиции и Москва.

Перуанец В.Р. Айя де ла Торре оказался одним из нервных кандидатов в лидеры «нового тина». Руководитель студентов, выступивший против диктатуры А. Легии, основатель народных университетов, неплохой пропагандист, увлекавший за собой массы, оказался нерасклевным и интересным мексиканскому интеллектуалу Х. Васконселосу, министру народного образования, который сумел уговорить президента страны А. Обрегона пригласить перуанца в страну и профинансировать такую поездку². И если для антиимпериалистически настроенного Васконселоса Айя де ла Торре был потенциальным «рекрутом» для борьбы за процветание «индоамериканской расы», то Обрегон решал задачи геополитические – в условиях сложных отношений с США мексиканское правительство вполне устраивал имидж революционного и антиимпериалистического континентального центра, не аффилированного ни с Коминтерном, ни с другими международными радикальными структурами.

Но главную ставку на Айя де ла Торре сделала КПМ, руководство которой было убеждено: перуанский студенческий лидер сделал «больше для наших идей, чем смогли достичь наши газеты на испанском языке». Лидеры мексиканской компартии сумели выйти за рамки собственно национальной деятельности, осознав значение вовлечения Айя де ла Торре в континентальную коммунистическую деятельность, и заявили Москве о том, что было бы «ночи несчастьем... не использовать его энергию, личность и разум из-за отсутствия каких-то мелочей»³. Единственным условием для становления Айя де ла Торре как коммуниста и ведения им «интенсивной и плодотворной кампании за коммунизм и Россию в Латинской Америке» была, по мнению руководителей КПМ, поездка в Москву и завязывание личных контактов в Коминтерне. Это полностью совпадало с планами самого Айя де ла Торре, хотевшего «поехать в Россию,

¹ Письмо МДР [М. Диаса Рамиреса] Эдгару [Boogy], Мехико, 12 января 1924 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 108, Д. 41, Л. 2.

² Указание Президента Республики Министерству общественного образования, 31 июля 1923 г. // AGN, Ramo A. Obregon. P.E. Calles. Vol. 54, exp. 121–E–P–18.

³ Тогда же с подачи Айя де ла Торре КПМ впервые обратила внимание НККН на деятельность Х.К. Мариатеги, «продлавшего большую, открыто коммунистическую работу» в Перу. Письмо МДР [М. Диаса Рамиреса] Эдгару [Boogy], Мехико, 12 января 1924 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 108, Д. 41, Л. 2.

чтобы защищать ее сознательно». Единственным пренятствием для этого было отсутствие у КПМ средств на организацию «хаджа» в социалистическую Мекку, на «родину всех пролетариев всего мира»¹.

В письме ЦИК РК(К)ПА делегат V конгресса Коминтерна от КПМ Б. Вольф честно признавал, что не знает, как к визиту Айя де ла Торре отнесутся в Москве, но просил американскую партию «вступить в игру», полагая вероятным результатом поездки «образование сильной коммунистической партии в Перу и... отзвук среди студентов Аргентины, Кубы, Боливии и Панамы, где он пользуется большим влиянием»². Руководители американской компартии реалистично оценили потенциальные возможности, открывавшиеся перед латиноамериканским коммунистическим движением с приходом Айя де ла Торре, и решили финансовую проблему, открыв неруанцу нуть в Москву³.

К этому моменту Айя де ла Торре был членом КПМ и в мае 1924 г. принял участие в работе партийного съезда. Не имеет значения, вступал ли он в партию по идейным или тактическим соображениям, желая облегчить организацию поездки в Москву (возможно, такой нуть подсказали сотрудничавшие с ним в Мексике Вольф и Диас Рамирес), но в этот момент он был формальным членом III Интернационала. Его подпись стоит под декларацией съезда, призывавшей к созданию рабоче-крестьянского правительства, преобразованию муниципальных органов власти в Советы трудящихся, рабочих и крестьян; социализации земли и средств производства⁴. Никаких ностов в КПМ он не занимал, но направление его партийной работы было определено – «формирование коммунистических партий в Перу и Панаме»⁵.

Пребывание Айя де ла Торре в СССР было продолжительным⁶ и насыщенным событиями: присутствие на V конгрессе Коминтерна, участие в качестве делегата Рабочей федерации Лимы и Федерации индейцев в III конгрессе Профинтерна, выступление на IV конгрессе КИМа⁷. Важнейшим итогом его поездки стало установление нефор-

¹ Там же.

² Письмо Лунса [до 25 мая 1924 г.] // Там же, Ф. 515, Он. 1, Д. 311, Л. 24.

³ Там же.

⁴ Документ он подписал как Франсиско Айя де ла Торре, Acta Constitutiva del PCM con fines electorales, 22 de mayo de 1924 // CEMOS. Colección PCM. Caja 2, folio 5.

⁵ Сам Айя де ла Торре объяснил свое членство в КПМ отсутствием компартии в Перу, РГАСПИ, Ф. 492, Он. 1, Д. 371, Л. 58–58 об.

⁶ Подробнее о пребывании Айя де ла Торре в СССР см.: РГАСПИ, Ф. 492, Он. 353, Д. 1, Л. 56; Сизоненко А.И. Советская Россия глазами неруанского социалиста и демократа // Отечественная история. 2005. № 5. С. 147–150.

⁷ По воспоминаниям Р. Каррильо, Айя имел мандат делегата ФККМ для участия в конгрессе, Melgar Bao R. Memoria roja de los años veinte, El testimonio de Rafael Carrillo // Memoria (México). 1992 (octubre). № 92, P. 56.

мальных контактов с ответственными работниками руководящих структур Коминтерна, которые поддерживались регулярно на протяжении ряда лет. Перуанский «гость V конгресса», вошедший в историю как основатель АПРА, гордившегося своей независимостью от «европейского» III Интернационала, на протяжении большей части этого времени был лояльным к штабу мировой революции активистом, вместе с функционерами Коминтерна размышлял по поводу способов реализации революционных идей всемирной коммунистической партии в рамках латиноамериканского движения. Этот процесс являлся взаимным – аннарат III Интернационала серьезно и долго рассматривал кандидатуру Айя де ла Торре как одного из потенциальных лидеров коммунистического движения в Новом Свете, а его деятельность – как перспективное направление работы коммунистов Латинской Америки.

В Москве Айя де ла Торре подготовил записку о влиянии американского империализма в Латинской Америке, в которой сформулировал задачи революционного движения континента. Отталкиваясь от оценок конгрессов Коминтерна и Профинтерна об обстановке, благоприятной для развития империализма США, он охарактеризовал Латинскую Америку как неисчерпаемый ресурс для американской эксплуатации при «крайне слабом и почти что слепом сопротивлении» пролетариата¹. «Продажность правительств, отсутствие организованных партий, неразумность политиков, которые почти всегда были обычными каудильо, и неосвещенность народов облегчили Вашингтону проведение политики, соответствующей интересам нью-йоркской биржи и опирающейся на доктрину Монро. Европейский капитализм в Латинской Америке, по мнению Айя де ла Торре, отступил, предоставив свободу действий Соединенным Штатам,двигающимся к абсолютному экономическому господству над всеми средствами производства континента. Этой экспансии противостояла лишь духовная оппозиция, уменьшавшаяся в правительствах и усиливавшаяся в массах, «тенденцией которой было объединение двадцати государств в латиноамериканскую федерацию, которая создаст единый фронт [подчеркнуто в тексте документа] против опасности империализма»².

Оценивая все буржуазные государства Латинской Америки как подчиненные американскому капитализму, Айя де ла Торре видел в оппозиционном движении за латиноамериканское единство возможность трансформироваться в массовое движение революционного

¹ Айя де ла Торре. Латинская Америка и империализм Соединенных Штатов. Москва, июль 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 7. Л. 1–2.

² Там же. Л. 8.

действия и превратиться из мечты о единстве, имеющей экономический и антибуржуазный характер, в революционную силу. В его видении Латинская Америка, объединенная сильным антиимпериалистическим движением, которое было бы *революционным и мелкобуржуазным*, могла выступить как сильная оппозиция вооруженной интервенции в случае, если «особые обстоятельства приведут к развитию неожиданных социальных событий в некоторых латиноамериканских государствах»¹.

Во время поездки Айя де ла Торре по Европе Коминтерн рекомендовал западноевропейским компартиям оказывать ему помощь как руководителю революционного студенческого движения, имеющего в странах Латинской Америки прогрессивный характер. В нервную очередь это было связано с организацией кампании солидарности с перуанскими студентами. Далеко не во всех случаях такая поддержка была оказана, и раздраженный невниманием перуанский волонтер мировой коммунистической партии не стеснялся жаловаться в Москву на коммунистов Германии и Франции, делая далеко идущие выводы: «Пролетарская Европа насмеивается над империализмом в нашей Америке и нислает нас к черту!»²

Некоторое время перуанский неопит рассматривался в ИККИ как доверенное лицо, связующее звено с коммунистами Нового Света. Сетывая на отсутствие информации от КПМ, Воог в нескольких письмах выражает надежду на то, что возвращение Айя де ла Торре в Мексику станет поддержкой руководству КПМ в борьбе и «нобудит их работать и нисать мне»³. Сам перуанец считал естественным давать советы лидерам партий по вопросам латиноамериканского революционного движения, например нисал Дж. Ловстону о своем неонимании исключения из предвыборной программы РК(К)ПА вопроса об империализме⁴.

В Европе Айя де ла Торре разработал план создания новой политической партии, который предполагал обсудить на встрече с перуанскими эмигрантами в Лондоне, и обратился к Коминтерну за *формальным советом*. В письме в Москву он заявил, что речь идет о формировании крупной партии рабочих и крестьян Перу и ее после-

¹ Там же. Л. 10–11.

² Письмо [Воога?] Жасу Дорно, Москва, 27 октября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 118. Д. 2. Л. 12; Письмо [Воога] АДЛТ [Айя де ла Торре]. Москва, 27 октября 1924 г. // Там же. Л. 1; Письмо Айя де ла Торре Штирнеру [Воогу]. Женева, 23 ноября 1924 г. // Там же. Л. 20 об.

³ Письмо Штирнера [Воога]. Айя де ла Торре. [1924] // Там же. Л. 15; Письмо [Воога] дорогому АДЛТ [Айя де ла Торре]. Москва, 27 октября 1924 г. // Там же. Л. 1.

⁴ Письмо Айя де ла Торре [Воогу]. Лейсин, 16 ноября [1924] // Там же. Л. 16 об.

дующем преобразовании в «международную в масштабах Латинской Америки, чтобы пробудить массы к революции для единства народов континента против империализма янки. *Программа-максимум и минимум партии будет такой же, как у коммунистических п., но слово это использоваться не будет*, дабы избежать мирового наступления против коммунизма, которое в Америке будет невозможно выдерживать ввиду слабости рабочих сил»¹.

Айя де ла Торре был уверен в возможности будущей партии стать массовой и в течение двух месяцев захватить власть в Перу, откуда будет развернута агитация по всей Америке «на основе крестьян-индейцев и рабочих для воплощения в жизнь идеи Latinoамериканской Федерации на базе уничтожения капиталистической эксплуатации, национализации промышленности и модернизации социальной системы инкского коммунизма для сельскохозяйственного производства»². От Коминтерна инициатор создания новой партии, которую он видел «гораздо более прогрессивной, чем националистическая партия Индии или какой-либо другой колонии», просил моральной, агитационно-пропагандистской, поддержки и, «если возможно», материальной помощи, не уточняя в какой форме.

Поскольку речь шла о массовой партии, деятельность которой должна была быть приспособлена к национальной специфике, Айя де ла Торре настаивал на «*автономии в нашем развитии и деятельности*», указав на демонстрацию мексиканской, аргентинской и чилийской секциями Коминтерна «полного отсутствия политического смысла в плане соответствия условиям собственных стран», поскольку они не «американизировали» тактику, в то время как его «партия может найти иные дороги для достижения тех же самых целей»³.

В программу партии, отдаваемую на суд Воога как эксперта Коминтерна, были включены положения о национализации промышленности; распределении земель на основе инкской традиции; формировании рабоче-крестьянского правительства; уничтожении эксплуатации человека человеком; кооперации (русская система); замене парламента советами или коммунами; национализации собственности католической церкви с передачей этих средств на ликвидацию неграмотности и развитие культуры. В области внешней политики программа предусматривала единство народов Америки (сначала федерализация, затем централизация) и антиимпериализм.

¹ Письмо Айя де ла Торре Штирнеру [Voogu]. [Не ранее 9 декабря 1924 г.] // Там же. Л. 28–29.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 30.

Партию предполагалось строить с использованием *организационных принципов компартии* «с необходимой адантацией и созданием новых элементов». Целью партии был непосредственный захват власти, но во избежание наники или насильственной реакции она стремилась не использовать «иностранных слов и тревожных лозунгов и быть в своей проаганде абсолютно национальной»¹.

Взяв власть, партия Айя де ла Торре предполагала раснустить армию, которой руководила французская военная миссия, и сформировать новую при участии советских военных советников; просить СССР направить миссию для политического образования детей и образования крестьян; создать в высокогорных районах русские сельскохозяйственные колонии. После укрепления власти в руках партии и по мере исчезновения опасности контрреволюции и империалистической интервенции правительство должно было *«эволюционировать в сторону более радикального коммунизма»*.

Планы Айя де ла Торре были программой континентальной революции, а Перу избрана в качестве ее центра, потому что в Аргентине, Чили и Мексике «плоды еще не созрели... силы реакции велики, а рабочие расколоты. Кроме того, партийное руководство не демонстрирует большого умения и правильности мышления, что необходимо в политике». Рабочую Федерацию Чили и стоящую за ней КПЧ Айя прямо обвинил в оппортунизме («партия мертва... Так или иначе старик Рекабаррен переворачивается в своем гробу»)².

В связи с неэффективностью уже существовавших компартий он настаивал на необходимости новой организации, «свежей, которая возникнет из борьбы крестьян, которые не боятся умирать, которая будет американской. Европейская литература, адантированная к Америке, – вот что необходимо. Только дубины могут думать, что революция в Америке произойдет на основе европейской революции. Критикуют Каутского и не говорят об империализме в Аргентине! Короче. Все это укрепляет меня в мысли, что надо использовать более искусную и реалистическую тактику. Все секции Перу, Эквадора, Боливии, Колумбии, Венесуэлы ответят на наш призыв. Я уверен. Поэтому мы хотим создать массовую партию, которая будет соответствовать американским условиям и не будет создана для борьбы с Эбертом и Макдональдом... Несомненно, если мы собираемся сделать революцию с помощью России, нам надо бы подождать революции в Европе, то есть намного больше, чем нам надо для захвата

¹ Там же. Л. 31.

² Там же. Л. 31–32.

власти в Перу. Поэтому нам нужна ориентация, а нотом нусть нам оставят свободу рук»¹.

Залог успеха континентальной антидиктаторской и антиимпериалистической революции Айя де ла Торре видел в создании Единого фронта и был готов вовлекать в него любые силы, согласные с идеей революционного единства. Он вел переговоры с представителями аргентинских анархо-синдикалистов, обдумывавших возможность создания Латиноамериканского Профсоюзного Интернационала², предлагал Коминтерну всерьез отнестись к возможностям создаваемого аргентинским философом, сторонником Октябрьской революции Х. Инхеньересом Латиноамериканского Союза – «большой латиноамериканской интернациональной партии единства Латинской Америки против империализма и за политическое и «социалистическое» единство наших стран». Айя де ла Торре видел у этого движения серьезные возможности, но хорошо понимал, что может отгнать Коминтерн от сотрудничества: «Так как в большинстве стран Южной Америки нет сильного пролетариата, то она стала бы партией среднего класса, народной, партией агитации против гринго, *однако это отдалило бы возможность развертывания нашей работы*». Тем не менее он просил ИККИ высказаться по этому вопросу. Довод его был предельно прост: «Если мы не предпримем ничего со своей стороны, не кажется ли тебе, что на нас резонно не будут обращать внимания?»³

Используя коминтерновскую терминологию, под «нашей работой» Айя де ла Торре подразумевал международную коммунистическую деятельность, подтверждал намерение вполне серьезно согласовывать свои шаги с ИККИ и просил Воога, так как *«время наше уходит быстро, а я не хочу терять время... переговорить с начальством, дабы не ошибиться, и на самом деле выяснить их мысли и мнение»*, выяснить *«официальное мнение И[сполкома] и дать официальный совет по поводу программы»*, подчеркивая, что тем самым *«он подтверждает свою революционную дисциплину»*⁴, т. е. как коммунист просил одобрения высшим руководством Коминтерна вла-

¹ Письмо Айя де ла Торре Штирнеру [Voogy]. [Не ранее 9 декабря 1924 г.] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 7. Л. 32.

² Письмо А.Т. [Айя де ла Торре] Штирнеру [Voogy]. Париж, 25 февраля [1925] // Там же. Л. 1 об.

³ Письмо Айя де ла Торре Штирнеру [Voogy]. Лейпциг, 16 ноября [1924] // Там же. Л. 16 об.; Письмо Айя де ла Торре Штирнеру [Voogy]. Женева, 23 ноября 1924 г. // Там же. Л. 20 об. – 21.

⁴ Письмо Айя де ла Торре Штирнеру [Voogy]. [Не ранее 9 декабря 1924 г.] // Там же. Л. 31.

нов и идей, которые легли в основу идеологии, стратегии и тактики АПРА¹.

Реакцией коминтерновского эксперта по латиноамериканским проблемам была практически полная поддержка идей Айя де ла Торре. Воог тоже рассматривал ситуацию в Перу как перспективную для революционного движения, однако считал представления своего корреспондента «слишком абстрактными» для построения на их основе конкретных планов борьбы. Главное препятствие для осуществления планов Айя он видел в будущей партии, «организованной непосредственно для захвата власти», но в которой ее вождь является почти единственным человеком, обладающим более или менее марксистской концепцией революционного движения, и предостерегал: «Партия без опыта, без руководства, состоящего из людей с одинаковыми взглядами, с одинаковой позицией по отношению к встающим проблемам, обладающих достаточным опытом для уверенных действий, без такой партии не взять власть для победы над буржуазией, а не только над помещиками. Я не сомневаюсь в том, что в Перу поддержка индейской крестьянской массы является решающей для удержания пролетариатом власти, однако без железной партии, без грунны товарищей, прекрасно обученных собственным опытом и опытом русского революционного движения и периода восстановления, нерезживаемого Россией с момента октябрьской революции, власть не удастся удержать даже на несколько месяцев»².

И перуанец, и швейцарец одинаково видели соотношение европейского и латиноамериканского движения, хотя в основе их взглядов лежали разные носылы. Айя исходил из невозможности «ждать Европы», ибо «индейцы и рабочие требуют действий», любое ожидание европейской революции должно было превратить американскую революцию в жертву, и предлагал из-за наличия специфических проблем действовать собственными силами: «С каждым днем я все больше убеждаюсь, что революция американских трудящихся должна стать «их собственной работой» без вмешательства или окровивительства со стороны Европы. Было бы великолепно, если бы пролетариат Европы и Америки действовали вместе, однако в настоящий момент это оказывается нереально. Здесь не только не знают о наших проблемах, но и не придают им значения»³.

¹ Среди прочего Айя де ла Торре спрашивал совета и по поводу возможности принять предложения богатых эмигрантов, готовых субсидировать свержение диктатуры, проявляя при этом изрядный цинизм: «...не знаю, не стоило ли заполучить их деньги на революцию, а потом послать их к черту» // Там же. Л. 31.

² Письмо [Воора] Айя де ла Торре, Москва, 12 января 1925 г. // Там же. Л. 34.

³ Письмо А.Т. [Айя де ла Торре] Штирнеру [Воору]. Париж, 25 февраля [1925] // Там же. Л. 2–2 об.

Воог тернеливо разъяснял крайне нетернеливому потенциальному вождю континентальной революции ограниченность возможностей Коминтерна: «...пойми, что КИ должен сконцентрировать все свои силы на подталкивании революции во Франции, Германии и Италии. Хотя и кажется, что положение капитализма слегка стабилизировалось, эта стабилизация лишь кажущаяся. Существует столь много причин для международных конфликтов как никогда, среди прочего имеет место и опасность новой интервенции и войны против Советской России. Все это приводит к тому, что КИ не уделяет всего того внимания нашим странам [Латинской Америки], которое, как мы считаем, он должен уделять»¹. Он с пониманием смотрел на проект Айя де ла Торре и, подчеркивая «невозможность сделать что-либо всерьез из Европы», предлагал подумать, «как организовать это из одной из соседних стран»².

Для детального обсуждения реализации планов латиноамериканской революции ИККИ пригласил Айя де ла Торре вновь приехать в Москву в феврале 1925 г. с мандатом лондонской конференции неруанских эмигрантов³ для доклада Расширенному пленуму ИККИ. Вопрос о приезде неруанца на пленум унесся в финансовые проблемы: Коминтерн не выделил на поездку средств, предоставив Айя де ла Торре самому решить его, но тот, выразив готовность отправиться в СССР, заявил: «Денег на такое путешествие у меня нет и не будет. Полагаю, что было бы очень интересно договориться, однако я без денег, и это оказывается невозможно. Не знаю, не проездно ли еще»⁴. Действительно, оказалось проездно. Медленно работавшая бюрократическая машина ИККИ не смогла оперативно решить вопрос, цена которого в денежном выражении была невелика, но с точки зрения потенций мировой революции в тогдашнем видении Коминтерна имела серьезные перспективы.

Вместо Москвы Айя де ла Торре поехал в Лондон, а затем вернулся в Латинскую Америку, где был основан Народно-революционный альянс Америки (АПРА), программа которого повторяла многие идеи, высказанные в письмах ее лидера Воогу, но в то же время провозглашала АПРА «латиноамериканским автономным движением без какого-либо иностранного вмешательства или влияния»⁵.

¹ Письмо [Воога] Айя де ла Торре. Москва, 12 января 1925 г. // Там же. Л. 33.

² Там же.

³ Вместе с ним был приглашен Эисинас, бывший денутат, по оценке Айя де ла Торре, один из лидеров неруанских индейцев, готовый субсидировать восстание.

⁴ Письмо А.Т. [Айя де ла Торре] Штирнеру [Воогу]. Париж, 25 февраля 1925 г. // Там же. Л. 1.

⁵ Айя де ла Торре. Что такое А.П.Р.А.? // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 118. Д. 3. Л. 7 об. Основные положения программы были опубликованы В.Р. Айя де ла Торре в английском марксистском журнале «Labour Monthly» в декабре 1926 г.

Дистанцируясь от Коминтерна, Альянс выразил неудовлетворенность деятельностью ВААИЛ, «сформулировавшей не политическую программу, а программу сопротивления империализму», и Латиноамериканского Союза, «ограничившегося целями интеллектуальной деятельности»¹. Аристы давали понять, что только АПРА как международный Единый фронт работников ручного и умственного труда (рабочих, студентов, крестьян, интеллектуалов и т. д.) является главной движущей силой революционного антиимпериалистического движения в Латинской Америке.

Прокоминтерновская позиция Айя де ла Торре не была тайной для активистов АПРА. В письме секретарю Карибского сектора и ячейки Мехико АПРА Э. Павлетичу² он писал: «Вопрос стоит о придании нашему движению реального характера коммунистического, марксистского, ленинистского, НЕ ГОВОРЯ ОБ ЭТОМ, НЕ НАЗЫВАЯ СЕБЯ КОММУНИСТАМИ ИЛИ ЛЕНИНИСТАМИ [здесь и далее в цитате текст выделен в оригинале. – В.Х., Л.Х.], но действуя в качестве таковых... ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ придать нашему антиимпериалистическому движению массовый характер, революционную силу – сделать его типично латиноамериканским как китайское движение, как марокканское движение, если угодно. ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ придать ему силу и влияние заключается в том, чтобы не наклеивать ему ярлык, заявляя, что это вещь, сделанная в Москве и оплаченная в Чикаго³... Поэтому я борюсь за организацию А.П.Р.А., который будет Единым Фронтом Трудящихся Ручного Труда и Интеллектуалов Латинской Америки. Его главная роль заключается в том, чтобы быть международной антиимпериалистической партией, но форме и тактической основе, и дисциплине, коммунистической, но не говоря об этом, не крича на весь мир как проститутки и истерики: “Посмотрите на меня, я коммунист, я ленинец и русский!” Это мне кажется смешным. Наш А.П.Р.А. будет большой партией антиимпериалистических масс и носителем

В официальной истории АПРА (первоначальное название Народно-Революционный Индоамериканский Альянс) датой основания считается 7 мая 1924 г. Однако, как указывает Р. Луна Вегас, в этот день ничего, кроме передачи Айя де ла Торре знамени и герба от имени Федерации студентов Перу президенту Федерации студентов Мексики Л. де Ларре, не было. Luna Vegas R. Contribución a la Verdadera Historia del APRA 1923–1928. Lima, 1990. P. 18. Кроме того, и в Москву Айя де ла Торре поехал бы как представитель АПРА, а он ни разу даже не упомянул об ее существовании.

¹ Айя де ла Торре. Что такое А.П.Р.А.? // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 118. Д. 3. Л. 6 об.

² Descomposición del A.P.R.A. // La correspondencia sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 19. P. 23–24.

³ В то время в Чикаго находилось руководство Рабочей (коммунистической) партии Америки.

призывать Латинскую Америку к революционному националистическому действию против янки (бойкоты и т. д.), нитаясь в то же время организовать в каждой национальной секции партии штурм власти.

А.П.Р.А. организована, и думаю, что в Перу развивается нормально и как раз завоевывает сторонников в массах. Сейчас говорится о придании ей железной дисциплины, военной, «подлинной красной армии». Наш АПРА будет или большой красной армией или не будет ничем... Таким образом, поскольку социально-экономические условия Латинской Америки являются уникальными, без параллелей и сходства с другими частями мира, проблема освобождения трудящихся классов, их пробуждение и подготовка к классовой борьбе также является уникальными...»¹

Вскоре Коминтерн вернулся к диалогу с Айя де ла Торре. В 1927 г. генеральный секретарь Профинтерна А. Лозовский направил ему письмо, в котором сформулировал основные разногласия коммунистов с апристами. Лидер АПРА не уклонился от полемики, попытавшись разъяснить некоторое недопонимание между ним и международной компартией. Согласившись с тезисом Лозовского «борьба против империализма – очень серьезная вещь», Айя де ла Торре напомнил, что еще в 1923 г. он декларировал необходимость создания Конфедерации стран Латинской Америки с революционной программой, направленной против империализма и латиноамериканских правительств, «так как все они принадлежат к Интернационалу капитализма», и призывал к «латиноамериканизму», «очищающему от патриотизма и навеки разрушающему эксплуатацию», который «должен быть новой революцией, нашей революцией».

Считая себя «хорошим марксистом и ленинистом», «стоящим на реалистической точке зрения», Айя де ла Торре выразил согласие с теоретическими подходами Коминтерна к проблемам Латинской Америки: «С марксистской точки зрения это совершенно правильно, но меня главным образом интересует вопрос, что делать [подчеркнуто в документе]. Методы, которые вы мне рекомендуете, кажутся мне слишком евронейскими, и я всегда указывал Боогу на необходимость разрешать проблемы Латинской Америки с «азиатской», а не евронейской точки зрения, выражая уверенность в том, что только реалистичный подход может избавить антиимпериалистическое движение в Латинской Америке от ошибок и ложных шагов»².

¹ Письмо В.Р. Айя де ла Торре Э. Павлетичу 15 апреля 1926 г. Цит. по: Luna Vegas R. Contribución a la Verdadera Historia del APRA 1923–1928. Lima, 1990. P. 20.

² Письмо В.Р. Айя де ла Торре Лозовскому, 14 апреля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 118. Д. 2. Л. 49.

Проблема латиноамериканской деятельности международных коммунистических организаций состояла, по мнению Айя де ла Торре, в отсутствии понимания специфики континента. Он напомнил, что во время конгресса Профинтерна единственный человек, который в Исполнительном Бюро говорил по-испански, А. Нин «ничего не знал о положении в Латинской Америке», но именно он возглавлял латиноамериканское направление. Даже делегаты США мало что знали об империализме в Латинской Америке. По этой причине свою поездку в СССР лидер АПРА расценил как «полный провал с точки зрения Латинской Америки», так как ему не удалось добиться пересмотра тактики Коминтерна.

Препятствием для взаимопонимания он считал нежелание революционеров, исполненных самых лучших намерений, честно признавать ошибки и наличие неверной тактики, назвав примером такой ошибки «ложный курс» Антиимпериалистической лиги, «ходившей под диктатуру» РКП(А), что «сделало ее ненормальной в Латинской Америке» и позволило Келлогу «разоблачить Лигу и ее планы, огласить в сенате многие секретные документы Лиги... и ясно доказать, что Лига была коммунистической организацией, а не единым фронтом всех антиимпериалистических народных сил. Я не думаю, что в войне против буржуазии и империализма мы должны так легко *демакироваться*. Я полагаю, что во всякой войне только очень плохой солдат открывает свои секретные планы врагу»¹. «Реалиста» Айя де ла Торре вовсе не нудило коммунистическое содержание деятельности Лиги, он считал тактически неправильным демонстрировать коммунистическую форму.

Лозовский и Айя де ла Торре по-разному видели унификацию рабочего движения. Лидер АПРА считал антиимпериалистическое единство пролетариата трудно осуществимым практически из-за глубоких разногласий в самом рабочем движении. В качестве примера он привел Аргентину с двумя компартиями² и профсоюзами всевозможных направлений: анархистскими, социалистическими, синдикалистскими, коммунистическими и т. д., бывшими на ножах друг с другом. «Я осуждаю всех вождей без исключения. Вожди аргентинского рабочего движения продажны и проникнуты буржуазной психологией, это все люди, которые живут хорошо, а едят и пьют еще лучше. Они не знают, что такое самопожертвование... объединение аргентинского движения очень далеко от осуществления... Я абсолютно согласен, что мы должны объединить рабочих, но наряду с

¹ Там же. Л. 49.

² Вскоре их стало три.

таким объединением мы должны также заключить союз со средними классами [здесь и далее в цитатах подчеркивания оригинала. – В.Х., Л.Х.].¹

В восприятии Айя де ла Торре интеллигенты и средний класс не были пролетариями. Более того, он считал их, особенно в США, буржуазными, но в отличие от Лозовского, признававшего необходимым создавать единый фронт с пролетариатом Северной Америки для противостояния империализму², не видел в американском пролетариате революционную силу и обвинил большинство североамериканских рабочих в том, что они наживаются на империализме, в то время как «средние классы тоже страдают от империализма». «Рабочие еще не готовы помочь нам. Это дело будущего. Поэтому, чтобы выступить, пока не придет это время, нам нужно искать союза с другими элементами, либералами, нацифистами и проч. Нам нужно объединение с любыми силами, готовыми помочь нам в Соединенных Штатах. Бора как раз теперь нам полезен, гораздо больше, чем многие рабочие. Но Бора буржуа и либерал. Что ж из этого? Бора нам полезен»³.

«Реалист» Айя считал возможным использовать до поры до времени в антиимпериалистической борьбе союзников типа сенатора Бора. Коминтерн же, декларируя необходимость борьбы за Единый фронт, боялся растворения в нем коммунистической составляющей и поэтому под разными предлогами открепивался от такого сотрудничества. «Я не знаю, что делает сенатор Бора против американского империализма. По нравде, я не имею об этом ни малейшего представления. В любом случае никто в Интернационале не знает ничего об его антиимпериалистической деятельности, – заявил Лозовский. – В самом деле, что делает сенатор Бора в Соединенных Штатах? Тот же самый империализм под другим соусом и ничего другого. Если бы он завтра заменил Кулиджа, мы увидели бы те же самые убийства в Никарагуа, Панаме, в любой другой стране Латинской Америки или мира»⁴. Использование Бора в борьбе против империализма направляло бы, по мнению генерального секретаря Профинтерна, антиимпериалистическое движение по авантюристическому пути, что могло дорого обойтись.

¹ Письмо В.Р. Айя де ла Торре Лозовскому. 14 апреля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 2. Л. 49.

² Losovsky A. El movimiento sindical Latino Americano. Sus virtudes y sus defectos. Montevideo, 1929. P. 27.

³ Письмо В.Р. Айя де ла Торре Лозовскому. 14 апреля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 2. Л. 50.

⁴ Losovsky A. Op. cit. P. 27–28.

За время, прошедшее после его поездки в Москву, Айя де ла Торре явно примирился с тем, что на прямую помощь СССР в ближайшем будущем латиноамериканская революция рассчитывать не может: «Я знаю, что с точки зрения классовой СССР – единственный наш законный союзник. Но такой союз вряд ли возможен... России как раз теперь приходится помогать многим. Мы ведем борьбу в одиночку, и нам угрожают со всех сторон. Никарагуа подверглась интервенции и империализму надвигается все ближе и ближе. Нам нужен любой союз, чтобы остановить его натиск»¹.

Пессимизм по поводу поддержки СССР породил «янонский проект» Айя де ла Торре, в основу которого легла идея использования в антиимпериалистических целях возможной войны между Янонией и США, понятая в Коминтерне как желание получить в борьбе против империализма США поддержку империализма янонского. «Я очень хорошо знаю, что Янония империалистическая и опасная страна... Я никогда не говорил, что Янония может нам помочь или быть нашим другом. Это было бы глупо... Я никогда не говорил, что янонский империализм лучше американского... Янония – капиталистический и империалистический враг Соединенных Штатов. Мы тоже враги Соединенных Штатов, и в тот день, когда оба разбойника нередерутся, мы должны использовать эту борьбу для наших антиимпериалистических целей»².

«Реалист» Айя де ла Торре не хотел ждать, пока «рабочие будут в состоянии организовать», это отдалало, с его точки зрения, перспективу революции на десятилетия, в то время как «империализм продвигается быстрее... Мы надеемся, что рабочие каждой страны будут с нами. Быть может, наша революция будет лучшим «тред-юнионом»»³.

Айя де ла Торре не отказался от идеи перуанской революции как первого этапа континентальной: «Мы захватим власть в Перу и используем ее как оружие против империализма в Латинской Америке. Мы полагаем, что обстановка в настоящий момент благоприятна для крестьянской революции в Перу. Такая революция – задача А.П.Р.А. ... Нам нужна политическая власть в какой-нибудь стране, чтобы разбить господствующие классы и начать борьбу с империализмом. Мы сделаем все возможное, чтобы предпринять первый шаг американской революции – восстание в Перу»⁴. Эту позицию впоследствии

¹ Письмо В.Р. Айя де ла Торре Лозовскому, 14 апреля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 2. Л. 50.

² Там же.

³ Там же. Л. 51.

⁴ Там же. Л. 50–51.

нодхватил Э. Че Гевара, боливийская энонея которого была ноныт-кой реализовать нлан раснространения континентальной революции из одной страны, в которой уснешно осуществлен революционный нереворот.

Коминтерн считал очевидной «онределенную роль» мелкой буржуазии в антиимнериалистической борьбе и признавал необходимость «иснользовать ее с известной осторожностью». Лозовский даже был готов согласиться со справедливостью тезиса «можно иснользовать любого», но признался: «Для этого в нервую очередь нужно быть сильным, без этого будут нроводиться комбинации, но не будет нроводиться революционная нолитика»¹. Проявляя неготовность идти на союзы с ненролетарскими антиимнериалистическими силами, Коминтерн, но сути, признавал свою слабость.

Даже носле декларативного разрыва Коминтерна с АПРА, носледовавшего но окончании Брюссельского антиимнериалистического конгресса, и развернутой нубличной нолемики с Айя де ла Торре многие в Москве расценивали его как «хорошего, очень честного человека»². Это создавало, несмотря на все разногласия, реальные возможности для компромисса. Делегату неруанских профсоюзов и грунны «Амаута» в Москве удалось убедить функционеров ИККИ в необходимости нрямых переговоров с АПРА. Дело было не только в АПРА. Коминтерн не хотел терять нотенциальных неруанских коммунистов, считавших тогда союз с Айя де Ла Торре необходимым. Поэтому, не возражая нротив носездки Портокарреро в Париж, в ИККИ особо отмечали: «...в иротивном случае он будет считать, что Коммунистический Интернационал не хочет предоставить ему возможность связаться с АПРА». Работники Коминтерна считали необходимым для себя и грунны «Амаута» «сделать все возможное, чтобы товарищ Раймондо отказался от своих иллюзий в отношении АПРА, ноказав ему на примерах, что представляет собой деятельность этой организации». Дискуссия о контактах с нарижской ячейкой АПРА дала функционерам ИККИ новод для ностановки вопроса о нодготовке резолюции, характеризующей нолитическую ситуацию в Перу и содержащей нрограмму действий нролетарских и крестьянских организаций, и разработке «специальных директив грунне Мариатеги об идеологических и организационных нринципах создания коммунистической партии»³.

¹ Losovsky A. Op. cit. P. 56.

² Ibidem.

³ Предложение но неруанскому вопросу. Записка Латинского лендер-секретариата, 28 мая 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 118. Д. 41. Л. 1. Цит. но: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 81.

Ж. Эмбер-Дро направил Х. Портокарреро в Париж подтверждение готовности Секретариата ИККИ принять представителей АПРА при условии, что они сами оплатят все расходы, «так как данная делегация не была приглашена нами», и будут находиться в Москве не более 48 часов, «необходимых для обмена мнениями». Руководитель Латинского секретариата просил аристов не приезжать до окончания VI конгресса, чтобы «мы могли посвятить все наше время такому разговору»¹. ЦК АПРА, находившийся в Мексике, назначил делегатом для обмена мнениями с Коминтерном генерального секретаря нарижской ячейки Э. Равинеса, выразившего готовность выехать вместе с Портокарреро в Москву, но для реализации поездки у неруанцев не было средств, о чем они сообщили в ИККИ². Ни в Коминтерне, ни в АПРА планируемую встречу не воспринимали как официальные переговоры: делегату Альянса предоставлялась возможность «ответить на выдвигаемые против данной организации обвинения, при том, что это... всего лишь означает желание помочь нижеподписавшемуся [Портокарреро] прояснить, каковы цели АПРА; результаты такого прояснения помогут пролетариату моей страны»³. После отказа ИККИ субсидировать поездку в Москву аристы выразили готовность провести дискуссию с делегатами, назначенными Латинским секретариатом, в Париже при условии участия в ней представителей рабочих из Перу⁴. Но, несмотря на то что Портокарреро рассматривал эту проблему как дело нервозостенной важности для рабочих Перу, идея встречи АПРА и Коминтерна вновь не была реализована.

Возможно, главным препятствием для этого стала вовсе не финансовая проблема, а позиция делегации КПМ на VI конгрессе всемирной коммюнистической партии, поддержанная аргентинскими делегатами, которые категорически возражали против таких контактов. Парадокс заключался в том, что противниками приезда аристов в Москву были люди, в свое время лоббировавшие визит Айя де ла Торре в 1924 г., в первую очередь М. Диас Рамирес⁵.

¹ Письмо Латинского секретариата [Ж. Эмбер-Дро] Хулио Портокарреро. Москва, 22 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 32. Д. 35. Л. 210.

² Письмо Хулио Портокарреро товарищу Умберто Дро. Париж, 9 июля 1928 г. // Там же. Он. 118. Д. 6. Л. 1.

³ Письмо Педро Раймундо [Х. Портокарреро] [Эмберу-Дро]. Париж, 27 июля 1928 г. // Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ После разрыва контактов с АПРА Коминтерну удалось оторвать от Альянса ведущие зарубежные организации Альянса – ячейки в Мехико и Париже, большая часть членов которых присоединилась к коммюнистам. Среди них были Э. Равинес, Э. Павлетич, Х. Гурвинч, Н. Террерос. Sánchez L.A. Una larga Guerra civil: Apuntes para una biografía del APRA. Lima, 1979. P. 77.

После преобразования компартии Перу она в полном соответствии с духом VI конгресса Коминтерна и X Пленума ИККИ взяла курс на конфронтацию с АПРА, объявив Альянс главным врагом рабочего движения и характеризуя его как «фашистскую», «буржуазно-помещичью», «национал-реформистскую» партию¹. Генетическая связь АПРА с Коминтерном, однако, заставляла и ту, и другую сторону при изменении политической ситуации возвращаться к обсуждению возможностей сотрудничества. В 1934 г., когда в коридорах штаб-квартиры Коммунистического Интернационала уже витала идея Народного фронта, III конференция компартий Южной и Карибской Америки рекомендовала перуанской компартии обратиться к АПРА с призывом создать народно-освободительный фронт, отвергнув «обостренность борьбы, имевшую место до сегодняшнего дня»². Получив отрицательный ответ Айя де ла Торре, опасавшегося, что такой союз отпугнет от антидиктаторского движения средние слои, генсек КПП Э. Равинес обвинил лидера АПРА, «ножелавшего стать на этот раз рукою Троцкого», в приверженности «резко сектантской позиции»³.

Несмотря на обмен нелестными оценками, АПРА вернулась к идее союза с компартией в 1936 г.: ближайший соратник Айя М. Сеане предложил коммунистам объединить усилия на предстоявших президентских выборах, не афишируя до последнего момента факт заключения блока, чтобы власти не смогли снять АПРА с выборов за сотрудничество с «интернациональной» партией⁴. Одновременно человек № 2 АПРА пригласил коммунистов вступить в Альянс и образовать там свою фракцию, сделав шаг к созданию «подлинно массовой организации типа Гоминьдана»⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 221. Л. 9. Цит. по: История Перу с древнейших времен до конца XX века. С. 306; Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934. С. 105, 223.

² Делегация Перуанской КП. По поручению конференции компартий Латинской Америки. Открытое письмо Айя де ла Торре. [1934] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 118. Д. 30. Л. 11–12.

³ Ответное письмо Эудосио Равинеса Айя де ла Торре. Лима, декабрь 1935 г. // Там же. Л. 37, 48.

⁴ Национальная избирательная комиссия не разрешила участвовать в выборах ни АПРА, ни КПП как «интернациональным» партиям. В этой ситуации АПРА поддержала лидера Социал-демократической партии Л. Эпигурена, одержавшего победу. НИК отменила итоги выборов, решив, что избиратели не имели права участвовать в голосовании, и фактически осуществив государственный переворот с целью не допустить АПРА до власти. История Перу с древнейших времен до конца XX века. С. 306–307.

⁵ [Э. Видаль (?)]. В Секретариат ИККИ. Москва, 10 марта 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 118. Д. 35. Л. 5.

После аннулирования результатов выборов, лишивших АПРА власти, представители Альянса планировали организовать совместное с коммунистами вооруженное антидиктаторское движение, но Равинес, не имея связи с Коминтерном, не взял на себя ответственность за принятие такого решения.

Окончательно пути АПРА и КПП разошлись после поддержки коммунистами на выборах 1939 г. кандидатуры М. Прадо, отвергнутой апристами после того, как он отказался заключить с ними союз и заявить о готовности предоставить большинство мест в правительстве.

Единственным условием апристов был запрет на вступление бывшего секретаря Парижской ячейки АПРА Э. Равинеса.

Глава 4

ФОРМИРОВАНИЕ КОМУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ МЕЖДУ IV И VI КОНГРЕССАМИ КОМИНТЕРНА

4.1. Коминтерн и формирование компартии Кубы

Социально-экономическая ситуация на Кубе в период «псевдо-республики», политического режима с ограниченным «неправкой Платта» суверенитетом способствовала росту антиимпериалистических настроений. На этой основе базировались возможности быстрого роста и радикализации рабочего движения, усиления симпатий к идеологии большевистской революции. Важной особенностью кубинского революционного опыта было сближение рабочих и студенческих организаций на идейной основе антиимпериализма и солидарности с Советской Россией. Огромную роль в этом сыграл субъективный фактор: харизматический лидер кубинского студенчества Х.А. Мелья не просто примкнул к коммунистическому движению, но вместе со своими сторонниками привел под его знамена значительную часть членов созданных под его руководством организаций (Антиимпериалистическая лига, Народный университет «Хосе Марти», Федерация университетских студентов, Антиклерикальная лига, группа «Реновасьон»). Развитие впоследствии именно этого фактора позволило кубинской компартии превратиться в массовую общенациональную организацию, способную оказать влияние на ситуацию в стране и выступать в качестве активного актора международного революционного движения¹. Во многом этому способствовало развитие связей коммунистов Кубы с III Интернационалом и его национальными секциями.

Несмотря на отказ Коминтерна принять организацию Салинаса в свои ряды, кубинских сторонников Октябрьской революции не забыли в Москве: коммунистическую группу Кубы пригласили на III всемирный конгресс². Нет сомнений, что речь шла именно о

¹ Подробнее о ситуации на Кубе в период формирования коммунистической партии см.: История Латинской Америки. 1918–1945. С. 84–96; Очерки истории Кубы. М., 1978. С. 177–198.

² III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг., 1922. С. 8–9.

Коммунистической секции Кубы, т. к. других организаций, открыто выступавших за присоединение к Коминтерну, в стране в этот момент не было. Но приглашение Коминтерна ушло в никуда. КСК рассталась, не осуществив за год: никаких сведений о ее функционировании после 1920 г. обнаружить в доступных нам источниках не удалось. Можно гадать о причинах ее исчезновения, хотя важная была очевидна еще при создании: невозможность совместить идеологию анархизма и коммунистическую дисциплину. «21 условие» приема в Коминтерн возможностей для маневра не оставляло. Салинасу и его соратникам следовало сделать однозначный выбор. Одних симпатий к Октябрьской революции без подчинения жесткой международной дисциплине было недостаточно. Жизнеспособность организации, которая не являлась массовой при основании, не могла поддерживаться только популярностью ее лидеров. Связи с Коминтерном, установленные с помощью Бородин и Филлинса, распались, а так как основатели КСК не принимали участия в деятельности новых организаций, выступавших за присоединение к III Интернационалу, для контактов с Москвой пришлось искать новые пути.

Чрезвычайная Генеральная ассамблея Социалистической группы Гаваны (СГГ) 16 июля 1922 г. по инициативе К. Балиньо приняла «Декларацию Принципов», полностью разделявшую революционные принципы и тактику III Интернационала и осуждавшую II Интернационал за предательство социалистических принципов. СГГ выразила готовность придерживаться «21 условия» и призвала рабочие организации примкнуть к Профинтерну¹. Эта декларация явно не дошла до ИККИ. СГГ не сумела провести в жизнь свое решение. Поэтому в марте 1923 г. К. Балиньо и несколько его сторонников вышли из СГГ из-за расхождений по вопросу о присоединении к Коминтерну и провозгласили создание Коммунистической группы Гаваны (КГГ), представлявшей небольшую организацию сторонников русской революции². Одним из важнейших препятствий для

¹ См.: Гробарт Ф. Славный юбилей кубинских коммунистов. К пятидесятой годовщине создания первой Коммунистической партии Кубы // Коммунист. 1975. № 11. С. 96; Telleria Toca E. 60 años de un histórico documento. La primera declaración pública de marxistas cubanos de adhesión a la Internacional Comunista // Granma (La Habana). 27 de agosto de 1982.

² Численность КГГ к моменту образования компартии составляла 27 человек. Кроме нее действовали группы коммунистов в Гуамабакоа, Мансанильо и Сан-Антонио-де-лос-Баньос. См.: Convocatoria y actas del congreso de fundación del primer Partido marxista-leninista de Cuba. Acta de la primer sesión // El movimiento obrero cubano. Documentos y artículos, Tomo I. 1985–1925. La Habana, 1981. P. 445; Письмо ЦК Коммунистической партии Кубы ЦИК РК(К)ПА, Гавана, 20 ноября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 8. Л. 36.

формирования коммунистической организации в масштабах всей страны являлось отсутствие международных связей.

КГГ пыталась использовать все возможности для установления контактов с Коминтерном и его секциями. До создания собственного печатного органа она распространяла среди своих сторонников газету компартии Испании «Antorcha» и орган ФКМИ «Joven Comunista», которые, наряду с частной перепиской с одним из членов КПИ, были основным источником информации о ситуации в международном коммунистическом движении¹.

Первую попытку установить прямые контакты с Москвой предприняла еврейская секция КГГ, направившая через ЦК еврейских секций при ЦК РКП(б) письмо в ИККИ с целью «информировать и заинтересовать Коминтерн коммунистическим движением Кубы». Секретарь секции А. Симхович (Ф. Гробарт) указывал на настоятельную необходимость объединения усилий коммунистических групп, действующих отдельно, для оптимизации организационной работы и создания единственной политической партии, возглавляющей рабочий класс Кубы, «ибо нет конкурирующих партий, за исключением нескольких слабеньких анархистских групп и совсем ничтожной социалистической партии»². Симхович обратил внимание руководства Коминтерна на важную особенность КГГ – влияние не только среди рабочих, но и среди большей части студенчества, что давало возможность при соответствующей работе централизованной компартии «превращения студентов в рабочих руководителей, каковых теперь нет»³. Еврейская секция упрекала КПМ и РКП(б) в отсутствии внимания к кубинскому рабочему движению и выразила желание установить прямую связь с РКП(б) как с братской секцией Коминтерна путем «корреспонденций, в которых мы бы вас более полно информировали о Кубе и вы с вашей стороны помогли бы нам указаниями и советами в работе...». Считая отсутствие интернациональных связей реальным препятствием созыва объединительного съезда, Симхович просил проинформировать ИККИ, чтобы «Коминтерн непосред-

¹ Отчет Сотомайора [Р. Саиса] о Кубе. Москва. 31 декабря 1926 г. // Там же. Ф. 495. Он. 105. Д. 1. Л. 24. См.: Grobart F. El cincuentenario de la fundación del primer partido comunista de Cuba // Verde Olivo (La Habana). 1975. № 33. P. 42; García More R. En el 60 aniversario de la fundación del primer Partido marxista-leninista de Cuba. Herencia de un fundador // Verde Olivo (La Habana). 1985. № 33. P. 39–41.

² Письмо было получено в Москве ранее 10 августа 1925 г., еще до учредительного съезда КП Кубы.

³ Перевод письма еврейской секции Коммунистической партии Кубы. Секретарь А. Юнгер [А. Симхович] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 2. Л. 54–55 об.; Сопроводительное письмо зам. зав. Агитпропдела ЦК РКП [А. Абодин], секретаря ЦК евсекций при ЦК РКП [Немерисский] Куусинену 10 августа 1925 г. // Там же. Л. 53.

ственно» заинтересовался коммунистическим движением Кубы, и выразил уверенность в том, что при непосредственном руководстве КГГ со стороны III Интернационала «создалось бы необходимое единство и централизация партии»¹.

Это письмо вызывает несколько вопросов. Почему оно было направлено не прямо в Коминтерн, а в РКП(б)? Действовала ли еврейская секция автономно, не проинформировав руководство КГГ? Мог ли Симхович не знать о подготовке I съезда КПК (если, конечно, письмо не было отправлено еще до начала его подготовки)? Но какими бы ни были ответы на эти вопросы, важно другое: в момент проведения учредительного съезда компартии Кубы и в ИККИ, и в ЦК большевистской партии была достаточно точная и объективная, хотя и очень ланидарная информация о состоянии коммунистического движения страны, которая предвляла доставленную в Москву мексиканским делегатом пленума ИККИ Р. Каррильо, имевшим полномочия представлять и кубинских коммунистов².

К моменту получения в Москве этого письма ситуация несколько изменилась. Президент КГГ К. Балиньо, долгие годы живший в США, еще в мае 1924 г. направил американской компартии письмо о деятельности группы и ее присоединении к Коминтерну. Исполнительный секретарь Р(К)ПА Дж. Ловстон, находившийся в Мексике, получил некоторые сведения о коммунистической активности на Кубе от КПМ и выразил готовность установить отношения с этой организацией. Ответом на обращение Балиньо стала информация об итогах V конгресса Коминтерна, направленная Ловстоном в Гавану³. В феврале 1925 г. секретарь Панамериканской АИЛ М. Гомес направил приветствие Второму Национальному рабочему конгрессу, выражая

¹ Перевод письма еврейской секции... // Там же. Л. 55–55 а.

² Важное значение, видимо, имело незнание членами еврейской секции иностранных языков. Им было легче обратиться на идиш в ЦК еврейских секций РКП(б), чем связаться с мексиканскими или американскими товарищами. Вторым объяснением может быть никак документально не подтвержденное наличие личных связей в российской компартии, что представляется естественным с учетом того, что родной еврейских участников кубинского коммунистического движения являлись территории бывшей Российской империи. Именно это, видимо, позволяло впоследствии противникам КПК, как сказал Ф. Кастро на митинге, посвященном окончанию работы I съезда компартии Кубы, представлять Ф. Гробарта «коварным агентом Москвы, организатором компартии Кубы, закоренелым конспиратором». *Granma* (La Habana), 24 de diciembre de 1975. Анализ письма еврейской секции в РКП(б) и других доступных нам документов о деятельности Ф. Гробарта в коммунистическом движении не позволяют подтвердить точку зрения о его демонической роли в основании и функционировании компартии Кубы или предположить наличие у него каких-то особых полномочий от руководства Коминтерна.

³ Письмо Исполнительного секретаря Р(К)ПА Джеку Ямольскому 6 мая 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 332. Л. 22; Soto L. *La revolución del 33*. Tomo I. La Habana, 1979. P. 314–315.

уверенность в том, что сильная рабочая организация, которая «должна быть организована и будет организована на Кубе», станет частью мирового революционного движения, руководимого Коминтерном и Профинтерном¹.

Начиная с сентября 1923 г. КГТ поддерживала нерениску с компартией Мексики². В практическую плоскость отношения между коммунистами двух стран перешли после того, как 29 марта 1925 г. в ответ на послание директора журнала «El Libertador» У. Гальвана Генеральная хунта КГТ назначила А. Баррейро ответственным за связи с ВААИЛ, поручив ему вместе с Ф. Пересом Эскудеро провести переговоры об организации Лиги на Кубе. В письме, опубликованном «El Libertador» в мае, Х.А. Мелья гарантировал очень быстрое формирование лиги, его уверенность в успехе базировалась на работе, уже начатой в этом направлении в университете, и достигнутой с Балиньо договоренности о поддержке этого направления борьбы Коммунистической группой Гаваны³.

КГТ получила приглашение направить делегатов на съезд компартии Мексики, но не смогла им воспользоваться из-за отсутствия средств и попросила КППМ направить на Кубу «технических советников комиссии по проведению Первого Национального съезда коммунистических групп»⁴. Одновременно кубинцы информировали об учредительном съезде американскую секцию Коминтерна, передав через ЦИК РК(К)ПА просьбу Секретариату ИККИ об установлении контактов с новой партией⁵. Американцы немедленно отреагировали, перенаправив эту декларацию КПК в Москву, а уже 14 ноября

¹ Carta de la Liga Antimperialista de las Américas al Congreso obrero de Cienfuegos, El movimiento obrero cubano... Tomo I... P. 396-397.

² Serviat P. 40 aniversario de la Fundación del Partido Comunista. La Habana, 1965. P. 104.

³ El Libertador (México). Mayo de 1925. Цит. по: J.A.Mella. Documentos y Artículos. La Habana, 1975. P. 173.

Уже 21 июня К. Балиньо, Х.А. Мелья и венесуэльский эмигрант С. де ла Пласа сообщили хунте о решении создать кубинскую секцию ВААИЛ. Официально она была учреждена 27 июня 1925 г., а 17 июля было избрано ее руководство, в которое вошли Мелья, Балиньо и Баррейро. Algunos acontecimientos importantes de la historia del movimiento comunista de Cuba // El militante comunista (La Habana). Edición Especial. Agosto de 1985. P. 117; Duchesne C. Las agrupaciones comunistas de Cuba y su primer congreso nacional // Bohemia (La Habana). 1975. № 28. P. 91.

⁴ Serviat P. Op. cit. P. 104, 118.

⁵ Письмо генерального секретаря РК(К)ПА Б.Д. Вольфу 21 сентября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 508. Л. 62; Письмо генерального секретаря РК(К)ПА Б.Д. Вольфу 18 сентября 1925 г. // Там же. Л. 59.

Р(К)ПА передала кубинским коммунистам полученное ею письмо Коминтерна¹.

Американская и мексиканская компартии пытались координировать свои действия по оказанию помощи зарождающейся кубинской секции Коминтерна. Перед поездкой своего делегата на учредительный съезд КПК руководство мексиканской партии просило инструкций для него у ЦИК Р(К)ПА. Первоначально предполагалось направить на Кубу для подготовки учредительного съезда генерального секретаря КПК Р. Каррильо², но позднее было решено вместо него послать в Гавану Э. Флореса Магона, три месяца вместе с кубинцами готовившего создание новой партии³. Мексиканский делегат выступил в роли наставника кубинской партии и смог в качестве третьей стороны снять разногласия по ряду принципиальных вопросов, таких как создание новых организаций на предприятиях и участие в выборах. После подробной информации мексиканца о «21 условии» и решениях конгрессов III Интернационала делегаты одобрили резолюцию, признававшую Коминтерн высшей инстанцией для компартии Кубы, а его решения обязательными для партии, и обратились к КПК с просьбой передать ходатайство о приеме КПК в международную коммунистическую партию. Информация о решениях съезда была направлена в ЦК КПК⁴, через американскую компартию – в ИККИ⁵ и газету «Daily Worker»⁶.

Ветеран КПК А. Берналь дел Риасто вспоминал о направлении в Гавану представителя Южноамериканского секретариата Коминтерна аргентинца И. Эчевере, из-за незнания не сумевшего

¹ Письмо генерального секретаря Р(К)ПА Х. Мелье 14 ноября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 480. Л. 28.

² Телеграмма Р. Каррильо Ч. Рутенбергу 14 июля 1925 г. // Там же. Л. 18.

³ Juventud rebelde (La Habana), 9 de enero de 1977.

⁴ Флорес Магон обязался сообщить о «хорошем впечатлении», произведенном на него кубинской партией, и от имени КПК дал обещание урегулировать все вопросы, связанные с ее вступлением в ряды III Интернационала. Материалы съезда были направлены в Мексику для пересылки ИККИ и публикации. Делегат КПК объявил об имеющейся у его партии возможности сделать это бесплатно в официальных типографиях мексиканского государства. Отчет Сотомайора о Кубе. Москва, 31 декабря 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 1. Л. 38–39.

⁵ Через ЦИК Р(К)ПА кубинцы обращались к Секретариату ИККИ с просьбой об установлении контактов с новой партией. Р(К)ПА немедленно отреагировала, направив эту декларацию КПК в Москву, а уже 14 ноября 1925 г. передала кубинским товарищам письмо Коминтерна, полученное в своей почте. Письмо генерального секретаря Р(К)ПА Б.Д. Вольфу 21 сентября 1925 г. // Там же. Ф. 515. Он. 1. Д. 508. Л. 62; Письмо генерального секретаря Р(К)ПА Б.Д. Вольфу 18 сентября 1925 г. // Там же. Л. 59; письмо генерального секретаря Р(К)ПА Х. Мелье 14 ноября 1925 г. // Там же. Д. 480. Л. 28.

⁶ Serviat P. Op. cit. P. 111–112.

принять участие в съезде¹. Архивные документы Коминтерна корректируют его мемуары, не позволяя считать реальностью участие ЮАСКИ в учреждении КПК. Сам Эчевере (Х. Пас) в автобиографии отмечал, что оказался на Кубе случайно, уже после окончания съезда и не имел никаких полномочий от ЮАСКИ, да и не мог представлять Секретариат, формально приступивший к работе уже после его отъезда из Буэнос-Айреса. Более того, он без экивоков заявил Х.А. Мелье о невозможности для себя участвовать в деятельности новорожденной компартии, так как был исключен из КПА за принадлежность к «чистистам». Тем не менее было решено воспользоваться его помощью, и до отъезда в Мексику аргентинец выполнял «всякого рода технические задания», прежде всего подготовку выпуска листовок ЦК КПК². Руководители КПК не считали нужным афишировать подробности личных обстоятельств Эчевере, и в целях новышения престижа своей организации позволяли членам партии считать его посланцем ЮАСКИ, чтобы дать молодым коммунистам понять: об их деятельности знают и ее поддерживают не только в соседней Мексике, но и в далекой Аргентине.

Коминтерн оперативно откликнулся на нервное послание из Гаваны. Уже 7 ноября генеральный секретарь КПК Ф. Перес Эскудеро написал «секретарю Международного бюро в Берлине»³: «...носим Вам с некоторым заозданием ответ на письмо, которое получено нами через посредство еврейской секции новой нашей партии». Информировав III Интернационал о состоянии коммунистического движения страны, он отметил, что партия поддерживает тесные связи с КПК, обязавшейся рекомендовать кубинскую компартию в Коминтерн, и, «хотя и не в такой степени», с компартией США⁴.

У компартии Кубы не было видимых препятствий для вступления в Коминтерн. Она соответствовала «21 условию», ее поддерживали мексиканская и американская секции. Связи кубинской и мексиканской партий были закреплены во время встречи руководства КПК с проезжавшим через Гавану в Москву генеральным секретарем КПК Р. Каррильо, получившим полномочия представлять новорож-

¹ Julio A. Mella. Los jóvenes rebeldes de ayer, comunistas de hoy // Juventud rebelde (La Habana), 9 de Enero de 1975.

² Автобиография И. Эчевере // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 190, Д. 113, Л. 53.

³ Генсек КПК, очевидно, имел в виду Западноевропейское бюро Коминтерна.

⁴ Письмо генерального секретаря КПК Ф. Переса Эскудеро секретарю Международного бюро в Берлине, Гавана 7 ноября 1925 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 105, Д. 2, Л. 24.

денную партию на расширенном пленуме ИККИ¹. Неожиданную преграду для органичного вхождения в состав всемирной коммунистической партии создало руководство самой КПК, и связано это было... с исключением из партии одного из ее основателей Х.А. Мельи. Коллизия, возникшая в связи с «персональным делом» Мельи, не только замедлила процесс интеграции КПК в Коминтерн, но и создала серьезные препятствия для реализации уникальных потенциальных возможностей партии, поставила под угрозу само ее существование как активной политической силы страны. Архивные документы приводят к выводу: имя Мельи вполне могло не войти в официальную историю партии или оказаться там с ярлыком «ренегат» и «предатель»; вполне реальной была перспектива осуждения коммунистами «мельизма» наряду с «ненационализмом», «мариатегизмом» и «рекабарренизмом»².

Пришедший к власти в мае 1925 г. генерал Х. Мачадо увидел в образовании коммунистической партии, Национальной рабочей конфедерации Кубы, Антиимпериалистической лиги и других радикальных организаций серьезную угрозу существованию «исламской республики». Новый президент сформулировал свое политическое кредо, заявив: «Я буду преследовать коммунистов... так как они стремятся уничтожить испанский режим, гарантированный конституцией»³. Уже в августе значительная часть членов партии была передана суду по обвинению в подготовке восстания, и КПК не разрешили легально зарегистрироваться. Около 300 руководителей рабочих организаций были обвинены в большевизме и депортированы с Кубы⁴. Арестованных активистов

¹ Мандат делегата Кубы на пленум ИККИ 8 октября 1925 г. // Там же. Ф. 495, Оп. 241. Д. 109. На документе, подписанном генсеком КПК Ф. Пересом Эскудеро, стояла печать еще Коммунистической группы Гаваны. О встречах Р. Каррильо с руководством КПК и латиноамериканскими эмигрантами в Гаване в 1925 и начале 1926 г. см.: Cipull Reyes A. Julio Antonio Mella en los mexicanos. La Habana, 1984. P. 43–44.

² Подробнее о «деле Мельи» см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Обвиняется Хулио Антонио Мелья // Латинская Америка. 1999. № 7–8; Хейфец Л.С. Дело Хулио Антонио Мельи и Коминтерн // Проблемы отечественной и зарубежной истории: Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 1997 г.). СПб., 1997; Chatzky Ch., Jelfets L., Jelfets V., Ortiz R. Julio Antonio Mella: su huelga de hambre y la expulsión del Partido Comunista de Cuba. Una laguna en su biografía // Historias (México, D.F.). 2001 (Mayo-agosto). № 49; Hatzky Ch. Julio Antonio Mella (1903–1929). Eine Biografie. Frankfurt am Main, 2004.

³ General Gerardo Machado y Morales. Sus discursos y su obra de gobierno. T. I–IV. La Habana, 1926–1930. T. I. P. 260. Цит. по: История Латинской Америки. 1918–1945. С. 94.

⁴ Письмо генерального секретаря КПК Ф. Переса Эскудеро секретарю Международного бюро в Берлине. Гавана, 7 ноября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 105. Д. 2. Л. 28–29. 31 августа был выслан первый генеральный секретарь партии, выходец с Канарских островов, Х.М. Перес, после чего был создан временный коллективный руководящий орган КПК – Генеральный Секретариат, в который вошли А. Берналь,

стов вскоре освободили под залог в 1 тыс. долларов, но на время его действия они были вынуждены уйти в подполье, что на значительное время парализовало организационную работу КПК. Партийная пресса не выходила из-за отсутствия средств и противодействия властей. Компартия оказалась в изоляции¹.

Уже в ноябре против лидеров рабочего движения (КПК и Рабочей федерации Гаваны, в руководство которой входили коммунисты и анархисты) были выдвинуты новые обвинения: в причастности к сентябрьским взрывам у входа в театр «Пайрет» и перед домами известных промышленников Э. Соррилья и А. Себейро². Мелье грозило и еще одно судебное разбирательство. 25 сентября он был временно исключен из Гаванского университета «за серьезное нарушение дисциплины» (конфликт с профессором Мендесом Пеньяте, оскорбившим жену Хулио Антонио – Оливу Сальдивар). А через два месяца, 26 ноября, во время выступления Мельи на студенческом собрании ректор Х. Фернандес Абреу предъявил студенческому лидеру обвинение в явлении на территории университета без официального разрешения и потребовал его судебного наказания. На следующий день после этого инцидента Мелья был вновь арестован, 5 декабря он объявил голодовку, продолжавшуюся 18 дней³.

Поддержка, оказанная Мелье товарищами по партии, как и кампания солидарности, развернувшаяся на Кубе и во всей Латинской Америке, подробно описаны в литературе. Неоспоримым результатом этих кампаний стал рост влияния КПК в массах. Между тем в реальности роль ЦИК КПК в кампании ограничилась публикацией 1 декабря манифеста с протестом против ареста Мельи и других активистов партии и РФГ. В комитет «В защиту Мельи» вошли люди, тесно связанные с деятельностью АИЛ, Народного университета, ФУС, Конфедерации студентов Кубы и через НУ – с КПК. Но в нем не было ни одного из тогдашних руководителей партии. И причиной дистанцирования партии от кампании солидарности с одним из своих лидеров было не только её нелегальное положение – ведь и члены

А. Баррейро и Х. Пеня Вилабоа. Мелья остался на посту секретаря ЦК по агитации и пропаганде. Peñalver Moral R. José Miguel Pérez: el primer secretario // Bohemia (La Habana). 1985 (agosto). № 33. P. 78–83; Fundación del primer partido marxista leninista. De las memorias y relatos postúmos del doctor Alfonso Bernal. Juventud rebelde. 20 de agosto de 1982.

¹ Отчет Сотомайора о Кубе, Москва, 31 декабря 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 1. Л. 40.

² Обвинение по обоим делам было предъявлено наряду с кубинцами иммигрантами и Э. Флоресу Марону, уже уехавшему с Кубы.

³ Padrón P.L. Julio Antonio Mella y el movimiento obrero. La Habana, 1980. P. 138–154.

комитета (особенно эмигранты) были уязвимы и могли подвергнуться репрессиям: ЦИК КПК занял особую позицию по отношению к Мелье.

До сих пор официальная кубинская историография замалчивает тот факт, что по выходе из тюрьмы после голодовки Хулио Антонио был обвинен партийным трибуналом в недисциплинированности и неисполнении решений ЦК, ошибочной тактике, вредящей интересам партии, личных связях с буржуазией, направленных против пролетариата, и отсутствии чувства солидарности и исключен из партии¹. Только секретарь ЦК КПК Л. Сото обратил внимание на этот сюжет, но при этом охарактеризовал ситуацию как *разногласия в Центральном Комитете* по поводу голодовки и объяснил их несогласием генерального секретаря Пенья Вилабоа и его сторонников с действиями Мельи, вызванным «беспокойством за его жизнь», т. к. всем было известно об упрямстве и жестокости Мачадо. «Пенья Вилабоа, человек честный, давно участвующий в рабочем движении, — пишет Л. Сото, — хотя и очень ценил Мелью, но не обладал достаточно глубоким пониманием политической ситуации, чтобы оценить последствия голодовки... считая ее методом индивидуального характера... и выдвинул идею осудить действия героя»².

Сото осудил «различные спекуляции *a posteriori* по поводу отдаления Мельи от большинства Центрального Комитета Партии, особенно со стороны врагов и некоторых людей, кратковременно находившихся в рядах партии или разделявших ее позиции... стремившихся приписать этому делу вид диверсии, чтобы аргументировать сдачу своих позиций и оппортунизм... Никто из тех, кто сеял эти разногласия, никогда не вступал в дальнейшем в политические группы, избравшие своим постулатом идеологию марксизма-ленинизма или представляющие антиимпериалистическую платформу со всеми вытекающими из нее последствиями. *Осуждение Мельи партией не повлияло ни на судьбу партии, ни на судьбу Мельи.* Соглашение никогда не было опубликовано или распространено. Оно не вышло за пределы маленького мира маленькой партии, не имеющей опыта и упорядо-

¹ Протокол партийного суда над Х.А. Мельей // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 2. Л. 13; Письмо КПК Генеральному секретарю Коминтерна // Там же. Л. 22. Единственный кубинский историк О. Кабрера (ныне работающая в Бразилии) сделала ссылку на исключение (без подробностей), как на «тяжелую ошибку» кубинских партийных руководителей, в статье, опубликованной в Мексике. Cabrera O. La Tercera Internacional y su Influencia en Cuba. 1919–1935 // Sociedad/Estado, 1989. № 2. P. 53.

² Soto L. La revolución del 33. Tomo 1. La Habana, 1979. P. 362–363. Одним из немногих в руководстве КПК, кто последовательно стоял на стороне Мельи в этом конфликте, был ветеран революционного движения К. Балиньо, Poniatowska E. Tinísima. México, 1998. P. 31.

ченной политической жизни. Ни врагам, ни неребежникам, ни дезертирам, ни оннортунистам не за что было уцениться, чтобы бросить в лицо обвинения в ошибочной узости взглядов той грунне самоотверженных и твердых пролетариев, которые не сломались; которые не покинули судно в его худший момент»¹. Мотивы Л. Сото, стремившегося сохранить лицо «нервой марксистско-ленинской партии Кубы», непонятны, однако документы архива Коминтерна не дают возможности согласиться с ним: «дело Мельи» вызвало глубокий кризис в самой кубинской компартии и привело к серьезному конфликту партии с КПМ и Коминтерном.

Причиной обвинений послужила голодовка, объявленная без санкции руководства КПК. Претензии к Мелье были предъявлены в его отсутствие и всю рождественскую неделю только что освобожденный из тюремного госпиталю, физически и психологически измученный Мелья требовал созыва чрезвычайного заседания ЦИК для обсуждения выдвинутых против него «трусливых обвинений»². Он рвался на встречу с товарищами по партии, но она, судя по документам, вряд ли состоялась. В 9-страничном документе о партийном суде говорится о письменных ответах, представленных Мельей заседанию в ответ на направленные ему вопросы. Было ли его отсутствие связано с состоянием здоровья человека, не оправившегося после голодовки, с условиями подполья, или имелись какие-то иные причины?

Партийный суд отверг довод Мельи о невозможности получить санкцию ЦИК перед объявлением голодовки, т. к. он не имел контактов ни с одним из членов руководства, ни известий о его деятельности; подверг критике его консультации с товарищами из Антиимпериалистической лиги и Народного университета, которые дали «положительный ответ» на вопрос о полезности своего протеста «для ведения пропаганды в защиту идеалов» в связи с тем, что эти организации «не являются коммунистическими организациями, ни хотя бы чисто пролетарскими...»³.

То, что сегодня совершенно справедливо расценивается как важнейший вклад Мельи в развитие коммунистического движения на Кубе — работа с непролетарскими организациями «коммунистического фронта», в конечном итоге и позволившая КПК стать важной политической силой страны, сектантским руководством партии расценивалось как антипартийное преступление. Суд не доверял «близким друзьям» Мельи. Но только перечисление имен членов комите-

¹ Soto L. Op. cit. P. 363.

² Copia de las actas enviadas por Mella al Comité Central y a uno de los miembros del mismo. 1925 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 105. Д. 2. Л. 34.

³ Стенограмма партийного суда над Мельей // Там же. Л. 13–14.

та «В защиту Мельи» впечатлит любого мало-мальски знакомого с историей коммунистического движения Латинской Америки человека: Х. Виво, будущий секретарь Карибского бюро МОПР и генсек КПК; Р. Мартинес Вильена, неформальный лидер КПК и работник ИККИ; Л. Фернандес Санчес, редактор журнала Карибского бюро ИККИ; Г. Мачадо, будущий председатель компартии Венесуэлы. С. де ла Пласа станет казначеем ЦК КПМ, после гибели Мельи генеральным секретарем Континентального комитета ВААИЛ, а затем одним из руководителей КПК. Перуанец Х. Гурвиц возглавит Комитет Единого фронта «Руки прочь от Никарагуа!» и Карибское бюро МОПР. Венесуэлец К. Анонте, соратник А.С. Сандино, погибнет в 1935 г. вместе с лидером «Молодой Кубы» А. Гитерасом. Вся жизнь будет связан с коммунистическим движением Кубы врач Мельи Г. Альдерегия.

Одно из обвинений звучало просто чудовищно: «Объявив голодовку *против Ц.И.К. и трудящихся*, Вы не признавали власть Ц.И.К. Объясните, какую цель преследовали Вы этой деятельностью?» Но ответ Мельи о желании «выразить свой протест в единственно возможной форме против чудовищной несправедливости, которую представлял его процесс», суд не удовлетворил¹.

Ни один довод Мельи в свою защиту не был воспринят положительно судом, вынесшим суровый вердикт: полные запрет на участие в политической деятельности на три месяца и на партийную работу в течение трех лет. Утвердив приговор, ЦИК КПК проявил «снисхождение» к Х.А. Мелье, «действительному члену Коммунистической партии Кубы и секретарю ЦИК по агитации и пропаганде», сократив мораторий на политическую деятельность до двух месяцев².

В это трудно поверить, но новорожденная микроскопическая партия³, находившаяся с первых дней своего существования в подполье, прошедшая через крупный антикоммунистический судебный процесс, вынужденная сменить за 5 месяцев существования нескольких генеральных секретарей, исключает из своих рядов единственного руководителя, обладавшего широкой известностью не только на Кубе, но и в других странах континента. Не исключено, что эта по-

¹ Там же. Л. 14.

² Там же. Л. 22.

³ В момент основания КПК в нее входили 57 человек. К концу 1926 г. в партию уже было 127 членов, к маю 1927 г. – 199 членов и 20 кандидатов, входивших в три местные организации (Гаваны, Сантьяго де Кубы и Карденаса) и группу Морона. Отчет Сотомайора о Кубе. Москва, 31 декабря 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 1. Л. 38–40; El Censo de los afiliados al Partido Comunista de Cuba, 21 de mayo de 1927 // Там же. Д. 8. Л. 1.

нулярность и была скрытой причиной, побудившей коллег по партийному Олимпу добиваться его устранения, но которую они, боясь сами себе в этом признаться, камуфлировали под борьбу за соблюдение железной партийной дисциплины.

Подвергнутого остракизму товарищами по партии Мелью продолжали преследовать власти, не отказавшись от желания добиться осуждения исключенного студента за нарушение запрета бывать в здании Alma Mater ректор университета. Обстоятельства не оставляли Мелье выбора: чтобы сохранить возможность остаться в качестве активного политического деятеля, избежать ареста, а может быть, и физической расправы со стороны властей, он был вынужден нелегально покинуть Кубу. Об отъезде он не считал возможным сообщить руководству партии, что было естественной реакцией на вердикт партийного суда. Однако и это было расценено как «недисциплинированность в отношении ЦИК КПК» и «контрпродуктивные действия». При этом партия считала, что, т. к. Мелья вышел из тюрьмы благодаря давлению общественного мнения, это являлось гарантией его безопасности, он должен был «заняться тем же, что и его товарищи делали на выходе на свободу в сложившейся ситуации», но он «уехал, бросив занатанные и расстроенные дела»¹.

В Мексике Мелья с фантастической энергией берется за политическую работу: его кооптируют в ЦК КПК, избирают членом Исполкома ВААИЛ и генеральным секретарем Континентального комитета Всемирного конгресса против колониального угнетения и империализма, вводят в редакции газеты КПК «El Machete» и журнала ВААИЛ «El Libertador». Эта активность не устраивает его коллег из руководства КПК, которые с настойчивостью, достойной лучшего применения, пытаются убедить компартию Мексики и ИККИ в своей правоте. По сути дела все международные контакты КПК в 1926–1927 гг. были сведены партийным руководством к борьбе вокруг «дела Мельи». И только твердая позиция лидеров КПК и некоторых работников Коминтерна позволили сохранить кубинского харизматического лидера в рядах коммунистического движения. На ЦИК КПК пытался воздействовать Р. Каррильо, предупредивший: партия в связи со своей позицией в деле Мельи «останется одна».

Позицию мексиканской компартии полностью, хотя и в более мягкой форме, поддержало руководство РК(К)ПА. Делегат партии на IV съезде КПК М. Гомес и представитель Коминтерна Штирнер встретились с Мельей и, изучив в подробностях конфликт в кубин-

¹ Письмо президиума нервной конференции КП Кубы ЦК КПК, Гавана, 31 мая 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 105. Д. 2. Л. 44.

ской партии, пришли к мнению о необходимости немедленного восстановления его в партии. С целью достичь какого-то соглашения с кубинским ЦК Штирнер попросил КПК прислать представителя на конгресс мексиканской партии и во время его визита обсудить дело Мельи¹.

Основываясь на информации Гомеса, генеральный секретарь РК(К)ПА Ч. Рутенберг, выразив уважение молодой партии, обратил ее внимание на несколько принципиальных моментов, вытекающих из персонального дела Мельи. Он подчеркнул необходимость единства партии с Народным университетом и Антиимпериалистической Лигой, как организациями, наиболее близкими КПК по духу: «Если мы, как коммунисты, несомненно поддерживать хорошие связи с родственными нам политическими силами, как мы можем надеяться привлечь самых удаленных?.. Лига значительно больше Партии. Партия не должна стремиться навязать коммунистические начала лиге и должна быть готова работать в ней»².

Не навязывая КПК своего мнения и отмечая ошибки Мельи, объясняемые его молодостью и идеализмом, генеральный секретарь РК(К)ПА указал на важность для коммунистического движения кампания солидарности, вынудившей Мачадо отступить, и униженную партией возможность превратить кампанию в защиту Мельи в платформу борьбы против репрессий диктатуры. Американские коммунисты расценили голодовку как «подвиг, доказавший, что товарищ Мелья обладает очень ценными качествами», и обратили внимание кубинцев на дефицит партийных лидеров, «не допускающий роскоши избавляться от такого человека, как Мелья. Приостановка членства в партии на два года равносильна его исключению. Мы верим в то, что товарищ верный коммунист и не предатель. Еще больше мы верим в то, что, несмотря на необходимость для него изучать коммунистическую теорию и практику, он – человек с большими способностями, который в будущем сможет иметь большое значение для коммунистического движения на Кубе»³.

¹ Письмо М. Гомеса, Мехико, 4 мая 1926 г. // Там же, Ф. 515, Он. 1, Д. 311, Л. 9 об.

² Письмо Генерального секретаря РК(К)ПА Ч. Рутенберга Коммунистической партии Кубы 15 июля 1926 г. // Там же, Д. 635, Л. 66.

³ Там же, Л. 67–68. Помимо всего прочего, такое отношение РК(К)ПА к делу Мельи было связано с серьезной проагандистской кампанией, проведенной партией и североамериканской секцией ВААНЛ в его защиту. Освобождение Мельи расценивалось как триумф ВААНЛ в развитии континентального антиимпериалистического движения. Информация об его исключении из партии могла подорвать престиж Лиги и коммунистического движения как на Кубе, так и в США. Anti-Imperialist agitation frees Mella from Havana jail // Там же, Д. 917, Л. 81–82.

Не смог убедить руководство кубинской партии и С. Пестковский, возвращавшийся через Гавану после завершения своей миссии в Новом Свете в качестве полпреда СССР и представителя Коминтерна, который заявил, что «кубинская партия наделала массу нелепостей, а исключением Мельи совершила самоубийство»¹.

Явно раздраженное этими наставлениями, руководство КПК, собравшись на специальное заседание 23 марта 1926 г., приняло письмо секретарю ЦК КПМ, в котором просило Каррильо не забывать, «рассматривая работу в Вашей стране сеньора Мельи, исключенного из н. [партии]», «что указанный бывший активист является превосходным и бесстыдным саботажником коммунистических идеалов, с которым Вам нужно прервать все связи, а не предлагать ему работу, как будто он все еще служит идеалам, постыдным ренегатом которых он стал на Кубе». ЦИК КПК потребовал от мексиканских товарищей рассматривать Мелью как исключенного из партии, подчеркивая: если раньше он обвинялся в оппортунизме и дезертирстве, то после партийного суда — «в предательстве наших идеалов»².

Вновь вернулась к «делу Мельи» Первая конференция КПК (20 мая 1926 г.), об итогах которой информируются члены ЦК КПМ. Возложив на Мелью ответственность за противостояние, возникшее между Народным университетом «Хосе Марти», Антиимпериалистической лигой, поддерживавшими своего лидера, и руководством КПК³, конференция дала ему суровую оценку: «Это Мелья и элементы "Анти-Империалистической лиги", чуждые коммунизму, действуют против Ц.К. и К.П.К., выступая от имени коммунизма, обращаясь к массам и организованным трудящимся элементам

Возможно, имело значение и то обстоятельство, что Мелья в первые месяцы существования КПК вел интенсивную переписку с ЦИК РК(К)ПА и был в этот момент единственным источником информации о ситуации на Кубе для американских коммунистов. См.: Ответ генерального секретаря РК(К)ПА на письмо Х.А. Мельи 12 сентября 1925 // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 480. Л. 21; ответ Х.А. Мельи на письмо Ч. Рутенберга от 5 октября. Гавана. 5 ноября 1925 // Там же. Л. 25; ответ генерального секретаря РК(К)ПА на письмо Х.А. Мельи от 5 ноября. Чикаго. 13 ноября 1925 // Там же. Л. 26; письмо генерального секретаря РК(К)ПА Х. Мелье. 14 ноября 1925 // Там же. Л. 28.

¹ Отчет Сотомайора о Кубе. Москва, 31 декабря 1926 г. // Там же. Ф. 495. Он. 105. Д. 1. Л. 41.

² Copia de la carta dirigida a Rafael Carrillo: Apartado 613. Habana 23 de Marzo de 1926 // Там же. Д. 2. Л. 23.

³ По сути, и Лига, и Народный университет отказались работать под руководством партии. Руководство университета исключило с его кафедр лидеров КПК А. Бернала и Рунса за их позицию по отношению к Мелье, считая невозможным иметь в своих рядах «индивидуумов, критикующих основателя Народного университета». Письмо президиума первой конференции КПК ЦК КПМ. Гавана, 31 мая 1926 г. // Там же. Л. 44–45.

с «Коммунистическим Мельизмом», безответственным, подозрительным и злонамеренным, оппортунистическим и желтым, против КПК».

Сектантские руководители КПК понимали функции антиимпериалистического движения только как часть «пролетарской борьбы» и подчеркивали насущную необходимость существования «нодлинно “Коммунистической Большевицкой” партии, направившей бы ее [деятельность Антиимпериалистической лиги]», считая деятельность Мельи противоречащей этой установке¹.

Масштабность личности была настолько очевидна, что даже его противники вынуждены были воздать ему должное: «У Мельи была возможность большевизировать КПК и придать жизнь и силу Анти-Империалистической лиге...», но тут же, словно снохватившись, они возвращаются к своей идефикс: «...если бы он подчинился дисциплине партий К.И. [Коммунистического Интернационала], но вместо того, чтобы действовать, как должен действовать большевик, он действовал как желтый оппортунист...»².

«Дело Мельи» оказалось для кубинской компартии непреодолимым препятствием на пути официального признанию Коминтерном. Для самого же Мельи – что оказалось благом для коммунистического движения Кубы – ситуация сложилась лучше: абсурдность сектантского подхода руководства КПК была очевидна и для лидеров мексиканской партии, и для работников Коминтерна, отслеживавших ситуацию на Кубе. Не дождавшись обещанного Р. Каррильо сообщения о признании КПК, которое должно было прийти в Мексику дипломатической почтой, кубинские коммунисты расценили это как «враждебную позицию мексиканской компартии, которую она заняла под влиянием пребывания Мельи в Мексике». Такие же трудности КПК испытывала в отношении контактов с Р(К)ПА.

Ощущая изоляцию в международном коммунистическом движении, но не желая признать справедливость критики в свой адрес «и покорно согласиться на возвращение исключенного из нее члена, который не только ничего не сделал для того, чтобы вернуть себе доверие товарищей на Кубе, но и организовал и настойчиво вел систематическую кампанию против кубинской К.П., саботируя наиболее важные направления деятельности К.П., такие как антиимпериалистическая работа», партия приняла решение послать своего представителя в Коминтерн, чтобы сообщить о «ненормальном поведении мексиканской К.П.».

¹ Там же. Л. 45.

² Там же.

КПК, рассматривая себя как «партию в типичной полукOLONиальной стране», считала необходимостью «решительную поддержку со стороны партии страны, которую можно рассматривать как метрополию, то есть Соединенных Штатов, ввиду большой политической и экономической зависимости Кубы от этой страны» и просила Секретариат ИККИ сообщить ей, считает ли тот возможным принять во внимание и удовлетворить это желание¹. В этой декларации явно просматривается стремление ЦИК КПК сделать унор в своих международных связей на Р(К)ПА и свести к минимуму контакты с обидевшими кубинских товарищей мексиканцами.

Латинский секретариат ИККИ в январе 1927 г. трижды обсуждал вопрос о компартии Кубы. Заслушав доклады Кодовильи и кубинского делегата Р. Саласа (Сотомайора), секретариат после длительных дискуссий принял документ, который лег в основу резолюции ИККИ². Несмотря на рекомендации сделать постановление «не таким длинным и более политическим», его авторы не изменили бюрократической практике Коминтерна, сложившейся при подготовке такого рода документов. Резолюция дала развернутый анализ ситуации в стране и истории рабочего движения, ноложившей предпосылки созданию компартии, особо отметив, что Куба стала колонией Соединенных Штатов и указав на значительное влияние анархо-синдикалистской и сектантской идеологии. Важным успехом кубинской компартии ИККИ признал основание антиимпериалистической лиги, «очень скоро объединившей огромное количество интеллигентских и мелкобуржуазных элементов и развернувшей подлинно массовое движение», и создание Национальной Рабочей Конфедерации Кубы, объединившей почти все профсоюзы, «тон в которой задавали анархисты и коммунисты»³.

«Случай Мельи» стал центральным пунктом резолюции, продемонстрировав непонимание руководителями Коминтерна значимости фигуры молодого кубинца для революционного движения. ИККИ признал ошибкой молодой и неопытной партии «индивидуалистический уклон», порожденный анархо-синдикалистской традицией, характерной для рабочего класса «латинских стран и в особенности

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 1. Л. 41.

² Заседание Латинского секретариата 6 января 1927 г. // Там же. Ф. 495. Он. 32. Д. 11. Л. 2, 12; Заседание Латинского секретариата 13 января 1927 г. // Там же; Заседание Латинского секретариата 26 января 1927 г. // Там же. Л. 16.

В дискуссиях участвовали Тольятти, Эмбер-Дро, Мануильский, Валешкий, Кодовилья, Лонго, Трон, Маджи, де Бук, Стенанов, Васильев, Пестковский (Бандерас) и др. деятели Коминтерна, в той или иной степени связанные с латиноамериканским направлением его деятельности.

³ Резолюция по Кубе, 28 января 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 5. Л. 6.

стран испанской и португальской культуры и языка», и психологией интеллигенции и особенно студенчества, лидер которого Мелья вступил в компартию, «не проникшись сознанием необходимости суровой коллективной дисциплины». Другую ошибку Исполком Коминтерна усмотрел в позиции ЦК КПК, для противодействия «индивидуализму» установившего «суровую дисциплину, зачастую механическую», не осознавшего в достаточной мере необходимость в условиях Кубы добиваться «воспитания коммунистов, а не чистки партии путем исключений, превращавших партию в секту»¹.

ИККИ осудил оба недостатка, проявившиеся в «деле Мелья», – «склонность интеллигентских элементов к индивидуализму» и «уклон ЦК партии в сторону сектантства», особо отметив, что постановление об исключении не соответствовало ни размерам нарушения дисциплины, ни требованиям политического момента: главной задачей было использовать в интересах КПК широкое народное движение в защиту Мелья. Суровая позиция ЦК оказала действие, противоположное ожидаемому, оттолкнув от компартии Антиимпериалистическую лигу, изолировав ее от мелкобуржуазных народных масс, идущих за лигой, и профсоюзов, участвовавших в кампаниях по его защите. По мнению Исполкома Коминтерна, ошибочной была и линия, проводимая Мельей и его соратниками, стремившимися развернуть лигу в организацию, соперничающую с КПК, т. к. она вредила развитию и коммунистического, и антиимпериалистического движения. Однако, признал ИККИ, несмотря на тактические ошибки, кубинская партия в трудной обстановке и при отсутствии непосредственной связи с Коминтерном «неуклонно старалась развернуть революционную и коммунистическую работу и следовала директивам Интернационала». Исполком всемирной компартии считал заноздалое вступление КПК в Коминтерн не зависевшим от ее воли и постановил принять ее в качестве секции III Интернационала².

Но лишь 29 мая 1927 г. ЦИК компартии Кубы известил ИККИ, Латинский секретариат Коминтерна, КПМ и Мелью об отмене решения партийного суда и «принятии вновь в КПК товарища Хулио Антонио Мелья с восстановлением во всех его правах и обязанностях члена партии». Несомненно, это решение не было добровольным. Партийные вожди явно сдались под давлением ИККИ и братской

¹ Там же. Л. 8–9.

² Там же. Л. 10–11. Советские авторы В. Листов и В.Х. Владимиров называли датой принятия КПК в Коминтерн сентябрь 1928 г., связывая, очевидно, это событие с VI конгрессом Коминтерна. Листов В. Рабочее сердце Гаваны. С. 75; Владимиров В.Х. Об историческом пути марксизма-ленинизма на Кубе // Новая и новейшая история. 1972. № 5. С. 37.

КПМ, это неоднократно подчеркивается в заявлении КПК, не скрывающем раздражения. ЦИК вернулся к изучению дела, лишь получив резолюцию Коминтерна по кубинскому вопросу, предписывавшую не рассматривать вердикт 10–13 января 1926 г. Руководство КПК пошло на этот шаг, «...учитывая гарантии со стороны К.И. – высшей инстанции, которой мы подчинены, – в том, что ностунки, совершенные т. Хулио А. Мельей, или что-либо подобное не будут допущены; видя, что указанный товарищ исправил, но крайней мере в значительной степени, свою недисциплинированность, свой образ мысли и деятельности; и, наконец, помня о том, что мы обязаны подчиняться высшим для партии инстанциям»¹. Стремясь сохранить лицо в этих не очень благоприятных для себя обстоятельствах, ЦИК КПК не преминул предупредить, что, если подобная ситуация повторится, партия прибегнет к мерам, предусмотренным уставом.

Решению казуса Мелья несомненно способствовал С. Пестковский, высоко ценивший его потенциальные возможности. По инициативе бывшего полпреда Мелья был включен в список делегатов Брюссельского антимпериалистического конгресса с обязательной поездкой в Москву, он нашел возможность ее организовать, пригласив имевшего отдаленное отношение к крестьянскому движению Мексики кубинца в качестве представителя Национальной крестьянской лиги² и гостя Крестинтерна³. Бывший советский полпред участвовал во всех обсуждениях кубинского вопроса в коминтерновских инстанциях, Крестинтерне, помог опубликовать статью в «Аграрных проблемах»⁴, сопровождал в поездке по СССР. Личное знакомство с Мельей людей, формировавших латиноамериканскую политику

¹ Письмо ЦИК КПК [Г. Кортин] Центральному Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала, Гавана, 29 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 105. Д. 8. Л. 13.

² Мелья присутствовал на объединительном съезде крестьянских организаций Мексики (ноябрь 1926 г.), учредившем НКЛ, в качестве представителя ВААНЛ. Думьерре Э., Перес Крус Ф. Умираю за революцию. М., 1986. С. 67. В Брюссельском конгрессе Мелья участвовал как делегат НКЛ и представлял ВААНЛ (Континентальный оргкомитет, мексиканскую, никарагуанскую и сальвадорскую секции).

³ В рекомендациях НК Международной Антимпериалистической лиги по организации Брюссельского конгресса говорилось: «От имени Ульрихмана [Крестинтерна] пригласите к Цауберу [в Москву] Фадеева [А. Мейя] инстинктивной антизаботливой лиги [делегата американской антимпериалистической лиги], прежде работавшего на Дельта 69 63 56 29 Дельта [на Кубе], а в последнее время жившего у Назина [в Мексике]. Его поездка может состояться лишь в том случае, если он имеет возможность приехать удобно [легально]. Крестинтер берет на себя только половину путевых расходов. Лошин [Петров]». Письма Восточного Секретариата НКК В. Мюнценбергу от 5 и 12 февраля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 542. Он. 1. Д. 7. Л. 78–79.

⁴ Мелья Х.А. Крестьянское движение в Мексике // Аграрные проблемы. 1927. Кн. 1. С. 183–185.

Коминтерна (в частности, Эмбера-Дро), его активное участие в обсуждении проблем кубинского и латиноамериканского революционного движения в ИККИ, Профинтерне и Крестинтерне повлияли на содержание резолюции Коминтерна, вынудившей руководителей КПК смириться с его возвращением в лоно партии.

Несмотря на благоприятный для Мельи исход рассмотрения его дела в ИККИ, некоторые работники аппарата Коминтерна с подозрением относились к его личности и деятельности, интриговали против него. Компартия Мексики даже была вынуждена обратиться в Латинский секретариат за разъяснениями по поводу голословного обвинения Мельи в троцкизме и несанкционированной ЦК поездке в Нью-Йорк, выдвинутого В. Кодовильей и Р. Мартинесом на заседании коммунистической фракции Профинтерна для предотвращения избрания кубинца в Центральное Бюро КИП.

ЦК КПМ категорически утверждал: в партии «нет раскола и тем более троцкизма, у нас нет фракционной борьбы»¹. Личная же позиция Мельи по отношению к троцкизму была им четко обозначена в докладе ЦК КПМ, в котором была сформулирована позиция партии, и в тезисах по вопросу о троцкизме в СССР и Коминтерне, подготовленных им для национальной партийной конференции. В США же Мелья ездил с разрешения ЦК для переговоров с делегацией Националистического союза, об итогах которых подробно проинформировал руководство мексиканской компартии. КПМ требовала доказательств обвинения, «если документы против Мельи действительно существуют», но поскольку коминтерновские чиновники в ответ промолчали, ЦК мексиканской партии недвусмысленно заявил о невозможности поверить в подлинность указанных документов².

Демарш мексиканской секции Коминтерна явно инсценировал сам Мелья, в то время исполнявший обязанности генерального секретаря ЦК, стремясь устранить любые сомнения в ортодоксальности своей политической позиции³. Главного обвинителя Мельи – В. Кодовилью уже не было в Москве. Он вынужден был из Буэнос-Айреса дать объ-

¹ Письмо ЦК КПМ [секретаря по оргвопросам и агитпропа Х. Рамиреса] Латинскому секретариату Коминтерна 14 июня 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 84. Л. 42.

² Там же.

³ Конфликт 1928 г. породил слухи о диссидентстве Мельи, до настоящего времени циркулирующие в литературе, особенно в работах троцкистских авторов, считающих его предтечей кубинского троцкизма. García Montes J., Alonso Avila A. Historia del Partido Comunista de Cuba, Miami: 1970. P. 69–71; Blackwell R., Julio A. Mella // The Militant, 15.I.1931; Gorkin J. Como asesinó Stalin a Trotski, Barcelona, 1961. P. 204–205; Soler Martínez R. Los orígenes del trotskismo en Cuba // En Defensa de Marxismo, 1998.

яснения, но сути подтвердившие надуманность причин недонужения Кубинца в руководство Профинтерна и мотивов этого акта: явно просматривалось нежелание допустить рост его влияния на политику III Интернационала в Западном полушарии, нежелание личного соперничества с харизматичным Мельей.

Заранее снимая возможные обвинения в личной предвзятости, Кодовилья заявил о своем участии в решении вопросов в коммунистической фракции Профинтерна в качестве члена Латинского бюро ИККИ, отстаивавшего позицию своего ведомства. Причинами противодействия кандидатуре Кубинца секретарь ЮАСКИ назвал стремление обеспечить участие в руководящих органах Профинтерна «организованных рабочих, прямо связанных с профсоюзным движением представленной страны», в то время как Мелья «не находился на Кубе более двух лет, не был ни профсоюзным руководителем, ни рабочим». Другой довод, делавший «неудобной» кандидатуру Мельи, состоял в том, что «не было известно мнение КПК», в то время как существовал «дисциплинарный вопрос, связанный с исключением из ее лона, и новаторским приемом». Понутно аргентинский коммунист обвинил Мелью в поддержке идеи учреждения Революционной народной партии на базе рабоче-крестьянского блока и создания нового профсоюзного центра в Мексике, как противоречащих линии Коминтерна и Профинтерна. То, что это были вопросы дискуссионные, по которым в ИККИ в этот момент не было никаких решений, для Кодовильи не имело значения¹.

Стремясь подчеркнуть свою объективность, Кодовилья категорически отрицал обвинения Мельи в троцкизме с его стороны². Доводы бывшего сотрудника ИККИ были вполне логичными и объективными. Действительно, их реализация говорила бы о тесной связи Профинтерна с латиноамериканским рабочим движением. Но на деле все было не так. Кубинец в Москву не приехал и через полгода погиб, а должность, на которую планировали его назначить, занял Р. Мартинес, представитель виртуальной рабочей организации – Венесуэльского рабочего союза в США, не имевший полномочий ни

№ 20. URL: <http://www.po.org.ar/edm/index2.htm>. См. также материалы дискуссии о «деле Мельи» в Интернете: <http://h-net2msu.edu/~diplo/>

¹ Третий профцентр Мексики – Унитарная профсоюзная конфедерация (CSUM) – был создан в январе 1929 г., уже после гибели Мельи, посмертно избранного его почетным генеральным секретарем.

² Письмо В. Кодовильи Латиноамериканскому Секретариату Коминтерна [Ж. Эмбер-Дро]. «Дело Мельи», Буэнос-Айрес, 18 августа 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503, Оп. 1. Д. 19. Л. 29, 32–34.

от профсоюзов своей страны, ни от компартии но одной простой причине – их в тот момент не существовало¹.

В 1927–1929 гг. в Коминтерне подробно обсуждался ключевой вопрос для определения стратегии КПК в антидиктаторской борьбе – проект создания широкого альянса разнородных политических сил, оппозиционных диктаторскому режиму, важную роль в котором играла партия «Националистический союз»². В появлении НС на политической арене Кубы компартия видела выражение общественного протеста против тирании и экономического кризиса, представлявшего серьезную опасность для диктатуры. В то же время в новой партии, отстаивавшей интересы мелкой и антимаchadoвской национальной буржуазии, коммунисты усматривали соперника в борьбе за влияние на массы. Однако нелегальное положение КПК и невозможность создания рабоче-крестьянского блока но причине отсутствия организаций сельскохозяйственных тружеников, подталкивали коммунистов на тактический альянс с НС в преддверии избирательного процесса по вопросу о продлении полномочий органов власти. Руководство компартии видело для себя два варианта: бойкот избирательного процесса о продлении полномочий или рекомендацию рабочим голосовать за националистов, но так как НС не было разрешено принять статус партии и участвовать в выборах 1928 г., и он действовал, как и КПК, нелегально, обсуждение вопроса об электоральных союзах отняло само но себе³.

В изменившихся условиях КПК поставила своей задачей организацию но всей стране сети революционных комитетов для подготовки всеобщей политической забастовки. Компартия не верила в «активную революционную силу» националистов, но считала возможным сотрудничать с ними, учитывая их популярность в массах. При этом коммунисты, зная об отсутствии у Мендизеты радикальных

¹ Одной из причин рекомендации Мелья на работу в Профштерп было стремление спасти его от реально существовавшей в то время угрозы физической расправы со стороны кубинских властей. Таким образом, Кодовилья и Мартинес невольно способствовали осуществлению этих планов.

² В 1927 г. политические силы, выступившие против намерений Machado провести конституционную реформу, целью которой было продление полномочий президента, Сената и Палаты представителей, образовали оппозиционный блок – Ассоциацию «Националистический союз», позднее преобразованную в партию «Националистический союз». Среди ее основателей были видные деятели Либеральной и Консервативной партий. Лидером Союза был провозглашен полковник К. Мендизета, соперник Machado в борьбе за выдвижение кандидатом на пост президента от Либеральной партии (1924). Soto L. La revolución del 33, Tomo 1. La Habana, 1979. P. 394, 415, 454.

³ Создание партии «Националистический союз». [1928] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 105, Д. 8. Л. 25–26; Табарес Х.А. Кубинская революция 30-х годов, ее последние два года. М., 1974. С. 133.

антиимпериалистических настроений, стремились использовать это обстоятельство, чтобы показать массам несостоятельность националистов решить проблему противостояния империализму США¹.

По мнению Политсекретариата ИККИ, у националистов как национально-революционной партии, опирающейся на среднее и бедное крестьянство, а также мелкую городскую буржуазию, имелись перспективы стать центром объединения различных слоев трудящихся, в том числе и значительной части пролетариата, для которых были привлекательны идея борьбы против власти реактивного режима Мачадо и конкретные требования: свобода собраний и печати, право на стачки и т. п. НС решительно выступал против подавления забастовок сельскохозяйственных рабочих на принадлежавших американцам сахарных плантациях. Все это придавало националистам в «глазах масс в известной мере революционную и антиимпериалистическую физиономию»².

Перед КПК Коминтерном ставилась задача – «формирование единого национально-революционного антиимпериалистического фронта на основе своей программы и требований... призывая националистическую партию принять непосредственное участие в образовании этого фронта *наряду с другими революционными рабочими и крестьянскими организациями*», разоблачая «недостаточность нынешнего руководства националистической партии, которое способно лишь на политику полумер». Конечной целью деятельности такого фронта предполагалось *формирование рабоче-крестьянского правительства*³. В ИККИ не замечали утонченности и противоречивости своих установок: на лидерстве в едином фронте предлагалось настаивать партии, главную проблему которой Москва видела в малочисленности, идеологической слабости и отсутствии политического опыта, не дающих ей возможность выполнять руководящую роль в революционном движении и предоставляющих таким образом НС возможность «*взять в свои руки широкое движение трудящихся масс, направленное против правительственной реакции и северо-американского империализма*»⁴. Поле деятельности компартии заранее сужалось: она должна была уточнить позицию по «отношению к теории

¹ Отчет ЦИК КПК. [1928] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 105. Д. 20. Л. 19. Мендизета ставил будущее Кубы в зависимость от сотрудничества с США, в то время как даже диктатор Мачадо активно пользовался антиимпериалистической риторикой. См.: Нитобург Э. Л. Политика американского империализма на Кубе. 1918–1939. М., 1965. С. 70.

² Письмо Политсекретариата ИККИ в ЦК КПК 8 февраля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 105. Д. 10. Л. 85.

³ Там же. Л. 87.

⁴ Там же. Ф. 83.

и практике «революционного» авантюризма и государственных переворотов, которыми в истории страны неоднократно пользовались политические деятели для обмана трудящихся масс», серьезно готовить рабоче-крестьянские массы к «действительно революционным выступлениям»¹.

Коминтерн считал невозможным для рабочих и крестьян Кубы и других стран получить власть без вооруженной борьбы, но призывал действовать с величайшей осторожностью, совмещать работу по подготовке решительных боев за освобождение с антиимпериалистическим движением в странах Центральной и Южной Америки и революционным пролетариатом США. Но на ближайшее время, по мнению ИККИ, «вопрос о вооруженном восстании не стоит в порядке дня КПК, и партия должна решительно бороться против лутчиистских настроений»². Не отрицая возможности «в более или менее отдаленном будущем» восстаний и революционных боев эксплуатируемых и угнетенных масс и даже считая обязанностью КПК быть с восставшими в случае стихийных революционных выступлений, Коминтерн не ставил задач по подготовке таких выступлений и тем более ни словом ни обмолвился о возможности своей технической и финансовой помощи в организации вооруженного выступления против диктатуры.

Партии предлагалось принять активное участие в «действительных выступлениях» против режима Мачадо, «поддерживая и толкая вперед националистическую партию, не делая при этом ей принципиальных уступок и не подчиняя ей своих организаций», и в то же время мобилизовать рабоче-крестьянские массы под своим собственным руководством, выдвинуть лозунги, соответствующие их насущным требованиям, вооружить их, чтобы во время этой борьбы массы не шли на поводу «у мелкобуржуазных вождей с их политикой компромиссов и полумер, а наоборот, стали революционным авангардом, навязывая свою волю всему движению»³. Разносторонняя программа «сотрудничества» больше наномила программу противостояния и была в состоянии только занутать компартию и ее сторонников, создавая вполне обоснованное впечатление о том, что ведется борьба не столько против диктатуры, сколько против оппозиционного мелкобуржуазного течения, и отвлекая от главной цели – свержения Мачадо.

Для Мельи важнейшим вопросом отношений с националистами была возможность организации ими восстания на Кубе. Еще на-

¹ Там же. Л. 88.

² Проект письма в ЦК КПК, Февраль 1928 г. // Там же. Л. 20.

³ Письмо Политсекретариата ИККИ в ЦК КПК 8 февраля 1928 г. // Там же. Л. 89.

ходясь в Москве, Мелья и Сотомайор проинформировали ИККИ о планирующемся вооруженном выступлении против диктатуры и просили определить отношение к участию в нем коммунистов¹. Повстанческие идеи Мелья основывались на историческом опыте латиноамериканских народов, с оружием в руках получивших независимость. Еще в мае 1927 г. в обращении к членам Директората университетских студентов он предлагал вести борьбу против диктатуры насильственными методами: «Национальное и социальное освобождение не придет к нам из милосердия. Последуем примерам Китая, Мексики, Никарагуа... Не будем забывать, что национальные тираны являются инструментом империализма»².

При этом, как отмечает кубинский историк О. Кабрера, залог успеха Мелья видел в «интернациональной унификации борьбы», считая наличие проблем, похожих на кубинские, и в других странах (Гаити, Санто-Доминго, Пуэрто-Рико, Мексике, Центральной и Южной Америке) основой для объединения усилий антиимпериалистических сил: «Борьба, происходящая изолированно, похожа на донкихотство, но с легкостью интернационализируется, если вопрос сфокусирован на практическом революционном аспекте»³.

Б. Рока позднее, характеризуя идеологическую программу НСП, указывал на отсутствие противоречия между интернационализмом, настоящей любовью к родине и национальными чувствами, ссылаясь на комментарий Мелья к высказываниям Х. Марти: «Чтобы быть интернационалистом, нет необходимости ненавидеть землю, на которой ты родился, забывать ее, презирать или нанадать на нее. Такие нелености говорят реакционные и продажные писакы о нас, сегодняшних интернационалистах, революционерах пролетариата. Нет! Интернационализм означает, в первую очередь, борьбу за национальное освобождение от иностранного империалистического ига и вместе с тем солидарность, тесный союз с угнетением других наций»⁴.

Для коммуниста Мелья повстанческие действия, способные привести к смене власти, были не очередным традиционным «пронун-

¹ Беседа с кубинской делегатшей по поводу Националистической партии. 12 июня 1929 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 79.

² Mella, Documentos y Artículos, La Habana, 1975. P. 279.

³ Carta a Leonardo Fernández Sánchez, Archivo de Aida Hernández. Цит. по: Кабрера О. Julio Antonio Mella, dirigente de liberación nacional. Artículo inédito.

⁴ Рока Б. Основы социализма на Кубе. М., 1961. С. 197. По оценке Б. Роки, Мелья паряду с Х. Марти и А. Масео был выразителем национального антиимпериалистического сознания кубинского народа, которое явилось одной из основ идеологии Народно-социалистической партии // Там же. С. 153.

сиаменто», а этаном национального освобождения в революционном движении нролетариата на нути к социализму. Показательным в этом смысле представляется заголовок основанной им в Мехико газеты «Свободная Куба! Для трудящихся». На этом этане было необходимо единство действий с НС, вокруг которого объединялись широкие слои: «Для нации надежда может ноявиться только в националистическом и нролетарском движении. Первое движение захватило весь народ, силоченный нод своими знаменами... и жаждущий практических действий, которые в этом случае были бы в какой-то мере насильственными»¹. Изучив ситуацию на Кубе, Мелья осознал, что нролетарская революция была нокa чем-то далеким, и ноэтому не видел для рабочего класса другого выхода, кроме нрисоединения к национально-освободительному движению, так как если за два или три года такое движение не будет организовано, его отсрочка будет иметь ужасающие носледствия – Куба нонадет «нод гнет имнериализма до эпохи нролетарских революций на континенте...».

О. Кабрера считает, что свою задачу революционера Мелья видел «в ускорении движения за национальное освобождение и ноэтому выдвигал на нервый нлан союз трудящихся с националистическим заговором. Обращаясь к рабочим и называя их «могильщиками имнериализма», молодой лидер коммунистического движения нризывал их вынолнить историческую миссию национального освобождения и ноддерживать студенческое новстанческое движение методом саботажа, бойкота и забастовок и т. д. Единство «рабочих и средних разоренных слоев» для Мелья основывалось на общности интересов неред имнериалистическим врагом нутури страны. «Коммунисты, не сливаясь с националистической нартней, сохраняя независимость нролетарского движения, ноддержали бы его в революционной борьбе за нодлинное национальное освобождение, если такая борьба развернется», – нодчеркивал Мелья².

Союз с националистами не был нростым участием в их новстанческих нланах на нравах младшего нартнера. Во-нервых, будучи уверен в нриближении на Кубе революционных событий в «классическом» для Латинской Америки стиле, Мелья считал необходимым срочные меры по организации комнартии как эффективной структуры. При наличии у КПК «хоть какого-то влияния», он рассчитывал на нревращение рабочих масс Кубы в значительный фактор этой борьбы: *«Может нолучиться второе Нукарагуа в Америке с той разницею, что*

¹ Cuba Libre! Para los trabajadores. (México, D.F.). Mayo de 1928. P. 1. Цит. по: Cabrera O. Julio Antonio Mella...

² Cabrera O. Julio Antonio Mella en México // Bohemia (La Habana). 1980. № 5. P. 87.

здесь у нас будет партия и более или менее организованный рабочий класс, который сыграет важнейшую роль»¹.

Хорошо понимая ограниченность возможностей быстрого превращения компартии в активного и сильного участника вооруженной акции, в первую очередь из-за ее нелегального положения, Мелья и его соратники в конце апреля 1928 г. основали организацию, способную вне страны создать предпосылки для успешной реализации планов восстания, – Ассоциацию новых революционных кубинских эмигрантов (АНЭРК), ориентированную на подготовку к приближающемуся кубинскому кризису, способному «привести к разрушению экономического и политического режима на Кубе», когда «рабочие и крестьяне, профессионалы и все социальные группы, угнетенные империализмом, войдут в период радикализации и наступит исторический момент революции против кубинского фашизма, служащего интересам империалистов»². АНЭРК представляла «мост между рабочими и студентами, вынужденными эмигрировать, и по разным причинам признавшими в изгнании необходимость объединиться на основе социалистических идеалов для того, чтобы сделать Кубу независимой и улучшить положение трудящихся»³. Члены АНЭРК и латиноамериканские эмигранты, солидарные с Кубой, должны были составить основную силу вооруженной экспедиции на остров, поддержанную внутри страны оппозиционными силами, представленными КПК, студенческими организациями и профсоюзами, диссидентскими буржуазными группами, объединенными в Националистическом союзе⁴.

¹ Письмо Х.А. Мелья В. Кодовилье, Париж, 1927 // РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

² Cotoño Valdéz M. Detenidos y persecuciones // Carteles (La Habana). Agosto de 1931. Цит. по: Cabrera O. Julio Antonio Mella... АНЭРК состояла из революционно настроенных студентов и рабочих, эмигрировавших с Кубы под давлением репрессий режима Мачадо. Имела отделения (делегации) в Мехико, Нью-Йорке, Боготе, Мадриде и Париже. Главной целью Ассоциация имела подготовку вооруженного восстания против диктатуры, делая ставку на традиционный для революционного движения Кубы путь – организацию высадки вооруженной экспедиции с территории Мексики или США, поддержанной восстанием внутри страны. См.: Torres Hernández L. La ANERC una combativa organización ant imperialista // Bohemia (La Habana). 1975. № 23. P. 88–92.

³ Mella. Documentos y Artículos, La Habana, 1975. P. 435.

⁴ В Коминтерне или не знали о задачах и специфике АНЭРК, или не понимали масштабность разнообразие революционных замыслов Мелья по формированию организаций коммунистического фронта. Директивы НККИ со ссылкой на устав III Интернационала требовали от членов КПК – эмигрантов вступать в компартии стран их пребывания, внутри которых им разрешалось организовывать свои группы, подчиненные соответствующим партийным комитетам данной страны, и под их руководством оказывать материальную и идеологическую помощь компартии Кубы в ее борьбе, и

Во-вторых, вопреки сложившемуся мнению о зависимости коммунистических участников плана от материальных ресурсов НС, у группы Мелья были собственные возможности. Когда сорвалась реализация плана выступления против диктаторского режима Х.В. Гомеса, задуманного ВРП, которой Мелья помогал организовать контрабандную перевозку оружия, значительная часть его запасов осталась в Мексике, и кубинский коммунист мог ими воспользоваться¹. Разумеется, это обстоятельство хранилось в строжайшей тайне даже от самых близких соратников, за исключением Л. Фернандеса Санчеса. Доступ к оружию, очевидно, и дал толчок стремлению Мелья ускорить реализацию своего плана. Этому не мешали крайне противоречивые и не вполне адекватно оценивавшие реальность кубинской политической жизни установки Коминтерна². При этом следует отметить, что Мелья стремился к созданию Единого фронта, считая недонустимым смешение компартии с движением националистов, при готовности КПК поддержать революционную борьбу за истинное национальное освобождение, но был готов в случае невозможности реализовать эту идею действовать самостоятельно.

Практическая подготовка к экспедиции велась в штате Юкатан, Веракрусе и других местах. Деньги для ее финансирования предстояло собрать делегациям АНЭРК Нью-Йорка и Мехико, в том числе среди рабочих-табачников Тампы и Ки-Уэста. Сам Мелья искал способ нелегально отравиться на Кубу для непосредственного участия в координации действий экспедиции вторжения и революционных сил на острове³, но, не найдя такой возможности, направил в Гавану с секретной миссией Л. Фернандеса Санчеса. Посланец Мелья в октябре–ноябре имел две встречи с новым неформальным лидером КПК Р. Мартинесом Вильеной, генеральным секретарем партии Х. Вальдесом и другими членами ЦК, которые согласились с планом вооруженного выступления⁴. После бесплодных попыток до-

устанавливать связь с КПК. Центральному Комитету Коммунистической партии Кубы. [1929] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 159. Л. 110 об.

¹ Rodríguez R. La forja de una amistad entrañable. Un pasaje poco conocido de Mella // *Granma* (La Habana). 1 de octubre de 1991.

² Точной информации о начале технической подготовки вооруженной акции нет, и можно предположить, что Мелья, приступая к реализации своего плана, не был знаком с письмом Политсекретариата НККИ, а получив текст документа, не считал возможным отступать от задуманного.

³ Baeckhausen-Canale Ch. Tina Modotti. Tafalla, 1998. P. 78.

⁴ Р. Мартинес Вильена в начале 1920-х гг. был, как пишет В. Листов, «поборником повстанческого движения». В 1924 г., как один из руководителей Национальной ассоциации ветеранов и патриотов (в которой он представлял Фалангу Кубинского Действия), одной из целей которой была вооруженная борьба против правительства, проходил военную подготовку в США. В 1924 г. Ассоциация организовала восстание,

говориться с «каудильо» националистов К. Мендиетой Л. Фернандес Санчес беседовал с членом директората НС генералом-мамби Ф. Перасой, возглавлявшим наиболее решительно настроенную грунну националистов. Ветеран войны против Испании одобрил все предложения Мельи, заметив: «Я вижу себя коммунистом»¹.

Арест Л. Фернандеса Санчеса и его денортация в США прервали связи, установившиеся с радикальным крылом националистов. Узнав в заключении о существовании плана убийства Мельи, он сразу же по прибытии в Нью-Йорк известил своего друга и наставника о выезде в Мексику грунны с «радикальными намерениями» по отношению к нему, но было поздно². Гибель Мельи окончательно разрушила план совместного с националистами вооруженного выступления против Мачадо, хотя компартия сохранила контакты с НС, но фактически была вынуждена начать их с чистого листа.

Характер отношений КПК с Националистическим союзом продолжал быть важной частью дискуссий Коминтерна с кубинской компартией, но, по сути, превратился в схоластический спор, не имевший предмета обсуждения. К этому вопросу специально вернулись на встрече с делегатами КПК на Первой конференции коммунистов Латинской Америки, в ходе которой выяснилось смутное представление кубинцев об истории и характере контактов двух политических группировок. Так как они говорили о переговорах с НС, проходивших за шесть месяцев до конференции (возможно, имея в виду визит Л. Фернандеса Санчеса), секретарь ЮАСКИ вынужден

закончившаяся неудачей. Риверанд Х. де. Кубинская республика. Зависимость и революция. М., 1970. С. 149; Листов В. Рабочее сердце Гаваны. С. 121–122; Rubén Martínez Villena. La Habana, 1972. P. 32; Cairo Ballester A. El Movimiento de Veteranos y Patriotas (apuntes para el estudio ideológico del año 1923). La Habana, 1976. P. 97, 102; Dimpierre E. El Movimiento de los Veteranos y Patriotas // Bohemia (La Habana). 1970. № 5. P. 98–102.

¹ Pascual S. Mella y la lucha armada // Juventud rebelde (La Habana), 28 de Febrero de 1972; Tabares J.A. Julio Antonio Mella y la lucha armada // Granma (La Habana). 10 de Enero de 1972; Roa R. El semilla en un surco de fuego. La Habana, 1982. P. 238–239. Генерал Пераса был взят в плен правительственными войсками после поражения восстания 9 августа 1931 г. и расстрелян. Слезкин Л.Ю. История Кубинской Республики. М., 1966. С. 207–208.

² Л. Фернандеса Санчеса выдал арестованный властями секретарь Мендиеты, администратор газеты «Националистический союз» Ф. Рей Меродио, который являлся посредником при организации встречи посланца Мельи и «каудильо». Рей Меродио хорошо знал лично большинство руководителей КПК еще с 1925 г., когда вместе с ними участвовал в основании Антиимпериалистической лиги и был вице-секретарем по финансам ее Руководящей хуты. Fernández Sánchez L. Julio Antonio Mella // Bohemia (La Habana). 1970. № 24. P. 101–102; Tabares J.A. Op. cit.; Pichardo H. Documentos para la historia de Cuba. Tomo III. La Habana, 1973. P. 311.

был напомнить о дебатах по поводу возможности союза с националистами в Москве еще в 1927 г., до конституирования НС.

В Буэнос-Айресе обсуждался новый поворот в стратегии националистов, лидеры которых (К. Мендизета и др.) склонялись к возможности устранения Мачадо с помощью США. КПК была откровенно возмущена вопросом «каудильо» о ностях в правительстве, которые хотели бы получить коммунисты за поддержку националистической революции, заявив о том, что партия добивается не министерских кресел, а требует установления свободы профсоюзной деятельности и разрешения легального функционирования партии. Из новой стратегии НС кубинские коммунисты сделали вывод об отсутствии у Мендизеты «политической перспектив» осуществить какую-либо революцию» и приняли решение о разрыве отношений с националистами, издав манифест, осуждающий их позицию и одновременно критикующий Мачадо¹.

Эта линия поведения была поддержана Кодовильей, он, с одной стороны, утверждал, что партия не должна оставаться в стороне от готовящейся революции, предпринимая необходимые усилия для вооружения рабочих и крестьян, но не смешиваясь с мелкобуржуазными элементами, а с другой, требовал «нравить, и в решительной форме, с руководителями националистов, которые предлагают совершить буржуазно-демократическую революцию при поддержке империализма»².

Ж. Эмбер-Дро напомнил, что НС является «элементом, разлагающим силы Мачадо, и обладает влиянием в крестьянских массах и может на базе этого влияния совершить революцию», но предлагал компартии «разоблачить националистов как партию – союзницу империализма и отвлечь от нее массы» и одновременно проникать в НС для его раскола. Стратегия, предлагавшаяся им для КПК, заключалась в следующем: «Мы примем участие в любом революционном движении, но как независимая сила и выдвигая наши лозунги, отбирая руководство движением у наших врагов и беря его на себя, развивая, таким образом, буржуазно-демократическую революцию с перспективой революции пролетарской»³.

Письмо ИККИ кубинской компартии, направленное после X Пленума Исполкома, развивало эти идеи, расценивая позицию Мендизеты как канитуляцию руководителей «исевдореволюционной

¹ Дневное заседание 28 числа. Куба // РГАСПИ. Ф 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 67; Беседа с кубинской делегацией по поводу Националистической партии. 12 июня 1929 г. // Там же. Л. 74.

² Там же. Л. 75.

³ Там же. Л. 76.

национальной партии перед североамериканским империализмом», которые превратили «оннопозицию... правительству Мачадо... в своего рода соревнование на лучшее выслуживание интересам североамериканского империализма». Видя при этом на Кубе «период нового революционного подъема», Коминтерн предлагал компартии готовиться к «большим революционным битвам, возглавлять массовые революционные выступления пролетариата и направлять их в сторону решительных боев за низвержение режима Мачадо, за рабоче-крестьянское правительство», преодолевая «два коренных недостатка в своей работе: сектаризм и недостаточно четкую позицию в отношении национальной партии», изживать остатки иллюзий о возможности бороться единым фронтом с националистами¹.

В руководстве КПК далеко не все разделяли такой подход к единому фронту с националистами. Резолюция Центрального Комитета от 10 марта 1929 г. гласила: «*Наши отношения с партией националистов должны быть подчинены позиции последней по отношению к империализму*», требуя при этом «дискредитировать партию националистов в глазах масс», «толкать партию националистов занять отчетливую позицию и сделать ясные декларации по вопросу об американском империализме»². Представитель КПК Ф. Гробарт, находившийся летом 1929 г. в Москве, даже поставил перед Коминтерном вопрос «о несправедливом отношении, о незнании, с которым разбирают вопросы КП Кубы [о Национальном союзе]»³. Однако этот демарш был оставлен без внимания. Позиция Коминтерна не изменилась. За рамками коминтерновской логики оставалась насущная необходимость свержения Мачадо, «президента тысячи убийств», которого Мартинес Вильена назвал «ослом с когтями». Раскол, который вносил такой подход к организации Единого фронта, позволял продлить существование жестокого режима диктатуры. Боязнь коммунистов идти на компромиссы с другими антидиктаторскими движениями привела в конечном итоге к знаменитой «августовской ошибке» 1933 г., когда в ходе антимачадовской революции коммунисты отказались от реальной возможности участвовать в формировании новой власти.

Радикальное крыло националистов после провала переговоров, которые буржуазная оппозиция вела с Мачадо при посредничестве американского посла Г. Гугенхейма с целью добиться отставки дикта-

¹ Центральному Комитету Коммунистической партии Кубы. [1929] // РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 3, Д. 159. Л. 109 об.

² Там же. Л. 107–112 об.

³ Меморандум представителя компартии Кубы А. Симховича в Латипо-Американский Секретариат при ИККИ 13 августа 1929 г. // Там же. Оп. 79. Д. 64. Л. 5.

тора, продемонстрировало готовность идти в борьбе против диктатуры до конца, предприняв в августе 1931 г. попытку насильственного свержения правящего режима. Антинравительственные выступления были быстро подавлены, лидеры повстанцев арестованы, а после освобождения эмигрировали в США¹.

Время показало неадекватность оценки Коминтерном политического потенциала националистов, сумевших в конечном итоге при изменившихся обстоятельствах прийти к власти на Кубе: 18 января 1934 г. К. Мендиза сменил Р. Грау Сан-Мартина на посту временного президента Кубы, сформировав из представителей Националистического союза и «АБЦ» «нравительство концентрации», жестоко подавлявшее рабочее и крестьянское движение².

Новая серьезная проблема в отношениях III Интернационала и кубинской секции возникла в связи с неожиданным появлением двойника КПК. Южноамериканский секретариат и делегат Коминтерна испытывали шок, когда на буэнос-айресской конференции появились делегаты двух партий, претендовавших на представительство кубинского коммунистического движения. Только тогда выяснилось, что ЮАСКИ уже несколько месяцев поддерживал контакты с коммунистической группой Гуанабакоа, принимая ее за кубинскую секцию Коминтерна, и даже санкционировал и финансировал отpravку трех ее представителей в Коммунистический университет трудящихся Востока.

Делегаты КПК решительно протестовали против любых контактов Коминтерна с новой коммунистической группой, названной ими «диванной партией», состоящей из нольцевских агентов, существующей лишь на бумаге и не участвующей в реальной борьбе. Посланец параллельной коммунистической организации, в свою очередь, заявил, что они ничего не знают «о другой партии и трудящиеся тоже о ней ничего не знают», заметив при этом, что он прибыл с Кубы, и

¹ Нитобург Э.Л. Похищение жемчужины. М., 1968. С. 85–86. Компартия не принимала прямого участия в этих выступлениях, однако среди участников экспедиции в Хибара были члены АНЭРК, в т. ч. друг Мелья врач Г. Альдеретия, а одним из руководителей высадки был журналист С. Карбо, посетивший Москву во время празднования 10-летия Октябрьской революции.

За несколько месяцев до штурма Мопкады Ф. Кастро встречался с Г. Альдеретия и обсуждал подробности организации высадки в Хибара. Таким образом, можно с уверенностью говорить об использовании в революции 1953–1959 гг. идей Мелья об организации вооруженной экспедиции на Кубу и опыта 1920–1930-х гг. Alderedia J. En el 50 aniversario de la expedicion de Gibara // Juventud rebelde (La Habana). 20 de agosto de 1981.

² Подробнее см.: Очерки истории Кубы. М., 1978. С. 252–260; Нитобург Э.Л. Политика американского империализма на Кубе. 1918–1939. С. 305–361.

подчеркивая свое отличие от делегатов КПК – эмигрантов, приехавших из Мексики¹.

В ходе блицрасследования, проведенного в Буэнос-Айресе, выяснилось, что грунна Гуанабакоа выходила на связь с КПК, но лидеры кубинской эмиграции сочли невозможным сотрудничество с этими людьми. Как заявил В. Кодовилья, «товарищи ни в Мексике, ни на Кубе не сочли необходимым предостеречь нас против этой якобы партии» и тем самым подтолкнули ЮАСКИ на контакты с ней. Это дало повод секретарю ЮАСКИ в очередной раз унрекнуть КПК в нежелании устанавливать связи с Секретариатом, «отрицательные последствия которого демонстрируются в полной мере», а Ж. Эмбер-Дро рекомендовать кубинской секции «выбраться из своего обособленного от Ю.А.С. положения и поддерживать с ним и с К.И. постоянную связь, чтобы дать возможность наблюдать более пристально за развитием ситуации на Кубе». Что же касается параллельной партии, Кодовилья констатировал невозможность «определить, все ли участники данной грунны являются авантюристами», но с учетом возможности участия в ней «грунны искренних товарищей, которые, действуя в рядах этой партии, уверены, что делают это в рядах К.И.». Делегатам КПК было предложено, вернувшись на родину, выяснить, из кого состоит эта партия, и привлечь «искренних людей, если они есть, в ряды нашей партии». До выяснения всех обстоятельств Секретариат приостановил отношения с грунной Гуанабакоа².

Руководство Коминтерна несколько раз обращалось к вопросу о двух кубинских компартиях. В конечном итоге Президиум ИККИ предписал КПК «прекратить борьбу против 2-й компартии на Кубе», поручив А. Гуральскому и А. Перейре разработать соответствующий проект резолюции, в которой предлагалось поставить на съезде вопрос о слиянии обеих партий³. Какими мотивами руководствовался Коминтерн, принимая такое решение? На первый взгляд и об этом недвусмысленно говорит сама резолюция, в Москве неслись о неукоснительном выполнении одного из важнейших условий принадлежности к III Интернационалу: в стране может существовать только

¹ Дневное заседание 28 числа, [28 мая 1929 г.]. Куба // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 67.

² Беседа с кубинской делегацией по поводу Националистической партии. 12 июня 1929 г. // Там же. Л. 77.

³ Протокол заседания Политсекретариата от 13 сентября 1929 г. // Там же. Оп. 3. Д. 159. Л. 2; Протокол № 27 заседания Президиума ИККИ от 17 сентября 1929 г. // Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 1. Текст соответствующего письма компартии Кубы был утвержден 30 сентября, Протокол заседания Президиума ИККИ от 30 сентября 1929 г. // Там же. Л. 19.

одна коммунистическая партия, включающая все революционные пролетарские элементы. Объединение было радикальным способом реализации этого требования¹. Но Коминтерн далеко не всегда шел по этому пути. Примеры отношения к КПМ Л. Гэйла и «Chispa» подтверждают наличие иного подхода, начисто отрицающего возможность сотрудничества с параллельной партией.

В ИККИ явно существовал и другой мотив. Аннарт ИККИ стремился исправить ошибку Латиноамериканского лендер-секретариата и ЮАСКИ, но сути, занутившихся в кубинских делах, принявших «анокрифическую» партию за секцию Коминтерна и вступивших с ней в официальные отношения. Признать такой промах было труднее, чем дать установку на объединение, при том что информация о второй партии оставалась почти нулевой или носила отрицательный характер. Об отсутствии единого подхода к разрешению столь непростых коллизий свидетельствовали рекомендации Южноамериканского секретариата, направленные КПК и разнящиеся с духом и буквой резолюции Президиума ИККИ. Буэнос-айрессский центр требовал проводить работу с подлинно рабочими элементами параллельной партии и вовлекать их в ряды «нашей партии»². ЮАСКИ просто еще не знал московских решений и давал советы на основе предыдущего опыта и своего непонимания выхода из ситуации³.

КПК, исходя из декларируемых Коминтерном принципов взаимоотношений в международной компартии, вполне справедливо считала свою деятельность обойденной вниманием ИККИ и «партий – старших братьев». Внешне это выглядело не так. Проблемы коммунистического движения «жемчужины Антил» несколько раз обсуждались в высших органах III Интернационала. Делегаты КПК носещали Москву даже чаще, чем посланцы некоторых других латиноамериканских компартий, правда, большинство из них (Мелья, Фернандес Санчес, Баррейро) не возвращались после этого на родину или сразу же по возвращении подвергались аресту и денотации,

¹ Поправки к проекту письма КП Кубы от 6.9.1929 // Там же. Оп. 105, Д. 17, Л. 5.

Но даже и через несколько месяцев после принятия резолюции Степанов писал КПК о «надежде найти способ окончательной ликвидации вопроса о "второй партии"». Письмо Латиноамериканского секретариата КИ [Ж. Шавакоша] 22 марта 1930 г. // Там же. Д. 28, Л. 29.

² Письмо ЮАСКИ [В. Кодовичи] в ЦК КПК. Буэнос-Айрес, 27 марта 1930 г. // Там же. Л. 30.

³ Информации о разрешении проблемы с двумя кубинскими компартиями в архивных документах и литературе обнаружить не удалось. Вероятнее всего, члены группы Гуанабакоа, появив бесперспективность попыток добиться признания со стороны ИККИ в качестве секции Коминтерна, просто присоединились к КПК.

нозтому рекомендации, полученные ими в ИККИ, доходили до партии нескоро и непрямым путем¹.

В Коминтерне далеко не всегда могли отследить, дошли ли их директивы до адресата. Только в Буэнос-Айресе, например, Эмбер-Дро узнал о передаче Л. Фернандесом Санчесом политического письма Коминтерна кубинской компартии и направлении ею в Москву доклада. Этот факт говорит о многом. До мая 1929 г. руководитель Латиноамериканского секретариата не знал, получила ли партия важнейший директивный документ руководства III Интернационала, направленный весной 1928 г. Если Фернандес Санчес передавал его руководству партии лично, то это могло произойти только в конце того же года. Но весной 1929 г., до отъезда в Латинскую Америку, Эмбер-Дро отчета КПК еще не видел².

Первый официальный делегат партии (Р. Санс) несколько месяцев находился в Европе, но его собственной оценке, в «состоянии бездействия», после того как КПК объявила ему о «невозможности возвращения, приказала ждать дальнейших указаний, полагая, что в случае надобности ему будет к кому обратиться»³. В КПК явно полагали, что Сансу, находящемуся в Париже по партийным делам, в соответствии с Уставом Коминтерна будет помогать и направлять его действия компартия Франции. Но этого не произошло, и кубинец буквально нищенствовал, имея возможность поехать один раз в день лишь благодаря отзывчивости старых испанских товарищей и руководителя Всеобщей ассоциации латиноамериканских студентов (AGELA) К. Кихано, но не получая материальной поддержки ни от КПФ, ни от МОПРа. При этом он продолжал выполнять свои обязанности связующего звена партии и Коминтерна, направляя в Москву информацию, получаемую с родины и носившую, в общем, случайный характер, и пытаясь на ее основе скорректировать позицию Коминтерна по отношению к жизненно важным для кубинской секции проблемам.

Делегат КПК с достоинством отстаивал интересы своей партии перед Коминтерном. Нелегальные условия функционирования кубинской секции и финансовые трудности не позволяли ей часто

¹ Партийные эмиссары из числа эмигрантов, прибывавшие на Кубу, работали там до ареста, который следовал практически неизбежно, как правило, очень короткое время – в пределах месяца. Этого времени было явно недостаточно, чтобы в нелегальных условиях решать с руководством КПК стратегические вопросы. См.: Письмо Санчеса [Л. Фернандеса Санчеса] Эухенио Гомесу, Мехико, 22 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 394. Л. 19–20.

² Дневное заседание 28 числа. Куба // Там же. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 67.

³ Письмо А. Сотомайора [Р. Санса] Кодовилье, Париж, 5 июля 1927 г. // Там же. Оп. 105. Д. 8. Л. 34.

направлять в Москву своего представителя для изложения своего положения и нужд, и Симхович обращал внимание руководства на необходимость более внимательного и квалифицированного отношения аннарата ИККИ, «имея в виду, что от решений вышеуказанных вопросов в огромной части зависит существование нашей партии на Кубе»¹.

Особо остро поставил вопрос о характере взаимоотношений Коминтерна, его мексиканской и американской секций и КП Кубы представитель КПК в Москве А. Симхович (Ф. Гробарт). Для кубинского делегата было непонятно, почему его, преодолевшего серьезные трудности для реализации этой поездки и стремившегося из соображений конспирации и жизненной важности для партии экстренного решения ее проблем, не торопятся выслушать в аннарате ИККИ. Добиваясь обсуждения Коминтерном положения в партии, Симхович выдвинул ряд требований: предоставить средства для покупки типографии, создания Секретариата ЦК, финансирования нелегальной и легальной прессы и т. д.; сформулировать указания по созданию нелегальной антиимпериалистической организации и выделить материальную помощь для ее содержания; МОПР обязать оказать помощь для создания нелегальной секции; связаться с КИМом для обсуждения вопросов учреждающейся Лиги Коммунистической Молодежи².

В позиции КПК были явные противоречия: в то время как делегаты партии в Буэнос-Айресе демонстрировали лояльность ЮАСКИ, ее представитель в Москве стремился довести до сведения ИККИ недовольство партии «невнимательным отношением к ней со стороны Коминтерна, Профинтерна, Южно-Американского Секретариата в Буэнос-Айресе и ком. партий САСШ и Мексики»³. Самым яростным объяснением этого является несогласованность позиций партийного руководства в стране, не очень хорошо разбиравшегося в отношениях внутри Коминтерна и эмигрантских групп, не всегда знавших ситуацию внутри страны и партии⁴.

Кубинская секция для стимулирования своего развития считала остро необходимым проведение очередного съезда. На этом настаивали и руководство КПК внутри страны, и кубинская группа в Мексике,

¹ Меморандум № 3 А. Симховича в Латипо-Американский Секретариат при ИККИ 13 августа 1929 г. // Там же. Оп. 79. Д. 64. Л. 6–7.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Эти противоречия проявлялись на всем протяжении истории латиноамериканского коммунистического движения в тех партиях, где существовали два центра. Наиболее характерные примеры – кризисы в компартии Чили в период диктатуры Пиночета и бразильской компартии во время правления военного режима

считавшие, что на Кубе «близятся революционные события, возможно, классические для Латинской Америки»¹. ИККИ, без санкции и поддержки которого организация такого мероприятия была невозможна, связывал созыв национального форума КПК с обязательным участием в нем делегата КПП как представителя Коминтерна². Это была позиция Мельи, поддерживаемая руководством КПП, и именно поэтому в ЦИК кубинской партии к такой возможности изначально относились с предубеждением. Возможность назначения мексиканского наблюдателя за ходом съезда, которая совсем недавно, при основании партии, считалась благом, теперь воспринималась в КПК как «знак недостаточного доверия», хотя в принципе присутствие «братского делегата» на Кубе приветствовалось, так как могло изменить «неблагоприятное мнение» о партии. Гордые кубинские неопиты коммунистического движения не отрицали допущенных ими ошибок, но при этом не считали, что Коминтерн и партии – старшие братья имеют право смотреть «на них слишком свысока»³.

Более всего кубинские коммунисты были недовольны отношениями, сложившимися с КПП в целом. Эйфория, вызванная сотрудничеством с Э. Флоресом Магоном, сменилась унынием. Братским партиям не удалось наладить систему связей, даже перениска велась в основном через проживавших в Мексике кубинских эмигрантов. Настоящую идиосинкразию у руководства КПК вызывали «мимолетные и туристические визиты» коллег из мексиканской партии, которые, находясь проездом в Гаване, делали предложения о более тесных контактах между двумя партиями, но длились они «до тех пор, пока корабль не выходил из нашего порта»⁴.

Кубинские делегаты Первой конференции компартий Латинской Америки ставили вопрос о поездке на Кубу полномочного пред-

¹ Письмо Х.А. Мельи В. Кодовилье. Париж [не позднее 11 мая 1927] // РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

² Там же.

³ Письмо А. Сотомайора [Санчес] В. Кодовилье. Париж, 5 июля 1927 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 105. Д. 8. Л. 33–34.

⁴ Отчет Кубинской коммунистической партии. [1929] // Там же. Д. 20. Л. 19.

Отношение кубинских коммунистов к КПП было далеким от объективности. На деле мексиканская компартия пыталась в меру своих возможностей оказать помощь кубинским соратникам. Можно привести по меньшей мере два примера такого сотрудничества. После VI конгресса делегация КПП 6 дней находилась в Гаване, подробно информируя ЦК КПК в связи с «отдаленностью» кубинской секции от Коминтерна о ситуации в международном коммунистическом движении, а два представителя КПП помогали кубинской партии в работе по созданию на Кубе Лиги Коммунистической молодежи. Отчет делегации Коммунистической партии Мексики на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. Мехико, 20 января 1928 г. // Там же. Оп. 108. Д. 83. Л. 21; Схема работы по строительству ЛКМ // Там же. Оп. 105. Д. 20. Л. 152.

ставителя центрального аннарата Коминтерна, и Эмбер-Дро обещал рекомендовать находившемуся в Мексике делегату ИККИ в связи с возрастающей важностью ситуации на Кубе поработать несколько месяцев на Кубе и помочь в реорганизации партии¹. Однако М. Грольман, участвовавший в июльском пленуме ЦК КПКМ (1929), который начал череду чисток в мексиканской компартии, до Кубы так и не доехал.

Вопрос о проведении съезда дебатировался в кабинетах аннарата Коминтерна бесконечно долго. При этом с самого начала ИККИ не только приветствовал эту идею, но настаивал на его созыве максимально быстро, считая необходимым на этом форуме «нодотожить политический опыт партии и сделать на основании этого все политические указания для будущей деятельности», выработать программу действий и предпринять необходимые меры по улучшению организации КПК². При этом сам Интернационал не предпринимал никаких шагов для реализации своих рекомендаций.

Для понимания сути чиновничьих игр важен анализ проекта письма Политкомиссии ИККИ кубинской компартии. В первоначальном варианте КПК через два года после первого обращения за разрешением провести съезд предлагала решить этот вопрос самостоятельно. После правки ответственными лицами в тексте появилось обещание «нотараться сделать все, от нас зависящее, для того, чтобы помочь подготовке съезда. Но сейчас для нас не представляется никакой возможности дать по этому вопросу какие-либо твердые конкретные указания»³.

Бюрократические объяснения причин волокиты стали попросту раздражать кубинцев, и они предложили изменить систему интернациональных связей в треугольнике КПК – КП США – КПКМ. Детальный план кубинской компартии предусматривал получение ею прямых директив от руководства американской секции КИ. Первым шагом в этом направлении должна была стать остановка в Гаване делегатов КП США на конференции в Монтевидео и Буэнос-Айресе для изучения положения в революционном движении Кубы и их доклада в ЦИК американской партии. Затем КП США предлагал послать на Кубу своего представителя для постоянной работы. КПК просила

¹ Беседа с кубинской делегацией по поводу Националистической партии 12 июня 1929 г. // Там же. Оп. 79. Д. 73. Л. 77.

² Письмо Политсекретариата Коминтерна в ЦК КПК 8 февраля 1928 г. // Там же. Оп. 105. Д. 10. Л. 93.

³ Центральному Комитету Коммунистической партии Кубы. [1929] // Там же. Оп. 3. Д. 159. Л. 110 об. – 112 об. В конечном итоге Второй съезд КПК был проведен только в 1934 г., уже после «августовской революции», свергнувшей диктатуру Х. Мачадо.

выделить ей постоянный ежемесячный бюджет в 150 долларов для оплаты пребывания американского функционера и 100 долларов на партийную работу. Особый уклон в программе сотрудничества делался на необходимость проведения в США широкомасштабной пропагандистской кампании в связи с поездкой Кулиджа в Гавану и против мадагаскарского террора, на расширении освещения кубинских проблем в «Daily Worker». Связи между Нью-Йорком, Гаваной и Веракрусом кубинские коммунисты предлагали осуществлять при посредстве коммунистов-моряков¹.

По сути, кубинцы требовали от Коминтерна реализации принципа, на котором он и был основан: если Интернационал – всемирная компартия, то она должна эффективно управляться во всех его звеньях; все секции имеют право на максимальное внимание и поддержку международного руководства и партий, имеющих более значительный организационный и финансовый потенциал. При этом предполагалась возможность сохранить при реализации этих принципов самобытность и автономию для национальных секций. И хотя в будущем (в 1930-е – 1940-е гг.) именно кубинской компартии удалось в большей степени, чем другим латиноамериканским секциям Коминтерна, приблизиться к этому идеалу, это исключение подтверждало общее правило – выполнение принципов демократического централизма в полной мере приводило к унификации и потере собственного лица. Широкомасштабное проведение в действие механизма всемирной компартии, предпринятое в сталинско-бюрократический период деятельности III Интернационала, привело к осознанию простой истины – осуществление такого проекта невозможно, что и стало впоследствии одной из причин ликвидации Коминтерна.

В 1930–1931 гг. в Москве по разным причинам оказались сразу несколько руководителей компартии Кубы (Р. Мартинес Вильена, С. Хунко, А. Баррейро, Х. Ордоки), привлеченные к работе в Коминтерне и Профинтерне. Это значительно улучшило информированность о кубинских проблемах в штаб-квартире мирового коммунистического движения. С другой стороны, ЦК КПК лишился нескольких своих лучших работников, что минимизировало его организационные возможности. А после ареста 29 мая 1930 г. в доме генерального секретаря КПК Х. Вальдеса группы членов ЦК работа партии была по существу парализована².

¹ Доклад о положении на Кубе // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 105. Д. 20. Л. 43. Самое скромное место программа отводила КПМ, которой предлагалось создать для кубинской компартии марксистскую библиотеку.

² Были арестованы Х. Вальдес, Х. Рего, Ф. Гробарт, работник аппарата ЦК Ф. Родригес и редактор газеты КПК для китайских эмигрантов Х. Вонг. Рего и Гробарта,

В связи с критическим положением в руководстве партии по просьбе Центрального комитета КПК Карибское бюро ИККИ приняло меры по усилению кубинской секции, направив в страну для налаживания функционирования партийного аппарата работавшего в Нью-Йорке Х. Виво, избранного в сентябре 1931 г. членом ЦК и генеральным секретарем партии. Это способствовало улучшению прямых контактов с новой региональной структурой Коминтерна и компартией США, а через них – с III Интернационалом.

4.2. Коминтерн и формирование компартии Колумбии

Много неясного до сих пор существует в истории Коммунистической партии Колумбии и её взаимоотношений с III Интернационалом. Официально провозглашенная дата создания партии – 17 июля 1930 г. – как бы объявляет несущественным все, что предшествовало этому событию. Но за два года до этого Социалистическая Революционная партия Колумбии была решением VI Всемирного конгресса принята в качестве национальной секции в Коминтерн, т. е. признавалась полноправной частью всемирной коммунистической партии. И до 1928 г. существовали интенсивные контакты колумбийских коммунистов с Коминтерном, без которых представить историю развития революционного движения Колумбии невозможно.

Импульс к сближению революционного движения страны с III Интернационалом дала группа, объединившаяся в 1923 г. вокруг С. Савицкого и 6 марта 1924 г. провозгласившая создание Организационного комитета Коммунистической партии Колумбии. Уже 1 мая 1924 г. Оргкомитет объявил о создании КПК, а 28 мая общее собрание ее членов приняло Программу и Устав партии в «согласии с идеями, тактикой и условиями организации, рекомендованными Конгрессами Третьего Интернационала»¹. Комиссия ЦК КПК, созданная для подготовки очерка истории партии, пришла к выводу, что «так называемая коммунистическая партия в реальности не существовала», она состояла из нескольких десятков молодых ин-

как иностранцев, власти депортировали, а Вонг был убит мафиозными агентами. *El militante comunista (La Habana). Edición Especial. 60 aniversario de la fundación del primer Partido Comunista de Cuba. Agosto, 1985. P. 28, 121.*

¹ Обращение Комиссии по иностранным делам Коммунистической партии Колумбии к Центральному Исполнительному Комитету Третьего Коммунистического Интернационала 13 сентября 1924 г. Перевод // РГАСПИ. Ф. 495, Он. 104, Д. 2, Л. 3–3 об.

теллектуалов и ремесленников и была «нолностью изолированной от масс»¹. Позднее один из членов комиссии, М. Медина, но-иному оценил место нервой комнартии в истории колумбийского рабочего движения: она инициировала нровозглашение Первого Рабочего конгресса Первым Коммунистическим Конгрессом Колумбии, который 5 мая 1924 г. двадцатью голосами нпротив двух одобрил нприсоединение к Коминтерну и нпринял «21 условие». Конгресс имел широкое нпредставительство, на его открытии нприсутствовали Президент Реснублики и министр нпромышленности. Эти обстоятельства не нозволяют согласиться с категоричным выводом официальной нартийной историографии об абсолютном отсутствии у грунны Савицкого связей с массами².

Принципиально важными для оценки ее деятельности являются те усилия, которые нприложили Савицкий и его соратники но установлению связей с Коминтерном. Уже в первом нисьме в Москву Комиссия но иностранным делам КПК обращала внимание руководства Коминтерна на то, что отсутствие регулярных связей с ИККИ, недостаток литературы и средств на нприобретение нартийной тинографии создают нпренятствия для проведения нпропаганды и организации коммунистических грунн в стране. Неофиты Коминтерна из Боготы считали, что официальное нпризнание КПК III Интернационалом в качестве своей секции нпридаст организации больший авторитет среди революционных рабочих и крестьян страны и послужит имнунсом в деле нпропаганды коммунистических идей³. Они нпросили организовать регулярную нересылку документов Коминтерна, информации о коммунистическом движении в мире, направлять нпропагандистскую литературу и оказать финансовую нпомощь для воснроизведения коммунистической литературы внутри страны, объясняя нпоследнюю нпросьбу тяжелыми экономическими условиями колумбийского нпролетариата, затрудняющими «возможность иметь достаточно средств на нприобретение нужной для нпропаганды тинографии»⁴. Руководители КПК нпросили рассмотреть возможность нприслать нпредставителя ИККИ, говорящего но-иснански и имеющего оныт коммунистической нпропаганды, «с целью нанравить

¹ Treinta Años de la Lucha del Partido Comunista de Colombia. Esbozo histórico elaborado por una comisión del Comité Central del Partido Comunista de Colombia. Bogotá: s. f. P. 12.

² Medina M. Historia del Partido Comunista de Colombia. Tomo I. Bogotá, 1980. P. 83.

³ Обращение Комиссии но иностранным делам... // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 2. Л. 4–4 об.

⁴ Там же.

революционное движение в Колумбии [так в тексте] но и правильно и рационально по отношению к мировому движению»¹.

Одновременно ЦИК КПК временно, до появления возможности послать в Москву кого-нибудь из Колумбии, назначил своим представителем при ИККИ редактора московского журнала «Красная новь» В.В. Кураева с целью «добиться присоединения к Интернационалу и для иных дел, о которых говорится в письме, которым Вы информируете о нынешних нуждах партии нашей страны»². Учитывая нелегальные условия работы партии, вызванные объявлением колумбийским правительством коммунистической пропаганды преступной, КПК просила поддерживать связь с ней не прямо из СССР, а через советские представительства в Стокгольме, Риге или Берлине, пересылая корреспонденцию от имени частных лиц³.

Так и не получив ответа от ИККИ, ЦИК КПК повторил обращение к Коминтерну при посредстве издательства «L'Humanité» в Париже и советского представительства в Берлине, прося поставить на обсуждение вопросы, изложенные в декларации на имя ИККИ, а также указать время и место предстоящего конгресса Коминтерна и условия представительства на нем партий. Через советских дипломатов в Берлине колумбийские коммунисты рассчитывали также установить сношения с компартией Германии⁴.

На содержание и выбор адресатов посланий КПК, очевидно, оказывало немалое воздействие авторство Савицкого, одной из самых таинственных фигур истории коммунистического движения Латинской Америки. По имеющимся сведениям, не подтвержденным документально, он был командиром Красной Армии, направленным для закупа зерна то ли в Китай, то ли в Японию, и волею судеб оказавшимся вместе со своей женой Е. Якуниной (якобы вдовой царского офицера) в Колумбии, где занялся торговлей и стал активно работать как организатор и идеолог коммунистической группы. Ее члены признавали, что «ему в большой степени обязаны той организацией,

¹ Там же. Л. 4 об.

² Письмо Комиссии по международным связям ЦИК КПК В.В. Кураеву 13 сентября 1924 г. // Там же. Л. 6.

Выбор представителя при ИККИ, вероятно, был обусловлен не тем, что кандидат был осведомлен о колумбийских проблемах, а личным знакомством с ним Савицкого.

³ Обращение Комиссии по иностранным делам... // Там же. Л. 5 об.

⁴ Письмо Комиссии по иностранным делам ЦИК КПК (С. Сокольского) секретарю Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 14 ноября 1924 г. // Там же. Л. 7-7 об.; Письмо Комиссии по иностранным делам ЦИК КПК (С. Сокольского) представителю Советского Правительства в Германии, 14 ноября 1924 г. // Там же. Л. 8.

которую сумели создать»¹. Можно предположить, что одним из побудительных мотивов активности Савицкого было стремление реабилитироваться за какие-то проступки и заслужить право на возвращение на советскую родину, а для его колумбийских сподвижников важным обстоятельством были его большевистский опыт и наличие связей в Москве.

Однако русское происхождение одного из лидеров группы, которое для новоявленных колумбийских коммунистов стало доказательством верности избранного ими пути, не могло не насторожить Москву. Времена революционного романтизма нервных лет создания III Интернационала канули в лету, и внезапно объявившийся в качестве участника коммунистического движения «бывший командир Красной Армии» вызывал подозрения то ли в провокаторстве, то ли в принадлежности к эмигрантам, ищущим возможности карьеры в Советской России. И несколько, вероятно, ни ИККИ, ни ГПУ не смогли или не сочли нужным проверить факты биографии Савицкого², штаб-квартира Коминтерна избрала простой путь – не отвечать на письма и обращения колумбийских сторонников международной коммунистической до той поры, пока не станет окончательно ясно происхождение их лидера.

Молчание Москвы насторожило сподвижников Савицкого, возможно, связавших нежелание ИККИ идти на контакты с колумбийской группой недоверием к своему идеологу. Только этим можно, пожалуй, объяснить обращение двух руководителей КПК, явно за спиной Савицкого, к Л. Красину, в котором помимо краткого изложения истории образования партии приводились известные им факты биографии руководителя группы с указанием фамилии «неплохо знающего Савицкого человека из правительства Российской Республики» (некоего Гримберга). Вместе с этими сведениями ученики Савицкого направили в Москву также несколько фотографий его и Якуниной, как бы подталкивая «компетентных товарищей» к проверке своего наставника³.

¹ Письмо С. Лосады и Х. Ньетаса Л. Красину 15 января 1925 г. // Там же. Д. 7. Л. 2.

² Этой фамилией называли его соратники по коммунистической группе, под ней он фигурирует в литературе, однако под письмами от имени Комиссии по иностранным делам стоит подпись – С.О. Соколовский. См. Обращение Комиссии по иностранным делам... Там же. Д. 2. Л. 7 об.; Письмо Комиссии по иностранным делам ЦИК КПК (С. Соколовского) секретарю Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала... // Там же. Л. 7 об.; Письмо Комиссии по иностранным делам ЦИК КПК (С. Соколовского) представителю Советского правительства в Германии... // Там же. Л. 8; Treinta Años de la Lucha... P. 12; Medina M. Op. cit. P. 87–88.

³ Письмо С. Лосады и Х. Ньетаса Л. Красину... // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 104, Д. 7, Л. 2. До настоящего времени обнаружить эти фотографии в архиве не удалось.

Однако эта информация уже не имела практического значения. Коминтерн, наконец, ответил, в очень вежливой форме дав понять, что не удовлетворен сведениями о колумбийском кандидате в ряды международной компартии. Один из руководителей Латинского секретариата ИККИ Ж. Эмбер-Дро разъяснил, что существует правило не принимать в качестве секции какие-либо партии до ознакомления с их программой и уставом, а из Колумбии эти документы не ностунили. С Кураевым, назначенным КПК «представителем при нас для ведения хлопот о приеме, до сего момента не разговаривали», но обещали сделать это и сообщить о результате беседы. Не отказывая в регулярной посылке пронагандистской литературы, документов Коминтерна, Секретариат ИККИ недвусмысленно дал понять, что остальные просьбы (направление делегата, помощь в печатании литературы) могут быть выполнены «только после признания партии»¹. Признав uselessность активной работы на создании ячейки во всей стране в условиях враждебного отношения правительства, препятствующего формированию пролетарской партии, Секретариат ИККИ выразил надежду, что «готовность товарищей к жертвам перекроет эти трудности и позволит развивать еще больше прозелитскую пронагандистскую работу, уже начатую»², и, по сути, отказал в поддержке, во всяком случае на тот момент.

Отношение ИККИ к колумбийским коммунистам стало постепенно меняться после Второго рабочего конгресса, провозгласившего по инициативе коммунистической группы создание Национальной Рабочей Конфедерации³. Коминтерн не мог и дальше игнорировать людей, считавших себя коммунистами и контролировавших профсоюзное объединение, насчитывавшее около 30 тыс. рабочих. Повторная просьба КП Колумбии о приеме во всемирную компартию, документы о конгрессе, полученные в Москве через мексиканскую компартию⁴, подтолкнули ИККИ к движению навстречу колумбийским коммунистам. Секретариат ИККИ приветствовал понимание ими необходимости связать борьбу за освобождение трудящихся Колумбии с «борьбой против капитализма и против империализма, которую авангард рабочего класса во всем мире ведет под знаменами Коммунистического Интернационала»⁵, и отметил нали-

¹ Письмо Секретариата ИККИ ИК КП Колумбии 12 января 1925 г. // Там же. Д. 3. Л. 1.

² Там же.

³ Подробнее о конгрессе см.: Medina M. Op. cit. P. 89–93.

⁴ Колумбия. (Справка для Н.И. Бухарина). 19 ноября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 4. Л. 20.

⁵ Письмо Секретариата ИККИ в ЦК КП Колумбии 23 октября 1926 г. // Там же. Д. 3. Л. 4.

чие у создателей партии революционного сознания и желания вести эксплуатируемые массы на борьбу против угнетателей. Но и на этот раз, сославшись на «неточности в постановке теоретических проблем и проблем коммунистической тактики» и отсутствие сведений, позволяющих составить полное представление об экономическом и политическом положении в Колумбии и развитии рабочего движения, ИККИ не дал прямого ответа на просьбу о приеме, а рекомендовал расширить и углубить информацию через ЮАСКИ и пригласил делегата партии на VI конгресс Коминтерна.

То, что Коминтерн не торопился включать в свои ряды колумбийскую коммунистическую группу, отражало существовавший в то время в Москве подход к революционным организациям, создававшимся в странах Южной и Центральной Америки, сформулированный главой Латинского секретариата ИККИ П. Тольятти: «...мы советуем развивать в этих организациях работу по воспитанию, не отвергая их требования, которые противоречили бы существующей в рабочем движении этих стран ситуации». Секретаря ЮАСКИ Пенелона Тольятти известил о направлении в адрес КП Колумбии письма, в котором не говорится «об официальном приеме [подчеркнуто в тексте документа] в ряды К.И., однако не отказывается в просьбе и содержится нонкет установить связь с этой партией»¹.

ЮАСКИ поручалось установить контакты с КП Колумбии, применяя по отношению к ней линию, намеченную Латинским секретариатом: привлечь партию к работе в «La Correspondencia Sudamericana», подвергнув критике ее программу и деятельность, либо войти в прямой контакт с Центральным комитетом партии². Пенелону Тольятти разъяснил нюансы, с которыми не считал нужным ознакомить самих колумбийцев: программа и устав партии были расценены в штаб-квартире мировой революции как весьма слабые с теоретической точки зрения, как будто они были написаны «в 1917 году, под впечатлением победы Октябрьской революции. Товарищ, написавший программу, возможно думал, что требования, выдвинутые русской коммунистической партией для мобилизации масс накануне захвата власти, могут быть адаптированы в качестве насущных требований всеми коммунистическими партиями в любое время и в любом месте». Программа была составлена так, что предусматривался быстрый приход партии к власти; в ней был подробный план вооруженного восстания и система мероприятий, ко-

¹ Письмо Эрколи (П. Тольятти) в ЮАСКИ 23 октября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 3. Л. 2.

² Там же.

торые должны проводиться после обретения власти¹. Руководство III Интернационала обратило внимание на разработанную колумбийскими коммунистами Советскую конституцию для Колумбии, предусматривавшую изменение всех экономических и политических структур общества, однако от их критического взгляда не укрылось и то, что ряд выдвигавшихся лозунгов вполне можно было реализовать и при капитализме.

Вывод Тольятти был, очевидно, недалек от истины. Партийные документы создавались или Савицким, или при его непосредственном участии. И хотя самого основателя нервной компартии уже не было в Колумбии², его представления об опыте первых лет большевистской революции стали важной составляющей идеологии созданной им организации. Отсутствие достоверных сведений из СССР и Европы, прочных связей с международным коммунистическим движением и, наконец, подготовленных кадров фактически делали маловероятной разработку партийных документов, соответствующих быстро меняющейся обстановке в мире.

В случае с нервной компартией Колумбии Коминтерн столкнулся с серьезными проблемами, требовавшими осмысления. Она в тот момент в большей степени соответствовала традициям колумбийской политической жизни, чем «21 условию». В Москве сразу обратили внимание на провозглашенную партией тактику «прямого действия», не исключавшую индивидуального террора. Сомнения вызывала структура партии, базировавшаяся на деятельности подпольных групп («типа карбонариев»), и соответствующие ей критерии отбора членов партии: рекомендация двух членов партии; решение о приеме в отсутствие рекомендуемого; наличие полнокровных членов партии и «кандидатов с $\frac{2}{3}$ членства»; клятва вновь принятого тайной комиссией, включавшая текст о ненависти к угнетателям пролетариата и защите пролетариата, обязательства хранить тайны партии, преследовать шпионов и предателей, осуществлять решения партии немедленно, несмотря на опасность. Для обеспечения «чистоты» партии доступ в нее был закрыт для алкоголиков, сутенеров, сексуальных извращенцев, священнослужителей, адвокатов, нотариусов, офицеров, торговцев, пенсионеров, крупных землевладельцев, директоров фабрик и т. д.³

¹ Там же.

² В августе 1925 г. Савицкий был выслан из страны в Мексику, где продолжал принимать участие в революционном движении, но не стал столь же влиятельной фигурой, как в Колумбии. См.: Medina M. Op. cit. P. 88.

³ Колумбия, (Справка для Н.Н. Бухарина), 19 ноября 1926 г., // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 104, Д. 4. Л. 20–22.

Латинский секретариат ИККИ усматривал серьезные идеологические недостатки руководителей партии, в концентрированном виде изложенные в статье генерального секретаря компартии об СССР в социалистической газете, в которой тот критиковал противников Советского правительства, считая, что оно «ведет человечество к христианскому возрождению, к воплощению теории, которую проповедовали апостолы Иисуса Христа», и подчеркивая: «Никогда ранее в истории не было чего-либо подобного Советскому правительству, вопреки всей пролитой крови. Советский режим достиг развития цивилизации, чего инквизиция с ее жестоким духовным фанатизмом достичь не сумела»¹. В Москве не вызвал энтузиазма подобный образ мышления: Латинский секретариат выразил сомнение в понимании сути революции «нолухристианскими объединениями революционных элементов страны, находящейся в полукOLONIALном состоянии», и констатировал, что компартия в таких условиях не может иметь четкого понимания классовой борьбы из-за отсутствия в стране традиций организации рабочего движения и из-за нолурабского ноложения рабоче-крестьянских масс.

Должна была насторожить сотрудников ИККИ и другая особенность деятельности компартии: контакты с некоторыми буржуазными партиями, в первую очередь либералами, для заключения избирательных соглашений. Коммунисты сотрудничали и с местными организациями Социалистической партии, что Москва сочла последствием идеологической путаницы, господствовавшей не только среди социалистов, но и в компартии.

Наконец, осторожность Москвы объяснялась еще и тем, что в ИККИ не могли составить представления о политической ориентации компартии, так как в стране существовали и другие группы, называвшие себя коммунистическими, и было не ясно, какая же из этих групп просит о присоединении к Коминтерну.

Это привело ИККИ к принятию компромиссного решения: считая невозможным сразу принимать «такую партию» в III Интернационал ввиду опасности допустить в его ряды организацию, «не пользующуюся доверием пролетариата», и исходя из необходимости выяснить реальное положение дел, Латинский секретариат рекомендовал, «несмотря ни на что... в принципе... принять их» и пригласить на VI всемирный конгресс². Обязательным условием вхождения в Коминтерн было исправление ошибок, способных затормозить развитие КП Колумбии «как организации пролетарского авангарда, связанной с

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 4. Л. 22.

² Там же. Л. 23.

массами и способной к развитию в борьбе», что требовало, по мнению сотрудников ИККИ, проведения «большой воспитательно-идеологической работы»¹.

Следующий этап в отношениях Коминтерна и колумбийского коммунистического движения начался после Третьего Рабочего конгресса Колумбии (1926), заявившего о разрыве с традиционными партиями и создании классовой Социалистической Революционной партии, признавшей основополагающим принципом своей деятельности установление диктатуры пролетариата. Колумбийские коммунисты приняли это название по тактическим соображениям, учитывая запрет законами страны использовать слово «коммунистический» для названий «организаций постоянного характера, хотя и позволявший его в принципе и в доктринальном виде»². Конгресс, принимая более известное массам и соответствовавшее колумбийской политической традиции название, считал такое решение «мудрым маневром при условии, что основы партии будут марксистскими, а в конечном итоге проявится интегралистская тенденция». Конгресс заявил о намерении СРП добиваться присоединения к Коммунистическому Интернационалу³.

В структуру СРП была включена Национальная Рабочая Конфедерация с центром в Кали. Центральный Исполнительный Комитет СРП должен был работать в Боготе и представлять городские рабочие и крестьянские массы и «молодую революционную интеллектуальную молодежь»⁴. Предполагалось разграничение функций между двумя центрами: ЦИК должен был осуществлять политическое руководство, а НРК возглавлять экономическую и стачечную борьбу. Но на деле этого добиться не удалось: ЦИК возглавлял и забастовочное движение, в условиях Колумбии превращавшееся в политическую борьбу. Принципы построения партии, ее структура были расценены в Коминтерне как значительно более отсталые, чем в Перу и Эквадоре. «В Колумбии мы не имеем никаких организаций, построенных по какому-либо существующему партийному или профессиональному принципу. Рабочие организации Колумбии являются еще не оформившимися, общественными

¹ Письмо Эрколи (П. Тольятти) в ЮАСКИ 23 октября 1926 г. ... Там же. Л. 2.

² Заявление ЦИК СРП 11 февраля 1928 г. // Там же. Д. 14. Л. 105.

³ [Декларация Третьего Рабочего конгресса.] // Там же. Д. 8. Л. 4; Torres Giraldo I. Los informes. Historia de la Rebelión de las Masas en Colombia. Parte 4. Bogotá, 1972. P. 10.

⁴ [Декларация Третьего Рабочего конгресса.] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 8. Л. 5-6.

организациями», – констатировал Латинский секретариат ИККИ¹. Однако в Москве не могли не считаться с тем, что, по заявлениям лидеров СРП – НРК, ее сторонниками являлись около 100 тыс. человек, не считая рабочих и крестьян, участвовавших в забастовочном движении и демонстрациях и считавшихся пассивными членами организации. И дело было не только в количественных показателях. В 1926 г., по оценке И. Торреса Хиральдо, в связи с активизацией забастовочного движения в Колумбии «революционный цикл достиг наивысшего уровня»², а дальнейшие события в стране показали серьезные возможности для быстрого развития революционного движения³.

Это и стало решающим обстоятельством, стимулировавшим развитие организационных связей Коминтерна с СРП. ИККИ использовал различные возможности для получения информации о колумбийском рабочем движении и установления контроля за его развитием. Первый прямой контакт был установлен в результате поездки в Москву Г. Эрнандеса Родригеса, уполномоченного представлять НРК на праздновании X годовщины Октябрьской революции и информировать Профинтерн о рабочем движении Колумбии с «целью привести в соответствие его тактику с революционными действиями указанной международной организации и расширить отношения между русским пролетариатом и пролетариатом нашей страны»⁴. Одновременно СРП делегировала его для участия в «будущих политических конгрессах, которые пройдут в С.С.С.Р. ... и

¹ Латинский секретариат усматривал наличие в Эквадоре созданных «хотя и на условных началах профсоюзов и партий, организованной приблизительно по принципу бельгийской партии», а в Перу – структуры рабочих организаций, «не много более совершенные, чем профсоюзы». Рабочая Конфедерация и Социалистическая партия // РГАСПИ, Ф. 495. Он. 104. Д. 13. Л. 16.

² Torres Giraldo I. Repercusión de Octubre en las luchas de Colombia // Documentos Políticos, 1967 (octubre–noviembre). № 70.

³ 5 января 1927 г. члены СРП возглавили забастовку 8 тыс. рабочих-нефтянников в Барранкабермехе, поддержанную местным населением. Протест был подавлен полицией, применившей огнестрельное оружие и убившей 15 человек, что немедленно вызвало широкую волну солидарности по всей стране. С 20 января начались забастовки железнодорожников Хирардота и Кальмара, Картахены и Боливара, к которым присоединились моряки и докеры. Поначалу президент Колумбии был вынужден пойти на переговоры с бастующими, однако затем власти проявили твердость, арестовав всех членов забастовочного комитета, включая его главу Р. Мазу, в то время как предприниматели сменили персонал фирм. Тогда же СРП сумела организовать 30-тысячный митинг в поддержку А.С. Санцино в Боготе и создала Комитет помощи Никарагуа, сформировав отряд помощи повстанцам. История Латинской Америки. 1918–1945. С. 352.

⁴ Мандат НРК Колумбии, выданный Г. Эрнандесу Родригесу. 7 октября 1927 г. // РГАСПИ, Ф. 495. Он. 104. Д. 14. Л. 1.

остальных подобных форумах, которые могут проходить в Европе во время его поездки» и ведения переговоров о вступлении партии в Коминтерн¹.

Колумбийские коммунисты приняли участие в IV конгрессе Профинтерна и VI конгрессе Коминтерна, включившись в повседневную работу руководящих органов всемирной компартии и международного объединения красных профсоюзов. Это, а также учеба колумбийцев в МЛШ и направление в Колумбию представителей РК(К)ПА и Профинтерна способствовали укреплению связей СРП и III Интернационала. Нельзя сказать, что в отношении СРП Коминтерн в указанный промежуток времени проводил в жизнь некий план целенаправленных действий. Скорее речь шла о совпадении ряда обстоятельств, позволивших ИККИ резко увеличить объем и качество прямых контактов с колумбийской партией, способствовавших ее превращению в 1927–1928 гг. в органичную часть всемирной компартии, несмотря на сохранение объективно присутствовавших этому идейно-организационных недостатков.

Штаб-квартира Коминтерна не довольствовалась случайными контактами с СРП в период общения с ее посланцами, но и не забывала о необходимости поддерживать прямую связь с руководством партии, запрашивая необходимую информацию о ситуации в Колумбии и состоянии рабочего движения. Посланный в Боготу вопросник охватывал практически все сферы. Коминтерн интересовался экономическим и политическим положением в стране; датой основания компартии и ее превращения в СРП; численностью партии; формами ее организации; социальным составом; характером отношений СРП с НРК и АИЛ; силами Социалистической партии и группы «El Socialista»; степенью влияния профсоюзов; количеством, направленностью и международной ориентацией политических партий Колумбии. При этом Латинский секретариат постоянно напоминал СРП о необходимости поддерживать контакты и через ЮАСКИ или мексиканскую КП, особенно при необходимости соблюдать конфиденциальность переговоров².

Важной вехой развития революционного движения в Колумбии и его отношений с Коминтерном стала организованная в 1928 г. под руководством СРП забастовка рабочих банановых плантаций «United Fruit Co». Американская компания была подлинным государством в государстве: с собственной полицией, тюрьмами, полурабскими условиями труда и оплаты. Более 18 тыс. забастовщиков потребовали от

¹ Там же. Л. 2.

² Вопросник // Там же. Д. 3. Л. 5.

компании соблюдения национального трудового законодательства, страхования жизни и против несчастного случая, создания больницы, предоставления жилья, 50-процентного новышения зарплаты и ее еженедельной выплаты вместо двухнедельной и признания профсоюза¹. С самого начала представители СРП в банановой зоне И. Торрес Хиральдо и М. Кано вместе с лидерами Профессионального союза трудящихся Магдалены (Р. Маэчей, А. Кастрильоном и др.) планировали перерастание экономической борьбы в политическую с ярко выраженным антиимпериалистическим характером. Стратегической целью был подрыв влияния американских монополий в стране и свержение правительства: забастовщики рассчитывали установить контроль над тремя департаментами и оттуда подготовить атаку Боготы².

Размах «банановой забастовки», высокая степень организованности стачечников и их готовность на применение в борьбе самых решительных мер вызвали к жизни фантом близости победы революции. Резко активизировалась вся оппозиция, в особенности ее леворадикальная составляющая, внутри которой вместо консолидации всех сил для обеспечения этой победы усилилось существовавшее ранее размежевание: каждая группа претендовала на руководящую роль в революционном процессе, стремясь заручиться поддержкой Москвы, в очередной раз оказавшейся перед весьма трудным выбором.

Еще до событий в «банановой зоне» резкое усиление колумбийского забастовочного движения обратило на себя внимание Профинтерна. Исполнительное бюро КИП просило своего делегата в Южной Америке И. Адзарио изучить организованное рабочее движение Колумбии и сделать все возможное для помощи «этим товарищам советами и твоим опытом»³. Но если контакты Адзарио с СРП и НРК стали лишь эпизодом в развитии отношений Москвы и коммунистов Колумбии, то пребывание в этой стране американца Дж. Хартфилда и француза О. Рабате сыграло важную роль в становлении коммунистического движения страны и в определении характера и уровня связей СРП с Коминтерном. Не имея долгое время точных инструк-

¹ Гонимонский С.А. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973. С. 207–208; El movimiento revolucionario colombiano // La correspondencia sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 6. Р. 33–34; Письмо Х. Невареса Сагера Исполнительному секретарю РК(К)ПА Джекю Ловстону, Санта-Марта, Магдалена, Колумбия // РГАСПИ. Ф. 515. Он. 1. Д. 1328. Л. 105.

² Caicedo E. Historia de las luchas sindicales en Colombia. Bogotá, 1977. P. 49–50; Meschkat K. Marxismus in Kolumbien. Zur verhaltung von revolutionstheorie und sozialer bewegung. Hannover, 1980. S. 36–37.

³ Письмо Профинтерна Ансельми 6 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 4. Д. 185. Л. 22.

ций и исходя из собственного опыта и представлений о задачах, формах и методах деятельности коммунистов в Колумбии, они занимали противоречивые, зачастую очень своеобразные позиции, далеко не всегда способствовавшие консолидации рабочего движения в стране.

Их пребывание в Колумбии совпало с ником «банановой забастовки», в ходе которой реализовывались разные подходы СРП и других леворадикальных групп, Коминтерна и Профинтерна к определению стратегии и тактики, в конечном итоге предопределившие как перспективы развития коммунистического и рабочего движения в стране, так и характер отношений колумбийских коммунистов с Коминтерном. Как указано выше, «банановая» забастовка способствовала резкой радикализации оценок лидерами СРП перспектив революционного движения и методов революционной борьбы. Нелегальная Ассамблея партии (29 июля 1928 г.), провозгласив своей целью «вооруженную Социальную Революцию», после победы которой «рабочие больше не позволят существование военных диктатур, отличающихся от диктатуры пролетариата», объявила организации партии «революционными ячейками», потребовав от сторонников марксизма-ленинизма безоговорочного подчинения на базе железной дисциплины»¹. Для организации вооруженной борьбы партии был образован Центральный конспиративный комитет ячеек, который должен был действовать параллельно с ЦИК, за последним оставалось политическое руководство².

Именно в этот момент в Колумбии оказался Хартфилд, завершавший здесь свою почти пятилетнюю миссию по установлению контактов РК(К)ПА с коммунистическими организациями стран Карибского бассейна и стимулированию создания в этом регионе компартий и групп³. С самого начала он обратил внимание на необходимость уделять «сугубое внимание» событиям, происходящим в этой стране «наилучшего пункта концентрации» в отношении Великой Колумбии в целом, охватывающей Венесуэлу и Эквадор⁴. Американец активно вмешался не только в организацию «банановой»

¹ Заявление Пленарной Ассамблеи СРП 29 июля 1928 г. // Там же, Ф. 495, Он. 104, Д. 18, Л. 43.

² Medina M. La protesta urbana en Colombia en el siglo XX. Bogotá, 1984. P. 39.

³ Не обладая формальными полномочиями Коминтерна и Профинтерна, Хартфилд вел переговоры с руководителями РК(К)ПА и ответственными работниками аннарата в Москве, в частности с руководителем Латиноамериканской секции Профинтерна Р. Мартинесом, с которым, судя по характеру переговоров, был близко знаком. Эти контакты могли быть установлены во время пребывания Мартинеса в эмиграции в США.

⁴ Письмо [Х. Невареса Сагера] Рикардо [Мартинесу] 29 августа 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495, Он. 104, Д. 19, Л. 21.

забастовки, но и, что значительно важнее, в противостояние между различными группировками леворадикального движения Колумбии, каждая из которых рассчитывала на помощь Москвы: он поддержал группу А. Кастрильона, выступавшую против решений о вооруженной революции и противостоявшую руководству партии, официально признанному Коминтерном.

Хартфилд и Кастрильон обвинили ЦИК СРП (Т. Урибе Маркеса и И. Торреса Хиральдо) в «хвостистской позиции», выражавшейся в их «восхищении» радикальными либералами и уверенности в неизбежности революции в Колумбии, что делало ненужным организацию масс. «Они считают, — писал американец, — что все, в чем мы здесь нуждаемся, это несколько шашечек динамита да десяток героически настроенных интеллигентов и тюрьмы, полные мучеников»¹. Борьбу против этих «уклонов» он с самого начала расценил как «ленинскую линию в Колумбии», требуя от членов ЦИК изменения политики и угрожая в случае отказа окончательно бороться с ними и создать коммунистическую партию, научил «их различать партию и профсоюзы, а не хвалиться тем, что профсоюзный съезд является съездом компартии»².

Не рассчитывая, очевидно, на победу в полемике против ЦИК и «колумбийских "трубачей", находящихся в Москве»³, Хартфилд и Кастрильон провозгласили свою группу в Барранкилье нелегальной компартией, т. е. развернули открытую борьбу против лидеров СРП с целью в конечном итоге вытеснить революционных социалистов из руководства рабочим движением⁴. Они считали необходимым «развертывать СРП на основе *антиимпериализма и национал-социалистической программы* с целью привлечь в нее мелкую буржуазию, интеллигенцию и студенчество и *руководить ею через посредство коммунистических фракций*», в то время как компартия Колумбии должна быть по своему составу преимущественно пролетарской и в нее «нужно втянуть опытных революционеров-марксистов»⁵. Группа создала организационную структуру параллельной партии, сформировав комиссии, занимавшиеся профсоюзной, антиимпериалисти-

¹ РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 104, Д. 19, Л. 22.

² Там же.

³ Делегаты СРП на VI конгрессе Коминтерна и IV конгрессе Профинтерна Х. Карденас и Н. Арсе.

⁴ При этом создатели новой партии подчеркивали, что они «чисты перед Красным Интернационалом профсоюзов» и их отказ поддержать решения Ассамблеи СРП не означает ни дезертирства, ни желания создать диссидентскую фракцию внутри СРП. Заявление группы Барранкилья 15 сентября 1928 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 104, Д. 18, Л. 10.

⁵ Письмо [Х. Невареса Сагера] Рикардо [Мартинесу] 29 августа 1928 г. // Там же, Л. 23.

ческой работой, готовя учреждение крестьянской лиги по образцу мексиканской и секции МОПРа. Политическая комиссия во главе с Хартфилдом разработала программу партии, планируя представить ее на отзыв в Москву. Этот план предполагал сохранение СРП на определенный период как легального прикрытия коммунистической деятельности, на более широкой социальной базе, и создание нелегальных структур компартии с чисто пролетарским составом. Начав атаку на лидеров СРП, Хартфилд не считал всех их «безнадежными» для коммунистического движения и даже рекомендовал пригласить освобожденного из тюрьмы под залог Торреса Хиральдо на работу в Советский Союз, считая, что это даст ему возможность приобрести ценный опыт для дальнейшей деятельности¹.

Делегат Профинтерна О. Рабате, приехавший в Колумбию почти одновременно с Хартфилдом, предпочитал работать с именно с доминирующей в руководстве СРП группой, приняв участие в подготовке V Рабочего конгресса, во время которого пытался убедить лидеров партии в необходимости разделения профсоюзной и партийной работы². При этом Рабате пытался решить и еще одну сложную задачу – найти компромисс между двумя тенденциями в СРП, разногласия между которыми проявились в связи с вопросом о «банановой забастовке». Исполком партии решил провести всеобщую забастовку солидарности, что, по мнению Рабате, в условиях Колумбии означало переход к вооруженной борьбе, в то время как генеральный секретарь СРП Т. Урибе выступил против этого плана, настаивая на немедленной революции без какой-либо связи с забастовкой. Оценки французского коммуниста оказались похожими на выводы, сделанные Хартфилдом: он не признал партию соответствующей критериям Коминтерна и оценил ее как «исключительно вождистскую организацию, решающую проблемы без участия масс в обсуждении» (при наличии чисто декоративного Исполкома руководство осуществлял подпольный Центральный Комитет ячеек, состоявший из вождей, «не разбирающихся в политике, однако обладающих связями с массами и боевым духом»)³. Эти лидеры выдвигали демагогические лозунги, не соответствовавшие моменту и возможностям рабочего движения: «Да здравствуют Советы!», «Да здравствует Красное знамя!» и не останавливались даже перед поддержкой «героического закона»⁴,

¹ Там же. Л. 25.

² Письмо В. Кодовилы в Латинский Секретариат Коминтерна 22 декабря 1928 г. // Там же. Ф. 503. Он. 1. Д. 19. Л. 70; Утреннее заседание [ЮАСКИ] 27 мая [1929 г.] // Там же. Ф. 495. Он. 104. Д. 29. Л. 1.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Принятый Сенатом Республики в октябре 1928 г. «Героический закон» запрещал пропаганду большевизма и коммунизма, нападки на религию и носителей на

считая, что ренрессии будут способствовать революционизированию масс.

При этом делегат Профинтерна настаивал на необходимости привлечь «в лагерь марксизма» Т. Урибе, который произвел на него впечатление искреннего человека, желающего революции, но марксизма не понимающего. Рабате не нитал иллюзий: авторитет Коминтерна мог подействовать на того в случае совпадения приказа Москвы с его собственным видением ситуации – немедленно вступить в вооруженное сражение, в противном случае следовало ожидать заявления о незнании Исполкомом III Интернационала ситуации в Колумбии¹. Чрезвычайно важно отметить: речь шла о руководителе партии, только что избранном кандидатом в члены Исполкома Коминтерна.

Представитель Профинтерна «ввиду царящего “касикизма”», под которым подразумевались вождистские тенденции в партии, не очень оптимистически оценивал перспективы сотрудничества Урибе и сменившего его на посту генерального секретаря М. Приэто. Более обнадеживающим фактором для пролетаризации партии и её трансформации в подлинно коммунистическую организацию он счел начавшийся рост числа рабочих в руководстве СРП: на съезде в 1928 г. в его состав были избраны 10 рабочих (из 21), в то время как в предыдущем было только 3.

Руководство Профинтерна, проанализировав информацию колумбийских делегатов IV конгресса, доклады Рабате, нисьма Кастрильона и Хартфилда, пришло к неутешительным выводам. Отметив несомненное влияние СРП и НРК на пролетариат Колумбии, Исполбюро КИП тем не менее констатировало, что профсоюзы «ноставлены так плохо, что почти не приходится говорить об их существовании, в смысле организационном»². Причину того, что профсоюзы плохо «ноставлены», Красный Интернационал профсоюзов усматривал в отсутствии кадров с твердой пролетарской идеологией, преобладании в партии и НРК интеллигенции, приведшей к господству мелкобуржуазных тенденций, сторонники которых находятся под «обаянием» буржуазной революции, считающих, что такая революция положит конец страданиям пролетариата. Отметив «норазительную бездеятельность» СРП – НРК в борьбе против «героического закона» и в организации солидарности с забастовщиками

права частной собственности и предусматривал арест любого по подозрению. История Латинской Америки, 1918–1945, С. 352.

¹ Утреннее заседание [ЮАСКИ] 27 мая [1929 г.] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 29. Л. 2.

² Положение в Колумбии. [Документ ИБ Профинтерна] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 20. Л. 29.

Магдалены, ИБ КИП пришло к однозначному выводу о том, что *единственной* грунной, работающей в стране на реализации инструкций Профинтерна, является центр в Барранкилье, созданный Кастрильоном и Хартфилдом. При этом, учитывая влияние и престиж лидеров СРП, Профинтерн считал возможным поддерживать контакты с ними, рассчитывая на ликвидацию в Колумбии диспропорции между революционным духом пролетариата и зачаточными формами профсоюзных организаций.

В этот период в борьбу за лидерство в левом спектре колумбийского рабочего движения активно включилась грунна во главе с Х. де Диосом Ромеро, также назвавшая себя коммунистической партией Колумбии. В ИККИ, Профинтерн, «Правду», Коммунистическую Академию одно за другим носили письма с требованиями поддержки Москвы и признания Коммунистического Центра¹ равноправным партнером Коминтерна в Боготе наряду с СРП. Обвинив революционных социалистов в конъюнктурных причинах выбора названия партии («вечное извинение тех, кто боится или не может назвать себя коммунистами»), руководитель Центра подчеркивал идентичность программы своей грунны и программы ВКП(б) и то, что ее члены открыто называют себя коммунистами². Лидер новоявленной компартии в достаточно резкой форме интересовался: «...может ли быть, чтобы Российская Коммунистическая партия отказалась признать коммунистическое движение, которое мы, грунна коммунистов, развиваем несколько лет, правда ли то, что она считает, что мы действуем неправильно и не в соответствии с тактикой и директивами, принятыми в последнее время». Допуская возможность негативной оценки Коминтерном своих позиций и отстаивая свои взгляды, он все же подтверждал, что главное для его грунны – служение коммунистическим идеалам, и выражал готовность работать в союзе с СРП, если Москва решит сделать в Колумбии ставку именно на нее³.

Добиваясь благоприятного для себя вердикта III Интернационала, Коммунистический Центр прибег к поиску дополнительных каналов воздействия на Москву, пытаясь связаться с ЮАСКИ, направляя туда информацию, даже собственную версию истории революционного движения в Колумбии, и распространяя ее по всей Южной Америке, в то время как СРП поддерживала с Буэнос-Айресом лишь случайные контакты⁴.

¹ Название руководящего органа компартии Х. де Диоса Ромеро.

² Письмо Х. де Диоса Ромеро в Коммунистическую Академию, 14 июня 1928 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 104, Д. 16, Л. 5.

³ Письмо Х. де Диоса Ромеро Вирхилио Вердарио 2 июня 1928 г. // Там же, Л. 1.

⁴ Между тем в ЮАСКИ отсутствием систематической информации от СРП объясняли недостаточный размах солидарной помощи революционному движению Ко-

Нельзя не заметить, однако, что заявления о готовности к сотрудничеству с другими прокоммунистическими силами фактически остались лишь декларациями. На практике сторонники Хуана де Диоса Ромеро пытались установить контроль над рабочим движением, проведя в декабре 1928 г. параллельно с V Рабочим конгрессом свой общенациональный форум под таким же названием¹. Лидеры СРП, естественно, сочли эти действия враждебными и авантюристическими, опасаясь, что Х. де Диос Ромеро и Э. Валенсия «возглавят массы и захватят власть», опираясь на присущую психологии колумбийских рабочих готовность к переменам и характерные симпатии к вождям².

Категорическое нежелание СРП и группы Барранкильи сотрудничать с Коммунистическим Центром в итоге оказало решающее воздействие на Коминтерн и его южноамериканское представительство, расценивших сторонников Хуана де Диоса Ромеро как провокаторов, играющих в Колумбии роль, аналогичную той, которая была присуща «чиснистам» в Аргентине³. На такую характеристику, несомненно, повлияли и сложившиеся связи, хотя они так и не стали регулярными, но все же были установлены намного раньше, чем это сумели сделать руководители Коммунистического Центра. Тот факт, что соперничавшие внутри СРПК группы при всей остроте борьбы между собой одинаково решительно высказывались против Хуана де Диоса Ромеро и Валенсии, несомненно, также повлиял на принятое руководством Коминтерна решение. Наконец, определенную роль сыграли и личные контакты, установленные колумбийцами – членами СРП с работниками ИККИ и Профинтерна во время поездок в Москву, и выводы Рабате и Хартфилда.

Острота политического кризиса в Колумбии, широкий размах революционного движения, активное участие СРП, игравшей роль организатора многих событий, – все это заставляло ЮАСКИ и штаб-квартиру Коминтерна в Москве определить свою позицию. Руководящий центр всемирной революции просто не мог допустить бесконтрольного развития столь нерасчетливого движения, возглавляемого своей национальной секцией. Следовало прекратить считать недостаток информации и её недостоверность препятствием

лумбии. По словам Кодовильи, ЮАСКИ фактически лишился возможности ориентироваться в политической ситуации Колумбии и оценить характер революционного движения, понять какие силы им руководят. Беседа с делегатом Колумбии 12 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 29. Л. 18.

¹ Заседание с делегатом Колумбии 31 мая 1929 г. // Там же. Л. 6.

² Беседа с делегатом Колумбии 12 июня 1929 г. // Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 18.

для принятия решений и четкого определения позиции. Ситуация могла выйти из-под влияния Коминтерна, а вполне вероятный успех колумбийской революции, осуществленной без его руководства, продемонстрировать недостаточную эффективность всемирной коммунистической партии. Колумбийский вопрос был поставлен на обсуждение в Латиноамериканском лидер-секретариате, а затем и на Президиуме ИККИ. В итоге дискуссий были разработаны документы, которые должны были послужить основой для определения стратегии и тактики колумбийской революции, превращения СРП в «настоящую» коммунистическую партию.

В письме ЦК СРП Президиум ИККИ дал развернутую характеристику социально-политическому положению Колумбии, состоянию рабочего движения, роли и месту в нем партии. Определяющим фактором экономической и политической жизни страны, с точки зрения Президиума, являлся американский империализм, для которого «Колумбия – не только страна с богатейшими кадрами [так в документе], но и важнейшая стратегическая позиция на Карибском море, недалеко от Панамского канала; она, как в Никарагуа, дает возможность проложить новый канал между Атлантическим и Тихим океаном»¹. В полном соответствии с духом решений VI конгресса Коминтерна в письме был сделан вывод о том, что промышленное развитие страны способствует усилению экономической и политической зависимости от американского империализма с неизбежным превращением ее в «колонию САСШ».

Другой характерной чертой ситуации в Колумбии Президиум считал стремление английского империализма использовать ослабления колумбийских властей ввиду роста влияния империализма США и сопротивление населения страны его захватническим тенденциям «для создания себе базы в Колумбии». Таким образом, Колумбия представлялась в Москве прежде всего ареной борьбы британского и американского империализма за овладение нефтью и за гегемонию в Латинской Америке, что являлось лишь эпизодом в «грандиозной борьбе» за мировую гегемонию². Коминтерн предостерегал СРПК от разделяемой либеральной партией иллюзии, что от гнета американского империализма Колумбию может избавить помощь Великобритании. Этой идее он противопоставлял план революционной борьбы «со всеми империализмами», создание рабочего-крестьянского правительства; освободительное движение внутри

¹ Письмо к ЦК СРП Колумбии. Утверждено Президиумом 13.2.1929. Протокол № 8 // Там же. Д. 24. Л. 49.

² Письмо Президиума ИККИ ЦК СРПК 13.2.1929 // Там же.

страны должно было быть тесно увязано с антиимпериалистической борьбой всех других стран Латинской Америки¹.

Президиум ИККИ признал, что опыт, приобретенный пролетариатом Колумбии благодаря «банановой стачке», «как бы ни был он тяжел и мучителен и каких бы жертв он ни стоил», способствовал росту сознания в партии, усвоению политики, помогающей исправить ошибки и подготовить новые массовые бои с большим шансом на успех.

Президиум ИККИ отказывался видеть в Колумбии революционную или предреволюционную ситуацию, считая, что страна всего лишь находится перед лицом надвигающегося финансово-экономического и политического кризиса. С точки зрения руководителей штаб-квартиры Коминтерна, для того, чтобы кризис перешел в стадию острой революционной ситуации и «потряс и развалил государство крупных помещиков, связанных с империализмом, его реакционный аппарат и особенно его армию... глубже изменил все существующие социальные отношения», от партии требовалось «направить на должные рельсы» недовольство крестьянских масс, широких слоев мелкой буржуазии и пролетариата, организовав массы под своим руководством, развернув и усилив связи организации с массами.

В Коминтерне пришли к выводу о готовности мелкой буржуазии к роли союзника пролетариата и крестьянства, возможности их совместных действий «при неустойчивой ситуации и в обстановке нынешнего латентного кризиса», что позволит движению приобрести характер массовой революционной борьбы. При этом в расширении антиимпериалистической ориентации мелкой буржуазии Президиум ИККИ усматривал серьезную опасность для пролетарского движения, считая, что поддержка мелкой буржуазией стачечного движения, прикрываемая революционной фразеологией и революционными жестами левых либеральных лидеров, может привести к использованию ими революционных настроений масс в своих политических интересах. Сделав вывод о том, что СРП «идет с либералами», авторы нисыма подчеркивали необходимость для пролетарской партии занять *«абсолютно независимую позицию»*, особо обращая внимание на опасность сотрудничества с левым крылом либеральной партии, применяющим революционную фразеологию, дабы «не потерять совершенно влияния на массы».

В Москве оценивали взгляды либералов на революцию как стремление к государственному перевороту, совершенному либеральными генералами, использующими массы и СРП для обретения власти, ко-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 24. Л. 50.

торую впоследствии они повернут против этих же масс; руководство III Интернационала хотело противопоставить им «экономическое» движение пролетариата, в особенности на предприятиях, принадлежавших американскому капиталу, и «тесную органическую связь всякого революционного движения с... движениями пролетариата в защиту определенных требований»¹. Ошибкой СРП была, по мнению Коминтерна, не ориентация на «прямое действие», подчеркивавшая революционный и политический характер банановой стачки, а отсутствие серьезной подготовки в остальной стране и в армии для обеспечения солидарности с бастующими. И порождена она была восприятием революционного движения партийными лидерами как «легкой и простой вещи», которую можно предоставить импровизации масс².

По мнению Президиума ИККИ, любая «двусмысленная позиция» революционных социалистов по отношению к либералам, *«всякое сотрудничество, всякий союз с ними»*, вместо того чтобы ускорить развитие масс в сторону коммунизма и их отход от старого либерализма, *«лишь оттянут создание подлинной пролетарской партии и внесут замешательство в умы рабочих»*. Москва сочла необходимым поставить перед СРП задачу решительного отграничения «мысли, действий и программы партии» от «умирающего либерализма, от его лирической революционной фразеологии» с целью выработки чисто пролетарской коммунистической идеологии партии³. Лидеры III Интернационала полагали: в противном случае в выигрыше останутся лишь политики-либералы, стремящиеся использовать в собственных целях и пролетариат, и СРП. Таким образом, в условиях Колумбии Коминтерн указывал тот же путь, что и европейским партиям, только здесь место социал-демократии, за отсутствием таковой, занимали либералы.

Первой задачей революционных социалистов, по мнению Москвы, должно было стать умение беспристрастно анализировать объективную ситуацию, избавившись от эмоционального восприятия энтузиазма трудящихся, сочувствия рабочих масс социализму и революции вообще, которые привели партию к ошибкам в оценке ситуации в стране⁴. Колумбийским коммунистам следо-

¹ Там же. Л. 64.

² Там же.

³ Там же. Л. 66. В качестве примера неправильной тактики СРП Президиум ИККИ указал на единый фронт с либералами в борьбе против «героического закона», позволивший вождям либеральной партии выступить в качестве руководителей борьбы против репрессий, и подчеркнул, что такая тактика может привести только к поражению Социалистической революционной партии.

⁴ Там же. Л. 47, 56.

вало «ИЗМЕНИТЬ МЕТОДЫ РАБОТЫ, УСВОИТЬ БОЛЕЕ ГЛУБОКИЙ МАРКСИСТСКИЙ МЕТОД, ЧТОБЫ НАУЧИТЬСЯ ВЕРНО ОЦЕНИВАТЬ СИТУАЦИЮ И СОСТОЯНИЕ СИЛ [выделено в документе. – В.Х., Л.Х.]»¹, норвав с традициями и методами либеральной мелкой буржуазии.

Для лучшей подготовки крупных классовых битв, в неизбежности которых Президиум ИККИ не сомневался, роль партии должна была заключаться в лучшей подготовке и координации для обеспечения победы. СРП предлагалось провести коренную перестройку своей деятельности. Во-первых, организовать партию как классовую, абсолютно независимую от других партий и отличающуюся от них своей идеологией, своей программой, своими методами борьбы по всей стране; превратить ее из партии кадров в партию масс. Для этого революционным социалистам следовало отказаться от сложившейся структуры партии и создать сеть производственных ячеек и местных организаций. Обязательным условием было установление системы регулярной оплаты членских взносов. Взнос мог быть минимальный, чтобы это не препятствовало вступлению в организацию. Коминтерн требовал добиться проведения каждым членом партии определенной работы: организационной, профсоюзной, пропагандистской, работы в армии и т. д.

В целях пролетаризации Исполкома СРП и его связи с наиболее важными районами страны рекомендовалось пополнить руководство «лучшими членами партии – рабочими из провинции», прежде всего занятыми наемным трудом в важнейших для экономики страны регионах².

Во-вторых, ставилась задача преобразовать профсоюзы в организацию, «отличную от партии, объединяющую широкие массы рабочих, батраков, служащих на основе классовой борьбы за их экономические требования», установив программу ближайших требований и постоянно увязывая их с конечными целями революции. При этом члены СРП должны были выступать в роли организаторов и наиболее активных работников профсоюзного движения, завоевывая руководство в нем.

В-третьих, ставилась задача организации национальной крестьянской лиги, действующей в тесном контакте с профсоюзами сельскохозяйственных рабочих с целью общей борьбы против гнета помещиков и американских компаний, за улучшение условий существования, уничтожение кабальных договоров, экспроприацию и конфискацию

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 24. Л. 56.

² Там же. Л. 58.

земли и раздел ее между теми, кто трудится. Успех проникновения партийной агитации в деревню мог быть обеспечен сохранившимися связями молодого колумбийского пролетариата, происходившего из деревни, с крестьянской и батрацкой массой.

В-четвертых, в условиях быстрого проникновения империализма США в Латинскую Америку важным направлением работы Коминтерн считал антиимпериалистическое движение, охватывающее не только рабочий класс и крестьянство, но и широкие слои городской мелкой буржуазии, интеллигенцию, студенчество, мелких ремесленников, мелких торговцев и т. д. Перед партией ставилась задача – организовать это движение в колумбийскую секцию ВААИЛ, в которой рабочие организации должны стать ее стержнем, а сама организация – одним из средств, при помощи «которых пролетариат втягивает мелкую буржуазию в революционное выступление против империализма»¹. При этом в Москве проигнорировали деятельность уже оформившейся в Колумбии секции ВААИЛ во главе с Х. де Диосом Ромеро, поддерживавшей тесные связи с Континентальным оргкомитетом в Мехико и североамериканской секцией в Чикаго, толкая СРП на фактический раскол антиимпериалистического движения в стране.

Пятой задачей должно было стать развертывание движения коммунистической молодежи. При создании комсомола Коминтерн рекомендовал опираться на профессионально организованную молодежь, а не брать за основу мелкобуржуазные организации, например студенческие.

Только создав сильную организацию, связанную с рабоче-крестьянскими массами «тысячью нитей», по мнению Москвы, можно было помешать нравительству загнать партию в подполье и уничтожить ее влияние на массы.

Особое внимание в письме предлагалось обратить на работу в армии, увязав требования для солдат с требованиями пролетарских масс. Президиумом ИККИ подчеркивалось: «Завоевать симпатию солдат... относительно легко в Колумбии, ибо армия в подавляющем большинстве состоит из крестьян и рабочих, интересы которых тождественны с интересами борющегося пролетариата и крестьянства»².

Выполнение этой программы организационно-идеологической перестройки должно было привести, по мнению Президиума ИККИ, к тому, что СРП «воспринимает себя, опираясь на собственный, порою очень тяжелый опыт и при помощи Интернационала, разовьется в

¹ Там же. Л. 61.

² Там же. Л. 62.

нодлинную коммунистическую партию», которая «...поведет народ к нодлинному и действительному освобождению, к нравительству рабочих и крестьян»¹.

Одновременно с этим секретным документом Президиум ИККИ одобрил и открытое «Воззвание к рабочим и крестьянам и всем трудящимся Колумбии», которое должно было быть опубликовано от имени Латиноамериканского бюро (?) Коминтерна². В отличие от первого документа, оно не содержало инструкций организационного характера и, хотя в основном повторяло главные идеи Письма Президиума, но некоторым нозициям все же отличалось от него. Расценив «титаническую борьбу 32 тыс. рабочих банановых плантаций» как крупную классовую битву, привлекающую к трудящимся Колумбии внимание и братское сочувствие пролетариев всего мира, а не как простую корпоративную борьбу рабочих за улучшение условий своего существования, документ призывал сделать выводы из поражения.

Основной вывод, который должен сделать колумбийский пролетариат, заключается в том, что он должен обрести самостоятельность в борьбе, отказаться от иллюзии возможной поддержки со стороны нравительства, консервативных или либеральных политиков³. Важнейшей из предпосылок поражения банановой стачки Президиум ИККИ считал отсутствие поддержки со стороны рабочих и крестьян других районов страны, что является прямым следствием молодости рабочего движения Колумбии, не имевшего организованности и дисциплины. «Широкая масса трудящихся настроена революционно, она сочувствует коммунизму, она идет за революционной социалистической партией, но сама партия не имеет прочной организации, как это подобает партии пролетариата...» – отмечалось в воззвании, призывавшем «к реваншу и к устранению недочетов или слабых сторон движения путем созидания и укрепления классовых организаций»⁴.

Призывая колумбийских трудящихся вступить в СРП для ее превращения в пролетарскую партию, встать на путь «спасения и нобе-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 24. Л. 68.

² В документах Коминтерна названия различных организаций и структур довольно часто приводились произвольно. Так как они готовились на нескольких языках (немецком, французском, английском, иногда на языке страны, проблемы которой обсуждались), это могло быть вызвано огрехами, связанными с их переводом. В данном случае речь могла идти как о Латиноамериканском генерал-секретариате ИККИ, так и об ЮАСКИ.

³ Воззвание к рабочим и крестьянам и всем трудящимся Колумбии. Утверждено на заседании Президиума ИККИ 13.2.1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 22. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 39–40.

ды», проложенный рабочими и крестьянами России, добившимися триумфа на базе независимых классовых организаций, Коминтерн делал решительный вывод, что на основе «подражания», объединения и организации будет достигнута победа¹. В этих призывах высшего руководства ИККИ явно просматривается механистический подход, все больше и больше проникавший во всемирную партию коммунистов. Без серьезного научного анализа схожести и различий революционных процессов Колумбии и России, на основе обрывочной и далеко не всегда достоверной информации Президиум ИККИ указал колумбийским пролетариям единственный путь к победе революции – повторение российского опыта. Получалось, что создание самостоятельных классовых организаций колумбийских трудящихся и их объединение становились насущной необходимостью не в силу собственно колумбийской специфики рабочего движения и особенностей политической жизни страны, а лишь потому что такой подход оказался эффективен в России. Это рано или поздно должно было повлечь за собой и стремление добиться повторения иных российских реалий. Недостаточная эффективность подобной стратегии была заложена на самой начальной стадии ее разработки.

Высшие инстанции Коминтерна оперативно отреагировали на информацию СРП о ситуации, сложившейся в связи с банановой забастовкой: нисымо из Колумбии было получено в декабре 1928 г., а уже в феврале проекты документов, прошедшие через Латиноамериканский лидер-секретариат, были утверждены Президиумом ИККИ и направлены в Боготу для исполнения. Через полгода с нисыма Президиума был снят гриф «Секретно», и оно было напечатано в «La Correspondencia Sudamericana»². Эта публикация стала важной составляющей кампания по реорганизации партии.

При этом в Москве явно ощущали недостатки своих директив руководству СРП и стремились выяснить мнение колумбийских коммунистов о нисыме Президиума³. Первая реальная возможность разобраться в ситуации представилась во время Латиноамериканского профсоюзного конгресса и континентальной конференции компартий, когда приехавший из Москвы Ж. Эмбер-Дро и члены делегации ИККИ в ЮАСКИ (Э. Дженнари, З. Рабинович, О. Рабате) провели несколько дискуссий с представителями СРП. Ход дискуссий на конференции и три кулуарные встречи с колумбийскими делегатами по-

¹ Там же, Л. 41.

² Carta de la I.C. al Partido Socialista Revolucionario de Colombia // La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 12–14.

³ Беседа с делегацией Колумбии 12 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 104, Д. 29, Л. 8.

казали, что СРП как единой организации не существует, ее раздирают противоречия по основным вопросам революционного движения.

Один из руководителей банановой забастовки Р.Э. Маэча считал, что массовое движение в Колумбии основывается «не на доктрине, а на насущных требованиях и за короткое время проделало серьезную эволюцию». Сначала им руководили христианские социалисты, затем реформистские социалисты, а на третьем этапе – революционные социалисты, «являющиеся коммунистами». Перспективы этого этапа, по мнению Маэчи, основывались на «настоящем фанатизме среди масс в отношении коммунизма, который, верят они, приведет их к победе»¹. И все же он указывал на серьезное препятствие в развитии успеха революционного движения: отсутствие четкого понимания марксизма у руководства партии, фактически подменявшееся привычным каудильизмом.

Ответственность за поражение забастовки ее руководитель возлагал персонально на Т. Урибе, поверившего в то, что «является главнокомандующим партии и восстания» и готовившего повстанческое движение вместе с военными вместо организации массовой кампании солидарности. Считая Урибе «искренним фанатиком», борющимся за дело революции, способным ради нее объединиться «даже с теми, у кого есть деньги», и обладающим «незультскими навыками для того, чтобы использовать поддержку либералов, а затем послать их к черту», Маэча был уверен в том, что в случае успеха государственного переворота «весь народ оказал бы свою поддержку, а все активисты в Колумбии сегодня являлись бы социалистами»². Таким образом, косвенно признавалась эффективность «военной концентрации» Урибе, стремившегося использовать либеральное движение для обеспечения победы социалистической революции³. Парадоксальность мышления Маэчи, последовательного сторонника массового пролетарского движения, заключалась в том, что он сам, критикуя Урибе за каудильизм и нутчиизм, стремился перевести руководимую им забастовку в восстание, и говорил о наличии всех необходимых для этого условий. При этом в виду имелись не объективные обстоятельства, а наличие 84 дисциплинированных групп по всему региону, имевших военных руководителей и готовых приступить к действиям⁴. Очевидно, что

¹ Заседание ЮАСКИ 27 мая, утром // Там же. Л. 2–3.

² Беседа с делегацией Колумбии 12 июня 1929 г. // Там же. Л. 9.

³ Считая, что договоренность означала бы «тащить каштаны из огня для либералов, которые воспользовались бы их [революционных социалистов] жертвами и их борьбой для прихода к власти», Маэча не возражал против использования либералов для обеспечения победы социалистической революции. Там же. Л. 8.

⁴ Там же.

идея о нерманентной революционной ситуации в странах Латинской Америки, развитие которой может подтолкнуть партизанский очаг, сформулированные Э. Че Геварой и Р. Дебре, вызревала в умах левых революционеров континента еще в 1920-е гг.

Важно отметить, что границу между двумя конценциями восстания в Колумбии не могли провести ни сами руководители СРП, ни посланцы Москвы. Так, О. Рабате, характеризуя разногласия, проявившиеся в связи с вопросом о «банановой забастовке», отметил, что Т. Урибе противодействовал реализации решения Исполкома партии провести всеобщую забастовку солидарности («что в Колумбии означает вооруженную борьбу»), настаивая на «немедленной революции»¹. Центральный конспиративный комитет ячеек, готовивший вооруженное выступление совместно с либеральными генералами, оценил возможное восстание в банановой зоне как помеху к выполнению согласованных планов и воспрепятствовал его проведению². Любому исследователю с непредвзятым взглядом ясно (даже если не вдаваться в детали), что речь идет не о разнице в концептуальных подходах, а лишь о реализации двух разных по тактике, составу участников, планов одного и того же, а именно вооруженной борьбы. И что еще важнее – о разных лидерах, которые в случае успеха рассчитывали на обретение власти в стране. Маэча был абсолютно уверен в том, что движение в Магдалене проиграло исключительно в силу причин персонального характера, из-за «касикистской гордости» Урибе; собственные властные амбиции он совершенно не замечал. Конечно же, дело было не в идеологии, а в том самом каудильизме, о котором постоянно говорили в связи с ситуацией в СРП и сами руководители партии, и сотрудники аннарата Коминтерна.

Общая оценка колумбийскими делегатами нисыма Президиума ИККИ была положительной; в целом правильным признавались политический анализ и характеристика революционной тактики СРП. Ошибки же нисыма относительно некоторых деталей генеральный секретарь партии Прието объяснял отсутствием в Москве докладов из Колумбии. Маэча отверг как ошибочную оценку присоединения СРП к Коминтерну в силу революционного сентиментализма, а не приверженности марксистским конценциям, объясняя такой под-

¹ Заседание ЮАСКИ 27 мая, утром // Там же. Л. 1.

² РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 53. Л. 61–87. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сборник документов. С. 114–115.

Одной из составляющих этого плана Т. Урибе и генерала Л. Куберо Ниньо была кавалерийская атака на Боготу, когда в столице вспыхнет восстание, одновременно с вооруженным выступлением по всей остальной стране. Беседа с делегацией Колумбии 12 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 29. Л. 8.

ход незнанием иностранцами психологии колумбийских рабочих и крестьян. В таком же невежестве Маэча обвинил и руководителей партии из Боготы, противопоставив им своих сторонников, обладающих «опытом массового революционного движения и участвовавших в 72 забастовках»¹.

Окончательные выводы делегата Коминтерна в Южной Америке Ж. Эмбера-Дро относительно СРП были неутешительными: партия является массовой, но в ней нет коммунистического ядра. Надежды на то, что им является грунна Кастрильона, оказались призрачными. По мнению Эмбер-Дро, она не представляла подлинную коммунистическую идеологию. Настоящим революционным темнераментом, обладал, но оценке главы Латиноамериканского секретариата ИККИ, Маэча, но темнерамент этот был анархистско-авантюрным (нутчистским), и коммунистическим руководителем он мог стать лишь после серьезной работы с ним. Посланцы Москвы оказались «в нолном смущении»: они не знали на кого из лидеров СРП, находившихся в Буэнос-Айресе, можно опереться для формирования коммунистической грунны внутри партии². Для Коминтерна, официально признавшего СРП своей секцией, подобное ноложение становилось совершенно неприемлемым. Москве было необходимо срочно принимать нетривиальные решения, нзволявшие трансформировать партию, чтобы она соответствовала стандартам III Интернационала и установкам его VI конгресса.

Нельзя не заметить, что суть была вовсе не в нонытке революционных социалистов оказаться левее левацкой линии конгресса. На деле Коминтерн вовсе не был против тезиса СРП о том, что революционное движение Колумбии находится «на дороге к восстанию... в нойстине нредреволюционной ситуации». Более того, Эмбер-Дро под влиянием бесед с колумбийскими делегатами расценил ситуацию более революционной, чем об этом говорило нисымо Коминтерна, увидел у трудящихся массах Колумбии «больше воли к борьбе, больше боевого духа, чем мы считали ранее», признал, что ИККИ не смог в нолной мере оценить остроты революционной ситуации³. Он даже дал в Буэнос-Айресе практические советы по тактике распространения революционного выступления из Боготы на всю страну, организации

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 29. Л. 12.

² Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 53. Л. 61–87. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 108, 118.

³ Беседа с делегацией Колумбии 12 июня 1929 г. РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 29. Л. 12.

революционного комитета, способного направлять все движение, решать вопрос о захвате власти и создании непосредственно при участии рабоче-крестьянских масс собственных органов власти. И именно потому, что перспективы победы революционного движения стали казаться близкими, руководство III Интернационала абсолютно не устраивало то, что его национальная секция в Колумбии ни по организационной структуре, ни по идеологии не могла считаться коммунистической. Неприемлемой для Москвы оказывалась иерархическая организация партии, приводившая к ситуации, когда при аресте вождя его нечем было заменить. Эмбер-Дро, рассматривавшего вооруженное восстание в Колумбии как назревшую реальность, всерьез беспокоило двоевластие в партии, и он требовал создания единого политического руководства и подконтрольного ему военного комитета для разработки технических вопросов¹. Для достижения этой цели делегат ИККИ считал возможным принять идею М. Прието о переводе руководства партии в регион с сильным рабочим движением, целью которого было откровенное желание отойти от «круга интеллектуалов, которым является Богота». Отводя интеллигенции роль помощника партии во «вспомогательных организациях»: АИЛ, МОПРе и т. д., посланец Москвы настаивал на необходимости пролетаризации руководства СРП, дабы избежать уклонов и наладить железную дисциплину.

Опасаясь интеллигентского «уклона» в электоральных вопросах, Эмбер-Дро даже выразил «признательность» правительству Колумбии, не позволявшему представителям СРП входить в органы представительной власти и таким образом «охранявшему нас от появления таких уклонов», но предостерег партию от опасности абстенционизма. СРП ставилась локальная задача использовать избирательные кампании (но не ориентирясь «исключительно на электоральное поле»), чтобы добиваться свободы арестованных, чтобы оценивать, «какова степень нашего давления на правительство при помощи подобных демонстраций, и каково наше влияние на массы»².

Сами же революционные социалисты, хотя партия и приняла решение участвовать в муниципальных выборах 1929 г., смотрели на участие в электоральном процессе с нескрываемым. Партия до этого декларировала абстенционизм как форму борьбы против консерваторов и либералов с использованием антипарламентских настроений трудящихся. Одной из важнейших целей СРП было «оторвать трудящихся от избирательных урн», разъясняя, что они должны голосовать только тогда, когда выставляются кандидатуры рабочих или

¹ Там же. Л. 15–16.

² Там же.

крестьян, чего нельзя было сделать, ибо партия не обладала законными электоральными правами. По мнению Э. Матальяны, народ мог отвергнуть новую тактику СРП, а Р. Маэча категорично заявил: «...участие в выборах – тушость, ибо, если даже мы получим миллион голосов, мы не сможем добиться власти». Возражение Кодовильи и Рабиновича было не менее эмоциональным: «Товарищ, власть *никогда* нельзя получить посредством выборов!»¹

В дискуссиях по новоду состояния боевого духа трудящихся Колумбии осталось незамеченным заявление Приэто о том, что группа товарищей сообщила ему о готовности начать восстание через две недели². Уже после отъезда Эмбера-Дро в Москву ЮАСКИ получил данные о развитии ситуации и пришел к выводам, аналогичным оценкам Эмбер-Дро: «Колумбия находится накануне революции [подчеркнуто в документе], которая может начаться в июле»³. Коминтерновские функционеры в Буэнос-Айресе усматривали и серьезные перспективы движения, и опасности, связанные с его развитием, важнейшей из которых, по их мнению, было стремление американского империализма использовать его в своих целях. Речь шла о новтoreнии нанамского сценария, только на сей раз с целью создания независимого государства Сулия в нефтеносном районе на границе Колумбии и Венесуэлы. Американцы сделали прямое предложение Маэче о финансовой поддержке революции в Колумбии при условии подписания представителями СРП обязательства о передаче контроля над нефтедобычей американским компаниям⁴. В ЮАСКИ опасались, что революция может быть использована США против коммунистического движения «по причине плохого состояния нашей партии и раскола в руководстве» и, не желая брать на себя ответственность за негативное развитие ситуации, просили ИККИ прислать как можно скорее в Колумбию политического представителя и инструктора. Секретариат выразил готовность направить в страну и своих делегатов, если ИККИ выделит 2 тыс. долларов на оплату их командировки⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 29. Л. 12.

² Там же. Л. 10–11.

³ Телеграмма ЮАСКИ от 24 июня 1929 г. с сопроводительной запиской И. Пятницкого В. Молотову // Там же. Л. 26.

⁴ Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 53. Л. 61–87. См.: Коминтерн и Латинская Америка. Сб. документов: С. 115–116; Medina M. Op. cit. P. 140–141.

⁵ Телеграмма ЮАСКИ от 24 июня 1929 г. с сопроводительной запиской И. Пятницкого... // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 29. Л. 26.

В Секретариате ИККИ отнеслись к шифровке из Буэнос-Айреса серьезно, и О. Пятницкий запросил инструкций у высшей неформальной инстанции Коминтерна – делегации ВКП(б), направив ее текст В. Молотову. Однако руководитель делегации ВКП(б) не считал дело срочным и нерезультативным и начертал резолюцию: «...обсудить в делегации – после приезда Дро»¹. Нам не удалось обнаружить документы о характере обсуждения колумбийского вопроса русской делегацией или даже подтверждения факта такой дискуссии. Но то, что СРП не получила финансовой и организационной поддержки со стороны ИККИ говорит об одном – несмотря на растущий в Коминтерне интерес к Латинской Америке, там [и в первую очередь среди представителей ВКП(б)] революционное движение континента все еще не считалось приоритетным направлением мировой революции.

В конечном итоге руководство Коминтерна пришло к выводу о бессмысленности надежд на самостоятельную трансформацию СРП и ее большевизацию и об ограниченности влияния на партию извне, из Москвы или Буэнос-Айреса, и решило прибегнуть к радикальным мерам, направив в Колумбию делегацию ИККИ. Принимая такое решение, Президиум ИККИ действовал на основании императивной установки VI конгресса, вменявшей ему в обязанность помочь СРП превратиться в «настоящую» коммунистическую партию. Почти полтора года понадобилось функционерам Коминтерна для осознания необходимости выполнять собственное решение. Предлогом для радикального вмешательства Президиум ИККИ избрал ряд «тяжелых ошибок» вождей колумбийской секции. Перечень проступков был достаточно велик: недоставление до членов СРП писем Президиума ИККИ и резолюции Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки; прекращение банановой забастовки без демонстрации солидарности по всей стране; заявления о десолидаризации с крестьянскими восстаниями; интервью, данное Прието буржуазной печати; обращение к правительству с ходатайством о прекращении преследований забастовщиков; ходатайство Кастрильона перед буржуазными депутатами, «выдержанное в выражениях, недостойных революционера»; поддержка Карденасом кандидата-оппозиционера на пост президента; ошибочная политическая конценция Урибе и Торреса Хиральдо в вопросе о военном блоке с либеральными генералами².

В этих обвинениях не было ничего нового, и далеко не все проступки революционных социалистов были равнозначными. В большинстве своем они не являлись ошибками партии, их виновниками

¹ Там же. Л. 25.

² Мандат для делегации К.И. в Социалистическую Революционную партию Колумбии, 25 ноября 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 104. Д. 27. Л. 7.

были объявлены лидеры, которые вели непримиримую борьбу друг с другом. То, что еще несколько месяцев назад считалось болезнями роста и обсуждалось в ходе конструктивных дискуссий, неожиданно превратилось в «тяжелые ошибки». При этом ни ИККИ, ни его ЮАСКИ не взяли на себя хотя бы долю ответственности за положение в партии, которое окончательно перестало устраивать Москву только сейчас. Результатом этого нереоосмысления ситуации в СРП и стало решение направить в Колумбию делегацию ИККИ с целью «большевизации» партии.

4.3. Коминтерн и формирование компартии Парагвая

Одна из самых серьезных проблем, которую решали историки коммунистического движения Латинской Америки, состояла в том, что из-за нелегальных условий, жестоких репрессий многие партии не сохранили своих архивов. В некоторых случаях их деятельность прерывалась, а возобновляли ее уже новые люди, которые с чистого листа начинали историю партии, искренне считая себя ее основателями. История коммунистической партии Парагвая одна из самых таинственных, ибо она дважды (в начале 1930-х гг. из-за репрессий правительства и в 1960-е гг. в связи с внутривнутрипартийной борьбой между «марксистско-ленинским» ядром и грункой «ренегата Крейдта») начинала все сначала. И для восстановления исторической истины парагвайским партийным историкам пришлось обращаться к архиву Коминтерна¹. Созданные на документальной основе работы помогли но-новому осветить некоторые аспекты деятельности КПП, но тогда их авторы не могли (да, судя по всему, и не хотели) в полном объеме рассказать о некоторых сюжетах, в первую очередь связанных с характером взаимоотношений партии с Коминтерном.

Первоначально грунка сторонников Коминтерна, не объявлявшая о своих коммунистических взглядах, основала Совместный комитет рабочих и студентов, трансформировавшийся в Комитет социального действия. В феврале или марте 1924 г. эта грунка провозгласила создание «Парагвайской секции Коммунистического Интернационала, Коммунистической партии Парагвая». В ноябре того же года парагвайские коммунисты начали издание марксистской газеты «Bandera Roja». Это, по оценке парагвайского историка Ф. Гаоны, позволило «заполнить революционный политический вакуум в стране, вызванный отсутствием деятельности Революционной Социалистической

¹ Campos H. Panorama del Paraguay, S. L., 1970; Relatorio sobre la actividad enemiga de Oscar Creydt, S. L., abril 1967.

партии», привлечь неконформистскую парагвайскую молодежь, увидевшую в деятельности компартии перспективу для борьбы против политического традиционализма. Большинство членов этой группы входило в руководство компартии до конца 1920-х гг.¹

Парагвайские коммунисты в конце 1924 г. направили делегата в Буэнос-Айрес для обсуждения с руководством компартии Аргентины вопросов о положении в стране и развитии революционного движения, возможности направить в Парагвай несколько аргентинских товарищей для оказания помощи в создании партии². Однако КПА и ЮАСКИ практически ничего не сделали для поддержки зарождавшегося в Парагвае коммунистического движения, вынужденного находиться на нелегальном положении, что приводило его, по оценке Пенелона, к бездеятельности. Компартия Парагвая предпочитала не выходить на политическую арену страны, не имея опыта проведения политической работы по пропаганде и вербовке новых членов и опасаясь того, что любая попытка организовать публичное мероприятие приведет к немедленной депортации «в дикую сельву Бразилии или в другие страны» небольшой группы имеющих активистов, что будет равнозначно фактическому уничтожению всей коммунистической деятельности³. ЮАСКИ практически ничего не сделал для развития коммунистической деятельности в стране, ограничившись sporadic contacts с эфемерной компартией. Пенелон, заявляя о необходимости направить в Парагвай инструкции по методам проведения нелегальной работы, пассивно ожидал от своих парагвайских адресатов подробного доклада, чтобы, в свою очередь, информировать ИККИ. Естественно, глава ЮАСКИ должен был разрабатывать директивы парагвайским коммунистам на основе объективного анализа ситуации в стране и ее рабочего движения. Архивные данные, однако, не сохранили ни малейших следов попыток Пенелона собрать сведения для такого анализа, за исключением короткого сообщения, направленного в Москву⁴.

¹ Gaona F. Introducción a la historia gremial y social del Paraguay. Tomo II. Asunción, 1987. P. 139.

² Генеральным секретарем КПП был каменщик Д. Касерес, казначеем Л. Ибаррола. В материалах Национальной подготовительной конференции III съезда ПКП, «восстановившего историческую правду» об основании партии, говорится о действиях марксистской группы Асунсьона в 1922–1923 гг. и ее борьбе против правительства, «выполнившего роль лакея американского и английского империализма». Gaona F. Op. cit. P. 168; Campos H. Op. cit. P. 205; Relatorio sobre la actividad enemiga de Oscar Creydt. P. 16; Paraguay // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 2. Л. 3.

³ Доклад Хосе Ф. Пенелона [ранее 2 июня 1926 г.] // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 5. Л. 9.

⁴ Парагвай // Там же. Ф. 495. Он. 117. Д. 2. Л. 1.

Лишь в связи с подготовкой IV конгресса Профинтерна генеральный секретарь КПА П. Ромо установил контакты с одним из руководителей парагвайских коммунистов М.Б. Дрелихманом, чтобы выяснить состояние рабочего движения и возможности коммунистической работы в этой стране, и направил в Асунсьон проагандистскую литературу и инструкции по реорганизации существовавшей там коммунистической группы. Ромо удалось то, чего не смог добиться секретарь ЮАСКИ Х. Пенелон, – КПП объявила 19 февраля 1928 г.¹ о присоединении к Коминтерну, провозгласив своей политической целью «создание посредством социальной революции правительства рабочих, крестьян и солдат как нового этапа в деле достижения полного социализма... и дальнейшего перехода к коммунизму»². Эта декларация не меняла ничего в деятельности маленькой группы коммунистов Парагвая, кроме вовлечения ее в орбиту международного коммунистического движения. Хотя генеральный секретарь КПП Л. Ибаррола и проинформировал Коминтерн о наличии 3 тыс. сторонников в стране, реально действовала лишь группа из 20 человек в Асунсьоне, избравшая из своих рядов Центральный комитет. Даже новых членов в партию принимали на заседаниях ЦК, что явно свидетельствовало о малочисленности КПП. Практически все члены партии были знакомы друг с другом. Констатируя отсутствие программы, ведение работы «от случая к случаю», констатируя слияние массы под лозунгом «Землю ее старым владельцам – индейцам», лидер КПП был вынужден признать, что «н[артия]... как организация не существует»³.

Однако Буэнос-Айрес в тот момент интересовало совсем другое. В период налаживания деятельности ЮАСКИ, связанного с кризисом в КПА, лидер большинства ЦК аргентинской компартии П. Ромо смог продемонстрировать Москве, что Южноамериканский секретариат может действовать эффективно, дал понять, что тормозом в организации его работы является Пенелон, и подчеркнул свою роль в создании новой секции Коминтерна и руководстве ей. Ромо осо-

¹ Этот день компартия Парагвая считает официальной датой своего основания, хотя коммунистическая активность в стране началась значительно раньше. См.: Из первых рук. Коммунисты и революционные демократы мира рассказывают о своих партиях. Прага, 1988. С. 199.

² A los habitantes de la República. Partido Comunista. Sección paraguaya de la Internacional Comunista. "Los Comunistas". Asunción, 19 de febrero de 1928. Цит. по: Петрухин А.А., Чурлов Е.М. Кебрачо – значит стойкий. М., 1981. С. 9.

³ Заявления и информация товарища Лукаса Эвангелисты Ибарролы из Парагвая. 1928 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 117. Д. 5. Л. 1; Протокол № 3 заседания ЦК КПП 27 января 1929 г. // Там же. Д. 6. Л. 18; Протокол № 4 заседания ЦК КПП 5 февраля 1929 г. // Там же. Л. 20.

бо отмечал, что вынужден заниматься этим «в связи с отсутствием Южноамериканского Секретариата, сводящегося сегодня к тому, что делаю я лично»¹. При этом, говоря, что манифест нарагвайских коммунистов – плод исключительно их работы и подготовлен по их собственной инициативе, он снимал с себя политическую ответственность за деятельность КПП: «Я не высказываю по данному поводу своего мнения, ибо не имею соответствующих полномочий», недвусмысленно намекая ИККИ на свою готовность к принятию таких полномочий для возрождения активности ЮАСКИ.

В Москве с энтузиазмом восприняли сообщение о создании новой секции III Интернационала. Это было особенно важно для пронагандистского обеспечения подготовки VI конгресса, одним из центральных вопросов которого было состояние и перспективы революционного движения в колониальных и полуколониальных странах. Секретариат ИККИ оперативно откликнулся на манифест КПП, направив ей письмо, в котором, выразив надежду на успешное развертывание революционной деятельности партии среди эксплуатируемых рабоче-крестьянских масс Парагвая, просил поддерживать с ним постоянные отношения и одновременно продолжать контакты с Южноамериканским секретариатом². Одновременно секретарь ИККИ Ж. Эмбер-Дро указал ЮАСКИ на необходимость и помогать по мере возможности молодой партии, направляя ей коммунистическую литературу³. Показательным представляется то обстоятельство, что этот призыв фактически направлялся в пустоту: секретариат Пенелона практически не функционировал, новый его секретарь В. Кодовилья и Р. Гиольди, также входивший в состав ЮАСКИ, находились на пути из Москвы, где разбирался аргентинский кризис, в Буэнос-Айрес. Единственным действующим членом ЮАСКИ оставался Ромо.

О новом кандидате в III Интернационал в Москве не знали почти ничего, что лишний раз подтверждало неэффективность деятельности Пенелона в ЮАСКИ. Поэтому глава Латинского секретариата просил Ибарролу послать ИККИ отчет об экономико-политическом положении страны, сведения о количестве членов партии и ее организационной структуре, наличии газеты, возможностях легальной работы, профсоюзах и крестьянских организациях и влиянии в них коммунистов. Интересовало Москву и то, какой иностранный импе-

¹ Доклад П. Ромо в ИККИ 12 марта 1928 г. // Там же, Л. 2 об.

² Обращение Секретариата ИККИ к Исполнительному комитету КП Парагвая 19 апреля 1928 г. // Там же, Д. 1. Л. 2.

³ Письмо Ж. Эмбер-Дро Южноамериканскому Секретариату Коминтерна 19 апреля 1928 г. // Там же, Д. 19. Л. 1.

реализм эксплуатирует страну, имеется ли в ней антиимпериалистическое движение¹.

В докладе в Москву Ибаррола реалистично оценил состояние парагвайского рабочего движения, существовавшего давно, но развивавшегося в неорганизованной форме без «конкретной программы действий» и не сумевшего сориентироваться на «достижение определенного идеала». Причиной создания партии, констатировал лидер КПП, стало убеждение, что эффективно достичь целей рабочего движения можно, следуя «по дороге, уже открытой в Европе», он самокритично объяснил отсутствие связей с международным коммунистическим движением, существовавшими в Парагвае страхами, что «наш Комитет подпадет под влияние Коммунистического Интернационала, в связи с чем за нами постоянно следят и власти и даже буржуазная пресса»². Считая, что не следует провоцировать нравительство («онасавшееся аргентинского и русского влияния») на антикоммунистические преследования, парагвайские коммунисты стремились осуществлять проагандистскую работу в «осторожной форме... не называя при этом доктрины и не устанавливая международных связей, столь раздражающих нравительство и буржуазные партии»³. Немаловажной причиной для нежелания коммунистической группы Парагвая поддерживать отношения с КПА была личная позиция Ибарролы, считавшего ее «партией крикунов» и ограничившего международные контакты КПП перениской с Пенеленом⁴.

Проагандистская работа практически ограничивалась пределами группы, рабочие редко приходили туда из-за отсутствия свободного времени: рабочий день в Парагвае нормировался просто – от восхода до заката. Коммунисты в этот период не пытались активно работать в массах, ограничившись несколькими митингами, разрешенными властями. Наставники из Буэнос-Айреса предупреждали, что невозможно просто говорить рабочим о социальной революции, когда они столько работают, надо говорить им о самых непосредственных требованиях, учили азбуке проагандистской и организационной деятельности партии и профсоюзов.

Коммунизм в среде крестьян-индейцев КПП проагандировала как «простое отражение крестьянских общинных идей»: земля принадлежит всем вместе с орудиями труда, животными, а эксплуататор-

¹ Обращение Секретариата ИККИ к Исполнительному комитету КП Парагвая 19 апреля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 117. Д. 1. Л. 2.

² Письмо Л. Ибарролы Ж. Эмбер-Дро 5 июня 1928 г. // Там же. Д. 6. Л. 4–5.

³ Меморандум [Л. Ибарролы]. 1928 г. // Там же. Д. 5. Л. 3.

⁴ Письмо ЦК КПП Латинскому Секретариату ИККИ 5 июля 1929 г. // Там же. Д. 6. Л. 39.

ры должны исчезнуть. На таком же уровне беседовали и с рабочими: им говорили о социализации, восьмичасовом рабочем дне, новышении зарплат, разъясняли, что разница «между социалистами и коммунистами состоит в том, что первые добиваются парламентских ностов, как и остальные партии, а коммунисты ведут ностоянную и открытую борьбу за освобождение трудящихся»¹.

Парагвайские коммунисты считали обстановку, в которой они разворачивают свою борьбу, неблагоприятной из-за экономического положения страны. Пролетариат, «нелюхо встречающий коммунистические идеи», был, с их точки зрения, «нлюхо нриспособлен к борьбе, неохотно следуя долгу самопожертвования для защиты нашего дела»². При этом Ибаррола «скромно» отмечал, что имеющие успехи – «нлюд усилий тех немногих, кто возглавляет Комитет» КПП, и в явном противоречии с установками Коминтерна считал, что руководители партии должны быть интеллектуалами: «Рабочие еще не подготовлены»³.

Идейные установки и практическая деятельность КПП не вызвали энтузиазма у нового руководства ЮАСКИ. Причин было не меньше: во-первых, молодая компартия мало соответствовала «21 условию», во-вторых, Кодовилья явно не хотел соглашаться с ролью Ромо как создателя новых секций Коминтерна, в-третьих, его не устраивал лично Ибаррола, которому секретарь ЮАСКИ немедленно объявил войну. ЮАСКИ расценил ситуацию в КПП как характерную для колониальных стран, где рабочее и коммунистическое движение в начале возглавляется мелкобуржуазными интеллектуальными элементами, и поставил задачу оказать партии «нерсональную помощь», чтобы обучить и сформировать кадры для руководства массовым движением в Парагвае.

Возникла наарадоксальная ситуация. Ибаррола вместе с делегацией КПА следовал в Еврону, чтобы своим участием во всемирном конгрессе Коминтерна нодтвердить рост влияния коммунизма в Южной Америке, а региональная структура ИККИ в это время готовила его отстранение от руководства партией. 1 сентября VI конгресс принял решение считать компартию Парагвая национальной секци-

¹ Заявления и информация товарища Лукаса Эвангелисты Ибарролы // Там же. Д. 5. Л. 1–2.

² Письмо Л. Ибарролы Ж. Эмбер-Дро 5 июня 1928 г. // Там же. Д. 6. Л. 4.

³ Заявления и информация товарища Лукаса Эвангелисты Ибарролы // Там же. Д. 5. Л. 2.

В руководство КПП входили: налоговый инспектор, мелкий торговец, два ремесленника-ювелира, саножник. Кроме того, в партийной группе столицы был служащий и два студента. По оценке Ибарролы, социальный состав Исполкома соответствовал социальному составу партии // Там же. Л. 2.

ей III Интернационала без всяких условий¹, а ЮАСКИ уже 5 июля планировал поездку А. Перейры в Асунсьон для ее «реорганизации и подъема политического уровня»².

«Делом Ибарролы» ЮАСКИ (и в первую очередь его секретарь) стремились продемонстрировать новый характер отношений между высшей инстанцией Коминтерна на континенте и национальными секциями, показать, что такое международная партийная дисциплина в действии. Однако опытный партизанатчик Кодовилья хорошо понимал, что в таком деликатном деле необходимы серьезные аргументы: одной инициативы даже столь авторитетного для Москвы органа, как ЮАСКИ, может оказаться недостаточно. Поэтому было инициировано обращение группы парагвайских коммунистов к компартии Уругвая, а через нее к ЮАСКИ, извещавшее о недовольстве Ибарролой, связанном с его поездкой в СССР³, что якобы побудило Секретариат подтвердить решение направить своего делегата для ознакомления с ситуацией и «ориентирования товарищей».

Тем не менее эта рекомендация не исполнялась достаточно долго, и противоречия в руководстве КПП после возвращения Ибарролы переросли во внутриведомственный кризис, потребовавший оперативного вмешательства Южноамериканского секретариата и реакции Коминтерна, что было вызвано событиями, не связанными с рабочим движением, но создавшими принципиально новые условия для его существования. Резко ухудшившиеся после атаки парагвайским отрядом боливийского форта Вангвардия в декабре 1928 г. отношения между двумя странами поставили их на грань войны⁴, а парагвайскую секцию Коминтерна – в центр внимания руководства всемирной компартии. Молодая партия оказалась, по оценке Ж. Эмбер-Дро, «в весьма ответственном положении... ей первой из всех наших секций вышло историческое обязательство применить коммунистическую тактику против войны»⁵.

Ибаррола сформулировал свое понимание влияния парагвайско-боливийского конфликта на классовую борьбу в стране еще в первом докладе Коминтерну: захват американцами и англичанами земель в спорной зоне развивает чувство *патриотизма* граждан, протестую-

¹ VI конгресс Коминтерна: Стенографический отчет. Вып. шестой. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. М.: Л., 1929. С. 174.

² Доклад № 4 Южноамериканского Секретариата. Л. 21.

³ Протокол заседания ЮАСКИ 14 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 21. Л. 53.

⁴ История Латинской Америки. 1918–1945. С. 239–240.

⁵ Письмо Секретаря Латиноамериканского Секретариата Коминтерна Секретариату КПП 18 февраля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 1. Л. 5.

щих нротив иностранного давления, что создает «плодотворную почву для нашей деятельности»¹. При этом Ибаррола подчеркивал, что «антиянкизм стал почти что патриотическим культом у населения в силу международных нроблем, в которых американцы играют важную роль»², оказывая моральную поддержку Боливии.

В тот момент в ИККИ не заметили «немарксистского» нодхода генсека КПП к нринципиально важной нроблеме. И только в условиях разгоравшегося нротивостояния, когда шовинистические настроения нодогревались и нравительствами обеих стран, и сонерничавшими в борьбе за влияние в спорных районах английскими и американскими монополиями³, Южноамериканский секретариат резко осудил его нозицию. Боливийско-парагвайский конфликт был расценен региональным представительством Коминтерна как представившуюся партии возможность вырвать массы из-нод влияния нравительственного шовинизма и начать антивоенную деятельность в стране. Руководители Секретариата, сосредоточившись на межимнериалистических спорах как причине конфликта двух государств, отвергли даже ноньтки иного нодхода к анализу. Кодовилья решительно отверг нозицию директора газеты КПУ Х. Греко, указавшего на агрессивность Боливии, «как будто бы она была единственной виновницей конфликта». Представитель КИМа З. Рабинович («Пьер») настаивал на необходимости не рассматривать конфликт как войну «между страной-агентом имнериализма и антиимнериалистической страной»⁴.

Отношение же Ибарролы, стремившегося избежать нравительственного террора и призывавшего к осторожности, было, по оценке ЮАСКИ, пассивным, в то время как следовало выдвинуть лозунги борьбы за превращение имнериалистической войны в войну антиимнериалистическую и классовую, за братство парагвайско-боливийских трудящихся и в итоге призвать к борьбе за рабоче-крестьянское нравительство и Федерацию рабоче-крестьянских реснублик Латинской Америки⁵.

¹ Письмо Л. Ибарролы Ж. Эмбер-Дро 5 июня 1928 г. // Там же, Д. 6, Л. 7.

² Меморандум [Л. Ибарролы] // Там же, Д. 5, Л. 3.

³ Подробнее см.: Кораблева Л.Ю. Вмешательство Лиги Наций в урегулирование боливийско-парагвайского конфликта 1928–1938 гг. // Латноамериканский исторический альманах. М., 2000, № 1. С. 133.

⁴ Протокол № 15 заседания Южноамериканского Секретариата Коминтерна 19 декабря 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1, Д. 21, Л. 121, 123.

⁵ Материалы о деятельности партии к ближайшему нленуму К.П. Парагвая (Для комиссии по нодготовке 1-го нункта новестки дня) // Там же, Ф. 495, Он. 117, Д. 2, Л. 16.

КПП оказывалась в замкнутом кругу. Принятие подобной стратегии в тогдашних условиях означало для коммунистов Парагвая подвергнуться остракизму в обществе, которое находилось в ура-патриотическом угаре. Понятки же приспособиться к ситуации, как это предлагал Ибаррола, трактуя борьбу против Боливии как антиамериканское движение, неизбежно вели к разрыву с генеральной линией мирового коммунистического движения, что делало партию изгоем среди единомышленников. Положение КПП осложнялось и субъективным фактором: секретарь ЮАСКИ явно невзлюбил Ибарролу и прилагал все усилия для его отстранения от руководства партией, что выражалось не только в политической оценке деятельности парагвайского генсека¹. Ибаррола был охарактеризован ЮАСКИ как мелкобуржуазный деклассированный «интеллектуал», тщеславный и неспособный проводить серьезную работу, как каудильо индивидуалистского типа, не имеющий абсолютно ничего общего с коммунизмом, а руководимый им орган «Los Comunistas» – газетой, скандальной, способствовавшей деморализации коммунистического движения. На Ибарролу была возложена ответственность за то, что КПП являлась «небольшой грустной товарищей, нежели чем действительно партией». Оценка организационного состояния партии лишь новторяла выводы, к которым приходил и сам Ибаррола, но ответственность за это теперь персонифицировалась и возлагалась на него самого.

Кодовилья просто игнорировал Ибарролу, обращался к руководству КПП через его голову, нарушая тем самым основополагающие принципы взаимоотношений во всемирной коммунистической партии и подрывая внутривнутрипартийную дисциплину в КПП. Это не могло не вызвать ответную реакцию парагвайского генсека, не желавшего даже знакомиться с документами ЮАСКИ, содержащими критику концепций, изложенных Ибарролой в статье «Моя поездка в Россию», направленных не в Секретариат партии или ему лично, и публично оскорбившего Кодовилью, назвав его «мошенником и старым итальянцем»². Кодовилья же такое поведение Ибарролы было фактически на руку, ибо давало повод еще раз поставить вопрос о необходимости направить делегата в Парагвай для ликвидации кризиса, им самим и спровоцированного. Явно нагнетая атмосферу, он убеждал членов ЮАСКИ в том, что Ибаррола «занимал всех хороших товарищей и онирается на грунну сторонников из числа студентов», гро-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 2. Л. 16.

² Протокол № 15 заседания Южноамериканского Секретариата Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 21. Л. 120; Письмо ЦК КПП Латинскому Секретариату ИККИ 5 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 6. Л. 40.

злит исключением элементом, демонстрирующим коммунистические позиции. «Это представляет собой тяжелую угрозу в момент явной военной опасности», – утверждал Кодовилья и в конце концов добился решения о немедленной поездке представителя Секретариата в Парагвай. Чтобы избежать совершения партией тяжелых ошибок, требовалось, считал Р. Гиольди, послать человека, «облеченного властью», т. е. Кодовилью, немедленно непросившего наделить его полномочиями для оказания помощи товарищам в антивоенной работе. Ради ревизии дел в Парагвае была санкционирована поездка в Бразилию вместо секретаря ЮАСКИ уругвайца Э. Гомеса (в случае невозможности его выезда – Р. Гиольди или П. Ромо)¹.

Важным элементом атаки на Ибарролу секретарь ЮАСКИ сделал саботаж финансирования КПП. Не передавая партии выделенные ей Исполкомом Коминтерна средства², Кодовилья подогревал, таким образом, в ЦК КПП негативное отношение к ональному генеральному секретарю³ и давал понять, что до отстранения Ибарролы деньги в Асунсьон поступать не будут. Ибаррола вообще считал финансовые вопросы основой своих разногласий с секретарем ЮАСКИ, утверждая, что Кодовилья требовал, чтобы парагвайский делегат в Москве просил у Интернационала денег, в то время как последний считал, что едет туда «для представления партии и пролетариата страны... составления плана атаки на капитал и против войны»⁴.

Кодовилья приехал в Асунсьон, не оставив в известность Ибарролу, и немедленно вступил в контакт с его оппонентами. На заседании ЦК КПП 28 декабря 1928 г., организованном без санкции генерального секретаря партии, Кодовилья *«указал политическую платформу, которой должна следовать Коммунистическая*

¹ Протокол № 15 заседания ЮАСКИ // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 21. Л. 122.

² О. Пятинский в телеграмме выразил надежду, что «Том Аугустин» (условное обозначение ЮАСКИ в секретной переписке) временно поможет КПП до получения ей «тысячи игрушек» из Москвы. РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 1. Л. 4. Деньги эти, однако, не поступали в Асунсьон, пока КПП возглавлял Ибаррола. Но уже на заседании ЦК, обсуждавшем его отставку, казначей партии Валенсуэла сообщил, что «получил 100 \$ в арг. и. в. (1875 \$ в м. парагвайской в.) от т. Кодовилья в качестве помощи от аргентинской Коммунистической парт. нашей партии», которые было решено использовать на покупку принадлежностей, мебели, издание газеты и аренду помещения для партии. Протокол заседания № 2 ЦК КПП 6 января 1929 г. // Там же. Д. 6. Л. 17.

³ Более того, Кодовилья отказался от обязательств материально обеспечить семью Ибарролы (жену и 6 детей) во время поездки того в Москву. По словам Ибарролы, Кодовилья в течение двух месяцев из нять не присылал средств, в результате чего «семья чуть не умерла от голода». Письмо Л. Ибарролы в Коммунистический Интернационал 30 января 1929 г. // Там же. Л. 28.

⁴ Письмо Л. Ибарролы Секретариату Коммунистического Интернационала (январь 1929 г.) // Там же. Л. 25.

партия в соответствии с международной дисциплиной и одновременно пообещал помочь материально и морально в рамках возможностей Ю.А. Секретариата К.И.», после чего присутствующие «товарищи признали свои ошибки и пообещали коллективно работать для расширения нашей партии под контролем Ю. Американского Сек. К.И.»¹. В ходе осуществленной реорганизации руководства партии генеральным секретарем был избран М. Баэс, а Ибаррола, оставаясь в руководстве, был понижен в статусе и назначен ответственным секретарем редакции «Los Comunistas»².

Это был умелый тактический ход. Учитывая влияние бывшего генсека среди парагвайских коммунистов, Кодовилья решил не торопить события и подождать, когда оскорбленный Ибаррола совершит ошибку. Ждать пришлось недолго. 6 января 1929 г. Ибаррола единоличным решением исключил сторонников линии ЮАСКИ (Баэса, Дрелихмана и Валенсуэлу) из партии, обвинив их в расколе партии «в тот самый момент, когда она работает ноднольно во время начавшейся войны между Боливией и Парагваем», а ЮАСКИ – в «поддержке мятежа» членов партии, «не пользующихся авторитетом, так как они невежды, не способные руководить политической партией»³. Причиной подобной позиции Секретариата он объявил «скверное отношение» лично к нему Кодовильи, не простившего парагвайскому коммунисту упрёки в невыполнении финансовых обязательств перед семьей Ибарролы и заявления в связи с этим, что «коммунисты, как братья, должны похоронить ложь»⁴.

Ибаррола, апеллируя к Коминтерну, обвинил секретаря ЮАСКИ в создании «разногласий и расколов» и просил положить конец его «недостойному вмешательству» во внутренние вопросы партии, особо отметив, что не возражает против участия Секретариата в вопросах определения «политической линии, чтобы выполнить задачи партии, которая сегодня как никогда укрепила свою доктрину и развивает деятельность среди городских рабочих и крестьян»⁵. Тем самым, не выступая формально против международной дисциплины, Ибаррола дал понять, что южноамериканская структура Коминтерна превысила свои полномочия, взяв на себя функции высшей иерар-

¹ Протокол № 1 заседания ЦК КПП // РГАСПИ. Ф. 495, Он. 117. Д. 6. Л. 14.

² Там же. Л. 15.

³ Письмо Л. Ибарролы в Коммунистический Интернационал 30 января 1929 г. // Там же. Он. 117. Д. 6. Л. 28.

⁴ Там же.

⁵ Письмо Л. Ибарролы Секретариату Коммунистического Интернационала (январь 1929 г.) // Там же. Д. 6. Л. 27; Письмо Л. Ибарролы в Коммунистический Интернационал 30 января 1929 г. // Там же. Л. 29.

хин, действуя против секретаря партии, «признанного конгрессом К.И.»¹, и вмешиваясь во внутривнутрипартийные дела. «Партия сама знает, как ей действовать, исключать иуд, а не новышать их, как это нытаются сделать»², – писал Ибаррола в Москву. Проявив готовность подчиняться «Интернационалу Москвы», он не считал для себя и своей партии возможным принимать диктат «Интернационала Буэнос-Айреса»³.

Противники же Ибарролы объявили, что он 2 января принял решение о своей отставке «и предложил создать новую коммунистическую партию, не примыкающую к К.И., и снова публиковать газету в качестве органа Коммунистической партии Парагвайской респ. [подчеркнуто в тексте]»⁴, одновременно обещая сообщить Коминтерну о произошедшем и хранить все в тайне до решения Москвы. Исключив Ибарролу из КПП⁵, ее новые руководители обратились в ЮАСКИ с просьбой объявить, что представляемая ими партия является единственной секцией, признанной Коминтерном в стране, чтобы разоблачить «предательство Ибарролы», «узурпировавшего название партии»⁶. ЮАСКИ немедленно ратифицировал исключение бывшего генсека КПП. Чтобы южноамериканские «партийные массы» осознали важность этого решения, «La Correspondencia Sudamericana» опубликовала изложение доклада Кодовильи об экономическом и политическом положении в Парагвае, а затем – в трех номерах – материалы по «делу Ибарролы»⁷.

Бывший генеральный секретарь, так же как незадолго до этого Пенелон в Аргентине, надеясь на поддержку ИККИ, категорически

¹ Письмо ЦК КПП Латинскому Секретариату ИККИ 5 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 6. Л. 40.

² Письмо Л. Ибарролы Секретариату Коммунистического Интернационала (январь 1929 г.) // Там же. Л. 27.

³ Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и о Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки. 12 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 53. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 119.

⁴ Протокол № 2 заседания ЦК КПП 6 января 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 6. Л. 15.

⁵ Решение об исключении гласило: «За абсолютное отсутствие коммунистической дисциплины: трансформацию органа Партии в персональный орган и его присвоение; нарушения решений ЦК; борьбу против ЦК и против Партии». La expulsión de Ibarrola. – La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 9. P. 21; № 10. P. 16; El PC de Paraguay // La Correspondencia Sudamericana. 1929. № 11. P. 15.

⁶ Письмо ЦК компартии Парагвая в Южноамериканский секретариат Коминтерна 16 февраля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 6. Л. 32.

⁷ La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 7, 9–11.

отказался передать печати и архив партии новому руководству¹. Однако, в отличие от случая с Пенеломом, разногласия которого с большинством ЦК несколько месяцев обсуждались в высших инстанциях Коминтерна, Латиноамериканский лидер-секретариат ИККИ отказался выслушивать доводы Ибарролы, полагая, что ЮАСКИ «следит за положением», заявил о своем невмешательстве и поддержке деятельности в Парагвае своей южноамериканской структуры². Эмбер-Дро разъяснил: ни ЮАСКИ, ни ИККИ не имеют намерений бороться против ЦК нарагвайской партии, если тот будет «следовать коммунистическим путем и выполнять свой долг в качестве руководства секции Коммунистического Интернационала», обещая помощь и советы для ориентации «в трудных проблемах... революционной борьбы и развития коммунистической партии в настоящую пролетарскую партию». Все действия Кодовильи в Асунсьоне Москва безоговорочно одобрила, а Ибаррола был провозглашен «ренегатом, пребывающим вне рядов Коммунистического Интернационала и не имеющим с ним ничего общего»³. Для укрепления авторитета ЮАСКИ и демонстрации обязательности для национальных секций принятых им решений Коминтерн обвинил Ибарролу в отказе подчиниться решению ЮАСКИ, подчеркнув недопустимость предпринятых им попыток «использовать Исполнительный Комитет К.И. против Южноамериканского Секретариата...», и предостерег всех революционных рабочих от деятельности внутри «коммунистических сил, ведомых Ибарролой», заявив, что «любое использование имени Коммунистического Интернационала и его авторитета Ибарролой является узурпацией и ложью»⁴. Причины столь различного отношения к двум лидерам компартий соседних стран были очевидными. При обсуждении «дела Пенелона» ИККИ исходил из необходимости сохранить единство КПА как основы всего южноамериканского коммунистического движения, а сам Пенелон – член ИККИ и секретарь

¹ Протокол № 2 заседания ЦК КПП 6 января 1929 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 117, Д. 6, Л. 15; Протокол № 3 заседания ЦК КПП 27 января 1929 г. // Там же. Л. 17–18.

² Письмо секретаря Латиноамериканского Секретариата ИККИ в Южноамериканское Бюро 11 марта 1929 г. // Там же. Д. 1, Л. 6; Проект резолюции по делу Ибарролы, предложенный Латино-Американским лидер-секретариатом // Там же. Л. 8.

³ Даже установление контактов не с генеральным секретарем КПП, а с его оппонентами Эмбер-Дро объяснил предосторожностью Кодовильи в условиях подготовки к войне и полицейской слежки за революционными организациями Парагвая и строго указал, что «было бы ошибкой жаловаться на такие меры элементарной безопасности». Письмо секретаря Латиноамериканского Секретариата ИККИ Секретариату КПП 18 февраля 1929 г. // Там же. Л. 6.

⁴ Резолюция Секретариата К.И. по делу Ибарролы // Там же. Л. 13.

ЮАСКИ – был фигурой значимой не только в масштабах континента, но и для всей мировой коммунистической партии. В случае с Ибарролой, возглавлявшим малоизвестную и лишенную влияния партию, эти доводы не играли роли.

Кроме того, ситуация значительно изменилась после VI конгресса Коминтерна, и Москве было важно показать, что инакомыслие в международном коммунистическом движении будет пресекаться самыми решительными мерами. При этом Ибаррола совершил и серьезную тактическую ошибку, свидетельствующую о непонимании ситуации в Коминтерне: он подавал себя как «доверенное лицо» Коминтерна, который подтвердил ему «свое абсолютное личное доверие при посредстве “Комиссара по иностранным делам Эмбер-Дро”»¹, ссылаясь на поддержку со стороны швейцарского коммуниста не давала Ибарроле никаких шансов на победу в противостоянии с Кодовильей, уже потому что Эмбер-Дро, который в другой ситуации мог бы попытаться объективно разобраться в ситуации, сейчас должен был думать о сохранении своих позиций в Коминтерне, и выступление в защиту парагвайского «шовиниста» могло ему только помешать. Кроме того, Кодовилья не преминул обратить внимание ЮАСКИ и ИККИ на то, что «для Ибарролы “совет” и “Коммунистический Интернационал” одно и то же, поэтому он называет Эмбер-Дро “комиссаром по иностранным делам”, совершая эту ошибку неоднократно». По мнению Кодовильи, это характеризовало Ибарролу как «человека с ограниченными способностями», «не обладающего политической серьезностью».

Личная победа Кодовильи – удаление Ибарролы из руководства и из партии – подавалась ЮАСКИ как акт, имеющий фундаментальное значение: было объявлено, что только после визита главы Секретариата в Парагвай «*начались сколько-нибудь серьезные действия по образованию К.П. Парагвая*», создано новое руководство, состоящее из рабочих и проводящее коллективную работу в пролетарском духе². Таким образом, была дезавуирована работа, проделанная Ромо, зачеркнуто все сделанное парагвайскими коммунистами в 1920-е гг. История КПП начиналась с чистого листа, а у её истоков оказывался секретарь ЮАСКИ В. Кодовилья, «скромно» отмечавший: «...мы заложили основу для развития будущего коммунистического движения»³. Второй раз за год (сначала в деле Пенелона, затем

¹ Доклад В. Кодовильи о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. // Там же. Д. 3. Л. 7.

² Материалы о деятельности партий к ближайшему пленуму К.П. Парагвая // Там же. Д. 2. Л. 16.

³ Доклад В. Кодовильи о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. // Там же. Д. 3. Л. 10.

в случае Ибарролы) ему удалось повернуть ход событий для укрепления своих позиций и создания образа идеолога и лидера коммунистического движения Южной Америки. Это вполне соответствовало тенденциям развития Коминтерна, где укреплялись позиции Сталина, и, следовательно, возникала необходимость такого же вождя в континентальных масштабах.

Между тем личный триумф секретаря ЮАСКИ неизбежно стал «нирровой победой» с точки зрения развития южноамериканского коммунистического движения с опорой на мощные и влиятельные национальные секции, пользующиеся доверием в своих странах и не склонные к авантюризму. Это было связано со сделанным Кодовильей анализом боливийско-парагвайского конфликта, на базе которого Секретариат пришел к выводу о реальности для КПП в условиях вооруженного конфликта, спровоцированного империалистической борьбой за завоевание Латинской Америки¹, стать, несмотря на ее малочисленность, «единственным руководителем приближающейся борьбы», превратить массовые антивоенные выступления в борьбу за народно-демократическую революцию².

Эту же линию Кодовилья проводил и на Первой конференции компартий Латинской Америки, упрямая парагвайских и боливийских коммунистов в «провинциализме», проявлявшемся в недооценке международных проблем, центром которых был вопрос о войне, и мешавшем им проводить среди трудящихся масс своих стран агитацию с целью довести до их сознания необходимость предотвращения этой войны, ее империалистическую сущность. Секретарь ЮАСКИ обвинил коммунистов стран – участников конфликта в том, что они из-за недостатка политического опыта и несогласованности идеологических позиций не сумели выполнить до конца свой революционный долг, в то время как объективные условия для проведения антивоенной пропаганды имелись³. Коммунистам обеих стран прямо ставилась задача проявить «решительную готовность бороться против империализма и его агентов – национальных правительств».

Делегат КПА на Первой конференции П. Гонсалес Альберди отметил, что их поведение не соответствовало представлениям о действиях последовательных коммунистов: «...коммунисты не боялись репрессий, не развернули активной работы среди масс и в армии...»⁴

¹ В 1929 г. парагвайская партия насчитывала несколько десятков человек.

² Доклад В. Кодовильи о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. // Там же. Д. 3. Л. 11.

³ Кодовилья В. Избранные статьи и речи. С. 63–64.

⁴ Цит. по: Харитонов В.А. Парагвай: военно-полицейская диктатура и политическая борьба. М., 1970. С. 156.

Обвинения в трусости вызвали явный шок у только что поставленного самим Кодовильей во главе КПП руководства, и оно носнешло реабилитироваться в глазах Южноамериканского секретариата. При этом новые лидеры КПП абсолютно утратили чувство реальности и, стремясь зарекомендовать себя настоящими коммунистами, сами не заметили, как внали в эйфорию в нредвкушении своих грядущих побед. Но этот нуть в итоге нривел и их самих, и партию к катастрофе.

Для решения столь масштабных задач у коммунистов не было сил и средств. Но они, вдохновляемые на борьбу из Буэнос-Айреса и Москвы, резко изменили тактику, решив, что сфера деятельности партии расширилась, и считая, что нрофсоюзная борьба полностью нровалившихся «анархизма и “социализма” ведет рабочих от одного поражения к другому»¹. Единственное нренятствие на нути к уснеху нарагвайские коммунисты видели в отсутствии средств и рассчитывали, нолучив достаточное количество нронагандистских материалов, быстро добиться «чрезвычайных результатов, нринимая во внимание высокую степень недоверия рабочих как к нравительству, так и к буржуазным партиям». ЦК КПП нолагал, что «Латинский Секретариат, а за ним и И.К., изучив латиноамериканский вопрос, заметят нашу партию и ностараются номочь всеми средствами», учитывая важную роль, которую Парагвай должен сыграть «в борьбе имнериализмов», и считал, что эта номощь нозволит развивать работу «в должной форме»².

Условия, в которых КПП собиралась нроводить свою антивоенную работу, были абсолютно неблагоприятными. И надо отдать Кодовилье должное: он адекватно оценил их в анализе положения в Парагвае носле своей ноездки туда. Только выводы были сделаны Кодовильей и ЮАСКИ неверные. Парагвайское нравительство нроводило идеологическую обработку общественного мнения под лозунгом «оборонительной» войны, и война в Парагвае сразу же была воснринята как безусловно народная. Это онределялось, по мнению Кодовильи, несколькими факторами. Правительство Либеральной партии (разновидность иригойенизма), долгие годы боровшейся против олигархических режимов, раснлагало поддержкой народных масс. Камнании против Боливии был нридан характер антиимнериалистического движения в форме борьбы против американского имнериализма. Официальная нресса выставляла Боливию неносредственным орудием США, нризывая массы встать на защиту страны,

¹ Письмо ЦК КПП Латинскому Секретариату НККИ 5 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 117. Д. 6. Л. 41.

² Там же.

которой угрожает иностранное вторжение¹. Чтобы окончить с внутренней оппозицией, правительство дало широкие гарантии своим политическим противникам, арестованным за участие в провалившихся мятежах, и регулярно заверяло народ в том, что его свобода является неоспоримой константой. Такая идеологическая кампания под лозунгом «священного союза ради защиты родины» позволила правительству добиться поддержки практически всех политических сил страны, в том числе и большинства рабочих организаций, например Лиги Морских Рабочих. Даже те из них, кто и не занял патриотической позиции (социалисты и анархисты), не оказывали сопротивления подготовке к войне, за исключением индивидуального дезертирства некоторых анархистов².

Для организации антивоенной пропаганды коммунисты установили контакты с одной из немногих организаций, избежавших шовинистического угара, царившего в Парагвае, – действовавшим в Национальном университете анархистским Советом Рабочих и Студентов, среди руководителей которого были О. Барте и О. Крейдт. Для сотрудничества пришлось преодолеть господствовавшее среди членов Совета негативное отношение к политическим партиям. Симпатизируя коммунистическим идеям, Совет не хотел поддерживать отношений ни с КПП, ни с ЮАСКИ. В результате переговоров КПП и Совета был создан смешанный комитет, организовавший антивоенную пропагандистскую кампанию на основе лозунгов, пришедших ЮАСКИ с добавлением ряда требований национального характера³.

Если до наступления нового этапа в деятельности КПП, начавшегося под давлением ЮАСКИ, правительство придавало партии, как докладывал Кодовилья, «столь малое значение, что фактически «игнорировало» ее, не трогая наших товарищей»⁴, то теперь власти исправили эту «ошибку», начав наступление против партии, в ходе которого были арестованы ряд ее сторонников⁵. Потом, после по-

¹ Например, газета «El Liberal» писала: «...болливийцы смеются над всем миром, так как им хорошо с янки, вознившими зубы в нефтяные месторождения парагвайского Чако, предоставляющими им оружие и средства для внедрения на эту территорию для основания там колонии под протекторатом «звездно-полосатого флага»».

² Доклад В. Кодовилья о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. // Там же. Д. 3. Л. 5–6.

³ Протокол заседания ЦК КПП 5 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 117. Д. 6. Л. 43–44.

⁴ Доклад В. Кодовилья о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. // Там же. Д. 3. Л. 7.

⁵ Письмо ЦК КПП Латинскому Секретариату НККИ 5 июля 1929 г. // РГАСПИ. Л. 40–41.

давления восстания 1931 г., возглавлявшегося новыми союзниками коммунистов, правительство развернуло репрессии против оппозиции, в ходе которых коммунистическая партия была практически уничтожена. Возрожденную же после Национальной конференции 1934 г. в Лобосе (Аргентина) КПП возглавили бывшие лидеры анархистов (А. Алькарас, О. Барте, О. Крейдт), что и позволило им впоследствии утверждать, что годом основания компартии является 1934¹.

4.4. Коминтерн и формирование Коммунистической партии Эквадора

Ситуация, в которой рождалось коммунистическое движение Эквадора, радикальным образом отличалась от условий в других латиноамериканских странах. Эквадорское общество под влиянием реформ Элоя Альфаро оказалось в процессе утверждения либеральных ценностей. Обострение в стране в начале 1920-х гг. экономического кризиса, вызванного резким падением мировых цен на какао и усугублением нищеты населения, привело к активному участию в политической борьбе многочисленных рабочих организаций². Часть из них была профессиональными объединениями цехового типа (Общества сеятелей арахиса, саножников, нарикмахеров, портных, каменщиков и т. д.), другие (Общество детей вулкана, Общество ремесленников – сторонников прогресса, Ассоциация детей труда) пытались придать своей деятельности политический характер. Почти все эти организации были объединены в Рабочую Конфедерацию Гуаяяс и Эквадорскую Рабочую Федерацию с центром в Кито. В это же время были созданы две федерации крестьян, насчитывавшие более 4 тыс. членов³. И внутри рабочего движения, и вне его значительным было влияние социалистической идеологии (точнее, лиц, называвших себя социалистами).

Эквадорский феномен заключался в том, что серьезный интерес к социализму проявляли члены Военной лиги, организации офицеров, созданной в 1924 г. для подготовки военного переворота. Как указывает российский исследователь Е. Ларин, контакты предста-

¹ См.: Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы). М., 1935. С. 407; Sampos H. Op. cit. P. 207.

² Переломным моментом в истории рабочего движения Эквадора стал день 15 ноября 1922 г., когда власти расстреляли массовую демонстрацию на улицах Гуаякиля. Ретато Х. Так передается эстафета // Проблемы мира и социализма. 1988. № 10. С. 85.

³ Доклад ЮАСКИ об Эквадоре. 1926 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 1. Л. 6.

вителей лиги с социалистической группой «Antorcha», возглавлявшейся Р. Паредесом¹, привели к радикализации позиций офицеров и разработке ими плана преобразований в интересах широких народных масс². После переворота 9 июля 1925 г. один из основателей газеты «Antorcha» Луис Н. Дильон стал первым председателем Революционной хунты³, в которой участвовали социалисты, радикалы и консерваторы. Стремление Военной лиги охватить весь оппозиционный политический спектр для формирования власти, способной осуществить революционные преобразования, породило у членов хунты сомнения при принятии решений, привело к постоянным ссорам и потере ориентации⁴. С легкостью взяв власть, офицеры, не располагая ни политической структурой, на которую могли бы опереться, ни четкой идеологией, не сумели эффективно распорядиться полученными полномочиями и привели страну к развалу и хаосу, достигшим колоссальных размеров. Осознавая трагичность ситуации, военные искали людей, способных взять на себя бремя управления страной. И это дало Р. Паредесу основания считать, что, если бы социалистическое движение было сильным, «Эквадор мог бы пережить свой Октябрь, но наша организация была молодой, и мы должны были удержаться от участия в правительстве»⁵. Работа Дильона в хунте осталась энзимом, только обозначившим возможную тенденцию, опасность развития которой пытались прервать нравые, развернувшие в адресе кампанию против «нонитки коммунистической революции» и инициировавшие создание вооруженных комитетов, поддерживавших порядок в городах.

Проблема была обусловлена не только молодостью, но и разобщенностью левого спектра революционного движения. В стране существовало несколько малочисленных социалистических групп, симпатизировавших русской революции. Некоторые из них (а временами фактически отдельные социалисты) в попытке приобщиться к опыту международного рабочего движения, найти идеологическую

¹ По сведениям Р. Паредеса, была создана в январе 1925 г. Письмо Р. Паредеса Президиуму конгресса КН. 18 августа 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 4. Л. 89.

² Программа национального возрождения, провозглашенная революционными офицерами, предусматривала установление демократического режима, реорганизацию финансов, отмену монополий, издание законов, отражающих требования рабочих, демократизацию преподавания и т. д. В их воззваниях открыто говорилось о социализме, а майор Мендоса, руководитель Военной лиги Гуаякиля, читал своим подчиненным книги Ленина и Троцкого. См.: История Латинской Америки. 1918–1945. С. 338–339.

³ Alexander R.J. Communism in Latin America. New Brunswick; New Jersey, 1957. P. 236.

⁴ История Латинской Америки. 1918–1945. С. 340.

⁵ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 627. Л. 45. Цит. по: История Латинской Америки. 1918–1945. С. 340.

и организационную поддержку обращались за помощью в ЮАСКИ. Однако контакты эти, например с Грунной пронаганды и рабочей организации «Солидарность», носили спорадический характер и в основном заключались в обмене информацией. Пенелон направлял в Эквадор циркуляры ИККИ и ЮАСКИ, пронагандистские материалы, прося взамен подробные сведения о перевороте 9 июля и последующих событиях, о деятельности рабочих и крестьянских организаций, чтобы иметь возможность оценить ситуацию и сформулировать рекомендации по «будущей работе» в Эквадоре и для «эффективной координации единых действий всех революционных трудящихся, симпатизирующих России»¹.

Стремление Пенелона к дистанционному управлению коммунистическим движением целого континента не способствовало реализации декларированных Коминтерном целей, ради достижения которых создавался Южноамериканский секретариат. Секретарь ЮАСКИ, находясь в Буэнос-Айресе, пытался узнать, есть ли в Эквадоре какая-либо коммунистическая грунна, чтобы в случае её отсутствия «материализовать симпатии [эквадорских революционеров] к деятельности русских трудящихся» и направить материалы и инструкции, «дабы создать коммунистическое движение... следуя курсом, проложенным русским пролетариатом и Коммунистическим Интернационалом». Советуя превратить объединения коммунистов во всех районах страны в сильную и мощную компартию, которой «в недалеком будущем предстоит установить режим рабочих и бедных крестьян в интересах всего человечества»², Пенелон не осознавал, что опирается в Эквадоре на случайных людей, самостоятельно установивших контакты с региональной структурой Коминтерна, и основывал свои рекомендации на случайной информации³. Он и не пытался предпринять хоть какие-то организационные действия для реализации своих советов в стране, в которой, по его оценкам, классовая борьба принимала все более острый характер, была «одной из

¹ Письмо Пенелона Дельфину Гонсалесу 25 января 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 1. Л. 14.

² Там же. Л. 14, 16.

³ Самы эти рекомендации были ходячими, ни в коей мере не отражавшими специфики страны: предложение предстоящему рабочему конгрессу признать необходимость международного профсоюзного единства, осудить реакцию и империализм, «протянувший свои щупальца в Америку», одобрить резолюцию «приветствия и симпатии в отношении России и работы русских трудящихся и Красного Интернационала Профсоюзов». Единственным исключением было предложение декларации, которая «обобщала бы чувство солидарности» трудящихся Эквадора, Колумбии и Перу в связи с дискуссиями о границе между этими странами, способными привести в перспективе к новой капиталистической войне // Там же. Л. 15.

самых важных в Америке» но возможностям развертывания широкого левого революционного движения и демонстрировала, что «призрак большевизма существует не только в Европе, но и во всем мире»¹.

При этом Пенелон откровенно признавался Москве в отсутствии у него каких-либо сведений об истинном характере социалистической партии и существовании компартии, но декларировал начало работы ЮАСКИ по ее организации. Тем не менее его собственные характеристики организационных мероприятий в Эквадоре свидетельствовали об отсутствии чего-то, хотя бы мало-мальски напоминающего партийное строительство. Сентенции секретаря ЮАСКИ больше находили на маниловские мечтания: «Надо бы послать туда бесplatно некоторое количество проагандистских материалов», «было бы крайне полезно послать делегата... Однако не будучи в состоянии сделать это, надо... собрать достаточные средства для направления некоторого количества проаганды на регулярной основе, что могло бы внести вклад в создание у масс симпатии и помогло бы создать Коммунистическую партию»². Не предпринимая никаких действий по инициированию создания коммунистической организации в Эквадоре, Пенелон использовал ситуацию в этой стране для очередной демонстрации Москве необходимости увеличения субсидий на проагандистскую деятельность Секретариата, предлагая для этой цели выделить специальную статью в его бюджете.

Пассивность ЮАСКИ могла бы стать на этом этапе серьезным препятствием для установления эквадорскими левыми контактов с Коминтерном, если бы не наличие субъективного фактора, позволившего найти независимый от Пенелона канал связи с Москвой. Интеллектуалы из Кито, симпатизировавшие идеям Октябрьской революции, объединились вокруг доверенного в делах Мексики в Эквадоре Р. Рамоса Педрусы, одного из самых известных деятелей КПМ. Мексиканский дипломат не видел ничего предосудительного в обсуждении теоретических проблем марксизма, опыта Советского Союза со своими единомышленниками, представителями эквадорской интеллигенции, явно не считая такое общение направленным против правительства страны пребывания.

Под его непосредственным влиянием семь участников Генеральной Ассамблеи в Кито 22 сентября 1925 г. провозгласили создание «Коммунистической секции проаганды и действия имени Ленина», призванной руководствоваться в своей деятельности «идеалами

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 1. Л. 15.

² Там же.

доктрины Всемирной коммунистической партии», «пропагандировать коммунистическое учение и трудиться для осуществления идеалов этого учения». Ассамблея декларировала присоединение секции к III Интернационалу, «пропагандисту коммунистического учения во всем мире, находящемуся в Москве, в Русской советской республике», и к «Коммунистической секции Республики Соединенных Штатов Мексики, пионеру великого коммунистического движения в Америке». Руководству Секции поручалось, после официального признания Коммунистической секции III Интернационалом, организовать ее «в соответствии с программой Всемирной коммунистической партии». При этом неопиты мирового коммунистического движения, обязуясь действовать на основе идеалов учения мирового коммунизма, подчеркивали, что будут это делать *«исключительно по ее [секции] усмотрению в соответствии с этническими условиями Республики Эквадор: в зависимости от ее расовых особенностей, окружающей среды, общественных условий, экономического положения»*¹.

Рамос Педруэса, назначенный «полномочным комиссаром и генеральным представителем» Секции в Коминтерне и в КПМ, уже в октябре 1925 г. был вынужден покинуть Эквадор. Под давлением нолса США эквадорские власти обратились к правительству Мексики с просьбой отозвать дипломата-коммуниста². Вернувшись на родину, он летом 1926 г. проинформировал ИККИ о деятельности Секции и ее желании быть принятой в III Интернационал. Рекомендации мексиканского коммуниста, учитывая его авторитет и личное участие в создании организации, оказались достаточными для удовлетворения просьбы о её признании Коминтерном. Специальная комиссия, состоявшая из кураторов латиноамериканского направления деятельности ИККИ и нескольких представителей европейских компартий, с энтузиазмом восприняла объединение «самых прогрессивных элементов Эквадора под знаменем коммунизма». Выразив удовлетворение проделанной «эффективной работой», комиссия постановила предоставить КПЭ статус симпатизирующей партии, определив эквадорским коммунистам задачу объединения «со всеми революци-

¹ Учредительный акт создания комсекции Эквадора (для Рамоса Педруэса). 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 1. Л. 2. Этот документ был впервые опубликован по решению Пленума ЦК КПЭ, состоявшегося 31 июля 1968 г., и роздан делегатам VIII съезда партии. В предисловии к публикации «исторических документов о создании партии» подчеркивалось активное участие в основании Секции «выдающегося мексиканского коммуниста Рафаэля Рамоса Педруэса». VIII съезд Коммунистической партии Эквадора. Гуаякиль (1–4 августа 1968 г.). М., 1970. С. 183–186.

² Дипломатический нолс Рамос Педруэса занимал с согласия КПМ, и его деятельность в Эквадоре как дипломата и пропагандиста большевистских идей после возвращения в Мексику обсуждалась и была одобрена Исполкомом партии.

онными элементами страны». Вопрос об окончательном приеме был отложен до мирового конгресса со ссылкой на то, что только он вправе принимать такие решения. ИККИ пригласил делегацию КПЭ на VI конгресс, намечавшийся на ноябрь 1927 г.¹

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что речь шла не о Коммунистической секции, к этому времени уже не существовавшей, а о другой организации. Отъезд Рамоса Педруэсы разрушил существовавший в его лице канал связи эквадорских коммунистов с ИККИ. Хотя он, нусть со значительным опозданием, выполнил обязательства перед своими учениками, но обратная связь в треугольнике Кито – Мехико – Москва не была налажена. Сторонники Коминтерна в Эквадоре чувствовали свое одиночество и искали контактов с руководством III Интернационала в разных направлениях. И среди них Буэнос-Айрес не был приоритетным. Очевидно, оценив пассивность Пенелона, они не считали для себя возможным сотрудничать с ним и искали других посредников для связи с Москвой. Следует при этом отметить, что, не получив скорого результата от миссии Рамоса Педруэсы, эквадорские коммунисты перестали рассматривать и Мехико в качестве промежуточного звена в отношениях с Коминтерном².

16 мая 1926 г. первой Национальной ассамблеей была учреждена Эквадорская Социалистическая партия, генеральным секретарем

¹ Письмо делегата Латиноамериканского секретариата в Мексике товарищам из КПЭ 8 апреля 1927 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 67, Д. 2, Л. 2.

² Это можно было бы объяснить отсутствием преемственности между Секцией и Эквадорской Социалистической партией, если бы в руководство СПЭ не входили соратники Рамоса Педруэсы Х. Каролис и А. Суарес Давила. Хотя этому нет документального подтверждения, дело, видимо, было в том, что мексиканский коммунист, передав просьбу эквадорских коммунистов о присоединении к Коминтерну, счел свою миссию по отношению к ним завершённой. В отношении группы Паредеса к Коммунистической секции существовало серьезное противоречие. Она демонстративно дистанцировалась от учеников Рамоса Педруэсы. Лидер «Анторчи» и ее преемники – Центральной социалистической ячейки (основана 14 июля 1925 г.), которая провела первую Национальную Ассамблею СПЭ, подчеркивал: «В основании социалистической партии не участвовали никакие иностранцы и иностранные организации». Письмо делегата Социалистической и Коммунистической партии Эквадора Р. Паредеса Президиуму конгресса Коммунистического Интернационала 18 августа 1928 г. // Там же. Д. 4, Л. 89.

Однако ранее Паредес с «удовлетворением» сообщал в Москву о своем непосредственном участии в «организации всех социалистических групп в провинциях, в том числе и первой, после товарища Рафаэля Рамоса Педруэсы, который распространял коммунизм в теории и на практике» // Там же. Д. 1, Л. 28. Паредес явно стремился утвердить приоритет своей группы в основании Социалистической и Коммунистической партий Эквадора. Остается только гадать, лежали ли в основе такой позиции личные амбиции или серьезные идеологические противоречия единомышленников Паредеса и членов Коммунистической секции.

которой избрали Р. Паредеса, в течение ночи двух лет нроводившего кропотливую работу по объединению социалистических групп в единую партию. Доминировавшее на Ассамблее левое крыло, добившись принятия достаточно радикальной программы, не сумело настоять на одобрении нровозглашенной III Интернационалом тактики. Это было естественно. Сторонники радикального течения внутри ЭСП, представлявшего в основном интеллектуалов Кито и Гуаякиля, имели смутное представление о марксизме, воспринимая его скорее как религию, чем как идеологию. Они верили в победу коммунизма, считали страну «по сути революционной, социалистической в своих настроениях», которая благодаря нронаганде «обратится в новую веру». Эта убежденность базировалась на оценке эквадорского менталитета как коммунистического. «Наша традиция является коммунистической, — писал Р. Паредес, — ведь Эквадор принадлежал к великой Инкской империи, первому коммунистическому государству в мире» [подчеркнуто в документе]¹. Возможно, что еще ранее, чем в капиталистической Европе, коммунизм будет реализован в индоиспанской Америке, где учитель социальной религии, выдающийся Ильич Ленин [так в тексте] найдет самых верных учеников»².

Компромиссом между различными течениями, объединившимися в единой партии, было решение о присоединении партии к Коминтерну. Осознавая острую необходимость выстроить столь нужные партии международные связи, лидер ЭСП искал новые пути для достижения цели. С нросьбой связать его партию с III Интернационалом Паредес обратился в Коммунистическую партию Франции, направив в «L'Humanite» программу ЭСП, партийную газету «Germinal» и пообещав выслать книгу о Первой Ассамблее. Отмечая почти полную изоляцию эквадорских сторонников социалистической доктрины от «великого международного социального движения», лидер партии обратился через КПФ к «либертарианским партиям других стран, более развитых, чем наша», за опытом и нронагандистскими материалами, чтобы иметь возможность распространять «доктрины интегрального социализма или же коммунизма, являющегося самой лучшей на сегодняшний момент формой развития человечества»³.

Паредес написал и непосредственно в Москву, но уже в качестве секретаря по международным делам Эквадорской коммунистиче-

¹ Неустановленный адресат письма в Исполкоме Коминтерна, очевидно Ж. Эмбер-Дро, подчеркнул последние слова и поставил на полях три восклицательных знака.

² Конца письма Р. Паредеса 27 июня 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 1. Л. 28.

³ Письмо Р. Паредеса в редакцию «Юманите» // Там же. Л. 33–34.

ской партии, входящей в Коммунистический Интернационал (К)¹. Он информировал Коминтерн о решении нелегальной компартии работать внутри ЭСП, в Центральном Совете которой преобладали коммунисты, для проведения коммунистической пропаганды. Внимание председателя Коминтерна обращалось на то, что компартия Эквадора «нуждается для своего развития в людях, знающих все сферы человеческого бытия, особенно подготовленных в области социологии, марксизма, биологии, пролетарской организации», в информации, способствующей работе «по защите русского строя и в целом коммунизма»².

Выбор формы коммунистической организации в Эквадоре стал одной из важнейших задач местных сторонников большевизма, носивших не необычную форму и создавших одновременно две политические партии, которые декларировали присоединение к Коминтерну, но имели различную идеологию, стратегию и структуру. Руководство компартии составляло формальное большинство в Центральном Совете СПЭ, но в тот момент не имело достаточного веса для достижения своей стратегической цели – создания влиятельной и многочисленной партии, полностью стоящей на платформе III Интернационала и учитывающей специфику эквадорского общества. Нелегальной компартия была не только для властей. Члены и руководители СПЭ – не коммунисты не были проинформированы о создании параллельной структуры.

Внутри собственно социалистической партии долгое время шла дискуссия об ее идеологическом и организационном характере. Часть партийного руководства, отталкиваясь от постулатов ортодоксального марксизма, исходила из отсутствия в Эквадоре главного условия жизнеспособности компартии – промышленного пролетариата. М. Доносо, например, считал, что ремесленники, составлявшие основу СПЭ и профсоюзного движения, не обладали критическими, которые имеет «любой рабочий на капиталистических предприятиях во всем мире». Эта группа считала социалистическую партию наиболее эффективной формой организации для представления интересов ле-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 1. Л. 37. Очевидно, Паредес, не зная в тот момент Устава Коминтерна, рассматривал декларацию о присоединении партии достаточным основанием для того, чтобы считать ее секцией III Интернационала.

² Письмо Паредеса председателю Коммунистического Интернационала 18 октября 1926 г. // Там же. Л. 30.

Партийные документы, направленные Паредесом и позволявшие ИККИ судить об идеологии и направленности деятельности КПЭ, до Москвы не дошли, поэтому Секретариат ИККИ обратился в компартию Франции с просьбой переслать в Коминтерн накет документов, полученный ей из Кито. Секретариат КП Франции о письме из Коммунистической партии Эквадора. 28 декабря 1926 г. // Там же. Л. 36.

вого течения рабочего движения в этот период, предполагая возможность деятельности левого и правого крыла, «примыкающих к партии в центре»: левого – для коммунистической фракции и правого – для либерального радикализма, с XIX века признававшего требования социального характера. Они верили в возможность на этой основе поддерживать единство. Сторонники такой идеи не видели препятствий для присоединения СПЭ к III Интернационалу, поскольку, как они считали, он является «Всемирным Социализмом, а... социалистическая семья должна быть связана по многим аспектам»¹.

Коммунистическая партия Эквадора считала необходимым готовить прочную базу для Коминтерна, «избегая серьезного сопротивления, что могло бы расколоть СП и привести к созданию Социал-Демократической партии»² [подчеркнуто в документе]. Лидеры КПЭ Р. Паредес и Э. Теран были убеждены в неизбежности образования реформистской партии, но считали своим долгом как можно дольше сдерживать этот процесс, проводя внутри социалистической партии «реорганизацию и очищение» в соответствии с принципами III Интернационала. Сторонники Паредеса видели в своих товарищах по Центральному Совету СПЭ, даже в некоторых, принадлежавших к коммунистической группе, оппортунистов, которые следят «за выгодными ситуациями, добиваясь высоких государственных постов», важнейшей своей задачей они считали решительную борьбу с «блудными предателями партии, деформирующими коммунистическую доктрину участием в буржуазных нравительствах», с госнодами, создавшими «блок с честными, однако инфантильными коммунистами, позволившими обмануть себя этим шарлатанам, руководствующимся личными интересами»³. Решение этих задач коммунисты связывали с формальным приемом партии в Коминтерн. Едва было принято

¹ El 15 de Noviembre de 1922 y la fundación del socialismo relatados por sus protagonistas. Segunda parte. Quito, 1982. P. 107–108.

² Письмо Р. Паредеса генсеку Коммунистического Интернационала 2 декабря 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 6. Л. 51.

³ Паредес информировал Коминтерн о формировании этими людьми «тайной коммунистической группы, цель которой продвинуть наверх товарищей-псевдокоммунистов, которые интересуются не распространением социалистических доктрин, а громкими разговорами, затрудняющими любую истинно революционную работу». Эта группа предлагала вступить в нее ему и его сторонникам. Однако, как писал Паредес, «мы не хотели делать это, пока не будет покончено с оппортунистами», и создали свою «коммунистическую группу с ответвлениями по всей республике, которую хотим присоединить к Третьему Интернационалу, пока туда не вступит Социалистическая партия». Конца письма Паредеса 27 июня 1926 г. // Там же. Д. 1. Л. 27.

По имеющимся в архиве Коминтерна документам нельзя достоверно установить, о какой группе идет речь. Нельзя исключить вероятности того, что Паредес имел в виду Коммунистическую секцию пропаганды и действия им. Ленина.

решение VI конгресса о приеме СПЭ в Коминтерн, коммунистическое руководство партии не решилось на решительные действия в целях достижения идеологического единства и очищения от «реформистских» тенденций, не очень заботясь о соблюдении буквы и духа рекомендаций конгресса и Президиума ИККИ¹. Для достижения своих целей Центральный совет узурпировал, по сути, власть в СПЭ, объявив свой пленум партийной конференцией на том основании, что в его заседании участвовал весь состав этого представительного органа, избранный Национальным съездом, а также «прямые и косвенные» представители провинциальных советов². Постановления конференции объявлялись обязательными для всей партии, на ЦС возлагалась ответственность за выполнение этих решений до следующего съезда. ЦС декларировал прекращение действия программы партии и вступление в силу стратегии и тактики VI конгресса, которую руководство СПЭ признало применимой ко всем странам мира³. Конференция поручила Совету, т. е. сама себе, выработку на основе программы Коминтерна, плана действий применительно к условиям Эквадора. Из состава ЦС были выведены семь видных представителей реформистского крыла.

Действия Паредеса и его соратников получили полную поддержку со стороны находившегося в Эквадоре О. Рабате. Делегат Профинтерна, проведя нескольких секретных встреч с членами ЦС и ревизию партийной и профсоюзной работы, пришел к выво-

¹ Понятие «реформизм» для тогдашнего эквадорского левого движения было довольно условным. Так, М. Доносо, например, считал, что противоречия существовали не только и не столько между коммунистами и реформистами. По его мнению, был и другой аспект: споры между Сталиным и Троцким, перенесенные на эквадорскую почву. Сам Доносо, которого Паредес и его соратники относили к реформистам, больше симпатизировал Троцкому и даже опубликовал «завещание Ленина», «ставшее бомбой в Гуаякиле», но стоял перед дилеммой: создавать троцкистскую фракцию, которая уже формировалась в мире, или пытаться отстаивать единство СПЭ. Для себя он решил этот вопрос: «Нет, потому что разделение здесь уже было чудовищным: Коммунистическая партия, Социалистическая партия, Революционный Авангард и эта троцкистская группа. Еще раз раскалывать (то, что было нужно объединять для создания единого фронта) по одному, двум, трем направлениям». El 15 de Noviembre de 1922 y la fundación del socialismo relatados por sus protagonistas. Segunda parte. P. 109.

Характерной особенностью борьбы тенденций в СПЭ было стремление некоторых лидеров фракций подчеркнуть свои идеологические приоритеты псевдонимами: один называл себя Троцким, другой – Лениным, третий – Луначарским и т. д. На это обратили внимание в Коминтерне и порекомендовали не подписывать свои статьи такого рода псевдонимами, дабы не дезориентировать читателей партийной прессы, которая не будет понимать, где подлинны тексты Маркса, Ленина и др., а где – творения эквадорских товарищей.

² Резолюция конференции СПЭ о деятельности партии // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 10. Л. 41.

³ Там же. Л. 43.

ду, что партия проводит действия «в абсолютно коммунистической форме», признал деятельность компартии, «инфильтрованной в состав Социалистической партии», фактором присоединения СПЭ к III Интернационалу. Особо он отмечал тот факт, что и нелегальная коммунистическая, и легальная социалистическая партии находились под руководством коммунистического Исполкома¹. Рабате пытался выступить посредником в разрешении кризиса, вызванного делом денутата от СПЭ Р. Ортиса, исключенного Центральным советом из партии за голосование в Учредительном собрании в поддержку президента Айоры. Четыре видных деятеля организации СПЭ Гуаякиля, в том числе президент Рабочей Конфедерации Т. Регато и редактор газеты Конфедерации, кандидат в члены ЦС КИП М. Доносо, возражали против дисциплинарных мер в отношении Ортиса. В иных условиях, возможно, лидеры партии не остановились бы и перед исключением его защитников, но теперь, опасаясь раскола, Рабате и Паредес искали форму примирения с ними на Рабоче-крестьянском конгрессе². Однако «гармонизировать» деятельность в партии не удалось. На три течения раскололась партийная организация Гуаякиля: сторонники Ортиса, сначала признавшие резолюции пленума ЦС, а затем выступившие против его исключения, грунна большинства, требовавшая изгнать Ортиса из партии, и грунна, принявшая решения пленума, но не присоединившаяся ни с одной из первых двух грунн. Эта ситуация повторилась на Рабоче-крестьянском конгрессе. Сторонники Ортиса, названные Паредесом «нредателями социализма», заявили о создании новой партии, не связанной с III Интернационалом³. Столь решительные действия, находившиеся в явном противоречии с рекомендациями Коминтерна и приведшие к расколу, требовали серьезного обоснования. И Паредес, в присущей ему образной манере, дал объяснение, с пониманием принятое в Москве. Вспомнив историю большевистской партии, он заметил: в эквадорской секции Интернационала «за короткое время проявились практически все Opportunistические легалистские, ликвидаторские, меньшевистские тенденции Эквадорской Социал-Демократической партии. Я говорю об Эквадорской Социал-Демократической партии по аналогии с Российской Социал-Демократической партией в эпоху формирования большевизма и меньшевизма. Только что большевизм в Эквадоре уже обладает телом, хотя и с недостатками, а меньшевизм еще находится во чреве своей матери... Какой Opportунизм я

¹ Письмо Х. Каролиса и Э. Терана Ж. Эмбер-Дро 14 апреля 1929 г. // Там же. Д. 8. Л. 44, 47.

² Там же. Л. 45.

³ Письмо Р. Паредеса Ж. Эмбер-Дро 13 мая 1929 г. // Там же. Л. 48.

встретил на возвращении из Москвы, какой взрыв страстей, сколько недоверий оправдались. Как быстро разложились многие члены нашей партии... партия оказалась в состоянии глубокого коллапса, она была охвачена паникой и растеряна. Здесь... меня встретили, словно Снастиеля...» [подчеркнуто в документе]¹.

Сторонники Паредеса развернули, как он докладывал в Москву, наступление против «мусульманской пассивности» провинциальных организаций, «индолентной говорильни», коррупции, недостаточной теоретической подготовки членов партии, отсутствия пропаганды, против жестоких репрессий буржуазии и латифундистов, против сопротивления, оказанного в связи с присоединением к III Интернационалу, проводя работу по «сооружению» коммунистической партии, профсоюзной и крестьянской организации и «многочисленные мероприятия для разрушения нынешнего общества и его замены в будущем социалистическим»².

Паредес предупреждал Москву о возможности вооруженного восстания в Эквадоре. Такие резкие изменения политической ситуации лидер коммунистов обосновывал несколькими обстоятельствами. Он считал, что открытие Учредительного собрания окончено с «диктаторским режимом» Айоры, высказывавшимся «во все более фашистской манере», июльская же революция, «потерявшая свой прогрессивный характер, откровенно эволюционирует в контрреволюцию» [подчеркнуто в документе]. В этих условиях либеральные «олигократические слои, потерявшие политическую гегемонию», готовили, по его мнению, революцию и провозгласили необходимость союза либералов, консерваторов и социалистов против правительства. СПЭ отвергла альянс с буржуазными партиями. С другой стороны, консерваторы также готовили свою революцию, имевшую поддержку клера. Обе партии располагали оружием, а либералы и серьезной поддержкой офицеров, лишившихся ностов в результате Июльской революции. Армия находилась в состоянии раскола. Характеризуя потенциальные возможности СПЭ, Паредес сообщал в Москву, что многие офицеры – участники Июльской революции, уволенные из армии, сочувствуют партии, а некоторые вступили в ее ряды.

Демонстрируя нерешительность грядущей революции, руководство СПЭ давало понять, что ситуация может «вынудить» организационно и идеологически слабую партию участвовать в вооруженном выступлении, и требовала от ИККИ поддержать всеми силами «молодую партию, являющуюся одной из немногих в Латинской Америке,

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 10. Л. 47–47 об.

² Там же. Л. 48.

которая продолжает существовать, ибо большинство стран находятся во власти диктаторских режимов»¹. Одним из ключевых в нерениске с Коминтерном стал вопрос о необходимости материальной поддержки со стороны Москвы. Главный тезис нисем из Эквадора – эффективному развитию партии нренятствует «нлачевное состояние» ее финансов. Лидеры эквадорских коммунистов взывали к ИККИ: «НАШИ ФИНАНСОВЫЕ НУЖДЫ В ЭТОТ МОМЕНТ [выделено в документе. – В.Х., Л.Х.] большие и крайне срочные» и разъясняли, что средства необходимы для большевизации партии; создания массовых организаций (молодежных, детских, крестьянских, женских, антиимпериалистических, МОПРа); реорганизации профсоюзов; проведения партийного и профсоюзного съездов; ноездки делегатов на международные конгрессы. «Минимальная сумма, необходимая нам для этого, – 5000 долларов... Немалыми усилиями наша партия сможет собрать от 500 до 1000 долларов... НЕХВАТКА ДЕНЕГ СТАНОВИТСЯ ГРАНДИОЗНЕЙШИМ ПРЕПЯТСТВИЕМ В ВЫПОЛНЕНИИ ВСЕХ НАШИХ ЗАДАЧ, И МЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО ЕСЛИ В ДАННЫЙ МОМЕНТ У НАС БУДУТ НУЖНЫЕ СУММЫ, ТО МЫ СОЗДАДИМ ВЛИЯТЕЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ [выделено в документе. – В.Х., Л.Х.]. Переживаемый нами момент таков, что мы или сможем добиться немалых успехов, или окажемся раздавлены реакцией на долгое время»². Отсутствие собственных средств у СПЭ нвноле объяснимо: в стране не было традиции обязательных партийных членских взносов, бюджет партий формировался за счет добровольных взносов «немногочисленных элементов, которые могут что-либо дать». Не нснытывая иллюзий по поводу возможности заставить активистов нлатить деньги в партийную кассу, Паредес и его соратники уновали на финансовые вливания из Москвы и нредунреждали Коминтерн о возможности на долгие годы задержать развитие революционного движения из-за отсутствия средств, необходимых для организации, нронаганды и агитации среди нролетарских масс³.

Как среди нротивников ЭСП, так и среди членов партии существовало устойчивое мнение о серьезной финансовой ноднитке из Коминтерна, о «высоких московских зарнлатах» для партийных функционеров. На самом деле материальное ноложение партии

¹ Письмо Р. Паредеса генсеку КИ 12 марта 1928 г. // Там же. Д. 6. Л. 52.

² Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Коммунистического Интернационала, 9 февраля 1929 г. // Там же. Д. 8. Л. 7.

³ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю ЮАСКИ, 12 декабря 1929 г. // Там же. Л. 12.

было воистину катастрофическим¹. Конечно, Коминтерн субсидировал деятельность СПЭ, как и других национальных секций. Однако могучих денежных потоков из Москвы не было, и даже те небольшие субсидии, которые были обещаны, ностунали нерегулярно, не всегда было нонятно, для решения каких задач они нредназначены, что вызывало у руководителей экваторских коммунистов недоумение и протест. Исполком Коминтерна во время нребывания Паредеса в СССР обещал выделить СПЭ 800 долларов до конца 1928 г., а с 1929 г. высылать ежемесячные субвенции. Первая сумма была выслана сразу же. К этому времени экваторский делегат конгресса Коминтерна еще не вернулся на родину, подроности его договоренностей не были известны, и ЦК СПЭ решил, что речь шла о финансировании ноездки на учебу студентов КУТВ. В ноябре была нолучена телеграмма, гласившая: «Получите через дядю в Буэнос-Айресе необходимое на ноездку учеников». Считая «дядей» секретаря ЮАСКИ, руководство СПЭ запросило Кодовилью, нолучил ли он деньги, однако аргентинский товарищ ответил, что ему ничего не известно². Все ноньтки разобратьсЯ с региональной структурой Коминтерна в Буэнос-Айресе ни к чему не привели, и экваторские товарищи в отчаянии нросили командировать специального унолномоченного, снособного дать инструкции по механизму нолучения и расходования средств... и нрислать все-таки деньги, нредназначенные для финансирования нартии³.

Денег у ИККИ СПЭ нросила немного. Из-за отсутствия средств не нроводился нартийный съезд (на его организацию Паредес за-нрашивал примерно 1000 долларов)⁴, для нрофсоюзной работы и на-нравления делегатов на конференцию в Монтевидео нартия считала необходимым как минимум 2500 долларов, из которых «с трудом» могла собрать нятую часть. Финансовые проблемы стали ннреодолимым нренятствием для участия в латиноамериканской коммуни-

¹ В то время ни руководители нартии, ни редакторы нартийной нрессы не нолучали денежного вознаграждения. Генеральный секретарь СПЭ Паредес из-за невозможности нокрытия элементарных финансовых нтребностей нартии был вынужден отказаться от онлаты своей нартийной работы и уехал работать врачом в город Порто-Вьехо, где надеялся заработать деньги на возвращение в Кито для нродолжения деятельности в ЦК. Письмо Р. Паредеса секретарю Латинской секции КИ. 14 сентября 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 8. Л. 63–63 об.

² Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна 10 августа 1929 г. // Там же. Л. 57–57 об.

³ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю ЮАСКИ 12 февраля 1929 г. // Там же. Л. 13.

⁴ Письмо Центрального Совета СПЭ генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна 20 июля 1929 г. // Там же. Л. 54.

стической конференции, проведение которой было «давней мечтой» эквадорских коммунистов¹.

Коминтерн же уорно не выолнял своих финансовых обязательств. СПЭ на протяжении длительного времени была вынуждена настойчиво нанимать: 180 долларов, предназначенные на поддержку газеты и проведение проагандистских и организационных мероприятий, об отиравке которых сообщили из Москвы, «все еще до нас не дошли». Высылаемые суммы были смехотворно малы даже в сравнении со скромными запросами эквадорской секции и направлялись частями: 65 долларов, затем – 72 и, наконец, еще 92².

Не только неаккуратность Коминтерна в финансовых вопросах вызывала нарекания со стороны лидеров СПЭ. Почти через год после обсуждения эквадорского вопроса в Москве ИККИ не принял окончательно резолюцию о партии и, имея проект этого документа, подготовленный Эмбером-Дро, они хотели знать, должна ли партия его обсуждать, ибо некоторые вопросы уже утратили актуальность (как, например, позиция СПЭ по отношению к Учредительному собранию, уже завершившему свою деятельность)³.

Не устраивал Паредеса и его соратников и характер контактов с ЮАСКИ, официальные отношения с которым были установлены письмом ЦК СПЭ в Буэнос-Айрес 12 февраля 1929 г.⁴ Эквадорцы жаловались в Москву на отсутствие реальной поддержки своей работы со стороны регионального органа Коминтерна: за несколько месяцев в Кито получили лишь несколько информационных материалов. Лидеры СПЭ указывали на необходимость выполнения Секретариатом своей политической функции, действий «в деле ориентации революционного движения Латинской Америки»⁵. Эйфория, царившая в партии после ее приема в Коминтерн, сменилась унынием. Эквадорские неопиты коммунизма считали, что в условиях тяжелой борьбы против общего фронта либералов, консерваторов

¹ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю ЮАСКИ 12 февраля 1929 г. // Там же. Л. 12–13.

² Письмо Х. Кароласа и Э. Терана Ж. Эмбер-Дро 14 апреля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 8. Л. 44.

³ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна 10 августа 1929 г. // Там же. Л. 57 об.

Еще в апреле 1928 г., находясь в Москве, Паредес просил ускорить принятие решения Коминтерна, которого ждал шесть месяцев (!), однако и в апреле 1929 г. работа над документом находилась в стадии обсуждения проекта. Письмо СПЭ генсеку Коммунистического Интернационала 12 марта 1928 г. // Там же. Д. 6. Л. 28; проект письма Социалистической партии Эквадора 3 апреля 1929 г. // Там же. Д. 8. Л. 24.

⁴ Письмо ЮАСКИ Центральному Комитету КПЭ 28 марта 1929 г. // Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 8.

и националистов ни Коминтерн, ни его региональная структура в Буэнос-Айресе, ни компартия Мексики не оказывали им необходимой поддержки. «Похоже, что наша партия не относится к южноамериканской секции... Необходимо, чтобы нас услышали [подчеркнуто в документе]», – писали руководители СПЭ в Москву¹.

Не менее серьезные претензии эквадорская секция Коминтерна предъявляла и высшему руководству всемирной компартии, считая, что работа Международного Американского Комитета (?) в Москве отличается «абсолютным безразличием и забвением» в отношении их партии. При подготовке конгресса Профинтерна, думали в Кито, Москва забыла, что «вдоль Экватора планеты расположена страна Эквадор. Наше пролетарское движение не берется в расчет, нам не дают представительства. Такая позиция лишь показывает нам, что мы боремся в одиночку вместо того, чтобы бороться вместе с Революционным Интернационалом... Это пренебрежение нами вынуждает нас заявить наш гневный протест указанному М.К., напомянуть о нравах, которые у нас есть...». Обвинения, предъявленные одной из структур Коминтерна, были серьезными и по форме, и по сути. Считая, что носители партии ложатся в указанном Комитете «под сукно» и что вопросами и просьбами эквадорского рабочего движения там совершенно не занимаются, лидеры СПЭ думали, что *«К.И. страдает антипролетарским и антиинтернационалистским бюрократизмом, прежде всего отсутствием революционной солидарности»*².

Важнейшей причиной недопонимания между СПЭ и структурами Коминтерна как в Москве, так и Буэнос-Айресе эквадорские коммунисты считали недостаток информации. В страну ностунали скудные сведения и часто из вторых рук о деятельности всемирной компартии. Более чем через год после создания Latinoамериканского ледер-секретариата, руководившего из Москвы южноамериканским коммунистическим движением, в Эквадоре даже не знали формы его организации. Прося направлять информацию напрямую, лидеры СПЭ ясно давали понять, что не понимают сложностей, с которыми сталкиваются руководящие органы Коминтерна, считая их исключительно бюрократическими. Но если серьезной проблемой была недостаточная осведомленность партии о деятельности Коминтерна, то дефицит информированности руководящих органов (всемирного и

¹ Письмо Х. Каролиса и Э. Терана Ж. Эмбер-Дро 14 апреля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 8. Л. 45.

² Письмо Р. Мэчин и Э. Терана Секретарю ЮАСКИ 3 января 1930 г. // Там же. Д. 11. Л. 2–3.

Эквадорская секция Коминтерна решением проблемы считала включение в состав этого органа своего делегата и даже направила мандат для такого представительства студенту Коммунистического университета трудящихся Востока Г. Сальгадо.

регионального) о ситуации в стране и революционном движении мог стать основой для принятия трагических решений.

Понимая это, группа Паредеса решительно протестовала против резолюций Первой конференции коммунистов Латинской Америки и ЮАСКИ об Эквадоре, поскольку эти документы были подготовлены «достаточно небрежно», «полны неточностей и не охватывают всех проблем», подчеркивала готовность подчиняться решениям высших инстанций Коминтерна, но настойчиво просила исправить некоторые позиции и впредь учитывать мнение самих эквадорцев «до принятия решения о нашей партии»¹. Это касалось вопросов принципиального характера при оценке ситуации в Эквадоре и задач партии. Другой информации, кроме ностунавшей от самих эквадорцев, ни в ИККИ, ни в ЮАСКИ не было. Сами работники Коминтерна часто считали полученные сведения «нужными» и «скудными» и признавали сложности выработки тактики на основании такой информационной базы², что не мешало принимать важнейшие для судеб эквадорского коммунистического движения решения, даже не заслушав его представителей. Этот стиль руководства, с одной стороны, отражал объективную реальность, долгие годы не осознаваемую в Коминтерне, — *осуществлять эффективное руководство всемирным движением из одного центра невозможно*; с другой, отражал переход от периода романтизма в деятельности мировой коммунистической к всеобщей бюрократизации всех ее структур, абсолютизации одного из правил «демократического централизма» — подчинение нижестоящих органов вышестоящим. А вот декларированное право нижестоящих критиковать вышестоящие практически кануло в Лету.

Паредес и его сторонники видели в СПЭ силу, способную при эффективной помощи со стороны Коминтерна превратиться в сильную, динамично развивающуюся партию, базу для пронаганды коммунизма в соседних странах, особенно в Перу и Боливии, и ставили амбициозные задачи по объединению коммунистов региона вокруг своей организации³. Его основой мог стать «революционный накт» с Революционной партией Венесуэлы и Социалистической Революционной партией Колумбии, предусматривавший одновременные действия трех союзников. Целью такого движения должна была стать *Социалистическая Великая Колумбия* (Колумбия,

¹ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна 10 августа 1929 г. // Там же, Л. 57; Письмо Р. Паредеса секретарю Латинской секции Коммунистического Интернационала 14 сентября 1929 г. // Там же, Л. 63.

² Письмо ЮАСКИ Центральному Комитету КПЭ 28 марта 1929 г. // Там же, Л. 9.

³ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Коммунистического Интернационала 9 февраля 1929 г. // Там же, Л. 3.

Венесуэла, Эквадор) как важная ячейка создания *Федерации латиноамериканских народов*, а затем – *мировой Советской Федерации*. Лидеры СПЭ исходили из наличия в этих странах несомненной революционной ситуации, способной перерасти в социалистическую революцию¹.

Самокритично оценивая организационное состояние всех трех партий, явно недостаточное для реализации такого проекта, эквадорские коммунисты считали необходимым поэтапное, по мере улучшения организации и укрепления влияния в массах, их объединение: сначала – создание общего руководства партий Колумбии и Эквадора, с которым должен был работать делегат ВРП, а затем учреждение единого руководящего центра всех трех партий. Лидеры ЭСП были готовы взять на себя революционную инициативу «в случае возникновения контрреволюционного движения либеральной или консервативной буржуазии или если представится иной благоприятный случай»². Проект такого революционного альянса был причудливым сочетанием идей С. Боливара и III Интернационала, отражавшим ожидание грядущей мировой революции и стремление ее приблизить³.

Еще больше утвердились в правильности такой ориентации вожди эквадорских коммунистов при обсуждении неожиданно возникшего плана Р. Маэчи⁴. Колумбийский профсоюзный лидер получил, по его словам, предложение от представителей компании Рокфеллера предоставить в распоряжение СРП «для осуществления социальной революции сперва в Колумбии, а затем в Эквадоре и Венесуэле» 5 млн долларов, 20 тыс. винтовок, 10 млн нулей, 200 нушек со снаряжением, 500 пулеметов, корабль водоизмещением 5 т, 1 млрд долларов Колумбии при условии предоставления «Standart Oil» нефтяной концессии. Люди Рокфеллера говорили о готовности предпринять шаги «но созданию пролетарского государства» в других странах «в зависимости от богатства недр». Представители американского нефтяного магната якобы заявили о том, что им не важен характер правительств, руководящих этими странами, о своей готовности одинаково договариваться с консерваторами, либералами, демократами,

¹ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Коммунистического Интернационала 28 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 11. Л. 7–8.

² Там же. Л. 8

³ О живучести этих идей говорят программные установки президентов Венесуэлы и Боливии У. Чавеса и Э. Моралеса, а также экс-президента Эквадора Л. Гутьерреса.

⁴ Один из вождей знаменитой банановой забастовки в Колумбии оказался в Эквадоре, не сумев из-за преследований властей вернуться на родину после Первой конференции компартий Латинской Америки, на которой он был делегатом СРПК.

анархистами, социалистами, коммунистами, «если добьются своего, стоимостью обладает нефть, имеющаяся в этих странах... что они не будут ни в коей мере вмешиваться в политические, экономические и торговые вопросы за пределами своей концессии». Для передачи всего указанного им было достаточно подписей А. Кастрильона¹ и Р. Маэчи «на секретном документе, который те должны немедленно уговорить принять остальных товарищей». Предложение распространялось на СПЭ и ВРП. В случае несогласия коммунистов они собирались предложить этот план колумбийскому президенту Олахе Эррере и организовать вторжение в Эквадор для «навязывания своей нефтяной политики и заново получения черного золота, которого стало не хватать Соединенным Штатам и которое у них перехватывает Англия, отбирая позиции в Колумбии и иных странах»².

Это «странное предложение» и вся ситуация, которая показала Э. Терану «комичной историей», поставили тем не менее лидеров ЭСП и Р. Маэчу перед серьезным выбором. Они не решились на свой страх и риск, без консультаций с непосредственным руководством «носить тех титов подальше» и «в виде интеллектуальных умражнений обдумали различные аспекты данного вопроса»³. С их точки зрения принятие этого плана могло способствовать быстрому осуществлению социальной революции с большой вероятностью успеха. В ином случае революция могла быть сопряжена «с трудностью борьбы против империалистических концессий, как это было в России и будет во всех странах, пока социальная революция не победит во многих странах, способных сообща раздавить империализм». Преимущество было и в возможности доставки «этими бандитами» оружия «немедленно и не возбуждая каких-либо подозрений буржуазии». Конечным результатом могла стать «возможность победы в трех республиках и образования нашего *советского федеративного союза*, который станет такой большой силой, что мы смогли бы объявить затем войну концессиям, раздавив империализм в нашей континентальной войне монтонерос. Возможность не дать развиваться реакции до того момента, когда она закончит с нашими партиями, как в Чили, Мексике, на Кубе, в Венесуэле и т. п. Реакция, как мы сказали, весьма серьезно обрушивается на наши завоевания и наши организации. Если она продолжит развиваться дальше, а мы не станем защищаться в нападении, то весьма возможно, что наши слабые партии будут уничтожены путем массовых жестоких убийств, о чем мечтает

¹ Член ИК СРП, руководитель стачечного комитета банановой зоны Магдалена.

² Письмо Р. Маэчи и Э. Терана секретарю ЮАСКИ 3 января 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 11. Л. 3–4.

³ Там же. Л. 4.

буржуазия. Суметь эффективно помочь в Латинской Америке освобождению всех государств континента и т. д. и т. н.»¹. Таким образом, в тактическом союзе с нефтяным олигархом Рокфеллером, олицетворением империалистического гнета США, лидерам ЭСП и Маэче виделась реальная возможность победы континентальной социальной революции.

При этом они хорошо осознавали, что такая тактика («ностыдный пакт с этими бандитскими эксплуататорами») означает предательство по отношению «к нашим идеалам и нашей международной организации», разрушение одного из главных принципов платформы действий коммунистов – антиимпериалистической борьбы.

С одной стороны, существовала опасность скомпрометировать коммунистическое движение. С другой стороны, отвергнув такую нуть, они боялись, что другие силы примут эту помощь и тогда «революция, которую мы отвергнем... обратится с яростью против наших партий. Нефть вместе с пролетариатом или же вместе с буржуазным авантюристом или клерикалами» – такова дилемма, писали Э. Теран и Р. Маэча в Южноамериканский секретариат Коминтерна².

Парадокс, с точки зрения эквадорских коммунистических вождей, заключался в том, что в то время как Коминтерн не был готов оказать реальную помощь нерсективным революционным движениям, их нотенции могли быть реализованы при материальной поддержке классового врага. Ситуация требовала немедленного решения: «Необходимо, чтобы нам ответили уже сейчас, насколько кто знает, не будет ли уже поздно, когда Интернационал нам ответит». И право на принятие «немедленных и окончательных» решений, и ответственность за них лидеры ЭСП возлагали на Коминтерн и его региональный орган – ЮАСКИ, именно они должны были проанализировать нероживаемый «тяжелейший момент, приближение вооруженного выступления в наших странах, неизбежность революции с аграрным характером, особенно в Эквадоре, огромное значение, которое может иметь революция в группе стран, что подорвало бы власть империализма»³.

«Мы готовы бороться до конца, нас ничто не остановит, даже наша крайняя бедность, мы останемся верными К.И., будем решительно бороться в этой труднейшей ситуации, в которой мы находимся. У нас есть подтверждения того, что через несколько месяцев мы столкнемся с тяжелыми проблемами, которые встретим хабро», –

¹ РГАСПИ, Ф. 495. Он. 67. Д. 11. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же.

нисал Р. Паредес в ИККИ, упрямая московских вождей в недостаточном внимании к региону, стоящему на пороге революционного взрыва¹.

Коминтерн не пошел навстречу амбициозным и явно авантюристическим планам коммунистов Эквадора и близких к ним по духу идеям их колумбийских и венесуэльских товарищей, не объясняя по сути мотивов такого решения. Можно с высокой степенью достоверности предположить, что руководство всемирной коммунистической партии не видело перспектив латиноамериканской революции и имело в виду другие приоритетные направления борьбы. Всего через четыре года Москва даст санкцию на организацию вооруженного выступления в Бразилии, которое закончится сокрушительным поражением.

А для эквадорского коммунистического движения завершился «пробный период нашей партии и рабоче-крестьянского движения», как оценил этот этап истории компартии Р. Паредес². Уже в 1930 г. Коминтерн предпримет решительные действия по перестройке деятельности своих секций в ряде стран Латинской Америки (Колумбии, Перу, Венесуэле). Не обойдет политика «большевизации» и эквадорскую партию.

4.5. Коминтерн и начало венесуэльского коммунистического движения

В 2011 г. отметила свой 80-летний юбилей Коммунистическая партия Венесуэлы. В истории старейшей политической партии страны немало ярких и драматичных моментов, связанных с борьбой против диктатур и за реализацию целого ряда социальных требований. В целом о венесуэльской секции Коминтерна написано немало как ее противниками, так и сторонниками. В годы диктаторского режима Лопеса Контрераса (1935–1941) был издан сборник документов, содержание которого должно было доказать «преступный, заговорщический» характер деятельности партии³. Опубликованы мемуары руководителей КПВ Хуана Баутисты Фуэнмайора и Хесуса Фариа, книги о жизненном пути исторических лидеров партии Густаво и Эдуардо Мачадо, Сальвадора де ла Пласы, исторические исследо-

¹ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Коммунистического Интернационала 9 февраля 1929 г. // Там же. Он. 67. Д. 8. Л. 8.

² Письмо Р. Паредеса секретарю Латинской секции Коммунистического Интернационала 14 сентября 1929 г. // Там же. Л. 63.

³ Libro Rojo del General López Contreras, 1936, Documentos robados por espías de la policía política. Caracas, 1985.

вания Мануэля Кабальеро¹. Но в истории КПВ до сих пор остается множество лакун, в частности с какого момента следует отсчитывать время существования партии, в какой исторический момент деятельность венесуэльских коммунистов стала представлять собой работу организованной силы, части политического спектра Венесуэлы.

Для определения даты основания партии Центральным комитетом КПВ была создана специальная комиссия под руководством члена Политбюро ЦК Э. Гальегоса Мансеры, которая приняла за дату создания КПВ день начала деятельности первой ячейки – 5 марта 1931 г. Против этого вердикта высказался входивший в комиссию член Политбюро, секретарь ЦК Р.Х. Кортес. Он настаивал на том, что исторический путь партии надо отсчитывать с момента открытия ее Первой национальной конференции – 8 августа 1937 г. Одним из доводов для обоснования решения комиссии был факт признания КПВ незаконной секцией Коминтерна VII всемирным конгрессом (1935)². Определенная логика в таком подходе есть – ведь рассматривать деятельность любой компартии вне контекста международного коммунистического движения невозможно. В официальной истории КПВ говорится о том, что, следуя своим теоретическим установкам, III Интернационал поддерживал создание компартий во всех странах для организации пролетарских масс в борьбе за власть, а в международном плане – для борьбы с империализмом. И для решения этой задачи региональный орган Коминтерна Карибское бюро ИККИ направило братьев Фортуль в Венесуэлу с целью унорядочения уже предпринятых внутри страны усилий. Им были предоставлены организационные полномочия, которыми не располагали первые коммунисты³. Таким образом, история контактов венесуэльских коммунистов с Коминтерном начинается с 1931 г. Тем не менее отношения венесуэльских коммунистов с III Интернационалом и компартиями

¹ J.B. Fuenmayor. 1928–1948. Veinte años de política. Caracas, 1968; G. Machado. De oligarca a comunista. 1914/1974. Caracas, 1975; I. Rodríguez Gallad. Compilación. Introducción, Cronología y Notas. Archivo de Salvador de la Plaza. Tomo I–II. Caracas, 1992; G. García Ponce. Memorias de un general de la utopía. Venezuela, 1976; Фария Х. Становление коммуниста. Воспоминания. М., 1983; М. Кабальеро. La Internacional Comunista y la revolución latinoamericana. Caracas, 1987; Idem. La Internacional Comunista y América Latina: La sección venezolana. México, 1978; Idem. Entre Gómez y Stalin. Caracas, 1989.

² В комиссию входили ветераны революционного движения Ф. Кей Санчес, О. Лусардо, Х. Корреа, Р.Х. Кортес, Р. Кинтеро, Х. Санхоа Эрнандес, Ф. Кей Санчес. Fundación del Partido Comunista de Venezuela. Prólogo de E. Gallegos Mancera. Segunda edición ampliada. Caracas, 1984. P. 7.

³ P. Araujo. 80 años de la fundación del Partido Comunista de Venezuela, Especial para Tribuna Popular. 13 de Enero de 2011 // <http://tribuna-popular.org/index.php/partidocomunista/comite-central/7936-80-anos-de-la-fundacion-del-partido-comunista-de-venezuela>

других стран сложились задолго до официальной даты основания КПВ. Отдельные эпизоды, связанные с деятельностью нервных коммунистов Венесуэлы, упоминаются в литературе¹, но генетической связи между ними и основанием венесуэльской секции Коминтерна авторы не искали. А она, безусловно, есть.

В период диктатуры Гомеса политические репрессии и нищета заставили многих венесуэльцев покинуть родину. Попытки создания антидиктаторских партий и групп на корню пресекались авторитарным режимом. Из страны эмигрировали более 50 тыс. человек, большая их часть – по политическим мотивам. Для государства с населением в 3 млн жителей это огромное число. В изгнании формировались оппозиционные диктатуре группы разных направлений².

Одной из них стал Венесуэльский рабочий союз, образованный в декабре 1923 г. в Нью-Йорке Х.Х. Лонесом и членом Пуэрториканской социалистической партии Л. Муньосом Марином для объединения рабочих-эмигрантов и подготовки их к возвращению в Венесуэлу. С самого начала ВРС являлся скорее политической, чем профсоюзной организацией. Его основатели не собирались заниматься собственно профсоюзной деятельностью в тех странах, где проживали его члены, поскольку те работали в разных отраслях производства. Для борьбы за экономические права им рекомендовалось вступать в местные профсоюзы. Главной задачей ВРС руководство считало «революционную проаганду среди эмигрантских масс, проповедующую свержение тирании Гомеса»³. ВРС был принят в реформистскую Панамериканскую федерацию труда, влияние и помощь которой могли быть полезными в борьбе с диктатурой в Венесуэле.

Отношение коммунистов и сторонников Профинтерна к наследователям С. Гомерса было отрицательным. В журнале Американской антимпериалистической лиги «El Libertador» писали: «Что сделала Панамериканская Рабочая Федерация для эксплуатируемых народов Америки? Чем она помогла исправить ужасное положение латиноамериканских рабочих и крестьян? Слова, слова, слова»⁴.

В середине 1920-х гг. латиноамериканские коммунисты стали задумываться о трансформации ПАФТ в орудие классовой борьбы но-

¹ См., например, упоминавшуюся работу Кей Санчеса, написанную как обобщение работы комиссии ЦК и опубликованную первым изданием под названием: *Primer célula comunista en Venezuela, marzo-5-1931 (edición preliminar)* (Caracas, 1971).

² Ермакович Л.М. Венесуэла: диктатура Хуана Висенте Гомеса. Политические силы в поисках пути развития страны // История Латинской Америки. Т. 3: 1918–1945. М., 1999. С. 280.

³ Отчет Сальвадора де ла Пласы. Москва, 5 января 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 95. Л. 32.

⁴ Cardenas R. El Congreso Obrero Panamericano // El Libertador. 1925. № 1. P. 3–4.

средством участия в деятельности ее профцентра делегатов от «крупных, но длительно пролетарских организаций, например, из Аргентины, Чили и Уругвая». Возможность отказа в приеме в ряды ПАФТ профсоюзов, стоявших на позициях классовой борьбы, рассматривалась левыми как весьма вероятная, и в этом случае тактически верным представлялось направление «длительно антиимпериалистическими организациями» делегатов на ближайший конвент федерации.

Коминтерн и Профинтерн дали своим сторонникам в Латинской Америке инструкции о необходимости участия в конвенте ПАФТ, но было поздно: прежние директивы были obstructивными, и многие профсоюзы уже сообщили секретарю ПАФТ С. Иглесиасу об отказе послать делегатов. Представитель Коминтерна в Мексике Эдгар Боог («Штирнер») переслал коммунистическим организациям Гватемалы, Колумбии и Эквадора новую директиву, но заранее предупредил московское руководство, что участие делегатов затруднено в связи с высокими дорожными расходами, и предложил переслать мандаты политическим эмигрантам из Венесуэлы, Сальвадора и Колумбии, находившимся в Нью-Йорке¹. Таким образом, уникальный шанс открыто изложить позиции революционных профсоюзов лидерам и рядовым членам латиноамериканского реформистского профцентра, участвовать в мероприятиях, от которых ранее рабочих призывали держаться подальше, оказался только у ВРС, чье руководство к тому времени перешло к коммунистической фракции.

В ходе дискуссии на V конвенте ПАФТ (Вашингтон, 1927) председатель ВРС, член Рабочей (коммунистической) партии Америки венесуэлец Рикардо Мартинес вместе с делегатом из Никарагуа внесли проект резолюции, в которой правительство США было названо империалистическим, а доктрина Монро — «инструментом империализма США»². И хотя поставленная цель не была достигнута — «разбить Гомперса» на конвенте и в целом в рамках ПАФТ, позиция революционных профсоюзов была заявлена на вашингтонском конклаве четко и бескомпромиссно. Однако демарш ВРС стал одиночным выстрелом, а его политическая активность после отъезда Мартинеса в Москву свелась к минимуму.

Самый деятельный центр венесуэльской политической эмиграции сформировался в Мексике. Правящий режим страны, декларировавший приверженность идеалам Мексиканской революции

¹ Письмо представителя Коминтерна в Мексике А. Штирнера заведующему Латинским секретариатом Ж. Эмбер-Дро, 27 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 181. Л. 92–100. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 75.

² Пегушева Л.В. Латинская Америка: «латиноамериканизм» в рабочем движении. М., 1974. С. 46.

1910–1917 гг., толерантно относился к деятельности венесуэльской диаспоры в Мексике, направленной против авторитаризма Гомеса. Огромные занасы нефти в Мексике и Венесуэле, привлекавшие к себе внимание английских и американских компаний, сделали обе страны своеобразным полигоном для экспансии империализма. Понимание общности судеб естественным путем вело революционную и/или националистическую элиту двух стран к попыткам выработать единую позицию, которая априори была антиамериканской. Серьезный конфликт мексиканских властей с американскими нефтяными магнатами, развернувшийся в 1920-е гг., пользовавшимся негласной поддержкой властей США, неизбежно вынуждал Мексику искать потенциальных союзников.

Мексиканская революционная элита пристально наблюдала за событиями в братской карибской стране. Это внимание было абсолютно естественным: Венесуэла расценивалась как «третья граница Мексики». Активными пропагандистами кампании солидарности с революционным движением Венесуэлы выступали видные мексиканские политики и интеллектуалы Хосе Васконселос и Карлос Пельисер, жестко осуждавшие режим Гомеса. 12 октября 1920 г. Васконселос, поддерживавший контакты с эмигрантами в Нью-Йорке и знакомый с антигомесовскими заявлениями Венесуэльской революционной хунты в Гаване, очертил общие контуры позиции Мексики по венесуэльскому вопросу. Хотя мексиканский МИД после протестов Каракаса отмежевался от декларации философа, силу заявлению Васконселоса придавала решительная поддержка его точки зрения военным министром Плутарко Элиасом Кальесом. Позиция Васконселоса была предельно четкой: революционное и националистическое правительство Мексики не может спокойно относиться к олигархическому и тираническому режиму «самого чудовищного и отталкивающего из всех деспотов». Позднее он отозвался о Гомесе еще жестче, назвав его «свиньей», которую «защищают иностранные компании, эксплуатирующие страну»¹.

Позиция мексиканской политической элиты сближала венесуэльскую антигомесовскую диаспору с широким антиимпериалистическим альянсом, формировавшимся в середине 1920-х гг. под эгидой Коминтерна.

В 1920–1921 гг. правительство Мексики предоставило убежище ряду венесуэльцев, в том числе бывшему губернатору Каракаса Карлосу де Леону, участвовавшему в антидиктаторском мятеже

¹ Цит. по: R. Melgar Bao, *El exilio venezolano en México*, Memoria, 1998, № 110, P. 39.

1919 г., и Мигелю Суньиге Сиснеросу, представителю Федерации студентов Венесуэлы (ФСВ) на Первом национальном конгрессе студентов в Мехико, организованном Васконселосом. Тогдашний губернатор штата Юкатан, бывший коммунист Фелине Каррильо Пуэрто, назначил де Леона своим специальным секретарем и предоставил в его распоряжение арсенал для подготовки антигомесовской экспедиции¹. Идея вооруженной борьбы с диктатурой вполне укладывалась в логику мексиканской революции и мышления латиноамериканских интеллектуалов и рабочего движения: олигархический режим следовало свергнуть силой. Призывы же к мирному давлению в духе американского президента Вудро Вильсона (1913–1921), какими бы благими намерениями они ни были вызваны, не могли восприниматься иначе как неприкрытое империалистическое давление для поддержки власти одиозного лидера.

В 1923–1924 гг. братья Мачадо, уже зарекомендовавшие себя как активисты коммунистического движения, получили от К. де Леона информацию о согласии правительства мексиканского президента Альваро Обрегона (1920–1924) предоставить оружие участникам так называемого Революционного фронта Анхелита, намеревавшимся осуществить высадку в Венесуэле. Свою поддержку радикально настроенным венесуэльским эмигрантам выразил и следующий президент страны П.Э. Кальес (1924–1928).

Приезд братьев Мачадо и де ла Пласы в Мексику привнес новый импульс политической активности венесуэльской эмиграции в этой стране. Вместе с Суньигой и де Леоном они основали в 1926 г. Венесуэльскую революционную партию (ВРП), установившую связи со структурами Коминтерна и нацелившуюся на создание широкого антигомесовского альянса. Этот проект для венесуэльских эмигрантов, тесно сотрудничавших с местной секцией III Интернационала, стал новой возможностью для расширения партнерских отношений с политической элитой Мексики и открыл перспективу интеграции с международным коммунистическим движением.

Программа ВРП отличалась широким интернационалистским видением. На это в немалой степени повлияло участие в ее деятель-

¹ G. García Ponce, *Op. cit.*, p. 67. Правительство Мексики было готово передать венесуэльским эмигрантам вооружение на сумму более 250 тыс. долл. и обещало после того, как для экспедиции будет найдено судно, вручить сумму 7 тыс. на мобилизационные расходы. G. Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 107. Д. 3. Л. 58. А. Обрегон, впрочем, преследовал и собственные внутриполитические цели, желая удалить из Мексики виллистских генералов, которых венесуэлы собирались привлечь к участию в экспедиции.

ности активистов из различных стран Латинской Америки¹, налагавших, что сопротивление империализму и борьба против диктатур не ограничиваются государственными границами. Главной целью партии провозглашалось свержение режима Гомеса, а в остальном мире – каудильизма и политиканов, думающих, что власть – это возможность жить за счет народа, а не служить ему². На такой платформе могли объединиться самые разнообразные круги венесуэльской эмиграции.

Программа социальных преобразований ВРП была не столь радикальной и, будучи компромиссной, преследовала цель антигомесовской революции. В аграрной сфере предполагалась конфискация собственности «тирана и его клики». Речи о широкомасштабной аграрной реформе с ликвидацией господства крупных земельных собственников не шло. Партия провозгласила своим долгом положить конец расовой дискриминации. Решить проблемы рабочего класса руководство ВРП стремилось путем «освобождения рабочих от произвола капиталистов» и развития профсоюзных организаций. Основной угрозой для независимости «слабых народов» партия считала иностранный капитал, который всегда ищет предлоги для вмешательства во внутриполитические дела «бедного народа». Свою задачу ВРП видела в обеспечении равных условий для иностранного и национального капиталов и развитии государственной промышленности.

Согласно программе партии, армия из структуры, обслуживающей тирана, должна была превратиться в силу, служащую народу. Возглавить ее после победы революции должны были «чистые, искренние революционеры, члены ВРП». В программе объявлялась война укоренившейся в Венесуэле коррупции. При этом рецент борь-

¹ Среди основателей и активистов партии были венесуэльцы Х.А. Сильва Маркес, Педро Брито и Рикардо А. Мартинес, группа антигомесовских генералов, кубинец Хулио Антонио Мелья, мексиканцы Диего Ривера и Давид Альфаре Сикейрос, наанаеи Диогенес де ла Роса, сальвадорец Агустин Фарабундо Мартин. Секция партии действовала в Венесуэле, Колумбии, США, Панаме, Франции, Пуэрто-Рико, Кубе, Тринидаде, Кюрасао. Составить представление о численности партии по имеющимся документам сложно. Парижская секция, например, в 1930 г. состояла из 9 активных членов и 3 сочувствующих. Но и большинство тогдашних латиноамериканских компартий не могли похвастаться массовым характером. Partido Revolucionario Venezolano, *Credencial del compañero Salvador de la Plaza*, México D.F., a 8 de octubre de 1927 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 107. Д. 3. Л. 53; A compañeros miembros del CEC y a los miembros de 59 todas las Locales del «Partido Revolucionario Venezolano». Paris, a 26 de Febrero de 1930 // Там же. Д. 16. Л. 4.

² Programme du Parti Révolutionnaire Venezuelien. Explication de quelques uns des points des principes fondamentaux de la Revolution Venezuelienne objet du Parti Revolutionnaire Venezuelien. (P.R.V.). Mexique, 31 mai 1927 // Там же. Д. 3. Л. 40.

бы с этой проблемой выглядел несколько маниловским: привлечь в политику «честных людей», сделать так, чтобы «все венесуэльцы могли жить в свое удовольствие и чтобы нация была сильной»¹. Одной из мер по контролю руководство партии считало направление профессиональными группами делегатов в органы власти. Этот принцип аналогичен механизму формирования Советов депутатов трудящихся, хотя об опыте СССР программа не упоминала. Важным требованием программы было отделение церкви от государства.

В организационном плане ВРП стремилась к увеличению численности своих активистов за границей с их последующей инфильтрацией на венесуэльскую территорию. В результате в Венесуэле должно было сформироваться «правительство принципов, а не правительство одного руководителя». Только «сильная и хорошо организованная национальная партия, — утверждали создатели ВРП, — сможет закончить с господством индивидуумов и поставить на их место господство идей»². Даже из поверхностного анализа программы ВРП видно: партия не была коммунистической, оставаясь широким революционным объединением с антиимпериалистической и демократической программой.

Под текстом программы партии, опубликованной в Мексике 1 июня 1927 г., стоят подписи Мигеля Суныги Сиснероса и генерального секретаря Густаво Мачадо. Последний выполнял и другие функции. Осознавая, что далеко не всю антигомеровскую оппозицию устроит реализация в Венесуэле идеи всемирной революции под эгидой Коминтерна, коммунисты — основатели ВРП создали внутри партии тайную Революционную континентальную группу (РКГ). Ее цели и задачи радикально отличались от изложенных в общепартийной программе, рассматривавшейся как программа-минимум. Меморандум РКГ, декларировавший, что она создается «с целью использовать для победы коммунизма в Америке благоприятную ситуацию, которая сложится в Венесуэле после победы готовящегося в настоящий момент вооруженного восстания», стал для левого крыла венесуэльской революционной эмиграции программой-максимум. Этой задачей РКГ стремилась заинтересовать «все прогрессивные элементы, понимающие, что для торжества социальной революции в Америке пролетариат должен завоевать власть в одной из стран континента, чтобы создать базу для агитации и убеждения, делающих возможной борьбу в других странах»³. Венесуэла рассматривалась как

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 107. Д. 3. Л. 44–45.

² Там же. Л. 46.

³ Grupo Continental Revolucionario. Salvador de la Plaza, Secretario General. Mexico, 1926 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 107. Д. 3. Л. 35.

потенциальный плацдарм для развертывания континентальной революции и установления диктатуры пролетариата.

Были разработаны две программы: одна – секретных действий, другая – внешней деятельности. Лидеры РКГ принимали в расчет «только тактику, поскольку идеологической программой является программа Коммунистической партии». Поэтому они считали необходимым держать в секрете свои цели после победы восстания, чтобы, с одной стороны, обеспечить участие в восстании РКГ и широких масс, а с другой – не дать международному капиталу предлог мешать движению. Для развертывания вооруженной борьбы РКГ была готова к созданию единого фронта со всеми организациями независимо от их социальной ориентации¹.

Континентальными масштабами мыслили в тот период не только братья Мачадо и Сальвадор де ла Пласа, но и другие лидеры латиноамериканского революционного движения. Вооруженную экспедицию на Кубу совместно с Националистическим союзом одновременно с венесуэльцами планировал лидер компартий Кубы и Мексики, генеральный секретарь Континентального комитета ВААИЛ Хулио Антонио Мелья. Проект революционных действий, исходящих из Перу и распространяющихся на всю Южную Америку, предлагал Коминтерну основатель Американского народно-революционного альянса перуанец Виктор Рауль Айя де ла Торре². О программе организации сил для вооруженного восстания и свержения тирании в Венесуэле с самого начала было проинформировано руководство Коммунистической партии Мексики, оказывавшее венесуэльским товарищам всемерную моральную поддержку.

В курсе планов ВРП и РКГ были делегаты Коминтерна, работавшие в Мексике. Полиред СССР и одновременно представитель исполкома Коминтерна С.С. Пестковский поддерживал дружеские отношения с латиноамериканской революционной эмиграцией: динмиссию регулярно посещали кубинец Мелья, представители ВРП де Леон, Суньига Сиснерос, Г. Мачадо и де ла Пласа³. В ходе этих бесед, помимо прочих тем, обсуждались возможности практического сотрудничества в деле подготовки вооруженной экспедиции в Венесуэлу.

¹ Там же, Л. 36.

² Хейфец В., Хейфец Л. Айя де ла Торре. Американский коммунист? // История: электронный научно-образовательный журнал, 2011. Вып. 6: Два века латиноамериканской независимости. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/peruvianrevolutionar.html>

³ Salvador de la Plaza a Rafael Carrillo, México, a 1 de abril de 1926 // РГАСПИ. Ф. 495, Он. 107, Д. 3, Л. 3.

Как видно из дневника Пестковского, подобная постановка вопроса лично у него не вызывала сомнений. Его логика была проста: режим Гомеса был тираническим и поддерживался США. Наличие активной и энергичной оппозиции за пределами Венесуэлы создавало базу для развертывания антидиктаторского и антиимпериалистического движения, и упускать эту возможность было нельзя. Отношение Коминтерна к венесуэльскому революционному движению в значительной мере формировалось на основе суждений делегатов Интернационала в Латинской Америке. Очевидно, что представления других посланцев Коминтерна, носивших Мексику в тот период [Михаил Грольман («Освальд») и Эдгар Воог («Штирнер»)], не расходились со взглядами полпреда¹. А вот у эмиссара ИККИ Бориса Михайлова («Вильямс», «Раймон»), побывавшего в 1926–1927 гг. в Южной Америке, сложилось более пессимистичное мнение о перспективах венесуэльского революционного движения. Планируя поездки по оказанию помощи национальным секциям Коминтерна на местах, Михайлов собирался изучить состояние дел в компартии Аргентины и ЮАСКИ, съездить в Уругвай, Чили, Боливию и Перу. От посещения Колумбии, Эквадора и Венесуэлы делегат Коминтерна отказался, посчитав визит туда нецелесообразным, ведь там «почти ничего нет, кроме бесформенных симпатизирующих групп»². Подобный подход к отбору стран для посещения свидетельствовал о недостаточной информированности и неаправильном понимании в аппарате Коминтерна роли и значения тех или иных государств в развитии революционного движения на континенте.

Летом 1926 г. руководство РКГ уполномочило Г. Мачадо «принять в Европе усилия по созданию секций в соответствии с тайной «Программой действий» и выполнить другие пункты программы «для достижения наших целей». Конечной целью миссии Мачадо было установление и поддержание «братских отношений» между правительством СССР и правительством, которое будет создано в Венесуэле после победы революции. Кроме того, Мачадо представлял РКГ «по вопросу обсуждения с вами реализации того, о чем мы недавно говорили». Фраза туманная, но адресату нисыма – швейцарскому коммунисту Воогу, одному из ответственных в Коминтерне

¹ Дневник полпреда. Б/д // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Мексиканский отдел. Ф. 0110. Он. 6. Д. 1. Папка 101. Л. 73. Письмо представителя Коминтерна в Мексике А. Штирнера заведующему Латинским секретариатом Ж. Эмбер-Дро, 27 мая 1927 г. Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 76.

² Письмо Раймона [Б. Михайлова]. Июль 1926 // РГАСПИ, Ф. 495. Он. 19. Д. 182. Л. 8.

за связи с Латинской Америкой, не надо было объяснять, о чем идет речь.

Мачадо направил в исполком Коминтерна меморандум о планах вооруженного выступления ВРП и РКГ, настаивая на оказании экстренной помощи повстанцам: «Вы, товарищи, нынешние руководители мирового движения освобождения угнетенных, безусловно, принимаете [важность нашей акции]»¹.

Положение потенциальных инсургентов было неблагоприятным. Симпатизировавшие им представители мексиканского правительства стали проявлять нервозность, поскольку на протяжении длительного времени венесуэльцы не смогли найти корабль для транспортировки подаренного им оружия. Мачадо подчеркивал, что влияние коммунистов внутри ВОП может усилиться, если они смогут найти необходимые деньги. К. де Леон предоставил Мачадо полномочия для переговоров по данному вопросу с Россией².

Посланник ВРП и РКГ просил ИККИ назначить эксперта по военным вопросам и политического представителя, «чтобы они с самого начала принимали участие в развитии указанного движения» и могли присоединиться к нему в Париже для совместной поездки в Мексику. Настаивая на необходимости получения от Коминтерна финансовой помощи, Мачадо подчеркивал срочность решения вопроса: «Нехватка 15 тысяч [долларов] сегодня в будущем приведет к потере 250 тысяч [долларов] для революции в Латинской Америке, не говоря о том, что мы упускаем уникальную возможность»³.

Позицию венесуэльских революционеров Мачадо отстаивал на заседаниях в специальной комиссии и даже (по его словам) на заседании исполкома Коминтерна⁴. Как он вспоминал позже, «все экспедиционные проекты были восприняты как деятельность без опоры на внутреннюю социальную базу, и нам посоветовали про-

¹ Всего через два года забастовочная борьба в Колумбии под руководством Социалистической революционной партии станет одним из центральных вопросов всего южноамериканского коммунистического движения, а коммунисты Венесуэлы и Эквадора уже в это время (нервы за пределами своей страны, а вторые – на родине) демонстрировали серьезные революционные потенции. Эмиссар Коминтерна с широкими полномочиями, распространявшимися на весь континент, был не в курсе событий, хотя в других случаях сумел быстро оценить ситуацию (Чили, Аргентина, Уругвай).

² G. Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 107. Д. 3. Л. 58.

³ Мачадо отмечал, что «ввиду его прежней жизни [де Леон] является гарантией выполнения программы Революции», явно подразумевая принадлежность лидера эмиграции в прошлом к венесуэльскому истеблишменту, его службу в администрации Гомеса.

⁴ G. Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 107. Д. 3. Л. 59. Сумма в 15 тыс. долл. требовалась для покупки судна.

никнуть в страну и выстроить внутри рабочего класса, крестьянства и недовольных граждан революционную партию пролетариата. Нам сказали, что без коммунистической партии, укоренившейся в народных массах страны, смена правительства не приведет к реальной трансформации в обществе»¹. Решающую роль в формулировании такого подхода сыграла четкая и категоричная позиция НКВД СССР. Замнаркома М.М. Литвинов недвусмысленно проинформировал секретариат ИККИ о нецелесообразности вступления его ведомства в официальные сношения с представителями венесуэльских революционеров².

Мачадо, видимо, считая, что штаб мировой революции может действовать автономно от правительства СССР, не робовал переломить ситуацию. Уехав из Москвы, он писал в ИККИ о трудностях, созданных революционному правительству Венесуэлы Народным комиссариатом иностранных дел СССР: «Никто и не думал, что меня примут на официальном уровне или что СССР немедленно признает представляемое мной Революционное правит-во. Речь шла исключительно о неофициальных переговорах о наших отношениях в будущем, когда у власти в Венесуэле будет Революционное правит-во, о возможности признания со стороны СССР и том моменте, когда можно будет публично сообщить о признании со стороны СССР так, чтобы этот факт не скомпрометировал официальную либеральную демократию, на которую нас вынудит в первые месяцы пребывания у власти империализм янки». Чрезвычайный посланник «революционного правительства» Венесуэлы был обескуражен обструкционистской позицией московских инстанций. Лидеры эмиграции явно исходили из того, что штаб мировой революции и «родина всех пролетариев мира» не могут не отреагировать положительно на мольбу о помощи. Поэтому Мачадо решил выдать желаемое за действительное и проинформировал де Леона о том, что отношение СССР дружеское, а признание состоится в должный момент³.

¹ Об этом Мачадо вспоминал в автобиографии, написанной в декабре 1952 г. Возможно, он имел в виду лидер-секретариат ИККИ. Созыв заседания ИККИ для обсуждения этого вопроса представляется маловероятным.

² G. Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 107. Д. 3. Л. 59. Представляется, что лидер РСВ мог ошибаться по поводу заявлений Москвы, экстраполируя более поздние оценки Коминтерном деятельности ВРП на ситуацию 1926 г.

³ Письмо замнаркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова в Секретариат ИККИ 3 сентября 1926 г. Личное дело Г. Мачадо // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 200. Д. 16. Ч. 2. Л. 220.

Позицию НКВД и ИККИ не разделял Воог, паходившийся в то время в Мехико. Уже после провала миссии Мачадо он обещал де Леону сообщить руководству Коминтерна о потребностях вепесуэльских революционеро, по одповременно посоветовал тому самому съездить в Москву и лично рассказать о ситуации. По его оценке, «вепесуэльские товарищи памного лучше организованы, чем те, кто руководят либеральным движением в Никарагуа, и их перспективы противостоять американской интервенции памного больше»¹. Но мнение Воога не произвело впечатления в Москве. Высшие руководители Коминтерна и внешней политики СССР не изменили своего решения.

В конце 1926 г. в Москву поступила новая просьба о поддержке, па сей раз от ВРС. Президент союза Флорес Кабрера решил не продвигаться по инстанции, а написал непосредственно генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину. Незадолго до появления письма в американской газете «New York Evening Enquirer» сообщалось о возможности пересмотра нефтяных концессий из-за болезни генерала Гомеса и о вероятном хаосе в связи с этим. Ф. Кабрера писал Сталину: «Вампиры из среды крупного капитала и нефтяные боровы обеспокоены: их гнилая игра – в центре внимания. Они корчатся и визжат, ибо не привыкли, чтобы им мешали. Они спрашивают: “Почему эти пегодяи не занимаются своим делом?”. А мы не можем. Зловонный запах их перасытности не позволяет нам дышать. Близится крах империалистического капитала в Вепесуэле. Все нефтяные концессии были предоставлены непосредственно главой государства, а значит, они незаконны с точки зрения законодательства Вепесуэлы и обязательно будут пересмотрены. Будет пересмотрено и многое другое. Боровы будут изгнаны. И в этот судный день Симон Боливар вернется в Каракас!» За пафосно-революционными фразами последовала конкретная просьба: ввиду грядущего в стране социально-политического катаклизма оказать прямую материальную поддержку ВРС как «непосредственному фактору этих перемен». Кабрера откровенно заявил: «Теперь, когда наша работа так необходима, мы ввиду катастрофической нехватки средств вынуждены прекратить деятельность. Мы совершенно уверены, что при паличии фиансирования Вепесуэльский Рабочий Союз смог бы вернуться в Вепесуэл, став столь же влиятельной силой, как мексиканская CROM [Мексиканская Региональная Рабочая конфедерация]. Вы помогаете китайцам бороться против окопавшихся европейских и

¹ G. Machado al Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 107, Д. 3. Л. 58–59.

американских империалистических капиталистов. Неужели мы, сыновья Боливара, не заслуживаем этого?»¹

Оба обращения венесуэльских революционеров были отвергнуты. Мотивы, по которым Москва проигнорировала просьбу ВРП о помощи, лежат на поверхности. В сложной международной обстановке, когда попытки организовать вооруженные выступления в Германии и на Балканах потерпели крах, а помощь китайской революции не приводила к ожидаемым результатам, поддержка революционеров в далекой латиноамериканской стране казалась авантюрой, которая не пойдет на пользу мировой пролетарской революции. Руководство же III Интернационала, которое в иной ситуации, возможно, и попробовало бы переубедить большевистских лидеров, явно пахотилось под впечатлением от провала в начале 1920-х гг. плана латиноамериканской революции с центром в Мексике. Пытаться ловить «журавля в небе» ни всемирная компартия, ни ЦК ВКП(б) не собирались. Тем более их не могла не пасторожить ссылка на возможность превращения ВРС в венесуэльский аналог КРОМ: отношения между Москвой и мексиканскими левыми с одной стороны и реформистским мексиканским профцентром – с другой были испорчены допелья.

План ВРП и РКГ по организации вооруженной антигомесовской акции, при реализации которого венесуэльские революционеры пытались опереться на поддержку мексиканского и советского правительств, «приказал долго жить». Правительство президента П.Э. Кальеса отказалось предоставить оружие, ранее обещанное мексиканскими властями. Интерес мексиканской правящей элиты к венесуэльским событиям явно ослаб, что заставило венесуэльцев активизировать поиски оружия в других странах. Точку на проекте поставила неудачная попытка купить корабль в Доминиканской Республике, после чего мексиканские власти прекратили участие в организации экспедиции. С этого момента руководители РКГ переключились на деятельность в рядах КПМ, в частности на развитие структур ВААИЛ. С. де ла Пласа был назначен генеральным секретарем Контипенентального оргкомитета лиги. Мачадо представлял на Брюссельском антиимпериалистическом конгрессе (1927) никарагуанскую секцию лиги и колумбийскую Революционную социалистическую партию, а затем направился в горы Сеговии как делегат Комитета «Руки прочь от Никарагуа» при штабе Армии защиты национального суверенитета Никарагуа Аугусто Сесара Сандино. А «ге-

¹ Flores Cabrera, the President of the Venezuelan Workers' Union to Mr. Joseph Stalin, the Secretary of the Central Committee, November, 11, of 1926 // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 95. Л. 1–3.

перал свободных людей», как его пазывали, в свою очередь, пазпачил вепесуэльского коммуниста своим представителем в Мексике¹.

Континентальный комитет ВААИЛ, который паходился под контролем КПМ и в котором активную роль играли вепесуэльские коммунисты, имел свои мотивы для активной помощи антигомесовской эмиграции. В Лиге и в мексикапской компартии прекрасно осознали и факт идеологической гетерогенности антидиктаторской оппозиции, и то, что коммунисты, хотя и оказались влиятельными среди противников режима, не являлись доминирующей силой в нем. Вожди ВААИЛ педвусмысленно доказывали Москве: «Пример Никарагуа показывает, что неважно, какое именно воепное движение против империализма является революционным. Небольшое сотрудничество с вепесуэльским движением не только стало бы борьбой против самого сильного империализма в мире, создало бы основу для деятельности антиимпериалистического и коммунистического движения па Карибах, но и помогло бы в сотрудничестве с Мексикой, что положило бы пачало переменам в политике этой страны»². В случае успеха антигомесовской экспедиции мог быть сформирован второй помимо Мексики центр для развертывания «дела национального

¹ Автобиография Г. Мачадо (1952 г.). РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 200. Д. 16. Ч. 2. Л. 162; G. García Ponce. Op. cit. P. 76.

² Поездка Г. Мачадо в Москву, однако, дала импульс развитию контактов вепесуэльской коммунистической эмиграции с Коминтерном. С. де ла Пласа и Кармен Фортуть участвовали в Конгрессе друзей СССР, проводившемся в рамках празднования 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции, и были избраны в его президиум. Хотя в 60 списке делегатов де ла Пласа пазвап представителем Колумбии, это было вызвано исключительно пропагандистскими целями: он прибыл в Москву с полномочиями от ЦИК ВРП «по обсуждению вопросов, имеющих отношение к деятельности организации», участвовал в обсуждении мексиканского вопроса в ИККИ, выступил с сообщением о Венесуэле па заседании Исполбюро Профинтерна, был избран в Подготовительный комитет Латиноамериканской профсоюзной конференции и, как представитель Венесуэлы, пазпачен членом Подготовительного комитета профсоюзного конгресса в Монтевидео. Предполагалось участие де ла Пласы как делегата ВРП в VI конгрессе Коминтерна, но он не мог задержаться в Москве и вернулся в Мексику, где в апреле 1928 г. выступил с докладом об антиимпериалистическом движении па V Национальной конференции КПМ, был избран членом ЦК, казначеем ЦК КПМ, а нуне этого же года представлял РСМ па заседаниях Политкомиссии РК(К)ПА, обсуждавших конфликт Континентального комитета ВААИЛ с секретарем североамериканской секции Лиги Мануэлем Гомесом. Делегатом Венесуэлы па VI конгрессе с совещательным голосом стал Р. Мартинес. Его выступление в дискуссии о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах носило общий характер, не затрагивая характер революции в стране и деятельность ВРП. Он же представлял Венесуэлу па конференции латиноамериканских профсоюзов (Москва, апрель 1928 г.) и IV конгрессе Профинтерна Венесуэлу, был избран членом Исполбюро Центрального Совета Профинтерна, а затем пазпачен заведующим его Латиноамериканской секцией. К. Фортуть осталась в Москве для обучения в Международной ленинской школе по квоте, предоставленной вепесуэльским коммунистам.

освобождения от империалистов»¹. Еще важнее было то, что на базе совместной борьбы мексикапские коммунисты намеревались радикализировать позицию мексикапского руководства в противостоянии с США и превратить отношение правительства к КПМ из толерантного в благожелательное.

Но Коминтерн продолжал отрицать идею вооруженной экспедиции, не видя перспектив включения «потенциального революционного правительства» Венесуэлы в континентальное антиимпериалистическое движение. В письме коммунистам, состоящим в ВРП, руководство Латипоамериканского ледер-секретариата ИККИ отвергло «гарибальдийский путь» свержения Гомеса и подмену массового восстания «индивидуальным героизмом». Послание обсуждалось в апреле 1929 г. на специальном заседании ЦК КПМ с участием венесуэльцев – членов мексикапской секции III Интернационала.

ЦК партии констатировал, что в преддверии революционных битв в Венесуэле особую роль играет эмиграция, пахотаящаяся в политической оппозиции по отношению к диктатуре и способная стать «решающим фактором» в грядущих событиях. По мнению руководства КПМ, эмиграция за два года переборолa в себе феодальный менталитет и «географический фатализм» – представление о том, что для свержения диктатуры необходимо получить поддержку США. В резолюции подчеркивалось: «ВРП была создана венесуэльскими коммунистами и организацией, предназначенной для борьбы с феодально-каудильистским менталитетом, борьбы с империализмом, а также для того, чтобы отобрать у «каудильо» их главенствующие позиции и освободить рабочих от их влияния. впервые в венесуэльской истории была создана революционная программа, касающаяся всех существенных вопросов революционного движения»². Отмечалось наличие в революционной диаспоре следующих течений: антикаудильистов и антиимпериалистов, которых «диктатура клеймит как коммунистов», и остальной части эмиграции, включающей в себя многочисленных каудильо и либеральных реформистов, а также «служащих и студентов, наблюдаю-

¹ Мелья Х.А. Информация о Всеамериканской антиимпериалистической лиге. Москва, 25 марта 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 604. Л. 7.

² Венесуэла была не единственной страной, в которой планировалось осуществление вооруженной экспедиции с целью свержения диктаторского режима. Аналогичную акцию – с санкции ЦК КПМ – планировал предпринять с мексиканской или с американской территории один из вождей ВААИЛ кубинец Х.А. Мелья, готовый сотрудничать с антикаудильистскими настроенными лидерами движения националистов. Письмо ЦК КПМ Латинскому Секретариату Коминтерна 14.7.1928 // Там же. Оп. 108. Д. 84. Л. 42–42 об.; CEMOS. Colección PCM. Caja 3, Folio 17, F. 1.

щих за политикой ВРП, ибо они записывают проработки и антиимпериалистические позиции»¹.

Важным достижением ВРП мексиканские коммунисты считали «переориентирование рабочих на классовую борьбу, против империализма, на защиту коммунистов», принесшее партии престиж в рабочей среде. Некоторые из рабочих, входящих в ВРП, являлись «антиимпериалистически настроенными либералами и коммунистами, а все вместе они – самой активной и энергичной частью эмиграции. Они представляли собой единственную в Венесуэле политически организованную силу»². Считая необходимым создание секции Коминтерна непосредственно в Венесуэле, ККМ решительно отвергла «ликвидаторские тенденции, представленные некоторыми товарищами в американской коммунистической партии», предлагавшими ликвидировать ВРП, настаивая на сохранении в руководстве действующих генерального секретаря Г. Мачадо и редактора «Libertad» С. де ла Пласы. Мексиканский план формирования братской компартии был взвешенным. В нем были учтены объективные возможности: реорганизация работы коммунистической фракции в ВРП для защиты политической линии будущей КПВ, тесная связь движения Венесуэлы с движением Колумбии и необходимость организации, которая сможет легально объединить эмигрантов двух стран; трансформация венесуэльской коммунистической группы в компартию на базе членов группы, состоящих в мексиканской, американской и французской компартиях; установление контактов с рабочими иммигрантами и начало работы по формированию компартии внутри страны; издание газеты «El Obrero». Коммунистическую фракцию ВРП предлагалось превратить в консолидированную структуру, проводящую линию Коминтерна. Только после этого считалось возможным осуществление социальной революции в Венесуэле.

Спозицией ККМ согласился представитель Коминтерна Грольман («Педро»), считавший необходимым организовать компартию на основе ВРП – партии мелкой буржуазии, контролируемой коммунистами. По воспоминаниям Г. Мачадо, эмиссар из Москвы заявил, что историю не обманешь: мелкобуржуазная партия все равно появится, так что лучше, если ее будет контролировать Коминтерн. Грольман полагал, что чисто пролетарская компартия должна сотрудничать с партией, находящейся под влиянием коммунистов ВРП³.

¹ Resolution of the Mexican Communist Party on the Venezuelan question on the basis of the letter addressed by the Latin American Secretariat of the C.I. to the Venezuelan communists. Mexico, D.F., April 16th 1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 102. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Report of Comrade Machado. Nov. 1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 107. Д. 11. Л. 6.

Тем не менее вепесуэльские эмигранты, в том числе и коммунисты, не отказались от идеи вооруженной борьбы против Гомеса, а КПМ если и не поддержала своих вепесуэльских единомышленников напрямую, то по крайней мере не препятствовала их деятельности. Основания для подобной позиции очевидны: мексиканские коммунисты продолжали осознавать значение вепесуэльской эмиграции и надеялись использовать ее для развертывания максимально широкого антиимпериалистического фронта и проликовновения в рабочее движение.

В 1928 г. в Вепесуэле студенческие волнения, забастовки солидарности, восстание кадетов военной школы, протесты в столичном гарнизоне продемонстрировали уязвимость режима Х.В. Гомеса. События в стране были расценены лидерами ВРП как «чисто политическая забастовка», приведшая к кризису власти. Особое впечатление на них произвело участие в протестных акциях кадетов и молодых офицеров. По оценке отечественной исследовательницы Л.М. Ермакович, с этого момента в борьбу против Гомеса, которую ранее вели лишь представители господствующего класса, включились новые социальные силы – рабочие и ремесленники¹.

Изменившаяся ситуация в Вепесуэле подталкивала адептов вооруженного свержения диктатуры к действию. В 1929 г. было предпринято несколько попыток свергнуть диктатуру силой оружия. Одна из них, известная как Атака в Кумапе, или Революция «Эль Фалке», была организована созданной в июне 1929 г. в Жепеве Высшей хунтой вепесуэльского освобождения. Военным руководителем экспедиции, подготовленной в Европе, был назначен генерал Роман Дельгадо Чальбо. По мнению Г. Мачадо, хунта состояла из «военных, служивших диктатору и боявшихся укрепления коммунистов в Вепесуэле»². Эта оценка была излишне категоричной. В формировании хунты действительно участвовали бывшие военные и чиновники режима. Антидиктаторскую деятельность Дельгадо Чальбо в эмиграции поддерживали его старые друзья из банка «Crédit Française» и дома Дрейфуса, вепесуэльский нефтяной магнат Антонио Арангурен. Но паряду с этим основателем хунты стал сотрудничавший с левым крылом эмиграции публицист Хосе Рафаэль Покатерра³. Вторую экспедицию возглавлял генерал Э. Аревало Седеньо, уже имевший опыт руководства операцией вторжения в 1921 г. Еще в апреле из

¹ Ермакович Л.М. Вепесуэле: диктатура Хуана Висенте Гомеса // История Латинской Америки. Т. 3. С. 283–284.

² Report of Comrade Machado. Nov. 1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 107. Д. 11. Л. 5.

³ Впоследствии первый посол Вепесуэлы в СССР. См.: Никандров Н. Дипломаты Сталина в Каракасе // Латинская Америка. 2005. № 3.

своей асьепды пачал вооруженное восстание генерал Хосе Рафаэль Габальдон. Все предпринятые акции потерпели поражение. Эти важные события вепесуэльской истории не могут, однако, затмить тот факт, что первую попытку вооруженного вторжения в 1929 г. предприняли члены ВРП под руководством Г. Мачадо. Поражение знаменитого «Прыжка с Кюрасао» (так называли эту операцию) поставило точку в планах вепесуэльских коммунистов свергнуть режим Гомеса вооруженным путем и стало началом конца ВРП. С этого момента прекратилась реализация вепесуэльско-мексиканского проекта по созданию компартии внутри Вепесуэлы. В действие вступил план формирования КПВ, разработанный в Москве и открывший новую страницу в истории вепесуэльского левого движения.

Глава 5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮЖНОАМЕРИКАНСКОГО СЕКРЕТАРИАТА КОМИНТЕРНА (1925–1928)

5.1. Работа ЮАСКИ под руководством Х. Пепелопы (1925–1927)

В основу работы Южноамериканский секретариат положил свое теоретическое видение проблем социально-политического развития стран Латинской Америки и перспектив развития революционного движения. По мнению Пепелопы, на континенте интенсивно развивался процесс становления капитализма, который сопровождался возрастанием классовой борьбы, все более приобретающей массовые формы, и усилением влияния империализма США. В политической сфере это выражалось в росте реакции в отдельных странах в форме диктатуры (иногда прикрытой «демагогическими формулами»), а также в повышении роли армии; ближайшим же экономическим результатом стало увеличение безработицы как следствие притока квалифицированных иммигрантов после окончания Первой мировой войны. ЮАСКИ констатировал «разложение старых буржуазных партий» и их отход на второй план по сравнению с финансово-промышленными группами – «эффективным орудием империализма» (например, в Перу и Боливии). Это, по оценке секретаря ЮАСКИ, превращало континент в колонию крупных империалистических держав, делая его яблоком раздора между метрополиями, прежде всего США и Великобританией. На пути к статусу абсолютно зависимой от империализма страны паходились, по его мнению, Чили и Эквадор¹.

Нельзя не заметить, что пепелоповская интерпретация политической ситуации, представляла собой хоть и верные, но довольно абстрактные оценки, не подкрепленные детальной аргументацией. Повышение же роли армии явно было фактором, который можно было толковать двояко. В мексиканском случае, например, укрепле-

¹ Письмо Х.Ф. Пепелопы Штирнеру 8 сентября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 1. Л. 2. Эта концепция совпадала с взглядами В. Кодовиллы, изложенными в статьях «Проникновение империализма в Южную Америку» и «Империалистический гнет в Латинской Америке» (см.: «Коммунистический Интернационал». 1926. № 7, 14), рекомендовавших ИККИ для изучения в латиноамериканских секциях Коминтерна.

ние армейского влияния шло рука об руку с ростом влияния политической элиты страны (хотя и вышедшей из армейских рядов), а армия постепенно была встроена в постреволюционную конструкцию власти в качестве важного, но не решающего элемента. Вывод о разложении старых буржуазных партий был явно сделан руководителем ЮАСКИ на базе анализа аргентинского материала и ни в коей мере не мог быть применен к Боливии и Перу, где сложившейся партийной структуры фактически и не было. Явно не соответствовало действительности утверждение о приближении Чили к статусу страны, абсолютно зависимой от империализма.

ЮАСКИ пришел к выводу о поступательном развитии рабочего и коммунистического движения Южной Америки, «несмотря на встречающиеся значительные трудности», и оптимистично оценил как «явно революционную позицию» некоторых непролетарских слоев (особенно интеллектуальных элементов, а в Перу – крестьян), определяемую «давлением диктаторских правительств». Он также позитивно расценил возможности «влиять на них со стороны пролетарского и коммунистического движения»¹. Нельзя не отметить: несмотря на явное возрастание интереса к революционному марксизму в среде интеллигенции, в первую очередь – студенчества, лидерами которого были В.Р. Айя де ла Торре и Х.К. Мариатеги, выдвигавшие ими в 1922–1924 гг. требования посили общедемократический характер и были направлены прежде всего на борьбу с диктатурой А. Легии, а не на социальную революцию. При несомненной активизации крестьянского движения в Перу (около 50 восстаний за 1919–1923 гг.), передних стычках с правительственными войсками, нападениях индейцев на асиендах главными оставались борьба за землю и требования отмены полуфеодальных повинностей². Нет данных, подтверждающих участие коммунистов или хотя бы профсоюзов городских рабочих в выступлениях крестьян. Судя по всему, участники аграрного движения Перу и Боливии понятия не имели о существовании ЮАСКИ и не обладали связями с ним. Отмечая рост классовой борьбы, Пенелоп практически не заметил тенденцию усиления влияния анархистского сектора рабочего движения в ряде стран континента и отсутствия явных успехов коммунистов.

Важнейшей проблемой в этих странах Секретариат считал организацию «подлинной коммунистической партии», так как существовавшие на тот момент партии и группы, например, в Парагвае, Чили,

¹ Письмо Х.Ф. Пенелопы Штирперу. 8 сентября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

² Подробнее см.: История Перу с древнейших времен до конца XX века. С. 288–292.

Боливии и Перу были далеки от истинно революционной ориентации. Считая удачным опыт компартий Аргентины и Уругвая, пачавших свою трансформацию на базе ячеек, Секретариат настаивал на применении этой формы организации в других партиях. Учитывая преобладание во многих южноамериканских странах левацких течений и осозная недостаточность своего авторитета для проведения своей линии во всех компартиях региона, глава ЮАСКИ призывал ИККИ выступить с обращением, указывающим на необходимость проведения коммунистической агитации на базе первоочередных требований. Компартии обращали на них недостаточное внимание, чем пользовались «буржуазные партии для реализации своей демагогической политики»¹.

Важный резерв коммунистического движения Секретариат видел в интеллигенции, подверженной антиимпериалистическим настроениям, и считал целесообразным выпуск специального обращения к ней с призывом участвовать в борьбе против империализма и поддержать деятельность компартии. «Если бы это воззвание содержало подписи известных интеллектуалов и людей, пользующихся мировой славой, оно смогло бы иметь определенное влияние в этих кругах», — писал Пенелоп в Москву². ИККИ пошел в оценке этих возможностей дальше своего южноамериканского представительства, поддержав инициативу СПЭ о созыве конференции всех революционных партий и организаций Латинской Америки для обсуждения проблем континентального революционного движения и посчитав ошибкой «позволить этому предложению повиснуть в воздухе». Глава Секретариата испаноязычных стран ИККИ Ж. Эмбер-Дро настаивал на необходимости максимальных усилий коммунистов для реализации проекта. Чрезвычайно важным для понимания стратегии Коминтерна в Латинской Америке являлся подход одного из руководителей ИККИ к этой проблеме: «Социалистическая партия, представляющая этот проект, не примыкает ко 2-му Интернационалу, но даже если б она и примыкала к нему, 2-й Интернационал обладает такими связями в Южной Америке, что мы смогли бы обратить данную инициативу в свою пользу. Эта инициатива дает сегодня возможность противодействовать усилиям, предпринимаемым реформистами для обретения влияния или пачать организацию борьбы против этих усилий»³.

ЮАСКИ, по замыслу Москвы, должен был публично признать идею конференции «полезной и благоприятной» и объяснить, каким

¹ Письмо Х.Ф. Пенелопы Штирнеру, 8 сентября 1925 г. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Письмо [Эмбер-Дро] Пенелопу 6 ноября 1926 г. // Там же. Д. 6. Л. 37.

образом она может сыграть большую роль в развитии рабочего движения. При этом следовало значимость проблем, предложенных для обсуждения, представить так, чтобы объяснить, «как именно мы хотим взять в свои руки инициативу, *не превращая ее в коммунистическую инициативу*». Секретариату предлагалось связаться с организациями, выразившими желание участвовать в конференции, и объяснить, что кампания является контримпериалистической.

Большая роль уделялась месту проведения конференции. Если бы она проводилась в Мексике при активном участии в ее организации какой-либо крупной мексиканской рабочей организации (очевидно, имелась в виду КРОМ), она смогла бы, по замыслу Эмбера-Дро, «сыграть большую роль в том, чтобы дать направление антиимпериалистической борьбе». В случае же ее созыва в Аргентине центральной проблемой должна была стать «борьба против реформистов и против проникновения в Латинскую Америку Американской Федерации Труда». Хорошо понимая, что до реализации проекта дело может и не дойти (что и произошло в реальности), Коминтерн подчеркивал крайнюю значимость для коммунистов возможности представить на конференции свою программу освобождения Латинской Америки от ига капитализма и империализма¹.

ЮАСКИ в первые месяцы своей деятельности сумел не столько падачить связи с новыми партиями, сколько сохранить и развить контакты с теми, с которыми уже издавна сложились тесные отношения у ИСПА (КПА), – в Чили и Уругвае. И ссылка Пепелона на нелегальное положение КП Бразилии была беспоспательной². Важно было другое – в любом случае большая часть информации, получавшейся в Москве из Южной Америки, приходила через Буэнос-Айрес, была строго дозирована и отмерена аргентинскими товарищами, посила отпечаток их восприятия событий и людей. В результате у руководства Коминтерна складывалось неадекватное впечатление о состоянии и перспективах развития коммунистического движения на континенте. Всемирная компартия вырабатывала стратегию на основании информации субъективной, случайной и нередко недостоверной. В ИККИ расценивали социально-политическое положение стран Центральной и Южной Америки как благоприятное для развития революционного движения под влиянием III Интернационала, попи-

¹ Там же. Л. 41–42.

² Письмо Х.Ф. Пепелона Штирнеру 8 сентября 1925 г. Л. 3.

В 1922 г. Рио-де-Жанейро посетил М. Александровский, встречавшийся с руководителем бразильских коммунистов А. Некете, а тот тогда же участвовал в съезде КПУ. Позднее по поручению ИККИ с целью оценить возможности приятия КПБ в Коминтерн в Бразилии побывал Р. Гюльди.

мая организационные трудности рабочего движения и слабое распространение здесь коммунистической идеологии. Непосредственными конкурентами Коминтерна в борьбе за пролетариат были АФТ и Амстердамская профсоюзная федерация, итенифицировавшие в этот период свою деятельность на континенте. Считая недостаточное развитие коммунистического движения в регионе благоприятным условием расширения их влияния, III Интернационал возложил на ЮАСКИ ответственность за организацию сопротивления наступающему реформизму.

В штаб-квартире Коминтерна, признавая большое значение деятельности Секретариата в поддержании связей с компартиями и другими революционными организациями и в деле революционной агитации, настаивали на расширении и усилении всех направлений его функционирования и хорошо понимали ограниченность масштабов деятельности южноамериканского представительства *«рамками имевшихся в его распоряжении средств»*¹. С помощью ЮАСКИ руководство Коминтерна получило возможность следить за развитием коммунистического и рабочего движения в наиболее важных странах континента и оценивать его. Но III Интернационал существовал не для регистрации появившихся компартий и не для наблюдения за их развитием. Функция наблюдателя, пусть и выполняющего эту работу хорошо, была явно недостаточной для регионального органа ИККИ, поэтому ИККИ, одобряя сделанное Секретариатом, постоянно корректировал его задачи.

В первую очередь Пепелону было предложено наладить оперативный мониторинг событий в рабочем движении. ИККИ не устраивало положение вещей, при котором руководители Коминтерна понятия не имели о степени влияния коммунистов, например, в Колумбии и Эквадоре и их взаимоотношениях с социалистами. В Исполкоме понимали, что его региональный орган не выполняет в полной мере задачу установления связей и обеспечения необходимыми сведениями, считая при этом, что руководящие товарищи Секретариата не обязаны заниматься всей «материальной работой», а должны посвятить себя анализу экономической и политической ситуации в регионе.

Ради решения этих проблем Москва теоретически была готова пойти на реорганизацию и усиление ЮАСКИ, но практически у Секретариата не было элементарного организационно-технического и финансового обеспечения его работы. Надолго затянулось в Секретариате ИККИ обсуждение штатного расписания южноамери-

¹ Письмо [Эмбер-Дро] в ЮАСКИ Пепелону 6 ноября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 6. Л. 38–39.

капского звена всемирной компартии. Только через два года после основания ЮАСКИ в его состав были включены, кроме секретаря, редактор журнала «La Correspondencia Sudamericana» и ответственный за контакты с партиями, организацию информационной службы. Предполагалось, что эти три руководящих работника смогут при необходимости участвовать в партийных съездах, мероприятиях профсоюзов и других революционных организаций различных стран, заниматься сбором информации по вопросам рабочего движения и т. д. Деятельность полномочных представителей ЮАСКИ должна была стать помощью партиям и формой прямого контроля за их развитием. Предусматривалось создание технического аппарата для ведения подготовительной работы. Проблемы же формирования Южноамериканского секретариата КИМа и Профинтерна даже через два года падали в московских кабинетах в стадии обсуждения и согласования¹.

Для большей эффективности пропаганды коммунистических идей политическая работа должна была осуществляться в действовавших компартиях, в рабочих и революционных организациях, которые можно было привлечь «под крыло» Коминтерна. Как первостепенные рассматривались два направления деятельности: публикация сообщений ЮАСКИ в революционной печати Южной Америки и распространение «La Correspondencia Sudamericana»; превращение журнала в идеологический центр руководства компартиями. Важнейшим способом совершенствования работы органа ЮАСКИ Москва считала размещение на его страницах наряду с объективными сведениями о деятельности партий критических статей. ИККИ брал обязательство направлять в Буэнос-Айрес материалы и информацию, полезные для обеспечения идеологической работы южноамериканских партий (по сотрудничеству в журнале руководящих работников Коминтерна обещали обеспечить только «в будущем»)².

В Москве осознавали важность контроля за развитием коммунистического движения для проведения политической работы ЮАСКИ, приобретения влияния в некоммунистических революционных организациях, целенаправленной поддержки Секретариата и направления с этой целью своих делегатов в страны, «где это будет необходимо»³. При этом сам Пепелон постоянно уклонялся от поез-

¹ Там же, Л. 37

² Письмо Секретариата КИ. Пепелону 23 июля 1926 г. // Там же, Ф. 503, Оп. 1, Д. 7, Л. 9; Письмо Эмбер-Дро Пепелону 24 ноября 1925 г. // Там же, Ф. 495, Оп. 79, Д. 10, Л. 12.

³ Письмо [Эмбер-Дро] в ЮАСКИ Пепелону 6 ноября 1926 г. // Там же, Ф. 503, Оп. 1, Д. 6, Л. 38–39.

док по страпам, входившим в сферу влияния Секретариата, хотя еще со времен деятельности ИСПА имел успешный опыт пропагандиста и организатора коммунистического движения, объясняя это московскому руководству абсолютной невозможностью оставить полностью работу ЮАСКИ, а также политическим положением в Аргентине и состоянием своего здоровья. Секретарь ЮАСКИ опасался «катастрофического воздействия» его поездок на папачую работу, «страдающую, несмотря на вложенные в нее силы, массой недостатков, так как имеющиеся задачи превосходят материальные возможности и возможности тех, кто этой работой занимается»¹. За объективной констатацией положения дел Пепелоп скрывал очевидное нежелание падолго оставлять без контроля работу в Секретариате. Чего здесь было больше: опасения, что при длительном отсутствии его соратники смогут оттеснить секретаря ЮАСКИ от руководства, или неумения организовать планомерную работу Секретариата (что проявилось бы время поездок в соседние страны)? Как показали последующие события, и то, и другое присутствовало в мотивах категорического нежелания Пепелопа ознакомиться с ситуацией в коммунистическом движении Южной Америки на местах, что предписывалось Секретариату при его учреждении.

На первом этапе пепелоповского периода деятельности ЮАСКИ практически только отслеживал ситуацию в революционном движении континента, в первую очередь в коммунистическом секторе, как бы ведя приходно-расходную книгу, констатируя возникновение организаций, симпатизирующих большевизму и СССР, давая оценки о соответствии критериям, применявшимся к компартиям, с учетом имевшейся информации и своих представлений. У ЮАСКИ в это время явно отсутствуют, вопреки требованиям Коминтерна, претензии на проведение континентальной работы.

С помощью переписки устанавливались и поддерживались двухсторонние связи иногда по инициативе ЮАСКИ, иногда по инициативе отдельных лиц или организаций. Список таких организаций и географический расклад выглядел в отчетах Пепелопа ИККИ впушительно, по качественному анализу не позволяет рассматривать первоначальные результаты деятельности Секретариата столь оптимистически, как Пепелоп и его московские руководители. Можно констатировать, что среди новых контактов и связей, многие были малозначимыми и случайными и в итоге не принесли пользы коммунистическому движению. В Коминтерне вряд ли рассчитывали па то, что в результате деятельности Секретариата будут сразу же, как

¹ Доклад Хосе Ф. Пепелопа. [Ранее 2 июня 1926 г.] // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–11.

джип из бутылки, появляться компартии, ведущие за собой широкие массы трудящихся, однако и результаты деятельности ЮАСКИ в первые месяцы его деятельности трудно оценить как успех.

В Боливии Пенелоп установил контакты с пелегальной студенческой группой, распространявшей среди рабочих информацию, получаемую от ЮАСКИ и в первую очередь касающуюся СССР. После нескольких неудачных попыток связаться с рабочим движением этой страны Пенелоп сумел завязать отношения с секретарем анархистского Рабочего Либертарианского центра, «начинавшим симпатизировать нашему движению и России»¹. Надеясь получить информацию для доклада в ИККИ о положении в Перу, секретарь ЮАСКИ связался «со сторонником коммунистов, состоящем в Местном Рабочем Союзе Лимы». В Эквадоре источником его информации был помощник секретаря реформистской Ассоциации служащих и анархисты из группы «Солидарность», публиковавшие в своей газете заявления поддержку СССР и действовавшие на основе директив Пенелопа. В Парагвае Секретариат смог установить контакт с несколькими не связанными между собой людьми, симпатизировавшими Коминтерну, одновременно расширяя связи с немногочисленной компартией.

Хотя отчеты в Москву говорили о постепенном распространении влияния ЮАСКИ на север – до Центральной Америки и стран Карибского бассейна, в реальной жизни все выглядело намного скромней. Не были установлены прочные связи с Кубой, несмотря на оптимистические слова Пенелопа о контакте с профсоюзным и коммунистическим движением, а также о переписке с директором журнала «Anticlerical», разъяснившим ситуацию в стране и «просившим директив»². То, что Пенелоп рассматривал как пропагандистский успех ЮАСКИ, кубинские профсоюзы полагали исключительно «личными публикациями» главы Секретариата, а не возглавляемой им структуры. Публикация информации, поступающей из Буэнос-Айреса, не была прямым отражением роста влияния коммунистических идей на рабочее движение Кубы, находившееся в процессе трудного поиска идеологической ниши. Спорадические контакты с ЮАСКИ были лишь одним из направлений его международной деятельности³.

Схожие тенденции можно проследить и в Гватемале, где одновременно с публикацией некоторых из воззваний Пенелопа газе-

¹ Там же. Л. 8.

² Доклад Хосе Ф. Пенелопа. [Ранее 2 июня 1926 г.] // Там же. Л. 9.

³ Подробнее см.: гл. 4 «Формирование коммунистических партий в Латинской Америке между IV и VI конгрессами Коминтерна» настоящего издания.

та «Prensa Obrera» высказалась в поддержку пазпачения правительством страны рабочих делегатов при посольствах по образцу Мексики, что оцепивалось коммунистами как проявление влияния реформизма. Сам же Пепелоп припзал, что в регионе практически ничего не знали о Советской России.

В Доминиканской Республике как проявление симпатии к коммунистическому движению рассматривалась публикация резолюции Коммунального Националистического Братства, являвшегося местным отделением ПАФТ, в которой выражалась солидарность с аргентинским коммунистическим движением в связи с убийством руководителя Федерации Коммунистической молодежи Э. Мюллера¹.

Опираясь на эти более чем скромные результаты первых шагов по продвижению в повые для коммунистического движения регионы, Пепелоп делал тем не менее оптимистические выводы о возможности «больше чем разочаровать Папанериканскую Федерацию Труда» (при проведении систематической работы по пропикповению в реформистские рабочие организации), практически являющейся «индивидуальным пропикповением, личной пропагандой»². Хотя реакции на это предположение секретаря ЮАСКИ из Москвы не последовало, такой подход Секретариата к работе с рабочими организациями не мог устроить руководство ИККИ. Конечно, ИККИ был заинтересован в переходе на коммунистические позиции не только целых организаций, но и отдельных авторитетных лидеров, но это не рассматривалось как система в работе. Региональная структура Коминтерна учреждалась для достижения определенной цели – создания в максимально короткое время условий широкого распространения коммунистического движения в Латинской Америке и превращения его в континентальное, а не для многолетнего ожидания результатов «индивидуального пропикповения».

Если на новых направлениях прозелитизма видимых результатов деятельности Секретариата не наблюдалось, и Пепелоп мог докладывать в Москву обрывочную, не всегда достоверную информацию, то в делах компартий, традиционно входивших в орбиту влияния КПА, он ориентировался самым увереннее и смело давал оценки и рекомендации. Как пекий оселок, на котором проверялась степень большевизации компартии Уругвая, секретарь ЮАСКИ рассматривал дело депутата-коммуниста С. Мибелли, в парламентской деятельности которого товарищи по партии усмотрели важ-

¹ Доклад Хосе Ф. Пепелоп. [Ранее 2 июня 1926 г.] // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

² Там же.

пые проступки¹. Единогласно осудив Мибелли, ЦК КПУ по рекомендации Пепелопа решил не принимать более радикальные меры, опасаясь спровоцировать внутрипартийный конфликт. Пепелоп считал правильным для Секретариата не вмешиваться официально в решение данного вопроса, но «неофициально проконсультировал некоторых товарищей» из ЦК о том, что депутаты от КПУ всегда должны действовать в соответствии с решениями партии и заранее информировать партийное руководство о вопросах и делах, обсуждаемых Палатой². Секретарь ЮАСКИ даже не задумывался над тем, что подобные консультации с отдельными членами ЦК есть не что иное, как поощрение фракционной деятельности в руководящих органах братской партии, решительно осуждаемой Коминтерном. Явно полагая авторитет Секретариата недостаточным для того, чтобы выступить в роли судьи в этом деле, Пепелоп рекомендовал ИККИ направить КПУ письмо, указывающее на необходимость применять «21 условие» и тезисы о парламентаризме и предостерегающее уругвайских коммунистов-парламентариев от повторения ошибок Мибелли.

Серьезным подчетом, подмеченным ЮАСКИ в процессе большевизации КПУ, была демонстрация экстремистской концепции выдвижения лозунгов, рожденных «желанием продемонстрировать революционность», но не отражавших «объективного положения масс»³. При этом он выражал убеждение в возможности ускорить процесс большевизации при сотрудничестве партии с Южноамериканским секретариатом.

Важным инструментом идеологического воздействия на уругвайскую секцию Коминтерна, предотвратившего ее резкий оппортунистический крен, секретарь ЮАСКИ считал пример КПА, которая

¹ Депутат от КПУ предложил Национальной палате предоставить почетное гражданство Уругвая испанским летчикам, совершившим перелет до Буэнос-Айреса, в то время как левые депутаты в департаментах выступили против их чествования, осудив, таким образом, режим Primo de Rivera. Второй проступок Мибелли был связан с обсуждением закона о депутатских пенсиях, дававшего возможность бывшим парламентариям, избиравшимся один раз и не переизбранным на новый срок, обращаться за пенсией только через четыре года. Депутат-коммунист предложил снять эти ограничения. Левая пресса Уругвая и Аргентины расценила позицию Мибелли как помощь «паразитическим представителям буржуазии, позволяющую им иметь повышенные пенсии, которые выплатили бы за счет денег, отобранных у рабочих». ЦК КПУ заявил, что партия выступает против этих «паразитических пенсий». Более того, Мибелли обвинялся в желании помочь своему брату, который был в течение одного срока депутатом от баттальянской партии. Доклад Хосе Ф. Пепелопа. [Ранее 2 июня 1926 г.] // Там же. Л. 9.

² Там же. Л. 9–10.

³ Там же. Л. 10.

провела дискуссии по этим вопросам. И хотя это не рассматривалось «как самая лучшая форма обучения активистов», контакты с братской партией представлялись ему благотворными и крайне полезными. При этом фракционная борьба в самой аргентинской партии в 1922–1925 гг. и расколы в пей в расчет не приписались.

Стремление уйти от принятия важных политических решений явно просматривается во всех действиях Пепелона по отношению к кризисным ситуациям. Когда требовались быстрые и эффективные действия, он предпочитал перевести стрелку на московское руководство. Формально Секретариат строго следовал решениям ИККИ, определявших его задачи и оставлявших право вырабатывать политические оценки по поводу южноамериканских партий за собой, фактически же это был уход от ответственности. Наиболее показательным в этом смысле представляется отношение ЮАСКИ к ситуации в КПЧ.

Признавая значительность деятельности КПЧ как массовой партии, Секретариат констатировал при этом, что в пей сложилась ситуация, делающая невозможным «издалека контролировать все ее детали и даже просто следить за пей и оказывать решающее влияние»¹. Руководители партии не имели возможности (или желания) детально информировать обо всех направлениях своей работы и положении в стране. В ЮАСКИ из Чили поступали лишь краткие сообщения или «просьбы посоветовать что-либо»². Секретариат не обладал материальными возможностями регулярно отслеживать деятельность КПЧ, ибо имелась «масса иных задач подобного рода», и не понимал суть паметившихся в партии разногласий, хотя «неофициальные доклады» свидетельствовали о назревавшем кризисе. Объективным недостатком неофициальной информации являлось то, что она, поступающая от различных групп, не имела систематического характера и не отражала всей картины. Естественно, каждая сторона предлагала свой взгляд на проблемы и далекие от объективности интерпретации воззрений своих оппонентов. Это было характерно для атмосферы в руководстве КПЧ в целом. По оценке одного из руководителей РФЧ Э. Лаферте, лидеры «правой оппозиции» в партии во главе с сенатором М. Идальго «плетли интриги, сеяли недоверие и тайком информировали полицию», в то время как центральное руководство

¹ РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

² Все свои решения по поводу внутривнутриполитической жизни страны чилийская компартия принимала абсолютно самостоятельно, не испытывая потребности в консультациях с Интернационалом и будучи глубоко убеждена, что следует правильным путем. См. подробнее: Ulianova O. Primeros contactos entre el Partido Comunista de Chile y Komintern, 1922–1927 (текст статьи предоставлен ее автором).

«склопалось к левизне, пеукложей и детской»¹. Эта позиция руководства отражалась и в информации, паправлявшейся как в Буэнос-Айрес, так и в Москву. Побывавший в СССР Б. Допосо был удивлен педовверием товарищей в Коминтерне к его рассказу о совершенных партией ошибках, последствиях репрессий и стремлении диктатуры ликвидировать организацию рабочих. На них «не произвела никакого впечатления парисованная им мрачная картина, в основном отражавшая положение, в котором паходилось чилийское рабочее движение. «Мы, – сказали ему, – получили из Чили совершенно противоположную информацию». Позже выяснилось, что, поручив Допосо проинформировать ИККИ о тяжелых условиях, в которых действовала партия, генеральный секретарь КПЧ И. Ириарте вдогонку ему паправил в Москву письмо, в котором приводил совершенно противоположные данные².

При неполной и противоречивой информации, поступавшей из Чили, ЮАСКИ действительно было трудно адекватно оценивать тепедции, развивавшиеся в КПЧ. Генезис и развитие КПЧ отличались от ситуации в партиях других стран Южной Америки даже таких, как аргентинская и уругвайская, с их традициями парламентаризма. Особенно сложной для анализа чилийская ситуация была потому, что КПЧ, имевшая самое большое из всех латиноамериканских компартий представительство в парламенте, по-иному оценивала свое место в обществе и роль по отношению к рабочему классу страны. Преобразование Социалистической рабочей партии в коммунистическую, без раскола и изгнания социал-демократических элементов, позволяли ей как минимум до переворота Ибабьеса сохранять мепталитет организации, являющейся системной, органической частью политической жизни страны, а не противостоящей политической традиции.

Об этом свидетельствовал характер обращений руководства чилийской партии за советами в ЮАСКИ, расцепенные Пепеломом как преследующие цель «скрыть вредные действия, очевидно противоречащие идее Коммунистической партии»³. КПЧ не только рассматри-

¹ На позиции Э. Лаферте, изложенной в автобиографии и опубликованной уже на склоне лет, отразились итоги межпартийной борьбе, результатом которой была победа группы и в руководство которой он входил. Его оценки характерны для публикации всех партийных лидеров, сохранивших руководство или добившихся его в ходе фракционный борьбе, и утверждавших в общественном сознании правильность своей прежней линии.

² Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961. С. 183, 186–187.

³ Доклад Хосе Ф. Пепелона. [Ранее 2 июля 1926 г.] // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

вала вероятность в случае невозможности добиться победы кандидатов-коммунистов заключения избирательных пактов с буржуазными партиями, но и вступала ранее в такие соглашения, которые, по мнению Пепелона, «нельзя было оправдать упомянутыми соображениями». Эта тенденция некоторых руководителей КПЧ и парламентариев-коммунистов не внушала доверия секретарю ЮАСКИ, считавшему, что они «обладают реформистским мировосприятием, несмотря на то что являются безусловными революционерами»¹. Как факт очевидного коллаборационизма М. Идальго рассматривалось в Буэнос-Айресе его согласие на назначение его правительством муниципальным советником в Санта-Яго, при том что партия «игнорировала» обсуждение этого вопроса.

В Секретариате сложилось мнение о том, что КПЧ не порвала окончательно свои прежние связи с «оберристскими» буржуазными партиями (радикальной и демократической), хотя там и отмечали рост в партии понимания невозможности сохранения такого сотрудничества впредь. Пепелон признавал невозможность применять общее правило к вопросу о пактах с другими партиями и избрал форму ответа чилийской партии, еще больше запутавшую ее руководство и фактически являвшуюся вариантом знаменитой фразы «нельзя казнить помиловать»: «...как согласие с любыми пактами, так и их общее отрицание являются ошибочной позицией, и надо в каждом конкретном случае осуществлять анализ, отделяя суть от простого и понятного электорального аспекта, принимая за основу возможность проликовования коммунистического движения в массы, распространение социальных конфликтов, повышение коммунистического влияния и защиту классовых интересов, возможность или невозможность, выгодность или невыгодность осуществления таких предвыборных пактов»².

Региональный орган ИККИ усматривал опасность для коммунистического движения страны в свете этих туманных разъяснений не в принципиальном согласии КПЧ на избирательные соглашения с другими партиями на основе принципа Единого фронта, а в том, что даже при хорошей теоретической подготовке этих действий может измениться их суть: при практическом воплощении или же из-за заявлений, «дезориентирующих рабочую массу»³. При этом очевидный успех КПЧ, объединившей на президентских выборах свои усилия с Социально-республиканским союзом наемных работников Чили (USRACH) для поддержки кандидата Союза – экс-министра юсти-

¹ РГАСПИ, Ф. 503, Оп. 1, Д. 5, Л. 11.

² Там же.

³ Там же, Л. 11–12.

ции в правительстве Алессандри, придерживавшегося более или менее радикальных тенденций, против коалиции буржуазных партий, был расценен как пример неумения выгодно использовать ситуацию.

Пенелон, полагая, что идейно-организационные недостатки КПЧ подвергают ее угрозе как нравовой опасности (являвшейся, по его мнению, основной), так и левой (казавшейся ему реакцией на влияние реформистских тенденций в партии), проявлял явную растерянность при попытках дать оценку обстановке в Чили и КПЧ. Считая необходимым дать партии возможность самой обсудить эти вопросы и «выработать критерий», после чего мнение Южноамериканского секретариата «приобрело бы больший вес», его руководитель, всегда очень ревниво относившийся ко всяким покушениям на роль ЮАСКИ как посредника между Коминтерном и секциями на функции организатора и идейного вдохновителя южноамериканских коммунистов, в чилийском случае был готов отказаться от приоритета. Для более эффективного влияния на ориентацию компартии Чили он предложил ей «каждый раз обращаться за советом в Коммунистический Интернационал, а в случае срочности – в Секретариат»¹. Несмотря на очевидную срочность решения проблем КПЧ, от которых «может в будущем зависеть деятельность партии», рисковавшей со временем столкнуться с тяжелым расколом и формированием сильного реформистского течения, Пенелон отложил принятие вердикта до получения рекомендаций из Москвы, чтобы иметь возможность «сослаться на авторитет» ИККИ и придать ответу больший вес².

Секретариат ИККИ внимательно и взвешенно относился к информации о компартии Чили и, считая ситуацию там значимой для международного коммунистического движения, разослал материалы об экономическом и политическом положении в этой стране во все секции Коминтерна. Выступив с обращением против «белого» террора, обрушившегося на КПЧ, руководство III Интернационала всерьез занялось анализом причин внутривнутрипартийного кризиса и признало необходимым организовать работу по политическому образованию, считая это невозможным без реформирования партии на основе ячеек. Эти рекомендации были дежурными и полностью соответствовали духу политики большевизации национальных секций, проводившейся Коминтерном после V конгресса. Секретариат ИККИ в очень мягкой форме рекомендовал чилийской партии не проводить реорганизацию механически, чтобы она повлияла «только в хорошем смысле».

¹ Там же. Л. 11.

² Там же. Л. 12. Перекладывая ответственность за принятие решений на Москву, и затягивая, таким образом, разрешение кризисной ситуации, Пенелон потираливал ИККИ и просил отвечать ему телеграфом.

ле». В Москве не очень верили в то, что новый принцип построения партии станет мощным средством для преодоления слабостей КПЧ, считая самой большой проблемой «абсолютное отсутствие идеологической базы».

Одной из задач ЮАСКИ, поставленных в прямой связи с ситуацией в КПЧ, было «ленинское образование» с помощью журнала «La Correspondencia Sudamericana», который следовало, по замыслу Ж. Эмбер-Дро, превратить в «элементарный курс коммунизма, адаптированный к ежедневным политическим вопросам южноамериканских партий»¹. Секретарь ИККИ проявил хорошее понимание специфики чилийской партии, располагавшей влиянием в профсоюзном движении, предостерегая против стремления поднять идеологический уровень КПЧ чистками, которые в партии, «не имеющей никакой ленинистской базы», создавали риск превратить ее «в маленькую бессильную секту»². Главную работу по реорганизации КПЧ видели «в сохранении ее простого и популярного облика», связей с массами и решении их конкретных проблем³.

¹ Письмо Ж. Эмбер-Дро Хосе Пенелопу 24 ноября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 10. Л. 12.

² Там же.

В штаб-квартире Коминтерна считали, что чилийская партия «не является коммунистической, но по своим чувствам и инстинкту является революционной». Отчет Исполкома Коминтерна (апрель 1925 – январь 1926 г.). Составлен Секретариатом ИККИ. М.: Л., 1926. С. 325; Компартии всего мира. М.: Л., 1927. С. 52. КПЧ рассматривалась в Москве как социал-демократическая партия, пришедшая в Коминтерн после изменения названия «без чистки ее от элементов со старыми социал-демократическими традициями» и сохранившая «множество оппортунистических элементов, которые рассматривают партию, главным образом, как организацию для проведения избирательной кампании». Причинами такого положения в чилийской секции ИККИ считал недостаточность связей с Коминтерном и отсутствие литературы на испанском языке, что мешало планомерной коммунистической и просветительской работе. Такая оценка сохранялась долгое время. В информационных материалах, опубликованных в период подготовки VII конгресса Коминтерна и предназначенных для широкого круга читателей, подчеркивалось, что в партии распространялись оппортунистические теории, представлявшие собой пережитки социал-реформистских идей, приписанные в партию Рекабарреном, который «идеологически был под влиянием либерально-буржуазных концепций, в практической работе – под влиянием бельгийских социалистов». Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы). М., 1935. С. 409. Подход к КПЧ стал меняться только тогда, когда парламентские традиции чилийских коммунистов, опыт поиска союзников, соединенные с серьезным влиянием в организованном рабочем движении, оказались востребованными в связи с принятой Коминтерном стратегией Народного фронта. Именно эти традиции позволяли КПЧ на протяжении последующих десятилетий находить путь к созданию широких политических коалиций, приведший в итоге к созданию Народного единства и победе на президентских выборах 1970 г. С. Альенде.

³ Письмо Ж. Эмбер-Дро Хосе Пенелопу 24 ноября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 10. Л. 12.

Южноамериканский секретариат должен был руководствоваться этими общими указаниями в работе внутри чилийской партии, направляя на два-три месяца в Чили своего представителя, способного «всерьез помогать и советовать нашей партии и действовать в ней с очень большой осторожностью и основательностью». ИККИ считал наилучшим решением поездку за Анды самого Пенелона: для участия в съезде партии и предоставления информации, которая должна была послужить основой политических рекомендаций Президиума ИККИ компартии Чили¹. Тем самым Москва, соглашаясь с правильностью линии секретаря ЮАСКИ по концентрации внимания КПЧ на политических вопросах и разработке программы действий компартии, отказывалась от безоговорочного одобрения его умозаключений, сделанных без непосредственного наблюдения ситуации. Пенелон же на практике почти два года саботировал эти рекомендации высокого начальства, ссылаясь на «абсолютную невозможность» поехать в Чили и откладывая поездку до возвращения из Москвы В. Кодовильи, способного выполнить эту миссию².

В Коминтерне в этот период существовали бережное отношение к компартиям Южной Америки и стремление избегать «проведения кампании по большевизации в *форме непосредственного внешнего вмешательства*». ИККИ учитывал то, что речь шла в большей части случаев об очень молодых организациях, в которых, по оценке Секретариата испаноязычных стран ИККИ, почти всегда царил, «несмотря на большую путаницу в идеологических и политических вопросах, революционный дух», и ставил задачу развить этот революционный дух путем хорошо организованной агитации. Однако если в теории это и было основополагающим принципом, на практике ситуация зачастую была иной. Одной из важнейших причин двусмысленности такой позиции оказалось как раз видение обстановки через призму подходов к проблемам аргентинских товарищей, их интерпретации, которой доверяли в Москве.

Так, при оценке «дела Мибелли» Секретариат испаноязычных стран, одобряя строгие дисциплинарные меры, примененные расширенным пленумом ЦК КПУ, писал Пенелону: «В данном конкретном случае, *судя по тому, что ты нам говоришь*, имело место выступление Мибелли против партии и ее дисциплины» и предоставлял секретарю ЮАСКИ «*свободу суждения на основе фактической информации*» и право применить взыскания, если это будет необходимо, «*вылоть до исключения или же ограничиться более легким взысканием (исключе-*

¹ Письмо Секретариата ИККИ Х.Ф. Пенелону 6 ноября 1926 г. // Там же. Л. 40.

² Доклад Х.Ф. Пенелона. [Ранее 2 июля 1926 г.] // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–11.

чение делается для любых лиц, занимающих ответственные посты — временное исключение из партии»¹. В Москве считали возможным идеологическое усиление КПУ в результате осознания «ошибок» Мибелли и не считали окончательным его изгнание из партийных рядов. При этом Буэнос-Айресу недвусмысленно намекали на необходимость избегать слишком резкой постановки вопроса перед КПУ. Отношения Коминтерна и его южноамериканской структуры явно двигались по замкнутому кругу. Предоставляя Пенелону свободу суждений на основе фактической информации, в Москве вынуждены были доверять объективности и взвешенности его оценок, принимая на этом основании решения, часто носившие определяющий характер для последующего развития событий.

Изначально спорной была принятая с явной подачи ЮАСКИ идея об *одинаковости недостатков в большинстве южноамериканских партий*. Следовательно, и подходы к их искоренению могли быть одинаковы. Аргентинские товарищи были убеждены в том, что «новый организм» Коминтерна, как об этом заявил на VII съезде КПА (1925) секретарь партии П. Ромо, должен служить для *«гомогенизации»* и координирования деятельности всех южноамериканских секций К.И.»². И отсюда был сделан вывод об универсальности аргентинской модели, которую можно мультиплицировать на всем континенте. Разлилась только техника воздействия. В Уругвае, положение в котором «известно», Секретариату рекомендовалось непосредственно вмешиваться в обсуждение проблем, в то время как в Чили, учитывая отсутствие достаточных оснований для вмешательства, считалось необходимым направление делегата ЮАСКИ в качестве представителя Коминтерна для подготовки последующей оценки положения Президиумом ИККИ.

В Коминтерне не могли не понимать ограниченность информации, поступающей не только в Москву, но и в Буэнос-Айрес. Получая сведения из разных источников (например, о деятельности коммунистической группы Эквадора из ЮАСКИ; от Р. Рамоса Педруэсы; непосредственно от СПЭ, нерасставшей нисмо Коминтерну через французскую компартию), Секретариат испаноязычных стран констатировал недостаточность этой информации для составления точной картины рабочего движения страны: «Из нисыма Паредеса... следует, что в Эквадоре еще не существует компартии, в то время как мы знаем, что маленькая группа уже организовалась под именем коммунистической партии, помимо социалистической партии. Верно,

¹ Письмо [Эмбер-Дро] Пенелону 6 ноября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 6. Л. 40.

² Из доклада ЦК КПА VII съезду КПА // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 67. Л. 19.

что Интернационал еще не признал официально эту группу как свою секцию...»¹ Но Москве на основании противоречивой информации предстояло решать судьбоносные для революционного движения Эквадора (и не только этой страны) вопросы политики, позволяющей осуществить «широкую нерегруппировку сил в единственной организации», которая впоследствии получила бы официальное признание как компартия. Действовавшей внутри СПЭ группе коммунистов Южноамериканский секретариат должен был дать инструкции, сформулированные в ИККИ: не занимать в отношении коммунистических элементов, все еще пребывающих в соцпартии, и в отношении самой партии «сектантскую и эксклюзивистскую позицию»; маневрировать для достижения унификации всех коммунистических сил; исходя из трезвого расчета «завоевать», если и не всю СПЭ, то по крайней мере «большинство этих сил, ее руководящий аппарат и ее газеты».

Эквадорский вариант создания компартии рассматривался как имеющий большое значение для планов Коминтерна, который поручал применение этой линии Пенелону, не в полной мере осознавая, насколько он, как руководитель ЮАСКИ, способен воспринимать такую политику и готов к такого рода стратегическим и тактическим действиям. Правда, при этом ИККИ оставил за собой право вмешаться после получения более точных сведений.

Таким образом, нерасчетливое направление развития коммунистического движения континента вновь ненадало в руки региональной структуры. Если бы ЮАСКИ базировал свою деятельность на объективной информации и обсуждении принимаемых решений, это бы эффективно заменяло московское руководство. Но именно этого и не происходило: механизм принятия решений в Буэнос-Айресе был сориентирован на фигуру Пенелона, не обладавшего достаточной информацией для формулирования четкой и целенаправленной политики III Интернационала в Эквадоре. В этой связи непонятно, почему почти за год существования Коммунистической секции пропаганда и действия имени Ленина ЮАСКИ не сумел наладить устойчивые связи с ней, и ее руководители предпочли искать контакты с Коминтерном через Мексику и Францию. Стремление коммунистов Эквадора установить отношения с КПМ, а через нее с Коминтерном легко объяснимо прямым участием Рамоса Педруэсы в создании секции. Однако то, что такие контакты в первый период деятельности секции не были налажены со структурой, прямо отвечавшей за ком-

¹ Письмо [Эмбер Дро] Пенелону 6 ноября 1926 г. // Там же, Ф. 503, Оп. 1, Д. 6, Л. 41.

мунистическую деятельность в регионе, говорит в первую очередь о недостаточной оперативности работы самого Секретариата. Другим обстоятельством является боязнь эквадорских коммунистов, достаточно самостоятельных в своих суждениях и действиях, вмешательства Пенелона в их дела.

В Бразилии ЮАСКИ поддерживал отношения как с ЦИК КПБ, так и региональными организациями и даже отдельными коммунистическими ячейками. Такая система связей свидетельствовала о многом. В условиях Бразилии, где действовало осадное положение, зачастую было проще получать инструкции из Буэнос-Айреса, от ЮАСКИ, чем из Рио-де-Жанейро, от руководства КПБ. С другой стороны, это было свидетельством желания Секретариата иметь более разностороннюю информацию о деятельности партии и контролировать действия руководства КПБ. Пенелон, постоянно жаловавшийся Москве на технические трудности работы ЮАСКИ, даже не замечал, что такое «разбрасывание» создавало дополнительные проблемы и требовало немалых средств.

Серьезным недостатком работы бразильской компартии, с точки зрения Пенелона, было отсутствие практики выдвижения конкретных лозунгов для четко направленной агитации. «Опыт нам указывает, — писал секретарь ЮАСКИ, — что если мы хотим одновременно выставлять множество лозунгов, то мы не только снижаем важность лозунгов в целом, но и невозможно становится проводить хорошую и настоящую агитацию по конкретным пунктам». Из лозунгов КПБ, охватывавших все международные и национальные вопросы и представлявших в целом программу насущных требований, следовало бы, по мнению Пенелона, извлечь несколько наиболее важных в конкретный момент пунктов, способных стать основой для четко направленной агитации. Отсутствие конкретных задач, связанных с насущными проблемами трудящихся масс, мешало деятельности бразильских коммунистов «развернуться столь широко, как хотелось бы», но форма, в которой они поднимают вопросы, показывает, подчеркивал Пенелон, что «эта партия станет одной из наших лучших партий в Южной Америке»¹. Недостатком КПБ было отсутствие координации ее работы с деятельностью всего южноамериканского движения. Одной из причин этого являлась невозможность организации пропаганды на португальском языке.

В ИККИ не могли рано или поздно не понять ненормальность ситуации, при которой структура Коминтерна, специально сформированная для координации деятельности секций III Интернационала

¹ Доклад Пенелона. 1926 // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

в Южной Америке и для предоставления подробной и точной информации о странах региона, была не в состоянии справиться с возложенными на нее задачами. Признав «огромное значение» уже проделанной ЮАСКИ за год работы в сфере поддержания контактов с партиями и организациями, революционной агитации и т. н., руководство Коминтерна потребовало от ЮАСКИ «расширить и усилить» деятельность на всех этих направлениях¹.

Обеспокоенность Москвы была понятна. В середине 1920-х гг. и II Интернационал, и АФТ, и Амстердамский Интернационал профсоюзов, и анархо-синдикалистская Международная Ассоциация Трудящихся (Берлинский Интернационал) существенно интенсифицировали свою деятельность в Южной Америке². Медлительность структур Коминтерна грозила потерей и без того не слишком большого влияния на континенте. Сам Пенелон признавал наличие в рабочем движении некоторых стран «периода почти общего упадка». В Аргентине шел процесс формирования реформистского профобъединения, которое могло, по мнению ЮАСКИ, рассчитывать на расширение своего влияния и воздействовать на остальные южноамериканские страны. Недостаточная организованность профсоюзного движения и ориентация рабочей массы на различные центры создавали для коммунистов трудности в проведении «кампании в пользу единства, которое определило бы провал реформистских монополизмов или по крайней мере уменьшение их эффекта». При этом секретарю ЮАСКИ казалось, что бороться в Аргентине против «этих монополизмов» следует, проводя агитацию за единство «в конкретной форме», добиваясь консолидированных усилий сторонников Профинтерна путем формирования красных групп и комитетов единства³. Ни Пенелону, ни его адресатам даже в голову не пришло, что предлагаемый вариант действий фактически означал инициирование раскола в профсоюзном движении с лишь *последующей* унификацией, либо же речь шла исключительно о единстве внутри фракции сторонников КИП. В последнем случае, естественно, создание совместного фронта действий рабочего движения в общенациональном масштабе становилось недостижимой мечтой.

¹ Письмо [Эмбер-Дро] в ЮАСКИ Пенелону 6 ноября 1926 г. // Там же. Д. 6, Л. 37.

² Результатом активности Берлинского Интернационала было присоединение к нему в течение нескольких лет анархо-синдикалистов 13 стран Латинской Америки, в мае 1929 г. объединившихся в Американскую континентальную ассоциацию трудящихся. Дамье В. Анархо-синдикализм в XX веке. М., 2001. С. 42.

³ Письмо Хосе Ф. Пенелона Штирнеру 8 сентября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 503, Оп. 1. Д. 1, Л. 1.

А речь шла именно о консолидации нромосковского сектора аргентинских нрофсоюзов. Пенелон нланировал осуществить отстранение СПА от рабочего движения, сделав ставку на личные разногласия в нартии, затруднявшие социалистам ведение интенсивной работы и благоприятствовавшие деятельности ЮАСКИ. Глава нредставительства Коминтерна в Южной Америке основывал свои нланы на уверенности в неуклонном росте влияния коммунистов в рабочем движении. Пути достижения этой цели он видел в агитации «для каждой отрасли промышленности», трансформации нрофсоюзов в промышленные и организации в них коммунистических фракций. Первостепенной нроблемой ЮАСКИ считал расширение масштабов нронаганды нрофсоюзов в «нолностью отдаленных от любой классовой деятельности» рабочих массах, которые легко можно завоевать, учитывая условия их жизни и труда¹. В то же время Пенелон трезво оценивал нерспективы этой «весьма относительной» деятельности из-за трудностей, с которыми Секретариат сталкивался в командировании нронагандистов, из-за размеров курируемой территории и недостатка средств, что стало существенным нренятствием в распространении коммунистической деятельности в этих регионах. Для интенсификации нронагандистской работы в этом наравлении и для усиления организации рабочих в нрофсоюзах, стоящих на нозициях Профинтерна, ЮАСКИ нонятался наравлять точные инструкции коммунистическим нартиям и группам, значительная часть которых действовала нелегально.

Объективные сложности, нредонределенные отсутствием в большинстве стран Латинской Америки в начале 1920-х гг. реальной основы для широкого развертывания коммунистического движения, сочетались с очевидной невозможностью осуществлять руководство комнартиями Занадного нолушария из московского центра даже через нромежуточное звено – региональный орган Коминтерна в Буэнос-Айресе и усугублялись субъективным фактором – трудностями организации континентальной коммунистической деятельности на основе КПА. Через короткое время это нривело к серьезному кризису в работе ЮАСКИ, потребовавшему нрямого вмешательства Исполкома III Интернационала и реорганизации его буэнос-айресского нредставительства.

¹ РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

5.2. Коминтерн «ревизует» деятельность ЮАСКИ: начало миссии Вильямса в Южной Америке

Проблемы, связанные с подготовкой VI конгресса Коминтерна, на котором впервые предполагалось обсудить проблемы латиноамериканского коммунистического движения, требовали более точной и широкой информации, чем та, которую предоставляли ИККИ Южноамериканский секретариат и национальные секции III Интернационала. Кроме того, очевидной становилась неспособность ЮАСКИ справиться с поставленной перед ним сверхзадачей – созданием Федерации южноамериканских компартий. Постоянные жалобы формального лидера южноамериканского коммунистического движения на невозможность распространить влияние Секретариата на соседние страны из-за отсутствия подготовленных кадров не могли не тревожить руководителей III Интернационала. Наконец, длительная работа ЮАСКИ в автономном режиме требовала оценки и ревизии на месте. Поэтому весной 1926 г. в Москве принимается решение о направлении в Южную Америку представителя Исполкома Коминтерна Б. Михайлова¹.

Институт уполномоченных Коминтерна был органической и чрезвычайно важной частью механизма функционирования международной компартии. Одним из принципиальных постулатов демократического централизма, являвшегося организационной основой деятельности III Интернационала, был контроль вышестоящих органов над деятельностью нижестоящих, формы которого постоянно совершенствовались с учетом накопленного опыта международного партийного строительства².

Не зря в каждой новой редакции Устава III Интернационала уточнялись полномочия этих международных коммунистических функционеров. Первоначально возможности представителей ИККИ, определенные Уставом, были достаточно распыленными: выполнение своих политических задач «в теснейшем контакте с центральным комитетом коммунистической партии данной страны»³. Уже при первой коррекции уставных положений полномочия представителей ИККИ или его Президиума были конкретизированы и значительно

¹ Во время командировки в Южную Америку действовал под псевдонимами «Вильямс», «Раймон», «Гарри Раймонд», «Гарри Раум».

² Cheyfec L., Cheyfec V. Die Komintern und Lateinamerika. Die Geburt des einer kontinentalen Internationale // The International Newsletter of Communist Studies (Köln). Vol. X. 2004. № 17. P. 36–45.

³ Устав и резолюции Коммунистического Интернационала принятые на II конгрессе, состоявшемся в Москве с 17 июля по 7 августа 1920 года. Прага, 1921. С. 8.

расширены в специальной статье. Зачастую представители ИККИ работали в компартиях на долговременной основе, активно участвуя в определении стратегии, принятии тактических решений, формировании руководящих партийных органов и т. д. История ведущих секций Коминтерна в 1920-е гг. неотделима от имен представителей ИККИ [германской и французской – А. Гуральского, китайской – М. Бородина, Г. Маринга, М.Н. Роя, американской – Й. Погани (Дж. Пеннера), С. Гусева и др.].

Эмиссары ИККИ и его Президиума, направляемые в отдельные страны, получали инструкции в этих руководящих инстанциях и отвечали за свои действия только перед ними. Они могли участвовать во всех заседаниях центральных органов национальных секций, а зачастую на время пребывания в стране концентрировались в ЦК или Политбюро соответствующей компартии. Они имели право самостоятельной оценки деятельности центральных комитетов и если приходили к мнению, что политика партийного руководства расходится с линией Коминтерна, были уполномочены выступать на съездах, конференциях, совещаниях «в целях последовательного проведения директив ИККИ». В их обязанности входило также следить за выполнением постановлений конгрессов и Исполкома Коминтерна¹. Сотрудники III Интернационала, имевшие такие полномочия, обладали высокой степенью доверия руководства и имели большой опыт работы. Б. Михайлов входил в достаточно узкий круг сотрудников Коминтерна, располагавших тесными связями с высшим руководством, за его плечами были несколько ответственных миссий². Незадолго до поездки в Латинскую Америку он вместе с другими посланцами Коминтерна (в том числе С. Пестковским) координировал деятельность компартий балканских стран в один из самых критиче-

¹ Куп Б. Коминтерн в резолюциях. 2-е изд. М., 1926. С. 17; Степнографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5. Доклады об СССР и ВКП(б), заключительные работы. М.; Л., 1929. С. 164.

Возможности уполномоченных ИККИ были велики, но не всеобъемлющи, как описывает, например, В. Кривичкий: «...резиденты Коминтерна жестко контролировали деятельность руководителей национальных компартий. Ни рядовые члены партий, ни их руководители не знали подлинного имени представителя ОМС [в этом пункте с Кривичким можно согласиться, по лишь частично. – В.Х., Л.Х.], который подчинялся только Москве и лично в дискуссиях не участвовал. Самым шепетильным делом, выполняемым агентами ОМС, остается обязанность распределения денег для финансирования партий, оплата их дорогостоящей пропаганды и их фальшивых фронтов...». Кривичкий В. «Я был агентом Сталина». Записки советского разведчика. М., 1991. С. 112–113. Анализ характера миссии Вильямса и его поведения во время ревизии состояния дел в коммунистическом движении Латинской Америки показывает, насколько неправ был бывший советский разведчик.

² Личное дело Б.Д. Михайлова // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 11612. Л. 1, 3–7.

ских и драматических моментов истории региона (1923–1924). Этот опыт оказывался тем более важным для южноамериканской миссии Вильямса, потому что на Балканах существовала Коммунистическая федерация, через посредство которой Коминтерн направлял деятельность коммунистического движения региона¹.

Назначение Исполкомом Коминтерна своего уполномоченного в Южную Америку стало неприятной неожиданностью для руководства КПА и ЮАСКИ, привыкшего после дезавуирования III Интернационалом М. Александровского и прекращения деятельности в качестве делегата Коминтерна Ф. Вайля работать бесконтрольно. В. Кодовилья, направленный на работу в Москву, был вынужден задержаться по указанию руководства III Интернационала в Берлине, чтобы проинформировать Михайлова о состоянии дел и «дать ему инструкции по работе в Аргентине и в Южной Америке»². Аргентинский делегат сообщил в Буэнос-Айрес, что решение о направлении представителя ИККИ было принято «уже некоторое время назад», чтобы помочь в подготовке несколько раз откладывавшегося континентального коммунистического конгресса, а также для наблюдения за работой южноамериканских компартий³. Очерчивая круг задач и полномочий Вильямса, Кодовилья отметил, что у него нет резолюции или мандата относительно «чиснистов», и поэтому

¹ Балканская Коммунистическая Федерация была образована на I Балканской коммунистической конференции (1920) и первоначально объединила компартии Болгарии и Югославии, к которым позднее присоединились греческая и румынская. Российская исследовательница Р.П. Гришина отмечает, что формирование БКФ «происходило с опережением самого преобразования социалистических партий Румынии и Греции как коммунистических». БКФ выступала за объединение стран региона в Балканскую социалистическую федеративную республику, входящую во Всемирную Социалистическую Советскую Республику. Создание Федерации компартий рассматривалось как первый шаг в борьбе за реализацию этих целей. См.: Гришина Р.П. Создание и первые годы деятельности Балканской коммунистической федерации // Международная организация коммунистов. М., 1990. С. 150–158. Очевидно, что для Латинской Америки, рассматривавшейся Коминтерном как регион, включавший страны со сходными социально-экономическими условиями, общим империалистическим противником, федерализация виделась перспективным путем для развития коммунистического движения и организации в конечном итоге революции в континентальных масштабах. В этих условиях балканский опыт Михайлова и Пестковского, участвовавших в попытке организовать революционное выступление в масштабах целого региона, должен был учитываться в ИККИ при направлении их в Западное полушарие (первого в качестве официального представителя Коминтерна, второго – совмещавшего эти функции с исполнением обязанностей полпреда).

² Копия письма тов. Кодовилья по поводу назначения Вильямса представителем К.П. в Аргентине в Секретариат партии. 15 апреля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 81. Л. 13.

³ Там же.

данный вопрос будет обсуждаться в Москве. Из этого можно сделать вывод, что первоначально не предполагалось участие представителя ИККИ в разборе внутривнутрипартийной борьбы в КПА. Принятие решений по этому вопросу оставалось прерогативой высших инстанций Коминтерна. Это вполне устраивало Кодовилью, который как делегат КПА при ИККИ и представитель течения, одержавшего победу в фракционной борьбе, мог рассчитывать на понимание позиции его группы в Исполкоме Коминтерна. После встреч с Михайловым Кодовилья не замедлил поделиться с коллегами по руководству КПА впечатлениями о новом московском эмиссаре, отметив полное совпадение подходов к южноамериканским проблемам и подчеркнув, что «речь идет не о цензуре, а соратнике». Тем не менее, несмотря на то что Вильямс показался аргентинскому делегату «весьма способным работником» и «довольно уважаемой в Москве личностью, уже выполнившей важную работу в нескольких странах», по прибытии в штаб-квартиру Коминтерна Кодовилья обсудил вопрос о его назначении с председателем Коминтерна Зиновьевым. В беседе он заявил, что КПА «уже достаточно натерпелась от такого делегата, как Александровский», «ставившего пренебрежения политической работе вместо того, чтобы сотрудничать с нами», и высказал надежду на то, что Вильямс будет отличаться в лучшую сторону¹. Руководитель III Интернационала выразил понимание обеспокоенностью КПА в связи с приездом к ним представителя высших инстанций. Помня о спорах и интригах, связанных с «русским вопросом» в КПА², Зиновьев постарался успокоить аргентинца, но подчеркнул: способности Вильямса проверены годами его плодотворной работы в Коминтерне. Очерчивая границы возможностей эмиссара ИККИ во взаимоотношениях с руководством КПА, Зиновьев предусмотрел особые случаи расхождений в подходах к проблемам, которые могут возникнуть во время его миссии, и дал аргентинцам совет: не поддаваться в подобных случаях эмоциям, а при очень серьезных расхождениях — проводить свою политику, оставив за Вильямсом право сообщить об этом Коминтерну. Зиновьев дал ясно понять, что информирование должно исходить и от КПА, особо попросив «не ностунать так, как с Александровским»³.

¹ Письмо В. Кодовильи Х. Пенелопу 25 апреля 1926 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 134, Д. 81, Л. 14.

² Под «русским вопросом» подразумевались напряженные отношения между руководством КПА и русскоязычными членами партии, не раз приводившие к серьезным конфликтам на протяжении 1920-х гг. и даже частичному расколу партии в 1922–1923 гг.

³ Письмо В. Кодовильи Х. Пенелопу 25 апреля 1926 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 134, Д. 81, Л. 12.

За скобками обсуждения остался сам факт назначения «прокуратора» в Южную Америку. Видимо, руководители аргентинской секции даже сами себе не признавались в том, что их бесноконт не столько, как и в случае с Александровским, его русское происхождение, сколько неожиданно проявленный ИККИ интерес к положению дел в континентальном коммунистическом движении. И хотя это была обычная практика всемирной компартии, закреплённая положениями Устава Коминтерна, лидеры КПА и ЮАСКИ, отвыкшие от прямого контроля, увидели в приезде Михайлова скрытую угрозу своему положению, вероятно, значительно явнее, чем Зиновьев, представляя стеньгу влияния его представителей и их возможности воздействовать на события.

Задачи миссии Вильямса в Южной Америке постепенно расширялись и уточнялись. Вдогонку делегату Коминтерна шли инструкции, выолнить которые вряд ли было под силу даже столь опытного человеку. Часть фантастической по объёму работы, которую ему предлагалось проделать, была инициирована нисьями самого посланца Москвы. Отмечая, что ИККИ не имеет возможности обсудить все предложения своего эмиссара в первую очередь из-за занятости проблемами «Метгана»¹, секретарь Исполкома О. Пятницкий гарантировал принятие мер для того, чтобы проблемами Латинской Америки занимались самым серьёзным образом сразу же после предстоявшего Пленума. В уточнённый руководством Коминтерна круг задач Михайлова входили: детальное изучение «Кенворт-Берта»² (помощь в работе, особенно в подготовке партийных кадров; налаживание работы анпарата); совершенствование связей с коммунистическим движением соседних стран; укрепление ЮАСКИ, создание в нем грунны инструкторов; работа с АИЛ; организация связи со «Смитом»³. Простое перечисление направлений деятельности делегата ИККИ свидетельствует о сложившемся к этому времени в руководстве III Интернационала представлении об основных проблемах в работе ЮАСКИ, которые и предлагалось ликвидировать посланцу Москвы. Проблемы явно представлялись в кабинетах на Моховой как организационно-технические, и решить их, по мнению между-

¹ Условное обозначение СССР в шифропереписке ИККИ с латиноамериканскими компартиями.

² Условное обозначение КПА.

³ Условное обозначение Мексики. Получив указание наладить связь с Мексикой, Вильямс освобождался от визита туда, так как, по мнению Пятницкого, направленный для участия в съезде КПМ Воог «сможет объехать соседние со Смитом страны». Письмо [О. Пятницкого] Раймунду [Б. Михайлову] 15 октября 1926 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 19, Д. 182, Л. 131.

народных коммунистических чиновников, вполне мог один человек тем более с таким богатым и разносторонним опытом, который имел Михайлов.

Малая комиссия Секретариата ИККИ, изучив первые результаты работы Вильямса, решила укрепить Южноамериканский секретариат и предложила своему представителю рассмотреть полезность и своевременность его задержки в Буэнос-Айресе на длительное время в качестве члена и постоянного сотрудника ЮАСКИ¹. При этом право принять решение Москва оставляла за самим Михайловым, что свидетельствует о высоком авторитете и положении в иерархии всемирной коммунистической партии как его лично, так и других представителей Коминтерна, и значительной степени автономности их действий².

Документы Секретариата Пятницкого об организации поездки Вильямса позволяют судить и о серьезных недостатках нелегальной работы Коминтерна. Анализ переписки Михайлова с Москвой на всех этапах его миссии приводит к выводу, что представление о всемогуществе нелегального аппарата ИККИ – это не более чем миф. Южноамериканский представитель ИККИ регулярно информирует руководство о постоянном столкновении с проблемами, которые должны были по определению решаться аппаратом, специально предназначенным для организации той части деятельности всемирной коммунистической партии, которая была скрыта от глаз широкой публики (в первую очередь ОМСом).

«1. Доехал до Абрамова благополучно, сменил костюм и еду сегодня дальше. 2. Получил от Абрамова³ 1900 мешков, в чем выдал ему расписку... 4. Адрес у него получил»⁴. Уже из этих коротких фраз первого доклада Вильямса, написанного с дороги незамысловатым шифром, вырисовывается схема организации поездок посланцев Коминтерна. Из Москвы они выезжали в города, имевшие пункты связи ОМСа. В Берлине находился самый крупный опорный центр ОМСа: здесь командированные получали валюту, чтобы не перевозить ее через многочисленные границы. Михайлову здесь было вы-

¹ Письмо Ж. Эмбер-Дро Вильямсу [Б. Михайлову] 29 января 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

² Предполагая возможность отрицательного ответа на это предложение, Секретариат просил Вильямса при возвращении в Европу «*взглянуть по пути на нашу бразильскую партию и нашу португальскую партию, о которых мы ничего не знаем в течение долгих месяцев*». Там же.

³ Абрамов-Миров руководил берлинским пунктом ОМСа, впоследствии возглавлял всю службу международной связи ИККИ.

⁴ Письмо Раймона [Б. Михайлову] в Секретариат ИККИ 13 апреля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 182. Л. 1.

дано 1900 долларов («мешков»), он сменил наснорт («костюм»), получил адрес явки следующего промежуточного пункта путешествия.

Из Берлина Вильямс просит Рудольфа¹ от имени Аллана² уведомить «в нужной, не открытой форме друзей от Кенворта³ о моем прибытии и о том, что я буду интересоваться вопросами Нелли⁴. Адольфа⁵ и его дочерку там знают»⁶. Видимо, поездка организовывалась, несмотря на масштабность задач, настолько снешно, что Секретариат ИККИ не сумел (или не счел нужным?) не только предупредить заранее КПА о приезде своего представителя, но и согласовать эту миссию с Профинтерном. Полномочия Вильямса заниматься профсоюзным движением должны были гарантироваться знакомым аргентинским профсоюзным лидерам дочерком А. Нина. В Коминтерне явно считали, что его посланцы такого ранга не должны возить с собой мандаты, которые в случае их обнаружения полицией могли создать серьезные политические проблемы.

Учитывая нелегальный характер деятельности многих партий, конфиденциальность отношений ИККИ с руководством национальных секций, особенно по вопросам финансирования, организации связи и т. д., поездки представителей Коминтерна требовали обеспечения максимальной секретности. В связи с этим Вильямс постоянно обращает внимание руководства на эту сторону своей миссии, настойчиво предупреждая, что документы, направляемые им в Москву (особенно финансовые отчеты и сведения о маршруте и характере передвижений) не подлежат «хождению по всем канцеляриям», что их необходимо сохранять в секрете⁷. Круг людей в аннарате Коминтерна, допущенных к организации нелегальной работы, был достаточно узким, и выход секретных сведений за его пределы из-за угрозы утечки информации считался недопустимым.

С серьезными трудностями эмиссару Коминтерну пришлось столкнуться уже на следующем этапе путешествия – в Париже. Оказалось, что получить визу для дальнейшего следования труднее, чем представляли себе инструктировавшие его в Москве «сведущие»

¹ Псевдоним А. Нина, курировавшего в ИБ Профинтерна вопросы рабочего движения Латинской Америки.

² Условное обозначение Профинтерна.

³ Условное обозначение Аргентины.

⁴ Условное обозначение профсоюзных вопросов.

⁵ Псевдоним А. Нина.

⁶ Письмо Раймона [Б. Михайлова] в Секретариат ИККИ 13 апреля 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 182. Л. 1.

⁷ Письмо Раймона [Б. Михайлова] в Секретариат ИККИ 22 июня 1926 г. // Там же. Д. 181. Л. 6.

лица. Выяснилось, в частности, что швейцарец (а Михайлов отира-
вился в нуть со швейцарским наснортом) должен был представлять
свидетельство от Министерства юстиции о том, что не состоял под
судом или следствием, а также нредъявлять удостоверение о цели
нутешствия¹. Получивший от «Кристофа»² заверения в том, что его
соотечественникам даже визы не требуется, Вильямс оказался в за-
труднительном ноложении, ноявляясь в официальных учреждениях
без необходимых бумаг. И если в нринципе было возможно «нроосто
взять у кого-нибудь из здешних все необходимое, нриготовленное за-
ранее», то после нескольких визитов в официальные инстанции без
нужных документов, он оказался неред необходимостью заново «ме-
нять наружность и костюм»³.

Применять столь радикальный снособ обмана властей не нри-
шлось. Решить нроблему удалось значительно нроше. Чиновник ар-
гентинского консульства, нолучив под видом нлаты за визу вместо
требуемых двух долларов 10, нисьменно подтврдил представленные
ему «доказательства» нроживания в течение 5 лет во Франции и даже
научил Михайлова, как именно можно обманывать иммиграционную
службу⁴. Коррумпированность «буржуазного чиновника» ношла на
нользу мировой революции, однако необходимо отметить, что важ-
ная миссия нредставителя Коминтерна висела на волоске из-за от-
сутствия элементарной информации.

Ненредвиденная задержка в Париже нотребовала донолнитель-
ных расходов. Хотя еще в анреле из Берлина Вильямс с онтимизмом
докладывал, что ноездка обходится дешевле нредварительных рас-
четов⁵, в июне ему нришлось нроинформировать начальство о недо-
статке средств, нонросив расноряжения «Вернеру»⁶ выдать 400 дол-
ларов, «с тем чтобы (за вычетом стоимости билетов на нарох[од]...
около 300 д.)... осталось бы чистых ок[оло] (700 д.)»⁷. Дабы в Москве
не тревожились о возможностях экстраординарных субвенций для

¹ Эти формальности были вызваны стремлением Аргентины, не выдававшей уго-
ловных преступников, обезопасить себя от палыва преступных элементов, желавших
пайти там убежище.

² Псевдоним секретаря ИККИ швейцарца Ж. Эмбер-Дро.

³ Письмо Раймона [Б. Михайлова] Секретариату ИККИ 5 июня 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 19. Д. 182. Л. 3.

⁴ Письмо Раймона [Б. Михайлова] Секретариату ИККИ 22 июня 1926 г. // Там же. Л. 4.

⁵ Письмо Раймона [Б. Михайлова] Секретариату ИККИ 13 анреля 1926 г. // Там же. Л. 1.

⁶ Очевидно, речь идет о руководителе парижского пункта связи ОМС.

⁷ Письмо Раймона [Б. Михайлова] Секретариату ИККИ 5 июня 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 19. Д. 182. Л. 3.

своего эмиссара, Вильямс сообщает: «Говорят, что наличность у него есть, т[ак] что достаточно будет В[ашего] распоряжения»¹.

Отчеты Вильямса дают реальное представление о том, что упрощенный взгляд на возможности неограниченного расходования средств на мировую революцию, бытовавший в период организационного строительства Коминтерна, сменился на рациональное, чуть ли не гобсексовское стремление учитывать каждую копейку, контролировать не только сами суммы, но и процесс их расходования. Конечно, далеко не все работники III Интернационала и функционеры национальных секций умели рачительно расходовать деньги, и далеко не у всех было желание отчитываться перед вышестоящими инстанциями. Скандал 1925 г. с денежными средствами Крестинтерна, направившимися в Мексику, ярко продемонстрировал эту тенденцию². Миссия Вильямса – пример иного, рачительного, подхода к распоряжению финансами мировой коммунистической партии. Б. Михайлов информирует Секретариат ИККИ о покупке книг и одежды, сообщает об отказе от приобретения фотоаппарата, который был разрешен начальством, но требует дополнительных затрат.

В штаб-квартире Коминтерна не имели представления о системе транспорта и связи в Латинской Америке, полагаясь на случайную информацию, хотя и исходившую от лиц весьма ответственных. Онашения Вильямса в связи с возможными сложностями организации поездки в Мексику оснаивались в Москве Кодовильей, утверждавшим, что между «Кентвортом» и «Смитом» существует хорошая регулярная связь³. Южноамериканский представитель Коминтерна был вынужден поставить на место своего аргентинского коллегу, посоветовав тому «не фантазировать о том, чего он не знает»⁴. Опираясь на документы туристских и пароходных кампаний, Вильямс сообщил в Москву об отсутствии прямой связи Аргентина – Бразилия, Бразилия – Мексика, Аргентина – Куба, о том, что даже линия из Буэнос-Айреса в Мексику идет через Чили или США. И хотя «выдумки» Кодовильи вызвали смех у секретаря ЦК КПА П. Ромо, дело

¹ Там же. Л. 3 об. Секретариат ИККИ оперативно отреагировал на просьбу Вильямса, и уже 22 июня он сообщил в Москву о получении запрошенной суммы. Письмо Раймона [Б. Михайлова] Секретариату ИККИ 22 июня 1926 г. // Там же. Л. 4.

² Подробнее см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., Станислав Пестковский, Товарищ Андрей: Jefeys L., Jefeys V. Quien diablos era Andrei? Stanislav Pestkovski, Camarada Andrei. Una tentativa de una investigación histórica // Memoria. Boletín de CEMOS (México), 1999, № 3.

³ Письмо Секретариата ИККИ Раймунду [Б. Михайлову] 9 октября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 182. Л. 131.

⁴ Письмо Вильямса [Б. Михайлова] Секретариату ИККИ 5 ноября 1926 г. // Там же. Л. 146.

обстояло не так весело. Планируя революционные выступления в масштабах целого континента, обсуждая вопросы стратегии и тактики партий, определяя характер революции и т. д., штаб-квартира мировой революции не обладала элементарной информацией. Это ставило под сомнение не только возможности координировать действия южноамериканских секций, но даже эффективность отдельных миссий представителей Коминтерна. В Мексике таких сложностей не возникало из-за того, что роль делегата ИККИ чаще других выполнял Воог, много раз бывавший здесь и информировавший об особенностях страны и порядке поездок в нее своих коллег. В случае же с Аргентиной сказывалось отсутствие устойчивых контактов такого рода на протяжении целого ряда лет.

В условиях самой Латинской Америки недостаточная эффективность организации нелегальных связей Коминтерна проявлялась еще больше, чем в Европе, из-за отсутствия здесь в 1920-е гг. аннарата ОМСа. Возникшие уже в первые недели пребывания в Западном полушарии у Вильямса сложности с «костюмом» разрешить оказалось затруднительно, потому что на месте «сшить новый костюм» (сделать новый наряд) оказалось почти невозможно. Не было четкой системы передачи финансовых средств и из Буэнос-Айреса, ввиду чего представителю Коминтерна пришлось просить «дядю» (секретаря ИККИ Пятницкого) официально разъяснить аргентинским товарищам, кому предназначены полученные здесь «1.000 мешков от Гофмана»¹. Вильямс не сомневался, что деньги предназначались ему, но «местные друзья», на адрес которых поступили средства, были склонны предполагать, что этот перевод для них и «мешков» делегату ИККИ не отдавали.

При отсутствии устойчивой и быстрой связи с Москвой и промежуточными пунктами связи особенно ощутимыми и опасными для сохранения конфиденциальности неренски становились недоработки ОМСовской структуры. Из далекой Южной Америки уполномоченный ОМСа напоминает своему парижскому коллеге, что в условиях, когда «письма идут безобразно долго», следует своевременно указывать, «куда и как писать», обращает внимание на то, что фамилия в парижском адресе в предыдущих письмах была неренутана не им («твоя девица Л. так мне ее дала»). Что такое неренутанная фамилия в конспиративном письме, не требовало для работника службы международной связи специального разъяснения. «Пустяковый» прокол в работе сотрудницы парижского пункта мог вызвать провал конспиративной сети Коминтерна или как минимум задержать кор-

¹ 1000 долларов из Москвы.

респонденту Вильямса и получение им инструкций из Москвы на непредсказуемое время, что ставило под вопрос эффективность всей миссии¹.

Дело было не только в нерадивости отдельных работников. Несмотря на усилия руководства Коминтерна, система устойчивой двухсторонней связи отсутствовала как таковая. Направив за полгода двенадцать отчетов, Михайлов получил подтверждение доставки своих писем лишь дважды; один раз пришли письменные инструкции Пятницкого. Новых конспиративных адресов ни Москва, ни нидерландский пункт ОМСа своему эмиссару не направляли, несмотря на постоянные напоминания, чем вынудили его прибегнуть к помощи обладавшего автономной системой контактов с регионами представителя КИП И. Адзарио, поделившегося с ним каналами связи своей организации. Между тем информация и предложения, направлявшиеся Вильямсом в Москву, требовали оперативного обсуждения в высших инстанциях и развернутых указаний. Не получая их, он вынужден был просить давать хотя бы краткие ответы по телеграфу, что, конечно, не снимало проблем². Решать сложные организационные, политические и идеологические вопросы по телеграфу, не имея возможности открытым текстом или даже в слегка завуалированной форме дать рекомендации своему корреспонденту в Буэнос-Айресе, ИККИ не мог, тем самым технические трудности превращались в политические.

Уже вскоре после прибытия в Аргентину Вильямс, проведя ряд встреч с руководством КПА и ознакомившись с положением дел на месте, поставил перед ИККИ вопрос о корректировке своих обязанностей. Московский эмиссар вполне обоснованно считал перспективным направлением для расширения влияния III Интернационала в Южной Америке антиимпериалистическую деятельность. Первое его впечатление совпадало с выводами Пенелона о необходимости сосредоточить организацию континентальной антиимпериалистической работы там, где действует центр коммунистического движения, и среди первоочередных практических шагов по развитию коммунистического движения Вильямс назвал перевод в Аргентину Комитета ВААИЛ и усиление политического руководства работой Лиги путем вхождения членов ЮАСКИ в ее руководство³.

¹ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 28 октября 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 182. Л. 132.

² Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // Там же. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 34, 43 об.

³ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] Мишелю [О. Пятницкому] 28 августа 1926 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 61.

Более глубокое изучение деятельности ВААИЛ привело Михайлова к выводу о прочном утверждении американского капитализма в странах тихоокеанского побережья Южной Америки (при сохранении сильных позиций английского капитала), Бразилии и острой борьбе между английским и американским капиталами в Аргентине¹. Политическим эффектом этого проникновения могло стать, по его мнению, развертывание широкого антиимпериалистического движения. В результате этого анализа здравомыслящий политический функционер осознал невозможность руководства антиимпериалистической работой в континентальных масштабах из Аргентины, не озаботившись упрочением связей с Континентальным комитетом ВААИЛ в Мехико. Между тем контакты Комитета с Аргентиной, Чили и Уругваем фактически отсутствовали, даже журнал лиги «El Libertador» почти не попадал в страны Южного конуса. Представитель ИККИ пришел к выводу, что наиболее благоприятные условия для развития работы лиги сложились в Мексике, затем – в Эквадоре, на Кубе, в Перу и Боливии, затем – в Чили, далее – в Бразилии и, наконец, в Аргентине. Последнее место Аргентины в списке стало основой для его предложения сделать Чили базой развертывания антиимпериалистической деятельности в Южной Америке. При этом Вильямс видел насущную необходимость ускорения темпов работы ВААИЛ в странах тихоокеанского побережья. Он сознательно предложил иной, чем Пенелон, взгляд на антиимпериалистическое движение, решительно отказавшись от аргентиноцентризма при рассмотрении организационных проблем Лиги. Михайлов исходил из понимания объективной реальности: настоящая и с пропагандистской точки зрения достаточно эффективная работа проводилась Континентальным комитетом и североамериканской секцией ВААИЛ. В такой ситуации попытка решения вопросов работы лиги из ЮАСКИ, не учитывая позиции руководства КПМ и РК(К)ПА, стала бы пустой тратой времени.

Собираясь лично заняться налаживанием регулярных организационных связей с центрами ВААИЛ в Мехико и США, он настаивал на поездке в Мексику и соседние с ней страны. Вильямс поставил руководству ИККИ ультиматум: направить его в Мексику либо отозвать в Европу, так как не видел смысла в сложившихся условиях в пребывании в Аргентине, где имелся более развитый по сравнению с партиями соседних стран партийный аппарат и лучшие, чем в других партиях региона, руководители. Деньги же на поездки по региону

¹ Копия письма Вильямса [Б. Михайлова] из Аргентины 5 ноября 1926 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 63.

(без которых его участие в работе ЮАСКИ казалось представителю Коминтерпа бессмысленным) должны были вскоре закончиться, Бразилию же можно было посетить по пути в Европу, дабы не ездить туда специально, совершая ненужные расходы. Был возможен, как указал Вильямс, и иной вариант – командировать его непосредственно в Бразилию и США для решения вопросов ВААИЛ и установления более тесных контактов Р(К)ПА с компартиями Южной Америки. В случае несогласия ИККИ на подобное развитие работы делегат Москвы постоянно предлагал вернуть его «в Европу, СССР или куда угодно, где можно и нужно работать, а не выдумывать себе работу»¹.

Однако реальная ситуация в коммунистическом движении Южной Америки быстро показала, что он обманулся в оценке масштабов своей деятельности: работы вполне хватало и здесь. Уже первые впечатления Вильямса после анализа деятельности ЮАСКИ на месте резко разошлись с устоявшимся в Москве мнением о работе данной структуры. Первые же слова его отчета из Буэнос-Айреса ставили под сомнение все предыдущие реляции Пенелопа. Вильямс констатировал: «...как *организация* Южноамериканский Секретариат *в настоящее время* не существует. Работа Секретариата ограничивается прежде всего работой *секретаря* товарища *Пенелона* и сводится главным образом к пересылке организациям в Южной Америке *Информационного бюллетеня* о наиболее важных событиях в международном рабочем движении и о положении в СССР... *Связи Южноамериканского секретариата с партиями* и руководство последними осуществляются абсолютно недостаточно» [выделено в документе. – В.Х., Л.Х.]².

Претензий собственно к секретарю ЮАСКИ у Вильямса в начале его миссии не было. Более того, он всячески подчеркивал, что Пенелоп, «авторитет которого в общем очень высок», терпеливо, постоянно и энергично, хотя и самыми примитивными средствами, ведет работу по установлению связей с людьми, симпатизирующими коммунизму или революционно настроенными, и признает, что невозможно требовать от «человека, уже работающего, как негр»³, таких результатов, которые может обеспечить организация. Однако деятельность Секретариата оценивалась представителем ИККИ как неудовлетворительная. Следует особо отметить, что в первых аргентинских впечатлениях Вильямса просматривается влияние Пенелопа, и

¹ Там же, С. 65.

² Письмо Раймонда [Б. Михайлова] Мишелю [О. Пятницкому] 28 августа 1926 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 58–59.

³ Там же, С. 59–60.

причины недостатков работы ЮАСКИ уполномоченный Коминтерна явно оценивал с его подачи. Именно это, как представляется, стало причиной того, что первоначальный анализ причин сложностей организации континентальной работы, сделанный Вильямсом, столь походил на жалобы Пенелопа в Москву: во-первых, невозможность составить ясное представление о положении дел в южноамериканских секциях Коминтерна по редким допесениям от партий; во-вторых, невозможность из-за недостатка средств направлять представителей ЮАСКИ в страны Южной Америки или добиваться приезда делегатов партий в Буэнос-Айрес; в-третьих, несовершенство связи, препятствовавшее координации действий и получению информации и объяснявшееся техническими причинами¹; в-четвертых, слабость политического руководства партий, связь с которыми была палажепа, например, КПУ. В этом случае имелись более или менее регулярные контакты: уругвайские коммунисты приезжали в Буэнос-Айрес, аргентинские бывали в Монтевидео. Но при этом отсутствовал механизм взаимодействия, политический орган, обеспечивающий постоянные политические консультации, и, как следствие этого, руководство КПУ недостаточно внимательно прислушивалось к мнению ЮАСКИ. Вильямс лично убедился в том, что только Уругвай был реальной сферой влияния и руководства Секретариата, да и то недостаточно развитой. Связь была плохой даже с чилийской и бразильской секциями, а координация их деятельности крайне проблематичной. Что же касалось других коммунистических партий и групп, левых элементов в профсоюзном движении, то Секретариат по-прежнему только поставлял им литературу, поддерживал переписку, не дававшую особых результатов.

Однако представитель Москвы сумел увидеть и важное достижение ЮАСКИ – его пропагандистскую деятельность. Рассылка «Информационного бюллетеня», выполнявшего «самые элементарные задачи пропаганды», позволяла установить связь с рабочими и национально-революционными организациями Южной Америки, людьми, симпатизирующими коммунизму или настроенными революционно. Особое значение эта работа имела для расширения связей Коминтерна с рабочим движением в связи с широкомасштабной пропагандой, разворачивавшейся на континенте Амстердамским Интернационалом, бесплатно распространявшим среди рабочих организаций свой информационный бюллетень, хорошо технически выполненный и повсеместно рекламируемый. В то же время

¹ В качестве одного из примеров Вильямс приводит получение ЮАСКИ в августе 1926 г. информации об апрельском (!) решении ННК КПЧ ликвидировать «правопортунистическую» партийную организацию Сантьяго во главе с М. Идальго.

Вильямс не преминул заметить: журнал ЮАСКИ недостаточно освещал вопросы тактики южноамериканского коммунистического движения из-за слабости связей Секретариата с партиями и отсутствия сотрудников¹.

Проблемы руководства деятельностью национальных секций через ЮАСКИ в том виде, в каком он существовал к моменту приезда Вильямса, лежали на поверхности. Здесь не было расхождений между посланцем Москвы и местными коммунистическими лидерами. Главную организационную причину сложностей развития копипентального движения они усматривали в недостатке внимания со стороны высших органов Коминтерна. Меры по усилению работы Секретариата, в том числе устранение крупных недостатков организации его связи с партиями, можно было предпринять на месте, в Буэнос-Айресе. Учитывая наличие там лучшего аппарата, лучших руководителей, чем у иных компартий, представитель ИККИ первоначально не видел смысла в своем личном участии в этой работе. Дальнейшее налаживание дел и связи Секретариата можно было осуществить при двух основных условиях: наличии средств и возможности личных поездок его эмиссаров в компартии. Но их реализация была возможна только через Москву, при ее финансовой поддержке. Нельзя не согласиться с мнением самого Вильямса, не постеснявшимся указать своему руководству, что данная проблема упиралась «на три четверти в вопрос о средствах»². И поэтому естественным был его призыв к Москве усилить заботу о южноамериканском направлении борьбы III Интернационала. Однако совместная телеграмма Михайлова и Пенелопы с просьбой поднять перед Расширенным пленумом ИККИ вопрос об увеличении «запроса об игрушках для Берта Августина»³ была вершиной их взаимопонимания⁴. Первые положительные впечатления московского эмиссара от секретаря ЮАСКИ и его деятельности улетучивались по мере ознакомления с реальным

¹ Журнал составлялся и публиковался почти единолично Пенедопом. Письмо Раймонда [Б. Михайлова] Минделю [О. Пятницкому] 28 августа 1926 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 59.

² Копия письма Раймонда [Б. Михайлова] 5 ноября 1926 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 62.

³ Финансирования деятельности ЮАСКИ.

⁴ Телеграмма Пенелопы и Гарри Раума [Б. Михайлова] в Межрабпом, Кодовиле // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.

Насущность дополнительного финансирования представитель Коминтерна и руководитель ЮАСКИ объясняли потребностями КПА и его газеты, необходимостью помочь компартии Уругвая, расширением состава и функций Секретариата, созданием отделения Профинтерна, планами изменения местонахождения ВААНЛ и учреждения газеты Лиги для южноамериканских стран.

положением дел как в самом Секретариате, так и во всем коммунистическом движении, им руководимом.

5.3. Участие Вильямса в работе ЮАСКИ и компартий региона

Приезд Вильямса коренным образом изменил стиль работы Секретариата. То, что Пенелопе казалось невозможным и поэтому не делалось даже не месяцами – годами, эмиссар ИККИ превратил в повседневность. Уже из первых его отчетов из Южной Америки видно, как динамично и последовательно он осуществлял лично и организовывал ту работу, которую Москва безуспешно просила проделать ЮАСКИ, – оказание помощи национальным секциям на местах и осуществление прямого контроля их деятельности. Причем интенсивность этой работы сам Михайлов объясняет буднично и рационально: «...разъезды стоят здесь сумасшедшие деньги, по раз попав сюда, надо ознакомиться со всем»¹. После предварительного ознакомления с делами у «Сойера»² – педельная поездка к «Домби»³, вновь работа в Аргентине и подготовка визита в «Ландлоу»⁴ через Боливию и Перу⁵. Возвращение к «Сойеру» и новая поездка к «Домби» для участия в «ревизии Берта»⁶. При этом представитель Коминтерна не гнался за количеством посещенных им стран и исходил из политической и экономической целесообразности своих поездок, как он их понимал и как ему позволяла их понимать имевшаяся информация. Запрашивая московских руководителей о необходимости посещения «Доррита»⁷, Эквадора и Венесуэлы, сам он расценивал эту поездку как нецелесообразную, потому что «там почти ничего нет, кроме бесформенных симпатизирующих групп», и поэтому считал нерациональным тратить на путешествие в эти страны большие деньги⁸. Зато отказ от этой поездки мог высвободить время и средства для озна-

¹ Письмо Раймона [Б. Михайлова]. Июль 1926 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 182. Л. 8.

² Условное обозначение Буэнос-Айреса.

³ Условное обозначение Уругвая.

⁴ Условное обозначение Чили.

⁵ Письмо Раймона [Б. Михайлова]. Июль 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 182. Л. 8.

⁶ Условное обозначение съезда партии.

⁷ Условное обозначение Колумбии.

⁸ Письмо Раймона [Б. Михайлова]. Июль 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 182. Л. 8.

комплеция с делами у «Прай»¹ и «Микс»² и реализации одной из приоритетных целей его миссии – визит в Мексику. Такой отбор объектов для посещения представителем Москвы во многом свидетельствовал о понимании и в Коминтерне, и в ЮАСКИ роли и значения тех или иных стран в развитии революционного движения на континенте, основанных на недостаточной информированности. Всего через два года забастовочная борьба в Колумбии под руководством СРП станет одним из центральных вопросов всего южноамериканского коммунистического движения, а коммунисты Венесуэлы и Эквадора уже в это время (первые за пределами своей страны, вторые – на родине) демонстрировали серьезные революционные потенции.

Всей программы поездок Вильямсу в силу разных причин не удалось выполнить. Но даже то, что было им сделано, сыграло важную роль в деятельности нескольких коммунистических партий, в первую очередь аргентинской, чилийской и уругвайской. Эти повороты нашли отражение в официальных версиях истории партий, как имевшие историческое значение. Правда, при этом сам Михайлов (ни под настоящей фамилией, ни под псевдонимами) как инициатор многих решений и участник судьбоносных событий в этих версиях почти не упоминается, хотя факт присутствия посланца Коминтерна в Южной Америке был зафиксирован в публикациях партийной прессы. Сам он в своих отчетах с облегчением констатировал, что его пребывание в Уругвае было «технически вполне благополучно», и, несмотря на «рекламу» уругвайских товарищей, печатавших в газете «Justicia» «сенсационные» анонсы о выступлениях представителя Коминтерна, он смог благополучно пробыть в стране после Пленума ЦК КПУ еще 8 дней³. Миссия Вильямса, планировавшаяся как совершенно секретная, могла быть поставлена под угрозу срыва уже не из-за недоработок и нестыковок в аппарате Коминтерна, как в начале его поездки, а в связи с отсутствием навыков нелегальной работы в уругвайской секции. Руководители КПУ явно желали усилить значимость Пленума передачей гласности факта присутствия на нем посланца Москвы и тем самым фактически поставили под угрозу безопасность последнего. Следует отметить, что для уругвайских властей в этот момент проблема коммунистических агентов не была, видимо, вопросом настолько актуальным, чтобы бросить силы полиции на поиски и задержание Михайлова, иначе, учитывая легальный характер КПУ, это было бы делом техники. Этот факт важен больше

¹ Условное обозначение Бразилии.

² Условное обозначение Кубы.

³ Письмо Раймона [Б. Михайлова]. Июль 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 182. Л. 39 об.

для понимания методологии создания истории латиноамериканских компартий в последующие годы, когда тщательно скрывалось то, что было сутью III Интернационала и его отношений с национальными секциями и являлось «секретом Полишинеля» в 1920-е гг. – интернациональные связи.

Эмиссар ИККИ, ознакомившись с положением в уругвайской компартии, решил разрубить «гордиев узел» ситуации вокруг персонального дела Мибелли. Вмешательство Вильямса было вызвано желанием преподать открытый урок всем коммунистам-парламентариям Латинской Америки (впрочем, очень немногочисленным на тот момент), четко очертив границы их прав и обязанностей по отношению к партии. Был инициирован созыв Расширенного пленума Исполкома КПУ для обсуждения деятельности «в вопросах, представлявших собой примеры тяжелых политических уклонов». Возникновение в уругвайской партии «оппортунистического течения», идеологом которой был объявлен Мибелли, характеризовалось как отражение общей тенденции развития международного коммунистического движения, вызванной относительной стабилизацией капитализма, сокращением числа выступлений рабочих масс, давлением господствующих классов, проводивших антисоветские кампании, основанные на клевете международных реператов. Поддержка этой линии, по оценке руководства КПУ, вела к потере революционности части членов партии и отступлению в реформизм.

Мибелли обвиняли в попытке поставить партию под контроль парламентариев и желанием получить роль «каудильо», отказе от борьбы за насущные требования трудящихся под предлогом «прихода часа революции», отказе от использования парламентской трибуны для мобилизации и организации пролетариата и народа¹. Значимость обсуждения этого вопроса и принятых Пленумом решений усиливалась участием в его заседаниях представителей Коминтерна и ЮАСКИ Михайлова² и Р. Гиольди. Попытки Мибелли оправдаться привели только к усугублению тона обвинений и продемонстрировали, по оценке Пленума (явно инициировавшей посланцами ИККИ и Южноамериканского секретариата), некоммунистическую ментальность депутата-коммуниста. Пленум потребовал от депутата отказа от должности парламентария, передав вопрос о дисциплинарном взыскании в специальную комиссию. Важность этого персонального дела подчеркивалась его вынесением на партийный референдум. Палата депутатов не пошла на поводу у КПУ, отказавшись утверж-

¹ Historia del Partido Comunista del Uruguay (Hasta el año 1951)... P. 73.

² Под псевдонимом «Pafimon».

дать отставку Мибелли в случае его отзыва партией, по депутат подчинился резолюции Пленума и освободил место в парламенте¹.

Жесткая линия, принятая партией по инициативе делегатов Москвы и Буэнос-Айреса, была выдержана до конца. Обвинив Мибелли в упорном отстаивании «своей глупой оппортунистической концепции, несовместимой с партийной идеологией», руководство КПУ пошло дальше решений Пленума, охарактеризовав позицию экс-депутата уже как *антикоммунистическую*. Опрос партийных ячеек об их отношении к делу Мибелли привел к планировавшемуся результату: подавляющее большинство высказалось за его исключение из партии. Прошедший в 1927 г. X съезд КПУ единодушно одобрил акт избавления партии от одного из самых уважаемых и популярных партийных лидеров, принесенных в жертву на алтарь «большевизации»².

В Чили Вильямс оказался в переломный для страны и ее рабочего движения момент: в преддверии и во время переворота Ибаñеца. Его выводы из анализа состояния КПЧ были на первый взгляд достаточно парадоксальными – «очень небольшая и слабая организация, с чрезвычайно большим политическим влиянием на массы и почти полным контролем над всем синдикалистским движением в Чили». Партия контролировала деятельность Рабочей федерации Чили, крупнейшего профцентра с численностью, колебавшейся в этот период от 8 до 15 тыс. членов, и способной в периоды серьезных кризисов организовать кампании с участием 80–100 тыс. рабочих. Через созданный ей Межсиндикальный комитет (Unión Gremial), являвшийся Комитетом единства, РФЧ руководила деятельностью автономных профсоюзов, в том числе сильной реформистской Железнодорожной конфедерацией. Функции РФЧ и КПЧ переплелись настолько, что по оценке делегата Коминтерна, их руководители не знали, где «кончается РФЧ и начинается К.П. ... для массы РФЧ и К.П. были, да и есть, одно и то же»³.

¹ El Comité Ejecutivo Ampliado del Partido Comunista del Uruguay // La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires), 1926. № 11. P. 29.

² Congreso de bolchevización del Partido Comunista del Uruguay // La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires), 1927. № 27. P. 10; Historia del Partido Comunista del Uruguay... P. 73.

Показательно, что в своей статье об Уругвае, единственном опубликованном документе, рассказывающем о поездке в Южную Америку, Михайлов даже не обмолвился о «деле Мибелли», но не преминул отметить организационные и политические успехи КПУ. Вильямс [Б. Михайлов]. Экономическое и политическое положение в Уругвае и задачи уругвайской компартии // Коммунистический Интернационал. 1928. № 14. С. 30–37.

³ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 36 об. – 37.

Важную причину идеологической и организационной слабости КПЧ Вильямс увидел в отсутствии в стране социалистических партий и, как следствие этого, отсутствие «резервуара для стока реформистских элементов из рабочего движения: они могли спокойно процветать в К.П.»¹. В партии, входившей во II Интернационал и без раскола и чисток перешедшей на позиции Коминтерна, были сильны традиции парламентаризма, которые все больше приходили в противоречие с установками всемирной компартии. Члены влиятельной коммунистической фракции в парламенте ощущали себя самостоятельной политической силой, а некоторые из них, даже не входя в партийное руководство, осознавали себя настоящими лидерами рабочего движения, что вполне соответствовало чилийским реалиям. КПЧ стояла на пороге серьезного внутрипартийного кризиса, связанного с подготовкой большинством парламентской фракции попытки устранить на съезде «двоевластие» фракции и ЦК, взяв партийное руководство в свои руки. Это совершенно не укладывалось в логику Коминтерна, и не удивительно, что Вильямс отнесся к таким действиям подозрительно, предполагая наличие умысла покопчить с «рабочими элементами» в ЦК КПЧ.

Важнейшим условием сохранения влияния партии среди организованных рабочих и превращения ее в эффективную силу представлял Коминтерн считал перестройку партийных организаций, в которой сам принял участие. Результатом его поездки по стране стало повсеместное создание производственных ячеек², разработка ЮАСКИ открытого письма к КПЧ, подготовка на основе требований этого письма предсъездовской дискуссии и проведение съезда партии под политическим руководством делегатов ЮАСКИ Р. Гиольди и М. Контрераса³. Вильямс считал свершившимся фактом изоляцию «реформистских элементов» после съезда и отход от них парторганизаций Вальдивии и Антофагасты, установление контроля за деятельностью депутатов-коммунистов и усиление ЦК КПЧ кадрами из провинции с последующим «выпрямлением» его линии. Делегату ИККИ Вильямсу и М. Контрерасу вместе с руководителями КПЧ удалось разграничить функции партии и РФЧ, создать в отделениях последней коммунистические фракции и добиться усиления «Uniones Gremiales» (Вильямсу они виделись «подлинны-

¹ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 37.

² В результате реорганизации, начатой в октябре 1926 г., появились ячейки в крупных промышленных центрах, которые к моменту переворота Ибаньеса едва начали работать. Вся КПЧ в тот момент, по оценке Михайлова, насчитывала около 700 членов.

³ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // Там же, Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 36–37 об.

ми органами профсоюзного единства»). Московский эmissар считал, что реорганизация КПЧ развернулась в полную силу и что лишь разгром полицией первичных парторганизаций вскоре после съезда не позволил завершить создание коммунистических фракций во всех профсоюзах, объединение трех профсоюзов портовых рабочих в единую организацию, основание профорганизаций крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Государственный переворот, хотя компартия предвидела его, поставил ее в сложное положение: КПЧ оказалась не подготовленной к резко изменившейся политической ситуации. Уже при первой попытке Ибаñеса взять власть, застрявшей в стадии «идеологической подготовки», партия начала организацию стачечных комитетов с целью не допустить установления диктатуры. Но работа эта велась, по оценке Вильямса, медленно, несмотря на «подтолкновения» из ЮАСКИ. Темпы создания нелегального аппарата партии отставали от стремительного развития политического кризиса. Главная проблема заключалась в том, что чилийская секция Коминтерна от решения этой задачи отвлекалась на внутреннюю борьбу, проведение съезда, решение ряда других неотложных задач. Неизбежным результатом такой спешности стало то, что второй успешной попытке переворота она не сумела противопоставить никаких организующих действий, ничего, кроме общей агитации, манифестов и заявлений коммунистических депутатов в парламенте.

По мнению представителя Коминтерна, КПЧ оказалась готова к факту переворота лишь политически, сумев «правильно оценить его характер и тенденции». Организационное же противодействие сводилось к нулю, что было вызвано и стремительными мероприятиями нового правительства, уже в первые дни диктатуры запретившего КПЧ и закрывшего все печатные органы партии, РФЧ и аппаратов. Около 150 партийных работников были арестованы (в том числе почти все коммунистические парламентарии, многие члены ЦК и лидеры местных парторганизаций, руководители РФЧ); большинство из них новый режим сослал на острова Мас Афуэра, часть депортировал. Репрессии коснулись и представителей буржуазных партий, не припавших к диктатуре. Но основным удар Ибаñес направил все-таки против левых. И его опасность состояла даже не столько в степени жестокости репрессий, сколько в идейном обосновании рабочей политики диктатуры. Суть патерналистской политики Ибаñеса состояла в стремлении вытеснить коммунистов и аппаратов из рабочего движения¹. Выступая против «продажного парламентаризма», про-

¹ Подробнее см.: История Латинской Америки, 1918–1945, С. 182. Правительство не только оказало всемерную поддержку лидерам рабочего движения, поддержав-

тив «политикапов, губящих паацию», диктатор обрушился и па коммунизм как идеологию и политику. Лозунгами «За знамя паии или за знамя советов?», «Пришел момент решительно порвать красные пити Москвы», «Отпые в Чили не будет ни апархистов, ни коммунистов» были переполнены его декларации¹. Подобные заявления произвели впечатление па значительную часть рабочего класса, в том числе па сторонников КПЧ и РФЧ.

В конце концов переворот Ибањеса спровоцировал раскол, давпо пазревавший в чилийской секции Коминтерна, что показало переоценку Вильямсом степени политической готовности партии к перевороту. Новое правительство сразу же поддержали депутат от КПЧ Рейес и сенатор Кармона, к которым позже присоединился депутат Кордоба. Депортированный ранее из страны депутат Сепульведа Леаль прислал в буржуазные газеты декларацию в защиту правительства Ибањеса, после чего получил возможность вернуться в Чили. Не замедлил высказать свое одобрение Ибањесу сенатор М. Идальго. Политически законодатели из числа коммунистов обоспывали свою позицию следующим образом: КПЧ выступала с экстремистских позиций, не желая считаться с общепациональными интересами, именно поэтому они призвали рабочих сплотиться вокруг правительства, развернувшего борьбу с коррупцией и государственным бюрократизмом². Правительство оценило заявление оппозиционеров партийного курсу, предоставив в их распоряжение конфискованную типографию РФЧ для издания проправительственной рабочей газеты, редактором которой стал Кармона.

ЦК КПЧ ответил исключением Кармоны и Рейеса из партии. Это, однако, не спасло партию от раскола – за депутатами, обладавшими

шим диктатуру, но и предприняло шаги по созданию собственной организации «La Vanguardia Nacionalista» («Националистический авангард»). Одновременно министр финансов Ибањеса провозгласил «полную поддержку и помощь со стороны государства сельтрапой промышленности» и введение в действие «режима государственной экономии». Позднее был разработан Трудовой кодекс, дополнивший «социальные законы» правительства А. Алессандро. Он позволял правительству прекращать забастовки посредством трудовых судов, а регулирование всех аспектов отношений между трудом и капиталом возлагал па Департамент труда. Признание права па забастовку и объединение в профсоюзы должно было продемонстрировать рабочим, что для достижения своих требований не обязательно идти за диктатором.

¹ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 35 об.

² Правительство в конгрессе поддержали более половины депутатов от КПЧ, однако законодатели-коммунисты, приветствовавшие диктатора, не были во всем едины. Так, например, Сепульведа Леаль, одобряя меры Ибањеса по реорганизации и чистке администрации, не считал экономическую программу диктатуры палачеей от всех проблем и критиковал преследования коммунистов // Там же. Л. 38.

влиянием и сохранившими возможность легальной работы в профсоюзах, пошли многие первичные организации в рабочих районах. Уже затем произошел второй раскол – от поддержавших Ибаñеса партийных руководителей отделился ряд ячеек, вставших на сторону ЦК. Руководители рабочих организаций Вальпараисо метались, не зная, какую позицию им занять: сначала они одобрили действия диктатуры, но спустя некоторое время высказались против Ибаñеса и осудили профсоюзных лидеров, остававшихся на стороне диктатора¹.

Небезынтесно, что ЮАСКИ поначалу не стал решительно отвергать коммунистов, заявлявших проибаñесовскую позицию, говоря лишь об «осуждении колебаний» и «сомнительных элементах», которые впоследствии, возможно, могут стать «предателями и репегатами»². Причиной осторожности представительства Коминтерна была боязнь спровоцировать «преждевременный» раскол КПЧ, способный привести в условиях подполья не только к маргинализации, но и полной ликвидации партии.

Действительно, КПЧ, не имея опыта нелегальной работы и лишившись значительной части своих руководителей, фактически разваливалась ввиду жесточайших внутренних противоречий; в значительной степени это же происходило в контролируемых коммунистами профсоюзах. Как признают чилийские историки-коммунисты, партийные организации могли действовать «относительно нормально» там, где рабочий класс был силен и «способен защитить их», там же, где немногочисленные коммунисты оказывались среди «агрессивно настроенных» противников, жизнь ячеек в условиях подполья оказывалась педолговечной. Отсутствие эффективной подпольной организации резко ослабило партию, не способную противостоять машине правительственных репрессий³. Тем не менее часть членов ЦК, уцелевшая от арестов, достаточно быстро сумела организовать работу в подполье: были выпущены манифесты и прокламации партии, начала регулярно выходить нелегальная газета «Antorcha»⁴. Нелегальному руководству КПЧ удалось добиться восстановления парторганизаций в Сантьяго, Вальпараисо и других провинциальных центрах. Работа партии в профсоюзах была менее очевидна, сказались аресты и высылки всех известных коммунистов из числа руководи-

¹ Там же.

² Письмо Южноамериканского Секретариата Коминтерна чилийской КП 19 марта 1927 г. // Там же. Ф. 503. Оп. 1. Д. 17. Л. 7–8.

³ Ramirez Necochea, H. Op. cit. P. 254.

⁴ В нелегальный партийный центр вошел депутат К. Контеррас Лабарка, секретарь ЦК КПЧ Х. Сантос Савала, представитель ЮАСКИ М. Контеррас и несколько руководителей провинциальных организаций.

лей рабочего движения. Но, несмотря на закрытие всех профсоюзных газет, правительство не ликвидировало сами профсоюзы; оставшиеся на свободе члены партии пытались действовать в них нелегально. Усилия эти не координировались партийным руководством, и представитель ИККИ констатировал, что об этом направлении работы КПЧ в Буэнос-Айресе «ничего не знают»¹.

Предварительный анализ положения в чилийской секции III Интернационала накануне и после переворота Ибабьеса привел Вильямса к ряду выводов, немедленно направленных им для рассмотрения высшими инстанциями Коминтерна. Непосредственной перспективой для Чили он видел обострение экономического кризиса, попытки правительства диктатуры переложить его на плечи трудящихся масс и, «как неизбежное следствие – желание классовой борьбы, полный крах фашистской демагогии, усиление влияния компартии, – единственной реальной силы, ведущей борьбу с диктатурой круп. буржуазии и иностр. капитала, сосредоточения в ее руках полит. руководства борьбой масс [подчеркнуто в документе] против фашистской диктатуры капитала»². В этих условиях перспективой могла, по его мнению, стать *пролетарская революция против капиталистического режима*, объективными предпосылками для которой Вильямс считал то, что Чили была единственной в Южной Америке индустриальной страной, где 87 % населения проживало в городах, имелся сильный пролетариат, сосредоточенный в рабочих районах, это была страна с обостренными классовыми противоречиями, беспощадно угнетаемая иностранным капиталом. Экономический кризис должен был поставить широкие массы перед вопросом о борьбе за свое материальное существование против неразрывно связанных между собой иностранного капитала, крупной национальной буржуазии и диктатуры, которая в итоге должна была стать борьбой против капиталистической системы *за рабоче-крестьянское правительство, за социализм*. Другие предпосылки этой перспективы, считал Вильямс, неизбежно создаст «фашистская диктатура Ибабьеса: переход мелких промежуточных группировок в лагерь фашизма, поляризацию классовых сил, деление их на два лагеря – буржуазный (фашистский) и пролетарский (антифашистский), разделенные социальной баррикадой.

Как отмечает О. Ульянова, определение политического феномена ибабьизма и выработка позиции по отношению к этому периоду политической жизни Чили оказались нелегкой задачей для

¹ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 39.

² Там же.

лидеров коммунистического движения как в самой стране, так и в Коминтерне. Антиолигархический пафос и социальный дискурс выступлений молодых офицеров в 1920-гг. первоначально воспринимались коммунистами с определенными симпатиями и ожиданиями, а первые их оценки таких военных движений были достаточно амбивалентными. Первое упоминание имени К. Ибаñеса появляется в документах Коминтерна в 1925 г. в связи с первыми попытками переворотов, осуществлявшимися молодыми офицерами, без какого-либо негативного контекста. В 1925–1927 гг. III Интернационал отмечал значение «мелкой буржуазии» в правительстве и предостерегал по поводу «фашистской опасности» в соответствии с тогдашним коминтерновским определением фашизма как «движения мелкой буржуазии». Однако не исключался и ее «революционный потенциал», страна представлялась стоящей перед выбором «фашизм или революция». Революционная альтернатива, естественно, увязывалась со способностью компартии использовать ситуацию и возглавить движение, но фашистская альтернатива не связывалась с какими-либо конкретными именами¹.

Лишь после 23 февраля 1927 г., когда Ибаñес начал жесткое подавление оппозиции, первый же манифест ЮАСКИ по поводу этих событий разоблачил «военно-фашистскую диктатуру в Чили». Исходя из своего видения международной политики, как столкновения империалистических интересов великих держав, апалитики Коминтерна включали правительство Ибаñеса в контекст «борьбы между английским и американским империализмами». Режим Ибаñеса был ими квалифицирован как «пробританский» и противопоставлялся «америкаофилии» президента Алессандро². Подобная оценка была естественным следствием генеральной линии советской внешней политики и внутренних дебатов в III Интернационале. Учитывая изменения внутри КПЧ в последующий период, не удивительно, что именно такое восприятие государственного переворота Ибаñеса стало неотъемлемым элементом коммунистической историографии.

Делом КПЧ должно было стать создание «условий для революции» – организация и мобилизация пролетариата, превращение компартии в массовую, сосредоточение в ее руках руководства массовой

¹ Ulianova O. El Partido Comunista Chileno durante la dictadura de Carlos Ibañez (1927–1931): primera clandestinidad y «bolchevización» estaliniana // Boletín de la Academia Chilena de la Historia (Santiago de Chile). 2002. № 111. P. 385–436.

² Письмо Южноамериканского Секретариата Коминтерна чилийской КП 19 марта 1927 г. // Там же, Ф. 503, Оп. 1, Д. 17, Л. 5; Секретный доклад члена Южноамериканского Секретариата «Раймонда» [Б. Михайлова] ИККИ // Там же, Ф. 534, Оп. 4, Д. 185.

борьбой масс. Делегат ИККИ видел острую необходимость для чилийской компартии в тот момент в укреплении партийных рядов и удержании позиций в организованном рабочем движении, достижении политической победы над отколовшейся от КПЧ оппозицией. С этой целью были разработаны директивы ЮАСКИ для КПЧ, предусматривавшие систему разноплановых мероприятий. В качестве основной задачи партии в условиях диктатуры и единственной гарантии спасения партии и укрепления ее связей с массами ЮАСКИ рассматривал создание нелегальных фабрично-заводских ячеек и усиление их деятельности. Партии рекомендовалось усилить связи центрального руководства и организаций в провинциях, активизировать пропагандистскую работу; подготовить конференцию для «фиксирования линии редегатов, перешедших на сторону фашизма»¹.

«...Борьба в Чили должна привлечь самое серьезное внимание всех органов Томаса», — писал в Москву Вильямс, обращаясь с настойчивой просьбой разрешить ему новую командировку туда, подчеркивая, что мотивом является «ясное сознание, что иными путями осуществить политическое руководство невозможно»². Но при поездке Вильямса в Чили, при планировавшемся вояже за Кордильеры И. Адзарио не осуществились. Этому помешали и сложность ситуации в стране, не дававшая гарантии безопасности посланцам Москвы, и конфликт в руководстве КПА, в короткое время приведший аргентинскую партию к расколу, и вызванный этим кризисом фактический коллапс в деятельности Южноамериканского секретариата Коминтерна.

5.4. Южноамериканский опыт эмиссара Коминтерна и переоценка Вильямсом фигуры Пепелона

Анализ взаимоотношений ЮАСКИ и национальных секций Коминтерна в Чили и Уругвае, проделанный Михайловым на основании документов, впечатлений и информации, полученных в ходе его собственных поездок, дал ему богатую пищу для размышлений о характере, формах и методах деятельности Секретариата. Так, оценивая политическую линию КПЧ, эмиссар ИККИ пришел к выводу о том, что «чрезвычайная идеологическая слабость ее руководства» была прямым следствием полной оторванности партии не только от международного коммунистического движения, но и от других

¹ Копия письма Раймонда [Б. Михайлова] 9 мая 1927 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 71–72.

² Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // Там же, Ф. 534, Оп. 4, Д. 185, Л. 39 об. — 40.

партий Южной Америки». По мнению Вильямса, партии, не поддерживавшей систематические связи с ЮАСКИ и работавшей «без всякого политического руководства с его стороны»¹ [подчеркнуто в документе от руки]², было трудно овладевать идеологией марксизма-ленинизма, вырабатывать политическую линию, соответствующую задачам рабочего движения Чили и уставовкам III Интернационала. Характерно, что делегат Коминтерна точно следовал схеме, предусматривавшей возможности успешной деятельности компартий в результате внешнего организационно-идеологического рычага Коминтерна, что в принципе противоречило официально провозглашавшейся доктрине развития коммунистического движения на базе революционного рабочего движения страны.

Между тем не вызывает сомнений простой факт: буэнос-айресское представительство Коминтерна уже во второй половине 1926 г. не только не имело реального представления о состоянии дел в рабочем движении Чили, но даже и не интересовалось тамошней ситуацией. О выходе 47 коммунистов в Сантьяго из КПЧ в мае 1926 г. и создании ими самостоятельной организации в ЮАСКИ узнали лишь в октябре (!), а факт жестокой борьбы между двумя коммунистическими организациями в Вальдивии оставался неизвестным до приезда в Чили Вильямса, которому удалось быстро ликвидировать оппозицию в Сантьяго, вернув большинство ее членов в партию («оставив за бортом 3-х неисправимых крикунов, ведущих чисто личную борьбу»). Этот пример показал, как легко можно было при вмешательстве региональной инстанции Коминтерна разрешить кризис, если споры не носили принципиального характера³.

Проблемы в организации контактов с компартией Чили работники ЮАСКИ объясняли техническими трудностями (например, отсутствием железнодорожной связи в период снежных запосов). «Однако, — справедливо отмечал Вильямс, — ...период бездействия Тома Аугустина был раз в 5 шире периода запосов», объясняя отсутствие связей элементарным «неумением и нежеланием руководить; тенденцией сократить (!) полит. руководство партиями»⁴. Позиция

¹ Там же, Л. 37.

² ЮАСКИ не направлял КПЧ документы Коминтерна и коммунистическую прессу: партия не получила даже резолюции всемирных конгрессов, постановлений пленумов ИККИ, более 8 месяцев не приходила газета КПА «La Internacional». Но даже если бы они регулярно поступали, в КПЧ не было людей, способных перевести их на испанский язык.

³ Речь, естественно, не идет о затяжном кризисе, поразившем КПЧ в целом, в связи с дискуссиями по вопросу о диктатуре Ибабьеса.

⁴ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // Там же, Ф. 534, Оп. 4, Л. 185, Л. 40.

Пепелопа, считавшего необходимым для ЮАСКИ скрывать свое руководство, недвусмысленно проявилась и при подготовке съезда КПУ, когда он заявил о недопустимости организации кампании, базирующейся на информации о том, «что вот-де, наш берт руководится органом извне», которую буржуазия «у Домби» использовала бы в своих интересах, против коммунистов¹.

Руководители КПА – члены ЮАСКИ не обладали информацией о выходе из подполья компартии Бразилии, начале выпуска газеты Рабоче-крестьянского блока, создании региональной профсоюзной организации и избрании представителей РКБ в муниципальные органы. Такие сведения частным порядком получил член ЦК КПА Пупейт Альберти, в то время как Секретариат с его аппаратом не знал ничего²! Эти и им подобные «провалы» в работе южноамериканской структуры ИККИ несомненно были связаны с личностью Пепелопа. Даже если допустить, что Р. Гиольди, сообщивший в Москву о недостаточности информации, просто не был в курсе полученных главой ЮАСКИ данных, нельзя не задаться вопросом, почему Пепелоп не считал необходимым извещать остальных членов Южноамериканского секретариата о полученных сведениях?

Такая тенденция была свойственна всей работе Секретариата. Практические результаты, достигнутые за короткое время в Чили, стали результатом поездок туда Михайлова, представителя КПА (М. Контрераса), участия Р. Гиольди и Контрераса в съезде КПЧ. Командировка последнего состоялась вопреки воле Пепелопа, выступавшего против этой идеи, но и неоднократно поднимавшего «у Тома Аугустина» вопрос об отзыве Контрераса из Чили, мотивируя это необходимостью его работы «для Кенворта» и опасностью в случае «перемены профессии»³ «скомпрометировать Берта Кенворта». Перед съездом КПЧ, когда была получена телеграмма «гофмана»⁴ с предложением самому главе ЮАСКИ выехать в Чили, он отказался от поездки, даже не объяснив своих мотивов. Вильямс писал в Москву: «Близкие к нему товарищи приводили, как истинную причину... романтические обстоятельства, которые я стесняюсь излагать Вам. В момент, когда шли аресты у Лаполоу, когда мы не знали, цели ЦК, знали лишь, что цел посланный туда товарищ, т. Пепелоп, ссылаясь на своеобразно им истолкованную фразу письма этого т-ща (письма, написанного эзоповским языком) и толкуя ее так, что мол-

¹ РГАСПИ, Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 40.

² Письмо Р. Гиольди В. Кодовиле 5 июля 1927 г. // Там же, Ф. 495, Оп. 134, Д. 108. Л. 4; Доклад Р. Гиольди 16 декабря 1927 г. // Там же, Д. 103. Л. 36.

³ Условное обозначение ареста.

⁴ Условное обозначение Москвы.

де Джоп Лаполоу¹ не хочет присутствия там этого товарища, требовал немедленного, по телеграфу, отзыва его оттуда»². Большого труда стоило запросить мнение ЦК КПЧ, протестовавшего против отъезда «Варгаса» в столь трудный для партии момент³. Наконец, Пенелоп просто прекратил пересылку средств, которые ЮАСКИ решил выплачивать Контрерасу. Представитель ЮАСКИ в Чили, решавший важнейшие политические задачи, выпущен был из-за отчаянного материального положения поступить работать на фабрику и, видя бесполезность обращений к Секретариату, попросил финансовой помощи у своей парторганизации в Кордове, собравшей для него 80 песо. Пенелоп признал, что отправил за все время только 50 песо, объясняя это необходимостью «проверить действительность адресов».

Отказался от поездки Пенелоп и тогда, когда на запрос Вильямса в Москву с просьбой разрешить ему самому выехать в Чили, пришло указание отправить туда представителя ЮАСКИ, по возможности главу Секретариата. Свое нежелание выехать в командировку он объяснил занятостью в муниципальном совете. Таким образом, проблемы личных качеств и амбиций Пенелопа выросли в вопрос политического характера и стали существенно тормозить функционирование всего механизма взаимодействия Коминтерна с южноамериканскими секциями. На поверхность вышла тенденция, проявившаяся чуть ли не с самого начала деятельности ЮАСКИ, по которую упорно не замечали в Коминтерне: «всеми мерами, вплоть до мелкого саботажа сорвать малейшую попытку Тома Аугустина осуществить сколько-нибудь действительное политическое руководство над партиями», в основе которой лежало стремление свести «Тома Аугустина на роль безобидного органа, издающего безобидные информационные бюллетени, и стремление не допустить превращения Т[ома] Аугустина в орган сколько-нибудь коллективный»⁴.

Пенелоп долго отказывался предпринимать шаги для получения официального разрешения на их въезд в Аргентину, а после его получения настолько затянул высылку денег чилийским эмигрантам, срок пребывания которых в Перу истекал, что это ставило под угрозу саму возможность их приезда, поскольку перуанские власти могли выслать их в любую другую страну. Объяснения секретаря ЮАСКИ носили настолько формальный характер, что поповоле вы-

¹ Условное обозначение ЦК КПЧ.

² Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 40 об.

³ Псевдоним М. Контрераса в Чили.

⁴ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // Там же, Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 41.

зывали подозрения в тайном умысле. Он отказывался давать депьги Южноамериканского секретариата до получения денег, специально направленных на эти цели «Вилландом»¹.

Средства были выделены в последний момент, когда перуанское правительство депортировало чилийских эмигрантов, несмотря на их намерение направиться в Буэнос-Айрес, пароходом, следовавшим на Кубу. Оппоненты Пенелопа в КПА восприняли саботаж в получении разрешения на въезд чилийцев в Аргентину и высылке денег его желанием привлечь их для работы в ЮАСКИ².

Осенью 1926 г. Кодовилья проинформировал ЦК КПА о решении Коминтерна расширить Южноамериканский секретариат и «коллективизировать» его работу, включив в его состав в качестве главного редактора «La Correspondencia Sudamericana» Р. Гиольди, генерального секретаря КПА П. Ромо и Вильямса³. Однако для реализации этого решения южноамериканскому представителю ИККИ пришлось преодолевать серьезное сопротивление Пенелопа.

Уже первые заседания Секретариата показали: бывшего единства руководства КПА (а все новые члены ЮАСКИ входили в это руководство) нет и в помине. «Новички» отвергли предложение Пенелопа порвать с Латиноамериканским союзом (Unión Latino Americana), симпатизировавшим коммунистам и поддерживавшим инициативы КПА, обоснованное секретарем ЮАСКИ лишь тем, что на один из его митингов вместе с представителем компартии был приглашен представитель АИЛ, член «Chispa»⁴. Критике подвергся отказ Пенелопа от попытки завоевать Лигу испутри путем вступления в нее членов КПА, чтобы на съезде сбросить ее «чиспистское» руководство.

Новые члены Секретариата не замедлили поднять кардинальный вопрос: почему региональный орган Коминтерна не занимается организацией политической деятельности в южноамериканских партиях? Пенелоп пытался апеллировать к успешной и результативной работе, проведенной в первые месяцы функционирования ЮАСКИ, когда удалось добиться определенных результатов, но это была лишь работа по установлению отношений с организациями и лицами, направ-

¹ Условное обозначение МОПРа.

² Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 42.

³ Доклад товарища Гиольди 16 декабря 1927 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 134. Д. 103. Л. 36.

В систематических заседаниях ЮАСКИ, которые раньше не проводились его секретарем, стал участвовать и представитель «Тома Рамона» (условное обозначение ЮАСКИМ) «Гитор» (О. Гиольди).

⁴ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // Там же. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 41–41 об.

ление им информации и т. д. Для этой деятельности вполне хватало самого главы Секретариата и одного технического сотрудника – его собственного племянника. Главная же часть работы, а именно *политическое руководство* не осуществлялось. Подозрения Р. Гиольди о сознательном саботаже данного направления деятельности Пенелопом не были беспочвенными. Однако нельзя не заметить: на протяжении длительного времени товарищи секретаря ЮАСКИ по аргентинской партии не замечали или не хотели замечать, что Секретариат не выполняет свою основную задачу. Их разбогасия с Пенелопом стали проявляться по прибытии Вильямса и после того, как делегат Коминтерна принял участие в работе ЮАСКИ и указал на упущенные возможности. Организаторские способности Михайлова, его готовность принимать решения и брать на себя ответственность за короткое время изменили стиль и характер работы Секретариата и стали приносить ощутимые результаты, вызвавшие явное раздражение главы ЮАСКИ.

Р. Гиольди в письме в Москву отмечал: «Пен[елопу] как будто бы не хотелось работать с другими людьми, способными принять его собственные идеи, это сопротивление коллективной работе, форме работы, которая предусматривает, несомненно, определенный контроль за всеми и каждым членом данного органа. И это при том, что Р[аймон] поработал очень хорошо, оказался великолепным сотрудником, внесшим во всех случаях вклад на основе своего политического опыта, а он немаленький; это политически весьма подкованный товарищ, быстро познавший конкретные условия Аргентины и Южной Америки, и чьи четкие инструкции всегда оказывались крайне полезными. То, что было сделано в политической работе Секретариата – случаи Чили и Уругвая, например, этим мы обязаны ему. Для удовольствия Пен[елопы] по поводу сотрудничества Р[аймона] в выполнении задач нет ни малейших оснований... могу оценить его работу как эффективную и результативную. Вот бы аргентинской К.П. всегда иметь таких делегатов»¹.

Если раньше оппоненты Пенелопы не могли допустить и мысли о возможности выступить против члена ИККИ и секретаря ЮАСКИ, зная хорошее отношение к нему в Москве, то теперь, увидев в Вильямсе, влиятельном в коридорах коминтерновской власти человеке, своего единомышленника, они перешли в атаку. Процесс размежевания в группе лидеров КПА катализировался еще одним обстоятельством – отсутствием в Буэнос-Айресе В. Кодовильи, кото-

¹ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 134, Д. 108, Л. 6–7.

рый, паходясь в одинаково дружеских отношешях со всеми членами партийного ядра и будучи авторитетом для всех (и из-за своей высокой теоретической подготовки, и в связи с тем, что на протяжении ряда лет контролировал святая святых – получение и распределение фиансов), являлся фигурой, консолидировавшей руководство КПА. Его отъезд и пребывание в Южной Америке Вильямса создали условия, при которых давно зревший конфликт вышел на поверхность.

Ответом главы ЮАСКИ на критику со стороны расширенного состава возглавляемой им структуры стало сознательное и прямое саботирование работы Секретариата, продолжавшееся несколько месяцев. Был прекращен выпуск «Информационного бюллетеня». Пенелоп, оскорбленный решением ИККИ о своей замене на посту главного редактора «La Correspondencia Sudamericana», устранился от участия в работе по изданию журнала и даже не передал преемнику имевшуюся в его распоряжении информацию, из-за чего был сорван своевременный выпуск нескольких номеров теоретического органа Секретариата. Р. Гюльди, перегруженный множеством поручений в ЦК КПА, в их числе редактирование газеты «La Internacional», был вынужден практически в одиночку готовить несколько номеров журнала¹.

Вскоре после расширения Секретариата Пенелоп перестал собирать его члены. Не готовились протоколы предыдущих заседаний. Руководитель ЮАСКИ самоустранился даже от подготовки съезда КПУ, партии, у истоков которой он стоял, и Вильямс включился в эту работу самостоятельно, «наезжая к Гутчинсону² или частными письмами». Материалы, получаемые Секретариатом из других стран, скрывались Пенелопом; требования сосредоточить архив ЮАСКИ в помещении, отведенном для него ЦК КПА, и предложение взять для этих целей на работу технического сотрудника, он также игнорировал.

Представитель Коминтерна воспринял подобную ситуацию и отсутствие решительных мер по нормализации деятельности ЮАСКИ как следствие положения в КПА. Явственно вскрылись разногласия по вопросам организации и руководства партии, имевшиеся ранее

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 108. Л. 5.

Анализируя характер и причины возникших в КПА и ЮАСКИ проблем следует иметь в виду: документы архива Коминтерна нередко отражают внутреннюю борьбу среди руководителей КПА. Так, например, Пенелоп полностью отвергал обвинения, выдвинутые Гюльди в его адрес, целиком возлагая ответственность на самого «разоблачителя». По словам главы ЮАСКИ, он оставил своему преемнику более 12 готовых страниц для двадцатого номера издания, задержки же были вызваны неправильным руководством Р. Гюльди. Письмо Х.Ф. Пенелопа В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // Там же. Л. 19.

² Условное обозначение Монтевидео.

лишь в зародыше, борьба двух групп – Пенелопа и Гиольди – Ромо вышла за рамки «мелкой борьбы личностей», которая ранее легко устраивалась¹. Конфликт в руководстве КПА вырос в кризис, имевший опасную тенденцию – если не распространиться на все континентальное коммунистическое движение, то, во всяком случае, парализовать деятельность ЮАСКИ как его координатора. Господствовавшая почти семь лет установка Коминтерна опираться на КПА как ядро, вокруг которого могла бы формироваться Федерация компартий Южной Америки, оказалась несостоятельной.

Лишь увидев развал работы в ЮАСКИ, произошедший по прямой вине руководителя коминтерновской структуры в Южной Америке, Вильямс обратил внимание и на проблемы внутри КПА. На протяжении ряда лет руководство III Интернационала не замечало рост внутренних противоречий в аргентинской секции. Проблемы между тем не исчезли, они лишь уходили вглубь и росли, словно снежный ком. И, наконец, весь их комплекс стал очевиден представителю III Интернационала: гипертрофированный централизм в КПА; чрезвычайная узость руководства; замена обсуждения вопросов на местах решениями специальных уполномоченных; сектантские тенденции в применении тактики единого фронта; нежелание вести серьезную политическую борьбу с «числистской» оппозицией; ошибки в профсоюзной тактике. Именно это, по мнению Вильямса, препятствовало укреплению связей КПА с массами, развертыванию партийной политической работы, воспитанию кадров. Эмиссар ИККИ отождествил указанные ошибки исключительно с деятельностью Х. Пенелопа, саботировавшего стремление Гиольди и Ромо устранить «недочеты»².

Лишь теперь представитель Москвы открытым текстом заявил о том, что раньше уже указывали оппозиционеры внутри КПА и его предшественник М. Александровский, – именно в таком стиле работы, «пропитанном персонализмом», Пенелоп видел гарантию сохранения за ним роли монопольного руководителя партии. Сказав «а», Вильямсу пришлось говорить и «б», признав, что лидер КПА был руководителем такого типа уже несколько лет *«не без попустительства с нашей стороны»*. Реалистично оценивая обстановку и понимая, что попытка «кавалерийской атаки» лишь приведет к потрясениям в партии, Михайлов предложил Москве стараться *«не давать личной борьбе заостряться»*, все политические разногласия обсуждать в руково-

¹ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] 7 мая 1927 г. // Там же. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 42.

² Там же.

дящих органах и готовиться к съезду партии, постепенно усиливая коллективность в руководстве¹.

Борьба «соперничающих личностей» в КПА резко обострила ситуацию и внутри Южноамериканского секретариата III Интернационала, призванного решать более масштабные задачи. Вильямс резко спроецировал положение дел внутри руководства КПА на ситуацию в Секретариате (сравнение было абсолютно правомерным, так как руководителем обеих структур являлся Пенелоп): внутренние противоречия обостряются, едва у монопольного лидера пробуют отобрать часть полномочий и, наконец, после официального подтверждения главой Латинского секретариата ИККИ Ж. Эмбер-Дро необходимости руководства ЮАСКИ не одним лицом, а «тройкой» (Пенелоп, Р. Гиольди, Вильямс), начался откровенный «систематический саботаж» со стороны Пенелопа с целью отстоять прежние монопольные права². Представитель ИККИ видел выход лишь в проведении съезда КПА и обсуждении аргентинских вопросов в штаб-квартире Коминтерна. Вильямсу пришлось с горечью высказать в адрес своего печальства упрек: он давно уже предлагал реорганизацию ЮАСКИ, отвергнутую с подачи Кодовильи, как «хорошую, по чрезвычайной широкою».

Именно поэтому до намеченного на январь или февраль 1928 г. конгресса Коминтерна Михайлов планировал вернуться в Москву для непосредственного участия в обсуждении вопросов, касающихся ЮАСКИ, и разработки линии КПА, настаивая на своем *обязательном* приезде сразу же после завершения командировки в Уругвай. Не подлежит сомнению, что делегат ИККИ осознавал: те факты и тенденции, которые он сам сумел понять лишь в Аргентине, будут в Москве опровергнуты соратником Пенелопа Кодовильей, мнение которого вполне может перевесить, учитывая, что аргентинский делегат являлся одним из немногих экспертов по южноамериканским делам Исполкома. Именно опасение возможного противодействия со стороны Кодовильи стало, как представляется, основой для другого предложения, сделанного Вильямсом, – немедленно отправить того в Южную Америку. Формально это объяснялось необходимостью его присутствия для стабилизации противоречий в руководстве аргентинской секции. Фактически же Михайлов хотел получить гарантии более объективного рассмотрения в Москве своих антипенелоповских по содержанию планов. Еще больше могло бы усилить позиции Вильямса в дискуссии по аргентинскому вопросу присутствие в

¹ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 185. Л. 42 об.

² Там же. Л. 42 об. – 43.

Москве Р. Гиольди, памечепного им в качестве пового представителя КПА при ИККИ. Это, видимо, поял и Пенелон, решительно выступивший против возвращения Кодовильи ранее осени 1928 г.¹

Кризис в руководстве КПА, развившийся к 1927 г., стал самым серьезным в ее истории. Во время предыдущих конфликтов между группами и течениями функционеры, входившие в ядро Исполкома партии и определявшее партийную политику с 1918 г. (Х. Пенелон, Р. Гиольди, В. Кодовилья, П. Ромо, позднее О. Гиольди), всегда были по одну сторону баррикады. Для Коминтерна это обстоятельство было решающим при принятии решений по поводу ситуации в КПА. ИККИ итоге всегда вставал на их сторону, разве что за исключением «дела Иды Бондаревой».

Пытаясь сплотить партийное руководство во время внутренних конфликтов 1922 и 1925 гг., когда оппозиция нападала на Пенелона, пытаясь через него дискредитировать остальных, Кодовильей была пайдена формула, не зафиксированная никакими уставами: Пенелон был провозглашен «лидером» КПА². Р. Гиольди впоследствии па-

¹ Редактором «La Internacional» планировалось назначить П. Гонсалеса Альберди, работающего под политическим контролем Ромо (терять влияние в партийной газете Михайлов и его сторонники в КПА совсем не хотели). В журнале ЮАСКИ на смену Гиольди предполагался М. Контерас, близкий по взглядам Ромо и Р. Гиольди и проверенный чилийским опытом. Письмо Раймонда 7 мая 1927 г. // Там же, Ф. 534. Он. 4. Д. 185. Л. 43–43 об.

² Пенелон еще до официального провозглашения «лидером» партии явно считал, что занимает в руководстве особое место. Объясняя Кодовилье мотивы своей борьбы против группы Гиольди – Ромо, он вспомнил и ситуацию 1925 г., когда имелись антагонистические противоречия между «чиснистами» и ядром партийного руководства. Подчеркивая отсутствие собственных амбиций, он делал это в форме, выдававшей его претензии на исключительное положение в партии: «Тогда я не размышлял о личном руководстве... Ты достаточно хорошо знаешь, что я не настаивал на сохранении меня лично в руководстве, однако настаивал на сохранении Родольфо, тебя, Ромо и т. д., так как мы были объединены общей ориентацией и я мог бы быть принесен в жертву, несмотря на то что являлся членом Исполнительного Комитета, избранным единогласно и, безусловно, пользовавшимся большим влиянием в партии? Но я не был заинтересован и не добивался личного влияния, которое у меня было, не пытался никогда преуменьшить авторитет ни Родольфо, ни Греко, ни Ромо, ни кого-либо иного, а если в каких-либо случаях выступал против них, то делал это для блага партии, для защиты идеи, которые защищаю сегодня от них, которые всеми средствами и в форме, которой не было даже в Социалистической партии, пытаются не только разрушить весь мой авторитет в партии, но и сировоцировать ситуацию, которая у любого честного человека вызывает тошноту и раздражение». Письмо Х. Пенелона В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // Там же, Ф. 495. Он. 134. Д. 108. Л. 16–17.

Возможно, Пенелон был искренен, предлагая себя в жертву, ибо кризис, вызванный «чиснистами», мог действительно поставить партию на грань гибели. Но нельзя исключать и того, что им был применен хорошо известный в политике прием угрозы отставки ради приобретения больших полномочий, применявшийся и Иваном Грозным, и Сталиным, и Черчиллем, и многими другими. Так или иначе, в КПА в 1925 г.

помпил Кодовилье, что ярко выраженные «персоналистские» тенденции «лидера» партии проявились практически сразу же: при обсуждении финансовых вопросов он резко выступил против остальных членов партийного ядра, дав понять, что его собственных полномочий достаточно для принятия решений, и выпудив остальных с этим согласиться. Таким образом, было узаконено положение, при котором Пенелоп, выступавший как высшая инстанция, настаивал на выполнении своих волевых решений. При его нетерпимости к критике в случае персональных ошибок «лидера» его действия становились пагубными для партии. Но вначале этого или не замечали, или не хотели замечать. Ведущая роль Пенелопа устраивала его коллег, помогала сплотить партию в борьбе против оппозиции. Они считали, что в КПА сложилось «почти вроде семейного руководства, сила которого основывалась на доверии больших масс главным руководителям. Это было эпохой мирного развития идеологии и организации партии»¹. Разногласия, даже если они и были, не могли проявиться в подобный момент, так как речь шла о строительстве партии, не об исправлении ошибок, не о совершенствовании ее работы. Недостатки и слабости аппарата, очевидные для руководителей КПА, отходили на второй план, так как самым насущным вопросом было «гарантировать жизнь партии против агрессии авантюристов». Однако в период стабилизации положения в партии перед КПА встали новые задачи, по поводу реализации которых и возникли разногласия. «Семейное руководство» стали раздражать противоречия в полном соответствии с тезисом Сталина об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма, только место социалистического строительства в Аргентине заняло строительство партийное.

Позднее, признавая свою и своих товарищей ответственность за формирование у Пенелопа негативных черт, приведших к кризису руководства, Р. Гюльди писал Кодовилье: «Никто, ни ты, ни Ромо, ни я, никто не отказал в поддержке Пеп[енелопу], даже тогда, когда Пеп[елоп] вел себя безрассудно». Теперь же, когда для многих членов партии отношение к «лидеру» превратилось в «слепое обожание», творцы его культа личности оказались перед необходимостью разъяснить коммунистам, что возникшие разногласия по организационным и политическим вопросам могут урегулироваться не на «базе большей или меньшей воли каких-то лиц», а только на политической платформе. «Все личные уступки возможны и оправданы в

он сработал безукоризненно: ради сличения руководства Пенелопу было предложено исключительное положение в партии, принятое им как должное.

¹ Доклад товарища Гюльди 16 декабря 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 103. Л. 21.

рамках четко оговоренных политических соглашений. В противном случае эти уступки не будут большевистскими, получив скверные очертания»¹. Стало ясно, что проблемы, которые раньше можно было решать (или казалось, что можно решать) в узком кругу руководящей группы, результативно можно обсуждать только на партийном съезде. И для того, чтобы он не оказался бесполезным, не стал отправной точкой серьезного кризиса, было необходимо прямое участие Коминтерна.

Баррикады были возведены посередине руководящего ядра КПА. И Пепелоп, лицо этой группы, олицетворение всего коммунистического движения Южной Америки, его представитель в ИККИ, авторитет и способности которого никто из его оппонентов не отрицал, в силу ряда обстоятельств и в первую очередь из-за собственного упрямства и нежелания соглашаться на коллегиальное управление и обсуждение партийных решений с участием *всех* лидеров КПА, оказывался за пределами руководства партии. Трудно достоверно оценить, что оказалось в полемике между группой Пепелопа и сторонниками Гиольди – Ромо первичным и что вторичным: личные амбиции, претензии на руководство партии или же принципиальные вопросы стратегии и тактики КПА и южноамериканского коммунистического движения. В дискуссии, захлестнувшей партию, в ход шли все аргументы – от персональных обвинений до упреков в серьезных политических ошибках. Партия и Коминтерн в буквальном смысле слова были ошарашены тем, как и что говорят и пишут друг другу и в высшие инстанции III Интернационала люди, символизировавшие на протяжении почти десяти лет единство КПА.

Оппоненты Пепелопа, осознавая знаковую фигуру и для партийных масс, и для Москвы, напрямую связывали возможности разрешения тяжелого кризиса с определением его места и роли в партии. Во всяком случае, в начале дискуссии не только не стоял вопрос о противопоставлении партии Пепелопу и его возможном исключении из КПА, но и постоянно подчеркивалось, что тот является авторитетным и способным активистом, который «должен оказывать ей [партии] серьезные услуги». Предлагалось лишь «образумить» главу ЮАСКИ. Критики пепелоповского стиля руководства, так же как и ИККИ, прекрасно осознавали немалый авторитет «лидера» внутри КПА и предполагали, что крупномасштабная борьба внутри партийного руководства, как «поезд, мчащийся неизвестно куда», могла привести коммунистическое движение Аргентины к катастрофе².

¹ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 24 декабря 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 108. Л. 3, 8–9.

² Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // Там же. Л. 9.

Даже на пике политического кризиса внутри аргентинской секции Коминтерна в конце осени 1927 г., когда дело дошло до убийственных обвинений и взаимных исключений, ряд руководителей КПА сохранял надежду на возможность остановки конфликта, считая, что проблема кроется лишь в «излишней горячности» его участников. Пенелоп по-прежнему рассматривался ими как безусловно важный и пужный для партии лидер. Этой группе членов ЦК КПА казалось непонятным, почему он, «несмотря на свое блестящее политическое прошлое», позволял себе действовать «в столь абсурдной форме». Слова ответ был предопределен: причины болезненной реакции секретаря ЮАСКИ крылись в его неумении и нежелании организовывать коллективную работу, в самовлюбленности и категорическом отказе от признания любых своих ошибок¹. Такая позиция лидера КПА, абсолютно не умевшего подчиняться воле большинства, противоречила уставу III Интернационала.

Вряд ли, однако, это заботило самого Пенелопа. Он привык оставаться внутри большинства во время всех конфликтов в КПА, привык ощущать поддержку Москвы на том простом основании, что заменить его в ЮАСКИ было некем. И эта иллюзия сыграла с ним злую шутку. Вильямс иначе оценил перспективы работы в Южной Америке и потенциальные кадровые возможности. Его построения быстро передалась части руководителей компартии Аргентины, вступившие готовые выступить против своего многолетнего лидера. Позиция же Пенелопа, амбициозная и сповнистая, не давала ни малейшей почвы для компромисса. Он считал кризис результатом «подрывной работы», осуществлявшейся с целью свести к нулю его влияние. При этом, стремясь сохранить лицо, секретарь ЮАСКИ пытался убедить и оппонентов, и московских арбитров в том, что его «совсем не интересуют личные амбиции в защите позиций внутри партии или за ее пределами»². Лидер КПА не жалел усилий в описании тщательно выстроенного против него заговора. Интрига по завоеванию членов ЦК строилась, по его мнению, на лести, обещаниях организации их поездок в Россию, обвинениях оппонентов в «правизме», социал-демократизме и т. д. Явно намекая на низкий уровень политических способностей членов ЦК, Пенелоп считал, что на них петрудно было произвести серьезное впечатление этими обвинениями, особенно в силу выдвижения их авторитетными руководителями Гиольди и Ромо, за спиной которых стояли делегаты Коминтерна и

¹ Письмо Э. Гитора [О. Гиольди] и И. Мальо Лонеса В. Кодовилье 24 ноября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 108. Л. 115.

² Письмо Х.Ф. Пенелопа В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // Там же. Л. 10.

Профитерпа¹. Пренебрежительное отношение к обожавшей его партийной массе было прямым следствием культа личности Пенелона, сложившегося при прямом участии Кодовилье и Гиольди. Свое нежелание и неумение организовывать коллективную работу в аргентинской секции Коминтерна ее лидер объяснял предельно просто: *в партии нет способных товарищей*. КПА была приучена к тому, что на любом важном мероприятии должны были выступать Пенелон или Гиольди, которых никто не мог заменить. В партии отсутствовала система подготовки новых активистов. По мнению лидера аргентинских коммунистов, должна была действовать четкая система выполнения поручений руководства. На протяжении ряда лет партийные функционеры, не проходившие школу участия в обсуждении политических вопросов с признанными вождями КПА, были лишены возможности идейного и организационного роста, а партия лишена резерва руководителей. Такая ситуация вполне устраивала Пенелона (и до определенного момента не замечалась его соратниками), поскольку объективно способствовала укреплению его культа личности в партии².

В то время как группа Гиольди – Ромо на начальном этапе партийного кризиса воздерживалась от личных выпадов и навешивания политических ярлыков, секретарь ЮАСКИ направо и налево раздавал уничижительные оценки. Он обвинил Вильямса в интриганстве, объявил Адзарио «постоящим первооткрывателем Америки», который «не выполняет роль делегата, а ищет ошибки, существующие лишь в его мозгу», и отметил при этом, что представитель Коминтерна «несет тем большую ответственность, чем больше его полномочия превосходят полномочия Апсельми»³. Гиольди Пенелон рассматривал, «как Греко, более умного, более способного, но использующего те же методы». В условиях КПА это было равнозначно объявлению первого лидером правого уклона, но еще более опасного, чем уклон, возглавлявшейся Х. Греко⁴.

Борьбу мнений сам Пенелон квалифицировал как попытку «оправдать а posteriori» «педостойную позицию» Вильямса, Ромо и Гиольди, являвшуюся, с его точки зрения, практической демон-

¹ Там же.

² Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // Там же, Л. 3.

³ В случае с итальянским коммунистом Пенелон оговаривался, что проявляет сдержанность в оценках из-за его ареста в Панаме. Адзарио во время денотации в Италию сошел с ума, но, несмотря на это, был осужден на процессе членов ЦК КП Италии в 1928 г. Видимо, это послужило для Пенелона смягчающим обстоятельством.

⁴ Письмо Х.Ф. Пенелона В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 108. Л. 21.

страцией фракционной работы, атакой на партию. Глава ЮАСКИ и лидер КПА обвинил делегата ИККИ в безответственности, обмане Коминтерна, а членов ЦК в информировании Москвы о решениях, прямо противоположных принятым на деле Центральным комитетом¹. При этом Пепелоп дал понять Кодовилье, что существующий «заговор» затрагивает и положение аргентинского представителя в ИККИ, поскольку предусматривает его возвращение в Буэнос-Айрес для работы в ЮАСКИ и отправку ему на замену в Москве Р. Гиольди. Для придания драматизма своему обвинению Пепелоп обратил внимание Кодовильи на то, что эта идея родилась, как только жена того отправилась в Европу. Так как тогда, по его мнению, не отмечалось никаких разгласий, это свидетельствовало о палинии заранее продуманной цели для «осуществления указанной двойной интриги»².

На самом деле лидер КПА был не совсем прав. Различные подходы к ряду проблем и основные узлы противоречий внутри аргентинской секции Коминтерна Вильямс определил еще осенью 1926 г. Он считал, что помимо недостаточной эффективности работы ЮАСКИ, наиболее острыми для КПА вопросами являются подготовка кадров, тактика в профсоюзном движении, вопрос о газете «La Internacional», работа среди иностранных рабочих³. Однако, поставив перед Москвой и руководством КПА проблемы, которые он рассматривал как заслуживающие особого внимания, представитель Коминтерна не считал ситуацию в партии кризисной, требующей радикального вмешательства Коминтерна. Проблемы, которые он увидел, носили рутинный характер и могли быть решены принятием простых организационных и политических мер в рамках общей задачи реорганизации и «большевизации» партии. Для «упорядочения работы ЦК» было намечено создание Секретариата ЦК из трех человек (Пепелоп, Ромо и Р. Гиольди), которые являлись и членами ЮАСКИ⁴.

После окружной конференции КПА столицы представитель Коминтерна с удовлетворением констатировал «большое идеологическое единство организации» и особо подчеркнул отсутствие каких бы то ни было «следов былых шатаний и уклонов, царивших при палинии бывшей оппозиции»⁵. Но уже вскоре Вильямс убедился в том, что задачи, определенные как первоочередные, не решаются или ре-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 108. Л. 15.

² Там же. Л. 10.

³ Конния нисыма Вильямса 5 ноября 1926 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 62.

⁴ Письмо Раймонда [Б. Михайлова] Михаилу [Пятинскому] 30 августа 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 86. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 21.

шаются неправильно, а единство исчезает так же стремительно, как идет снежная лавина с гор. Причем развивался внутрипартийный кризис при обсуждении именно тех вопросов, которые представитель Коминтерна определил как приоритетные: активизации работы среди иммигрантов и эмигрантов, проблемы профсоюзного единства¹. При объективном и спокойном рассмотрении проблемы имевшиеся разногласия можно было бы урегулировать. Но произошедшие грубые инциденты всерьез осложнили обстановку. Не последнюю роль в этом сыграло, например, поведение Пенелопы на собрании итальянской группы, где тот выступил с жесткой речью против представителей Профинтерна и Коминтерна без каких-либо серьезных на то оснований. Гиольди обвинил лидера КПА в организации специальных групп давления, призванных продемонстрировать поддержку исключительно пенелоповской точки зрения во время дискуссии.

Сам Пенелоп, информируя Кодовилью о сложившейся в КПА кризисной ситуации, постоянно пытался представить ее как исключительный результат злонамеренной подрывной работы ряда членов ЦК КПА, вдохновляемых эмиссарами Коминтерна и Профинтерна, по его словам, плохо разбирающимися в особенностях местной партийной работы². Корни конфликта крылись не в различных взглядах на тактику достижения профсоюзного единства или организации национальных групп, которые можно было уточнить в процессе внутрипартийной дискуссии. Проблема заключалась в том, *как* Пенелоп

¹ Подробнее о сути разногласий по этим вопросам см.: Хейфец Л.С. Миссия Вильямса и рождение «ненелонизма», СПб., 2005, С. 130–139.

² При этом Пенелоп и его сторонники, имевшие возможность напрямую связываться с Москвой, пытались убедить руководство в том, что представители Коминтерна и КИП действуют в противоречии с решениями высших инстанций. Так, например, делегат II конгресса МОПРа А. Эрнандес, вернувшись в Буэнос-Айрес, писал: «Вильямс и Ансельми поддерживали точки зрения, абсолютно противоположные точке зрения организационной комиссии Коминтерна, высказанной в моем присутствии при обсуждении вопроса об языковых группах». Письмо тов. Эрнандеса, который был в Москве в апреле–мае месяце 1927 г., товарищу Кодовилье 30 сентября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 108. Л. 111.

Лидер КПА и поддерживавшие его члены руководства либо кривили душой, либо искренне заблуждались по поводу мнения Москвы. На деле в большинстве случаев пресловутая «точка зрения III Интернационала» была мнением Кодовильи, сообщавшего в Буэнос-Айрес о событиях в Коминтерне, добавляя собственные комментарии. Как член высшего руководства всемирной компартии, он, безусловно, имел право считать свои взгляды, в известной степени отражавшие мнение НККИ, идентичными позиции Коминтерна. В то же время, как показано выше, лидеры III Интернационала недостаточно разбирались в происходящем в Южной Америке, и в связи с этим не только не могли давать квалифицированные оценки, но и зачастую просто уделяли вопросам коммунистического движения Западного полушария слабое внимание, постоянно заглядывая с принятием соответствующих решений.

противодействовал не устраивающим его решениям – в закулисной форме (сначала отказываясь участвовать в публичном обсуждении проблем, а потом проводя тайное совещание для выработки позиции, противоречащей линии оппонентов) либо в форме единоличного диктата. Именно при обсуждении этих вопросов впервые произошел обмен обвинениями политического характера. Гиольди назвал такой подход «правым уклоном», и был в ответ удостоен Пенелопом звания «оппортунист»¹.

Нельзя не заметить, что обсуждение некоторых проблем, связанных с работой КПА и деятельностью ЮАСКИ, напоминает театр абсурда. Разногласия по вопросу о Чили носили настолько пафосный характер, что и сами стороны, участвовавшие в дискуссии, видимо, не очень хорошо видели водораздел между их точками зрения. Р. Гиольди считал, что «за диктатурой Ибабьеса стоит, вероятно, английский империализм», а Пенелоп утверждал, что «Ибабьес в основном зависит от английского империализма». Какой смысл в этих топкостях, вряд ли понимали сами их авторы, настаивавшие тем не менее на своей интерпретации. Позднее Гиольди перевел дискуссию в несколько иную плоскость, сделав вывод о возникновении военной диктатуры в Чили на национальной почве и охарактеризовав ее как попытку чилийской буржуазии с помощью насильственных мер и социальной демагогии разрешить экономический и финансовый кризис. Пенелоп же продолжал рассматривать положение «только под углом империалистического влияния», не беря в расчет национальный фактор. Весьма симптоматично, что оценка, сделанная лидером ЮАСКИ, оказывалась гораздо ближе к компинтерновской схеме, однако это не было принято в расчет в ходе ожесточенных дискуссий.

При этом обе стороны признавали – различные точки зрения не могли стать причиной конфликта. С точки зрения Гиольди инцидент стал значительным после обнародования Пенелопом разногласий по чилийскому вопросу, не обсужденных ни в ЮАСКИ, ни в ЦК КПА, на беспартийном митинге. Руководитель Южноамериканского секретариата пришел к выводу, что Вильямс и Гиольди, которые первоначально даже не считали нужным ставить этот вопрос в ЦК или раздувать его, подняли шумиху, потому что в развернутой ими борьбе за руководство партии «все средства хороши»². В данном случае обе стороны точно оценили мотивы своих оппонентов – одни искали повод, чтобы спровоцировать конфликт, другие охотно шли им навстрече-

¹ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 108. Л. 4.

² Письмо Х. Пенелона В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // Там же. Л. 16; Доклад товарища Гиольди 16 декабря 1927 г. // Там же. Д. 103. Л. 38.

чу, предоставляя такой повод и не задумываясь о последствиях своих высказываний.

Без сомнения, в критике, развернутой группой Р. Гиольди, было рациональное зерно: работа в ЮАСКИ оказалась совершенно заброшена его руководителем либо блокировалась им в тех случаях, когда его взгляды оказывались точкой зрения меньшинства. Так, в момент обсуждения в Секретариате вопроса об опасности империалистической войны Гиольди, готовивший манифест для публикации в теоретическом органе ЮАСКИ, выдвинул лозунг «Ни одного фунта мяса, ни одной фанеги¹ зерна контрреволюционным армиям и т. д.». Однако Пенелон категорически заявил, что в случае принятия подобного лозунга он, как ответственный за южноамериканскую работу, наложит вето на резолюцию и манифест выйдет без этого призыва. Лозунг бойкота показался секретарю ЮАСКИ преждевременным и «малопрактичным», неспособным гарантировать превращение антивоенной пропаганды в массовую агитацию. При этом он исходил из невозможности сконцентрировать усилия южноамериканских рабоче-крестьянских масс, направляя их на совместные действия против войны, и руководить ими «с какой-либо долей успеха». Пенелон предложил паряду с манифестом подготовить тайный циркуляр Секретариата партиям с практическими директивами по развертыванию агитации во всех южноамериканских странах в случае объявления войны.

Во время дискуссии секретарь ЮАСКИ усмотрел паличие у делегата ИККИ «адаптивистической тенденции», когда в расчет не принимается реальность «как в плане организации, так и в плане ориентации», и не преминул информировать о ней через Кодовилью руководство III Интернационала². А Вильямсу он заявил в полном соответствии с духом и буквой разъяснений, данных Зиновьевым по поводу характера взаимоотношений с представителем Коминтерна, что если последний считает его позицию неправильной, то может обратиться в Москву и что он также апеллирует к высшим инстанциям. Однако, противопоставив свой авторитет члена ИККИ и руководителя ЮАСКИ авторитету представителя III Интернационала, Пенелон явно не учел обстоятельства чрезвычайной важности – эра Зиновьева в Коминтерне завершилась, расклад сил в высшей иерар-

¹ Мера сынучих тел. В Аргентине считалась равной 184 л.

² По словам Пенелона, Вильямс заявлял о том, что «через шесть месяцев Еврона или будет советизирована, или коммунистическое движение как таковое исчезнет». Письмо Х. Пенелона В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 134, Д. 108, Л. 13–14.

хии Коминтерна измеџился, незаметно стал трансформироваться характер отношений между ИККИ и партиями¹.

И даже когда Вильямс в качестве компромиссной формулы предложил сначала провести обсуждение в ЦК КПА, Пепелон дал понять, в очередной раз поставив себя выше коллегиального органа: его позиция не претерпит ни малейших изменений вне зависимости от мнения руководства КПА хотя бы потому, что это вопрос южноамериканского масштаба и аргентинская секция не правомочна его рассматривать. Директивы всем секциям должен дать Южноамериканский секретарь.

¹ Г. Зиновьев был освобожден от обязанностей председателя Коминтерна и от работы в ИККИ решением VII Расширенного пленума всемирной компартии (22 ноября 1926 г.). Пленум упразднил институт председателей Коммунистического Интернационала, образовав новый руководящий орган Коминтерна – Политсекретариат, 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М.: Л., 1929. С. 251.

Еще раньше, на шольском (1926) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), Зиновьев был выведен из состава Политбюро ЦК партии. Но до этого в руководстве ВКП(б) возникла сложная коллизия. Как отмечает российский исследователь А.Ю. Ватлин, Зиновьев, примкнувший к троцкистской оппозиции, имел достаточно рычагов для того, чтобы вывести внутрипартийную дискуссию на международную арену, инициировав дискуссию в зарубежных компартиях. Сам председатель Коминтерна обвинял в переносе партийных разногласий в Коминтерн своих оппонентов (в частности, В. Ломинадзе и Б. Михайлова). Осознавая эту опасность, Сталин, несмотря на победу над троцкистами на XIV съезде, искал выход из тупиковой ситуации. И когда Зиновьев, провоцируя скандал в международном коммунистическом движении, сложил с себя полномочия Председателя Коммунистического Интернационала, на заседании Политбюро 7 января 1926 г. был предложен компромисс: для сохранения коллективного руководства решить все вопросы стратегии Коминтерна предварительно обсуждать на заседаниях органа, не предусмотренного Уставом, – делегации представителей ВКП(б) в Коминтерне (председателем ее был избран Зиновьев, секретарем Пятинский, в заседаниях регулярно участвовали Сталин, Бухарин, Троцкий, Каменев, Лозовский, Мануильский). Все дискуссии должны были проходить внутри делегации, чтобы потом выходить на заседания Президиума и Исполкома с единой позицией. Зиновьев незаметно для себя оказался в ловушке: за ним остался пост председателя Коммунистического Интернационала, но фактически он попал под контроль своих оппонентов. Через десять месяцев он был изгнан из III Интернационала, а внеуставной орган – делегация ВКП(б) – остался. См.: Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые десять лет. Исторические очерки. М., 1993. С. 120–121. Таким образом, свои разъяснения по поводу полномочий Вильямса председатель всемирной компартии давал, будучи лишенной полноты власти в Коминтерне, которая была у него раньше, уже на излете своей партийной карьеры, всего за три месяца до свержения с коминтерновского Олимпа. Но и Михайлов оказался заложником противостояния Зиновьева и Сталина в Коминтерне: его отстранение от работы в КП Франции и направление в Южную Америку стали формой временного компромисса, heraldовавшего надвиганию Зиновьева. См.: Обращение И.В. Сталина к членам ЦК ВКП(б) по поводу деятельности «новой оппозиции» в Коминтерне // Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). Ч. 2: Июль 1924 г. – декабрь 1926 г. / под ред. Р.П. Гришшиной. М., 2003. С. 619–621.

Всех этих нюансов не знали руководители партий, но очень хорошо знал Михайлов.

риат, пастаивал Пепелоп, не замечая очевидного противоречия – кроме Вильямса, все члены Секретариата были аргентинцами. Позднее глава ЮАСКИ, вероятно осознав, что сам загоняет себя в тупик, решил «сохранить хорошую мину при плохой игре» и дал согласие на проект лозунга в редакции «Мы будем бороться за то, чтобы ни один фунт мяса и т. д.». Как справедливо заметил Гиольди, никакой существенной разницы между двумя проектами лозунгов не было – Пепелопу всего лишь пужно было попытаться достойно выйти из сложившейся ситуации¹.

Но такой возможности группа Гиольди – Ромо как раз и не собиралась ему предоставлять. Данный инцидент дал возможность продемонстрировать, что с точки зрения организации Южноамериканский секретариат – это Пепелоп, что он является не коллективным, а персоналистским организмом, и поставить вопрос: а что в таком случае делают в ЮАСКИ остальные его члены: выполняют исключительно технические функции? Если этот вопрос не будет решен ясно и четко, дабы избежать инцидентов в будущем, считал Р. Гиольди, его сторонникам незачем пребывать в составе Секретариата. Переводя дискуссию из организационной плоскости в политическую, оппонент Пепелопа объявил угрозу применения вето секретарем ЮАСКИ свидетельством паличия «уклопа» в таком важном политическом вопросе, как борьба против империалистической войны, а манеру поведения лидера партии назвал «фашистским фаллофорством с вето»².

В качестве примера правильного подхода к выдвижению аналогичных лозунгов Р. Гиольди и Вильямс привели призыв французской компартии во время марокканской войны: «*Pas un sou, pas un homme*» («ни единого су, ни единого человека»). И хотя КПФ не воспрепятствовала ни отправке войск, ни голосованию против выделения денег на марокканскую войну, ее долгом, считал Р. Гиольди, было выдвинуть данный лозунг. Пепелоп полагал такой подход преувеличением, как выдвижение во время забастовки максималистского лозунга «*Ни одной тонны угля для Англии*». Такая позиция дала основание Гиольди предположить, что когда дело дойдет до практической работы против войны и национальной буржуазии, эти различия проявятся еще больше, ибо «очень удобно бороться против войны, ведущейся европейскими буржуа...»³. Невзирая на противодействие Пепелопа, Гиольди воспользовался своим положением главного редактора журнала ЮАСКИ и опубликовал статью «Приближающаяся война», со-

¹ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495, Он. 134, Д. 108, Л. 6.

² Там же, Л. 7.

³ Там же, Л. 6.

державшую лозунг без предлагавшихся изменений и говорившую о «мере полного бойкота империалистическим державам».

Именно описанная дискуссия и ультимативный пастрой главы ЮАСКИ вынудили оппозицию Пепелону внутри Секретариата – и можно предположить, что и Вильямса – решительно и бесповоротно настаивать на реорганизации данной структуры с включением в ее состав представителей КПУ и КПБ¹. Логика здесь была простой и понятной – Пепелон во многом базировал свой диктат на личном авторитете в КПА, но и в этой ситуации пачинал оставаться в меньшинстве, срывая в ответ работу. В случае же интеграции ЮАСКИ на многонациональной основе появлялись дополнительные возможности для противодействия мнению его секретаря.

Камнем преткновения, во многом объяснявшим развитие внутрипартийной склоки, переросшей в конфликт внутри ЮАСКИ, стала деятельность Пепелона в качестве члена Муниципального совета Буэнос-Айреса. Работа эта была весьма важной для КПА и приносила очевидные результаты: выросло число муниципальных служащих, поддерживавших партию; советнику-коммунисту удалось установить контакты с теми, кто прежде сторонился отношений с аргентинской секцией III Интернационала. Пепелон не кривил душой, информируя Кодовилью о том, что его активная деятельность в муниципалитете позволила партии намного превзойти достигнутые ранее результаты в работе среди масс (не в последнюю очередь это происходило за счет упадка влияния СПА). К ее представителю в местном органе власти пошел постоянный поток рабочих, желавших добиться разрешения своих паболевших вопросов. И Пепелону действительно удавалось достигать практических результатов: так, например, его выступление в роли посредника в качестве члена комиссии Совета способствовало победе профсоюза шоферов в одной из забастовок². Магическое воздействие на муниципального советника-коммуниста первых итогов собственной деятельности привело его к категорическому выводу о том, что «это – *единственная* возможность привлечь массы». Тут и прошла линия водораздела между ним и его товарищами по руководству. Многие члены ЦК, в частности О. Гиольди, искренне соглашались с лидером партии в том, что, если бы КПА работала подобным образом ранее, она сумела бы достичь многого. Разногласия обозначились в оценке характера и направлений данной работы и того, как эта деятельность отразилась на функционировании ЮАСКИ.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 108. Л. 6–7.

² Письмо Х. Пенелона В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // Там же. Л. 19.

Р. Гиольди педвусмыслеппо критиковал Пепелопа за то, что тот, уйдя с головой в муниципальную работу, совершенно забросил коптипентальную коммунистическую деятельность. Из-за необходимости повседневно участвовать в функционировании Совета тот раз за разом отказывался ехать за границу, регулярно срывал заседания ЮАСКИ. Р. Гиольди, конечно же, был несправедлив, заявляя о «несерьезности» подхода лидера партии, о «неизвестно каких проектах». Как отмечал сам Гиольди, советник-коммунист занимался насущными вопросами своего избирательного округа, обладал подробной программой, включавшей в себя проекты по открытию улиц, строительству мостов, очистке канализации, поездок в дальние кварталы и приема их делегаций, пропагандировал свои проекты. По мнению Пепелопы, это давало возможность действовать там, где не было до этого времени ни членов, ни сторонников партии, связаться с «огромными массами», при том что партия не смогла этого сделать: «...я не припоминаю ни единого случая, чтобы раньше муниципальные рабочие приходили ко мне с вопросами»¹. Стремление преуменьшить важность акций, предпринимаемых в Муниципальном совете, создать вокруг них вакуум, Пепелоп рассматривал как желание «снизить влияние того, кто работает в нем». Оппоненты же считали его отношение к вопросу о «бедняцких кварталах» демагогическим и видели в преувеличении значения муниципальной деятельности лидера КПА большую опасность – «смещение центра тяжести партийной работы с фабрики в бедняцкие кварталы». «Фактически Пеп[елоп] живет лишь для муниципального совета... забрасывает общую работу в партии и Секретариате во имя знаменитых «бедняцких кварталов», – писал Р. Гиольди в Москву, указывая на своеобразный «психоз» муниципальной деятельности, овладевший значительной частью партии.

Политической ошибкой Пепелопы было, считали его противники, неумение видеть социальную сторону вопроса. Так называемые бедняцкие кварталы являлись, по их мнению, кварталами мелких буржуа, которые, желая стать независимыми, купили землю в рассрочку и строили на ней жилье; эти рабочие были потерянны для классовой борьбы и думали лишь о своей собственности. Лидеру КПА был брошен упрек в том, что он «придаaniem святости бедняцким кварталам» придает «святость интересам деклассированных элементов, которые и близко не являются центром революционной деятельности», которым должна быть «фабрика, место сбора рабочих, а никак не бедняцкие кварталы». Это не было отрицанием необходимости уделять

¹ Там же.

«определенное внимание» этим районам. Группа Гиольди – Ромо ставила задачу нейтрализовать людей с мелкобуржуазной ментальностью, направить их против буржуазии, но не считала это основной целью¹.

В условиях, когда многие в партии пахотились под влиянием успешной деятельности Пенелопы в муниципалитете, опасность состояла в превращении агитационно-пропагандистской деятельности партии в обычный предвыборный штаб советника. Оппоненты лидера КПА всерьез опасались того, что выступления коммунистического муниципального советника по мелким вопросам могли привести к дискредитации тактики насущных требований, к социал-демократической программе-минимуму. Тем более что он сознательно начал сторониться привычной для компартий практики поведения в парламентах: представления проектов, заведомо рассчитанных на политический эффект. Пенелоп предпочитал осуществлять повседневную практическую работу, направленную на улучшение быта потенциального электората КПА. Так, несмотря на постоянные предложения руководства своей партии, он отказался внести на рассмотрение Совета проект о телеграмме солидарности с Н. Сакко и Б. Ванцетти, справедливо, в общем-то, указав, что данные вопросы не паходятся в ведении того органа власти, членом которого он состоял. Критики же не замедлили возразить, что этот проект тем не менее появился на обсуждении – его представили фракции СПА и радикальной партии, которым и достались все политические бонусы².

Но главную опасность все-таки Р. Гиольди усматривал в другом: Пенелоп держал в руках все пяти континентальных связей, он досконально, как никто другой, знал механизм работы партийного аппарата КПА и практически игнорировал эту сторону деятельности. Даже на мероприятиях в Буэнос-Айресе, где он был заявлен среди ораторов, Пенелоп не считал необходимым присутствовать³. Муниципалитет и очевидные успехи в деятельности в нем заменили для лидера партии все. Р. Гиольди пришел к малопривлекательному выводу: деятельность Южноамериканского секретариата Коминтерна – организационного и идейного центра коммунистической деятельности целого кон-

¹ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 108. Л. 7.

² Доклад Р. Гиольди 16 декабря 1927 г. // Там же. Д. 103. Л. 28–29. Кроме того, Пенелоп предпочел забыть, что ранее и он, и другой муниципальный советник от ИСПА (иредшественники КПА) Х. Ферлин, совершенно не ссылались на внутренний устав муниципалитета, когда ставили в нем вопрос о восстановлении дипломатических отношений между Аргентиной и Советской Россией.

³ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // Там же. Д. 108. Л. 7.

типента оказалась «ущемленной работой муниципального совета»¹. Возможным выходом из этого положения было бы разделение, но к этому Пепелон абсолютно был не готов.

Деятельность Вильямса внутри ЮАСКИ и в компартиях Аргентины, Уругвая и Чили, ознакомление со спецификой коммунистической деятельности в южноамериканских странах заставили его не только пересмотреть свои первоначальные оценки функционирования Южноамериканского секретариата, но и изменить позицию в отношении главы региональной компинтерновской структуры Пепелона. Главным обвинением в его адрес стало отсутствие «политического руководства» коммунистическими партиями, то есть невыполнение основной задачи ЮАСКИ.

В значительной мере кризис в работе южноамериканского представительства Коминтерна был вызван личными качествами Пепелона, породившими проблемы политического характера и существенно тормозившими механизм взаимодействия III Интернационала с южноамериканскими секциями и организацию коммунистической деятельности в регионе. Осознание данного факта побудило Вильямса открыть кампанию за преобразование ЮАСКИ, в результате которой Коминтерном было принято решение расширить Секретариат. Ответом Пепелона стал фактический саботаж работы регионального представительства ИККИ.

Разгоравшийся конфликт катализировал рост противоречий в аргентинской компартии, на базе которой действовал Секретариат все прежние годы. Соратники Пепелона по партийному руководству, почувствовав в послатце Москвы своего единомышленника и потенциального союзника, выступили против харизматического лидера КПА. Кризис партийный и кризис региональной структуры Коминтерна оказались взаимосвязанными и взаимозависимыми. Такое развитие событий можно было прогнозировать заранее, учитывая установку на одну партию при организации компинтерновской коммунистической работы.

Представитель Москвы увидел ответственность высшего руководства Коминтерна за выбор для руководства ЮАСКИ Пепелона, «без всяких к тому политических оснований». Хотя в историографии компартии Аргентины упор делается на идейно-политическую сторону конфликта, очевидна серьезнейшая роль личных амбиций: бывших соратников Пепелона перестала устраивать его роль едиличного «лидера» партии, которую они сами выбрали для него в условиях предыдущих кризисов. Анализ позиций сторон в партий-

¹ Там же. Л. 6.

пом конфликте показывает: зачастую суть споров была настолько туманной, что вряд ли сами его участники ощущали в них существенную разницу.

Руководство Коминтерна, для которого аргентинский кризис оказался полной неожиданностью, заняло выжидательную позицию, надеясь на разрешение конфликта внутри партии (с участием своего южноамериканского представителя). Но Вильямс твердо встал на сторону антипепеловской группы, более того, сам во многом стоял у истоков атаки на лидера КПА. При таком раскладе сил внутри партийного руководства Пепелоп тем не менее имел возможность сохранить свои позиции, пользуясь безоговорочной поддержкой в Москве со стороны Кодовильи, обладавшего немалым влиянием в коминтерновских коридорах власти. Секретаря ЮАСКИ погубила неверная тактическая позиция, которую можно было при определенных обстоятельствах расцепить и как направленную против III Интернационала.

5.5. «Джон рассердился»¹. Кризис в компартии Аргентины и рождение «ненелонизма»

В условиях противостояния между признанными руководителями КПА остальные партийные функционеры оказались перед необходимостью выбора. Теоретические аспекты проблем, являвшихся предметом дискуссии, как было показано выше, не всегда были ясны даже самим инициаторам спора, хотя те являлись ведущими идеологами КПА. Тем более трудно оказывалось разбираться в нюансах разногласий членам ЦК и провинциальных комитетов, не обладавшим достаточной подготовкой. Выбор для многих из них определялся чисто субъективными моментами: отношением к личности Пепелопа или Р. Гиольди, тем, кто из известных руководителей идет за ними и т. д. Для выработки мнения партийных функционеров по поводу разворачивающейся дискуссии важную роль играла позиция Коминтерна. Однако однозначная поддержка группы Гиольди – Ромо представителем III Интернационала и эмиссаром Профинтерна (а многие были уверены в их ведущей роли в противостоянии с Пепелопом) не для всех имела решающее значение. В КПА к тому времени прекрасно знали, что посланцы Москвы не обладают чрезвычайными полномочиями арбитров во внутрипартийных дискуссиях

¹ Условное обозначение нарастания партийной работы в шифронеренские НККИ и КПА. Телеграмма П. Ромо Ж. Эмбер-Дро из Буэнос-Айреса, полученная в Москве 29 июня 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 105. Л. 26.

(по крайней мере, в Аргентине), а слово Вильямса не является последним. Окончательное решение мог вынести только сам ИККИ, и здесь принципиальное значение могла иметь позиция В. Кодовильи, входившего в высшее руководство Коминтерна и пользовавшегося одинаково уважительным отношением как Пенелопы, так и Р. Гиольди.

Условия противоборства создавали объективную необходимость предварительного согласования позиций, разбора дискуссий, планирования ответных акций и т. д. Это требовало проведения секретных совещаний, формирования групп, агитации с целью привлечения сторонников. Независимо от того, ставили или не ставили перед собой такую цель оппоненты в начале противоборства, по логике борьбы неизбежно приводила их к созданию фракций и, следовательно, вела к расколу партии. Тенденция к группировке вокруг лидеров проявилась уже весной 1927 г. Тогда Пенелоп, не участвовавший в профсоюзной конференции КПА и не обозначивший свою позицию по поводу дискуссии между Адзарио и Моретти, инициировал полутайную встречу членов профсоюзной комиссии ЦК для разработки тезисов о несогласии с резолюциями ЦК КПА. Эта акция, названная Р. Гиольди «неприличной махинацией профсоюзной комиссии», была воспринята его сторонниками как первое сражение во фракционной борьбе, являющееся «скромной прелюдией к тому, что может произойти»¹. Пенелоп же изначально усматривал в действиях своих оппонентов интригу, которую «пытаются сыграть с партией и Коммунистическим Интернационалом в совершенно неподходящей форме»².

За первым шагом последовали другие. Каждая сторона стремилась поставить под свои знамена как можно большее число членов ЦК и активистов партии или хотя бы имитировать поддержку ими своих действий и лозунгов. И те, и другие оппоненты проводили официальные и неофициальные встречи, на которые первоначально звали и противников. Но каждый раз проведение таких мероприятий сопровождалось не только и не столько выяснением отношений по сути разногласий, сколько попыткой выяснить, почему были приглашены одни функционеры и не приглашены другие. Главным было обеспечить количественное превосходство над противником. В ЦК КПА перевеса в итоге удалось добиться группе Гиольди – Ромо. Когда противостояние сделалось необратимым, начали активно действовать партийные группы, отстаивающие разные позиции и защищающие разных вождей, они обратились за поддержкой в Москву. Именно

¹ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // Там же. Д. 108. Л. 4.

² Письмо Х. Пенелопы В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // Там же. Л. 10.

за поддержкой, а не за арбитражем, чем бы это ни камуфлировалось. Дальнейшее развитие событий показало: обе стороны не желали компромисса. С самого начала речь шла о стремлении добиться поражения противника, а не о поиске взаимоприемлемого выхода из кризиса, в значительной мере искусственного.

В Москве паличие разногласий в аргентинской секции Коминтерна и сложностей в деятельности ЮАСКИ вызвало шок. После благостных сообщений Пепелона о результативной работе Секретариата и первоначальной информации Вильямса, не усмотревшего паличия кризисных явлений ни в КПА, ни в региональной структуре Коминтерна, известия о конфликте произвели эффект разорвавшейся бомбы. Даже противоречия Апсельми и Пепелона по профсоюзному вопросу сочли рутинными, легко разрешимыми, особенно после незамедлительного вмешательства из Москвы. Почти полное отсутствие подробной информации в начале кризиса¹, а затем поток противоречивых сообщений, поступавших из Буэнос-Айреса, не давали возможности московским кураторам южноамериканского коммунистического движения прийти к объективным выводам о сути и причинах внутривнутрипартийной борьбы². И, может быть, поэтому

¹ В написанной 28 мая 1927 г. телеграмме В. Кодовилья с тревогой запрашивает П. Ромо: «С 5 октября не получали нисем что происходит». РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 106. Л. 1–2. Правда, несмотря на обеспокоенность ситуацией, телеграмма была отправлена в Буэнос-Айрес только через неделю, 6 июня. Видимо аппарат ИККИ даже в экстренных случаях не отступал от введенных правил прохождения документов по инстанциям, согласований, получения денег на телеграфные расходы и т. д.

Другой документ, хранящийся в РГАСПИ, тоже от 6 июня, но дата в тексте отличается от предыдущей: «После 5 февраля мы не получили ни одного вашего доклада. Что происходит? Кодовилья». Там же. Д. 105. Л. 1. Разницу в датировке одного и того же, видимо, документа можно объяснить тем, что при подготовке подборки докладов, нисем и телеграмм для комиссии Коминтерна, разбиравшей ситуацию в аргентинском коммунистическом движении, могли вкратце чисто технические ошибки. Более достоверной представляется последняя дата. 19 июля Кодовилья информирует Ромо: «До сего момента не получили ни одного нисема от вас». Там же. Д. 106. Л. 6.

Ответ был оперативным и лаконичным: «Мы направили доклад в апреле». В примечании, сделанном к этой телеграмме анонимным работником ИККИ, говорится: «...это тот же доклад, который Ромо упоминает в нисеме от 9 августа. Он дошел до нас лишь несколько дней назад». Конкретные телеграммы, которыми обменялись Коминтерн, Профинтерн и тов. Кодовилья с товарищами из Аргентины // Там же. Д. 105. Л. 1. Апрельский доклад пришел в Москву позднее 9 августа! Как можно было при такой организации связи и стремительности развития кризиса в КПА принимать в Москве взвешенные решения? Уже одно это обстоятельство позволяет сомневаться в эффективности деятельности механизма всемирной коммунистической партии.

² Впервые в Москве узнали о наличии антагонистических противоречий в КПА, когда 14 июня 1926 г. Ромо попросил в «силу общей ситуации» принять немедленные меры в Аргентине, разрешить Вильямсу уехать в Москву в сопровождении Р. Гюльди и назвал причину этого – «оннозия». Там же. Д. 106. Л. 3. Ж. Эмбер-Дро и В. Кодовилья в телеграмме, отправленной уже на следующий день, писали: «Удивлены

первоначальная реакция была страусиной, что отражает стремление руководства III Интернационала уйти от принятия решений или хотя бы отсрочить его с тайной мыслью о том, что ситуация сама собой разрешится. В Латинском секретариате ИККИ считали (и достаточно справедливо), что в основе разногласий лежат личные амбиции и противоречия, делали из этого вывод о возможности простых путей для сдерживания страстей и были уверены в мировом соглашении оппонентов. Исходя из этих предпосылок Эмбер-Дро и Кодовилья по телеграфу приказали прекратить дискуссию¹.

Постоянно обращаясь к Москве, требуя срочного вмешательства Коминтерна для «более правильного развития ситуации», в аргентинской компартии тем не менее не хотели прислушиваться к рекомендациям ИККИ в тех случаях, когда они не совпадали с собственными представлениями о путях выхода из кризиса. А путь обоим сторонам виделся один – подавление противника. «Вы рекомендуете это, однако я со своей стороны не могу вам гарантировать, что так произойдет. Нет, Кодовилья, тут нет ничего личного; речь идет о разногласиях, которые, как ты видишь, важны», – писал Р. Гиольди в июле 1927 г.² Группа Гиольди – Ромо свою задачу видела не в пассивном ожидании решений из Москвы, а в разборе ситуации в штаб-квартире Коминтерна с участием своих представителей. Возможность ликвидации конфликта на месте исключалась абсолютно, так, как с точки зрения оппонентов Пенелопа, ЦК КПА был сам не в состоянии разрешить проблемы. «Если бы у нас был хороший ЦК, который мог бы заставить считаться со своим влиянием через голову Пен[елопы] и Мальо Лопеса³... если бы оба знали, что имеется высшая инстанция, которой они обязаны подчиняться, было бы проще осуществить урегулирование этих вопросов»⁴. Р. Гиольди упрекал своих московских корреспондентов, оставлявших в силе решение о прекращении дискуссии и тем самым откладывавших урегулирование, что создавало риск возникновения со временем новых проблем и «почти полную гарантию невозможности остановки дискуссии». Существовавшая, по его мнению, серьезная политическая проблема могла достигнуть

существованием оппозиции в аргентинской партии. Для нас это новость. Сообщите телеграммой, о какой оппозиции идет речь, чтобы знать какую резолюцию принимать. Направьте также ночное сообщение» // Конни телеграмм. Телеграмма, направленная из Москвы 15.6.1927 // Там же. Д. 105, Л. 1.

¹ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // Там же. Д. 108, Л. 7.

² Там же. Л. 9.

³ И. Мальо Лопес возглавлял Окружной комитет КПА Буэнос-Айреса и исполнял обязанности секретаря ЦК по оргвопросам.

⁴ Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // Там же. Д. 108, Л. 8.

«ужасающих пропорций». Как член руководства КПА и ЮАСКИ Гиольди предупреждал: если «не будет пайдено ясное решение всех этих вопросов... дело дойдет до *внутренней гражданской войны*»¹.

Первый выстрел в этой «войне» прозвучал со стороны Вильямса. Именно представитель Коминтерна в своем майском письме в ИККИ (причем совсем не среди первоочередных вопросов, а всего лишь в десятом пункте своего отчета) расцепил серьезные разногласия, на которые указывал и ранее, как кризис. И если до этого момента противоречия, посившие характер личного соперничества, можно было, по его мнению, устранить путем обсуждения, то теперь ситуация обострилась из-за создания «пелегальной» группы Пепелопа, «державшего по отношению к Секретариату тактику саботажа и ведущего свою групповую работу ВНЕ [выделено в документе. – В.Х., Л.Х.] ЦК и Секретариата»². Одну из причин разногласий Вильямс усматривал в том, что Москва не выразила своего мнения по поводу расхождений. Молчание ИККИ способствовало переходу к фракционной борьбе.

Не видя из-за отсутствия финансовых средств возможности обеспечить устойчивое большинство в ЦК и пополнить его партийными работниками из провинций («содержать их партия не может»), Вильямс считал, что избежать кризиса и превращения верхушечной борьбы групп во фракционную борьбу во всей партии можно только с помощью ИККИ, ликвидировав политические разногласия на съезде³. Для этого, с его точки зрения, следовало обсудить спорные вопросы в Москве, зафиксировать их, так же как политическую линию и задачи партии в открытом письме ИККИ, обращенном к КПА, с тем чтобы на партийном съезде ликвидировать разногласия и укрепить ЦК и его связь с провинциальными парторганизациями. Вильямс убедительно просил разрешить ему приехать в Москву для решения аргентинского и других «весьма существенных южноамериканских вопросов», считая необходимым после года работы в Латинской Америке при плохой связи сделать личный доклад руководству, непосредственно участвовать в обсуждении курируемых им проблем,

¹ РГАСПИ, Ф. 495, Он. 134, Д. 108, Л. 9.

² Конья нисьма Раймонда из Аргентины 9.5.1927 // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 19, Д. 181, Л. 87–88. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 70–71.

³ Груна Гиольди – Ромо, занимая, по оценке Вильямса, «правильную позицию», не могла выполнить задачу по консолидации партии потому, что «ежеминутно впадает в личную борьбу, переносит отстаивание тех или иных политических решений в плоскость личной борьбы, к чему в этой отравленной мелкобуржуазным индивидуализмом стране всегда есть тенденция». Конья нисьма Раймонда из Аргентины 9.5.1927 // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 19, Д. 181, Л. 87–88. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов, С. 71.

в особенности «когда положение создается пелегкое»¹. Секретарь ЦК КПА Ромо также пастойчиво просил ИККИ разрешить приезд в Москву Р. Гиольди для участия в обсуждении сложившейся ситуации².

Доводы Вильямса не убедили руководителей Латипского секретариата. ЦК КПА (Ромо) и группа Пенелопа получили указание немедленно выслать подробные доклады о профсоюзном вопросе и вопросе о войне. Эмбер-Дро и Кодовилья вповь категорически потребовали прекратить *любые* дискуссии до получения решения из Москвы, запретив *кому бы то ни было* уезжать из Аргентины в Москву для обсуждения вопроса об оппозиции³. Представителю же Коминтерна была дапа довольно страшная рекомендация: «Если Вильямс хочет вернуться в Москву по другим причинам, пежели чем те, о которых сообщено в телеграмме, пусть он действует в соответствии со своими желаниями»⁴. Это решение, принятое по вопросу, являвшемуся «очень серьезным», эмиссар III Интернационала расценил как ошибочное. Считая невозможным объяснения почтой, он настаивает на разрешении вернуться в Москву для «участия в приятии решений», подчеркивая необходимость такой поездки для «будущей работы»⁵.

¹ Там же. Доклад Вильямса был получен в Москве 20 июня 1927 г., уже после обмена телеграммами между Ромо и Латинским секретариатом ИККИ. Подлинник его был направлен Бухарину, Эмбер-Дро и Мануильскому, а затем уничтожен. Там же. С. 72.

² Конни телеграмм. Телеграмма, полученная из Буэнос-Айреса 13.6.1927 // Там же. Он. 134. Д. 105. Л. 3.

³ Конни телеграмм. Телеграмма, посланная из Москвы 23.6.1927 // Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2. С одной стороны, в телеграмме подчеркивалось, учитывая полномочия представителя Коминтерна и высокую степень автономности его действий, право Вильямса на принятие самостоятельных решений, с другой – ему фактически было запрещено увязывать возможность поездки в Москву с кризисом в КПА и ЮАСКИ.

Особенно странной такая рекомендация выглядит, учитывая одно из важнейших объяснений причин, вызвавших желание Вильямса вернуться в штаб-квартиру Коминтерна. Еще 13 июня Ромо телеграфировал, что эмиссар всемирной коммартин просит разрешения выехать в Москву, «иная, каковы немедленные меры, которые необходимо принять в Аргентине». У представителя ИККИ было свое представление о выходе из кризиса, программа его ликвидации, но они не интересовали Кодовилью.

Вильямс имел и сугубо личные причины для возвращения домой, о которых он сообщил в докладе от 9 мая: «Прошу выслать денег на жизнь. Если вызовете меня, то и на дорогу. Обносился вдребезги, потерял 6 зубов и вставил». Представитель Коминтерна просто устал от сложной командировки и хотел, помимо всего прочего, сменить, хотя бы на время, обстановку. Коння нисыма Раймонда из Аргентины 9.5.1927 // Там же. Он. 19. Д. 181. Л. 87–88. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 70.

⁵ Конни телеграмм. Телеграмма, полученная 28.6.1927 из Буэнос-Айреса // Там же. Он. 134. Д. 105. Л. 3.

Вильямс явно рассчитывал на продолжение своей миссии в Южной Америке и хотел абсолютной ясности в отношении кризиса в ЮАСКИ и КПА, да и в своем положении. Для него было совершенно неприемлемым обсуждение в Москве южноамериканских вопросов заочно, без участия представителя Коминтерна, уполномоченного высшей иерархией всемирной компартии на контроль за деятельностью континентального коммунистического движения. Столь же очевидно явное нежелание Кодовильи, готовившего все телеграммы, направлявшиеся в этот критический момент в Буэнос-Айрес, видеть русского коммуниста в Москве при разборе кризиса. Удержать же в Аргентине неподотчетного Латинскому секретариату Вильямса помимо его воли Кодовильи не мог, поэтому разрешение приехать было столь двусмысленным.

Но и сам Кодовилья не был хозяином своей судьбы. Вскоре в Коминтерне было принято новое решение. Сохранив запрет на вызов аргентинской делегации для обсуждения кризиса, «все вопросы раздора» предлагалось обсудить после приезда представителя Коминтерна (Вильямса) с участием делегата КПА в Москве (Кодовильи). После принятия резолюции Президиумом ИККИ Кодовилье предстояло вернуться в Аргентину для ее проведения в жизнь. Одной из задач, поставленных при этом руководством перед аргентинским функционером, было выяснить «ответственность» эmissара III Интернационала, а до этого прекратить всякую дискуссию, связанную с вопросами раздора, при общем сотрудничестве в партийной работе¹. Кодовилья, однако, возвращался на руины опавшей им вместе с Пенелопом и Гиольди компартии Аргентины. Развитие событий показало: ни о каком сотрудничестве не может быть и речи. Противоборствующие группировки вели борьбу на взаимное уничтожение по всем правилам военных действий, употребляя силовые методы, дезинформацию, поиск союзников для того, чтобы использовать их в своих целях².

¹ Конин телеграмм. Телеграмма Лего [Ж. Эмбер-Дро?] 3.10.1927 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 106. Л. 12; Телеграмма, направленная Кодовильей Пенелону 6.9.1927 // Там же. Д. 105. Л. 2.

² Одним из таких методов было утаивание друг от друга информации, получаемой из Москвы, и содержания своих сообщений в ИККИ. Так, например, получив телеграмму, посвященную решению профсоюзного вопроса, в которой Москва требовала также предоставления докладов по военному вопросу, Пенелон занодотрил какую-то интригу: «Телеграмма, настаивающая на приостановке дискуссии, в то время как ничего не обсуждалось, когда не было никакой напряженной ситуации и не поднимался никакой вопрос в Комитете, указала мне на наличие каких-то неизвестных мне вещей, также неизвестных другим членам Центрального Комитета». На требование Пенелона к Вильямсу и Ромо показать ему полученные ими телеграммы, чтобы разобраться в ситуации, те под разными предлогами ответили отказом.

Самым главным направлением этой борьбы, посившим стратегический характер, было стремление обеспечить опережающую информацию ИККИ о своей позиции. И здесь соратникам Р. Гиольди удалось добиться преимущества, в итоге обеспечившего им победу. Гиольди, несмотря на двусмысленный запрет Коминтерна обеим группировкам посылать своих делегатов в Москву, ни на миг не прекращал подготовку к задуманной еще весной 1927 г. поездке за океан¹. План этот постоянно видоизменялся. Первоначально речь шла о рокировке кадров в Москве, замене Кодовильи на Р. Гиольди в качестве делегата КПА при ИККИ. Потом был поднят вопрос о возвращении Кодовильи для работы в ЮАСКИ, при этом подразумевалось, что в Москве его заменит все тот же Р. Гиольди. При обсуждении этого вопроса в ЦК КПА даже О. Гиольди, не возражая против такой шахматной комбинации, предложил задержать отъезд брата до VI конгресса Коминтерна. После открытого признания существования внутрипартийного кризиса группа Гиольди – Ромо приняла формальное решение направить Родольфо в Москву для информирования о разногласиях, которые, как их оценивал в тот момент Пенелоп, «или были незначительны, или могли быть разрешены внутри самой

Эмбер-Дро и Кодовильи были вынуждены давать Пенелону рекомендации такого порядка: «Ознакомься с нашими телеграммами, направленными центру партии и вышли нам доклады и твое мнение по данному вопросу», или: «Проси конию направленной Коминтерном телеграммы». Конии телеграмм. Телеграмма Эмбер-Дро и Кодовильи [Пенелону]. 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 105. Л. 68; Телеграмма Кодовильи Пенелону // Там же. Л. 19.

В итоге Коминтерн был вынужден подробно излагать содержание телеграмм, посылаемых одной стороне, представителям другого течения. Наиболее типичным является направленный Пенелону обзор телеграмм: «Телеграмма ромо 14 июля говорила ввиду общей ситуации необходимы немедленные меры Кентворт [в Аргентине] Гарри [Вильямс] просит разрешения выехать Хоффман [в Москву] предлагаем также выезд Родольфо причина необходимость немедленных мер точка 15 направляем ответ 16 получаем новую телеграмму Ромо 11 июля носылаем телеграмму тебе и Ромо точка. Ждем письменной информации прежде чем принять резолюцию то же самое сделайте и Вы», или рассылать их по разным адресам [так, например, телеграмма ИККИ от 29 декабря 1927 г. была направлена Ромо (большинство), О. Гиольди (молодежь), Пенелону (меньшинство), Торресу (Л.В. Комин) (Центральный Комитет Молодежи)]. Конии телеграмм. Телеграмма [Пенелону] // Там же. Л. 66; Телеграмма, направленная Коминтерном 29.12.1927 // Там же. Л. 35.

¹ Сторонники «меньшинства» утверждали о начале подготовки Р. Гиольди к поездке в Москву независимо от решений ИККИ, отмечая, что представитель Коминтерна хотел, чтобы «Родольфо не столько выехал на конгресс [Коминтерна] и как делегат партии, как решил Центральный Комитет, сколько чтобы он выехал быстро». По словам Пенелона, Гиольди требовал от Михайлова обещания, что пробудет там два года. В случае аутентичности данного факта оноизация Гиольди предстает достаточно двусмысленной и обусловленной возможностью карьерного роста в международном масштабе. Письмо товарища Эрнандеса 30 сентября 1927 г. // Там же. Д. 108. Л. 111; Письмо Х. Пенелона В. Кодовильи 29.7.1927 // Там же. Л. 17.

партии, или даже не поднимались, никто о них не знал в Центральном Комитете»¹. Прекрасно понимая, насколько далеко зашли разногласия внутри КПА, которые фактически могли теперь закончиться только разрывом отношений внутри ее руководящего ядра, «большинство ЦК»² с завидной регулярностью продолжало настаивать на срочном отъезде Р. Гиольди в Москву. Личное присутствие любого из оппонентов – Гиольди или Пенелона – могло оказаться решающим фактором. Учитывая факт возвращения в СССР Вильямса, группа, возглавляемая Ромо, была даже согласна на одновременное с Гиольди делегирование и Пенелона, тем самым окончательно переводя конфликт на международный уровень и увеличивая свои возможности для победы в нем.

30 сентября 1927 г. Коминтерн получил тревожную телеграмму, информирующую о параличе работы КПА и реальной угрозе дальнейшей эскалации кризиса, что могло быть предотвращено лишь вышеуказанным способом³. Пенелону, в тот же день связавшемуся по телеграфу с Кодовильей, удалось нейтрализовать эффект, на который рассчитывали его оппоненты, дезавуировав Ромо и предсказав кризис в результате отъезда Гиольди.

Не без влияния аргентинского представителя при ИККИ Эмбер-Дро от лица Секретариата ИККИ вновь дал понять группам внутри ЦК КПА, что аргентинский вопрос обсуждается в Москве без участия делегатов фракций, однако в присутствии Кодовильи и Вильямса. Принятые решения предполагалось воплощать в жизнь по возвращении Кодовильи в Аргентину⁴. Оппоненты Пенелона отказываться от борьбы не собирались и, еще раз потребовав от ИККИ пересмотреть принятое решение, пошли ва-банк: Р. Гиольди выехал в Москву, не дожидаясь одобрения руководства Коминтерна⁵. Ставка была явно сделана на то, что авторитет Р. Гиольди в III Интернационале доста-

¹ Одной из целей такой поездки, указывал Пенелон, было «дезавуировать» делегата КПА в Москве.

² Большинство на практике было относительным: по ряду вопросов, обозначенных Ромо и Гиольди в качестве «основных разногласий», некоторые члены большинства голосовали так же, как и сторонники Пенелона, либо занимали независимую от обеих групп позицию. Этот факт признавали обе фракции, вспоминая, однако, лишь о тех случаях голосования, результаты которых были им выгодны.

³ Телеграмма Ромо Кодовилье 30.9.1927 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 105. Л. 4.

⁴ Телеграмма Пенелона Кодовилье 30.9.1927 // Там же; Телеграмма Эмбер-Дро Ромо 30.9.1927 // Там же. Л. 5.

⁵ 8 октября Ромо сообщил в Москву: в партии произошел раскол, «атмосфера наэлектризована, внутри крайне тяжелая ситуация, меньшинство дискутирует с Вильямсом». Р. Гиольди отправился в Москву 28 октября. Этот факт заставил теперь уже «центристов» настаивать перед Москвой на вызове также и Пенелона. Телеграмма Ромо в Коминтерн 8.10.1927 // Там же; Телеграмма Пьера, Луиса и других в Комин-

точно высок, и в случае его появления в штаб-квартире всемирной коммунистической партии пазад его уже не отправят, а позволят участвовать в дискуссии.

В свою очередь Пенелоп не принял предлагавшуюся ему возможность участвовать в планировавшемся па февраль 1928 г. IX Пленуме ИККИ¹, хотя это отсрочило бы принятие решений по аргентинскому кризису до его приезда в Москву. Он смог бы лично предъявить претензии к оппозентам и аргументы в защиту позиции «меньшинства», противопоставив свой авторитет и влияние авторитету и влиянию Р. Гиольди. Его личное участие в разборе конфликта при гарантировавшем благожелательном отношении и поддержке почти по всем вопросам со стороны Кодовильи могло радикально изменить ситуацию, но глава ЮАСКИ не воспользовался этой возможностью. Только после того как раскол стал объективной реальностью и практически был оформлен организационно, Пенелоп, делая хорошую мину при плохой игре, заявил, что «интересы партии» требуют его поездки в Москву, бросив при этом Коминтерну обвинение в проведении политики, благоприятствующей интригам карьеристов и коррупционеров в КПА². Но даже сделав такое заявление, не предпринял никаких шагов для организации поездки в коммунистическую Мекку.

Кодовилья всеми силами пытался удержать Пенелопа от опрометчивых и непоправимых решений, повторяя, что «по соглашению с друзьями» решено поручить ему «установление степени ответственности Раймонда»: либо в Москве, если делегат Коминтерна уже туда выехал, либо в Аргентине, если сможет еще его застать по возвращении па родину. «Из текста вашей последней телеграммы следует что фракционная борьба не дает вам понять вред папосимый кризисом партии точка Все должны доверять Коминтерну и не пастанавать па своих позициях точка В паостоящий момент комиссия обсуждает аргентинский вопрос точка Я предлагаю Пенелопу и всем товарищам из меньшинства не торопить события и дожидаться резолюций Коминтерна», – взывал из Москвы аргентинский коммунистический функционер, явно рассчитывавший па свои возможности повлиять па развитие событий в благожелательном для секретаря ЮАСКИ смысле (и понимавший, что высокомерная позиция лидера КПА лишает его возможности пастоять па своем и дает дополни-

терн 28.10.1927; Телеграмма Маллио [И. Мальо Лонеса] и Гитора [О. Гиольди] в Коминтерн 29.10.1927 // Там же. Л. 6.

¹ Телеграмма Секретариата ИККИ Пенелопу // Там же. Л. 69.

² Телеграмма [меньшинства ЦК], полученная Кодовильей 29.11.1927 // Там же. Л. 32.

тельные козыри в руки его оппонентов и Вильямса), по остановить закусившего удила Пенелопа уже не мог¹. И то, что Кодовилье еще считал, глядя на бой со стороны, лишь фракционной борьбой, уже стало расколом.

В самой Аргентине не допустить углубления противоречий пыталась центристская группировка во главе с членами ЦК КПА О. Гиольди и И. Мальо Лопесом, усматривавшими в противостоянии обеих групп борьбу за единоличное руководство. Однако конфликтующие стороны отвергли любые попытки примирения, свисока оценивая позиции центристов. Р. Гиольди счел «песомпенной глупостью» высказывание Мальо Лопеса об «отсутствии солидарности с Пенелопом» как причине кризиса, патетически вопрошая: что это «непонимание или слепое обожание»?² Скептически отнесся к попытке посредничества и Пенелоп, не веривший в возможности О. Гиольди создать «новую тенденцию». Правда, лидер «меньшинства» снисходительно выразил надежду, что она не будет «тенденцией тех, кто занимается скандальными махинациями для удовлетворения малопопятных интересов, ставя партию в опасность и дискредитируя ее в глазах Интернационала... это не будет и тенденцией тех, кто, как я (и два-три человека еще), не собиравшись допустить, чтобы так игрались с тем, что стоило такого труда организовать»³.

Центристы, не будучи лично заинтересованными в исходе борьбы за власть в партии, лучше «большинства» и «меньшинства» видели опасности, подстерегавшие КПА при углублении разногласий. Сразу после отъезда Р. Гиольди в Москву конфликт стал расширяться и затронул уже рядовых коммунистов, которые до этого времени почти не информировались своими руководителями о содержании разногласий и позициях сторон. Мальо Лопес и О. Гиольди сообщили Кодовилье об «удивлении» партийных масс, которые могут «отреагировать насилием под давлением Пенелопа», предупредив о возможности борьбы с жертвами среди активистов. Одним из путей избежать «невосполнимого вреда» центристы видели в вызове Пенелопа в Москву⁴. Понимая, что обе группировки может остановить только авторитетное мнение, и ясно осознавая отсутствие у них самих достаточного влияния, центристы потребовали от Москвы немедленных рекомендаций о мерах, которые они должны предпринять для пред-

¹ Телеграмма Кодовилье Пенелопу // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 106. Л. 21.

² Письмо Р. Гиольди В. Кодовилье 5 июля 1927 г. // Там же. Д. 108. Л. 7.

³ Письмо Х. Пенелона В. Кодовилье 29 июля 1927 г. // Там же. Л. 21.

⁴ Реакцией на этот призыв и было приглашение Пенелона Секретариатом ИККИ на IX Пленум.

отвращения столкновения с опорой на поддержку высших структур Коминтерна¹.

В начале октября Пенелоп пригрозил «пропуссиаменту» в партии, если «большинство» не откажется от своих позиций. Через месяц «государственный переворот» превратился в реальность, тщательно подготовленный по всем законам жапра, так привычного для Латинской Америки. Даже его объявление заранее вполне вписывалось в привычный сценарий – и о военных переворотах, и об их главных вождах в «бапаповых республиках» зачастую знали задолго до их осуществления. О своих намерениях «коммунистические путчисты» предварительно известили даже Коминтерн. В телеграмме Кодовилье «меньшинство», констатируя невозможность прийти к компромиссу, провозгласило свою решимость не работать с большинством ЦК, которое «фальсифицирует документы и саботирует резолюции, принятые ими самими же, которое прячет документы Интернационала и направляет лживую телеграфную информацию, представляя ее как резолюции Центрального Комитета». «Мы не можем допустить, чтобы четыре интригана и карьериста изображали из себя партию и разрушили этим результат десяти лет работы по ее развитию», – телеграфировал Пенелоп, видевший единственно возможным решением немедленное исключение своих аптагопистов из КПА. Коминтерну предъявлялся ультиматум: «Мы ставим перед партией вопрос об исключении “большинства или пас”»². И только теперь, впервые за все время кризиса, секретарь ЮАСКИ заявил о необходимости в интересах партии его поездки в Москву.

Часть активистов Федерации коммунистической молодежи, поддерживавшая Пенелопа, пошла еще дальше, заявила о неподчинении «безответственному большинству, использующему партию для удовлетворения собственных амбиций», потребовала от «меньшинства» взять на себя руководство партией, направить в Аргентину нового представителя Коминтерна, а также возвращения Кодовильи³. Эти

¹ Конин телеграмм. Телеграмма, полученная Кодовильей 29.10.1927 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 105. Л. 6.

² Конин телеграмм. Телеграмма [меньшинства ЦК], полученная Кодовильей 29.11.1927 // Там же. Л. 32. Первым в проскринционном списке меньшинства значился Р. Гюльди. Пенелоп писал: «В настоящий момент Ромо еще не исключен. Нам больше интересует вопрос об исключении Гюльди». Там же.

³ Конин телеграмм. Телеграмма [Федерации молодежи], полученная Кодовильей 29.11.1927 // Там же. Л. 32.

«Переворот» в ФКМА произошел на день раньше, чем в партии. ЦК Федерации «отказал в доверии Гитору за неинформирование о вопросах, обсуждаемых в ЦК, партии, где он являлся представителем», назначил на его место Листу, не слушая никаких возражений и не соглашаясь с тем, что тот выполнил свой долг не выносясь во-

телеграммы стали «артиллерийской подготовкой» к открытию «военных действий» против «большинства» ЦК.

Проведя несколько фракционных собраний и выработав на них план действий, сторонники Пепелопа потребовали от генерального секретаря ЦК Ромо созвать 30 октября Центральный Комитет. На заседание помимо членов ЦК пришло около ста коммунистов, подготовленных к захвату здания при помощи силы и открыто заявивших о готовности предпринять меры против «большинства», в том числе «в антипартийных действиях и аморальных поступках». Опасаясь применения силы, сторонники «большинства» подписали декларацию, в которой обвинили Пепелопа в перепесении дискуссии в первичные организации без учета ожидаемого мнения Коминтерна и созыве членов партии «для осуществления "государственного переворота"». Сторонники «большинства» заявили о приостановлении своего членства в ЦК, так как они не желают «ни в коей мере развязывать братоубийственную войну в партии... чтобы продемонстрировать Москве эту очередную каудильистскую махинацию Пепелопа и его сторонников», и возлагают на них всю ответственность за это покушение на партию¹.

Уход «большинства» дал Пепелопу полную свободу рук для осуществления «пропусаменто». Немедленно была принята резолюция о приостановлении пребывания представителей «большинства» на их должностях, предложено первичным организациям партии утвердить это решение в течение 7 дней и проголосовать по вопросу об исключении их из партии. Позднее из-за невозможности осуществить голосование во всех партийных организациях срок был продлен до 24 ноября.

просьбы за пределы ЦК., как было установлено. Письмо П. Ромо в И.К. Коминтерна 15.11.1927 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 103. Л. 2–2 об.

«Меньшинство» не только не обратило внимание ЦК ФКМА на неправомерность этих действий, но и немедленно кооптировало Э. Листу в состав ЦК КПА вместо младшего Гюльди. При этом в расчет не был принят (возможно, сознательно) международный аспект этой кадровой перемены. О. Гюльди являлся секретарем Южноамериканского секретариата КИМА, и решать вопрос о его снятии с поста без консультаций с ИККИМ было не меньшей мерой проявлением недоброжелательности по отношению к руководству молодежного Интернационала, тем более что ИККИМ отреагировал мгновенно, потребовав (!) не исключать Гитора. ЦК ФКМА тем не менее выразил «удивление» позицией КИМа. Примечание к телеграмме [Центрального Комитета Молодежи], полученной [Кодовильей] 23.12.1927 // Там же. Д. 105. Л. 33.

¹ Этот акт еще раз показал опасность базирования деятельности региональных коммунистических организаций на основе одной партии. Кризис в КПА мгновенно отразился на функционировании ЮАСКИ и ЮАСКИМ, показав южноамериканским коммунистам подчиненное по отношению к аргентинской секции положение, при котором их деятельность зависела от колебаний внутрипартийной конъюнктуры в Буэнос-Айресе, а их мнение по поводу кризиса в КПА никто не спрашивал. Письмо П. Ромо в И.К. Коминтерна 15.11.1927 // Там же. Д. 103. Л. 1.

Сложилась абсурдная ситуация. «Большинство», которое до этого вело интесивное паступление на сторонников Пепелона, не стало защищать свои позиции перед партийными массами и продолжило работу на своих постах, оставленных им противниками до решения их судьбы партийным опросом¹. Видя отказ «большинства» от борьбы в этих условиях, инициативу по ликвидации кризиса взяли на себя «центристы», под влиянием обстоятельств ужесточившие свою позицию, они пазвали Пепелона «фашистом» и сравнили его «переворот» с маршем Муссолини на Рим. Центристы подчеркивали, что выступают «против любой фракционной деятельности, осуществленной как большинством, так и меньшинством Ц.К.». По основным разногласиям, которые имеют политический характер, падо в достойной форме организовать дискуссии, считали Гитор и Мальо Лонес, резко выступившие против «политики гильотины» во внутрпартийной борьбе. Осуществленный внутри КПА «переворот», по их оценке, значительно замедлил политический прогресс партии и «развитие менталитета многих ее членов, особенно молодежи, которые могли бы стать хорошими большевистскими активистами». Сторонники Пепелона были обвинены в применении методов, привычных для II Интернационала, что «недопустимо в К.И., резолюция которого не выполняется... что является четким указателем состояния развала нашей партии». Анализ кризиса привел центристов к грустному выводу о том, что «большевизация» КПА была не более чем «обширной иллюзией». Не желая «играть ни в чью игру», они выразили готовность во имя интересов Коминтерна, заключавшихся в единстве партии, подчиниться «любой резолюции» высших инстанций всемирной компартии в надежде на то, что партия в конце концов пойдет вперед, а «К.И. расставит все по полкам»². Оценивая изменившуюся позицию центра, П. Ромо, возглавивший после отъезда Р. Гиольди «большинство», с удовлетворением констатировал: «...центристам [как те-

¹ Так, например, П. Ромо с первого дня «переворота» известил «меньшинство» о готовности передать «La Internacional» назначенному ими директору, но нежелая уклониться от продолжения руководства газетой. Однако ЦО КПА, во время кульминации кризиса находившийся под контролем лидера «большинства», на его собственному признанию, не высказывался на протяжении почти всего ноября об этих событиях, хотя «орган «независимых социалистов» уже отозвался о слухах, демонстрирующих знание – несколько запоздавшее – о произошедшем. Свою наивность в судьбоносный для партии момент «большинство» объясняло необходимостью избежать обвинений в необъективности, стремлением дать членам партии возможность самим разобраться в ситуации, заявив, что в случае благоприятного голосования по отношению к их повторному назначению в ЦК, они согласятся вновь занять свои посты. Письмо П. Ромо в И.К. Коминтерна 15.11.1927 // Там же. Л. 2–3.

² Письмо Эд. Гитора и И. Мальо Лонеса В. Кодовилье 24.11.1927 // Там же. Д. 108, Л. 115.

чению в КПА. – В.Х., Л.Х.] уготован грустный копец, им пришлось столкнуться с бурей, и... они не оказались сосупками...»¹

Проинформировав Москву о том, что в результате действий «меньшинства», вопреки директивам Коминтерна силой сохраняющего положение, «в партии нет Центрального Комитета», Мальо Лонес и Гитор запросили у ИККИ инструкции – участвовать ли им в дискуссии по вопросу: «большинство» или «меньшинство»². Они же сообщили в провинциальные комитеты партии о конфликте и пригласили их руководителей обсудить ситуацию. «Меньшинство» собралось в назначенный день, не дожидаясь приезда всех секретарей региональных партийных организаций³. Вновь прозвучали обвинения в аморальных поступках, предательствах и т. п., было сделано заявление о спешной поездке в Москву Р. Гиольди для получения поддержки «сталинской куклы», причем Пенелоп повторил это несколько раз под аплодисменты рядовых коммунистов⁴. Делегат Коминтерна Вильямс был заклеен Пенелопом как «коммунистический бюрократ». Мальо Лонес и Гитор выступили против нападок на Коминтерн и его сотрудников, по им не позволили записать в протоколе сказанное о Сталине и некоторые другие высказывания. Им даже запретили информировать Москву о принятой резолюции, в которой фиксировалось решение ограничить в правах членов «большинства», чтобы затем предложить всей партии окончательно исключить их из партии, а также телеграфировать Коминтерну, требуя не соглашаться на приезд Гиольди⁵.

Предложение центристов о поездке Пенелона в Москву для обсуждения этих вопросов было также отвергнуто. Ромо считал, что даже если партия под воздействием центристской группы примет решение направить Пенелона в СССР, тот откажется и уйдет в отставку. Циркулировала также версия о поездке Пенелона с целью убить его на советской границе, которую озвучили некоторые югослав-

¹ Письмо П. Ромо в И.К. Коминтерна 15.11.1927 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 103. Л. 3.

² Конни телеграмм. Телеграмма [Мальо Лонеса и Гитора], полученная К.И. 30.11.1927 // Там же. Д. 105. Л. 33.

³ Не смог из-за отсутствия поезда в этот день приехать сторонник Вильямса и Р. Гиольди секретарь комитета КПА Росарио М. Контерас, приславший телеграмму с просьбой подождать его.

⁴ Не ясно, кого Пенелон имел в виду. Однако любой из руководителей Коминтерна, занимавшийся южноамериканскими делами, под псевдонимом «сталинская кукла» мог увидеть себя. Это обстоятельство не поднимало рейтинг Пенелона в Москве. Кроме того, применяя терминологию, присущую внутрипартийным дискуссиям в ВКП(б), Пенелон переступил границу лояльности по отношению к Сталину. В изменившейся ситуации в ВКП(б) и Коминтерне это было равносильно добровольному ostracismu.

⁵ Письмо П. Ромо в И.К. Коминтерна 15.11.1927 // Там же. Д. 103. Л. 1а.

ские эмигранты-коммунисты¹. Можно предположить, что Пепелон, считавший обеспеченной поддержку большинства членов партии, а не большинства ЦК, решил разубить гордиев узел противоречий на месте, в Буэнос-Айресе, в то время как Р. Гиольди, опираясь на большинство ЦК как на решающий аргумент, рассчитывал решать проблемы в Москве. Или же Пепелон просчитался, не видя шапсов на успех в ИККИ либо учитывая прошлый опыт противостояния с Александровским, борьбы с «чиспизмом» и т. д., хотел поставить Москву перед фактом. Возможно, он осознал свое расхождение в некоторых вопросах развития рабочего движения в Аргентине и Южной Америке с господствующей в штаб-квартире всемирной компартии точкой зрения и попытался дистанцироваться от Москвы, продолжая при этом (зная настроения рядовых коммунистов) постоянно декларировать свою приверженность III Интернационалу².

В конце декабря 1927 г. события в КПА стали и в самом деле напоминать военные действия, и Коминтерну оставалась лишь роль регистратора и комментатора событий. «Меньшинство», не удовлетворенное результатами партийного референдума³, спровоцировало обострение ситуации. Пепелон, продолжая утверждать о своем желании «рвать с Коминтерном», вновь отклонил резолюции ИККИ, как основанные на «псевдоданных информации». Это еще больше обострило ситуацию и побудило его противников потребовать от Коминтерна немедленной телеграммы, объявляющей резолюцию «окончательной и не подлежащей пересмотру», а ее несогласие с ней

¹ Там же. Л. 3.

² Однако Ромо отмечал изменения в настроениях части партийной массы в ходе кризиса: «...доходит до абсурда, когда некоторые рядовые члены партии считают Пенелона выше К.И.». Письмо П. Ромо в И.К. Коминтерна 15.11.1927 // Там же. Л. 2.

³ В фондах Архива Коминтерна нами не обнаружены документы, отражающие окончательные итоги партийного опроса. Но на имеющихся данных можно выстроить объективную картину. К 15 ноября 15 ячеек КПА Буэнос-Айреса (98 человек) высказались за меньшинство, 26 ячеек (151 человек) за телеграмму Коминтерна, в трех голосовании оказалось равным, 1 ячейка воздержалась. Но если в столице влияние меньшинств оставалось существенным, то за пределами Буэнос-Айреса оно резко снижалось. Пять провинциальных центров КПА принимали резолюции, осуждавшие позиции меньшинства. Письмо П. Ромо в И.К. Коминтерна 15.11.1927 // Там же. Л. 2-3. Естественно, те люди в Коминтерне, которые были не наслышке знакомы с аргентинскими реалиями, например Кодовилья, знали, что столичная организация по количеству членов и влиянию превосходила несколько провинциальных вместе взятых, но в целом картина складывалась неблагоприятная для руководителя ЮАСКИ: к концу ноября 29 партийных ячеек и центров поддерживали рекомендации Коминтерна, в то время как позицию Пенелона одобрила 21 партийная организация. Телеграмма Педро [Ромо] [Эмберу-Дро. // Там же. Л. 104. Л. 3. И в подобных условиях от московского руководства ИККИ все настоятельнее требовалось принимать однозначно трактуемое решение.

должно было означать исключение из партии¹. Поведение «Беста»² было расценено «Патси»³ как оскорбительное и дискредитирующее Коминтерн⁴.

Отказавшись присутствовать на Пленуме ЦК с участием представителей всех регионов, проведенном по рекомендации ИККИ для утверждения итогов партийного референдума, сторонники Пенелопы продолжали удерживать в своих руках контроль над зданиями ЦК и ряда районных комитетов Буэнос-Айреса. Условия ультиматума, предложенные еще в октябре, оставались в силе: или мы, или они. «Большинству» и «центристам», объединившим свои усилия, не осталось иного выбора, кроме перехода в контрпоступление. Применившиеся при этом методы вряд ли могли быть одобрены любым пролетарием-коммунистом, тем более их пикогда бы не санкционировал Коминтерн: И. Мальо Лопес обратился за помощью к властям! Проинформировав комиссара полиции о намерении исключенных из партии активистов незаконным путем завладеть помещениями и собственности комитетов, секретарь столичной организации КПА от имени ЦК партии предупредил полицию, что «уполномочен действовать в соответствии с установленной процедурой для защиты наших комитетов... *получив необходимые гарантии и сотрудничество со стороны соответствующих секций [полиции. – В.Х., Л.Х.]*... – для избежания невосполнимого ущерба»⁵. Отобрав партийную собственность КПА у «меньшинства» должна была помочь полиция, опираясь на аргентинское законодательство. Социал-демократы, действовавшие в правовом поле своих государств, могли поступить подобным образом, но для тактики коммунистов 1920-х гг. это было экстраординарным явлением.

Силовая акция «большинства» и «центра» по возвращению контроля над партийными помещениями с участием полиции дала «меньшинству» долгожданный повод для разрыва⁶. Сторонники Пенелопы объявили о нежелании что-либо знать о полицейских аген-

¹ Телеграмма Бланко [А. Кантора] в Коминтерн. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 103. Л. 17.

² Условное обозначение «меньшинства» в шифронееренские.

³ Условное обозначение «большинства» в шифронееренские.

⁴ Телеграмма Педро [Ромо] [Эмберу-Дро // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 104. Л. 4.

⁵ Конья нисма, направленного Ц.К. партии (лично Мальо Лопесом без консултации с Ц.К.) в полицию Буэнос-Айреса 21.12.1927 // Там же. Д. 103. Л. 43.

⁶ Пенелонисты телеграфировали в Москву, что Ромо, Мальо Лопес и Гитор «при помощи полиции и тинов, не имеющих ничего общего с партией, взяли приступить помещения и арестовали активистов партии и товарища Пенелона». Телеграмма [Моретти, Пенелона, Семиссы, Равани, Де Пальма, Листы], полученная [Кодовильей] 28.12.1927 // Там же. Д. 105. Л. 34.

тах Ромо, Гиторе и Мальо Лопесе, о выходе из КПА и *организации своей партии*¹. Проведенный тем временем в отсутствие пепелопистов пленум ЦК единогласно решил заменить их кандидатами в члены Центрального комитета².

Только после объявления о выходе сторонников Пепелопа из КПА и создании новой компартии «большинство» ЦК решило «официально» предать гласности практически всю имевшуюся в его распоряжении информацию о кризисе, опубликовав протоколы Расширенного пленума. Материалы, помещенные в «La Internacional», давали возможность теперь уже не только членам КПА, но и широкой аргентинской общественности познакомиться с истоками и характером развития кризиса, в том числе с ролью делегатов Коминтерна и Профинтерна, деятельностью ЮАСКИ, характером отношений ИККИ с южноамериканскими компартиями.

Открытое силовое противостояние между фракциями в КПА окончательно торпедировало деятельность Южноамериканского секретариата. В конце 1927 г. ИККИ с подачи Ромо стало известно об уклонении Пепелопа от работы с делегатом Профинтерна в Южной Америке. Оппоненты главы ЮАСКИ настаивали на принятии мер по поводу Секретариата³. И это уже не было пропагандистским маневром для дискредитации противника. На практике имела место констатация очень тревожной для руководства III Интернационала ситуации, поставившей под угрозу важную миссию М.Я. Зеликмана, командированного в Латинскую Америку для организации представительства рабочих организаций континента на IV конгресс Профинтерна.

Делегат ИБ КИП, не получив визы на въезд в Аргентину, обратился за помощью к руководителям региональной структуры Коминтерна, на которую в Москве ему указали как на «центр связи в помощь выполнению задания». Узнав от руководства КПУ о борьбе между Пепелопом и «большинством» ЦК, Зеликман считал для себя невозможным контактировать с каким-то одним из представителей враждующих течений – Пепелопом или Ромо и предложил обоим членам ЮАСКИ приехать для встречи с ним в Монтевидео. Во из-

¹ Там же. В другой телеграмме, возможно направленной несколько раньше, они еще не были столь категоричны и обращались за предварительной поддержкой Кодовиллы: «Если ты согласен полностью мы немедленно и решительно отвергаем любое единство с полицейскими агентами окуртунистами». Телеграмма Кодовиллы в Мексиканом в Москве // Там же. Д. 104. Л. 20.

² Телеграмма [Пабло Лопеса, председателя, от имени Пленума Центрального Комитета], полученная Коминтерном 23.12.1927 // Там же. Д. 105. Л. 34.

³ Телеграмма [Ромо], полученная Коминтерном 22.12.1927 // Там же. Л. 33; Телеграмма Ромо Гюльди 31.12.1927 // Там же. Л. 34.

бежание недоразумений для подробного объяснения цели его поездки Зеликман с согласия ЦК КПУ направил в Буэнос-Айрес хорошо известного аргентинским руководителям уругвайца Ф. Пиптоса. Секретарь ЮАСКИ поотрез отказался участвовать в совещании вместе с Ромо¹, не дав при этом Зеликману и указаний на то, с кем и как он мог бы вступить в контакт в странах Южной Америки для решения поставленной перед делегатом Профинтерна задачи. В отличие от своего противника Ромо немедленно согласился выполнить любую работу, порученную Зеликманом в рамках его миссии, и на участие в любом совещании, которое тот сочтет нужным созвать, не ставя никаких условий относительно состава его участников.

В этих обстоятельствах представитель Москвы пошел на экстраординарную меру и сформировал в Монтевидео Временный комитет КИП, функции которого сводились только к организации представительства латиноамериканского профсоюзного движения на конгресс. В его состав были включены три представителя КПА (Ромо, М. Контрерас и, «несмотря на такое поведение», Пепелоп) и два уругвайских коммуниста (Ф. Пиптос и Э. Гомес). По-прежнему надеясь на то, что Пепелоп «передумает и окажет всяческое содействие организации конгресса», Зеликман информировал секретаря ЮАСКИ о деятельности Комитета и объяснил ему в письме задачи временного органа и причины его создания. Но Пепелоп «категорически отклонил» [подчеркнуто в документе от руки] какое бы то ни было участие в его работе², вновь поставив интересы фракционной борьбы внутри КПА выше необходимости решения задач, имевших принципиальное значение для развития рабочего движения на континенте, и тем самым, может быть, сам того не желая, дал понять Коминтерну, что единая партийная и континентальная работа в КПА и ЮАСКИ стала совершенно невозможной и Москве придется сделать выбор между Пепелопом и его оппонентами.

Удержать конфликт в рамках узкого руководства КПА удавалось недолго. Для решения своих задач по установлению контроля над партией противостоящие стороны вынуждены были апеллировать к партийной массе. В итоге развитие кризиса вышло из-под контроля оппонентов, что привело вратию к расколу. Достаточно долго существовала возможность снять остроту противоречий с помощью прямого вмешательства III Интернационала, однако Исполком Коминтерна не сделал ни одного разумного шага и не предпринял эф-

¹ В ИККИ и Секретариат стран Латинской Америки от члена ВКП(б) М.Я. Зеликмана, командированного Профинтерном в Латинскую Америку для организации представительства на IV конгресс // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 41. Л. 26.

² Там же. Л. 27.

фektivных действий для разруливания ситуации. Нерешительность Москвы, в других случаях достаточно часто применявшей жесткие меры к ослушникам, легко объяснима. У данного факта есть и объективные и субъективные причины. Во-первых, Коминтерн действительно долго был не в состоянии понять сути разногласий. Во-вторых, в ИККИ могли, наконец, осознать всю пагубность ставки на КПА как единственный центр коммунистического движения Южной Америки и прогнозировать распространение кризиса на остальные коммунистические партии и группы. В условиях, когда большинство из них (если не все) были далеки от модели компартии, как ее понимали в III Интернационале, не в полной мере соответствовали положениям «21 условия», метастазы аргентинской болезни могли привести к летальному исходу все коммунистическое движение континента (во всяком случае, той его части, которая находилась под юрисдикцией ЮАСКИ). В-третьих, очевидна личная заинтересованность Кодовильи в мирном разрешении кризиса. Его дружеские отношения с основными участниками конфликта, постоянно апеллировавшими к нему, явное нежелание возвращаться в Южную Америку, теряя высокое положение в иерархии Коминтерна, заставляли делегата КПА в Москве делать все от него зависящее для возвращения кризиса к исходной точке или при негативном результате создания ситуации, обеспечивавшей сохранение статус-кво в руководстве партии и гарантировавшей лично ему положение, которое у него было до отъезда в СССР.

Изучение ситуации в КПА и наступившего в результате внутрипартийного кризиса паралича в деятельности Южноамериканского секретариата стало для III Интернационала делом мучительным и долгим. Слишком велика была ставка на аргентинскую компартию в континентальных планах Коминтерна, чтобы поверить в ее несостоятельность. Очень непросто было разобраться в причинах кризиса и пойти виновных в его возникновении. И хотя первоначально вместо от поиска виноватых в Латинском секретариате ИККИ пытались уйти, логика разбора такого рода коллизий во всемирной компартии заставляла подразумевать кого-либо из главных участников событий.

Для Кодовильи, являвшегося на всех этапах разбирательства одной из ключевых фигур, легче всего было увидеть источник кризиса его партии в человеке для южноамериканского коммунистического движения случайном – представителе Коминтерна Б. Михайлове. «Случай Александровского» позволял обратить внимание руководства на прецедент: русские коммунисты, приезжающие в Аргентину и не понимающие местную специфику, вносят диссонанс в рабочее движение страны и способны только на его дестабилизацию. Для аргентинского делегата при ИККИ слишком свежи были воспомина-

пия о столкновениях с первым посланцем из России, чтобы пекритически отпестить к информации, которой его снабжали Пепелоп и его сторонники. А они делали в своих поисках причин кризиса упор именно на демопическом воздействии Вильямса, папрямую обвинявшего ими в том, что он вместе с Апсельми в условиях, «крайне благоприятных для расширения партии», спровоцировал искусственные разногласия, «породил смуту в ЦК и уклонение от справедливой политической линии». «Разрушив единство действий руководства партии, он теперь приехал к вам», – предупреждал А. Эрпапдес Кодовилью, выражая падежду на то, что члены партии преподадут урок Гиольди и Ромо, которые вместе с Вильямсом «довели нас до такого положения»¹. При этом «меньшинство» указывало на свое «абсолютное согласие» с линией III Интернационала, педвусмысленно намекая тем самым на расхождение с данной линией представителя Коминтерна в Южной Америке.

Советский историк В. Гончаров в апологетической биографии Кодовильи утверждал, что Пепелоп, ранее выступавший вместе с представителями марксистского ядра партии против «фрептивстов» и «чиспистов», «воспользовавшись отсутствием Кодовильи», стал проводить «другую линию», фактически полностью соответствовавшую платформе социал-демократов². По оценке этого исследователя, Пепелоп «вел дело к повому расколу партии, хотя прикрывался разглагольствованиями о том, что по возвращении в страпу Кодовилья якобы поддержит его политику», отклонял все требования Р. Гиольди и других марксистов-ленинцев обсудить создавшееся положение, отрицал паличие расхождений и даже пытался обвинить их в попытках раскола партии³. Таким образом, позиция представителя КПА в Москве абсолютно противопоставляется проводившейся Пепелопом, а Кодовилья изображается не просто сторонником, по идеологом и вождем группы «марксистов-ленинцев», от имени которой выступал Гиольди.

¹ Письмо товарища Эрпапдеса. 30 сентября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 108. Л. 111–112.

² Гончаров В.М. Камарада Викторно (о Викторно Кодовилье). С. 71.

³ Там же. С. 72.

В кратком биографическом очерке Р. Гиольди В. Гончаров особо отмечает: Кодовилью и Р. Гиольди с нервной их встречи и до конца жизни «связывала большая дружба, основанная на общности политических убеждений». Советский историк, видимо, не счел существенными диаметрально противоположные позиции двух «отцов-основателей» КПА в кризисе 1927–1928 гг., что едва не уничтожило их детище. Гончаров В.М. Родольфо Гиольди – революционер ленинской школы // Новая и новейшая история. 1972. № 6. С. 59.

Анализ архивных документов приводит к диаметрально противоположным выводам. Аргентинский делегат при ИККИ, не сразу осознав расклад сил в КПА и переоценив аргументы Вильямса, его возможности воздействовать на развитие событий и степень его влияния в Москве, первоначально бескомпромиссно встал на сторону Пенелопа и едва не оказался вместе с ним за пределами коммунистического движения. Почти на всем протяжении разбора аргентинского кризиса он паходился под явным влиянием пастроений «меньшинства», выступив, по сути, в роли адвоката Пенелопа и с пафосом обвиняя Вильямса в расколе партии. И если бы Кодовилья вовремя не сориентировался, история КПА выглядела бы по-иному.

Кодовилья и Эмберу-Дро не удалось остановить дискуссию по ключевым вопросам противостояния внутри КПА. Более того, как только в Москву вернулся Вильямс, дебаты развернулись параллельно и в кабинетах Исполкома III Интернационала и с не меньшим пылом, чем в Аргентине. В обоих случаях имело место не столько столкновение идей, сколько явно выраженный персональный конфликт. Только роль Пенелопа в Москве играл Кодовилья, а позицию «большинства» в полемике представлял Михайлов. Перед членами аргентинской комиссии Латинского секретариата ИККИ развернулось драматическое противостояние двух ярких личностей, от исхода которого зависела судьба и компартии Аргентины, и Южноамериканского секретариата Коминтерна.

Представитель КПА в Москве буквально обрушил на южноамериканского делегата ИККИ град обвинений, сводившихся к тому, что именно тот оказался катализатором партийного кризиса. С подлинно итальянской страстью он выплеснул на членов Латинского секретариата долго сдерживаемые эмоции буквально в первые мгновения этой дискуссии, которая свелась к словесной дуэли Кодовильи и Михайлова, диалогу, лишь изредка перебивавшемуся паводящими вопросами присутствовавших при этом секундантов – ответственных работников Коминтерна. Обвинительный пафос ни на минуту не оставлял его на всем протяжении дискуссии. «Трудно сохранять спокойствие, выслушав такой доклад, как сделал Вильямс, который после участия, *более того, после руководства фракционной работой внутри ЦК КПА*¹ появляется здесь, прикидываясь певичопным, представляя себя человеком, который паходится в стороне от собы-

¹ В другом месте своего доклада В. Кодовилья обвинил «неносредственно Вильямса» в проведении фракционной работы внутри ЦК партии и в Южноамериканском секретариате. Стенограмма заседания Секретариата Латинских стран 27.10.1927 // РГА-СПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 100. Л. 3.

тий...» – атаковал Кодовилья Михайлова, требуя от русского коммуниста признания в том, каково было его участие в создании «этой ядовитой атмосферы или интриг»¹. Представитель КПА прямо обвинил делегата Коминтерна в инициировании кризиса, которого бы, с его точки зрения, не произошло, «если бы не интриги Вильямса», разрушившие однородное руководство партии, сложившееся во время ее большевизации.

«Большинство» обвинялось в желании привлечь массы к участию в выработке политической линии партии, в сокрытии политической дискуссии и «препятствовании, таким образом, идеологическому усилению партии»². По утверждению Кодовилья, сторонники «большинства» совершенно сознательно скрывали эти разногласия, чтобы «затем заложить эту бомбу под внутреннее положение партии, доведя ее до кризиса, делающего необходимым отправление делегации [в Москву]». По мнению аргентинского представителя, у делегата Коминтерна была корыстная личная цель: поставить вопрос о кризисе в аргентинской партии непосредственно перед ИККИ, чтобы, продемонстрировав наличие больших разногласий внутри ЦК КПА, «суметь оправдать впоследствии возможную деятельность представителя КИ в Аргентине»³. Кодовилья явно забывал о мере собственной ответственности, ибо на всем протяжении кризиса из Москвы шли телеграммы, в том числе и за его подписью, запрещавшие проведение дискуссии. На это присутствующим указал Вильямс, косвенно обвинивший аргентинца в том, что тот, долго не признавая наличие разногласий в КПА и требуя прекратить дискуссию, способствовал углублению противоречий, всеми силами препятствовал вмешательству со стороны Коминтерна⁴.

Отстаивая позиции Пепелопа, Кодовилья защищал и себя, так как, будучи единственным человеком в Москве, владевшим всей информацией, какой бы она ни была противоречивой, и недооценивая (или сознательно преуменьшая) опасность кризиса, он фактически дезинформировал руководство Коминтерна. Темперамент не позволял аргентинскому функционеру ИККИ скрывать свои потаенные мысли. Личная заинтересованность ясно просматривалась там, где он и не предполагал, например при обвинении Вильямса в неоднократных попытках «заставить отозвать меня из Москвы и заменить

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 100. Л. 1.

² Ненонятно, почему при критике «большинства» Кодовилья не называл имени Р. Гюльди, всю критику обрушивая на Вильямса и Ромо.

³ Стенограмма заседания Секретариата Латинских стран 27.10.1927 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 100. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 26.

па другого товарища», регулярно отвергавшихся, как он утверждал, всей партией, всеми ее законными инстанциями, «постоянно констатирующими политическую солидарность со мной»¹. Эти его утверждения вступали в очевидное противоречие с реальностью: «большинство» категорически настаивало на замене Кодовилья в Москве на Р. Гиольди, хотя и подчеркивало при этом его политический авторитет.

Объясняя желание вернуться в Аргентину для участия в ликвидации партийного кризиса, аргентинский представитель в штаб-квартире Коминтерна заранее оправдывал свои возможные трудности тем, что кризис был спровоцирован делегатами III Интернационала и Профинтерна, которые могли использовать свой авторитет для осложнения его урегулирования, и требовал принять серьезные меры против Вильямса, дабы «продемонстрировать партии, что К.И. ее поддерживает интриги своего делегата»². Непременным условием скорейшего возвращения в Аргентину Кодовилья считал осуждение всемирной компартией действий своего южноамериканского делегата и его наказание. Он явно ощущал себя Мессией, способным «спасти то, что еще можно спасти после осуществленных Вильямсом интриг»³, но предпочитал, чтобы Коминтерн расчистил для его миссии идеологическое и политическое пространство. Личностный характер атаки Кодовилья на эmissара ИККИ не заметить невозможно: это проявлялось не только в оценках его действий, но и в том, как это делал аргентинский делегат, применяя классические методы риторики. «Вильямс здесь *невинно заявляет*, что не получил точных инструкций К.И. и Профинтерна по профсоюзной тактике. Я должен сказать, что это не так... Надо ответить Вильямсу, что *вместо того, чтобы применять как представителю КИ нашу тактику, он ее саботировал...*»⁴. Кодовилья полон сарказма по отношению к своему оппоненту. «Эта мапера смешна, совершенно смешна»⁵, – так оценивается линия поведения московского посланца при разработке тактики противодействия подготовке империалистической войны против СССР. Комментируя оценки Вильямсом действий Пепелона в муниципалитете, когда тот отказался представить предложения о протесте против осуждения Сакко и Ванцетти, отдав инициативу со-

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 11–12.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 7.

циалистам, Кодовилья «срезает» оратора: «Это не так, и если Вы не понимаете по-испански, то это не моя вина»¹.

Даже там, где он стремится продемонстрировать свою объективность, Кодовилья малоубедителен. Обвиняя представителя Коминтерна в сокрытии от Пенелопа инструкций из Москвы, он увидел единственное оправдание Вильямса в том, что, уничтожая телеграмму из Москвы, эмиссар ИККИ хотел избавиться от шифра для избежания проблем с полицией, при этом аргентинец признал: речь шла о личной телеграмме. Кодовилья явно не заметил простой вещи – Михайлов, исходя из этих двух условий, поступил единственно верно, какие бы другие мотивы у него при этом ни присутствовали.

Вильямс же во время обсуждения в Латинском секретариате демонстрировал сдержанность, не выходя за рамки политической дискуссии. Только один раз, затронув вопрос о роли Коминтерна, и то в ответ на язвительное дополнение аргентинского представителя: «И его делегатов...» он сделал достаточно резкий выпад против Кодовильи: «...я думаю, что надо было прежде всего поставить вопросы о политической ситуации, а не вопрос о личностях, надо исправлять ошибки, надо дать правильную линию аргентинской партии»². Экс-эмиссар Москвы сумел выбрать адекватную линию защиты, указав, что разногласия возникли не в силу его субъективной деятельности, а наоборот, III Интернационал продолжительное время абстрагировался от палиция проблем и занял позицию невмешательства.

Главную роль в формировании такого подхода он увидел в фигуре Кодовильи, жестко вставшего на защиту Пенелопа и соответствующим образом сортировавшего поступающие в Москву материалы. Справедливости ради необходимо отметить: и аргентинский представитель в штаб-квартире III Интернационала, и остальные участники событий в общем проводили одинаковую линию – отбор выгодной для себя информации и затушевывание прочих фактов. И это невмешательство Коминтерна, сопровождавшееся категорическим требованием прекратить споры, лишь приблизило раскол в партии и ЮАСКИ, безусловно ухудшив ситуацию, сложившуюся в результате первоначальных дискуссий, привело к стремлению заменить обсуждение политических проблем ничем не прикрытой персональной борьбой.

Ответственность аппарата ИККИ (в первую очередь Латинского секретариата) за эскалацию аргентинского кризиса несомненна. Можно считать ее даже более значительной, чем у самих его инициа-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 100. Л. 23.

² Там же. Л. 26.

торов и участников. ИККИ мог простыми организационными мерами быстро и эффективно развязать узел противоречий: или своевременно вызвав в Москву Вильямса, Гиольди и Пепелона, или экстренно направив в Буэнос-Айрес представительную и полномочную делегацию. Надо было не дать страстям разгореться и не уповать на возвращение Кодовильи, который не мог выступать беспристрастным арбитром в «семейном» споре внутри руководства КПА, так как сам был членом «семьи». Но именно Кодовилья подсказывал решения, надеясь, видимо, на то, что у лидеров КПА достанет разума и воли не допустить нового раскола в партии, который ставил под вопрос и всю континентальную деятельность Коминтерна. Аргентинский делегат в Москве был лично заинтересован в том, чтобы кризис «рассосался» как-нибудь сам по себе, и в том, чтобы не допустить его развития до стадии, когда будет необходимо проинформировать об этом высшее руководство III Интернационала и поставить тем самым под сомнение свой статус эксперта в южноамериканских делах и представителя самой организовавшей и большевизировавшей партии на континенте¹.

Характер и содержание полемики между Вильямсом и Кодовильей поставили в тупик функционеров Коминтерна, большинство из которых имело немалый опыт участия в разборе внутрипартийных конфликтов². Явно растерянный Б. Васильев, который во время их диалога чаще всего задавал один и тот же вопрос: «Каковы же были

¹ События 30 октября и позиция, первоначально занятая Кодовильей в связи с ними, позволили Михайлову перейти от защиты к наступлению. Он обвинил аргентинского делегата в стремлении «оправдать» pesleykhannyй «переворот» [подчеркнуто в документе] и в том, что представленный им проект телеграммы ИККИ будет «освещением [так в документе. – В.Х., Л.Х.] pesleykhannyх фашистских методов разрешения внутрипартийной борьбы». План Михайлова, противопоставленный им проекту Кодовильи, предусматривал осуждение попыток пассивного изменения руководящего состава партии; восстановление нормального функционирования ЦК и Секретариата; пополнение их работниками из провинции; немедленный выезд Пепелона или другого представителя «меньшинства» в Москву; ликвидацию конфликта на основе политической линии ИККИ через обсуждение в партии спорных политических вопросов и проведение партийного съезда. Мнение Вильямса. По поводу проекта телеграммы, предложенного товарищем Кодовильей // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 108. Л. 113.

² В стенограмме нет полного списка присутствовавших на заседании Латинского секретариата 27 октября 1927 г., но в обсуждении аргентинского вопроса согласно документу участвовали заведующий орготделом ИККИ Б. Васильев, член Бюро Секретариата ИККИ, заведующий техническим секретариатом ИККИ М. Хеймо, члены Латинского секретариата С. Минев, Ф. Бишю, А. де Боурк. На момент обсуждения аргентинского вопроса членами Латинского секретариата являлись секретарь ИККИ Д. Магуйльский, член Политсекретариата ИККИ Э. Джешари, Б. Васильев, Г. Валецкий, В. Кодовилья, Э. Воог, С. Минев. Стенограмма заседания Секретариата Латинских стран 27.10.1927 // Там же. Д. 100. Л. 13–26.

разногласия?», попросил уточнить пункты противоречий, так как «если мы собираемся изучать историю вопроса с самого начала, мы завтра не сможем ничего представить Секретариату, со всеми этими проголосовавшими резолюциями»¹. Рассмотрение аргентинского вопроса, которое должно было продолжиться в Политическом секретариате ИККИ, в итоге пришлось отложить для изучения всех документов и проведения политической дискуссии в Латинском секретариате, несмотря на уже сложившееся к этому времени понимание всей остроты кризиса. Следует отметить явное нежелание этого органа ИККИ, в состав которого входили авторитетные и опытные работники, взять на себя всю полноту ответственности за решение столь запутанного вопроса, имевшего значение для коммунистического движения целого континента. Продолжалось применение тактики проволочек, в этой ситуации губительное для компартии Аргентины и ЮАСКИ. В Буэнос-Айрес 14 ноября была отправлена телеграмма, подготовленная Латинским секретариатом и одобренная летучим голосованием Малой комиссии ИККИ, в которой признавалась невозможность дать КПА «исчерпывающие директивы» из-за отсутствия полной информации. Требуя срочного направления материалов, Коминтерн обещал быстро выработать директивные указания совместно с Гиольди и Пепелопом, участие которых в московской дискуссии считалось теперь «совершенно необходимым». В связи с предполагавшимся отъездом лидеров обеих фракций Малая комиссия рекомендовала до съезда пополнить Секретариат ЦК за счет наиболее авторитетных руководителей провинциальных организаций КПА, не втянутых во фракционную борьбу. Ответственность за выполнение этой директивы III Интернационал возлагал на Секретариат ЦК КПА и ЮАСКИ, деятельность которых была к этому времени практически парализована².

Переложив часть вины за собственные просчеты на нижестоящие инстанции, груз необходимости принять кардинальные решения Латинский секретариат явно хотел передать инстанциям высшим. Поэтому С. Минев, докладывая в Политсекретариат ИККИ о «фактическом расколе» в КПА, просил рассмотреть аргентинский вопрос «абсолютно срочно... специальной комиссией с обязательным докладом представителя КПСС [так в тексте. – В.Х., Л.Х.] и с участием нескольких членов Секретариата Латинских стран»³. Речь здесь шла

¹ РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 134, Д. 100, Л. 19.

² Телеграмма Малой комиссии ИККИ. 14.11.1927 // Там же, Д. 105, Л. 41.

³ Заниска Степанова [С. Минев] в Малую комиссию Политического Секретариата ИККИ 14.12.1927 // Там же, Оп. 32, Д. 35, Л. 2–3.

не просто о каком-то советском коммунисте, и сам болгарин Мипев в конце концов был членом большевистской партии. Хорошо разбиравшийся в коминтерновской конъюнктуре функционер хотел добиться изложения точки зрения на аргентинский кризис представителя делегации ВКП(б) в ИККИ, понимая, что за этим внеуставным органом III Интернационала будет последнее слово.

За время затянувшейся подготовки вопроса для изучения его в более высоких инстанциях III Интернационала атмосфера дискуссии стала меняться, обсуждение постепенно переходило в иное русло. Это было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, сторонники Пепелона, не дожидаясь решений Коминтерна, пошли на обострение ситуации, заставив ИККИ итоге по-иному взглянуть на положение дел в КПА. Во-вторых, в Москве оказалась в связи с празднованием 10-летия Октябрьской революции группа аргентинских коммунистов, привлеченных Коминтерном к обсуждению. Наконец, в-третьих, в штаб-квартире Коминтерна появился Р. Гиольди, и его участие в дискуссии в значительной мере изменило соотношение сил.

Нельзя не заметить: с этого времени при практически не изменившейся аргументации и бесконечном повторении много раз обнародованных фактов явно поменялась тональность обсуждения. Если Кодовилья пытался превратить дискуссию в партийный суд над Вильямсом, а тот, в свою очередь, старался придать ей хотя бы внешне характер принципиального спора по политическим проблемам, то под несомненным влиянием Гиольди разбор аргентинского вопроса в Москве постепенно перешел в новую плоскость: обсуждение стратегии и тактики КПА все время превращалось в анализ деятельности Пепелона, его недостатков и ошибок. При этом лидер «большинства» категорически отменял любые попытки объяснить конфликт какими-либо личными ссорами, подчеркивая наличие серьезных политических разногласий. В лапидарной записке, представленной в ИККИ в декабре 1927 г., ему удалось сделать то, что не смогли осуществить до него ни Вильямс, ни Кодовилья, ни Ромо, – систематизировать и классифицировать причины кризиса, показать возможные его последствия.

Гиольди лучше других понял – самым большим местом для коминтерновского Олимпа является не столько положение в аргентинской секции (хотя и оно представляло немалый интерес), сколько ситуация с функционированием южноамериканской структуры III Интернационала. Именно поэтому он постоянно продолжал бить в эту точку, сделав акцент (в отличие от Кодовильи и Вильямса) на данной проблеме и не упуская при этом из виду и ситуацию в КПА. Отдав должное интенсивной работе ЮАСКИ, со-

стоявшего в первые месяцы своего существования «исключительно из тов. Пепелона, назначенного Коминтерном на эту работу», по установлению связей в Южной Америке, Гиольди отметил, что при переходе к этапу политической работы, без которой деятельность Секретариата «сводилась к простому обмену письмами», Пепелон оказался как руководитель несостоятельным. После выполнения рекомендации Коминтерна о расширении и коллективизации ЮАСКИ произошли, по утверждению автора записки, «инциденты, которые вызвали у нас ощущение, что оп [Пепелон] был не слишком доволен нашим участием»¹. В итоге пепелоновская тактика «дезорганизации и пичегопеделания» привела к практической ликвидации ЮАСКИ. Гиольди еще раз обратил внимание на необходимость полной реорганизации Секретариата с привлечением к работе, помимо аргентинской, других национальных секций и принятия мер для исключения возможности того, чтобы ЮАСКИ «еще раз стал жертвой парламентской работы»².

Первоначально аргументация Гиольди не привела к радикальному и быстрому пересмотру позиций в Москве. Принятая ИККИ резолюция, основанная на рекомендациях аргентинской комиссии, несмотря на информацию, свидетельствовавшую о непримиримости сторон, исходила из стремления любой ценой не допустить раскола КПА. Осудив фракционные методы, примененные и «большинством», и «меньшинством», как недопустимые в коммунистической партии, Исполком констатировал: их применение ведет к «преступному расколу, который губит партию». Высший руководящий орган Коминтерна заявил о своем *твердом решении во что бы то ни стало восстановить единство*³ и призвал всех членов партии добиваться этого. Единственным путем ликвидации кризиса ИККИ видел предстоявший съезд КПА с целью восстановления единства партии. Напоминая незабвенного римского сенатора Катона, Исполком всемирной компартии в который уже раз, как заклинание, повторил: всякая публичная полемика и «все то, что отравляет отношения и затрудняет восстановление единства», должны быть прекращены немедленно. Партия ставилась в известность об обсуждении в ИККИ всех спорных вопросов, чтобы наметить меры, которые помогли бы

¹ Доклад товарища Гиольди 16.12.1927 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 103. Л. 36.

² Там же. Л. 42.

³ В другом варианте телеграммы, направленной 29 декабря, говорится: «Исполком Коминтерна решил *постепенно* восстановить единство партии и призывает ее активистов работать ради единства». Телеграмма, направленная Коминтерном 29.12.1927 Коммунистической партии Аргентины // Там же. Д. 105. Л. 35.

преодолеть кризис в партии¹. От членов КПА Коминтерн требовал спокойствия и выдержки, строгого следования законам международной коммунистической дисциплины в ожидании судьбоносных решений московского ареопага. Но в последующих документах, написанных под явным влиянием Гюльди (или им самим), пачинает просматриваться обвинение, направленное против Пенелопа. Всего через неделю после направления телеграммы ИККИ в Буэнос-Айрес из Латинского секретариата в Секретариат ИККИ ушла секретная аналитическая записка, в которой прозвучали серьезные политические обвинения против лидера «меньшинства»².

Постепенно начал отходить от бескомпромиссной пропенелоповской позиции и Кодовилья. В примечании к одной из объяснительных записок он писал: *«Я не могу установить с точностью, кто является ответственным за настоящее положение, но я должен сказать, что все то, что происходит сегодня в нашей партии, не способствует увеличению ее престижа здесь, в К.И. Мы приобрели уважение именно вследствие нашей деятельности и нашей справедливой политической линии, нас начали рассматривать как партию, обладающую глубоким чувством ответственности, однако теперь... дискуссия, разпогласия, в которых – как Вильямс говорит в своем сообщении – имеется немало личных факторов»*³. После нескольких месяцев полемики, в ходе которой делегат КПА в Москве возлагал вину за кризис на южноамериканского представителя Коминтерна, такая оговорка, да еще со ссылкой на авторитетное мнение Вильямса явно означала отход с ранее занятых позиций.

Это еще не было признанием поражения, но пачавшееся отступление было симптоматичным. Доводы Кодовильи, высказанные в ходе предыдущего разбирательства, не являлись гласом вопиющего в пустыне. Они оказали воздействие на значительную часть аппарата ИККИ, и поэтому как опытный аппаратчик аргентинский делегат в Коминтерне должен был менять свое отношение к обсуждавшимся

¹ Телеграмма ИККИ 28.12.1927 // Там же. Д. 98. Л. 11. В подготовке телеграммы участвовали Э. Дженшари, С. Минев, В. Кодовилья, Э. Воог, Б. Васильев и Р. Гюльди. В примечании к документу говорится, что он был направлен Ромо («большинство» ЦК КПА), О. Гюльди (ФКМА), Пенелопу («меньшинство» ЦК КПА), Торресу (ЦК ФКМА) // Там же. Л. 4. Телеграммы, поддерживающие резолюцию ИККИ и требующие «точно выполнить полученные указания» в адрес Пенелопа, Ромо и Торреса (Л.В. Сомни) 29 декабря направил В. Кодовилья и в адрес Гитора (О. Гюльди) и Ромо – Р. Гюльди. Примечание к телеграмме, направленной Коминтерном 29.12.1927 Коммунистической партии Аргентины // Там же. Д. 105. Л. 35; Телеграмма Р. Гюльди О. Гюльди. 29.12.1927 // Там же. Л. 55.

² К вопросу о разногласиях в К.П. Аргентины. 6 января 1928 г. // Там же. Д. 41. Л. 3–13.

³ Примечание [к служебной записке] // Там же. Д. 108. Л. 116.

проблемам и к личности Пепелопа настолько незаметно для окружающих, чтобы его первоначальные взгляды как бы капусти для них в Лету. Резкую перемену взглядов могли оценить не так, как этого хотелось Кодовилье. Ведь речь шла о «сдаче» в конечном итоге Пепелопа, а предательство не делает чести человеку, на протяжении длительного времени с ним солидарного. Комбинация была многоходовой, когда же она завершилась, то в памяти осталась непримиримая борьба Кодовильи за марксистско-ленинские принципы, более того, он был объявлен идеологом и инициатором этой борьбы. Вскоре никто не вспоминал о Кодовилье – падежде и опоре «меньшинства» в Москве, в историю аргентинской компартии он вошел как победитель над «пепелопизмом».

Следует обратить внимание на то, что «большинство» ЦК КПА, зная характер делегата партии в штаб-квартире Коминтерна, понимали, что под влиянием обстоятельств он может изменить свою позицию, и оперативно постаралось ему подыграть, выставив его жертвой махинаций, по не Вильямса, а Пепелопа и... Зиповьева. На расширенном пленуме ЦК КПА в декабре 1927 г. прозвучали слова о том, что появившееся в октябре 1926 г. (!) письмо аргентинского представителя в Москве, где он настаивал на мерах против «интрига Раймона», было составлено на основе ложной информации Зиповьева, недобролюбивавшего Михайлова за упорную борьбу с оппозицией внутри ВКП(б)⁴. Там же было заявлено: Пепелоп дезинформировал Кодовилью во время кризиса, но аргентинский делегат в ИККИ трезво оценил обстановку и советовал сохранять спокойствие, участвовать в общей партийной работе, что было вывернуто паизнанку «меньшинством» ЦК КПА. Ни та, ни другая информация не соответствовали действительности.

Оппоненты Пепелопа, конечно же, ясно представляли себе роль Кодовильи в развитии кризиса, точно так же им должно было быть известно и о содержании беседы Зиповьева с аргентинским представителем, состоявшейся в связи с пазпачением Михайлова для поездки в Южную Америку. Дело было не в этом. «Большинство» ЦК КПА, несмотря на благоприятные для него результаты внутрипартийного референдума, не могло потребовать дисциплинарных мер одновременно в отношении и Пепелопа, и Кодовильи. А позволить бывшему соратнику лидера партии остаться в стороне также было опасно, учитывая степень его влияния. Не удивительно их стремление выставить его своим союзником, и опытный функционер с готовностью

⁴ La Crisis de nuestro Partido. Actas de la reunion del C.E. de 24 y 27 de Diciembre de 1927 // La Internacional (Buenos Aires). № 3223. 28 de enero de 1928. P. 6.

ухватился за такую возможность. Ссылка же на Зиповьева знаменовала собой новый этап во внутривнутрипартийной склоке. Противостояние из разряда конфликтов между личностями в КПА и ЮАСКИ в связи с национальными проблемами переводилось в разряд конфликтов международного масштаба между большинством Коминтерна и оппозицией в ВКП(б). Рассмотрение положения дел в таком ключе могло стать еще более тяжелым испытанием для Пепелона, ибо он фактически выступал сторонником зиповьевской оппозиции.

В Москве поначалу мажор Кодовильи был настолько незаметен для окружающих, что противостояние продолжалось в том же духе, а функционеры Коминтерна, принимавшие участие в расследовании, также по-разному подходили к оценке действий сторон аргентинского конфликта. И так же, как в Буэнос-Айресе, в Москве сложилось свое большинство и свое меньшинство, которые при подведении итогов работы аргентинской комиссии при Президиуме ИККИ разошлись во мнениях, заняв позиции, практически диаметрально противоположные. Специальная подкомиссия аргентинской комиссии ознакомила с выдвинутыми Кодовильей обвинениями в злоупотреблении Вильямсом положением представителя ИККИ при КПА в «интересах проведения в ней фракционной работы», которое вызвало обострение положения внутри партии, выразившееся в ее фактическом расколе, и высказала принципиальное несогласие с такой оценкой¹. Комиссия не усмотрела в действиях Вильямса фракционной работы, понимая под этим выражением «сознательное создание в партии новых центров, не подчиняющихся партийным органам... и старающихся вести самостоятельную политику через голову этих органов и при помощи организационных методов, отличающихся от официальной политики и методов партии»². Правда, при этом члены комиссии пришли к выводу, что Вильямс по договоренности с Ромо и некоторыми другими членами ЦК посылал в ИККИ информацию о разногласиях внутри КПА, что привело к осложнению ситуации в партии. Данный тезис совершенно игнорировал то очевидное обстоятельство, что такого рода информирование было прямой обязанностью представителя Коминтерна, особенно в тех случаях, когда его позиция расходилась с точкой зрения ЦК партии, при которой он был аккредитован. Критике подвергся и отказ Вильямса дать пояснения относительно его переписки с Москвой, обоснованный тем, что,

¹ Резолюция специальной подкомиссии аргентинской комиссии при Президиуме ИККИ 14.3.1928 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 57. Л. 207.

² Там же.

«являясь представителем ИККИ, он не подчиняется контролю ЦК КП Аргентины»¹.

Комиссия решила: при такой позиции эmissара Москвы самые лучшие его намерения могли быть истолкованы меньшинством КПА как доказательство фракционной работы. Здесь члены комиссии исходили скорее из здравого смысла, чем из буквального толкования уставных требований Коминтерна, предоставлявших делегатам ИККИ при партиях значительную автономию. Именно это и имел в виду Вильямс, отказываясь предоставлять информацию. Но самым важным в резолюции специальной подкомиссии было даже не то, что, критикуя некоторые действия представителя III Интернационала, она перед Президиумом ИККИ отвергла обвинения во фракционной деятельности. Огромное значение для судьбы коммунистического движения Аргентины и перспектив его развития в рамках всемирной компартии имел окончательный вывод комиссии, одобрявшей «правильную ориентацию т. Вильямса, боровшегося с *оппортунистическими уклонами Пенелона*»². Слово прозвучало. Теперь неизбежно, рано или поздно, при сохранении обвинительного уклона в расследовании по отношению к лидеру «меньшинства» должны были последовать организационные выводы.

Провозглашенная И.В. Сталиным и руководством III Интернационала борьба с «правой опасностью» должна была быть наполнена содержанием, ей необходимы были объекты для критики. Одним из первых таких объектов и стал в результате лидер КПА и секретарь ЮАСКИ. Теоретические воззрения Пенелона вполне могли вписаться в схему борьбы против правой угрозы. И хотя они были такими и ранее, но тогда они не являлись предметом для критики Коминтерна. Позиция лидера КПА по проблемам, всегда являвшимся для III Интернационала лакмусовой бумагой, позволявшей определить место партий и их членов в политическом спектре (парламентаризм, единство профсоюзного движения, принципы построения первичных организаций), была, по оценкам конца 1927 г., явно правой. Но оценки эти так часто менялись и грань между правым и левым подходами была зачастую настолько незаметной, что и московские арбитры не сразу могли определить – где правая, где левая сторона. Возможно, ситуацию в Латинской Америке в аппарате ИККИ считали настолько специфичной, что не усматривали до определенного времени отступлений от генеральной линии. Нельзя исключить и вероятность того, что Эмбер-Дро, возглавивший Латинский секрета-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 57. Л. 208.

² Там же.

риат после П. Тольятти, сам по взглядам склонявшийся к правым, списходительно отпосился к теоретическим изысканиям Пепелопа. Но изменились обстоятельства, и лидер КПА и ЮАСКИ из падежды и опоры Коминтерпа на юге америкапского континента превратился во врага помер один. И в полном соответствии со сцепаирием борьбы его взгляды стали рассматриваться как целостная теория. Так появился «пепелонизм», первая «оппортунистическая» группа, идеология которой оказалась связанной с именем ее лидера. Это было принципиально важно, ибо «мельизм» существовал только в воображении руководителей кубинской компартии: Коминтерп не принял этот термин, а название «чиспизм» было связано с самопазванием группы, а не с личностью кого-то из ее вождей. Нет сомнения: «пепелонизм», «замешенный» в Буэнос-Айресе, был «испечен» в Москве. Важно отметить в связи с этим и то, что если бы Кодовилья вовремя не сориентировался, то вместо «пепелонизма» мог вполне появиться «кодовильизм» или по аналогии с группами Фишер – Маслова, Барбе – Селора, Бульехоса – Адаме – Трильи – группа Пепелоп – Кодовильи. Официальное объявление войны «пепелонизму» должно было, по замыслу руководства III Интернационала, закончиться обязательно полной победой. По иронии судьбы добиться этой победы должен был именно В. Кодовилья, долго поддерживавший главу ЮАСКИ.

Его роль следует отметить особо. Если более десяти лет он вместе с Пепелопом боролся против фракций и уклонов, что могло заставить аргентинского представителя в ИККИ после долгого и бескомпромиссного противостояния «интригам» Вильямса в итоге выступить против старого товарища? Умение вовремя увидеть паправление коминтерповской критики и пайти подходящий объект для нее, пожертвовав другом и соратником? Или политическая атмосфера способствовала тому, что у него просто «открылись глаза» на происходящее в ЮАСКИ и КПА? Или им руководило беспринципное стремление воспользоваться моментом и монополизировать руководство континентальным коммунистическим движением? Однозначного ответа на эти вопросы пока нет.

Однако, пока не определилась окончательная конфигурация сил в связи с пачинавшейся борьбой против «правой опасности» в Аргентине, в тот момент, когда решение высших органов Коминтерпа еще не было очевидно участникам дискуссии, с приведенным выше выводом специальной подкомиссии не согласилось ее меньшинство, сформулировавшее особое мнение. Согласно ему Вильямс признавался ответственным «за вспышку кризиса» и обвинялся в ряде ошибок, «последствия которых он не предвидел», и в том, что «действовал в качестве члена одной из фракций» ЦК КПА, а не в качестве предста-

вителя Коминтерна¹. В первую очередь это связывалось со стремлением направить в Москву Р. Гиольди в качестве «ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПАРТИИ БЕЗ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО РЕШЕНИЯ НА ТО ЦК ПАРТИИ [выделено в документе. — В.Х., Л.Х.]»². В момент паличия серьезных разногласий в ЦК, когда в партии фактически существовали два центра, «наилучшим методом уяснения дела Коминтерну и наилучшим способом разрешения внутрипартийного кризиса, — с сарказмом отмечает меньшинство, — была признана посылка представителя одной части ЦК, помимо ведома другой его части»³, чтобы III Интернационал вынес свое суждение на основании показаний одной из противоборствующих фракций, в то время как другая не знала, какие шаги предпринимаются перед ИККИ.

Кодовилья (нет сомнений, что автором или инициатором особого мнения был именно он) явно стремился отвести от себя малейшие подозрения в его виновности за аргентинские события. Вильямса обвинили в применении методов, неизбежно развязывавших кризис, «которого, ПОЖАЛУЙ, можно было бы избежать и который, во всяком случае, ВНЕ ВСЯКОГО СОМНЕНИЯ [выделено в документе. — В.Х., Л.Х.] должен был вылиться в другие формы и носить иной характер: он должен был протекать на политической основе, во влиянии, с момента его возникновения, вопросов и эпизодов личного характера»⁴. Как это могло происходить при запрете на проведение дискуссии и направление делегатов в Москву (для привлечения ИККИ в качестве третейского судьи в споре), инициированном аргентинским представителем в Коминтерне, меньшинство специальной подкомиссии не сочло пущим пояснить.

«Вместо выпрямления политической линии, поднятия партии на более высокий уровень, преодоления ее слабости и оппортунистических ошибок», как считало меньшинство специальной комиссии, методы, применявшиеся Вильямсом, «раскалывают партию на основе платформы личного и “этического” характера. В стране, где партия очень слаба, перед лицом широкой массы рабочих затуманивать политические вопросы, заменяя их вопросами “морали”, и действовать при помощи такого рода оружия значит не только подрывать партию, но и пассивственно переводить в плоскость морали борьбу с теми, с кем надо бороться на основе политической платформы»⁵. Выдвигая

¹ Резолюция специальной подкомиссии аргентинской комиссии (меньшинство). 15.3.1928 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 57. Л. 197.

² Там же. Л. 196.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 197.

такого рода обвинений против делегата Коминтерна, ему приписывали доводы, применявшиеся в дискуссии Пепеломом, а отпують пе сторопниками «большинства» ЦК. Именно лидер КПА постоянно обвинял своих оппонентов в нарушении моральных принципов, пе желая рассматривать политические противоречия с людьми, их парующими.

Выводы сторопников особой точки зрения при пристальном па них взгляде можно расцепивать как смертный приговор всему коммунистическому движению Латинской Америки, ибо они папрямую связывали жизнеспособность партий с личностями и поведением послапцев самого Коминтерна. Фактически было сделано косвенное признание превалирования субъективного, организационного фактора над объективными обстоятельствами. Однако согласие с подобными выводами даже по поводу частного в масштабах Коминтерна случая означало пе только необходимость пересмотра большей части стратегии Интернационала и пе только в Западном полушарии, по признание несостоятельности основополагающих организационных принципов существования всемирной компартии. И понимание этого существенного момента также определяло невозможность одобрения руководством ИККИ точки зрения меньшинства подкомиссии.

Напряженность в отношениях Кодовильи и Р. Гиольди сохранилась, несмотря па внешнюю видимость единства, основанного па решениях высших органов Коминтерна. Их совместный отъезд в Буэнос-Айрес мог при определенных условиях спровоцировать рецидив конфликта. Это было настолько очевидно для близко знавших их сотрудников Коминтерна, что С. Мипев был выпущен проинформировать о ситуации секретаря ИККИ О. Пятницкого. В секретной служебной записке он сообщил о намерении Кодовильи, «по слухам», взять с собой в Аргентину стенограммы заседаний аргентинской комиссии и Политсекретариата ИККИ, в частности речь Бухарина, в то время как Гиольди пе имел этих документов. Мипев предлагал запретить вывоз документов, ссылаясь па конспиративность внутренней работы ИККИ и «нецелесообразность (и даже опасность) выносить эти материалы и стенограммы па Аргентинскую почву, тем более что речи большинства товарищей па Аргентинскую Комиссию защищали лично, которая впоследствии была целиком опрокинута вынесенной Президиумом резолюцией»¹. По сути, Мипев спасал Кодовилью от пего самого, потому что именно аргументы аргентинского представителя в Москве в большей степени, чем выступления

¹ Записка Степанова [С. Мипева] секретарю ИККИ Пятницкому 5.4.1928 // Там же. Оп. 32. Д. 35. Л. 7.

других участников обсуждения, не соответствовали духу принятых Коминтерном решений. Кроме того, предложение болгарина лучше, чем что бы то ни было, характеризовало внутреннюю обстановку в Коминтерне. Функционер, занимающий высокое положение в аппарате ИККИ, считал, что аргентинским коммунистам вовсе не нужно знать, *как* проходило обсуждение жизненно важного для них вопроса, *какие* позиции занимали участники обсуждения, им достаточно было знать, *что* решили высшие инстанции. Видимо не имело значения и то, как при этом соблюдались нормы демократического централизма. Конспиративность была выше этих норм. При этом Мигев действовал явно из лучших побуждений, стремясь не допустить возобновления в Аргентине дискуссии уже на основании выяснения, кто какие позиции занимал при разбирательстве конфликта в Москве.

Это имело особое значение в связи с тем, что, продолжая считать КПА своей опорой на континенте, Коминтерн стремился восстановить единство партии. Принятая почти через год после начала кризиса резолюция Президиума ИККИ по аргентинскому вопросу давала широкие возможности для компромисса, позволяла Пепелону, несмотря ни на что, сохранить лицо. Отмечая наличие в партии «явно выраженных оппортунистических уклонов, представителями которых являются товарищ Пепелон и меньшинство Ц.К.», руководители ИККИ возложили на бывшего секретаря ЮАСКИ ответственность за «недопустимые методы, использованные им во фракционной борьбе против большинства Ц.К., когда он силой занял партийные помещения, добился раскола аргентинской секции К.И. и создания новой партии»¹. В резолюции особое внимание обращалось на не использованные им возможности члена ИККИ, чтобы «направить в Интернационал имевшиеся у него упрёки в отношении представителя в Аргентине, просить об его отзыве», и приехать в Москву для разрешения кризиса в высших инстанциях Коминтерна. Президиум констатировал, что вместо подчинения дисциплине Интернационала, приостановления фракционной борьбы, ожидания решения Коминтерна и прибытия в Москву по вызову ИККИ он «в недопустимой форме заявил о своем недоверии к высшим инстанциям, разрушил партийную дисциплину и единство партии и оказался вне рядов Коммунистического Интернационала, основав новую партию»².

Наряду с резкой критикой Пепелона среди причин кризиса Президиум ИККИ выделил наличие «патриархальных форм организации и индивидуалистических методов работы» ЦК КПА, не отве-

¹ La Internacional (Buenos Aires). 19 de mayo de 1928.

² Ibid.

чавших повым задачам и расширению влияния партии. Подчеркивая, что личное влияние «некоторых товарищей в руководстве», справлявшихся с работой, когда партия была небольшой пропагандистской группой, не позволило впоследствии сформировать коллективное руководство, Президиум не продемонстрировал антипепелоповского обвинительного уклона. В его решении отмечалось, что «меньшинство», как и «большинство», «преследовало справедливую цель» при решении вопроса о профсоюзном единстве, что Пепелоп был прав, энергично защищая интересы трудящихся масс, живущих в бедняцких кварталах, и т. д. Подход «меньшинства» к решению проблемы идиоматических групп расценивался как приближающийся к директивам Коминтерна, а проект «большинства» характеризовался как противоречащий организационным нормам III Интернационала и означавший «возвращение к федеративной форме, осужденной К.И.»¹. В резолюции подчеркивалось: так как попытка анализа проблем привела к «невыдающейся фракционной борьбе и расколу партии», то это означало, что *«все методы работы и внутренняя ситуация в партии были порочны»*². Таким образом, признавалась коллективная ответственность руководства КПА за возникновение кризиса.

Президиум ИККИ призвал за компартией, руководимой ЦК, созданным на расширенном пленуме 31 декабря 1927 г., «право быть правопреемником своей единственной аргентинской секции», и предложил группе Пепелопе вернуться в партию при условии роспуска фракции, прекращения выпуска ее газет, безоговорочного согласия с дисциплиной Коминтерна, подчинения решениям предстоящего съезда³. При принятии этих условий следующий съезд КПА мог стать объединительным, и для его подготовки было решено создать комиссию, состоящую из представителей двух партий и отвечающую непосредственно перед Президиумом ИККИ. Она должна была решить вопросы, связанные с идеологической и технической подготовкой объединения коммунистических – ликвидацией фракционных организаций, объединением ячеек и т. п. Все вопросы, связанные с личными обвинениями, Президиум ИККИ предлагал устраним из дискуссии и передать в специальную контрольную комиссию, состоящую из старых коммунистов, назначенных совместно обеими фракциями. Подобная резолюция фактически представляла собой не что иное, как попытку компромисса, предложенного Москвой противоборствующим группировкам ради сохранения единой партии.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

Но компромиссы не могли продолжаться бесконечно. Президиум ИККИ объявлял «серьезное и последнее предупреждение» КП Аргентинского региона во главе с Пепеломом, призывая ее членов «искренне признать, что они встали на опасный и ложный путь», и просил их «вернуться, пока еще есть время, в ряды Коммунистического Интернационала и в партию, за пределами которой нет подлинно революционного движения»¹. Отказ от появления в ИККИ для обсуждения положения в партии, выдвижение в адрес III Интернационала неприемлемого ультиматума, выражение тем самым недоверия к Коминтерну, создание новой партии квалифицировались как «первые шаги, неизбежно ведущие их в ряды репегатов революционного дела». В случае отказа «пепелопистов» от объединения с КПА аргентинской секции Коминтерна предписывалось «развернуть самую энергичную борьбу против руководителей этой партии, рассматривая их как сознательных репегатов дела коммунизма и пролетарской революции, постоянно ставя перед собой задачу отвоевать все временно ошибающиеся пролетарские элементы»².

Знаменем перемен, происходивших в Коминтерне, были признание правильности позиции Вильямса, вовремя сообщившего III Интернационалу об оппортунистической опасности в КПА, и констатация права представителей Коминтерна в любой момент «направлять телеграммы К.И., не извещая центральные комитеты, при которых они являются делегатами, и не информировать центральные комитеты... о том, о чем не считают необходимым извещать»³. То, что в резолюции Президиума, касавшейся частного для всемирной компартии вопроса, говорилось о полномочиях представителей Коминтерна, а не конкретно Вильямса, демонстрировало значение, которое Москва придавала этому аспекту отношений внутри всемирной компартии. Аргентинской резолюцией ИККИ ясно давал понять национальным секциям, что составляющая «демократического централизма», требующая подчинения вышестоящим инстанциям, становится преобладающей.

Ставшее неизбежным рассмотрение аргентинского кризиса на уровне высшего руководства ИККИ оказалось мучительным и долгим процессом. В его ходе и было сформулировано понятие «пепелопизм», доселе не употреблявшееся столь открыто и бесцеремонно даже оппонентами лидера партии в Аргентине. Тонкости аппаратной игры и удивительное чутье международного коммунистического бю-

¹ La Internacional (Buenos Aires). 19 de mayo de 1928.

² Ibid.

³ Ibid.

рократа В. Кодовилья, на протяжении почти всего противостояния Пенелона и Вильямса отстаивавшего в Москве точку зрения главы ЮАСКИ, привели к изменению позиции аргентинского функционера.

Поначалу ожесточенная полемика между Вильямсом и Кодовильей ставила в тупик руководство Латинского секретариата, которое никак не могло понять, кто же из оппонентов, одинаково авторитетных в Коминтерне, прав. Затягивание решения окончательно парализовало работу южноамериканских структур III Интернационала. Однако эскалация событий сторонниками Пенелона в самой Аргентине, а также появление в Москве группы аргентинских коммунистов, прибывших на празднование 10-летия Октябрьской революции, заставили штаб-квартиру всемирной компартии поторопиться с определением своей линии в аргентинском вопросе. Окончательно чашу весов в пользу Вильямса и «большинства» в ЦК КПА склонил приехавший в СССР Р. Гиольди. Прекрасно разбираясь в образе мышления коминтерновских функционеров, он точно определил направление критики в адрес лидера КПА, понятное и важное для работников ИККИ, увязав провалы в работе ЮАСКИ с личностью Пенелона. Только эти аргументы склонили чашу весов в Москве при рассмотрении конфликта внутри аргентинской секции в сторону «большинства», хотя по ключевым вопросам дискуссии о линии КПА специальная комиссия Исполкома Коминтерна признавала правоту «меньшинства». От призывов к сохранению любой ценой единства партии уже в январе 1928 г. Латинский секретариат ИККИ прешел к формулировкам политических обвинений в адрес лидера «меньшинства», объявленного одним из представителей «правого уклона». Именно тогда Кодовилья начал менять курс, оказавшись в итоге лидером «борьбы против пенелонизма». Эта роль была с готовностью предоставлена ему и функционерами ИККИ, нуждавшимся в поддержке бывших авторитетных сторонников Пенелона для преодоления глубокого кризиса, поразившего сильнейшую секцию всемирной компартии в Южной Америке.

5.6. Реорганизация ЮАСКИ (1928) и борьба Коминтерна за преодоление кризиса в компартии Аргентины

После того как Москва после мучительных раздумий припала решение отстранить Пенелона от руководства Секретариатом, его преемником стал Кодовилья, а в Буэнос-Айрес направлялась делегация Коминтерна, ситуация стала меняться. Во многом это было связано с фигурой нового секретаря ЮАСКИ. Несмотря на все свои личностные недостатки, Кодовилья обладал серьезными преимуществами

перед другими кандидатами на эту должность. Являясь одним из основателей ИСПА (КПА), он лучше многих представлял себе расстановку сил в партии. Аргентинца знали в Коминтерне как серьезного марксистского теоретика, обладавшего опытом организационной работы и в партии, и в аппарате ИККИ. На его счету были успешные международные миссии в Европе и Южной Америке, выполненные по поручению ИККИ и своей партии. С Кодовильей были знакомы многие руководители Коминтерна и его южноамериканских секций. Наконец, и это являлось одним из важнейших обстоятельств: аргентинский функционер, как никто другой из коммунистов Южной Америки, в подробностях знал механизм финансирования структур Коминтерна и партий, а это могло значительно облегчить его работу на новом посту. Он, наконец, сумел без потери политического лица выйти из сложной коллизии аргентинского кризиса, что свидетельствовало о его незаурядных способностях партийного бюрократа. Многими из достоинств Кодовильи обладал и Р. Гиольди, но у него имелся серьезный недостаток – он являлся одним из инициаторов раскола и уже в силу этого обстоятельства не подходил на роль арбитра во внутрипартийном конфликте, которую предстояло сыграть новому руководителю Секретариата. Кроме того, Гиольди в это время часто и серьезно болел, у него бывали длительные перерывы в работе, поэтому существовала опасность паралича работы ЮАСКИ.

Кодовилья и Гиольди по возвращении из Москвы демонстрировали «солидарную и безоговорочную» поддержку резолюции Коминтерна, которая, по оценке ЦК КПА, должна была стать важным фактором в развитии деятельности партии. В интервью «*La Internacional*» оба они, явно указывая Пенелону выход кризиса, сослались на пример «двух старых большевиков» Зиновьева и Каменева, возвращение которых в партию венчало «полное завершение ликвидации оппозиции» в ВКП(б)¹.

Перед новым руководством ЮАСКИ стояли задачи, требовавшие немедленных решений. Секретариат практически перестал действовать с момента начала кризиса в КПА в июле 1927 г. Фракционная борьба целиком захватила Пенелона, использовавшего имевшиеся у него возможности как секретаря ЮАСКИ и в первую очередь связи с компартиями Латинской Америки для пропаганды своих идей. Аппарат Секретариата занимался рассылкой в компартии газеты группы Пенелона «*Adelante*», информационных материалов «пенелонистов», в то время как его противники в КПА были лишены этой возможности, не имея даже адресов коммунистических и рабочих

¹ *La Internacional* (Buenos Aires). 19 de mayo de 1928.

организаций, поскольку практически все интернациональные связи осуществлялись через Секретариат. Принцип, заложенный в основу ЮАСКИ при его создании, – опора на аргентинскую компартию – ударил по фундаменту южноамериканского коммунистического движения как единой структуры, и внутривластный кризис КПА вполне мог перерасти в кризис всего коммунистического движения в регионе.

Именно поэтому новый состав Секретариата считал чрезвычайно важным, чтобы компартия Южной Америки выразила свое отношение к кризису в КПА на базе резолюции Коминтерна и проявила солидарность с аргентинской секцией с целью заставить «получше подумать многих членов партии Пенелона, стремившегося перенести фракционную борьбу и на компартии других стран, злоупотребляя своим постом секретаря Секретариата». При этом новый руководитель южноамериканского представительства Исполкома III Интернационала самокритично признал возникновение «пенелонизма» «результатом методов работы нашей партии» и призвал изучать его причины, чтобы избежать повторения подобных случаев¹.

Кодовилья справедливо отметил, что в «латинских странах, где индивидуализм и эгоцентризм преобладают в том числе и в пролетарских партиях», обостряется борьба личностей. Харизма Пенелона, являвшегося «наиболее четким олицетворением этого индивидуализма», вначале вполне устраивала Коминтерн и КПА, потому что позволяла проводить эффективную пропаганду коммунистических идей. Более того, на него сознательно делалась ставка. Только теперь в руководстве Коминтерна поняли, что избранная в 1925 г. модель работы ЮАСКИ завела в тупик в момент кризиса и деятельность самой партии, и функционирование Секретариата. Борьба в партии многими воспринималась как проявление «личной неприязни» среди руководящего ядра, что соответствовало истине. А позиция Пенелона, обвинявшего своих оппонентов в «аморальных поступках», что, по оценке Кодовилья, означало встать на точку зрения «мелкобуржуазного пуританизма», была достаточно привлекательной. Но эта точка зрения не дала экс-секретарю ЮАСКИ свободу для маневра в отношениях с Коминтерном. Рассчитывая, очевидно, в глубине души, что в Москве все-таки прислушаются к его моралистическим доводам, он сузил поле сотрудничества в поисках выхода из конфликта и не

¹ Южноамериканский секретариат К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата. Проведено 29–30 июля и 1–2 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 21. Л. 21–22; La Primera Sesión de la Secretariado Sudamericano de la Internacional Comunista // La correspondencia sudamericana (Buenos Aires). 1928 (1 de agosto). № 1. P. 4–5.

дал руководству III Интернационала возможности пойти на компромисс с ним. Такая вероятность, хотя и чисто теоретически, все еще существовала, но Пенелон отказывался сотрудничать с делегацией Коминтерна, приехавшей в Аргентину для участия в деятельности реорганизованного ЮАСКИ и преодоления кризиса в КПА, до тех пор пока в основу дискуссии не будет положено обсуждение «аморальных поступков» его оппонентов. Подобная твердолобость имела мало смысла, хотя бы потому что членом этой делегации и новым секретарем ЮАСКИ являлся Кодовилья – один из главных его сторонников на начальном этапе конфликта. Упорство экс-лидера КПА окончательно лишало бывшего соратника возможности использовать аргументы, приводившиеся им во время разбора конфликта в Москве. В пользу Кодовильи, вынужденно оказавшегося в рядах критиков Пенелона, играл опыт работы в аппарате Коминтерна, в том числе каждодневное общение с теми людьми, которые вошли в состав делегации (в первую очередь с ее руководителем Э. Дженнари). Пенелон же, несмотря на свой прежний авторитет, был в Москве отражением света далекой звезды.

Тактика прежнего главы ЮАСКИ, стремившегося воспрепятствовать общению своих сторонников с делегатами ИККИ, была абсурдной. Создавалось впечатление, что он боялся любой политической дискуссии, поскольку опасался проиграть в ней. Пенелон делал постоянные ультимативные заявления о несогласии с любой резолюцией Коминтерна, которая не решит вопрос об «аморальных поступках», требовал пересмотра уже принятых решений, угрожал разрывом отношений с делегацией ИККИ и прямой апелляцией к Москве. Это давало его оппонентам возможность утверждать о стремлении бывшего секретаря ЮАСКИ к «решительному разрыву с Коммунистическим Интернационалом»¹, в то время как большинство его сторонников не хотело окончательно ссориться с Коминтерном и оставалось с Пенелоном потому, что он уверил их в возможности более благоприятного для них решения. Это позволило Кодовилье и А. Кантору² пойти на контакты со склонными к компромиссу чле-

¹ Стенограмма учредительного заседания Южноамериканского секретариата К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1 Д. 21. Л. 21–23; Письмо ЮАСКИ № 4 из Буэнос-Айреса в Латинский секретариат Коминтерна 5.7.1928 // Там же. Д. 19. Л. 19.

² Кодовилья особо отмечал важность сотрудничества с руководством КПА А. Кантора (Блашко), вернувшегося после учебы в МЛШ и являвшегося «непререкаемым авторитетом среди пелопистов». Новый секретарь ЮАСКИ считал Кантора способным «разоблачить в глазах массы его [Пенелона] сторонников маевры руководителей и посеять сомнения в правильности политической линии Пенелона, заставить членов

нами руководства Коммунистической партии Региона Аргентины, более или менее готовыми согласиться с резолюцией Коминтерна.

При этом основой антипенелонской тактики являлась организация в рядах КППА небольшой, но «сильной качественно» оппозиции, с представителями которой можно было бы создавать наркетные комиссии для ведения переговоров о единстве. Лидеры КПА откровенно шли на нарушение принципов III Интернационала, считавшего недонустимой фракционную борьбу в своих рядах. Логика, вероятно, в этом случае была той же, что и в вопросе о регулярно отвергаемой буржуазной морали – интересы революционной борьбы и ее «авангарда» оказывались выше этических норм. При этом от оппозиентов как раз требовали играть по правилам, и подход Пенелона (не позволявшего в новой партии дискуссий и исключавшего «нежелательных лиц») объявлялся ненриемлемым¹.

Пенелон, впрочем, также действовал исходя из своих собственных представлений о справедливости и практичности, и вскоре появилась первая жертва чистки новой партии – Ф. Моретти, которого сняли с поста генерального секретаря, исключили из КППА, и он вернулся в компартию Аргентины. Затем лидерам КПА удалось привлечь на свою сторону ветеранов партии Де Пальма, Фассани и старшего Мюллера², оставшихся в КППА лишь для того, чтобы убедить ее членов согласиться с резолюцией Коминтерна. Не отказавшись от своей точки зрения по поводу причин кризиса, они были готовы обсуждать их на политической ноче, что должно было привести их, по мнению Кодовильи, и к признанию некоторых собственных ошибок³. Наиболее ясно позиция этой группы людей, следовавших за Пенелоном, а затем вернувшихся в КПА, была сформулирована Моретти в письме членам КППА. Бывший генсек пенелонской партии обвинил своих коллег по ЦК КППА в действиях по отношению к Коминтерну, исходящих из того, что «будто бы К.И. является вражеской организацией», в желании «подчинить дисциплину

его партии нересмотреть свою позицию». Письмо ЮАСКИ № 4 из Буэнос-Айреса в Латинский секретариат Коминтерна 5.7.1928 // Там же, Д. 19. Л. 20.

¹ Там же, Д. 19.

² Кодовилья точно подметил: Герман Мюллер являлся «настоящим символом» партии и коммунистического движения в стране, что «ловко использовалось» Пенелоном. Письмо ЮАСКИ № 4 из Буэнос-Айреса в Латинский секретариат Коминтерна 5.7.1928 // Там же. Эта роль Мюллера была обусловлена и его многолетним участием в рабочем движении Аргентины и трагической гибелью его сына Энрике – секретаря ЮАСКИМ.

³ Стенограмма учредительного заседания Южноамериканского секретариата К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // Там же, Д. 21. Л. 23.

Интернационала дисциплине нашего Центрального К[омитета]», что означало бы приоритет организационных норм КППА перед международными, в то время как национальные организации являлись просто секциями Коммунистического Интернационала¹. Таким образом, считал Моретти, КППА демонстрирует себя «как закрытый блок с уже заранее принятыми резолюциями, вынуждая членов Ц.К. ... подчиняться дисциплине секты»². Выводы онального генерального секретаря КППА прозвучали для ненелонистов убийственно – требование партии о нересмотре решения Коминтерна при одновременном отказе от сотрудничества в делегации ИККИ являлось абсурдом, что вело к окончательному разрыву с международным коммунистическим движением.

Заявления Моретти пришлось как нельзя более на руку ЦК КПА, немедленно обвинившему «ненелонистов» в неискренности их заявлений о нежелании прекращать отношения с Коминтерном. Лидеры КПА были абсолютно уверены в том, что на практике партия Пенелона полным ходом движется к окончательному разрыву с III Интернационалом, пытаясь выиграть время и сохранить раскол коммунистических сил, помогая буржуазии и врагам коммунистического движения. Анализируя к «честным членам» КППА и противопоставляя их лидеру партии, онлоненты Пенелона выразили уверенность в том, что рано или поздно те решительно выступят против своих руководителей и склонят их к подчинению резолюции Коминтерна. Рядовых членов КППА призывали «не сдаваться и упрямствоваться внутри собственной партии для того, чтобы заставить руководителей осуществить коммунистическое единство, уходить лишь в том случае, если они поймут бесплодность своих усилий»³. При этом от имени ИККИ гарантировалось обсуждение всех политических и личных вопросов при помощи создаваемых с этой целью структур, в самой полной форме, с участием или без участия руководителей КППА. «Те, кто этого не делают, – отмечал ЦК КПА, – попросту хотят остаться вне К.И.» и предупреждал: за пределами Коминтерна «процесс политической дегенерации будет быстрым. Международный опыт это подтверждает. Все те, кто ушел из Коминтерна и делал заявления о своей вере в коммунизм, на практике оказались затем в рядах наших противников...». И тут же делалась оговорка, что сказанное, дескать, распространяется лишь на руководителей, массы же в конце

¹ Партийная дисциплина или дисциплина секты? Циркуляр Флориндо А. Моретти // La Internacional (Buenos Aires). 23 de Junio de 1928.

² Ibid.

³ Ibid.

концов встанут на правильный путь¹. «Если для рабочих, состоящих в К.П.Р.А., Коммунистический И[нтернационал] все еще означает авангард мирового пролетариата, если Россия все еще является крепостью мирового пролетариата, то довериться их гарантии является долгом и честью», – говорилось в заключении комментария ЦК аргентинской компартии к заявлению Моретти². Пытаясь развалить партию Пенелона перманентной агитационно-пропагандистской работой внутри ее³, оппоненты бывшего секретаря ЮАСКИ допускали возможность для КППА долгого выживания «посредством электро-рационального уклона»⁴.

Упорство многих «пенелонистов» было обусловлено отнюдь не только «твердолобостью» и бескомпромиссностью их лидера. Поддержанию иллюзий у сторонников Пенелона способствовала позиция вернувшегося с празднования 10-летия Октябрьской революции П. Мальвестити. Он дезинформировал членов КППА о позиции ИККИ, заявив, что согласился с резолюцией Коминтерна, так как Эмбер-Дро охарактеризовал ее как временную и обещал ее пересмотр через восемь месяцев в пользу группы Пенелона. Для усиления впечатления Мальвестити утверждал, что подписал указанное письмо под угрозой высылки на Кавказ (!). Им проводилась кампания, направленная против Кодовильи и Р. Гиольди, разногласия в аргентинской комиссии ИККИ расценивались как «личная склока ради обретения ностов». При этом Мальвестити объявил Коминтерн «коррумпированным политическим организмом, как и любой буржуазный организм»⁵. Пытаясь дискредитировать решения аргентинской комиссии, он заявил о якобы имевшем место рассмотрении ею

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Письмо ЮАСКИ № 4 из Буэнос-Айреса в Латинский секретариат Коминтерна 5.7.1928 // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 19. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 19. Партия Пенелона действительно просуществовала долго, сменив название сначала на Коммунистическую партию Республики Аргентина, затем – на Партию рабочей концентрации, и составляла серьезную конкуренцию КПА. В 1930 г. Латинскоамериканский лидер-секретариат ИККИ, оценивая результаты выборов в Аргентине как «полный провал КПА», подчеркивал, что «Пенелон, которого объявили навсегда ликвидированным, получил больше голосов, чем наша партия». Письмо Гарланди [Р. Гриеко] Рустико [А. Гуральскому]. 4.7.1930 // Там же. Ф. 495. Он. 79. Д. 112. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 155. Последний раз Пенелон участвовал в президентских выборах в 1951 г.: его фамилия была внесена в списки вместе с Х.Д. Пероном, Р. Бальбином, Р. Гиольди, А. Паласионом, Р. Пастором.

⁵ Стенограмма учредительного заседания Южноамериканского секретариата К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 21. Л. 23.

предложения об объединении КПА с «чиснистами». Мальвестити без обиняков предложил «ненелонистам» «занять твердую позицию в отношении Коминтерна», нока тот не удовлетворит их требования¹.

Несмотря на решение Москвы о смещении Пенелона с поста руководителя ЮАСКИ, он значительное время продолжал исполнять эти обязанности, отказавшись передать документы, архив и административные принадлежности Секретариата. Это позволило противникам обвинить его в использовании денег и технических возможностей ЮАСКИ на нужды созданной им параллельной компартии, а также в том, что он, несмотря на неоднократные просьбы Коминтерна, не направлял в Москву отчеты о своей административной и финансовой деятельности². Выяснение отношений ЦК КПА и нового руководства ЮАСКИ с Пенелоном по административно-финансовым вопросам стало важной частью противостояния. Экссекретарь ЮАСКИ заявлял об абсолютном нежелании отдавать что-либо «тем, у кого нет морали», а Кодовилья считал выяснение этих проблем проверкой бывшего секретаря регионального органа Коминтерна на «нуританскую чистоту», настаивая на необходимости представления им отчета Коминтерну³.

Оттягивая передачу полномочий и имущества Секретариата, Пенелон, видимо, еще нитал иллюзии относительно отношения Москвы к оценке его деятельности и личности, надеясь, что чаша весов при разборе конфликта может склониться в его сторону. Поэтому вопрос восприятия его моральных качеств, тем более в связи с таким деликатным делом, как расходование субсидий Коминтерна, не мог не волновать бывшего лидера КПА. Видимо, еще не осознав, что к этому моменту дело уже было не в нем персонально, он нитался сохранить свою репутацию в глазах латиноамериканских коммунистов. Но его отстранение с руководящих постов и исключение из партии, а также реорганизация деятельности ЮАСКИ напрямую были связаны с изменением политической линии ВКП(б) и Коминтерна, и

¹ Мальвестити вел эту кампанию, находясь в КПА, не считавшей возможным исключать его в тот момент из своих рядов, чтобы не дать аргументы «ненелонистам». Письмо ЮАСКИ № 4 из Буэнос-Айреса в Латинский секретариат Коминтерна. 5.7.1928 // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 19. Л. 20.

² Серьезные трудности возникли при распространении «La Correspondencia Sudamericana» и Информационного бюллетеня Секретариата: забрав с собой все документы ЮАСКИ, Пенелон лишил редакции адресов организаций и лиц, с которыми контактировали эти издания. Доклад ЮАСКИ в Латинский секретариат Коминтерна № 11. 5.9.1928 / Там же. Л. 38.

³ Стенограмма учредительного заседания Южноамериканского секретариата К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // Там же. Л. 10.

это не могло не привести к тотальной нерестройке возглавляемой им структуры.

Конечно, были и объективные причины. Под руководством Пенелона деятельность ЮАСКИ носила персоналистский характер, она шла в полном соответствии с традицией, зародившейся еще в период существования ИСПА и Бюро коммунистической пропаганды, на опыте и кадры аргентинской компартии. Подлинным органом руководства континентальным коммунистическим движением Секретариат при этих условиях стать не мог. Это вызывало неприятие линии ЮАСКИ, стиля и методов его работы у некоторых руководителей молодых компартий. Не зря руководитель КП Парагвая Л.Э. Ибаррола выступал против «Интернационала Буэнос-Айреса» и за «Интернационал Москвы». Тем не менее, когда Пенелон оказался вне рядов коммунистического движения, Ибаррола тоже с подачи Кодовильи все равно был смещен со своего поста¹.

Кризис в КПА разрушил ЮАСКИ до основания. И хотя в решениях Коминтерна ставился вопрос о его реорганизации, объективно речь шла о создании в Буэнос-Айресе регионального органа Коминтерна под прежним названием, но с новыми людьми, новой структурой, измененными целями и задачами, и делегация Коминтерна была направлена в Аргентину практически для ликвидации пенелоновского Секретариата².

Однако были проблемы, требовавшие решения еще до начала структурной нерестройки Секретариата. От Кодовильи в Москве ждали изменения методов, политического и организационного содержания своего южноамериканского представительства, и он с первых дней продемонстрировал новый стиль работы, задав тем и направление деятельности реформируемого регионального органа

¹ Хейфец Л.С. Интернационал Москвы или Интернационал Буэнос-Айреса (III Интернационал, Южноамериканский секретариат Коминтерна и компартия Парагвая) // Россия в контексте мировой истории. СПб., 2002. С. 277–294.

² Реорганизация должна была распространиться и на ЮАСКИМ. На V конгрессе КИМа М. Горький отметил неудовлетворительность работы Секретариата, причиной чему послужили дискуссии в КПА, и недостаточно хорошую («вследствие внутрипартийной борьбы») работу О. Гиольди. Для того чтобы «действительно поставить на ноги этот важный орган нашего Интернационала», ИККИМ решил направить туда своего представителя, поставив перед ним задачу создать «действительно постоянно работающее бюро, которое должно политически руководить работой южноамериканских и среднеамериканских союзов». Одновременно ИККИМ считал необоснованным предложение мексиканских делегатов конгресса перевести свой Южноамериканский секретариат в Мексику. Горький М. Организационный отчет Исполкома КИМ на V конгрессе. М.: Л., 1929. С. 35; Юношеское движение в колониальных и полуколониальных странах. Доклад т. Ферра // Проблемы юношеского движения в колониальных и полуколониальных странах. М.: Л., 1929. С. 105.

Коминтерна. Уже в мае рабочая группа (Кодовилья, Р. и О. Гиольди), не дожидаясь «официального создания» Южноамериканского секретариата, рассмотрела несколько вопросов, не терпевших отлагательства. Первым стало обсуждение по инициативе Комитета денортированных чилийцев¹ деятельности этой группы политэмигрантов, включавшей анархистов, радикалов и коммунистов. Аргентинские коммунисты, представлявшие Секретариат, перевели обсуждение проблем координации деятельности чилийской эмиграции и организации связи Комитета с революционными организациями в стране в политическую плоскость, поставив задачи поиска путей вывода революционного движения Чили из кризиса, в который оно попало после переворота Ибаньеса. В деятельности Комитета денортированных они усмотрели возможность создания единого фронта: на базе ясной программы, «а не просто симпатий», отредактированной «в такой форме, которая никого бы не отталкивала, но придерживалась нашей линии». Придав Комитету форму организации, его можно было нацелить, по мнению новых руководителей ЮАСКИ, на коалицию с мелкой буржуазией на основе «ближайших непосредственных требований»². В условиях жесточайших преследований диктатурой компартии Чили деятельность Комитета с такими идейно-политическими установками могла реально дать возможность для контактов с разнородными антидиктаторскими силами, восстановить утраченные связи между партийными организациями КПЧ. Механизмом для реализации этих предложений Кодовилья считал создание секции МОПРа и организацию кампания помощи чилийским революционерам, он предостерегал от возможности «превращения Комитета в источник путаницы» и настаивал на том, чтобы связать его с деятельностью партии.

Понимая значимость самой постановки вопроса о едином фронте в Чили и ответственность за последствия своего первого политического решения (хотя оно и было связано с частным, на первый взгляд, вопросом), участники обсуждения буквально оттачивают каждое слово Манифеста Комитета денортированных. Р. Гиольди предлагал через Манифест показать, что «наша поддержка – это не поддержка буржуазного лагеря, что она направлена против тирании совсем по другим

¹ Действовал в провинции Мендоса (Аргентина) с конца мая 1927 г. Это было объединение восьми людей «доброй воли», ограничивавшихся критикой режима. Протокол заседания ЮАСКИ по чилийскому вопросу и о кризисе в КПА // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 11. Л. 17. В сборнике «Коминтерн и Латинская Америка» этот документ ошибочно датирован маем 1927 г.

² Протокол заседания ЮАСКИ по чилийскому вопросу и о кризисе в КПА // Там же.

причинам». Кодовилья, считая деятельность революционного движения в условиях *диктатуры средством воспитания пролетариата и устранения социал-демократических иллюзий*¹, настаивал на необходимости изживать ошибки, заключавшиеся в умиротворении буржуазии и отсутствии ясных лозунгов. Таким образом, единый фронт рассматривался как форма организации пролетариата при сохранении руководства компартии, а коалиция с демократически настроенной мелкой буржуазией как средство борьбы против диктатуры.

Второй проблемой, решавшейся инициативной группой в экстренном порядке, была организация отправки делегатов на VI конгресс Коминтерна. Времени для тщательного отбора делегатов и их подготовки для участия в форуме, на котором впервые за время существования III Интернационала должны были широкомасштабно обсуждаться проблемы революционного движения Латинской Америки, у Кодовилья и его соратников не было. Поэтому речь шла лишь об информировании компартий (в первую очередь Бразилии и Уругвая) о необходимости готовить товарищей и об обеспечении Коминтерном финансирования поездки латиноамериканских делегатов в Москву.

Серьезным препятствием к развертыванию деятельности Южноамериканского секретариата в новом составе была задержка приезда основной части делегации Коминтерна, отсутствие которой, как сетовал Кодовилья, «сильно вредит нашей деятельности» по ликвидации аргентинского кризиса и работе, осуществлявшейся в партии Пенелона. Тем не менее, как только в Буэнос-Айресе собрались представители компартий Уругвая и Бразилии, ЮАСКИ развернул активную деятельность. В переходный период работал временный состав Секретариата, в который вошли представители КПА (В. Кодовилья), КПУ (Э. Гомес) и КПБ (А. Перейра). Первое заседание ЮАСКИ в таком составе и с участием приглашенных руководителей ЮАС КИМ (О. Гиольди) и Южноамериканского профсоюзного секретариата (М. Контераса) состоялось 24 июня 1928 г. и носило неофициальный характер. Обновленному Секретариату предстояло подвести итоги работы предшественников и наметить перспективы.

За время коллansa, в который попал региональный орган Коминтерна из-за кризиса КПА, накопилось много нерешенных проблем. Повестка дня оказалась явно перегруженной. Обсуждение каждого из 11 вопросов носило принципиальный характер: распределение работы в Секретариате; публикация журнала и бюллетеня; функцио-

¹ Письмо Секретариата НККИ [Ж. Эмбер-Дро] Пенелону 24.11.1925 // Там же, Д. 1. Л. 17.

нирование Издательского бюро; информация о кризисе в КПА и подготовке съезда партии; политическая подготовка съезда КПБ и пленума ЦК КПУ; план работы для КПЧ и использование товарища Р. [Росаса? – В.Х., Л.Х.]; политическая платформа Комитета денонсированных из Чили; план работы для Антиимпериалистической лиги; организация МОПР; профсоюзный вопрос в Латинской Америке и тактика работы в новой Иберо-Американской профсоюзной конфедерации, примыкающей к Амстердаму¹.

Поскольку новый состав региональной структуры Коминтерна не имел легитимной основы, обсуждение проблем носило предварительный характер. И только после прибытия руководителя делегации Коминтерна Э. Дженнари², деятельность ЮАСКИ была наконец узаконена. И на учредительном заседании большинство неречисленных вопросов обсуждалось Секретариатом вновь уже в качестве легитимного органа III Интернационала. Хотя очевидно, что грань эта была достаточно условной. В соответствии с резолюцией Президиума ИККИ новый Южноамериканский секретариат Коминтерна был официально учрежден на заседании, проходившем 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. Эта встреча завершила целый этап в развитии организационных связей Коминтерна и его латиноамериканских секций. Новый Секретариат незамедлительно приступил к разработке широкомасштабной программы идеологической и организационной деятельности континентального коммунистического движения. Главным организационным принципом была определена *коллективная форма функционирования*, главной задачей – *попытка разрешить «все вопросы, имеющие отношение к коммунистическому движению Южной Америки»*. При этом были четко сформулированы принципы взаимоотношений с вышестоящими инстанциями Коминтерна и границы полномочий в руководстве коммунистическим движением континента: в вопросах определения фундаментальных изменений в политической линии партий резолюции ЮАСКИ должны были *непосредственно одобряться Коминтерном*. Задача Секретариата заключалась в подготовке вопросов, подборке всех связанных с ними материалов и доведении своей точки зрения до Коминтерна, за ко-

¹ Повестка дня заседания ЮАСКИ 24.6.1928 // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.

² Полностью делегация была сформирована только осенью 1928 г. Делегат КИМа «Пьер» (З. Рабинович) приехал в Южную Америку в сентябре. Представитель Профинтерна «Морис» (М. Хаскин), который должен был выехать из Москвы одновременно с В. Кодовильей и Р. Гюльди, впервые принял участие в заседании ЮАСКИ только в октябре. Повестка дня Южноамериканского секретариата Коминтерна // Там же. Л. 96; Доклад № 11 Южноамериканского секретариата Коммунистического Интернационала Латинскому секретариату Коминтерна. 5.9.1928 // Там же. Д. 19. Л. 37–38.

торым оставалось право принимать окончательные решения¹. Не довольствуясь этим, лидеры III Интернационала явно решили подстраховаться и через Кодовилью довели до сведения участников заседания свое решение – южноамериканской структуре Коминтерна впрямь предстояло работать совместно с представителем ИККИ, назначенным в Буэнос-Айрес на постоянную работу, который должен был участвовать в подготовке и принятии решений на месте².

Первоначально предполагалось, что ЮАСКИ будет заниматься только вопросами коммунистического движения Южной Америки, но поскольку Коминтерн к этому моменту так и не реализовал план создания Центральноамериканского секретариата, юрисдикция ЮАСКИ де-факто должна была распространиться на всю Латинскую Америку. Секретариат был реорганизован на основе представительства основных партий Южной Америки: два делегата КПА (В. Кодовилья и Р. Гиольди), но одному – от КПБ (А. Перейра), КПЧ (Р. Росас) и КПУ (Э. Гомес). В учреждении нового состава ЮАСКИ и определении плана его работы участвовали секретарь ЮАСКИМ О. Гиольди (Гитор), секретарь Латиноамериканского

¹ Стенограмма учредительного заседания Южноамериканского секретариата К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // Там же. Д. 21. Л. 9.

Однако и в новых условиях функционирования ЮАСКИ сохранялись трудности взаимосвязи с Москвой. Кодовилья постоянно указывает в своих отчетах, что плодотворная работа возможна при регулярном сотрудничестве с Латинским секретариатом Коминтерна, указывая при этом на положение, «не годящееся для отношений между организациями, которые должны иметь постоянный рабочий контакт». Секретарь ЮАСКИ, подчеркивая субординацию, настаивал на инструкциях из Москвы, «абсолютно необходимых» для улучшения работы Секретариата, и требовал направлять в Буэнос-Айрес всю информацию, позволяющую «следить за политической деятельностью... международного руководства». Доклад № 8 Южноамериканского секретариата Коммунистического Интернационала Латинскому секретариату Коминтерна. 19.11.1928 // Там же. Д. 19. Л. 54–55.

Как серьезную трудность, тормозящую работу южноамериканской структуры Коминтерна, Кодовилья рассматривал «ненулучшение никаких материалов» от информационного и агитпропагандного ИККИ, которые направлялись во все европейские страны, из-за чего коммунисты Южной Америки «оказывались несколько изолированными от европейского движения». Сохранялись и технические трудности, на которые сетовал еще Пенелон. Материалы общего характера высылались на нелегальные адреса и потому запаздывали на пять-шесть недель, новый секретарь ЮАСКИ просил сообщить в технический секретариат (М. Хеймо), что только письма секретного характера должны направляться «на иные адреса». Доклад Южноамериканского секретариата Коммунистического Интернационала Латинскому секретариату Коминтерна № 11 5.9.1928 // Там же. Л. 37.

² Стенограмма учредительного заседания Южноамериканского секретариата К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // Там же. Д. 21. Л. 9–10.

профсоюзного секретариата М. Контерас и секретарь КПА П. Ромо¹. Хотя представители аргентинской компартии по-прежнему составляли большинство не столько в составе Секретариата, сколько в его аппарате, что вполне объясняется фактом его местонахождения в Буэнос-Айресе, база деятельности ЮАСКИ в этот момент значительно расширилась. Однако при этом уже в самом составе Секретариата было заложено серьезное противоречие с предполагавшимися масштабами его работы – участие делегатов компартий, представлявших другие регионы Латинской Америки (например, Мексики, Кубы, Центральной Америки), даже не было предусмотрено.

Важным представляется тот факт, что Президиум ИККИ, осознав отрицательные последствия персонализации работы ЮАСКИ, на которую он в свое время фактически благословил Пенелона, принял решение о деятельности своей буэнос-айресской структуры на коллективной основе с участием представительной делегации из Москвы (ИККИ, КИМа, Профинтерна). По предложению Э. Дженнари секретарем ЮАСКИ был назначен В. Кодовилья, его заместителем – А. Перейра, директором журнала – Р. Гиольди, его заместителем с редакционными обязанностями Э. Гомес². Так был впервые реализован принцип функционирования регионального органа Коминтерна, на котором долгое время настаивали латиноамериканские коммунисты, но коренным образом отличался от предшественников: Панамериканское бюро действовало как структура, члены которой назначались в Москве, коммунисты Северной и Южной Америки лишь привлекались к ее работе; Бюро коммунистической пропаганды было создано на основе КПА, членство в нем Александровского и Вайля носило случайный характер, а после отъезда Александровского и речи не шло о направлении нового делегата Коминтерна из Москвы; участие Б. Михайлова в работе ЮАСКИ на первом этапе его деятельности не было узаконено и происходило эпизодически. В недалеком будущем характер взаимодействия делегации ИККИ и Секретариата изменится коренным образом, и представители Коминтерна (А. Гуральский, А. Эверт) будут доминировать в деятельности регионального органа.

Резолюция Коминтерна устанавливала политические задачи ЮАСКИ. Фундаментальными вопросами, которые предстояло изучить Секретариату, были вопросы антиимпериалистической борьбы в Латинской Америке: характер движения, изучение ситуации в каждой стране с целью организовать все антиимпериалистические силы

¹ РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

² Там же. Л. 12.

на базе общей программы действия. Другой задачей было закончить с остатками «провинциализма» некоторых партий и объединить их деятельность. Учитывая существование в Латинской Америке коммунистических партий, «страдающих от сильной идеологической недоразвитости и не имеющих четких представлений о том, какова должна быть коммунистическая организация»¹, предлагалось направлять им на помощь членов Секретариата. Ответственность за политическую линию возлагалась на Кодовилью и Р. Гиольди, которые должны были работать в согласии. При этом речь шла именно о проведении политической линии, разработанной коллегиально, а не о единоличном руководстве.

Важным в деятельности нового Секретариата была установка на открытость его деятельности: обнародование состава и названий партий, представленных в нем; публикация протоколов заседаний или комментариев о проводимой работе². Немедленно после конституирования ЮАСКИ информировал южноамериканские партии о начале своей деятельности в новом качестве и составе и направил им для публикации выдержки из протокола учредительного заседания. Секретариат просил установить с ним отношения, выслать доклад о состоянии партии и краткий анализ экономической и политической ситуации в стране и отправлять ему партийные публикации и документы, связанные с политической деятельностью, информацию и статьи для «*La Correspondencia Sudamericana*»³.

Новым в деятельности ЮАСКИ стало и стремление следовать строгим организационным принципам, разработанным на учредительном заседании. Секретариат должен был собираться в полном составе раз в два месяца, а в случае необходимости тогда, когда это сочтут целесообразным секретарь и члены Секретариата, находящиеся в Буэнос-Айресе. Для этого члены Секретариата должны были освобождаться от работы в своих партиях и полностью сосредоточиться на изучении проблем, решавшихся Секретариатом⁴. Ответственность

¹ Там же, Л. 12–13.

² Там же, Л. 25; Южноамериканский секретариат Коммунистического Интернационала. Протокол. Заседание 14 июля 1928 г. // Там же, Л. 52.

³ Начиная свою работу чуть ли не с чистого листа, Секретариат просил революционные организации присылать адреса, дабы иметь возможность направлять им информационные материалы. Наряду с этим ЮАСКИ напоминал и о необходимости поддержания конспиративных отношений, обращаясь с просьбой направлять адреса «для сообщений не для печати». Письмо ЮАСКИ секретариатам коммунистических партий Южной Америки. 6 июля 1928 г. // Там же, Л. 23. Л. 5.

⁴ Стенограмма учредительного заседания Южноамериканского секретариата К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // Там же, Л. 12.

за выполнение решений и подготовку всех вопросов к обсуждению членами ЮАСКИ возлагалась на его секретаря.

Между пленарными заседаниями работа Секретариата должна была осуществляться его членами, находившимися в Буэнос-Айресе, а не работавшим на постоянной основе предписывалось в предварительном порядке изучать вопросы, поставленные на обсуждение. Несекретные документы предполагалось рассылать им заранее. Протоколы заседаний и документы Секретариата должны были оформляться немедленно и направляться в Москву. В штате предусматривался переводчик, чтобы nosылать наиболее важные документы в Москву в переводе на один из рабочих языков Коминтерна (немецкий или французский) для более оперативного решения вопросов коммунистического движения Южной Америки в ИККИ.

Своей задачей Секретариат считал анализ проблем каждой страны Южной Америки, чтобы иметь возможность точно отвечать на вопросы партий, а также для правильной «ориентации коммунистического движения»¹. Для решения этих задач требовалось рационализировать всю работу аппарата, сконцентрировать максимум технических сил. Одним из самых серьезных недостатков ненеленовского этапа деятельности ЮАСКИ являлось отсутствие аналитической работы. Массу времени у немногочисленных членов Секретариата и работников аппарата занимали чтение корреспонденции и ответы на нисьма. Поэтому в планы Кодовильи входило освободить политических работников от рутинной работы, дав им технических помощников. Таким образом, ЮАСКИ постепенно все больше превращался в бюрократическую структуру в полном соответствии с общей для Коминтерна в этот период тенденцией. В то же время для обеспечения большей эффективности работы и коллективной ответственности за принимаемые решения секретарь ЮАСКИ настаивал на более активном участии в анализе проблем, стоявших перед Секретариатом, руководителя делегации ИККИ².

Важнейшим инструментом распространения влияния Секретариата должен был стать журнал «La Correspondencia Sudamericana». Чтобы гарантировать проведение журналом политической линии ЮАСКИ, основные материалы, предназначенные для публикации,

¹ Протокол № 7 заседания ЮАСКИ. Секретариата 7.8.1928 // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 21. Л. 68.

² Кодовилья предлагал, чтобы «товарищ Росси» (Э. Дженнари) ежедневно приходил на два-три часа утром. Ни в одном доступном нам документе не говорится о том, какие легенды прикрытия были у находившихся нелегально в Буэнос-Айресе членов делегации ИККИ, но очевидно, что они должны были заниматься какой-то деятельностью, легализовавшей их пребывание в стране и отвлекавшей от коминтерновской работы.

должны были проходить процедуру утверждения Секретариатом. Работа издания подверглась радикальной перестройке. Во-первых, была поставлена задача – превратить его в подлинно международное издание, добиваясь постоянного сотрудничества как с можно большим числом южноамериканских компартий. По решению ЮАСКИ материалы о деятельности партий должны были готовиться людьми, специально назначенными их центральными комитетами, и направляться в Секретариат «для ревизии». Во-вторых, форма журнала должна была стать «более призывной». Для достижения этой цели предполагалось разнообразить тематику, публикуя редакционные статьи о латиноамериканской современности и международную антиимпериалистическую информацию. В теоретическом разделе планировалось воспроизводить статьи из журналов Коминтерна, документы ИККИ и южноамериканских партий. Важное место отводилось политическому анализу профсоюзного и молодежного движения. Читатели журнала должны были на его страницах знакомиться с обзорами современной литературы. Специальный раздел предназначался для материалов партий о политических проблемах разных стран¹.

Секретариат формулировал идеологическую направленность и констатировал широкий охват проблем публикаций журнала. Так, например, при обсуждении содержания первого номера была поставлена задача осветить проблему империалистического проникновения в Латинскую Америку и увязать анализ антиимпериалистического движения с полемикой вокруг АПРА, которая развернулась после Брюссельского конгресса. При этом Кодовилья указывал на то, что не стоит чрезмерно оценивать АПРА, но, говоря об этих проблемах, надо рассматривать тенденции объединения антиимпериалистических движений с целью покончить с претензиями отдельных групп на руководство. Лучшим способом для этого могло, с его точки зрения, стать подчеркивание значения программы, принятой в Брюсселе².

При этом редакция должна была решать сложнейшую проблему размещения столь разнообразного материала на 24 страницах. Этот объем был обусловлен предложениями издательства «Импресора», гарантировавшего печать 2 тыс. экземпляров журнала при себестоимости 10 аргентинских сентаво. Экономический аспект оказался третьей серьезной проблемой, которую предстояло решать ЮАСКИ при издании «La Correspondencia Sudamericana». С учетом низкого уровня жизни трудящихся во многих странах континента ста-

¹ Протокол заседания Южноамериканского секретариата Коммунистического Интернационала 14.7.1928 // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 21. Л. 51.

² Там же. Л. 51–52.

вилась задача издавать дешевый журнал, распространяемый по цене, практически не отличающейся от его себестоимости. Иными словами, Секретариат заранее планировал журнал с дефицитом бюджета и предполагал включать затраты на него в статью «пропаганда» и предпринимать экономические усилия для ликвидации этой брешы (и, вне всякого сомнения, тайно надеясь на понимание Коминтерном важности пропагандистской роли журнала и компенсацию расходов).

Существенное значение для расширения пропагандистского влияния ЮАСКИ имела публикация Информационного бюллетеня Секретариата, выходившего два раза в месяц тиражом 800 экземпляров и предназначавшегося для революционной прессы Латинской Америки. Его материалы использовались профсоюзными и либеральными изданиями многих стран континента¹.

Для углубленного изучения членами Секретариата и компартиями различных проблем национального и международного характера планировалось создание в ЮАСКИ архива документации международного революционного и коммунистического движения, который должен был способствовать получению нелегальными партиями прямой информации о международном коммунистическом движении, отсутствие которой, по оценке ЮАСКИ, не давало им возможности «развивать политические способности своих руководящих органов»². Партии обязывались направлять Секретариату экземпляры своих документов, чтобы он мог быть в курсе дел южноамериканских секций Коминтерна³.

Бюджет Секретариата являлся временным и предусматривал расходы на издание журнала и бюллетеня, на зарплату секретарю ЮАСКИ и директору журнала. Вне его рамок остались расходы, необходимые для организации заседаний Секретариата, прежде всего на поездки его членов из других стран в Буэнос-Айрес, однако имелся небольшой резерв для направления делегаций в компартии региона. При организации финансирования деятельности ЮАСКИ было решено исходить из практики, которая должна была определить объем необходимых для его работы средств. Балансовый отчет Секретариата следовало регулярно направлять в Коминтерн для проверки⁴.

¹ Доклад № 11 ЮАСКИ в Латинский секретариат Коминтерна 5.9.1928 // РГА-СПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 19. Л. 38.

² Стенограмма учредительного заседания Южноамериканского секретариата К.И. Учредительное заседание Ю.А. Секретариата 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // Там же. Д. 21. Л. 12.

³ Там же. Л. 48.

⁴ Там же.

Радикально отличались от предыдущего периода подходы к работе с компартиями региона и группами, которые могли стать их основой. Стремление «дать ориентацию коммунистическому движению» региона на практике означало прямое участие в руководстве выработкой политической линии партий и в формировании их руководящих кадров; создании новых компартий; преобразовании партий и групп, симпатизировавших Коминтерну, в организации, но идеологии и организационным принципам полностью соответствовавшие установкам III Интернационала.

В сравнительно короткое время ЮАСКИ сумел установить или восстановить регулярные связи с большинством компартий континента. Интенсивность этих связей и степень влияния региональной структуры Коминтерна на партии зависела от многих причин. Мексиканская секция III Интернационала, например, всячески избегала контактов с Буэнос-Айресом¹ и предпочитала общаться с Москвой напрямую, используя сложившиеся формы связи. Более того, КПП (и подконтрольная ей Всеамериканская антиимпериалистическая лига) вполне самостоятельно действовала на всем континенте по тем направлениям, которые считала для себя приоритетными. Это вынуждало Кодовилью жаловаться, например, в Москву на Г. Мачадо², который адресовал свои просьбы о помощи для Сандино «всему миру, прежде всего к аргентинским социал-демократическим депутатам... не обращая при этом ни к нашей партии, ни к нашему Секретариату, чтобы договориться с нами об организации эффективной помощи»³.

Практические последствия подобной позиции КПП не могли не проявиться в континентальном масштабе. Так, компартии Кубы и Центральной Америки, установив связи с Буэнос-Айресом, предпочитали тем не менее сохранять более тесные отношения с Мехико и Нью-Йорком. Ни одна из национальных секций III Интернационала не упускала возможности поддерживать и прямые контакты с Москвой. В одновременном существовании параллельных связей было заложено очевидное противоречие, ведь большинство партий

¹ Доклад ЮАСКИ в Латинский секретариат Коминтерна № 8 от 19.11.1928 // Там же. Д. 19. Л. 54.

² Представитель Комитета «Руки прочь от Никарагуа!» при штабе А.С. Сандино.

³ Доклад ЮАСКИ в Латинский секретариат Коминтерна № 11 от 5.9.1928 // РГАСПИ, Ф. 503. Он. 1. Д. 19. Л. 39.

ЮАСКИ не получал информации и о деятельности берлинской штаб-квартиры всемирной АИЛ, руководитель которой В. Мюнценберг предпочитал общение с Континентальным комитетом ВААИЛ в Мехико, исходя из масштабности и эффективности его работы, в то время как на юге успехов у антиимпериалистического движения не наблюдалось.

в соответствии с условиями императивного мандата, полученного ЮАСКИ от руководства Коминтерна, подчинилось юрисдикции его региональной структуры. При этом, правда, ни Латинский секретариат ИККИ, ни высшие инстанции Интернационала, несмотря на данные ими ЮАСКИ полномочия, не настаивали на безусловном подчинении всех латиноамериканских партий Буэнос-Айресу. Не имея в тот момент возможности для создания дополнительных региональных структур в Новом Свете (или не ощущая потребности в этом), Коминтерн молчаливо признавал статус-кво. Отношения между партиями и центром коммунистического движения по-прежнему не укладывались в единую схему, и в III Интернационале были вынуждены считаться с реальностью, хотя именно в этот период начинает развиваться тенденция к унификации отношений, в конечном итоге закончившаяся ничем.

Работа обновленного ЮАСКИ с компартиями сконцентрировалась на двух направлениях: развивать сложившиеся связи (в первую очередь с КПА, КПУ и КПБ) и устанавливать отношения со странами, где имелись, как считали в Секретариате, «немалые возможности для развития коммунистического движения» (Парагвай, Боливия, Перу и др.)¹. Оценки Секретариата Кодовильи ситуации в революционном движении Южной Америки немногим отличались от оценок неолоновского периода, поскольку основывались на обрывочной и непроверенной информации. И если в случае с Перу работники ЮАСКИ угадали тенденцию, связанную с личностью и деятельностью Х.К. Мариатеги, то обстановка в Парагвае и Боливии не давала оснований для столь оптимистических оценок на ближайшую перспективу.

При наличии более или менее устойчивых связей Секретариат намеревался совершенствовать стратегию партий (подготовка программных установок для съездов партий и пленумов ЦК). В малоизученных же ЮАСКИ странах предстояло прежде всего собрать больше информации и обстоятельно изучить ситуацию, сопоставляя первоначальные прогнозы с фактическим положением дел. При этом работники Секретариата были убеждены в необходимости прямого вмешательства своих делегатов в формирование руководства и партийной структуры, поскольку речь шла о странах, где коммунистическое движение развивалось на основе «несколько путаной идеологии» (типичным примером такой страны они признали Боливию).

¹ Доклад ЮАСКИ в Латинский Секретариат Коминтерна № 8 от 19.11.1928 // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 19. Л. 54.

Значительное внимание в прозелитской работе уделялось профсоюзному движению. На этом этапе ЮАСКИ совместно с Профсоюзным секретариатом Латинской Америки стремился обеспечить максимальное представительство на готовившемся континентальном конгрессе, понимая, что массовое участие латиноамериканских рабочих организаций в движении, ориентирующемся на КИП, рано или поздно принесет результаты, важные для Коминтерна. При этом в Буэнос-Айресе отдавали себе отчет в малой эффективности попыток помочь становлению коммунистических групп из регионального центра и стремились обеспечить условия для работы на месте для лучшего знакомства с партийными кадрами и доведения до них директив по организации партии напрямую. Невозможно не заметить, что и в Коминтерне, и в его южноамериканской структуре одинаково недопонимали сути вопроса – разница в указанных способах воздействия на формирование коммунистического движения оказывалась чисто технической. Хотя второй путь и был более действенным, но как показала многолетняя практика, эффективность воздействия извне была крайне низкой там, где формирование компартий не основывалось на базе сильного рабочего движения.

Глава 6

«ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ» КОМИНТЕРНОМ (1927–1928)

6.1. Празднование 10-летия Октябрьской революции и развитие латиноамериканского революционного движения

Важным импульсом для интенсификации отношений Коминтерна и находившихся под его контролем и влиянием международных организаций с революционным движением Латинской Америки являлось празднование 10-летия Октябрьской революции¹. Подготовка к юбилею помогла аккумулировать организационные и финансовые возможности Коминтерна, Профинтерна, МОПРа и других международных организаций, соединить их усилия с активностью советских профсоюзов и ВОКСа². Возможность пригласить в Москву

¹ При подготовке празднования был учтен опыт посещения СССР зарубежными рабочими делегациями, первая из которых (английская) побывала в стране еще в 1920 г. В.И. Ленин подчеркивал чрезвычайное значение таких ознакомительных поездок «для разоблачения клеветы, распространившейся буржуазной пропагандой». Ленин В.И. Речь на широкой рабоче-красноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе 13 мая 1920 г. Газетный отчет // Ленин В.И. ПСС, Т. 41, С. 121.

Оценивая итоги обмена делегациями, секретарь ИККИ О. Куусинен отмечал важность для представителей иностранных рабочих «убедиться собственными глазами... что строительство социализма в СССР возможно». Куусинен О. Союзники Советского Союза // Правда, 1927. 6–7 ноября.

² Для составления сметы расходов Оргкомитет запрашивал заинтересованные организации и отдельных лиц о необходимом для поездки сумме. См.: Телеграммы Кодовильи Л. Сала (Уругвай), Х.Ф. Каролису (Эквадор), Пенелону, Ромо, Алонсо (Аргентина) // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 79, Д. 25, Л. 42–44.

Полностью подсчитывать расходы на поездку латиноамериканских делегатов в Москву не представляется возможным, но по отдельным документам можно судить о схеме финансирования и о части понесенных расходов. В них говорится о необходимости приглашенным лицам оплатить дорогу до границы с СССР. В случае отсутствия всей суммы Оргкомитет предлагал приглашающим организациям помочь со средствами на поездку. Пребывание в СССР и, очевидно, обратная дорога должны были финансироваться советской стороной. Эта схема, по всей видимости, распространялась на гостей, не входивших в компартии и в профсоюзы – члены Профинтерна: их расходы на поездке полностью брала на себя приглашающая сторона. Для оплаты поездки делегации Мексики и направлявшегося с ней чилийца Р. Росаса, например, было отпущено в Мехико 2770 долларов. Средняя сумма, выделенная на поездку одного делегата, называемая в некоторых документах, – 250 долларов. Помимо денег, выделявшихся Москвой, были и другие источники финансирования, например подписка, открытая среди

представительную грунну латиноамериканцев впервые в истории Коминтерна нозволила решить одновременно несколько задач, открыла серьезные нерспективы для интенсификации организационных и идейных связей III Интернационала и аффилированных с ним организаций с революционным движением Латинской Америки.

Кульминацией иразднования 10-летия Октябрьской революции должно было стать ипроведение в Москве Конгресса друзей СССР «для обсуждения вопроса об угрожающей Советскому Союзу военной онасности и о иредиринимаемых мировым иролетариатом мерах для защиты нервой в мире рабоче-крестьянской республики»¹. Этот широкий форум иредставителей всех континентов, людей с разными нолитическими убеждениями, объединенных чувством солидарности с Советским Союзом, должен был иредставлять, но задумке его организаторов, «интереснейшую нонитку создания ипротив имнериализма единого фронта рабочих разных наиравлений, крестьян, ипротивников новых имнериалистических войн среди слоев населения, не иринадлежащих к рабочему классу»².

Оргкомитет и входившие в него организации разослали нолитическим нартиям, ирофсоюзам латиноамериканских стран, видным иредставителям интеллигенции, ироявлявшим симпатии к СССР, ириглашения участвовать в качестве гостей в «торжественном ираздновании нашей революции» и «с целью изучить ирофсоюзное движение эконоическую жизнь Советского Союза» [так в тексте телеграммы. – *В.Х., Л.Х.*]³. В. Кодовилья, отвечающий в комитете за латиноамериканское наиравление, информировал ЮАСКИ о готовности советских ирофсокозов «за счет фонда делегаций» иригласить иредставителей рабочих организаций нескольких стран и норучил Секретариату ипровести в латиноамериканской ирессе иронагандистскую камнанию но освещению ноготовки иразднования и участия

рабочих Профсоюзным объединением Аргентины (УСА). Но в условиях Латинской Америки это не давало реальной возможности обеспечить ноездку делегатов нолностью. Телеграммы Кодовильи Пенелону, денутату Пересу Лейросу (Буэнос-Айрес), Фрицу Баху (Мехико) // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 25. Л. 47, 53; Правда. 1927. 28 сентября.

¹ Известия. 1927. 11 октября.

² Известия 1927. 5 ноября. По оценке «Комсомольской иравды» (11 ноября 1927 г.), на конгрессе ириисутствовали 947 делегатов. Латинскую Америку в ирезидиуме конгресса иредставляли делегаты Аргентины, Мексики, Бразилии, Эквадора, Уругвая, Колумбии, Венесуэлы. Подробнее о конгрессе и участии в нем латиноамериканских делегатов см.: Хейфец Л.С. «Чтобы рассказать иравду о СССР» (Первые латиноамериканские делегации в Советском Союзе) // Латинская Америка. 1982. № 12.

³ Телеграмма иредседателя комиссии но международным связям ВЦСПС Яглома Алонсо, Профсоюзное Объединение Аргентины // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 105. Л. 70.

в нем делегатов Южной Америки¹. Так как празднованию с самого начала предполагалось придать характер масштабного события, не ограничивающегося рамками коммунистического движения, В. Кодовилья просил одного из лидеров СПА, главного редактора «La Vanguardia» А. Гиольди опубликовать материалы о юбилее в его газете. По тексту телеграммы можно судить о лицах, характере приглашаемых делегаций, а также об организациях, обеспечивавших их прием. ВЦСПС приглашал делегатов трех профцентров Аргентины (по 2 представителя от каждого), по одному представителю от двух уругвайских. Бразильская ВКТ могла послать трех человек. Советские профсоюзы были готовы принять по два рабочих делегата от Чили, Колумбии и Кубы, по одному – из Боливии, Перу, Парагвая, Эквадора. Со своей стороны Всероссийское объединение сельскохозяйственных кооперативов пригласило по два представителя Аргентинской Аграрной Федерации и Крестьянской Федерации Бразилии. Среди латиноамериканцев, приглашенных ВОКСом, были аргентинский денутат-социалист А. Паласиос, А. Кастинейрас и д-р К. Санчес Виамонте².

К организации широкого представительства Латинской Америки на праздновании были привлечены компартии, международные организации, лидеры латиноамериканских эмигрантских землячеств в различных странах. Так, например, находившийся в Париже кубинец Л. Фернандес Санчес по поручению Оргкомитета вел переговоры о возможности приезда в Москву с жившим в то время в Испании колумбийцем М. Варгасом Вила, лидером Кубинской ассоциации ветеранов и патриотов Э. Эрнандесом и его сыном, д-ром Э.А. Эрнандесом, одним из основателей НУ «Хосе Марти», уругвайцем К. Кихано, генеральным секретарем Всеобщей ассоциации латиноамериканских студентов (AGELA)³. Он же информировал Москву о невозможности из-за отсутствия средств выехать на празднование двух делегатов НРКК и просил срочно решить этот вопрос⁴.

¹ Телеграмма В. Кодовилья Пенелону. [Ранее 12 сентября 1927 г.] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 134. Д. 106. Л. 9.

² Телеграмма В. Кодовилья А. Гиольди // Там же. Он. 79. Д. 25. Л. 55; Телеграмма Кодовилья А. Кастинейрасу, 12 сентября 1927 г. // Там же. Л. 10; Телеграмма Кодовилья д-ру А. Паласиосу, 12 сентября 1927 г. // Там же. Л. 11. Приведенный выше список отражал картину по тем странам, которые в той или иной мере входили в орбиту влияния ЮАСКН.

³ По сообщению «Правды», К. Кихано (Центральная и Южная Америка), Э. Эрнандес (в тексте публикации Эссебой Хермансен), Э. Авилла Мартинес, Л. Фернандес Санчес (Куба), Х. Васконселос (Мексика), Варгас Вила (Колумбия) входили в делегацию колониальных народов. Правда. 1927. 21 октября.

⁴ Л. Фернандес Санчес обращал внимание Коминтерна на трудности, возникающие в связи с задержкой перевода денег, что оставляло Оргкомитету «время лишь для

Теоретически празднование 10-летия давало шанс заложить основы сотрудничества различных организаций левого толка в духе Единого фронта, предоставляло возможность обмениваться мнениями, найти общие подходы к проблемам развития революционного движения. Но на практике подход Коминтерна (а в случае с Латипской Америкой и личные качества В. Кодовильи, руководствовавшегося своими симпатиями и антипатиями) к подбору делегатов с самого начала минимизировал эти возможности. Провозгласив желание обеспечить максимально широкое участие в московских мероприятиях организаций и лиц, сочувствующих Октябрьской революции, III Интернационал добивался приезда в Москву удобных для него людей, готовых присоединиться к предлагаемым им идейно-политическим установкам.

Первоначальный отбор приглашаемых организаций Оргкомитет произвел, не выдвигая никаких условий по персональному составу делегаций¹, но еще на подготовительном этапе, узнав фамилии некоторых предполагаемых делегатов, Москва решила произвести селекцию. Кодовилья без объяснения причин своей позиции сделал выговор ЮАСКИ за *предложение без предварительной консультации* кандидатуры Б. Боссио в качестве делегата АИЛ Аргентины, предупредив, что «этот метод не приведет ни к чему серьезному», и потребовал предложить «другого левого интеллектуала, готового выехать немедленно в качестве представителя Лиги»². Аргентинский представитель при ИККИ также категорически отверг возможность приезда в Москву в качестве профсоюзного делегата «чисписта» Р. Греко как «сомнительной личности»³.

В результате кропотливой подготовительной работы удалось обеспечить участие в праздновании достаточно представительной делегации Латипской Америки. Никогда до этого момента в Москве не было одновременно столько латиноамериканцев. Из Аргентины приехали делегаты профсоюзов: члены ЦКУСА А. Биопди, М. Гарсиа, А. Резник, секретарь профсоюза строителей Буэнос-Айреса П. Малвестити, секретарь Совета профсоюзов провинции Кордоба А. Маруэнда. ФКМА представлял рабочий-мебельщик С. Эльгер, антиимпе-

того, чтобы назначить заранее делегатов и немедленно умудриться разыскать судно, отправляющееся сюда». Кубинец давал гарантию того, что средства, выделенные на поездку, не найдут на другие цели, а в случае если делегаты выехать не смогут, будут возвращены. Письмо Л. Фернандеса Санчеса В. Кодовилье. Париж, 3 октября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 25. Л. 30.

¹ За исключением представителей интеллигенции, которые сразу приглашались персонально.

² Телеграмма Кодовильи в Концентрус // Там же. Ф. 495. Он. 79. Д. 25. Л. 41.

³ Телеграмма В. Кодовильи Х. Пенелону // Там же. Л. 45.

риалистическую интеллигенцию – писатель М. Угarte¹ и журналист А. Орсабаль Киптапа.

В мексиканскую делегацию входили бывший сенатор Л. Монсон от КПМ и МОПР, представители нефтяников Тампико Х. Монтемайор и Р. Марэн, директор Национального музея М. Мендисабаль², С. Рамос от Национального университета, генеральный секретарь профсоюза железнодорожников и транспортников Э. Барриос, представители НКЛ П. Мендес и Х. Гуадалупе Родригес³, секретарь ЦК профсоюза горнорабочих Л. Сисперос. Как делегат железнодорожных рабочих Мексики в Москву приехал В. Видали (Контрерас), итальянский иммигрант, пезадолго до этого высланный из США за активное участие в защите Сакко и Ванцетти. Мексиканский художник-коммунист Д. Ривера представлял копипент в делегации Межрабпома и АИЛ. Кроме аргентинцев и мексиканцев в праздновании участвовали представители Колумбии (Г. Эрпапдес Родригес), Бразилии (Э. Феррейра Лима), Уругвая (М. Симоне и К. Имас), Эквадора (Р. Паредес), Венесуэлы (С. де ла Пласа и К. Фортуль), Кубы (Л. Ферпапдес Санчес), Гватемалы (Л. Вильягран), Чили (Р. Росас)⁴. В качестве гостя праздника был приглашен находившийся в Париже директор гавайской газеты «La Semana» С. Карбо⁵. По разным причинам некоторые приглашенные на празднование не смогли прибыть или не захотели воспользоваться возможностью побывать в СССР⁶.

¹ Приехал в СССР в составе международной делегации Лиги работников умственного труда и АИЛ.

² Даже для некоторых делегатов из стран, где левые организации действовали легально, поездка в СССР была связана с серьезными трудностями. М. Мендисабаль, например, мексиканские власти первоначально не разрешили выезд из страны. Отказ в разрешении на поездку // Правда. 1927. 21 октября.

³ При публикации списков латиноамериканских делегаций советская пресса допускала ошибки, свидетельствующие и об уровне представлений о континенте, и о недостатках информационной работы в Оргкомитете. Так, Х. Гуадалупе Родригес был назван Родригесом – «представителем рабочих организаций французской колонии Гвадалупа», Сальвадор де ла Пласа – «представителем Лиги борьбы против империализма и угнетенных колониальных народов в Сальвадоре». Правда. 1927. 13 октября.

⁴ Часть делегатов Латинской Америки (Элгер, Имас, Феррейра Лима, Фортуль, Эрпапдес) входила в группу, отобранную для учебы в МЛШ. Совмещение этих двух миссий было стимулировано с целью экономии средств.

⁵ С. Карбо опубликовал серию из 24 статей в «La Semana» и книгу «Поездка в Красную Россию» (1928).

⁶ Не приехали в Москву упоминавшиеся выше аргентинцы (Паласиос, Кастинейрас и Санчес Виамонте), а также д-р П.Х. де Сенедэ, доверенное лицо А.С. Сандино, приглашенный ВОКСом как представитель Либеральной партии Никарагуа, аргентинский депутат Перес Лейрос, бразильский профсоюзный лидер Ж. Пимента. Нет сведений об участии в торжествах председателя Федерации студентов Уругвая Ко-

Организаторам, песомпенно, удалось выполнитъ задачу по пропаганде идей и опыта Октябрьской революцiи. Уже в первом интервью на советской земле делегаты-рабочие из Аргентины лакопично сформулировали цель своей поездки: «Тщательно изучить опыт социалистического строительства, чтобы рассказать правду о СССР на многочисленных рабочих собраниях и через печать»¹. Такая возможность была в полной мере предоставлена иностранным гостям. Латипоамериканские делегаты совершили большую поездку по стране, побывали в Ленинграде, Одессе, Баку, Новониколаевске, Ростове-на-Дону, Харькове, где встречались с рабочими, крестьянами, представителями интеллигенции, бойцами и командирами Красной Армии, стремясь «удостовериться в том, что социалистические преобразования – дело рук живых людей, а не легенда». Они увидели то, что хотели увидеть: «сказочный фильм тяжелой и упорной борьбы, борьбы, которую еще недавно вели рабочие, туго затянув живот. На многоверстом экране мелькали индустриализовавшиеся города, деревни, идущие к новым формам хозяйствования, клубы, школы...»².

Позитивно оценили латиноамериканские гости опыт решения национального вопроса в Советском Союзе. А. Орсабаль, выступая в Баку, говорил: «Только в Советском Союзе мы видим, что национальности развиваются совершенно свободно. Мы это приписываем умелому руководству коммунистической партии... Мало кто из европейцев и американцев знал о существовании Азербайджана. Возможно, что эта страна прошла бы незамеченно в истории, если бы не произошла Октябрьская революция»³.

Латиноамериканским делегатам предоставили возможность присутствовать на заседаниях органов власти. Уругвайский профсоюзный активист М. Симоне приветствовал юбилейную сессию Ленсовета, обсуждавшую перспективы развития региона⁴. Корреспондент аргентинской газеты «Critica» Л. Рудницкий так описывал свои впечатления о работе сессии ВЦИК СССР: «...я впервые слышал т. Калинина, по мне кажется, что и привычный к разным выступлениям, он волновался... Без пафоса, без лишних пустых фраз он, как молотом, отбивает всякий изгиб пройденного пути. Без хва-

сионаментально, о приглашении которого писали газеты // Известия. 1927. 27 сентября; Правда. 1927. 27 октября; Телеграммы В. Кодоильны Пересу Лейросу, Ж. Пименте // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 25. Л. 49, 53.

¹ Красная газета (Ленинград). 1927. 1 ноября.

² Делегации крепят фронт обороны Советского Союза // Комсомольская правда. 1927. 6 ноября.

³ Бакинский рабочий. 1927. 23 и 24 ноября.

⁴ Пленум Ленинградского Совета // Красная газета (Ленинград). 1927. 1 ноября.

ствования, свойственного буржуазным политикам, он пачертил плап будущего... [В зале] преобладают одетые как рабочие, по немало и в пиджаках, в пациональных костюмах окраип... Но все удивительно умеют высказываться. Видно, что все чувствуют огромные обязаппости, возложенные на них не только страпой, по всемирным пролетариатом. Отсюда, по-моему, и едиподушие: пет личных амбиций, эгоистического желания провести свое собственное решение... Это резко отличается от... иптрижек буржуазных политикапов»¹.

Ипостраппых делегатов припимали советские государственные руководители, в беседах с которыми затрагивались различные проблемы: междунапародное положение и политика СССР, коллективизация сельского хозяйства и т. д. Во время встречи с гостями Сталин подчеркнул обязанность для советских работников «отчитываться перед своими братьями по классу по всем вопросам, по которым они пожелают получить ответ. Наше государство есть детище мирового пролетариата. Деятели нашего государства лишь выполняют свой долг по отношению к мировому пролетариату, когда отчитываются перед его представителями»².

Выступавший на Всемирном конгрессе друзей СССР от имени Латипской Америки М. Угарте обобщил впечатления от поездки и сформулировал общие с СССР задачи латиноамериканских сторопников Октября: «Перед нами две задачи – борьба с империализмом не путем узкого пационализма, а путем междунапародных коллективных усилий, и борьба против угнетающих классов за обновление нашего социального строя... Здесь, в СССР, мы нашли социальный опыт исключительного характера, паиболее грандиозный, паиболее важный и решающий из всех, какие когда-либо пытались производить в истории человечества»³. «Во всех страпах Латипской Америки, – говорил он в интервью газете “Правда”, – вызывает искреппее восхищение пример вашего парода, который сумел освободиться от хищнического ипостраппного капитала и стать пастоящим хозяипом на своей колоссальной территории»⁴.

В воззвании конгресса к трудящимся всего мира подчеркивалось, что «война против СССР означает войну против трудящихся всего мира, означает поддержку самой черпой междунапародной реакции в ее стремлении к уничтожению рабочего движения во всех страпах

¹ Правительство Советов и правительства буржуазии (впечатления аргентинского журналиста) // Комсомольская правда. 1927. 20 октября.

² Беседа Сталина с иностраппыми делегатами. 5.11.1927 // Ленинградская правда. 1927. 13 ноября.

³ Всемирный конгресс друзей СССР // Правда. 1927. 13 ноября.

⁴ Впечатления иностраппых делегатов // Правда. 1927. 10 ноября.

и к подавлению освободительной борьбы угнетенных народов», и содержался призыв защищать «родину трудящихся, оплот мира, очаг освобождения, крепость социализма, всеми средствами, всеми способами!»¹. Представители латиноамериканской делегации на конгрессе сделали отдельное заявление, где решительно отвергали «сказки о неспособности пролетариата руководить экономической и политической жизнью государства», что подтверждает «живой русский опыт». Делегация заявила о необходимости поддержать Советский Союз, создавший базу социального обновления в мире, и защитить его от пападок империалистических держав².

Латиноамериканские делегаты делились впечатлениями о пребывании в СССР в прессе, на митингах и собраниях. Эта традиция существовала с начала контактов латиноамериканских революционных организаций с Коминтерном и СССР. Практически все делегаты компартий и профсоюзов, побывавшие в Москве, приняли участие в пропаганде опыта советского строительства и идей III Интернационала. Л.Э. Рекабаррен, участвовавший в IV конгрессе Коминтерна и II конгрессе Профинтерна, писал о поездке в СССР: «...я поехал туда, чтобы увидеть, что сделано там к настоящему времени по созданию условий, которые привели бы пролетариат к построению коммунизма. Таким образом, я ехал не затем, чтобы увидеть коммунизм в действии, как некоторые паивно или со злым умыслом хотят представить. Повторяю, я ехал, горячо желая увидеть, сколь далеко продвинулась работа по подготовке к строительству коммунистического общества»³.

Информацию об опыте строительства социализма чилийцы узнавали из статей Рекабаррена в «Nación», которые легли в основу его книг «Что я видел в России» и «Рабоче-крестьянская Россия», аргентинцы из корреспонденций М. Александровского и Р. Гиольди в «La Internacional». На страницах газеты «Justicia» делился своими впечатлениями о пребывании в Советской России делегат КПУ на IV конгрессе Коминтерна Ф. Пинтос. Серию статей Х.А. Мельи, посетившего СССР после брюссельского антиимпериалистического конгресса, опубликовала газета КПМ «El Machete».

С докладами о Советской России Р. Гиольди выступал на IV съезде КПА, Ф. Пинтос – на IX съезде компартии Уругвая⁴. О встрече с В.И. Лениным, о политике партии большевиков рассказал делега-

¹ Известия, 1927, 15 ноября.

² Заявление латиноамериканской делегации // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 26. Л. 4.

³ Рекабаррен Л.Э. Избранные статьи и речи. М., 1977. С. 144.

⁴ Гиольди Р. Избранные статьи и речи. М., 1979. С. 14; Пинтос Ф.Р. Влияние ленинизма на рабочее движение Уругвая // Новая и новейшая история. 1960. № 2. С. 92.

там конгресса ВКТ Мексики (1921) М. Диас Рамирес¹. Для пропагандистских акций устраивались митинги и собрания в рабочих клубах, кинотеатрах, помещениях профсоюзов².

1927 г. оставил глубокий след в истории развития отношений между СССР, Коминтерном и левым движением Латинской Америки, стал вехой в процессе взаимного «открытия». Это была встреча двух потоков революционного движения, придавшая импульс развитию идейных и организационных связей латиноамериканских революционеров с Коминтерном, большевистской партией и между собой. Участие делегатов Латинской Америки в праздновании 10-летия Октября не только способствовало расширению информированности мировой общественности об СССР, но и дало толчок распространению широкого потока информации о ситуации в Новом Свете, революционном движении континента. Никогда раньше не писала так много советская и международная рабочая пресса о Латинской Америке. Интервью, выступления на рабочих митингах, речи на Конгрессе друзей СССР публиковали советские газеты, центральные и местные. Рассказывая о гостях Советского Союза, газеты информировали читателей об их страхах, революционных организациях, которые они представляли. Газета «Труд», журнал «Международное рабочее движение» поместили подробные отчеты делегатов революционных профсоюзов Мексики, Уругвая, Бразилии, Венесуэлы, Аргентины, Эквадора, Чили, Колумбии, Кубы, сделанными Исполнительному бюро Профинтерна.

С этого времени тема революционного движения в Латинской Америке стала постоянно и широко освещаться в советской прессе, читатель получил возможность все больше узнавать о жизни далекого континента. Несмотря на односторонность и идеологизированность информации, это, несомненно, стало прорывом в представлениях о латиноамериканской действительности и дало импульс к началу серьезных научных исследований в области латиноамериканистики.

¹ Salazar R., Escobedo J.G. Las pugnas de la gleba (Los albores del movimiento obrero en México), 1972. P. 401–403.

² Музей современной истории России // Ф. 11811/51а. Л. 353–11В; Ф. 11811/51б. Л. 354–11В; Ф. 11811/29. Л. 354–11В. Листовки, хранящиеся в Музее современной истории России, призывают трудящихся встретиться с М. Контерасом, делегатом V конгресса Коминтерна 8 ноября 1924 г. в библиотеке «Свет для народа», 11 ноября – в салоне Итальянского общества, чтобы послушать его впечатления о «красной России». Другая листовка приглашает членов идиоматических коммунистических групп послушать выступление аргентинского представителя в Коминтерне Р. Гюльди о решении национального вопроса в СССР.

Реализация идеологической сверхзадачи юбилейных торжеств могла создать основу для диалога различных секторов левого, антиимпериалистического движения Латинской Америки, что было едва ли поставлено на грань провала личными качествами Кодовильи и его пониманием принципов формирования единого фронта в связи с иницинированным им «делом Греко», которое создало серьезные проблемы в отношениях компартий с профсоюзами и другими левыми организациями. Вопреки усилиям Кодовильи УСА направила на Конгресс «чисписта» Р. Греко, исходя, видимо, из буквального понимания публично выраженного Москвой желания собрать на праздновании представителей организаций, проявляющих искренние чувства солидарности с СССР. Аргентинский делегат в ИККИ явно воспринял этот демарш как личное оскорбление и отдал распоряжение не допускать своего бывшего товарища по партии на Конгресс друзей СССР, воспользовавшись формальным предлогом – фамилии Греко не было в списках гостей ни одной из приглашающих организаций¹.

Кодовилья организовал коллективное письмо в Оргкомитет празднования группы латиноамериканских делегатов, протестовавших против присутствия в Москве «гражданина Рафаэля Греко, который по характеру своей деятельности в профсоюзах и в области политики и по методам борьбы, которые применяет, может считаться агентом хозяев (буржуазии)». Греко обвинялся в участии в группе, подготовившей убийство секретаря ЮАСКИМ Э. Мюллера, в оказании давления с помощью вооруженных людей на профсоюзные собрания, «препятству в препятствовании «активным революционерам сыграть какую-либо руководящую роль в профсоюзах, хотя они и составляют большинство», в изгнании из профсоюзных организаций коммунистов и сочувствующих. Непростительным для участника празднования обстоятельством авторы письма считали его принадлежность к КРПА («Chispa»), «объединяющей все отбросы профсоюзного и политического движения страны, члены которой многократно были охарактеризованы Коммунистическим Интернационалом как хозяйские (буржуазные) агенты за раскольническую деятельность, которую пытаются проводить в революционных организациях Латинской Америки»².

¹ Объяснения Гей К. Пятницкому. 17 декабря 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 190. Д. 137. Рафаэль Греко.

² В комиссию по организации делегаций к десятилетию Советской революции. Москва, 8 ноября 1927 г. // Там же.

Знание подробностей жизненного пути Греко подсказывает, что письмо написано при участии самого Кодовильи.

По этим причинам делегаты, подписавшие письмо, объявили Греко «пежелательным элементом в рабочем движении» и отказались иметь с ним какие-либо отношения, считая целью его поездки в СССР «приобрести “значимость” для продолжения контрреволюционной деятельности по возвращении в Аргентину»¹. По требованию Кодовиллы этот документ не был представлен Президиуму конгресса, когда же профсоюз металлистов Аргентины потребовал объяснений о мотивах высылки Греко из СССР и было начато расследование, ответственный работник ВЦСПС К. Гей, подпись которого стояла под телеграммой, в растерянности писал руководителям ИККИ О. Пятницкому и М. Хеймо: «Никакой телеграммы в Аргентину по вопросу о Греко не подписывал и не отправлял и никого на подпись не уполномочивал... как объяснить эти причины – не знаю». Он просил сообщить, какая переписка происходила по этому вопросу в Коминтерне, «содержание и подпись того лица, которое отправляло телеграмму»; настаивал на «установлении определенной мотивировки высылки Греко» и на исключении повторения подобных случаев².

Несмотря на сделанный в телеграмме Оргкомитета акцент на то, что высылка Греко «не является враждебным действием против США, делегаты которого желанные гости в Советском Союзе, который их горячо принимает», аргентинский профцентр выразил решительный протест против этой меры, «совершенно не применимой к пролетарскому представителю», и потребовал объяснить мотивы принятого в Москве решения³. Лозовский, крайне обеспокоенный этим демаршем, обратился за разъяснениями в Политсекретариат ИККИ, особо указав на то, что «высылка состоялась по настоянию т. Кодовиллы и вопрос этот волнует значительные слои революционных рабочих Буэнос-Айреса». Такое «исключительное мероприятие по отношению к представителю Рабочей организации» требовало, по мнению генерального секретаря Профинтерна, серьезного фактического обоснования, а при отсутствии такового – извинения перед местным

¹ В тексте документа указано, что под письмом стоят 14 подписей (без указания фамилий) делегатов Чили, Кубы, Аргентины, Мексики, Уругвая, Венесуэлы, Эквадора, Бразилии, Колумбии. В комиссии по организации делегаций к десятилетию Советской революции, Москва, 8 ноября 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 190. Д. 137. Рафаэль Греко.

² Объяснения Гей К. Пятницкому. 17 декабря 1927 г.; Объяснительная записка К. Гей в Секретариат ИККИ, Хеймо. 8 декабря 1927 г. // Там же.

³ Телеграмма К. Гей в Аргентину; Телеграмма Т. Гонсалеса, генерального секретаря УСА, С. Лозовскому. 27 января 1928 г. // Там же.

Одновременно от имени Комиссии по организации празднования была направлена телеграмма в ЮАСКИ, извещавшая о высылке Греко, с просьбой сообщить об этом революционной прессе Латинской Америки. Телеграмма Гарл[анди] Пенелону. 23 ноября 1927 г. // Там же. Оп. 134. Д. 105. Л. 42.

объединением профсоюзов Буэнос-Айреса и отмены принятой против Греко меры¹.

Расследование показало, что Греко приехал в Москву вопреки послапной в советское полпредство в Берлине директиве об отказе ему в визе. Для выяснения обстоятельств дела была создана комиссия во главе с Мапуильским, которая приняла 13 или 14 поября решение об его депортации. Телеграмму в Буэнос-Айрес о мотивах высылки составил Кодовилья, передавший ее для утверждения в узкую комиссию Секретариата ИККИ, которая сочла необходимым отстрапиться от принятия решения, указав при этом, что подписать телеграмму должна не комиссия Мапуильского, а комиссия по приему ипострапных делегатов. Через несколько дней Кодовилья представил отредактированную телеграмму за подписью Гея, с которым этот вопрос даже не был согласован².

«Дело Греко» еще долго не сходило с повестки для латиноамериканского революционного движения, создавая двусмысленную ситуацию в отношениях III Интернационала и Профинтерна с некоторыми рабочими организациями. Поэтому ИККИ настойчиво требовал разъяснить возникшую коллизию и убедить людей, сомневавшихся в искренности отношения Коминтерна к Единому фронту, в справедливости принятого решения, опубликовав в партийной прессе принятую в Москве резолюцию³. Кодовилья, к этому времени верпупшемся в Аргентину, удалось дезавуировать Греко в его собственном профсоюзе, добившись отклонения его доклада о поездке в СССР. Это вовсе не означало окончательной победы над «чиспистом», и, понимая уязвимость своей позиции, секретарь ЮАСКИ сделал аппаратный ход, благоприятно воспринятый московским руководством. В своем отчете он, как бы между делом, указал: «Мы забыли сказать, что делегат профсоюза, ездивший в Москву, высказался в разгаре дискуссии, что Греко во время своего короткого визита в Москву связался с «видным деятелем» оппозиции. Но этот делегат А.П.О.

¹ Письмо А. Лозовского в Политсекретариат ИККИ [Эмберу-Дро], 27 января 1928 г. // Там же. Он. 190. Д. 137. Рафаэль Греко.

² То, что было бы естественным в обычных обстоятельствах (один работник Оргкомитета подинсал телеграмму за другого, чтобы ускорить ее отпавку), в случае с Греко приобретало иной характер. В «деле Греко» была явная политическая подоплека, и Кодовилья, не желавший афишировать в Аргентине свое участие, подставил К. Гея, переложив на того политическую ответственность за принятое им [Кодовильей], решение. Письмо заведующего Бюро Секретариата ИККИ М. Хеймо в Орготдел Профинтерна, товарищу Гею, Москва, 14 декабря 1927 г. // Там же.

³ Письмо Ж. Эмбер-Дро в Центральный комитет Коммунистической партии, Москва, 3 марта 1928 г. // Там же. Он. 79. Д. 43. Л. 2. Письмо было направлено в Буэнос-Айрес, Монтевидео и Мехико.

[Профсоюзного объединения Аргентины] не пазвал имени, сказав, что забыл его»¹. Недвусмысленный памет па встречу Греко с Троцким или Зиновьевым (или с кем-то из их соратников) был безошибочным ударом по репутации аргентинского профсоюзного деятеля. И не важно, что организовать такую встречу было практически невозможно, учитывая особое положение Греко в Москве, где он паходился под неусыпным оком компетентных советских органов. Атмосфера недоверия к оппозиционерам была уже настолько густой, что проводить расследование пикто и не стал. Одного подозрения, посеянного Кодовильей, было достаточно.

Главным для Москвы было то, что «дело Греко» не смогло помешать решению стратегически важной па тот момент задачи по созданию основ единого латиноамериканского профцентра. Профинтерп по инициативе профсоюзных делегатов – участников празднования 10-летия, провел конференцию, па которой было принято решение о создании Латиноамериканского секретариата профсоюзов и созыве в Монтевидео континентальной профсоюзной конференции². В резолюции, подписанной представителями 11 профсоюзных и крестьянских организации Аргентины, Уругвая, Колумбии, Кубы, Чили и Эквадора³, говорилось о необходимости «пачать подготовительную работу во всех странах Америки по объединению всех профсоюзных классовых организаций для борьбы против империализма Соединенных Штатов, против империалистической ПАФТ (Папанериканской федерации труда), против паступления национальной буржуазии, за установление братских тесных связей с международным рабочим движением, за создание всеобъемлющего классового интернационала, объединяющего профсоюзы всех стран, всех рас и всех континентов, чтобы совместными усилиями бороться против империалистических войн и за полное освобождение труда от власти капитала»⁴.

Профинтерп продемонстрировал максимальную оперативность и организованность в деле реализации идеи Латиноамериканского профсоюзного конгресса. Уже в феврале 1928 г. Лозовский обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой выделить из бюджета КИП расходы для работы па Тихоокеанском побережье и в Латинской

¹ Письмо секретаря ЮАСКИ В. Кодовильи в Латинский секретариат Коминтерна [Эмберу-Дро]. Буэнос-Айрес, 5 сентября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 19. Л. 37.

² Правда, 1927. 13 декабря.

³ Делегаты еще трех профсоюзных организаций присоединились к решениям совещания, но не смогли подписать документ из-за отъезда из СССР.

⁴ Донский Г. Борьба за Латинскую Америку. М.: Л., 1928. С. 60.

Америке как имеющие первостепенное значение¹. Убедительными доводами в пользу такого решения были результаты работы ТОС, который паряду с продолжением работы в Китае сумел привлечь на сторону КИП профсоюзы Филиппин и Австралии, установил связи с рабочим движением Индии, паладил в Китае издание журнала на английском языке «Тихоокеанский рабочий». Для активизации деятельности в этом регионе предполагалось создать центр в Шанхае, организовать там издательство и для его легальности открыть Институт по изучению промышленности и сельского хозяйства Дальнего Востока во главе с американцем Э. Браудером. По оценке Лозовского, ТОС имел «небольшой, но прекрасный нелегальный и полулегальный аппарат в Шанхае»². Латипоамериканский секретариат планировалось создавать по образу и подобию ТОС, и два секретариата должны были тесно сотрудничать³.

Отвечая на поручение Политбюро сформулировать мнение о необходимости работы этих двух секретариатов и дать оценку валютной смете, Лозовский отметил важность функционирования обеих региональных структур: «Возникающий Латипоамериканский секретариат имеет огромное значение для всего рабочего движения Латипской Америки и заслуживает всяческой поддержки»⁴. Пытаясь убедить руководство ВКП(б) в необходимости увеличить расходы на латипоамериканскую работу с 5133 до 72 тыс. инвалютных рублей⁵,

¹ Докладная записка Лозовского в Политбюро ЦК ВКП(б) «О смете для работы на Тихоокеанском побережье и в Латипской Америке». 13 февраля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 8. Д. 94. Л. 1.

² Руководителем всей нелегальной работы Профинтерна на Дальнем Востоке (Япония, Китай, Индонезия и др.) был в этот период К. Янсон.

³ Для интенсификации работы ТОС было решено дополнительно организовать офис в Сан-Франциско, поручив Г. Джорджу, как знающему испанский язык, «поддерживать сношения со всеми латипскими странами Тихоокеанского побережья». Однако Политбюро американской компартии отвергло предложение о переезде Г. Джорджа на работу в Сан-Франциско, что в Профинтерне расценили как открытый саботаж антиимпериалистической работы, который «может принести пользу только американскому империализму». Записка А. Лозовского в Политсекретариат НККИ (Пятницкому) «О работе Браудера и Гаррисона Джорджа». 9 февраля 1929 г. // Там же. Ф. 495. Он. 3. Д. 143. Л. 36.

⁴ Докладная записка А. Лозовского в Политбюро ЦК ВКП(б) «О валютной смете Тихоокеанского и Латипского секретариатов профсоюзов». Москва, 2 марта 1928 г. // Там же. Ф. 534. Он. 8. Д. 94. Л. 7.

⁵ По сравнению с расходами предыдущего года это было самое резкое увеличение бюджета для региона. В общем балансе Профинтерна на 1928 г. латипоамериканская ноция составила 8,5 %, а в 1927 г. менее 1 %. Приложение к докладной записке тов. Лозовского. 13 февраля 1928 г. // Там же. Л. 2. В действительности Латипоамериканский секретариат, скорей всего, получил значительно меньше. В столбце сметы без названия указана сумма 30 000. По-видимому, эта цифра и отразала ту ноцию, на

Лозовский, в то же время хорошо зная правила аппаратной игры, предусматривавшие «рачительное отношение к расходованию народных денег» из бюджета СССР, предложил сокращение общего бюджета Профинтерпа на 10 %.

Партийная бюрократическая процедура тормозила уже запущенный механизм работы Профинтерпа в Латинской Америке. По плану Лозовского сразу же после окончания Латипоамериканской профсоюзной конференции в Москве 5–6 человек должны были отправиться для объезда всех стран Латинской Америки с целью подготовки континентальной конференции в Монтевидео. Отсутствие решения о бюджете связывало Бюро КИП по рукам и ногам¹.

Уже после учреждения Латипоамериканского секретариата КИП Лозовский вновь обратился за поддержкой к руководству ВКП(б), обращая внимания большевистских вождей, что для нормальной работы регионального органа нужно «*обязательно иметь своих людей*». В качестве кандидатов в комиссары Секретариата от большевиков, которые должны были поехать на нелегальную работу в сотрудничестве с «местными товарищами и при постоянной поддержке со стороны Профинтерпа», он называл М. Хаскина и К. Духовного².

Организационный импульс идее создания континентального центра классовых профсоюзов был дан Второй Латипоамериканской профсоюзной конференцией, проведенной в апреле 1928 г. после окончания работы IV конгресса Профинтерпа. В ней участвовали уже 27 делегатов от 10 стран (Мексики, Чили, Кубы, Колумбии, Аргентины, Уругвая, Эквадора, Перу, Бразилии, Венесуэлы). В качестве гостей присутствовали генеральный секретарь КИП А. Лозовский, представители УВКТ Франции О. Эркле, Г. Монмуссо, Делобель; делегаты ВКТ Италии Сантини и Дж. Джерманетто; Г. Джордж и Дэпп из Лиги Профсоюзной пропаганды Соединенных Штатов; делегаты профсоюзов Востока, Англии, Германии, Чехословакии³. Важной особенностью конференции было участие в ней (как и в конгрессе Профинтерпа) не только коммунистов, но и представителей профсоюзных организаций, не контролировавшихся компартиями. На продолжавшейся шесть дней встрече все делегации сделали сообщения о профсоюзном движении своих стран, чтобы выявить направление

которую мог рассчитывать КИП. Но даже в этом случае расходы увеличивались почти в 6 раз.

¹ Записка [Лозовского] в Секретариат ЦК ВКП(б) [Коссиору], 12 апреля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 8. Д. 94. Л. 12.

² Там же. Л. 21.

³ Акт о создании Комитета содействия Латипо-Американской конфедерации труда, осуществленного в понедельник, 3 сентября 1928 г. // Там же. Он. 4. Д. 219. Л. 105–106.

развития латиноамериканского движения; провели дискуссию о проблемах организации профсоюзов, тактике борьбы за права трудящихся и рассмотрели недостатки развития организованного рабочего движения. Среди проблем, стоявших на повестке дня, были вопросы о положении крестьян и аграрного пролетариата и борьбы против империализма¹.

По мнению Лозовского, профсоюзы большинства стран «еще не вышли из национальных рамок и поэтому были почти полностью лишены связи с континентальным и международным профсоюзным движением. Аргентинцы очень мало знали о положении в Колумбии, бразильцы — на Кубе, перуанцы — в Гватемале, и т. д.»². Генеральный секретарь Профинтерна говорил, что для латиноамериканского рабочего движения характерны «взлеты и падения, резкие и очень быстрые, даже неожиданные. Начинается движение, охватывает большое число рабочих, но длится недолго и оказывается разгромленным за несколько дней. В латинских странах мы находим революционный темперамент, по революционного темперамента мало для достижения победы. Его, возможно, достаточно для проведения 24-часовой забастовки, но недостаточно для достижения победы над буржуазией. Кроме того, движению во всех латинских странах свойственна характерная первность; это движение начинается хорошо, но потом не знает, как окончится». Считая одной из важнейших задач рабочего движения борьбу против империализма, самым большим и сильным союзником в этой борьбе Лозовский признал «огромную массу крестьян, многие из которых еще находятся в состоянии рабства, огромную массу крестьян, которые еще находятся под феодальным режимом», отметил «определенную роль» в антиимпериалистическом движении мелкой буржуазии и интеллигенции, которых «необходимо использовать с известной осторожностью»³.

Оценивая работу конференции, Лозовский сравнил ее со «вторым открытием Америки» и признал, что в Коминтерне и КИП недостаточно знали о ситуации в рабочем движении континента, об «этом огромном резерве антиимпериалистической энергии, об этих огромных революционных силах, которые хотя, возможно, и находятся в примитивном состоянии, но обещают многое и имеют большие перспективы»⁴.

¹ Подробная информация о Второй конференции профсоюзов Латинской Америки публиковалась в советской прессе. Труд. 1928. 8, 10, 11, 12, 13 апреля.

² Losovsky A. El movimiento sindical Latino Americano. Sus virtudes y sus defectos. Montevideo, Comité Pro Confederación Sindical Latino Americano, 1929. P. 1.

³ Ibid. P. 11–12, 26.

⁴ Ibid. P. 51; X пленум Исполкома Коминтерна. Вып. 3: Экономическая борьба и задачи компартии. М., 1929. С. 87.

Делегаты конференции предложили Профинтерну взять на себя инициативу созыва учредительного конгресса Латиноамериканской профсоюзной конфедерации¹. Была назначена дата – 15 мая 1929 г., место проведения – Монтевидео, сформирован подготовительный комитет конгресса (Временный секретариат ЛАПК), в который были включены представители Аргентины, Бразилии, Кубы, Колумбии, Чили, Эквадора, Мексики, Перу, Венесуэлы, Уругвая, Франции, Италии, ТОС². Признавалось необходимым для организации общей борьбы против империализма США и Великобритании участие в подготовке конгресса революционных профсоюзов этих стран³. Комитетом был учрежден постоянный орган с резиденцией в Монтевидео и его Карибский субкомитет в Мехико, в задачи которых входила координация практической подготовки конгресса и информация о ней всех заинтересованных организаций⁴. Организации-учредители договорилось, что у них не будет исполнительных функций, что оставляло, таким образом, за предстоящим конгрессом право определить полномочия Конфедерации и ее директивных органов без различия группировок и вне зависимости от ожесточенной борьбы различных течений, разделяющих рабочее движение Латинской Америки. Это было категорическим предварительным условием привлечения для участия в конгрессе и в деятельности будущей ЛАПК «всех революционных союзов с различными мнениями, придерживающихся принципов классовой борьбы и необходимости национального и международного единства для борьбы против реакции и империализма и освобождения трудящихся по всему миру»⁵.

¹ Как указано выше, интенсивная работа Профинтерна в этом направлении началась еще до Второй конференции, обсуждение этого вопроса было вызвано необходимостью sobлюдности формальности.

² В Москве происходило совещание ТОС с участием латиноамериканских делегатов, одним из итогов которого стала декларация о присоединении профсоюзов – участников Второй конференции к ТОС. Труд. 1928. 14 и 18 апреля.

³ Конференция профсоюзов Латинской Америки // Труд. 1928. 13 апреля.

⁴ Учредительное заседание Комитета состоялось 3 сентября 1929 г. в Монтевидео. Уругвайская столица была избрана в качестве резиденции Комитета из-за возможности действовать там легально и в связи с наличием у уругвайцев опыта проведения международных профсоюзных встреч (в 1926 г. в Монтевидео происходил Континентальный конгресс моряков с участием делегатов ИРМ США, Чили, профсоюзов Бразилии, Уругвая, советского профсоюза транспортных рабочих и Профинтерна). Акт о создании Комитета содействия Латинско-Американской конфедерации труда, осуществленного в понедельник, 3 сентября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 4. Д. 219. Л. 106–107; Пинтос Ф.Р. Профсоюзное движение в Уругвае. М., 1964. С. 181.

⁵ Письмо генерального секретаря Латиноамериканского профсоюзного комитета М. Контераса в Секретариат КИП, Лозовскому, Монтевидео, 7 сентября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 19. Л. 47.

Членами подготовительных органов конгресса стали не только видные деятели компартий и находящихся под их контролем профсоюзов, но и руководители рабочих организаций разных направлений, участвовавших в деятельности Профинтерна или сочувствовавших ему, проявлявших солидарность с СССР. Символом будущего единения стало председательство на учредительном заседании Комитета А. Бионди, представителя УСА, присоединившейся к московскому манифесту¹. Участники заседания не идеализировали ситуацию, осознавали вероятность возникновения разногласий как результат прошлой борьбы течений в отдельных странах и в рабочем движении в целом, но считали возможным ликвидировать их на основе единства классовых профсоюзов. Комитет объявлял себя независимой организацией, в том числе и от Профинтерна, и выражал ему признательность за инициативу московских конференций и готовность сотрудничать с ним и УВКТ Франции, организациями «из-за их революционного духа наиболее близкими ЛАПК»².

Но тенденция к единству с самого начала была ограничена определенными рамками. Говоря о необходимости связаться не только со всеми профсоюзными центрами, но и с отдельными профсоюзами, «без различия течений», оргкомитет призывал провести национальные конгрессы сторонников участия в форуме Монтевидео для «унификации всех течений». Считаясь с возможностью «отправки в корзину» своих приглашений руководителями некоторых профцентров, Комитет решил обращаться напрямую к входящим в них профсоюзам, но только после отказа профцентров присоединиться к участникам конгресса³. Приглашая в Монтевидео, например, аргентинские Конфедерацию аргентинских рабочих и ФОРА, Комитет исходил из минимальной возможности их участия, учитывая стремление первого стать основой Иberoамериканской профсоюзной федерации, ориентированной на Железу, и желание второго созвать при поддержке Амстердама проанархистский континентальный профсоюзный конгресс, а в случае с КРОМ Комитет рассчитывал не на реформистское центральное руководство, а на «сильное революционное меньшинство»⁴.

В самом Комитете взаимоотношения представителей разных профсоюзных течений были весьма своеобразными. С одной сторо-

¹ Акт о создании Комитета содействия Латино-Американской конфедерации труда, осуществленного в понедельник, 3 сентября 1928 г. // Там же. Ф. 534. Оп. 4. Д. 219. Л. 105.

² Там же. Л. 109.

³ Там же. Л. 110. Приглашения участвовать в конгрессе были направлены более чем 300 национальным центрам и отдельным профсоюзам.

⁴ Там же. Л. 112.

пы, Биопди, как бы проверяя на искренность декларации коммунистов о готовности к единым действиям, в качестве первой совместной пропагандистской акции предложил провести международную кампанию за освобождение анархиста С. Радовницкого¹. С другой стороны, представитель УСА совершенно спокойно отнесся к перспективе финансирования подготовки к конгрессу Профинтерном и левыми профсоюзами Франции, США и Великобритании. В то время как уругвайский коммунист Э. Гомес говорил о необходимости «некоего такта» в освещении финансового вопроса во избежание протестов в связи с вмешательством Профинтерна в работу Комитета, Биопди не видел в этом повод для возмущения: «Весь мир знает о благоприятном отношении КИП к конференции»².

Непростым оказался выбор названия комитета. В резолюции московской конференции речь шла о «Комитете по созыву Учредительного конгресса Латиноамериканской Контипенентальной организации». Такое название, не несущее пропагандистской нагрузки, не устраивало организаторов, которые учитывали противостояние с Амстердамским и Жевевским интернационалами, планировавшими создать свои континентальные федерации. Появилась необходимость короткого названия, как заявил Э. Гомес, отражающего боевой дух трудящихся. По его предложению было принято название «Комитет за Латиноамериканскую профсоюзную конфедерацию»³.

В Бюро, созданное для осуществления повседневной работы, были введены люди, имевшие возможность более или менее постоянно находиться в Монтевидео: аргентинец М. Контрерас, избранный генеральным секретарем Комитета, уругвайцы Э. Гомес и Х. Льюка. Особо отмечались участие в работе Комитета его технического секретаря К. Духовне, сотрудника Профинтерна, «получающего зарплату прямо в КИП» и направленного из Москвы *по просьбе организаторов конгресса*, а также роль представителя УВКТ Франции, готовой помогать во всех начинаниях Комитета и поддерживать его экономически. В учредительных документах не названо имя делегата французских профсоюзов и не совсем ясно, знали ли коммунистические участники заседания, что делегат УВКТ «Морис Дюфор» на самом деле полномочный представитель Профинтерна, член

¹ Искаро Р. Рабочее и профсоюзное движение Аргентины: история и развитие. М., 1978. С. 121–125; Bayer O. Los anarquistas expropiadores, Simón Radowitzky y otros ensayos. Buenos Aires, 1975. P. 79–119.

² Акт о создании Комитета содействия Латинско-Американской конфедерации труда, осуществленного в понедельник, 3 сентября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 219. Л. 114.

³ Там же. Л. 110–111.

ЮАСКИ М. Хаскип, практически возглавивший всю организационную работу.

Во всех странах, рабочие организации которых были представлены в комитете, должны были создаваться комитеты содействия созыву континентального конгресса классовых профсоюзов. Для расширения пропагандистских возможностей Комитет учредил журнал «El Trabajador Latino Americano» и решил издавать «Малую профсоюзную библиотеку» – серию брошюр и книг о проблемах рабочего движения, имея в виду, что среди них будут работы Лабриолы, Сореля, Песташьи и др.

Во время подготовки континентального конгресса в Латинской Америке паходилаcя самая большая группа делегатов Профинтерна за всю историю международного объединения красных профсоюзов: О. Рабате – представитель в Южной Америке, Э. Ньюди и Р. Касапельяс – в Мексике, М. Хаскип и К. Духовле – в Монтевидео. Кроме них функции делегатов для стран Центральной и Карибской Америки имели члены Карибского субкомитета мексиканец Д.А. Сикейрос, кубинцы Л. Ферпапдес Санчес и С. Хупко.

Все коммунисты – участники подготовительной работы конгресса, делегаты Москвы, латиноамериканцы, назначенные Второй конференцией в оргкомитет, работали в тесном контакте с ЮАСКИ и компартиями. В этой совместной деятельности удалось добиться значительных результатов, но именно в пей также проявились многие недостатки и противоречия, изначально заложенные в структуру взаимоотношений III Интернационала и КИП, партий и профсоюзов.

6.2. Дискуссия в Коминтерне о проблемах революционного движения Латинской Америки

При знакомстве с документами VI конгресса Коминтерна, даже опубликованными, несерьезным представляется утверждение Р. Александера о его недостаточном внимании к латиноамериканским делам, об отсутствии на конгрессе «отдельной дискуссии о положении в этой части мира или по проблемам компартий Латинской Америки»¹. Более обстоятельно пишет о конгрессе В. Альба, но и в его анализе сквозит стремление доказать, что обсуждение проблем Латинской Америки на конгрессе будто бы свидетельствовало лишь о «неудаче политики большевизации», а принятые там решения отличались схематизмом. Альба заявляет, будто «Коминтерн никогда

¹ Alexander R. Communism in Latin America. New Brunswick, 1957. P. 35.

глубоко не интересовался событиями на континенте»¹. Показательно, что представители марксистского направления в историографии, авторы обобщающего труда по истории Коминтерна также упустили из вида обсуждение латиноамериканских проблем VI конгрессом, упомянув только доклад Куусинена и факт присоединения к III Интернационалу новых секций².

На самом деле к VI конгрессу руководство Коминтерна осознало важность революционного движения Латинской Америки для дела мировой революции и хотело подойти к всемирному форуму коммунистов с единым пониманием процессов на континенте, являвшемся для него до сих пор *terra incognita*. Теоретическая дискуссия о тенденциях развития латиноамериканского революционного движения развернулась еще до открытия конгресса внутри аппарата ИККИ и на страницах журнала «Коммунистический Интернационал», затронув в первую очередь вопросы типологии стран континента, характера латиноамериканской революции и обнажив по меньшей мере две проблемы: во-первых, в Коминтерне и его секциях не было единого понимания этих важнейших аспектов теории революционного движения, во-вторых, этого и быть не могло, поскольку отсутствовала научная база исследования: подготовкой теоретической основы деятельности компартий занимались, за редким исключением, дилетанты, которые по воле руководителей III Интернационала (или сами являлись таковыми) курировали в аппарате разные страны, но не имели возможности глубоко изучить специфику отдельных регионов, хотя нельзя не признать, стремились это делать, поскольку позволяла ситуация.

Одна из сложностей как раз и заключалась в отсутствии системного и планомерного характера этих исследований, проводившихся чаще всего в связи с чрезвычайными обстоятельствами, в обстановке штурмовщины (при подготовке вопросов для обсуждения в вышестоящих органах, выработке директив для партий и т. д.)³. Когда же аврал заканчивался, изучение проблемы откладывалось в долгий ящик,

¹ Alba V. Politics and Labor Movement in Latin America. Stanford, 1968. P. 122–125.

² Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 299–305.

³ Так, С. Минев (Стенавов) в вступлении к докладу Латинскому секретариату подчеркнул свою озабоченность необходимостью делать сообщение «одновременно по Латинской Америке, проникновению империализма в целом и по североамериканскому и британскому империализму в частности». Он отметил, что ему было бы легче сделать доклад по каждой латиноамериканской стране в отдельности, т. е. он «не смог ещё сконцентрировать весь материал с тем, чтобы сделать общие характеризующие выводы для всего комплекса латиноамериканских стран». Протокол заседания Секретариата латинских стран от 27 июня 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 37. Л. 3.

и к пей могли верпуться пескоро, и чаще всего пе те люди, которые изучали ее рапыше.

На выработке концепций отражалась и борьба течений внутри всемирной партии, стремление сторонников той или иной группы привести свое видение в ее программные документы. Нельзя сбрасывать со счетов и личные амбиции работников ИККИ, стремившихся укрепить свое положение в аппарате зачастую за счет устрания коллег. Суждения, цепой реализации которых могли стать судьбы революционных выступлений в Латинской Америке, были в значительной мере основаны на поверхностном анализе, аналогиях с европейскими или азиатскими странами, являлись не научными, а импрессионистскими.

Коминтерновские теоретики не могли вместить латиноамериканские реалии в прокрустово ложе своих представлений о формах зависимости стран континента. В предконгрессной дискуссии по этому вопросу приняли участие высшие руководители III Интернационала и ВКП(б). Анализируя подготовленный О. Куусиненом к конгрессу проект тезисов «О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах», И. Сталин отметил: «Не падо стараться охватить в тезисах все колонии, полукolonии и зависимые страны. Это задача, невыполнимая для тезисов. Нужно взять типичные (одну или две) колонии (Индия, Индонезия), полукolonии (Китай, Египет), зависимые страны (Мексика, Персия или какая-либо другая страна) и продемонстрировать на них путем анализа классовых сил (внутренних и внешних) основные линии работы коммунистов по колониально-пациальному вопросу на данной стадии развития» [подчеркнуто в документе. – В.Х., Л.Х.]¹. Таким образом, генеральный секретарь ВКП(б) выделял Мексику в качестве примера зависимых стран, не входящих в число колониальных и полуколониальных.

Эта оценка песколько сужала критерии форм зависимости, сформулированные В.И. Лениным: а) фипансово и политически самостоятельные страны; б) фипансово песамостоятельные, по политически самостоятельные страны; в) полукolonии; г) колонии и политически зависимые страны, а также возможности определить принадлежность латиноамериканских стран к той или иной категории². Страны Латинской Америки вождь большевиков относил к группам «б» и «г». В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»

¹ Письмо И.В. Сталина О. Куусинену о тезисах по национально-колониальному вопросу, представленных VI конгрессу Коминтерна. Сочин. 21 августа 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Он. 11. Д. 755. Л. 165–167. Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М., 2004. С. 546.

² Ленин В.И. Тетради по империализму // Ленин В.И. ПСС. Т. 28. С. 700.

Ленин отмечал, что для эпохи империализма типичны «не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансового и дипломатической зависимости. Одну из форм – полуколонии – мы уже указали раньше. Образцом другой является, например, Аргентина». Важно отметить, что и Ленин, и Сталин относили латиноамериканские страны (во всяком случае – Мексику и Аргентину) к особой форме зависимости, отличавшейся от полуколонииальной¹.

Опытный аппаратчик О. Куусинен, прислушавшись к сталинскому совету о сокращении текста проекта документа, счел за благо не детализировать этот вопрос. В докладе на конгрессе он отметил сложность задачи подразделения колоний и полуколоний на различные типы, наличие различных критериев и выразил надежду на то, что дальнейшее обсуждение проекта позволит «еще лучше развить это подразделение», не предложив при этом никакой основы для дискуссии².

Замечания Сталина к тезисам базировались на разработанном Бухариным при его участии проекте программы III Интернационала³, в который соавторы внедрили идею «тройного деления стран: на страны высокого капитализма, страны средне-капиталистические и страны колониальные и полуколонииальные», объяснив это деление типовым⁴. Такой взгляд объяснялся приобретением коммунистическим

¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк) // Ленин В.И. ПСС. Т. 27. С. 382–383.

Это прямое ленинское указание на необходимость широкой дифференциации форм зависимости было предано забвению после VI конгресса. В 1930-е гг. некоторые сторонники положения о полуколонииальном характере Латинской Америки толковали это высказывание настолько по-своему, что их выводы становились диаметрально противоположным духу и букве ленинского анализа. И.Г. Марков писал, цитируя В.И. Ленина: «...если даже Аргентина, экономически самая мощная страна ЮКА (Южной и Карибской Америки), является полуколонией, "опутанной сетями финансовой и политической зависимости", то тем более это верно в отношении всех прочих республик этого континента». Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934. С. 34. И.Г. Марков не заметил, что В.И. Ленин говорил об Аргентине как «образце другой» формы зависимости, отличной от полуколонии.

² Доклад тов. Куусинена о революционном движении в колониальных и полуколонииальных странах // Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4. Революционное движение в колониальных и полуколонииальных странах. М.; Л., 1929. С. 6.

³ Окончательно проект программы дорабатывала «узкая редакционная комиссия ИККИ» в составе Бухарина, Молотова, Скрынника, Эмбера-Дро, Ленина и Гюнтера. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерна. 1919–1943: Документы. С. 547.

⁴ Из доклада Н. Бухарина на пленуме ЦК ВКП(б) о проекте программы Коминтерна в связи с предстоящим его обсуждением на VI конгрессе. Москва, 5 июля 1928 г. //

движением «мирового размаха», диктующего необходимость решить круг конкретных задач, раньше не ставившихся перед Коминтерном, в том числе колониальный вопрос, который приобрел после II конгресса многообразие, имеющее «существеннейшее и нервноклассное значение для нашей политической практики».

По оценке Бухарина, речь шла о переходе Коминтерна из состояния «потенциально» интернационального движения к положению действительного «громадного раздвижения рамок нашей деятельности», идейному и организационному проникновению коммунизма «в такие уголки земного шара, которые поистине были «в сетях» в предыдущий период развития»¹. Регионам, заслуживающим самого пристального внимания, где III Интернационал начал по-настоящему закрепляться и «где растет спрос на коммунистическую пропаганду и коммунистическое руководство», Бухарин назвал Южную Америку «огромным и важным «уголком» земного шара». Он оценил «укрепление «коммунизма в таких странах, как Бразилия, Аргентина, Перу, Чили, Эквадор» как «крупнейшее приобретение, особенно в свете грядущих боев, которые развернутым фронтом поведет такое могучее капиталистическое государство, как Северо-Американские Соединенные Штаты, против сил революции».² С точки зрения авторов проекта программы, рост международного коммунистического движения, и не в последнюю очередь – за счет Латинской Америки, заставил их «чрезвычайно усилить, подчеркнуть мировой мотив, сделать его лейтмотивом, основной осью всего программного построения» [выделено в документе. – *В.Х., Л.Х.*]³.

Серьезным противоречием бухаринско-сталинского подхода к программе было стремление совместить «типовой» «троякий» подход, по сути, ограничивавший возможности учитывать особенности развития революции в каждой стране, с объявлением намерения идти по реальному пути построения в перспективе «не коммунизма «вообще», неизвестно где и как возникающего», а завоевания земного мира, разделения производительных сил между разными географическими пунктами соответственно климатическим условиям. «Это не покажется слишком дерзновенным, если вы будете иметь в виду наличие коммунистических партий в Аргентине, и в Кубе, и в Китае, и в других странах, партий, работающих в различных экономических и культурных условиях, – подчеркнул Бухарин, выступая

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 40–47. Цит. по: Коммунистический Интернационал и идея мировой революции: Документы. М., 1998. С. 653.

¹ Там же. С. 648.

² Там же. С. 649–650.

³ Там же. С. 650.

на пленуме ЦК ВКП(б), – получается, таким образом, действительно единая картина и с точки зрения стратегии движения к мировой диктатуре пролетариата, причем это достигается не за счет упрощения, не за счет штампования одним штаммом многообразных типов и проч., а с возможно более полным учетом своеобразия положения и специфичности отдельных партий. В то же время мы имеем единство стратегии [выделено в документе. – В.Х., Л.Х.], потому что движения рассматриваются как различные течения, входящие в общий международный революционный процесс»¹.

Утонченность этого подхода заключалась в непонимании руководством Коминтерна очевидности, с которой всемирная коммунистическая партия сталкивалась повседневно: III Интернационал не смог создать организационного механизма не только для реального руководства революционным движением в мировых масштабах, считаясь «со всеми особенностями каждой отдельной страны, с конкретной обстановкой, с конкретным движением, с конкретной партией и т. д.»², но даже для определения своеобразия положения и специфики деятельности отдельных партий в рамках единства стратегии, формулировок стратегии и тактики различных отрядов мирового коммунистического движения.

Ж. Эмбер-Дро пошел значительно дальше Сталина и Бухарина, категорически настаивая на необходимости при решении проблем Латинской Америки рассматривать страны континента как полуколониальные и подходить к ним под углом зрения тактики, применяемой Коминтерном в колониальных и полуколониальных странах. Руководитель Латинского секретариата подверг критике некоторых латиноамериканских коммунистов, которых «формальная политическая независимость их страны заставляет забывать о их полном экономическом порабощении иностранным империализмом»³.

В основу этого тезиса было положено утверждение о том, что политическая независимость стран Латинской Америки, завоеванная в XIX в., задолго до наступления империалистической эпохи, не

¹ Коммунистический Интернационал и идея мировой революции: Документы. С. 651–653.

² Там же. С. 654.

³ Эмбер-Дро. Несколько проблем революционного движения Латинской Америки // Коммунистический Интернационал, 1928, № 27–28, С. 104.

Уже на VI конгрессе Эмбер-Дро вспоминал, какие трудности возникли с представителем КПК (очевидно, речь шла о Х.А. Мелье), осуждавшим полуколониальный характер своей страны, в то время как работники ИККИ настаивали на том, что Куба – одна из наиболее типичных полуколоний американского империализма. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 6: Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах. М.: Л., 1929, С. 108.

ноложила начала их независимому капиталистическому развитию, и континент стал объектом эксплуатации со стороны английского, а затем американского империализма, превративших Латинскую Америку в арену ожесточенной борьбы, в которой чаша весов все более склоняется на сторону США. Важнейшим стратегическим выводом Эмбера-Дро являлось признание борьбы народов Латинской Америки против империализма одним из существенных факторов борьбы международного пролетариата с британским и североамериканским империализмом, осуществляющим свое господство опосредованно при помощи помещичьего класса и использующим для этой цели мелкобуржуазных революционных вождей, коррумпируя их всевозможными способами.

Некоторые латиноамериканские коммунисты с самого начала не согласились с предложенной руководством Коминтерна типологией. По мнению лидера компартии Эквадора Р. Паредеса, на континенте было 3–4 группы стран с одинаковыми экономическими отношениями, похожими политическими отношениями и похожим историческим развитием. К первой он отнес Аргентину, Уругвай, Чили и Бразилию; это страны со схожей экономикой, более развитыми, чем в других странах, индустрией и сельским хозяйством и преобладанием, несмотря на повседневное усиление позиций американского капитализма, английского капитала, с наличием в этих странах, главным образом в Аргентине и Уругвае, буржуазной демократии.

К другой группе он причислил Антильские острова, Кубу, Пуэрто-Рико и т. д., которые могли бы называться колониальными странами, где американцы создавали монокультурную экономику добычи полезных ископаемых и т. д. Третья группа, по типологии Паредеса, включала страны Центральной Америки и Мексику «с многочисленными сходствами, но также с многочисленными различиями». Он выделил также «болливийские» страны (Венесуэла, Колумбия и др.) с множеством схожих черт: крупными пережитками феодализма, промышленным производством, «находящимся в начальной стадии», считая очень важным наличие в этой группе стран с месторождениями нефти¹.

Паредес обратил внимание на различия латиноамериканских стран в связи с национальным вопросом, указав на то, что индейцы в странах, где они составляют значительную часть населения, являются важным фактором революционного движения в силу экономических условий, похожих на рабство, и так называемого «принижения индейской расы, ставящего индейцев в положение ниже

¹ Венесуэла занимала второе место в мире по нефтедобыче.

всего общества». Эквадорский коммунист привел пример успеха либеральной революции Э. Альфаро, установившей равные условия для представителей разных рас, и массового участия индейцев в движении Э. Санаты¹.

С. Гусев (С. Травин), полностью принявший подход Эмберадро к типологии латиноамериканских стран, по другому принципиально важному вопросу – оценке характера латиноамериканской революции – занял диаметрально противоположную позицию. В ходе дискуссии, развернувшейся в журнале «Коммунистический Интернационал»², советский коммунист предложил неожиданную и парадоксальную оценку характера революции в Латинской Америке. Считая характерными особенностями республик Латинской Америки слабость национальной буржуазии и отсутствие у нее революционности; молодость, малочисленность и невысокую сознательность промышленного пролетариата, не ставшего еще революционным классом и находящегося в значительной мере под влиянием анархо-синдикалистов и реформистов; наличие империалистского блока, эксплуатирующего все трудящиеся массы Латинской Америки, Гусев пришел к выводу об объективности стремления к созданию антиимпериалистического и антиимпериалистического революционного союза городского пролетариата и пролетарских масс в деревне, с одной стороны, и крестьянства, владеющего землей на основе общинной и частной собственности, а также на основе аренды, с другой. При этом слабость национальной буржуазии, по идее Гусева, облегчала образование рабоче-крестьянского блока в странах Латинской Америки, а основное препятствие его формирования и укрепления он видел в отсталости самого городского (в частности, индустриального) пролетариата. Катализатором же процесса создания рабоче-крестьянского союза он считал «быстрое наступление» империализма США, «ибо

¹ Протокол заседания Секретариата латинских стран от 27 июня 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 37. Л. 23–25.

В то же время другие латиноамериканцы, участвовавшие в дискуссии, восприняли идеи вышестоящего коминтерновского руководства как аксиому. Н. Арсе, например, охарактеризовал Колумбию как полуколонию США с «заметной тенденцией стать в близком будущем колонией». Арсе Н. Очерк политико-экономического положения и революционного движения в Колумбии // Коммунистический Интернационал. 1928. № 42. С. 44–45.

² Состоявшаяся в журнале дискуссия была свидетельством теоретического прорыва на латиноамериканском направлении деятельности Коминтерна. За все существование теоретического органа ИККИ в нем были опубликованы всего 8 материалов, освещавших положение в Латинской Америке: воззвание ИККИ «Американская революция» (1920), статьи о рабочем движении Чили и Уругвая (1921), статья М. Ганина «Империализм открывает «новый континент» (1925), серия статей «Борьба империализма за Южную Америку» (1926).

в глазах трудящихся масс Латинской Америки североамериканский империализм, гораздо более агрессивный по сравнению с английским, выступает не только как общенациональный угнетатель и враг, но и как классовый враг рабочих и крестьян»¹.

Гусев сформулировал несколько условий победы национально-освободительного революционного движения в латиноамериканских странах: 1) если оно будет проходить под руководством пролетариата, во главе с компартией, которая увлечет за собою все трудящиеся массы; 2) если эти движения в различных республиках будут выступать совместно и одновременно, объединенные лозунгом «антиимпериалистический союз рабоче-крестьянских республик Латинской Америки»; 3) если революционные выступления будут сочетаться с революционным движением пролетариата одной или нескольких империалистических стран, угнетающих Латинскую Америку. На этом основании он делал вывод о невозможности освобождения стран континента от империалистического гнета путем буржуазно-демократических революций: «Только социалистическая революция может освободить ее и дать крестьянам землю. Или, другими словами, это значит, что стоящие перед национально-освободительным и революционным движением Латинской Америки буржуазно-демократические задачи могут быть разрешены лишь в ходе социалистической революции»². Он не считал национально-освободительные движения в Латинской Америке социалистическими, т. к. ни одно из этих условий не было реализовано (хотя и видел их зачатки во всех движениях и особенно в мексиканском), и не определял их как буржуазно-демократические, исходя из их непримиримого противостояния с империализмом, что делало их составной частью международной социалистической революции.

Какие основания при этом приводил Гусев? Во-первых, по его представлению, крестьянство не выступало в революции под руководством национальной буржуазии из-за отсутствия или малочисленности таковой и поэтому оказывалось свободным от буржуазных предрассудков (в частности, от требования частной собственности на землю). Он усматривал широкое распространение среди крестьянства социалистических взглядов, базировавшихся на нережитках первобытного земельного коммунизма, взглядов неясных, но свободных от ошибок мелкобуржуазного социализма и способных в ходе революции, выдвигающей пролетариат и его компартию в качестве

¹ Травин С. К вопросу о характеристике революционных движений Латинской Америки. (Тезисы) // Коммунистический Интернационал. 1928. № 29–30. С. 97.

² Там же. С. 99.

авангарда и руководителя революционных батрацко-крестьянских масс, трансформироваться в пролетарско-социалистические.

Во-вторых, на формирование социалистической идеологии революционных масс Латинской Америки, по мнению Гусева, оказывали значительное влияние Октябрьская революция и успехи социалистического строительства в СССР, подтверждением чему служило образование коммунистического движения и быстрый рост его влияния на батрачество и крестьянство.

В-третьих, считал Гусев, противодействие революционным массам со стороны империализма, являющегося одновременно врагом СССР, приводило их к пониманию непосредственно социалистического характера своей революции, следовательно, «революционное движение батрацко-крестьянских масс Латинской Америки само по себе, без руководства буржуазии, не создает буржуазного строя, а под руководством сознательного революционного пролетариата *перескакивает через буржуазно-демократическую ступень революции непосредственно к социалистической*»¹.

Таким образом, Гусев видел грядущую латиноамериканскую революцию «*стихийной массовой революцией социалистического типа*», начинающейся в форме крестьянского «буржуазно-демократического» движения за землю, но уже на первых норах обнаруживающей черты, совершенно не свойственные буржуазно-демократическим революциям и сближающие ее с революциями социалистического типа, а по мере дальнейшего развития революции социалистические черты должны были оттеснить буржуазно-демократические «далеко на задний план». Начинаясь, как стихийно массовые революционные движения батрацко-крестьянских масс, эти выступления должны были вовлечь в свое русло городской пролетариат (первая – стихийная – стадия революции), а затем выдвинуть его в качестве руководителя революции (вторая – сознательная – стадия революции). Примером такого перехода революционного движения из стихийной стадии в сознательную Гусев считал мексиканскую революцию.

Он предлагал программу превращения этих революций в объективную реальность: создание коммун, рекрутирующих кадры в среде индустриального пролетариата; открытие доступа в партии революционным слоям безземельного батрачества, малоземельного и маломощного крестьянства, не допуская при этом их превращения в рабоче-крестьянские партии. Основными задачами коммун Латинской Америки на длительную перспективу Гусев предлагал считать организацию рабоче-крестьянского антиимпериалистиче-

¹ Коммунистический Интернационал. 1928. № 29–30. С. 100.

ского блока; пронаганду лозунга «антиимпериалистического союза рабоче-крестьянских республик Латинской Америки»; разъяснение связи латиноамериканских революционных движений с мировой социалистической революцией; призыв их к социалистической революции без промежуточных остановок на буржуазно-демократическом этапе¹.

Взгляды Гусева в полной мере отражали тенденцию милитаризации политического мышления, распространения военно-командного стиля управления в Коминтерне, которые известный российский латиноамериканист С.И. Семенов считал основой деформации международного коммунистического движения и связывал это с работой в аппарате ИККИ значительного числа бывших военных, что активно влияло на образ мышления и управления. Деятельность Гусева в Латинскоамериканском лендер-секретариате как раз и была одним из ярких примеров перенесения представлений военного характера на политическую сферу. С.И. Семенов задавал риторический вопрос: почему именно эти люди направлялись на такую работу?² Ответ представляется очевидным: пока в аппарате Коминтерна преобладали иностранные коммунисты, их менталитет вполне соответствовал политическому опыту и психологии партийных работников разных стран, которые отличались (например, легальная и нелегальная работа), но за редким исключением это был опыт политической, парламентской, профсоюзной работы. Начало сталинского периода деятельности Коминтерна было связано со стремлением русифицировать аппарат ИККИ, а значительная часть кадров из ВКП(б) в той или иной мере прошла через Гражданскую войну, и это не могло не сказаться на их подходах к решению политических задач.

Кавалерийский подход Гусева к определению стратегии и тактики компартий, основанный на утоническом восприятии латиноамериканских социально-политических реалий, абсолютно исключавший революционные союзы за пределами рабоче-крестьянского блока, не вызывал энтузиазма у Эмбера-Дро, предлагавшего несколько иное видение характера революции. Считая, как и Гусев, общими целями революционного движения борьбу против крупных помещиков за землю и против иностранного империализма, в частности против империализма янки, швейцарский коммунист расценивал его как крестьянскую и антиимпериалистическую революцию или *буржуазно-демократическую революцию с резко выраженным антиимпериалистическим характером, в которой участвуют пролетариат,*

¹ Там же. С. 101.

² Семенов С.И. Некоторые вопросы истории Коминтерна // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 100.

крестьянство и мелкая буржуазия. Роль этих трех социальных классов расценивалась им неодинаково: крестьянскую массу он считал стихийной силой, мощным двигателем революции, не игравшим тем не менее роль гегемона; идеологическое и политическое руководство движением, гегемония в блоке классов – участников революции принадлежала, по его оценке, мелкой буржуазии – интеллигенции, политикам, офицерству, чиновничеству: «Когда революционное движение приводит к захвату власти, у власти оказывается не три класса, а либеральная мелкая буржуазия или офицерство – генералы, отстаивающие интересы и выражающие идеологию мелкой буржуазии». Этой гегемонией Эмбер-Дро объяснял значительную роль офицеров в революционном движении, считая, что всякое массовое движение пролетариата и крестьянства находит свое отражение в армии, принимающей активное участие в революционном выступлении: «Когда же движение торжествует, у власти оказываются они. Массы, приходящие в движение, не создают своих органов власти»¹.

В гегемонии мелкой буржуазии руководитель Латинского секретариата видел причину шаткости власти и в конечном счете крушения революционных правительств, испытывавших давление со стороны революционных рабоче-крестьянских масс, недовольных невыполнением их основных требований, и давление крупных помещиков и империализма, защищающих свои привилегии и мешающих правительству претворять в жизнь законы, изданные под давлением масс.

Считая мелкобуржуазные правительства неспособными решать коренные вопросы революции (аграрную, борьбы с империализмом, улучшения условий жизни рабочего класса), Эмбер-Дро делал вывод о том, что «в нерезжижаемый период всякая война за освобождение колониальных и полуколониальных народов от империализма есть часть великой мировой пролетарской революции; всякая борьба угнетенных национальных меньшинств против империалистических мирных договоров *есть тоже часть великой пролетарской революции*. Но это еще не значит, что сами себе эти движения суть движения пролетарские и социалистические»².

Классическими примерами правительств, не решивших основные проблемы революции, Эмбер-Дро назвал мексиканское и эквадорское. Тенденция рассматривать режим П.Э. Кальеса в Мексике и военное правительство Эквадора 1925 г. как социалистические, а революционные движения, вынесшие их на гребень волны, считать

¹ Эмбер-Дро. Несколько проблем революционного движения Латинской Америки. Проблемы революции в Латинской Америке. Дискуссионный отдел // Коммунистический Интернационал. 1928. № 27–28. С. 110.

² Там же. С. 112.

пролетарской революцией, объясняется стремлением втиснуть сложное явление в привычную схему, выдавать желаемое за действительное, забегать вперед и, таким образом, не ускорять, а, наоборот, замедлять темпы революционного движения. По мнению Эмбера-Дро, «их объективное политическое и историческое значение гораздо крупнее их подлинного содержания, но каждому из них присущ своеобразный характер и специфические цели, каждое из них наполнено своим классовым содержанием и это содержание не позволяет отнести их к категории пролетарских революций»¹. Он сравнил латиноамериканские революции с борьбой рифов, расценив ее как поддержку мировой пролетарской революции, но бывшей на деле «лишь героической борьбой за национальное освобождение», и с первой фазой китайской революции, которая до приобретения ею буржуазно-демократического характера тоже была частью мировой пролетарской революции, но по характеру, целям и движущим социальным силам – революцией национальной.

Не решив вопроса о характере революции, ее месте в мировом революционном процессе, Коминтерн не мог сформулировать коммунистическую тактику в отношении мелкобуржуазных революционных правительств и участвующих в борьбе классов. Забегание вперед, стремление квалифицировать революционное движение как социалистическую революцию лишало латиноамериканские компартии всякой перспективы для развития.

Эти проблемы стали ключевыми при обсуждении «мексиканского» вопроса, проходившего в комиссии ИККИ, изучавшей ситуацию в стране и КППМ. В ходе дискуссии, открытой журналом «Коммунистический Интернационал» в преддверии всемирного конгресса, Э. Воог вступил в полемику с В. Кодовильей² и С. Миневым³, критиковавшими центральные учреждения КППМ за отсутствие «необходимых перспектив», что неизбежно отражалось на тактике партии. Проанализировав документы партии и Коминтерна за все время существования КППМ, Воог утверждал, что она не рассматривала мексиканскую революцию как социалистическую и представляла, что к власти в стране пришла молодая национальная буржуазия, которая во имя борьбы с господством империализма может опираться на трудящиеся массы и идти на некоторое улучшение их положения, но, с

¹ Там же.

² В. Кодовилья устроил «разнос» руководителям КППМ на заседании мексиканской комиссии ИККИ.

³ Шаваров Ж. [Минев]. «О мексиканском вопросе» и о компартии Мексики // Коммунистический Интернационал. 1928. № 21.

другой стороны, склонна к колебаниям и компромиссам с силами реакции и империализма.

Считая мексиканскую революцию буржуазно-демократической, Воог усматривал в ней некоторые переходные формы, обладающие элементами не только буржуазно-демократической революции, но и пролетарской с преобладанием буржуазно-демократических и крестьянских элементов и проявлением пролетарских как побочных. Он отстаивал правильность тактики партии в период президентских выборов, когда коммунисты отказались от сектантской позиции и поддержали Обрегона против кандидата реакции, что способствовало превращению КППМ из секты, стоявшей вне рабочего движения, в партию, укреплявшую связи с массами.

Отрицая теорию «географического фатализма», Воог настаивал на возможности осуществления революции в Мексике, не ожидая свержения капитализма в США, так как мексиканский пролетариат может в случае создания в своей стране «подлинного рабоче-крестьянского правительства» рассчитывать на «восторженную и действенную поддержку» антиимпериалистического движения латиноамериканских народов и американского рабочего класса. В связи с этим одной из важнейших задач КППМ, по его мнению, было создание в Мексике организационного центра для установления и координации связей с революционными организациями Латинской Америки¹.

Статья Воога не была попыткой защитить КППМ от нападков. Коминтерновский эксперт по южноамериканским делам дал достаточно жесткую и трезвую оценку состояния дел в революционном движении страны: *«Мексика долгое время принадлежала к той категории стран, где много говорится о революции, но где коммунистические партийные организации приходится рассматривать в лулу... В течение долгих лет партия существовала, как секта... имела только случайные и поверхностные связи с массами»*². Неносредственной задачей КППМ он считал устранение всего того, что отделяет партию от масс, предлагая рабочим не разговоры о коммунизме, которых много велось в прошлом, а реальную заботу об их непосредственных интересах, не ведение дискуссий о мировой революции, а реальное проникновение в события, происходящие в Мексике. Только это могло помочь созданию в стране массовой компартии, но она могла быть в условиях Мексики *партией наемных рабочих и безземельных беднейших крестьян*. Лидеры КППМ видели предпосылки для формиро-

¹ Штирнер А. [Воог]. О перспективах развития мексиканской революции и о курсе мексиканской компартии // Коммунистический Интернационал. 1928. № 27–28. С. 117.

² Там же. С. 117–118.

вания такой партии в тяжелых условиях жизни крестьян, их революционном опыте гражданской войны, в совместных с рабочим классом интересах в борьбе с империализмом, в традициях общинного хозяйствования; наличии у них оружия; все перечисленное делало эти слои сельского населения наиболее близким союзником городского промышленного пролетариата. У мексиканской компартии был уникальный для стран Латинской Америки опыт такого взаимодействия: массовая Национальная Крестьянская лига, во главе которой стояли коммунисты, была в Мексике реальной политической силой, с которой нельзя было не считаться.

Противоречивость восприятия Коминтерном революционного движения Латинской Америки проявилась при оценке жизнедеятельности компартий континента. С одной стороны, в ИККИ исходили из конценции неуклонного возрастания роли пролетариата в процессе развития революционной борьбы, считая, что это обуславливается ростом численности и организованности рабочего класса, развитием профсоюзного движения, демонстрирующего тенденцию к объединению в национальном масштабе. В Москве полагали, что наряду с централизацией изменяется идеология профсоюзов, которые начинают ориентироваться на классовую борьбу, превращаясь в боевые классовые организации (Бразилия, Куба, Колумбия, Эквадор, Перу и т. д.); анархизм теряет влияние в профдвижении, и оно начинает усваивать принципы Профинтерна.

Чрезвычайно существенным фактором Латинский секретариат ИККИ считал зарождение и сравнительно быстрый в последние годы рост коммунистического движения и его усиливающуюся связь с III Интернационалом (вступление в Коминтерн СПЭ и СРП Колумбии, образование компартий на Кубе, в Парагвае, Боливии, Гватемале, консолидацию, организационное и идеологическое укрепление партий в Мексике, Бразилии, Чили, Уругвае). По оценке Ж. Эмбера-Дро, в некоторых странах (Чили, Уругвае, Эквадоре, Колумбии, Бразилии) компартии были единственным признанным вождем рабоче-крестьянских масс, в то время как у реформизма точка опоры имела только в Аргентине, т. е. полуколониальный характер этих стран и имеющаяся в них революционная ситуация сделали невозможным образование и развитие социал-демократических партий. На этом основании он делал вывод о неизбежности роста влияния пролетариата и компартий и завоевания ими гегемонии в грядущей революции.

С другой стороны, ИККИ латиноамериканские компартии, являющиеся «продуктом революционной массовой стихии и все более и более решительной массовой ориентации на русскую революцию и СССР», считал слабыми как в идеологическом, так и в организаци-

онном плане, а их вступление в III Интернационал объяснял «эмоциональными мотивами». «Ни их организационная структура, ни их идеологический уровень не могут быть сопоставлены со структурой и уровнем коммунистических партий других частей света. Задача Интернационала им помочь, их укрепить, поднять их идеологический уровень, быть их советником, усилить их организацию», – писал Эмбер-Дро. Достичь этой цели, по его мнению, следовало терпеливым воспитанием, стараясь сохранить массовый характер партий и избегая при этом исключений и расколов¹.

В Москве видели многообразие опытов обеспечить союз рабочего класса и крестьянства, выразившиеся в специфике формирования компартий. В Чили и Колумбии это были партии, организационно связанные с профсоюзами. По оценке Эмбера-Дро, по существу «революционные профсоюзы, решившие нарушить политический нейтралитет и играть роль революционной партии пролетариата – партии коммунистической». В Эквадоре «создалось нечто вроде Рабочей партии, в составе различных рабочих организаций, профсоюзов и проч., входящих в нее на основе коллективного членства, и местных политических организаций, входящих на основе членства индивидуального»².

В других случаях речь шла об идее образования массовой рабоче-крестьянской партии или партий в составе рабочих, крестьян и мелкой буржуазии и желании придать организационную форму единому революционному фронту (желание КПБ создать в Бразилии своего рода гоминдан в составе компартии, профсоюзов, крестьянских лиг и партий либеральной революционной мелкой буржуазии с сохранением компартией самостоятельности и стремления к лидерству). К этому же типу Эмбер-Дро относил АПРА – «неорганизованное движение, возглавляемое мелкобуржуазной интеллигенцией, старающейся построить в Латинской Америке гоминдан с гегемонией в нем местной буржуазии и оснаживающей необходимость создания компартий». В Мексике обсуждалась возможность образования широкой рабоче-крестьянской партии или формирования компартии на базе пролетариата и крестьянской бедноты.

Многообразие форм зарождения и укрепления компартий должно было бы радовать руководителей Коминтерна, как отражавшее реальное положение дел в революционном движении. В действительности же они стремились втиснуть их развитие в узкие рамки гомогенизации. Решительно отвергалась идея компартии как партии

¹ Эмбер-Дро Ж. Несколько проблем революционного движения Латинской Америки. (Окончание) // Коммунистический Интернационал. 1928. № 29–30. С. 109.

² Там же. С. 110.

рабоче-крестьянской: она должна быть партией пролетариата, готовой вести борьбу за выполнение требований крестьянской бедноты. Коминтерн понимал неизбежность высокого процента крестьян в латиноамериканских секциях, но подчеркивал необходимость строить и по идеологии, и по социальному составу, и по программе, и по классовому характеру компартии как пролетарские. Столь же бескомпромиссно отбрасывался чилийско-колумбийский вариант: от КПЧ и СРП требовалось размежевание компартий и профдвижения, необходимое как для партии «в интересах ясности и четкости политической линии и ее организационной гибкости, так и для профдвижения, призванного объединить всех рабочих, независимо от их политических убеждений». Не устраивала ИККИ и идея образования гоминдана, сыгравшая положительную роль в Китае, но совершенно не подходящая для Латинской Америки, где «наши партии уже пользуются влиянием в массах»¹.

Выступая на словах за учет специфики каждой страны, за необходимость в каждом конкретном случае рассматривать ситуацию применительно к данной стране, на деле коминтерновские чиновники стремились добиться единообразия. Ставя перед компартиями задачу завоевания роли политического вождя, Коминтерн априори минимизировал возможности ее реализации, сужая свободу политического маневра. Мотивы такого поведения вполне понятны. Коминтерн боялся разложения и медленного растворения компартий в недрах более широких организаций, если им не удастся сохранить свою структуру и если они откажутся от роли активного политического вождя. В Москве опасались и превращения компартий в нечто вроде замкнутой масонской ложи, объединяющей лишь функционеров рабочих организаций, в партию, руководящую рабоче-крестьянским движением, но не стремящуюся превратиться в массовую.

6.3. VI конгресс Коминтерна и совершенствование организационных связей III Интернационала с латиноамериканским коммунистическим движением

VI всемирный конгресс стал важным рубежом в развитии международного коммунистического движения, означая закат «романтического периода» и рассвет сталинско-бюрократического, начало перехода к русификации аппарата Коминтерна. На конгрессе родилась новая стратегия мировой компартии, построенная на основе теории

¹ Там же. С. 111.

«третьего периода». Для коммунистического движения Латинской Америки он явился началом реального поворота к решительным действиям «грюндерства» и нерестройки деятельности партии в духе большевизации.

С отменой решения о проведении встречи латиноамериканских коммунистов накануне VI конгресса он мог стать «дежурным мероприятием», не имеющим более принципиального значения для Латинской Америки, чем прошлые форумы III Интернационала. Поэтому руководство ИККИ сократило число делегатов региона, поездка которых должна была быть оплачена Москвой (фактически обозначило окончательное количество латиноамериканских представителей в силу финансовых проблем всех компартий Южной и Центральной Америки)¹.

Представляется, что не только невозможность обеспечить репрезентативные делегации ведущих партий континента обусловила такое решение руководящих инстанций Коминтерна. Формирование делегаций и их прибытие в СССР было вопросом техническим и при соответствующем желании и материальной проработке данной проблемы могло быть осуществлено в срок. Нехватка времени для соответствующей политической подготовки выглядела более удовлетворительным объяснением, и все же это было лишь одним из оснований отмены конференции. Не менее важным было заставить работать региональный орган Коминтерна в Южной Америке, поручив ему провести предварительную организационную работу по подготовке форума, который должен был подвести итоги деятельности III Интернационала в Западном полушарии.

Латиноамериканская тема прозвучала уже при открытии конгресса. Н. Бухарин, обращая внимание на расширение коммунистического движения, отметил: «Впервые слово “коммунизм”, впервые организационные принципы коммунистического движения, ясные и четкие ленинские слова проникли на огромные территории, на новые континенты, к новым народам, к новым слоям рабочего класса. *Южная Америка впервые широко вступает в орбиту влияния Коммунистического Интернационала*»².

¹ Окончательно утвержденная раскладка по делегациям выглядела следующим образом: Аргентина – 2, Чили – 1, Уругвай – 1, Бразилия – 2, Парагвай – 1, Боливия – 1, Перу – 1, Мексика – 2, Куба – 1, Колумбия – 2, Эквадор – 1, Гватемала – 1. Письмо Латинского секретариата ИККИ ЮАСКИ 30 апреля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 35. Л. 10.

² Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 1: Международное положение и задачи Коминтерна. М.: Л., 1929. С. 2.

Бухаринскую нозицию уточнил Эмбер-Дро, он выступил с содокладом о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и заявил, что для последнего периода деятельности Коммунистического Интернационала «характерным является своего рода открытие Америки, открытие революционного движения в странах Латинской Америки, быстрое увеличение сил Коммунистического Интернационала в этих странах». Докладчик отметил наличие секций Коминтерна в ряде латиноамериканских стран еще до V конгресса и признал, что «никогда, однако, Коммунистический Интернационал не подходил вплотную к политическим проблемам, стоящим перед этими секциями»¹.

Тезис о «втором открытии Америки» вызвал энтузиазм далеко не у всех «аборигенов». В приветствиях на первых заседаниях латиноамериканские делегаты говорили о «пробуждении» континента, выражали надежду на то, что VI конгресс «станет одним из самых важных этапов международного рабочего движения», даст молодому революционному движению возможность постоянно учиться в школе старых борцов европейских компартий, вольет свежую кровь во все партии и довершит идеологическую борьбу против оппортунистических уклонов². Но уже в рениях по тезисам Бухарина бразильский делегат П. Ласерда охладил восторг вождей Коминтерна, заявив: «Не коммунистическое движение впервые охватило теперь Латинскую Америку, а *Коммунистический Интернационал впервые проявил интерес к коммунистическому движению в Латинской Америке*», и выразил надежду на то, что «внимание Коминтерна не ослабнет и... нашим пока еще маленьким коммунистическим партиям помогут вырасти в подлинно массовые»³.

И декларация Бухарина, и ремарка Ласерды были явными гиперболами, однако бразильский коммунист все же оценил ситуацию более реалистично: если Коминтерн позиционировал себя как всемирная партия, он с самого начала должен был работать на всех направлениях, не шарахаясь от одного, выглядевшего перспективным на этот момент, к другому. На Первой конференции коммунистов континента Ж. Эмбер-Дро признал некоторое заозвучивание III Интернационала в оказании помощи латиноамериканским партиям: «Ясно, что Коминтерн не мог сразу же «открыть» весь мир, и, принимая во внимание, что коммунистическая деятельность в некоторых странах только недавно началась, можно сказать, что вни-

¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4. С. 106.

² Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 1. С. 7.

³ Там же. С. 228.

мание Коминтерна распространялось на этанам»¹. Таким образом, этан, открывавшийся VI конгрессом, явно расценивался в ИККИ как латиноамериканский.

Особое, судьбоносное для коммунистического движения континента значение имел вопрос о представительстве на конгрессе. Высший форум III Интернационала должен был обсудить проблемы латиноамериканского революционного движения, предварительно рассмотренные на региональной конференции компартий. Важность таких встреч показала практика проведения профсоюзных конференций в Москве. Представительство компартий Латинской Америки было очень широким по сравнению с предыдущими конгрессами, однако по разным причинам явно не соответствовало уровню задач, стоявших перед Коминтерном на латиноамериканском направлении его деятельности. Оно могло быть более солидным и по качеству, и по количеству латиноамериканских делегаций.

Первой причиной снижения уровня представительства, как отмечалось выше, был отказ Политсекретариата ИККИ от идеи проведения латиноамериканской конференции во время VI конгресса из-за отсутствия серьезной подготовки и необходимого времени перед форумом. Многие проблемы, по мнению Политсекретариата, уже были обсуждены и решены с коммунистами-делегатами конгресса Профинтерна, тогда как на конгрессе Коминтерна еще не было предпосылок для глубокого анализа результатов этих решений. Невозможность качественно подготовить проведение конференции стала прямым следствием кризиса КПА и ЮАСКИ.

В ИККИ считали возможным созвать такую встречу позже, совместив ее с латиноамериканской конференцией Профинтерна, которую планировалось организовать в Москве, поставив перед Южноамериканским секретариатом задачу назначить в профсоюзные делегации «лучших борцов из руководства каждой из наших партий, чтобы можно было в данном случае провести латиноамериканскую конференцию с хорошим представительством с точки зрения политического веса присутствующих товарищей». Для этого ЮАСКИ было предложено начать разработку новостки дня, проектов резолюций, чтобы Президиум ИККИ мог выработать свою позицию по важным политическим вопросам накануне конференции².

Иной точки зрения придерживалось руководство КПМ, настаивавшее на необходимости проведения краткой конференции пред-

¹ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana, Junio de 1929. Buenos Aires, 1929. P. 366.

² Письмо Эмбера-Дро Южноамериканскому секретариату, Москва, 30 апреля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 35. Л. 9–10.

ставителей всех компартий Латинской Америки и США до открытия конгресса для обмена впечатлениями и подготовки конкретных предложений на сам конгресс. Лидеры КПМ считали, что это не противоречит идее о проведении встречи тех же делегаций после конгресса для изучения способов реализации его решений, непосредственно затрагивающих компартии Нового Света¹. Опыт таких оперативных встреч имелся. В феврале 1928 г. представители компартий США, Мексики и Канады встретились в Нью-Йорке. Мини-конференция обсудила «методы борьбы против агрессии американского империализма, ноработающего рабочих всей Латинской Америки». Делегаты договорились объединить усилия на этом направлении, рассматривая его как приоритетное в своей работе, в условиях, когда «империализм создает коалицию с тираниями, нравящимися большинством народов Латинской Америки»². Встречу латиноамериканских делегатов провел КИМ перед своим V конгрессом, проходившим одновременно с VI конгрессом Коминтерна.

Второй причиной было понимание в Москве невозможности для ряда партий направить представительные, «сильные» делегации, что было связано как с объективными, так и с субъективными обстоятельствами. В. Кодовилья и Р. Гиольди только что приехали в Буэнос-Айрес и занимались вместе с другими наиболее теоретически подготовленными лидерами КПА восстановлением партии и реорганизацией ЮАСКИ³. Отъезд уже отобранных делегатов КПЧ стал

¹ Письмо секретаря НК КПМ Р. Каррильо секретарю Рабочей (коммунистической партии) Америки, Мехико, 13 апреля 1928 г. // Там же. Ф. 515. Он. 1. Д. 1328. Л. 34–34 об.

² Совещание представителей КП США, Мексики и Канады в Нью-Йорке 4–5 февраля 1928 г. // Там же. Ф. 495. Он. 108. Д. 222. Л. 15–16.

Идея проведения конференций компартий Южной Америки и США и до, и после VI конгресса полностью поддерживалась американской компартией. КПМ, опираясь на согласованную позицию двух партий, просила американских коллег добиваться приглашения от НККИ латиноамериканским делегатам приехать в Москву не позднее 20 июня, считая, что иначе предварительная конференция будет невозможна. Письмо Исполнительного секретаря Р(К)ПА Рафаэлю Каррильо. 23 апреля 1928 г. // Там же. Ф. 515. Он. 1. Д. 1328. Л. 53; Письмо Исполнительного секретаря ЦК КПМ Р. Каррильо ЦИК Рабочей (коммунистической) партии Америки, Мехико, 3 мая 1928 г. // Там же. Л. 56.

³ В литературе иногда встречаются утверждения об участии в конгрессе В. Кодовилья и Р. Гиольди. См.: Корюнов В.Г. Устремлённые в будущее. Коммунисты в современном мире. М., 1976. С. 216; Гончаров В.М. Родольфо Гиольди – ученый, революционер, коммунист // Гиольди Р. Избранные статьи и речи. М., 1979. С. 16; он же, Родольфо Гиольди (Биографическая справка) // Гиольди Р. Избранные статьи и речи. М., 1974. С. 768. В личном письме Л.С. Хейфецу политический обозреватель газеты «Правда» В.Г. Корюнов как на источник информации для этого утверждения ссылался на их досье, находившиеся в Международном отделе ЦК КПСС. Письмо В.Г. Корюнова Л.С. Хейфецу. 30 мая 1977 г. // Личный архив Л.С. Хейфеца. Эти сведения не

невозможен из-за прерванного снежными заносами сообщения между Чили и Аргентиной, а находившегося в Буэнос-Айресе Р. Росаса ЮАСКИ считал более рациональным использовать для координации нелегальной деятельности чилийской партии, чем отправлять в Москву. Кроме того, у него не было формального мандата КПЧ на такую поездку. Не удалось обеспечить представительство коммунистической группы Боливии. Как писал Кодовилья, «из-за реакции наши лучшие товарищи находятся в тюрьмах и высланы, а те, кто предлагают себя для поездки в Москву, не имеют никаких гарантий, ни личных, ни политических». Секретарь ЮАСКИ рассматривал необходимость во избежание «неприятных сюрпризов» своей поездки в Боливию для участия в назначении делегата, но осуществить это намерение в тот момент было невозможно¹.

В связи с решением об отмене конференции Политсекретариат сократил число латиноамериканских делегатов на конгресс, проезд которых оплачивался ИККИ. Были установлены следующие нормы представительства: по 2 делегата от Аргентины, Бразилии, Мексики и Колумбии, по одному – от Чили, Уругвая, Парагвая; Боливии, Перу, Кубы, Эквадора, Гватемалы². При этом Исполком предложил критерий отбора делегатов, сводившийся к возможности творческого обсуждения латиноамериканских проблем на конгрессе, – включение в делегацию «рабочих и хороших борцов наших партий, с которыми можно было бы беседовать по основополагающим политическим, профсоюзным вопросам и т. п. их стран и движений»³. Это решение отражало тенденцию большевизации партий, усиления ее пролетарского ядра и было красивым жестом по отношению к партийной массе. Но политический уровень большинства таких делегатов был невысок, не приходилось рассчитывать на их серьезное участие в об-

подтверждаются ни одним архивным документом и, скорее всего, основаны на том, что оба аргентинца были избраны на конгрессе в руководящие органы Коминтерна.

¹ Письмо № 4 В. Кодовилья в Латинский секретариат Коминтерна. Буэнос-Айрес, 5 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 19. Л. 21–22.

² Письмо Латинского секретариата [Ж. Эмбер-Дро] Южноамериканскому секретариату Коминтерна. Москва, 30 апреля 1928 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 32. Д. 35. Л. 9–10.

Гарантируя оплату дорожных расходов делегатам, Интернационал рассчитывал на оплату партиями стоимости поездки до СССР, общая компенсировать расходы в Москве. В большинстве случаев это было практически невозможно, т. к. латиноамериканские компартии не имели средств для решения такой задачи. Таким образом, финансовые трудности становились непреодолимым препятствием на пути некоторых делегатов в Москву.

³ Письмо Латинского секретариата [Ж. Эмбер-Дро] Южноамериканскому секретариату Коминтерна. Москва, 30 апреля 1928 г. // Там же.

суждении сложных теоретических вопросов, что и показали впоследствии дискуссии на конгрессе.

Новый глава ЮАСКИ пытался оказать воздействие на формирование состава делегаций партий, находившихся в сфере влияния Секретариата, в полном соответствии с буквой инструкции Политсекретариата. Делегация КПА была составлена исключительно из рабочих, представлявших провинциальные парторганизации, «хороших товарищей, не обладающих, однако, политическим опытом». Кодовилью откровенно не удовлетворила кандидатура генерального секретаря КП Парагвая, который не являлся рабочим¹. Считая, что в КПП есть «рабочие товарищи с более высоким политическим уровнем, чем у этого делегата», секретарь ЮАСКИ вынужден был согласиться с выбором «даже не обладавшего коммунистическим менталитетом» Л. Ибарролы².

Бюрократические процедуры, характерные для работы аппарата Коминтерна, не позволяли выполнять собственные инструкции и нормы. При формировании делегаций латиноамериканским партиям не удалось выдержать квоты представительства, установленные Политсекретариатом ИККИ. Так, получив из «неофициальных источников» сообщение об установлении для мексиканской партии нормы в шесть делегатов, конференция КПП³ избрала соответствующее количество своих представителей. Не имея достоверной информации, мексиканская партия просила Р(К)ПА сообщить точную дату конгресса и новостку дня, точное число своих делегатов и проинформировать, получит ли право послать своего представителя компартия Центральной Америки, «братский» делегат которой участвовал в работе конференции⁴.

¹ Одним из требований было пролетарское происхождение делегата.

² Причина уступчивости секретаря ЮАСКИ была чисто технической: другие претенденты не имели документов для поездки. Попытки вернуть Ибарролу в Асуэсон из Аргентины, куда он приехал по дороге в Москву, и найти ему замену пришлось оставить, для этого требовались время и расходы, эквивалентные стоимости поездки в Европу. Поэтому, с грустью констатировал Кодовилья, надо довольствоваться назначенным делегатом, являющимся, «к сожалению, также и секретарем партии». Письмо № 4 В. Кодовилья в Латинский секретариат Коминтерна, Буэнос-Айрес, 5 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 19. Л. 21.

³ КПП была единственной латиноамериканской секцией Коминтерна, сумевшей до конгресса рассмотреть на своем партийном форуме вопросы развития революционного движения в колониальных и полуколониальных странах, которые считала необходимым обсудить с латиноамериканскими и североамериканскими делегатами перед началом работы VI конгресса.

⁴ Письмо секретаря НК КПП Р. Каррильо секретарю Рабочей (коммунистической партии) Америки, Мехико, 13 апреля 1928 г. // Там же. Ф. 515. Он. 1. Д. 1328. Л. 34–34 об.

Первоначально было отказано в праве участвовать в конгрессе генеральному секретарю КПЭ Р. Паредесу, оставшемуся в Москве после окончания празднования 10-летия Октября, и он предложил партии срочно направить другого делегата. Уже после принятия решения послать в Москву Х. Карреру Андраде Паредесу также было разрешено представлять Эквадор¹.

Некоторые латиноамериканские делегаты по различным причинам не смогли попасть в Москву для участия в конгрессе. Упомянутый выше Х. Каррера Андраде, например, которому ИККИ выделил 130 долларов, сумму, явно недостаточную для его поездки, получил материальную поддержку от друзей семьи. Но и этих средств не хватало на продолжение хаджа в коммунистическую Мекку. Это обстоятельство и болезнь задержали его в дороге, и он прибыл в Берлин уже после окончания конгресса². Из-за ареста не смог реализовать свой мандат делегата СРП Колумбии кубинец Х. Виво, хорошо теоретически подготовленный марксист, представлявший «антиинутристскую» тенденцию в партии³, но приехавшие как представители партии Н. Арсе и Х. Карденас, не обладавшие опытом и широким кругозором, не готовые анализировать сложные проблемы стратегии и тактики коммунистического движения, да в

В предварительном порядке ИККИ информировал КПМ о необходимости направить на конгресс двух делегатов и просил предупредить компартии Кубы и Гватемалы о возможности послать по одному представителю. Телеграмма Эмбера-Дро Каррильо, 10 января 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 82. Л. 11. Не ясно, почему КПМ говорила о «неофициальных источниках» информации; или в Мексике не получили телеграмму ИККИ, или сделали вид, что не имеют достоверных сведений, рассчитывая явочным порядком увеличить свое представительство.

¹ Паредесу, уже 6 месяцев находившемуся в СССР, казначей Профинтерна Юрдзик в ультимативной форме предложил покинуть СССР, считая невозможным оплачивать его дальнейшее пребывание. Дело дошло до того, что администратор коммунистической гостиницы заявил о необходимости выезда из нее или оплаты номера из своих средств. Лидер КПЭ апеллировал к ИККИ, настаивая на необходимости остаться для решения профсоюзных вопросов и проблемы приема КПЭ и СПЭ в Коминтерн и заявив, что Юрдзик «выступает против Коминтерна, превратившая решение вопросов, которые должны быть рассмотрены Коминтерном». Письмо Рабочего делегата Эквадора Р. Паредеса секретарю Латинского бюро. Москва, 26 апреля 1926 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 67. Д. 6. Л. 28; Телеграмма Р. Паредеса С. Каррере Андраде // Там же. Д. 1. Л. 41; Телеграмма Р. Паредеса Э. Терану // Там же. Л. 40.

² Паредес, уже вернувшийся в Эквадор, просил Коминтерн оказать помощь этому товарищу, «способности которого делают его одним из лучших элементов в партии», если тот «выскажет желание подчиниться К.И.». Письмо ЦС Эквадорской Социалистической партии секции III Коммунистического Интернационала генеральному секретарю III Коммунистического Интернационала. Кито, 9 февраля 1929 г. // Там же. Д. 8. Л. 3, 8.

³ Личное дело Хорхе Абилио Виво Эското. Автобиография // Там же. Оп. 230. Д. 134. Л. 45.

общем-то люди случайные в СРП¹. Не смог попасть в Москву делегат КПЦА, хотя о возможности его участия в конгрессе хлопотали мексиканская и американская секции, и было принято решение включить партию в список приглашённых.

Серьезным качественным недостатком латиноамериканского представительства на конгрессе было отсутствие преемственности, опыта участия в обсуждении вопросов стратегии и тактики коммунистического движения на международных форумах. Только среди членов мексиканской делегации были участники предыдущих конгрессов или пленумов ИККИ (М. Диас Рамирес и Р. Каррильо).

В докладе О. Пятницкого от имени мандатной комиссии особо подчеркивалось, что на конгрессе присутствуют делегаты девяти партий, не представленных на V конгрессе, шесть из них были латиноамериканскими: СРП Колумбии, компартии и группы Уругвая, Эквадора, Парагвая, Венесуэлы и Чили². Из приглашенных на конгресс партий с правом решающего голоса не смогла прислать делегата только компартия Кубы³, с правом совещательного голоса – комму-

¹ Крайне скептически их оценили в Латиноамериканском лидер-секретариате: «интеллигенты, и притом не из лучших», представляют собой мелкобуржуазную тенденцию внутри Рабочей Конфедерации Колумбии. Они всецело находятся под обаянием демократической буржуазной революции, которая надвигается в Колумбии, и убеждены, что такая революция положит конец всем страданиям колумбийского пролетариата, а также что после буржуазной революции будет очень легко организовать рабочих и крестьян. Положение в Колумбии // Там же. Он. 104, Д. 20. Л. 30. Но и сам Карденас вполне самокритично оценил свои возможности на конгрессе, заявив, что не может «внести крупного теоретического вклада в дискуссии по поводу тезисов о революционном движении в колониях и полуколониях». Выступление Карденаса (Колумбия) // Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4. С. 436.

² На III–V конгрессах Коминтерна партии подразделялись на 5 групп: входившим в первую предоставлялось 40 голосов, независимо от числа присутствующих делегатов, во вторую – 30, в третью – 20, в четвертую – 10 и в пятую – 5 голосов. От Латинской Америки к пятой группе III конгресс причислил КПА и КПА. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5: Доклады об СССР и ВКП(б), заключительные работы. М.: Л., 1929. С. 101–107; Бюллетень Третьего конгресса Коммунистического Интернационала. М.: Издание пресс-бюро Третьего конгресса Коминтерна, 1921. С. 66.

³ В одном из документов конгресса имеется короткое упоминание: «От КП Чили – 1 делегат, от КП Кубы – 1 делегат». Сводка о прибытии делегаций. Справка на 16 июля // РГАСПИ. Ф. 493. Он. 1, Д. 625. Л. 19. Из текста невозможно понять, идет ли речь об уже прибывших делегатах или ожидаемых. Во всех материалах оргкомитета, кроме этого находящегося в деле, приводятся фамилии делегатов. Делегат КПЧ Б. Доносо (Муньос) действительно прибыл в Москву. Его мандат с правом решающего голоса был утвержден самым последним из латиноамериканских делегатов, уже перед окончанием конгресса. Протокол мандатной комиссии от 25 августа // Там же. Д. 621. Л. 13.

В докладе мандатной комиссии О. Пятницкий при перечислении секций, приглашенных с правом решающего голоса, но не представленных на конгрессе, назвал

нистическая группа Перу¹. Таким образом, можно констатировать, что рост количества партий – членов Коминтерна по сравнению с V конгрессом произошел в основном за счет Латинской Америки².

Мандатная комиссия конгресса, определяя количество голосов, получаемых партиями, участвовавшими в конгрессе, исходила из решений IX пленума ИККИ, предоставляя столько голосов, сколько у нее мандатов с решающим голосом. Латинамериканские партии получили: КПА – 4 мандата с решающим голосом; КПБ – 2; КПК – 3 (мандат с правом совещательного голоса по просьбе партии был предоставлен Боюгу)³; КПЧ, КПУ – по одному; не являвшиеся национальными секциями Коминтерна СРП Колумбии – 2 мандата с совещательным голосом, КП Эквадора⁴, КП Парагвая, КП Венесуэлы – по одному⁵. И хотя численность делегатов Латинской Америки не шла ни в какое сравнение с представительством ведущих партий Коминтерна, это был серьезный шаг вперед по сравнению с предыдущими конгрессами⁶.

австралийскую, португальскую, корейскую, египетскую и кубинскую. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5. С. 101.

Информация об участии делегатов КПК в VI конгрессе (см. в: Интернациональное сотрудничество КПСС и КП Кубы: история и современность», М., 1988. С. 27) не подтверждается документами. Не мог быть в это время в Москве, как утверждает кубинский историк и журналист А. Барнет, Х.А. Мелья [Astrid Barner R. Vivos ejemplos para nuestra revolucion // Juventud rebelde (La Habana). 13 marzo de 1972], т. к. он исполнял обязанности генерального секретаря КПК во время поездки на конгресс Р. Каррильо.

¹ Присутствовавший на конгрессах Коминтерна и КИМа студент МЛШ от КПК иеруанец Н. Террерос (Лонес) не имел полномочий представлять коммунистическую группу Перу.

² По официальным данным, в отдельных случаях явно завышенным, численность латинамериканских компартий перед VI конгрессом составляла: КПА – 2800 членов, КПЧ – 2500, СРП – 1000, КПК – 986, КПУ – 870, КПБ – 700, КПК – 240, СПЭ – 100. В Р(К)ПА числились в этот момент 11 793 члена партии. *Efectifs des parties de l'I. C. (decembre 1927)* // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 104. Д. 11. Л. 40.

³ Протокол мандатной комиссии от 3 июля // Там же, Ф. 493, Он. 1. Д. 621. Л. 6.

⁴ На заседании 3 июля мандатная комиссия отложила заявления СРП и СПЭ об утверждении мандатов ее делегатов, т. к. партии еще не приняты в Коминтерн, однако 12 июля в ответ на новые ходатайства делегатам этих партий и Венесуэлы были предоставлены мандаты с правом совещательного голоса. Протоколы мандатной комиссии от 3 и 12 июля 1928 г. // Там же. Л. 3, 6.

⁵ Компартия Венесуэлы к этому моменту не существовала. В документах конгресса нет информации о том, какую из зарубежных групп венесуэльских коммунистов представлял Мартинес. Возможно, в данном случае было принято решение для расширения представительства латинамериканских стран назвать делегатом виртуальной партии единственного венесуэльца, находившегося в то время в Москве, к тому же работавшего в аннате Профинтерна.

⁶ ВКП(б) имела 50 мандатов, компартии Франции, Германии, Чехословакии – по 25, Китая и США – по 20, английская – 19, итальянская – 18. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5. С. 101–107.

При этом мандатная комиссия отклонила просьбу КПА о делегатском статусе для студента МЛШ А. Кантора¹ и самой школы о предоставлении делегатского мандата мексиканцу Х. Герреро. Последний получил право участия в конгрессе в качестве гостя вместе с другими студентами школы – бразильцем Э. Феррейра Лима и уругвайцем К. Имасом².

Некоторые делегаты от компартий одновременно участвовали и в V конгрессе КИМа: В. Видали (КПМ), избранный председателем латиноамериканской делегации на молодежном коммунистическом форуме, Х. Милапо (КПУ), А. Опофрио, Л. Рикарди (КПА). Делегатами конгресса КИМа были Л. Басбаум (Бразилия), Н. Террерос (Мексика), А. Кантор (Аргентина), присутствовавшие и на конгрессе Коминтерна³.

С латиноамериканским коммунистическим движением была связана большая группа участников конгресса. Как член ИККИ делегатом конгресса был Ж. Эмбер-Дро. В делегации компартии США входили Б. Вольф, М. Гомес, Дж. Джонстон, Дж. Ловстон, Д. Пеннер, Дж. Зак; французской компартии А. Барбе, А. Лозере (от французских колоний), О. Рабатэ, М. Делобель; итальянской Р. Гриеко, Л. Лонго, Э. Ньюди, П. Тольятти; от ВКП(б) Б. Васильев, С. Гусев, А. Лозовский, Д. Мануильский, О. Пятницкий. В списке приглашенных персонально (с совещательным голосом) были Б. Михайлов, М. Грольман, С. Мишев, среди гостей конгресса – С. Пестковский, Л. Хайкис⁴. Такое количество участников, или работавших в Латинской Америке, или имевших повседневный опыт знакомства с проблемами революционного движения континента, позволяло повысить уровень обсуждения латиноамериканских вопросов на конгрессе, естественно, в русле тогдашнего восприятия Коминтерном ситуации в Новом Свете и перспектив компартий.

¹ Это не помешало временно, до прибытия делегата из Аргентины, зарезервировать за Кантором место в сеньорен-конвенте конгресса. Предложения по представительству латиноамериканских компартий в рабочих органах конгресса // РГАСПИ. Ф. 493, Он. 1, Д. 400, Л. 1.

² Протокол мандатной комиссии от 12 июля // Там же, Д. 621, Л. 6; Протокол мандатной комиссии от 30 июля // Там же, Л. 11; Протоколы мандатной комиссии // Там же, Д. 618, Л. 35.

³ См.: Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. Опыт биографического словаря. М., 2000; Jelfets L., Jelfets V., Huber P. La Internacional Comunista y America Latina, 1919–1943. Diccionario biografico. Ginebra, 2004.

⁴ Список участников VI всемирного конгресса // Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5. С. 151–152, 156, 158; Список делегатов конгресса // РГАСПИ. Ф. 493, Он. 1, Д. 628, Л. 1–17; Протоколы мандатной комиссии // Там же, Д. 619, Л. 29–37; Протокол мандатной комиссии от 25 июня 1928 г. // Там же, Д. 620, Л. 2.

Латиноамериканские делегаты были включены в руководящие органы конгресса¹, почти во все комиссии² и принимали участие в обсуждении проектов документов и резолюций высшего коммунистического форума, представляя или свои партии, или единую делегацию от компартий континента, сформированную на время работы конгресса³. Делегация систематически собиралась во время конгресса и вырабатывала консолидированную позицию, озвучивавшуюся от ее имени на пленарных заседаниях, во время которых специально оговаривалось, представляет делегат единое мнение латиноамериканской делегации или выступает от имени своей партии. Такая работа затруднялась отсутствием возможности заранее подготовиться к обсуждению сложных теоретических вопросов. Например, к дискуссии по проекту Программы Коминтерна ИККИ не успел или не считал необходимым обеспечить делегатов нужными материалами до конгресса, и только делегации ВКП(б), компартий Германии и Чехословакии смогли заблаговременно обсудить этот вопрос. Это стало ахиллесовой пятой конгресса, но такое положение отражало общую ситуацию в Коминтерне, складывавшуюся в международной партии: мнение малочисленных и малозначительных секций все меньше интересовало руководство ИККИ, т. е. стоявших за ним лидеров ВКП(б). По оценке делегации КПМ, «в качестве логичного последствия этой неготовности к обсуждению дискуссия оказалась на 90 % отрицательной, поскольку ее инициаторы главным образом

¹ В президиум конгресса были избраны бразильский и мексиканский делегаты, в сенйорен-конвент – представители Мексики и Аргентины. Предложения латиноамериканской делегации в ИККИ по составу руководящих органов конгресса // РГАСПИ. Ф. 493. Он. 1. Д. 382. Л. 45–46; Д. 400. Л. 1.

² В рамках временной колониальной комиссии конгресса, в которую вошли и представители латиноамериканских компартий, была создана Южноамериканская субкомиссия. Первоначально предполагалось, что ее возглавит Тольятти, но если он не будет делать доклад по колониальному вопросу, было решено передать председательство Эмберу-Дро. Кроме Тольятти и Эмбера-Дро в ее составе были Мануильский, Стенанов, Лозовский, Пестковский, Васильев, Гусев, Штирнер (секретарь комиссии), американец Л. Энгдал и француз А. Барбе. Субкомиссии было поручено рассмотреть и резолюцию, до этого несколько месяцев обсуждавшуюся мексиканской комиссией ИККИ. Протокол № 87 заседания Политсекретариата. 15 июня 1928 г. // Там же. Ф. 495. Он. 3. Д. 71. Л. 2.

Следует отметить малоизвестную странность – субкомиссия была составлена из коминтерновских чиновников высшего уровня, причастных в той или иной мере к решению дел латиноамериканского коммунистического движения, но в ней не было ни одного представителя компартий континента.

³ Председателем латиноамериканской делегации был избран мексиканец Р. Каррильо, секретарем уругваец Л. Сала. Списки руководителей делегаций // Там же. Ф. 493. Он. 1. Д. 627. Л. 1–3; Списки представителей отдельных партий, выдвинутых в руководящие органы и комиссии // Там же. Д. 382. Л. 44.

дискутировали вопросы внутренней борьбы в своих партиях; возможным исключением была, видимо, дискуссия по колониальному вопросу, в которой приняли участие почти все делегации»¹.

Принятые конгрессом поправки к Уставу закрепляли установившуюся практику взаимоотношений Коммунистического Интернационала с его секциями, в том числе и с латиноамериканскими. Объясняя необходимость изменений в тексте документа, О. Пятницкий обращал внимание делегатов конгресса на два обстоятельства: ощущавшуюся почти во всех секциях «потребность в непосредственном руководстве» со стороны ИККИ и невозможность «руководить непосредственно из Москвы». Поэтому руководство решило организовать Западноевропейское бюро за границей, опыт которого показал необходимость таких органов. «Возможно, — отметил председатель Уставной комиссии, — что придется организовать такое же бюро и в Южной Америке, может быть, на Востоке. Поэтому уставная комиссия решила ввести специальный пункт об этих бюро». В предложенном делегатам проекте Устава было зафиксировано право ИККИ и его Президиума «для установления более тесной связи и лучшего руководства секциями КИ создавать постоянные бюро (Западно-европейское, Южно-американское, Восточное и другие бюро ИККИ)», круг деятельности которых устанавливался учреждающими их органами. Секции Коминтерна, на которые распространялось воздействие бюро, обязывались проводить в жизнь их указания и директивы, но за ними оставалось право обжаловать их в Президиум ИККИ или Исполком, что не освобождало от выполнения решений до их изменения вышестоящими органами Коминтерна².

Резкие повороты в партийном строительстве, совершенствование структуры «Коммунистического интернационала — Международного товарищества рабочих — представляющего собой объединение коммунистических партий отдельных стран, единую мировую коммунистическую партию» были судорожны и зачастую логически малообъясни-

¹ Однако, и тезисы по колониальному вопросу были получены делегациями за день до начала обсуждения на Конгрессе. Отчет делегации Коммунистической партии Мексики на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. Мехико, 20 ноября 1928 // Там же. Ф. 495. Он. 108. Д. 83. Л. 17—18.

Делегация Латинской Америки вынуждена была признать невозможным участие в обсуждении Программы Коминтерна «из-за недостатков подготовки и отсутствия времени, необходимого для того, чтобы сделать это должным образом» // Там же. Л. 18.

² Пятницкий. Доклад уставной комиссии // Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5. С. 109.

В опубликованный текст Устава вкралась ошибка: в § 20 вместо Южноамериканского сказано об Южно-африканском бюро. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 6. С. 164.

мы. Пятницкий и возглавляемая им Уставная комиссия как бы забыли о существовании с самых первых шагов Коминтерна практики создания загранчных бюро. Латинскоамериканский опыт как раз и показал разные варианты деятельности таких структур: Латинскоамериканское бюро, Амстердамское бюро, Американское агентство, Бюро коммунистической пропаганды. Да и Южноамериканский секретариат действовал уже в течение почти трех лет, и речь шла не об его учреждении, а о законодательном закреплении факта существования.

Обновленный Устав подтверждал и уточнял два важнейших положения, имевших прямое отношение к латинскоамериканским проектам Коминтерна: необходимость для секций соседних стран и в особенности метрополий и их колоний «поддерживать тесную организационную и информационную связь, устанавливая взаимные представительства на конференциях, съездах; а также обмен – с согласия ИККИ – руководящими силами», и возможность для двух или более партий, «которые (подобно секциям скандинавских или балканских стран) политически связаны друг с другом общими условиями борьбы», создавать с согласия ИККИ и под его руководством и контролем для координации своих действий федерации¹.

Для реализации этого положения Устава делегаты компартий Латинской Америки и США разработали план совместных действий, в рамках которого договорились проводить совместные пропагандистские антиимпериалистические кампании на основе единых лозунгов (обращая особое внимание на поддержку борьбы Никарагуа); шире освещать латинскоамериканские проблемы в «Daily Worker», для чего партии должны были назначить корреспондентов для газеты американских коммунистов, а РК(К)ПА выделить ответственных за регулярное написание статей для латинскоамериканской прессы; организовать совместную антиимпериалистическую службу новостей; рекомендовать ИККИ создать испанское издание «Импектор» и распространять в США литературу на испанском языке. В качестве важных организационных мер континентального единства предусматривалась необходимость обмена представителями в ЦК КПМ и РК(К)ПА; направление трех латинскоамериканских студентов в Национальную Рабочую школу американской партии; проведение совместных кампаний по организации в США испаноязычных рабочих; помощь в формировании союзов коммунистической молодежи в Латинской Америке².

¹ Устав Коммунистического Интернационала. (Принят VI конгрессом 29 августа 1928 г. в Москве) // Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 6. С. 164.

² Предложения по установлению более тесного контакта между американской и латинскоамериканскими партиями. Принято на совместном заседании 30 августа 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 39. Л. 88.

Прием на конгрессе новых национальных секций носил явно демонстрационный характер и был увязан руководством Коминтерна с увеличением удельного веса в мировом коммунистическом движении колониальных и полуколониальных стран. Эмбер-Дро специально подчеркнул наличие кризиса II Интернационала в отношениях с революционным движением этих стран¹, в то время как к Коминтерну присоединяются семь новых секций, представляющих колонии и полукolonии, в том числе четыре латиноамериканские². У каждой новой секции III Интернационала были особенности, требовавшие от всемирного конгресса поиска отдельной формулы для объяснения причин приема. Позднее в своих мемуарах Ж. Эмбер-Дро расценил ситуацию с приемом латиноамериканских кандидатов категорично, не дифференцируя их: «Они не имели ничего от коммунистических партий, кроме очевидной доброй воли стать ими»³.

С этой позицией на конгрессе солидаризировался Б. Васильев, усматривавший у компартий колониальных и полуколониальных стран типичные, с точки зрения Коминтерна, недостатки: их влияние базировалось на личном авторитете лидеров, а не на организационной работе партий; они были «верхушечными организациями», не имевшими заводских ячеек, крепких фракций в профсоюзах и других массовых организациях. Заведующий орготделом ИККИ считал серьезной политической и тактической ошибкой позицию тех работников Коминтерна, которые, ссылаясь на отсталость стран Латинской Америки, считали необходимым сдерживать формирование там компартий: «Надо ковать железо, пока горячо. Коминтерн должен оказать самую серьезную помощь странам Латинской Америки для того, чтобы укрепить существующие там коммунистические партии, соз-

¹ Эмбер-Дро имел в виду результаты обсуждения колониального вопроса Брюссельским конгрессом Социалистического рабочего интернационала (август 1928 г.). Конгресс пришел к выводу о неготовности большинства колониальных народов к независимости. Резолюция конгресса отмечала: «Для колониальных народов, которые до завоевания чужеземцами стояли на очень примитивной ступени развития, да и под властью чужеземцев не преодолели ее в сколько-нибудь значительной степени – для них немедленное упразднение чужеземного господства означало бы не шаг вперед к национальной культуре, а возвращение к первобытному варварству». В знак протеста представители колониальных стран покинули конгресс. См.: Валецкий Г. С негодными средствами. (Брюссельский конгресс II Интернационала) // Коммунистический Интернационал, 1928, № 33–34, С. 11–12; Мюнценберг В. Решения II Интернационала против угнетенных народов // Коммунистический Интернационал, 1928, № 29–30, С. 115.

² Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5, С. 136.

³ Humbert-Droz J. L'Internazionale comunista tra Lenin e Stalin. Memorie di un protagonista 1891–1941. Milano, 1974, P. 221.

дать коммунистические партии там, где их нет, подготавливая наилучшие силы революционных трудящихся масс этих стран к большим революционным битвам, которые разразятся в этих странах и в некоторых уже происходят сейчас»¹.

В случае с КПК конгресс констатировал, что решением VIII пленума ИККИ она уже была «условно» принята в качестве члена III Интернационала как сформировавшаяся, активно участвующая партия в организации и объединении рабочего движения и вызвавшая своими революционными действиями репрессии со стороны правительства². В тексте резолюции ИККИ о компартии Кубы 1927 г., правда, формула об «условном» приеме не звучала, и Устав не требовал подтверждения решений ИККИ конгрессом. Прием КПК конгрессом должен был подтвердить тенденцию и увеличить число латиноамериканских секций, пополняющих Коминтерн. С этими же причинами был связан и прием парагвайской партии, хотя подход к ней был иным: КПП была оценена как слабая идеологически и организационно, требующая со стороны Коминтерна содействия ее дальнейшему развитию³. Коллизия с компартией Парагвая заключалась в том, что процедура вхождения ее в III Интернационал осуществлялась, несмотря на конфронтацию лидера КПП с секретарем ЮАСКИ В. Кодовильей, готовившим в то время, когда Ибаррола пахотился в Москве, его устранение с поста генерального секретаря партии⁴.

Решение о признании национальными секциями Коминтерна коммунистических организаций Колумбии и Эквадора – яркий пример умения международных функционеров находить тривиальные варианты выхода из ситуаций, казалось бы, тупиковых. Обе партии мало соответствовали жестким требованиям «21 условия», и годом раньше, а тем более – годом позже, они ни под каким видом не попали бы в международное объединение коммунистов. Но «второе открытие Америки» требовало продемонстрировать миру коммунистический Новый Свет во всей красе, и были найдены компромиссы.

Р. Паредес направился в СССР тайно от руководителей СПЭ, не входивших в коммунистическую группу. Делегат IV конгресса Профинтерна М. Допосо вспоминал, какой неожиданностью для

¹ Выступление Васильева // Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4. С. 258–261.

² Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5. С. 136.

³ Там же. С. 137.

⁴ Подробнее см.: Хейфец Л.С. Интернационал Москвы или Интернационал Буэнос-Айреса? (III Интернационал, Южноамериканский секретариат Коминтерна и компартия Парагвая) // Россия в контексте мировой истории: Сб. статей. С. 277–294.

него была встреча с Паредесом в Москве¹. Оба эквадорца участвовали в работе всемирного профсоюзного форума, но на VI конгресс Коминтерна остался один Паредес, уполномоченный КПЭ просить о ее приеме в качестве национальной секции III Интернационала.

Уже в Москве Паредес получил письмо Э. Терапа, сообщавшего о своем избрании генеральным секретарем СПЭ, в результате которого обе партии (социалистическая и коммунистическая) оказались под руководством коммуниста, а Центральный совет стал «полностью левым». Тем самым была достигнута намеченная радикальным сектором эквадорской левой цель. Новый руководитель партии оценил этот факт как победу «с точки зрения коммунистического духа и предложенной нами тактики»². Обновленное руководство СПЭ приняло декларацию об официальном присоединении к Коминтерну³ и делегировало Р. Паредесу полномочия для решения вопроса о вступлении обеих эквадорских партий (!) в Коминтерн. Тем самым была создана сложнейшая коллизия: две партии из одной страны, находившиеся под руководством одних и тех же людей, одновременно претендовали на роль национальной секции всемирной компартии. Это не остановило Паредеса, обратившегося к VI конгрессу Коминтерна с просьбой принять обе партии⁴, но все же представившего различные обоснования для приема. В заявлении, направленном конгрессу от имени СПЭ, отмечалось, что партия, основанная в 1926 г. с коммунистической идеологической программой, сходной с программой Коминтерна, решила на своем первом съезде просить о приеме в ряды Интернационала и готова выполнять все его распоряжения, борясь в его рядах за «победу Пролетарской Революции,

¹ El 15 de Noviembre de 1922 y la fundación del socialismo, relatados por sus protagonistas, Segunda parte, Quito, 1982, P. 107.

² Письмо Паредесу [1928] // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 6. Л. 66.

³ Решение было принято 12 марта 1928 г. Центральным советом СПЭ в соответствии с резолюцией Национального съезда партии, который дал полномочия на этот шаг партийному руководству после согласования с провинциальными советами. Los comunistas en la historia nacional. Guayaquil: Instituto de Investigaciones y Estudios Socioeconomicas del Ecuador, 1987, P. 14; РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 10. Л. 43.

⁴ Уникальность эквадорского феномена заключалась и еще в одном обстоятельстве. ЦС СПЭ просил провинциальные советы провести решение о присоединении к Коминтерну «тайно», дабы не столкнуться с препятствиями в общественном мнении страны, имея в виду национальный характер, психологию групп и определенный страх, который есть даже у людей с неродовой идеологией». Циркуляр СПЭ – генеральным секретарям провинциальных советов. 26.2.1928 // Там же, Д. 6. Л. 1.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в то время как компартия Эквадора планировала свое сенсационное от СПЭ присоединение к Коминтерну, втайне от социалистических партийных масс, некоммунистическая часть руководства СПЭ готовила такой же акт, но уже скрывая его от левой общественности страны.

за Устаповление Коммунизма»¹. Декларация КПЭ, в свою очередь, подчеркивала: созданная в 1925 г. партия *уже принята в Коминтерн в качестве сочувствующей группы*, просила об *окончательном приеме* в качестве эквадорской секции, обращала внимание на то, что КПЭ пытается «организоваться» в соответствии с Уставом Коминтерна, в то время как СПЭ все еще не являлась по своей организационной структуре коммунистической партией, и выражала надежду на ее эволюцию «в направлении коммунизма»². Отсюда вытекал логичный, по мнению эквадорца, вывод – для содействия образованию в будущем единой, сильной коммунистической партии принять в ряды III Интернационала и КПЭ, и СПЭ³.

В третьем обращении Паредес, уже как делегат и СПЭ, и КПЭ, обратил внимание Президиума VI конгресса на немалые возможности для развития коммунистического движения: *«Революционная ситуация иногда представляется в такой форме, что мы могли бы произвести успешное восстание и, возможно, прийти к власти и создать рабоче-крестьянское правительство»*. При этом он подчеркнул, что у эквадорских левых уже имелась такая возможность, не реализованная из-за отсутствия в тот момент организованной партии и потому что «не было ни руководства, ни поддержки со стороны международного пролетариата, что не позволило нам добиться такого успеха». Прием коммунистической и социалистической партии в ряды Коминтерна, по мнению Паредеса, должен был способствовать созданию единой коммунистической партии и победе революции в Эквадоре⁴.

Дополнительные сложности для решения эквадорского вопроса создавали претензии на членство в Коминтерне, предъявленные в то же время еще одной группой под названием «Коммунистическая партия Эквадора», созданной членами Ассоциации детей труда. Ее руководители обратились с приветствием к VI конгрессу Коминтерна от имени «угнетенных трудящихся Эквадора», выражая надежду на прием в III Интернационал и «помощь в направлении угнетенного населения КОЛОНИИ под знаменем КОММУНИСТИЧЕСКОГО

¹ Письмо Паредеса председателю Коммунистического Интернационала. 13.7.1928 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 67. Д. 4. Л. 85.

² В СПЭ существовало индивидуальное и коллективное членство (на правах коллективных членов в партию входили профсоюзы). Число членов социалистических групп составляло около 1500, в профсоюзы, вступившие в СПЭ, входили 4000 человек. В комитет было менее ста членов. Письмо Паредеса Президиуму конгресса Коммунистического Интернационала. 18.8.1928 // Там же. Л. 91.

³ КПЭ VI конгрессу Коммунистического Интернационала. 13.7.1928 // Там же. Л. 86.

⁴ Письмо Паредеса Президиуму конгресса Коммунистического Интернационала. 18.8.1928 // Там же. Л. 91.

ИНТЕРНАЦИОНАЛА [выделено в документе. – В.Х., Л.Х.] к окончательной победе, после которой любой человек сможет пользоваться правом на жизнь, свободу и стремление к счастью». Без ложной скромности считая свою группу способной стать «душой и сердцем» борьбы трудящихся, ее лидеры С. Коломан и А. Хурадо недвусмысленно заявили Коминтерну, что необходима финансовая помощь из Москвы, так как их организация «едва вышла из экспериментальной стадии» и «все начинания и работа ПАРТИИ застряли до того времени, пока мы не сможем добиться совместной помощи и сотрудничества, чтобы добиться скорого и полного триумфа». В первую очередь деньги были необходимы, чтобы направить делегата в СССР для демонстрации позиций партии и получения советов по поводу дальнейших действий¹.

С. Коломан обратился также к РК(К)ПА за помощью и поддержкой в борьбе против «тиранической и незаконной власти, против зверских пыток, терроризма и диктаторского режима правительства буржуазии». Считая, что пришло время для «открытой борьбы», в которой «угнетенные обитатели пашей колонии одержат окончательную победу над аристократией, коррумпированной и бессердечной, поддерживающей свое роскошное безделье за счет одиозной формы человеческого рабства». ЦИК партии, едва вышедшей, как отмечал Коломан, из «экспериментальной стадии», для проведения этой работы... «разработал планы сбора большой суммы денег» и ожидал, что американские коммунисты, считая «наше дело своим собственным делом», дадут «благородный ответ» и окажут финансовую помощь. Лидер новой группы давал понять американским товарищам, что вся ответственность за неисполнение планов эквадорской революции лежит отныне на них, ибо «в настоящий момент все начинания и работа ПАРТИИ [так в документе] застряли до того времени, пока мы не

¹ Письмо КПЭ конгрессу Коммунистического Интернационала. 1.7.1928 // Там же. Д. 4. Л. 73–74; Письмо КПЭ конгрессу Коммунистического Интернационала. 21.7.1928 // Там же. Л. 87–88.

Вряд ли исследователям представится возможность выяснить, чем была попытка «Детей труда» создать свою партию: искренним порывом представителей пролетариата, не сумевших найти общего языка со своими единомышленниками из СПЭ, или авантюрой с целью добыть московских денег. Деятельность этой группы оказалась незамеченной в историографии рабочего движения Эквадора и не оставила других следов, кроме приведенного выше документа. С. Коломан уже через год оказался в Нью-Йорке, где вступил в РК(К)ПА и рекламировал себя в качестве основателя эквадорской коммунистической партии. Будучи денонсирован из США, он обратился в советское консульство в Турине с просьбой о предоставлении ему гражданства СССР. Личное дело С. Коломана // Там же. Ф. 495. Он. 261. Д. 5823.

сможем добиться совместной помощи и сотрудничества, чтобы работа была доведена до окончательной победы»¹.

Разобраться в эквадорской проблеме оказалось для Коминтерна делом непростым, решения принимались на высшем уровне – Президиумом ИККИ. Лидеры международной коммунистической партии признали Эквадор страной с высоким революционным потенциалом, аграрный вопрос – «рычагом революционного действия», считая, что восстания крестьян и индейцев способствуют расширению борьбы за землю и увлекают за собой также и десятки тысяч рабочих². Успех военного переворота 1925 г., как отмечалось в проекте резолюции по Эквадору, был достигнут армией при поддержке трудящихся масс. Однако военное правительство быстро уступило «давлению империализма и национальной буржуазии», стремится «замаскировать свою капитуляцию перед североамериканским империализмом и предательство интересов масс, привлекая к участию в правительстве нескольких вождей социалистической и коммунистической партии [подчеркнуто и обведено в документе. – В.Х., Л.Х.], пыталось таким образом деморализовать революционное движение и обмануть рабочих и крестьян». Ответом на махевры военной диктатуры, по мнению Коминтерна, стал рост влияния СПЭ, «единственного вождя рабочих и крестьянских масс в их революционной борьбе [подчеркнуто в документе. – В.Х., Л.Х.], против империализма, за независимость страны, против крупных землевладельцев, за аграрную революцию, против эксплуатации, против диктаторского правительства, служащего агентом империализма и буржуазии, за рабоче-крестьянское правительство»³. В борьбе против диктатуры партия превратилась в массовую организацию рабочих и революционных крестьян, пережила своего рода внутреннюю революцию, которая сопровождалась «очисткой» от реформистов, «попавшихся на удочку», поверивших в «социалистический характер» переворота 1925 г. [на полях документа от руки: sic! NB. – В.Х., Л.Х.] и решивших сотрудничать в правительственных структурах, что, по мнению Москвы, означало пойти в услужение империализму США.

Против упрощенного взгляда на ситуацию в революционном движении Эквадора, способного вызвать необоснованную эйфорию,

¹ Письмо КПЭ в редакцию «Дэйли Уоркер», 5.7.1928 // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 67, Д. 4, Л. 75. Характерная деталь: в одном документе С. Коломан трижды по-разному называет свою организацию – Коммунистическая партия, Коммунистическая рабочая партия, Коммунистическая лига.

² Проект резолюции об Эквадоре и поправка Мейстера. 1928 // Там же. Д. 4, Л. 41–42.

³ Там же. Л. 43.

предостерегал С. Лозовский, который обратил внимание на бытовавшую среди латиноамериканских левых, в том числе коммунистов, идею о капуте социальной революции в их странах. «Поэтому, принимая во внимание существующую путаницу, – говорил он в выступлении на заседании Президиума ИККИ, – надо четко показать характер революции 1925 г., была ли это аграрная революция, социалистическая революция или буржуазно-демократическая революция... Если товарищи не представляют четко характер революции, будет крайне трудно создать коммунистическую партию... будь революция буржуазной или мелкобуржуазной, роль пролетариата и коммунистической партии должна быть ролью независимой силы»¹.

Ориентируя СПЭ на «энергичную борьбу против режима военной диктатуры и за рабоче-крестьянское правительство», Президиум ИККИ считал осуществление такой политики возможным только при существовании «постоящей коммунистической партии», тесно связанной с Коммунистическим Интернационалом и с братскими секциями Латинской Америки, в особенности Колумбии, Венесуэлы и Перу. Организационное состояние коммунистических сил Эквадора оценивалось в Москве как «довольно сложное»: существуют две партии, решившие примкнуть к Коминтерну: социалистическая – массовая федеративная организация, внутри которой действовала тайная компартия из нескольких десятков членов, организовавших «в своего рода закрытое братство, напоминающее секту; вступление в нее связано с известным церемониалом»². ИККИ, считая, что в соцпартии были «хорошие революционные коммунисты», не являвшиеся членами компартии, а в последней имелись «мелкобуржуазные оппортунистические элементы», оценивали грань между этими двумя организациями как произвольную. Лозовский двусмысленно заявил, что коммунистическая партия обладает идеологической слабостью практически в той же степени, что и социалисты.

Путь для превращения социалистической партии в массовую компартию виделся очень простым: Коминтерн предлагал коммунистической партии в той форме, в какой она существовала в тот момент, «добиваться растворения ее в социалистической партии», а ее членам стать наиболее активным элементом в политических организациях соцпартии и вести в последней воспитательную и просветительную идеологическую работу. Таким образом, присоединение СПЭ к III Интернационалу должно быть равно «сознательному приятию

¹ Эквадорский вопрос на заседании Президиума ИККИ. 13.6.1928 // Там же. Л. 71.

² На полях рядом с последним предложением Бухарин поставил пять восклицательных знаков. Проект резолюции об Эквадоре и неправка Мейстера // Там же. Л. 48.

его программы, его тактики, его методов организации борьбы»¹. Это означало не полную ликвидацию коммунистической структуры внутри СПЭ, а ее превращение в «марксистский кружок», который ставит своей целью привлечение всех членов партии, согласных с принципами и тактикой Коминтерна и стремящихся к приятию всей социалистической партией этих принципов, и превращение ее, таким образом, в «подлинную коммунистическую партию». Присоединение СПЭ к III Интернационалу было расценено в Москве как выражение «инстинктивного влечения» масс к международной революционной организации пролетариата и русской революции. Перед коммунистами ставилась задача превратить этот эмоциональный порыв в сознательное присоединение, а мероприятия по «перевоспитанию» партии рассматривались не как «внезапная операция, порождающая раскол, или широкая чистка социалистической партии, которая лишит ее характера массовой партии», а как «терпеливая, пастойчивая работа с целью убедить и завоевать для К.И. подавляющее большинство партии»².

В случае с Эквадором Коминтерн пошёл на очевидный компромисс: СПЭ предлагалось на съезде самой решить, ликвидировать ли прежнюю социалистическую партию и оставить только компартию или же сохранить Социалистическую партию как подобие британской Лейбористской партии, которое объединяло бы массовые организации рабочих и крестьян на основе коллективного членства. Таким коллективным членом могла бы быть и коммунистическая партия, имевшая в этом случае шансы стать «политическим вождем широкого блока рабочих и крестьянских организаций». Любой из этих вариантов оказывался для Президиума ИККИ приемлем при условии обеспечения «политического руководства *влияния* [исправлено в документе. — В.Х., Л.Х.] коммунистической партии на эксплуатируемые массы Эквадора»³.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 4. Л. 49.

² Там же. Л. 50.

³ Там же. Л. 51. Выступая на заседании Президиума ИККИ, обсуждавшем эквадорский вопрос, Н. Бухарин отметил: «Мы нуждаемся в марксистской рабочей партии, которая признает программу КИ и т. д. Другое дело, будет ли эта партия сразу учреждена как отдельная партия или же она будет существовать в течение определенного времени внутри более широкой партии, а в *определенный момент существующая марксистская рабочая группа захватит эту большую партию*. Как исходный пункт всех этих успехов, в том числе и идеологического завоевания социал-демократической партии, мы все же должны определенным образом подготовить почву, что начинается с обретения рабочей партии... Я не против плана попытаться превратить эту социал-демократическую партию в массовую компартию, однако эта марксистская группа должна видеть таковую цель рабочей партии и конечную коммунистическую цель». Обсуждение эквадорского вопроса (Бухарин). 1928 // Там же. Л. 102.

Однако лидеры Коминтерна понимали, что такая модель разрушает существующие в международной компартии капоны и не собирались широко ее афишировать¹. Именно поэтому делегаты VI конгресса не были посвящены в нюансы решения, показывавшего осознание Москвой своеобразия ситуации в эквадорском коммунистическом движении. Предлагая проект резолюции о приеме в III Интернационал новых национальных секций и не рассказывая при этом о двусмысленности коллизии, существовавшей в Эквадоре и способной спровоцировать раскол, Ж. Эмбер-Дро говорил о просьбе о вступлении *только социалистической партии, в которой работает коммунистическая группа*².

Столь же выдержанным было и решение конгресса, демонстрировавшее понимание реалий формирования компартий в Южной Америке. Принимая СПЭ и СРП Колумбии в Коминтерн конгресс отметил, что эти «массовые партии не являются еще ни по своей структуре, ни по своей идеологии подлинно коммунистическими партиями»³, и предложил ИККИ «дать этим партиям необходимые директивы, советы и оказать поддержку, которая могла бы сделать из них подлинные коммунистические партии, преобразовывая и укрепляя их организацию, поднимая их идеологический уровень и углубляя их классовое сознание», сохраняя и усиливая при этом их массовый характер⁴.

¹ Уже одно это не позволяет согласиться с У. Фостером, считавшим подход Коминтерна к выношению «21 условия» неформальным «руководством к действию, а не догмой», изменявшимся в различных компартиях. Фостер У.З. История трех Интернационалов. М., 1959. С. 314. Случай с СРП и СПЭ был исключением из правила, подтверждающим правило.

² VI конгресс Коминтерна: Стенографический отчет. Вып. 5. С. 137–138.

³ Н. Бухарин обращал внимание на то, что «тамашние коммунисты в действительности – если затронуть идеологический аспект – еще являются довольно сомнительными коммунистами». Обсуждение эквадорского вопроса (Бухарин). 1928 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 4. Л. 102.

⁴ Резолюция по поводу присоединения коммунистических партий Кубы, Кореи, Новой Зеландии, Парагвая, Ирландской рабочей лиги, Социалистической партии Эквадора и Революционной социалистической партии Колумбии к Коммунистическому Интернационалу // VI конгресс Коминтерна: Стенографический отчет. Вып. 6. С. 175–175.

Такое решение родилось в результате борьбы в высших эшелонах власти Коминтерна. Существовал и другой подход к вопросу о приеме эквадорских коммунистов. Во время дискуссии работник Латиноамериканского секретариата ИККИ Мейстер настаивал на принятии СПЭ лишь в случае одобрения ее съездом программы и устава Коминтерна и программы действий для Эквадора, выработанной ЦК партии по согласию с ИККИ, а до съезда только предоставить статус «сочувствующей организации». «Новая затязка в реорганизации партии может оживить деятельность реформистских элементов, которые еще остаются в партии, и повлечь за собой возвращение их на руководящие посты в ЦК Социалистической партии», – указывал Мейстер. Речь

Выступая от имени новых латиноамериканских секций Коминтерна, Паредес обещал, что новые секции будут стойко бороться плечом к плечу со всем международным пролетариатом, а партии Эквадора и Колумбии будут под руководством Интернационала идти по пути большевизации, завоевания масс и подготовки пролетарской революции. Движение по этому пути уже очень скоро радикально изменило партии, а многие из руководителей, которые привели СРП и СПЭ в Коминтерн, оказались за бортом коммунистического движения.

Свидетельством признания новой роли латиноамериканского коммунистического движения стало резкое расширение его представительства в руководящих органах III Интернационала. В ИККИ были избраны генеральный секретарь КПМ Р. Каррильо, члены ЮАСКИ аргентинец Р. Гиольди, бразилец А. Перейра (Америко Ледо), уругваец Э. Гомес, представитель Чили И. Ириарте (Фермин Арайя). Кандидатами в члены ИККИ стали кубинец А. Баррейро (Лопес) и представитель Колумбии и Эквадора Т. Урибе (Хулио Риаско). Одновременно был понижен статус в коминтерновской иерархии В. Кодовильи и главы делегации ИККИ в Буэнос-Айресе Э. Джемпары: их включили в Интернациональную контрольную комиссию. Следует отметить, что избрание в высший контрольный орган Коминтерна людей, не имевших реальной возможности участвовать в его работе, т. е. они находились за тысячи километров от Москвы, говорит о декоративном характере ИККИ.

Среди членов руководства III Интернационала остались занимавшиеся делами латиноамериканских стран Ж. Эмбер-Дро (избранный персепальпо), П. Тольятти и А. Барбе, членом ИККИ стал А. Таска, кандидатами – Р. Гриеко и С.И. Гусев¹. Четверо из упомянутых (Эмбер-Дро, Тольятти, Таска, Барбе) были избраны в Президиум ИККИ, они же (кроме Тольятти) 3 сентября 1928 г. были введены в состав Политсекретариата ИККИ².

Наряду с известными лидерами компартий Латинской Америки в ИККИ попали и люди, которых в Москве знали только по документам (Ириарте, Урибе)³. Единственной причиной этого было стремле-

шла о необходимости преобразования СПЭ в партию нового типа *до формального решения* о приеме в Коминтерн, в то время как победившая точка зрения давала возможность преобразования партии в коммунистическую *после приема*. Проект резолюции об Эквадоре и поправка Мейстера // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 4. Л. 52.

¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 5. С. 139–140.

² Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 142–143.

³ Идентифицировать как членов руководства Коминтерна их удалось лишь недавно. Только в одном документе мандатной комиссии VI конгресса рядом с псевдонимами, под которыми они были избраны в ИККИ, указаны настоящие фамилии: Хосе

ние как можно шире представить коммунистическое движение копипепта. Возможно, сами они так и не узнали о своем избрании, об этом вполне могли не знать в их партиях, во всяком случае, ни в одном доступном документе партий, ЮАСКИ и Латипоамериканского лидер-секретариата, в литературе по истории партий ни Ириарте, ни Урибе, ни Баррейро даже не упоминаются как члены высшего руководства Коминтерна¹.

Помимо интенсивной работы на самом конгрессе, включая и участие в рабочих органах, делегаты проявляли активность и в кулуарах, общаясь между собой, с делегациями компартии США и некоторых европейских секций, работниками аппарата ИККИ. Поистине масштабную деятельность развернула мексиканская делегация, выглядевшая особенно эффектно на фоне протокольной, не выходящей за рамки необходимого, работы безликой делегации аргентинской компартии. Повышенная активность делегации КПМ отражала стремление руководства партии изменить центр тяжести в латиноамериканском коммунистическом движении, радикально изменить организационную модель взаимоотношений между Коминтерном и его национальными секциями в Латинской Америке, вернуть утраченную в начале 1920-х гг. роль лидера континентального коммунистического движения или хотя бы потеснить аргентинскую компартию. Раскол КПА и кризис ЮАСКИ дал возможность поставить под сомнение правильность выбора Коминтерном аргентиноцентристской модели руководства. Мексиканцы считали свою партию родоначальником континентальной системы организационных связей в коммунистическом движении, и хотя опыт Латипоамериканского и Папамериканского бюро по руководству компартиями был неудачным, лидеры КПМ видели реальную возможность создать новый региональный центр, параллельный буэнос-айресскому.

Работа делегации компартии Мексики на конгрессе была целенаправленной, явно заранее спланированной, четко скоординированной. Во всех дискуссиях, в комиссиях, на заседаниях объединенной латиноамериканской делегации, встречах с делегатами Р(К)ПА, совещаниях в структурах ИККИ и других международных организаций представители КПМ всегда участвовали, имея согласованную позицию и единое мнение. Параллельно решалось несколько задач

Лонес – Алехандро Баррейро, Хулио Ринаско – Томас Урибе, Фермин Арайя – Исидас Ириарте. Папка о составе ИККИ и ИКК // РГАСПИ. Ф. 493. Оп. 2. Д. 1. Л. 3, 8, 55.

¹ Даже намек на избрание Т. Урибе в высшие органы Коминтерна нет в книге его дочери М.Т. Урибе, подробно освещающей революционные события 1920-х гг. и участие в них своего отца. Uribe M.T. Los años escondidos. Sueños y rebeldías en la década del veinte. Bogotá, 1994.

различного порядка. Состав делегации позволял придерживаться, поскольку это было вообще возможно на конгрессе, наступательной тактики: в нее входили высшие руководители партии (в т. ч. действующий генеральный секретарь и его предшественник, имевшие опыт участия в международных коммунистических форумах). Эффективную поддержку официальным делегатам КПМ оказывали студент МЛШ Н. Террерос, совмещающий работу на конгрессе с обучением в школе¹ и участием в конгрессе КИМа, и С. Пестковский. Делегация в любой момент могла рассчитывать на моральную поддержку Э. Воога, эксперта Коминтерна, лучше всех знакомого с мексиканской ситуацией, и руководителей «большинства» РК(К)ПА Д. Ловстопа и Б. Вольфа.

КПМ стремилась добиться решения задач, годами стоявших на повестке дня, используя конъюктуру, вызванную эйфорией «Открытия Америки». Мексиканские делегаты параллельно решали несколько приоритетных проблем. На встречах с руководством Профинтерна была снята часть разногласий по вопросам профсоюзной тактики КПМ и уточнено отношение Лозовского к созданию в Мексике третьего профсоюзного центра. Под давлением мексиканской делегации было отменено приглашение в Москву для переговоров с Коминтерном делегации АПРА. В Орготделе ИККИ была достигнута договоренность о выработке программы немедленных действий для КПМ, основанной на Программе, принятой VI Конгрессом. От Бюджетной комиссии мексиканцы добились обещания увеличить субвенции партии, в первую очередь предназначенные для обеспечения бесперебойного выхода «El Machete». С агитпропотделом ИККИ были обсуждены возможности издания «Импреккор» на испанском языке, а на встречах в издательстве компартии Франции речь шла об учреждении испанского издательства в Париже и его отделения в Мексике.

На заседаниях Расширенного Исполкома МОПРа представители КПМ добились решения о создании в Мексике Карибского бюро этой организации, которую было поручено возглавить Видали. В Берлине мексиканские делегаты провели переговоры с руководителями Международной Антиимпериалистической лиги В. Мюценбергом и Л. Гибарти и получили обещание моральной и экономической поддержки для Континентального комитета ВААИЛ². В Латинском

¹ По оценке руководителей делегации, абсолютную наивность проявил другой студент МЛШ, член ЦК КПМ Х. Терреро.

² Еще раньше было принято решение направить в Мексику представителя АИЛ и Межрабнамо Ф. Баха.

лепдер-секретариате прошло несколько совещаний по общим вопросам латиноамериканских стран. Специальная встреча в Москве с делегацией американской компартии была посвящена критическому анализу деятельности секретаря североамериканской секции ВААИЛ М. Гомеса и определению направлений совместной работы в деятельности, наиболее важной для обеих партий¹.

Вся эта работа на конгрессе и вокруг него способствовала росту престижа КППМ в международном коммунистическом движении и что, может быть, еще важнее – в аппарате Коминтерна, помогала решить стратегическую задачу *«борьбы против тенденции Аргентины (Кодовилья) на гегемонию во всех партиях Латинской Америки»*². Аргентинского представителя в ИККИ мексиканцы объявили персонально ответственным за создание «гнетущей и враждебной атмосферы», в которой оказалась КППМ в Коминтерне, видя в его лице «сильного врага», чья политическая жизнь продолжается, создавая угрозы для положения партии в международном коммунистическом движении. Кодовилью обвиняли в том, что «он с выгодой сумел воспользоваться порядочностью своего соратника Штирнера и неосторожными заявлениями товарища Сикейроса для создания себе удобного политического положения в Москве». Результатом такой позиции Кодовилья стало, по мнению мексиканских делегатов, отрицательное saldo усилий для КППМ по укреплению своего влияния в Коминтерне и Профинтерне. Мексиканцы пришли к выводу о сложившейся у некоторых работников Коминтерна практике игнорирования мнения небольших национальных секций при принятии решений, затрагивающих их интересы³.

Интриги Кодовилья с целью не допустить избрания Мельи в Исполнительное бюро КИП рассматривались мексиканцами как прямая атака на авторитет партии. При этом делегация партии на конгрессе не снимала ответственности за такое отношение к КППМ и со своих предшественников, которые, бывая в Москве, «приспособи-

¹ Отчет делегации Коммунистической партии Мексики на VI конгрессе Коммунистического Интернационала, Мехико, 20 ноября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 83. Л. 20–21. В то же время М. Гомес, хотя и косвенно, поддерживал инициативы КППМ, отметив особое значение Карибского бассейна при рассмотрении вопроса о стратегии Коминтерна в Латинской Америке, и предложение «носить туда специальные силы... дать возможность нашим мексиканским товарищам непосредственно помочь созданию там коммунистических кадров». Выступление Гомеса (САСШ) // Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, Вып. 4. С. 174.

² Отчет делегации Коммунистической партии Мексики на VI конгрессе Коммунистического Интернационала, Мехико, 20 ноября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 83. Л. 15.

³ Там же. Л. 16.

лись к ситуации» и вели себя пассивно при столкновении противоположных мнений по отношению к мексиканской секции¹.

Мексиканцы считали базой создания второго регионального центра Коминтерна в Латинской Америке уже сложившуюся систему связей организаций коммунистического фронта, действовавших в Мехико (Континентального комитета ВААИЛ, американского представительства Межрабпома и Международной лиги борьбы против империализма, Карибского комитета МОПРа, Карибского субкомитета Комитета Монтевидео); контакты революционной эмиграции (в первую очередь кубинской и вепесуэльской); опыт своего сотрудничества с коммунистами Центральной Америки и Кубы; практику систематической работы в Мексике делегатов Коминтерна и Профинтерна; более широкие и результативные, чем у любой другой латиноамериканской партии, взаимоотношения с североамериканской секцией Коминтерна.

Мексиканские коммунисты инициировали обращение латиноамериканских делегатов в руководящие органы конгресса, предложив новое видение структуры организационных связей III Интернационала и его секций в Латинской Америке. Оно основывалось на «все более важной роли, выполняемой латиноамериканскими странами в борьбе против империализма, которые сыграют еще более важную роль в будущей империалистической войне против Советского Союза или между империалистическими державами», и требовало от Коминтерна большего внимания к развитию коммунистического движения континента «с целью довести его до такого уровня, чтобы в надлежащее время они выполнили соответствующие задачи»².

Проект предполагал учредить в Мехико, «в соответствии с уже принятым решением», Центральноамериканский секретариат и назначать в ИККИ двух специальных представителей латиноамериканских стран (от ЮАСКИ и ЦАС)³, выражающих мнение этих региональных структур. Секретариатам предлагалось поделить между

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Он. 108. Д. 83. Л. 17.

Не совсем ясно, оценивали ли столь критично делегаты Р. Каррильо и М. Диас Рамирес свою собственную активность в Москве в качестве делегатов КРМ.

² Письмо латиноамериканских делегаций в Малую комиссию Сеньорен-Конвента, 5 сентября 1928 г. // Там же. Он. 79. Д. 43. Л. 9.

³ Названия секретариатов внесаны в тексте документа от руки вместо зачеркнутых слов: мексиканской и аргентинской коммунистическими партиями. В первоначальном замысле очевидно желание формировать второй (мексиканский) региональный центр в противовес аргентинскому. Новая редакция камуфлировала эту задумку под форму коминтерновской структуры, хотя знающие ситуацию работники ИККИ должны были понимать – речь идет о создании двухполюсной модели организационных связей, основанной на уравнивании влияния КПА и КРМ на континентальное коммунистическое движение.

собой работу на основе «политико-экономических пужд латиноамериканских государств»: в ведение ЮАСКИ переходила работа в странах Южной Америки (за исключением Колумбии и Венесуэлы), ЦАС предстояло сосредоточиться на Мексике, Центральной Америке, Антильских островах, Колумбии и Венесуэле. Специальных представителей предлагалось ввести в состав Латинаоамериканского департамента внутри Латинского секретариата Коминтерна с целью обсуждения проблем революционного движения континента и представления их для окончательного разрешения ИККИ¹. На ЦК КПМ возлагалась ответственность за созыв региональной конференции компартий Центральной Америки и Карибского бассейна, которая должна была назначать представителя для постоянной работы в Москве до следующего конгресса III Интернационала. Подкрепляли планировавшиеся изменения в оргструктуре Коминтерна решения о создании испанского издательства в Париже, его отделений в Буэнос-Айресе и Мехико и формирования еще до конца 1928 г. испанской редакции «Испрекорт»².

Для реализации планов по созданию второго центра в Латинской Америке мексиканская компартия интенсицировала свою деятельность в регионе. Первым шагом стала недельная остановка делегатов VI конгресса М. Диаса Рамиреса и В. Видали на Кубе в августе 1928 г., во время которой они провели несколько рабочих встреч с членами ЦК КПК, в результате чего было решено подчинить кубинскую эмигрантскую группу в Мексике Центральному комитету КПМ³.

В конце 1928 г. делегация КПМ (Р. Каррильо, Х.А. Мелья, Д. Эсипа, Х. Фернандес Авайя) приняла участие в создании организаций МОПРа, АИЛ и Коммунистической молодежи Гватемалы⁴. Мексиканские и гватемальские коммунисты оценили состояние и перспективы КПЦА и пришли к выводу, что она не могла в полной

¹ Письмо латиноамериканских делегаций в Малую комиссию Сеньорен-Конвента, 5 сентября 1928 // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 79, Д. 43, Л. 9.

² Отчет делегации Коммунистической партии Мексики на VI конгрессе Коммунистического Интернационала, Мехико, 20 ноября 1928 г. // Там же, Он. 108, Д. 83, Л. 20.

³ Vidali V., Weiss L. *Patria o Muerte, Venceremos*, Milano, 1973. P. 215.

⁴ Ветеран коммунистического движения в Центральной Америке М.А. Васкес вспоминал о поездке в Гватемалу Р. Каррильо для учреждения КПЦА (1925) и перуанца Н. Террероса (1926) с поручением от ВААИЛ. Террерос, вместе с Х.А. Мельей и Э. Павлетичем, способствовал формированию гватемальской секции ВААИЛ. Taracena Arriola A. *Un salvadoreño en la historia de Guatemala. Entrevista con Miguel Ángel Vázquez Eguizabal // Memoria (México)*, 1990. № 29. P. 92–93. К сожалению, никаких документов, подтверждающих эти две поездки, пока в архивах обнаружить не удалось.

мере выполнять свои задачи, хотя претендовала на роль авангарда пяти разных народов, и было бы правильным создать собственную партию в каждой стране в момент, когда это станет необходимым и возможным¹. Важной деталью, характеризующей ситуацию в стране и партии, была почти полная, со времени визита Блекуэлла, смена руководства КПЦА. Мексиканская делегация имела дело с новыми людьми. И эта тенденция прослеживалась постоянно и являлась одной из причин неэффективности организационных связей, причем с обеих сторон².

В ходе очередной реорганизации структуры аппарата ИККИ, произошедшей сразу же после окончания VI конгресса, руководство Коминтерна пошло дальше плана, согласованного с КПМ. 28 сентября 1928 г. по предложению Политсекретариата были уточнены функции лидер-секретариатов, которые должны были изучать положение в странах и компартиях, оказывать партиям помощь в работе, готовить вопросы к заседаниям руководящих органов ИККИ, реализовать принятые ими решения, контролировать выполнение национальными секциями указаний этих органов. В состав секретариатов, количество которых сократилось с 11 до 8, входили заведующий и его заместитель, представители нескольких партий, подведомственных секретариату, референты³. Одним из вновь созданных подразделений стал Латиноамериканский лидер-секретариат ИККИ. Для латиноамериканского коммунистического движения это решение имело судьбоносное значение – впервые после ликвидации Южноамериканской секции при ИККИ в 1922 г. Латинская Америка была выделена в самостоятельное направление работы.

Лидер-секретариат возглавил француз А. Барбе, его заместителем был назначен М. Грольман, членами стали Б. Гитлоу, А. Таска, Степанов⁴. В таком составе новая структура ИККИ просуществовала недолго, если вообще приступила к работе. В найденных нами документах практически нет подтверждения одновременного участия этих людей в заседаниях секретариата (каждый в отдельности время от времени присутствовал при обсуждении тех или иных вопросов).

¹ Mora Valverde E. Habla Chigüichon, veterano comunista de Centroamérica // Memoria (México). 1991. № 33. P. 347.

² Х. Фернандес Анайя, дважды ездивший в Центральную Америку, ничего не знал об участии делегата КПЦА М. Мельгара в V съезде своей партии (1927). Figueroa Ibarra C. El «bolchevique mexicano» de la Centroamérica de los veinte. Entrevista a Jorge Fernández Anaya // Memoria (México). 1990 (septiembre-octubre). № 31. P. 215.

³ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 152–153.

⁴ Таска одновременно возглавлял Романский лидер-секретариат, в который также вошли Барбе и Степанов, и стал членом Балканского. Гитлоу был включен в состав Англо-Американского лидер-секретариата // Там же. С. 155.

Не замедлила последовать очередная перестановка кадров, радикальным образом отразившаяся на руководстве коммунистическим движением континента. Вскоре после окончания VI конгресса латиноамериканская деятельность Коминтерна на латиноамериканском направлении оказалась заложницей в многоходовой комбинации, разыгранной Сталиным с целью дискредитации Бухарина, одной из центральных фигур которой оказался Ж. Эмбер-Дро.

Для Бухарина и его сторонников, как отмечает известный американский исследователь С. Коэн, конгресс «фактически состоял из двух конгрессов». Внешне это выглядело как политический триумф «любимца партии» в Коминтерне: Бухарин царил на открытом конгрессе. Но в кулуарных интригах, направленных на подрыв его влияния, он проиграл Сталину. Против Бухарина была использована его поддержка сталинского тезиса о «правом уклоне» как «центральной опасности в Коминтерне». Если, как отмечает С. Коэн, он представлял «правый уклонизм» некой безличной тенденцией, с которой следует бороться идеологическими, а не организационными методами, то его апологисты применили хулительную категорию «правый уклон» к большевистской партии с целью погубить самого Бухарина¹.

Еще на конгрессе некоторые делегации, в первую очередь крупнейших партий, уловив новые веяния, раскололись на сторонников Сталина и сторонников Бухарина. Не остались в стороне от этого противостояния и латиноамериканские коммунисты, охотно использовавшие в своей риторике термины, ставшие на конгрессе модными, возможно, не до конца понимая сути конфликта и расстановки политических сил. Уже в дискуссии по докладу Бухарина Р. Каррильо обрушился на правые и левые уклоны в латиноамериканском коммунистическом движении. С точки зрения лидера КППМ, к правым отпосились сторонники «реформистского тезиса» о невозможности победы латиноамериканской революции, «пока рабочие Соединенных Штатов не разобьют у себя буржуазию, не свергнут американского империализма» (теория «географического фатализма»). Другой правый уклон, «быть может, наиболее опасный», мексиканский делегат усматривал в пренебрежении крестьянским вопросом и «объединении с мелкой буржуазией, в признании за мелкой буржуазией гегемонии в аграрной революции и революции вообще»².

Бухарин явно увидел в критике со стороны Каррильо атаку на свои позиции и, в свою очередь, обвинил тех, кто говорит о необходимости уделять больше внимания крестьянскому вопросу, в поддерж-

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 356–357.

² Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 1. С. 231.

ке идеи организации особых крестьянских партий, что означало бы конкуренцию для коммунистических партий пролетариата, т. е. по сути, переадресовал обвинение в «правом уклоне» своему мексиканскому оппоненту¹.

Предлогом для атаки на «правых» и «примиренцев» после конгресса стал кризис в германской компартии, вызванный т. н. аферой Витторфа. Сам Бухарин, находившийся в отпуске, предпочел не вмешиваться лично в разбор ситуации в КПГ. Однако, Эмбер-Дро и А. Таска (Серра), солидарные с его требованием отстранить от руководства германской компартией Тельмапа, скрывшего информацию о растрате партийных средств, прямо заявили о своем несогласии с решением Президиума ИККИ о восстановлении того в должности председателя партии. Их дискуссию со Сталиным российский исследователь А. Ватлин совершенно справедливо расценивает как «последний всплеск “коммунистического плюрализма”, характерного для пачального периода деятельности Коминтерна².

Сталин, выступая на заседании Президиума ИККИ, заявил, что Эмбер-Дро и Таска «попали в болото трусливого оппортунизма», «оппортунизма примиренчества в отношении правого уклона», объяснив позицию швейцарского коммуниста «идеологической основой» позиции меньшинства Президиума по германскому вопросу. По мнению генерального секретаря ЦК ВКП(б), Эмбер-Дро ревизовал выводы VI конгресса о «третьем периоде» и «позволяет себе издеваться над всеми теми... которые заявляют о шаткости и шлности стабилизации [капитализма], которые заявляют о том, что пышущая борьба рабочего класса подтачивает и разлагает капиталистическую стабилизацию... над решениями VI конгресса». По мнению Сталина, Эмбер-Дро и Таска, «привыкшие смотреть не вперед, а назад», не увидели парастания в недрах капиталистических стран предпосылок нового революционного подъема рабочего движения и отказались от признания руководящей роли компартий.

Если Эмбер-Дро и Таска категорически возражали против исключения «правых», ссылаясь на постановление VI конгресса о преодолении правых уклонов «в порядке идеологической борьбы», Сталин обратил внимание на другую сторону этого решения, требовавшего *безусловного подчинения меньшинства большинству, безусловного подчинения нижестоящих органов руководящим партийным центрам*. Напомнив требование, содержащееся в «21 условии», об организации партии «наиболее централистским образом», с господством в пей

¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 1. С. 607.

² Подробнее см.: Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые десять лет. С. 104–118.

«железной дисциплины, граничащей с дисциплиной воеппой», вождь партии большевиков ясно указал на необходимость применения дисциплинарных мер не только к «правым» и «примиренцам» в КПГ, но и к их «провинциальным адвокатам, пытающимся представить белое черным, а черное белым», – Эмберу-Дро и Таске¹. Президиум ИККИ в принятой по инициативе Сталина резолюции категорически осудил «лицемерно-оппортунистическую декларацию т. Эмбер-Дро, заклеивив ее, «как недостойный выпад против Коминтерна². Как отмечает Ф.И. Фирсов, «добившись осуждения Эмбер-Дро, Сталин наглядно показал, что любую попытку противодействовать он рассматривает как сопротивление линии Коминтерна. Поскольку считалось, что его мнение следовало рассматривать как мнение возглавляемого им руководства партии, это предопределяло решение любого вопроса»³.

Для Таски этим демаршем закончилась его коммунистическая деятельность. Покинув Москву, он заявил, что «Коминтерна больше не существует», ибо он «у Сталина в кулаке», и обвинил генсека ВКП(б) в теоретическом бесплодии, краже чужих идей, представляемых потом «в схематической форме, производящей впечатление силы мысли, какой в действительности нет... Ему важны не принципы, а монополия власти. С такими-то политикой и методами Сталин представляет в России головной отряд контрреволюции; он ликвидатор (покуда у него развязаны руки) самого духа Октябрьской революции»⁴. Ответом на столь радикальную оценку Сталина было удаление Таски из всех руководящих органов Коминтерна и исключение из итальянской компартии⁵.

Эмбер-Дро, которого Сталин называл «зарвавшимся журналистом, готовым обогнать Коминтерн ради адвокатской защиты правых», не демонстрировал желания сжигать за собой мосты и пытался продолжить поиск компромисса. Это дало возможность вождю ВКП(б) поиграть со швейцарцем в присущем ему стиле: он был пегласно отстранен от участия в обсуждении стратегических вопросов в ру-

¹ О нравой опасности в германской компартии. Речь тов. Сталина на заседании Президиума ИККИ 19.XII. 1928 г. // Коммунистический Интернационал. 1928. № 52. С. 14–20.

² РГАСПИ. Ф. 558. Он. 1. Д. 2883. Л. 1. Цит. по: История и сталинизм. М., 1991. С. 168–169.

³ Фирсов Ф.И. Сталин и Коммунистический Интернационал // История и сталинизм. С. 170.

⁴ Annali Feltrinelli. Vol. VIII. Milano. 1966. P. 67. Цит. по: История и сталинизм. С. 170–171.

⁵ Формально Таска был заменен в составе Президиума ИККИ Р. Грнеко (Гарланд) 14 мая 1929 г. Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шпринг К.К. Указ. соч. С. 143.

ководящих органах ИККИ, членом которых продолжал формально числиться, по оставлен на работе в аппарате Исполкома. Секретарь ИККИ О. Пятницкий предложил в письме к Сталину и Молотову 27 декабря 1928 г.: «Товарища Эмбер-Дро можно было бы папачить заведующим Латипоамериканским секретариатом, а в Бюро Секретариата ввести гг. Петровского и Гусева. Таким образом, в этом Секретариате проведение правильной линии было бы обеспечено». Сталин на полях письма паписал: «Согласен»¹.

Положение Эмбера-Дро в руководстве Коминтерпа было паостолько двусмысленным, что это не могло не отражаться на отношениях внутри Латипоамериканского леддер-секретариата и на отношении к возглавляемой им структуре, а следовательно, ко всему латипоамериканскому паправлению работы ИККИ. Генеральный секретарь ИККИМ Р. Хитаров еще на заседании Президиума ИККИ падвусмысленно дал понять, что Эмбер-Дро и Таска свою особую позицию в важном, па частном вопросе перепоят на всю деятельность Коминтерпа, естественно, и на возглавляемые ими направления работы, то есть фактически обвинил их в проведении фракционной деятельности в Интернационале². Фигуры «комиссаров» от ВКП(б) были выбраны не только по признаку хоть какой-то причастности к делам Латипской Америки, но и для явной демонстрации упижения оального коминтерповского чиповника. И Гусев, и Петровский активно участвовали в осуждении Эмбера-Дро на заседаниях Президиума ИККИ, папседневная работа с ними, несомненно, была для швейцарца дополнительным паказанием. При этом даже не имела особенного значения оценка собственной идеологической позиции Петровского на тот момент, пока он сам не попал в проскрипционный список³.

Борьба Сталина против «правого уклона» в ВКП(б) и Коминтерне папосредственным образом отражалась и на развитии латипоамериканского коммунистического движения. Предпринятая им атака на «известные круги коммунистов», которые отрицают целесообразность лозунга «класс против класса», выступают против самостоя-

¹ Фирсов Ф.И. Указ, соч. С. 170.

² «Правый уклон» в КПГ и сталинизация Коминтерна. Стенограмма заседания Президиума ИККИ по германскому вопросу 19 декабря 1928 г. М., 1996. С. 73–139.

³ Руководитель делегации ВКП(б) в Коминтерне В. Молотов писал И. Сталину еще до возникновения «дела Эмбера-Дро – Таски»: «...из аппарата Исполкома [Коминтерна] иной раз так и ирет запахом кислой капусты оппортунизма. Прямо тошнит от этих Пенниров, да и от Беннетов в Коминтерне. Того и другого надо отшить от амер[иканской] и англ[ийской] компартий, которые они явно *портят*». Письмо В.М. Молотова И.В. Сталину. 10 сентября 1928 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М., 2004. С. 555. Такая оценка не мешала Беннету (Петровскому) возглавлять агитпроп-отдел ИККИ до 1931 г., когда он был отстранен от коминтерновской работы, а позднее репрессирован.

тельных кандидатур от компартии во время избирательных кампаний или не желают заострять вопрос о борьбе с «левой» социал-демократией, что было расценено генеральным секретарем ВКП(б) как наличие внутри компартий людей, «старющихся приспособить коммунизм к социал-демократизму»,¹ в Латинской Америке означала полный отказ от линии на союз антиимпериалистических сил, включая мелкую буржуазию, интеллигенцию, крестьянство. Применение этой линии на практике очень скоро привело к разрыву КПК с Национальной Крестьянской лигой, сведению на нет деятельности ВААИЛ, изгнанию из КПБ А. Перейры за попытку создать союз с «тепентистами» и т. д. В теоретическом и организационном плане это потребовало активизировать борьбу в партиях против «правых измов»: «пепелопизма», «мариатеизма», «рекабаррепизма»².

Учитывая сложившуюся вокруг Эмбера-Дро ситуацию, наиболее опытные аппаратчики ИККИ поспешили дистанцироваться от него, как от проклятого. Уже в ходе разбора германского вопроса С. Мипев направил членам Политсекретариата ИККИ меморандум, где категорически отмежевался от соавторства проекта тезисов о революционном движении в Латинской Америке. Многолетний товарищ швейцарца по Коминтерну обратил внимание руководства на свои разногласия с ним и Тольятти по поводу проекта, указал на свое алиби в связи с авторством («я спорил с ними, говорил с латиноамериканскими товарищами из Леп[инской] Школы и со всеми товарищами, которых интересовало моё мнение») и переложил всякую ответственность на руководство («...я был чрезвычайно поражен и удручен, когда узнал, что Политсекретариат ИККИ одобрил указанный проект. Моё положение рядового сотрудника ИККИ заставило меня замолчать, чтобы не поставить себя в идиотскую позу бузотёра против уже принятого руководящим органом ИККИ решения»). Мипев предупреждал: «Принятие без существенных радикальных изменений указанного проекта принесёт громадный вред, а пользу либо незначительную, либо никакой компартия в странах Лат. Америки»³.

¹ Фирсов Ф.И. Указ. соч. С. 170.

² При проведении в жизнь этой тенденции имели место серьезные противоречия. Осудив Перейру, ЮАСКИ и Латиноамериканский лендер-секретариат, но инициативе А. Гуральского сумели добиться от Л.К. Престеса перехода на позиции Коминтерна, ценой которого стал окончательный раскол «тепентизма».

³ Письмо Стенанова тов. Пятницкому и всем членам Политсекретариата ИККИ, 30 ноября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 39. Л. 90.

В этой ситуации и более высокопоставленные работники ИККИ стремились на всякий случай подстраховаться. О. Куусинен в резолюции на меморандум написал: «Дать тов. Стенанову 1 экз. тезисов и попросить его выработать свои поправки в письменной форме для комиссии. Срок: до понедельника».

Глава 7

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМПАРТИЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

7.1. Подготовка и проведение Первой конференции компартий Латинской Америки

В историографии Первая конференция компартий Латинской Америки рассматривается как одно из самых удачных мероприятий Коминтерна. Участник конференции П. Гонсалес Альберди особо отмечал несколько характеристик, говорящих об ее успешности: были расширены связи между партиями и налажен обмен опытом; форум стал первым региональным мероприятием Коминтерна, проведенным в самой Латинской Америке; в нем участвовали делегаты 14 коммунистических партий и групп континента, Коминтерна, Профинтерна, КИМа, компартий США и Франции; конференция впервые рассмотрела широкий круг проблем, стоявших перед революционным движением континента (международное положение Латинской Америки и военная угроза; антиимпериалистическая борьба и вопросы тактики компартий; деятельность антиимпериалистических лиг; профсоюзный и крестьянский вопросы; расовый вопрос в Латинской Америке; движение коммунистической молодежи; работа среди женщин; проблемы партийного строительства)¹.

По оценке П. Гонсалеса Альберди, конференция «внесла ценный вклад в дело формирования и развития коммунистических партий Латинской Америки», сделала «значительный шаг вперед в согласовании их усилий, в выяснении точек зрения по вопросам, требующим применения общих принципов марксизма-ленинизма с учетом национальных особенностей каждой страны. До того ни одному классу или социальному слою не удалось собрать вместе представителей от большинства эксплуатируемых и угнетенных народов Латинской Америки для координации их борьбы... Именно на долю рабочего класса и его коммунистического авангарда выпала эта историческая миссия»². Первая конференция рассматривалась как образец новой,

¹ Гонсалес Альберди П. 40-летие Первой конференции коммунистов Латинской Америки // Проблемы мира и социализма. 1969. № 6. С. 78.

² Он же. 30-летие Первой конференции компартий Латинской Америки // Там же. 1959. № 7. С. 59.

посткоминтерповской и посткоминформовской, формы интернационального сотрудничества в области теоретической деятельности, предшественница международных и региональных совещаний коммунистических и рабочих партий¹.

Идея проведения латиноамериканской конференции компартий, впервые появившаяся у руководства Коминтерна еще в 1920 г. и фактически дезавуированная в ноябре 1921 г. в связи решением о роспуске Американского агентства III Интернационала, никогда не исчезала из умов руководителей ИККИ, курировавших латиноамериканское направление его деятельности, и тем более самих представителей коммунистического движения региона. Не удивительно, что уже в первые месяцы после раскола в КПА реорганизованный ЮАСКИ вернулся к идее созыва латиноамериканского коммунистического конгресса.

Первоначально предполагалось провести его в Москве накануне VI конгресса, но форум латиноамериканских коммунистов перенесли на время проведения собственно конгресса Коминтерна, мотивировав это невозможностью обеспечить «хорошие делегации» из Аргентины и Чили, недостаточной политической подготовкой встречи, тем, что часть проблем коммунистического движения Латинской Америки уже была обсуждена с коммунистами – делегатами конгресса Профинтерна, и невозможностью технически подготовить резолюции, принятые по итогам состоявшихся бесед². Окончательное решение «увязало» время проведения конференции всех американских компартий с запланированным КИП профсоюзным конгрессом³. Одним из важнейших доводов в пользу такого решения была возможность задействовать в нем делегатов профинтерповского форума. Репрезентативность подобного мероприятия напрямую зависела бы от усилий ЮАСКИ, которому поручалось, таким образом, сформировать профсоюзные делегации, чтобы в их составе оказались подготовленные и опытные руководители компартий, обладающие политическим весом (причем для подстраховки Политсекретариат ИККИ хотел получить раскладку по делегациям заранее).

Уже на учредительном заседании нового состава ЮАСКИ Кодовилья проинформировал собравшихся о поставленных перед ними задачах: обеспечить участие в континентальном коммунисти-

¹ Павлов Э.М. Идеологическое сотрудничество марксистов-ленинцев, Л., 1971, С. 22.

² Письмо Латинского Секретариата ИККИ ЮАСКИ 30 апреля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 32. Д. 35. Л. 9.

³ Принято Малой комиссией ИККИ 25 апреля и подтверждено постановлением Политсекретариата 27 апреля 1928 г., Протокол № 80 заседания Политсекретариата. 27 апреля 1928 г. // Там же. Он. 3. Д. 64. Л. 28.

ческом конгрессе представительных делегаций стран региона; направить в Москву всеобъемлющий план по его организации и подготовительные материалы, в том числе проекты резолюций и повестку дня для их возможной корректировки Президиумом Коминтерна¹. Секретарь ЮАСКИ, немедленно ухватившийся за предоставленную возможность проявить себя на новом посту, решительно взялся за дело. Он сформулировал непосредственные задачи, стоящие перед возглавляемой им структурой: прийти к соглашению с будущим Латипоамериканским профсоюзным секретариатом; запросить у партий подробные доклады об экономических проблемах их стран, специфике ситуации в них и партийных позициях по различным проблемам; на базе полученной информации наметить повестку дня и подобрать материалы для обсуждения на конференции (главной темой при обсуждении должен был стать вопрос о координации и единстве действий компартий в антиимпериалистической борьбе). Для решения задач по политической подготовке конференции была учреждена комиссия в составе В. Кодовиллы, Р. Гиольди и А. Перейры².

Одновременно региональная структура Коминтерна в Южной Америке направила циркуляр всем потенциальным участникам конференции с сообщением о принятом в Москве решении; позднее дополнительно был разослан и проект повестки для форума. Получить необходимые материалы от компартий оказалось делом нелегким: ряд адресатов откликнулись немедленно, остальные фактически проигнорировали направленный запрос, и ЮАСКИ пришлось повторно просить выслать пущую информацию³.

В начале октября 1928 г. ЮАСКИ разработал предварительный перечень проблем, которые предполагалось вывести на обсуждение конференции⁴, главным итогом которого, по замыслу его организаторов, должна была стать разработка основ деятельности Южноамериканского секретариата по объединению и укреплению революционного, антиимпериалистического движения континента⁵. Для выработки единой концепции и общего понимания стратегии и тактики континентального коммунистического движения предлагалось рассмотреть наиболее актуальные вопросы: между-

¹ Стенограмма учредительного заседания ЮАСКИ 29–30 июня и 1–2 июля 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

² Там же. Л. 36.

³ Циркуляр ЮАСКИ Рабочей (Коммунистической) партии Америки (ноябрь 1928 г.) // Там же. Д. 23. Л. 11.

⁴ Письмо секретаря ЮАСКИ В. Кодовиллы в Латинский секретариат Коминтерна [Ж. Эмбер-Дро]. Буэнос-Айрес, 5 сентября 1928 г. // Там же. Д. 19. Л. 36.

⁵ La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires). 1928. № 6. P. 45.

пародная обстановка, угроза войны и страпы Латипской Америки; антиимпериалистическая борьба и проблемы тактики латиноамериканских компартий (характер революции, блок рабочих и крестьян, союзники пролетариата); крестьянский вопрос; расовая проблема в Латипской Америке; деятельность АИЛ; профсоюзный вопрос; работа ЮАСКИ. Основными докладчиками предполагались члены Секретариата В. Кодовилья, Р. и О. Гиольди, А. Перейра, Э. Гомес. ЮАСКИ планировал широкое участие в подготовке конференции партий: КПМ должна была подготовить шесть докладов, компартии Чили и Бразилии – по три, КПА – четыре и по одному компартии Колумбии, Эквадора, Перу, Кубы, Уругвая¹.

Состоявшийся в октябре 1928 г. пленум ЮАСКИ паметил новый временный проект повестки для (уже с именами докладчиков), оставалось подготовить тезисы докладов, разослав их партиям для предварительного анализа и внесения в случае необходимости изменений. Секретариат постоянно требовал превращения партий из простых ремитентов информации в активных участников организационного процесса, пазпачив содокладчиков по запланированным к обсуждению темам, список которых можно было расширять. Обращаться к коммунистам стран Западного полушария приходилось неоднократно, так как многие партии действовали медленно, в том числе и столь важные для координации континентальной работы, как РКПА².

Не дожидаясь окончательных результатов проведенной работы, ЮАСКИ поспешил направить Латипскому секретариату проект временной повестки для конференции с указанием планируемых докладчиков. В случае его утверждения в ИККИ должен был пачаться следующий этап подготовки форума – представление докладов и их корректировка в Москве. Одновременно южноамериканское представительство III Интерпацинала планировало запяться публикацией ряда брошюр о колониальном вопросе, Латипской Америке, опасности империалистической войны, латипских статей по вопросу о колониях и войне. Специальная страница для обсуждения латиноамериканской тематики отводилась журналом «La Correspondencia

¹ Партиям предлагалось выступить с докладами по проблемам, в теоретической разработке или практическом решении которых они имели опыт. См.: *La Correspondencia Sudamericana* (Buenos Aires). 1929. № 7.

² Высшая Исполком американской компартии очередной циркуляр о конференции, Кодовилья новторил, словно магическое заклинание, слова об увеличении «империалистического давления», побуждающего «объединять наши действия, чтобы сделать антиимпериалистическую борьбу более эффективной в соответствии с определенными характеристиками каждой из наших стран». Циркуляр ЮАСКИ Рабочей (Коммунистической) партии Америки. Ноябрь 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 23. Л. 11.

Sudamericana». «Издательско-просветительская» деятельность ЮАСКИ в данном случае являлась выпущенным шагом, необходимым для заполнения вакуума, образовавшегося вследствие невыполнения Москвой своих обещаний создать издательское бюро в Буэнос-Айресе. Кодовилье пришлось еще раз указать Коминтерну на опасность пускать дело организации форума на самотек, а именно это означало фактическое самоустранение руководства ИККИ от подготовки латиноамериканской коммунистической конференции и перекладывание её организации на плечи ЮАСКИ: «Хотя Коминтерн осознал значение Латинской Америки, необходимо “завоевать” наши страны на базе коммунистической литературы. Помните об этом!»¹ Глава ЮАСКИ прекрасно понимал (и именно потому торопился связаться с Латинскоамериканским секретариатом), что назначенное Москвой на май 1929 г. мероприятие в аргентинской столице даже при условии прекрасно отлаженной работы возглавляемой им структуры (что на первых порах получалось достаточно успешно) останется лишь грандиозным проектом с минимальным эффектом в случае, если штаб-квартира III Интернационала не примет самого активного участия в его подготовке и реализации путем направления «прямой делегации Коминтерна» и предварительной дискуссии по латиноамериканским вопросам на VI конгрессе².

Фактически полномасштабная подготовка конференции началась зимой–весной 1929 г. На состоявшемся в марте заседании ЮАСКИ эта тема стала центральной³. Расширение масштабов оргработы по проведению конференции было в значительной степени связано с тем, что Буэнос-Айресу удалось наконец наладить более или менее регулярные контакты с новой московской структурой ИККИ – Латинскоамериканским лидер-секретариатом, который, в свою очередь, начал тщательно анализировать проблемы коммунистического движения континента.

Оценка со стороны временами оказывалась объективнее взгляда изнутри самих латиноамериканских коммунистов на проблемы своего континента. Так, например, ЮАСКИ получил рекомендацию из Москвы добавить к запланированной повестке для обсуждения расового вопроса (проблемы индейцев). Этот аспект и раньше приписывали во внимание члены ЮАСКИ, однако они полагали рассмотреть во-

¹ Доклад ЮАСКИ Латинскому секретариату ИККИ 19 ноября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503, Он. 1, Д. 19, Л. 54; Письмо В. Кодовилье в Латинский секретариат ИККИ 20 ноября 1928 г. // Там же, Ф. 495, Он. 79, Д. 73, Л. 82.

² Там же.

³ Протокол № 19 заседания ЮАСКИ 13 марта 1929 г. // Там же, Ф. 503, Он. 1, Д. 27, Л. 16.

прос об индейском поселении в качестве подпункта при дискуссии по крестьянскому вопросу. Проблемы интеграции коренных жителей Западного полушария в социально-экономические реалии своих стран и возможности их равноправного участия в политической жизни не решены в значительной степени и сегодня, тем более можно представить, насколько остро стоял данный вопрос десятки лет назад. На самом деле руководство Коминтерна все еще действовало механически при рассмотрении проблем различных стран, и предложение обсуждать и расовую проблему одновременно выдвигалось как коммунистами Западного полушария (в том числе и США), так и африканским, и азиатским членам Интернационала. Важнее иное: сам факт такой поправки подтолкнул членов ЮАСКИ к поиску в пущем направлении, и Кодовилья, вспомнив о состоявшихся к тому времени в Буэнос-Айресе беседах с представителями Боливии, смог оценить важность расового вопроса для континента. Вслед за ним и Джеппари указал на возможность при рассмотрении расовых проблем обсудить положение негритянского поселения Бразилии. В конечном итоге региональная структура III Интернационала утвердила четвертым пунктом повестки для дискуссии о расовой проблеме в Латинской Америке¹.

К середине марта, за три месяца до запланированной даты конференции, ЮАСКИ так и не удалось добиться от партий реального сотрудничества в деле подготовки форума. Практически никто не прислал затребованные доклады, секции Коминтерна проигнорировали резолюции Секретариата о сотрудничестве в «*La Correspondencia Sudamericana*» «с целью внести вклад в анализ различных проблем, которые будут обсуждаться на конференции, для того чтобы придать им возможно более широкую политическую базу». КПК, пообещав сотрудничество в области политической подготовки конференции, на практике ничего для этого не предприняла. Коммунисты Эквадора и Перу вообще ограничились подтверждением того, что направят своих делегатов. Да и сами члены ЮАСКИ, по утверждению Кодовилья, оказались явно не на высоте: А. Перейра предлагал подготовить доклад, но его отъезд за пределы Латинской Америки поставил крест на этой идее, докладчик по профсоюзному вопросу Э. Гомес не сумел подготовить в срок текст своего выступления. В итоге, осознавая, что практическая работа по-прежнему окажется задачей членов ЮАСКИ, постоянно находящихся в Буэнос-Айресе, т. е. аргентинцев, Кодовилья начинает торопить остальных сотрудников Секретариата.

¹ Там же.

После утверждения повой повестки дня¹ он пастоял на устанавлении предельного срока для предоставления текстов выступлений для их предварительного обсуждения членами ЮАСКИ (конец апреля), ибо «время уже поджидает» (конференцию глава ЮАСКИ предложил открыть 1 июня). Учидывая скверную работу международной почты и огромные расстояния, разделявшие ЮАСКИ и, например, Кубу и Мексику, которые должны были представить несколько докладов и содокладов, это было очень коротким периодом.

ЮАСКИ полностью солидаризовался со своим секретарем, который справедливо указал на необходимость попытаться провести форум легально, что позволило бы привлечь некоторых делегатов к участию в агитационных мероприятиях, связанных с происходящими в их странах событиями. Кодовилья не был новичком в конспиративной работе и, понимая важность обеспечения безопасности делегатов, заверил о принятии мер «для того, чтобы не повредить тем делегатам, кто находится здесь нелегально»). При этом он, как опытейший аппаратчик, осознал, что проведение форума нелегально, при том что большинство его участников придет под собственными фамилиями и, следовательно, будет идентифицировано полицией, может привести к немалым проблемам, ибо полиция не упустит случая раскрыть «коммунистический заговор»².

По-прежнему оставался открытым и вопрос о пропагандистском сопровождении латиноамериканской коммунистической конференции. К весне 1929 г. обещание Ж. Эмбера-Дро обеспечить перевод на испанский язык и публикацию тезисов и резолюций VI конгресса, что избавило бы от даппой работы ЮАСКИ, так и осталось невыполненным. Секретариату пришлось в очередной раз обращаться к Москве с требованием дать соответствующие указания издательскому бюро III Интернационала в Париже.

¹ «Международное положение, опасность войны и страны Латинской Америки» (докладчик Кодовилья); «Антимпериалистическая борьба и проблемы тактики партий Латинской Америки» (докладчик Р. Гюльди, содокладчики из Мексики, Колумбии и Чили); «Крестьянский вопрос» [докладчик из Мексики, содокладчики из Бразилии, Аргентины (П. Ромо) и Эквадора (Р. Паредес)]; «Проблема рас в Латинской Америке» [докладчик Х.К. Мариатеги, содокладчики из Бразилии (О. Брандао) и Кубы]; «Работа Антимпериалистической лиги» (докладчик из Мексики, содокладчик аргентинец П. Гонсалес Альберди); «Профсоюзный вопрос» [докладчик Э. Гомес (КПУ), содокладчики из Чили, Аргентины (М. Контерас) и Мексики]; «Движение коммунистической молодежи» (докладчик О. Гюльди, содокладчики из Мексики и Уругвая); «Вопросы организации» [докладчик бразилец Кассини, содокладчики из Аргентины (Муњос), Мексики и Чили]; «Работа Южноамериканского секретариата» (докладчик Кодовилья). Протокол № 19 заседания ЮАСКИ 13 марта 1929 г. // РГА-СПИ. Ф. 503. Он. 1. Д. 27. Л. 16–17.

² Там же. Л. 17.

1 марта 1929 г. руководство ИККИ обсудило проект тезисов о Латинской Америке, предложенный Эмбером-Дро, постановило опубликовать его от имени Президиума как основу для обсуждения всеми латиноамериканскими партиями и затем принять на заседании Президиума или Пленуме ИККИ¹.

В Москве с самого начала ждали успеха от континентальной коммунистической конференции. Слишком долго мировая компартия шла к этому событию, чтобы рассчитывать на что-то иное. Конференции в Монтевидео и Буэнос-Айресе предстояло стать важным рубежом в развитии революционного движения Латинской Америки. Профсоюзный форум должен был конституировать Латинскоамериканскую Профсоюзную Конфедерацию, имевшую целью объединение сторонников революционной классовой борьбы и противостояние работе Амстердамского Интернационала, ПАФТ и анархо-синдикалистов. Необходимость проведения континентальной коммунистической конференции объяснялась все более возрастающей ролью Латинской Америки как поля соперничества различных империалистических держав и антиимпериалистического движения в целом. Свидетельствами высокого уровня этого движения III Интернационал считал мексиканскую революцию, борьбу в Никарагуа под руководством Сандино, пробуждение мощного рабочего движения в Колумбии, подготовку новых революционных условий в Бразилии, создание компартий в латиноамериканских странах. После VI конгресса, на котором проблемы революционного движения Латинской Америки стали объектом серьезного анализа, проведенного высшим органом III Интернационала, возникла необходимость углубить изучение основной проблемы — характер, разнovidности и формы революции в Латинской Америке, что должно было стать теоретической и практической основой деятельности ЮАСКИ по объединению и превращению в однородное революционное и антиимпериалистическое движение континента².

Важным обстоятельством, способным осложнить проведение этих мероприятий, были серьезные противоречия между компартиями Мексики и Аргентины, в первую очередь по отношению к деятельности ЮАСКИ. Кодовилья настаивал на необходимости *восстановить* нормальные связи между КПМ и Секретариатом, обвиняя, по

¹ Протокол № 25 заседания Политсекретариата. 1 марта 1929 г. // Там же. Ф. 495. Он. 3. Д. 123. Л. 5–5а. В дискуссии участвовали А. Лозовский, С. Минев, Вильямс (Б. Михайлов), М. Горкич и Р. Хитаров от КИМа, представитель Р(К)ПА Б. Вольф, заготовителем ИККИ Б. Васильев.

² La I Conferencia comunista Latinoamericana // La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires). 1928 (18 de diciembre). № 6. P. 45.

сути, мексиканскую партию в саботаже организации континентальной конференции: партия не ответила ни на одно послание, приглашавшее её принять участие в подготовке мероприятия и пазпачить докладчиков по крестьянскому и антиимпериалистическому вопросам. Секретарь ЮАСКИ декларировал пасаущую потребность в нормализации отношений КПМ с Секретариатом исходя из сложности ситуации в революционном движении континента и необходимости добиться большего единства в борьбе¹.

Континентальной коммунистической конференции предстояло стать первым и главным этапом дискуссии по тезисам о Латинской Америке, предложенным ИККИ, по самокритичной оценке самого Эмбера-Дро, являвшимся только базой для обсуждения проблем революционного движения. Для руководителя Латиноамериканского лидер-секретариата было очевидным паличие ряда вопросов, которые еще только предстояло определить и исследовать в ходе дискуссии. Предвидя усиление противоречий аргентинской и мексиканской секций в связи с проведением конференций далеко от Москвы и считая, что покончить с этим может «только авторитет Исполкома К.И.», он предлагал «для обеспечения [должного] политического проведения конференции и разрешения внутренних конфликтов» направить одного или несколько человек, «паделённых достаточной властью и знающих южноамериканские вопросы, анархо-синдикалистов и товарищей, с которыми предстоит работать»². На приезде «прямой

¹ Беседа с делегатами Мексики. 11 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 73. Л. 27.

В отношении антиимпериалистической работы обвинения Кодовилья шли еще дальше. Он считал, что она у «мексиканских товарищей была направлена *против аргентинской партии* вместо того, чтобы действовать вместе с коммунистами». Так, например, Г. Мачадо, вернувшийся из лагеря Сандино, не информировал ЮАСКИ о результатах поездки, не связался с Антиимпериалистической лигой, ориентировавшейся на КПА, но вошел в контакт с бывшим денутом-социалистом Пересом Лейросом. Публикации члена Континентального комитета ВААИЛ Х. Паса о сандинистском движении в газете «*Crítica*» Кодовилья охарактеризовал как антипартийные. Кроме того, он резко осудил продолжение отношений ВААИЛ с чилистской лигой, несмотря на сообщения ЮАСКИ о том, что «единственной Антиимпериалистической Лигой в Аргентине была «Левая группа», а «чилистская лига являлась маленьким контрреволюционным центром, чья единственная задача состояла в борьбе против партии». Беседа с делегатами Мексики. 11 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 73. Л. 29. Таким образом, секретарь ЮАСКИ в очередной раз продемонстрировал, при молчаливом согласии представителя Коминтерна, сектантский взгляд на Лигу, требуя от Континентального комитета ориентации на коммунистический сектор антиимпериалистического движения и игнорирования возможностей сотрудничества с представителями антиимпериалистических организаций, не контролируемых компартиями.

² В Коминтерне онасились провокаций со стороны анархо-синдикалистов, принимавших участие в работе Подготовительного комитета Монтевидео, но планировавших провести до начала профинтерновской конференции свою «усилить свое

делегации Коминтерна» и ее активном участии в дискуссии в духе обсуждения латиноамериканских вопросов на VI конгрессе настаивал и ЮАСКИ¹.

Таким образом, уровень представительства Коминтерна и Профинтерна приобретал чрезвычайно важное значение для успешного проведения конференций в Монтевидео и Буэнос-Айресе, особенно после того как Политбюро ЦК ВКП(б), трижды обсуждавшее этот вопрос, отвергло предложение о поездке в Монтевидео генерального секретаря Профинтерна С. Лозовского, решив направить вместо него заведующего секцией Восточных стран Л. Геллера с условием, что поездка будет нелегальной и он не будет выступать открыто². Основной причиной отказа в заокеанской командировке Лозовскому была целесообразность его длительного отсутствия в Москве³, хотя целью сбрасывать со счетов и другой мотив – опасение международного скандала в случае ареста за рубежом достаточно хорошо известного спецслужбам генерального секретаря Профинтерна.

В Москве не были приняты во внимание (скорее всего и не были доведены до сведения Политбюро) мотивы Подготовительного комитета конгресса Монтевидео, рассчитывавшего на «большой эффект» от приезда «на свадьбу» [конгресс] самого «дяди Александра» [Лозовского]⁴. Присутствие генерального секретаря Профинтерна

влияние на конференции в Монтевидео, или, если это не получится, чтобы устроить скандал». Эмбер-Дро указывал на пример съезда КПА, «где эти элементы не остановились перед использованием револьвера для того, чтобы вызвать скандал, вмешательство полиции для того, чтобы бросить тень на нашу работу и дискредитировать ее». Заявление Ж. Эмбер-Дро в Малую комиссию Секретариата [НККИ]. Москва, 11 марта 1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 79. Д. 63. Л. 7.

¹ Письмо секретаря ЮАСКИ В. Кодовильи в Латинский секретариат Коминтерна, Буэнос-Айрес, 20 ноября 1928 г. // Там же. Д. 73. Л. 82.

² Протокол № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 марта 1929 г. // Там же. Ф. 17. Он. 162. Д. 7. Л. 52; Протокол № 67 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 марта 1929 г. // Там же. Он. 3. Д. 729. Л. 7; Протокол № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.3.1929 // Там же. Д. 730. Л. 3; Протокол № 68 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 марта 1929 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. Т. 1: 1919–1929. М., 2000. С. 673, 731.

³ Через несколько дней Политбюро приняло решение разрешить Лозовскому поездку на несколько дней в Чехословакию. Предложение Политсекретариата НККИ (т. Куусинен). Опросом членов Политбюро от 16 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Он. 162. Д. 7. Л. 53.

⁴ Письмо М. [Хаскина] дорогому дяде [Лозовскому], 27 марта 1929 г. // Там же. Ф. 534. Он. 4. Д. 292. Л. 52.

На протяжении нескольких месяцев тема личного участия Лозовского в конгрессе является одной из важнейших в отчетах подготовительного комитета: «Писать Вам о том, что [Ваше] присутствие необходимо и лучше до открытия конгресса лишнее»; «Сообщите, кто придет к нам? Ваше присутствие... необходимо»; «Дядя, думаю, что и Ваш собственный вояж надо ускорить», «Мы до сих пор не знаем, придет ли Александр и

и одного из высших руководителей Коминтерна могло оказать благотворное влияние на решение многих сложных проблем, возникших в связи с проведением столь масштабного и значимого для судеб континентального профсоюзного (и коммунистического) движения мероприятия. К их числу относилось неожиданное решение аргентинского профобъединения ФОРА, «выкинувшего фортель» и создавшего до конгресса сторонников Профинтерна параллельный континентальный профсоюзный форум в Буэнос-Айресе с целью создать Конфедерацию анархистских профсоюзов. Это предложение поддержала мексиканская ВКТ, Инициативу ФОРА и в Москве, и в Монтевидео расценили как смешную, считая, что анархистский конгресс «ничего серьезного в смысле реальной силы не представит». Но и не считаться с ней Профинтерн не мог, так как некоторые рабочие организации решили направить делегатов и в Монтевидео, и в Буэнос-Айрес¹. Латиноамериканская секция Профинтерна потребовала «разоблачить раскольническое поведение заправил ВКТ», с одной стороны, подписывающих совместно с лидерами мексиканских профсоюзов – сторонников Монтевидео воззвания к мексиканским трудящимся, а с другой – организующих отдельные конгрессы, не ставя своих партнеров об этом в известность. Лидерам ВКТ было предложено: если они за единство – «пусть докажут это на деле путем отказа от своего участия в конгрессе в Буэнос-Айресе, путем участия в конгрессе в Монтевидео»².

Участие Лозовского в заключительном этапе подготовки конгресса и в нем самом могло, по мнению Подготовительного комитета, повлиять и на колеблющееся руководство УСА³. Отказ УСА участвовать в конгрессе Монтевидео мог породить эффект домино и тогда реальным становилось проведение не конгресса единства левых профессиональных союзов, а собрание делегатов «меньшинств», твердо

другие друзья из разных мест». Письмо Мориса [Хаскина] дорогому дяде [Лозовскому] // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 4. Д. 292. Л. 10.

¹ Такое решение принял, например, IV Национальный Рабочий конгресс в Колумбии, да и сама ВКТ предполагала участвовать в обоих мероприятиях.

² Письмо руководителя Латиноамериканской секции Профинтерна Р. Мартинеса, секретаря Леона [Хайкиса] Орестесу [Ньюди] и Сикейросу. 14 февраля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 6. Д. 105. Л. 155–156.

В итоге анархо-синдикалисты Уругвая, Бразилии, Парагвая, Колумбии, Перу, Гватемалы, Эквадора, Кубы, Коста-Рики, Сальвадора на конгрессе в Буэнос-Айресе (11–19 мая 1929 г.) создали Американскую континентальную ассоциацию трудящихся, секцию Международной Ассоциации трудящихся (Берлинского Интернационала). Дамье В. Анархо-синдикализм в XX веке. М., 2001. С. 40–42; он же. Забытый Интернационал. М., 2006. С. 558–562.

³ Письмо Мориса [Хаскина] дорогому дяде [Лозовскому] // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 4. Д. 292. Л. 10–10 об.

стоящих на позициях Профинтерпа, с участием пескольких паиболее крупных пезависимых союзов¹.

Сам «дядя Александр» очень хотел совершить это путешествие и припать участие в «свадьбе», па которой был готов «немпожко подраяться с апархо-синдикалистами», по с горечью признал, что «по причинам, от меня пе зависящим, дело пе вытанцовывается», хотя конгресс и перспективы дальнейшей работы в Латипской Америке очень интересовали генерального секретаря Профинтерпа².

Решение «родственников³, воспротивившихся длительному отъезду дяди», и сообщение о приезде «другого дяди [Л. Геллера], знакомого со всеми этими проблемами и спабжеппого указаниями», в т. ч. по вопросу о том, «кто, по пашему мнению, должен войти в руководящее ядро, которое должно определить ход и работу съезда»⁴, было для организаторов конгресса холодным душем. Они ждали человека, способного на месте решать сложные проблемы и символизирующего представительство высшей иерархии Коминтерна и его профсоюзного крыла – КИП, а им посылали высокопоставленного профбюрократа, способного лишь ретрапслировать идеи московского руководства. Доводы о том, что «другой дядя, известный восточных и колониальных дел мастер», «больше в курсе положения в Латипской Америке» и сможет оказать пеобходимое содействие, вряд ли могли компенсировать моральные и организационные потери от несостоявшегося приезда Лозовского людям, которые, по его собственной оценке, сделали в Монтевидео большое дело: «взбуглачили весь коптипент», подготовив создание серьезной организации, стремившейся к объединению лучших элементов рабочего движения Латипской Америки⁵.

Учитывая певозможность участия Лозовского в латиноамериканских мероприятиях, Эмбер-Дро просил Малую комиссию Секретариата ИККИ паправить его па конференци в Монтевидео и

¹ Письмо М. [Хаскина] дорогому дяде [Лозовскому]. 30 января 1929 г. // Там же. Л. 15.

В конце концов так и случилось. Слишком решительный настрой по отношению к «раскольникам» и «оппортунистам» привел к отказу от участия в конгрессе представителей и УСА, и мексиканской ВКТ, и ряда других профобъединений. Присутствие в Монтевидео Лозовского, умевшего принимать неординарные решения и облеченного высокими полномочиями, вполне могло способствовать разумному компромиссу.

² Письмо дяди [Лозовского] племяннику [Хаскину]. Берлин, 30 марта 1929 г. // Там же. Л. 54.

³ Политбюро ЦК ВКП(б).

⁴ Письмо дорогому племяннику [Хаскину]. 8 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Он. 4. Д. 292. Л. 40.

⁵ Письмо Александра [Лозовского] Антону [Майеру?]. 7 марта 1929 г. // Там же. Д. 241. Л. 32–33.

Буэнос-Айрес, а впоследствии решить, должен ли он вернуться в Москву или остаться в Латинской Америке на 6 месяцев или на год¹. Опальный швейцарец особо подчеркнул свою лояльность линии Коминтерна, которую, по его мнению, он доказал после освобождения от работы в Секретариате и Президиуме ИККИ, в той сфере деятельности, куда его направили: Антифашистском конгрессе и Латиноамериканском секретариате.

Эмбер-Дро писал: «Исполкому хорошо известно, что я ничего не предпринимал ни в устной, ни в письменной форме после моего осуждения Президиумом и развёртывания против меня кампании в международной печати, при том что у меня была возможность исправить многократные и гротескные карикатуры в легкой полемике»². Отметив наличие разногласий с большинством Президиума ИККИ по теоретическим вопросам, «которые бесспорно менее глубоки, чем то, что я читаю в полемических статьях против меня», и серьезного расхождения по проблемам профсоюзной тактики и внутреннего режима секций и методов руководства ими со стороны Коминтерна, а также то обстоятельство, что «пиком образом участия в общей работе по руководству Коммунистическим Интернационалом» не принимает, Ж. Эмбер-Дро обратил внимание ИККИ на трудности руководства латиноамериканскими делами из Москвы, объяснил это недостатком информации и отсутствием регулярной связи и признал свою работу в Политсекретариате в таких условиях бесполезной. В связи с этим он считал, что его силы могли быть «лучше использованы в самой Латинской Америке», и просил Политсекретариат направить его туда на постоянную работу, чтобы пахать ее с участия в конференциях в Монтевидео и Буэнос-Айресе. При этом он гарантировал абсолютную лояльность руководству Коминтерна: «Нет необходимости указывать, что, несмотря на мои расхождения с большинством Президиума, я буду соблюдать дисциплину в своей работе. Моя деятельность на службе Интернационалу в течение 10 лет не дает оснований для малейших сомнений по этому поводу»³. Эмбер-Дро просился на работу в Латинскую Америку без всякого кокетства. Был он согласен или не согласен с наказанием (принял как

¹ Ж. Эмбер-Дро имел в виду возможность заменить в качестве представителя ИККИ в Южноамериканском секретариате Э. Джениари, которого предполагалось отозвать в Москву еще в начале года. Тогда удалось отменить это совершенно несвоевременное решение, учитывая подготовку конференций в Монтевидео и Буэнос-Айресе и продолжавшийся кризис в КПА. – Заниска Ж. Эмбер-Дро в Малую комиссию, Москва, 12 января 1929 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Он. 79, Д. 63, Л. 2.

² Заявление Ж. Эмбер-Дро в Малую комиссию Секретариата [ИККИ], Москва, 11 марта 1929 г. // Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 8–9.

бывший толстовец со смирением и готов был работать там, где мог принести реальную пользу), но латиноамериканские дела он знал хотя и издавека, но давно и хорошо, насколько это было возможно в аннате Коминтерна. Его многолетняя работа начинала, как ему казалось, приносить плоды, и конференция в Буэнос-Айресе должна была стать ее кульминацией: ее успехом можно было заслужить прощение или, наконец, просто переждать начинавшиеся зачистки в ИККИ вдали.

Неопределенность в вопросе о персональном составе делегаций Коминтерна и Профинтерна в значительной мере тормозили подготовку конференции, и Эмбер-Дро писал в Буэнос-Айрес, что в случае отклонения идеи об его поездке Латиноамериканский генерал-секретариат вышлет подробные инструкции по ее проведению. Таким образом, можно предположить, что руководство конференцией было возможным дистанционно, без прямого участия представителей высшего эшелона Коминтерна¹.

В итоге Малая комиссия ИККИ согласилась с доводами Эмбера-Дро и приняла решение направить его в командировку на латиноамериканские профсоюзный и коммунистический форумы². При этом длительная поездка явно рассматривалась некоторыми руководящими работниками Коминтерна как некий вид «исправительных работ» для неонавшего в сталинскую опалу швейцарца. На это в несколько завуалированной форме ему при инструктаже указал Д. Мануильский. Высказав мнение о возможности возвращения Эмбера-Дро в руководство ИККИ, он заявил: «Вы предпринимаете прекрасное путешествие и увидите много других проблем, и будете иметь возможность подумать о ситуации в Интернационале и я совершенно уверен, что когда Вы вернетесь, все наладится»³.

Сам Эмбер-Дро вряд ли разделял оптимизм Мануильского и имел для этого веские основания. Немедленно после его отъезда из Москвы Политсекретариат ИККИ произвел аннатурную рокировку, назначив на работу в Латиноамериканский секретариат Б. Михайлова

¹ Письмо Латиноамериканского генерал-секретариата ИККИ Южноамериканскому бюро, Москва, 11 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 117. Д. 1. Л. 6.

² Знающие расклад сил в высших эшелонах власти Коминтерна люди понимали, что в сложившейся ситуации статус Эмбера-Дро резко снизился. Не зря Лозовский писал в Моптевидео о том, что «оба приезжих [Эмбер-Дро и Геллер] заменят меня». Дело здесь было не в арифметическом сложении, а в том, что заменить Лозовского один Эмбер-Дро или один Геллер не могли в силу своего положения в московской иерархии. Письмо дяди [Лозовского] племяннику [Хаскину]. Берлин, 30 марта 1929 г. // Там же. Ф. 534. Оп. 4. Д. 292. Л. 54.

³ Humbert-Droz J. De Lénine à Staline, Dix ans au service de l'Internationale communiste (1921–1931). Neuchâtel, 1971. P. 379.

(Вильямса) вместо Петровского¹. Смена одного комиссара от ВКП(б) на другого, может быть, и не задела бы Эмбера-Дро, если бы он находился в Москве. Но, предпринятая в его отсутствие, она наводила на мысль не о смене человека, а об изменении политики, о чем он немедленно написал Мануильскому из Берлина: «Так как Вильямс был всегда и ночи во всех вопросах американских партий в оппозиции к политике, которую я до сих пор проводил в согласии с Президиумом, я не могу считать его назначение ничем иным, как желанием изменить политику в Латинской Америке, и я заранее отмежевываюсь от последствий подобной сектантской и раскольнической политики, я не могу объяснить подобные меры иначе как желанием удалить меня от политической работы в Латинской Америке в будущем»².

Направление Эмбера-Дро в длительную командировку в Латинскую Америку совершенно очевидно стало формой политической ссылки. В случае со швейцарцем выбор места изгнания был естественным: он много лет занимался латиноамериканскими проблемами, хорошо представлял ситуацию и людей и мог со знанием дела участвовать в решении задач, поставленных Коминтерном перед континентальным коммунистическим движением. Его позиция по вопросам стратегии и тактики компартий не расходилась с генеральной линией руководства III Интернационала; но сути, она им и была разработана. Но с этого момента Латинская Америка стала политическим отстойником и для других коминтерновских оппозиционеров: вско-

¹ Протокол № 30 заседания Политсекретариата, 5 апреля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 3, Д. 133, Л. 3.

² Humbert-Droz J. Op. cit. P. 380. Возможно, опасения Эмбера-Дро были не беспочвенны, судя по той скорости, с которой Михайлов приступил к работе на новом месте: уже в день заседания Политсекретариата, принявшего решение об его назначении. Протокол заседания Латиноамериканского лидер-секретариата 5 апреля 1929 г. // Там же, Ф. 495, Оп. 79, Д. 51, Л. 9.

При этом следует отметить и некоторую двусмысленность положения Михайлова в аппарате ИККИ, сохранявшуюся значительное время после поездки в Южную Америку. Ему никак не могли найти работу, соответствующую его опыту и возможностям. Первоначально Политсекретариат назначил его представителем ИККИ при ЦК компартии Югославии, но вскоре Малая комиссия перевела его на должность заместителя заведующего секцией Ближнего Востока Восточного секретариата. Михайлов просил пересмотреть это решение, ссылаясь на незнание проблем региона, изучать которые ему пришлось бы с азав ввиду «их чрезвычайного экономического и социального своеобразия», и, считая, что мог бы быть более целесообразно использован в каком-либо ином лидер-секретариате или отделе ИККИ. Политсекретариат эту просьбу отклонил, оставив «вопрос использования товарища Вильямса в других лидер-секретариатах открытым». Протокол заседания Политсекретариата от 26 апреля 1927 г. // Там же, Ф. 495, Оп. 3, Д. 64, Л. 356; Заявление Вильямса в Политсекретариат. 1 ноября 1928 г. // Там же, Д. 88, Л. 36; Протокол заседания Политсекретариата, 2 ноября 1928 г. // Там же, Л. 2.

ре на работу в Южноамериканское бюро будет направлен «левый» А. Гуральский, а затем – «нримиленец» А. Эверт. Почему Латинская Америка? Это случайный выбор большевистского руководства или продуманное решение, основанное на желании дать возможность еретикам исправиться на периферии мирового коммунистического движения? Может быть, возможные издержки вследствие их «неправильного» поведения в Новом Свете считались не столь значимыми для мировой революции, как, скажем, в Китае или Европе, несмотря на всю риторику деклараций VI конгресса «о втором открытии» континента? Однозначного ответа на эти вопросы нет: логика подсказывает, что именно так и было, но документы молчат¹.

Работа в Латинской Америке привлекала и других видных работников Коминтерна, оказавшихся в оппозиции к «генеральной линии» (или причисленных к ней). Так, например, Д. Ловстон, дезавуируя свое заявление о «ненодчинении» резолюции Президиума ИККИ об американской компартии, просил направить его награничную работу, назвав среди вероятных регионов Индию и Латинскую Америку (Аргентину)². Хорошо понимая невозможность назначения на ответственную работу в Москве или США, он предпочел эти регионы явно потому, что видел там возможность восстановить свое реноме и вернуться к кормилу власти в аннате Коминтерна или американской секции. В Латинской Америке более логичным казалось бы желание поехать в знакомую ему Мексику, но в столь близкую к США страну его не послали бы никогда, опасаясь того, что здесь будут благоприятные условия для продолжения фракционной деятельности.

Изначально возможности континентальной коммунистической конференции были ограничены самим Коминтерном, принявшим решение о необходимости использовать для участия в ней комму-

¹ Трудно согласиться с мнением английских исследователей К. Макдермотта и Д. Агню о смене Эмбером-Дро «московских коридоров власти на более спокойные прерии Латинской Америки». Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 102. Более спокойной работу в Латинской Америке можно рассматривать только исходя из ее отдаленности от Москвы. Проблемы предстояло решать сложные, ответственность Эмбера-Дро за это направление деятельности не уменьшалась, увеличение дистанции от Сталина не спасало от запланированного вождем большевиков наказания за своеволие, а только оттягивало его. Из высшей иерархии коминтерновской власти швейцарец формально удален не был, а вероятность столкнуться со Сталиным в коридорах ИККИ была значительно меньше возможности, что вождь большевистской партии патнется на фамилию Эмбера-Дро в документах.

² Письмо Д. Ловстопа в Политсекретариат ИККИ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 143. Л. 17; Заседание Политсекретариата ИККИ 7 июля 1929 г. // Там же. Д. 144. Л. 31; Письмо Д. Ловстопа в Политсекретариат ИККИ. 30 мая 1929 г. // Там же. Д. 143. Л. 16.

нистов – делегатов профсоюзной конференции в Монтевидео и специально выделить по одному члену ЦК каждой партии, «возможно, наиболее ответственного товарища, который на деле представлял бы руководство партии»¹. Кодовилья настаивал на включении в профсоюзные делегации «самых высокопоставленных членов» Центральных Комитетов компартий – «в меру возможного – ибо, в конце концов, в делегациях окажется коммунистическое большинство по той простой причине, что профсоюзы находятся под руководством наших товарищей. Почему же тогда не включить в делегации ответственных партийных товарищей?»² Секретарь ЮАСКИ не считал нужным скрывать то, что для многих в рабочем движении являлось «секретом Полишинеля», но так не думали в Профинтерне и его представительстве в Монтевидео, настаивая на соблюдении буквы московского постановления: делегатами должны были стать только те коммунисты, которые непосредственно участвовали в профсоюзном движении. И это было естественным: делегаты должны были избираться в профсоюзных центрах с соблюдением демократической процедуры. Таким образом, организационно-финансовые рамки подрубили под корень возможность реализовать основную цель коммунистической конференции – осмыслить сложные теоретические проблемы революционного движения континента и заложить основы федерации коммунистических партий Латинской Америки. Менее чем через год новаторилась ситуация, как на VI конгрессе: большинство наиболее ярких лидеров и теоретиков коммунистического движения континента на конференции отсутствовало.

Обесечению высокого уровня представительства компартий препятствовали и другие обстоятельства, как объективные, так и субъективные. Из-за болезни не участвовали в конференции Х.К. Мариатеги и Р. Гиольди, первоначально заявленные как докладчики. И хотя тезисы сообщений лидера перуанских коммунистов были представлены на конференции, делегаты СПП не смогли отстоять его позицию в ходе полемики, так как это наверняка смог бы сделать сам «Амаута»³.

¹ Письмо Латиноамериканского лидер-секретариата НККИ Южноамериканскому бюро, Москва, 11 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 117. Д. 1. Л. 6.

² Протокол № 19 заседания Южноамериканского секретариата от 13 марта 1929 г. // Там же. Ф. 503. Оп. 1. Д. 27. Л. 16.

³ В ЮАСКИ в тот момент искренне считали Мариатеги «единственным человеком в силу глубоких исследований, проведенных по [расовой проблеме в Латинской Америке], в силу серьезных знаний, которыми он обладает, способным сделать хороший доклад, что даст нам прочную базу для развития нашей тактики». Другой фундаментальной проблемой, экспертами в которой ЮАСКИ считал группу «Амаута», был антиимпериалистический вопрос: на основе какой революционной программы выступать единым антиимпериалистическим фронтом, какова должна быть позиция ком-

Не смог выехать в Буэнос-Айрес и соратник Мариатеги Р. Мартинес де ла Торре, который в ЮАСКИ рассматривался как его дублер в дискуссиях по национальному и антиимпериалистическому вопросам. В Москву для участия в X пленуме ИККИ был вызван А. Перейра, который должен был выступить на конференции с докладом о крестьянском вопросе. Из-за репрессий не поехала в Буэнос-Айрес делегация компартии Чили во главе с Э. Лаферте¹. Был арестован за контрреволюционную деятельность генеральный секретарь СРП Т. Урибе, избранный делегатом конференции на заседании ЦИК².

Некоторые делегаты не смогли поехать в Буэнос-Айрес из-за прений, чинившихся секретарем ЮАСКИ (во всяком случае, так считали в их партиях). В эквадорской партии о созыве конференции узнали из публикаций ЮАСКИ, не получив «никаких сообщений по этому поводу от товарища Кодовильи» [подчеркнуто в документе. – В.Х., Л.Х.].³ Тем не менее СПЭ делегировала Паредеса и Араухо на профсоюзный конгресс с мандатом на участие в континентальном партийном форуме. Однако Паредес ни в Монтевидео, ни в Буэнос-Айрес так и не поехал. В Кито считали, что их партия даже не приглашена на конференцию. И хотя формально это было не так⁴, фактически ЮАСКИ, в первую очередь В. Кодовилья, све-

мунистов в отношении непролетарских социальных слоев, как организовать крупное антиимпериалистическое движение масс. Опыт Перу, где была традиция антиимпериалистического движения («с уклонами, интеллигентами и мелкими буржуа»), по мнению Кодовильи, мог быть весьма полезен для ознакомления с ним участников конференции.

Подчеркивая «абсолютную необходимость» участия Мариатеги и (или) Р. Мартинеса де ла Торре в конференции, Кодовилья подчеркивал, что перуанцы могут рассчитывать на финансовую помощь, и обещал срочно направить в Лиму человека, который подробно проинформирует о подготовке к континентальным форумам и передаст необходимые для поездки средства. Письмо В. Кодовильи Р. Мартинесу де ла Торре. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 6. Л. 9–10.

¹ Гонсалес Альберди П. 30-летие Первой конференции компартий Латинской Америки. С. 59.

² Uribe M.T. Los años escondidos. Sueños y rebeldías en la década del veinte. Bogotá, 1994. P. 274.

³ Письмо Э. Терана и Х.Ф. Каролиса Ж. Эмберу-Дро // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 8. Л. 45.

⁴ ЮАСКИ сообщил СПЭ о созыве обоих форумов, назначении представителя Эквадора содокладчиком по крестьянскому вопросу на конференции компартий и предложил включить в делегацию, направляющуюся в Монтевидео, членов ЦК, которые потом поехали бы в Буэнос-Айрес, чтобы «не готовить двойную делегацию и... чтобы большинство делегатов, едущих в Монтевидео, смогли бы участвовать в нашей Коммунистической конференции. Естественно, что по этому поводу есть соглашение Ком[интерна] и Проф[интерна]. Так что, проблемы, о которых вы говорили, разрешены». В реальности же главный вопрос – финансирование – решен не был. Профинтерн действительно направил деньги для организации поездки эквадорских делегатов, по

ли на нет представительство эквадорской партии, дав основание для утверждения о том, что Южноамериканский секретариат «абсолютно забыл о СПЭ, несмотря на наши постоянные сообщения, в которых мы поднимали крайне насущные вопросы трансцендентального значения»¹.

Предпринимались судорожные попытки расширить представительство на коммунистической конференции за счет делегатов профсоюзного конгресса. Кодовилья, например, во время встречи с посланцами Перу в Монтевидео предложил, «если появится какой-либо товарищ из группы Мариатеги, назначить делегацию для участия в Латиноамериканской Коммунистической конференции», и спрашивал Портокарреро, считает ли тот «возможным включение помимо него товарищей Диаса, Роблеса и Аранды». То, что они не принадлежали к группе «Амаута» и даже не знали о ее существовании «как политической организации», хотя часть из них была учениками Мариатеги в Народном университете, вовсе не смутило Эмбера-Дро, предложившего участникам беседы² высказаться «по поводу желательности их включения в нашу группу и приглашения на конференцию»³. И только твердая позиция Портокарреро не позволила расширить делегацию коммунистов Перу за счет людей, не принадлежавших к коммунистической группе и не уполномоченных ею, но по воле функционеров Коминтерна могли попасть в список элиты континентального коммунистического движения, какими и должны были быть делегаты Первой конференции коммунистов.

Очень немногие делегаты континентального форума участвовали в работе VI конгресса. С одной стороны, это было достоинством – новые партийные активисты получали опыт работы на международном коммунистическом форуме. С другой – свидетельствовало об отсутствии преемственности: большинство не имело опыта обсуждения важных теоретических вопросов и не знало сути дискуссий, прохо-

их не хватило на оплату всех делегатов. Ни в Монтевидео, ни в Буэнос-Айрес не смог поехать даже член Латиноамериканского профсоюзного секретариата и генеральный секретарь ЭСП Р. Паредес, также из-за отсутствия средств не смогла участвовать в коммунистической конференции представительная делегация Эквадора. Письмо ЮАСКИ Центральному комитету КПЭ. 28 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 8. Л. 9; Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Латиноамериканского профсоюзного секретариата. Гуаякиль, 2 мая 1929 г. // Там же. Д. 10. Л. 14.

¹ Письмо Р. Паредеса генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна. 10 августа 1928 г. // Там же. Д. 8. Л. 57.

² В ней помимо Эмбера-Дро, Кодовильи, Дженпари и Рабиновича участвовали делегаты Перу Х. Портокарреро и У. Пеше, представители КПУ Ф. Рамирес и Л. Сала, делегат КПБ Губинелли.

³ Беседа с делегатами Перу, 30 мая 1929 г. // Там же. Оп. 118. Д. 10. Л. 16.

дивших на всемирном конгрессе. Серьезным недостатком оказалось то, что часть делегатов длительное время находилась вне своих стран, не располагала достоверной оперативной информацией о ситуации в партии, не имела инструкций ЦК и возможности довести решения конференции. Все изложенное не умаляет достоинств делегатов, среди которых были личности неординарные, такие, например как боливиец Х.А. Арсе, колумбиец М. Прието, мексиканец Д.А. Сикейрос, кубинец С. Хунко, однако общий уровень обсуждения сложных вопросов стратегии и тактики коммунистического движения континента снижался. Но даже их уровень осведомленности в партийных делах не устраивал эмиссара Москвы, указавшего, например, на невозможность подробно изучить положение в Мексике, потому что в «качестве единственного представителя мы имели Сикейроса и другого товарища, который еще менее, чем Сикейрос, был в курсе партийных дел»¹.

По количественным показателям конференция стала наиболее представительной встречей коммунистов континента. Согласно официальным данным, опубликованным в стенографическом отчете конференции и журнале «La Correspondencia Sudamericana», в ней участвовали 38 делегатов от 14 коммунистических партий и групп (Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гватемалы, Колумбии, Кубы, Мексики, Панама, Парагвая, Перу, Сальвадора, Уругвая, Эквадора), представители Коминтерна, КИМа, фракции Профинтерна, компартий США и Франции, ЮАСКИ и ЮАСКИМ.

Социальный состав делегатов конференции был следующим: рабочих – 51 %, крестьян – 11 %, торговых служащих – 9 %, лиц свободных профессий – 10 %, партийных работников, относящихся к различным социальным слоям, – 19 %².

Полной картины состава участников конференции не удастся выяснить до сих пор. Количество членов делегаций было объявлено в ее документах, но полный список делегатов не приводился. Частично информация о представителях партий содержится в материалах кон-

¹ Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и о Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки, 12 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 53. Л. 61–87. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 116. Отчеты делегатов партий часто выражали их собственную позицию, обусловленную участием во внутрипартийной борьбе. Тот же Сикейрос информировал о позачемши М. Диаса Рамиреса представителем КИМ в Москву из-за расхождений с руководством партии по вопросу об организации профсоюзного центра, по было ли это мнением партии, Эмбер-Дро понять не мог.

² La correspondencia sudamericana. 1929. № 15. P. 24.

ференции, воспоминаниях, но неизвестны фамилии и псевдонимы части делегатов, так как в опубликованных документах указаны сведения только о выступавших. Не все псевдонимы еще раскрыты. Это приводит к путанице: представителем Коминтерна «Луисом» многие авторы считали Кодовилью (у него впоследствии, во время работы в Испании, был псевдоним «Луис Медина»), а некоторые до сих пор идентифицируют «Луиса» как С. Минева¹. Л. Чекини в письме одному из авторов (10 февраля 1978 г.) утверждал, что в конференции участвовал А. Гуральский, однако архивные документы свидетельствуют: летом 1929 г. он находился в Москве и в Буэнос-Айрес приехал только в 1930 г. К сожалению, воспоминания далеко не всегда объективно отражают реальность. Нет никаких документальных подтверждений участия в конференции Х.П. Уэйрайта.

Путаница происходила и потому, что некоторые делегаты Монтевидео, выступавшие на профсоюзном конгрессе под своими именами, в буэнос-айресской конференции участвовали под псевдонимами или меняли их². Можно выделить как минимум две причины этих превращений легальных профсоюзных активистов в нелегальных партийных функционеров: нежелание ставить знак равенства между профсоюзным и партийным форумом и нелегальные условия деятельности компартии Аргентины, в отличие от полной легальности компартии и Подготовительного комитета в Монтевидео³.

В качестве участников континентального партийного форума условно следует рассматривать людей, игравших активную роль в его закулисе, что не освещалось в опубликованных партийных документах: Э. Дженнари, Э. Ньюди (Орестес), его переводчик И. Эчевере (Пас), руководители Комитета Монтевидео М. Хаскин и К. Духовный, работник ЮАСКИМ Х. Каджиано, делегаты профсоюзного конгресса — коммунисты, участвовавшие в переговорах с посланцами Москвы, но не явившиеся на конференцию: мексиканец Э. Барриос, кубинцы Рамирес и Торрес, бразилец Коста, колумбиец Куэльяр.

¹ Simeón R. Páginas del movimiento sindical cubano // Revista Digital Consenso // http://www.consenso.org/articulos/06_01.shtml

² Псевдонимы выбирались произвольно, они не были связаны с предыдущей деятельностью, документами и т. д. Х. Портокарреро вспоминал: «У меня спросили, под каким именем я собираюсь участвовать. Я назвал имя Самора. В нем не была заложена какая-то идея. Я знал вратаря "Реал Мадрид" Самору, игра которого была замечена и вызвала большой энтузиазм у лимской публики». Portocarrero J. Sindicalismo peruano. Primera etapa. 1911–1930. S. L., 1987. P. 177–178.

³ Естественно, под псевдонимами работали приехавшие из Москвы представители Коминтерна и Профинтерна, а также некоторые делегаты, нелегально прибывшие из стран с репрессивными режимами.

Официальные данные носили демонстрационный характер и не другим показателям. Можно, например, не ставить под сомнение наличие у О. Рабате полномочий от компартии Франции представлять ее на конференции. Получение такого мандата было, конечно, чисто техническим вопросом, но формально он вряд ли имелся у находившегося в многомесячной командировке делегата Профинтерна в Южной Америке. Формальный момент, возможно, и не стоил бы внимания, но фактически он, выступая на конференции, высказывал свою личную позицию, а не точку зрения французской компартии.

Анализ состава участников конференции позволяет не ставить и принципиально более важный вопрос: в какой степени ее вообще можно считать коммунистической и континентальной. В проагандистских целях Коминтерн говорил о неуклонном росте коммунистического движения, и приводившиеся выше цифры о количестве партий, участвовавших в конференции, должны были иллюстрировать эту тенденцию. Как типичную PR-акцию можно рассматривать публикацию списка партий, представленных на конференции¹. Сведения, приведенные в этой таблице, настолько расходятся с реальностью, что может сложиться впечатление об абсолютном незнании составителями ситуации в латиноамериканском коммунистическом движении. Хотя в этом утверждении есть доля истины: критерии признания Коминтерном партии, принципы, на основе которых они объявлялись членами III Интернационала, были настолько размыты, что и в самом ИККИ часто путались. Сегодня мы не можем с точностью указать ни дат основания некоторых партий, ни время их присоединения к III Интернационалу, но мотивы такого вольного отношения к партийной истории явно были другими: показать процесс интенсивного развития коммунистического движения континента и его интеграции во всемирную компартию. Впоследствии стали говорить о «компартиях и группах»², но в момент проведения конференции речь шла только о партиях, что создавало впечатление существования достаточно сильного и динамично развивающегося движения.

¹ La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 15. P. 24.

² Характеризуя коммунистические организации, представленные на конференции, П. Гонсалес Альберди отмечал: «Ряд партий, представленных на конференции, не могли называться коммунистическими из-за их организационной структуры и идеологических позиций. В некоторых случаях речь шла о мелких группах, занимавшихся коммунистической пропагандой. Иногда они ограничивались деятельностью в профсоюзах». Гонсалес Альберди П. 40-летие Первой конференции коммунистов Латинской Америки. С. 78.

Точно указана дата образования КПА (1918). Но ни форма образования партии¹, ни дата вступления в Коминтерн² не соответствуют действительности. При этом время приёма в III Интернационал КПМ было перенесено на 1921 г. без учёта того обстоятельства, что на II конгрессе её представитель М.Н. Рой был избран в ИККИ, что свидетельствовало о признании партии национальной секцией. Компартия Бразилии была основана в 1922 г., а не в 1921 г. Компартия Венесуэлы, созданной, согласно таблице, в 1927 г. и «сочувствующей Коминтерну», не существовало вообще: были эмигрантские коммунистические группы, никогда не провозглашавшие себя партией. Не было и компартии Боливии, действовала только небольшая группа, но в таблице говорилось о её формировании в 1929 г. На 1927 г. были перенесены даты создания компартии Парагвая (с 1928 г.) и СРП Колумбии (с 1926 г.). Временем официального приёма компартии Кубы в Коминтерн назван 1926 г., в то время как у колумбийской, парагвайской и эквадорской, признанных вместе с ней VI конгрессом секциями Интернационала, значится 1928 г. Официальной датой основания компартии Чили всегда считалось 2 января 1922 г., но в сведениях «La correspondencia sudamericana» значится 1921 г., а вот момент её приёма в III Интернационал передвинут на 1922 г. (очевидно, имелось в виду участие Л.Э. Рекабаррена в IV конгрессе)³. Самостоятельной партией, созданной в 1927 г., названа Коммунистическая партия Сальвадора, «симпатизирующая Коммунистическому Интернационалу», в то время как существовала микроскопическая сальвадорская группа в рамках КПЦА, считавшейся секцией III Интернационала, а КПС будет основана в 1930 г.

Для внутреннего потребления применялся другой, более трезвый, подход. Анализ результатов конференции, подводившей итоги десятилетнего развития коммунистического движения на континенте, исходя из критериев, предъявляемых Коминтерном к своим национальным секциям, привёл Ж. Эмбер-Дро к убийственному выводу, не встретившему возражений в анналате ИККИ: *коммунистических*

¹ В списке сказано, что она была образована в 1918 г. «как левое крыло СПА», в то время как это был момент выхода левой группы из СПА и провозглашения Интернациональной социалистической партии.

² КПА была признана секцией III Интернационала только в августе 1921 г., а в списке указан 1919 г.

³ Точной даты официального признания КПЧ секцией Коминтерна нет, но в литературе называются 1927 или 1928 г. Некоча Рамирес Э. Зарождение и развитие Коммунистической партии Чили: Очерк социальной и политической истории Чили. М., 1984. С. 180.

партий в Латинской Америке, за исключением аргентинской, уругвайской и бразильской, нет¹.

Если коминтерновский чиновник ставил под сомнение факт существования в качестве коммунистической партии старейшей латиноамериканской секции III Интернационала – мексиканской, то по отношению к остальным его оценки были еще строже. Признавая СРП, только что принятую в Коминтерн, «массовой партией», Эмбер-Дро констатировал отсутствие в ней коммунистической грунны, способной привести «социалистов-революционеров к коммунизму», и отмечал, что ни он, ни ЮАСКИ даже не знают, на кого из «трех элементов, представлявших партию в Буэнос-Айресе», можно опереться для формирования такой грунны².

Несколько по-иному расценивалась ситуация в эквадорской секции: там эмиссар ИККИ видел наличие социалистической партии и «небольшую коммунистическую партию с более или менее франкмасонскими тенденциями внутри», раснавшуюся, но воссозданную в виде «коммунистической ячейки», достоинством которой Эмбер-Дро считал решительную чистку оппортунистических элементов³.

Важным успехом грунны «Амаута» в Коминтерне считали лишение Айя де ла Торре базы в Перу и эволюцию под ее влиянием части сторонников АПРА «в сторону признания необходимости организации коммунистической грунны, организации пролетарской партии». В то же время тенденция к созданию социалистической партии как легальной ширмы компартии воспринималась в аннарате ИККИ как нуть к формированию не пролетарской партии, а партии, объединяющей пролетариат и мелкую буржуазию, которая неизбежно станет реформистской или анархистской⁴. Положительным моментом в деятельности сторонников Мариатеги Эмбер-Дро считал то, что в дискуссиях «они вполне искренне стоят на нашей стороне», хотя

¹ В ответ на реплику Б. Васильева, причислившего к ним КПМ, глава Латиноамериканского леддер-секретариата категорически ответил: «Нет! В Мексике мы не имеем коммунистической партии. Мы там имеем рабоче-крестьянскую партию, мы там имеем все что угодно, только не коммунистическую партию. Если мы возьмем Мексику и Центральную Америку, северную часть Южно-Американского континента, то мы можем прямо сказать, что мы там не имеем коммунистических партий». Степограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 106.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 109.

⁴ Сторонники Мариатеги считали такой путь необходимым для избежания репрессий и подготовки широких масс к восприятию марксистских идей, привлечения интеллектуальных элементов, не готовых вступить в компартию.

«эта грунна еще не связана с Коминтерном... еще не готова принять от нас все директивы»¹. Ключевым здесь является неготовность принять указания Москвы. Иначе никак нельзя понять утверждение об отсутствии связи с грунной, ведущей работу по созданию партии и профсоюзов, участвующей в конгрессах и конференциях под эгидой Коминтерна и Профинтерна, стремящейся вступить в эти международные объединения.

Как «залы поражения» была оценена попытка коммунистической грунны в Боливии завоевать Рабочую партию и продолжение коммунистами своей самостоятельной деятельности. Коммунистические грунны Гватемалы и Сальвадора, несмотря на свою малочисленность уже давно числившиеся в анналах Коминтерна как самостоятельные или как Компартия Центральной Америки (с 1925 г.), приглашавшиеся на конгрессы, сотрудничавшие с КПМ и компартией США², были классифицированы как идеологически и организационно слабые организации рабочих, «старающихся изучать вопросы коммунизма» и ведущих коммунистическую пропаганду в профсоюзном движении³.

Более высокую оценку получила коммунистическая грунна Панама, руководящая Лабористской партией («эти товарищи больше ориентированы, чем товарищи из Центральной Америки»), однако их делегатов Эмбер-Дро занодозрил в сокрытии информации, интересующей Коминтерн, считая «нелишним съездить туда и на месте проверить их сведения»⁴.

Принятая VI конгрессом в Коминтерн нарагвайская партия насчитывала к моменту конференции несколько десятков членов. Ответственность за кризис в КПП коминтерновские структуры возложили на Ибарролу, «боявшегося развернуть выступление против войны» и желавшего разговаривать только с «Интернационалом Москвы, но не с «Интернационалом Буэнос-Айреса»⁵.

В Венесуэле, как заявил Эмбер-Дро, «мы ничего не имеем внутри страны. Мы имеем все ту же грунну в Мексике, и единственным

¹ Степограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 109–110.

² Taracena Arriola A. El primer Partido Comunista de Guatemala (1922–1932). Diez años de una historia nacional olvidada // Araucaria de Chile. 1984. № 27. P. 78.

³ Степограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 117.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же. С. 119.

представителем Венесуэлы все еще является тов. Мартинес, который представляет партию и несуществующие профсоюзы страны». В Коминтерне не следовали правилу короля Лира: из ничего и будет ничего. Фантомные компартия и революционные профсоюзы Венесуэлы были представлены на VI конгрессе Коминтерна, IV конгрессе Профинтерна и профсоюзном конгрессе в Монтевидео, а их делегат даже возглавлял некоторое время Латиноамериканскую секцию КИП¹.

Руководитель Латиноамериканского лендер-секретариата продемонстрировал полное непонимание расклада сил в революционном движении Венесуэлы и его направленности, заявив: «Революционная пропаганда в стране ведется элементами либеральной буржуазии, студентами, имеющими идеологию одновременно фашистскую и национал-революционную, – они берут пример с Муссолини, создавшего величие Италии, и с Сандино, боровшегося против империализма, – они смешали Муссолини и Сандино в одно»². Эмбер-Дро отметил, что элементы, организовавшие «ныржок с Кюрасао», не поддерживают никакой связи ни с Коминтерном, ни с Венесуэльской революционной партией. Эта оценка удивляет: он не мог не знать, что экзекнцию возглавлял коммунист Г. Мачадо, ее подготовкой занималась ВРП, среди руководителей которой большинство составляли члены венесуэльской коммунистической группы в Мексике, поддерживавшие тесные связи с ИККИ и информировавшие Москву, если не об этом конкретном плане, то об идеологии организации революционного восстания в стране, но не получившие поддержки Коминтерна.

Полной неожиданностью для Коминтерна стала информация о наличии на Кубе двух коммунистических партий. Эмбер-Дро даже предположил, что нелегальная партия «имела два не знающих друг друга ядра», и предложил послать из Мексики делегата для знакомства «с обеими партиями, которые мы там имеем»³.

Серьезный недостаток Коминтерн видел в полном отсутствии коммунистического движения во французских, британских и голландских колониях на Антильских островах, а также в Санто-Доминго и Гаити.

После эйфории «открытия Латинской Америки» на Коминтерн обрушился холодный душ негативной информации, потребовавшей вывода: мы не знали о ситуации на континенте. Кто не знал – ИККИ,

¹ Там же. С. 123. Б. Гольденберг образно назвал Р. Мартинеса, представлявшего Венесуэлу на всех этих форумах, «профессиональным венесуэльцем».

² Там же.

³ Там же.

Ж. Эмбер-Дро, работавший на этом направлении почти 10 лет? Очевидно, в Коминтерне просто не хотели отдавать себе отчет в том, что продвижения на континент не получается. Есть названия партий, которые можно приводить в небедных реляциях о развитии международного коммунистического движения, есть отчеты о деятельности, позволяющие делать выводы, давать установки, и все. Ведь и раньше были тревожные сигналы, исходившие от предыдущих эмиссаров (Комина-Александровского, Пестковского, Михайлова), но они не брались в расчет. Нет, конечно, по каждому конкретному случаю меры были приняты, но это не стало новодом для широкомасштабного анализа ситуации. Не Германия ведь, не Китай, от которых зависит судьба мировой революции. Но после VI конгресса изменилось целенаправление: теперь требовалось не столько констатировать, регистрировать, помогать, сколько учреждать, реорганизовывать, строить. Изменились установки, потребовались решительные действия, и первая же серьезная ревизия на месте показала несоответствие действительного положения дел представлениям Москвы.

Реальное состояние коммунистического движения заставляло сделать вывод о невозможности реализации плана создания Федерации коммунистических партий Латинской Америки как системной части функционирования механизма всемирной компартии. Модель взаимоотношений Коминтерна с латиноамериканским революционным движением показала свою неэффективность, поставив под сомнение, во всяком случае применительно к Новому Свету, возможность управления единой политической партией в мировом масштабе.

За десять лет ничего не изменилось в способах получения информации: она шла от самих партий, в некоторых случаях – от эмигрантских центров. Сведения, полученные от ЮАСКИ, были в значительной мере принаряжены в соответствии с интересами ее работников и восприятием ими проблем. Стоило впервые встретиться с латиноамериканскими делегатами на их территории, как изменились оценки. Одной из причин было рассмотрение проблем революционного движения континента вне коминтерновской текучки, вне комплекса проблем всех партий III Интернационала, всех латинских стран. Проблемы на месте стали выглядеть масштабнее, а механизм их решения – ничтожным. Поездка в Латинскую Америку стала шоком и субъективно для отвечавшего теперь только за Латинскую Америку Эмбера-Дро, у которого возникла острая необходимость показать значимость своей деятельности и ее результативность именно здесь. В этой ситуации он явно считал за благо показать реальную картину, какой бы удручающей она ни была. Тем более впечатляющими были бы успехи, на которые он рассчитывал в результате примене-

ния разработанной им после Буэнос-Айреса развернутой программы действий.

Поездка делегатов континентальных форумов была связана с серьезными трудностями различного свойства. Жестким был лимит отпущенных организаторами средств. Мексиканские и кубинские делегаты, например, получили деньги, достаточные на приобретение билетов во второй класс, после чего у них осталось по десять долларов на дорожные расходы, которых, по воспоминаниям Э. Барриоса, еле-еле хватало на сигареты во время морского путешествия через Нью-Йорк, Гавану и Рио-де-Жанейро. Облегчило их финансовые трудности то, что во время пребывания в Нью-Йорке они бесплатно питались в кооперативной столовой, принадлежавшей коммунистам, и получили от американских товарищей дополнительно по 15 долларов. Другой сложностью были отношения с иммиграционными службами и полицией. Во время остановки в Гаване существовала опасность задержания во время осмотра судна в поисках контрабанды и «зайцев» кубинцев С. Хунко и А. Баррейро, числившихся в «черных списках» мацадковского режима. В Нью-Йорке делегаты столкнулись с проблемой иного порядка: для въезда в США требовалось иметь не менее 50 долларов. Иммиграционный чиновник поверил на слово путешественникам, утверждавшим, что у них такая сумма есть, иначе им пришлось бы провести неделю на Эллис-Айленд, не имея права высадиться на сушу.

Большим плюсом длительного путешествия была возможность общаться между собой для обсуждения вопросов предстоящего профсоюзного конгресса, которая расширилась после присоединения к ним в Рио-де-Жанейро венесуэльца Р. Мартинеса и американца И. Хоукинса. Во время пребывания в Монтевидео и Буэнос-Айресе все расходы делегатов оплачивали Подготовительный комитет профсоюзного конгресса, а делегатов Первой конференции частично ЮАСКИ, которые соблюдали режим жесткой экономии¹.

По воспоминаниям Л. Чекини, в 1929 г. возглавлявшего районный комитет КПА Авельянеда, конференция проходила открыто в помещении этого райкома (кормили делегатов здесь же, обслуживанием занимались жены партийных активистов). Жили делегаты и гости в городских гостиницах. Учитывая полулегальное положение КПА, принимались меры предосторожности по сохранению инкогнито посланцев Москвы и делегатов нелегальных партий. Во второй половине дня численность участников резко увеличивалась, к делегатам и гостям присоединялись после окончания рабочего дня работники

¹ Barrios E. El escuadrón de hierro. México, 1978. P. 151–154.

КПА, это превращало конференцию в своеобразную школу партийного актива¹.

Одной из задач двух встреч (профсоюзной и партийной) в максимально сближенные сроки и в максимально близких пунктах была экономия средств и аккумулятивное организационных возможностей ЮАСКИ, КПА, КПУ и Подготовительного комитета Монтевидео. У этого подхода были очевидные достоинства и явные недостатки. Важнейшим недостатком следует признать необходимость для партий включить в делегации на профсоюзный конгресс деятелей рабочего движения, не игравших ведущей роли (за редким исключением) в партийном руководстве, не являвшихся теоретиками и партийными организаторами, что вело к снижению теоретического уровня континентального коммунистического форума.

Серьезной трудностью в организации работы конференции стал нерсональный вопрос Кодовильи. КИП настаивал на исключении возможности *открытого выступления* ЮАСКИ на профсоюзном конгрессе и появления там лично Кодовильи, учитывая его многочисленные конфликты с латиноамериканскими делегациями. Профинтерн поручал обсуждение всех важнейших вопросов с руководящей группой коммунистов, участвовавших в конгрессе, и определение тактики в рамках подробнейших инструкций, разработанных и направленных самим Лозовским «товарищу М.» [Морису Хаскину]². Политический секретариат ИККИ согласился с этим мнением и запретил Кодовилье «показываться в Монтевидео», не объяснив причин такого решения. Авторитарный характер Кодовильи создавал серьезные проблемы для Коминтерна и Профинтерна: сложная комбинация, связанная с желанием привлечь представителей разных течений рабочего и антиимпериалистического движения, начавшаяся во время празднования 10-летия Октября, в построении которой участвовал и аргентинский коммунист, могла рухнуть. В Москве боялись, что присутствие секретаря ЮАСКИ на конгрессе вызовет отрицательную реакцию у некоммунистических делегатов, показав им подчиненность вновь создающего континентального профцентра региональной структуре Коминтерна. Работники ИККИ опасались негативного влияния секретаря ЮАСКИ на деликатный процесс

¹ Письмо Л. Чекини Л.С. Хейфецу. Москва, 5 июля 1982 г. // Из личного архива Л.С. Хейфеца.

Перуанский делегат Х. Портокарреро, не знавший подробностей подготовки конференции, предполагал, что она проходила в помещении Южноамериканского секретариата Коминтерна. Portocarrero J. Op. cit. P. 178.

² Лозовский А. Проект инструкции к съезду профсоюзов Латинской Америки [не позднее 20 марта 1929 г.] // РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 79, Д. 79, Л. 37–42. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 88.

сближения латиноамериканских профсоюзов. Ни в ИККИ, ни в латиноамериканском профсоюзном движении не забыли «дела Греко», и руководители Коминтерна прогнозировали возможность прямого столкновения по этому вопросу в Монтевидео¹.

Это решение спровоцировало заявление Кодовильи об отставке перед самым открытием конгресса. Делегация ИККИ и Профинтерна, понимая трудности, возникающие в связи с этим, телеграфом настояла отменить этот вердикт. Бюрократическая машина Коминтерна работала медленно, ответ, как это неоднократно бывало и раньше, задержался и был получен лишь после конгресса, предоставляя окончательное решение делегации. Московские делегаты на свой страх и риск отменили запрет, и Кодовилья приехал в Монтевидео для участия в переговорах с делегатами-коммунистами. При этом секретарь ЮАСКИ настаивал на своем уходе, утверждая, что решение Политсекретариата свидетельствует об отсутствии доверия к нему Москвы, требовал назначить на работу в Секретариат человека, пользующегося полным доверием ИККИ. Была ли эта позиция Кодовильи искренней реакцией на нанесенную ему обиду или хорошо продуманным ходом опытного аннаратчика, рассчитывавшего на подтверждение своих полномочий в экстраординарных условиях проведения важнейших мероприятий Коминтерна и Профинтерна? В любом случае выигрыш остался за Кодовильей. На совещании членов ЮАСКИ с представителями Москвы было решено сохранить его на посту в Секретариате.

Тем не менее Ж. Эмбер-Дро пришел к выводу о невозможности обеспечить в ЮАСКИ статус-кво и заявил: «...совершенно очевидно, что Кодовилья не может один представлять собой Южноамериканский секретариат, в особенности если теперь работа...

¹ Аргентинский профсоюз металлистов действительно направил на конгресс делегацию во главе с Греко, по оценке представителя Профинтерна, «хорошо подготовленную, политически грамотную, с большой сметкой и споривкой», в то время как «наши ребята оказались слабыми, неумелыми. Как их ни патаскивали, они не раз все делали наизусть. Объективная трудность заключалась в том, чтобы не дезавуировать партию, делавшую в прошлом столько ошибок в профработе, не дать Чиспа и самому Греко отыграться на единстве в Монтевидео, к чему были направлены все его старания». В сложной игре по аргентинскому вопросу, докладывал в Москву Л. Геллер, «нашей основной линией было отвести вопрос о личности Греко, обеспечить в вопросе единства сотрудничество союза металлистов и создать в США и СКА благоприятные условия для нашей работы». Только вмешательство в партию, в которой даже многоопытный московский профсоюзный функционер «не всегда улавливал значение того или другого шахматного хода», «другого дяди [Ж. Эмбера-Дро], с которым по аргентинскому вопросу легко было столкнуться» и который «пакимал на заднего "диктатора" [Кодовилью]», позволило добиться удовлетворительного результата. Письмо Альберта [Геллера] Александру [Лозовскому], Монтевидео, 31 мая 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 4. Д. 292. Л. 158.

расширяется как в политическом, так и в техническом отношении, если из органа Секретариата хотят сделать более живой и полный орган и т. д. Совершенно необходимо усилить Секретариат и надлежащим образом оценить положение»¹. Казус Кодовильи позволил увидеть важную вещь: усилия по реорганизации ЮАСКИ не превратили его в эффективно действующую структуру, способную решать задачи по руководству коммунистическим движением. Московский эмиссар признал: делегат Коминтерна в ЮАСКИ Джениари «политически активный работник», но «не является движущей силой» Секретариата; Р. Гиольди не может работать из-за болезни; Э. Гомес приезжает время от времени и занимается главным образом вопросами Уругвая; А. Перейра тоже не находится там постоянно. В связи с этим перед ИККИ вставал вопрос о самом срочном укреплении Секретариата кадрами.

Конференция долгие годы казалась образцом открытости коммунистического движения. Предварительная подготовка и ход конференции освещалась в партийной прессе («*La correspondencia sudamericana*», «Правде»), были опубликованы для обсуждения тезисы, а затем стенограмма конференции, резолюции, состав участников. В этой внешней открытости проявлялось присутствие в Коминтерне некой эйфории по поводу ситуации в коммунистическом движении Латинской Америки, вызванной характером и масштабами обсуждения проблем континента на VI конгрессе. В ИККИ считали возможным подвести итог победоносного десятилетия и обозначить перспективы решительного наступления. Ход конференции, характер дискуссии, в особенности ее закулисная часть, глубоко разочаровали организаторов, хотя в итоговых документах говорилось об успехе конференции, к ее анализу возвращались и через десятилетия, давая оценки только в превосходной степени.

Чтобы восстановить подлинную картину или часть ее, надо были годы. Открытые недавно документы позволяют увидеть, что официальная часть конференции (дебаты на пленарных заседаниях) была вершиной айсберга. Многие оставались за кулисами: и в подготовке, и в составе, в самом ходе конференции. Для Коминтерна не меньшее, а может быть, даже большее значение имели неформальные встречи с делегациями, позволявшие глубже проникнуть в дела партий, изучить проблемы стратегии и тактики, которые не могли обсуждаться публично. Эти консультации придали конференции «не только ха-

¹ Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. // Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 125–126.

рактер демонстрации и внешней агитации, но и характер внутренней работы». По оценке Эмбера-Дро, она была «подготовлена главным образом во время съезда в Монтевидео» именно переговорами с представителями компартий¹.

Первоначально представителей Коминтерна и ЮАСКИ не очень порадовали обширные доклады, освещавшие состояние революционного движения и доказывавшие необходимость направления Интернационалом «нобольше денег, нобольше делегатов, нобольше военных экспертов для подготовки революции в их соответствующих странах и т. д.». Но в итоге, по мнению Эмбера-Дро, удалось, «преодолевая революционную фразеологию», провести деловые встречи, которые позволили получить информацию о положении рабочего класса и крестьянства, рабочем движении, деятельности компартий и профсоюзов. Эти сведения в значительной степени конкретизировали и уточняли представления, сложившиеся в Коминтерне, стали хорошей основой для организации работы конференции. Эмбер-Дро отмечал «поражающие результаты» этих бесед, «полных интереса и глубоко трогающих революционера». Встречи проходили в разном формате и с разными участниками. Со стороны Коминтерна во всех встречах участвовали Ж. Эмбер-Дро и В. Кодовилья, иногда к ним присоединялись делегат ИККИ в ЮАСКИ Э. Дженнари (Росси), представитель ИККИМ З. Рабинович (Пьер), делегат Профинтерна в Мексике Э. Ньюди (Орестес).

В одних случаях эти встречи носили чисто информационный характер², но большей частью беседы затрагивали важнейшие вопросы стратегии и тактики отдельных партий и всего континентального коммунистического движения. Кардинальной проблемой, обсуждавшейся и на пленарных заседаниях, и в кулуарах конференции, были возможности использования различных организационных форм создания и функционирования партий – проблема, остро дискутировавшаяся еще на VI конгрессе. Этот вопрос касался нескольких партий и

¹ Там же. С. 98.

Первое совещание такого рода Ж. Эмбер-Дро провел еще по дороге в Монтевидео, встретившись в начале мая в пригороде Рио-де-Жанейро с членами Политбюро КПБ. На основании впечатлений от своего краткосрочного пребывания в стране, глава Латиноамериканского секретариата пришел к выводу о существовании здесь «пабирающего силы [рабочего] движения», и «если все это не разрушат в Москве, в Бразилии можно будет сделать великие дела». Humbert-Droz J. Op. cit. P. 388.

² Делегаты Гватемалы и Сальвадора, например, подробно познакомили руководство с историей и социально-политическим положением своих стран и проблемами развития революционного движения. Гватемала // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 70–71; Сал-Сальвадор // Там же, Л. 72; Беседа с делегациями Гватемалы и Сальвадора. 12 июля 1929 г. // Там же. Л. 78.

грунн, учреждавшихся в рамках других рабочих партий или под другими названиями. Своеобразная ситуация сложилась в Панаме, где коммунисты использовали в своих целях инициативу правительства по учреждению партии типа британской лейбористской и сформировали легальную Лабористскую партию с индивидуальным и коллективным членством, внутри которой создали коммунистическую грунну. Это позволило коммунистам действовать легально и контролировать значительный сектор профсоюзного движения страны¹. Позиция Коминтерна в интерпретации Эмбера-Дро была жесткой – устранить разнообразие в формировании компартий: в нанамском случае коммунистам ставилась задача преобразовать Лабористскую партию в партию, основанную на принципах Коминтерна, а учитывая ее пролетарскую базу, не только учреждать блоки рабочих и крестьян, заменяя коллективное членство в партии на вхождение профсоюзов в эти блоки.

Другим стратегическим вопросом для латиноамериканского коммунистического движения являлась возможность союзов с другими политическими силами и непролетарскими секторами революционного движения. Делегация компартии Бразилии поставила перед ЮАСКИ и представителем Коминтерна вопрос о возможности выдвигать своих кандидатов на президентских выборах или поддержке кандидатов революционной мелкой буржуазии. КПБ расценивала ситуацию как деликатную, потому что речь шла не только об электоральных шансах партии. Бразильские коммунисты видели реальную возможность революционных выступлений, в которых ведущую роль должна была сыграть мелкая буржуазия. Для партии возникала необходимость определить позицию в отношении непролетарских революционных движений, в том числе в связи с вопросом о президентских выборах 1930 г. В качестве приоритетного варианта рассматривались консультации с Л.К. Престесом, при условии «его готовности бороться на нашей стороне» предполагалась поддержка его кандидатуры на пост президента².

¹ Беседа с делегацией Панамы, 12 июня 1929 г. // РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 116. Д. 2. Л. 1–2.

² Первая прямая встреча лидера КПБ А. Перейры с Л.К. Престесом произошла в декабре 1927 г. в Бразилии, где «рыцарь надежды» похаживал с группой своих соратников по «непобедимой колонне». На переговорах обсуждалась проблема политического альянса коммунистов и «Колонны Престеса», в более широком плане союза революционного пролетариата, находящегося под влиянием компартии, и народных масс, в особенности крестьянства, находящегося под влиянием «Колонны» и ее командующего. – Pereira A. Formação do PCB (Partido Comunista Brasileiro). 1922/1928. Lisboa, 1976. P. 131–132.

Впоследствии Престес расценил эти контакты (во время которых он «получил первые сведения о русской революции, о коммунистическом движении», ознакомился

Делегат Коминтерна заявил о недонустимости ставить нозицию партии в отношении выборов в зависимость от ноложительного или отрицательного ответа Престеса, нотребовал нроявлять больше независимости в отношении нолитики революционной мелкой буржуазии, выдвигать на выборах собственных кандидатов и собственную нрограмму на базе нервоочередных требований, связывая их с фундаментальными задачами: земля – крестьянам и рабоче-крестьянское нравительство. «Это мелкая буржуазия должна онределиться, а не наша партия, – заявил Эмбер-Дро делегатам КПБ. – Во всех наших действиях мы должны стремиться к следующему: если мелкая буржуазия ноддерживает наших кандидатов – хорошо, если она их не ноддерживает, наша ясная и четко онределенная нрограмма лучше нрограммы мелкой буржуазии. Пусть Престес нредставит массам нрограмму, отличающуюся от нашей, чтобы реализовать ту нолитику, о которой я говорю. Необходимо... чтобы наша партия выступила как независимая сила»¹. Его ноддержал Кодовилья, расценивший нозицию партии в отношении тенентистов как онасную, нолагая, что «речь идет о настоящем нодчинении нашей партии нолитике мелкой буржуазии, ибо каждый раз, когда нам нужно будет осуществить какое-либо интенсивное революционное действие, мы тут же задаемся вопросом, а что по этому новоду нодумает колонна Престеса?»

Вершители судеб латиноамериканского коммунистического движения усматривали в стратегических установках бразильских товарищей «ошибочное нредноложение» о необходимости осуществления революции мелкой буржуазией и вытекающий из этого тактический нросчет при создании совместного с тенентистами военного комитета, лидером которого оставался «Рыцарь надежды», «как будто партия должна оставить руководство новстанческим движением в руках мелкой буржуазии». Престесу был брошен унрек в том, что его революционность «выражалась лишь в нескольких нутаных декларациях и демагогической нронаганде», а КПБ нредлагалось рассматривать его кандидатуру при условии нринятия им нрограммы партии и участия в выборах «не с видами на “мирное” разрешение, а рассматривая их как средство агитации масс для революции. При этом в ИККИ и ЮАСКИ исходили из нреувеличенного нредставления о влиянии партии на массы и неносредственно, и через Рабоче-Крестьянский блок. Контакты с Престесом объяснялись «недостаточной смелостью» КПБ, не считавшей возможным нретендовать на роль лидера

с марксистской литературой) как важный рубеж в своей жизни. Престес Л.К. Выбор, сделанный полвека назад // Проблемы мира и социализма. 1973. № 1. С. 78.

¹ Беседа с делегатами Бразилии о проблеме тактики. 12 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 79.

грядущей бразильской революции¹. Особенно решительно на необходимости для партии возглавить независимое движение, единственную революционную силу, «научиться умно работать для того, чтобы суметь бороться с Престесом и выступить совершенно независимо», настаивал представитель КИМа З. Рабинович, считавший Престеса неспособным «разрешить сложившуюся ситуацию»². Подход коммунистических чиновников был абсолютно волюнтаристским: «меньше озабоченности Престесом и больше веры в боевой дух масс». Такой лозунг не учитывал бразильских реалий, исходил из благих пожеланий, а не из объективной оценки влияния «тенентистов» на массы. Говоря о «настоящем едином фронте», они подразумевали «фронт, который реализуется среди рабоче-крестьянских масс, а не тот, что реализуется между некоторыми мелкобуржуазными элементами и профсоюзными организациями рабочих и крестьян». Любые соглашения с Престесом рассматривались всего-навсего как необходимый маневр. КПБ предлагалось заставить мелкую буржуазию принять коммунистическую программу под вывеской Рабоче-крестьянского блока, вынудить группу Престеса «претворять ее в жизнь», и, «так как это будет невозможно... продемонстрировать трудящимся массам, что мелкая буржуазия не является революционной, единственное, на что она способна, это заниматься демагогией»³. Такая позиция, которая позднее была оформлена в виде письма ЮАСКИ к КПБ, лишала бразильских коммунистов инициативы в борьбе за создание единого фронта с левыми «тенентистами» в момент, когда за участие их лидера в борьбе на их стороне боролись различные политические силы, видя в нем «великого каудильо», которого давно ждали. В этом отношении к Престесу было нечто от поисков мессии»⁴. При этом практически все группировки, пытавшиеся заручиться поддержкой Престеса, да и сам вождь «непобедимой колонны», как отмечает Б.И. Коваль, вели «двойную и даже тройную игру, надеясь добиться для себя наибольшей выгоды»⁵.

Двусмысленность позиции КПБ, руководители которой хотели альянса с Престесом, но опасались нарушить директивы, выработанные в Буэнос-Айресе, привели к выдвиганию на следующем этапе переговоров с ним условий, на тот момент заведомо неприемлемых для генерала. В итоге партия была вынуждена прекратить прямые

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 80.

² Там же.

³ Там же. Л. 81.

⁴ Амаду Ж. Луис Карлос Престес. М., 1951. С. 203–204.

⁵ Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005. С. 92.

контакты с генералом и впрямь действовать через ЮАСКИ, чего, по сути, и добивался подержанный Эмбером-Дро Кодовилья, считавший недонустимой самостоятельность партии в принятии столь важных решений¹.

Как в канале воды был виден узел противоречий латиноамериканского коммунистического движения во время встреч с делегатами Мексики. Во-первых, обмен мнениями показал, что, несмотря на дискуссии по «мексиканскому вопросу» в специальной комиссии ИККИ, на страницах «Коммунистического Интернационала» и во время VI конгресса, не было выработано консолидированного подхода к оценке ситуации в стране и положения в революционном движении. Во-вторых, как и во многих случаях ранее, коминтерновские функционеры опирались на случайную информацию; не имея данных по всей стране, делегат Родригес Серилья оценивал ситуацию в крестьянском движении и отношения НКЛ с КПМ на примере положения в штате Веракрус. Это не мешало ему на основании личного опыта дать оценку деятельности партийного руководства: ЦК не «хватает решительности, прежде всего потому, что его члены окончили в столице и не связаны с движением, развивающимся в различных регионах страны», он призвал ЦК покинуть Мехико и «окрестьяниться» (вжиться в быт и традиции крестьян, завоевываая их симпатии и таким образом обрести среди них влияние)².

Циничным выглядит поведение руководителей конференции по отношению к позиции Сикейроса (Суареса), подвергших на пленарном заседании резкой критике мексиканского делегата, заявившего: «Объективные и субъективные условия Латинской Америки являются откровенно революционными... Если мы немедленно не возьмемся за оружие, то совершим серьезную ошибку». «Самое главное для Суареса – действовать вне зависимости от результатов, поскольку в случае разгрома остается возможность уйти в Сьерру. Ни в коем случае нельзя бездействовать, так говорит нам товарищ Суарес»³, – такова характеристика В. Кодовильи этой тактики, названной на конференции «революционным каудильизмом» в противопоставлении каудильизму буржуазному. Возражая делегату

¹ Подробнее о переговорах членов ЦК КПБ Л. Басбаума и П. Ласерды (июль 1929 г., Буэнос-Айрес) с руководителями теперистского движения – Престесом, Сикейрой Кампосом и Жуаресом Таворой см.: Коваль Б.Н. Указ. соч. С. 92–95.

² Беседа с делегатами Мексики. 11 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 26–27.

³ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera conferencia comunista Latino Americana, junio de 1929, Editado por la Revista «La Correspondencia Sudamericana». Buenos Aires, 1929. P. 191.

КПМ, он настаивал на том, что нет революции без серьезных объективных предпосылок, что революция не может развиваться иным путем, кроме пути массового движения. Его поддержал Эмбер-Дро, предостерегавший против революционного нетерпения, вызванного опасением, что работа по созданию настоящих компартий потребует годы. «...Без движения масс нет революции. Нам нужна революция, а не голова [Хуана Висенте] Гомеса... она даст... землю крестьянам, власть трудящимся и уверенность в мирном и процветающем трудовом будущем», – подчеркивал представитель ИККИ¹. Таким образом, публично участники конференции отмечали невозможность вооруженного выступления без серьезных объективных предпосылок, настаивали на отсутствии альтернативы массовому движению, на невозможности революции развиваться иным путем, кроме пути массового движения. Организация компартий как боевого авангарда трудящихся, их тесная связь с массами, создание организационных форм, позволяющих оказывать влияние на действия масс, мобилизовать их на борьбу – таков единственно верный путь к победе революции, указывала конференция².

Авторы официальной истории Коминтерна упростили Сикейроса в попытке убедить делегатов «не терять времени на ожидание пролетарской революции, а... создавать очаги восстания в каждом районе», потому что во всей Латинской Америке уже сложились условия для революции, и следует немедленно «устроить вооруженное восстание». Эта точка зрения характеризовалась в своеобразном «Кратком курсе» как «проявление субъективизма, которое на практике вело к ликвидации пролетарских партий, к их растворению в мелкобуржуазной стихии»³. На самом деле Сикейрос вовсе не был идейным предшественником Режи Дебре, считавшего партизанский отряд адекватной заменой политической партии в условиях перманентно существующей в Латинской Америке революционной ситуации, а

¹ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera conferencia comunista Latino Americana, junio de 1929. Editado por la Revista «La Correspondencia Sudamericana», Buenos Aires, 1929. P. 98.

² Ibid. Для Гарсиа Тревиньо призыв Суареса выглядит как «послушное и рабское восприятие» им приказов Кодовильи и Лунса, т. е. тех участников конференции, которые подвергли авантюристический тезис мексиканского делегата резкой аргументированной критике. Дискуссии на конференции Гарсиа Тревиньо не заметил и пришел к выводу о том, что «делегаты приняли без исключений и оговорок инструкцию Лунса и Кодовильи». García Treviño R. La ingerencia rusa en México (y Sudamerica). Pruebas y testimonios. México, 1959. P. 95.

³ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 306. Следует отметить участие в авторском коллективе В. Кодовильи, который через сорок лет воспроизвел свою публичную позицию, но не считал возможным обратиться к содержанию кулуарной дискуссии.

представители Коминтерна не выглядели яростными противниками вооруженного пути революции.

В действительности на конференции и в ее кулуарах лидер УПКМ и член ИК КПМ не призывал заменить деятельность партии партизанской борьбой, а говорил о позиции партии во время антиправительственного мятежа, когда сложилась своеобразная ситуация, требовавшая неординарных решений. КПМ не могла поддерживать реакционный мятеж, как не могла и однозначно встать на сторону Портеса Хилья, который, с одной стороны, унывал коммунистов, в том, что они оставляют правительство в одиночестве и настраивают против него Национальную Крестьянскую лигу, с другой стороны, отказывался снабжать рабочих оружием, объясняя это нежеланием «кормить волков мясом»¹. Руководители партии, выдвинув лозунги «Все они одним миром мазаны» и «Вышедшая из берегов река приносит удачу только рыбакам», занялись поисками оружия и созданием центров сопротивления, считая своей задачей в случае быстрого окончания мятежа не допустить разоружения своих отрядов (имея в виду бойцов НКЛ), а при длительных военных действиях занимать фабрики и сельскохозяйственные предприятия. По оценкам Сикейроса, у партии и НКЛ только в Веракрусе было 8–10 тыс. карабинов, в Халиско 600 вооруженных шахтеров шли за коммунистами. Возможно, это было некоторым преувеличением, но то, что правительство считалось в тот момент с НКЛ и стоявшей за ней компартией как с реальной силой, очевидно.

По мнению Сикейроса, главным лозунгом партии должен был стать призыв к революции, иначе ее ждет уничтожение «ношением такого же террора, который развернули против движения кристерос»: «*Настал решающий час для партии. У нас есть оружие, и все готово для начала борьбы. Можем ли позволить разоружить и уничтожить нас? Наша задача состоит в том, чтобы создать Сандино в каждом штате, развернуть партизанскую борьбу. Это найдет отклик в других странах Латинской Америки и создаст, возможно, другие вооруженные движения, например в Колумбии. Если реакция будет побеждена, создастся ситуация, аналогичная венесуэльской, влияющая на латиноамериканские страны в гораздо большей степени, нежели ситуация в Никарагуа. Вот что должны мы обсуждать на нашем съезде*». Главным препятствием на этом пути мексиканский делегат считал немногочисленность партии и недостаток в ней теоретиков².

¹ Беседа с делегатом Мексики, 28 мая 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 22.

² Там же. Л. 23.

На секретных встречах все выглядело совсем не так, как на открытых заседаниях. Позиция Сикейроса была, несомненно, левацкой, но, обвиняя мексиканца в «революционном куадильизме», его критики выступали с позиций не менее авантюристических. На встрече с делегатами КПМ в узком кругу Ж. Эмбер-Дро унывал партию вовсе не в «каудильизме», а в отсутствии политического содержания поддержки правительства при подавлении мятежа, когда члены НКЛ отбили Веракрус и передали его в руки властей. Делегат Москвы заявил, что там могла проявиться «подлинная отвага... ибо мы бы там оказались хозяевами государства – выдвижением вопроса о создании советов, об образовании в Веракрусе рабоче-крестьянского правительства вместо того, чтобы действовать в Веракрусе, как если бы мы составляли часть армии Портеса Хилья»¹. «Не следует ограничивать нашу тактику "герильей". Если есть необходимость уйти в горы, это надо делать; но сначала надо развернуть борьбу против реакции, придать вооруженной борьбе политическое содержание, тесно связав ее с защитой основных нужд рабоче-крестьянских масс», – наставлял мексиканских коммунистов Эмбер-Дро, сетовавший на слабость ЦК КПМ, «не обсудившего вовремя проблему революции, для того чтобы заняться военной организацией и осуществить работу по привлечению на свою сторону партизанских вождей»².

«Луис» ориентировал КПМ на противостояние с «канитулировавшим перед империализмом» правительством, которое «нытается закончить с партией насильственным путем, убивая товарищей, руководящих выступлениями масс». С его точки зрения в Мексике существовали два варианта развития событий: победа реакционной помещичьей диктатуры или установление трудящимися рабоче-крестьянского правительства, соответственно, он призывал партию к открытой борьбе за власть, переходу от обороны к наступательным действиям: «Надо перейти в контрнаступление: партия не должна исчезать из вида, наоборот, она должна сражаться открыто, в том числе с оружием в руках, для того чтобы добиться своего легального существования»³. Делегат ИККИ видел в сложившейся ситуации лишь два возможных варианта развития событий: установление но-

¹ Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. // Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 117.

² El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones... P. 191.

³ Беседа с делегацией Мексики, 28 мая 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 79, Д. 73, Л. 26–27.

мещичьей реакцией диктатуры, стремящейся уничтожить насильственным путем рабоче-крестьянское движение, или вооруженную борьбу трудящихся за установление рабоче-крестьянского правительства, и призывал КПМ «открыто бороться за власть и перейти от обороны к наступательным действиям». Эта позиция была декларирована Эмбером-Дро как инструкции Секретариата Коминтерна мексиканской партии, которые делегаты КПМ должны были довести до сведения руководителей и потребовать от них конкретных указаний по их воплощению в жизнь. Рекомендации для КПМ, прозвучавшие в Буэнос-Айресе, будь они бездумно реализованы партией, означали в тех условиях просто-напросто разгром коммунистического движения¹.

На встрече с делегатом КП США Эмбер-Дро и руководители ЮАСКИ в очередной раз попытались перевести в практическую плоскость проблему установления тесных связей между американской партией и Секретариатом, обращая внимание на то, что «если верно... что американский империализм все в большей степени становится арбитром в проблемах латиноамериканских стран, важно, чтобы наша партия в США помогла в борьбе против этого империализма внутри своей собственной страны и в латиноамериканских странах». Кодовилья расценивал отношения с американскими товарищами как «исключительно бюрократические»: компартия США никак не откликнулась на призыв активно сотрудничать в политической подготовке латиноамериканской коммунистической конференции.

Американским коммунистам предлагался конкретный план сближения, предусматривавший направление в США латиноамериканских товарищей для изучения ситуации в стране и «маневров империалистов»; издание бюллетеня на испанском языке «для информирования полуколоний о рабочем движении в метрополии и анализа проблем антиимпериалистической борьбы»; обмен функционерами между ЮАСКИ и КП США. Эмбером-Дро была выдвинута абсолютно утопическая идея: посылать коммунистов из США и Великобритании в страны Латинской Америки, но «не в качестве функционеров, а в качестве рабочих – с целью поддержания самых близких отношений между пролетариатом метрополии и пролетариатом угнетенных стран». Основным доводом в пользу этого предложения было то, что американским рабочим легче работать в стра-

¹ После ликвидации генеральского мятежа, в которой важную роль сыграли крестьянские отряды, власти обвинили некоторых лидеров НКЛ в «антиправительственном заговоре» и заарестовали в июле 1929 г. КПМ. См.: История Латинской Америки. 1918–1945. С. 27–28.

нах, где существуют диктатуры, нреданные США, чем товарищам из Латинской Америки¹.

Партии обращались к Коминтерну за организационной и финансовой поддержкой. Гватемальские делегаты, ссылаясь на получение своими сорерниками – анархистами субвенций от Берлинского Интернационала, нзволяющих им нроявлять значительную активность в рабочем движении, нросили ИККИ выделить средства на оплату работы двух-трех освобожденных функционеров и принять двух членов партии в МЛШ. Это могло номочь расширить возможности КПЦА, создавшей (с номощью Р. Блекуэлла) секцию партии в Гондурасе и обладавшей влиянием в ряде профсоюзов, в том числе реформистских, и сельскохозяйственных общин.

Ответ делегата Коминтерна, мягко говоря, был сдержанным: «Невозможно финансировать работу трех секретарей в партии, насчитывающей нятьдесят членов». «Луис» нредложил груннам, которые «не доросли до уровня партии, заняться нролетарской борьбой и нроникнуться всеми ее аспектами», а средства для организации борьбы искать среди самих масс. «Возможно, К.И. сможет оказать вам разовую номощь, но товарищам не стоит тешить себя иллюзиями о ностоянной номощи. Наша номощь будет состоять в другом: мы номытаемся номочь в политическом обучении кадров наших партий, носылая товарищей из ваших стран в Университет Трудящихся Востока и интенсифицируя отиравку брошюр, книг и т. н.», – заявил Эмбер-Дро². Этот диалог с гватемальскими коммунистами лучше, чем что-либо другое, номказывает, как ущербна номозиция авторов, утверждающих об абсолютном вмешательстве Коминтерна в дела партий и их материальной поддержке. На практике это далеко не всегда было так. Но в партиях ждали такой номощи, и это не было желанием номучать нодачки из Москвы. В Коминтерне видели организатора коммунистического движения и ждали его участия в решении проблем. В первую очередь это касалось партий, борющихся в условиях жесточайшей реакции, как в Гватемале. Практика номказывала, что далеко не всегда численность партии была равна степенн ее влияния. Гватемальский пример как раз один из самых номказательных. Видимо, диктатор Х. Убико номинимал это лучше функционеров Коминтерна, обрушив на партию жесточайшие ре-

¹ Беседа с делегацией Соединенных Штатов // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 6. Делегата Коминтерна, возможно, вдохновлял пример Д. Харгфилда (если он вообще знал о подробностях одиссеи загадочного американского коммуниста), но вряд ли в секциях стран-метрополий можно было отыскать хотя бы несколько таких же самоотверженных, знающих языкн, теоретически подкованных коммунистов.

² Беседа с делегациями Гватемалы и Сальвадора. 12 июня 1929 г. // Там же. Л. 78.

нрессии. И уснех гватемальских коммунистов, нолучивших в 1940-е – 1950-е гг. ноддержку своих единомышленников из других стран и сумевших стать важной составляющей нолитической жизни носле Октябрьской революции 1944 г., вероятно, демонстрировал унущенные III Интернационалом возможности в Центральной Америке. Бухгалтерский нодход к революционному движению нротиворечил основополагающей идее международной комнартии. Конечно, Эмбер-Дро не был Нострадамусом, но задача Коминтерна состояла не только в том, чтобы констатировать ситуацию в революционном движении, но и в том, чтобы нрогнозировать и направлять его.

Важной частью дискуссии на конференции было формирование комнартии в Перу. В Коминтерне долгое время существовала серьезная озабоченность отсутствием своей организации в Перу в то время, когда ситуация там требовала «как можно быстрее создать коммунистическую партию»¹. Это было одной из причин длительной борьбы работников аннарата ИККИ за Айя де ла Торре и вноследствии стало важной составляющей нротивостояния с АПРА. Во время нребывания Х. Портокарреро в Москве именно ему, несмотря на его сомнения в целесообразности создания в тот момент комнартии (он считал более нредпочтительным для рабочего движения страны учреждение секции АПРА), нредлагали взять на себя инициативу по ее формированию. Сам же носланец грунны «Амаута» считал такое дело нод силу только ее руководителю Х.К. Мариатеги². В итоге в Москве признали «весьма затруднительным» дело создания в Перу комнартии «без активной номощи грунны Раймондо»³. Только рассеяние иллюзий, которые он нитает по отношению к А.П.Р.А., сделают его активным создателем партии, наряду с Мариатеги [так в тексте. – В.Х., Л.Х.], ибо номимо его искренности и нреданности он обладает большими организационными нспособностями»⁴.

Первоначальный план отмечал «недостаточность сохранения статус-кво, т. е. сохранения литературной грунны Мариатеги», требуя от нее «нроникнуть в нролетарскую массу и нпривлечь лучших нролетарских активистов». Коминтерн считал необходимым *убедить* Портокарреро в необходимости отказаться от иллюзий в отношении

¹ Предложение по перуанскому вопросу. [Служебная записка Латипоамериканского лидер-секретариата]. 28 мая 1928 г. // Там же. Оп. 118. Д. 41. Л. 1. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 81.

² Документ без названия [О состоянии революционного движения в Перу] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 8. Л. 15.

³ «Педро Раймундо» – псевдоним Х. Портокарреро во время его поездки в Европу.

⁴ Документ без названия [О состоянии революционного движения в Перу] // Там же. Л. 18.

АПРА, показав ему на примерах, что представляет собой деятельность этой организации»¹. С другой стороны, ИККИ предполагал направить Мариатеги специальные директивы об идеологических и организационных принципах создания компартии.

Объявление о создании 7 октября 1928 г. Социалистической партии Перу, внутри которой действовала коммунистическая группа («группа семи») и во главе которой стоял Мариатеги, по оценке В. Кодовильи, «пользующийся большим уважением среди трудящейся массы страны и главным образом среди эксплуатируемых индейцев», было воспринято в Коминтерне как база для формирования партии². ИККИ и ЮАСКИ поддерживали постоянную эпистолярную связь с лидерами «группы семи» Х.К. Мариатеги и Р. Мартинесом де ла Торре (планы направить в Перу специального представителя Секретариата так и не были в это время реализованы). В этой переписке структурами Коминтерна постоянно подчеркивалась главное достижение перуанских коммунистов – их размежевание с анризмом. При этом Кодовилья отмечал, что у АПРА сохраняется хорошая цель – объединение всех антиимпериалистических сил, и подчеркнул: «нельзя создать единый фронт из «различных организаций, отличающихся по социальному составу и с противоречащей друг другу идеологией, всегда заканчиваются так, как в случае с АПРА, – не является объединение, «не обладающее принципами и перенасыщенное демагогической фразеологией, не обладающее перспективой»³. Кодовилья признавал историческую неизбежность появления АПРА как «содружества сил, выражающих народное недовольство и задачи борьбы против империализма и его национальных агентов... в те моменты, когда мы, революционеры, не уделяли достаточно внимания антиимпериалистической проблеме»⁴. Но после создания АИЛ, беспартийной организации, объединяющей в своих рядах все антиимпериалистические силы мира, без идеологических различий, по его мнению, Альянс изжил себя. Кодовилья, вне всякого сомнения, лукавил. Кому как не ему, одному из организаторов Брюссельского конгресса, было известно, что Коминтерн делает все для превращения Лиги в итоге в базу для распространения

¹ Предложение по перуанскому вопросу. [Служебная записка Латинскоамериканского секретариата], 28 мая 1928 г. Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов. С. 82.

² Письмо № 8 Южноамериканского Секретариата [В. Кодовилья] в Латинский секретариат Коминтерна. Буэнос-Айрес, 19 ноября 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

³ Там же.

⁴ Письмо № 175 Южноамериканского секретариата [В. Кодовилья] Х.К. Мариатеги. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 118. Д. 6. Л. 15.

коммунистической идеологии. Да он и сам признавался в том, что цель организаций единого фронта – «обеспечить победу коммунистических сил», *«ибо сама динамика борьбы ведет постепенно к пролетарской революции»*, считая условиями победы наличие у компартии собственного аппарата, проведение пропаганды своей программы и конечных задач, и «борьбы за цели, которые привели к созданию единого фронта – в тот момент, когда буржуазные элементы его предадут, а она продолжит борьбу»¹.

Отношения Мариатеги и Коминтерна долгие годы являлись предметом полемики между разными течениями в историографии. Открытые недавно архивные документы позволяют внести ясность в дискуссию. Нельзя не согласиться с утверждением Ю.П. Гаврикова о «заметном уважении», проявлявшемся в III Интернационале к перуанскому марксисту. Однако и подвергнутый им критике Л. Кастильо вовсе не был «дезинформатором», распространявшим «утку» о «выговоре», полученном Мариатеги на Первой конференции компартий Латинской Америки. Вряд ли можно говорить о «конфронтации» «Амаути» с Коминтерном: он не считал, что его взгляды противоречат позиции ИККИ, а пытался решать проблемы зарождающегося в Перу коммунистического движения, учитывая национальные особенности. Но не так после VI конгресса думали функционеры Коминтерна. И если действительно, как указывает Ю.П. Гавриков, Э. Равинес «делал все для того, чтобы в ИККИ на первом плане было его имя, а не имя подлинного руководителя партии»², то надо признать – пошью для того, чтобы внедрить это представление создали коминтерновские функционеры.

Главное расхождение Коминтерна с грунгой «Амаута» проявилось достаточно быстро. Они по-разному понимали возможности формирования компартии в специфических условиях Перу. Нельзя считать позицию III Интернационала примитивно догматической с самого начала. Лучшее доказательство толерантного подхода к этому вопросу проявилось при приеме в Коминтерн новых партий на VI конгрессе. Отдал дань сомнениям и Кодовилья, который хотел получить разъяснения из Москвы: нужно ли создавать компартию, которая сразу станет целью реакции в странах, где существуют партии тина лейбористской или социалистические партии возглавляются коммунистами, подчиняющимися политике Коминтерна; создавать ли компартии в таких странах, как Перу, «где существуют революционные социалистические группы и где социализм еще не сомне-

¹ Там же.

² Гавриков Ю.П. Совесть Перу. О Хосе Карлосе Мариатеги и его единомышленниках – перуанских коммунистах. М., 1987. С. 188–189.

тирован парламентаризмом... или же под социалистическим знаменем надо проводить коммунистическую политику?»¹

Но еще перед континентальной конференцией компартий ЮАСКИ стал занимать все более критическую позицию по отношению к взглядам Мариатеги на вопрос о форме существования коммунистической организации в Перу. Кодовилья настаивал на необходимости проведения четкой грани между понятиями «социалистический» и «коммунистический» и в принципе, и в названии партии. Внимание перуанских сторонников Коминтерна обращалось на то, что «знамя социализма служило и служит для сокрытия всех предательских актов социалистических вождей, для изменения социальных целей партии, то есть наличествует тенденция все большего объединения рабочей аристократии, мелкой буржуазии и интеллектуалов, в то время как коммунистические партии приобретают все более пролетарский характер как в силу своего социального состава, так и в силу своей идеологии»². И вывод отсюда уже делался со ссылкой на Ленина («конкретные условия той или иной страны вовсе не могут быть аргументом против создания коммунистической партии») однозначный – в Перу необходимо создать именно компартию, придать ей четкую идеологию, а в борьбе она обретет гегемонию в народном революционном движении³. И хотя Кодовилья все время нисал, что все это будет *обсуждаться* на буэнос-айресской конференции, позиция Мариатеги по вопросу о роли и названии партии оценивалась им априори как неправильная. Важным штрихом, характеризующим полемику по поводу отношений Коминтерна и Мариатеги, является то, что Кодовилья впервые предъявил претензии к теоретическим воззрениям идеолога перуанской коммунистической группы в связи публикацией статьи «Годовщина и итоги» в № 17 журнала «Амаута», которую впоследствии генеральный секретарь ПКП Х. дель Прадо будет приводить как пример интернационализма Мариатеги⁴.

На самой конференции, особенно во время секретных переговоров, хотя внешне делегатов Перу продолжали *убеждать*, на самом деле на них оказывалось серьезное давление с целью изменить позицию по этому принципиальному вопросу. Портокарреро и Пеше

¹ Письмо Южноамериканского секретариата [В. Кодовилья] в Латинский секретариат Коминтерна Жюльо [Эмбер-Дро]. Буэнос-Айрес, 22 декабря 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 503, Оп. 1. Д. 19. Л. 70.

² Письмо №. 171 Южноамериканского секретариата [В. Кодовилья] Р. Мартинесу де ла Торре, Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. // Там же, Ф. 495, Оп. 118, Д. 6. Л. 10.

³ Там же.

⁴ Прадо Х. дель. Единство мысли, воли, действия // Латинская Америка. Народы против империализма. Прага, 1986. С. 214.

представили солидное обоснование линии «Амауты»: грунна выступает за создание в стране пролетарской партии, стоящей на позициях Коминтерна; однако формировать партию с названием «коммунистическая» в настоящих условиях рано, «ибо масса обладает ошибочной концепцией коммунизма, большевизма, которые считает сообществом бандитов или террористов»; «социалистическая партия» провозглашена с условием контроля над ней коммунистической грунны («название социалистической партии станет лишь ярлыком, содержание же окажется коммунистическим»); создание компартии без возможности сохранить необходимую линию будет означать ее дегенерацию в реформистскую партию; коммунистическая грунна будет производить отбор желающих вступить в партию, не допуская ее засорения нежелательными элементами; компартия в условиях диктатуры не сможет действовать легально, признанные лидеры грунны «Амаута» – Мариатеги и Наварро – слишком хорошо известны, чтобы руководить подпольной партией¹.

Но у оппонентов из Москвы и Буэнос-Айреса была иная логика. Они считали, что в единственную партию, противостоящую диктатуре (у АПРА еще не было солидной базы в стране), хлынут мелкобуржуазные элементы и интеллектуалы с путаной идеологией, представляющие опасность для коммунистического движения, и превратят ее «в настоящий конгломерат всех недовольных нынешним правительством, и будет затруднительно для... нашей маленькой коммунистической грунны контролировать и руководить этими элементами в соответствии с нашей тактикой». Секретарь ЮАСКИ опасался, что своими действиями сторонники Мариатеги помогут «созданию социал-демократии в Перу вместо того, чтобы всячески помешать этому посредством создания коммунистической партии»².

Делегат КПУ Л. Сала, поддержавший в дискуссии представителей Коминтерна, был крайне удивлен «интересом» грунны «Амаута» к мелкобуржуазным и интеллектуальным элементам. Разъяснение У. Пеше, врача по профессии, о необходимости «использовать их для обретения гарантий пропаганды, без которой невозможно вернуть нашу деятельность», не убедило уругвайца, считавшего необходимым препятствовать вступлению в партию «опасных элементов, весьма восприимчивых к идеологической коррупции (а то и уже коррумпированных)... они сегодня будут друзьями, чтобы завтра превратиться в заклятых врагов, когда коммунистическая грунна начнет осуществлять контроль», он предложил объединять их во внепартийных организациях, таких как Антиимпериалистическая Лига,

¹ Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 10. Л. 17–19; Беседа с делегатами Перу. 13 июня 1929 г. // Там же. Л. 22.

² Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г. // Там же. Л. 19–20.

МОПР, «сохраняя контакт с ними, который стал бы одновременным испытанием. Партия должна создаваться на пролетарской основе и прежде всего из пролетарских элементов»¹.

Оннионентов Пеше совершенно не убедила его попытка сослаться на авторитет Ленина. Рабинович поинтересовался: «Когда Ленин заявлял это?» и, получив ответ: «С марта по октябрь», отрезал: «Для Ленина в названный период фундаментальным вопросом была борьба против меньшевиков». Делегата КИМа поддержал секретарь ЮАСКИ: «Ссылка, сделанная товарищем Сако, не годится, ибо в это время уже была создана большевистская партия»². Они не разъяснили искреннего недоумения Пеше: «...решение, которое предлагает перуанская делегация, имеет свои опасные стороны. Однако надо учитывать, что мы не понимаем: какое другое решение можно принять?.. если отказаться от интеллектуалов и мелких буржуа, то на базе каких элементов будет создана партия? Все товарищи в Перу считают, что надо создавать С.П. с четкой декларацией о классовой борьбе». Эмбер-Дро вынес жесткий вердикт: «Решение ясно: создание нелегальной К.П. для проникновения в рабочие и крестьянские массы», дополненный Рабиновичем: «Надо создать аппарат, способный сопротивляться реакции»³.

Тем не менее в Буэнос-Айресе перуанским делегатам было заявлено, что Коминтерн рассматривает группу «Амаута» как свою будущую секцию и приглашает ее участвовать в конференции как «эмбрион коммунистического движения в Перу», в надежде на выполнение перуанскими коммунистами *«взятых здесь на себя обязательств после процесса очищения, который мы полагаем необходимым»*⁴.

Делегат Коминтерна все время подчеркивал: мы «не руководствуемся целью навязать вам правила, а лишь хотим указать вам на наш международный опыт». Перуанцев предостерегали от повторения ситуации Колумбии и Мексики, где «имеются крупные партии, в которых, однако, нет консолидированного руководства», предостереждали о возможности «наличия в Перу способного руководства, не обладающего в то же время массовой партией», но не давали при этом рецепта, как создать массовую партию, если ставится под сомнение способность имеющегося руководства возглавить этот процесс⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 10. Л. 20.

² Там же. Л. 21.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Письмо № 8 Южноамериканского секретариата [В. Кодовиллы] в Латинский секретариат Коминтерна. Буэнос-Айрес, 19 ноября 1928 г. // Там же. Ф. 503. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

То, что это именно так, подтверждала критика взглядов Мариатеги на новоду необходимости пролетарской партии, которые квалифицировались как «нутанные». Кодовилья предъявил «Амауте» обвинение в солидарности с Айя де ла Торре по новоду «невозможности транслировать европейские системы в Латинскую Америку» и пропаганде «индоамериканского социализма». Настаивая на необходимости учитывать национальную специфику, он отказывал Мариатеги в праве говорить об особенностях «перуанской действительности» и утверждал: «...наши перуанские товарищи все еще не обрели коммунистическую идеологию»¹.

Аргентинский ментор латиноамериканского коммунистического движения явно стремился внести раскол в руководящее ядро СПП, противопоставляя позиции «Амауты» и Мартинеса де ла Торре, который, по мнению Кодовильи, обладал более ясной концепцией коммунизма и политической партии, не делая «тех оговорок, которые делает Мариатеги»².

Возможно, столь жесткая позиция коминтерновских бюрократов была вызвана раздражением от необходимости вести затяжные теоретические баталии с грунной, состоявшей из семи человек (выросшей к Первой конференции до 15), не осознавая степень влияния Мариатеги, его соратников и его журнала на революционные массы. Может быть, именно поэтому их так обрадовало новоявление на горизонте грунны, с самого начала объявившей себя «коммунистической партией Куско» и о готовности присоединиться к Коминтерну³. Для

¹ Беседа с делегацией Перу. 13 июля 1929 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 118. Д. 10. Л. 27.

² Беседа с делегацией Перу. 30 мая 1929 г. // Там же. Л. 18.

Судя по воспоминаниям Х. Портокарреро, Кодовилья целенаправленно пытался внести раскол в консолидированную «группу семи», противопоставив его, как рабочего, Мариатеги и членам группы – интеллигентам. Во время работы конференции секретарь ЮАСКИ пригласил «Самору» на приватную беседу домой, где также присутствовала только жена Кодовильи – Итала, и задал ему прямой вопрос: «Почему не Вы секретарь партии в Перу?» Ответ Портокарреро: «Единственный, кто может быть секретарем партии, – Хосе Карлос Мариатеги», явно не удовлетворил аргентинца, заметившего: «Дело в том, что можно предоставить все возможности, чтобы Вы могли развернуться в секретариате».

Кодовилья явно хотел вбить клин между перуанскими делегатами на конференции, очевидно, считая, что интеллигент Пеше плохо влияет на рабочего Портокарреро. Пример этому эпизод, произошедший в столовой во время обеда делегатов, когда в отсутствие Пеше секретарь ЮАСКИ бросил фразу: «Посмотрите – сегодня Самора без своего пиджака (saco)». Если это и была шутка, то подсознательная: Кодовилья явно хотел показать зависимость Портокарреро от Пеше, задеть его самолюбие. См.: Portocarrero J. Op. cit. P. 185.

³ Группа Куско, насчитывавшая около 100 человек, была создана в феврале 1927 г., ее деятельность была, по оценке Ю.П. Гаврикова, «далека от научного социализма». Гавриков Ю.П. Указ. соч. С. 173–174.

Южноамериканского секретариата этот факт подтверждал наличие в Перу «субъективных условий – объективные мы не обсуждаем (ибо экономическая и политическая ситуация в стране позволяют развивать коммунистическую партию), – писал В. Кодовилья, – для создания революционного авангарда трудящихся масс»¹.

Другой причиной благожелательной реакции регионального представительства ИККИ была возникавшая в Перу с появлением альтернативы группе «Амаута» возможность перестать складывать все яйца в одну корзину. Было не важно, что о ней пока ничего не известно, что она ничем себя не проявила, но нервной реакцией Южноамериканского секретариата на информацию о создании новой коммунистической ячейки в Перу, было обещание оказать ей «всякого рода поддержку» для организации «работы по консолидации партии и прежде всего для того, чтобы та не оставалась [коммунистической] партией Куско, а стала бы Коммунистической партией всей страны»².

При этом группам Куско и Лимы предлагалось установить взаимные контакты и вместе работать над созданием национальной компартии³. Однако сторонники Мариатеги еще до всяких указаний из Буэнос-Айреса делали попытки связаться с единомышленниками из Куско и Арекины, что поначалу не принесло результатов из-за отсутствия средств⁴. Информированность и инициативность лимских сторонников Коминтерна говорила об их серьезных претензиях на роль объединительного центра всех коммунистов страны. В то же время «коммунистическая партия Куско» не стремилась к контактам с Мариатеги, предпочитая функции создателя общенациональной компартии взять на себя⁵. Но Южноамериканский секретариат был

¹ Письмо № 171 Южноамериканского секретариата [В. Кодовилья] Р. Мартинесу де ла Торре. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 6. Л. 9.

² Письмо № 172 Южноамериканского секретариата К.И. [В. Кодовилья] Коммунистической партии Куско. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. // Там же. Л. 5.

³ Письмо № 171 Южноамериканского секретариата [В. Кодовилья] Р. Мартинесу де ла Торре. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. // Там же. Л. 9; Письмо № 172 Южноамериканского секретариата К.И. [В. Кодовилья] Коммунистической партии Куско. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. // Там же. Л. 5.

⁴ Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г. // Там же. Д. 10. Л. 16–17. Позднее, чтобы устранить сложившееся недоверие провинциальных коммунистических групп к Оргкомитету СПП, ЮАСКИ направил к ним в качестве связного аргентинского художника Х. Малаанку, который, хотя и не был коммунистом, но пользовался у перуанских левых авторитетом. Гавриков Ю.П. Указ. соч. С. 173.

⁵ Как писал лидер коммунистов Куско Серхио Кальер основателю группы «Революция» (Арекипа) Гильермо Меркадо, у его ячейки три приоритета: окончательный разрыв с апризмом, отклонение намеков на присоединение к СПП Мариатеги и подготовка к организации Коммунистической партии Перу. Martínez de la Torre R. Apuntes

готов и на установление официальных контактов с «коммунистической партией Куско».

Коминтерновские деятели одобрительно отнеслись к программе СПП, представляемой нуруанскими делегатами, рассматривая ее как основу создания «партии на революционной основе с немедленными требованиями, учитывающими нужды рабочих масс, которая основывала бы свою деятельность на принципах классовой борьбы», но подозревали, что в методах ее реализации, предлагаемых Мариатеги, заложено стремление создать «широкую Социалистическую партию»¹.

Поэтому нуруанцев призывали как можно быстрее публично объявить о формировании пролетарской партии, не считаясь с их возражениями, что это неизбежно вызовет репрессии, к которым партия не будет готова, пока не создаст эффективную нелегальную организацию. Иногда дискуссия напоминала диалог глухих. Делегат молодежного Коминтерна Рабинович, например, просто не слышал доводов нуруанцев, считавших необходимым подготовить почву для нелегальной работы и только после этого публично сообщить о Социалистической партии, и настаивал на том, что партии нельзя оставаться «анонимной». Ему вторил Кодовилья: «Надо сообщить о партии и продемонстрировать массам, что та присутствует во всех видах их деятельности... Зачем столько разговоров о легальной партии, если эта самая легальная партия держится в условиях нелегальности?»²

Делегаты Перу связывали возможность открытого провозглашения партии с предстоявшими выборами, но их смущала возможность ареста своих кандидатов. Для Дженнари же проблемы не существовало: «Надо выдвигать кандидатов, которые находятся за границей, на острове³ и т. н.» Еще более упрощенное видение предложил Кодовилья, считавший реальными в случае применения властями репрессий возмущение масс, проведение антиправительственных манифестаций и возможность для коммунистов принять участие в крупном революционном движении, имеющем все объективные условия. «Но надо действовать, стратегию данной деятельности можно обсуж-

para una interpretación marxista de historia social del Perú. Lima, 1928. T. II. P. 371. Цит. по: Flores Galindo A. La agonía de Mariátegui. La polémica con la Komintern. Segunda edición. Lima, 1982. P. 96.

¹ Беседа с делегатами Перу, 30 мая 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 10. Л. 22.

² Там же.

³ На острове Фронтон находилась тюрьма, в которой содержались политические заключенные.

дать, но хуже всего в настоящий момент – это насилие», – убеждал неруанцев руководитель региональной структуры Коминтерна¹.

Дискуссия в Буэнос-Айресе завершилась резюме секретаря ЮАСКИ: «Я настаиваю на том, что надо создать Коммунистическую, а не Социалистическую партию. В любом случае социальный состав партии должен соответствовать одному классу: городским и сельскохозяйственным рабочим»². Делегатам Перу было предложено остаться до тех пор, пока не будет завершено написание программы партии, подготовлен план ее работы, а затем воплотить его в жизнь с помощью Секретариата³.

7.2. Изменения в структуре и составе аннатора ИККИ на латиноамериканском направлении его деятельности

Судьба самого эмиссара Коминтерна решалась в его отсутствие и вне зависимости от его поведения в ответственной командировке. Еще во время пребывания Эмбера-Дро в Латинской Америке его заменили в Латиноамериканском секретариате на Р. Гриеко⁴. Он еще выходил на трибуну континентальной конференции и вел переговоры как полномочный представитель ИККИ, но ни он сам, ни участники форума понятия не имели, что он просто вышвырнут с ответственного поста в аннаторе ИККИ⁵.

По возвращении из Латинской Америки он тем не менее продолжал работу в лендер-секретариате без какого-либо официального статуса. Во внимание была принята объективная реальность. Подвести итоги конференций в Монтевидео и Буэнос-Айресе и выработать планы работы в Латинской Америке без его участия означало вернуться назад, к исходной точке⁶. После завершения обсуждения результатов

¹ Беседа с делегатами Перу, 13 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 10. Л. 23–24.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Обновленный секретариат состоял из Р. Гриеко, С. Мишева, А. Перейры и С. Гусева.

⁵ Вопрос руководства Латиноамериканского лендер-секретариата. Протокол заседания Политсекретариата ИККИ 7 июня 1929 г. // Там же. Оп. 3. Д. 144. Л. 2.

⁶ Лучше всего возможность негативного влияния «персонального дела» Эмбера-Дро на латиноамериканские дела понимали в ЮАСКИ, в первую очередь Кодовилья, отметивший улучшение отношений регионального органа Коминтерна с ее штаб-квартирой после того, как швейцарец возглавил Латиноамериканский лендер-секретариат. Хорошо зная ситуацию внутри ИККИ, секретарь ЮАСКИ следующим образом прогнозировал развитие событий: «Боюсь, что нам еще долго не ответят; приближается заседание Исполкома и наши проблемы отложат на последний момент. Я все боль-

двух континентальных форумов носледовала «награда» за нроделанную работу: Х нленум ИККИ 19 июля 1929 за «оннортунистические действия» вывел Ж. Эмбера-Дро из Президиума ИККИ, 26 июля – из Политсекретариата. Было нринято решение: «Больше не предлагать тов. Эмбера-Дро в Президиум и Политический Секретариат ИККИ... указать, что тов. Д. был избран в ИККИ нерсонально, а не как представитель коммунистической партии Швейцарии, и это связано с решениями не коммунистической партии Швейцарии, а ИККИ»¹. В августе он был назначен заведующим Латиноамериканской секцией Центрального совета Профинтерна. Это решение означало, что но иерархической лестнице ИККИ ональный швейцарец спустился сразу на несколько ступеней вниз. Почти месяц он нроработал под руководством Лозовского, но в октябре 1929 г. Политсекретариат ИККИ вернулся к его судьбе и решил вновь ввести его в члены Латиноамериканского леддер-секретариата².

Остался он (вместе с Миневым) и в обновленном составе секретариата, утвержденном в январе 1930 г.³ По конфигурации новый Латиноамериканский леддер-секретариат отличался от нредыдущего введением носта заместителя заведующего, который занял американец Вайнстоун (руководителем остался Р. Гриeko). В секретариат вошли Б. Васильев и Д. Мануильский, но был выведен С. Гусев⁴. Предполагалось участие в работе секретариата в качестве его членов нредставителей латиноамериканских партий (в тот момент в Москве находились мексиканец М. Диас Рамирес и бразилец А. Перейра)⁵.

ше опасюсь, что Луис будет пастанывать на своей ошибочной позиции и его выведут из руководства К.И.; из-за этого наша работа на какое-то время пострадает, а в это время прочие руководители К.И. не будут заниматься нашими проблемами. Мы вернемся в пачало пути». Протокол № 41 заседания Южноамериканского секретариата от 28 июля 1929 г. // Там же. Ф. 503. Оп. 1. Д. 27. Л. 34.

¹ Протокол заседания Политсекретариата 18 июля 1929 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 3. Д. 151. Л. 1–2.

² О работе товарища Эмбера-Дро. Протокол заседания Политсекретариата 16 октября 1929 г. // Там же. Д. 167. Л. 31.

³ Латиноамериканский леддер-секретариат. Утверждено Политкомиссией 13.1.30. На утверждение Политсекретариата (16.1.1930) // Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 116–117.

⁴ Гусев стал членом Президиума ИККИ вместо Бухарина, а бразилец А. Перейра заменил Россю. Протокол заседания Политсекретариата 18 июля 1929 г. // Там же. Оп. 3. Д. 151. Л. 1–2.

⁵ О пересмотре состава леддер-секретариатов. Протокол заседания Политической комиссии Политического секретариата 13 января 1930 г. // Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 2. Состав латиноамериканского подразделения ИККИ почти полностью совпадал по составу с Романским леддер-секретариатом, только здесь во главе стоял Мануильский, а Гриeko, Минеv, Васильев были его членами. Проект пересмотра состав леддер-секретариатов // Там же. Л. 114.

Эти изменения были вызваны очередным нересмотром состава аннарата ИККИ и коснулись всех структур. В чем был смысл передвижения фигур на шахматной доске Коминтерна? Скудные строки протоколов заседаний Политкомиссии и Политсекретариата не дают ответа на этот вопрос. На поверхности лежит простое объяснение – не давать возможности людям работать долго вместе, чтобы помешать им объединяться в какие-то оппозиционные группы. Возможно, есть и другое объяснение – влить свежее вино в старые меха, попробовать увидеть проблемы новым взглядом. Но то, что такой способ неэффективен, подсказывал опыт предыдущих перестановок – утрачивалась ответственность, в никуда уходили личные связи, установленные если не в живом общении, то хотя бы на перениске, не использовался годами накопленный опыт.

Обновленный состав секретариата попытался внести свежую струю в организацию работы. Принципиально новым стало более широкое привлечение к изучению и обсуждению проблем революционного движения Латинской Америки студентов МЛШ, КУТВ, экспертов из братских организаций и ученых. Уже в первом заседании секретариата, посвященном изучению влияния кризиса 1929 г. на страны Латинской Америки, участвовали Волков и Якобсон (МАИ), Коган (Госплан), Дашевский (ИМХ и МП), референты Профинтерна А. Коробицын и Х. Лаго Моларес, студенты МЛШ К. Имас, Э. Феррейра, С. Элгер, был приглашен формально отошедший от латиноамериканских дел Штирнер¹. Была создана представительная специальная комиссия по исследованию последствий кризиса с подкомиссиями, которые должны были рассмотреть ситуацию в отдельных странах или группах стран и выработать рекомендации. Столь же представительный коллектив был создан для исследования вопросов, поставленных на Первой конференции компартий, – расового и аграрного². Правда, как это было вообще свойственно работе аннарата Коминтерна, сроки были поставлены совершенно нереальные для масштабного исследования – менее двух недель.

Но главным было то, что и в новом составе, и при интересных задумках работа структуры, руководившей латиноамериканским коммунистическим движением из Москвы, оказалась по сути нара-

¹ Специальное заседание Латинскоамериканского секретариата Коминтерна. 11 января 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 93. Л. 17.

² В них вошли Эмбер-Дро, Гуральский, Грико, Гусев, Мисев, Штирнер, М. Диас Рампес; Л. Хайкс и Л. Геллер (Профинтерн), Пестковский и Дж. ди Витторно (Крестинтерн), Л. Мадьяр и П. Миф (Восточный секретариат), Витвер, Волков, Якобсон (МАИ), Д. Зак (МЛШ). – Заседание Латинскоамериканского секретариата, 30 декабря 1929 г. // Там же. Оп. 79. Д. 93. Л. 1.

лизованной. От участия в его повседневной деятельности по причине постоянной загруженностью другими делами самоустранились «свадебные генералы» – члены Политсекретариата ИККИ. Не смогли отвлечься от основной работы «совместители», являвшиеся одновременно членами Бюро Романского секретариата, и Васильев, заведующий Орготделом ИККИ. Вся работа легла на плечи основного члена Бюро Ж. Эмбера-Дро и заведующего Р. Гриеко, который вскоре информировал руководство, что они не могут «брать на себя ответственность представлять Политическому секретариату документы (проекты нисем, резолюций и т. д.) от имени всего Бюро в целом [подчеркнуто от руки в документе. – В.Х., Л.Х.]». Не был реализован план, согласованный в марте. А это означало, что не обсуждался мексиканский вопрос, не было подготовлено нисемо компартии Кубы, не реализован план информационных докладов латиноамериканских делегаций, приехавших на V конгресс Профинтерна, так как «члены руководства Секретариата должны присутствовать при слушании этих докладов [подчеркнуто от руки в документе. – В.Х., Л.Х.]», а они не посещали заседания. Затормозилась подготовка III Латиноамериканской профсоюзной конференции, уже начатая Профинтерном: Секретариат не дал оценку проекта тезисов. Не были рассмотрены важнейшие оргвопросы – о реорганизации самого ледер-секретариата и предложения Гуральского о совершенствовании и функционирования Южноамериканского бюро.

Несколько срочных вопросов, поставленных перед Политической комиссией, не заинтересовали высоких начальников, которые в это время занимались подбором преемника Гриеко, он был согласен с заменой на этом посту, но крайне обижен формой, в которой готовилась отставка: без консультаций с ним и без извещения его о принятом решении, о котором заведующий ледер-секретариатом «узнал случайно». Гриеко решил, что в данной ситуации будет разумным снять с себя ответственность и предложил номинальным членам ледер-секретариата собраться «для претворения в жизнь всех мероприятий, необходимых для улучшения работы в нашем Секретариате»¹.

Из-за разлада бюрократического механизма, неразберихи в Охотном ряду тормозилось коммунистическое движение целого континента. На практике, естественно, ничего не остановилось, партии продолжали функционировать. Но с точки зрения жизнедеятельности Коминтерна как мировой компартии это было положение, близкое к катастрофическому. Исходя из буквального понимания соот-

¹ Записка Гарланди [Р. Гриеко] членам Бюро Латиноамериканского секретариата. 27 июля 1930 г. // Там же. Д. 110. Л. 99–100.

ношения функций ИККИ, его аннарата и национальных секций все должно было замереть в ожидании судьбоносных решений. Не следует забывать и того, что партии были абсолютно зависимы от финансовой и материальной поддержки III Интернационала, невозможность согласовать вопросы о субвенциях могла действительно привести их к коллапсу.

Эта ситуация не была вызвана особым отношением к Латинско-американскому лендер-секретариату. По решению X пленума ИККИ Политсекретариат подготовил постановление, призванное оптимизировать работу аннарата Исполкома, а по ходу этого процесса – провести его чистку.

Наряду с рекомендациями о совершенствовании методов работы руководящих органов ИККИ и его аннарата (регулярный созыв Президиума для обсуждения крупных актуальных проблем; тщательная подготовка и своевременная рассылка документов, особенно членам Президиума, находящимся за границей; проведение экстренных заседаний для обсуждения неожиданно возникающих крупных вопросов отдельных секций; создание для подготовки обсуждения актуальных вопросов общего характера, которые не могут быть подготовлены отдельными лендер-секретариатами или отделами, постоянной комиссии Президиума, имеющей собственный аннарат для проведения возложенных на нее задач и т. д.) постановление давало рекомендации по составлению документов, порядку их направления партиям, формированию планов работы Президиума и Политсекретариата. Особое внимание уделялось усилению контроля за выполнением решений¹.

Политсекретариат признавал целесообразным установление более тесных связей соседних партий между собою. Важным направлением улучшения работы аннарата становилось усиление т. н. инструкторского состава. Для этой цели компартиям Германии, Италии, Польши, Франции и Америки было предложено предоставить в распоряжение ИККИ по два квалифицированных товарища и избрать для этой цели 5 выпускников МЛШ. Несколько европейских партий и КП США постановление обязывало направить в распоряжение ИККИ по 2 человека в качестве практикантов. Самым же главным в постановлении были заключительные строки: «Обратить внимание партий на то, что часть этих товарищей, по окончании своей работы в качестве практикантов, должны быть использованы как сотрудники

¹ Постановление об улучшении работы руководящих органов Исполкома К.И. Принято комиссией, назначенной съездом-конвентом X пленума, и утверждено Политсекретариатом ИККИ 19 августа 1929г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 3. Д. 153. Л. 276.

ИККИ для смены некоторых старых сотрудников ИККИ»¹. В условиях начавшегося после изгнания из Коминтерна Бухарина очищения Исполкома от его явных и кажущихся сторонников стал остро ощущаться кадровый голод и нужны были экстренные меры по ротации функционеров, способных решать повседневные задачи, стоящие перед Интернационалом.

Ж. Эмбер-Дро в Буэнос-Айресе практически дезавуировал московские решения о создании второго коминтерновского центра в Латинской Америке, объяснив свою неуверенность в целесообразности сомнениями в возможности КПМ добиться результатов, системной ее отношений с Южноамериканским секретариатом, «состоявшей в том, что она не отвечает на нисыма и телеграммы» (!?)².

Полностью поддержал делегата ИККИ Кодовилья, который потребовал «восстановить нормальные связи между мексиканской партией и Секретариатом», и подчеркнул, что его интересует не «сам процесс», а ситуация, ослабляющая единство в революционной борьбе³. Секретарь ЮАСКИ, несомненно, лукавил. Он как никто знал: восстановить то, чего никогда не было, невозможно, КПМ изначально дистанцировалась от деятельности Секретариата, да и региональное представительство Коминтерна (особенно при Пенелоне) особой активности для установления контактов не проявляло. А вот поставить КПМ под контроль ЮАСКИ Кодовилья считал необходимым, хорошо понимая невозможность без этого осуществлять монольный контроль его ведомством за коммунистическим движением в масштабах всего континента.

В выступлениях некоторых делегатов конференции звучали слова, подтверждающие слабость позиций КПМ. Так, например, делегат Гватемалы заявил о связи с мексиканской партией, получении «El Machete», но далее сказал слова, которые никак не могли соответствовать действительности: «...в целом им легче получать корреспонденцию с юга, чем из Мексики»⁴. Объяснение этого феномена может быть одно – он хорошо понял, что от него хотят услышать ответственные товарищи из Москвы и Буэнос-Айреса. А в случае со «второй компартией Кубы» сам секретарь ЮАСКИ ловко отвел от себя обвинения в некомпетентности, переведя стрелку на КПМ, которая «не сочла необходимым предостеречь нас против этой якобы партии», и объяснил ситуацию отсутствием связи мексиканской партии

¹ Там же. Л. 277.

² Беседа с делегатами Мексики. 11 июня 1929 г. // Там же. Он. 79. Д. 73. Л. 27.

³ Там же. Л. 28.

⁴ Гватемала [Встреча с делегацией Гватемалы] // Там же. Л. 71.

и Секретариата, «отрицательные последствия чего демонстрируются в полной мере данным фактом»¹.

Можно констатировать, что на Первой конференции аргентинцы, во всех смыслах игравшие на своем поле, взяли у мексиканской компартии реванш за поражение на VI конгрессе. Организация, докладчики, тональность оценок подчеркивали маргинальность КПМ, ни в коем случае не позволявшие ей претендовать на роль регионального центра коммунистического движения. Сикейрос отбивался как мог от аргентинского прессинга (его коллега Родригес Серильо играл пассивную роль), но его сил явно не хватало, тем более его отвлекал внезапно всныхнувший в Монтевидео роман с уругвайской поэтессой Бланкой Лус Брум, которая последовала за ним в Буэнос-Айрес, а затем и в Мексику².

Несмотря на негативное отношение к мексиканской компартии и ее плану создания в Латинской Америке второго руководящего центра, ярко проявившееся во время конференции в Буэнос-Айресе, ее представитель в Москве М. Диас Рамирес продолжал настаивать на реализации этой идеи. В записке, направленной комиссии по латиноамериканскому вопросу Политкомиссии ИККИ, он напомнил о принятии в результате продолжительных дискуссий всей латиноамериканской делегацией VI конгресса предложения КПМ о создании Центральноамериканского секретариата.

После конгресса этот вопрос обсуждался Политсекретариатом, принявшим документ, который одобрил предложение латиноамериканской делегации. Однако никаких организационных действий в течение ночи года, прошедшего со времени конгресса, не последовало. М. Диас Рамирес настаивал на радикальном решении проблемы, заверяя в реальной возможности «в течение нескольких лет... сказать, что у нас есть коммунистические партии, если и не столь сильные, как европейские партии, то по крайней мере выросшие в размере, массовые партии с улучшившимся органическим и политическим развитием, нежели те, что сейчас у нас есть в Латинской Америке»³.

¹ Беседа с кубинской делегацией по поводу Националистической партии. 12 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 73. Л. 77.

² Связь художника-коммуниста с Б.Л. Брум стала предметом разбирательства в КПМ и привела к исключению Сикейроса из Исполкома партии и отстранению от поста генерального секретаря УПКМ. Он был обвинен в невнимательном отношении к работе на конференциях в Монтевидео и Буэнос-Айресе, чем серьезно повредил престижу и международному положению партии, в растрате денег на обратный билет, в кутежах с возлюбленной, самоустранении от работы в партии и УПКМ и т. д. Сама же уругвайская поэтесса подозревалась в работе на Секретный отдел МВД и провокаторстве. Постановление Исполкома КПМ по делу Д.А. Сикейроса. Мехико, Ф. о., 5 января 1930 г. // Там же. Оп. 108. Д. 130. Л. 9–11.

³ Рамирес [М. Диас Рамирес]. В комиссию Под. бюро Коминтерна по латиноамериканскому вопросу. Москва, 21 августа 1929 г. // Там же. Оп. 79. Д. 64. Л. 15.

Диас Рамирес считал себя ненужным в ИККИ, где вопрос о латиноамериканских региональных центрах рассматривали с точки зрения технических деталей, в то время как сопротивление КПМ идее иметь только одно бюро в Буэнос-Айресе было вызвано «политической важностью Карибской и Центральной Америки на данном этапе революционного движения» и желанием, «чтобы оно получало наилучшее возможное политическое и техническое руководство, что нельзя сделать из Буэнос-Айреса, как это не было сделано до сего дня»¹.

Главным препятствием возможности оказания эффективной помощи борьбе в Колумбии, Венесуэле, на Кубе, в Мексике или Центральной Америке мексиканцы считали отсутствие в Южноамериканском секретариате людей, знающих эти страны и способных предпринять должные и быстрые меры для выполнения насущных задач партий этого региона, и полагали, что наличие мексиканского представителя в Буэнос-Айресе не разрешит проблему: «Ибо произойдет то же самое, что мы имеем сейчас в Москве в отношении остальных центральноамериканских партий; бюро в Буэнос-Айресе будет знать о том, что происходит в этих странах столько же, сколько мы сейчас знаем в Москве»². Самым одиозным примером такого незнания специфических проблем региона М. Диас Рамирес назвал установление ЮАСКИ отношений с «анокрифической компартией» Кубы, в результате которого эта группа получила возможность направить трех студентов в КУТВ, Комитет Монтевидео получил «делегата» на конгресс, который, по словам находившегося в Москве кубинского товарища (очевидно, Ф. Гробарта), являлся полицейским агентом, ибо сельскохозяйственный профсоюз, якобы представляемый им на конгрессе в Монтевидео, более на Кубе не существует. Это означало, по мнению делегата КПМ в ИККИ, что «Буэнос-Айрес или Монтевидео находятся слишком далеко для того, чтобы должным образом заниматься всей нашей работой в Латинской Америке»³.

Мексиканские коммунисты выражали категорическое несогласие с укоренившимся в анналате ИККИ мнением о более высоком уровне политического развития южноамериканских партий и их лучшей подготовленности для сотрудничества с представителями Коминтерна, дающих право на руководство всей работой в Латинской Америке. Пример кризиса в КПА, ситуации в чилийской и парагвайской партиях, указывал М. Диас Рамирес, производят не лучшее впечатление,

¹ Там же. Л. 15–16.

² Там же. Л. 16.

³ Там же.

чем ноложение в партиях Центральной Америки: «Я совершенно уверен, что все наши партии нуждаются в более пристальном внимании со стороны Коминтерна, но не считаю, что разрешением нынешней ситуации в центральноамериканских странах является централизация всего руководства в Буэнос-Айресе. Все наши партии хотят учиться у Коминтерна, но как они могут это сделать, если им не дают никакого шанса на это?»¹

Руководство КПМ не соглашалось с предположением о двух политиках при наличии двух руководящих органов, в тогдашней ситуации это было наиболее адекватное понимание того, чем был на деле Коминтерн при проведении единой линии III Интернационала. Правильное ее применение к конкретным условиям отдельных стран или группы стран зависело лишь от тех, «кто обладает наилучшим политическим знанием существующего положения и быстрее его применения необходимых мер». Диас Рамирес приводил убийственный довод в пользу мнения своей партии, сравнив расстояние до Москвы с расстоянием до Буэнос-Айреса, ведь были мнения, что и «Москва находится слишком далеко от Мексики, чтобы должным образом участвовать в разрешении проблем, то же самое можно сказать и о Буэнос-Айресе – он находится не ближе для того, чтобы сделать это»².

С экономической точки зрения расходы на содержание централизованного бюро в Буэнос-Айресе со штатом представителей, работающих во всех латиноамериканских странах, могли, как считали в КПМ, оказаться больше, чем содержание двух хорошо организованных структур (в Аргентине и Мексике) с представителями партий и двумя-тремя делегатами (путешествие из Аргентины в Центральную Америку было в то время дороже поездки в Москву).

Важным условием эффективной работы Коминтерна на континенте, по плану КПМ, могла стать полная реорганизация Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ, а возможно, и его полная ликвидация и создание института политических и технических представителей в Москве, занимающихся латиноамериканскими бюро³.

Подкрепить притязания КПМ на создание регионального центра должна была ее деятельность по оказанию поддержки коммунистического движения в Центральной Америке, в этом вопросе партия работала, по сути, в режиме автономного плавания. В марте 1929 г. по

¹ РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 79. Д. 64. Л. 17.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 18.

инициативе сальвадорца Р. Эгисабалы была создана ячейка коммунистической молодежи в Ауачанане (март 1929 г.), обратившаяся в КПМ и ФКММ с просьбой помочь создать общенациональную федерацию. В то же время из Гватемалы пришло письмо от М.А. Васкеса, писавшего о необходимости направить делегата «для лучшей ориентации, обучения и организации» КПЦА. В ноябре ЦК мексиканской партии вновь послал в Центральную Америку для решения этих задач генерального секретаря ФКММ Х. Фернандеса Анайю¹. Первая информация, полученная на встрече с лидерами КПЦА, ошеломила руководителя мексиканского комсомола. На вопрос, где партия имеет свои организации, гватемальцы односложно отвечали: в Панаме – нет, в Коста-Рике – нет, в Никарагуа – минус, с Сальвадором нет никакой связи. Единственная существующая партия – в Гондурасе, ею руководит товарищ, больной туберкулезом, но мы не знаем его имени (!)². И через год после поездки грунны Каррильо стоял вопрос о трансформации региональной компартии в партию одной страны (Гватемалы), каковой она, по сути, и была³.

Серьезных результатов миссия лидера мексиканского комсомола достигла только в Сальвадоре. Вместе с сальвадорскими коммунистами он строил партию снизу, работая в профсоюзных организациях, входящих в Региональную Федерацию трудящихся Сальвадора, встречаясь с отдельными людьми, которых убеждали вступить в организацию, создаваемую для «трудящихся и ориентируемую на борьбу в защиту их интересов»⁴. Миссионерская работа была затруднена почти полным отсутствием средств: КПМ денег своему посланцу не выделяла, а в самом Сальвадоре царила нищета, с неопитов коммунистического движения можно было собирать чисто символические взносы. Через много лет, рассуждая об этом, Фернандес Анайя философски заметил: «Что с этим можно было сделать? Ничего!» Те небольшие деньги, которые имела инициативная грунна, она передавала семьям убитых и арестованных.

Когда число будущих членов компартии достигло 20, Фернандес Анайя организовал для них краткосрочные курсы марксизма-ленинизма, в работе которых и в подготовке учредительного съезда КПС

¹ Fernández Anaya J. La fundación del Partido Comunista de El Salvador // Memoria (México). 1985. № 10. (Mayo–junio). P. 232–233.

² Первый генеральный секретарь КПГ Мануэль Каликс Эррера.

³ Figueroa Ibarra C. El «bolchevique mexicano» de la Centroamérica de los veinte. Entrevista a Jorge Fernández Anaya // Memoria (México). 1990 (septiembre–octubre). № 31. P. 215.

⁴ Ibid. P. 217.

приняли участие неруанец Х. Гурвиц и венесуэлец Р. Мартинес¹. В результате настоящих героических усилий 30 марта 1930 г. было провозглашено создание компартии Сальвадора, а уже 1 мая ей удалось организовать свое первое массовое мероприятие – 80-тысячную демонстрацию в столице².

Сальвадорский успех Фернандес Анайя пытался повторить в Никарагуа, направившись туда в конце 1930 г. с поручением организовать компартию, но, по его собственному признанию, провалился: «Никарагуа тогда была очень отсталой. Там было очень трудно работать. Я смог сделать немного»³.

Несмотря на претензии компартии Мексики создать региональный центр, возможности для этого были у нее минимальными. КПМ была вынуждена отказать СРП, просившей направить ее делегата в Колумбию (так как «все имеющиеся товарищи необходимы в нашем движении»), после принятия принципиального решения о создании компартии Венесуэлы не сделала «ни единого шага» для оказания помощи в этом направлении⁴.

Уже в конце 1929 г. КПМ была вынуждена отказаться от амбициозных планов создания на своей базе нового регионального центра. Еще до принятия такого решения В. Видали конфиденциально информировал главу Латиноамериканского секретариата Р. Гриеко («Я нишу тебе лично, так как хорошо знаю, что Центральный комитет нашей партии этого не сделает! До сего момента они этого не сделали») о подготовке резолюции ЦК о необходимости перевода субкомитетов Коминтерна, Профинтерна, КИМа и Континентального комитета ВААИЛ в Нью-Йорк, отметив при этом: «...их надо создать, ибо на самом деле они не существуют» (!)⁴. К моменту полу-

¹ Оба находились в Сальвадоре по другим делам: Гурвиц возвращался на родину после депортации из Мексики и работал вместе с инициативной группой два месяца, Мартинес, выполнявший функции делегата ЛАПК в Центральной Америке, задержался в стране на неделю. М. Мармоль отмечал самоотверженность этих людей, оказавших помощь в изучении научных основ организации классовой борьбы. Мармоль М. Гнев и боль Сальвадора. Страницы жизни и борьбы. М., 1981. С. 93–94.

² Fernández Anaya J. Op. cit. P. 235. Парадоксом, иллюстрирующим ситуацию в коммунистическом движении Латинской Америки, было участие (за 9 месяцев до основания КПС!) трех «делегатов сальвадорской компартии» в Первой конференции коммунистов Латинской Америки. Один из них (Л. Диас) стал впоследствии первым генеральным секретарем КПС, а двое (С. Мартинес и Х. Леон Флорес) никогда коммунистами не были. Очевидно, во время профсоюзного конгресса в Монтевидео им было сделано предложение принять участие в коммунистической конференции, от которого они не отказались.

³ Figueroa Ibarra C. Op. cit. P. 218.

⁴ Письмо Энеа Сорменти [В. Видали] Гарланди [Р. Гриеко]. Мехико, 7 ноября 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 64. Л. 22.

чения нисьма своего соотечественника Гриеко получил и резолюцию ЦК КПМ, и готовил обсуждение вопроса о «субкомитетах». На этот раз высшее руководство отреагировало оперативно. Уже 13 января 1930 г. по докладу Гриеко Политкомиссия приняла решение о создании Бюро ИККИ для Америки, Канады, Мексики, ближайших стран Центральной Америки в Нью-Йорке, включив в него Вильямса, представителей компартий США, Канады, Мексики. Гусеву было предложено подобрать кандидатуру руководителя Бюро¹.

Но только в январе 1931 г., через год после оперативного «принципиального» решения, постановление оказалось реализованным. Американский коммунист А. Биттельман, выбранный для формирования Карибского бюро ИККИ, представил проект положения о новом органе Политкомиссии ИККИ для «проведения постановлений и политики Коминтерна в Мексике, Центральной Америке, Венесуэле и на Западно-Индийских островах (Куба, Санто-Доминго, Гаити, Ямайке, Порто Рико и т. д.)». Бюро предназначалось для систематического руководства работой партий, существующих в этих странах и территориях, и должно было способствовать их созданию в странах, где они отсутствовали. Задачей Бюро являлась организация общих политических выступлений компартий совместно с компартией США при согласовании планов таких выступлений с руководящими органами ИККИ. Для решения общих задач всей Латинской Америки предусматривалось установление тесных контактов Карибского и Южноамериканского бюро.

Карибскому бюро предоставлялись полномочия «коллективного представительства ИККИ на указанной территории, включая право вызова представителей соответствующих компартий для представления отчетов и получения директив; носылка своих представителей на пленумы, конференции и съезды соответствующих компартий; и приращение своих представителей и инструкторов для более или менее постоянной работы в этих партиях». Представители и инструкторы КИМа, Профинтерна, МОПРа, Межрабнамо и других, связанных с Коминтерном организаций, должны были работать под руководством Бюро.

В состав регионального органа включались уполномоченный от ИККИ (ответственный секретарь Бюро), представители Профинтерна, КИМа, компартий Мексики, Кубы и США. В его задачи входило издание ежемесячного органа на испанском языке для компартий и групп региона и для распространения среди латиноамери-

¹ Об Американском бюро ИККИ. Протокол заседания Политической комиссии Политического секретариата 13 января 1930 г. // Там же. Он. 4. Д. 10. Л. 1.

канских рабочих, живущих в Соединенных Штатах; налаживание печати и транспортировки нелегальной партийной литературы для подпольных комнартий; создание партийной школы и кружков для подготовки кадров; создание отдела для информационного обеспечения ИККИ и партий¹. Новый центр должен был сосуществовать с реорганизованным Южноамериканским секретариатом.

Под впечатлениями от Первой конференции коммунистов Латинской Америки и на основе установок руководства Коминтерна на «большевизацию» комнартий Эмбер-Дро разработал перспективный план латиноамериканской работы всемирной комнартии. За «открытием Америки» в соответствии с законами истории должна была следовать «конкиста». Переход III Интернационала к новому этапу развития потребовал постановки новых задач и принятия новых методов их реализации. Именно на основе положений плана Эмбера-Дро и развернулась работа, которую практически воеплощал в начале 1930-х гг. Гуральский и эмиссары Коминтерна в партиях, так красочно описанная с серьезными преувеличениями и нередержками Э. Равинесом в его «Янаньском пути».

Парадокс заключался в том, что «нравый оннортунист» Эмбер-Дро разработал абсолютно левую программу действий по внедрению коммунистического движения на континенте, программу, реализация которой воедела четкий водораздел между «романтическим» периодом деятельности III Интернационала и «бюрократическим», «сталинским». И эту программу должен был воеплощать в жизнь «левый» А. Гуральский, которому не давали сидеть без дела, не вмешиваясь в деятельность подведомственных субъектов, характер, привычки вершителя судеб крупнейших европейских партий – французской и германской, опыт одного из организаторов несостоявшегося «немецкого Октября»; кроме того, он чувствовал острую необходимость реабилитироваться за «троцкистские ошибки» 1927 г.

На основании информации Эмбера-Дро Латиноамериканский лендер-секретариат разработал проект постановления Политсекретариата ИККИ. Признав растущее значение Латинской Америки в рамках мирового революционного движения Коминтерну, всем его органам и родственным ему организациям предписывалось усилить работу в Латинской Америке и уделить особое внимание всем связанным с нею вопросам. Разительно отличались оценки двух континентальных меропрятий: профсоюзный конгресс в Монтевидео ха-

¹ Проект положения о полномочиях, составе и ближайших задачах Центрально-Американского бюро (ЦАБ) Коминтерна. 11 января 1931 г. // РГАСПИ. Ф. 500. Он. 1. Д. 1. Л. 1–2; Письмо А. Биттельмана Д. Мануильскому, 10 января 1931 г. // Там же, Л. 3.

рактиковался как «несомненное достижение в процессе развития пролетарского революционного движения в Латинской Америке», в то время как конференция компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе лишь дала «достаточно точное изображение развития революционного движения в Латинской Америке».

Программа практических действий была широка и разнообразна. В теоретическом плане считалось необходимым продолжить дискуссию по проблемам латиноамериканской революции, назначить комиссию для уточнения тезисов о Латинской Америке, утвержденных как основа Президиумом ИККИ, и выработки окончательного текста для его утверждения ИККИ.

Признав, что «коминтерновский центр не может непосредственно и непрерывно руководить политической деятельностью нашей партии в Латинской Америке и что это в условиях назревания целого ряда революционных событий причиняет заметный ущерб нашему движению в Латинской Америке, Президиум отметил необходимость руководящего центра Коминтерна для Латинской Америки, находящегося на ее территории¹. Перед этим центром (Латиноамериканским бюро), ответственным перед Президиумом ИККИ, ставилась задача осуществлять руководство политической деятельностью латиноамериканских партий в соответствии с общими директивами высшего руководства. Для ее реализации Латиноамериканскому бюро предлагалось возглавлять кампанию Коминтерна; проявлять инициативы по договоренности с ИККИ по проведению политических акций, соответствующих ситуации на континенте; оказывать политическую и техническую помощь партиям в выполнении их задач; устанавливать и поддерживать регулярную связь между ИККИ и партиями Латинской Америки; издавать журнал Бюро, который преобразовывался в теоретический и политический орган, изучающий и обсуждающий проблемы континента [название журнала менялось на «La Correspondencia Latino-Americana» («Латиноамериканская корреспонденция»)]; содействовать развитию антиимпериалистической лиги и ее параллельных организаций; поддерживать контакты с партиями метрополий и стран эмиграции, особенно с партиями колоний; работать в контакте с коммунистическими фракциями в ЛАПК и Континентальном комитете ВААИЛ в согласии с Президиумом ИККИ, руководить их работой; организовать регулярный обмен информации между Латиноамериканским бюро и Секретариатом ИККИ, представителями и инструкторами Коминтерна в странах

¹ Предложения Латиноамериканского секретариата касательно работы в Латинской Америке. 2 августа 1929 г. // Там же. Ф. 495. Он. 79. Д. 66. Л. 37.

Латинской Америки; при необходимости направлять политических представителей и инструкторов в страны Латинской Америки.

В состав Бюро должны были войти делегаты Коминтерна, Профинтерна и КИМа, два представителя КПА, по одному от компартий Бразилии, Мексики и Уругвая. Посылаемые Коминтерном в страны Латинской Америки представители и инструкторы обязывались координировать свою работу с Latinoамериканским бюро.

Бюро предстояло организовать континентальную партшколу с трехмесячным курсом обучения для подготовки актива латиноамериканских партий. Политсекретариат ИККИ должен был обязать Малую и Бюджетную комиссии разрешить все вопросы, связанные с проведением в жизнь этих директив. В рамках постановления был решен персональный вопрос Кодовильи: Политсекретариат не принимал его отставку и сохранял в качестве члена Latinoамериканского бюро¹.

Проект этого документа, составленный Эмбером-Дро, детализировал грядущую деятельность реорганизуемого регионального органа и задачи Коминтерна и партий в деле интенсификации коммунистического движения Латинской Америки. Во-первых, он считал необходимым усилить состав Бюро и увеличить его бюджет, в Мексике же иметь политического представителя, при необходимости занимающегося также Кубой и Центральной Америкой. Таких же политического представителя и инструктора на оргвопросам предлагалось направить в Колумбию, поручив им заниматься также Венесуэлой, Панамой и Эквадором. Для организации нелегальной работы в Венесуэле целесообразным считалось предоставить 500 долларов для обеспечения приезда группы товарищей, находившихся в эмиграции².

Для усиления идеологической работы партий Эмбер-Дро настаивал на окончательном решении вопроса об издании международной прессы на испанском языке, расширив в изданиях Коминтерна изучение и обсуждение южноамериканских вопросов, а также направив субсидии на создание партийных органов партий Колумбии (2000 долларов) и Перу.

Для реализации плана реформирования латиноамериканских компартий был необходим механизм. ИККИ не устраивал формально существующий, но по стилю работы и персональному составу, несмотря на проведенную в 1928 г. реорганизацию, не соответствовавший новым задачам ЮАСКИ. Политкомиссия ИККИ приняла ре-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 66. Л. 38.

² Эмбер-Дро Ж. Практические предложения, касающиеся Латинской Америки. 22 июля 1929 г. // Там же. Л. 28.

шение включить в состав обновленного органа с новым названием – Южноамериканского бюро Коминтерна А. Гуральского, Ф. Денгеля и Б. Михайлова. Гуральскому предписывалось выехать в Буэнос-Айрес в самый короткий срок, Денгель должен был отправиться через несколько месяцев, а Михайлов, назначенный к этому времени представителем Коминтерна в США, тогда, когда позволит ситуация в компартии этой страны¹. Представителем КИМа в Секретариате оставался З. Рабинович. Был введен институт инструкторов ЮАСКИ. Для назначения на работу в этом качестве Политкомиссия просила ЦК ВКП(б) предоставить в распоряжение ИККИ Н. Тульчинскую, а ректора МЛШ Кирсанову – выпускника школы Д. Зака. Ф. Глаубауф был избран для руководства Южноамериканской партийной школой². Все новые работники ЮАСКИ имели большой опыт организационной работы, были людьми известными в международном коммунистическом движении. Двое (Михайлов и Рабинович) уже работали в Латинской Америке, Зак имел тесный контакт с латиноамериканскими студентами МЛШ, Гуральский несколько месяцев проходил «обкатку» в Латиноамериканском лендер-секретариате ИККИ. Несмотря на кажущийся интернациональный состав «десанта» (немецкий, американский, австрийский, четыре русских коммуниста), модернизированный ЮАСКИ был «русифицирован» в полном соответствии с новыми веяниями в международной коммунистической партии. Все происходило в соответствии с представлениями стремившегося получить полный контроль над Коминтерном Сталина: он не доверял иностранцам и всячески стремился избавиться от них. Как указывает российский исследователь А. Ватлин, при этом национальность не играла определяющей роли, не было решающим критерием и членство в ВКП(б), главной была самоидентификация: для многих работников Коминтерна произошел процесс «индивидуальной русификации»³.

¹ Михайлов к работе в этом органе Коминтерна так и не приступил, но принял участие в функционировании новой структуры – Карибского бюро ИККИ, открытого в Нью-Йорке.

² Резолюция Политкомиссии ИККИ от 21 октября 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 4. Д. 3. Л. 58.

³ 9 апреля 1929 г. делегация ВКП(б) приняла решение об укреплении аппарата ИККИ «русскими работниками». // Там же, Ф. 508, Он. 1, Д. 80, Л. 1. Цит. по: Ватлин А. К вопросу о «русификации» Коминтерна. Рукопись доклада на международной научной конференции «Коммунистический Интернационал. Личности, аппарат и структура» (Галловер, апрель 2004 г.).

Говоря о работниках латиноамериканского направления деятельности Коминтерна, к таким «русифицированным» иностранцам в первую очередь надо отнести болгарина С. Минева.

В южноамериканском варианте «русификации» это, видимо, был первый случай обновления в этом смысле работы на целом континенте: «большевизация», проводимая не только в духе ВКП(б), но и руками большевиков, приехавших из Москвы. Это не означало вытеснения латиноамериканских коммунистов. Их число в аппарате ЮАСКИ, который с этого времени стал называться Южноамериканским бюро Коминтерна, даже увеличилось, и они представляли не только КПА, хотя аргентинцы продолжали превалировать. Но на практике всю деятельность регионального органа контролировала и направляла делегация ИККИ.

Важной составной частью широкомасштабного плана реорганизации и формирования коммунистического движения Латинской Америки стала программа превращения в компартию СРП и создания компартии Венесуэлы, которую предстояло осуществить делегации Коминтерна. Вне всякого сомнения, побудительным мотивом направления группы доверенных лиц ИККИ для оказания помощи Социалистической Революционной партии «в деле ее идеологического и органического превращения в настоящую коммунистическую партию в соответствии с директивами всемирного конгресса», явились не столько преступления лидеров СРП, сколько решения X Пленума ИККИ, поставившего задачу освобождения коммунистического движения от оппортунистических уклонов. Революционные социалисты стали второй в Латинской Америке (после КПМ) секцией Коминтерна, где было решено провести показательную чистку. Немалое значение имел субъективный фактор: одним из идеологов плана показательной чистки был Эмбер-Дро, получивший уникальный опыт общения с лидерами латиноамериканских секций Коминтерна и проявлявший в предшествующий период способность (насколько это было возможно в условиях III Интернационала конца 1920-х гг.) к компромиссу.

Делегации Коминтерна, в которую были включены выпускники МЛШ колумбиец Г. Эрнандес Родригес, венесуэлка К. Фортуль и американец Д. Зак¹, были даны детальные инструкции, утвержденные Президиумом ИККИ². Чрезвычайным уполномоченным III Интернационала была поставлена, по сути, задача создания новой, коммунистической, партии путем проведения политической и орга-

¹ В Колумбии в ее работу включился американец Д. Хартфилд. Москера А. Принципы, проверенные жизнью // Великий Октябрь и современный мир. Международная практическая конференция, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Прага, 1977. С. 458.

² Директивы по работе делегации КИ в Колумбии, 25 ноября 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 194. Д. 27. Л. 3.

низационной работы в массах, идущих за СРП, и в ее нервичных организациях. Работая в массах, делегация должна была разъяснить им нолитические ошибки руководства, слабости и дефекты организации СРП, бороться с реформистскими, канитулянтскими и ликвидаторскими тенденциями в революционном движении, которые привели лидеров партии «к измене интересам борющихся рабочих и крестьян, а также с нутчистскими тенденциями, направленными к совершению военного переворота сообща с либеральными генералами и агентами имнериализма». Работа представителей ИККИ должна была онираться на соединение оныта и традиций «великого массового движения колумбийского нролетариата и ленинской нолитической линии для организации партии на чисто нролетарской базе.

Целью этой работы должен был стать съезд СРП, призванный нревратить ее в коммунистическую партию и избрать на основе новой нолитической ориентации руководящие органы партии. Президиум ИККИ предунреждал своих носланцев, что автоматическое изменение названия партии без действительного изменения ориентации и организационного преобразования партии создаст «еще худшее ноложение, чем существующее ныне». При этом следовало «с особой энергией бороться нпротив груннки шантажистов, нровокаторов, и нолицейских нрихвостней, узурнировавших название коммунистической партии»¹.

Инструкции относительно существовавшего руководства СРП были нредельно точны и деловиты: «Делегации не следует... создавать конфликт из-за комнетенции с Центральным комитетом... и увлекаться снорами с верхушкой партии из-за “нроцедуры”. Она должна неренести работу в низы, с которыми ЦК очень слабо связан. Делегация должна *дискредитировать нынешнее руководство в глазах масс и разъяснить им необходимость полного обновления на съезде*». Самим же лидерам СРП Коминтерн предлагал «осознать совершенные ошибки и нризнать и осудить их ошибочную линию»². Говоря нроще, Коминтерн таким образом устранял из нолитической жизни исторических лидеров революционных социалистов, людей, создавших партию и в труднейших условиях нытавшихся нревратить ее в фактор, доминирующий в колумбийском революционном движении³.

Важной частью деятельности делегации предстояло стать реализации венесуэльской нрограммы, разработанной Латиноамериканским лендер-секретариатом еще в марте 1929 г. Венесуэльским эмигрант-

¹ Там же. Л. 4.

² Там же.

³ Там же. Л. 6.

ским коммунистическим группам предлагалось переориентировать всю работу на создание и оформление организации со своей программой и требованиями, «противостоятельными программе, политике и тактике мелкобуржуазных групп и партий (P.R.V.)». Проанализировав опыт работы эмигрантов и признав наличие революционной ситуации в стране и невыполнение эмигрантской группой в Мексике директив письма лидеров-секретариата и предложений ЦК КПМ, «несмотря на словесное присоединение их к этим решениям», в ИККИ был разработан план формирования компартии Венесуэлы извне.

Для организации КПВ Коминтерн решил немедленно направить в Колумбию одного или двух венесуэльских либо иностранных коммунистов в качестве организаторов КПВ¹. Краеугольным камнем плана была установка на формирование социальной базы партии из венесуэльских рабочих, работавших в нефтяной промышленности и сельском хозяйстве Колумбии, а не опора на мелкобуржуазные слои – основу ВРП. Коминтерн предлагал вырабатывать идеологию КПВ в борьбе с программой, идеологией, политикой и тактикой Венесуэльской Революционной партии, разоблачая ее мелкобуржуазную сущность и критически преодолевая ее наследие; решительно отказаться от использования ее активистов (С. де ла Пласа и др.) и воспитать новые кадры из рабочих «путем пропагандистской и кружковой работы с ними, направления и контроля их деятельности в революционных организациях Колумбии (компартия, профсоюзы, кооперативы и т. д.), обучения приемам и тактике нелегальной работы, втягивания в журналистскую деятельность и пр.»².

Наряду с этим организаторы должны были установить связи со страной, обеспечить переходы границы, обучать кадры нелегальной работе, перебросить их по окончании обучения в страну и начать подготовку следующей группы. Направленным в Венесуэлу коммунистам ставилась задача найти работу в промышленности, завязать связи с рабочими, создать возможности для организации пропагандистской работы, т. е. «поставить фундамент из устойчивых пролетариев» для строительства партии³.

¹ Авангард этой группы составляли братья Аурелио и Мариано Фортуль, члены соответственно компартий Франции и США, вернувшиеся в Каракас в начале 1931 г. и организовавшие вместе с американцем Д. Заком «первую ячейку КПВ». Key Sanchez F. Fundación del Partido Comunista de Venezuela. Caracas, 1982. P. 13, 17–20. С учетом того, что в делегацию ИККИ входила их сестра Кармен, можно считать первые шаги коммунистической организации внутри Венесуэлы «семейным делом».

² Практические предложения по вопросу об организации КП Венесуэлы (КПВ). 2 декабря 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 72. Л. 7–7 об. Автором плана, очевидно, был С. Пестковский.

³ Там же. Л. 8.

Колумбийской партии предлагалось создать венесуэльскую секцию и направлять деятельность коммунистов братской страны в партийной работе и в работе внутри массовых организаций. Венесуэльская секция КПК должна была «служить резервуаром, откуда можно было бы черпать кадры, подлежащие воспитанию и переброске в Венесуэлу»¹.

Противоречие гюндерских планов Коминтерна заключалось в том, что кураторство над созданием венесуэльской компартии поручалось СРП Колумбии, которой самой предстояла радикальная реорганизация.

Несколько иной подход предлагался для перестройки эквадорской секции Коминтерна. Как ни парадоксально, но основой принципиального отличия эквадорского варианта стал обрадовавший функционеров ИККИ раскол в ЭСП, произошедший после того как группа коммунистов-денутатов поддержала действия правительства. Это подтолкнуло Р. Паредеса и его соратников к энергичной чистке партии: были исключены денутаты-«ренегаты», распушен и реорганизован ряд местных партийных организаций. Паредес решительно освобождал партийные ряды от «мелкобуржуазных элементов», собирая «вокруг себя прекрасную группу рабочих, которая представляет и организует сельскохозяйственных рабочих в латифундиях и [на] крупных плантациях, которые являются революционными элементами в полном смысле слова, элементами вполне надежными, которые могут послужить основой для построения [коммунистической партии]». С точки зрения Эмбера-Дро, это ознаменовало вступление эквадорских коммунистов в период создания партии, «когда мы стремимся сохранить массы, стоявшие за социалистической партией, чтобы лучших из них вовлечь в коммунистическую партию»².

Единственным сдерживающим фактором проведения более радикальной чистки сначала было опасение создания исключенными реформистской партии, но, решив, что она все равно при поддержке правительства появится в политической жизни страны, Паредес начал работу в этом направлении «ускоренным темпом», вызвав одобрение Эмбера-Дро, признавшего, что не ожидал от него такого развития³.

¹ Там же. Л. 8 об.

² Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки 12 июля 1929 г. // Коминтерн и Латинская Америка. Сб. документов. С. 109.

³ Там же. С. 118.

«Успехи» «очистительной» кампания позволили работу по реформированию ЭСП направлять из Буэнос-Айреса, а не из Москвы, без прямого вмешательства, во всяком случае на первом этапе, эмиссаров Коминтерна. Южноамериканский секретариат предложил свой план для эквадорской партии, предусматривавший подготовку и проведение съезда ЭСП, которому должна была предшествовать «внутрипартийная кампания, направленная против реформистской идеологии, правительственного проникновения в ряды рабочих организаций и собственно партии; сделать это путем *реального присоединения* Партии к программе Коммунистического Интернационала»¹. Тезис о «реальном присоединении» – самое удивительное в этом документе. VI конгресс, конечно, принял эквадорскую партию в свои ряды, поставив перед ней определенные задачи, но принял в качестве полноправной секции, а не предоставил статус «симпатизирующей». И в Уставе III Интернационала не было ни малейшего намека на условное принятие, которое могло стать реальным.

Главным условием успешной реорганизации эквадорской секции ЮАСКИ считал продолжение чистки от «реформистских и правительственных элементов» и формирование съездом нового ЦК, большинство которого составят рабочие и крестьяне. Идеологической базой подготовки съезда должно было стать противостояние с «реформизмом, правительственным социализмом и фашистскими методами эквадорского правительства по проникновению в рабочее движение (демагогия, обязательные профсоюзные организации, корпоративное Государство и т. д.)»².

Если в колумбийском и нуранском случаях Коминтерн требовал при пролетаризации партий изменить название на «коммунистическую», эквадорским товарищам разрешалось, «если это будет полезным, оставаться Социалистической партией Эквадора (секцией III Интернационала) во избежание того, чтобы исключенные реформисты овладели партией и ее традициями»³.

Партии предлагалось принять меры для организации нелегальной работы в случае правительственных преследований. Эквадорских коммунистов предостерегли от всякого сотрудничества с консервативно-либеральным блоком, являвшимся, по оценке ЮАСКИ, «чисто контрреволюционным движением старых правительственных клик, направленным на то, чтобы подтвердить политическую власть крупных земельных собственников и торговой банковской и про-

¹ Эквадор. Резолюция Южноамериканского секретариата, 25 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 8. Л. 58.

² Там же. Л. 59.

³ Там же.

мысленной буржуазии Гуаякиля, агентов империализма», но также и от защиты правительства «агента империализма» Айоры или стремления «опереться на него, как на революционное правительство». Таким образом, от партии требовали бороться одновременно против правительства, реформистов и против консервативно-либерального блока как независимой силы, мобилизуя рабоче-крестьянские массы, а в случае «контрреволюционного движения либерально-консервативного блока» вмешаться в него в «качестве независимой силы, чтобы реализовать программу рабочих и крестьян (восстания крестьян, захват и перераспределение земли крестьянами, формирование рабоче-крестьянских советов)»¹.

Не предполагалось вмешательство извне и при реорганизации СПП (если не считать таковым направление для этой работы перуанца Эудисио Равинеса). План преобразования был сформулирован в проекте письма Политсекретариата ИККИ к коммунистам Перу. Руководство Коминтерна воздавало должное тем, кто закладывает фундамент компартии в рабочем классе, несмотря на войну, объявленную коммунизму режимом Легии, преследующим коммунистическую группу «под смешным предлогом заговора, грубо инсценированного полицией».

Репрессии против коммунистов и побудили, как сказано в письме, поставить нескольких срочных вопросов, относящихся к созданию коммунистической партии в Перу. Коминтерн рассматривал положение в стране как благоприятное для создания и выступления коммунистической партии. В социально-экономической сфере это объяснялось растущей эксплуатацией со стороны империалистических предприятий, способствующей развитию пролетариата, который сосредотачивается на крупных плантациях, рудниках, нефтяных предприятиях и т. д. По мнению Политсекретариата, рост рабочего класса и концентрация промышленных предприятий «развивает его классовое самосознание и делает его все более важным и активным фактором борьбы против империализма, феодализма и капиталистического режима вообще», создает благоприятную обстановку для организации и развития революционных профсоюзов в Перу параллельно тому же процессу на всем южноамериканском континенте.

Высоко оценивалась одной из высших структур Коминтерна идеологическая борьба коммунистической группы против влияния анризма, «этой нутаной идеологии, ложной и опасной идеи политической организации, объединяющей несколько социальных классов

¹ Там же. Л. 60.

нод руководством мелкой буржуазии», которой была нротивопоставлена идея создания классовой партии нролетариата¹.

Формирование коммунистической грунны и ликвидация организаций АПРА в Перу и за границей нозволили, по мнению Политсекретариата, ноставить вопрос об организации коммунистической партии в национальном масштабе и вовлечении в нее лучших рабочих. В то же время Коминтерн указывал на «некоторые колебания относительно своевременности расширения вашей грунны и создания коммунистической партии в Перу», выражавшиеся в боязни «открыть двери коммунистической грунны и влить в нее большое количество рабочих, боясь, что она, таким образом, утратит свою нолитическую ориентацию», в онасениях, что само название «коммунистической» организации «не будет нспособствовать вовлечению в нее рабочей массы Перу, так как буржуазии удалось дискредитировать ее и изобразить в виде нугала». Еще одной причиной колебаний неруанских коммунистов Политсекретариат называл нравительственные нреследования, нерснективу нелегальности или нолулегальности, которые заставляют искать средство избежать этих трудностей нутем создания партии с другим названием – «социалистическая», и признавал этот нуть «серьезной ошибкой, носледствия которой тяжелым бременем легли бы на все носледующее развитие вашей работы». Такой нуть в Москве признавался канитуляцией перед наступлением режима Легии.

Превратить нравительственные ренрессии в основу «агитации в рабочих массах в нользу коммунистической партии, доказать всю неленость созданных полицией легенд относительно заговора, но в то же время ясно сказать рабочим: «Легия изобретает эти нелености, так как хочет убить коммунистическую партию; оторвать ее от рабочих», нревратить заговор нротив коммунизма в орудие агитации в нользу компартии – такой Коминтерн видел ближайшую задачу неруанских коммунистов².

В организационном плане Коминтерн рекомендовал не онасаться расширения коммунистической грунны, вовлечения в нее рабочих, «даже тех, которые еще нуждаются в коммунистическом воспитании», и относиться с недоверием «только к неролетарским элементам, мелкобуржуазной интеллигенции и т. д., отдавая их от нашей партии до тех нор, пока они не докажут свою иреданность нролетариату, в особенности в нериоды ренрессий и классовой борьбы».

¹ Товарищам коммунистам из Перу. Проект нисыма в Перу. Москва, 29 октября 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Он. 118. Д. 4. Л. 111.

² Там же. Л. 112.

Письмо постоянно апеллировало к дискуссии, происходившей в Буэнос-Айресе (это говорит о том, что автором документа был Эмбер-Дро). Вновь отвергался довод о необходимости организовать легальную, массовую «социалистическую» партию, контролируемую нелегальной коммунистической группой, и подтверждалась верность постулата о невозможности для компартии «оставаться узким и закрытым кружком, секцией коммунистов, очень развитых идеологически, но не имеющих влияния на массы».

Коминтерн категорически не принимал проект создания компартии «с более широкой социальной базой, чем база коммунистической партии (т. е. открывающей доступ интеллигенции и мелкобуржуазным революционным элементам, которых вы не приняли бы в коммунистическую партию) с более узкой программой [подчеркнуто в документе. — В.Х., Л.Х.], чем программа компартии, — с программой-минимум, т. е. программой непосредственных требований, которые следует проагандировать в массах, держа в тайне революционную программу-максимум»¹.

Эта идея квалифицировалась как большая опасность для будущего коммунистического движения в Перу, которая открывает путь к возвращению «окольным путем и под другим ярлыком» к анризму, «к партии из нескольких классов с путаной революционной идеологией, к гоминдану, еще более опасному, чем АПРА, ибо он будет более организованным, более централизованным, дисциплинированным и будет иметь все основные особенности политической партии»². Такая партия, как считали авторы документа, неизбежно вступит в конфликт с компартией и вынудит ее вести «ожесточенную борьбу, чтобы вырвать ее из-под влияния мелкой буржуазии, которую вы же хотите иметь в коммунистической партии и которая при содействии правительства приобретет серьезное влияние в социалистической партии на тех рабочих, которые теперь находятся под вашим влиянием».

Категорически неприемлемым для Коминтерна после VI конгресса было само слово «социалистический», за которым усматривался «реформистский характер, скрывающийся в “более широкой” социальной базе... и в идее программы — “минимум”». Политсекретариат, применяя характерную для этого времени коминтерновскую риторику, декларировал: «Имя “социалистической” партии связано с целой историей предательства интересов пролетариата, с историей II Интернационала, который от Носке до Цергибеля является интер-

¹ Там же. Л. 113.

² Там же.

националом уничтожения лучших сил революционного пролетариата во имя снесения империализма. В самом Перу название «социалистическая партия» дискредитировано уже накопленным опытом и не имеет в себе ничего привлекательного для рабочего класса. Оно могло бы привлечь только те мелкобуржуазные элементы, нутяющиеся слова «коммунизм», которых вы не хотите допускать в коммунистическую партию и с которыми рабочее движение должно вести борьбу, а не организовывать их вместе с рабочими силами».

У «социалистической» партии с коммунистической социальной базой и политическими выступлениями нет шансов легально существовать в Перу, подчеркивалось в письме. Политсекретариат просил группу «Амаута» окончательно отказаться от всякой идеи создания такой партии в Перу, а если «работа по созданию такой партии уже зашла так далеко, что уже имеются соответствующие организации, ликвидировать социалистическую партию, объяснив массам мотивы такого поступка и превращая существующие организации в организации коммунистической партии»¹.

Коминтерн предостерегал своих перуанских сторонников против придумывания «организационных трюков», облегчающих работу, для установления связи партии с массами: «Недостаточно показать этим массам вывеску «социалистическая партия», «рабоче-крестьянский блок» или какую-нибудь иную, чтобы самостоком получить то, чего мы желаем»². Для завоевания влияния в массах коммунистам Перу предлагалось заниматься организацией рабочих в классовых профсоюзах, созданием крестьянских лиг, привлечением революционной мелкой буржуазии к деятельности в антиимпериалистической лиге, МОПре и других организациях, сочувствующих компартии.

Особое внимание обращалось на определение позиции по отношению к мелкой буржуазии, игравшей важную политическую роль в Перу, с учетом ее неоднородности и отсутствия общих интересов. Коминтерн считал необходимым привлекать к участию в борьбе против империализма, угрожающего их существованию, ремесленников, мелких торговцев, мелких собственников, указывая при этом, что их борьба «не является «революционной» по своей основной ориентации, так как они стремятся к возвращению экономической системы и социального порядка, уже сметенных техническим и экономическим прогрессом. Взгляды ее [мелкой буржуазии] обращены назад, к прошлому, которое она хотела бы воскресить, а не к будущему, не к коммунизму, единственной системе, которая представляет

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 4. Л. 114–115.

² Там же. Л. 116.

собой более высокий экономический и социальный порядок, чем империализм»¹.

Главным условием формирования классового самосознания перуанского пролетариата оставалась, по мнению Коминтерна, идеологическая борьба против АПРА, необходимая для того, избежать бесплодности всей последующей работы, учитывая нережитки «апристской» идеологии в рабочем движении.

Идти в массы, создавать профсоюзные организации в первую очередь среди самых эксплуатируемых слоев трудящихся; добиваться разворачивания стачечного движения под руководством классовых профсоюзов и при активном участии коммунистов; создать профсоюзный орган или превратить «Labor» в боевой орган ВКТ Перу либо создать специальный орган для профдвижения; вести работу среди «туземных масс Сьерры»; связать восстания индейцев, защищающих общинные земли, с пролетарским движением в городах, преодолевая недоверие индейцев к «белым» рабочим, – таким Коминтерну виделась программа непосредственных действий коммунистов для создания партии и установления ее связей с массами.

Отдельной задачей, которую легко, по мнению Коминтерна, могла решить будущая партия, была систематическая работа по разложению армии, большую часть которой составляли индейцы².

Несмотря на «срочный характер» рекомендаций Коминтерна, документ долгое время обсуждался в различных инстанциях Исполкома. И предлагавшиеся поправки отражали существенные изменения в идеологии III Интернационала на ее латиноамериканском направлении. Так, Латиноамериканский лендер-секретариат предлагал внести в текст тезис о близкой для Перу перспективе «*повстанческой борьбы против феодализма и империализма*», вызванной «полурабским состоянием широких трудящихся масс Перу и восстания [от руки в документе вписано «индейских»]. – В.Х., Л.Х.] масс, угнетаемых и изгоняемых с их земель империалистами и их агентами», а к задачам будущей партии добавить необходимость борьбы «за рабоче-крестьянское правительство в Перу и за антиимпериалистическую федерацию советских рабоче-крестьянских республик Латинской Америки»³.

Существенным недостатком проекта письма заведующий орготделом ИККИ Б. Васильев считал его слишком абстрактный общий

¹ Там же. Л. 117.

² Там же. Л. 111.

³ Поправки Латиноамериканского секретариата к письму перувианским коммунистам. 13 декабря 1929 г. // Там же. Л. 234.

характер: «Мало от Перу. Надо обязательно перу...зинировать¹?». Правда, это предложение максимально учесть специфику Перу сопровождалось рекомендацией использовать в качестве образца директивные указания Восточного секретариата о создании компартии в Индии. Решительно возражал Васильев против призыва создавать рабоче-крестьянский блок: «Не надо морочить голову с этим опасным в Л.А. лозунгом. Пусть строят партию, пусть, опираясь на фракции, строят боевые соглашения от случая к случаю всех массовых пролетарск. и крестьянских организаций, всякий раз на основе четкой и ясной рев. программы. Из блока опять будет гоминдан»².

То, что практическая работа по реорганизации Социалистической партии Перу была поручена ИККИ не членам группы «Амаута», а Э. Равинесу, является косвенным подтверждением неведения в возможности Мариатеги и его соратников отказаться от своих «заблуждений». Вчерашний анархист, декларировавший свою готовность «отправиться как в Россию, так и в Перу»³, чтобы продемонстрировать подчинение идеологии Коминтерна, явно оказался в Москве больше ко двору, чем ершистые сторонники «Амауты», сумел убедить работников ИККИ в своей способности быстро обеспечить радикальные преобразования в революционном движении страны, что, в общем-то, и доказал своей практической деятельностью, добившись провозглашения Коммунистической партии Перу и после смерти основателя партии решительного ее очищения от наследия «группы 7».

В практической деятельности Равинес должен был руководствоваться директивами, сформулированными уже после провозглашения компартии Перу, на основе положений письма Политсекретариата ИККИ⁴. Коминтерн констатировал, что «превращение Социалистической партии в Коммунистическую партию Перу, исключение мелкобуржуазных интеллектуальных элементов и прием в партию рабочих, решение идти в массы и т. н.» подтвердили правильность выбранной им линии⁵. Партии предлагалось «прекратить быть ограниченной группой, наминающей секту, сосредоточенную в Лиме, открыть двери партии в Лиме и во всех провинциях страны, в крупных промышленных центрах, привести в партию сотни рабочих

¹ Очевидно, «перуанизировать».

² Замечания тов. Васильева к проекту письма по профсоюзному вопросу в Перу. 16 октября 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 4. Л. 75.

³ Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г. // Там же. Д. 10. Л. 17.

⁴ Были переданы через перуанского делегата на V конгрессе Профинтерна Х. Бракамонт (Арепаса).

⁵ Временные директивы для работы К.П. Перу. [Пале 20 сентября 1930 г.] // Там же. Д. 14. Л. 2.

из числа лучших профсоюзных активистов, рабочих, которые лучше и активнее борются во время забастовок, активнее всех в профсоюзах»; усилить приток в КПП рабочих, не устанавливая для них кандидатский стаж, а прямо привлекая их к работе, «даже если эти рабочие еще недостаточно подготовлены, обучены или в чем-то нуждаются». Для «мелкобуржуазных интеллектуалов» и кандидатский стаж объявлялся недостаточной гарантией: директива требовала разрешить прием лишь тех, кто обладает «но-настоящему пролетарским и революционным духом, духом, хорошо проверенным в рабочей и партийной борьбе против буржуазии, полиции и т. н.».

КПП предлагалось сделать серьезные усилия по организации профсоюзов сельскохозяйственных рабочих и горняков, создавать в них партийные фракции, организовывать забастовки с предъявлением насущных требований и увязывать их с антиимпериалистической борьбой. Особое внимание уделялось превращению партии в защитницу и предводителя индейских масс в борьбе за их национальное и социальное освобождение.

Добиваться легализации КПП Коминтерн предлагал не «подачей прошений в правительство для легального признания партии, а путем представления партии посредством манифестов, листовок, речей, собраний везде, где есть рабочие»¹. Сохраняя и развивая свой нелегальный аппарат и связи, партия должна была «стараться не превратиться в партию заговорщиков, в секту, о которой неизвестно массам по причине ее подпольного существования», а открыто выступать перед массами, преодолевая страх перед репрессиями².

Одним из основных принципов перестройки коммунистического движения Латинской Америки стало очищение руководящего ядра партий от «интеллигентов, являющихся носителями мелкобуржуазной идеологии»³. Р. Гриеко (Гарланди), один из кратковременных руководителей Латиноамериканского лендер-секретариата, обвинил интеллигенцию в том, что рабочие отстранены от участия в политическом руководстве, им отводится роль «носителей галереи», что «какому-нибудь Брандао... дается возможность диктовать идеологию и политическую линию партии». «Феномен Брандао» объявлялся типичным для всех стран Латинской Америки, а деятельность исторических вождей компартий, большая часть которых принадлежала к интеллигенции, — одной из главнейших причин неумения партий находить правильную политическую линию. Чисткам партийного

¹ Там же. Л. 3.

² Там же.

³ Гарланди М. Экономический кризис в Латинской Америке и задачи коммунистических партий // Коммунистический Интернационал. 1930. № 6. С. 43.

руководства и его пролетаризации предстояло стать шагом в деле усиления прямого контроля со стороны Коминтерна и его органов, жесткого проведения в жизнь директив, чтобы «помочь партиям Латинской Америки добиваться лучшего качества политической работы, использовать возможности, представляемые экономическим кризисом, для завоевания большинства пролетариата и приобретения влияния на решающие слои крестьянства» во имя свержения существующего порядка и учреждения антиимпериалистической федерации советских рабочих и крестьянских республик Латинской Америки¹.

Тенденция называть течения в партиях по именам лидеров была и раньше характерна для латиноамериканского коммунистического движения. Если в европейских или американской партиях были «группы» (Барбе-Селора в КПФ, Бульехоса – Трилья – Адаме – Вега в КПИ, Брандлера – Тальгеймера в КПГ, Ловстона в США и т. д.), то в Латинской Америке – «ненелонизм», «мариатеизм», «рекабаренизм», «престиж»². Эта терминологическая особенность, очевидно, позволяла подчеркнуть своеобразие Латинской Америки, некую связь с исторической традицией.

После завершения работы Первой конференции Южноамериканский секретариат резко активизировал и расширил сферу своей деятельности, но при этом сохранился главный недостаток предыдущего периода: в его работе участвовали только аргентинцы (Кодовилья, Ромо, О. Гиольди) и посланцы Москвы (Дженнари и Рабинович). Члены ЮАСКИ расценили итоги континентальной встречи как однозначно положительные исходя из большого числа делегатов, тематики обсуждавшихся проблем и их коллективного анализа, улучшения связей компартий между собой и с Секретариатом. Свою работу они признали вполне успешной, констатируя «значительный рост авторитета» ЮАСКИ и выразив надежду на усиление его роли в будущем как «элемента координации и руководства латиноамериканским коммунистическим движением». Для реализации этой задачи в Секретариате видели два пути: получить практические результаты конференции, посредством конуляризации обсуждавшихся проблем и решений и направлением делегатов в различные латиноамериканские страны «для помощи нашим партиям в их идеологическом и организационном построении»³. В. Кодовилья видел серьезное препятствие

¹ Коммунистический Интернационал, 1930, № 6, С. 44.

² Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом: Материалы. М., 1935. С. 402, 406, 409.

³ Протокол № 41. Заседание Южноамериканского секретариата 28 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 27. Л. 34.

для практической работы в отсутствие средств и просил коллег уполномочить его на получение кредита, чтобы расплатиться с долгами за проведение конференции и публикацию ее материалов, рассчитывая на «чрезвычайную помощь из центра»¹.

Другой ахиллесовой пятой функционирования Секретариата продолжала оставаться нехватка квалифицированных кадров. Обсуждая кандидатуру делегата в Колумбию, который должен был решать проблемы «кристаллизации здоровых сил партии», члены ЮАСКИ выбирали между Кодовильей и Рабиновичем и пришли к выводу о невозможности поездки секретаря из-за опасности «дезорганизации работы» в Буэнос-Айресе. Возможность же поездки «Пьера» зависела от разрешения КИМа и Коминтерна. В любом случае в региональном органе Коминтерна считали свои возможности ограниченными и настаивали на направлении «прямого делегата ИККИ с опытом в революционном движении»². Эти же причины препятствовали оказанию помощи КПЧ после ареста ее ЦК, несмотря на настоятельные просьбы комитета Сантьяго, взявшего на себя функции высшего органа партии, направить делегата ЮАСКИ для «выработки будущей тактики и принятия некоторых организационных мер для укрепления нынешнего руководства партии»³.

Самым радикальным способом решения проблем при отсутствии денег и кадров стало дистанционное управление путем рассылки директивных писем. Практически каждая резолюция Секретариата содержит пункт о направлении или подготовке писем. Вместо приезда делегатов и финансовой поддержки приходили директивы – всем партиям о «правовой опасности», компартии Парагвая – об ошибках в антивоенной кампании, КПЧ – о ситуации в партии, СРП – о «развитии повстанческих движений» и отношении к ним партии, кубинской партии – в связи с ее замечаниями по новому оценке ее отношений с «Националистическим союзом», КПМ – с оценкой резолюции её Исполкома по вопросу о Венесуэльской Революционной партии⁴.

Характерной чертой деятельности Секретариата осталось явно иницилируемое Кодовильей противостояние с КПМ. Мексиканских коммунистов обвиняли в противоречии ее позиции по вопросу о ВРП

¹ Там же.

² Джеспари считал положение в Колумбии крайне тяжелым, а ответственность ЮАСКИ весьма большой: «Мы видим повстанческое движение, которое может еще больше распространиться, чем движение в банановой зоне, и которое в силу неспособности или предательства руководителей может превратиться в жертвоприношение сотен трудящихся» // Там же. Л. 35.

³ Там же.

⁴ Резолюции, принятые Южноамериканским секретариатом на заседании 5 сентября 1929 г. // Там же. Л. 39.

резолюции Коминтерна, отсутствии их контактов с Секретариатом и южноамериканскими партиями по вопросам антиимпериалистической работы (как заявил Кодовилья, «нохоже, что речь идет о контролерах антиимпериалистической работы в Южной Америке, а не о товарищах, заинтересованных в проведении серьезной и революционной работы»)¹. При этом совершенно не учитывалось и нелегальное положение КПМ, и смена в нем руководства. Следует признать наличие в критике КПМ и конструктивного начала: члены ЮАСКИ считали позицию мексиканских коммунистов по отношению к Сандино недостаточно взвешенной. Секретариат призывал не торопиться с объявлением его «канитулянт» и продолжать пропаганду «не в пользу Сандино лично (с другой стороны, она никогда и не велась), а в поддержку повстанческого движения Никарагуа... которое борется с оружием в руках против империализма», «критикуя его колебания как типичные для мелкобуржуазного движения»².

Парадоксальная ситуация сложилась в 1929 г. с проектом создания второго регионального центра Коминтерна. Поистине титанические усилия КПМ по его возрождению в Мексике, пусть и наряду с действующим в Буэнос-Айресе, увенчались успехом. В январе 1929 г. Ж. Эмбер-Дро информирует Малую комиссию ИККИ о достигнутой с секретарем ИККИ О. Пятницким договоренности об организации в Мехико суббюро для связи с Центральной Америкой, Антильскими островами и северными странами южноамериканского континента и о поручении Штирнеру осуществить необходимую для этого техническую работу.

Но на практике не было предпринято решительных действий по реализации этого решения, оно не было подкреплено ни выделением кадров, ни определением сметы. Руководство Коминтерна не уточнило задачи нового органа, не разграничило полномочия с ЮАСКИ. По сути, принятые решения были протоколом о намерениях. В этот момент выполнить задачу в организационном плане было нереально. Усилия Latinoамериканского лендер-секретариата были сосредоточены на подготовке Первой конференции и Latinoамериканского профсоюзного конгресса, X Пленума ИККИ. Не следует забывать и непрекращающиеся атаки со стороны руководителей аргентинской компартии на КПМ, в основу которых было положено стремление дезавуировать само право мексиканцев на создание параллельного регионального центра. Наконец, решение о создании такого коминтерновского подразделения созрело в самое неподходящее для мек-

¹ Протокол № 41 заседания Южноамериканского секретариата от 28 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.

² Там же. Л. 37–38.

сиканской компартии время. 1929 г. был для партии самым тяжелым с момента ее восстановления. С одной стороны, на КПМ обрушились правительственные репрессии, с другой, она переживала глубокий внутренний кризис, закончившийся масштабными чистками руководства.

Все это вынудило ЦК КПМ принять 6 ноября 1929 г. несколько драматических резолюций, по сути означавших добровольный отказ партии от континентальных амбиций, претензии на паритетное с ЮАСКИ руководство коммунистическим движением Латинской Америки. Подводя итоги деятельности в Мексике Карибского бюро МОПРа и Континентального комитета ВААИЛ, ЦК признал достигнутые результаты наилучшим подтверждением правильности линии на создание мощного антиимпериалистического движения во всей Латинской Америке и США, а также эффективность руководства им из Мексики, «где были налицо все условия для успешной работы», что нашло отклик во всем мире и содействовало «созданию тесной связи между американским и всемирным антиимпериалистическим движением». Но в 1929 г. ситуация резко изменилась. Правительственные преследования левого рабочего движения, которые и прямо, и косвенно ударили по ВААИЛ и МОПРу; связанный с реакцией отъезд из страны большинства эмигрантов, активно сотрудничавших в этих организациях, острая нехватка в Мексике в тот момент кадров для руководства их работой; невозможность осуществлять в условиях нелегального или полунелегального существования издательскую деятельность, включая издание «El Libertador»; сложности из-за цензуры в переносе с Европой и с латиноамериканскими странами – все это требовало, по мнению ЦК КПМ, перевода этих структур, значительное время действовавших в Мексике, а также планировавшихся к созданию подсекретариатов Коминтерна, КИМа, Профинтерна, в Нью-Йорк. При этом руководство КПМ считало возможным оставить «их формально в Мексике, в то время как весь аппарат должен находиться в Нью-Йорке», и просило руководство Коминтерна о срочной организации Карибского подсекретариата ИККИ в США. Перечисляя причины, делавшие невозможным пребывание региональных органов Коминтерна и его дочерних организаций в Мексике, ЦК КПМ не считал нужным включить в их число внутренний кризис в самой компартии, что делало невозможной их эффективную работу.

1929 г., год десятилетия III Интернационала, стал важным рубежом в деятельности международной коммунистической партии в Латинской Америке. Начался новый этап формирования партий. Он основывался на идеологии, сформулированной в решениях VI конгресса и X Пленума ИККИ, принципиально изменившихся при-

оритетах. Другими стали принципы, формы и методы взаимосвязи Коминтерна и национальных секций. Радикально изменился стиль работы аппарата ИККИ. И в Исполком Коминтерна (на латиноамериканском направлении его функционирования), и в центральные органы большинства партий пришли новые люди, не обремененные историческим опытом 1920-х гг., призванные с помощью директивных методов осуществлять руководство коммунистическим движением. Мечта о «гомогенизации» латиноамериканских партий стала воплощаться в реальность при прямом, планомерном, целенаправленном вмешательстве ИККИ.

7.3. Подготовка активистов в кадровых школах Коминтерна

Перед Коминтерном как единой всемирной партией остро стояла задача воспитания руководящих кадров национальных секций в духе большевизма в «интересах быстрого становления коммунистических партий как партий нового типа, их идейно-политического и организационного укрепления». Как отмечали видные исследователи международного левого движения Г.З. Соркин и К.К. Шириня, в воспитательной работе III Интернационала принимали активное участие все его уставные институты: конгрессы, пленумы, региональные конференции, центральные органы Исполнительного комитета Коминтерна, региональные секретариаты и т. д., что позволяло вовлекать широкий круг партийных кадров в обсуждение важнейших политических вопросов. Серьезную роль в системе воспитания интернациональных партийных кадров играла сеть международных учебных заведений, работавшая под руководством ИККИ и включавшая Международную ленинскую школу (МЛШ), Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и др.¹

Большевистская партия начала готовить специалистов еще в годы Гражданской войны, и в первую очередь эту задачу следовало решать на окраинах Советской России. Для этого была создана сеть коммунистических вузов. Ведущим учебным заведением на первом этапе работы стал основанный в апреле 1921 г. КУТВ, призванный готовить кадры партийных и советских работников для

¹ Соркин Г.З., Шириня К.К. Коминтерн – школа интернационалистского воспитания кадров // Вопросы истории КПСС, 1977. № 1. С. 70; Тимофеева Н.Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921–1925) // Народы Азии и Африки, 1976. № 2; она же. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1926–1938) // Народы Азии и Африки, 1979. № 5.

«договорных и автономных республик, трудовых коммун и национальных меньшинств»¹. Первый ректор КУТВ, заместитель наркома национальностей Г. Бройдо считал необходимым выработать для трудящихся других стран такой тип советской власти, который соответствовал бы особенностям быта и историческим условиям конкретного народа, и подготовить «сознательных коммунистов, теоретиков марксизма, революционных вождей»².

После создания в университете в конце 1922 г. иногруппы задачи КУТВ значительно расширились: он стал готовить работников для компартий стран, относившихся по классификации III Интернационала к колониям и полуколониям. Тем не менее дефицит воспитанных в духе марксизма руководящих кадров существовал не только там. Даже в массовых и влиятельных партиях ощущалась нехватка функционеров разного уровня, владевших теорией марксизма и теоретическими познаниями в целом и разбиравшихся в вопросах партийного строительства. И все же прежде всего эта проблема остро стояла перед молодыми компартиями востока и Латинской Америки, не имевшими традиций организованного рабочего движения. Генсек Коммунистической партии Мексики Рафаэль Каррильо, к примеру, прочел Манифест коммунистической партии в Москве, хотя к тому времени уже нару лет возглавлял Федерацию коммунистической молодежи и входил в ЦК партии³. При этом в КПМ он пользовался репутацией довольно подкованного политика.

Учитывая эту ситуацию, IV конгресс Коминтерна принял решение «с целью углубления марксистского воспитания и практического коммунистического образования» для членов различных секций Коммунистического интернационала организовать международные подготовительные курсы, которые стали бы вершиной пирамиды системы партийных школ национальных секций⁴. Эта идея не реализовалась сразу и была конкретизирована на V конгрессе, на котором было принято решение для удовлетворения потребности в новую очередь крупных партий в квалифицированных кадрах командировать от Коминтерна ряд парторганизаторов немецкой, английской, аме-

¹ Известия ЦК РКП(б), 1921. № 31. С. 12.

² Бройдо Г. Коммунистический университет трудящихся Востока // Жизнь национальностей. 1921. № 11. Цит. по: Соколов А.А. Коминтерн и Вьетнам. Подготовка вьетнамских политических кадров в коммунистических вузах СССР, 20–30-е годы. (Историко-политический очерк). М., 1998. С. 14.

³ Carrillo R. Memoria roja de los años veinte. El testimonio de Rafael Carrillo // Memoria. México, 1992. № 92. P. 52–59.

⁴ Деятельность коммунистических партий в области воспитания. Постановление IV конгресса Коминтерна // Коммунистический Интернационал в документах. С. 336–337.

риканской, чехословацкой, итальянской, французской и других секций в Москву, где они должны были изучить марксистско-ленинские теорию и практику¹. Решение дало импульс созданию МЛШ, ставшей самой престижной из трех основных кадровых школ Коминтерна. Последний набор студентов, представлявших легальные компартии, включая латиноамериканские, состоялся в 1936 г.²

9 октября 1924 г. Оргбюро ИККИ приняло решение организовать двухгодичные высшие международные курсы на 40 человек. В 1925 г. число слушателей увеличилось до 70, из них от Германии – 9, Франции и Англии – по 8, Чехословакии и США – по 7, Италии – 6, скандинавских стран – 9, Польши, Японии, Китая, Индии, Египта, Голландской Индии – по два, Австрии, Бельгии, Испании, Голландии, Югославии, Болгарии, Турции, Ирана, Сирии, Северной Африки – по одному слушателю. Для Латинской Америки квот не было, что свидетельствует о ее маргинальном на тот момент положении в восприятии руководства III Интернационала. Постановление VI расширенного пленума исполкома Коминтерна (февраль – март 1926 г.) положило начало практической работе по созданию международных ленинских курсов, призванных, по словам одного из руководителей III Интернационала Бела Куна, воспитать руководителей, «но-ленинских, но-большевистски понимающих характер, противоречия современной исторической эпохи, способных разбираться в конкретной исторической обстановке своей страны и умеющих диалектически отличать всеобщее, приемлемое для всех стран в опыте русской революции от специфически русского». При этом он подчеркивал, что только тогда большевизация компартий приобретет под собой прочную почву³. Работа школы началась в марте 1926 г.⁴

Отбор в кадровую школу Коминтерна был строгим: слушателем мог стать активист с партийным стажем не менее года, имеющий отношение к окружным, региональным и центральным руководящим кадрам. Предпочтение отдавалось рабочим крупных предприятий или сельхозработникам. У партии была квота, и она не имела права

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 17 июня – 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет. Ч. II. С. 101.

² Решение Секретариата ИККИ 15 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1109; B. Lazitch, Les écoles de cadres du Comintern // Contributions à l'histoire du Comintern. Genève, 1965. P. 233–257; L. Babitschenko, Die Kaderschulung der Komintern // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Vol. 93. P. 37–59.

³ Постановление Оргбюро ИККИ. 9 октября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 1. Л. 24. Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1977. № 1. С. 75.

⁴ Заниска Б. Кун в Президиум ИККИ, 3 октября 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 69. Л. 1. Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1977. № 1. С. 75.

направлять в школу более 15 % от этой квоты студентов, не являющихся рабочими (интеллектуалов, служащих, крестьян).

Рабочими языками в МЛШ первоначально были французский, английский, немецкий и русский. Если речь шла об обучении студентов не на родном языке, то это свидетельствовало о достаточно высоком уровне их знаний. В конце 1920-х гг. требования к грамотности студентов были резко снижены ввиду кампания по «пролетаризации» партий. Чтение архивных документов, автобиографий в частности, показывает весьма невысокий уровень грамотности. Нередко для понимания смысла написанного надо прочесть его вслух: так много в тексте орфографических ошибок, затрудняющих понимание.

Кандидаты в студенты МЛШ должны были продемонстрировать свою активную роль в революционном движении (организация забастовок, демонстраций и т. н.) или профсоюзной работе. Студенты, не являвшиеся рабочими, должны были принимать участие в борьбе партии против оппортунизма. В школу не брали коммунистов, не проявивших достаточную революционную твердость после выхода из тюрьмы, обвиненных в провокаторстве, показавших слабость в полиции и на суде, участников фракционной борьбы против Коминтерна и его секций. Требования к уровню грамотности были невысоки: умение читать и писать¹, способность к обучению и знания в области современной политики. Политинформация в школе давалась дозированно: студентам запрещалось получать газеты и политическую литературу. В результате они не обладали информацией непосредственно из других стран и были вынуждены довольствоваться сведениями, прошедшими коминтерновскую цензуру. Категорически запрещался приезд в МЛШ членов семей студентов. Студенты не имели права сообщать кому-либо, включая родных и близких, об учебе в школе. Партии должны были отивлять студентов на обучение конфиденциально, а для большей секретности учащимся давали псевдонимы.

Позднее один из экс-учащихся школы, мексиканец Эвелино Бадильо рассказывал: «...у нас были иллюзии познакомиться с жизнью русского народа и русских трудящихся, взглянуть собственными глазами на чудеса, которые, как нам рассказывали, творило правительство Сталина. Но сразу же состоялось нервное тайное разочарование: ни у меня, ни у остальных учащихся не происходили контакты с повседневной русской жизнью, жили они в изоляции, словно в старых католических семинариях или в чем-то похожем. Они являлись частью отдельной, несомненно, привилегированной касты, но находящейся под неусыпным контролем. Несмотря на все это, мои комму-

¹ Адибеков Г.М., Шахпазарова Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 127–128.

нистические убеждения были сильными и кренкими, я стал лучшим учащимся вынуса и стахановцем иснаноамериканской секции, назначившей меня руководителем»¹.

Представитель от коммунистического движения Латинской Америки был направлен на учебу в Москву летом 1926 г. Ответственный секретарь секретариата иснаноязычных стран ИККИ П. Тольятти предложил Южноамериканскому секретариату со штабом в Буэнос-Айресе командировать одного слушателя на подготовительный курс и самому выбрать, какую партию он будет представлять. На местах эти требования еще больше снижались. Так, например, секретарь ЮАСКИ, наноминая неруанским коммунистам о возможности направить в Москву представителя, указывал, что он «должен быть рабочим или крестьянином, владеющим четырьмя простейшими арифметическими действиями и обладающим проверенным революционным духом. Он должен быть здоров (перемена климата может навредить здоровью), и ему должно быть от 20 до 55 лет»². Делегат Коммунистической партии Аргентины ИККИ В. Кодовилья выдвинул в качестве кандидата аргентинца Антонио Кантора³. Секретарь ЮАСКИ Хосе Пенелон и генсек КПА Педро Ромо согласились с выбором, и Кантор как делегат Федерации коммунистической молодежи Аргентины отправился на пленум ИККИМ.

Главным препятствием для утверждения кандидатуры Кантора было незнание им языков, на которых велось преподавание в МЛШ, но Кодовилья сумел убедить П. Тольятти и администрацию школы в том, что Кантор, родившийся в России и знавший идиш, сумеет быстро подготовиться и пройти курс на немецком языке. В ИККИ понимали трудности латиноамериканских компартий, не имевших в своих рядах достаточного количества людей, в совершенстве владевших языками, указанными в условиях приема. Иснанский язык стал языком обучения только в 1930-е гг., когда в школе был создан сектор «Л» для подготовки кадров иснанской и латиноамериканских партий.

Стоит отметить, что секретариат иснаноязычных стран дважды обсуждал кандидатура Кантора и в конечном итоге высказался против его работы в аннарате ИККИМ, но разрешил приехать на учебу в МЛШ с условием, что он за два-три месяца выучит немецкий язык.

¹ Ricardo García Treviño, «El regreso de Evelio Vadillo», Nexos, México (1 de diciembre de 1990) // <http://www.nexos.com.mx/?p=6041>

² Письмо В. Кодовильи Р. Мартинесу де ла Торре. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 118. Д. 6. Л. 11.

³ Письмо Эрколи (П. Тольятти) в ЮАСКИ. Москва, 11 июня 1926 г. // Там же, Ф. 503. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

В ноябре 1926 г. Кантор был переведен в ВКП(б), а в Аргентину вернулся в конце 1928 г., став членом ЦК РСА¹. Судьба первого латиноамериканца в МЛШ демонстрировала замысел Коминтерна: обучать в Москве молодых коммунистов, чтобы затем те становились руководителями в своих партиях.

В следующем наборе МЛШ Латинскую Америку представляли несколько студентов: аргентинец Соломон Элгер (Видаль), колумбиец Гильермо Эрнандес Родригес (Гильен), венесуэлка Кармен Фортуль (Касерес), бразилец Эйтор Феррейра Лима (Сильва), уругваец Карлос Имас (Лорис). Вместе с ними в школу был принят американский коммунист Джон Зак (Касс), впоследствии сыгравший важную роль в создании компартий Колумбии и Венесуэлы². Ж. Эмбер-Дро подчеркивал необходимость «сделать специальное усилие в отношении Латинской Америки, где существуют большие возможности для развития нашего движения, но имеется множество идеологической путаницы. Куба, Колумбия, Эквадор, Бразилия, Чили, Мексика, Парагвай особенно важны». Решение о зачислении указанных студентов на курсы свидетельствовало о большем интересе Коминтерна к Латинской Америке после VI конгресса (1928)³. В 1928 г. группу латиноамериканцев дополнили колумбиец Диего Мехия (Родригес), мексиканец Хавьер Герреро (Перес), уругваец Хильберто Чиапаньястра (Агилар), а еще через год – аргентинцы Альфредо Кеведо (Хуарес) и Х. Каджиано (Руис), бразильцы Жозе Лаго (Гонсалес), Григорий Березин (Гришин). Стоит отметить, что «Гришин», хотя и был членом КПБ и ее ЦК, не являлся бразильцем по национальности. Он родился в Российской империи, во время Гражданской войны вступил в РКП(б), но потом эмигрировал в Бразилию, где оказался в числе первых организаторов КПБ. В те времена в МЛШ еще принимали таких студентов, однако в начале 1930-х гг. Коминтерн запретил направлять кандидатов из числа эмигрантов, уехавших после большевистской революции.

После VI конгресса Латиноамериканский лендер-секретариат потребовал от высшего руководства Коминтерна уделять больше внимания подготовке кадров для компартий региона. С учетом того, что «политический рост» компартий не носил за собой эволюцией револю-

¹ Письмо Педро Ромо, генерального секретаря КПА, товарищам из Исполнительного комитета К.И. Буэнос-Айрес, 23 июля 1926 г. // Там же. Д. 78. Л. 100; Личное дело Антонио Кантора // Там же. Оп. 190. Д. 35; Дела по переводу в ВКП(б) // Там же. Ф. 17. Оп. 98. Д. 830. Л. 1–4.

² H. Ferreira Lima. Caminhos Percorridos. Memoria de militancia. S. L., 1982. P. 81.

³ Цит. по: Письмо Латинского секретариата ИККИ в Восточный университет, Москва, 26 июня 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 32. Д. 35. Л. 209.

ционного движения Латинской Америки, секретариат предлагал увеличить число студентов МЛШ до 20 человек.

ИККИ пошел навстречу, и с 1929 г. в КУТВ проходили курсы на испанском языке 60 латиноамериканцев, также была увеличена латиноамериканская квота в МЛШ¹. Принятые решения отвечали планам, ноявившимся в ИККИ после VI конгресса, на котором одним из приоритетных направлений деятельности III Интернационала была признана работа с колониальными странами. Разработанный в Восточном секретариате ИККИ проект предусматривал расширение масштабов деятельности КУТВ, который предлагалось переименовать в Коммунистический университет трудящихся восточных колониальных и полуколониальных стран им. И.В. Сталина. Обучение решили специализировать по регионам, для чего были созданы 11 секторов: японско-корейский (150–200 человек), китайский (250–300 человек), центральноазиатский (Монголия, Тува, Синцзян, Тибет), тихоокеанский (Австралия, Новая Зеландия, Гавайи, Фиджи, Самоа, Каледония), индо-малайский (Филиппины, Малайские острова, Индокитай, Сиам), индийский (250–300 человек), афганско-персидский, турецкий, арабский (100 человек), негритянский (150 человек), латиноамериканский (100 человек), при этом сохранялся восточно-советский сектор (400 человек).

По замыслу авторов проекта, для эффективного усвоения марксистско-ленинской теории и с учетом того, что отсутствовали переводы основополагающих трудов на языки колониальных народов, существовал дефицит владеющих их языками преподавателей, срок обучения в университете следовало увеличить до четырех лет. Для подготовки кадров из стран, переживавших предреволюционную ситуацию, таких как Китай или Индия, и низовых работников остальных государств предлагалось организовать двухгодичные курсы, а для стран с непосредственно революционной ситуацией – краткосрочные девятимесячные курсы². В 1929–1931 гг. в КУТВ обучались десять латиноамериканских студентов. Почему же эта кадровая школа, созданная в 1921 г. для студентов из восточных республик СССР и колониальных стран востока, включая Японию, принимала на учебу студентов из Латинской Америки? Это можно объяснить тем, что латиноамериканские страны рассматривались Москвой как полуколониальные. По той же причине в КУТВ учились американские негры – представители «угнетенных национальностей» и южноафриканские коммунисты.

¹ Списки студентов с 1926 по 1931 г. // РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 31. Л. 7–33.

² Письмо Латипоамериканского секретариата (Гарланди) в Политическую комиссию ИККИ. Москва, 25 января 1930 г. // Там же. Ф. 495. Оп. 79. Д. 112. Л. 31.

ЮАСКИ поручалось подобрать по два кандидата на учебу в Аргентине, Бразилии, Чили, Парагвае и одного в Уругвае, мексиканской компартии было доверено найти подходящих людей на Кубе (2), в Колумбии (3), Гватемале (1), Венесуэле (1), Гондурасе (1), Никарагуа (1), Сальвадоре (1). Сама КПМ должна была выделить трех кандидатов в КУТВ¹. КПЭ предлагалось решить вопрос об одном студенте самостоятельно. Из Боливии персонально приглашался живший в Мексике Тристан Мароф. Достоверно известно только об одиннадцати студентах КУТВ из Латинской Америки: парагвайце Серхио Базе (Ланин), аргентинце Умберто Соларо (Ольмедов), эквадорцах Хосе Альваро (Габатти), Густаво Сальгадо, Хосе Москосо (Дюмоль), Фелисио Бруно, Хункейро (Гайон), бразильцах Карлосе Аугусто да Силве (Луниин) и Руссильдо Магальяесе (Лесов), уругвайце Бруно Бонилье (Акимов), сальвадорце Акилино Салинасе Мартинесе (Кортес) и направлении на учебу члена КПУ Шенкмана. КУТВ закончила (но не по линии латиноамериканских компартий) и работала секретарем университета М.А. Фортус. Доступные нам документы подтверждают факт учебы в КУТВ только трех эквадорцев, о которых докладывал Рикардо Паредес: «Четыре товарища, члена С.П., получили стипендии для учебы в Восточном университете. Эти товарищи уже выехали из Эквадора и посещают первые занятия в университете»².

Амбициозные планы восточного секретариата так и не были превращены в жизнь. Не реализовались и те возможности, что были открыты для Латинской Америки на основании решений 1928–1929 гг.: за время действия программы не удалось добиться стопроцентного выполнения квоты, выделенной Латинской Америке. Руководство КПМ с недоумением писало в ЮАСКИ, что, несмотря на невозможность для партии выполнить квоту для учебы в МЛШ и КУТВ, выделенную ей в прошлом году, план на 1930 г. увеличен и это не идет на пользу партии, а наносит ей серьезный вред. Генсек партии Эрнан Лаборде требовал от ЮАСКИ объяснений противоречий между директивными органами Коминтерна, считая одной из причин недоразумений «отсутствие внимания к этому делу со стороны

¹ Доклад делегации РСМ (М. Диас Рамирес) на VI конгрессе Коммунистического Интернационала, Мехико, 20 ноября 1928 г. // Там же. Оп. 108. Д. 83. Л. 19; Письмо Бертрама Д. Вольфа (Латиноамериканский лидер-секретариат) руководству МЛШ, 17 апреля 1929 г. // Там же. Оп. 79. Д. 65. Л. 1–2.

² Телеграмма Р. Паредеса Э. Терану // Там же. Оп. 67. Д. 1. Л. 42; Письмо ЦС ЭСП, секции III Коммунистического Интернационала, товарищу генеральному секретарю III Коммунистического Интернационала, Кито, 9 февраля 1929 г. // Там же. Д. 8. Л. 7.

Южноамериканского секретариата»¹. Показателен факт, что целый ряд партий за весь период функционирования МЛШ так и не использовали годичной квоты за 1931 г. (время увеличения числа студентов школы): от Коммунистической партии Боливии, к примеру, требовали направить двух студентов (в том числе одного индейца), от Коммунистической партии Чили – четверых (в том числе одного индейца)². Этому было несколько причин.

Во-первых, малочисленность партий и трудности при отборе кандидатов, отвечающих критериям Коминтерна. Во-вторых, финансовые проблемы латиноамериканских партий. В-третьих, создание при ЮАСКИ континентальной партийной школы, что делало нерациональным направление большого количества людей в Москву. К примеру, группа венесуэльских коммунистов в Панаме, получив приглашение на учебу в МЛШ для двух представителей и в КУТВ для трех, выбрала только одного делегата – Э. Бальбино Акосту³.

Курсы МЛШ были призваны решать сугубо утилитарные задачи по повышению квалификации руководящих работников: их познания следовало подкрепить теорией марксизма-ленинизма и опытом борьбы в других странах. В рамках курса изучались мировая экономика, стратегические и тактические проблемы Коминтерна, организационно-политический опыт ВКП(б) в подготовке и осуществлении пролетарской революции, а также в использовании диктатуры пролетариата в интересах трудящихся СССР на благо победы «труда над капиталом» во всем мире. Кружковая форма организации учебной работы позволяла, по мнению руководителей МЛШ, углубленно изучать проблемы региона. Сектор «Л» в 1936 г. был разбит на шесть кружков: пять испанско-португальских и один латиноамериканский⁴.

В некоторых партиях в связи с острым дефицитом кадров к срокам учебы в Москве своих членов относились прагматически, считая возможным сократить обучение до минимума. Главная задача все равно решалась: престиж партии повышался наличием в ней кадров, подготовленных в центре международного коммунистического движения. А недостаток теоретических знаний предполагалось компенсировать предварительной подготовкой на местах, в ходе практической работы и за счет самоподготовки. Как писал Р. Паредес, «мы считаем, что

¹ Письмо генерального секретаря РСМ Э. Лаборде в Южноамериканский секретариат. Мехико, 15 августа 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 131. Л. 84.

² Письмо Латинскоамериканского секретариата НККИ в Южноамериканское бюро НККИ (июнь 1931 г.) // Там же. Оп. 79. Д. 153. Л. 54.

³ Письмо Э. Бальбино Акосты Г. Мачадо. Панама, 17 июля 1930 г. // Там же. Оп. 116. Д. 6. Л. 18.

⁴ Состав сектора «Л». Записка заведующего сектором «Л» Л. Михайлова, 19 февраля 1936 г. // Там же. Л. 16.

одного года хватит для подготовки товарищей для нашей борьбы, ибо нам прежде всего нужны активисты, если даже у них не будет глубокой подготовки, они ее приобретут со временем»¹.

Следует отметить, что специалистов по Латинской Америке в Коминтерне можно было пересчитать по пальцам, к тому же они практически не говорили по-испански, что серьезно осложняло их контакт с латиноамериканскими студентами. Ситуация стала меняться в начале 1930-х, после реорганизации аннарата ИККИ, когда под руководством Г.Б. Скалова (Синани) начала формироваться отечественная марксистская школа латиноамериканистики. Сам Скалов, назначенный заместителем заведующего Латиноамериканским лендер-секретариатом ИККИ и фактически возглавивший это направление работы Коминтерна, преподавал в МЛШ, одновременно возглавляя кафедру Южной и Центральной Америки Института востоковедения им. Н. Нариманова. В то время в Москву вернулись сотрудники ЮАСКИ М.С. Хаскин (Морис), Н.Я. Тульчинская (Инесса), высланный из Мексики Ю.И. Розовский (Хулио Гомес). Работу в аннарате Коминтерна и Профинтерна они совмещали с преподаванием в МЛШ.

К ним присоединились выпускники Института красной профессуры (ИКП) В.М. Мирошевский, назначенный заведующим сектором лендер-секретариата, и вернувшаяся после командировки в торгпредство СССР в Буэнос-Айресе А.М. Александрова-Иткина, попеременно возглавлявшие латиноамериканский кружок сектора «Л» МЛШ², а также Н.Н. Майорский («Ферреро»), некоторое время руководивший сектором, С.Е. Щукин («Лоренц»), в обязанности которого в лендер-секретариате входила работа с латиноамериканской группой МЛШ. Профессором кафедры партийного строительства был Э. Воог, много лет занимавшийся проблемами Латинской Америки в ИККИ. В группу преподавателей сектора «Л» также вошли работавший в ИКП и КУТВ Г.М. Якобсон и И.Г. Марков из Международного аграрного института (МАИ). В школе работали реэмигранты из Южной Америки: Ф.Г. Вайнер, бывший заместителем руководителя сектора «Л», секретарь сектора Х.А. Хазан, преподаватель кафедры иностранных языков Х. Кораль-Ясельман³.

¹ Цит. по: Письмо ЦК СПЭ, секции КИ, генеральному секретарю Латинской секции КИ, Кито, 10 августа 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 8. Л. 57 об.; Письмо ЦС ЭСП, секции III Коммунистического Интернационала, генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна, Кито, 20 июля 1929 г. // Там же. Л. 54.

² Состав сектора «Л». Занеска заведующего сектором «Л» Л. Михайлова. 19 февраля 1936 г. // Там же. Ф. 531. Оп. 1. Д. 185. Л. 16.

³ Подробнее см.: Jefeets L., Jefeets V., Huber P. La Internacional Comunista y América Latina, 1991–1943. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004.

Функции переводчиков выполняли преподаватели и сотрудники других учреждений. Почти никто из них не был профессиональным лингвистом, язык они выучили за годы, проведенные в эмиграции. Г.Б. Скалов стал одной из первых жертв репрессий в Коминтерне, после чего начавший формироваться в аппарате ИККИ и МЛШ коллектив специалистов по Латинской Америке распался, последовали кадровые перестановки. Многие преподаватели оценивались руководством сектора неудовлетворительно: большинство из них практически ничего не знали о латиноамериканских странах, к тому же не могли сконцентрироваться на работе в МЛШ, так как трудились там на совместительстве. Кадровый «голод» и постоянная ротация сотрудников негативно сказывались на работе школы.

Важнейшим элементом обучения партийных кадров в преддверии «мировой революции» в Коминтерне считали военную подготовку. Ректор КУНМЗ М.Я. Фрумкина, оценивая учебный процесс в университете, отмечала, что все кадры, проходящие подготовку в КУНМЗ, являются особыми резервами Красной армии и Коминтерна и должны быть готовы в любой момент приступить к работе на соответствующих участках¹. Десятки иностранных компартий направляли своих представителей на учебу в военных учебных заведениях СССР. Самое известное из них – Военная академия им. М.В. Фрунзе, которая принимала в качестве курсантов членов нелегальных компартий из капиталистических стран, прежде всего из Болгарии (с 1924 г.), Германии (с 1933 г.) и Испании (с 1937 г.)². По имеющимся данным, в академии учился лишь один латиноамериканец – студент МЛШ кубинец Рамон Николау Гонсалес (Хусто Риос), но вскоре после начала учебы он был вызван на родину Коммунистической партией Кубы в связи с августовской революцией 1933 г. против диктатуры Мачадо³. В ходе подготовки бразильского восстания Национально-освободительного альянса 1935 г. была организована специальная группа для изучения опыта партийного, военного и советского строительства в Китае. В нее входили выпускники МЛШ бразильцы С. де Мейреллес и Ж.М. де Соуса, кубинец П. Мешкон. В школе Отдела международной связи ИККИ учились студенты МЛШ итальянцы Б. Марони (КПА)

¹ Письмо М. Фрумкиной Пятницкому, Мапуильскому, Кюришу, Краевскому. 12 февраля 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 862. Л. 7.

² Испанцев было не меньше 35 человек, среди них Эприке Листер, Хуан Модесто, Валентин Гонсалес (Эль Кампесино) и Мануэль Тагуэнья Лакорте.

³ Под псевдонимом «Эстебан» он был включен в состав секретариата и политбюро РСС (17.12.1933) и назначен ответственным за военную работу партии, руководителем Освободительной армии (1934). Позднее возглавил набор кубинских добровольцев в Интернациональные бригады во время гражданской войны в Испании // Там же, Оп. 230. Д. 15. Личное дело. См. также: *El militante comunista*. La Habana. 1985. P. 160.

и А. Локателли, американец В.А. Баррон. Активную роль в подготовке восстания сыграла выпускница Военно-воздушной академии немка Ольга Бенарио¹.

В процессе отправки кандидатов в учебные заведения Коминтерна чиновники ИККИ, зная, что у партий и ЮАСКИ нет возможности оплачивать поездки, вовремя не перечисляли средства, а зачастую даже не информировали о дате отъезда. Серьезным препятствием своевременной отправки кандидатов в Москву была многоступенчатая система информирования и финансирования партий Коминтерном. Показательным примером является ситуация с эквадорскими студентами: Р. Паредес договорился в Москве о выделении эквадорской секции 800 долл. до конца 1928 г. и ежемесячных вылатах с 1929 г. Когда партия получила 800 долл., в ЦК посчитали, что речь шла о деньгах, обещанных за четырех стипендиатов КУТВ. Через месяц из Берлина была получена новая телеграмма, гласившая: «Получите через дядю в Буэнос-Айресе необходимое на поездку учеников». Поняв под «дядей» В. Кодовилью, КПЭ запросила Южноамериканский секретариат, получил ли он эти деньги, однако секретарь ЮАСКИ ответил, что ему ничего не известно². Подпольной РСМ Латиноамериканский ледер-секретариат ИККИ направляет информацию о необходимости послать семь человек на учебу, сообщая, что подробные инструкции та получит от ЮАСКИ из Буэнос-Айреса. Не получив в июне указаний о порядке отправки своих людей, которые должны были в августе приехать в Москву, руководство партии просит ЦИК компартии США разъяснить ситуацию и выделить средства (1050 долл.) на поездку мексиканских студентов в Москву³.

Знаходила также информация о количестве мест, выделенных для Латинской Америки, и распределении по странам. Почти в каждом письме ЮАСКИ в Москву звучит обеспокоенность: «...у нас нет информации о том, сколько мест было выделено Латинской Америке, сколько мест выделено каждой стране и даты отправления учащихся. Мы надеемся вскоре получить точные сообщения, и, если вы еще не сделали этого на момент получения данного письма, мы просим вас сделать это сейчас же»⁴. Кандидаты нередко выезжали в Москву и жили там в ожидании вызова, не имея достаточно средств.

¹ Jelfets L., Jelfets V., Huber P. Op. cit. 33.

² Письмо ЦК КПЭ, секции КИ, генеральному секретарю Латинской секции КИ, Кито, 10 августа 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 8. Л. 57 об.

³ Письмо генерального секретаря РСМ Э. Лаборде Южноамериканскому секретариату КИ Мехико, 17 июня 1930 г. // Там же. Оп. 108. Д. 131. Л. 76.

⁴ Письмо Кодовильи в Латинский секретариат Коминтерна, Буэнос-Айрес, 5 сентября 1928 г. // Там же. Ф. 503. Оп. 1. Д. 19. Л. 38.

В аннарате ИККИ, как и в самих партиях, не были удовлетворены организацией набора латиноамериканских студентов. Латиноамериканский лендер-секретариат констатировал оноедания слушателей из Латинской Америки к началу занятий, что затрудняло нормальный ход учебного процесса и влекло за собой продление срока пребывания студентов в Москве. Коминтерновские чиновники указывали на частое невыполнение партиями требования о социальном составе студентов, настаивая на необходимости направлять на учебу прежде всего рабочих крупных предприятий основных отраслей промышленности. Имелись в виду шахтеры (Чили, Перу, Боливия, Бразилия), нефтяники (Перу, Аргентина), рабочие мясохладобоев (Аргентина, Уругвай), портовые рабочие (Аргентина, Уругвай, Бразилия, Чили, Перу), текстильщики, железнодорожники, сельхозрабочие (для всех стран). С учетом высокой доли индейцев и негров в этническом составе жителей южноамериканских стран руководство ИККИ считало необходимым направлять в московские партшколы коммунистов, принадлежащих к этим этническим группам, с целью подготовки кадров по работе с угнетенными национальностями.

Латиноамериканский лендер-секретариат требовал присылать на учебу молодых коммунистов и женщин-рабочих, считая, что их роль в революционном движении постоянно растет. И если с молодежью эта проблема решалась сравнительно легко (процент молодых в партиях был высок), с женщинами дело обстояло хуже. С начала 1930-х гг. ИККИ увеличил квоту для латиноамериканцев и при этом стал строго следить за соотношением числа мужчин и женщин и наличием индейцев среди кандидатов¹. Студентов-индейцев должны были делегировать компартии Бразилии, Чили, Боливии, Перу и Эквадора. По нашим данным, за все время существования МЛШ из женщин в ней учились только венесуэлка Кармен Фортуй, (Касерес, 1928), колумбийка Лаура Пас, кубинки Кармен Грандио Леаль (Александра, 1937) и Бела Роса Акоста Фернандес (Ольга, 1937), бразильянки Эресинья Боржес де Соуза (Эмерсон, 1933), Женни Глейзер (Анита Родригес, 1937) и аргентинка Ракель Левенсон (в 1943 г., то есть уже после официального закрытия МЛШ). Бразильянка Клотильда Престес прошла в 1934–1936 гг. обучение в радишколе Коминтерна.

В латиноамериканских секциях III Интернационала процесс отбора кандидатов на учебу в Москве нередко сопровождался внутрипартийными конфликтами. Во-первых, считалось, что подготовка в коминтерновской партшколе и опыт работы в структурах ИККИ

¹ Письмо Латиноамериканского секретариата К.И. Южноамериканскому бюро К.И. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 153. Л. 54.

открывали вынужденным дорогу к высшим постам в партиях. А во-вторых, возможность несколько лет провести на родине большевиков была мечтой многих. В период кризиса Коммунистической партии Парагвая Л. Ибаррола, отстраненный от руководства РСР при прямом вмешательстве Кодовильи, считал отъезд в Москву на учебу сына нового генсека партии М. Баэса капризом секретаря ЮАСКИ, а не решением партии. Бывший лидер партии обвинял младшего Баэса в отсутствии коммунистических убеждений, близких отношениях с буржуазной молодежью и презрении к беднякам¹.

Организационные и финансовые трудности, сопровождавшие наборы, заставляли задуматься о создании системы партийного образования непосредственно в Латинской Америке. Особенно актуальной эта задача стала после Первой континентальной конференции компартий (Буэнос-Айрес, 1929). Признавая растущее значение Латинской Америки для мирового революционного движения, политсекретариат ИККИ решил усилить работу Коминтерна на континенте. Москва высказалась за создание в Латинской Америке руководящего центра, одной из приоритетных задач которого должно было стать формирование на континенте партийных школ².

Латиноамериканские левые имели опыт обучения рабочего актива, полученный в ходе студенческой борьбы за университетскую реформу. Реформаторское движение в ряде стран региона было тесно связано с рабочими и профсоюзными движениями, что перуанский писатель и мыслитель Х.К. Мариатеги рассматривал как одно из свидетельств глубокого обновления Латинской Америки. Этот союз породил идею «народных университетов» (*Universidades Populares*), в которых молодые интеллигенты вместе с рабочими изучали прогрессивные идеи и применяли свои знания во благо пролетариата, обеспечивая его «интеллектуальным руководством».

Символично, что университетам, открытым в Перу и на Кубе, присвоили имена перуанского общественного деятеля и публициста М. Гонсалеса Прады и борца за независимость Кубы Х. Марти соответственно³. Эти учебные заведения не были школами подго-

¹ Письмо Лукаса Э. Ибарролы в Коминтерн 12 апреля 1929 г. // РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 117, Д. 6, Л. 36; Письмо Л.Э. Ибарролы в Секретариат Коминтерна, Асунсьон, январь 1929 г. // Там же. Л. 25–27. Ни в одном из писем Ибаррола не называет фамилии этого человека.

² Предложения Латиноамериканского секретариата касательно работы в Латинской Америке. 2 августа 1929 г. // Там же. Оп. 79, Д. 66, Л. 37–38.

³ Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 159–160, 164. Цит. по: Гавриков Ю.П. Указ. соч. С. 21. Народный университет им. Гонсалеса Прады был создан В.Р. Айя-де-ла-Торре в Лиме в 1921 г., Народный университет им. Хосе Марти основан Х.А. Мельеи в 1923 г.

товки партийных кадров, но именно там многие известные деятели рабочего движения впервые приобщились к революционной теории¹. Преподаватели народных университетов принимали активное участие в создании КП Кубы, Коммунистической партии Перу и Американского народно-революционного альянса, участвовали в деятельности других партий.

Отдельные партии пытались создавать национальные партшколы. Первой это сделала Коммунистическая партия Эквадора, организовавшая в Кито Ленинскую школу марксистско-ленинского образования и национальной экономики. Главной задачей партшколы была подготовка активистов РСЕ «к нынешней борьбе и завтрашнему социалистическому строительству»².

В 1929 г. в ИККИ был разработан план создания партийной школы непосредственно в Латинской Америке для «воспитания руководящего рабочего актива, цель которого – заменить часть интеллигентского мелкобуржуазного руководства компартии Латинской Америки». Для формирования учебного центра в Буэнос-Айрес был направлен работник ИККИ австриец Фриц Глаубауф, ставший инструктором партшкол ЮАСКИ.

Процесс их создания с самого начала был сопряжен с трудностями. Главной проблемой стал переворот, приведший к власти генерала Хосе Феликса Урибуру (1930–1932), после которого ЮАСКИ был вынужден перебазироваться в Монтевидео, где и начала действовать континентальная партшкола. Судя по тому, что в документах архива Коминтерна ее деятельность практически не отражена, масштабы ее работы были незначительны. Такое положение вещей не устраивало Коминтерн, особенно если учесть, что компартии заметно активизировались. Через два года Латиноамериканский лендер-секретариат вернулся к старой идее, при этом значительно модифицировав ее. В. Кодовилья предложил создать три школы: в Уругвае (для Уругвая, Аргентины, Чили, Боливии, Перу, Парагвая), в Бразилии (для Коммунистической партии Бразилии) и в США (для Эквадора, Колумбии, Венесуэлы, Центральной Америки, Кубы и Мексики). Правда, и этому плану не было суждено осуществиться. Через некоторое время партшкола была образована в Сантьяго, в ней обучались чилийцы, бразильцы, перуанцы, парагвайцы и боливийцы. Но в

¹ Portocarrero J. *Sindicalismo peruano. Primer etapa. 1911–1930*, S. L., 1987. P. 87–92.

² Письмо № 121 Центрального совета Эквадорской социалистической партии, секции III, Коммунистического Интернационала генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна. Кито, 20 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 67. Д. 8. Л. 53–53 об.; Письмо ЦК СПЭ, секции КИ, генеральному секретарю Латинской секции КИ. Кито, 10 августа 1929 г. // Там же. Л. 57 об.

1935 г. после ареста преподавателей и слушателей и начала судебного расследования школа была закрыта¹. Несколько коммунистических активистов из Карибского бассейна сумели окончить основанную КПСША школу (прежде всего нуэртиориканцы и кубинцы, вступившие в американскую компартию).

Органы Коминтерна не только объявляли о наборе студентов в кадровые школы, но и пытались проанализировать эффективность обучения. Эта работа стала особенно заметной, когда лендер-секретариат Южной и Центральной Америки возглавил Георгий Скалов. В планах работы лендер-секретариата фигурировал – среди прочих дел – анализ кадров компартий Мексики, Аргентины, Кубы, Бразилии, Чили и Перу, что означало подсчет числа активистов, анализ состава ЦК, областных и районных комитетов, КСМ, комфракций в профсоюзах, исследование практической работы выпускников МЛШ и КУТВ в их странах, подготовка характеристик студентов и выпускников кадровых школ (для этого предполагалось пригласить ряд лиц на консультацию), а также анализ системы коммунистического воспитания в Южной и Центральной Америке.

Нехватка такого анализа была заметна, как показывает письмо одного из руководителей лендер-секретариата, итальянца «Маджи», в Южноамериканское бюро Коминтерна: «Вы пишете, что “товарищи, возвращающиеся из школ и Профинтерна, прибывают с плохим настроением”. Что происходит? Кто, с каким конкретно настроением, в чем это выражается? Пример Губинелли уникален и достаточно старый. Мы ведем работу с отъезжающими, но как мы можем учитывать вашу точку зрения, если вы ничего конкретно не сообщаете? Подчеркиваем почти полную невозможность использовать такую информацию»². Коминтерн пытался убедить ЮАБ, что случай «Губинелли» (Э. Феррейра Лима), бразильского выпускника МЛШ (1930), исключенного из ЦК КПБ и позднее из КПБ за близость к Л.К. Престесу, был исключением. Это, однако, являлось самообманом. Работники лендер-секретариата не могли не знать о разрыве между КПК и Сандалио Хунко (ставшим троцкистом после обучения в МЛШ), об исключении из КП Колумбии ее генерального секретаря Гильермо Эрнандеса Родригеса и его жены Кармен Фортуль (оба они окончили МЛШ), об уходе из партии колумбийца Диего Мехии и бразильца Марио Педросы (ставшего троцкистом). Некоторые из этих случаев обсуждались в переписке между Коминтерном и соответствующими компартиями. Однако всемирная компартия предно-

¹ Fritz Glauflauf, *Mon travail à l'école d'Arcueil du Parti Communiste Français. Cahiers d'histoire de l'Institut Maurice Thorez*. № 7 (1974). P. 154.

² Письмо Маджи в ЮАБ, февраль 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 188. Л. 13.

читала не замечать указанные примеры, утверждать об их отсутствии или ссылаться на недостаток соответствующей информации.

После 1931 г. в Москву прибыли около сотни латиноамериканцев, что свидетельствовало о большем внимании, которое Коминтерн начал уделять Латинской Америке. Следует отметить, что в целом сектор подготовки кадров (не только латиноамериканских) в те годы сильно разросся и лишь в 1935–1936 гг. работа была свернута. Самый большой набор латиноамериканцев в МЛШ (22 студента) в 1936 г. оказался последним¹.

Если проанализировать состав студентов из латиноамериканских стран, то мы увидим, что распределение более или менее соответствует положению компартии в той или иной стране. На первом месте находилась группа кубинцев [24 студента; правда, не ясно, приехали ли в Москву еще пятеро рекомендованных на учебу; один кубинец (С. Хунко) был направлен в МЛШ по мексиканской квоте], затем шли мексиканцы (21 студент; при этом не ясно, поехал ли в Москву один из рекомендованных кандидатов; данное число включает также перуанца Николаса Террероса Лонеса, направленного МЛШ), аргентинцы (18; это число включает Элену Кайфман, рекомендованную на учебу, однако непонятно, приехала она в Москву или нет; известен также случай с Эдуардо Сабато, направленным в СССР, но не поехавшим в Москву ввиду разочарования в идеях коммунизма). Один аргентинец – Хорхе Пас («Армандо Герра») – был послан в МЛШ по квоте КП США, в Аргентине же он ранее был исключен из партии как «числист». Колумбийская группа составляла 13 студентов, за ней шла бразильская (11 человек), которая могла быть больше, однако рекомендованный ЦК КПБ на учебу Кристиано Кордейро Коутиньо не поехал в Москву. Затем следовала уругвайская группа (9 человек), венесуэльская (6 человек), перуанская (4 студента) группы. Сноска замыкала Парагвай, Панама, Чили, Эквадор, Сальвадор и Гондурас (по одному студенту от страны). В информации о количестве венесуэльцев нет ясности, поехал ли учиться рекомендованный в МЛШ Бальбино Акоста. К венесуэльской группе надо также добавить Эдуардо Мачадо («Перальта»), посланного в Москву КП США. Относительно девяти студентов МЛШ нет ясности по поводу страны их происхождения. По крайней мере, в трех случаях было отказано в приеме в школу. Боливиец Тристана Марофа сочли нежелательной фигурой, уругвайку русского происхождения Евдокию Кравченко не приняли, поскольку она знала русский и могла учиться в советских

¹ Справка отдела кадров МЛШ (Волков) CCC ИККИ (Мюллеру). 25.11.1936 // РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 185. Л. 18.

школах. Не был принят на учебу генеральный секретарь КП Панамы Элисео Эчевес; документы не содержат пояснений решения ИККИ, но можно предположить, что Москва сочла необходимым, чтобы тот продолжил политическую работу в Панаме.

Задача обеспечить прием студентов рабочего происхождения так и не была достигнута. По имеющимся данным, таковых было не более 35 человек (то есть чуть больше 25 %), затем шли выходцы из мелкобуржуазных слоев (27 человек), крестьяне (24), нятро студентов родились в семьях аристократов или среднего класса; о 30 % студентов нет сведений об их социальном происхождении. Больше всего оказалось плотников и портных (по 7 студентов), затем шли железнодорожники и табачники (по 6 человек), электрики и студенты (по 5), текстильщики, сельхозработники и строители (по 4), металлурги, саножники, журналисты и водители (по 3), типографские рабочие, кузнецы, механики, некари, мебельщики, ювелиры, служащие (по 2), по одному были представлены профессии стенографистки, каменщика, автомеханика, парикмахера, нефтяника, шахтера, врача, среди студентов были по одному рабочему мивоваренного завода и мясосоладобойни, один грузчик. Конечно, следует выяснить профессии дюжины остальных студентов, но вряд ли это изменит тенденцию.

Вопрос об эффективности системы подготовки кадров в Коминтерне остается открытым. Выполнили ли латиноамериканские выпускники задачи, которые перед ними ставились? Нам представляется, что положительный эффект от кадровых школ для компартий переоценен. Принимая во внимание тот факт, что студенты в период обучения в Москве становились членами ВКП(б) и являлись, по крайней мере до 1929 г., свидетелями внутрипартийной борьбы и последовательного уничтожения оппозиционных тенденций, можно предположить, что МЛШ и КУТВ были не только кузницами кадров, но и «фабриками диссидентов».

Примеры успешной партийной карьеры соседствуют с историями исключения из партии. Что в конечном итоге МЛШ дала латиноамериканскому коммунистическому движению? Статистика позволяет можно определить некоторые тенденции, но, учитывая, что о многих выпускниках нет данных, составить объективное представление невозможно. В школе обучались четыре лидера партий: А. Перейра (Бразилия), Э. Лаборде (Мексика), Э. Равинес (Перу), Р. Паредес (Эквадор). Позже все они по разным причинам были сняты с постов, а первые трое исключены из партий. Вернулись на партийные посты или были избраны после окончания школы членами Политбюро ЦК семь человек, кандидатом в члены ПБ один, секретарями ЦК три, членами ЦК 26 человек (впрочем, ряд из них уже занимали этот пост на момент отправки в школу), кандидатом в члены ЦК стали двое,

секретарями ЦК трое, четверо или пятеро стали секретарями областных комитетов партии, членом ЦК Коммунистического союза молодежи (КСМ) один человек, четверо стали генсеками КСМ в своих странах, а один вторым секретарем КСМ. Р. Гусман был избран генсеком Конфедерации трудящихся Коста-Рики, а Хосе Альваро занял аналогичный пост в Профсоюзном объединении Эквадора. Кубинец П. Мешкон после возвращения из Москвы возглавил партийную школу КПК, еще двое преподавали в партийных кадровых школах. Пятеро выпускников заняли посты генеральных секретарей партий: Х. Арнедо Альварес (КПА), Э. Феррейра Лима (КПБ), Г. Эрнандес Родригес и И. Торрес Хиральдо (Коммунистическая партия Колумбии), Н. Террерос (КП Перу). Арнедо Альварес возглавлял КПА 42 года, остальные долго не продержались, а Эрнандес Родригес, Террерос и Феррейра Лима даже были исключены из своих партий¹. Кроме случаев успешного возвращения в партию и блестящей партийной карьеры (помимо Х. Арнедо Альвареса стоит упомянуть уругвайца Л.А. Фьерро²) можно привести примеры разрыва с партией через какое-то время (Кармен Фортутье, Сило Фуртадо де Мейрелес, Э. Мачадо).

МЛШ стала не только кузницей кадров, но и своеобразной фабрикой диссидентов внутри компартий. Это, пожалуй, было неизбежно. В период обучения студенты вступали в ВКП(б) и, по крайней мере до 1929 г., наблюдали внутрипартийную борьбу (иногда и сами участвовали в ней), систематическое устранение из политической жизни оппозиционных тенденций. Одно из немногих свидетельств о процессе превращения в образцового коммуниста в период жизни в МЛШ оставил коммунист Игнасио Торрес Хиральдо, который являлся членом колумбийской секции Коминтерна еще до смены названия Социалистической революционной партии на коммунистическую. Колумбиец пробыл в Москве около 50 месяцев, постепенно «забывая» о своем «буржуазном прошлом» и деятельности в качестве социалиста-революционера, рассматривавшейся III Интернационалом как недостаточно коммунистическая. Для Торреса Хиральдо это было время марксистского образования и – что еще важнее – превращения в дисциплинированного коммуниста, привыкшего видеть дей-

¹ Сравнение с швейцарским, немецким и австрийскими случаями см.: Peter Huber, *Stalins Schatten in die Schweiz. Schweizer Kommunisten in Moskau: Verteidiger und Gefangene der Komintern* (Zürich 1994). P. 47–48, 303, 328; Julia Köstenberger, *Der deutsche Sektor an der KUNMZ in Moskau (1921–1936). Österreicher an einer Sowjetischen Kadernschule, Diplomarbeit* (Wien: Universität Wien, 1999). P. 194–201.

² Луис Альберто Фьерро (в МЛШ «Орасио») стал после возвращения на родину секретарем КСМУ (1929). Личное дело Л.А. Фьерро // РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 267, Д. 6; Оп. 197, Д. 74.

ствительность глазами руководства Коминтерна. Колумбиец прибыл в Москву несколько месяцев спустя после начала «чисток» внутри СРПК, организованных делегацией Коминтерна [возглавлявшейся вынужденными МЛШ Г. Эрнандесом Родригесом («Гильеном»), К. Фортул и Дж. Корнифедером («Дж. Заком»)]. Речь шла не только об исключении из партии ряда «нестойких» активистов, плохо уживавшихся с новой линией СРПК – КПК. Активисты, желавшие остаться в КПК, должны были, по словам Торреса Хиральдо, «ликвидировать прошлое»¹ и стать образцовыми коммунистами.

В воспоминаниях Торреса Хиральдо нет ни слова о том, как он сам ликвидировал свое прошлое, нет и рассказа о деталях поездки в СССР. Значение его мемуаров в другом: они показывают результаты «обращения» в новую веру. Страница за страницей они рисуют успехи социалистического строительства, коллективизации и создания «новых советских людей». Один раз, однако, автор отклонился от генеральной линии, заговорив об аресте руководителя генерального секретариата ЮЦА Георгия Скалова: «Кем был Синани, Синани, которого я знал? У нас с Синани были только рабочие отношения. Он относился ко мне весьма уважительно. Бывший офицер царской армии, он перешел со своим отрядом в ряды революционеров в районе Казани. С того времени он с оружием в руках сражался на стороне тех, кто защищал советскую родину от внутренней контрреволюции и империалистической интервенции четырнадцати стран. Он всегда оставался красным офицером, одетым в военную форму и носившим орден Ленина»². В воспоминаниях Торреса Хиральдо нет ни слова о начальной истории Скалова. Удивительно, но он его не осуждает (в отличие от множества мемуаристов, писавших «официальные воспоминания»). Фактически это ланидарное упоминание Скалова-Синани можно считать «тихим восстанием» колумбийского коммуниста, который стал генеральным секретарем своей партии. Стоит учитывать, что эти слова писались тогда, когда имя Скалова было полностью вычеркнуто из истории Коминтерна.

Всего 15 вынужденных МЛШ, в том числе некоторые генеральные секретари, были исключены из партий (один позже восстановлен), а мексиканец Эвелио Бадилю (Педро Аранос) подвергся репрессиям в СССР и почти 20 лет провел в лагерях³. По имеющимся

¹ Klaus Meschkat y Jorge María Rojas, *Liquidando el Pasado: La izquierda colombiana en los archivos de Moscú* (Bogotá: Ed. FESCOL, 2009).

² Torres Giraldo, Ignacio. *Cincuenta meses en Moscú* (Cali: Universidad del Valle, 2008). P. 238–239.

³ Héctor Aguilar Camín, «El camarada Vadillo», *Nexos*, México (marzo de 1990) // <http://www.nexos.com.mx/?p=5760>; García Treviño, Rodrigo, «El regreso de Evelio

сведениям, можно полагать, что арест Бадильо был случайностью. После появления на стене туалета МЛШ троцкистского лозунга в 1935 г. Коминтерн предпринял расследование, подозрения пали прежде всего на испанских студентов. Однако в этом основным подозреваемым стал нарторг латиноамериканской группы Эвелио Бадильо, которого с первых дней пребывания в школе полагали слишком «либеральным» и которого негативно охарактеризовали студенты из КСМ Испании. Арестованная техническая секретарь левых-секретариата Ольга Мешковская назвала имя Бадильо в числе участников «террористической группы», что определило арест мексиканца. Троцкистский лозунг уже не был предметом расследования, Бадильо теперь обвиняли в хранении контрреволюционной литературы, полученной от Мешковской, а также в участии в террористическом заговоре против руководства ВКП(б). Мексиканец Бадильо стал единственным латиноамериканцем, оказавшимся жертвой сталинских репрессий.

В то же время было несколько латиноамериканцев, получивших советское гражданство и репрессированных уже как советские граждане. Это прежде всего аргентинец Хорхе Пас («Армандо Герра»). Его точная судьба неизвестна, не выяснена также точная дата его ареста. Однако в 1941 г. его имя появляется в списке политзаключенных, вывезенных из Москвы в тюрьму Ульяновска. В этом же списке присутствует имя еще одного вынужденника МЛШ, аргентинца русско-еврейского происхождения Абрама Виняра (Виннера)¹, который был членом профсоюза работников мебельной промышленности до своего отъезда в СССР, здесь он был направлен на работу переводчиком в Разведупр Красной армии.

Венесуэлец Фернандо Кей Санчес («Сантьяго») оказался более «удачлив». В период обучения в МЛШ он был исключен из школы и из партии решением ИКК, которая обвинила его в предательстве, однако смог вернуться на родину. Позднее он был восстановлен в КПВ и стал одним из ее руководителей.

Бразилец Леон Пятигорский (родившийся около Одессы, а затем эмигрировавший в Бразилию), член КПВ и ОК КСМБ, высланный

Vadillo», Nexos, México (1 de diciembre de 1990) // <http://www.nexos.com.mx/?p=6041>; Gerardo Antonio Martínez. Un comunista mexicano preso en Siberia. El Universal. México (20 de julio de 2013); Докладная записка Стеллы Благоевой. 28 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 185. Л. 12; Сообщение Михайлова. 25 января 1936 г. // Там же. Л. 5.

¹ Материалы об эвакуации политических заключенных из тюрем Москвы (23 июля 1941–14 февраля 1942 г. ГА РФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 24. Л. 35–36 // <http://notepad.memo.ru/r9413/1/24/materialy-po-evakuacii-zaklyuchennyh-iz-tyurem-moskvy-so-spiskamiarestovannyh>

из Бразилии за революционную деятельность, приехал в СССР и являлся в период учебы в МЛШ референтом Латиноамериканского лендер-секретариата, позднее был уволен из Коминтерна и работал в Издательстве иностранных рабочих. Уже будучи советским гражданином, он был обвинен представителем КСМБ при КИМе в «развале организации КСМБ» в Рио-де-Жанейро, а впоследствии, в 1937 г., арестован НКВД и пять лет провел в лагерях как «контрреволюционер». Его освободили в 1942 г., в 1951 г. вновь арестовали и сослали в Сибирь. Еще один бразилец Герш Березин («Гришин»), один из руководителей КПБ, закончил МЛШ в 1931 г. В 1933 г. его предполагалось направить в Южную Америку в создаваемый в Бразилии подкомитет ЮАБ и в качестве представителя коммунистической фракции ЛАПК в этом Подкомитете. По неизвестным причинам этот план остался нереализованным, а «Гришин» был взят на работу в Латиноамериканскую секцию Профинтерна и участвовал в работе группы, готовившей вооруженное восстание в Бразилии в 1935 г. В том же году он был уволен из Коминтерна как «враждебный элемент». Обычно после таких обвинений следовал арест органами НКВД, однако пока что таких сведений не обнаружено.

В СССР остались двое аргентинцев: Педро Лосс, женившийся на Дарье Кравченко и после участия в Гражданской войне в Испании работавший в советском авианоме, и Хорхе Пас, исключенный из МЛШ и партии в 1931 г. На два года задержался в Москве также волевавший в Испании кубинец Рубен Кальдеро, брат генсека РСС Бласа Роки, женившийся на Авроре Бессмертной, дочери эмигранта из Аргентины. Итак, сведений о дальнейшей карьере большинства учившихся в Москве крайне мало. Отсутствие данных уже само по себе позволяет сделать вывод о том, что многие из выпускников так и не заняли руководящие посты, вернувшись на родину.

Активистам компартий не удалось расширить кадровую «скамейку левых» в своих странах, не была и выполнена главная задача – подготовка теоретически и практически подготовленных руководящих кадров. Очевидно, это обстоятельство стало одной из причин прекращения работы Коминтерна на этом направлении. В 1938 г. МЛШ была закрыта. Обучение в ней прошли более ста представителей латиноамериканского коммунистического движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Столетний юбилей международной коммунистической партии III, Коммунистического, Интернационала – серьезный повод для размышлений об его роли в становлении латиноамериканского левого движения. Коминтерн оказался первой в истории международной организацией, построенной на основе принципов демократического централизма. Объективные условия деятельности Коминтерна, текущая ситуация в конкретных странах вынуждали руководство всемирной компартии отбирать лишь те из этих постулатов, которые в их понимании позволяли оперативно и эффективно решать задачи, приближающие победу большевистских идей и пролетарской революции во всем мире. Во многом неизбежными были постоянные ссылки на опыт Советской России (Советского Союза), поскольку на протяжении почти трех десятилетий та оставалась не только единственной финансовой и организационной опорой международного коммунистического движения, но и единственным эмпирическим опытом построения социализма. В то же время попытки воспроизвести в рамках Коминтерна (не располагавшего всем арсеналом средств советского государства) механизм функционирования большевистской партии в мировом масштабе зачастую вели к мультиплицированию ошибок и недостатков ВКП(б), тогда как успехи советского коммунизма повторить не удавалось.

Кроме того, масштабы поддержки деятельности компартий со стороны Москвы оказывались несоизмеримыми с потребностями развития революционного движения, ориентированного на Коминтерн и «родину пролетариев всего мира» – страну Советов. Тем более это было заметно на периферии мировой революции – в Латинской Америке.

Первые десять лет существования III Интернационала являлись в полной мере «романтическим» и «импрессионистским» периодом. В Москве шел постоянный поиск новых форм и методов руководства латиноамериканским революционным движением, эффективного контроля над континентальным потоком мировой революции. Эйфория радикальных масс Латинской Америки, вызванная победой Октябрьской революции, создала «впечатление» о том, что цель сама формирует средства для ее достижения. Латиноамериканские неопиты большевизма искали свой путь к светлому будущему. Инструмент же для придания этому процессу организационного импульса мно-

гие революционеры континента увидели в Коммунистическом Интернационале.

Очевидным было стремление левых радикалов добиться власти во имя достижения социальной справедливости. Столь же явно просматривалось намерение III Интернационала для достижения общих целей опереться на стремящихся к социальным преобразованиям радикалов, многие из которых были далеки от марксизма как теории, но на эмоциональном уровне воспринимали идеи Октября в качестве единственно правильных и готовых к применению в латиноамериканских странах.

Долгие годы в историографии велась дискуссия между марксистским направлением, адепты которого настаивали на тезисе о рождении компартий в Латинской Америке в результате развития рабочего движения, и не(анти)коммунистическим, рассматривавшим процесс их формирования исключительно как результат усилий Коминтерна по насаждению большевистской идеологии на континенте. На деле многолетний спор двух направлений историографии продемонстрировал односторонность подходов обеих сторон.

Объективный анализ комплекса документов III Интернационала и его латиноамериканских секций, открытого для исследователей в 1990-е гг., позволяет сделать простые выводы: рождение новых компартий и групп в Латинской Америке было прямой и непосредственной реакцией левого спектра революционного движения на Октябрьскую революцию, образование советского государства и Коминтерна. Также очевидно, что в этот период (1919–1929) имело место и прямое участие III Интернационала в формировании и деятельности латиноамериканских компартий. В то же время воздействие со стороны Москвы не являлось настолько целенаправленным и широкомасштабным, чтобы можно было говорить о привнесении коммунистической идеологии как о результате деятельности «агентов» Коминтерна.

Процесс формирования компартий в Западном полушарии проходил как «симбиоз» естественного развития рабочего движения в отдельных странах под влиянием идей Октября 1917 г., с одной стороны, и целенаправленного участия III Интернационала в этом процессе, стремления оказать на него определяющее идейное и организационное влияние, с другой. В то же время до 1929 г. Исполком Коминтерна (ИККИ) планомерно не занимался формированием компартий в латиноамериканских странах, хотя и осуществлял попытки сближения с местными радикально настроенными политиками и группами, намереваясь использовать их в своих целях.

Структура III Интернационала в Латинской Америке и для Латинской Америки создавалась методом проб и ошибок, как резуль-

тат решений и действий ЦК ВКП(б) и ИККИ, связанных одновременно с государственными интересами СССР, мировой политической конъюнктурой, реалиями континентального антиимпериалистического движения и их восприятием в Москве. Однако можно с уверенностью считать, что и в Латинской Америке шел постоянный поиск эффективной модели сотрудничества штаба мировой революции с ее агентами в Новом Свете.

Латинская Америка и ее коммунистическое движение в 1920-е гг. по разным причинам не находились в центре внимания Коминтерна. Важным препятствием была значительная удаленность континента от идейно-организационного центра международного коммунистического движения в Москве. На Охотном ряду регион представлялся «иной планетой», здесь мало знали о Западном полушарии, которое в сознании вождей III Интернационала находилось на периферии мировой революционной ойкумены. Происходившие там события волновали руководство Коминтерна куда меньше, чем ситуация в странах, от которых, как они считали, зависела перспектива нарастания классовой борьбы, способной привести к полной и окончательной победе большевистской идеологии и созданию «зем шарной республики труда».

Латинская Америка, большинство стран которой не завершило переход к капитализму, существенно отличалась от Европы: на значительной части территорий континента преобладали пережитки докапиталистических социально-экономических отношений и своеобразная культурная традиция, причудливо сочетавшая элементы культуры доколумбовой Америки, Испании и Португалии, в некоторых странах и африканской. Роста экономической зависимости от империалистических стран, в первую очередь США, затруднявшая и замедлявшая процесс вхождения латиноамериканских государств, особенно центрально-американских и андских, в рыночные отношения. Социально-экономические перемены вызывали невиданную до того политизацию общественного сознания и активность народных масс. Поиск национальной идентичности и пробуждение демократического национального самосознания объективно вели к росту антиимпериалистических, преимущественно антиамериканских, настроений, поиску форм континентальной латиноамериканской солидарности.

Во многих странах Латинской Америки сформировались активные группы революционно настроенной левой интеллигенции, легко находившие общий язык с рабочими организациями как коммунистического, так и социалистического и анархо-синдикалистского толка. Это сформировало потенциальную базу для развития мощного антиимпериалистического движения с социальной направлен-

ностью, готового сотрудничать с левыми организациями широкого спектра, в том числе с III Интернационалом и Профинтерном. В то же время на протяжении ряда лет в дискуссиях о возможных «маршрутах всемирной революции» ни США, ни Латинская Америка не рассматривались как нерспективные регионы.

Ожидание революции в Европе, усиленное внимание к поддержке революционных очагов в странах, географически близких к Советской России (СССР), надежды на быстрый успех в Германии, на Балканах, в Китае, стремление вызвать революции в колониальных державах (в первую очередь в Великобритании) через колонии (Индия и т. д.) объективно отодвигали в видении вождей Коминтерна проблемы Латинской Америки на задний план. Это было детерминировано и интересами советской внешней политики, необходимостью обеспечить выживаемость Советской России в условиях международной изоляции и создать условия для распространения идей Октябрьской революции в мире. Идея о Латинской Америке как «Кантоне Запада», прозвучавшая на Шестом пленуме ИККИ, имела в виду нерспективу, пусть и достаточно близкую, но не реальность. Латиноамериканская политика Коминтерна, если вообще можно говорить о наличии в этот период четко сформулированного видения проблем революционного движения континента, исходила из общего подхода ИККИ к определению задач и приоритетов мировой революции.

Но и пускаться на самотек развитие здесь революционного движения высшая иерархия всемирной коммунистической партии не могла. До Октябрьской революции в Латинской Америке (за исключением Аргентины, Чили и Уругвая) не было хорошо организованных марксистских партий. Отсутствовали налаженные организационные связи европейских партий, ставших основой III Интернационала, с единомышленниками в Новом Свете. Не существовало личных отношений вождей Коминтерна с лидерами латиноамериканского революционного движения, в то время как такие контакты с активистами многих европейских партий, имевшие в момент формирования III Интернационала принципиальное значение, сложились во время пребывания Ленина, Зиновьева и других большевиков в эмиграции, в рамках Циммервальдского движения.

Поэтому Малое бюро ИККИ испытывало «скептицизм» по поводу возможностей добиться положительных результатов в Новом Свете. Организаторы миссии М. Бородина исходили из преувеличенного «впечатления» о нерспективах развития советско-мексиканских отношений, основанного на внешних сходствах двух революций и наличии у них общего врага – американского империализма. Не менее важным обстоятельством стали технические возможности, открывавшие в связи с наличием в Москве консульства Мексики и

шансом использовать в интересах Коминтерна мексиканские дипломатические послы.

В «романтический» период деятельности Коминтерна латиноамериканские секции могли иметь прямые контакты с его вождями (Лениным, Зиновьевым и др.). Такая возможность была обусловлена различными факторами: личным знакомством во время пребывания в Москве; небольшим количеством партий, входивших в Интернационал; отсутствием сложной структуры аппарата Исполкома и связанной с этим необходимостью высших руководителей напрямую, без посредничества бюрократических инстанций, заниматься вопросами даже самых маленьких и маловлиятельных партий; незначительным объемом поступающих в Москву документов, позволявшим вождям международного коммунистического движения знакомиться с информацией и т. д.

В процессе становления Коминтерна (количественных и качественных изменений в секциях и высших органах мировой коммунистической партии; выстраивания иерархии ценностей и приоритетов; бюрократизации аппарата ИККИ и партий; переноса центра тяжести в функционировании принципов демократического централизма на безусловное исполнение партиями решений Исполкома; «сталинизации» и «русификации» III Интернационала) сложилась более сложная иерархия отношений. Партии оказались лишенными прямого выхода наверх, вся информация стала проходить через подразделения аппарата Исполкома (генерал-секретариаты, орготдел, ОМС и т. д.) и доходила до высших структур Коминтерна перепрофилированная в соответствии с представлениями международных партийных чиновников.

Нечеткость функций органов всемирной коммунистической партии, направлявших работу в Латинской Америке (как региональных, действовавших на самом континенте, так и подразделений ИККИ в Москве) была обусловлена неопределенностью стратегических и тактических целей и задач латиноамериканского направления деятельности Интернационала.

Была поставлена конечная цель – создание континентальной партии (в форме федерации коммунистических партий Латинской Америки или латиноамериканской федерации) – как этап построения всемирной коммунистической партии. Но на каждом промежутке движения к ней всякий идеологический и/или политический поворот требовал нового механизма, а изменить его было сложно даже чисто технически (из-за отсутствия средств, подготовленных людей, несовершенной системы связи, непереворачиваемой бюрократической системы централизованного управления из Москвы). Чаще всего для этих изменений не было обоснования, или они были волюнтаристскими, мало продуманными, базировались на сиюминутных интересах отдельных

структур или личностей. В результате при каждой реорганизации коммунистическое движение Латинской Америки и Коминтерн в целом несли значительные потери. Часто работу приходилось начинать с нуля. В организационном плане это вело к потере на месте, а зачастую и к сдаче уже завоеванных позиций.

Фактически в Коминтерне отсутствовала единая система организационных связей. В разное время существовали неодинаковые модели взаимосвязи штаб-квартиры в Москве и национальных секций. Не будет преувеличением утверждение, что Латинская Америка оказалась своеобразной лабораторией по отработке континентальной модели как промежуточного этапа создания всемирной коммунистической партии. Но она, как и европейская модель, создавалась не в результате реализации какого-то строгого плана, а в зависимости от обстоятельств.

Стремясь перенести революционный опыт большевиков за границу, в Коминтерне, во всяком случае в первый период его деятельности, понимали невозможность функционирования структуры управления революционными процессами в глобальных масштабах, невозможность решать все проблемы из центра. Поэтому модель уменьшалась и локализовалась. Родилась практика делегирования материализма по ступеням, причем инициатива шла и снизу (Интернациональная социалистическая партия Аргентины еще в 1918 г. была основана как «континентальный Интернационал», стремившийся объединить сторонников Октября в соседних странах), и сверху (создание в результате миссии М. Бородина Латиноамериканского бюро III Интернационала). Опыт «партий – старших братьев» (будь то коммунистическая Мексика, Аргентина, США, позднее Куба) распространялся в масштабах континента или региона. Авторитет «старшего брата» должен был быть непререкаем. При этом делегировалась часть полномочий, но не право определять стратегию. Контроль же во всех случаях оставался за Исполкомом Коминтерна.

Не следует при этом понимать характер взаимоотношений между партиями и Коминтерном, особенно в первые годы, как абсолютный диктат из центра. Некоторые латиноамериканские коммунистические партии, например кубинская, эквадорская, парагвайская, настаивали на своем праве принимать самостоятельные решения в полном соответствии с принципами демократического централизма. Модель автономного развития латиноамериканского коммунизма в рамках Коминтерна, без подчинения строгой международной дисциплине предлагал Москве перуанский революционер В.Р. Айя де ла Торре еще до основания своего детища – Народно-революционного альянса Америк (АПРА). Но в конечном итоге мировая коммунистическая партия пришла именно к доминированию принципа безоговорочного подчинения национальных секций центру.

Поиски организационных форм взаимодействия Коминтерна и компартий Латинской Америки были основаны на «впечатлении», что вело к постоянным изменениям схемы руководства коммунистическим движением. Создание Латиноамериканского бюро III Интернационала основывалось на предпосылке быстрого распространения коммунистической идеологии в рабочем движении в масштабах континента и возможности создания на этой основе Федерации коммунистических партий, способной организовать и возглавить революцию в Латинской Америке. Идея о формировании организационной ячейки «Латиноамериканское бюро – испанская компартия – Амстердамское бюро» отталкивалась от представления о потенциальных возможностях влияния испанских левых на латиноамериканское рабочее движение, базировалась на предположении о том, что будущая коммунистическая партия Испании сохранит все положительные черты Испанской Социалистической рабочей партии, в первую очередь ее массовость и боевитость, наличие марксистских теоретиков, и на потенциальных возможностях Амстердамского бюро. В реальной жизни эта ячейка не смогла замкнуться. Потенциал испанской компартии оказался весьма далеким от сложившегося в умах коминтерновцев образа, а Амстердамское бюро вышло из доверия, желая проводить самостоятельную линию, не всегда совпадавшую с политикой ИККИ.

Институт персональных агентов ИККИ не оправдал себя. Назначенный «прокуратором» коммунистического движения Нового света Сэн Катаяма не мог справиться со сложнейшим комплексом проблем: создание континентальной партии при наличии родившихся в состоянии раскола компартий США и Мексики. Москва осознала это почти мгновенно, не без влияния американских и мексиканских делегатов II конгресса Коминтерна, настоявших на принятии идеи создания Панамериканского бюро.

В Латинской Америке III Интернационал в 1920-е гг. не смог реализовать цель, провозглашенную в 1919–1920 гг., – создать континентальную партию, не проводя систематической, целенаправленной работы. В одних случаях он имел дело с компартиями или группами, созданными без его участия. В других представители III Интернационала или партий – «старших братьев» придавали организационную форму уже существующим группам сторонников (например, в Панаме, Гватемале, Пуэрто-Рико), однако такие коммунистические объединения оказались нежизнеспособными и недолговечными и нигде не возрождались в новых условиях, с новым руководством.

Явственно просматривается противоречие между интернациональным и национальным началами в деятельности Коминтерна и

его латиноамериканских секций. Для большинства партий континента свержение диктатур являлось задачей номер один, которую можно было решить только в союзе с другими революционными силами. Вставал вопрос о характере власти после победы антидиктаторского движения. Преобладание коммунистической партии в антидиктаторском альянсе и возможность формирования власти, ориентированной на социализм, не были очевидными, существовала опасность растворения коммунистов в широком фронте. Поэтому Коминтерн предпочитал на практике удерживать своих латиноамериканских сторонников от участия в антидиктаторской борьбе, хотя в теории именно на это и нацеливал коммунистическую партию (при одной оговорке, которая и сводила на нет возможности союза: коммунисты должны сохранять идейную чистоту и организационную самостоятельность, добиваясь гегемонии в движении).

В ряде случаев Коминтерн мог реально повлиять на организацию вооруженной борьбы против диктаторских режимов и американского доминирования. Однако боязнь идеологического и организационного растворения коммунистических партий в широких антидиктаторских и антиимпериалистических движениях заставляла руководство III Интернационала настаивать на выдвижении коммунистическими условиями, изначально неприемлемых для потенциальных союзников (гарантия гегемонии коммунистических партий в движениях и контроль власти после победы). Коминтерн отказался поддержать план коммунистической группы Венесуэльской Революционной партии по организации вооруженной борьбы в Венесуэле, союз коммунистической Кубы и националистов, подготовку совместного восстания Социалистической Революционной партии и либералов в Колумбии, не оказал реальной помощи Армии защиты национального суверенитета Никарагуа (кроме проведения пропагандистской кампании солидарности). Это не отражало принципиального неприятия Интернационалом самого принципа вооруженной борьбы. В тот же период Коминтерн активно помогал или планировал широкомасштабные вооруженные выступления в Китае, Индии, Германии, на Балканах. Можно предположить, что именно поражение в этих странах было одной из причин отказа от поддержки проектов латиноамериканских коммунистов. Другим доводом в пользу нежелания участвовать в организации вооруженной борьбы в Латинской Америке могла быть боязнь ответной реакции со стороны западных стран по отношению к Советскому Союзу.

Самой веской причиной было то, что в Москве революцию в Латинской Америке не считали перспективной, а антидиктаторские движения рассматривали как обычную борьбу за власть буржуазных группировок, не имевших шансов на превращение в широкое социальное движение, ведущее к социализму. Коминтерн предпочитал

нодождать, когда вместе с ликвидацией капиталистического строя и империалистического влияния созреют условия и для свержения диктатур. В Москве стратегически неверным считали ограничиваться антидиктаторскими выступлениями, способными привести к власти некоммунистические силы или коалиции, в которых коммунисты играли бы второстепенную роль.

Коминтерн, несмотря на сложившееся в литературе мнение об его гигантских материальных возможностях, не обладал достаточными финансовыми и организационными средствами для реализации широкомасштабных проектов вооруженной борьбы, а те, которые имелись, были предназначены для Европы и Азии с явным расчетом на возможную в случае успеха помощь со стороны Советской России (СССР).

Революционная практика показала ошибочность такого подхода для стратегии III Интернационала. Немногочисленные коммунисты в ряде стран Латинской Америки обладали потенциалом для решения задач по свержению диктатур, что подтверждается в первую очередь стремлением различных политических сил, далеко не всегда испытывавших симпатии к коммунистической идеологии, искать контакт с ними. При этом нельзя исключить, что некоторые группировки исходили из иллюзии о реальной материально-технической поддержке своего выступления Коминтерном. Возможности некоторых коммунистических партий участвовать на равных с другими политическими партиями и движениями в формировании антидиктаторских фронтов и влиять на определение направления их деятельности показал целый ряд событий в Латинской Америке: антимаchadoвская революция 1933 г. и последующее политическое развитие Кубы до победы революции Ф. Кастро; развитие политической ситуации в Венесуэле, приведшее к ликвидации режима Х.В. Гомеса, и формирование политической традиции, во многом являющейся благодатной почвой для нынешних властей Боливарианской Республики Венесуэла; многолетний опыт революционного движения Никарагуа и Сальвадора. Это отразилось на событиях 1935 г. в Бразилии. Можно предположить: если бы Коминтерн и его Южноамериканский секретариат не боялись пойти на компромисс с левыми «теневыми» в конце 1920-х гг., расклад сил в революционном секторе политических сил Бразилии мог бы стать принципиально иным.

К концу первого десятилетия существования Коминтерна стали приносить плоды усилия, приложенные ранее. Конечно, в первую очередь росло и укреплялось само рабочее движение латиноамериканских стран, но и организационные усилия ИККИ не прошли даром. Правда, далеко не всегда это шло на пользу самому рабочему движению. Рядом с организационными достижениями шли догма-

тизм и сектантство, ограничивавшие возможности его развития. Но было бы несправедливым недооценить количественный рост коммунистического движения (и количества партий, и число их членов значительно увеличилось). В некоторых странах континента компартии превратились в реальную политическую силу, не считаться с которой было нельзя.

Коминтерн оказался не готов к «открытию Америки» ни организационно, ни идеологически, не сумел теоретически осмыслить своеобразие революционных процессов в латиноамериканских странах и создать эффективную систему связей с коммунистическим движением Латинской Америки. Механизм всемирной компартии лихорадило из-за радикальной нерестройки, перехода от «романтического» периода к «сталинско-бюрократическому». Постоянные изменения схемы управления коммунистическим движением (и в мировом масштабе, и в пределах Латинской Америки) и кадровая чехарда не давали возможности планомерно, основываясь на понимании специфики латиноамериканских стран, способствовать становлению компартий.

Еще до создания Коминтерна левые социалисты Аргентины взяли на себя роль «континентального Интернационала», стремясь распространить свое влияние на страны Южного конуса, а впоследствии – на всю Латинскую Америку.

Конценция деятельности Латиноамериканского бюро III Интернационала значительно отличалась от задач большинства всоможательных бюро и заграничных отделений ИККИ, созданных в 1919–1920 гг. Бюро, как и Интернациональная Социалистическая партия Аргентины, декларировало готовность развернуть работу в масштабах всего континента, в то время как деятельность его европейских аналогов носила региональный характер. Состав заграничных органов ИККИ формировался Малым бюро из активистов компартий, хорошо известных в Москве, члены же Латиноамериканского бюро были случайными для коммунистического движения людьми, не уполномоченными на участие в нем никакими организациями. В лучшем случае его состав был согласован с Бородиным как представителем ИККИ.

Вскоре после уразднения всоможательных бюро и замены их деятельностью доверенных лиц (представителей) ИККИ Коминтерн сделал исключение из только что установленного правила, создав Американское агентство (Панамериканское бюро). Переориентация Коминтерна в организационно-идеологической работе в Латинской Америке с мексиканской на аргентинскую компартию как центр континентального коммунистического движения привела к созданию уникальной структуры – Бюро коммунистической пропаганды

для Южной Америки, которое после V конгресса сменил Южно-американский секретариат ИККИ (ЮАСКИ).

Бюрократический механизм централизованного управления даже при наличии региональных структур не позволял Исполкому Коминтерна осуществлять систематический контроль и эффективное руководство местными организациями в Латинской Америке. Многие из них поначалу действовали на свой страх и риск. Региональные органы ИККИ, действовавшие в Мехико и Буэнос-Айресе, не обладали организационными и материальными возможностями, а в некоторых случаях – политической волей для последовательной работы по организации новых коммунистических партий.

Деятельность III Интернационала и компартий Латинской Америки постепенно приобрела характер важного фактора политического процесса на континенте. По их инициативе были проведены крупные выступления антиимпериалистического и демократического характера. Новый политический вес приобрел рабочий класс. При этом в большинстве стран компартии не смогли стать решающей силой в антиимпериалистическом, антидиктаторском движении, нередко занимая под влиянием Коминтерна сектантские позиции.

В ходе политической революционной деятельности выросли яркие и талантливые партийные лидеры в Аргентине, Мексике, Бразилии, на Кубе и в других странах, которые взяли на себя общее руководство антиимпериалистической борьбой. Однако многие из них впоследствии оказались вне рядов компартий, а в историографии их роль была искажена или замалчивалась. Долгие годы история коммунистического движения Латинской Америки была лишена своей души. Политическая история, из которой были безжалостно выброшены многие ее ключевые фигуры, исторические лидеры партий, превращалась в голую социологическую схему.

Объяснение этого феномена дано очень давно и имеет универсальный характер: «Мятеж не может кончиться удачей, когда он победит, его зовут иначе». Оценки исторических событий, связанных с противоборством, диктовали победители. И для них самым простым было приклеить своим побежденным бывшим товарищам ярлыки «ренегаты» и «фракционеры», объявив себя «главными борцами за торжество идей марксизма-ленинизма», а их имена просто предать забвению. Не вписались по формату в марксистскую версию истории массовых движений и идейного противоборства представители Коминтерна в Латинской Америке. Зато «агенты Москвы» играли гипертрофированную роль в исследованиях некоммунистических (и тем более антикоммунистических) авторов.

Анализ архивных документов (особенно личных дел), их сопоставление с опубликованными материалами, мемуарами и научной

литературой позволил восстановить нодлинную картину развития левого движения Латинской Америки, показать роль личностного фактора в формировании и деятельности коммунистических, антиимпериалистических и профсоюзных организаций. Перед взором исследователей возникла другая история, в которой герои и злодеи зачастую меняются местами, нод иным углом видятся известные события, из небытия возникают факты, надолго вычеркнутые из истории. Восстановление имен эмиссаров и работников аннарата ИККИ, изучение их вклада в формирование латиноамериканской политики III Интернационала, создание и развитие компартий позволяют составить более сбалансированное представление о соотношении национального и интернационального фактора, понять как всякого рода персоналистские противоречия и интриги наносили существенный ущерб делу. Вождизм, грунновщина, теоретическая безграмотность, безответственность и даже авантюризм присутствовали как явления во всех компартиях региона.

На протяжении 1920-х гг. Коминтерн неоднократно пытался сделать ставку на новых союзников с целью привлечь в сферу своего влияния интеллигенцию и студенчество. Виктор Рауль Айя де ла Торре активно сотрудничал с III Интернационалом, считая себя коммунистом, но критикуя существующие компартии как неэффективные. Перуанский студенческий лидер выдвигал альтернативу в виде организации континентальной революции силами новой партии (АПРА), носящей национально-антиимпериалистический характер, что не укладывалось в рамки коминтерновской стратегии, нацеленной на формирование классовой и жестко дисциплинированной партии. В то же время даже после публичного разрыва между Айя и Коминтерном руководство Интернационала периодически возобновляло переговоры с анристами. Стремление добиться доминирования коммунистов в антиимпериалистическом движении в конечном итоге сводило на нет сам замысел формирования широкого фронта с перролетарскими массами. Невыполнимой была сама по себе стратегическая задача в кратчайшее время превратить союзников в единомышленников. Революционное нетерпение не позволяло Коминтерну годами ждать превращения антиимпериалистического движения под своим влиянием в революционное перролетарское движение без всякого камуфляжа. Для Айя де ла Торре, рассчитывавшего на быстрый успех индо-американской революции, было характерно не стремление к разумному компромиссу во имя достижения общих целей, а желание использовать своего союзника для решения своих задач.

Хотя Устав Коминтерна требовал денежных взносов от всех партий, на практике финансирование его деятельности происхо-

дило из одного источника – бюджета Советской России (СССР). Большинство компартий, а в Латинской Америке практически они все не имели возможностей собирать членские взносы и существовать за их счет из-за своей малочисленности и низкого жизненного уровня членов партий. Для большинства левых организаций, поддерживавших Октябрьскую революцию, вопрос помощи их деятельности в это время был одним из центральных в отношениях с III Интернационалом. В самые первые годы своего существования Коминтерн имел возможность использовать значительные средства для реализации своих задач. Анализ организации поездки М. Бородин в Новый Свет позволяет говорить о суммах, эквивалентных сотням тысяч золотых рублей. Так как характер миссии не ограничивался задачами, связанными с коммунистическим движением, но решал и вопросы, связанные с интересами советского государства (поддержка миссии Л. Мартенса в США, попытка установления дипломатических и торговых отношений с Мексикой), финансирование, скорее всего, происходило не только напрямую из бюджета ИККИ, но и из других источников. Но эти средства в силу различных трудностей так и не дошли до МКП и Латиноамериканского бюро III Интернационала. Поступление же субвенций ИККИ впоследствии было связано со сложной бюрократической процедурой, регламентом расхода средств в строгом соответствии со статьями бюджета, утвержденного в Москве, а не в зависимости от потребностей, возникавших у партий и требовавших оперативных решений. Задержки с предоставлением средств зачастую были вызваны нежеланием партий вовремя отчитываться за полученные ранее суммы или невозможностью сделать это, а также из-за неноворотливости бюрократического механизма ИККИ и объективных трудностей связи Коминтерна со своими секциями, большинство которых работало в подполье. Объем финансирования и уровень организационной поддержки деятельности компартий Латинской Америки из СССР на протяжении почти всех 1920-х гг. не давал возможности решать их повседневные задачи.

Полная финансовая, организационная и политическая зависимость от Москвы компартий, большинство из которых действовало в подполье, делала их «самостоятельность» весьма относительной. При этом латиноамериканские компартии не воспринимали себя (и не были) марионетками в руках ИККИ на протяжении большей части 1920-х гг. Они требовали от Коминтерна реализации принципа, на котором он и был основан: если Интернационал – всемирная коммунистическая партия с единым центром, то он должен эффективно управляться во всех своих звеньях; все секции, сохраняя самобытность и автономию, имеют право на максимальное внимание

и поддержку международного руководства и партий, обладающих более значительным организационно-финансовым потенциалом. И хотя впоследствии (в 1930-е – 1940-е гг.) компартии Кубы удалось в значительной степени приблизиться к этому идеалу, данное исключение подтверждало общее правило – реализация принципов демократического централизма, как их понимали в Коминтерне, в полной мере приводила к унификации и потере собственного лица. Полномасштабное приведение в действие механизма всемирной компартии, предпринятое в «сталинско-бюрократический» период деятельности III Интернационала, завершилось осознанием невозможности осуществления такого проекта и стало одной из причин ликвидации Коминтерна.

В 1920-е гг. шла борьба между компартиями Мексики и Аргентины за право быть континентальным центром коммунистического движения. Выбор руководством III Интернационала «аргентиноцентристской» модели руководства, основывавшийся на впечатлении о возможностях КПА влиять на развитие континентального коммунистического движения, почти на все десятилетие определил направление развития левых партий, находившихся в сфере влияния КПА и Южноамериканского секретариата. Кризис 1927 г. в аргентинской компартии привел к коллапсу в деятельности ЮАСКИ, показав прямую зависимость системы организационных связей всех латиноамериканских секций от ситуации в одной из них, избранной Коминтерном на роль лидера. При этом победа КПА, вернувшей себе роль регионального центра, оказалась «нирровой». Мексиканская компартия, ослабленная чисткой руководства (1929), арестами коммунистов и массовой высылкой из страны иностранцев – членов КПА, была вынуждена добровольно отказаться от роли, которой добивалась много лет. Одновременно в деятельности Южноамериканского секретариата (бюро) значительно снизилась роль аргентинской компартии. Доминирующим стало влияние делегации Исполкома Коминтерна, резко изменившей стиль и методы руководства латиноамериканским коммунистическим движением.

Институт уполномоченных («агентов») Коминтерна играл важную и крайне противоречивую роль в функционировании организационного механизма всемирной компартии. Каждая новая редакция Устава корректировала полномочия этих международных коммунистических функционеров. Зачастую представители ИККИ работали в компартиях на долговременной основе, активно участвуя в определении стратегии, принятии тактических решений, формировании руководящих партийных органов и т. д. Без систематического контроля над деятельностью национальных секций III Интернационал не мог на деле реализовать принципы демократического централизма,

являвшиеся нервоосновой международной коммунистической партийной дисциплины. Их деятельность во многом зависела от субъективного фактора: уровня полномочий; выбора времени направления делегатов; их личного опыта и характера; ситуации внутри самой партии; готовности партийного руководства сотрудничать с посланцем Москвы. Поручения III Интернационала выполняли и первые официальные представители Советской России (СССР) в Латинской Америке М. Бородин и С. Пестковский, сочетавшие дипломатические функции с задачами по организации и руководству коммунистическим движением в регионе. Делегаты Коминтерна чаще всего направлялись в Латинскую Америку в трудные для коммунистических партий моменты. Их вклад в разрешение кризисных ситуаций был существенным, но далеко не однозначным. В одних случаях они работали на консолидацию партийных рядов, в других – вместо укрепления партий способствовали их расколу, чисткам.

Работавшие в течение почти пяти лет в автономном режиме региональные органы Коминтерна – Бюро коммунистической пропаганды для Южной Америки и сменивший его ЮАСКИ – не продемонстрировали явных успехов. Тем не менее оценки деятельности этих структур, основанные на их собственной информации, были в штаб-квартире III Интернационала достаточно высокими. Отсутствие событий, позволявших считать динамику развития латиноамериканского коммунистического движения положительной (создание новых партий, установление ими контроля над профсоюзами, возникновение массовых организаций т. н. коммунистического фронта, успехи на выборах и т. д.), подтолкнуло Исполком Коминтерна к осознанию необходимости контролировать ситуацию на месте. Оценить проделанную работу должен был опытный незаинтересованный человек, способный дать рекомендации по интенсификации коммунистической деятельности на континенте.

С этой целью в Южную Америку был направлен Б. Михайлов, миссия которого вышла за первоначально намеченные рамки. Если изначально делегат ИККИ осуществлял свою работу в тесном сотрудничестве с секретарем ЮАСКИ Х.Ф. Пенелоном и оптимистично характеризовал его деятельность, то довольно скоро ситуация стала иной. Личный опыт Михайлова, приобретенный им в Южной Америке, участие в практической работе ЮАСКИ и национальных секций Коминтерна радикально изменили его позицию и привели к оценкам, резко отличавшимся от первоначальных. Эмиссар Москвы сделал убийственный вывод: секретариат не является ни органом политического руководства партиями, ни даже органом необходимой связи.

Проявились системные ошибки Исполкома Коминтерна в организации деятельности Южноамериканского секретариата: с его нонустительства ЮАСКИ в течение очень долгого времени был органом исключительно нерсональным; во главе регионального органа Коминтерна был поставлен Пенелон, абсолютно не готовый к выполнению роли координатора деятельности компартий. Свой самый фундаментальный просчет – «аргентиноцентризм» (признание за КПА роли единоличного лидера континентального коммунистического движения) – остался незамеченным руководством III Интернационала, хотя именно он лег в основание двух нервых. Кроме того, отмеченные недостатки были лишь тактическими ошибками. Стратегический просчет заключался в нерочности самого принципа управления международным рабочим движением из единого центра, что создавало иллюзию возможности добиться глобальных целей мировой революции организационными средствами.

До сих пор не выработан научный критерий, позволяющий определить точную дату образования компартий и их вступления в III Интернационал. Несмотря на формальное существование «21 условия» приема, четкие принципы принадлежности партий к Коминтерну не были обозначены. В каждом отдельном случае признание латиноамериканских партий национальными секциями III Интернационала зависело от конкретной ситуации в ИККИ, задач, рассматривавшихся в тот момент Коминтерном как центральные, а иногда от субъективного восприятия права партии стать полноправным членом мирового сообщества коммунистов руководящими работниками Исполкома. Нередко решение принималось на основе недостоверной или недостаточной информации. В разных случаях вопрос о признании партии секцией Коминтерна решался на различных уровнях: всемирным конгрессом, пленумом ИККИ, специально назначенной комиссией или просто «в рабочем порядке» анаратом Исполкома. Два года понадобилось для приема в Коминтерн «континентального Интернационала» – ИСПА, нервой латиноамериканской компартии. Препятствиями на ее пути оказались сначала несвоевременное представление ею декларации о присоединении к III Интернационалу Социалистической партией Италии, а затем противодействие русской революционной эмиграции в Аргентине. В то же время была но представлению М. Бородина принята Мексиканская коммунистическая партия, никак не успевшая проявить себя в международном коммунистическом движении, даже не рассматривалась как претендент на вступление Коммунистическая партия Мексики Л. Гэйла, но своим идейным установкам, организационным принципам, количеству сторонников немногим отличавшаяся от партии М.Н. Роя. Разные по длительности и содержанию

процедуры приема в Коминтерн прошли участвовавшие в IV конгрессе компартии Уругвая, Бразилии и Чили. Уругвайская партия была допущена в международную компартию беспрятственно, а «неправильное поведение» в Москве делегата КПБ А.Б. Канелласа затруднило нуть в Коминтерн активно работавшей, имевшей немало сторонников в рабочем движении бразильской партии, которой пришлось пройти через дополнительное испытание. До сих пор не удалось определить точную дату приобретения статуса национальной секции компартией Чили, самой массовой и влиятельной в этот период среди латиноамериканских партий, наиболее широко представленной в парламенте. А компартия Гватемалы, численность которой не превышала нескольких десятков членов, но рекомендации мексиканских товарищей была допущена практически сразу, хотя ее представителей в Москве не было. Из-за конфликта, вызванного «делом Мельи», ИККИ два года продержал на пороге III Интернационала компартию Кубы.

VI всемирный конгресс принял в ряды Коминтерна СРП Колумбии и Социалистическую партию Эквадора – партии, не соответствующие критериям «21 условия», компартию Парагвая, руководитель которой, Л. Ибаррола, занимал критическую позицию по отношению к Южноамериканскому секретариату. Вместе с ними в список новых членов III Интернационала вошла и компартия Кубы, хотя решение о ее признании было принято еще в 1927 г. Единственным объяснением такого решения конгресса может быть явное желание продемонстрировать рост влияния международного коммунистического движения в колониальных и полуколониальных странах.

Вопрос о датировке основания компартий еще более запутан. Время их рождения определяли сами партии, точнее, находившиеся у их руководства люди, делая это в соответствии со своими представлениями об исторических событиях и в своих интересах. Признание Исполкомом Коминтерна МКП, созданной в ноябре 1919 г., единственной мексиканской секцией, провозглашение Л. Гэйлом КПП и декларация об ее присоединении к Коминтерну (сентябрь 1919 г.) не могли иметь значения. Не бралось в расчет и то обстоятельство, что впоследствии большинство сторонников Роя и Гэйла вошли в объединенную с помощью Панамериканского бюро компартию Мексики. Вскоре исчезли из истории имена ее отцов-основателей (М.Н. Роя, Ч. Филлинса, Х. Аллена) и их наставника М. Бородин. Не получила права стать членом Интернационала Коммунистическая секция Кубы, но ИККИ не упустил ее из виду, приглашая на всемирные конгрессы. В какой степени можно считать деятельность М. Салиаса и его соратников частью истории «нервой марксистско-ленинской партии Кубы», официальной датой создания которой является 1925 г.?

Не признал Коминтерн грунну Савицкого в Колумбии, но в 1928 г. принял в свой состав Социалистическую революционную партию. При этом датой основания КП Колумбии считается 1930 г., несмотря на двухлетний стаж пребывания СРП в мировой компартии. После отстранения от руководства КП Парагвая О. Крейдга новые лидеры объявили и новую дату основания партии – 1928 г., обвинив среди прочего экс-генсека в фальсификации истории. Но знакомые со всем комплексом партийных документов, хранившихся в Центральном партийном архиве при ЦК КПСС (ныне – РГАСПИ), они предпочли эту дату, а не 1924 г., когда была создана «Парагвайская секция Коммунистического Интернационала, Коммунистическая партия Парагвая». Критерием, видимо, было заявление о присоединении к Коминтерну и приглашение принять участие в VI конгрессе. Контакты же с международным коммунистическим движением через ЮАСКИ, но нерадивости Х. Пенелона не получившие развития, в расчет приняты не были. Активная деятельность венесуэльских коммунистов в рядах ВРП и Континентальной Революционной грунны, их активные контакты с Коминтерном в 1920-е гг. не рассматриваются в историографии как часть истории КПВ. Эта нутаница характерна для истории большинства латиноамериканских компартий. Уже на Первой Конференции компартий Латинской Америки (1929) начали подгонять даты основания компартий и их вступления в Коминтерн в интересах сиюминутной конъюнктуры, а в некоторых публикациях и раньше.

Конгрессы Коминтерна, пленумы Исполкома и теоретические разработки аппарата Исполкома ИККИ создавали особую обстановку ультралевого революционаризма, подталкивая коммунистов к насильственным формам борьбы, нутчизму, экстремизму. В итоге широкие слои трудящихся оказались вовлечены в процесс бесконечных классовых боев и «нерманентную социальную революцию» под эгидой СССР и Коминтерна. При этом латиноамериканские компартии, ставившие конкретные задачи вооруженной борьбы против диктатур в союзе с другими силами, не получали реальной организационной и финансовой поддержки от ИККИ.

Применявшийся Коминтерном на протяжении 1920-х гг. «азиатский» подход к Латинской Америке не позволял коммунистам создать единый фронт с другими антидиктаторскими и антиимпериалистическими силами и способствовал вытеснению континентального коммунистического движения из первого эшелона мировой революции. Другим фактором, сдерживавшим развитие латиноамериканской революции, была теория «географического фатализма», ставившая возможность победы в странах южнее Рио-Гранде-дель-Норте в зависимость от успехов рабочего движения в Соединенных Штатах.

В аннарате ИККИ до VI конгресса не существовало (за исключением короткого периода в 1921–1922 гг.) структурного подразделения, специально занимавшегося латиноамериканскими проблемами, что резко снижало возможности разработки научно обоснованной стратегии и тактики мировой коммунистической партии для революционного движения в регионе и приводило к принятию решений и директив, не отражавших реалий Латинской Америки. Такое положение являлось отражением постоянного поиска эффективной модели управления на уровне центрального руководства Коминтерна и его аннارات в Москве. Первоначально лидеры III Интернационала исходили из того, что могут оценить состояние революционного движения любой страны и определить для него цели и задачи. Кроме того, в самые первые годы объем работы в штаб-квартире Коминтерна был невелик. Поэтому решение всех проблем было сосредоточено в Малом бюро, Секретарате ИККИ и образуемых ими временных комиссиях. Создание в ИККИ структурных подразделений, занимавшихся отдельными регионами, было связано с трудностями определения основополагающего принципа их группировки: объединять по принципу страны, языка, геополитическому, географическому, социально-экономическому, общности проблем? Все реорганизации аннارات ИККИ в 1920-е – 1930-е гг. связаны с поисками оптимальной модели. И в связи этим латиноамериканские проблемы рассматривались то вместе с испанскими и португальскими, то наряду с вопросами революционного движения Франции, Италии и других романских стран. Делалась попытка соединить руководство коммунистическими латиноамериканскими стран, США и Великобританией. Южноамериканская же секция и вовсе была частью Бюро колониальных и полуколониальных стран ИККИ, где рассматривались проблемы Южной Африки, Ближнего Востока и т. д.

Только в 1928 г., после «открытия Америки» III Интернационалом в период празднования 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и подготовки VI конгресса Коминтерна развитие континентального коммунистического движения стало рассматриваться в ИККИ как самостоятельное направление. При этом Латиноамериканский лендер-секретариат оказался заложником борьбы против «нравовой опасности», развернувшейся во всемирной коммунистической партии и ВКП(б), одной из центральных фигур которой стал Ж. Эмбер-Дро. Это привело к нерассмотрению теоретических основ латиноамериканской политики Коминтерна, только что выработанной VI конгрессом, и кадровой чехарде в аннарате ИККИ, прекратившейся, и то на короткое время, только после завершения его «русификации».

1929 г. явился рубежом в переходе от этапа стихийного развития коммунистического движения Латинской Америки и установления им организационных связей с Коминтерном к этапу международного партийного строительства сверху под руководством региональной бюрократической структуры (Южноамериканского секретариата, а затем и Карибского бюро), при прямом участии III Интернационала и стоявшей за ним ВКП(б).

Первая конференция коммунистов Латинской Америки, положившая начало традиции проведения региональных встреч компартий, наряду с демонстрацией успехов континентального левого движения, выявила серьезный кризис его развития. На первый взгляд, сложилась система, позволявшая обсуждать изменения в стратегии и тактике революционного движения в связи с развитием социально-экономической и политической ситуации на континенте и в отдельных странах. Но в реальности решающую роль в организации латиноамериканских коммунистических конференций играл фактор случайности или использования благоприятной ситуации. Сторонникам III Интернационала за десять лет не удалось реализовать стратегическую задачу – создать федерацию коммунистических партий Латинской Америки. В ИККИ констатировали, что только в Бразилии, Аргентине и Уругвае имеются организации, которые могут быть признаны коммунистическими партиями. Итоги конференции дали толчок к кардинальному пересмотру форм и характера связей латиноамериканского левого движения с III Интернационалом. Вторая латиноамериканская конференция (Москва, 1930 г.), организованная во время V конгресса Профинтерна с участием его делегатов-коммунистов, не имела принципиального значения для развития коммунистического движения континента. Ей не предшествовала организационно-теоретическая подготовка, участники встречи в основном не входили в высшее руководство партий, не были выработаны решения, определявшие дальнейшее развитие компартий, не было преемственности с Первой конференцией (большинство ее делегатов не участвовало в Буэнос-Айресском форуме). Организации Третьей конференции коммунистических партий Южной и Карибской Америки (Москва, 1934 г.) (в опубликованных документах и литературе ее долго называли конференцией в Монтевидео) помогла уникальная ситуация. Делегаты некоторых латиноамериканских компартий заранее, с учетом длительности путешествия, выехали на VII конгресс Коминтерна и оказались в Москве осенью 1934 г., когда сроки проведения всемирного форума коммунистов были перенесены. Пребывание в Москве большой группы посланцев Латинской Америки решили использовать для проведения региональной встречи. На конференции были (при участии ряда высокопоставленных

функционеров Коминтерна) впервые обсуждены некоторые идеи, заложенные чуть позже в основу стратегии Народного фронта, принятой VII конгрессом.

Новые принципы деятельности Коминтерна в Латинской Америке, сформулированные после VI конгресса и Первой континентальной конференции компартий, стали частью политики бюрократической «сталинизации» коммунистического движения в целом, в процессе которой при прямом воздействии ИККИ была проведена реорганизация ряда партий, сопровождавшаяся «чисткой» руководства, в результате чего многие исторические лидеры оказались вне партийных рядов.

После VII конгресса по разным причинам начинается процесс полного перехода к дистанционному управлению коммунистическим движением Латинской Америки. Постепенно сворачивается деятельность Южноамериканского и Карибского бюро. На сегодняшний день нет возможности отследить, когда и на основании каких решений они прекратили работать. Упущены функции и расширен круг партий – «старших братьев». Некоторые из них (например, кубинская, колумбийская) получают задания по организации коммунистического движения в своем регионе, поддержке более молодых партий, контролю за их деятельностью. На КП США неофициально возлагается руководство всем латиноамериканским коммунистическим движением (причем Эрл Браудер если и не формально, то в умах руководителей партий становится их вождем в полном соответствии со сложившейся к этому времени традицией «культ личности»).

Состоявшееся в Нью-Йорке (1939) совещание руководителей компартий Западного полушария не стало Четвертой континентальной конференцией компартий. Это была встреча лидеров очень ограниченного числа партий с неясными задачами и необнародованными документами. Взамен деятельности настоящих региональных органов вводится система отчетов партий перед ИККИ, при этом в Москву вызываются определенные Коминтерном, а не назначенные партийным руководством функционеры. Постоянные представители партий при ИККИ в большей степени выполняют обязанности работников аппарата, поддерживающих дежурные контакты и воспроизводящих указания московского центра, а не лоббистов интересов своих секций. У направленной в 1939 г. в Латинскую Америку делегации ИККИ во главе с В. Кодовильей уже совершенно иные функции, чем у действовавших ранее региональных органов Коминтерна, они сводятся в основном к чистке руководства ряда партий и организации борьбы против Троцкого. Ренессанс в ИККИ и партиях привели к тому, что к этому времени в аппарате число людей, знакомых с проблемами международного коммунистического движения в целом и в

отдельных регионах и странах, резко сократилось. Эти и ряд других обстоятельств позволяют прийти к выводу, что уже к началу Второй мировой войны, а не в момент своего роспуска в 1943 г., Коминтерн, во всяком случае на латиноамериканском направлении своей деятельности, перестал существовать как международное объединение коммунистических партий, сформированное для совершения мировой революции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Документы

1.1. Неопубликованные документы

Архивы

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ)
Фонд 0110. Мексиканский отдел. Описи 4, 6.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
Фонд 5881. Опись 1. Русский Заграничный Исторический архив (Пражская коллекция). Дело 170.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 2. Описи 1–2. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич.

Фонд 5. Опись 1. Секретариат В.И. Ленина.

Фонд 5. Опись 3. Секретариат В.И. Ленина.

Фонд 17. Опись 2. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС). Пленумы ЦК.

Фонд 489. Опись 1. Второй конгресс Коминтерна (1920).

Фонд 490. Опись 1. Третий конгресс Коминтерна (1921).

Фонд 492. Опись 1. Пятый конгресс Коминтерна (1924).

Фонд 495. Опись 1. Исполком Коминтерна (1919–1929).

Фонд 495. Опись 2. Президиум Исполкома Коминтерна.

Фонд 495. Опись 3. Политический секретариат ИККИ.

Фонд 495. Опись 18. Секретариат Исполкома Коминтерна.

Фонд 495. Опись 32. Романский лендер-секретариат ИККИ.

Фонд 495. Опись 67. Комнатия Эквадора.

Фонд 495. Опись 79. Латиноамериканский лендер-секретариат ИККИ.

Фонд 495. Опись 104. Комнатия Колумбии.

Фонд 495. Опись 105. Комнатия Кубы.

Фонд 495. Опись 108. Комнатия Мексики.

Фонд 495. Опись 112. Коммунистическая партия Гватемалы.

Фонд 495. Опись 117. Коммунистическая партия Парагвая.

Фонд 495. Опись 118. Коммунистическая партия Перу.

Фонд 495. Опись 120. Коммунистическая партия Испании.
Фонд 495. Опись 131. Коммунистическая партия Уругвая.
Фонд 495. Опись 134. Компартия Аргентины.
Фонд 495. Опись 190. Компартия Аргентины. Личные дела.
Фонд 495. Опись 241. Компартия Мексики. Личные дела.
Фонд 495. Опись 261. Личные дела. Компартия США.
Фонд 497. Описи 1–2. Временное Амстердамское бюро ИККИ.
Фонд 503. Опись 1. Южноамериканское бюро ИККИ.
Фонд 515. Опись 1. Компартия Соединенных Штатов Америки.
Фонд 521. Опись 1. Сэн Катаяма.
Фонд 533. Опись 3. Коммунистический Интернационал молодежи. Плenums, Президиум и Секретариат ИККИМ.
Фонд 534. Опись 1. Конгрессы Профинтерна.
Фонд 534. Опись 4. Региональные бюро и представители Профинтерна; Тихоокеанский секретариат профсоюзов (1927–1936); Латноамериканская конфедерация труда (1929–1935).
Фонд 542. Опись 1. Лига борьбы против империализма, колониального угнетения и за национальную независимость (Антиимпериалистическая лига) (1927–1935).

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
Фонд 658. М.М. Бородин (Грузенберг).

Archivo General de la Nación (México, D.F.).
Ramo A. Obregón – P.E. Calles.
Ramo E. Portes Gil.
Ramo P. Ortiz Rubio. Año 1930.
Ramo A. Rodríguez.
Ramo L. Cárdenas.
Departamento de Investigaciones Políticas y Sociales.
Dirección General de Gobernación.
Archivo Particular de E. Portes Gil.

Archivo Histórico de Secretaría de Relaciones Exteriores de México (AHSRE)

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford, California.
Bertram D. Wolfe Papers.

Centro de Estudios del Movimiento Obrero y Socialista (CEMOS) (Mexico, D.F.).
Colección J.A. Mella.
Colección PCM.
Colección Augusto C. Sandino.
Colección Valentín Campa Salazar.
Colección Julio Gómez.
Colección Miguel Ángel Velasco.

Earl Browder Papers (Ann Arbor, Michigan).
Papers Related to Mexico.

1.2. Опубликованные документы

- 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. Справочник по истории Коминтерна / сост. А. Тивель и М. Хеймо. М.; Л.: Государственное изд-во, 1929.
- 2-й конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг.: Изд-во Коммунистического Интернационала, 1921.
- III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг.: Государственное изд-во, 1922.
- Александровский М. [Комин-Александровский М.] Рабочее движение в Аргентине // Доклады Второму конгрессу Коммунистического Интернационала. Пг.: Издательство Коммунистического Интернационала, 1921. С. 341–349.
- Американская революция. Воззвание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к рабочему классу Северной и Южной Америки // Коммунистический Интернационал. 1920. № 15. С. 3389–3390.
- Бюллетень Третьего конгресса Коммунистического Интернационала / под ред. Т.Л. Аксельрода. М.: Издание пресс-бюро Третьего конгресса Коминтерна, 1921.
- В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. Март–ноябрь 1919 г. М.: Политиздат, 1976.
- Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Июль–август 1920 г.: Стенографический отчет / под ред. О. Пятницкого, В. Кнорина, Д. Мануильского, Б. Куна, М. Зоркого. М.: Партиздат, 1934.
- Два года борьбы и работы. Обзор деятельности Исполкома и секций Коммунистического Интернационала за период с IV по V конгресс. М.: Красная новь, 1924.
- Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М.: Политиздат, 1972.
- Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума И.К. Коммунистического Интернационала от 13 июля 1921 г. до 1-го февраля 1922 г. Пг.: Изд-во Коммунистического Интернационала, 1923.
- Деятельность Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала после III конгресса // Коммунистический Интернационал. 1921. № 18. С. 4767–4768.
- Доклады Второму конгрессу Коммунистического Интернационала. Пг.: Издание Коммунистического Интернационала, 1921.
- Документы Второй конференции коммунистических партий Латинской Америки. Москва, 2–10 октября 1930 г. // Латиноамериканский исторический альманах. 2005. № 6.

- Исторические документы о создании нартин. VIII съезд Коммунистической нартин Эквадора. Гуаякиль (1–4 августа 1968 г.). М.: Политиздат, 1970. С. 183–186.
- Коминтерн в резолюциях. 2-е изд. М.: Изд-во Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1926.
- Коминтерн и Африка: Документы / сост. В. Городнов; ред. А. Давидсон. СПб.: Алетея, 2003.
- Коминтерн и Латинская Америка: Сб. документов / под ред. Н.П. Калмыкова (отв. ред.), И.И. Янчука (отв. ред.), Л.Ю. Кораблевой (отв. секр.), Е.А. Ларина, Л.С. Хейфеца. М.: Наука, 1998.
- Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932 / под ред. Бела Куна. М.: Партийное изд-во, 1933.
- Коммунистический Интернационал и идея мировой революции: Документы / отв. ред. Я.С. Дабкин. М.: Наука, 1998.
- Кун Б. Коминтерн в резолюциях. 2-е изд. М.: Изд-во Коммунистического университета им. Я. Свердлова, 1926.
- Ленинский сборник. XXXVII. М.: Изд-во политической литературы, 1970.
- Манифест II конгресса Коммунистического Интернационала // Троцкий Л. Перманентная революция. М.: АСТ, 2005.
- Отчет Исполкома Коминтерна (апрель 1925 – январь 1926 г.) / составлен Секретариатом ИККИ. М.; Л.: Государственное изд-во, 1926.
- Письма В.И. Ленину из-за рубежа. 2-е изд., доп. М.: Изд-во политической литературы, 1969.
- Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. документов / сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М.: Россия молодая, 1995.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М.: РОССПЭН, 2004.
- Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет. Ч. 1. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925.
- Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет. Ч. 2: Приложения. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925.
- Советско-мексиканские отношения. 1917–1980 / сост. А.И. Сизоненко, Л. Карденас. М.: Международные отношения, 1981.
- Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля–15 марта 1926 г.): Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927.
- A los habitantes de la Republica. Partido Comunista. Seccion paraguaya de la Internacional Comunista // Los Comuneros (Asuncion). 19 de febrero de 1928.

- Bajo la bandera de la C.S. L.A. Resoluciones y documentos varios del Congreso Constituyente de la Confederación Sindical Latino Americana efectuado en Montevideo en Mayo de 1929. Montevideo: s. d.
- Carta de la I.C. al Partido Socialista Revolucionario de Colombia // La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 12.
- Chile en los archivos soviéticos 1922–1991. Tomo 1: Komintern y Chile 1922–1931. Olga Ulianova, Alfredo Riquelme Segovia (Editores). Santiago de Chile: Centro de Investigaciones Diego Barros Arana, 2005. Tomo 2. Santiago de Chile, 2009.
- Declaración de Principios Aceptados por el Primer Congreso Nacional Socialista: Programa de Acción. Adoptado por el Primer Congreso Nacional Socialista // Oposición (México). 19–25 de Julio de 1979.
- Historia del Socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional. Informe dirigido a la Internacional Socialista y a todos los Partidos socialistas. Buenos Aires: La Internacional, 1919.
- El movimiento obrero cubano. Documentos y artículos. Tomo I. 1985–1925. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1981.
- El movimiento revolucionario colombiano // La correspondencia sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 6. P. 33–34.
- El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana. Junio de 1929. Buenos Aires: 1929.
- Losovsky A. El movimiento sindical Latino Americano. Sus virtudes y sus defectos. Montevideo, 1929.
- Manifiesto del Buró Latinoamericano de la III Internacional a los trabajadores de América Latina // Oposición (México). 23–28 de Agosto de 1979.
- El PC de Paraguay // La correspondencia sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 11. P. 15.
- La expulsión de Ibarrola // La correspondencia sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 9. P. 21; № 10. P. 16.
- Libro Rojo del General Lopez Contreras. 1936. Documentos robados por espías de la policía política. Caracas: Ediciones Centauro, 1985.
- Mella. Documentos y artículos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1975.
- Meshkat, Klaus y Rojas, Jorge María. Liquidando el pasado: La izquierda colombiana en los archivos de Moscú. Bogotá: Ed. FESCOL, 2009.
- Ortiz Peralta R., Spenser D. La Internacional Comunista en México: los primeros tropiezos. Documentos, 1919–1922. México: Secretaría de Gobernación, Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México. Colección Fuentes y documentos, 2006.
- Pichardo H. Documentos para la historia de Cuba. Tomo III. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1973.
- Programa de Acción. Adoptado por el Primer Congreso Nacional Socialista // Oposición (México). 19–25 de Julio 1979.
- Relatorio sobre la actividad enemiga de Oscar Creydt. S. I. Abril 1967.

- Schelchkov, Andrei y Stefanoni, Pablo. La Historia de las izquierdas bolivianas. Archivo y documentos (1920–1940). La Paz, 2016.
- Sobre Rusos y Rusia. Antología documental. Coordinador E. Arriola Woog. México: Lotería Nacional para la Asistencia Pública, 1994.
- Spenser D. «Unidad a toda costa»: La Tercera Internacional en México durante la presidencia de Lázaro Cárdenas. México, D.F.: CIESAS, 2007.
- Strategy of the communists. A letter from the Communist International to the Mexican Communist Party. Published by Workers Party of America. Chicago: s. a.
- The communist conspiracy. Strategy and tactics of world communism. Part I. Communism outside the United States. Section E. The Comintern and the CPUSA. Washington, 1956. P. 52–99.
- Torres Pares, Javier (comp.) El Libertador. Órgano de la Liga Antiimperialista de las Américas 1925–1929. Edición facsimilar digital. México: Colegio de Estudios Latinoamericanos, UNAM – Instituto Nacional de Antropología e Historia/Morelos, Centro de Estudios del Movimiento Obrero y Socialista) Segunda Edición. 2010.
- Ulianova Olga y Riquelme Alfredo. Chile en los archivos soviéticos. Tomo 1. Chile y Komintern 1922–1931. Santiago: Ed. LOM, 2005; Tomo 2. Chile y Komintern 1931–1935. Santiago: LOM, 2009.

1.3. Личные архивы

Личный архив Л.С. Хейфеца

- Занись интервью В.Л. Хейфеца с дочерью М.А. Александровского В.М. Александровской.
- Занись интервью Л.С. Хейфеца с дочерью К. Духовне А. Духовне Ортис.
- Занись интервью Л.С. Хейфеца с дочерью Ф. Глаубауфа И.Ф. Хорошаевой.
- Занись интервью Л.С. Хейфеца с дочерью А. Лозовского М.А. Лозовской.
- Занись интервью Л.С. Хейфеца с племянником Г.Б. Скалова А.Г. Скаловым.
- Занись интервью Л.С. Хейфеца с дочерью и сыном С. Шейнбаума Л.С. и К.С. Шейнбаумами.
- Занись интервью Л.С. Хейфеца с Л.М. Чекини.
- Занись интервью Л.С. Хейфеца с дочерью Б. Абрамсона А.В. Кондратьевой.
- Занись интервью В.Л. Хейфеца с Х. Виво Лаурентом и С. Виво де ла Торрьенте.
- Письмо политического обозревателя газеты «Правда» В.Г. Корниова Л.С. Хейфецу.
- Письма бывшего члена ИК МОПР Аргентины, члена-корреспондента АН СССР И.Р. Григулевича Л.С. Хейфецу.
- Письма ветерана КПА Л.М. Чекини Л.С. Хейфецу.

Письма бывшего иренодавателя МЛШ В.М. Далина Л.С. Хейфецу.
Письма бывшего завуча МЛШ З. Серебрянского Л.С. Хейфецу.
Письмо Б. Видали (дочери В. Видали) Л.С. Хейфецу.
Письмо Е.С. Пестковской (дочери С.С. Пестковского) Л.С. Хейфецу.

Личный архив К.М. Кантора

Личный архив П.И. Тайбо II

Личный архив И.Ф. Хорошаевой

1.4. Воспоминания, дневники, интервью

- [Гюльди Р.] Заряд на всю жизнь. Рассказывает Родольфо Гюльди – один из основателей Компартии Аргентины, ветеран международного коммунистического движения // Вопросы истории КПСС. 1984. № 11. С. 84–92.
- Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. Заниски очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х годах. М.: АИРО–XX, 1995. 262 с.
- Видалес Л. «...мне навечно исполнилось двадцать» // Проблемы мира и социализма. 1987. № 4. С. 36–37.
- Гюльди Р. Встреча, озарившая всю жизнь // Коммунист. 1984. № 4. С. 64–69.
- Гюльди Р. Сила ленинской аргументации // Проблемы мира и социализма. 1969. № 7. С. 55–58.
- Диас Рамирес М. Беседа с В.И. Лениным в 1921 году // О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М.: Госполитиздат, 1962. С. 451–456.
- Катаяма С. Воспоминания. М.: Наука, 1964.
- Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 1. М.: Academia, 2001.
- Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М.: Советская Россия, 1974.
- Лаферте Э. Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961.
- Мармоль М. Гнев и боль Сальвадора. Страницы жизни и борьбы. М.: 1981.
- Пинтос Ф.Р. Народ делает историю // Иностранная литература. 1959. № 3. С. 219–224.
- Равера К. Воспоминания. М.: Политиздат, 1976.
- Сикейрос Д.А. Меня называли лихим молковником. Воспоминания. М.: Изд-во политической литературы, 1986.
- Троцкий Л.Д. Дневники и письма / под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994.

- [Bernal del Riesgo A.] Fundacion del primer partido marxista leninista. De las memorias y relatos póstumos del doctor Alfonso Bernal // Juventud rebelde. 20 de agosto de 1982.
- [Bernal del Riesgo A.] Julio A. Mella. Los jóvenes rebeldes de ayer, comunistas de hoy. Relatan anécdotas inéditas y muestran facetas desconocidas del primer líder antimperialista de América y dirigente del primer Partido Comunista de Cuba, con la última entrevista a, días antes de su sentido deceso // Juventud rebelde (La Habana), 9 de Enero de 1975.
- Campa V. Mi testimonio. Memorias de un comunista mexicano. México: Ediciones de Cultura Popular, 1978.
- Canellas A.B. Relatorio de Delegacia a Russia. Rio de Janeiro, 1923.
- [Carrillo R.] Melgar Bao R. Memoria roja de los años veinte. El testimonio de Rafael Carrillo // Memoria (México). 1992 (octubre). № 92. P. 52–59.
- Corey E. Passage to Russia // Survey. 1964 (October). № 53. P. 23–32; 1965 (April). № 55. P. 103–115.
- Gomez M. From Mexico to Moscow // Survey (London). 1964 (October). № 53. P. 33–47; 1965 (April). № 55. P. 116–125.
- Gómez Lorenzo R. Julio Antonio Mella en México // Memoria ((México), 1993 (Enero). № 50. P. 45–46.
- Guillot M. Leonardo Fernández Sánchez // Granma (La Habana), 26 de enero de 1976.
- Humbert-Droz J. De Lénine á Staline. Dix ans au service de l'Internationale communiste (1921–1931). Neuchâtel: Ed. de la Bacconnière, 1971.
- Díaz Ramírez M. Hablando con Lenin en 1921 // Liberacion (México). 1957 (Noviembre–Diciembre). № 8. P. 40–55.
- El 15 de Noviembre de 1922 y la fundacion del socialismo. Relatados por sus protagonistas. Segunda parte. Quito: Corporacion Editora Nacional – INFOC. 1982.
- Los comunistas en la historia nacional. Guayaquil: Instituto de Investigaciones y Estudios Socioeconomicas del Ecuador, 1987.
- Fabio Grobart, Ramon Nicolau e Isidro Figueroa hablan de Rubén Martínez Villena como dirigente del primer Partido marxista-leninista y del movimiento obrero cubano // Bohemia (La Habana). 1978. № 2. P. 46–49.
- Fernández Anaya J. La fundación del Partido Comunista de El Salvador // Memoria (México). 1985 (mayo–junio). № 10.
- Fernández Sánchez L. Julio Antonio Mella // Bohemia (La Habana). 1970. № 24. P. 98–102.
- Ferreira Lima H. Caminhos Percorridos. Memoria de militância. S. l.: Editora Brasiliense, 1982.
- [Figueroa I.] Valdes K. El compañero Mella. Entrevista con Isidro Figueroa // Verde olivo (La Habana). 1981. № 2. P. 30–33.
- Figueroa Ibarra C. El «bolchevique mexicano» de la Centroamérica de los veinte. Entrevista a Jorge Fernández Anaya // Memoria (México). 1990 (septiembre–octubre). № 31.

- Fuenmayor J.B. 1928–1948. Veinte años de política. Caracas: Editorial Mediterráneo, 1968.
- Glaufauf, Fritz. «Mon travail a l'Ecole d'Arcueil du Parti Comuniste Français». Cahiers d'histoire de l'Institut Maurice Thorez, núm. 7, Paris, 1974.
- [Marmol M.] Dalton R. Miguel Marmol: El Salvador 1930–1932 // Pensamiento crítico (La Habana). 1971. № 48. P. 10–18.
- Martínez J.J. Crónicas de una derrota: testimonio de un luchador. Montevideo: Trilce, 2003.
- Navarro Madrid A. Mariátegui en su sillón rodante por las calles de Lima // Boletín Informativo del Centenario de José Carlos Mariátegui. (Lima). 22 de diciembre de 1993.
- [Nicolau R.] Rojas M. La URSS de los años treinta en la pupila de un cubano. Diálogo con el capitán Ramón Nicolau, el primer cubano que ingresó en la Escuela Leninista de la Unión Soviética y el tercero que visitó la URSS; antes lo habían hecho Mella y Fabio Grobart // Granma (La Habana). 28 de abril de 1970.
- Pascual S. Trayectoria de Rubén // Verde Olivo (La Habana). 1973. № 2. P. 12–14.
- Pereira A. Formação do PCB (Partido Comunista Brasileiro). 1922/1928. Lisboa: Prelo Editora, 1976.
- Plaza S. de la. Diario (1917/1918). Edición a cargo de Mailer Mattié & Dororhea Melcher. Mérida-Venezuela: Universidad de Los Andes, 1993.
- Portocarrero J. Sindicalismo peruano. Primera etapa. 1911–1930. S. L., 1987.
- Ravines E. La Gran Estafa. La Habana: Edilusa, 1960.
- Ravines E. The Yenan Way. N.Y., 1951.
- [Roy M.N.] M.N. Roy's Memoirs. Bombay; New-Delhi; Calcutta; Madras; London; New York: Allied Publishers Private Limited, 1964.
- Schipman Ch. It Had to Be Revolution. Memoirs of an American Radical. Ithaca and London: Cornell University Press, 1993.
- Silva Herzog J. Una vida en la vida de México. México: Siglo XXI, 1972.
- Sormenti, Contreras y Vittorio Vidali hablan sobre sus experiencias revolucionarias // Juventud realde (La Habana). 12 de Mayo de 1976.
- Taracena Arriola A. Un salvadoreño en la historia de Guatemala. Entrevista con Miguel Angel Vázquez Eguizabal // Memoria (México), 1990 (enero–febrero). № 29.
- Torriente L. de la. Testimonio desde dentro. La Habana: Editorial Letras Cubanas, 1985.
- Torres Giraldo, Ignacio. Cincuenta meses en Moscú. Cali: Universidad del Valle, 2008.
- Uribe M.T. Los años escondidos. Sueños y rebeldías en la década del veinte. Bogotá: CESTRA, 1994.
- Valadés J.C. Memorias de un joven rebelde. 2a. parte. México: Universidad Autónoma de Sinaloa, 1986.

- Vidali V. Così ricordo Sandino eroe del Nicaragua // L'Unita (Roma), 19 di noviembr di 1978.
- [Vidali V.] Hernandez Pardo H. «La muerte trunco en Mella una figura de alcance imprevisible para el movimiento revolucionario». Entrevista con Vittorio Vidali, veterano combatiente internacionalista italiano, quien fuera amigo de Julio Antonio Mella // Granma, 3 de mayo de 1976.
- Vidali V. Dal Messico a Murmansk. Milano: Vangelista, 1975.
- Vidali V. Comandante Carlos. México: Ediciones de Cultura Popular, 1986.
- Vidali V. Missione a Berlino. Milano: Vangelista, 1978.
- Wolfe B.D. Breaking with communism. The Intellectual Odyssey of Bertram D. Wolfe. Edited and with an introduction by Robert Hessen. Stanford: Hoover Institution Press, 1990.
- Wolfe B.D. A Life in Two Centuries. N.-Y.: Stein and Day, 1981.
- [Woog E.] «Me cautivó la personalidad de Julio Antonio Mella», nos dice Edgar Woog // Revolucion (La Habana). 29 de julio de 1963.
- [Woog E.] Miguel A. Alfredo Stirner y PCM // Oposición (México). 15–31 de agosto de 1973.

2. Книги и брошюры

- Аветисян Г.А. Под знаменем пролетарского интернационализма. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1982.
- Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997.
- Альварадо У. Раздумья: Избранные статьи и материалы. М.: Прогресс, 1979.
- Альнерович М.С. Советская исторнография стран Латинской Америки. М.: Наука, 1968.
- Армия Коммунистического Интернационала. Пг.: Коминтерн, 1921.
- Бауман Г.С. Ленин и нидерландские трибунисты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1990.
- Бауман Г.С. Трибунисты – революционные марксисты Нидерландов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1981.
- Брунини Х. [Волков А.] Уругвай и Парагвай. М.: Изд-во ЦК МОПР, 1930.
- Ваксберг А. Валькирия революции. М.: Олимп-Русич, 1997.
- Василевич И.В., Спигнев А.А. Возвращение нежелательно. М.: Политиздат, 1991.
- Великий Октябрь и современный мир. Международная практическая конференция, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Прага: Мир и социализм, 1977.
- Вольский А. [Пестковский С.] История мексиканских революций. М.: Л.: Государственное изд-во, 1928.

- Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий. М.: Изд-во политической литературы, 1972.
- Гюльди Р. Избранные статьи и речи. М.: Изд-во политической литературы, 1979.
- Гюльди Р. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1974.
- Гюльди Р. Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Аргентине. М.: Госполитиздат, 1957.
- Гонимонский С.А. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1973.
- Григулевич И.Р. Сикейрос. М., 1980.
- Данилевич М.В. Положение и борьба рабочего класса стран Латинской Америки. М.: АН СССР, 1953.
- Данилевич М.В. Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки. М.: Госполитиздат, 1962.
- Донский Г. [Дашевский]. Борьба за Латинскую Америку. М.; Л.: Московский рабочий, 1928.
- Донский Г. [Дашевский]. Мексика, Куба, Аргентина. М.: Московский рабочий, 1929.
- Думньерре Э., Перес Крус Ф. Умираю за революцию. М.: Политиздат, 1986.
- Ежегодник Коминтерна. Справочная книга по истории международного рабочего, политического и профессионального движения, статистике и экономике всех стран мира на 1923 год. Пг.; М.: Коммунистический Интернационал, 1923.
- Ермолаев В.И. Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М.: Мысль, 1982.
- Ермолаев В.И., Королёв Ю.Н. Рекабаррен – великий гражданин Чили. М.: Мысль, 1970.
- Ермолаев В.И., Шульговский А.Ф. Рабочее и коммунистическое движение в Латинской Америке. М.: Наука, 1970.
- Зорина А.М. Рабочее движение на Кубе от первых выступлений пролетариата до образования коммунистической партии. М.: Наука, 1975.
- Зорина А.М. Революционное движение на Кубе. 1917–1925. М.: Наука, 1971.
- Из истории Коминтерна / под ред. Б.М. Лейбзона, К.К. Ширини. М.: Мысль, 1970.
- Из первых рук. Коммунисты и революционные демократы мира рассказывают о своих партиях / под общ. ред. А.М. Субботина. Прага: Мир и социализм, 1988.
- Иоффе Н. Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. М.: Историческо-литературное общество «Возвращение», 1977.
- Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции: Материалы международной теоретической конференции, ор-

- ганизованной редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге 22–24 июня 1967 г. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
- История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. М.: Наука, 2002.
- История Латинской Америки. 1918–1945 / отв. ред. Н.П. Калмыков. М.: Наука, 1999.
- История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000.
- Кен О.Н., Рунасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. 1: 1928–1934. СПб.: Евронейский дом, 2000.
- Коваль Б.И. Рабочее движение в Латинской Америке (1917–1959). М.: Наука, 1979.
- Коваль Б.И. Революционный опыт XX века. М.: Мысль, 1987.
- Коваль Б.И. Свет Октября над Латинской Америкой. М.: Наука, 1977.
- Коваль Б.И. Трагическая геронка XX века. Судьба Лунса Карлоса Престеса. М., 2005.
- Кодовилья В. Избранные статьи и речи. М.: Изд-во политической литературы, 1970.
- Коминтерн и его революционные традиции: Материалы научной сессии, посвященной 50-летию образования Коммунистического Интернационала. Москва, 25–26 марта 1969 г. М.: Изд-во политической литературы, 1969.
- Коммунистическая партия Чили в борьбе за революцию. (К 50-летию Коммунистической партии Чили): Сб. М.: Изд-во политической литературы, 1973.
- Коммунистические партии Латинской Америки / отв. ред. М.Ф. Горнов. М.: Наука, 1982.
- Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. (Материалы). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
- Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк / под рук. А.И. Соболева. М.: Изд-во политической литературы, 1969.
- Коммунисты в борьбе за демократическое единство. Прага: Мир и социализм, 1975.
- Коммунисты мира — о своих партиях. Прага: Мир и социализм, 1976.
- Комолова Н.П., Филатов Г.С. Пальмиро Тольятти. Очерк жизни и деятельности. М.: Изд-во политической литературы, 1983.
- Комор И. Десять лет Коминтерна. М.; Л.: Государственное изд-во, 1929.
- Компартии всего мира. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927.
- Корионов В.Г. Устремленные в будущее. Коммунисты в современном мире. М.: Изд-во политической литературы, 1976.
- Коробицын А. Гватемала. М.: Изд-во ЦК МОПР, 1930.
- Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Кутейщикова В.Н. Москва — Мехико — Москва. Дорога длиной в жизнь. М.: Академический проект, 2000.

- Латинская Америка в международных отношениях. Т. 1. М.: Наука, 1988.
- Латинская Америка. Биографический справочник. Общественно-политические деятели, ученые, деятели культуры. Ч. 1: А–Л. М.: Институт Латинской Америки, 1979.
- Латинская Америка. Биографический справочник. Общественно-политические деятели, ученые, деятели культуры. Ч. 2: М–Я. М.: Институт Латинской Америки, 1979.
- Ледо А. [Перейра А.] Аргентина. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1929.
- Ледо А. [Перейра А.] Бразилия. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1929.
- Лейбзон Б.М., Ширня К.К. Поворот в политике Коминтерна. Историческое значение VII конгресса Коминтерна. 2-е изд. М., 1975.
- Леклезно Ж.-М. Диего и Фрида. М., 2003.
- Леонов Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М.: Мысль, 1975.
- Листов В. Рабочее сердце Гаваны. Очерки истории рабочего и профсоюзного движения на Кубе (1917–1985 гг.). М.: Профиздат, 1987.
- Лурье А. Герой бразильского народа (Луис Карлос Престес). М., 1939.
- Марпатеги Х.К. Семь очерков истолкования неруанской действительности. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.
- Матюнин Э.Н. Переболевшие «левизной». В.И. Ленин и англо-американские «левые» на II конгрессе Коминтерна. Л.: Лениздат, 1990.
- Международная организация коммунистов: Материалы пленарного заседания секции «Коминтерн – международная организация коммунистов» научной конференции ИМЛ при ЦК КПСС, АОН при ЦК КПСС, Института международного рабочего движения АН СССР. Москва, 27–28 декабря 1989 г. М.: ИМЛ при ЦК КПСС, 1990.
- Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. статей / отв. ред. И.И. Мниц. М.: Соцэкгиз, 1958.
- Менжинский Е. Мексика. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937.
- Микоян С.А. СССР – Мексика: 60 лет сотрудничества. М.: Международные отношения, 1984.
- Михайлидис Н.А. Идеология и политика антикоммунизма в Латинской Америке. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1975.
- Нитобург Э.Л. Политика американского империализма на Кубе. 1918–1939. М.: Наука, 1965.
- Нитобург Э.Л. Похищение жемчужины. Полтора века экспансионистской политики США на Кубе. М.: Наука, 1968.
- Окунева М.А. Рабочий класс в кубинской революции. М.: Наука, 1985.
- Очерки истории Кубы / отв. ред. Н.М. Лавров. М.: Наука, 1978.
- Пантелеев М. Агенты Коминтерна. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
- Партии Коммунистического Интернационала. Справочник пропагандиста: Сб. статей о важнейших секциях Коминтерна / под ред. Д. Петровского. М.: Л.: Государственное изд-во, 1928.

- Первый конгресс Коминтерна. Великий Октябрь и рождение международного коммунистического движения. М.: Изд-во политической литературы, 1986.
- Петрухин А.А., Чурилов Е.М. Кебрачо – значит стойкий. М.: Изд-во политической литературы, 1981.
- Пинтос Ф.Р. Народ делает историю // Иностранная литература. 1959. № 3. С. 219–224.
- Пинтос Ф.Р. Профсоюзное движение в Уругвае. М.: Профиздат, 1964. 211 с.
- Погосов Ю.В. Мелья. М.: Молодая гвардия, 1968.
- Политические партии стран Латинской Америки / рук. авт. колл. Г.Н. Коломнец. М.: Наука, 1965.
- Политические партии. Справочник / под общ. ред. В.В. Загладина, Г.А. Киселева. М.: Изд-во политической литературы, 1986.
- Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании: Сб. статей / отв. ред. И.М. Майский. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
- Проблемы Южной и Карибской Америки / под ред. Г. Синани. М., 1934.
- Пролетариат Латинской Америки / отв. ред. Б.И. Коваль. М.: Мысль, 1968.
- Пуэйя Ф. Единство и дискуссия в международном коммунистическом движении. М.: Международные отношения, 1970.
- Рамирес Некоча Э. История рабочего движения в Чили. Первые шаги. XIX век. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
- Рамирец М. [Диас Рамирес М.]. Мексика. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1929.
- Ревзин Г. Аргентина. М., 1937.
- Рекабаррен Л.Э. Избранные статьи и речи. М.: Изд-во политической литературы, 1977.
- Риверенд Х. ле. Кубинская республика. Зависимость и революция. М.: Прогресс, 1970.
- Рока Б. Основы социализма на Кубе. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961.
- Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII–XX веков / отв. ред. А.Д. Бекаревич. М.: Наука, 1975.
- Севин С.И. Мексика. М., 1931.
- Севин С.И. Южная Америка. М., 1939.
- Сиволобов А.М. Великий Октябрь и Латинская Америка. М.: Знание, 1967.
- Сизоненко А.И. В стране ацтекского орла. Первые советские полпреды в Мексике. М.: Международные отношения, 1969.
- Сизоненко А.И. Неизреченными тронами: первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М.: Наука, 1988.
- Сизоненко А.И. Очерки истории советско-латиноамериканских отношений. М.: Наука, 1971.

- Сизоненко А.И. Советский Союз и Мексика – 50 лет. М.: Международные отношения, 1974.
- Сизоненко А.И. Становление отношений СССР со странами Латинской Америки. М.: Наука, 1981.
- Сильнее смерти. М.: Наука, 1968.
- Слезкин Л.Ю. История Кубинской Республики. М.: Наука, 1966.
- Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917–1970-е годы. Л.: Наука, 1979.
- Советская Россия и капиталистический мир в 1917–1923 гг. / И.И. Минц (отв. ред.). М.: Госнолитиздат, 1957.
- Советский Союз – Латинская Америка. 30 лет победы: Сб. статей и воспоминаний. М.: Институт Латинской Америки, 1975.
- Советско-кубинские отношения. 1917–1977. М.: Наука, 1980.
- Соколов А.А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М.: Изд-во МГУ, 1978.
- Соколов В.В. На боевых нотах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М.: Политиздат, 1983.
- Соркин Г.З. Антиимпериалистическая лига (1927–1935). Исторический очерк. М.: Наука, 1965.
- СССР и Латинская Америка. 1917–1967. М.: Международные отношения, 1967.
- Табарес Х.А. Кубинская революция 30-х годов, ее последние два года. М.: Прогресс, 1974.
- Тёмкин Я.Г. Ленин и международная социал-демократия. 1914–1917. М.: Наука, 1968.
- Тринчер Г., Тринчер К. Рутгерс. М.: Молодая гвардия, 1967.
- Фалино Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т. 1. М.: Терра, 1997.
- Фостер У.З. История трех Интернационалов. Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 г. до настоящего времени. М.: Госнолитиздат, 1959.
- Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Харитонов В.А. Парагвай: военно-полицейская диктатура и политическая борьба. М.: Наука, 1970.
- Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб.: Наука, 2006.
- Хейфец В.Л. Коммунистический Интернационал и Латинская Америка. 1919–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПбГУ, 1998.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Станислав Пестковский. Товарищ Андрей. Двойной портрет в мексиканском интерьере. СПб.: Нестор, 2002.
- Хейфец Л.С. Коминтерн в Латинской Америке: формирование и эволюция организационных связей III Интернационала и его националь-

- ных секций (от зарождения коммунистического движения до создания южноамериканского секретариата ИККИ). СПб.: Наука, 2004.
- Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (Опыт биографического словаря). М.: Институт Латинской Америки РАН – Институт всеобщей истории РАН, 2000.
- Хейфец Л.С. Миссия Вильямса и рождение «ненелонизма». СПб.: Наука, 2005.
- Хосе Карлос Мариатеги – пламенный борец за торжество идей марксизма-ленинизма в Латинской Америке. М.: Наука, 1966.
- Четвертый конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта / отв. ред. К.К. Шприня, Ф.И. Фирсов. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
- Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соцэкгиз, 1961.
- Ширяев Б.А. Октябрьская революция и страны Латинской Америки. Л.: Знание, 1968.
- Штейнберг В. Чарлз Скотт из Латвии. Рига: Зинатне, 1981.
- Штейнберг В. Чарлз Скотт, его друзья и враги. О Карле Янсоне. 2-е изд., доп. М.: Изд-во политической литературы, 1983.
- Щелчков А.А. Неоцененная верность. Хосе Антонио Арсе и Коминтерн // Латиноамериканский исторический альманах. 2016. Т. 16. Спец. вып. С. 310–331.
- Щелчков А.А. Режим «государственного социализма» в Боливии. 1936–1939 гг. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001.
- Энсона Д. Влияние Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Мексике. М.: Госполитиздат, 1957.
- Эррера Х. Фрида Кало. ¡Viva la vida! М., 2004.
- Acedo de Sucre M. de L., Nones M.C.M. La Generacion venezolana de 1928 (Estudio de una Elite Politica). Segunda edicion. Caracas: Fundacion Carlos Eduardo Frias, 1994.
- Aguilar L.E. Cuba 1933, prologue to Revolution. Ithaca, London: Cornell University Press, 1972.
- Aguirre, C. Marxismo e Izquierda en la historia de América Latina // Contra Corriente. Vol. 5. No. 2. Winter 2008, i-ix.
- Aguirre, Carlos, ed.: Militantes, intelectuales y revolucionarios. Ensayos sobre marxismo e izquierda en América Latina. Raleigh: Editorial A Contracorriente, 2013.
- Alba V. Le mouvement ouvrier en Amerique Latine. Paris: Editions Ouvrières, 1953.
- Alba V. Historia del movimiento obrero en América Latina, México: Editorial Limusa Wiley, S.A., 1964.
- Alba V. Politics and the Labor Movement in Latin America. Stanford, California: Stanford University Press, 1968.

- Alexander R.J. *Communism in Latin America*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1957.
- Alexander R.J. *The Communist Party of Venezuela*. Stanford: Hoover Institution Press, 1969.
- Alexander R. *The history of Organized labor in Uruguay and Paraguay*. Greenwood Publishing Group, 2005.
- Alexander R.J. *Trotskyism in Latin America*. Stanford: Hoover Institution Press, 1973.
- Álvarez, Rolando Loyola, Manuel (eds.), *Un trébol de cuatro hojas. Las Juventudes Comunistas de Chile en el siglo XX*. Santiago, Chile, Ariadna editores, 2014.
- Amaral, Aracy. Mario Pedrosa: um homem sem preço. En: Marques Neto, José Castilho (org). *Mario Pedrosa e o Brasil*. São Paulo: Editora Fundação Perseu Abramo, 2001.
- Amaya Amador R. *Decimo aniversario del Partido Comunista de Honduras*. Praga: Paz y Socialismo, 1964.
- Angell A. *La izquierda en América Latina desde c. 1920* // Bethell L. (comp.). *Historia de América Latina*. Tomo 12. Política y Sociedad desde 1930. Barcelona: Ed. Critica, 1997.
- Aportes a la historia del P.C.V. (Biblioteca de Documentos Politicos). Maracaibo: Comité Local del PCV de Maracaibo, 1971.
- Anderle A. *Los movimientos políticos en el Perú entre las dos guerras mundiales*. La Habana: Ediciones Casa de las Américas, 1985.
- Anderle A. *Comunistas y apristas en los años treinta en el Perú (1930–1935)*. Separatum. Acta Universitaris Szegedensis de Attila Jozsef nominatae. Acta Historica. Tomus LXIII. Szeged, 1978.
- Araiza L. *Historia del movimiento obrero en México*. Vol. IV. México, 1965.
- Achila Neira, M.: *Cultura e identidad obrera: Colombia 1910–1945*. Bogotá: CINEP, 1991.
- Archila Neira, Mauricio y Torres cendales, Leidy Jazmi (eds). *Bananeras. Huelga y Masacre. 80 años*. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009.
- Arango Zuluaga C.: *Sobrevivientes de las bananeras*. Actualizando con la biografía de Raul Eduardo Mahecha uno de los principales dirigentes de la huelga de las bananeras, fundador del Partido Socialista Revolucionario y de la Union Sindical Obrera de Barrancabermeja. Segunda edición. Bogotá: ECOE Ediciones, 1985.
- Avila, Antonio; García Montes, Jorge: *Historia del Partido Comunista de Cuba*. Miami, Ed. Universal, 1970.
- Avitia Hernández, A. *Los alacranes comunistas. La Revolución Soviética duranguense de José Guadalupe Rodríguez Favela*. Durango: s. e., 2008.
- Baeza Flores A. *Haya de la Torre y la revolución constructiva de las Americas*. Buenos Aires: Editora Claridad, 1962.
- Baines, J.M.: *Revolution in Perú: Mariátegui and the Myth*. Alabama, 1972.

- Balbi C.R. El partido comunista y el APRA en la crisis revolucionaria de los años treinta. S. l.: G. Herrera Editores, 1980.
- Barckhausen-Canale Ch. Tina Modotti. Tafalla: Editorial Txalaparta, 1998.
- Basbaum, Leoncio: Historia sincera da República. De 1930 a 1960. Vol. 3. São Paulo, Ed. Alfa-Omega, 1962.
- Bazan A. Mariategui y su tiempo. Lima: Editora Amauta, 1969.
- Bayer O. Los anarquistas expropiadores, Simón Radowitzky y otros ensayos. Buenos Aires: Editorial Galerna, 1975.
- Beals C. Glass Houses. Ten Years of Free Lancing. Philadelphia – New York – Toronto: J.B. Lippincott, 1938.
- Bonzi, Antonio: Proceso histórico del Partido Comunista Paraguay (Un itinerario de luces y sombras). Asunción : Arandura Editorial, 2001.
- Britton J.A. Carleton Beals: a Radical Journalist in Latin America. New Mexico: The University of New Mexico Press, 1987.
- Broûe P. Histoire l'International Communiste. Paris: 1997.
- Buckmiller K. und Meschkat K. Biographisches Handbuch zur Geschichte der Kommunistischen Internationale. Berlin: Akademie Verlag, 2007.
- Buhle P.M. A Dreamers's Paradise Lost. Louis C. Fraina/Lewis Corey (1892–1953) and the decline of radicalism in the United States. New Jersey: Humanities Press, 1995.
- Caballero M. La Internacional Comunista y la revolución latinoamericana. 1919–1943. Caracas: Editorial Nueva Sociedad, 1987.
- Caballero M. La Internacional comunista y América Latina (la sección venezolana). Caracás: Cuadernos de pasado y presente. 1989. Nº 80.
- Cabrera O. El movimiento obrero de Cuba en 1920. La Habana: Instituto del Libro, 1969.
- Caicedo E. Historia de las luchas sindicales en Colombia. 3 Edición. Bogota: Fondo Editorial Suramerica, 1977.
- Cairo Ballester A. El movimiento de veteranos y patriotas (apuntes para el estudio ideológico del año 1923). La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1976.
- Camarero H. A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920–1935. Siglo XXI. Buenos Aires, 2007.
- Campos H. Panorama del Paraguay. S. l.: Editorial Alas, 1970.
- Canellas A.B. Relatório da Delegacia à Rússia. Rio de Janeiro: 1923.
- Cárdenas H. Las relaciones mexicano-soviéticas. México: Secretaria de relaciones exteriores, 1974.
- Cárdenas H. (en colaboración con E. Dik). Historia de las relaciones entre México y Rusia. México: Fondo de Cultura Económica, 1993.
- Carr B. El movimiento obrero y la política en México. 1910–1929. México: Ediciones Era, 1987.
- Carr B. La izquierda mexicana a través del siglo XX. México: Ediciones Era, 1996.

- Carrillo Padilla, José Domingo, ed. *Izquierdas y sociedad. Hacia una historia social en América Latina*. Aguascalientes, Universidad Autónoma de Aguascalientes, 2011.
- Castro Vaca, Zwuany. *Diligencia socialista en Bolivia (1920–1926)* // Pacarina del Sur [En línea], año 3, núm. 11, abril–junio, 2012 // www.pacarinafelsur.com/home/oleajes/443-diligencia-socialista-en-bolivia-1920–1926
- Ceballos Garibay, Héctor, Francisco J. Múgica. *Crónica política de un rebelde*, México: Ediciones Coyoacán, 2002.
- Cerdas Cruz R. *La Hoz y el Machete: La Internacional Comunista y la Revolución en Centroamérica*. San José, Costa Rica: Universidad Estatal a Distancia, 1986.
- Chatzky Ch., Jeifets L., Jeifets V., Ortiz R. Julio Antonio Mella: su huelga de hambre y la expulsión del Partido Comunista de Cuba. Una laguna en su biografía // *Historias* (México, D.F.). 2001 (Mayo-agosto). N.º 49.
- Chilcote R. *The Brazilian Communist Party*. New York, 1974.
- 50 años. Revolución socialista de Octubre. 1917 – 7 de noviembre 1967. Fundación del P. Comunista de la Argentina. 1918 – 6 de enero 1968. Buenos Aires: Editorial Anteo, 1968.
- Clissold S. (ed.). *Soviet Relations with Latin America. 1918–1968. A Documentary Survey*. N.Y.; L.; Toronto: Oxford University Press, 1970.
- Concheiro E., Modonessi N., Crespo H. (eds.) *El Comunismo: Otras miradas desde América Latina*. México: UNAM, 2007.
- Corbière E.J. *Orígenes del comunismo argentino: (El Partido Socialista Internacional)*. Buenos Aires: CEAL, 1984.
- Correa J. *40 años de luchas por el comunismo en Venezuela*. S. L., 1971.
- Crespo Toral J. *El Comunismo en el Ecuador*. Quito, 1958.
- Cupull Reyes A. *Julio Antonio Mella en los mexicanos*. México: Ediciones El Caballito, S.A., 1983.
- Cupull, A. y González, F. *Centroamérica en Julio Antonio Mella*. La Habana, Casa Editora Abril, 2007.
- D'Alesandro López, F. *Historia de la izquierda uruguaya: La fundación del Partido Comunista y la división del anarquismo (1919–1923)*. Montevideo: Vintén Editor, 1992
- Demasi C. *Lucha por el pasado* Montevideo: Trilce, 2004.
- Dillon D. *International communism and America. Perspectives and Prospects*. Gainesville: University of Florida Press, 1962.
- Donovan J. *The Red Machete. Communist infiltration in the Americas*. New York: The Bobbs-Merrill Co., 1962.
- Draper Th. *The American Communism and Soviet Russia*. New York: Viking Press, 1960.
- Draper Th. *The Roots of American Communism*. New York: Viking Press, 1957.
- Dujovne Ortiz, A. *Camarade Carlos. Un agent du Komintern en Amerique latine*. Paris, 2007.

- Dujovne Ortiz A. Las perlas rojas. Buenos Aires: Alfaguara, 2005.
- Dulles J.W.F. Brazilian Communism 1935–1945. Repression During World Upheaval. Austin: University of Texas Press, 1983.
- Dulles J.W.F. The Anarchists and Communists in Brazil. 1900–1935. Austin: University of Texas Press, 1973.
- Dumpierre E. La Revolución de Octubre y su repercusión en Cuba. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1977.
- El comunismo en América Latina. Experiencias militantes, intelectuales y transnacionales (1917–1955) / Patricio Herrera Gonzalez (coord.). Chile, Universidad de Valparaíso, 2017.
- El Machete ilegal. 1929–1934. Edición Facsimilar. Puebla (México), Instituto de Ciencias Universidad Autónoma de Puebla, 1975.
- Enciclopedia biográfica e histórica del Perú. Siglos IX–XX. Dirección, coordinación, revisión, ilustración, epígrafes, diagramación y edición: Carlos Milla Batres. Tomo VIII. P–R. Lima: Editorial Milla Batres, 1994.
- Esbozo de historia del Partido Comunista de la Argentina. Origen y desarrollo del Partido Comunista y del movimiento obrero y popular argentino. Redactado por la Comisión del Comité Central del Partido Comunista. Buenos Aires: Editorial Anteo, 1947.
- Feijo M.C. Formação Política de Astorjildo Pereira (1890–1920). São Paulo: Editora Novos Rumos, 1985.
- Fernández G., Vidal D. Orígenes del movimiento obrero y la 1ª huelga general en Uruguay. Montevideo: Edición Aportes, 2012.
- Foster W.Z. History of the Communist Party of United States. New York: International publishers, 1952.
- Gaona F. Introducción a la historia gremial y social del Paraguay. Tomo I. Asunción-Buenos Aires: Editorial «Arandu», 1967.
- Gaona F. Introducción a la historia gremial y social del Paraguay. Tomo II. Asunción: Editora Litocolor, 1987.
- García A. y Mironchuk P. Esbozo histórico de las relaciones entre Cuba – Rusia y Cuba – URSS. La Habana: Instituto de Ciencias Sociales, 1976.
- García A. y Mironchuk P. La Revolución de Octubre y su influencia en Cuba. La Habana: Academia de Ciencias de Cuba, 1977.
- García A. y Mironchuk P. Raíces de las relaciones cubano-soviéticas. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1988.
- García Montes J., Alonso Avila A. Historia del Partido Comunista de Cuba. Miami: Ediciones Universal, 1970.
- García Treviño R. La ingerencia rusa en México (y Sudamérica). Pruebas y testimonios. Documentos fehacientes de gen. Lázaro Cárdenas, Diego Rivera, Vicente Lombardo Toledano y o. México: Editorial America, 1959.
- Gilbert I. El oro de Moscú. La historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas. Buenos Aires: Planeta, 1994.
- Gilbert I. La FEDE. Alistándose para la revolución. La Federación Juvenil Comunista, 1921–2005. B. Aires: SUDamericana, 2009.

- Gill M. México y la revolución de Octubre. México: Ediciones de Cultura Popular, 1975.
- Gladys M. 90 aniversario del Partido Comunista de Chile. Comisión Nacional de Educación, Partido Comunista de Chile, 2002.
- Goldenberg B. Kommunismus in Lateinamerika. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: Verlag W. Kohlhammer GmbH, 1971.
- Gorkin J. Cómo asesinó Stalin a Trotski. Barcelona: Plaza&Janes, 1961.
- Grobart F. Preguntas y respuestas sobre los años 30. Fabio Grobart en la Escuela de historia // Humanidades. Serie 1. Ciencias Sociales. N.º 4 (Julio de 1974). Centro de información científica y técnica. Universidad de La Habana. 30 p.
- Grobart F. Trabajos escogidos. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1985.
- Grobart F. Un forjador eternamente joven. La Habana: Editorial Gente Nueva, 1985.
- Gustavo Machado. De oligarca a comunista. 1914/1974. Caracas: Ediciones Centauro, 1975.
- Haithcox J.P. Communism and Nationalism in India: M.N.Roy a Comintern policy, 1920–1939 Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1971.
- Hatzky Ch. Julio Antonio Mella (1903–1929). Eine Biografie. Forum Ibero-Americanum. Acta Coloniensia. Band 2. Frankfurt am Main: Vervuert Verlag, 2004.
- Herman D. The Comintern in Mexico. Washington, D.C.: Public Affairs Press, 1974.
- Historia del Partido Comunista del Uruguay (Hasta el año 1951). Publicada por Eugenio Gómez. Montevideo: Editorial Elite, 1961.
- Holubnychy L. Michael Borodin and the Chinese Revolution, 1923–1925. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
- Innaiah, Narisetti, Evelyn Trent alias Shanti Devi, Hyderabad, Booklinks Corporation, 1995.
- Jacobs D.N. Borodin. Stalin's Man in China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.
- Jeifets L., Jeifets V., Huber P. La Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Ginebra: Instituto de Latinoamérica de la Academia de las Ciencias (Moscú), Institut pour l'histoire du communisme (Ginebra). 2004.
- Jeifets L., Jeifets V. La Internacional Comunista en América Latina. 1919–1943. Diccionario biográfico. Santiago de Chile: Ariadna, 2015.
- Jobet J.C., Barria J., Vitale L. Obras selectas de Luis Emilio Recabarren. Santiago de Chile: 1971.
- Kapsoli W. Mariátegui y los congresos obreros. Lima: Empresa Editora Amauta, 1980.
- Katz F. La guerra secreta en México. Vol. 2. México: 1982.
- Kersfeld, Daniel. Contra el Imperio. Historia de la Liga Antiimperialista de las Américas. México: Siglo Veintiuno, 2012.

- Kerssfield, Daniel: *Rusos y rojos. Judíos comunistas en los tiempos de la Comintern*, Buenos Aires: Capital Intelectual, 2012.
- Key Sanchez F. *Primera célula comunista en Venezuela, marzo 5 1931* (edición preliminar). Caracas, 1971.
- Key Sanchez F. *Fundación del Partido Comunista de Venezuela. 2a Edición Ampliada*. Caracas, 1982.
- Klehr H., Haynes J.E., Anderson K.M. *The Soviet world of American Communism*. New Haven, London: Yale University Press, 1998.
- Komintern: *L'histoire et les hommes. Dictionnaire biographique de l'International communiste en France, en Belgique, au Luxembourg, en Suisse et à Moscou (1919–1943)*. Sous la direction de José Gotovitch, Mikhaïl Narinski, Michel Dreyfus, Claude Pennetier, Brigitte Studer, Henri Wehenkel, Serge Wolikow. Paris, 2001.
- Las luchas estudiantiles universitarias. 1923–1934*. Compilación de Olga Cabrera y Carmen Almodóbar. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1975.
- Lazitch B., Drachkovitch M. *Biographical Dictionary of the Comintern*. Stanford: Hoover Institution Press, 1973.
- Lazitch B., Drachkovitch M. *Lenin and the Comintern. Vol. I*. Stanford: Hoover Institution Press, 1972.
- Leibner, Gerardo. *Camaradas y compañeros. Una historia política y social de los comunistas del Uruguay*. Montevideo: Trilce, 2011.
- Lopez d'Alesandro, Fernando. *Historia de la izquierda uruguaya. Vol. 3. La fundación del Partido Comunista y la división del anarquismo (1919–1923)*. Montevideo: Vintén Editor, 1992.
- Loupan V., Lorrain P. *L'argent de Moscou*. Paris: Plon, 1994.
- Lenin y Mariátegui. Lima: Editora Amauta, 1970.
- Lora G. *Historia del movimiento obrero boliviano. 1923–1933. II parte. La Paz-Cochabamba*, 1970.
- Los comunistas en la historia nacional*. Guayaquil: Instituto de Investigaciones y Estudios Socioeconómicos del Ecuador, 1987.
- Luna Vegas R. *Contribución a la Verdadera Historia del APRA 1923–1928*. Lima: Editorial Horizonte, 1990.
- Manzanilla A. *El comunismo en México y el archivo de Carrillo Puerto*. México, 1955.
- Mariátegui J.C. *Correspondencia. (1915–1930)*. Introducción, compilación y notas de Antonio Melis. Tomo II. Primera edición. Lima: Empresa Editora Amauta SA, 1984.
- Márquez Fuentes M., Rodríguez Araujo O. *El Partido Comunista Mexicano (en el período de la Internacional Comunista. 1919–1943)*. México: Editora El Caballito, 1973.
- Martínez Villena R. *Poesía y prosa. Tomos I–II*. La Habana: Editorial Letras Cubanas, 1978.
- Martínez Verdugo A. *Historia del comunismo en México*. México: Grijalbo, 1985.

- Matute A. La carrera del caudillo. Historia de la Revolución mexicana 1917–1924. México: Colegio de México, 1988.
- Medina M. Historia del Partido Comunista de Colombia. Tomo I. Bogotá: Editorial Colombia Nueva, 1980.
- Medina M. La protesta urbana en Colombia en el siglo veinte. Bogotá: Ediciones Aurora, 1984.
- Melgar Bao, Ricardo, Haya de la Torre y Julio Antonio Mella en México. El exilio y sus querellas, 1928. Buenos Aires: Ediciones del Centro Cultural de la Cooperación Floreal Gorini, 2013.
- Melgar Bao R. El movimiento obrero latinoamericano. Madrid: Alianza Editorial, S.A., 1988.
- Mena Brito B. Bolchevismo y democracia en México. Pugna entre dos partidos políticos en Yucatan, durante la revolucion constitucionalista. 2da ed. México: Mena, 1933.
- Meschkat K. Marxismus in Kolumbien. Zur verhaltung von revolutionstheorie und sozialer bewegung. Hannover: Sozialwissenschaftliches seminar Universität Hannover, 1980.
- Mochkovsky, G. Tio Boris. Un héroe olvidado de la Guerra Civil Española. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 2006.
- Moretić Y. José Carlos Mariátegui. Su vida e ideario. Su concepción del realismo. Santiago de Chile: Ediciones de la Universidad Técnica del Estado, 1970.
- Nadra F. La religión de los ateos. Reflexiones sobre el estalinismo en el Partido Comunista Argentino. Buenos Aires: Puntosur, 1989.
- Naft S. Fascism and Communism in South America. New York, 1937.
- Neymet M. de. Cronología del Partido Comunista Mexicano. Primera parte, 1919–1939. México: Ediciones de Cultura Popular, 1981.
- Núñez Machín A. Rubén Martínez Villena. La Habana: UNEAC, 1971.
- North R.C., Eudin X.M. N. Roy's Mission to China. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1963.
- Oriolo J. Antiesbozo de la historia del Partido Comunista (1918–1928). Parte I–II. Biblioteca política argentina. № 476–477. Buenos Aires: Centro Editor de América Latina, 1994.
- Oswald G.J. and Strover A.J. The Soviet Union and Latin America. N.Y.: Washington: Praeger Publishers, 1970.
- Padrón P.L. Julio Antonio Mella y el movimiento obrero. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1980.
- Partido Vanguardia Popular. Breve esbozo de su historia. 2a edición. San Jose: Revolucion, 1971.
- Paso L. Historia del origen de los partidos políticos de la Argentina (1910–1918). Buenos Aires: Ediciones Centro de Estudios, 1972.
- Peláez G. Partido Comunista Mexicano. 60 años de historia. Tomo I (Cronología 1919–1968). México: Universidad Autónoma de Sinaloa, 1980.

- Pérez Cruz F. Mella y la Revolución de Octubre. La Habana: Editorial Gente Nueva, 1980.
- Pericás, L.B. Caio Prado Júnior. Uma Biografia Política. São Paulo: FAPESP, 2016.
- Pintos F.R. Battle y el proceso histórico del Uruguay. Montevideo: Garcia, 1935.
- Pintos F.R. Historia del Uruguay (1851–1938). Montevideo: Ed. Pueblos Unidos, 1946.
- Poblete Troncoso M. El movimiento obrero latinoamericano. México: Universidad Obrera de México, 1976.
- Poppino R. International communism in Latin America. A History of the movement. 1917–1963. New York: The Free Press, 1964.
- Poniatowska E. Tinísima. México: Ediciones Era, 1998.
- Prado J. del. En los años cumbres de Mariátegui. Lima: Ediciones Unidad S.A., 1983.
- Puiggrós R. Historia crítica de los partidos políticos argentinos. Buenos Aires: Editorial Argumentos, 1956.
- Ramos J.A. El Partido Comunista en la política Argentina. Su historia y su crítica. Buenos Aires: Ed. Coyoacán, 1962.
- Ramírez Necochea H. Origen y formación del Partido Comunista de Chile (Ensayo de Historia del Partido). Moscú: Progreso, 1984.
- Rapoport, Mario: Bolchevique de salón. Vide de Félix J. Weil, el fundador argentino de la Escuela de Frankfurt. Buenos Aires: Debate, 2014.
- Rapoport, Mario: Política y Diplomacia en la Argentina, las relaciones con EEUU y la URSS. Buenos Aires, 1987.
- Ravines E. América Latina. Un continente en erupción. Buenos Aires, 1956.
- Ribes Tovar F. A chronological history of Puerto Rico. New York: Plus Ultra Educational Publishers, Inc., 1973.
- Rojas Blaquier, Angelina. Primer Partido Comunista de Cuba. Tomos 1–2. 1925–1935. La Habana, 2007.
- Rubén Martínez Villena. La Habana: Instituto Cubano del Libro, 1972.
- Salazar R., Escobedo J.G. Las pugnas de la gleba (Los albores de1 movimiento obrero en México: Editorial del PRI, 1972.
- Sánchez L.A. Apuntes para una biografía del APRA.I. Los primeros pasos 1923–1931. Santiago de Chile: Mosca Azul Editores, 1978.
- Sánchez L.A. Haya de la Torre y el APRA. Crónica de un hombre y un partido. Santiago de Chile: Editora del Pacifico, 1955.
- Sánchez Sorondo M. Represión del comunismo. Informe y réplica: Senado de la Nación, ses. de nov. 24–26, dic. 3, 4, 10, 30 de 1936. Buenos Aires, 1937.
- Sánchez, Gonzalo: Los bolcheviques del Líbano (Tolima): crisis mundial, transición capitalista y rebelión rural en Colombia. Bogotá: ECOE, Ediciones Sandora, 1981.
- Santana, M.A. Homens partidos: Comunistas e sindicatos no Brasil. Rio de Janeiro: Universidade do Rio de Janeiro. 2001. Janeiro/Sao Paulo: Boitempo Editorial.

- Scott, Rosa and Gordon, Johnny: *A Spy's Life*. Pennsylvania State University Press., 2010.
- Sendic A. *Movimiento obrero y luchas populares en la historia uruguaya*. Montevideo: Liberación Nacional, 1985.
- Serviat P. 40 aniversario de la Fundación del Partido Comunista. La Habana: Editorial EIR, 1965.
- Schmitt K.M. *Communism in Mexico. A Study of political frustration*. Austin: University of Texas press, 1965.
- Schneider R.M. *Communism in Guatemala. 1944–1954*. New York: Frederick A. Praeger Publishers, 1958.
- Schultze M.S. *Aquellos comunistas*. Montevideo: Taurus, 2009.
- Silva L. *La herida roja de América*. Ciudad Trujillo, 1959.
- Silveyra C. *Comunismo en la Argentina*. Buenos Aires, 1936.
- Spenser D. *El triángulo imposible*. México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte. México: Miguel Angel Porrúa-CIESAS, 1998.
- Spenser D. *Encounter of the Mexican and Bolshevik Revolution in the U.S. Sphere of Interests 1919–1930*, Ph.D. Thesis, Chapel Hill, 1994.
- Spenser, Daniela. *Los primeros tropiezos de la Internacional Comunista en México*. México: CIESAS, Publicaciones de la Casa Chata, 2009.
- Spolansky J. *The Communist Trail in America*. N.Y.: Macmillan, 1951.
- Soto L. *La Revolución del 33*. Tomo 1. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1979.
- Taibo II P.I. *Bolshevikis. Historia narrativa de los orígenes del comunismo en México (1919–1925)*. México: Editorial Joaquín Mortiz, 1988.
- Taibo II P.I., Vizcaino R.A. *Memoria roja. Luchas sindicales de los años veinte*. México: Ediciones Leega/Jucar, 1984.
- Taracena Arriola, Arturo, y Lucas Monteflores, Omar: *Diccionario biográfico del movimiento obrero urbano de Guatemala. 1877–1944*. Guatemala: Editorial de Ciencias Sociales, 2014.
- Tarcus H. (director), *Diccionario Biográfico de la Izquierda Argentina. De los anarquistas a la “nueva izquierda” (1870–1976)*. B. Aires: Emecé, 2007.
- Tellería E. *Los congresos obreros en Cuba*. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1984.
- Tibol R. *Julio Antonio Mella en El Machete: antología parcial de un luchador y su momento histórico*. México: Fondo de Cultura Popular, 1968.
- Tina Modotti. México, 1942.
- Torres Giraldo I. *Los incomformes. Historia de la Rebeldía de las Masas en Colombia*. Parte 4. Bogotá: Editorial Margen Izquierdo, 1972.
- Treinta años de Lucha del Partido Comunista de Colombia. *Esbozo histórico elaborado por una comisión del Comité Central del Partido Comunista de Colombia*. Bogotá: Editora Paz y Socialismo, 1960.
- Treviño R. *El espionaje comunista y la evolución doctrinaria del movimiento obrero en México*. México, 1952.
- Troncoso Poblete M. *El movimiento obrero latinoamericano*. México, 1946.

- Ulianova Olga (ed.). Políticas, redes y militancias. Chile y América Latina en el siglo XX. Santiago: USACH–Ariadna, 2009.
- Ulianova, Olga; Manuel Loyola y Rolando Álvarez (eds.). 1912–2012: El siglo de los comunistas chilenos. Santiago: Ariadna, 2012.
- Un hombre llamado Rómulo Batancourt. Apreciaciones críticas sobre su vida y su obra. Caracas: Ediciones Centauro, 1975.
- Valadés J.C. Historia General de la Revolución Mexicana. Vol. 6. Intromisión extranjera. México: Editora Gemika, 1985.
- Valadés J.C. Memorias de un joven rebelde, 2a parte. México: Universidad Autónoma de Sinaloa, 1986.
- Waack W. Camaradas. Nos arquivos de Moscou. A história secreta da revolução brasileira de 1935. São Paulo: Companhia das Letras, 1993.
- Weil F. Die Arbeiterbewegung in Argentinien. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte. Leipzig: Verlag von C.L. Hirschfeld, 1923.
- Wiessing M.C. Die Holländische Schule des Marxismus. Die Tribunisten. Erinnerungen und Dokumente. Hamburg: VSA–Verlag, 1980.
- Wolfe B.D. La Fabulosa Vida de Diego Rivera. México: Editorial Diana, 1972.
- World communism a Handbook. 1918–1965. W. Sworakovsky (Ed.). Stanford: Hoover Institution Press, 1973.
- Zubillaga C. Las voces del Combate: un vocabulario de los orígenes del movimiento sindical uruguayo. Montevideo: Librería de la Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, 2000.
- Zubillaga C., Balbis J. Historia del movimiento sindical uruguayo. Tomo 1: cronología y fuentes (hasta 1905). Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 1985.

3. Статьи

- Айя де ла Торре В.Р. Из России // Латинская Америка. 1990. № 11. С. 82–93; № 12. С. 45–53.
- Айя де ла Торре. Коминтерн / вступ. ст. и подг. материалов И.И. Янчука // Латинская Америка. 1994. № 5. С. 80–88.
- Александров В.В. Традиции Коминтерна // Рабочий класс и современный мир. 1979. № 2.
- Александровский М.А. Впечатления о поездке в Советскую Россию. Машинописный текст перевода издания «Ла Интернациональ» в 1921 г. (Архив семьи М. Александровского).
- Андреев А.С. Коминтерн и основание коммунистической партии Уругвая // Латиноамериканский исторический альманах. 2016. Т. 16. № 1. С. 203–231.
- Андреев А.С. Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: борьба с диктатурой Г. Терры (1933–1938) // Латиноамериканский исторический альманах. 2017. Т. 18. № 18. С. 241–249.

- Андреев А.С. Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: проблемы формирования единого фронта (1922–1938) // Ключ. 2014. № 12(96). С. 24–29.
- Андреев А.С. Объединять или разделять? Коминтерн и компартия Уругвая в поисках профсоюзного центра // Латинская Америка. 2015. № 3. С. 88–95.
- Андреев А.С. Читая «Открытое письмо»: компартия Уругвая и Коминтерн в 1928–1931 гг. // Ключ. 2015. № 4(100). С. 44–49.
- Андреев А.С., Хейфец Л.С. Латинская Америка во внешней политике СССР в 1920–1930-е годы [по материалам протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)] // Новейшая история России. 2017. № 4(21). С. 56–68.
- Андреев А.С., Хейфец Л.С. А. Горелик: аргентинские штрихи к портрету русской революции // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36(2). С. 394–402.
- Баркер Т. Рабочее движение в Аргентине // Международное рабочее движение. 1921. № 3. С. 43–46.
- Баркер Т. Рабочее движение в Чили // Международное рабочее движение. 1921. № 3. С. 47–49.
- Брилев С.Б. Маленькая мировая война в Южной Америке // Международная жизнь. 2013. № 2. С. 155–185.
- Брилев С.Б. Огненная кругосветка // Международная жизнь. 2017. № 4. С. 113–140.
- Брилев С.Б. Страна-«заноза» // Международная жизнь. 2016. № 7. С. 145–184.
- Владимиров В.Х. Об историческом пути марксизма-ленинизма на Кубе // Новая и новейшая история. 1972. № 5. С. 29–42.
- Генрих Я.-н [Якобсон Г.]. Революционный подъем и рабочее движение в странах Латинской Америки в первые послевоенные годы // Историк-марксист. 1932. № 4–5(26–27). С. 293–328.
- Гончаров В. Родольфо Гюльди (Биографическая справка) // Гюльди Р. Избранные статьи и речи. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 764–771.
- Гробарт Ф. Славный юбилей кубинских коммунистов. К пятидесятой годовщине создания первой Коммунистической партии Кубы // Коммунист. 1975. № 11. С. 93–103.
- Дабагян Э.С. Литература по истории коммунистического и рабочего движения в странах Латинской Америки // Вопросы истории КПСС. 1962. № 1. С. 164–176.
- Давыдова М.С. К истории становления связей Коминтерна с Компартиями Латинской Америки // Международная организация коммунистов. М.: ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. С. 164–178.
- Дальтон Р. Влияние Октябрьской революции на развитие революционного процесса в Сальвадоре // Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. С. 495–502.

- Дерюгин С.В., Слинько А.А. «После моей смерти – победа!». Страницы жизни В.Р. Айя де ла Торре // Латинская Америка. 1990. № 10. С. 62–75.
- Ермолаев В.И. Великий Октябрь и революционный подъем в Латинской Америке // СССР и Латинская Америка. 1917–1967. М.: Международные отношения. 1967. С. 13–72.
- Ермолаев В.И. Возникновение новых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америки // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 81–97.
- Ермолаев В.И. Компартия Аргентины – первая секция III Интернационала в Латинской Америке // Новая и новейшая история. 1959. № 3. С. 49–65.
- Ермолаев В.И. Подъем борьбы рабочего класса в Аргентине (1918–1922) // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 67–88.
- Ермолаев В.И. Подъем революционного движения в Латинской Америке (1918–1923) // Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Соцгиз, 1959. С. 495–541.
- Жильберт И. Золото Москвы. Секретная история советской дипломатии, торговли и разведки в Аргентине (фрагменты) // Латинская Америка. 1995. № 4. С. 60–69.
- Зорина А.М. Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Латинской Америки // Вопросы истории. 1949. № 9. С. 83–93.
- Зорина А.М. Великий Октябрь и рабочее движение на Кубе // Вопросы истории. 1967. № 9. С. 79–92.
- Казаков В.П. Социалистическое движение в Аргентине (к. XIX – нач. XX в.) // Латиноамериканский исторический альманах. 2016. Т. 16. Спец. вып. С. 28–79.
- Казаков В.А. Коминтерн, компартия и рабочее движение в Аргентине // Латинская Америка. 1996. № 11. С. 96–103.
- Калмыков Н.П. Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке // История Коммунистического Интернационала. 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002.
- Калмыков Н.П. Коминтерн и Латинская Америка // Латинская Америка. 1996. № 5. С. 39–41.
- Кастельянос Р. Октябрьская революция и коммунистическое движение в Панаме // Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции: Материалы международной теоретической конференции, организованной редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге 22–24 июня 1967 г. М., 1967. С. 467–474.
- Коваль Б.И. Влияние Великого Октября на Латинскую Америку // Новая и новейшая история. 1977. № 6. С. 27–43.
- Коваль Б.И., Коновалова Н.С. Октябрьская революция и начало нового этапа рабочего движения в странах Латинской Америки // Новая и новейшая история. 1967. № 4. С. 18–30.

- Кодовилья В. Империализм янки за работой // Коммунистический Интернационал. 1927. № 4. С. 18–25.
- Кодовилья В. Империалистический гнет в Латинской Америке и его последствия // Коммунистический Интернационал. 1926. № 14.
- Кодовилья В. Последний переворот в Чили и его причины // Коммунистический Интернационал. 1927. № 13. С. 40–48.
- Кодовилья В. Утверждение идей марксизма-ленинизма в Латинской Америке // Проблемы мира и социализма. 1964. № 8. С. 38–48.
- Кодовилья В. Экономический кризис в Латинской Америке и борьба империалистов // Коммунистический Интернационал. 1931. № 5. С. 63–71.
- Колесников С. Вклад КПСС в развитие межпартийных отношений в Коминтерне на основе пролетарского интернационализма (1924–1926 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1979. № 8. С. 15–24.
- Коминтерн и Латинская Америка. Круглый стол в редакции журнала «Латинская Америка» // Латинская Америка. 1999. № 10. С. 57–72; № 12. С. 109–128.
- Коммунистический Интернационал: новое прочтение истории всемирной коммунистической партии. Круглый стол в редакции журнала «Клио» // Клио. 2000. № 3(12). С. 263–288.
- Кораблева Л.Ю. В преддверии Чакской трагедии: неудачи международного посредничества в 1931–1932 гг. и фактическое начало боливийско-парагвайской войны // Латиноамериканский исторический альманах. 2003. № 4. С. 34–59.
- Кораблева Л.Ю. Вмешательство Лиги Наций в урегулирование боливийско-парагвайского конфликта 1928–1938 гг. // Латиноамериканский исторический альманах. 2000. № 1. С. 132–157.
- Кораблёва Л.Ю. Чакская мирная конференция (1935–1938 гг.): окончание войны между Боливией и Парагваем // Латиноамериканский исторический альманах. 2005. № 6. С. 51–79.
- Корпонов В.Г. Выдающийся борец за торжество идей марксизма-ленинизма в Латинской Америке // Новая и новейшая история. 1965. № 6. С. 14–22.
- Коровин А.Ф., Царегородцев В.А. В борьбе за народные интересы. К 50-летию Первой конференции коммунистических партий стран Латинской Америки // Латинская Америка. 1979. № 4.
- Коровина Э.Ф., Коровин А.Ф. Первый марксист в Перу // Вопросы истории. 1972. № 12. С. 203–207.
- Кочеткова М.Л. Рабоче-крестьянское восстание в Сальвадоре // Латинская Америка: рабочий класс в условиях революционной ситуации и переходного периода. М.: Институт Латинской Америки, 1988. С. 79–85.
- Кто был Михаил Бородин? // Огонёк. 1970. № 31. С. 26–27.
- Кто такой Бородин? // Огонёк. 1927. № 26. С. 3.

- Кутейщикова В.Н. Еще раз о первых советских нолридах в Мексике // Латинская Америка. 1994. № 1. С. 97–106.
- Кутейщикова В.Н. Мексика, Троцкий. Коминтерн // Латинская Америка. 1993. № 5. С. 64–75; № 7. С. 62–69, 76.
- Лавров Н.М. Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки // История международного рабочего и национально-освободительного движения. Ч. II: 1917–1939 годы. М.: Мысль, 1969. С. 570–601.
- Лавров Н.М. Страны Латинской Америки в период революционного подъема 1918–1923 гг. // Советская Россия и капиталистический мир в 1917–1923 гг. М.: Изд-во политической литературы, 1957. С. 604–626.
- Ленин В.И. Речь на широкой рабоче-красноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе 13 мая 1920 г. Газетный отчет // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 41. М.: Изд-во политической литературы. С. 121.
- Лонушанский И.Н. Американская революция: взгляд Коминтерна, 1920 г. // Международное левое движение. 1918–1945. Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1995. С. 19–22.
- Мексика. Профессиональное и политическое движение // Красный Интернационал профсоюзов. 1921. № 7. С. 247–249.
- Мелья Х.А. Крестьянское движение в Мексике // Аграрные проблемы. 1927. Кн. 1. С. 183–185.
- Мирошеский В. «Народничество в Перу». К вопросу о роли Х.-К. Маринетти в истории латиноамериканской общественной мысли // Историк-марксист. 1941. № 6.
- Мозгов Н., Плеханов Б. Хамелеон меняет кожу // Огонек. 1988. № 20. С. 25–26.
- Некоторые вопросы истории Коминтерна // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 75–107.
- Нитобург Э.Л. Документы по истории освободительного движения на Кубе. (Обзор коллекции документов в Государственном музее революции СССР) // Новая и новейшая история. 1966. № 2. С. 83–86.
- Окунева М. Интернационализм и солидарность кубинского народа с родной Октября // Советско-кубинские отношения. 1917–1977. М.: Наука, 1980. С. 5–59.
- Ортис Перальта Р. Красные заговорщики: подрывная деятельность в Мексике в 20-е годы XX века // Латиноамериканский исторический альманах. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. № 6. С. 67–84.
- Парагвайской компартии – 60 лет // Проблемы мира и социализма. 1988. № 2. С. 92.
- Петров Г.Д. Александра Коллонтай в США (1915–1917 гг.) // Новая и новейшая история. 1972. № 3. С. 128–141.
- Пинтос Ф.Р. Влияние ленинизма на рабочее движение Уругвая // Новая и новейшая история. 1960. № 2. С. 79–92.

- Пономарев Б.Н. Славная годовщина в истории коммунистического движения. К 50-летию основания Коммунистического Интернационала // Проблемы мира и социализма. 1969. № 2. С. 1–17.
- Рамирес М. [Диас Рамирес М.]. Новая Эра // Красный Интернационал профсоюзов. 1921. № 7. С. 227–228.
- Рамирес Некоча Э. Подъем революционного движения в Чили в 1917–1922 годах // Новая и новейшая история. 1960. № 5. С. 38–51.
- Ранн-Лантаров Э. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционный подъем в Исландии в 1918–1920 гг. Борьба в Исландской социалистической рабочей партии по вопросу о вступлении в III Интернационал // Проблемы рабочего и антифашистского движения в Исландии: Сб. статей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 72–112.
- Регато Х. Так передается эстафета // Проблемы мира и социализма. 1988. № 10. С. 85–86.
- Семёнов С.И. В.И. Ленин и Латинская Америка // Латинская Америка. 1969. № 2. С. 5–24.
- Семёнов С.И. Зарождение коммунистического движения в Латинской Америке // Первый конгресс Коминтерна. М.: Изд-во политической литературы, 1986. С. 483–509.
- Семёнов С.И. Коминтерн и его латиноамериканские секции: становление механизма взаимодействия // Международная организация коммунистов. М.: ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. С. 142–149.
- Семёнов С.И. Произведения В.И. Ленина в Латинской Америке // Латинская Америка. 1970. № 2. С. 163–183.
- Семёнов С.И., Шульговский А.Ф. Роль Хосе Карлоса Мариатеги в создании коммунистической партии Перу // Новая и новейшая история. 1957. № 5. С. 69–84.
- Сизоненко А.И. Возможна ли другая версия // Латинская Америка. 1996. № 3. С. 127–128.
- Сизоненко А.И. Два наркома // Латинская Америка. 2002. № 5. С. 68–75.
- Сизоненко А.И. Ленинские принципы в отношениях СССР с капиталистическими странами Латинской Америки // Латинская Америка. 1970. № 2. С. 125–141.
- Сизоненко А.И. Не впадать в тенденциозность // Латинская Америка. 1994. № 7–8. С. 222–223.
- Сизоненко А.И. Советская Россия глазами перуанского социалиста и демократа // Отечественная история. 2005. № 5. С. 147–150.
- Сизоненко А.И. Станислав Пестковский – первый советский полпред в Мексике // Дипломатический ежегодник. М.: Международные отношения, 1992. С. 373–384.
- Соколов А.А. Губернатор «Социалистического штата Юкатан». К 50-летию гибели Фелипе Каррильо Пуэрто // Латинская Америка. 1974. № 4. С. 94–101.

- Соркин Г.З., Шириня К.К. Коминтерн – школа интернационалистского воспитания кадров // Вопросы истории КПСС. 1977. № 1. С. 68–77.
- Соса Эганья Х. 50 лет Коммунистической партии Чили // Латинская Америка. 1972. № 1. С. 68–80.
- Соса Эганья Х. 50 лет Коммунистической партии Чили // Латинская Америка. 1972. № 1. С. 68–80.
- Фирсов Ф.И. Коминтерн и строительство партии нового типа // Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий. М.: Политиздат, 1972. С. 44–110.
- Фортуни Х.М. Некоторые аспекты влияния Октябрьской революции в Латинской Америке // Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции: Материалы международной теоретической конференции, организованной редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге 22–24 июня 1967 г. М.: Политиздат, 1967. С. 367–374.
- Хачатуров К.А. «Бриллианты для диктатуры пролетариата» // Латинская Америка. 1994. № 10. С. 106–107.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Красный карандаш судьбы. Две жизни Георгия Борисовича Скалова // Латинская Америка. 1998. № 4. С. 84–92; № 5. С. 80–92.
- Хейфец В.Л. Коминтерн, Мексика и коммунистическое движение Кубы, 1919–1929 // *Americana. Vol. 4. Social Thought, Economics and Politics in the Countries of the American continent in Modern Period*. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2000. С. 260–279.
- Хейфец В.Л. Панамериканское бюро Коммунистического Интернационала и Южная Америка. Миссия Генри Аллена // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2002. № 3. С. 137–150.
- Хейфец В.Л. Провал континентальной революции: Коминтерн и эволюция левого движения Мексики в 1919–1921 гг. // Россия в контексте мировой истории. СПб., 2002. С. 252–276.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. «Он хочет поехать в Россию – чтобы защитить ее сознательно...» // Латинская Америка. 1998. № 12. С. 94–98.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. К вопросу о целях поездки М.М. Бородина в Мексику в 1919 г. // Актуальные проблемы профессионального образования. СПб.: ЦИПК ПТО, 1995. С. 199–205.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коминтерн и Латинская Америка. Первые шаги к созданию континентального Интернационала // Политическая культура России: история, современные тенденции, перспективы. СПб.: КультИнформПресс, 2000. С. 193–205.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коммунизм с одним «м» // Латинская Америка. 1995. № 9. С. 94–107.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С.М. Александровский. Делегат Аргентины в Коминтерне. Делегат Коминтерна в Аргентине // Персонажи россий-

- ской истории (история и современность). Тезисы Третьей Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 1996. С. 227–230.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Мексиканская авантюра Советского правительства в 1919 году // Источник. 1999. № 4. С. 63–79.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Михаил Бородин в Новом Свете: дипломат или миссионер Коминтерна? // Америка: Материалы международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия». Вып. 2. Волгоград, 1998. С. 118–131.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Москва – Мехико, 1919. Еще раз о мексиканской миссии М.М. Бородина // Латинская Америка. 2000. № 8. С. 72–86. № 9. С. 24–43.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Обвиняется Хулио Антонио Мелья // Латинская Америка. 1999. № 7–8. С. 64–89.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Петроград. Таврический дворец. 1920 г.: у истоков формирования латиноамериканской политики советской власти и Коминтерна // Международный форум «Санкт-Петербург – окно в Иberoамерику». Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2003 г.: Сб. докладов. М.: ИЛА РАН, 2003. С. 204–223.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Пора отказаться от тенденциозности и наивности // Латинская Америка. 1995. № 4. С. 110–114, 122.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Провал «аргентинских Лениных». Коминтерн. Коммунистическая партия и российская эмиграция в Аргентине, 1919–1922 гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. статей. СПб.: Евронейский дом, 2000. С. 93–101.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Псевдоним – Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! // Латинская Америка. 1994. № 3. С. 107–115.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Тина Модотти – нетиничная революционерка // Мужчина и женщина: параллельные миры? Вып. 2. СПб.: Роза мира, 2005. С. 105–110.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Чарльз Филлипс – мексиканский коммунист: роль компартии США в развитии мексиканского левого движения в 1920-е годы // Исследования международных отношений: Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 38–55.
- Хейфец Л.С. «Чтобы рассказать правду о СССР». (Первые латиноамериканские делегации в Советском Союзе) // Латинская Америка. 1982. № 12. С. 73–83.
- Хейфец Л.С. Дело Хулио Антонио Мельи и Коминтерн // Проблемы отечественной и зарубежной истории: Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 1997 г.). СПб.: ЦИПК ПТО, 1997. С. 21–26.
- Хейфец Л.С. Зарубежные марксисты о некоторых проблемах коммунистического движения 20–30-х гг. в странах Латинской Америки // Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX–XX вв.): Сб. научных статей / отв. ред. В.К. Фураев. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977. С. 39–50.

- Хейфец Л.С. Интернационал Москвы или Интернационал Буэнос-Айреса? (III Интернационал, Южноамериканский секретариат Коминтерна и компартия Парагвая) // Россия в контексте мировой истории: Сб. статей. СПб.: Наука, 2002. С. 277–294.
- Хейфец Л.С. Коминтерн в Латинской Америке. Понятка нового прочтения проблемы // Клио. 2000. № 3(12). С. 263–266.
- Хейфец Л.С. Коминтерн и коммунистическое движение Кубы // Латиноамериканский исторический альманах. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. № 2. С. 135–152.
- Хейфец Л.С. Коминтерн и Компартия Кубы // Международное левое движение. СПб., 1995. С. 26–27.
- Хейфец Л.С. Коминтерн и Латинская Америка // Научно-информационный бюллетень РГАСПИ. М., 2000. Вып. № 2(12) (спец.). С. 26–31.
- Хейфец Л.С. Коминтерн и некоторые проблемы коммунистического движения в странах Латинской Америки (1919–1929 гг.) // Проблемы истории классовой борьбы в странах Западной Европы и Америки и международных отношений в XIX–XX вв.: Межвузовский республиканский тематический сб. научных работ. Вып. 1. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977. С. 71–82.
- Хейфец Л.С. Компартия Эквадора и III Интернационал. У истоков зарождения коммунистического движения Эквадора // Латинская Америка. 2004. № 8. С. 20–38.
- Хейфец Л.С. Латиноамериканская модель Всемирной коммунистической партии: опыт формирования организационной структуры руководства III Интернационалом деятельностью его национальных секций в Латинской Америке // Americana. Вып. 4: Общественная мысль, экономика и политика в странах американского континента в новое и новейшее время. Волгоград: ВГУ, 2000. С. 280–300.
- Хейфец Л.С. Некоторые формы интернациональных связей коммунистов Латинской Америки (1919–1929 гг.) // XXVI Герценовские чтения. Исторические науки: Научные доклады. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 64–69.
- Хейфец Л.С. Пранорщик Скалов. Судьба революционера в России // Персонажи российской истории (история и современность): Тезисы Третьей Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 1996. С. 214–217.
- Хрбата Ф. Влияние Коммунистического Интернационала на образование и развитие революционных партий в странах Латинской Америки // Ленинизм и Латинская Америка. Всесоюзная научная конференция. Москва, 8–10 апреля 1971 г. Ч. I. М.: ИЛА АН СССР, 1972. С. 353–358.
- Черненко А.М., Шляхов А.В. Участники первой русской революции в Аргентине // Латинская Америка. 1980. № 11. С. 103–107.
- Штирнер А. [Boor]. К положению в Мексике // Коммунистический Интернационал. 1927. № 50.

- Щелчков А.А. К истории создания коминтерн в Боливии // Латинская Америка. 1996. № 5. С. 42–55.
- Щелчков А.А. Кризис 30-х годов в Боливии; гражданское общество и государство // Латинская Америка. 1995. № 12.
- Южная Америка // Коммунистический Интернационал. 1921. № 18. С. 4767–4768.
- Янчук И.И. Коминтерн и Перу: выборы 1931 г. (по документам РЦХИДНИ) // Латиноамериканский исторический альманах. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. № 1. С. 188–213.
- Янчук И.И. Третья конференция коммунистических партий Южной и Карибской Америки, Москва, 16–28 октября 1934 г. Аналитический очерк // Латиноамериканский исторический альманах. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. № 3. С. 151–180.
- Янчук И.И. Хосе Карлос Мариатеги и Коминтерн (Документальный очерк) // Латинская Америка, 1997. № 7. С. 53–63; № 8–9. С. 172–179.
- Йорданов Л. Неизменно във вихъра на борбата. 90 години от рождението на Стоян Минев // Работническо дело (София). 21 август 1980 г.
- Aguilar Camín Héctor. «El camarada Vadillo», Nexos, México, núm. 147, 1 de marzo de 1990 // <http://www.nexos.com.mx/?p=5760>
- Algunos acontecimientos importantes de la historia del movimiento comunista de Cuba // El militante comunista (La Habana). Edición Especial. Agosto de 1985.
- Aldereguía J. En el 50 aniversario de la expedición de Gibara // Juventud Rebelde (La Habana). 20 de agosto de 1981.
- Andreu Nin. Biographie // Cahiers Leon Trotsky (Paris). 1979. № 3 (juillet–septembre). P. 138.
- A.S. (La Paz). Nach dem niedergeschlagenen Aufstand in Bolivien // Internationale Presse-Korrespondenz. 1927. № 94. S. 2030–2031.
- Babitschenko L. «Die Kadenschulung der Komintern». Weber, Hermann et al. (eds.), Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung, Berlin, 1993. 37–59.
- Bayerlein B.H., Kheyfetz L. and V. Re-reading Anew... The History of the Comintern and Communist Parties of Latin America in Contemporary Studies // The International Newsletter of Communist Studies Online (Mannheim). 2003. № 16. P. 388–391.
- Blackwell R. Julio A. Mella // The Militant. 15.1.1931.
- Bartz, Frederico Duarte: «Abílio de Nequete (1888–1960): os múltiplos caminhos de uma militância operária», História Social, Campinas. No 14/15, 2008. P. 157–173.
- Becker, M. Indigenous Nationalities in Ecuadorian Marxist Thought // Contra Corriente. Vol. 5. No. 2. Winter 2008. P. 1–46.
- Cabrera O. La Tercera Internacional y su Influencia en Cuba. 1919–1935 // Sociedad/Estado. 1989. № 2. P. 52–59.

- Cabrera O. Julio Antonio Mella, dirigente de liberación nacional. Artículo inédito.
- Cabrera O. Julio Antonio Mella en México // Bohemia (La Habana). 1980. № 5. P. 84–87.
- Camarero, H. Ascenso y ocaso del Partido Comunista en el movimiento obrero argentino: crítica historiográfica y argumentaciones conceptuales. Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda (Buenos Aires). 2012. Vol. 1. P. 57–79.
- Camarero, H. La cultura política comunista en la clase obrera argentina de entreguerras: prácticas, repertorios de organización y subjetividad militante. Anuario del Instituto de Historia Argentina (La Plata). 2016. Vol. 16.
- Camarero, H. Un desconocido historiador del movimiento obrero argentino durante los años veinte: Félix Weil. Boletín del Posgrado en Historia (Buenos Aires). 2014. Vol. 2. P. 5–19.
- Camarero, H. La estrategia de clase contra clase y sus efectos en la proletarianización del Partido Comunista argentino, 1928–1935. Pacarina del Sur. Revista del pensamiento crítico latinoamericano (México), 2011. Vol. II. P. 1–9.
- Camarero, H. El tercer periodo de la Comintern en versión criolla. Avatares de una orientación combativa y sectaria del Partido Comunista hacia el movimiento obrero argentino. A Contracorriente. A Journal on Social History and Literature in Latin America (Raleigh, North Carolina), 2011. Vol. VIII. P. 203–232.
- Camarero, H. Félix Weil y un libro pionero sobre la historia del movimiento obrero y las izquierdas en la Argentina. The International Newsletter of Communist Studies Online (Köln), 2010. Vol. XVI. P. 60–68.
- Canale D. Problemas da construção da história do Partido Comunista Brasileiro // Novos Rumos, 1986. № 1. P. 77–92.
- Canale D. Zur Entstehung der Kommunistischen Partei Brasiliens als Sektion der Kommunistischen Internationale (1917–1922) // Lateinamerika. 1985. № 20. S. 9–30.
- Carr B. From Caribbean Backwaters to revolutionary opportunity: Cuba's evolving relationship with the Comintern, 1925–1934 // Rees T., Thorpe A. International Communism and the Communist International, 1919–1943. Manchester; N.Y., 1998. P. 234–254.
- Carrera L. Ravines cierra su ciclo // Bohemia (La Habana). 1970. № 26. P. 46.
- Castro Vaca, Zwuany. Diligencia socialista en Bolivia (1920–1926) // Pacarina del Sur [En línea], año 3, núm. 11, abril-junio, 2012 // www.pacarinadelsur.com/home/oleajes/443-diligencia-socialista-en-bolivia-1920-1926
- Cattaruzza, A. Visiones del pasado y tradiciones nacionales en el Partido Comunista Argentino (ca. 1925–1950) Contra Corriente. Vol. 5. № 2. Winter 2008. P. 169–195.

- Corbière E.J. Orígenes del comunismo argentino. Los socialistas y la guerra del catorce // Todo es historia (Buenos Aires). 1974 (febrero). № 81. P. 9–27.
- Cupull A. Tina Modotti: una mujer extraordinaria // Bohemia (La Habana). 1987. № 3. P. 34–41.
- Descomposición del A.P.R.A. // La correspondencia sudamericana (Buenos Aires). 1929. № 19. P. 23–24.
- Duchesne C. Las agrupaciones comunistas de Cuba y su primer congreso nacional // Bohemia (La Habana). 1975. № 28.
- Dumpierre E. El Movimiento de los Veteranos y Patriotas // Bohemia (La Habana). 1970. № 5. P. 98–102.
- Dumpierre E. Julio Antonio Mella y el Congreso Antimperialista de Bruselas // Bohemia (La Habana). 1977. № 5. P. 84–89.
- Eisenbach R.H. Millionär, Agitator und Doktorant. Die Tübingen Studienzeit der Felix Weil (1919), Bausteine zur Tübinger Universitäts-geschichte, Folge 3. Universitäts-Archiv Tübingen. 1987. S. 179–216.
- Figueroa Salamanca, H., Tuta Alarcón, C. El Estado corporativo colombiano: una propuesta de derechas. 1930–1953 // Anuario Colombiano de Historia Social y de Cultura. 2005. № 32. P. 99–148.
- Figueiredo de Castro, Ricardo. Rodolfo Coutinho, o marxista que falava alemão (1901–1955): apontamentos biográficos, XIV Encontro Regional da ANPUH–RIO. Memória e Patrimônio. Rio de Janeiro, 19 a 23 de julho de 2010. Rio de Janeiro: Unirio // http://www.academia.edu/827114/Rodolfo_Coutinho_o_comunista_que_falava_alemao_1901-1955_apontamentos_biograficos
- Gálvez Cancino A. Julio Antonio Mella: Un marxista revolucionario (Debate en torno a su vida y a su muerte) // Críticas de la economía política (México). 1986. № 30. P. 101–151.
- Gálvez Cancino A. Le mouvement ouvrier mexicain et J.A. Mella // Cahiers Leon Trotsky (Paris). 1997. № 59. P. 37–54.
- García Colín D.: "Julio Antonio Mella. Un esbozo de biografía política", El Militante (Argentina). 29 de enero de 2005 // <http://argentina.indymedia.org/news/2005/01/261049.php>
- García More R. En el 60 aniversario de la fundación del primer Partido marxista-leninista de Cuba. Herencia de un fundador // Verde Olivo (La Habana). 1985. № 33. P. 39–41.
- García Palermo, Julio Antonio (2013). Teóricamente anarquista y prácticamente sindicalista: la experiencia sindical de Miguel Ángel Velasco, XIV Jornadas Interescuelas/Departamentos de Historia. Departamento de Historia de la Facultad de Filosofía y Letras. Universidad Nacional de Cuyo, Mendoza. Dirección estable // <http://www.aacademica.org/000-010/418>
- García Treviño, Rodrigo. El regreso de Evelio Vadillo, Nexos, México, 1 de diciembre de 1990 // <http://www.nexos.com.mx/?p=6041>

- Gefälschte Komintern-Dokumente in Bolivien // Internationale Presse-Korrespondenz. 1927. № 94. S. 2031.
- Goncharov V. Nuestro fiel amigo el camarada Ghioldi. En su 75 aniversario // Nueva era (Buenos Aires). 1972. № 2. P. 106–108.
- Grobart F. El cincuentenario de la fundacion del primer Partido comunista de Cuba // Verde Olivo (La Habana). 1975. № 33. P. 34–47.
- Grobart F. El movimiento obrero cubano de 1925 a 1933 // Cuba Socialista (La Habana). 1966 (Julio). № 66. P. 88–101.
- Huber, Peter. Stalins Schatten in die Schweiz. Schweizer Kommunisten in Moskau: Verteidiger und Gefangene der Komintern. Zurich: Chronos, 1994.
- Jeifets L., Jeifets V. El nacimiento del movimiento comunista en América Latina – los orígenes nacionales y la influencia externa // IX Congreso de la Federación Internacional de Estudios de América Latina y el Caribe. FIEALC 99. El Mediterráneo y América Latina. Tel Aviv, 12–15 de abril de 1999. Programa y Libro de Resúmenes. Tel Aviv, 1999. P. 162–163.
- Jeifetz L., Jeifetz V. El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la «transformación Bolchevique». Varios episodios de la historia de relaciones entre Moscú y el comunismo colombiano // Anuario Colombiano de historia social y de la cultura, Universidad Nacional (Departamento de Historia). Bogotá. 2001. № 28. P. 7–38.
- Jeifets L., Jeifets V. ¿Quién diablos era Andrei? Stanislav Pestkovski. Camarada Andrei. Una tentativa de una investigación histórica // Memoria. Boletín de CEMOS (México). 1999. № 3. P. 21–26.
- Jeifets L., Jeifets V., Hazky C., Ortiz R. Julio Antonio Mella: su huelga de hambre y la expulsión del Partido Comunista de Cuba. Una laguna en su biografía // Historias (México). № 49. P. 107–145.
- Kheifetz L. The Comintern in Latin America, Latin America in Comintern // The International Newsletter of Communist Studies (Mannheim). 2003. № 16. P. 395–396.
- Kheifetz V. and L. Michael Borodin. The First Comintern Emissary in Latin America // Newsletter of Historical Studies on Comintern, Communism and Stalinism (Köln). 1994/95. Vol. II. № 51. P. 145–17; 1996. Vol. III. № 7/8. P. 184–188.
- Kheifetz V. and L. The failure of a continental revolution – the first steps of Mexican communism, 1919–1922 // The International Newsletter of Communist Studies. Online (Mannheim). 2003. № 16. P. 394–395.
- Kerssfield, D. Del esoterismo al marketing: aproximaciones en torno a los archivos de la Comintern. Iconos. Revista de Ciencias Sociales. Num. 41, Quito. Septiembre. 2011. P. 73–88.
- Kerssfield, Daniel. El enigma de Jan Jolles // El Telégrafo (Quito). 2 de octubre de 2013: <http://www.telegrafo.com.ec/cultura1/item/el-enigma-de-jan-jolles.html>

- Kerssfield, Daniel. Latinoamericanos en el Congreso Antiimperialista de 1927: afinidades, disensos y rupturas // *Journal of Iberian and Latin American Research* (Sidney). 2010. № 17.
- Kerssfield, Daniel. La Liga Antiimperialista de Costa Rica: una escuela de cuadros para el Partido Comunista de Costa Rica. *Revista Estudios* (San José). 2009. № 22 // <http://www.estudiosgenerales.ucr.ac.cr>
- Kerssfield, Daniel. Un paso antes de la ruptura. Un relato acerca de los primeros tiempos del Partido Comunista Mexicano. e-l@tina. *Revista Electrónica de Estudios Latinoamericanos* (Buenos Aires: Instituto de Estudios de América Latina y El Caribe, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de Buenos Aires) Vol. 9. № 33. Octubre–Diciembre de 2010.
- Kerssfield, Daniel. «Polacos» en Cuba: primeros pasos del comunismo judío en la Isla. *Revista Estudios* (San José). 2010. № 22 // <http://www.estudiosgenerales.ucr.ac.cr>
- Kerssfield, Daniel. Tensiones y conflictos en los orígenes del comunismo latinoamericano: las secciones de la Liga Antiimperialista de las Américas. *Estudios Interdisciplinarios de América Latina y El Caribe/EIAL* (Tel Aviv). 2007. Vol. 18. Julio-Diciembre.
- Kerssfield, Daniel. De Trizciany a La Habana: los senderos de Fabio Grobart", *La Pacarina del Sur*. 2010. № 2, Febrero.
- Kerssfield, Daniel. "Jacobó Hurwitz: semblanza de un revolucionario latinoamericano. *La Pacarina del Sur*. 2010. № 2, Febrero.
- Kiessling W. Der Weg nach Mexiko // Alfons Goldschmidt. Mexiko. Auf den Spuren der azteken. Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig. 1985. S. 5–38.
- Köstenberger, Julie. Der deutsche Sektor an der KUNMZ in Moskau (1921–1936). *Österreicher an einer Sowjetischen Kaderschule*. Diplomarbeit. Wien: Universität Wien, 1999.
- Köstenberger, Julie. Die Geschichte der Kommunistischen Universität der nationalen Minderheiten des Westens (KUNMZ) in Moskau 1921–1936. *Jahrbuch für historische Kommunismusforschung*, Köln, 2000/2001 (2001).
- Köstenberger, Julie. Die Internationale Lenin-Schule 1926–1938). En: Buckmiller, Michael and Meschkat, Klaus (eds.). *Biographisches Handbuch zur Geschichte der Kommunistischen Internationale: Ein deutsch-russisches Forschungsprojekt*. Berlin: Akademie Verlag, 2007, S. 287–309.
- Lazitch, Branko. Les écoles de cadres du Comintern. En: Freymond, Jacques. *Contributions à l'histoire du Comintern*. Genève: Ed. Librairie Droz, 1965, 233–257.
- Leibner, G., Green, J.N. New Views on the History of Latin American Communism, *Latin American Perspectives*. 2008; Vol. 35. № 3. P. 3–8.
- López D'Alesandro F. Los orígenes de la cultura estalinista en el comunismo uruguayo // Yaffé, J. Dossier. Cinco estudios recientes sobre el comunismo uruguayo. Available at: <http://historiapolitica.com/dossiers/comunismouruguayo/> (accessed: 01.02.2016).

- Loyola, M., Rojas, J. La Juventud Comunista de Chile en los años 20, *Revista Izquierdas*, № 10, agosto 2011. P. 1–21.
- Mac Gregor Campuzano J. Política, organización y movimiento: un balance historiográfico del PCM, 1919–1940 // *Iztapalapa (México)*. 1998. № 43. P. 175–196.
- Martínez, Gerardo Antonio. Un comunista mexicano preso en Siberia. *El Universal*, México, 20 de julio de 2013.
- Martínez Verdugo A. Mella y los mexicanos // *Así es (México)*. 8 de febrero de 1985.
- Masson Sena, C. Cuba: Marxismo, Nacionalismo y Hegemonía, 1925–1958, *Revista Izquierdas*. Año 1, Número 1. 2005. P. 1–44.
- Melgar Bao, R. The Anti-Imperialist League of the Americas between the East and Latin America, *Latin American Perspectives*. 2008. № 35. P. 9–24.
- Melgar Bao, R. Capital letrado y cultura política de la izquierda centroamericana, 1921–1933. *Estudios Latinoamericanos*. 2006. Vol. 1. 223–246.
- Melgar Bao, R. La Hemerografía cominternista y América Latina, 1919–1935. Senas, giros y presencias, *Revista Izquierdas*, Abril de 2011. № 9. P. 1–57.
- Melgar Bao R. Redes y representaciones cominternistas: el Buró Latinoamericano (1919–1921) *Universum (Universidad Talca)*. 2001. № 16. P. 375–405.
- Meschkat, K. Helpful Intervention? The Impact of the Comintern on Early Colombian Communism, *Latin American Perspectives*. 2008. № 35. P. 39–56.
- Melgar Bao R. La Tercera Internacional y Mariátegui propósito de un libro: «Ideología y política en el Perú» // *Nuestra América (México)*. 1980. № 2. P. 47–78.
- Melgar Bao R. Una ideología radical en América Latina // *Memoria (México)*. 1995 (septiembre). № 81. P. 53–60.
- Meschkat K. La herencia perdida. Movimientos sociales y organización revolucionaria en la década de 1920: el caso del Partido Socialista Revolucionario de Colombia // *Marxismo en Colombia (Bogotá): Universidad Nacional*. 1983. P. 145–169.
- Mothes J. Briefe aus Montevideo – Arthur Ewert und die Wandlung von Luis Carlos Prestes zum Kommunisten // *Jahrbuch für Historische Kommunismus-forschung*. Berlin: Akademie Verlag, 1994. S. 225–253.
- Mothes, Jürgen: Die Kommunistische Internationale und Lateinamerika. Zur Rolle der Komintern bei der Herausbildung der kommunistischen Bewegung Lateinamerikas und bei der Entwicklung ihrer Strategie und Taktik. Von der Gründung der Komintern bis zum Vorabend ihres VI. Weltkongresses (1919–1927). Leipzig, 1976.
- Mothes, Jürgen: «Luis» gegen Mariátegui ? Zur Rolle von Jules Humbert-Droz bei der Entwicklung der Lateinamerikapolitik der Komintern, en: *Fondation Jules Humbert-Droz (ed.): Centenaire Jules Humbert-Droz*.

- Colloquesur VInternationale communiste. Actes. La Chaux-de-Fonds, 1992. P. 139–167.
- Mothes, Jürgen: «Im Zeichen der Selbstkritik!» Lateinamerika 1929 bis 1933: Die Kommunisten in der Krise, in: Weber, Hermann (et al.): Kommunisten verfolgen Kommunisten. Stalinistischer Terror und Säuberungen in den kommunistischen Parteien Europas seit den dreissiger Jahren. Berlin, 1993. P. 217–235.
- Mothes J. Die Anfänge der Antiimperialistischen Liga in Lateinamerika // Asien. Afrika. Lateinamerika. Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien, Afrika- und Lateinamerika- wissenschaften in der DDR. Akademie-Verlag, Berlin, 1985. Band 13. Heft 3. S. 502–513.
- Mothes J. Die Formierung der Avantgarde des Proletariats in Lateinamerika und die Große Sozialistische Oktoberrevolution // Der Rote Oktober und Übergang vom Kapitalismus zum Sozialismus. Leipzig: Karl-Marx Universität, 1977. S. 180–194.
- Mothes J. Comintern Politics concerning Latin America // The History of the Communist International and its National Sections // Ed. by Jürgen Rojahn, IISG Amsterdam, in print by Peter-Lang-Verlag Ffm.
- Mothes J. El 7o congreso de la Internacional Comunista y el movimiento revolucionario latinoamericano // Cuadernos de orientación socialista (Berlin), 1987. № 26. P. 39–54.
- Mothes J. José Carlos Mariátegui und die Komintern Dokumentation aus dem KI-Archiv Moskau // The International Newsletter of Historical Studies on Comintern, Communism and Stalinism. Vol. III (1996). № 7–8. P. 83–100.
- Mothes J. Kommunistische Regionalberatungen zu Lateinamerika in Kominternzelten. Thesen zu einem Thema International-vergleichender historischer Kommunismusforschung. S. 1–22. Неопубликованная рукопись // Из архива Ю. Мотеса.
- Mothes J. Lateinameika in “Hauptquartier der Weltrevolution”. Kommunismusgeschichte als Gegenwartsinteresse? // Quetzal (Leipzig). 1996. № 15/16. S. 18–22.
- Mothes J. Zur Geschichte des Secretariado Sudamericano de la Internacional Comunista – Ein Beitrag zu einem noch wenig bekannten Führungsorgan der Kommunistischen Bewegung // Lateinamerika, 1982. Frühjahr-Semestr. S. 36–71.
- Mothes J. Zur Rolle der Kommunistischen Internationale im politischen Reifeprozess der kommunistischen Bewegung Lateinamerikas (1919–1929) // Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution und der revolutionäre Weltprozess. Wissenschaftliche Beiträge der Karl-Marx Universität Leipzig. Leipzig, 1980. S. 215–237.
- Naft S. Fascism and Communism in South America. Foreign policy reports (New York). 1937. Vol. VIII. № 19. P. 227–228.
- Nieto J. Haya, Mariátegui y el comunismo latinoamericano 1926–1928 // Cosialismo y participación, 1986 (setiembre). № 35. P. 49–70.

- Oikion Solano. De la Revolución Mexicana a la Revolución Mundial. Actores políticos michoacanos y la Internacional Comunista en México, Signos Históricos, 2009. Vol. 11. № 21, enero-junio. P. 60–103.
- Oikion Solano, V. María Refugio García, mujer y Revolución, Boletín del Archivo General de la Nación. 7a época, Num. 1, julio-septiembre 2009. P. 78–96.
- Ortiz Peralta R. Julio Gómez-Rozovsky: instantáneas de una vida. Artículo inédito. 13 p.
- Padrón P.L. La «preocupación por el comunismo» a partir de agosto de 1925 // Granma (La Habana). 15 de agosto de 1970.
- Padrón P.L. La Internacional de Lenin y Cuba // Granma (La Habana). 4 de Marzo de 1971.
- Pascual S. Mella y la lucha armada // Juventud rebelde (La Habana). 28 de Febrero de 1972.
- Peláez G. Una biografía de Victorio Codovilla // Oposición (México), 29 de noviembre de 1981.
- Peñalver Moral R. José Miguel Pérez: el primer secretario // Bohemia (La Habana). 1985. № 33. P. 78–83.
- Piemonte V.A. De la autonomía relativa del Partido Comunista Argentino a la dependencia respecto del Partido Comunista de la Unión Soviética. Algunas cuestiones nodales en torno del internacionalismo comunista en la Argentina durante la década de 1920, Historia Actual Online (Cádiz), 2017.
- Piemonte V.A. La Internacional Comunista y los comienzos del Secretariado Sudamericano a través de la sistematización regional del proceso de bolchevización, Historia Crítica (Bogotá). 2017. № 44. P. 101–118.
- Piemonte V.A. Lucha de facciones al interior del Partido Comunista de la Argentina hacia fines de los años veinte: la 'cuestión Penelón' y el rol de la Tercera Internacional, Cuadernos de Historia (Santiago de Chile). 2015. P. 31–58.
- Piemonte V.A. La compleja relación entre la dirección del Partido Comunista de la Argentina y la representación de la Comintern ante la ruptura de 1928, Políticas de la Memoria. Anuario de Investigación del CeDInCI (Buenos Aires). 2015. P. 236–244.
- Piemonte V.A. La Internacional Comunista y su Sección Argentina: discordia en torno del frente único a comienzos de la década de 1920, Revista Izquierdas (Santiago de Chile). 2014. P. 172–193.
- Piemonte V.A. Comunistas oficiales y comunistas extraoficiales en competencia: el rol asignado a la Internacional Comunista ante el surgimiento de la facción «chispista» del Partido Comunista de la Argentina, Archivos de Historia del Movimiento Obrero y la Izquierda (Buenos Aires). 2014. P. 93–112.
- Porrini R. Anarquistas en Montevideo: ideas y prácticas en torno al «tiempo libre» de los trabajadores (1920–1950) // Historia: Debates y Tendencias. 2013. Vol. 13. № 2. P. 357–371.

- Porrini R. Clase obrera, sindicatos y Estado en el Uruguay de la expansión industrial (1936–1947). Algunas conclusiones y nuevos problemas para su investigación // *Estudios Iberoamericanos*. 2003. Vol. XXIX. № 2. Porto Alegre. P. 171–196.
- Pujals Sandra. La brigada móvil: Una base de datos para el personal latinoamericano y caribeño en las agencias de la Internacional Comunista en América Latina y el Caribe, 1919–1943. Op. cit., *Revista del Centro de Investigaciones Históricas de la Universidad de Puerto Rico*. 2009–2010. № 19. P. 215–251.
- Pujals Sandra. De un pájaro las tres alas: El Buró del Caribe de la Comintern, Cuba y el radicalismo comunista en Puerto Rico, 1931–1936. Op. cit., *Revista del Centro de Investigaciones Históricas de la Universidad de Puerto Rico*. 2012–2013. № 21. P. 255–284.
- Pujals Sandra. ¡Embarcados!: James Sager, la Sección Puertorriqueña de la Liga Anti-Imperialista de las Américas y el Partido Nacionalista de Puerto Rico, 1925–1927. Op. cit., *Revista del Centro de Investigaciones Históricas de la Universidad de Puerto Rico*. 2013–2014. Vol. 22.
- Pujals Sandra. ¿Una perla en el Caribe soviético?: Puerto Rico en los Archivos del Comintern en Moscú, 1919–1943. Op. cit. *Revista de Centro de Investigaciones Históricas de la Universidad de Puerto Rico*. 2006–2007. № 17. P. 117–157.
- Pujals Sandra. A Soviet Caribbean: The Comintern, New York's immigrant community, and the Forging of Caribbean Visions, 1931–1936. *Russian History*. 2014. Vol. 41. Issue 2. P. 255–268.
- Pujals Sandra y Vladimirov, Katya. Lenin's Muchachos: A Database of the Comintern and Front Organizations' Personnel in Latin America, 1919–1943. *The International Newsletter of Communist Studies*. 2009. Vol. XV. № 22. P. 48–59.
- Rapoport M. Argentina and the Soviet Union: History of Political and Commercial Relations (1917–1955), *Hispanic American Historical Review*. Vol. 66, núm. 2. 1986. P. 239–285.
- Rapoport Mario: Política y Diplomacia en la Argentina, las relaciones con EEUU y la URSS. Buenos Aires, 1987.
- Rodríguez R. La forja de una amistad entrañable. Un pasaje poco conocido de Mella // *Granma* (La Habana). 1 de octubre de 1991.
- Rosalio Negrete. Biographie // *Cahiers Leon Trotsky* (Paris). 1979. № 3 (juillet–septembre). P. 137.
- Ruiz de Zárate M. El Jaguar // *Juventud rebelde* (La Habana). 5 de febrero de 1984.
- Saborit A. Política y escándalo. Tina Modotti y el crimen de la calle Abraham González // *Historias* (México, D.F.). 1993. № 30.
- Semo E. 1919. Manabendra Nath Roy en el PCM // *Oposicion* (México). 8 de enero de 1977.

- Shchelchkov A. El marxismo militante: la Escuela Internacional Leninista y los cuadros de la Internacional Comunista en América Latina // *Izquierdas*. 2016. № 28. P. 226–247.
- Schelchkov A. En los umbrales del socialismo boliviano: Tristan Marof y la Tercera Internacional Comunista, *Izquierdas*, 2009. № 5. P. 1–24.
- Schelchkov A. La Internacional Comunista y Tristan Marof: sobre el problema de relaciones entre la intelectualidad latinoamericana y los comunistas // *Anuario*. 1998. Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia. Sucre. P. 3–18.
- Souvarine B. Michel Borodine en Amerique // Freymond J. (ed.) *Contributions a l'histoire du Comintern*. Geneve: Libraire Droz, 1965. P. 97–101.
- Spenser D. 'Emissaries of the Communist International in Mexico' // *American Communist History*, 2007. Vol. № 6:2. P. 151–170.
- Spenser D. México revolucionario: laboratorio político de Charles Phillips // Yankelevich P. (coord.). México, país refugio. La experiencia de los exilios en el siglo XX. México, 2002. P. 155–166.
- Spenser Grollová D. El tiempo de Ella Wolfe, *Nexos* (México). 1991. № 60. P. 5–11.
- Spenser D. Stanislav Pestkovsky: A Soldier of the World Revolution in Mexico, *Journal of Iberian and Latin American Studies*, № Vol. № 8:1, July 2002. P. 35–56.
- Taracena Arriola, Arturo. El primer Partido Comunista de Guatemala (1922–1923). Diez años de una historia olvidada, *Anuario de Estudios Centroamericanos*. Vol. 15. № 1 (1989). P. 49–63.
- Tabares J.A. Julio Antonio Mella y la lucha armada // *Granma* (La Habana). 10 de Enero de 1972.
- Taibo I.P. II Vizcaino R. El Camarada José Allen: informe sobre el primer secretario general del PCM y agente norteamericano // *Nexos* (México). 1983 (Enero). № 61. P. 6–12.
- Telleria Toca E. 60 años de un historico documento. La primera declaración pública de marxistas cubanos de adhesión a la Internacional Comunista // *Granma* (La Habana). 27 de agosto de 1982.
- Tina Modotti. Biographie // *Cahiers Leon Trotsky* (Paris). 1979. № 3 (juillet–septembre). P. 175–176, 178.
- Torres Hernández L. La ANERC una combativa organización antimperialista // *Bohemia* (La Habana). 1975. № 23. P. 88–92.
- Torres Hernández L. Leonardo Fernández Sánchez. Combatiente antimperialista de primera linea // *Bohemia* (La Habana). 1974. № 5. P. 102–106.
- Torres Hernández L. Presencia de Julio Antonio Mella en México // *Bohemia* (La Habana). 1979. № 2. P. 46–49.
- Torres Giraldo I. Repercusion de Octubre en las luchas de Colombia // *Documentos Politicos* (Bogotá). 1967 (octubre–noviembre). № 70.
- Torriente L. de la. Evocación de un luchador (Leonardo Fernández Sánchez) // *Bohemia* (La Habana). 1972. № 7. P. 98–100.

- Torriente L. de la. Rubén Martínez Villena el ayer inmediato // Bohemia (La Habana). 1974. № 2. P. 100–106.
- Torriente L. de la. Del tiempo y la vida de Rubén Martínez Villena // Bohemia (La Habana). 1973. № 1. P. 96–101.
- Toro C. del. Los primeros procesos judiciales anticomunistas // Granma (La Habana). 10 de enero de 1976.
- Toro C. del. Repercusión de la Revolución de Octubre en los movimientos socialista y sindical de América Latina // Granma (La Habana). 12 de agosto de 1975.
- Ulianova Olga: Primeros contactos entre el Partido Comunista de Chile y Komintern, en: Cuadernos de Historia. Departamento de Ciencias Históricas, Universidad de Chile, Santiago, núm. 18 (diciembre de 1998).
- Ulianova Olga: El Partido Comunista Chileno durante la dictadura de Carlos Ibañez: primera clandestinidad y «bolchevización» estaliniana (1927–1931), en: Boletín de la Academia de Historia, Santiago, núm. 111 (2002).
- Valadés J.C. Confesiones políticas de José C. Valadés // Suplemento de la Revista de la Universidad de México (México). 1969. Vol. 23. № 10. P. I–XVII.
- Vittorio Vidali. Biographie // Cahiers Leon Trotsky (Paris). 1979 (juillet–septembre). № 3. P. 177.
- Vanegas Useche, Isidro : Patriotismo o universalismo proletario. El lugar del mundo en el obrerismo y el socialismo colombiano, 1904–1930 // Revista Historia y memoria. 2013. Núm. 7. 2013. P. 269–332.

4. Периодические издания

- Аграрные проблемы (Москва). 1927.
- Бюллетень Коммунистического Интернационала (Москва). 1921.
- Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала (Москва). 1922.
- Вопросы истории (Москва). 1949, 1952, 1959, 1967, 1972.
- Вопросы истории КПСС (Москва). 1977, 1979, 1984.
- Дипломатический ежегодник (Москва). 1992.
- Известия (Москва). 1924, 1927.
- Иностранная литература (Москва). 1959.
- Исторический архив (Москва). 1993.
- Источник (Москва). 1999.
- Коммунист (Москва). 1975, 1984.
- Коммунистический Интернационал (Москва). 1919–1943.
- Красный Интернационал профсоюзов (Москва). 1921.
- Куба (Москва). 1981, 1982, 1983, 1986, 1987.
- Латиноамериканский исторический альманах (Москва). 2000, 2001, 2002, 2005.
- Латинская Америка (Москва). 1970–2006.
- Международное рабочее движение (Москва). 1921, 1929.

- Мировая экономика и международные отношения (Москва). 1959.
 Новая и новейшая история (Москва). 1957, 1959, 1960, 1965, 1972, 1979.
 Огонек (Москва). 1927, 1988.
 Отечественная история (Москва). 1995, 2005.
 Правда (Москва). 1919–1929.
 Проблемы мира и социализма (Прага). 1959, 1964, 1969, 1973, 1987.
 Путь МОПРа (Москва). 1929.
 Рабочий класс и современный мир (Москва). 1979.
 Свободная мысль (Москва). 2000.
 Труд (Москва). 1928, 1929.
- Amauta (Lima). 1929.
 América Latina (Moscú). 1990.
 Araucaria de Chile (Madrid). 1984.
 Archivos de Historia del Movimiento Obrero y de la Izquierda (Buenos Aires). 2014–2016.
 Asien. Afrika. Lateinamerika. Zeitschrift des Zentralen Rates für Asien, Afrika- und Lateinamerika- Wissenschaften in der DDR (Berlin). 1985.
 Así es (México). 1985.
 Bohemia (La Habana). 1970, 1972, 1973, 1974, 1975, 1977, 1978, 1984, 1985, 1987.
 Boletín de la Academia Chilena de la Historia (Santiago de Chile). 2002.
 Boletín de las Universidades Populares González Prada (Lima). 1927.
 Boletín Informativo del Centenario de José Carlos Mariátegui (Lima). 1993.
 Bulletin du Bureau Auxiliaire d'Amsterdam de l'Internationale Communiste (Amsterdam). 1920.
 El Comunista (México). 1920.
 El Mundo (La Habana). 1965.
 Cahiers d'histoire de l'Institut Maurice Thorez (Paris). 1974, 1979.
 Cahiers Leon Trotsky (Paris). 1979.
 Claridad (Lima). 1923.
 Críticas de la economía política (México). 1986.
 Cuadernos de Historia, Departamento de Ciencias Históricas, Universidad de Chile (Santiago de Chile). 1998.
 Cuadernos de orientación socialista (Berlin). 1987.
 Cuba Socialista (La Habana). 1966.
 Granma (La Habana). 1970, 1971, 1975, 1976, 1978, 1984, 1991.
 Humanidades. Serie 1. Ciencias Sociales. Centro de información científica y técnica. Universidad de La Habana (La Habana). 1974.
 Daily Worker (Chicago, New York). 1924–1929.
 Documentos Políticos (Bogotá). 1967.
 Juventud rebelde (La Habana). 1972, 1981, 1984.
 Excelsior (México). 1921.
 El Comunista (México). 1920.
 El Financiero (México). 1995.
 El Libertador (México). 1925.

El Machete (México). 1924–1933.
El militante comunista (La Habana). 1985.
El Siglo. Revista Semanal (Santiago de Chile). 1972.
Internationale Presse-Korrespondenz (Berlin). 1927.
Iztapalapa. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades (México). 1998.
Historias (México). 1993.
La Correspondencia Sudamericana (Buenos Aires). 1928, 1929.
La Internacional (Buenos Aires). 1927, 1928.
Lateinamerika. Semesterbericht der Sektion Lateinamerikawissenschaften der Wilhelm-Pieck Universität (Rostock). 1982, 1985.
Labor Defender (New York). 1927.
Liberacion (México). 1957.
Los Comuneros (Asuncion). 1928.
L'Unita (Roma). 1978.
Marxismo militante. Revista teorica del Partido Comunista de Bolivia. 1995.
Memoria. Boletín de CEMOS (México). 1985, 1990, 1995, 1996, 1999.
Nexos (México). 1991.
Novos Rumos (São Paulo). 1986.
Nuestra America. Centro coordinador y difusor de estudios latinoamericanos (México). 1980.
Nueva Era (Buenos Aires). 1972, 1974.
Op. cit. Revista de la Universidad de Puerto Rico (San Juan). 2009–2016.
Oposición (México). 1973, 1977, 1978, 1979, 1981.
Pensamiento crítico (La Habana). 1971.
Quetzal. Magazin für Politik und Kultur in Lateinamerika (Leipzig). 1996.
Revista Andina (Cuzco, Perú). 2002.
Revista Izquierdas (Santiago de Chile). 2001–2016.
Revolución (La Habana). 1963, 1965.
Santiago (Santiago de Cuba). 1993.
Sociedad/Estado (Guadalajara, México). 1989.
Survey. A Journal of Soviet and East European studies (London). 1964, 1965.
The International Newsletter of Historical Studies on Comintern, Communism and Stalinism (Köln). 1996.
The International Newsletter of Communist Studies (Mannheim). 2003.
The Militant. 1931.
Todo es historia (Buenos Aires). 1974.
Universum (Universidad Talca). 2001.
Verde Olivo (La Habana). 1973, 1975, 1977, 1978, 1983.
Viento Sur. 2006.

5. Материалы из Интернета

Агент МИ-6 на конгрессе Коминтерна. BBC. Русская служба. 14 ноября 2001 г. // http://news.bbc.co.uk/hi/Russian/uk/newsid_1655000/1655716.stm

- Материалы дискуссии о «деле Мельи» в Интернете // <http://h-net2msu.edu/~diplo/>
- Троцкий Л. Коминтерн и ГПЧ // <http://magister.msk.ru/library/Trotsky/trotm491.htm>
- Ella Wolfe. Communist turned Reaganite. 1896–2000 // <http://www.nwmc.org.au/history2/biogs/wolfe.htm>
- Eudocio Ravines // [http://www.infoshop.org/wiki/index.php/Eudocio Ravines](http://www.infoshop.org/wiki/index.php/Eudocio_Ravines)
- Iannettone G. La formazione ideologica del giovane Haya e l'influenza de Lenin nell'organizzazione del partito aprista (1917–1926) // <http://www.philosophica.org/it/iannettone.htm>
- José F. Penelón. Obrero y revolucionario // <http://www.argenpress.info/perfil.asp?num=000038>
- Campione D. Los comunistas argentinos bases para la re-construcción de su historia // <http://fisyp.com.ar/DC-ReconstccHistoria.1.1.pdf>
- Campione D. ¿Neutralidad o ruptura? Reforma o revolución? El debate previo a la fundación del Partido Socialista Internacional deliberante // Cuadernos de la Fisyp. № 6 // <http://fisyp.rcc.com.ar/6.Campione.PSIInternacional.pdf>
- Haya de la Torre V.R. El antimperialismo y el APRA. 2-a edición. Santiago de Chile: Ediciones Ercilla. 1934 // <http://antimperialismo.tripod.com/id20.html>
- Haya de la Torre V.R. El aprismo no es comunismo // Repertorio Americano. XXIX, № 14 (23 de abril de 1932). P. 217–219; № 15 (30 de abril de 1932). P. 234–236; № 16 (7 de mayo de 1932). P. 244–246 // <http://www.catedranacional.4t.com/Autores/Haya/arpinoco.htm>
- Estefanía C.M. Los anarquistas cubanos a fines del siglo XIX: los libertarios y la Guerra del 95 // Revista Cuba Nuestra. Suecia. Octubre de 2004 // <http://indymediapr.org/news/2004/10/4914.php>
- García Colin D. Julio Antonio Mella. Un esbozo de biografía política // El Militante (Argentina). 29 de enero de 2005 // <http://argentina.indymedia.org/news/2005/01/261049.php>
- González Prieto A. Bibliohemerografía de Hernán Laborde (1895–1955) // <http://www.memoria.com.mx/156/Gprietoh.htm>
- González Prieto A. Ensayo hemerográfico de Valentín Campa (1895–1955) // <http://www.memoria.com.mx/154/Gonzalez.htm>
- Lizt Arzubide G. Augusto César Sandino y yo // La Jornada, 23 de mayo de 1998 // <http://www.jornada.unam.mx/1998/may98/980523/lizt.html>
- Los grupos socialistas en Colombia. 1924–1939. – <http://www.humanas.unal.edu.co/edu.co/histopol/gruposoc.htm>
- Massón Sena C. Mella y el movimiento obrero mexicano // <http://168.96.200.17/ar/libros/maria/mella.rtf>
- Mergulhão Ruas L.E. Origens e particularidades da revolução cubana // La insignia. 14 de outubro de 2001 // http://www.lainsignia.org/2001/octubre/cul_045.htm

- Pakkasvirta J. Victor Raúl Haya de la Torre en Centroamérica. La primera y última fase del aprismo internacional? // [http://www.ues.edu.sv/congreso/Pakkasvirta 520Politica.pdf](http://www.ues.edu.sv/congreso/Pakkasvirta%20Politica.pdf)
- Poniatowska E. Un adiós para Miguel Ángel Velasco // www.jornada.unam.mx/1999/10/26/cul3.htm
- Scheuzer S. Rez. AEG: Huber, Peter; Jeifets, Lazar; Jeifets Victor. La Internacional Comunista y América Latina, 1919–1943. Diccionario biográfico. Genf. 2004 // [http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de//rezensionen/type](http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/type)
- Soler Martínez R. Los orígenes del trotskismo en Cuba // En Defensa de Marxismo. 1998, num.20 // <http://www.po.org.ar/edm/index2.htm>
- The Case of Leon Trotsky. Report of hearings on the charges made against him in the Moscow Trials // <http://www.marxists.org/archive/trotsky/works/1937/dewey>
- The History of Argentine Trotskyism // <http://www.revolutionary-history.co.uk/backiss/vol2/No2/argtrot.html>
- Vergessen in Argentinien und Deutschland: Hermann und Felix Weil. Pioniere des Getreidehandels und der Wissenschaft // Argentinisches Tageblatt, 29. April 1989 // <http://www.rsw.hd.bw.schule.de/shal/drweil/drweil2.htm>
- Victor Raúl Haya de la Torre: la luz que sigue iluminando al Perú // <http://www.cronicaciva.com.pe/sis/nota.php?id=16512>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР – Архив внешней политики Российской Федерации
АПО – Аргентинское профсоюзное объединение
АПРА – Народно-революционный альянс Америк
АНЭРК – Ассоциация новых революционных кубинских эмигрантов
АФТ – Американская Федерация Труда
ВААИЛ – Всеамериканская антимпериалистическая лига
ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВКТ – Всеобщая Конфедерация трудящихся (Мексика)
ВКТ – Всеобщая конфедерация труда (Италия, Перу)
ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
ВРП – Венесуэльская Революционная партия
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ГПУ – Главное политическое управление
ИБ КИП – Исполнительное бюро Красного Интернационала проф-
союзов
ИК – Исполнительный комитет
ИКС – Интернациональная контрольная комиссия
ИКСИ – Исполнительный Комитет Коммунистического Интернацио-
нала
ИКСИМ – Исполнительный Комитет Коммунистического Интернацио-
нала молодежи
ИМХ и МП – Институт мирового хозяйства и мировой политики
ИСПА – Интернациональная социалистическая партия Аргентины
ИСПР – Испанская социалистическая рабочая партия
КБ – Карибское бюро Коминтерна
КГТ – Коммунистическая группа Гаваны
КИ – Коммунистический Интернационал
КИМ – Коммунистический Интернационал Молодежи
КИП – Красный Интернационал профсоюзов
КЛПР – Коммунистическая Лига Пуэрто-Рико
Коминтерн – III, Коммунистический, Интернационал
КПА – Коммунистическая партия Америки
КПА – Коммунистическая партия Аргентины
КПБ – Коммунистическая партия Бразилии
КПВ – Коммунистическая партия Венесуэлы
КПГ – Коммунистическая партия Гватемалы
КПИ – Коммунистическая партия Испании

КПК – Коммунистическая партия Колумбии
КПК – Коммунистическая партия Кубы
КПМ – Коммунистическая партия Мексики
КПП – Коммунистическая партия Парагвая
КПП – Коммунистическая партия Перу
КПРА – Коммунистическая партия Региона Аргентины
КПС – Коммунистическая партия Сальвадора
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КП США – Коммунистическая партия США
КПУ – Коммунистическая партия Уругвая
КПФ – Коммунистическая партия Франции
КПЦА – Коммунистическая партия Центральной Америки
КПЧ – Коммунистическая партия Чили
КПЭ – Коммунистическая партия Эквадора
КРГ – Континентальная Революционная группа
Крестинтерн – Международный Крестьянский Совет
КРОМ – Мексиканская Региональная Рабочая конфедерация
КРПА – Коммунистическая рабочая партия Америки
КРПА («Chispa») – Коммунистическая рабочая партия Аргентины
КСК – Коммунистическая секция Кубы
КУНМЗ – Коммунистический университет национальных меньшинств
Занада
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока
ЛАБ – Латиноамериканское бюро III Интернационала
ЛАПК – Латиноамериканская профсоюзная конфедерация
МАИ – Международный аграрный институт
Межрабпом – Международная рабочая помощь
МКП – Мексиканская Коммунистическая партия
МЛШ – Международная Ленинская школа
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
МСП – Мексиканская Социалистическая партия
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВД РСФСР – Народный комиссариат по иностранным делам
НКЛ – Национальная крестьянская лига Мексики
НРК – Национальная Рабочая Конфедерация Колумбии
НС – Националистический союз, партия
НСДПГ – Независимая социал-демократическая партия Германии
НСР – Народно-социалистическая партия Кубы
НУ – Народный университет «Хосе Марти»
ОМС – Отдел международной связи ИККИ
Оргбюро ИККИ – Организационное бюро ИККИ
Орготдел ИККИ – Организационный отдел ИККИ
ПААИЛ – Панамериканская Антиимпериалистическая Лига
ПАБ – Панамериканское бюро III Интернационала (Американское
агентство)

ПАФТ – Панамериканская Федерация труда
ПКП – Парагвайская коммунистическая партия
ПКП – Перуанская коммунистическая партия
Политбюро – Политическое бюро
Политкомиссия – Политическая комиссия
Политсекретариат ИККИ – Политический секретариат ИККИ
ПОУМ – Рабочая партия марксистского объединения (Испания)
Профинтерн – Красный Интернационал профсоюзов
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РКГ – Русская Коммунистическая группа (Аргентина)
Р(К)ПА – Рабочая (коммунистическая) партия Америки
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РПА – Рабочая партия Америки
РСДРП(б) – Российская социал-демократическая партия (большевиков)
РСПМ – Рабочая Социалистическая партия Мексики
РСРС – Российский союз рабочих-социалистов (Аргентина)
РФГ – Рабочая Федерация Гаваны
РФЧ – Рабочая Федерация Чили
СГТ – Социалистическая группа Гаваны
Совнарком РСФСР – Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
СПА – Социалистическая партия Аргентины
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СПМ – Социалистическая партия Мексики
СПП – Социалистическая партия Перу
СПЭ – Социалистическая партия Эквадора
СПЮ – Социалистическая партия Юкатана
СПЮВ – Социалистическая партия Юго-Востока Мексики
СРО – Социалистическое рабочее объединение (Гватемала)
СРП – Социалистическая рабочая партия Чили
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СРПК – Социалистическая Революционная партия Колумбии
США – Соединенные Штаты Америки
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
ТОС – Тихоокеанский секретариат Профинтерна
УВКТ Франции – Унитарная всеобщая конфедерация труда Франции
УПКМ – Унитарная профсоюзная конфедерация Мексики
ФКМ – Федерация коммунистической молодежи
ФКМА – Федерация коммунистической молодежи Аргентины
ФКМИ – Федерация коммунистической молодежи Испании
ФКММ – Федерация коммунистической молодежи Мексики
ФОРА-V – Региональная рабочая федерация Аргентины V съезда
ФОРА-X – Региональная рабочая федерация Аргентины X съезда

ФОРА-К Региональная рабочая федерация Аргентины (коммунистическая)

ФРРОЮА – Федерация российских рабочих организаций Южной Америки (другое название: Русская рабочая федерация Южной Америки, РРФЮА)

ФУС – Федерация университетских студентов Кубы

ЦАС – Центральноамериканский секретариат

ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦПА ИМЛ – Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ЦС КИП – Центральный Совет Красного Интернационала профсоюзов

ЭСП – Эквадорская Социалистическая партия

ЮАБКИ – Южноамериканское бюро Коминтерна

ЮАСКИ – Южноамериканский секретариат Коминтерна

ЮАС КИМ – Южноамериканский секретариат Коммунистического Интернационала молодежи

AGN – Государственный архив Мексики

CEMOS – Центр исследований рабочего и социалистического движения Мексики

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аболин А.
Абрамов-Миров
Абрамович
Авила А.
Авила Мартинес Э.
Агилар Л.
Агилар – см. Чнашапэтра Хиль-берто
Агню Д.
Адаме
Адзарио Исидоро
Адибеков Г.М.
Айора
Айя де ла Торре Виктор Рауль
Айя де ла Торре Франсиско – см. Айя де ла Торре Виктор Рауль
Акимов – см. Бонилья Бруно
Акоста Фернандес, Белла Роса
Александр Р.
Александр – см. Лозовский А.(С.)
Александреску – см. Бородин М.М.
Александрова-Иткина А.М.
Александровский Михаил – см. Комин-Александровский М.А.
Александра – см. Грандио Леаль Кармен
Аллен Генри – см. Коэн Макс
Аллен Хосе
Алессандро
Алонсо
Альба В.
Альберт – см. Геллер Л.
Альбрехт – см. Абрамович
Альваро Хосе – см. Габатти
Альдерегна Г.
Альенде С.
Алькарас А.
Альманса
Альфарио Э.
Ангiano Д.
Андерсон К.М.
Андерсон П.
Андреев А.С.
Ансельми – см. Адзарио И.
Антон – см. Майер (Мейер)
Антонио – см. Кантор Б.
Апonte К.
Арайя Фермин – см. Ириарте Иса-нас.
Аранда
Арапос Педро – см. Бадильо Эвелино
Араухо
Арангурен А.
Аревало Седеньо Э.
Аренас – см. Бракамонте Х.
Арисменди Р.
Арманд И.
Арнодо Альварес Х.
Арниола Воог Э.
Арсе Н.
Арсе Х.А.
Балабаиова А.
Балиньо К.
Бальбин Р.
Бальбини Акоста Э.
Бандерас – см. Пестковский Ста-нислав
Барбе А.
Баркер Т.
Барнет А.
Баррейро Алехандро
Барриос Э.
Баррон В.А.
Баррьентос Х.Л.
Барсело
Барте О.
Басбаум Л.
Бах Фриц
Базс М.

Базс Серхио
 Базса Флорес А.
 Беатус Люсио – см. Вайль Феликс
 Безсмертный М.
 Бельтран П.
 Бенарио Ольга
 Беннет – см. Петровский Д.
 Березин Григорий (Гирш)
 Берналь (Берналь) дель Риэго А.
 Бернар А.
 Бессмертная Аврора
 Бишу Ф.
 Билс К.
 Бионди А.
 Биттельман А.
 Благоева Стелла
 Блекуэлл (Блексвел) Рассел
 Блудин В.
 Боливар Симон
 Бондарева Ида
 Бонилья Бруно
 Бора
 Боржес де Соуза Эресинья
 Боровский
 Бородин М.М.
 Боскана Торрес Д.
 Боссио Б.
 Боурк А. де
 Бракамонте Х.
 Брандао О.
 Брандлер
 Браудер Э.
 Брилев С.Б.
 Брито П.
 Бройдо Г.
 Броувер Х.А.
 Брум Бланка Лус
 Бруно Фелисио
 Брустер М.
 Бруз П.
 Бук А. де
 Бульехос
 Бурков В.Г.
 Бухарин Н.И.
 Вайль Феликс
 Вайнер Ф.Г.

Вайнкоп Д.
 Вайнстоун
 Валадес Х.
 Валенсия Э.
 Валенсуэла
 Валецкий Х.
 Вальдес Х.
 Ванцетти Б.
 Варгас – см. Контрерас М.
 Варгас Вила М.
 Васильев Б.
 Васкес Эгисабаль М.А
 Васконселос Хосе
 Ватлин А.
 Вега
 Веласко М.А.
 Вердара Вирхилино
 Виво д'Эското Хорхе Абилио
 Видали В.
 Видаль – см. Эльгер (Элгер) Со-
 ломон
 Видас
 Визгунова Ю.И.
 Вильсон В.
 Вильягран Л.
 Вильямс – см. Михайлов Б.Д.
 Вильярдо Х.
 Виняр (Виннер) Абрам
 Витвер
 Витторио Дж. ди
 Витторф
 Владимиров В.Х.
 Волков
 Волковский С.
 Вольский А. – см. Пестковский
 Станислав
 Вольф Бертрам Д.
 Вонг Х.
 Воог Эдгар
 Габальдон Х.
 Габатти – см. Альваро Хосе
 Гавриков Ю.П.
 Гайон – см. Хункейро
 Гальегос Мансера Э.
 Гальван У.
 Ганелин Р.Ш.

Гаона Ф.
 Гарланди – см. Гриеко Р.
 Гарри – см. Михайлов Б.Д.
 Гарри Раум – см. Михайлов Б.Д.
 Гарсиа М.
 Гарсия П. – см. Аллен Хосе
 Гарсия Кортес М.
 Гарсия Монтез Х.
 Гарсия Тревиньо Р.
 Гаска С.
 Гевара Эрнесто Че
 Гей К.
 Герра Армандо – см. Эчевере И.
 Гибарти Л.
 Гильен – см. Эрнандес Родригес
 Гильермо
 Гиольди О.
 Гиольди Р.
 Гитерас А.
 Гитлоу Б.
 Гитор Эд – см. Гиольди О.
 Глаубауф Фриц
 Глейзер Женни
 Гольденберг Б.
 Гомес Мануэль – см. Филлипс
 Чарльз
 Гомес Хуан Висенте
 Гомес Хулио – см. Розовский Ю.И.
 Гомес Эухенио
 Гомперс С.
 Гонсалес Валентин
 Гонсалес Дельфин
 Гонсалес С.
 Гонсалес Т.
 Гонсалес Альберди П.
 Гонсалес Прада М.
 Гончаров В.М.
 Горская Г.В.
 Горкин М.
 Гортер Г.
 Грамши А.
 Грау Сан-Мартин Р.
 Греко Рафаэль
 Греко Х.
 Григулевич И.Р.
 Гримберг

Гришин – см. Березин Григорий
 (Гирш)
 Гришина Р.П.
 Гробарт Ф.
 Грольман М.
 Губинелли
 Гутенхейм Г.
 Гуральский А.
 Гурвиц Х.
 Гур-ий А. – см. Гуральский А.
 Гусев С.
 Гусман Р.
 Гутьеррес Л.
 Гутьеррес Х.
 Гэйл Л.
 Гюптиер

Давыдов В.М.
 Давыдова М.С.
 Даллес Дж. У.Ф.
 Данилевич М.В.
 Дас
 Дашевский Г.
 Дебре Режи
 Делобель А.М.
 Дельгадо Чальбо Р.
 Денгель Ф.
 Дженнари Э.
 Джерманетто Дж.
 Джилас М.
 Джонс Д.А.
 Джонсон – см. Янсон Карл
 Джонстон Дж.
 Джордж Гаррисон
 Диас
 Диас Л.
 Дильон Л.Н.
 Диас Рампрес М.
 Дирба – см. Добин Ч.
 Добин Ч.
 Донован Д.
 Доносо Б.
 Доносо М.
 Донский Г. – см. Дашевский Г.
 Дорио Ж.
 Драшкович М.
 Дрейнер Т.

Дрелихман М.Б.
Дубровский
Духовие К.
Дэнн У.
Дюверже М.
Дюмоль – см. Москосо Хосе
Дюфор М. – см. Хаскин М.С.
Дядя – см. Лозовский А.(С.)
Дядя Александр – см. Лозовский А.
(С.)

Зак Дж. – см. Корифедер Д.
Зеликман М.Я.
Зиновьев Г.Е.
Зорина А.М.

Егоров Ю.В.
Ермолаев В.И.

Ибаньес
Ибаррола Лукас Эвангелиста
Иван Грозный
Ивановский З.В.
Иглесиас С.
Измозик В.С.
Идальго М.
Имас Карлос
Инееса – см. Тульчинская Н.Я.
Инхеньерос Х.
Иоффе А.А.
Ишимото К.

Кабальеро М.
Кабрера Л.
Кабрера О.
Каджано Х.
Казаков В.П.
Кайфман Елена
Каликс Эррера М.
Калинин М.И.
Калмыков Н.П.
Кальдерно Рубен
Кальер Серхио
Кальес П.Э.
Камареро Э.
Каменев
Кампа В.

Кампеснио Эль – см. Гонсалес
Валентин
Кампионе Д.
Кампос У.
Канале Д.
Канеллас А.Б.
Кано М.
Кано Н.
Кантор Антонио
Карахан Л.М.
Карбо С.
Карденас Х.
Карлова Л.К.
Кармона
Каролис Х.Ф.
Карр Б.
Карранса В.
Каррера Андраде Х.
Каррильо Рафаэль
Каррильо Пуэрто Фелипе
Касанельяс Р.
Касерес – см. Фортуль Кармен
Касерес Д.
Касс – см. Корифедер Дж.
Кассини
Кастинейрас А.
Кастрильон А.
Кастро М.
Кастро Ф.
Кеведо Альфредо
Кей Санчес Фернандо
Кен О.Н.
Кинтеро Р.
Кирсанова
Кихано К.
Клиссольд С.
Кобецкий М.
Коваль Б.И.
Коган
Кодовилья В.
Кодовилья Итала
Коларов В.
Кордейро Коутиньо Кристиано
Кордоба
Коробицын А.
Костюк Р.В.
Козн М.

Коломан С.
 Коллонтай А.
 Комин-Александровский М.А.
 Комор И.
 Коновалова Н.С.
 Контрерас – см. Видали В.
 Контрерас М.
 Контрерас Лабарка Карлос
 Кончейро Э.
 Кораль-Ясельман Х.
 Корбье Э.
 Кори Э.
 Корионов В.Г.
 Королев Ю.Н.
 Корреа Х.
 Кортес – см. Салинас Мартинес
 Акилино
 Кортес Р.Х.
 Кортина Г. – см. Вальдес Х.
 Коспоментальдо
 Коста
 Коулмэн Дж.
 Коутиньо Р.
 Козн А.
 Козн С.
 Красин Л.
 Кравченко Дарья
 Кравченко Евдокия
 Крейдт Оскар
 Креспо О.
 Креспо Тораль Х.
 Кривицкий В.
 Кривогуз И.М.
 Куберо Ниньо Л.
 Кубышкин А.И.
 Кулидж
 Кураев В.В.
 Курелла А.
 Кутейщикова В.Н.
 Куусинен О.
 Куэльяр

 Лаборде Эрнан
 Лабриола
 Лавров Н.М.
 Лаго Моларес Х.

Лаго Жозе (Гонсалес) – см. Лаго
 Моларес Х.
 Лазич Б.
 Ламонедра Р.
 Лапин – см. Базе Серхио
 Ларин Е.А.
 Ларреа Л. де
 Ласерда П.
 Лаферте Э.
 Лафоллет
 Левенсон Ракель
 Легия А.
 Лейбзон Б.М.
 Лейбнер Х.
 Ледо, Америко – см. Перейра А.
 Ленин В.И.
 Ленц
 Леон – см. Хайкас Л.Я.
 Леон Карлос де
 Леон Флорес Х.
 Леонов Н.С.
 Лесов – см. Магальяес Руссильдо
 Листа Э.
 Листер Энрике
 Листов В.
 Литвинов М.М.
 Ловстон Дж.
 Лозере А.
 Лозовский А.(С.)
 Локателли А.
 Ломинадзе В.
 Лонго Л.
 Лопес – см. Террерос Лопес Нико-
 лас
 Лопес А.
 Лопес П.
 Лопес Х.
 Лопес Х. – см. Баррейро Алехандро
 Лопес Контрерас
 Лора Г.
 Лоре Г.
 Лоренц – см. Щукин С.Е.
 Лорис – см. Имас Карлос
 Лосада С.
 Лосс П.
 Лошин – см. Раскольников Ф.Ф.
 Луис – см. Эмбер-Дро Жюль

Луис – см. Минев С.
Луис – см. Кодовилья В.
Луна Ф.
Луна Вегас Р.
Луначарский А.В.
Лунин – см. Силва Карлос Аугусто
да
Лусардо О.
Льорка Х.

Магальяес Руссильдо
Маджи – см. Дженнари Э.
Мадьяр Л.
Майданик К.Л.
Маллен Р.
Мальвестити П.
Майорский Н.Н.
Макдермотт К.
Маланка Х.
Мальвестити П.
Мальо (Маллио) Лопес И.
Мансанья А.
Мануильский Д.З.
Марнатети Хосе Карлос
Маринг Г.
Маркес Фуэнтес М.
Марков И.Г.
Маркс К.
Мармоль М.
Марони Б.
Мароф Тристан
Мартенс Л.
Мартин Аугусто Фарабундо
Мартин Х.
Мартинес Рикардо
Мартинес С.
Мартинес Вердуго А.
Мартинес Вильена Р.
Мартинес де ла Торре Р.
Мартынов Б.Ф.
Маруэнда А.
Марэн Р.
Масео А.
Масиэль Бонфим А.
Маслов А.
Массон Сена К.
Маталяна Э.

Машевич М.С.
Мачадо Густаво
Мачадо Херардо
Мачадо Эдуардо
Маэча Р.Э.
Медина Л. – см. Кодовилья В.
Медина М.
Мейер
Мейрелес Сило Фуртадо де
Мейстер О.Н.
Мейя А. – см. Мелья Хулио Анто-
нио
Мельгар М.
Мельгар Бао Р.
Мельхер Д.
Мелья Хулио Антонио
Мена Брито Б.
Мендес П.
Мендес Пеньяте
Мендисабаль М.
Мендизта (Мендиета) К.
Мендоса
Мендоса А.
Мерино Грасия Р.
Меркадо Г.
Мехия Диего
Мешкат К.
Мешковская Ольга Алексеевна
Мешкоп П.
Мибебли С.
Мизнано Ф.
Милано Х.
Минев С.
Мирошевский В.М.
Миш П.
Михайлов Б.Д.
Михайлов Л.
Михайлова Н.А.
Мишель – см. Пятницкий О.
Модесто Хуан
Молотов В.М.
Монмуссо Г.
Монсон Л.
Монтемайор Х.
Моралес Э.
Моретти Флориндо А.
Морис – см. Хаскин М.

Моронес Л.
Москосо Хосе
Мотес Ю.
Муньос
Муньос – см. Доносо Бернардино
Муньос Марин Л.
Муссоллини
Мухика Ф.Х.
Мюллер Г.
Мюллер Э.
Мюнценберг В.

Наварро
Наташа Михайловна – см. Михайлова Н.А.
Нафт С.
Неварес Сагер Хайме (Джеймс) – см. Хартфилд Дж.
Негри Р. де
Неймет М. де
Некете А. де
Немерисский
Николау Гонсалес Рамон
Нин А.
Нострадамус
Нуньес Аренас М.
Ньетас Х.
Ньюди Эннио

Обрегон А.
Окунева Л.С.
Олайя Эррера
Ольга – см. Акоста Фернандес
Белла Роса
Ольмедов – см. Соларо Умберто
Онофрио А.
Орасно – см. Фьерро Луис Альберто
Ордоки Хосе
Орестес – см. Ньюди Эннио
Ориоло К.
Ориоло Х.
Орсабаль Кинтана А.
Ортис Р.
Освальд – см. Грольман М.

Павлетич Э.
Паккасвирта Ю.

Паласиос А.
Пальма де
Паннекук А.
Парадизова Р.И.
Паредес Р.
Пас Л.
Пас Х. – см. Эчевере И.
Пастор Р.
Педро – см. Грольман М.
Педроза М.
Пейро Э.(О.)
Пелаэс Г.(Х.)
Пельисер Карлос
Пенелон Хосе Ф.
Пеничет А.
Пеппер Дж. – см. Погани Й.
Перальта – см. Мачадо Э.
Первухин Е.
Перейра А.
Перес – см. Герреро Хавьер
Перес Х.М.
Перес Лейрос
Перес Эскудеро Ф.
Перон Х.Д.
Пестанья
Пестковский С.С.
Петров Ф. – см. Раскольников Ф.Ф.
Петровский Д.
Пеше У.
Пий XI
Пимента Ж.
Пиночет
Пинтос Ф.
Пласа Сальвадор де ла
Племянник – см. Хаскин М.С.
Погани Йожкеф
Погосов Ю.
Покатерра Х.Р.
Пономарев Б.Н.
Поппино Р.
Портокарреро Хулио
Прадо М.
Прадо Х. дель
Престес Клотильда
Престес Л.К.
Прието (Прието) М.
Пунгтрос Р.

Пуя Ф.
Пьемонте В.А.
Пьер – см. Рабинович З.М.
Пятигорский Леон
Пятницкий О.

Рабате (Рабатэ) О.
Рабинович А.
Рабинович З.М.
Равани
Равенштайн В. ван
Равера К.
Равинес Э.
Радовицкий С.
Раймон – см. Михайлов Б.Д.
Раймонд Гарри – см. Михайлов Б.Д.
Раймондо – см. Портокарреро
Хулио
Раймунд – см. Михайлов Б.Д.
Раймундо П. – см. Портокарреро
Хулио
Раковский Х.
Ракоши М.
Рамирес – см. Диас Рамирес М.
Рамирес Ф.
Рамирес Х. – см. Филлипс Чарльз
Рамирес Х. – см. Розовский Ю.И.
Рамирес Некоча Э.
Рамос С.
Рамос Х.А.
Рамос Педруэса Р.
Раскольников Ф.Ф.
Раум, Гарри – см. Михайлов Б.Д.
Регато Т.
Рего Х.
Резник А.
Рей Меродио Ф.
Рейес
Рейносо Хайме И.
Рейсслер
Рекабаррен Л.Э.
Рекоба В.
Риаско Хулио – см. Урибе Маркес
Томас
Ривера Д.
Ривера П. де
Рид Дж.

Рикарди Л.
Риос Хусто – см. Николау Гонсалес
Рамон
Роблес
Родригес – см. Мехия Диего
Родригес Анита – см. Глейзер
Женни
Родригес Ф.
Родригес Х.Г.
Родригес Араухо О.
Родригес Гонсалес С.
Родригес Серилья (Серильо)
Розенталь С.М.
Розовский Ю.И. (Гомес Хулио;
Рамирес Х.).
Рой Б.
Рой М.Н.
Рока Блас
Рокфеллер
Роланд-Гольст Г.
Ромо П.
Ромеро Хуан де Диос
Роса Диогенес де ла
Росас Р.
Росси – см. Дженнари Э.
Россо – см. Таска А.
Рубио Х.
Рувинский В.
Рудницкий Л.
Руднянский
Рудольф – см. Нин А.
Руис – см. Каджизано Х.
Руис А.
Руис Кортес А.Р.
Рустико – см. Гуральский Август
Рутгерс С.Ю.
Рутенберг Ч.

Сабато Э.
Саборит А.
Савицкий С.
Санис Р. – см. Сотомайор А.
Сако – см. Пеше Уго
Сакко Н.
Сала Л.
Саласар Р.
Салинас М.

Салинас Мартинес Акилино
 Сальгадо Густаво
 Сальдивар Олива
 Самора – см. Портокарреро Х.
 Сан-Висенте С.
 Сандино А.С.
 Саноха Эрнандес Х.
 Сантибанийес А.
 Сантини
 Сантос Савала Х.
 Сантьяго – см. Кей Санчес Фернандо
 Санчес Л.А.
 Санчес Виамонте К.
 Санчес Сорондо М.
 Сапата Э.
 Себейро А.
 Севин С.И.
 Селис Р.
 Селор
 Семёнов С.И.
 Семисса
 Сеоане М.
 Сепеда П.Х. де
 Сепульведа Леаль
 Сервантес Лопес Ф.
 Сервиат П.
 Серра – см. Таска А.
 Серра Р.
 Сикейра Кампос
 Сикейрос Д.А.
 Силва К.А. да
 Сильва – см. Феррейра Лима Эйтор
 Сильва Л.
 Сильва Маркес Х.А.
 Сильвейра К.
 Симэн Фрэнк – см. Филлипс Чарльз
 Симоне М.
 Симхович А. – см. Гробарт Ф.
 Синани Г. – см. Скалов Г.Б.
 Сиснерос Л.
 Скалов Г.Б.
 Скрытник
 Смедли А.
 Смолина М.Н.
 Сокольский С.О. – см. Савицкий С.

Соларо Умберто
 Соль Уго – см. Мансанилья А.
 Сомми Л.В.
 Сорель
 Соркин Г.З.
 Сорменти Э. – см. Видали В.
 Соррилья Э.
 Сото Л.
 Сотомайор А.
 Соуса Ж.М. де
 Спенсер Д.
 Сталин И.В.
 Стасова Е.
 Степанов – см. Минев С.
 Суарес – см. Сикейрос Д.А.
 Суарес Давила А.
 Суньига Сиснерос М.

Тавора Ж.
 Тагуэнья Лакорте Мануэль
 Тайбо П. П.И.
 Тальгеймер
 Таниер – см. Филлипс Чарльз
 Тания П.
 Таска А.
 Тельман Э.
 Теран Э.
 Террерос Лопес Николас
 Течинский А.
 Тольятти П.
 Торрес
 Торрес – см. Сомми Л.В.
 Торрес Елена
 Торрес Хиральдо И.
 Торрьенте Л. де ла
 Тоссторф Р.
 Травин С. – см. Гусев С.
 Тревиньо Р.
 Трент-Рой Э.
 Трилья
 Троцкий Л.Д.
 Трэн А.
 Тульчинская Н.Я.
 Туточкин Ю.Т.

Угарте М.
 Ульянова О.

Уэрта А. де ла
Урибе Маркес Томас
Урибуру Хосе Феликс
Урмачеа Л.
Уэйнрайт Х.П.

Фадеев – см. Мелья Хулио Антонио
Фариа Х.
Фассани
Фелисио Б.
Ферлини Х.
Фернандес Абреу Х.
Фернандес Анайя Х.
Фернандес Санчес Л.
Ферра А.
Феррейра Лима Эйтор
Ферреро – см. Майорский Н.Н.
Филлипс Чарльз
Фирсов Ф.И.
Фишер Р.
Флорес Кабрера
Флорес Магон Энрике
Фокин В.И.
Фостер У.З.
Фортуль Аурелиано
Фортуль Кармен
Фортуль Мариано
Фортус М.А.
Фрайна Л.
Фрахтенберг Д.
Фрумкина, М.Я.
Фуэнимайор Х.Б.
Фьерро Лунс Альберто

Хаберман Р.
Хадзинский Т.
Хазан Х.А.
Хайкис Л.Я.
Хантингтон С.
Харпер Ю.
Хартфилд Дж.
Хаскин М.С.
Хацки К.
Хеймо М.
Хейфец В.Л.
Хейфец Л.С.
Херман Д.

Хитаров Р.
Хоукис И.
Хрбаты Ф.
Хуарес – см. Кеведо А.
Хубер П.
Хункейро
Хунко С.
Хурадо А.

Цеткин К.
Цирольд П.

Чавес Уго
Чакон Х.
Чекини Л.
Черчилль У.С.
Чнаппаньетра Хильберто
Чилкот Р.
Чинг Э.
Чичерин Г.
Чудиновский Г.
Чумакова М.Л.

Шаварош Ж. – см. Минев С.
Шахназарова Э.Н.
Шенкман
Шепелев В.Н.
Шимкус
Шириня К.К.
Шмидт
Шмит К.
Штирнер А. – см. Боог Эдгар
Шульговский А.Ф.

Щелчков А.А.
Щечилина В.Н.
Щукин С.Е.

Эмбер-Дро Жюль
Эварт А.
Эгигурен Л.
Эгисабаль Р.
Эльгер (Элгер) Соломон
Эмерсон – см. Боржес де Соуза
Эреснья
Энгда Л.
Энзина Д.

Эсинас
Эркле О.
Эрколи – см. Тольятти П.
Эриандес А.
Эриандес – см. Эссебой Херман-
сец Э.
Эриандес Родригес Гильермо
Эстебан – см. Николау Гонсалес
Рамон
Эчевере Иполито
Эчевес Элисео
Эриандес Э.А.

Юнгер А. – см. Гробарт Ф.
Юрдзик
Юренев К.К.

Явки – см. Катаяма С.
Якобсон Г.М.
Якунина Е.
Ямпольский Д.
Янсон К.
Янчук И.И.
Ярошевский М.
Ясельман С.

Научное издание

Хейфец Виктор Лазаревич
Хейфец Лазарь Соломонович

**Коминтерн и Латинская Америка:
люди, структуры, решения**

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 0.0.2018.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 47,5.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)